

БИБЛІОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
С·А·ВЕНГЕРОВА
ШЕКСПИРЪ
Т. IV.
Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.
ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1904.

Заглавная виньетка къ «Периклу», извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта (Sir Iohn Gilbert, род. 1817).

ГРЕЧЕСКІЙ ЮНОША.
Античная статуя.

ПЕРИКЛЪ.

I.

Мы знаемъ и любимъ Шекспира, главнымъ образомъ, какъ творца „Гамлета“ и „Лира“—его „Периклъ“ мало кому извѣстенъ. Напротивъ, его современники видѣли въ немъ главнымъ образомъ автора „Перикла“. Еще при его жизни эта пьеса была предметомъ величайшаго восторга (a much admired play), а въ одной, впрочемъ, неважной поэмѣ, появившейся ровно черезъ тридцать лѣтъ послѣ его смерти, авторъ характеризуетъ поэта въ слѣдующихъ словахъ: „Съ Софокломъ мы можемъ сравнить великаго Шекспира; никогда не было у Аристофана такого полета фантазіи, какъ у него; доказываетъ это его „Периклъ, принцъ Тирскій“.

Если спросить о причинѣ этого столь страннаго и поучительнаго явленія, этого столь рѣшительнаго вердикта современниковъ, кассированнаго потомствомъ, то отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ: „Периклъ“ плѣнилъ своихъ зрителей не оригинальностью и тщательностью характеристикъ, не тонкостью психологическаго анализа, не потрясающимъ трагизмомъ положеній, а только интересомъ своей фабулы. Но именно фабула и не была собственностью Шекспира; она заимствована имъ, хотя и косвенно, изъ любопытной книжки, возникшей еще въ античную эпоху и съ тѣхъ поръ непрерывно, въ теченіе четырнадцати вѣковъ, составлявшей любимое развлеченіе читающей публики Европы. Эта книжка—безъименная „*Исторія Аполлонія царя Тирскаго*“. Съ этого первоисточника шекспировской драмы мы и должны начать.

II.

Вотъ, прежде всего, его содержаніе.

Жилъ нѣкогда Антіохъ, царь Антіохіи

получившей отъ него свое имя, отецъ единственной дочери, первой въ мірѣ красавицы. Воспылавъ преступной страстью къ ней и добившись, хотя и путемъ насилія, своей цѣли, онъ рѣшилъ придумать благовидный предлогъ, чтобы не выдавать ея замужъ; для этого онъ велѣлъ объявить, что всякій женихъ его дочери долженъ рѣшить предложенную имъ загадку, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, поплатиться жизнью. Много князей и вельможъ погибло такимъ образомъ; наконецъ, изъ Тира явился знатный юноша Аполлоній свататься за царевну. Антіохъ предложилъ ему загадку про свой собственный грѣхъ; Аполлоній ее разгадалъ, но царь не согласился съ его рѣшеніемъ и далъ ему тридцать дней для приготовленія къ новой попыткѣ. Юноша, однако, у котораго охота стать царскимъ зятемъ послѣ такого открытія пропала, до истеченія 30 дней бѣжалъ въ Тиръ, а оттуда—предвидя, что разгнѣванный царь не проститъ ему его прозорливости—на кораблѣ, нагруженномъ хлѣбомъ, въ открытое море. Его опасенія оказались справедливыми. Антіохъ поручилъ вѣрному служителю, Таліарху, извести Аполлонія; но когда Таліархъ явился въ Тиръ, Аполлонія тамъ уже не было. Пришлось Антіоху удовольствоваться назначеніемъ высокой награды тому, кто принесетъ голову Аполлонія.

Тѣмъ временемъ Аполлоній пріѣхалъ въ Тарсъ; здѣсь онъ встрѣтилъ своего гостепріимца (hospes), тарсскаго гражданина Странгвилліона (Stranguillio, латинское искаженіе греческаго имени Strongylion), который ему разсказывалъ про царящій въ городѣ голодъ. Аполлоній дешево продалъ гражданамъ свой запасъ и вырученную сумму употребилъ на нужды города, за что граждане поставили ему статую на площади; но такъ какъ Тарсъ находился слишкомъ близко къ царству Антіоха, то Аполлоній счелъ за лучшее оставить его и отправиться въ киренское Пятиградіе (Pentapolis, т. е. союзъ пяти городовъ на Малой Сиртѣ, главнымъ изъ которыхъ была Кирена; позднѣйшіе писатели, включая Шекспира, приняли слово Pentapolis за имя собственное города).

На пути въ Кирену, въ извѣстной своими опасностями Малой Сиртѣ, Аполлонія настигла буря; корабль погибъ, его одного волны вынесли на берегъ. Рыбакъ радушно его принялъ, далъ ему половину своего плаща и отправилъ въ Кирену. Тамъ какъ разъ, по желанію царя Архестрата, происходило состязаніе въ игрѣ въ мячъ. Аполлоній всѣхъ побѣдилъ, былъ приглашенъ къ царской трапезѣ и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сталъ зятемъ киренскаго царя. Немного спустя Антіохъ съ дочерью были убиты молніей, и антіохійскіе граждане избрали царемъ Аполлонія; пришлось послѣднему опять пуститься въ плаваніе, этотъ разъ съ молодой, беременной женой. Еще во время плаванія царица родила дочь и вслѣдъ за тѣмъ впала въ летаргическое состояніе; такъ какъ суевѣрные матросы не терпѣли присутствія мертвой на кораблѣ, то Аполлоній уложилъ мнимую покойницу въ ящикъ, вмѣстѣ съ грамотой и грудой золота, и опустилъ его въ море. Но мысль о царской власти ему опротивѣла; желая облегчить свое горе странствованіями, онъ заѣхалъ въ Тарсъ, передалъ новорожденную съ ея кормилицей и богатымъ приданымъ своимъ гостепріимцамъ Странгвилліону и его женѣ Діонисіадѣ и просилъ ихъ воспитать ее, какъ свое родное дитя и назвать, по имени города Тарса, Тарсіей; послѣ этого онъ отправился странствовать.

Между тѣмъ ящикъ съ тѣломъ жены Аполлонія пригнало къ Эфесу, гдѣ его нашелъ старый врачъ, Херемонъ. Грамота гласила, чтобы тотъ, кто найдетъ ящикъ, половину золота употребилъ-бы на похороны, а другую оставилъ-бы себѣ, и Херемонъ со своимъ ученикомъ уже собирался сжечь найденную на кострѣ, какъ вдругъ ученикъ замѣтилъ въ ней слѣды жизни. Вскорѣ удалось привести ее въ сознаніе; воскресшая царица пожелала быть принятой въ число жрицъ знаменитой эфесской Діаны, что и было ей разрѣшено.

Прошло съ того времени много лѣтъ. Терсія стала прекрасной и искусной во всѣхъ женскихъ работахъ дѣвой; ея кормилица состарилась; видя, что смерть приближается, она открыла царевнѣ тайну ея происхожденія; вскорѣ затѣмъ она умерла. Діонисіада не любила Тарсію, которая во всемъ затмевала ея родную дочь; послѣ смерти кормилицы она рѣшила избавиться отъ нея и приказала своему рабу убить ее, воспользовавшись для этого одной изъ ея прогулокъ на морской берегъ къ могилѣ кормилицы. Рабу, однако, не удалось исполнить своего намѣренія: пираты на него напали, отняли у него Тарсію и увезли ее на островъ Лесбосъ, въ городъ Митилену, чтобы продать ее тамъ, какъ рабу. Купить ее пожелали двое, вельможа Аѳинагоръ и

сводникъ; досталась она послѣднему. Настало для Тарсіи тяжелое время; но все же ей удалось тронуть приходившихъ къ ея хозяину гостей—первымъ былъ Аѳинагоръ— и упросить ихъ пощадить ея невинность. Послѣднимъ былъ тронутъ ея хозяинъ; онъ разрѣшилъ Тарсіи зарабатывать деньги пѣснями и музыкой.

Около этого времени Аполлоній заѣхалъ въ Тарсъ, чтобы узнать о судьбѣ дочери. Діонисіада, считавшая Тарсію убитой и воздвигшая ей даже памятникъ, призналась мужу въ своемъ преступленіи; оба рѣшили сказать Аполлонію, что его дочь умерла. Убитый горемъ Аполлоній приказалъ запереть себя въ самомъ темномъ уголку корабля и пустить послѣдній по вѣтру, надѣясь, что смерть избавитъ его отъ опротивѣвшей жизни. Корабль занесло въ Митилену, гдѣ его замѣтилъ Аѳинагоръ; узнавъ о тяжелой душевной болѣзни хозяина, онъ былъ пораженъ совпаденіемъ его имени съ именемъ отца Тарсіи и велѣлъ послать за ней, чтобы она своими пѣснями его развеселила. Долго это ей не удавалось; наконецъ, въ своемъ отчаяніи она спѣла ему пѣсню про себя и свои страданія. Такимъ образомъ Аполлоній узналъ свою дочь; онъ вернулся къ людямъ, снялъ траурное платье и выдалъ Тарсію за Аѳинагора (сводника граждане наказали по заслугамъ). Вскорѣ затѣмъ Аполлонію приснился вѣщій сонъ: ему явилась Діана и приказала отправиться въ ея эфесскій храмъ и тамъ передъ жертвенникомъ громко разсказать свою судьбу; онъ исполнилъ ея приказаніе и въ старшей жрицѣ узналъ свою жену. Заключеніе романа образуетъ разсказъ о томъ, какъ Аполлоній занялъ царскій престолъ въ Антіохіи, какъ онъ сдѣлалъ своего зятя Аѳинагора царемъ Тира, какъ въ Тарсѣ были побиты камнями Странгвилліонъ и Діонисіада, и какъ возрадовался царь киренскій Архистратъ, увидѣвъ своихъ дѣтей живыми и счастливыми.

III.

Романъ объ Аполлоніи какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ частностяхъ напоминаетъ обычную схему греческихъ романовъ, этихъ послѣдышей греческой литературы. Любовь, разлука влюбленныхъ и окончательное ихъ соединеніе—вотъ общая большинству ихъ формула; при этомъ разсказъ о разлукѣ разнообразится всевозможными приключеніями героя и героиня (къ которымъ здѣсь прибавлено еще и третье лицо—дочь героя и героини). Романъ любви и приключеній — таковымъ былъ романъ въ античную эпоху. Таковымъ остался онъ и вплоть до 19 вѣка; „Помолвленные“ Манцони—одинъ изъ послѣднихъ классическихъ примѣровъ. Что касается частностей, то къ излюбленнымъ романическимъ мотивамъ древности принадлежатъ: пираты, летаргическій сонъ, приключенія цѣломудренной героини въ притонѣ разврата, признаніе въ храмѣ. Оригинальнымъ можетъ показаться мотивъ кровосмѣсительной связи Антіоха; зато онъ введенъ довольно неорганически. Что касается мотива загадки, то это очень распространенный, если не романическій, то сказочный мотивъ.

Былъ ли нашъ романъ оригинальнымъ латинскимъ произведеніемъ, или переводомъ съ греческаго—сказать трудно; къ послѣднему мнѣнію склоняется El. Klebs, авторъ новѣйшаго, очень цѣннаго изслѣдованія о нашемъ романѣ и его судьбахъ въ средніе и новые вѣка (Die Erzählung von Apollonius aus Tyrus. Берлинъ. 1899). Во всякомъ случаѣ оригиналъ былъ написанъ еще до 4 в. по Р. Х.; онъ сдѣлался быстро любимцемъ читающей публики и испыталъ столько метаморфозъ, сколько ни одно литературное произведеніе ни до, ни послѣ него. Первой метаморфозой была попытка охристіанить нашъ романъ: не Діана, а ангелъ является Аполлонію во снѣ, Тарсія проситъ своего убійцу дать ей передъ смертію помолиться Богу и т. д. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прогрессировала эта христіанизація; въ то же время традиція романа раздвоилась, обѣ редакціи то списывались отдѣльно, то переплетались между собой и образовывали новые, смѣшанные тексты. А въ средніе вѣка пошли и переработки—сначала на латинскомъ языкѣ. Изъ нихъ насъ особенно интересуетъ переработка *Готфрида Витербскаго,* нотаріуса императора Фридриха Барбароссы, написавшаго въ 1185—91 г.г. своеобразную всемірную исторію подъ заглавіемъ „Pantheon“ въ особаго рода тристихахъ (соединеніе двухъ гексаметровъ съ однимъ пентаметромъ); въ составъ этой всемірной исторіи у него входила и исторія Аполлонія, причемъ онъ романическаго Антіоха отожествилъ съ историческимъ, извѣстнымъ изъ исторіи Аннибала. Исторія передана у него въ очень сжатомъ видѣ, всего въ пятнадцати тристихахъ; есть и немало измѣненій, которыя не остались безъ вліянія на позднѣй-

шихъ переработкахъ. Аполлоній является у него съ самаго начала царемъ, „Транквиліонъ“ вмѣстѣ со своей женой „Діонисіей“ злоумышляетъ противъ Тарсіи, и т. д. Въ окончательной редакціи Готфридъ расширилъ нѣсколько свой эпизодъ, назвалъ сводника Леониномъ, жену Аполлонія Клеопатрой и ввелъ нѣсколько маловажныхъ вставокъ.—Но латинскія переработки не могли всѣхъ удовлетворить; появились испанскія, французскія, нѣмецкія, итальянскія, греческія и, что насъ особенно интересуетъ, англійскія. Изъ послѣднихъ наиболѣе важна для насъ та, которую самъ Шекспиръ назвалъ своимъ источникомъ—переработка *Джона Гоуера* (Cower), современника и друга Чосера. Въ своей поэмѣ подъ заглавіемъ Confessio amantis, онъ воспользовался, какъ примѣромъ преступной любви, исторіей нашего Аполлонія; своимъ источникомъ онъ выставляетъ „хронику, называемую Пантеономъ“; отсюда англійскіе критики вывели заключеніе, что Гоуеръ составилъ свой разсказъ единственно по Готфриду Витербскому—чему противорѣчатъ, однако, многочисленныя заимствованія изъ „исторіи Аполлонія“, касающіяся такихъ подробностей, которыя совсѣмъ пропущены у Готфрида. Итакъ, Гоуеръ пользовался двумя источниками — Готфридомъ и „исторіей“. Разсказъ написанъ четырехстопными ямбами; Аполлоній названъ (для удобства размѣра) Аполлиномъ, Таліархъ (по ошибкѣ)—Таліартомъ; введенъ другъ Аполлонія, Hellican (us) (передѣлано изъ Hellinicus, имени одной третьестепенной личности въ „исторіи“); Діонисія названа Діонизой, Тарсія—Таисой и т. д. Небезинтересна метаморфоза, происшедшая съ именемъ дочери Странгвилліона. Въ первоначальной редакціи она безыменна; въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ редакцій ей дано имя символизирующее ревность ея матери, именно Philotimia; Гоуеръ, очевидно ошибшись въ чтеніи, назвалъ ее Philotenna; отсюда произошло уже совершенно варварское Philoten, которое она носитъ у Шекспира. Конечно, такія недоразумѣнія произошли не въ однихъ только именахъ; приведемъ слѣдующій образчикъ, показывающій, какъ иногда возникаютъ поэтическіе мотивы (Klebs, стр. 468). Согласно подлинной „исторіи“ врачъ Хе   ремонъ, призвавъ къ жизни царицу, удочерилъ ее (filiam sibi adoptavit)—что было необходимо, такъ какъ оставаясь чужестранкой, она не могла бы быть жрицей эфесской богини. Между тѣмъ въ средневѣковой латыни sibi значитъ и „себѣ“ и „ей“; понимая выписанную фразу въ послѣднемъ смыслѣ, Гоуеръ говоритъ про своего врача „Серимона“, что онъ предложилъ царицѣ „свою собственную дочь, чтобы она у нея служила, пока обѣ будутъ жить“. Шекспиру это предложеніе показалось, повидимому, слишкомъ великодушнымъ: у него (д. 3, сц. 4) дочь Серимона замѣнена племянницей (a niece of mine shall there attend you).—Крупныхъ измѣненій въ самой фабулѣ Гоуеръ не произвелъ; она сильно пострадала у него вслѣдствіе пропуска разговоровъ дѣйствующихъ лицъ латинскаго подлинника съ ихъ жизненнымъ, подчасъ юмористическимъ реализмомъ; у него все вышло гладко, однообразно и рутинно. Среда полуязыческая, полухристіанская: между прочимъ жена Аполлонія дѣлается у него въ Эфесѣ игуменьей. Вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время поэма Гоуера была бы точно такъ же забыта, какъ и масса другихъ посредственныхъ поэмъ этой эпохи, если бы не случайное обстоятельство, что она была источникомъ Шекспировскаго „Перикла“.

IV.

Впрочемъ, говоря о „Периклѣ“ Шекспира мы выражаемся не вполнѣ точно съ точки зрѣнія новѣйшей критики; по ея вердикту— съ которымъ спорить трудно — Шекспиръ былъ не авторомъ, а только окончательнымъ редакторомъ нашей драмы, но все же редакторомъ очень самостоятельнымъ, вложившимъ не мало собственнаго труда въ чужое произведеніе. Скептицизмъ этотъ сравнительно недавняго происхожденія: въ эпоху самого Шекспира, да и нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти, публика благодушно восторгалась причудливой драмой, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что она была роднымъ дѣтищемъ ея любимца. Позднѣе, когда интересъ къ наивнымъ сказкамъ прошелъ, недостатки „Перикла“ были замѣчены, но ихъ объясняли предположеніемъ, что онъ былъ юношескимъ произведеніемъ великаго драматурга: Драйденъ (1675 г.) въ прологѣ къ „Цирцеѣ“ Чарльза Дэвенанта, проводя мысль о трудности съ перваго раза написать совершенную вещь, намекаетъ на Бена Джонсона и Флетчера, которые тоже не сразу написали своихъ „Вольпоне“ и „Арбака“, и продолжаетъ такъ: „Даже муза Шекспира первымъ родила Перикла—князь

Тирскій былъ старше Мавра (т.-е. Отелло). Увидѣть хорошую первинку, значитъ, увидѣть чудо; розы не цвѣтутъ о Рождествѣ". Но это предположеніе ошибочно: во-первыхъ, хронологическія данныя, о которыхъ рѣчь будетъ тотчасъ, его не допускаютъ, а во-вторыхъ, недостатки „Перикла" существенно разнятся отъ тѣхъ, которые мы наблюдаемъ въ дѣйствительно юношескихъ драмахъ Шекспира. Къ тому же, и посороннія соображенія наводятъ насъ на мысль, что первоначальнымъ авторомъ „Перикла" былъ другой поэтъ, и даже позволяютъ догадываться объ его имени.

Прежде всего, хронологія „Перикла" довольно точно опредѣляется слѣдующими, чисто внѣшними данными. Въ первомъ его изданіи, появившемся въ 1609 г., онъ названъ „новой пьесой" (the late... play); стало быть, онъ не могъ быть написанъ задолго до этого года. Къ тому же мы знаемъ, что въ 1608 г. издатель Блоунтъ внесъ нашу драму, вмѣстѣ съ „Антоніемъ и Клеопатрой", въ списки книгоиздательской гильдіи, какъ имѣющую быть изданной имъ; это—самый ранній слѣдъ существованія „Перикла". „Между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ Деліусъ (Shakesnpeare-Jahrbuch, III, 173), такая популярная драма, какъ „Периклъ", пользовавшаяся такой выдающеюся и притомъ такой постоянной любовью публики, навѣрное оставила бы и болѣе ранніе слѣды, если бъ только она была поставлена раньше". Итакъ, мы допускаемъ—въ согласіи съ Деліусомъ и наиболѣе авторитетными критиками Шекспира,—что „Периклъ" былъ впервые поставленъ приблизительно въ 1608 г., т. е. что онъ принадлежалъ къ позднимъ драмамъ Шекспира, имѣя своими старшими братьями и „Гамлета", и „Лира", и „Отелло".

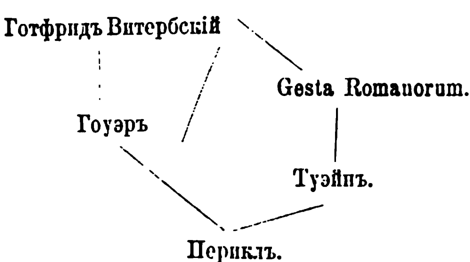
Старшими, да, но не вполнѣ родными: мы уже намекнули на полушекспировскій, такъ сказать, характеръ нашей пьесы. Оставляя въ сторонѣ внутреннія улики—мы отчасти къ нимъ вернемся при анализѣ драмы,—мы не можемъ не придать значенія тому факту, что въ первомъ полномъ изданіи Шекспира 1623 г. „Периклъ" отсутствуетъ; повидимому, составители этого изданія не считали себя вправѣ распоряжаться „Перикломъ" какъ полной литературной собственностью издаваемаго ими автора. Но это еще не все: путемъ очень остроумной комбинаціи Деліусу—которому мы слѣдуемъ въ этой главѣ—удалось опредѣлить имя Шекспирова сотрудника, а новѣйшіе критики (Флэ, Бойль) привели новыя доказательства въ пользу этой комбинаціи.

Дѣло въ томъ, что въ томъ же 1608 г. нѣкто Джорджъ Уилькинсъ выпустилъ повѣсть подъ слѣдующимъ, по обычаю того времени неуклюжимъ заглавіемъ: „Горестныя приключенія Перикла, князя Тирскаго. Подлинный пересказъ драмы о Периклѣ, каковой она была недавно представлена *) почтеннымъ стариннымъ поэтомъ Джономъ Гоуеромъ". Это, дѣйствительно, довольно точный пересказъ нашей драмы; тѣмъ болѣе странно, что Уилькинсъ называетъ его въ предисловіи: „бѣднымъ дѣтищемъ своего мозга" (a poor infant of my braine). Конечно, при крайней растяжимости понятія литературной собственности возможно, что невзыскательный писатель и пересказъ драмы въ новеллистической формѣ счелъ достаточнымъ проявленіемъ поэтическаго творчества; но въ томъ то и дѣло, что Уилькинсъ такимъ невзыскательнымъ писателемъ не былъ. Онъ и самъ былъ драматургомъ; сохранившаяся его драма подъ заглавіемъ „Несчастья насильственнаго брака" (the misseries of inforst marriage), хотя и не даетъ высокаго понятія объ его талантѣ, но все же доказываетъ его несомнѣнную писательскую самостоятельность. Но это еще не все: только что упомянутая драма Уилькинса и по содержанію, и по языку, и по техникѣ сильно напоминаетъ нешекспировскія части какъ „Перикла" (т. е. главнымъ образомъ, первые два акта), такъ и „Тимона Аѳинскаго". Особенно убѣдительную, хотя и внѣшнюю улику указалъ Fleay: это—число риѳмованныхъ стиховъ какъ въ обѣихъ частяхъ „Перикла", такъ и у Уилькинса. Ихъ всего 14 въ послѣднихъ трехъ актахъ противъ 195 въ первыхъ двухъ: и это послѣднее число вполнѣ соотвѣтствуетъ манерѣ Уилькинса. Впрочемъ, не менѣе убѣдительное и болѣе интересное соображеніе высказалъ Клебсъ въ упомянутой выше книгѣ; а такъ какъ оно касается отношенія авторовъ „Перикла" къ своимъ источникамъ, то будетъ полезно сказать о немъ подробнѣе.

Изъ самой драмы видно, что источникомъ ея былъ главнымъ образомъ Гоуеръ: не даромъ его духъ приглашается въ первомъ прологѣ „вновь спѣть пѣсню, давно

*) Presented. Слово «представлена» здѣсь надо понимать въ особомъ значеніи: presenter'омъ назывался въ англійской драмѣ тотъ, кто ее объяснялъ публикѣ, какъ это дѣлалъ Гамлетъ при представленіи пантомимы или Пигва въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Такова дѣйствительно въ «Периклѣ» роль Гоуера.

имъ пропѣтую". Но мнѣніе, будто онъ былъ единственнымъ ея источникомъ, ошибочно: сравненіе „Перикла" съ Гоуеромъ съ одной стороны и „исторіей" Апполонія съ другой доказываютъ намъ, что авторами была привлечена также и эта послѣдняя, а именно въ передѣлкѣ Туэйна (Twine), который читалъ ее въ знаменитомъ сборникѣ 14 вѣка, озаглавленномъ „Gesta Romanorum". Такимъ образомъ генеалогія нашего „Перикла" представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Кстати: переводъ Туэйна появился въ 1600—1608 г. новымъ изданіемъ, такъ что и это обстоятельство говоритъ въ пользу принятой нами хронологіи „Перикла".—Итакъ, авторы Перикла пользовались двумя источниками—но не одинаково. Улькинсъ явно предпочитаетъ Гоуера, Шекспиръ столь же замѣтно старается замѣнить его первоисточникомъ, т.-е. самой „исторіей" въ передѣлкѣ Туэйна (Клебсъ, стр. 447).

V.

Сказаннаго достаточно для посвященія читателя-неспеціалиста во внѣшнюю такъ сказать обстановку „Перикла"; приступая къ анализу и характеристикѣ самой драмы, мы повторяемъ высказанное въ самомъ началѣ нашего очерка предостереженіе—что онъ будетъ имѣть дѣло съ поэмой, очень популярной въ свое время, но очень мало соотвѣтствующей вкусамъ нашей образованной публики. Наша публика отвергла даже романъ приключеній—еще менѣе въ состояніи она выносить вольную технику нанизанныхъ одно на другое приключеній въ драмѣ, этомъ сосредоточенномъ единствомъ дѣйствія, характеромъ, идеи, литературномъ произведеніи.

Вотъ тутъ то и слѣдуетъ остерегаться увлеченій и несправедливости. То требованіе къ драмѣ, которое ставимъ мы подъ косвеннымъ вліяніемъ античной трагедіи, не ставилось къ англійской драмѣ въ эпоху Возрожденія: для этого ея связь съ безформенными моралитетами среднихъ вѣковъ была слишкомъ велика. Съ точки зрѣнія этой эпохи обработать въ драматической формѣ исторію Апполонія было въ принципѣ ничуть не рискованнѣе, чѣмъ обработать исторію какого-нибудь англійскаго короля изъ хроники Голиншеда. Разница, если и была, то чисто количественная; а для того, чтобы уложить этотъ количественный излишекъ въ рамку драмы, можно было прибѣгнуть къ довольно простому средству, не разъ практиковавшемуся на англійской сценѣ,—а именно, къ соединенію эпическаго повѣствованія съ драматическимъ дѣйствіемъ. Чего нельзя было представить на сценѣ, то могъ разсказать прологистъ; изрѣдка можно было придти на помощь его сухому разсказу пантомимой. Такъ и было сдѣлано; это можетъ намъ не нравиться, но не слѣдуетъ упрекать автора—будь это Уилькинсъ или Шекспиръ—въ томъ, что по обычаямъ его эпохи вовсе не было недостаткомъ. Прологистомъ авторъ избралъ Гоуэра; это было данью благодарности тому поэту, который былъ его главнымъ источникомъ. А разъ рѣшившись вывести на сцену этого представителя ранней англійской поэзіи, авторъ соблюлъ и внутреннее правдоподобіе въ тѣхъ рѣчахъ, которыя онъ ему влагаетъ въ уста. Правда, онъ не заставляетъ его говорить языкомъ эпохи Плантагенетовъ, но онъ пользуется тѣмъ же четырехстопнымъ ямбомъ, которымъ написана и „Исповѣдь влюбленнаго", воспроизводитъ тотъ же однообразный былинный стихъ, который такъ быстро надоѣдаетъ намъ въ ней; мало того—онъ подражаетъ своему образцу и въ его беззаботности относительно риѳмъ. Критики не преминули вмѣнить ему эту беззаботность въ вину, они цитируютъ взапуски, какъ ужасающій примѣръ, заключительное двустишіе изъ пролога къ IV дѣйствію:

> Dionysa doth appear
> With Leonine, a murderer.

(въ переводѣ эта особенность, разумѣется пропадаетъ); но они забываютъ при этомъ, что, если бы мы имѣли здѣсь неряшливость самого автора, а не сознательное подражаніе образцу, то она проявилась бы и въ тѣхъ 195 риѳмованныхъ стихахъ, которые встрѣчаются въ первыхъ двухъ актахъ драмы. Нѣтъ, авторъ здѣсь несомнѣнно

архаизируетъ, а этотъ архаизмъ—столь же несомнѣнно нешекспировская черта.

Вообще же объ этихъ прологахъ мало можно сказать хорошаго; они скучноваты, многословны и часто повторяютъ извѣстное намъ уже изъ самаго дѣйствія. Но вотъ занавѣсъ поднимается, передъ нами событія, дѣйствія, живыя рѣчи, характеры. Что сказать о нихъ?

IV.

На первыхъ порахъ—тоже немного утѣшительнаго.

Мы въ Антіохіи; передъ нами—Антіохъ съ дочерью и Аполлоній. То есть, нѣтъ: не Аполлоній, а Периклъ; это переименованіе требуетъ объясненія. Аполлоній такъ же мало годился для пятистопнаго ямба Уилькинса, какъ и для четырехстопнаго Гоуэра; этотъ послѣдній, поэтому, передѣлалъ его въ Аполлина; почему нашъ авторъ не послѣдовалъ его примѣру? Скажутъ: филологическая совѣсть шевельнулась. Конечно, Аполлинъ—совершенно невозможное имя; но оно ничуть не хуже Діонизы (вм. Діонисіи), не говоря уже о Thaise и Philoten. Нѣтъ, причина была другая: въ тѣ времена пользовалась широкой извѣстностью поэма Сиднея „Аркадія“, и вотъ ея то героя, Пирокла (Pyrokles), разсчетливый авторъ и усыновилъ, На это имѣются опредѣленныя улики; но какимъ образомъ Пироклъ превратился въ Перикла—это другой вопросъ. Быть можетъ, Шекспиръ не пожелалъ пользоваться отраженіемъ чужой славы; быть можетъ, дальнѣйшее преобразованіе было дѣломъ простого авторскаго каприза.

Какъ бы то ни было, предъ нами Периклъ въ присутствіи преступной четы. Рѣчи обоихъ мужчинъ чисто шаблонныя;впрочемъ, другого отъ нихъ пока и требовать нельзя. Но вотъ заговорила и прекрасная Гесперида, жертва и соучастница отцовскаго нечестія; она желаетъ смѣлому пришельцу быть счастливѣе всѣхъ, которые пытали счастья до тѣхъ поръ. Что это? искреннее пожеланіе, вопль растерзаннаго стыдомъ и раскаяніемъ сердца? Но если такъ, то къ чему выбирать такую загадку, разгадка которой не можетъ не внушить жениху отвращенія къ запятнанной невѣстѣ! Нѣтъ, какъ это ни больно, а приходится признать, что и здѣсь мы имѣемъ формальную, шаблонную вѣжливость, и болѣе ничего.—Загадка, черезъ чуръ уже прозрачная, прочитана: рѣшеніе найдено; Периклъ сначала въ туманныхъ, затѣмъ во все болѣе и болѣе ясныхъ выраженіяхъ даетъ царю понять, что его тайна обнаружена. Это мѣсто не безъ достоинствъ; особенно въ аллегорія съ кротомъ хотѣли видѣть проблескъ Шекспировскаго генія. Конечно, эта аллегорія приковываетъ наше вниманіе, чувствуется, что въ ней есть что то недюжинное; но картина расплывается, лишь только мы всмотримся въ нее попристральнѣе. Нѣтъ, скорѣе правъ Деліусъ, видящій здѣсь „вымученную туманность, съ притязаніемъ на философское глубокомысліе“ (стр. 181).—Остальныя событія въ Антіохіи чередуются быстро. Рѣшеніе Перикла—рѣшеніе Антіоха—порученіе Антіоха Таліарду—бѣгство Перикла,—всѣ эти сцены ничего намъ не даютъ, кромѣ самой заурядной драматизаціи эпическаго разсказа.

Слѣдующія сцены переносятъ насъ въ Тиръ: ихъ содержаніе—уходъ изъ родины Перикла и передача власти Геликану. Задачей поэта было—выдвинуть этого послѣдняго изъ среды прочихъ вельможъ настолько, чтобы такое отличіе показалось намъ понятнымъ; онъ это сознавалъ, но силы ему измѣнили, и онъ потерпѣлъ полное фіаско. Дебютъ Геликана такъ же страненъ, какъ и гнѣвъ Перикла: онъ упрекаетъ своихъ товарищей въ лести, въ которой никто изъ нихъ не провинился; зарождается даже подозрѣніе, не сократила ли рука редактора рѣчи обоихъ царедворцевъ, отъ которыхъ осталось только три совершенно безцвѣтныхъ стиха. Но нѣтъ: вся сцена скомпанована одинаково неудовлетворительно, вездѣ видно письмо неумѣлаго подражателя, который при всемъ желаніи быть глубокомысленнымъ, нигдѣ не подымается выше посредственности. Одно только мѣсто составляетъ отрадное исключеніе: это—рѣчь Перикла въ началѣ Тирскихъ сценъ. Это уже не шаблонъ: поэтъ далъ намъ то, чего мы не встрѣчали и не встрѣтимъ во всемъ первомъ дѣйствіи—характеристику. Периклъ весь отдался тоскѣ, попытки царедворцевъ доставить ему развлеченіе только раздражаютъ его. „Оставьте меня! Къ чему эти смѣны *) въ мысляхъ? Меланхолія съ тупымъ взоромъ—моя привычная спутница...“ Теперь мы можемъ сопоставить съ *этимъ* Перикломъ того, котораго мы видѣли въ Антіохіи, того, который „подобно веселому бойцу“, готовъ былъ отдать жизнь

*) Change—таково чтеніе оригинала. Издатели чаще печатаютъ charge «обуза» (мыслей).

за надежду добыть плодъ Геспериды; плодъ оказался отравленнымъ—это сознаніе отравило и надежды, и веселье, и самую жизнь героя. Это мотивъ не новый: такъ и Гамлетъ отдался неотлучной спутницѣ—меланхоліи, послѣ того, какъ онъ извѣрился въ чистотѣ своей матери; и какъ хорошъ весь этотъ монологъ Перикла, какъ удачно сравненіе, которымъ онъ кончается! Вездѣ видна рука мастера; трудно отказаться отъ мысли, что здѣсь передъ нами—письмо Шекспира, воспользовавшагося для Перикла остатками тѣхъ красокъ, которыми онъ нѣкогда написалъ Гамлета.

Итакъ, основаніе характеристики положено; зная содержаніе „исторіи", мы можемъ представить себѣ ея развитіе. Грусть Гамлета была неизлѣчимой: ядъ, отравившій его жизнь, исходилъ отъ матери, а другой матери судьба ему дать не могла. Другое дѣло—грусть Перикла; ея причиной была возлюбленная, излѣчить ее могъ, въ союзѣ со всеисцѣляющимъ временемъ, другой, болѣе достойный предметъ любви. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія этой спасительницы, киренской царевны, доброй и милой, какъ Офелія, но счастливѣе ея...

Сцены въ Тарсѣ насъ только задерживаютъ; конечно, онѣ нужны для поэта—надо же представить намъ будущихъ пріемныхъ родителей „дочери моря"—но намъ ихъ смыслъ почти непонятенъ, да и сами онѣ очень посредственны. Клеонъ—такъ переименовалъ поэтъ традиціоннаго Странгвилліона,—разсказываетъ своей женѣ вещи, которыя она сама отлично знаетъ; и онъ знаетъ, что она ихъ знаетъ—и что разсказъ его не нуженъ, и мотивируетъ его желаніемъ усыпить—собственное горе картиною чужихъ бѣдствій, совершенно забывая, что онъ этимъ вводитъ непозволительно наивный драматургическій пріемъ. Реторическая отдѣлка рѣчей Клеона не должна насъ смущать: со своими антитезами и гиперболами она совершенно въ духѣ моднаго въ тѣ времена „юфуизма" (euphuism), и мы можемъ быть увѣрены, что даже такая явная нелѣпость, какъ съ „отвращеніемъ произносилось самое слово: помощь" (the name of help grew odious to redeat), была гордостью ея автора. Зато дебютъ Перикла мы склонны признать слишкомъ мимолетнымъ; къ тому же онъ страдаетъ маленькой несообразностью. Вѣсть объ избавленіи отъ голода съ восторгомъ привѣтствуется присутствующими (omnes): боги Греціи да хранятъ тебя! мы будемъ молиться за тебя!" (we will pray for you); Периклъ отвѣчаетъ: „встаньте, прошу васъ, встаньте! Мнѣ нужна любовь, а не почитаніе" (we do not look for reverence, but for l o v e). Такъ могъ онъ отвѣчать только тогда, если присутствующіе молились не за него, а на него; не произошло ли здѣсь редакторскаго измѣненія первоначальной концепціи? *).

Но, повторяю, сцены въ Тарсѣ насъ только задерживаютъ; мы торопимся въ Кирену, къ ожидаемой спасительницѣ. Пусть любовь благодарныхъ тарсянъ облегчила грусть героя: окончательно излѣчить его можетъ только та, которая замѣнитъ собою образъ опороченной антіохійской царевны. Познакомитъ насъ съ нею второе дѣйствіе.

VII.

Мы въ Киренѣ или, какъ выражается поэтъ со словъ своего источника Гоуера, въ „Пентаполѣ"; передъ нами Периклъ, спасшійся нагимъ изъ-подъ обломковъ разбитаго и утонувшаго корабля. Его монологъ совершенно въ духѣ предыдущихъ сценъ; но вотъ повѣяло чѣмъ то новымъ,—появляются три рыбака. Они говорятъ въ прозѣ; ихъ рѣчи шутливаго характера; вообще они и особенно третій изъ нихъ играютъ роль излюбленныхъ въ англійскомъ театрѣ „клоуновъ", для которыхъ другого мѣста въ нашей трагедіи нѣтъ. Эта перемѣна настроенія такъ понравилась нѣкоторымъ критикамъ, что они не задумались признать руку Шекспира въ сценахъ съ рыбаками; конечно, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, не слѣдуетъ только забывать, что клоунское остроуміе — особенность не одного только Шекспира, и что спеціально *это* остроуміе имъ же показалось бы слабымъ въ сравненіи со схожими сценами въ „Венеціанскомъ купцѣ" и др.

Здѣсь намъ впервые приходится отмѣтить крупное измѣненіе въ фабулѣ. Въ „исторіи" нагой Аполлоній, получивъ очень скромную одежду, участвуетъ въ игрѣ въ мячъ и побѣждаетъ всѣхъ своихъ партнеровъ. Это было

*) Дѣйствительно, я склоненъ допустить, что Уилькинсъ, гораздо лучше Шекспира знакомый съ античными обычаями, имѣлъ въ виду настоящее обоготвореніе Перикла тарсянами, но что Шекспиръ, менѣе ученый и болѣе чуткій къ современнымъ ему чувствамъ, замѣнилъ языческое обоготвореніе христіанской (или нейтральной) молитвой. Это подтверждается третьимъ дѣйствіемъ, въ которомъ редакція Шекспира была наиболѣе энергична; и здѣсь (сц. 3) Клеонъ ссылается на молитвы народа за Перикла.

совершенно въ античномъ духѣ; современная Англія тоже, вѣроятно, оцѣнила бы этотъ мотивъ; но для Англіи Шекспировской эпохи требовалось состязаніе посерьезнѣе, требовался турниръ. А для турнира требуется панцырь, добыть который изъ глубины моря предоставляется, наперекоръ разсудку, рыбакамъ. О недостающихъ частяхъ вооруженія обѣщаютъ позаботиться тоже рыбаки—какъ, это ихъ дѣло; Периклъ отправляется на турниръ. Здѣсь зрителями будутъ царь страны, Симонидъ, соотвѣтствующій въ „исторіи" Архистрату, и его красавица-дочь, Таиса... Какъ видитъ читатель, поэтъ далъ ей имя, которое первоначально принадлежало ея будущей дочери: Tarsia, Tharsia, Thaisia, Thaisa—мы можемъ еще прослѣдить въ различныхъ спискахъ и передѣлкахъ „исторіи" постепенную метаморфозу имени дочери Аполлонія-Перикла. Объ этомъ искаженіи можно пожалѣть: называя свою дочь Тарсіей, Аполлоній оказываетъ гражданамъ Тарса учтивость въ совершенно античномъ вкусѣ, и Странгвилліонъ, узнавъ отъ своей жены объ ея убійствѣ, коритъ ее между прочимъ и за то, что она убила дѣвушку, носившую имя ихъ родного города. Но, конечно, въ формѣ Thaisa эта связь уже не ощущалась, а такъ какъ нашъ поэтъ имѣлъ на примѣтѣ другое имя для своей „дочери моря", то ничто не мѣшало ему имя Таисы дать ея матери.

Насъ, конечно, интересуетъ не столько имя Таисы, сколько сама она, спасительница и исцѣлительница Перикла... но тутъ мы испытываемъ полнѣйшее разочарованіе. Трудно представить себѣ болѣе сумбурное изложеніе. Поэтъ, повидимому, даже не сознавалъ, что его задача—описать развитіе страсти въ душѣ обоихъ героевъ, борьбу любви съ грустью у Перикла, борьбу любви съ дѣвическимъ стыдомъ у Таисы. Съ самаго начала Таиса влюблена въ Перикла, еще болѣе въ него влюбленъ Симонидъ. Периклъ же держитъ себя совершенно пассивно, нигдѣ не обнаруживая ни малѣйшаго волненія по поводу заискиваній какъ Симонида, такъ и его дочери. Въ концѣ концовъ его на ней женятъ, чему онъ безропотно покоряется, но наше ожиданіе этимъ inforced marriage обмануто самымъ жестокимъ образомъ. Повидимому, у первоначальнаго поэта не хватило таланта для его нелегкой задачи, Шекспиръ же отчаялся въ возможности одухотворить его рутинную работу и, махнувъ рукой на Таису, приберегъ свою палитру для новой героини, жизнь которой начинается со слѣдующаго, третьяго акта.

VIII.

Тутъ съ самаго начала раздаются мощные звуки, заставляющіе насъ быстро забыть о бездушномъ второмъ актѣ со всѣми его нелѣпостями: видно, левъ проснулся, Шекспиръ заговорилъ. Периклъ съ Таисой на морѣ, буря застигла ихъ какъ разъ въ то время, когда царица должна была дать жизнь новому существу. Контрастъ между разъяренной стихіей и безпомощностью новорожденнаго младенца понятъ и изображенъ поэтомъ съ той чуткостью и силой, которыя свойственны геніямъ. Намъ вспоминается схожее положеніе въ „плачѣ Данаи" поэта Симонида; трогательныя слова древнегреческой баллады, „засни, море,—засни, дитя,—засни, безпредѣльное горе!" хотѣлось бы поставить въ заголовокъ нашихъ сценъ, справедливо считающихся перломъ не только „Перикла", но и Шекспирова творчества вообще. При оглушительномъ шумѣ урагана Таиса родила дѣвочку и сама—такъ думаютъ ея приближенные—потеряла жизнь; кормилица Ликорида приноситъ отцу его малютку-дочь. Вникните въ технику—если это слово здѣсь умѣстно—благословенія ей Перикла; въ сущности это тотъ же антитетическій стиль того же юфуизма, какъ и въ сценѣ Клеона съ Діонизой. Но почему онъ насъ здѣсь за душу беретъ, между тѣмъ какъ тамъ онъ наводитъ скуку?

Да, это Шекспиръ; мы узнаемъ его по его широкому, могучему письму, но узнаемъ также и по той наивной географической беззаботности, которая была ему свойственна всю жизнь, отъ „Комедіи ошибокъ" до „Зимней сказки". На свой вопросъ, гдѣ они находятся, Периклъ получаетъ отвѣтъ: „недалеко отъ Тарса"—значитъ, въ юго-восточной части Малой Азіи, у самыхъ границъ Сиріи. Тѣмъ не менѣе, когда бросаютъ ящикъ съ тѣломъ Таисы, волны уносятъ его къ Эфесу, что на западномъ побережьи той же Малой Азіи. У Уилькинса мы такой наивности не находимъ и, судя по его заботливости въ архаизированіи, врядъ-ли имѣемъ право ему ее приписать. Точно также и дальнѣйшія сцены, въ Эфесѣ и Тарсѣ, мы смѣло можемъ считать собственностью великаго поэта; конечно, онѣ не представляютъ того захватывающаго интереса, который имѣла для насъ сцена рожденія Марины, но онѣ написаны съ тактомъ, будучи одинаково чужды и безсвязности и много-

словія—обоихъ недостатковъ, которыми грѣшатъ нешекспировскія части „Перикла". Кромѣ этихъ общихъ уликъ, критики обратили вниманіе на одну частичную—на роль музыки въ сценѣ пробужденія Таисы, напоминающую потрясающую сцену пробужденія Лира; но къ этой сценѣ мы найдемъ еще болѣе близкую параллель въ пятомъ актѣ.

Все же намъ кажется, что къ концу дѣйствія редакторская энергія Шекспира стала слабѣть; въ разговорѣ Перикла съ Клеономъ и Діонизой оставлены мотивы, соотвѣтствовавшіе, повидимому, первоначальному эскизу драмы, но потерявшіе свой смыслъ въ шекспировской редакціи. Клеонъ обѣщаетъ Периклу вѣрно исполнить свой долгъ по отношенію къ Моринѣ и, на случай измѣны, призываетъ гнѣвъ боговъ „на себя и своихъ до конца поколѣній", совсѣмъ по античному. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ, писавшій эти слова, имѣлъ въ виду кару, постигшую Клеона и Діонизу за ихъ покушеніе на жизнь Морины; въ источникахъ эта кара описана подробно: не слѣдуетъ ли допустить, что и Уилькинсъ, рабски имъ слѣдовавшій, ее драматизировалъ? Между тѣмъ, въ шекспировской редакціи ея нѣтъ, а съ ней и самопроклятіе Клеона потеряло свой первоначальный, угрожающій смыслъ.— Съ еще большимъ вѣроятіемъ мы заключительную сцену можемъ приписать Уилькинсу; на это насъ наводитъ упоминаніе весталокъ, о которомъ будетъ сказано по поводу аналогичнаго мѣста въ четвертомъ дѣйствіи. Сама по себѣ эта сцена вполнѣ безразлична, не отличаясь ни особенными достоинствами, ни особенными недостатками.

Теперь семья разъединена; мать въ Эфесѣ, отецъ на морѣ, дочь въ Тарсѣ; по примѣру „исторіи", и наши поэты оставляютъ обоихъ родителей, чтобы заняться исключительно или почти исключительно судьбой дочери. Этимъ введеніемъ новаго героя развитію дѣйствія въ драмѣ нанесенъ самый серьезный ущербъ; мы понимаемъ теперь, почему Шекспиръ отказался отъ дальнѣйшей психологической разработки характера Перикла и оставилъ нетронутымъ все второе дѣйствіе: ему все равно пришлось бы предоставить новаго Гамлета его судьбѣ, такъ какъ „исторія" не давала ему никакихъ матеріаловъ для того, чтобы заполнить огромный пробѣлъ въ его жизни отъ передачи Морины до ея нахожденія въ послѣднемъ дѣйствіи. Онъ отправилъ его пока въ Тиръ, а затѣмъ пустилъ блуждать унылымъ призракомъ по проливамъ и бухтамъ Средиземнаго моря: его и нашъ интересъ сосредоточивается на новомъ героѣ драмы, дочери моря—Моринѣ (въ оригиналѣ Marina отъ mare).

IX.

Четвертый актъ посвященъ исключительно ей. Морина выросла; чѣмъ дальше, тѣмъ больше она стала затмевать родную дочь своихъ пріемныхъ родителей, возбуждая этимъ зависть и ея самой, и еще болѣе ея матери, Діонизы. Со смертью своей кормилицы Ликориды она лишилась своего единственнаго друга въ домѣ Клеона; вмѣстѣ съ тѣмъ ея постоянныя прогулки къ кургану, насыпанному надъ прахомъ Ликориды по античному обычаю на берегу моря, облегчили ея ненавистницѣ исполненіе жестокаго плана. Она поручаетъ его своему служителю, Леонину (это имя Готфридъ далъ своднику; Шекспиръ, или Уилькинсъ, перенесъ его на убійцу, оставляя сводника безыменнымъ. Повидимому, грубая проза отвратительныхъ сценъ въ домѣ терпимости показалась ему несовмѣстимой съ классическимъ именемъ его содержателя).

До сихъ поръ Діониза была совсѣмъ блѣдной и безсодержательной фигурой, подобно своему супругу и прочимъ твореніямъ тощей фантазіи Уилькинса; здѣсь впервые она является передъ нами характеромъ. Мы знаемъ уже, что ее гложетъ зависть; можно представить себѣ, какимъ ядомъ были пропитаны ея притворно-ласковыя слова къ Моринѣ, въ которыхъ она называла ее „своимъ образцомъ" (our paragon), говорила объ ея „прекрасномъ видѣ, привлекавшемъ взоры молодыхъ и старыхъ" и отвлекавшемъ ихъ отъ ея родной дочери. Расписывая ея красоту, она воскрешала въ своемъ сознаніи то, что было непростительной виною и смертнымъ приговоромъ ея питомки, она не давала проснуться протесту своей усыпленной совѣсти. Да, эта совѣсть усыплена окончательно: ненависть, выросшая изъ материнской любви, такъ же стихійна въ своихъ проявленіяхъ, какъ и она. „Она срамила мою дочь", скажетъ она позднѣе (сц. 4) своему мужу, „стояла между ней и ея счастьемъ; никто не хотѣлъ смотрѣть на нее, всѣ преслѣдовали своими взорами лицо Морины, между тѣмъ какъ наша была посмѣшищемъ, жалкимъ уродомъ, недостойнымъ свѣта дня! Вотъ это меня возмущало; а если ты находишь мой поступокъ чудовищнымъ, *то это значитъ, что ты не любилъ своей дочери*; по моему,

это подвигъ любви, который я совершила за твое дитя". Тутъ спорить нельзя; передъ нами проявленіе непосредственнаго инстинкта, увѣреннаго въ своей цѣли и неразборчиваго въ средствахъ. Морина затмевала ея дочь—онъ велитъ Леонину ее убить; Леонинъ можетъ выдать ея поступокъ—она его отравляетъ; Периклъ собирается пріѣхать за дочерью—она посвящаетъ въ свою тайну мужа, нимало не сомнѣваясь, что онъ ее пойметъ и поможетъ ей скрыть слѣды преступленія. Отчаяніе и упреки Клеона она считаетъ достойными одного только презрѣнія: ей казалось, что ея мужъ, раздѣляя ея инстинкты, долженъ имѣть надъ ней перевѣсъ силы; его осужденіе она считаетъ доказательствомъ не противъ своихъ инстинктовъ, а противъ его силы—„видно, ты вторично дѣлаешься ребенкомъ", говоритъ она ему. Шекспиръ уже раньше изобразилъ схожую чету: это были—лордъ и леди Макбетъ. Клеонъ и Діониза относятся къ нимъ точно такъ же, какъ Периклъ въ первомъ дѣйствіи относился къ Гамлету.

Вернемся, однако, къ сценѣ покушенія на Морину. Насколько Діониза была многословна, настолько Леонинъ лаконичень. Онъ нехотя согласился исполнить свою роль палача—его жертва уже тогда казалась ему „чуднымъ созданіемъ" (a goodly creature). Теперь она передъ нимъ; на берегу моря мысли дочери моря невольно уносятся въ прошлое, къ той минутѣ, которая дала ей жизнь; ея мечты и предстоящая ей теперь судьба образуютъ безсознательный, но тѣмъ болѣе дѣйствительный контрастъ. Ея спутникъ не въ состояніи съ ней разговаривать—онъ не Діониза, совѣсть въ немъ не усыплена. Наконецъ, онъ грубо ее обрываетъ: „скорѣй твори молитву!" Переходъ крутъ, связи съ предыдущимъ нѣтъ никакой: но это не та ученическая безсвязность, которой грѣшили первые два акта—это безсвязность глубоко естественная и художественная. Дай Леонинъ Моринѣ продолжать ея трогательный разсказъ о своемъ рожденіи—и его рѣшимость растаяла бы, какъ ледъ подъ лучами весенняго солнца.

Покушеніе не удается, пираты похищаютъ Морину, она въ Митиленѣ, въ домѣ разврата. Поэтъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы контрастъ между нѣжной дѣвой и обстановкой, въ которую она попала, вышелъ какъ можно разительнѣе; эти краски онъ взялъ изъ грубой современности, а не изъ античной литературы, въ которой отталкивающее дѣйствіе разврата смягчается дымкой красоты. Съ новыми хозяевами Морины мы знакомимся заблаговременно; это извѣстнаго рода клоунская параллель къ Клеону съ Діонизой. Сводникъ въ сущности не лишенъ „совѣсти": мало того, онъ galantuomo въ томъ смыслѣ, въ какомъ его товарищи по ремеслу въ Италіи и нынѣ себя такъ именуютъ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы, обезпечивъ себѣ безбѣдную старость, передать заведеніе въ другія руки и затѣмъ подумать о чемъ то вродѣ спасенія души. Его супруга этой слабости не подвержена: зарабатывать средства къ жизни не запрещено; что же касается грѣха, то развѣ другіе безгрѣшны? Въ концѣ концовъ женскій инстинктъ беретъ верхъ надъ мужскимъ разумомъ; да и пора заняться болѣе практическими потребностями. А таковыя есть: достойная чета сильно нуждается въ „свѣжемъ товарѣ". И вотъ въ такую то обстановку попадаетъ Морина; описаніе, отвратительное и раньше, дѣлается еще отвратительнѣе въ моментъ ея появленія. Чистый, душистый цвѣтокъ падаетъ въ грязь, и вотъ грязь дѣлаетъ всякія усилія, чтобы его смять и испачкать. Сводникъ отступаетъ на задній планъ; его замѣняютъ болѣе рѣшительныя натуры, сводня и ихъ „вышибало". Но всѣ ихъ труды напрасны; гость за гостемъ приходятъ, но всѣ они, вмѣсто ожидаемаго чувственнаго наслажденія, находятъ въ домѣ сводника—свою собственную совѣсть; Марина стала геніемъ цѣломудрія... въ притонѣ разврата.

Все это на словахъ звучитъ недурно; но, думается намъ, не одинъ читатель найдетъ сцены обращенія мужчинъ до вышибалы включительно черезчуръ наивными. Ужъ очень простымъ и легкимъ дѣломъ представлялъ себѣ поэтъ вразумленіе грѣшниковъ! Или, быть можетъ, люди были въ тѣ времена впечатлительнѣе нынѣшнихъ?—Да, это вѣрно: происходящее передъ нашими глазами ничуть не убѣдительно для насъ. Античный романистъ оставилъ своимъ новѣйшимъ послѣдователямъ непосильную для нихъ задачу—задачу переубѣжденія. Переубѣжденіе предполагаетъ переубѣдимость, а съ нею и человѣка античной, а не новѣйшей формаціи.

Одна подробность въ этихъ сценахъ привлекаетъ наше вниманіе. Мы исходили изъ предположенія, что авторомъ всей митиленской драмы былъ Шекспиръ; это предположеніе, будучи само по себѣ очень вѣроятно, подтверждается еще тѣмъ об-

стоятельствомъ, что ея источникомъ былъ Туэйнъ, а не Гоуэръ (ср. гл. IV кон.). Между тѣмъ мы знаемъ беззаботность Шекспира по части архизмовъ; если уже къ исходу древности исторія Аполлонія была охристіанена, а Гоуэръ еще усилилъ путаницу, то вѣроятно ли, чтобъ Шекспиръ взялъ на себя роль послѣдовательнаго возстановителя античной обстановки? Не думаемъ; зато эта роль вполнѣ къ лицу Уилькинсу, котораго мы уже знаемъ какъ архаиста. Теперь прошу обратить вниманіе на слѣдующій потѣшно-наивный архаизмъ. Обращенный второй „джентльменъ" (сц. 5) далъ зарокъ никогда не посѣщать домовъ терпимости и спрашиваетъ своего знакомаго, не пойти ли имъ „слушать пѣніе весталокъ?" Конечно, Шекспиръ, если бъ дѣло зависѣло отъ него, просто отправилъ бы новообращенныхъ отслужить обѣдню; но онъ былъ связанъ пуризмомъ своего предшественника. Собственно весталокъ внѣ Рима не было; благодаря фантазіи Уилькинса таковыя оказались и въ Эфесѣ (д. III, стр. 4); могли быть, стало быть, и въ Митиленѣ. А ужъ кто виновенъ въ ихъ пѣніи, этого мы сказать не можемъ.

X.

Соединеніе разъединенной семьи—задача пятаго акта, столь же шекспировскаго, какъ и оба предыдущіе. Не будемъ строги къ мотивировкѣ дѣйствія, торопливо и насильственно ведущаго къ развязкѣ; предоставимъ себя довѣрчиво поэту—не „Перикла", а старинной „исторіи", щедро высыпавшему на нашего героя въ немного дней всѣ благодѣянія, съ которыхъ онъ столько лѣтъ такъ упорно ему отказывалъ. Корабль моряка-скитальца заѣхалъ, накоцецъ, и въ Митилену, самъ онъ въ шатрѣ на палубѣ, нѣмой и безчувственный; мгла его несчастья плотно окутала его, отдѣляя его еще при жизни отъ міра живыхъ. По совѣту правителя Митилены Лисимаха, пришедшаго навѣстить знатнаго чужестранца, посылаютъ за Мориной, чтобы она своею пѣснью вылѣчила его.

То, что теперь слѣдуетъ, намъ уже знакомо. Морина и Периклъ—это то же самое, что Корделія и Лиръ. И тамъ, вѣдь, любящая дочь чарами своей нѣжности возвращаетъ міру живыхъ своего обезумѣвшаго отъ горя отца. Но, конечно, цѣльный и единый Лиръ возбуждаетъ наше участіе въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ неудачно огамлеченный герой старинна романа—тамъ Шекспиръ творилъ свободно, здѣсь онъ наносилъ на чужой рисунокъ взятыя съ чужой палитры краски. Сцена излѣченія Перикла дочерью подробно была описана въ „исторіи"; Шекспиръ довольно близко придерживается своего источника, драматизируя это эпическій разсказъ.

Но все же и въ нашей сценѣ красоты есть. Морина поетъ—Периклъ ея не слышитъ; она съ нимъ заговариваетъ—онъ ее грубо отталкиваетъ *). Но именно это оскорбленіе и заставляетъ ее вспомнить о своемъ происхожденіи; только въ устахъ *обиженной* Морины умѣстны гордыя слова, которыми она хочетъ оградить свое достоинство и которыя поневолѣ обращаютъ на нее вниманіе осиротѣлаго отца. Все что красиво, трогательно и въ то же время вполнѣ убѣдительно. Въ дальнѣйшемъ развитіи разговора есть длинноты; есть, кромѣ того, и одна крупная несообразность, о которой, однако, можно быть увѣреннымъ, что ни читатель, ни зритель ея съ перваго раза не замѣтитъ. Она связана съ тѣмъ, что можно бы назвать драматической полифоніей. Передъ нами отецъ, узнающій свою дочь, но также и дочь, узнающая своего отца; правильное развитіе психическаго акта узнаванія повело бы къ настоящей драматической полифоніи—перипетіямъ въ душѣ отца должны бы соотвѣтствовать такія же перипетіи въ душѣ дочери: по волненію, по торопливымъ разспросамъ чужестранца она должна бы мало по малу догадываться, кто передъ нею. Но это задача, слишкомъ трудная для наивныхъ поэтовъ, какими были Гомеръ и Шекспиръ—Софоклъ ее блистательно рѣшилъ

*) Это прямо не сказано; но не подлежитъ сомнѣнію, что это и есть дѣйствіе, которое, по замыслу поэта, должно было сопровождать первыя—не слова, а звуки Перикла (hum, ha!). Въ «исторіи» подробно разсказано, какъ Тарсія, когда Аполлоній приказалъ ей удалиться, попыталась было ласковой силой вывести его на палубу, какъ онъ сталъ сопротивляться, какъ она при этомъ упала и ушиблась. Здѣсь такой разсказъ былъ бы неумѣстенъ; тѣмъ не менѣе мы догадываемся о происшедшемъ по словамъ Морины: «если бы ты зналъ мое происхожденіе, то не нанесъ бы мнѣ оскорбленія» (you would not do me violence), а изъ словъ Перикла «не сказала ли ты, когда я оттолкнулъ тебя—а это случилось, какъ только я тебя замѣтилъ (when I perceived thee)—что и т. д.» мы узнаемъ также и моментъ, когда это произошло. Установленіе этого момента важно для развитія дѣйствія въ нашей сценѣ.

въ схожей сценѣ между Эдипомъ и Іокастой, непосредственно передъ смертью послѣдней. Ихъ психологія монофонная; Периклъ стоитъ въ центрѣ сцены, роль Морины чисто служебная: она должна воскресить воспоминанія отца, до ея собственныхъ чувствъ поэту нѣтъ дѣла. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою отца, узнающаго потерянную дочь, но не видимъ дочери, узнающей потеряннаго отца.

Очень красивъ опять конецъ сцены. Пѣсня Морины точно застылъ въ ушахъ у отца—она, вѣдь, еще не была его дочерью, когда онъ ее слышалъ. Теперь она какъ будто пробуждается; Периклъ слышитъ музыку, „небесную музыку"; подъ ея звуки онъ засыпаетъ.

Для насъ интересъ драмы съ этой сценой исчерпанъ; слѣдующія — появленіе Діаны, соединеніе Перикла съ Таисой, послѣднія распоряженія Перикла — ничего къ ней не прибавляютъ, это—шумные мажорные аккорды, торжественно заключающіе симфонію.

XI.

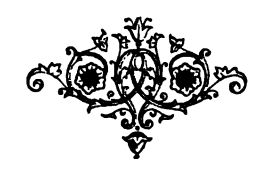
Таковъ этотъ „Периклъ", давшій, по мнѣнію современниковъ, Шекспиру право сравняться съ корифеями драматургическаго искусства классической старины. Намъ теперь легко, умудреннымъ опытомъ трехъ столѣтій, смѣяться надъ наивнымъ вердиктомъ, ставившимъ эту неорганическую работу двухъ (если не болѣе) поэтовъ, эту не вездѣ удачную драматизацію неважнаго романа въ одинъ рядъ съ „Эдипомъ" и „Медеей" и, косвенно, выше „Гамлета" и „Лира". Поистинѣ, „времена мѣняются, и мы мѣняемся съ ними".

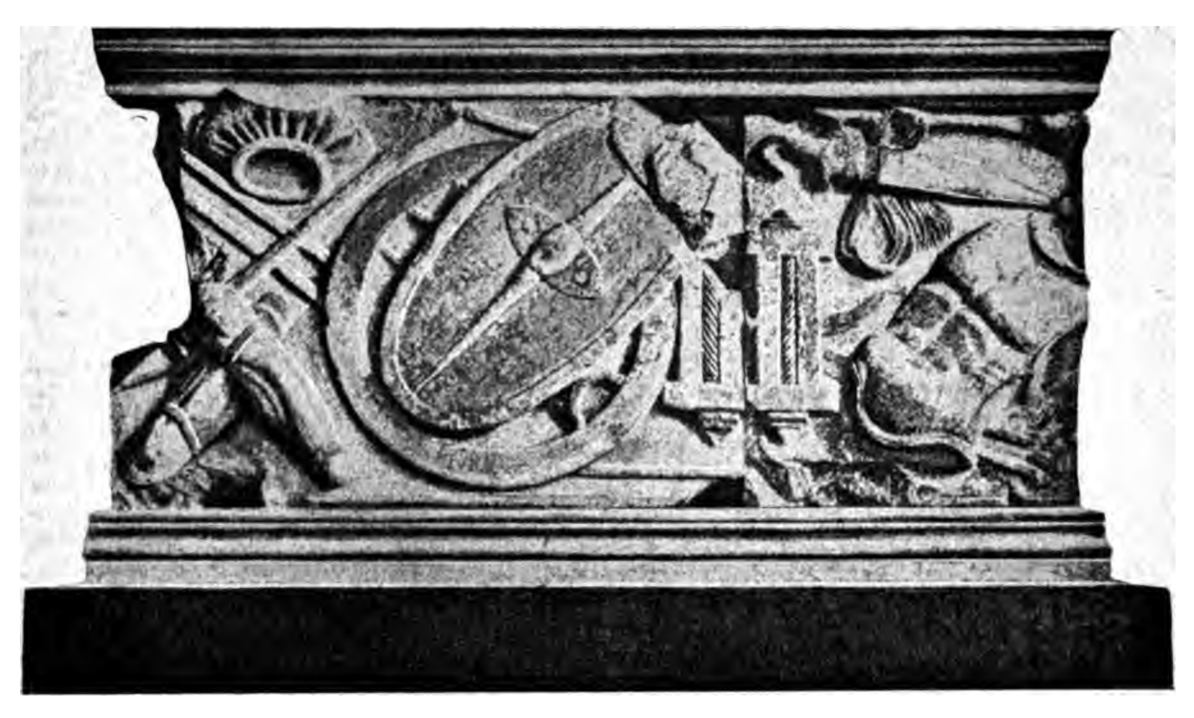
Только кто это—эти „мы"?

Намъ извѣстно, каковъ былъ составъ публики, наслаждавшейся „Перикломъ". Въ одномъ анонимномъ памфлетѣ той эпохи читаются слѣдующіе стихи (указалъ на нихъ впервые Мелонъ): „съ удивленіемъ стоялъ я, смотрѣлъ на эту толпу, громко галдѣвшую точно на представленіи новой драмы; помѣщеніе кишѣло *смѣсью чистой публики съ чернью* (gentles mix'd with grooms), такъ что я вообразилъ, что всѣ они пришли смотрѣть Іоанну Шоръ или „Перикла".

Повидимому, чистая публика совершенно сходилась съ чернью въ оцѣнкѣ „Перикла"; этимъ объясняется его полный и продолжительный успѣхъ. Образованіе тогда еще не успѣло воздвигнуть стѣны между обѣими частями общества; то, чѣмъ привилегированная часть возвышалась надъ другой, лишь въ очень незначительной мѣрѣ затрогивало ея умственный элементъ, развитіе котораго было индивидуальнымъ, а не общественнымъ дѣломъ. Теперь „чистая публика" ушла впередъ; можно ли сказать то же самое о „черни"? Можно ли быть увѣреннымъ, что неподготовленная простая публика, имѣя выборъ между „Гамлетомъ" и „Перикломъ", отдастъ предпочтеніе первому? Тамъ глубокомысленная душевная трагедія, восхищающая насъ, но дающая неразвитому уму только „слова, слова, слова": здѣсь пестрая вереница интересныхъ событій, возмутительныхъ или трогательныхъ картинъ съ конечнымъ торжествомъ добродѣтели, которое, правда, пріѣлось намъ, но нравится и понынѣ умамъ, неизмученнымъ работой мысли... Нѣтъ, успѣхъ „Перикла", понятный на порогѣ семнадцатаго вѣка, былъ бы понятенъ и теперь, когда всѣ столѣтія живутъ вмѣстѣ, скрещиваясь и сплетаясь въ причудливомъ калейдоскопѣ современной жизни.

Ѳ. Зѣлинскій.

ВООРУЖЕНІЕ ЭЛЛИНСКАГО ВОСТОКА.
(*Изъ Пергамскихъ раскопокъ; барельефъ*).

Дѣйствующія лица:

Антіохъ, царь Антіохіи.
Перикдъ, принцъ тирскій.
Геликанъ, } тирскіе сановники.
Эсканъ, }
Симонидъ, царь Пентаполиса.
Клеонъ, правитель Тарса.
Лизимахъ, правитель Митиленъ.
Церимонъ, эфесскій вельможа.
Тальярдъ, антіохійскій вельможа.
Филемонъ, слуга Церимона.
Леонидъ, слуга Діониссы.
Маршалъ.

Содержатель притона.
Болтъ, его слуга.
Дочь Антіоха.
Діонисса, жена Клеона.
Таиса, дочь Симонида.
Марина, дочь Перикла и Таисы.
Лихорида, няня Марины.
Сводня.
Діана.
Говеръ (Гоуеръ), какъ хоръ.
Вельможи, дамы, рыцари, моряки, пираты, рыбаки и гонцы.

Дѣйствіе происходитъ въ разныхъ странахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Передъ дворцомъ Антіоха).

Говеръ (*Входитъ*).
Чтобъ пѣсню спѣть минувшихъ лѣтъ,
Явился Говеръ вновь на свѣтъ;
Въ немъ пробудился прежній духъ,
Чтобъ глазъ плѣнять и тѣшить слухъ;
Не разъ на пиршествахъ гостей—
Онъ пѣснью забавлялъ своей;
О прошлыхъ дняхъ его разсказъ
Вельможъ и дамъ плѣнялъ не разъ.
Онъ исправлять людей надѣясь
(Et bonum quo antiquius, eo melius),
Свои стихи порой писалъ
И, научая, забавлялъ.
Коль старецъ древній, вновь явясь,
Любовь къ себѣ пробудитъ въ васъ,
Онъ будетъ радъ, добру уча,
Сгорѣть предъ вами, какъ свѣча.
Теперь прошу идти со мной
Въ Антіохію, градъ большой,
Что Антіохъ построилъ встарь;
Его столицей сдѣлалъ царь;
Какъ лѣтописцы говорятъ,
То лучшій былъ сирійскій градъ.
Жену взялъ царь; она жила
Недолго съ нимъ и умерла,
Оставивъ дочь, что красотой
Плѣняла. Щедрою рукой
Ей небеса повергли въ даръ
Всѣ обольщенья тайныхъ чаръ.
Отецъ къ ней страстью воспылалъ.
И въ преступленье съ нею впалъ.
Коль дочь скверна, отецъ сквернѣй,
Рѣшившись съ дочерью своей
Кровосмѣшенье совершить;
Но не порвать привычки нить:
Они забыли, средь утѣхъ,
Что совершаютъ гнусный грѣхъ.
О красотѣ ея проникъ
Повсюду слухъ. Прелестный ликъ
Преступной дѣвы всѣхъ плѣнялъ,
И витязь не одинъ искалъ
Ея руки. Чтобъ отогнать
Всѣхъ жениховъ и дочь не дать,
Преступной страстью увлеченъ,
Царь Антіохъ издалъ законъ,
Что тотъ, кто хочетъ въ жены брать
Принцессу, долженъ отгадать
Загадку. Кто же не пойметъ
Ея значенья, смерть найдетъ.
И многихъ принцевъ уже нѣтъ;
Здѣсь желтый черепъ, тамъ скелетъ..
Но я теперь разстанусь съ вами;
Что впереди—узнайте сами. (*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Антіохія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Антіохъ, Периклъ, и свита.

Антіохъ.
О, юный тирскій принцъ! тебѣ открылъ я
Опасность замышляемаго дѣла.

Периклъ.
Да, Антіохъ; но смерть мнѣ не страшна
При мысли о величіи награды,
Что я могу со славою стяжать.

Антіохъ.
Введите дочь мою въ вѣнчальномъ платьѣ,
Достойномъ даже Зевса самого,
Когда бъ онъ ей раскрылъ свои объятья.
При самомъ ужъ зачатіи ея,
Когда еще жива была Луцина,
Природа ей въ приданое дала
Красу, распространяющую радость,
И всѣ планеты въ ней соединили
Рѣдчайшія достоинства свои.

(*Музыка. Входитъ* дочь Антіоха).

Периклъ.
Она идетъ—весною убрана;
Ей граціи дары свои подносятъ;
Ея душа—незыблемое царство
Всѣхъ доблестей, что смертныхъ украшаютъ;
Ея лицо—скрижаль хвалебныхъ гимновъ,
Лишь счастью и отрадѣ посвященныхъ,
Которымъ горе чуждо. Лютый гнѣвъ
Сопутствовать не можетъ добротѣ,
Что дышетъ въ ней. О, праведные боги,
Создавшіе меня рабомъ любви,
Въ груди моей зажегшіе желанье
Вкусить плодовъ отъ древа неземного
Иль пасть въ борьбѣ тяжелой и неровной,

Взываю къ вамъ! И васъ прошу помочь
Поклоннику и сыну вашей воли
Достигнуть безграничнаго блаженства.

Антіохъ.

О, принцъ Периклъ!

Периклъ.

Онъ сыномъ Антіоха
Назваться бы хотѣлъ.

Антіохъ.

Передъ тобою
Садъ Гесперидъ съ плодами золотыми,
Что грозные драконы охраняютъ,
А потому коснуться ихъ опасно.
Ея прекрасный ликъ, какъ сводъ небесъ,
Тебя влечетъ къ нѣмому созерцанью
Ея безсчетныхъ прелестей; но ты
Ихъ обладанье долженъ заслужить;
Попытка не удастся—и пощады
Себѣ не жди. Не мало славныхъ принцевъ
Погибло здѣсь. Ихъ привлекла молва,
Ихъ страсть воспламеняла; но, увы!
Сраженные въ бою съ любовнымъ богомъ,
Они, какъ жертвы, пали. Только звѣзды
Покровомъ служатъ имъ. Взгляни на нихъ:
Безгласными устами блѣдныхъ лицъ
Они тебѣ совѣтуютъ бѣжать
Отъ гибельныхъ тенетъ грозящей смерти.

Периклъ.

Благодарю, что ты мнѣ далъ понять
Ничтожество земного бытія,
Что плоть мою ты къ смерти приготовилъ
Ужаснымъ этимъ зрѣлищемъ; быть можетъ,
Такая же меня постигнетъ участь.
А смерти мысль, какъ зеркало, должна
Насъ пріучать къ тому, что жизнь лишь вздохъ,
Что на нее разсчитывать безумно;
А потому оставлю завѣщанье,
Беря примѣръ съ опаснаго больного,
Что знаетъ свѣтъ и небеса прозрѣлъ:
Объятый смертной мукой, онъ, какъ прежде,
Не дорожитъ утѣхами земными.
Тебѣ и добрымъ людямъ завѣщаю
Отрадный миръ, властителямъ пріятный;
Сокровища свои—тому народу,
Что мнѣ ихъ даровалъ.
(Обращаясь къ дочери Антіоха).
Тебѣ жъ одной—
Моей любви святой и чистый пламень!
Готовый въ путь къ погибели иль славѣ,
И худшее перенести съумѣю.

Антіохъ.

Ты пренебрегъ совѣтами моими,

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ГОРОДА АНТІОХІИ.
(Tiche Antiochia).

Античная статуя IV вѣка до Р. Х. (Ватиканъ).

Прочти жъ загадку; если не поймешь
Того, что скрыто въ ней, клянуся я,
Умрешь, какъ тѣ, что пали до тебя.

Дочь.

Изъ всѣхъ лишь одному тебѣ желаю
Во всемъ я счастья и успѣха.

Периклъ.

Какъ рыцарь, презирающій опасность,
Вступаю въ бой и внемлю лишь совѣтамъ,
Что мнѣ даютъ отвага и любовь.

(Читаетъ загадку).
„Хоть я на свѣтъ не родилась змѣей,
Питаюсь тѣломъ матери родной;
Какъ замужъ мнѣ идти пора пришла,
Въ своемъ отцѣ я мужа обрѣла.
Отца, супруга, сына вижу въ немъ;

Я мать, жена и дочь его при томъ.
Какъ это въ двухъ все можно сочетать,—
Чтобъ не погибнуть, надо отгадать".
Нѣмая смерть, тяжелое лѣкарство...
Скажите мнѣ, таинственныя силы,
Что небеса усѣяли очами
Безчисленныхъ свѣтилъ, чтобъ созерцать
Дѣянія людей, какъ вы могли
Ихъ не завѣсить мрачной пеленою,
Коль правда то, что я прочелъ, блѣднѣя?

(Беретъ принцессу за руку и обращается къ ней).

Ты, какъ хрусталь, бросаешь чудный свѣтъ;
Я шелъ къ тебѣ, святымъ огнемъ согрѣтъ;
Любовь къ тебѣ казалась свѣтлымъ сномъ;
Но ты—ларецъ роскошный, полный зломъ,
Я возмущенъ. Въ томъ чести нѣтъ, повѣрь,
Кто, видя грѣхъ, къ нему стучится въ дверь.
Ты—дивный альтъ волшебнаго искусства;
Въ его струнахъ свои ты скрыла чувства;
Когда бы въ ладъ его раздался звонъ,
И небо, и боговъ плѣнилъ бы онъ;
Но до него коснулись тлѣнья руки—
И подъ его разстроенные звуки
Лишь пляшетъ адъ; я шелъ къ тебѣ, любя;
Но я теперь ужъ не ищу тебя.

Антіохъ.

О, принцъ Периклъ, подъ страхомъ лютой смерти
Не прикасайся къ ней. Законы наши
Опасностью и въ этомъ угрожаютъ.
Прошелъ ужъ срокъ, назначенный тебѣ:
Иль отгадай, иль къ смерти приготовься.

Периклъ.

Великій царь, не многимъ слушать лестно
О тѣхъ грѣхахъ, что любятъ совершать:
Тебя я оскорбилъ бы, все сказавъ,
Что отгадалъ. Имѣющему книгу,
Гдѣ внесены всѣ царскія дѣянья,
Вѣрнѣй ее закрытою держать.
Порокъ подобенъ вѣтру, что несется,
Въ глаза бросая пыль. Промчится онъ,
И вновь глаза очистятся отъ пыли;
Но кто бы удержать его хотѣлъ,
Жестоко поплатился бъ за попытку.
Незрящій кротъ, приподнимая землю,
Показываетъ небу, какъ она
Придавлена людьми, и умираетъ
За этотъ подвигъ, жалкое созданье!
Цари—земные боги. Имъ законъ
Лишь волей ихъ, въ порокахъ, начерченъ.
Коль грѣшенъ Зевсъ, кто Зевса обвинитъ?
Благоразумье мнѣ молчать велитъ.
Достаточно ужъ высказался я;
Есть тайны, что боятся блеска дня;
А каждый плоть свою любить привыкъ:
Чтобъ голову спасти, сдержу языкъ.

Антіохъ *(въ сторону).*

Твоею головой владѣть хотѣлъ бы!
Онъ отгадалъ; прибѣгнуть надо къ ласкѣ.
(Громко).
О, юный тирскій принцъ! Хоть по закону
Ты казни подлежишь за то, что ложно
Ты разъяснилъ значеніе загадки,
Но, чествуя твое происхожденье,
Мы иначе рѣшили поступить.
Мы сорокъ дней даемъ тебѣ отсрочки;
Коль въ это время тайну отгадаешь,
Мы съ радостью тебя признаемъ сыномъ;
Судить о томъ по нашей ласкѣ можешь.
До той поры получишь содержанье,
Что будетъ соотвѣтствовать вполнѣ
Твоимъ правамъ и нашему величью.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Перикла).

Периклъ.

Ты хочешь преступленье лаской скрыть;
Но лицемѣрье хорошо лишь съ виду;
Коль правда, что въ разгадкѣ я ошибся,
Не осквернился ты кровосмѣшеньемъ;
Но ты не можешь быть отцомъ и сыномъ
Въ одно и то же время, если ты
Не палъ въ объятья дочери своей,
Даря ей ласки мужа, не отца.
Она бъ не пожирала мать свою,
Когда бъ ея не оскверняла ложа.
Она и ты—чудовищныя змѣи,
Что лучшими питаются цвѣтами,
А извергаютъ ядъ. Чтобъ не погибнуть,
Я отъ тебя стремиться долженъ прочь.
Преступныя дѣла мрачны, какъ ночь;
Оглаской ихъ тревожится злодѣй.
Чтобъ скрыть одно отъ свѣта и людей,
Онъ и въ другомъ готовъ принять участье.
Къ убійству такъ же близко сладострастье,
Какъ дымъ къ огню. Предательство и ядъ
Отъ срама и огласки грѣхъ хранятъ;
Они его и руки, и щиты.
Чтобъ скрыть позоръ, стараться будешь ты
Меня убить, коварный Антіохъ!
Спасусь, чтобъ цѣли ты достичь не могъ.

(Уходитъ).

Антіохъ *(возвращается).*

Антіохъ.

Загадку понялъ онъ, а потому
Онъ головою долженъ поплатиться.
Погибнетъ онъ, чтобъ тайною осталось
Нечестіе мое; чтобъ онъ не могъ
О тяжкомъ преступленьи Антіоха
Повѣдать міру. Каждое мгновенье

ПЕРИКЛЪ ДОБИВАЕТСЯ РУКИ ДОЧЕРИ АНТІОХА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Мнѣ дорого. Должна свершиться месть;
Коль онъ умретъ, свою спасу я честь.
Ко мнѣ! Кто тамъ?

(*Входитъ* Тальярдъ).

Тальярдъ.
Что приказать изволишь?

Антіохъ.
Тальярдъ, ты облеченъ довѣрьемъ нашимъ;
Мы тайныя дѣла тебѣ ввѣряемъ.
За преданность награду ты получишь.
Гляди, Тальярдъ: вотъ золото, вотъ ядъ
Мы ненависть питаемъ къ принцу Тира
И умертвить его повелѣваемъ;
Ты о причинахъ спрашивать не смѣй!
Причина та, что это наша воля.
Исполнишь ли приказъ?

Тальярдъ.
Исполню вѣрно.

Антіохъ.
Ни слова больше.

(Входитъ гонецъ*).*

Духъ переведи!
Съ какимъ извѣстьемъ спѣшнымъ ты примчался?

Гонецъ.
Принцъ Тира убѣжалъ. *(Уходитъ).*

Антіохъ.
Коль хочешь жить,
Ты устремись за принцемъ, какъ стрѣла,
Что попадаетъ въ цѣль, не смѣй вернуться,
Не возвѣстя, что онъ окончилъ вѣкъ.

Тальярдъ.
О, государь, когда къ нему съумѣю
Приблизиться на выстрѣлъ пистолета,
Не долго жить ему; затѣмъ, прости!

Антіохъ.
Прости, Тальярдъ. Пока онъ не умретъ,
Не сбросить мнѣ съ души боязни гнетъ!
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Тиръ. Комната во дворцѣ.

Входитъ Периклъ.

Периклъ *(обращаясь къ находящимся извнѣ).*
Покоя моего не нарушайте!
Зачѣмъ меня гнетутъ своимъ наплывомъ
Тревожныя мечты? Обычной гостьей
Унылая подруга дней моихъ,
Нѣмая скорбь, является ко мнѣ.
Ни свѣтлый день, ни мирный отдыхъ ночи,
Могила, гдѣ страданье засыпаетъ,
Не могутъ мнѣ дарить успокоенья.
Меня развлечь стараются напрасно;
Въ утѣхахъ для меня отрады нѣтъ;
Опасность, что грозила мнѣ исчезла:
Отъ Антіоха такъ я удаленъ,
Что онъ меня настигнуть здѣсь не можетъ;
И что жъ? меня томятъ увеселенья
И не даритъ покоя отдаленность.
Предчувствія грядущихъ испытаній
Тревожатъ духъ невольнымъ опасеньемъ;
И страхъ того, что можетъ приключиться,
Старѣя, превращается въ заботу
О томъ, чтобъ не нагрянула бѣда.
Я не могу бороться съ Антіохомъ;
Такъ силенъ онъ, что всякое желанье
Ему легко осуществить. Онъ можетъ
Бояться оглашенья страшной тайны
Хотя бъ я обѣщалъ ему молчать.
Моимъ онъ не повѣритъ увѣреньямъ
Въ любви и уваженьи, зная вѣрно,
Что я могу принесть ему безчестье.
Чтобъ скрыть позоръ, къ насилью онъ прибѣгнетъ.
Онъ наводнитъ страну враждебнымъ войскомъ
И такъ надъ нею грозно пронесется,
Что, подданныхъ моихъ лишивъ отваги,
Ихъ побѣдитъ, не встрѣтивъ и отпора,—
И бѣдные невинно пострадаютъ.
Я лишь за нихъ боюсь, не за себя.
Цари сходны съ верхушками деревъ,
Что корни защищаютъ и хранятъ.
Я удрученъ заботою тяжелой
О подданныхъ моихъ—и потому
Я истомленъ и тѣломъ и душою.

(Входятъ Геликанъ *и другіе* сановники*).*

1-й сановникъ.
Да поселится радость и покой
Въ твоей душѣ священной!

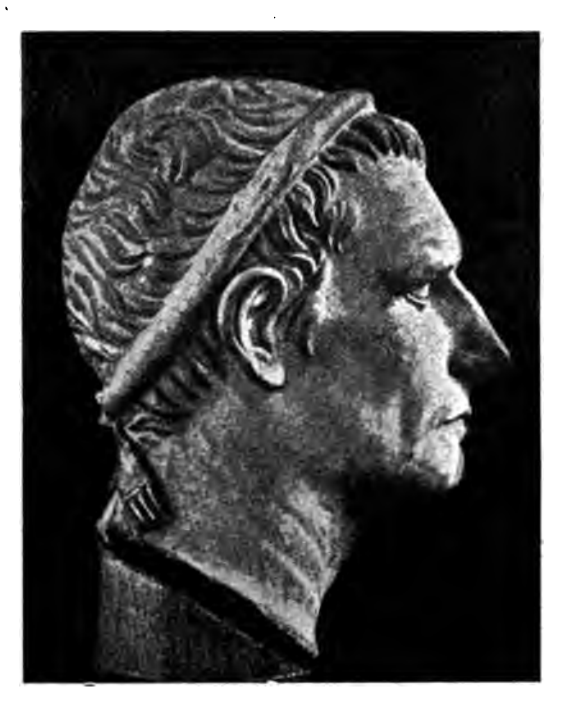
2-й сановникъ.
Вкуси, вернувшись къ намъ,
Отраду и спокойствіе!

Геликанъ.
Довольно!
Пусть наставленье опыта раздастся...
Тотъ врагъ царя, кто хочетъ льстить ему.
Отъ лести раздуваются пороки,
Какъ пламя отъ мѣховъ. Кто внемлетъ ей,
Становится лишь искрой, что пылаетъ,
Бросая свѣтъ, какъ на нее подуютъ.
Правдивые и честные совѣты
Нужны царямъ; они, вѣдь, тоже люди,
А потому способны заблуждаться.
Когда угодникъ жалкій льститъ тебѣ,
Опасенъ онъ; за дерзкое сужденье
Простить иль покарать имѣешь власть.
Склонясь во прахъ, могу ль я ниже пасть?

Периклъ.
Оставьте насъ однихъ; идите въ гавань.
Чтобъ корабли и грузы осмотрѣть.
Затѣмъ сюда вернитесь *(Сановники уходятъ).*
Геликанъ,
Ты изволновалъ меня. Что видишь ты
Въ моихъ очахъ?

Геликанъ.
Я въ нихъ читаю гнѣвъ.

Периклъ.
Опасенъ гнѣвъ царя. Своею рѣчью
Какъ смѣлъ его ты вызвать?

ЦАРЬ ИЗЪ ДИНАСТІИ АНТІОХОВЪ.
Антіохъ III; античная статуя II вѣка до Р. Х. въ парижскомъ Луврѣ.

Геликанъ.
Какъ растенья
Дерзаютъ иногда взглянуть на небо,
Что пищу имъ даетъ.

Периклъ.
Тебѣ извѣстно,
Что жизни я могу тебя лишить.

Геликанъ (*опускаясь на колѣни*).
Я наточилъ топоръ: рази, коль хочешь.

Периклъ.
Возстань и сядь. Я вижу—ты не льстецъ;
Благодарю за то. Избави небо,
Чтобъ о винахъ своихъ цари внимали,
Завѣсивъ уши. Тотъ лишь другъ царя
И преданный служитель, кто умѣетъ
Его заставить мудростью своею
Совѣтамъ внять и подчиниться имъ.
По твоему, что жъ надо дѣлать мнѣ?

Геликанъ.
Переносить съ терпѣньемъ то горе,
Что на себя накликиваешь самъ.

Периклъ.
О, Геликанъ, ты дѣлаешь, какъ врачъ,
Что, прописавъ лѣкарство, самъ не хочетъ
Испробовать его. Внимай же мнѣ.
Я былъ у Антіоха и, какъ знаешь,
Опасности тяжелой подвергаясь,
Искалъ руки красавицы отмѣнной,
Что мнѣ могла бъ потомство принести.
Потомство укрѣпляетъ власть царей
И подданнымъ приноситъ миръ и радость.
Ея лицо, красой, достойно неба;
Она жъ сама,—я шепотомъ скажу,
Черна, какъ любострастье. Убѣдившись,
Что тайну я узналъ, отецъ преступный
Не сталъ карать, но къ ласкѣ обратился.
Когда тиранъ лобзаетъ, опасайся!
Усилился мой страхъ—и я бѣжалъ,
Благодаря покрову темной ночи.
Теперь я о послѣдствіяхъ забочусь.
Я знаю—онъ тиранъ, а страхъ тирановъ
Умѣриться не можетъ, а растетъ
Быстрѣй, чѣмъ ихъ года. Боясь, что я
Повѣдаю, какъ много славныхъ принцевъ
Погибло неповинно, чтобы скрыть,
Что ложе опозорено его,
Мою страну онъ наводнитъ войсками,
Ища предлогъ въ вредѣ мной нанесенномъ,
И по винѣ моей, коль я виновенъ,
Моя страна объята будетъ бранью,
Что не даетъ пощады и невиннымъ.
Ея дѣтей люблю я и тебя,
А ты меня за это укоряешь.

Геликанъ.
О, государь!

Периклъ.
Тяжелое раздумье
Меня беретъ, съ лица сгоняя краску.
Я сна совсѣмъ лишился. Эти думы
Во мнѣ вселяютъ тысячи сомнѣній
Въ возможности предотвратить грозу.
Своей странѣ не знаю—какъ помочь;
А потому томлюсь и день, и ночь.

Геликанъ.
Ты мнѣ позволилъ правду говорить,—
И потому я буду откровененъ.
Коль ты боязнь питаешь къ Антіоху
И вправѣ ты тирана опасаться,
Который хочетъ дни твои пресѣчь
Иль тайною измѣной, иль войною,
Отправься путешествовать на время,
Пока его не укротится гнѣвъ
Иль не погибнетъ онъ по волѣ рока.
Кому нибудь правленье поручи;
Коль мнѣ, о царь, довѣришь должность эту,
Не будетъ день служить вѣрнѣе свѣту,
Чѣмъ я тебѣ.

Периклъ.
Я въ вѣрности твоей
Не сомнѣваюсь. Что предпримешь ты,
Коль на мои онъ посягнетъ права
Въ отсутствіи моемъ?

Геликанъ.
Тогда земля,
Что насъ вскормила съ лаской и любовью,
Упьется и его, и нашей кровью!

Периклъ.
Прощай же, Тиръ! свой путь направлю въ Тарсъ;
Тамъ буду ждать извѣстій отъ тебя.
По нимъ соображу, что надо дѣлать.
Судьбу страны родной тебѣ ввѣряю,
Того достойна опытность твоя.
Не надо клятвъ: и слову вѣрю я.
Кто слова своего сдержать не можетъ,
Въ томъ чести нѣтъ—и клятва не поможетъ.
Я убѣжденъ въ правдивости твоей
И знаю, что ты вѣренъ будешь ей.
Себя не опозоришь ты измѣной;
Другъ въ другѣ не найдемъ мы перемѣны:
Ты будешь преданъ мнѣ, увѣренъ въ томъ,
А я останусь доблестнымъ царемъ!
(Уходятъ).

—— —

СЦЕНА III.

Тиръ. Передняя дворца.

Входитъ Тальярдъ.

Тальярдъ. Вотъ—Тиръ и его дворецъ. Я долженъ здѣсь убить царя Перикла; коль этого не сдѣлаю, я увѣренъ въ томъ, что меня повѣсятъ, когда я возвращусь во свояси. Это опасно. Я замѣчаю по всему, что онъ человѣкъ весьма умный; поступилъ онъ осмотрительно, отказавшись узнать тайны царя, когда его спросили, чего онъ отъ него хочетъ. Я замѣчаю теперь, что онъ имѣлъ на то основательныя причины. Коль царь прикажетъ кому нибудь сдѣлаться негодяемъ, тотъ обязанъ сдѣлаться имъ вслѣдствіе принесенной присяги. Но вотъ, идутъ сюда сановники Тира.

Входятъ Геликанъ, Эсканъ *и другіе.*

Геликанъ.
Достойные товарищи мои,
Вамъ ничего я больше не могу
Повѣдать объ отъѣздѣ государя.
Уѣхалъ онъ; объ этомъ утверждаетъ
Та грамота, что онъ оставилъ мнѣ.

Тальярдъ *(въ сторону).*
Уѣхалъ царь!

Геликанъ.
Вамъ сообщить могу
Причину, что заставила его
Уѣхать, не простясь со всѣми вами.
Въ то время, какъ онъ былъ у Антіоха...

Тальярдъ.
Что скажетъ онъ?

Геликанъ.
Не знаю—почему,
Царя онъ въ гнѣвъ привелъ иль, можетъ быть,
Ему такъ показалось. Чтобъ загладить
Свою вину и доказать при этомъ,
Какъ онъ о ней глубоко сожалѣетъ,
Себѣ избралъ онъ долю моряка,
Который смерть ежеминутно видитъ.

Тальярдъ *(въ сторону).*
Прекрасно все устроилось; я вижу,
Что висѣлица мнѣ не угрожаетъ:
Отплытіе его меня спасетъ.
Узнавъ о томъ, нашъ царь не будетъ въ горѣ:
Онъ спасся здѣсь, за то погибнетъ въ морѣ.

Представлюсь имъ.
Миръ вамъ, вельможи Тира!

Геликанъ.
Привѣтствуемъ посла отъ Антіоха!

Тальярдъ.
Пріѣхалъ я съ письмомъ къ царю Периклу;
Но, такъ какъ онъ отправился въ дорогу
И цѣль его поѣздки неизвѣстна,
Я долженъ отвезти письмо обратно.

Геликанъ.
Ты правъ: намъ до письма и дѣла нѣтъ;
Оно не къ намъ, а къ нашему царю.
Но Тиръ глубоко преданъ Антіоху.
Позволь же намъ, страну твою любя,
Передъ отъѣздомъ угостить тебя!
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ Клеонъ, Діонисса *и* свита.

Клеонъ.
О, Діонисса, здѣсь поищемъ отдыхъ;
Не облегчимъ ли собственнаго горя
Разсказами о бѣдствіяхъ другихъ.

Діонисса.
Несчастный другъ! то—тщетное старанье
Утѣшитъ скорбь: посредствомъ раздуванья
Ты не надѣйся пламя потушить!
Безуменъ тотъ, кто хочетъ гору срыть.
Коль цѣли онъ достигнетъ, трудъ теряя,
Повыше первой явится другая.
Такъ наша скорбь; растенье сходно съ ней:
Подстричь его—оно растетъ сильнѣй.

Клеонъ.
О, Діонисса, кто жъ, нуждаясь въ пищѣ,
Не скажетъ, что она необходима,
И до кончины голодъ утаитъ?
Пусть наши вопли воздухъ оглашаютъ;
Пускай изъ глазъ текутъ потоки слезъ,
Чтобъ до небесъ дошли моленья наши.
Коль небо спитъ, когда мы въ тяжкомъ горѣ,
Пусть раздаются стоны и рыданья,
Пока оно намъ помощи не явитъ;
Поэтому я буду говорить
О бѣдствіяхъ, переносимыхъ нами...
Не станетъ словъ, мнѣ помоги слезами!

Діонисса.
Твое дѣлю я горе.

Клеонъ.
Въ гордомъ Тарсѣ,
Которымъ правлю я, царилъ достатокъ;
Сокровища по улицамъ валялись,
Дивя собой пріѣзжихъ иноземцевъ;
Такъ высоко его вздымались башни,
Что крыши ихъ ласкали облака.
Такъ жители богато убирались,
Что каждый могъ бы зеркаломъ служить,
Чтобъ передъ нимъ въ наряды облекаться.
Накрытый столъ плѣнялъ убранствомъ глазъ.
Не столько для ѣды, какъ на показъ,
Онъ украшался щедрою рукой;
Безжалостно гнушались нищетой;
Накрыла гордость всѣхъ своимъ покровомъ,
И слово „помощь“ стало браннымъ словомъ.

Діонисса.
Да, это правда!

Клеонъ.
Небо возмутилось
И покарало Тарсъ. Уста, что прежде
Ни море, ни земля, ни даже воздухъ
Не въ состояньи были ублажить,
Хоть щедрыя даянья приносили,—
Увяли отъ того, что пищи нѣтъ,
Какъ портятся дома, гдѣ нѣтъ жильцовъ.
Не болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ промчалось,
И тѣ жъ уста, что, полны пресыщенья,
Искали новыхъ яствъ, чтобъ тѣшить вкусъ,—
Теперь бы рады вымолить и хлѣба.
Тѣ матери, что золото бросали,
Чтобъ разряжать своихъ малютокъ милыхъ,
Готовы ихъ пожрать. Такъ страшенъ голодъ,
Что жены и мужья бросаютъ жребій—
Кому скорѣе пасть, чтобъ дни другого
Продлить немного. Въ ужасѣ страна.
Здѣсь вопли мужъ бросаетъ, тамъ жена;
Спасенья нѣтъ; повсюду плачъ и вой;
Въ страданьяхъ жертвы падаютъ толпой;
А у живыхъ недостаетъ и силы
Отъ голода погибшихъ класть въ могилы.
Не правда ль, что сказалъ я?

Діонисса.
Наши щеки
И тусклыя, безжизненныя очи
Твои слова безмолвно подтверждаютъ.

Клеонъ.
О, если бъ города, что пьютъ изъ чаши
Всѣхъ благъ земныхъ, обильемъ упиваясь
Могли бы услыхать нашъ скорбный вопль!

И ихъ постигнуть можетъ та же доля!
Послать бѣду—небесъ святая воля...

Входитъ сановникъ.

Сановникъ.
Гдѣ мнѣ найти правителя?

Клеонъ.
Онъ здѣсь.
Какое горе хочешь сообщить?
На радость мы разсчитывать не смѣемъ.

Сановникъ.
Сюда плывутъ большіе корабли;
Отъ гавани они ужъ не далеко.

Клеонъ.
Я этого боялся. Никогда
Безъ спутника несчастье не приходитъ,
Готоваго наслѣдовать ему.
Какой-нибудь завистливый сосѣдъ,
Желая нашимъ горемъ поживиться,
Свои суда войсками нагрузилъ,
Чтобъ насъ сразить, сраженныхъ ужъ бѣдою,
И надо мной, несчастнымъ, одержать
Безславную побѣду.

Сановникъ.
Нѣтъ, не бойся!
Судя по бѣлымъ флагамъ, что мы видимъ,
Они несутъ намъ миръ—и къ намъ идутъ
Не какъ враги, а добрыми друзьями.

Клеонъ.
Ты говоришь, какъ тотъ, кто не слыхалъ,
Что, чѣмъ наружность лучше, тѣмъ она
Обманчивѣй бываетъ. Пусть они
Приносятъ, что желаютъ. Опасаться
Намъ нечего. Коль смерть они несутъ,
Могилы передъ нами ужъ отверсты;
Скажи ихъ предводителю, что мы
Его здѣсь ждемъ, чтобъ онъ повѣдалъ намъ,
Зачѣмъ сюда онъ прибылъ и откуда,
Какая цѣль его?

Сановникъ.
Сейчасъ отправлюсь.
(*Уходитъ*).

Клеонъ.
Коль это миръ, мы шлемъ ему привѣтъ;
Коль брань, у насъ къ отпору силы нѣтъ!

Входитъ Периклъ со свитой.

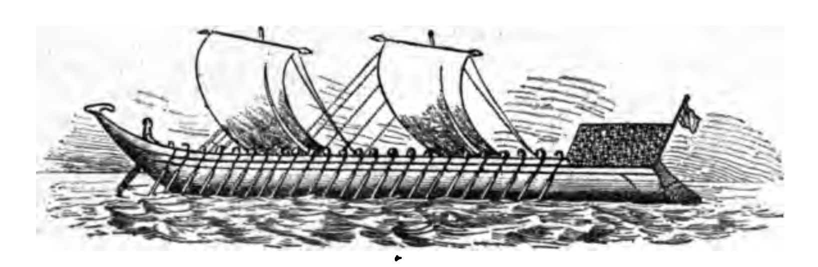
Периклъ.
Правитель этихъ странъ! ты не подумай,
Что мы сюда прислали корабли,
Чтобъ ими устрашать. О вашемъ горѣ
Еще мы въ Тирѣ слышали и сами
Здѣсь, въ городѣ, со страхомъ увидали,
Какое васъ несчастіе постигло.
Мы къ вашимъ слезамъ скорби не прибавимъ,
А уменьшимъ ихъ горечь. Въ корабляхъ,
Какъ нѣкогда въ конѣ осады Трои,
Не скрыты, съ злостнымъ умысломъ, войска:
Всѣ корабли нагружены зерномъ,—
И мы страну отъ голода спасемъ.

Всѣ.
За это, боги Греціи, храните
Великаго царя; мы за него
Молиться будемъ имъ.

Периклъ.
Прошу васъ, встаньте!
Передо мной колѣна не склоняйте;
Я не ищу почета, а любви,
И жду гостепріимнаго пріема.

Клеонъ.
Коль кто-нибудь тебѣ откажетъ въ немъ
И за твои благодѣянья къ намъ
Тебѣ неблагодарностью заплатитъ,
Да разразитъ того проклятье неба!
Не вѣрю, чтобъ могло случиться это.
Теперь же я прошу тебя принять
Привѣтствія и города, и наши!

Периклъ.
Твои мнѣ пожеланія пріятны;
Я погостить хочу въ твоей странѣ,
Пока судьба не улыбнется мнѣ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЙ КОРАБЛЬ.

ПЕНТАПОЛИССКІЕ РЫБАКИ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Говеръ.

Я двухъ царей представилъ вамъ;
Одинъ изъ нихъ,—о, тяжкій срамъ!—
Кровосмѣшеньемъ очерненъ:
Въ грѣхѣ свой вѣкъ проводитъ онъ;
Другой—и доблестенъ, и смѣлъ;
Извѣстенъ правдой словъ и дѣлъ.
Его невзгоды злыя ждутъ;
Не бойтесь, бѣдствія пройдутъ.
Вамъ предстоитъ узнать теперь,
Какъ иногда цѣной потерь
Стяжать возможно благодать:
Песчинку бросивъ, гору взять.
Все въ Тарсѣ добрый царь живетъ;
Встрѣчаетъ онъ вездѣ почетъ;
Ему готовы всѣ внимать;
Чтобы достойно честь воздать
Его дѣламъ, его уму,
Воздвигли памятникъ ему.
Но мнѣ пора покинуть васъ—
И потому прерву разсказъ.

ПАНТОМИМА.

Входятъ, съ одной стороны, Периклъ, *разговаривая съ* Клеономъ; *каждаго изъ нихъ сопровождаетъ* свита. *Съ противоположной стороны входитъ* гонецъ *съ письмомъ къ Периклу, который даетъ его прочесть Клеону. Периклъ награждаетъ гонца и возводитъ его въ рыцари. Затѣмъ Периклъ и Клеонъ расходятся.*

Говеръ.

Все въ Тирѣ Геликанъ живетъ;
Но онъ не ѣстъ, какъ трутень, медъ.
Добру уча, справляясь съ зломъ,
Онъ не живетъ чужимъ трудомъ.
Онъ свято чтитъ царя завѣтъ
И вотъ—прислалъ ему привѣтъ
И вѣсть о томъ, что въ Тирѣ былъ
Тальярдъ и смерть ему сулилъ,
А потому ему бъ вѣрнѣй
Разстаться съ Тарсомъ поскорѣй.
Царь принялъ мудрости совѣтъ;
Надеждой жизнь спасти согрѣтъ,
Онъ ввѣрилъ вновь волнамъ морскимъ
Свою судьбу; но тутъ надъ нимъ
Бѣда тяжелая стряслась;
Вскипѣли волны, грянулъ громъ,
Корабль и всѣ пловцы на немъ
Пошли ко дну; лишь царь одинъ,
Извѣдавъ гнѣвъ морскихъ пучинъ,
Спастися могъ; страданья полнъ,
Онъ долго былъ игрушкой волнъ;
Но, наконецъ, судьбой спасенъ—
На дальній берегъ вышелъ онъ.

Не разскажу вамъ продолженья;
Что дальше—дѣло представленья.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Пентаполисъ. Открытый берегъ моря.

Входитъ Периклъ, *отряхая воду*.

Периклъ.

О, гнѣвныя созвѣздья, укротитесь!
Бушующія волны, громъ и вѣтры,
Вы забывать напрасно не должны,
Что человѣкъ покоренъ вашей власти
И вынести борьбы не можетъ съ вами!
Меня сразили вы! На груды скалъ
Меня бросало море и носило
Изъ мѣста въ мѣсто; я въ живыхъ остался,
Чтобъ только о кончинѣ помышлять.
Къ несчастному явите состраданье!
Лишивъ меня друзей и достоянья,
Сдержите гнѣвъ. О, сжальтесь надо мной;
Я спасся отъ могилы водяной;
Но смерть моя, я знаю, неизбѣжна;
Хоть умереть мнѣ дайте безмятежно!

(*Входятъ* 3 рыбака).

1-й рыбакъ. Иди сюда, простофиля.

2-й рыбакъ. Приходи сюда и тащи за собой сѣти.

1-й рыбакъ. Торопись же, оборванецъ.

3-й рыбакъ. Что прикажешь, хозяинъ?

1-й рыбакъ. Не мямли, а то задамъ тебѣ.

3-й рыбакъ. Я все сожалѣю о несчастныхъ, что волны поглотили совсѣмъ у насъ въ виду.

1-й рыбакъ. Меня совершенно разстроили крики о помощи этихъ бѣдныхъ людей, но мы сами еле-еле спаслись.

3-й рыбакъ. Развѣ я не предсказывалъ, видя, какъ дельфинъ прыгалъ и носился по волнамъ, что случится недоброе? Они, какъ слышно, на половину рыба, на половину мясо. Будь они прокляты! Увидишь дельфина—такъ и знай, что придется покупаться. Удивляетъ меня, хозяинъ, какъ это рыбы живутъ въ морѣ!...

1-й рыбакъ. Да такъ же, какъ и люди на землѣ. Богатый скупецъ подобенъ акулѣ: она, плескаясь, гонитъ передъ собой цѣлую ватагу мелкой рыбы, а затѣмъ и набиваетъ себѣ ею полный ротъ и пожираетъ ее всю. Такія акулы встрѣчаются, какъ я слыхалъ, и на землѣ; онѣ все глотаютъ, пока не спрячутъ въ утробѣ и приходъ, и церковь, и колокольню, и колокола, словомъ—все.

Периклъ (*въ сторону*). Не дурно нравоученье.

3-й рыбакъ. Исполняй я должность звонаря, мнѣ было бы пріятно случиться на колокольнѣ въ этотъ день.

2-й рыбакъ. Что такъ, любезный?

3-й рыбакъ. Тогда бы и я угодилъ въ ея чрево и сталъ бы звонить, да такъ бы раззвонился, что она бы извергла и колокола, и колокольню, и приходъ, и церковь. Раздѣляй добрый царь Симонидъ мое мнѣнье...

Периклъ (*въ сторону*). Симонидъ!

3-й рыбакъ. Онъ бы очистилъ всю сторону отъ этихъ трутней, что поѣдаютъ весь медъ у пчелъ.

Периклъ (*въ сторону*).

Привычки рыбъ съ успѣхомъ изучая,
Они о человѣческихъ порокахъ
Невольно вспоминаютъ. Царство водъ
Наводитъ ихъ на все, что люди хвалятъ
Иль осуждаютъ. (*Громко*). Честнымъ рыбакамъ
Въ трудахъ желаю счастья и успѣха!

2-й рыбакъ. Что жъ, что мы честны? Какой изъ этого толкъ? Коль случится удачный день, вычеркни его изъ календаря и повѣрь, что никто о немъ не пожалѣетъ.

Периклъ.

На берегъ вашъ меня извергло море.

2-й рыбакъ. Какимъ же пьянымъ негодяемъ было море, если изрыгнуло тебя на нашу дорогу!...

Периклъ.

Бушуя на просторѣ, непогода
И яростныя волны, какъ мячомъ,
Играли мной. Страдальца пожалѣйте.
Васъ проситъ тотъ, кто еще просьбъ не вѣдалъ.

1-й рыбакъ. Ты не умѣешь просить. Жаль: у насъ здѣсь, въ Греціи, несравненно больше добываютъ, прося милостыню, чѣмъ мы трудомъ.

2-й рыбакъ. Не умѣешь ли, по крайней мѣрѣ, ловить рыбу?

Периклъ. Никогда не пробовалъ.

2-й рыбакъ. Плохо твое дѣло: умрешь съ голоду; здѣсь, если не съумѣешь самъ что-нибудь выудить, ничего не добудешь.

Периклъ.

Чѣмъ нѣкогда я былъ, того не помню;
Чѣмъ сталъ теперь, о томъ напоминаетъ
Жестокая нужда. Я весь дрожу

От холода, и кровь застыла въ жилахъ;
Едва могу пошевелить языкъ,
О помощи взывая. Если вы
Не внемлете моленьямъ, мнѣ не жить;
Тогда прошу меня похоронить.

1-й рыбакъ. Не зачѣмъ умирать; да спасутъ тебя отъ этого боги. Накинь мой плащъ и согрѣйся. Какой ты красивый малый! Мой домъ для тебя открытъ, пойдемъ; будетъ у насъ говядина для праздниковъ, рыба для постовъ, будутъ пироги и вафли; повѣрь, я гостю радъ.

Периклъ. Отъ души благодарю.

2-й рыбакъ. Ты сказалъ, любезный, что ты не въ состояніи нищенствовать?

Периклъ. Могу только умолять.

2-й рыбакъ. Только умолять? Такъ я самъ буду умолять и такимъ образомъ избѣгну розогъ.

Периклъ. Возможно ль, что у васъ всѣхъ нищихъ порятъ?

2-й рыбакъ. Нѣтъ, другъ, не всѣхъ, не всѣхъ. Если бы ихъ всѣхъ пороли, я бы съ радостью принялъ должность палача. Надо пойти, однако, хозяинъ, вытаскивать сѣти. *(Уходитъ съ 3-мъ рыбакомъ).*

Периклъ *(въ сторону)*. Какъ этотъ честный смѣхъ ихъ краситъ трудъ.

1-й рыбакъ. Знаешь ли ты, любезный, гдѣ находишься?

Периклъ. Не совсѣмъ.

1-й рыбакъ. Такъ я скажу тебѣ: нашъ городъ носитъ имя Пентаполиса, а царь нашъ—добрый Симонидъ.

Периклъ. Вы его называете добрымъ царемъ Симонидомъ?

1-й рыбакъ. Да, и онъ вполнѣ заслужилъ это названье, благодаря мирному царствованію и хорошему управленію.

Периклъ. Счастливъ этотъ царь, коль заслужилъ отъ подданныхъ названіе добраго за свое управленіе государствомъ. Въ какомъ разстояніи отъ этого прибрежья находится его дворецъ?

1-й рыбакъ. До него не болѣе, какъ полдня пути. У нашего царя—красавица дочь; завтра день ея рожденья. Со всѣхъ концовъ свѣта съѣхались принцы и рыцари, чтобъ чествовать этотъ торжественный день турниромъ—и, добиваясь ея любви, ломать копья въ честь ея.

Периклъ. Если бъ мое счастье могло равняться моимъ желаньямъ, какъ мнѣ было бы отрадно участвовать въ этомъ ристалищѣ.

1-й рыбакъ. О, господинъ, нужно всему предоставлять свое теченіе; и чего человѣкъ не можетъ самъ добиться, онъ имѣетъ законное право раздобывать, жертвуя спасеніемъ души своей жены.

(2-й и 3-й рыбаки возвращаются, вытаскивая сѣть).

Помоги, хозяинъ, помоги! Вотъ рыба, которая запуталась въ сѣти, какъ права бѣдняковъ запутываются въ сѣтяхъ законниковъ. Ну, наконецъ, вытащили сѣть, и могу сказать, не безъ труда; и что жъ? ожидаемая рыба превратилась въ ржавую кольчугу.

Периклъ.

Кольчугу вы нашли? друзья, позвольте
Мнѣ на нее взглянуть; судьба мнѣ шлетъ
Возможность чѣмъ-нибудь вернуть потери!
Кольчуга эта мнѣ принадлежала;
Въ кончины часъ, отецъ съ такимъ наказомъ
Мнѣ передалъ ее: „Прошу тебя,
О, мой Периклъ, беречь ее и холить;
Она щитомъ отъ смерти мнѣ служила;
Храни ее, какъ память обо мнѣ;
Быть можетъ, въ мигъ опасности и ты
Въ ней обрѣтешь охрану". Съ этихъ поръ
Не разставались мы, и я, какъ друга,
Любилъ ее; но буря разразилась,—
И море, что не вѣдаетъ пощады,
Меня съ ней разлучило, хоть теперь
Добычу возвратило, укротясь,—
И я могу съ своимъ мириться горемъ
Съ тѣхъ поръ, какъ даръ отца мнѣ отданъ моремъ.

1-й рыбакъ. Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

Периклъ.

Васъ просить
Мнѣ уступить завѣтную кульчугу,
Что нѣкогда царю щитомъ служила;
По этому значку ее призналъ я.
Любимаго отца я память чту
И потому кульчуги добиваюсь.
Затѣмъ прошу мнѣ указать дорогу,
Ведущую къ дворцу; въ доспѣхахъ бранныхъ
Передъ царемъ, какъ рыцарь, я предстану.
Коль грозная судьба мнѣ улыбнется,
Я за добро вамъ отплачу добромъ;
А нѣтъ—останусь вашимъ должникомъ.

1-й рыбакъ. Ты въ честь принцессы хочешь подвизаться?

Периклъ. О, нѣтъ, хочу лишь доблесть показать.

1-й рыбакъ. Возьми кольчугу—и да помогутъ тебѣ боги отличиться!

2-й рыбакъ. Хорошо, любезный; но только помни, что порвавъ сѣти, мы вытащили ихъ съ большимъ трудомъ; за это

слѣдуетъ вознагражденіе. Коль тебѣ удастся поправить обстоятельства, надѣюсь, что ты не забудешь тѣхъ, которые тебѣ помогли въ этомъ!..

Периклъ.

Повѣрь, услуги вашей не забуду;
Вы дали мнѣ одежду, а коня,
Что зрителей плѣнитъ своей красою,
Добуду я за цѣнное кольцо,
Что море не могло съ руки сорвать.
Недостаетъ мнѣ только чепраковъ.

2-й рыбакъ. И ихъ добудемъ; вырѣжи ихъ изъ моего лучшаго платья—и самъ я тебя провожу до дворца.

Периклъ.

Во имя чести цѣль себѣ прославлю;
Возвышусь иль бѣду къ бѣдѣ прибавлю!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дорога, ведущая къ ристалищу. Въ сторонѣ бесѣдки для царя, принцессы и вельможъ.

Входятъ Симонидъ, Таиса, вельможи *и* свита.

Симонидъ.

Гдѣ жъ рыцари? пора начать ристанье!

1-й вельможа.

Всѣ собрались они; для представленья
Они лишь твоего прихода ждутъ.

Симонидъ.

Скажи, что мы готовы ихъ принять.
Устроили мы это торжество,
Чтобъ дочери отпраздновать рожденье;
Какъ чудо красоты, сидитъ она
И для того природой создана,
Чтобъ возбуждать восторгъ и удивленье.

Таиса.

Мой царственный отецъ, твои хваленья
Не въ мѣру льстятъ достоинствамъ моимъ.

Симонидъ.

Такъ слѣдуетъ: вѣдь, небо создаетъ
Земныхъ владыкъ подобными себѣ;
Въ пренебреженьи жемчугъ блескъ теряетъ;
Такъ и цари свою теряютъ силу,
Коль почестей имъ мало воздаютъ.
Когда предъ нами рыцари предстанутъ,
Ихъ помыслы должна ты объяснять
По выбраннымъ девизамъ.

Таиса.

Постараюсь,
Какъ слѣдуетъ, исполнить порученье.

(Входитъ рыцарь; онъ проходитъ; его оруженосецъ представляетъ его щитъ принцессѣ).

Симонидъ.

Кто первымъ предстаетъ?

Таиса.

Спартанскій рыцарь;
Онъ выбралъ щитъ, что носитъ Эфіопа,
Который длань протягиваетъ къ солнцу.
Его девизъ: Lux tua vita mihi [1])

Симонидъ.

Кто жизнь готовъ отдать, тотъ крѣпко любитъ.
(Второй рыцарь проходитъ).
А кто второй?

Таиса.

То—македонскій принцъ.
Ему эмблемой служитъ: рыцарь въ латахъ,
Что домой побѣжденъ; подъ этимъ подпись
Гласитъ: Piu por dulzura que por forza [2]).
(Третій рыцарь проходитъ).

Симонидъ.

Кто третьимъ къ намъ пришелъ?

Таиса.

Сирійскій рыцарь;
Его девизъ—побѣдная награда
Съ словами: Me pompae provexit apex [3]).

(Четвертый рыцарь проходитъ).

Симонидъ.

Какой девизъ четвертаго щита?

Таиса.

Горящій факелъ, долу обращенный,
И подпись: Quod me alit, me extinguit [4]).

Симонидъ.

Онъ красоты провозглашаетъ власть;
Кто вѣренъ ей, тотъ съ честью можетъ пасть.
(Пятый рыцарь проходитъ).

Таиса.

На пятомъ нарисована рука,
Что держитъ въ тучѣ золота кусокъ
И золото на камнѣ испытуетъ.
Слова девиза: Sic spectanda fides [5]).
(Шестой рыцарь (Периклъ) проходитъ).

---

[1]) Твой свѣтъ—моя жизнь.
[2]) Нѣжностью больше, чѣмъ силой.
[3]) Достигъ вершины славы.
[4]) Что меня кормитъ, то и гаситъ.
[5]) Такимъ образомъ познается вѣрность.

Симонидъ.

Но кто шестой и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній,
Что самъ такъ ловко щитъ тебѣ представилъ?

Таиса.

Мнѣ кажется, онъ рыцарь иностранный;
Его эмблема—высохшая вѣтка
Съ верхушкой, что одна лишь зеленѣетъ.
Его девизъ гласитъ: in hac spe vivo [1]).

Симонидъ.

Девизъ прекраснѣйшій себѣ избралъ онъ
Въ его судьбѣ коль примешь ты участье,
Въ надеждѣ онъ извѣдать снова счастье.

1-й вельможа.

По внѣшности онъ мало обѣщаетъ:
Его доспѣхи ржавчиной покрыты,
И по всему замѣтно, что онъ лучше
Кнутомъ владѣть умѣетъ, чѣмъ оружьемъ.

2-й вельможа.

Онъ, можетъ быть, и вправду иностранецъ:
Другой бы не осмѣлился прибыть
На торжество въ такихъ доспѣхахъ жалкихъ.

3-й вельможа.

Ихъ, можетъ быть, не чистили нарочно
И ржавчину на нихъ приберегли,
Чтобъ самъ онъ могъ ихъ вычистить въ пыли.

Симонидъ.

Какая неразумная привычка
Лишь по наружности судить людей!
Но рыцари готовы. Въ галлерею
И намъ пора итди.

(Уходятъ; за сценой слышны громкіе крики: „О, жалкій рыцарь“).

СЦЕНА III.

Залъ во дворцѣ. Накрытый столъ.

Входятъ Симонидъ, Таиса, дамы, вельможи, рыцари и свита.

Симонидъ.

О, рыцари, излишне говорить
О томъ, что мы вамъ рады. Я надѣюсь,
Что отъ меня вы перечня не ждали
Всѣхъ подвиговъ, что совершили вы;
Я не хочу служить листомъ заглавнымъ
Къ той книгѣ, что описываетъ ихъ;
Къ тому жъ оно напрасно: честь и доблесть
Умѣютъ сами выказать себя.
Прошу гостей готовиться къ веселью;
На пирѣ пусть оно намъ служитъ цѣлью!

[1]) Этой надеждой живу.

Таиса.

Тебя жъ, мой гость и рыцарь, я царемъ
Провозглашаю нынѣшняго дня—
И подношу тебѣ вѣнокъ побѣды.

Периклъ.

Случайности я болѣе обязанъ
Въ успѣхѣ, чѣмъ достоинствамъ моимъ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЙ РЫБАКЪ.

Античная статуя III вѣка до Р. Х. (Римъ, Ватиканъ).

Симонидъ.

Суди, какъ хочешь; все жъ ты побѣдитель.
Завистниковъ межъ нами не найдешь.
Въ искусствѣ равныхъ нѣтъ; одинъ хорошъ,
А все другому долженъ уступить;
Всѣ доблестны они, а побѣдить
Лишь удалось тебѣ. Начнемте пиръ;
О, дочь моя, ты, празднества кумиръ,
Царицей же возсядь. Гостей моихъ
Разсадитъ маршалъ по заслугамъ ихъ.

Рыцари.
Благодаримъ за доброе вниманье.

Симонидъ.
Я честь люблю и радъ честнымъ гостямъ.
Кто чести врагъ, тотъ врагъ и небесамъ.

Маршалъ.
Вотъ мѣсто, что назначено тебѣ.

Периклъ.
Я этого отличья не достоинъ.

Маршалъ.
Не возражай; мы зависти не знаетъ
И высшихъ чтимъ; ихъ доблестямъ дивясь,
Не презираемъ тѣхъ, кто ниже насъ.

Периклъ.
Благодарю за честь.

Симонидъ.
Садись, садись!
(*Тихо*). Клянуся Зевсомъ, богомъ размышленій,
Такъ мысль о немъ преслѣдуетъ меня,
Что въ ротъ нейдетъ кусокъ.

Таиса (*тихо*).
Клянусь Юноной,
Богиней браковъ, такъ желаю я,
Чтобъ этотъ витязь сталъ моею пищей,
Что не могу дотронуться до явствъ!
Онъ—рыцарь благородный и отважный.

Симонидъ (*тихо*).
Онъ просто деревенскій дворянинъ;
Переломавъ копье иль два,
Немногимъ предъ другими отличился
И занимать не долженъ больше насъ.

Таиса (*тихо*).
Онъ для меня, что предъ стекломъ алмазъ.

Периклъ (*тихо*).
Съ моимъ отцомъ какъ сходенъ этотъ царь!
Онъ такъ же славенъ былъ и такъ же принцы
Какъ звѣзды, окружали тронъ его,—
И въ сонмѣ ихъ онъ всѣмъ казался солнцемъ.
Какъ меньшее свѣтило передъ большимъ,
Такъ передъ нимъ склонялися они.
А я свѣтлякъ, что блещетъ лишь въ тѣни
И меркнетъ, только день блеснетъ лучами.
Сѣдое время, ты царишь надъ нами!
Людей рождаешь ты и губишь ихъ,
И держишь ихъ судьбу въ рукахъ своихъ!

Симонидъ.
Не скучно ли вамъ, рыцари?

Всѣ.
Возможно ль
Въ присутствіи царя не веселиться!

Симонидъ.
По самый край я кубокъ наполняю
И такъ, какъ вы привыкли это дѣлать,
Когда красавицъ чествовать хотите,
Я, полной чашей, пью здоровье ваше.

Всѣ.
Премного благодарны!

Симонидъ.
Странно мнѣ,
Что рыцарь-побѣдитель что-то мраченъ,
Какъ будто пиръ, хоть онъ богатъ и пышенъ,
Не по нему. Какъ думаешь, Таиса?

Таиса.
Какое же до этого мнѣ дѣло?

Симонидъ.
О, дочь моя! ты помни, что цари
Должны и въ этомъ дѣйствовать, какъ боги,
Что осыпаютъ щедрыми дарами
Того, кто къ нимъ приходитъ на моленье.
Тотъ государь, что этому примѣру
Не слѣдуетъ, на комара похожъ:
Онъ все жужжитъ, а, коль его убьешь,
Ничтожностью своею поражаетъ.
А потому, чтобъ рыцаря потѣшить,
Скажи ему, что пью его здоровье.

Таиса.
О, мой отецъ, неловко съ незнакомцемъ
Такъ смѣло обращаться; онъ, пожалуй,
Мою любезность плохо объяснитъ:
Отъ женщины излишнее вниманье
Мужчина принимаетъ за признанье
И за безстыдство.

Симонидъ.
Дѣлай, какъ велю,
Иль раздражишь меня.

Таиса (*въ сторону*).
Клянусь богами,
Его приказъ я съ радостью исполню.

Симонидъ.
Скажи затѣмъ, что я узнать желаю,
Откуда онъ и какъ его зовутъ.

Таиса.
Мой царственный отецъ, отважный рыцарь,
Твое здоровье пьетъ.

Периклъ.
Благодарю.

ТАИСА.
При этомъ онъ тебѣ желаетъ счастья.

ПЕРИКЛЪ.
Ему я благодаренъ и тебѣ—
И въ вашу честь свой кубокъ осушаю.

ТАИСА.
Онъ мнѣ велѣлъ, при томъ, тебя спросить,
Откуда ты и какъ тебя зовутъ?

ПЕРИКЛЪ.
Я тирскій дворянинъ; зовусь Перикломъ;
Военныя науки изучивъ,
Отправился искать я приключеній;
Но море, разразившись грозной бурей,
Меня судовъ и спутниковъ лишило
И бросило меня на этотъ берегъ.

ТАИСА.
Тебѣ онъ благодаренъ за привѣтъ;
Изъ Тира онъ; его зовутъ Перикломъ;
Онъ потерпѣлъ крушенье и, лишившись
Своихъ судовъ, сюда былъ брошенъ моремъ.

СИМОНИДЪ.
Я о его несчастьѣ сожалѣю
И прогоню печаль съ его лица.
Окончимъ пиръ. Мы долго засидѣлись,
Теряя только время понапрасну;
Пора искать другихъ увеселеній;
Прошу васъ поплясать въ доспѣхахъ бран-
ныхъ;
Доспѣхи пляску рыцаря лишь красятъ;
Пусть мнѣ не говорятъ, что звонъ оружья
Не хорошо подѣйствуетъ на дамъ;
Всѣ дамы любятъ, что бы тамъ ни пѣли,
Мужчинъ въ оружьи также, какъ въ постели
(Рыцари пляшутъ).
Благодарю, отвѣтъ достоинъ просьбы;
Сюда любезный рыцарь! здѣсь безъ дѣла
Скучаетъ дама; съ нею потанцуй;
Вѣдь, я слыхалъ, что рыцари изъ Тира
Умѣютъ ловко съ дамами справляться
И мастера они въ степенныхъ танцахъ.

ПЕРИКЛЪ.
Да, государь, кто въ этомъ упражнялся.

СИМОНИДЪ.
Любезностью отдѣлаться не думай.
(Рыцари и дамы пляшутъ).
Пора и кончить; всѣмъ я благодаренъ;
Всѣ отличились вы; *(Периклу)* ты больше
всѣхъ;
Позвать пажей, чтобъ рыцарей они
Въ ихъ комнаты съ свѣчами проводили.
Тебѣ жъ покой близъ нашихъ отведенъ.

ПЕРИКЛЪ.
Къ твоимъ услугамъ я.

СИМОНИДЪ.
Прощайте, принцы;
Пора и отдохнуть; за позднимъ часомъ
Любовные прервите разговоры,
Хоть вы отъ нихъ, пожалуй, и не прочь.
Вернетесь къ нимъ, когда промчится ночь.
(Уходятъ).

РЫБАКЪ.
Античная статуя II вѣка до Р. Х. (Римъ).

СЦЕНА IV.

Тиръ; комната въ домѣ правителя.

Входятъ ГЕЛИКАНЪ *и* ЭСКАНЪ.

ГЕЛИКАНЪ.
Эсканъ, узнай всю правду! Антіохъ
Свой гнусный вѣкъ мрачилъ кровосмѣ-
шеньемъ,
И боги, не желая отложить

Я, выборъ одобряя, радъ ему;
Но все жъ о томъ ей было неизвѣстно,
Какъ это я приму; но все равно—
Не затяну я дѣла. Вотъ—и онъ;
Притворствовать немного не мѣшаетъ.

Периклъ (*входитъ*).

Во всемъ желаю счастья Симониду.

Симонидъ.

Такимъ же я желаньемъ отвѣчаю.
Благодарю за чудную игру,
Которой насъ плѣнилъ ты прошлой ночью.
Я никогда еще не тѣшилъ слуха
Гармоніей такой.

Периклъ.

Меня ты хвалишь
По добротѣ, никакъ не по заслугамъ.

Симонидъ.

Ты музыки давать бы могъ уроки.

Периклъ.

Мнѣ въ пору только быть ученикомъ.

Симонидъ.

Позволь тебя спросить, любезный рыцарь,
Какъ думаешь о дочери моей?

Периклъ.

Принцесса—добродѣтелей палата.

Симонидъ.

При томъ она прекрасна!...

Периклъ.

Да, прекрасна,
Какъ чудный лѣтній день.

Симонидъ.

Въ ея глазахъ
И ты—достойный рыцарь; въ ученицы
Она къ тебѣ желаетъ поступить;
Ты долженъ это къ свѣдѣнію принять.

Периклъ.

Повѣрь, я не гожусь въ учителя.

Симонидъ.

Она не раздѣляетъ это мнѣнье.
Прочти ея письмо.

Периклъ (*въ сторону*).

Глазамъ не вѣрю!
Въ своей любви принцесса признается,
То замыселъ царя на жизнь мою.
(*Громко*).
О, государь, зачѣмъ запутать хочешь
Ты рыцаря, сраженнаго несчастьемъ,
Что къ дочери твоей лишь относился
Съ глубокимъ уваженьемъ, о любви
И помышлять не смѣя.

Симонидъ.

Негодяй,
Ты дочь мою къ себѣ приворожилъ.

Периклъ.

Клянусь, не заслужилъ твоихъ упрековъ.
Я никогда ничѣмъ не вызывалъ
Ея любви, и гнѣвъ напрасенъ твой.

Симонидъ. Предатель, лжешь!

Периклъ. Предатель?

Симонидъ. Да, предатель.

Периклъ.

Лишь предъ царемъ склоняю я главу;
Другому отомстилъ бы за обиду.

Симонидъ.

Мнѣ нравится его неустрашимость.

Периклъ.

И помыслы, и дѣйствія мои
Полны и благородства и отваги;
Во имя чести прибылъ я сюда,—
Не для того, чтобъ стать бунтовщикомъ.
Кто съ этимъ не согласенъ, бойся мести!
Я докажу мечомъ, что тотъ врагъ чести.

Симонидъ.

Отъ дочери я разъясненій жду.
(*Входитъ Таиса*).

Периклъ.

Прекрасна ты и, вѣрно, правду любишь.
Разгнѣванъ твой отецъ; ему повѣдай,
Что о любви ни словомъ, ни письмомъ,
Тебѣ не намекалъ я никогда.

Таиса.

Будь это правда, въ чемъ же тутъ бѣда?
Меня не оскорбилъ бы ты участьемъ,
Когда его я почитаю счастьемъ.

Симонидъ.

Какое своеволье! (*Въ сторону*).
Отъ души
Я радъ тому. (*Громко*).
Смирить тебя съумѣю;
Покорности я выучу тебя;
За иноземца выйти собралась ты,
Не получивъ согласья моего! (*Въ сторону*).
А этотъ незнакомецъ, я увѣренъ,
Мнѣ по рожденью равенъ. (*Громко*).
Вамъ обоимъ
Даю совѣтъ не слишкомъ зазнаваться:
Коль подчиниться мнѣ вы не хотите,

Я сдѣлаю васъ мужемъ и женой.
Приблизьтесь. Вы союзъ должны скрѣпить
Пожатьемъ рукъ и нѣжнымъ поцѣлуемъ.
Соединяя васъ, надежды ваши
Разрушилъ я и, къ довершенью бѣдъ,
Васъ обвѣнчать даю теперь обѣтъ,
Желая счастья. Что жъ, довольны вы?

Таиса *(Периклу).*
Я счастлива, коль любишь ты меня.

Периклъ.
Люблю, какъ жизнь, какъ кровь, что въ жилахъ льется.

Симонидъ.
Согласны вы вѣнчаться?

Оба.
Государь,
Согласны, если такъ тебѣ угодно.

Симонидъ.
Скорѣе свадьбу надо намъ сыграть;
Затѣмъ, какъ только можно—и въ кровать.

ВООРУЖЕНІЕ ЭЛИНСКАГО ВОСТОКА.
Изъ пергамскихъ раскопокъ; (III—II в. до Р. Х.).

НЕПТУНЪ.
Античная статуя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Говеръ *(входитъ).*

Оконченъ пиръ; все спитъ кругомъ;
Дворецъ объятъ глубокимъ сномъ;
Умолкли крики, всюду тишь;
Лишь сторожитъ глазами мышь,
Близъ норъ запрятавшійся, котъ.
Сверчокъ въ печуркѣ пѣснь поетъ;
Сыграли свадьбу, часъ пришелъ,—
И дѣву юную возвелъ
На ложе брака Гименей;
Въ ту ночь съ невинностью своей
Разсталась дѣва—и она,
Зачавъ, быть матерью должна.
Все досказанное мной
Дополнить надо вамъ мечтой.
Но, вотъ—нѣмое представленье.
Вамъ разъясню его значенье.

ПАНТОМИМА:

Входятъ съ одной стороны Периклъ *и* Симонидъ *со* свитами. *Къ нимъ идетъ на встрѣчу* гонецъ, *который склоняетъ колѣна предъ* Перикломъ *и вручаетъ ему письмо.* Периклъ *показываетъ письмо* Симониду. Вельможи *становятся на колѣни передъ* Перикломъ. *Входитъ беременная* Таиса *съ* Лихоридой. Симонидъ *даетъ дочери письмо: она радуется. Она и* Периклъ *прощаются съ царемъ и уходятъ съ* Лихоридой *и* свитой. *Послѣ этого уходятъ* Симонидъ *и остальные.*

Повсюду посланы гонцы;
Они летятъ во всѣ концы;
Перикла ищутъ здѣсь и тамъ,
По отдаленнѣйшимъ странамъ,
И каждый уголокъ земли
Хотятъ извѣдать. Корабли
По всѣмъ морямъ за нимъ летятъ;
Ни силъ, не денегъ не щадятъ.
И вотъ, какъ ужъ узнали вы,
Его по голосу молвы
Нашли, и посланный гонецъ
Ему приноситъ во дворецъ
Письмо изъ Тира. Такъ гласитъ.

Посланье: „Антіохъ убитъ
Огнемъ небесъ за тяжкій грѣхъ;
А въ Тирѣ, по желанью всѣхъ,
Возвесть хотѣли въ царскій санъ
Правителя; но Геликанъ,
Желая бунтъ предотвратить,
Сказалъ, что согласится быть
Царемъ, но только черезъ годъ:
Перикла долженъ ждать народъ".
Какъ эти вѣсти разнеслись,
Возликовалъ Пентаполисъ;
Въ восторгѣ всѣ; всѣмъ лестно знать,
Что вѣнценосецъ—царскій зять.
Рѣшили тотчасъ ѣхать въ Тиръ,
Чтобъ водворить въ немъ снова миръ.
Царица лишь беретъ съ собой
Свою кормилицу. Рѣкой
Струятся слезы изъ очей
Таисы. Съ родиной своей
Разстаться бѣдная должна;
Пускай беременна она,
Но мужа ей оставить жаль—
И вотъ корабль несетъ ихъ въ даль.
Корабль плыветъ, судьбой хранимъ.
Нептунъ сначала ласковъ къ нимъ;
До половины пройденъ путь.
Вдругъ вѣтеръ сталъ ревѣть и дуть,—
И вѣтеръ, мрачный и сѣдой,
Такою страшною грозой
Дохнулъ на море, гнѣва полнъ,
Что сталъ корабль, средь лютыхъ волнъ,
Нырять, какъ утка. Всѣ дрожатъ;
Со всѣхъ сторонъ и смерть и адъ;
Царица такъ потрясена,
Что стала мучиться она
Родами. Здѣсь покину васъ,
И представленье мой разсказъ
Замѣнитъ вамъ. Внимайте снова;
Передаю актерамъ слово.

СЦЕНА I.

Входитъ Периклъ *на палубу корабля.*

Периклъ.

О, богъ морскихъ пучинъ, къ тебѣ взываю!
Бушующія волны укроти,
Что поглотить готовы адъ и небо.
А ты, что власть имѣешь надъ вѣтрами,
Изъ глуби вызвавъ ихъ, закуй ихъ въ цѣпи.
Довольно длилась буря. Пусть умолкнутъ
Раскаты оглушающаго грома—
И молніи сѣрнистыя угаснутъ!
О, Лихорида, какъ царица можетъ?
Ты хочешь, буря, въ яростныхъ порывахъ
Всю выхлестать себя. Сигналъ матроса
Не слышенъ, словно шепотъ въ ухо смерти.
Владычица пресвѣтлая, Луцина,
Что внемлешь ночью воплямъ и мольбамъ,
Спаси корабль, что утонуть готовъ,
И облегчи моей царицы муки!

Входитъ Лихорида *съ ребенкомъ.*

Периклъ.

Что, Лихорида?

Лихорида.

Вотъ тебѣ ребенокъ,
Что слишкомъ юнъ, чтобъ понимать опасность,
Которой намъ не суждено избѣгнуть.
Ребенокъ этотъ—даръ, послѣдній даръ
Скончавшейся царицы.

Периклъ.

Что я слышу!

Лихорида.

Тяжелую утрату, государь,
Перенеси съ терпѣньемъ. Грозной бурѣ
Не помогай проклятьями. Царица,
Оставивъ дочь-малютку, умерла.
Мужайся для нея и постарайся
Сдержать свое отчаянье.

Периклъ.

О, боги,
Зачѣмъ вы заставляете любить
Свои дары роскошные, когда
Такъ скоро ихъ уносите обратно?
Что мы даримъ, то не беремъ назадъ;
И въ этомъ человѣкъ достойнѣй васъ.

Лихорида.

Для дочери снеси съ терпѣньемъ горе.

Периклъ.

Пусть жизнь твоя промчится безмятежно
За то, что ты такъ бурно родилась!
Пусть будетъ нравъ твой кротокъ, потому
Что никогда на свѣтъ не появлялась
Съ такимъ привѣтомъ грубымъ дочь царя!
Пусть счастье осѣнитъ твою главу.
Огонь и воздухъ, небо и земля,
Разгнѣванныя волны,—всѣ стихіи
Слились, чтобъ возвѣстить съ зловѣщимъ ревомъ
О томъ, что родилась ты; не успѣла
Ты глазъ открыть, какъ понесла утрату,
Что замѣнить ничто не въ состояньи.
Надъ бѣдною малюткой сжальтесь, боги,
И съ милостью взгляните на нее!

Входятъ ДВА МАТРОСА.

1-й МАТРОСЪ.
Мужайся, царь! Господь храни тебя!

ПЕРИКЛЪ.
Отваженъ я и бури не боюсь;
Лишивъ меня всего, что я любилъ,
Она мнѣ зла не можетъ больше сдѣлать.
Лишь изъ любви къ несчастному младенцу,
Что обреченъ на плаванье съ рожденья,
Желаю я, чтобъ стихла злая буря.

1-й МАТРОСЪ. Одного только боюсь, что порвутся канаты; а то пусть себѣ злится и мечется буря.

2-й МАТРОСЪ. Только бы выбраться въ открытое море, а тамъ мнѣ все равно: взбалмученныя и покрытыя пѣной волны, цѣлуйтесь, если хотите, хоть съ мѣсяцемъ!

1-й МАТРОСЪ. Государь, надо выбросить трупъ царицы за бортъ: море такъ гнѣвно, вѣтеръ такъ злится, что они не угомонятся, пока на кораблѣ останется усопшая.

ПЕРИКЛЪ. Это одинъ предразсудокъ.

1-й МАТРОСЪ. Не сердись, государь, но мы всегда этого держимся и свято чтимъ этотъ обычай. Ты долженъ намъ уступить. Непремѣнно надо выбросить ея тѣло въ море.

ПЕРИКЛЪ. Пусть будетъ по-вашему; о, злосчастная царица!

ЛИХОРИДА. Тамъ, государь, тѣло ея.

ПЕРИКЛЪ.
Подруга дорогая, для родовъ
Ужасное тебѣ досталось ложе:
Ни свѣта, ни огня. Тебя забыли
Враждебныя стихіи. Не могу я
Тебя съ обрядами предать землѣ родной:
Въ пучину водъ твой трупъ я долженъ бросить,
Едва твой гробъ заколотить успѣютъ;
Я не могу воздвигнуть мавзолея
Надъ милою и освѣтить его огнемъ
Неугасаемыхъ лампадъ;
Ты ляжешь между раковинъ простыхъ,—
И только волны съ ропотомъ и плескомъ
Да бьющіе фонтанами киты
Твое придавятъ тѣло! Лихорида,
Скажи, чтобъ Несторъ мнѣ сюда принесъ
Чернильницу, бумаги, ароматовъ
И ящикъ съ драгоцѣнностями; также
Пусть принесетъ Никандръ ларецъ роскошный.
Ребенка положите на подушку.
Я, между тѣмъ, прочту надъ ней молитвы
И съ ней прощусь на вѣки. Торопись.
(*Лихорида уходитъ*).

2-й МАТРОСЪ. Государь, у насъ подъ палубой находится совершенно готовый ящикъ; онъ осмоленъ и законопаченъ.

ПЕРИКЛЪ. Благодарю. Скажи мнѣ, морякъ, какой этотъ берегъ?

2-й МАТРОСЪ. Мы невдалекѣ отъ Тарса.

ПЕРИКЛЪ.
Такъ, вмѣсто Тира, въ Тарсъ направимъ путь;
Какъ скоро до него добраться можно?

2-й МАТРОСЪ. Къ разсвѣту, если только буря стихнетъ.

ПЕРИКЛЪ.
Поѣдемъ въ Тарсъ. Клеона я увижу;
Съ младенцемъ мнѣ до Тира не доѣхать.
Его оставлю въ Тарсѣ: тамъ его
И выростятъ, и вскормятъ превосходно.
Ступай же. Тѣло вынесу сейчасъ.

СЦЕНА II.

Эфесъ. Комната въ домѣ Церимона.

Входятъ ЦЕРИМОНЪ, СЛУГА *и* НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ, *что потерпѣли кораблекрушеніе*.

ЦЕРИМОНЪ.
Эй, Филемонъ, сюда!

ФИЛЕМОНЪ (*входя*).
Меня позвалъ ты?

ЦЕРИМОНЪ.
Немедленно ты разведи огонь
И накорми усталыхъ бѣдняковъ.
Всю эту ночь свирѣпствовала буря.

СЛУГА.
Я много буръ видалъ, но никогда
Такой не приходилось еще видѣть.

ЦЕРИМОНЪ.
Твой господинъ свой вѣкъ окончитъ раньше,
Чѣмъ ты назадъ прійдешь. Я не могу
Ему помочь ничѣмъ (*Филемону*).
Сходи въ аптеку
И мой рецептъ отдай; потомъ мнѣ скажешь
Какъ дѣйствуетъ лѣкарство на больного.
Всѣ уходятъ, кромѣ Церимона. Входятъ два господина.

1-й ГОСПОДИНЪ.
Мое почтенье.

2-й ГОСПОДИНЪ.
Здравствуй, Церимонъ!

ЦЕРИМОНЪ.
Чуть брезжитъ свѣтъ, а вы ужъ поднялись!

1-й господинъ.
На самомъ берегу жилища наши;
Дома во время бури колыхались,
Какъ при землетрясеньи. Все дрожало;
Казалось намъ, они готовы рухнуть.
Лишь страхъ одинъ меня изъ дома выгналъ.

2-й господинъ.
Другой причины нѣтъ, что мы такъ рано
Тебя побезпокоили.

Церимонъ.
Нисколько!

1-й господинъ.
Я удивленъ, что ты одѣтъ съ зари
И ужъ стряхнулъ съ себя отдохновенья
Оковы золотыя. Странно мнѣ,
Что безъ причинъ себя тревожишь ты.

Церимонъ.
Всегда считалъ я знаніе и доблесть
Дарами, что гораздо драгоцѣннѣй,
Чѣмъ знатное рожденье и богатство.
Растратить деньги, имя опозорить—
Распутному наслѣднику легко,
Тогда какъ добродѣтели и знанье
Къ безсмертію ведутъ и человѣка
Уподобляютъ Богу. Вамъ извѣстно,
Что жизнь я медицинѣ посвятилъ;
Я изучалъ по опыту и книгамъ
Науки этой тайны; я узналъ
Цѣлебныя особенности травъ,
Металловъ и камней и, изучивъ
Болѣзни, удручающія смертныхъ,
Врачую ихъ; я въ этомъ нахожу
Гораздо больше истиннаго счастья,
Чѣмъ въ суетныхъ отличьяхъ и въ погонѣ
За золотомъ, что смерть придетъ отнять.

2-й господинъ.
Ты по всему Эфесу расточалъ
Твои благодѣянія, и сотни
Тобою излѣченныхъ называютъ
Тебя своимъ спасителемъ. На помощь
Приходишь ты не только міромъ знаній
И личными трудами, но для бѣдныхъ
Всегда готовъ свой кошелекъ открыть.
Ты увѣнчалъ себя такою славой,
Что обезсмертилъ имя Церимона.

(Входятъ 2 или 3 служителя съ ящикомъ).

1-й служитель.
Поставь его сюда.

Церимонъ.
Что это?

1-й служитель.
Ящикъ,
Что выбросило море; надо думать,
Что съ корабля разбитаго онъ брошенъ.

Церимонъ.
Разсмотримъ ящикъ.

2-й господинъ.
Онъ похожъ на гробъ.

Церимонъ.
Что бъ ни былъ онъ, а все тяжелъ ужасно.
Немедленно мы вскрыть его должны.
Коль чрево моря золотомъ полно,
Недурно, что оно его извергло
На берегъ нашъ.

2-й господинъ.
Конечно.

Церимонъ.
Это ящикъ
Законопаченъ и облитъ смолой.
Ты говоришь, что выброшенъ онъ моремъ?

1-й служитель.
Онъ принесенъ огромною волной;
Я никогда такой еще не видѣлъ.

Церимонъ.
Съ него снимите крышку осторожно...
Какъ сладостно благоухаетъ онъ!

2-й господинъ.
Прекрасный запахъ.

Церимонъ.
Волны аромата
По воздуху несутся. Сбросьте крышку!
О, боги! трупъ я вижу.

1-й господинъ.
Просто чудо.

Церимонъ.
Завернутъ онъ парчею драгоцѣнной;
Бальзамами онъ облитъ и обложенъ
Мѣшками благовоній. Тутъ же свитокъ.
О, Аполлонъ, дай руку разобрать!
(Читаетъ свитокъ).
„Коль этотъ гробъ невидимой судьбою
На берегъ моря выброситъ волна,
Узнайте: въ немъ, утраченная мною,
Царемъ Перикломъ, милая жена.
Землѣ святой ея предайте тѣло;
Примите въ даръ, лежащій съ нею, кладъ,—
И пусть за это праведное дѣло
Сторицею васъ боги наградятъ".
Коль живъ Периклъ, его разбито сердце,
А это нынче ночью приключилось.

2-й господинъ.
Весьма возможно.

Церимонъ.

Да, сегодня ночью:
Взгляни, какъ ликъ ея красивъ и свѣжъ.
Ее поторопились бросить въ море.
Раздуй огонь и принеси сюда
Изъ кабинета ящики съ лѣкарствомъ.

(Слуга уходитъ).

Порою смерть на многіе часы
Природу подавляетъ, но случалось,
Что жизни духъ одерживалъ побѣду
И рвалъ оковы смерти. Слышалъ я
Разсказъ объ египтянкѣ, что лежала,
Какъ бы объята смертью, въ продолженье
Восьми часовъ. Она затѣмъ воскресла,
Благодаря хорошему уходу.

(Входитъ слуга съ ящиками, полотенцемъ и огнемъ).

Церимонъ.

Ну, вотъ бѣлье, а также и огонь;
У насъ здѣсь нѣтъ хорошихъ музыкантовъ,
Но пусть они играютъ. Дай мнѣ склянку,
Скорѣй, скорѣй! Пусть музыка играетъ;
Какъ можно больше воздуха ей надо!
Царица оживетъ—я въ томъ увѣренъ;
Она ужъ пробуждается, я слышу
Ея дыханье теплое. Не больше
Пяти часовъ она лежитъ безъ чувствъ.—
И жизни цвѣтъ къ ней снова возвратился.

1-й господинъ.

Черезъ тебя свершилось это чудо—
И ты на вѣкъ свое прославилъ имя.

Церимонъ.

Она жива; опущенныя вѣжды,
Хранилища утраченныхъ Перикломъ
Сокровищъ, начинаютъ раздвигать
Бахромки золотыя—и алмазы,
Воды чистѣйшей, скоро засверкаютъ,
Чтобъ міръ обогатить своей красою.
Живи, цвѣтокъ роскошный, и разсказомъ
Объ участи своей чудесной
Заставь насъ плакать.

(Она дѣлаетъ движеніе).

Таиса.

Діана, гдѣ же я? Кто эти люди?
Гдѣ мой супругъ?

1-й господинъ.

Я изумленъ.

2-й господинъ.

Я тоже.

Церимонъ.

Прошу молчать, любезные сосѣди;
Перенести ее мнѣ помогите
Въ покой сосѣдній; дайте мнѣ бѣлья.
Съ ней обходиться надо осторожно,
А иначе ее погибель ждетъ;
О, Эскулапъ, приди ко мнѣ на помощь!

(Уходятъ, унося Таису).

СЦЕНА III.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ Периклъ, Клеонъ, Діонисса *и* Лихорида *съ* Мориной *на рукахъ.*

Периклъ.

Клеонъ, я долженъ ѣхать: годъ прошелъ,
И въ Тирѣ ненадежно. На прощанье
Сердечную признательность мою
Я выразить вамъ долженъ. У боговъ
Прошу я васъ всѣхъ лучшихъ въ мірѣ благъ!

Клеонъ.

Тебя смертельно ранившія стрѣлы
Безжалостной судьбы—и насъ сразили.

Діонисса.

Я въ горѣ, что по волѣ злого рока
Прелестную царицу ты не могъ
Сюда привесть, чтобъ мой утѣшить взоръ.

Периклъ.

Невольно покориться надо небу.
Когда я могъ ревѣть и волноваться,
Какъ море, гдѣ покоится она,
Все тщетными остались бы усилья
Перемѣнить рѣшенія судьбы.
Я поручаю вашей добротѣ
Мою малютку милую, Морину.
Такое имя мною ей дано,
Такъ какъ она на морѣ родилась.
Ее заботамъ вашимъ довѣряя,
Прошу ее по-царски воспитать,
Какъ требуетъ того ея рожденье.

Клеонъ.

Объ этомъ, государь, не безпокойся!
Мою страну ты спасъ своимъ зерномъ,
За что народъ тебя доселѣ славитъ;
Мы доказать съумѣемъ благодарность
И дочери твоей. Когда бъ я могъ
Къ ней отнестись съ позорнымъ равнодушьемъ,
Народъ, тобой спасенный, заклеймилъ бы
Мою неблагодарность. Если только
Нуждаюсь я въ подобномъ побужденьи,
Да разразятъ меня за это боги,
Моихъ дѣтей и все мое потомство!

ЦЕРИМОНЪ ЧИТАЕТЪ ГРАМОТУ ПЕРИКЛА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Периклъ.

Тебѣ я вѣрю. Честь твоя и доблесть
Безъ клятвъ—порукой въ томъ. Клянусь Діаной,
Которую мы чествуемъ и славимъ,
Что ножницы моихъ волосъ не тронутъ,
Пока не выйдетъ замужъ дочь моя,
Хотя бъ и зло могли увидѣть въ этомъ.
Затѣмъ прощаюсь съ вами. Діонисса,
Надѣюсь, что меня ты осчастливишь,
Заботливо малютку возращая.

Діонисса.

И у меня есть дочь, ее любить
Не буду больше я, чѣмъ дочь твою.

Периклъ.

Въ моихъ мольбахъ тебя я не забуду.

Клеонъ.

До берега тебя проводимъ мы
И тамъ твою судьбу Нептуну ввѣримъ,
Прося его защиты и покрова.

Периклъ.

Я принимаю ваше предложенье;
Пора идти. Не плачь, о, Лихорида;
Съ любовью ты малютку охраняй;
Твоихъ услугъ она не позабудетъ,
Когда большая станетъ. Время ѣхать!
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Эфесъ; комната въ домѣ Церимона.

Входятъ Церимонъ *и* Таиса.

Церимонъ.

Съ тобой въ гробу сокровища лежали:
Они твои; письмо нашелъ я также.
Не знаешь ли, кѣмъ писано оно?

Таиса.

Моимъ супругомъ. Помню хорошо,
Что на корабль беременной я сѣла;
Но не могу навѣрное сказать,
Клянусь богами, тамъ ли разрѣшилась.
Увы! Перикла вновь я не увижу,
Любимаго супруга моего.
И потому одѣнусь я весталкой
И откажусь отъ радостей земныхъ.

Церимонъ.

Царица, если такъ рѣшила ты,
Недалеко отсюда храмъ Діаны,
Гдѣ можешь поселиться навсегда.
Коль хочешь, я племянницу свою
Тебѣ пришлю, чтобъ за тобой ходила.

Таиса.

Могу лишь благодарностью платить
За щедрыя твои благодѣянья:
Утративъ все, дарю одни желанья.

(Уходятъ).

Концовка Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входитъ Говеръ.

Периклъ безъ бѣдъ пріѣхалъ въ Тиръ;
Тамъ онъ нашелъ любовь и миръ;
Убѣжищемъ Діаны храмъ
Его жена избрала. Тамъ.
Она, убитая тоской,
Живетъ. Къ Моринѣ молодой
Вернемся въ Тарсъ. Красы полна,
Собой плѣняетъ всѣхъ она;
Ее встрѣчаетъ хоръ похвалъ;
Ее на славу воспиталъ
Клеонъ; но зависть бдитъ въ тѣни,
Ея пресѣчь желая дни.
У Діониссы дочь растетъ;
Она во всемъ примѣръ беретъ
Съ Морины; ловкостью своей
Она сравниться хочетъ съ ней;
Но это тщетная мечта:
Ей Филотена не чета.
Во всемъ Морина верхъ беретъ,
Коль шелкъ она порой плететъ
Рукою, что бѣла какъ снѣгъ,—
Ея работа лучше всѣхъ;
Иглой ли ранитъ полотно,
Плотнѣй становится оно;
Поетъ ли съ лютнею своей,
Въ лѣсу смолкаетъ соловей;
Діанѣ пишетъ ли привѣтъ—
И въ этомъ ей соперницъ нѣтъ,
Голубка Пафоса бѣла;
Ужель сравниться бъ съ ней могла
Ворона? Такъ Клеона дочь
Съ Мориной точно день и ночь.
Хвалы, какъ долгъ, а не какъ даръ,
Моринѣ шлются. Злой ударъ
Готовитъ Діонисса ей,
Чтобы она красой своей—
Не затемняла дочь. И вотъ
Ее убійца стережетъ.
Въ живыхъ ужъ Лихориды нѣтъ—
И легче скрыть убійства слѣдъ.
Года летятъ; въ хромыхъ стихахъ
Я разсказалъ вамъ о дѣлахъ
Минувшихъ лѣтъ, Когда бъ со мной
Вы не пошли одной тропой,
Затмиться могъ бы мой разсказъ.
Пора мнѣ вновь покинуть васъ;
Вотъ Діонисса; рядомъ съ ней
Стоитъ подкупленный злодѣй.
Оставлю васъ: чрезъ представленье
Узнать должны вы продолженье. *(Уходитъ).*

СЦЕНА I.

Тарсъ. Берегъ моря.

Входятъ Діонисса *и* Леонинъ.

Діонисса.

Давъ клятву, ты ее исполнить долженъ;
Никто не будетъ вѣдать объ убійствѣ;
Свершивъ его, обогатишься разомъ;
Отбрось совѣты совѣсти холодной,
Которая разнѣжить можетъ сердце,
Въ него любовь вливая. Состраданью
Вели молчать; оно, какъ это видишь,
Отвергнуто и женщиной. Будь твердъ
И доверши задуманное дѣло.

Леонинъ.

Я буду твердъ, но все жъ она прекрасна.

Діонисса.

Тѣмъ болѣе она боговъ достойна.
Она сюда свой направляетъ путь,
Оплакивая смерть любимой няни.
Рѣшился ль на убійство?

Леонинъ.

Да, рѣшился.

Входитъ Морина *съ корзиною цвѣтовъ.*

Морина.

Я Теллу обездолю, чтобъ цвѣтами
Покрыть твою могилу. Какъ ковромъ,
Все лѣто застилать ее я буду
Цвѣтами желтыми и голубыми,
Фіалками и ноготками. О, горе мнѣ,
Несчастной дѣвѣ! Въ бурю родилась я,
Въ тотъ часъ, когда моя скончалась мать,—
И съ дня рожденья только бури вижу,
Что отъ меня друзей моихъ уносятъ.

Діонисса.

Что жъ ты одна, Морина? Какъ случилось,
Что нѣтъ съ тобою дочери моей?
Не изнуряй себя напраснымъ горемъ;
Я няню замѣню тебѣ вполнѣ.
О, боги, какъ лицо твое поблекло
Отъ скорби безполезной! Дай цвѣты;
Отъ волнъ морскихъ они увянутъ скоро.
Здѣсь воздухъ свѣжъ. Ты можешь съ Леониномъ
По берегу пройтись. Тебя прогулка
Навѣрно освѣжитъ. *(Леонину).*
Дай руку ей
И съ нею погуляй.

Морина.
Я не хочу
Лишить тебя служителя.

Діонисса.
Ты знаешь, что тебя и твоего отца
Люблю я, какъ родныхъ. Онъ скоро будетъ
И, коль свое сокровище найдетъ
Увядшимъ и больнымъ, жалѣть онъ станетъ,
Что долго такъ отсутствовалъ. На насъ
Вознегодуетъ онъ за то, что мы
Не сберегли тебя. Пройдись немного
И прежнюю веселость не теряй;
Старайся сохранить свою красу,
Что стариковъ и юношей плѣняетъ.
Прошу, не безпокойся обо мнѣ:
Я и одна могу домой вернуться.

Морина.
Изволь, я погуляю, если хочешь;
Но этого совсѣмъ я не желаю.

Діонисса.
Тебѣ прогулка пользу принесетъ. *(Леонину).*
Не меньше получаса съ ней гуляй
И не забудь, что я тебѣ сказала.

Леонинъ.
Не безпокойся, я приказъ исполню.

Діонисса.
Тебя я оставляю не надолго;
Не утомляй себя ходьбою быстрой:
Вѣдь, о тебѣ заботиться должна я.

Морина.
Благодарю. *(Діонисса уходитъ).*

Не западный ли вѣтеръ
Здѣсь дуетъ?

Леонинъ.
Юго-западный.

Морина.
Когда
Я родилась, онъ съ сѣвера стремился.

Леонинъ.
Какъ это знать ты можешь?

Морина.
По разсказамъ
Моей старухи-няни. Мой отецъ,
Отваги полнъ, одушевлялъ матросовъ
Своимъ примѣромъ. Царственныя руки
Онъ не жалѣлъ, канаты напрягая.
Держась за мачту, съ моремъ онъ боролся,
Что палубу почти совсѣмъ разбило.

Леонинъ.
Когда жъ случались то?

Морина.
Какъ родилась я;
Ужасная свирѣпствовала буря.
Матроса, что справлялся съ парусами,
Снесло волною въ море. Всѣ смутились
И бросились къ кормѣ, покинувъ снасти.
Одинъ свисталъ; другой кричалъ безъ цѣли—
И всѣ пришли въ смятенье.

Леонинъ.
Брось разсказъ;
Читай свои молитвы.

Морина.
Что жъ ты хочешь?

Леонинъ.
Я помолиться время дамъ тебѣ.
Но торопись. Тебя услышатъ боги;
Я жъ поклялся съ тобой мгновенно кончить!...

Морина.
Зачѣмъ меня ты хочешь умертвить?

Леонинъ.
Я госпожи своей исполню волю.

Морина.
Скажи, зачѣмъ нужна ей смерть моя?
Клянусь, я никогда не оскорбляла
Ея ничѣмъ, ей угождать стараясь.
Ни одному живому существу
Я въ жизни зла не дѣлала. Повѣрь—
Ни мыши я, ни мухи не убила,
И если разъ я раздавила червя,
То плакала о томъ. Какой обидой
Могла я заслужить ея вражду?
Чѣмъ смерть моя ей можетъ быть полезна
И жизнь моя опасна?

Леонинъ.
Разсужденій
Не требуютъ моихъ; лишь приказанье
Исполнить долженъ я.

Морина.
О, невозможно,
Чтобъ ты его исполнилъ. По глазамъ
Я вижу, что ты добрый человѣкъ;
Недавно, объ опасности забывъ
И ранамъ подвергаясь, рознялъ ты
Двухъ дравшихся. То было благородно.
Ты и теперь не иначе поступишь.
Коль Діонисса мнѣ сулитъ погибель,

ОДЕЖДЫ ГРЕЧАНОКЪ.
(Античныя статуэтки изъ Танагры).

Стань между ней и мной и пощади
Слабѣйшую изъ двухъ.

Леонинъ.
Я клятву далъ
И въ жертву принести тебя я долженъ.
(Бросается на нее).

Входятъ пираты.

1-й пиратъ. Остановись, негодяй!
(Леонинъ убѣгаетъ).

2-й пиратъ. Добыча! добыча!

3-й пиратъ. Раздѣлимъ ее пополамъ, друзья, пополамъ. Тащи ее немедленно на судно.
(Пираты уходятъ съ Мориной).

СЦЕНА II.

Леонинъ *(входитъ).*

Леонинъ.
Разбойники похитили Морину;
Они изъ шайки грознаго Вальдеса.
Желаю ей счастливаго пути.
Она ужъ не вернется. Поклянусь,
Что я ее убилъ и въ море бросилъ;
Но подождать я долженъ: можетъ быть,
Они хотятъ потѣшиться лишь ею
И не возьмутъ съ собой. Когда вернется,
Похищенную мнѣ убить прійдется.
(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Митилены. Комната въ публичномъ домѣ.

Входятъ Пандеръ, сводня и Бультъ.

Пандеръ. Бультъ!

Бультъ. Что прикажете, хозяинъ?

Пандеръ. Поищи ты на рынкѣ товара. Митилены полны веселыхъ людей; мы и такъ уже много потеряли денегъ, очутившись во время ярмарки безъ женщинъ.

Сводня. Никогда еще не было у насъ такой бѣдности. Остались только три жал-

кія твари, и онѣ выбиваются изъ силъ, отъ безпрерывной работы онѣ совсѣмъ сгнили.

Пандеръ. Необходимо поэтому достать новыхъ, сколько бы ни пришлось заплатить за нихъ. Во всякомъ дѣлѣ нужно быть добросовѣстнымъ, а то никогда не процвѣтешь.

Сводня. Ты правду сказалъ: вѣдь не взращиваніемъ же бѣдныхъ подкидышей—а я ихъ воспитала штукъ одиннадцать дѣвчонокъ.

Бультъ. Да, лѣтъ до одиннадцати вы ихъ ростили, чтобы потомъ ихъ губить. Чтоже, пойти поискать?

Сводня. Конечно. Вѣдь та дрянь, что у насъ есть, свалится отъ перваго сильнаго вѣтра, до того всѣ онѣ больны.

Пандеръ. Да, правда, онѣ слишкомъ ненадежны, говоря по совѣсти. Бѣдная венгерка, родившая ребенка, вѣдь умерла.

Бультъ. И ребенка спроводила до того, сдѣлала его жаркимъ для червей. Пойдука я за товаромъ *(Уходитъ).*

Пандеръ. Хорошо бы имѣть тысячи три-четыре цехиновъ, жить спокойно и бросить дѣло.

Сводня. Зачѣмъ же бросать, скажи на милость? Стыдно, что ли, получать доходы на старости лѣтъ?

Пандеръ. Добрая слава не проходитъ вмѣстѣ съ доходами, да и доходовъ меньше чѣмъ непріятностей: хорошо бы скопить, пока мы молоды, состояньице и закрыть двери на запоры. Къ тому же мы въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ богами изъза нашихъ занятій, и это достаточная причина, чтобы поскорѣе уйти отъ дѣлъ.

Сводня. Ну вотъ еще! Во всякомъ дѣлѣ люди грѣшатъ.

Пандеръ. Конечно, но мы больше, чѣмъ кто либо. Да наши занятія нельзя назвать дѣломъ,—это совсѣмъ не профессія. Но вотъ и Бультъ вернулся.

Входитъ Бультъ, пираты *и* Морина.

Бультъ *(Моринѣ).* Иди-ка сюда. Вы, господа, говорите, что она дѣвственица?

І-й пиратъ. Мы въ этомъ не сомнѣваемся.

Бультъ. Хозяинъ, вотъ что я раздобылъ. Если она вамъ понравится, отлично; если нѣтъ, я потерялъ задатокъ, который далъ за нее.

Пандеръ. Бультъ, обладаетъ ли она какими нибудь талантами?

Бультъ. У нея красивое лицо, она хорошо говоритъ и отлично одѣта—какихъ тамъ еще талантовъ спрашивать?

Сводня. А сколько за нее требуютъ?

Бультъ. Меньше чѣмъ за тысячу: никакъ не уступаютъ.

Пандеръ. Ну, хорошо, господа, пойдемте со мной, я сейчасъ же вамъ уплачу деньги. Жена, возьми ее къ себѣ, объясни ей ея обязанности, научи ее быть обходительной съ гостями.

(Пандеръ и пираты уходятъ).

Сводня. Бультъ, запомни ея примѣты, цвѣтъ волосъ, ростъ, цвѣтъ лица, возрастъ, напиши ручательство въ дѣвственности и объяви аукціонъ; кричи: „кто больше всѣхъ дастъ, тому она достанется первому“. За такую дѣвственность прежде дорого платили, когда мужчины были не чета теперешнимъ. Исполни все въ точности.

Бультъ. Все будетъ сдѣлано согласно вашему приказанію. *(Уходитъ).*

Морина. Горе мнѣ! Почему Леонинъ такъ медлилъ, почему не сразу убилъ меня, а разговаривалъ? Или почему пираты не были достаточно жестокими и не бросили меня за бротъ искать мою мать на днѣ морскомъ?

Сводня. О чемъ печалишься, красотка?

Морина. О томъ, что я красива.

Сводня. Напрасно, боги надѣлили тебя многими дарами.

Морина. Я ихъ и не обвиняю.

Сводня. Ты попала въ мои руки, и твоя жизнь спасена.

Морина. Въ томъ то и горе мое, что я избѣгла смерти.

Сводня. Ты будешь жить въ довольствѣ и радости.

Морина. Нѣтъ.

Сводня. Говорю тебѣ, что тебѣ будетъ хорошо, ты отвѣдаешь самыхъ разныхъ господъ. Заживешь отлично—разнообразія будетъ сколько угодно. Почему ты затыкаешь уши?

Морина. Вы женщина?

Сводня. А чѣмъ бы ты хотѣла, чтобы я была?

Морина. Или честной женщиной, или совсѣмъ не женщиной.

Сводня. Да, ну тебя, дурочка! Придется, кажется, еще повозиться съ тобой. Образумься, ты еще совсѣмъ молодая лоза и будешь гнуться, какъ я захочу.

Морина. Да защитятъ меня боги!

Сводня. Если боги защитятъ тебя при посредствѣ людей, то нужно, чтобы нашелся человѣкъ, или нѣсколько человѣкъ, которые бы утѣшили тебя, кормили тебя,

растормошили тебя. А вотъ и Бультъ вернулся.

(*Входитъ* Бультъ).

Сводня. Ну что, объявилъ ты на площади о ней?

Бультъ. Я обо всемъ раструбилъ, чуть ли не каждый ея волосокъ перечислилъ, нарисовалъ полный ея портретъ словами.

Сводня. Ну и чтожъ, какъ къ этому отнеслась публика, въ особенности молодежь?

Бультъ. Они слушали съ такимъ вниманіемъ, точно имъ читали завѣщаніе ихъ отца. У одного испанца прямо таки слюнки потекли, и онъ пошелъ лечь въ постель отъ одного только описанія.

Сводня. Онъ навѣрное явится завтра къ намъ разряженный.

Бультъ. Еще сегодня вечеромъ онъ будетъ здѣсь. А вѣдь вы знаете, хозяйка, француза, который трясется когда ходитъ?

Сводня. О комъ ты говоришь, o monsieur Veroles?

Бультъ. Ну да. Онъ хотѣлъ подскочить отъ радости, слушая мое описаніе,—но только застоналъ отъ боли и поклялся, что придетъ посмотрѣть ее завтра.

Сводня. Отлично. Что касается его, то онъ принесетъ уже съ собой болѣзнь и здѣсь только возобновитъ ее. Я знаю, онъ прячется сначала въ тѣнь нашего дома, а потомъ показываетъ на солнцѣ свою лысину.

Бультъ. Если бы сюда собрались пріѣзжіе со всѣхъ странъ, они охотно бы поселились въ гостиницѣ подъ такой вывѣской, какъ эта дѣвушка.

Сводня (*Моринѣ*). Подойди ко мнѣ, пожалуйста. Тебя ожидаетъ счастье. Но помни: ты должна дѣлать видъ, что не согласна на то, что въ дѣйствительности готова сдѣлать, должна казаться безкорыстной, чтобы тѣмъ вѣрнѣе нажиться. Плачась на свою жизнь здѣсь, ты возбудишь жалость въ любовникахъ, а жалость порождаетъ доброе отношеніе, что составляетъ прямую выгоду.

Морина. Я васъ не понимаю.

Бультъ. Объясните ей все хорошенько, хозяйка. Эту краску стыда нужно согнать съ ея лица привычкой къ дѣлу.

Сводня. Ты правъ, такъ оно и будетъ. Вѣдь даже новобрачныя стыдятся сначала того, на что имѣютъ законное право.

Бультъ. Иныя стыдятся, иныя нѣтъ. Но послушайте, хозяйка, я ходилъ на рынокъ за жаркимъ...

Сводня. Можешь отрѣзать себѣ кусокъ съ вертела.

Бультъ. Могу?

Сводня. Какъ тебѣ въ этомъ отказать? Идемъ, дѣвочка. Мнѣ нравится твоя одежда!

Бультъ. Нечего еще мѣнять ее.

Сводня. Бультъ, разгласи по всему городу о нашемъ новомъ пріобрѣтеніи. Тебѣ же будетъ лучше отъ наплыва посѣтителей. Когда природа создала эту дѣвушку, она старалась о твоей выгодѣ. Поэтому расхвали ее какъ можно больше и ты пожнешь плоды своихъ стараній.

Бультъ. Ручаюсь вамъ, хозяйка, что громъ такъ не разбудитъ спящихъ угрей, какъ мои описанія ея красоты взволнуютъ распутниковъ. Я сегодня приведу нѣсколькихъ.

Сводня. Ступай. А ты иди за мной.

Морина.

Будь жгучь—огонь, сталь—острой, дно—глубокимъ,
Свой дѣвственный я поясъ сохраню.
И будь мнѣ въ томъ помощницей, Діана!

Сводня. Что у насъ общаго съ Діаной? Пожалуйста, иди за мной. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ Клеонъ *и* Діонисса.

Діонисса. Что сдѣлано, то сдѣлано. Напрасно выходишь изъ себя.

Клеонъ.

О, Діонисса,
Ни солнце, ни луна еще досель
Такого злодѣянья не видали.

Діонисса.

Ты, кажется, впадаешь снова въ дѣтство.

Клеонъ.

Владѣй я цѣлымъ міромъ, я бы отдалъ
Вселенную, чтобъ только уничтожить
Ужасное злодѣйство. О, Морина,
Ты чудной добродѣтелью своей
Рожденье превышала, хоть оно
Ни одному царю не уступало.
Жена, ты Леонина отравила;
Какъ жаль, что съ нимъ не выпила ты яда!
Достойную ты казнь бы понесла.
Что скажешь благородному Периклу,
Когда онъ дочь потребуетъ свою?

Діонисса.

Скажу ему, что умерла она.
Вѣдь парки не приставлены, какъ няньки,
Чтобъ смертныхъ охранять. Скажу, что ночью
Она скончалась. Кто жъ опроверженье
Мнѣ можетъ дать, коль самъ не прокричишь,
Желая добродѣтельнымъ прослыть,
Что вѣкъ ея убійство прекратило?

Клеонъ.

Ты совершила страшное злодѣйство.
Его ужаснѣй нѣтъ.

Діонисса.

Коль хочешь, думай,
Что птички Тарса выпорхнутъ отсюда,
Чтобъ обо всемъ Периклу разсказать.
Позоришь ты свое происхожденье
Подобнымъ малодушьемъ.

Клеонъ.

Гнусенъ тотъ,
Кто можетъ одобрять злодѣйство это,
Хотя бы въ немъ не принималъ участья.

Діонисса.

По твоему пусть будетъ; но никто
Съ тѣхъ поръ, какъ Леонинъ окончилъ дни,
Не знаетъ и не можетъ даже знать,
Какъ умерла она: На дочь мою
Она съ пренебреженіемъ глядѣла
И между ней и счастьемъ становилась.
Никто на Филотену не смотрѣлъ;
Всѣ взоры на Морину обращались,
И наша дочь во мракѣ обрѣталась,
Какъ истуканъ, не стоющій вниманья.
Меня только это—и, хоть ты,
Не любящій ребенка своего,
Считаешь и чудовищнымъ, и гнуснымъ
Поступокъ мой,—его я совершила,
Лишь дочь свою единую любя.

Клеонъ.

О, да простятъ тебѣ убійство боги!

Діонисса.

Периклу никогда о немъ не вѣдать.
Мы плакали, ее сопровождая
Къ послѣднему жилищу; мы донынѣ
По ней все носимъ трауръ; скоро будетъ
Готовъ ея надгробный монументъ;
Онъ говоритъ словами золотыми,
Блестящей эпитафіей о томъ,
Какъ много въ ней скрывалось рѣдкихъ качествъ;
А также о заботливости нашей,
Воздвигнувшей ей памятникъ богатый.

Клеонъ.

Ты съ Гарпіей сходна; она плѣняетъ
Лицомъ, достойнымъ ангела, въ то время,
Какъ сердце рветъ орлиными когтями.

Діонисса.

А ты похожъ на тѣхъ, что слезно ропщутъ
На то, что мухъ во время стужи нѣтъ;
Я знаю—ты исполнишь мой совѣтъ.
(Уходятъ).

Входитъ Говеръ.

(Памятникъ Морины въ Тарсѣ).

Говеръ.

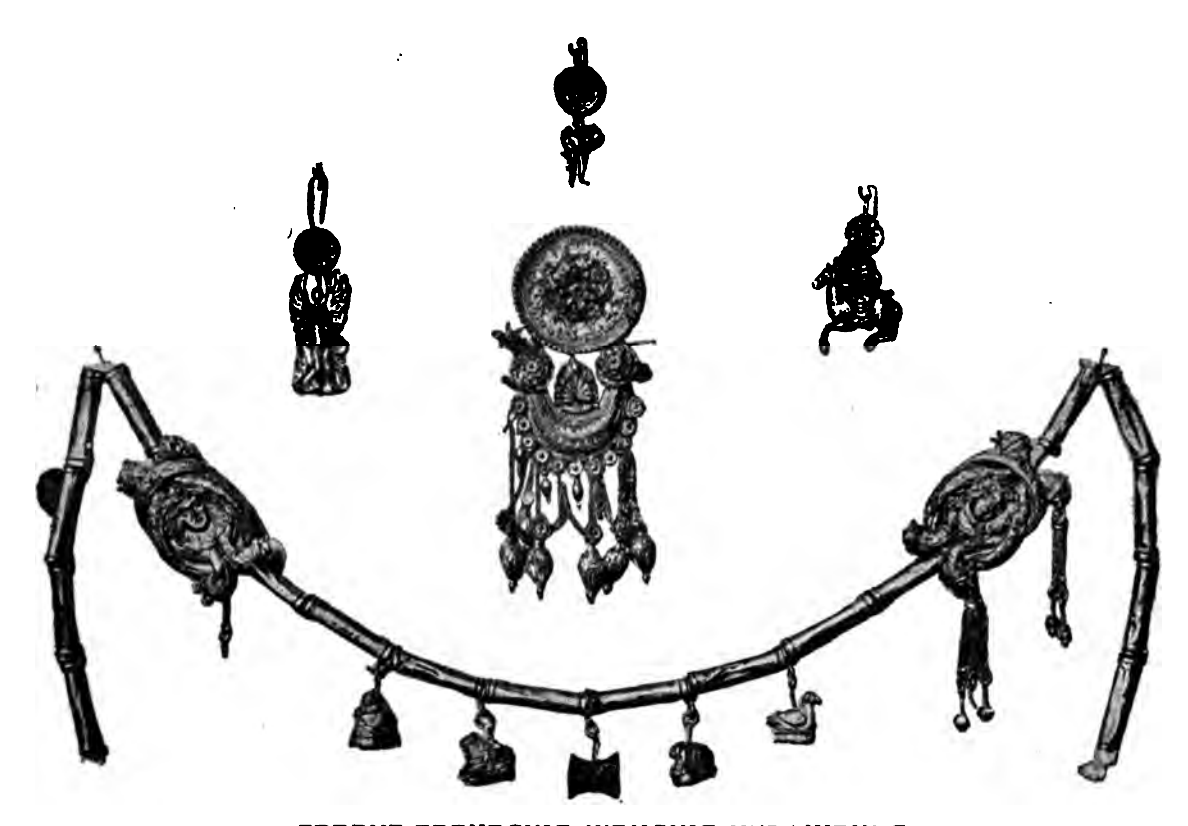
Мы укрощаемъ времени теченье;
Моря переплываемъ мы порой
И часто, на крылахъ воображенья,
Изъ края одного летимъ въ другой.
Я васъ водилъ по разнымъ странамъ свѣта,
Но все одинъ языкъ употреблялъ;
Въ томъ нѣтъ бѣды, и вы простите это,
Чтобъ начатый разсказъ я продолжалъ.
Покинувъ Тиръ, Периклъ пустился въ море,
Сановниками, свитой окруженъ;
Ничѣмъ не можетъ онъ утѣшить горе
И вотъ—увидѣть дочь желаетъ онъ.
Старикъ Эсканъ правителемъ остался;
Съ Перикломъ же поѣхалъ Геликанъ;
Корабль летитъ: попутный вѣтръ поднялся
И ихъ несетъ подъ небо дальнихъ странъ.
Предъ ними Тарсъ; оконченъ путь далекій;
Царь хочетъ взять съ собою дочь свою,—
Но ужъ ее сразилъ ударъ жестокій.
Я ихъ на мигъ, какъ тѣни, вамъ явлю.

ПАНТОМИМА:

Съ одной стороны входитъ Периклъ *со* свитой: *съ другой* Клеонъ *и* Діонисса. Клеонъ *показываетъ* Периклу *памятникъ Морины.* Периклъ *выражаетъ глубокую скорбь, надѣваетъ траурное платье и уѣзжаетъ, сраженный горемъ.*

Говеръ.

Обманъ и ложь отъ честныхъ взоровъ скрыты;
Не уличить притворную печаль!
Периклъ всему повѣрилъ и, убитый
Отчаяньемъ, свой путь направилъ въ даль.
Въ его душѣ не свѣтитъ лучъ надежды;
Онъ поклялся не стричь своихъ волосъ,
Не мыть лица и траурной одежды
Не покидать; его корабль понесъ
Въ обратный путь; вскипѣли вновь пучины;
Но спасся царь. Теперь прошу—со мной
Прочтите эпитафію Морины,

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЯ ЖЕНСКІЯ УКРАШЕНЬЯ.
Древности С.-Петербургскаго Эрмитажа. («Художественныя Сокровища Россіи»).

Произведенье Діониссы злой:
(Читаетъ надпись на памятникѣ Морины).
„Морина здѣсь лежитъ, принцесса Тира;
Ее сгубила смерть во цвѣтѣ лѣтъ.
Сливались въ ней всѣ совершенства міра;
Подобной ей и не было и нѣтъ.
Ѳетида, возгордясь ея рожденьемъ,
Край свѣта поглотить дала волнамъ;
Чтобъ вновь не подвергаться наводненьямъ,
Земля ее вернула небесамъ;
На землю разсердясь, въ порывѣ горя,
Ѳетида поклялась за дочь отмстить;
Съ тѣхъ поръ она кремнистый берегъ моря
Старается волнами затопить".
Коварству часто лесть оплотомъ служитъ.
Периклъ несется вдаль, судьбой гонимъ;
О дочери все плачетъ онъ и тужитъ;
На время мы должны разстаться съ нимъ.
Познавъ судьбы печальныя измѣны,
Въ невотѣ тяжкой дочь его живетъ.
Судьба ея ужасна. Въ Митилены,
Чтобъ съ ней побыть, направимъ свой полетъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Митилены. Улица передъ публичнымъ домомъ.

Изъ публичнаго дома выходятъ два господина.

1-ый господинъ. Слыхали ли вы что нибудь подобное?

2-ой господинъ. Нѣтъ, и никогда не услышу въ такомъ мѣстѣ, когда ея тамъ не будетъ.

1-ый господинъ. Говорить о религіи въ такомъ домѣ? Могло ли это присниться?

2-ой господинъ. Нѣтъ, нѣтъ. Надоѣли мнѣ притоны разврата. Ужъ не пойти ли лучше послушать пѣніе весталокъ?

1-ый господинъ. Я теперь способенъ на все добродѣтельное и навсегда потерялъ охоту къ распутству.

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Комната въ публичномъ домѣ.

Входятъ Пандеръ, сводня *и* Бультъ.

Пандеръ. Я былъ бы радъ заплатить вдвое противъ того, что она стоила, лишь бы ее здѣсь никогда не было.

Сводня. Негодяйка! Она можетъ заледенить самого бога Пріапа и помѣшать появленію на свѣтъ цѣлаго поколѣнія! Нужно или лишить ее невинности, или избавиться отъ нея. Вмѣсто того, чтобы угождать кліентамъ и исполнять свои обязанности, она принимается за свои выходки, за разсужденія, убѣжденія, молитвы, становится на колѣни; она самого черта превратила бы въ пуританина, если бы онъ вздумалъ покупать у нея поцѣлуй.

Бультъ. Я непремѣнно лишу ее невинности, а то она отвадитъ отъ насъ всѣхъ гостей и превратитъ всѣхъ нечестивцевъ въ священниковъ.

Пандеръ. Чума срази ее за ея отвращеніе ко мнѣ!

Сводня. Конечно, ничѣмъ инымъ не избавиться отъ нея, какъ наславъ на нее скверную болѣзнь. Вотъ идетъ Лизимахъ, переодѣтый.

Бультъ. У насъ толпились бы и знатные, и простые люди, если бы эта упрямая тварь уступала желаніямъ гостей.

Входитъ Лизимахъ.

Лизимахъ. Ну что, почемъ дюжина невинностей?

Сводня. Благослови Господь вашу милость!

Бультъ. Я радъ видѣть вашу милость въ добромъ здравіи.

Лизимахъ. Ты и долженъ радоваться. Для тебя выгодно, чтобы ваши посѣтители были здоровы. Скажи ка, нечестивецъ, найдется у тебя такая, съ которой можно было бы имѣть дѣло, не обращаясь послѣ того къ врачу?

Сводня. Есть у насъ одна, ваша милость, если бы только она согласилась— но въ Митиленахъ никогда еще не бывало подобнаго ей созданія.

Лизимахъ. Ты хочешь сказать, если бы она согласилась продѣлать то, что дѣлается въ темнотѣ?

Сводня. Ваша милость хорошо знаетъ, о чемъ я говорю.

Лизимахъ. Ну, позови ее, позови.

Бультъ. Что касается ея лица, то это кровь съ молокомъ; вы увидите настоящую розу и она была бы дѣйствительно розой, если бы ее только...

Лизимахъ. Что именно?

Бультъ. О, ваша милость, я умѣю быть скромнымъ.

Лизимахъ. Скромность дѣлаетъ честь и своднику, такъ же какъ репутація цѣломудрія красить всякаго человѣка.

Входитъ Морина.

Сводня. Вотъ та, которая цвѣтетъ какъ роза на стеблѣ; она еще никѣмъ не сорвана, ручаюсь за это. Ну что, развѣ она не хороша собой?

Лизимахъ. Да, ею можно было бы удовольствоваться послѣ долгаго морского плаванія. Вотъ возьми *(даетъ деньги)* и оставь насъ наединѣ.

Сводня. Умоляю вашу милость, позвольте мнѣ сказать ей еще пару словъ.

Лизимахъ. Пожалуйста.

Сводня (*Моринѣ*). Прежде всего помни, что это почтенный человѣкъ.

Морина. Я бы очень хотѣла, чтобы онъ оказался таковымъ, и чтобы я могла уважать его.

Сводня. Затѣмъ, онъ правитель края, и я отъ него въ зависимости.

Морина. Если онъ управляетъ городомъ, вы конечно зависите отъ него, но насколько почтенна для него ваша зависимость, я не знаю.

Сводня. Пожалуйста, безъ цѣломудренныхъ отповѣдей. Будешь ты съ нимъ любезна? Онъ насыпетъ тебѣ полный передникъ золота.

Морина. Все, что онъ даетъ изъ милости, я приму съ благодарностью.

Лизимахъ. Кончили вы ваши разговоры?

Сводня. Она еще не вышколена, ваша милость; вамъ придется еще потрудиться, чтобы приручить ее. Идемъ, оставимъ его милость наединѣ съ нею.

Лизимахъ. Отправляйтесь. *(Уходятъ сводня, Пандеръ и Бультъ)*. Скажи мнѣ, красотка, съ которыхъ поръ ты занимаешься этимъ ремесломъ?

Морина. Какимъ ремесломъ?

Лизимахъ. Я не могу назвать его, не обидѣвъ тебя.

Морина. Меня нельзя обидѣть, назвавъ мое ремесло. Пожалуйста назовите.

Лизимахъ. Съ какихъ поръ ты занялась этой профессіей?

Морина. Съ тѣхъ поръ какъ себя помню.

Лизимахъ. Какъ, такъ рано? Неужели

ты пошаливала уже въ пять лѣтъ, или въ семь?

Морина. Еще ранѣе, если можно сказать, что я это дѣлаю теперь.

Лизимахъ. Однако домъ, въ которомъ ты живешь, свидѣтельствуетъ о томъ, что ты продажное созданіе.

Морина. Какъ, вы знаете, что этотъ домъ таковъ, и приходите сюда? А мнѣ сказали, что вы почтенный человѣкъ и правитель края?

Лизимахъ. Развѣ твоя хозяйка открыла тебѣ, кто я?

Морина. Кто моя хозяйка?

Лизимахъ. Да вотъ эта продавщица овощей, которая сѣетъ зерна позора и зла. А, такъ тебѣ сказали о томъ, какой я облеченъ властью, и ты уклоняешься, ожидая болѣе настойчивыхъ убѣжденій. Но обѣщаю тебѣ, красотка, что я не отнесусь къ тебѣ какъ начальникъ, или во всякомъ случаѣ буду милостивымъ начальникомъ. Пойдемъ, уведи меня въ какой-нибудь укромный уголокъ: идемъ, идемъ!

Морина.

Коль скоро честь вамъ врождена—явите
Ее теперь, когда жъ ее вы сами
Пріобрѣли—постановите судъ,
Достойный васъ.

Лизимахъ. Что? что? Еще помудрствуй.

Морина.

Я дѣвушка, хотя судьбой жестокой
Заброшена я въ этотъ хлѣвъ свиной,
Гдѣ съ той поры, какъ я пришла—дороже
Оплачены болѣзни, чѣмъ лѣкарства.
Когда бъ меня освободили боги,
Въ ничтожнѣйшую пташку превративъ,
Что рѣетъ въ чистомъ воздухѣ!

Лизимахъ.

Не думалъ,
Чтобъ говорить такъ складно ты могла.
Приди сюда я съ сердцемъ развращеннымъ,
Его ты измѣнила бы. Возьми,
Вотъ золото. Иди путемъ достойнымъ
И впредь; тебя пусть боги подкрѣпятъ!

Морина.

Да сохранятъ васъ боги!

Лизимахъ.

Знай, безъ злого
Я умысла пришелъ. По мнѣ и дверь
И окна здѣсь имѣютъ гнусный запахъ.
Прости. Ты добродѣтельна, и вѣрю,
Воспитана была ты благородно.
Вотъ золото еще. Кляну того—
Пускай умретъ онъ воромъ—кто похититъ
Добро твое. И если вновь услышишь
Ты обо мнѣ, то къ благу для себя.

Бультъ (*возвращается*).

Бультъ. Пожалуйста, ваша милость и мнѣ дайте одинъ золотой.

Лизимахъ. Прочь, гнусный привратникъ. Вашъ домъ, если бы его не охраняло присутствіе этой дѣвственницы, провалился бы и раздавилъ васъ подъ своими развалинами. Прочь! (*Уходитъ*).

Бультъ. Это что такое? Мы должны по иному справиться съ тобой. Если твое упрямое цѣломудріе, которое не стоитъ и завтрака въ самой дешевой странѣ на свѣтѣ, погубитъ цѣлую семью, то пусть меня выхолостятъ какъ щенка. Иди за мной.

Морина. Что тебѣ отъ меня нужно?

Бультъ. Я долженъ лишить тебя невинности, или придется поручить это палачу. Идемъ. Больше ты не будешь отваживать нашихъ гостей. Идемъ, говорю тебѣ.

Сводня (*возращается*).

Сводня. Что случилось? въ чемъ дѣло?

Бультъ. Часъ отъ часу не легче. Она наговорила святыхъ словъ Лизимаху.

Сводня. Какая мерзость!

Бультъ. Она трубитъ о зловоніи нашей профессіи передъ лицомъ боговъ.

Сводня. Повѣсить бы ее за это!

Бультъ. Правитель обошелся бы съ ней какъ подобаетъ знатному господину, а она выпроводила его холоднымъ какъ комъ снѣга—да еще вдобавокъ съ молитвами на устахъ.

Сводня. Бультъ, забери ее, потѣшься надъ ней вволю, разбей стекло ея дѣвичества и сдѣлай ее болѣе податливой.

Бультъ. Будь она еще болѣе строптива, чѣмъ въ дѣйствительности, я добьюсь своего.

Морина. Внемлите, о внемлите, боги!

Сводня. Она заклинаетъ боговъ: вонъ ее. И зачѣмъ только она попала ко мнѣ въ домъ! Повѣсить бы ее! Она создана намъ на погибель. Ты не согласна покориться женской участи? Подожди, перестанешь кичиться своимъ цѣломудріемъ. (*Уходитъ*).

Бультъ.

Пойдемъ со мной моимъ путемъ, красотка.

Морина.

Куда ведешь меня?

Бультъ.
Чтобъ взять алмазъ твой,
Который ты такъ цѣнишь высоко.

Морина.
Мнѣ на одинъ вопросъ отвѣть сначала.

Бультъ.
Ну, предлагай вопросъ твой.

Морина.
Чѣмъ желалъ бы
Ты сдѣлаться врагу?

Бультъ.
Пускай бы сталъ
Хозяиномъ, иль нѣтъ: моей хозяйкой.

Морина.
Онъ и она не такъ дурны, какъ ты,
Такъ какъ они тобой повелѣваютъ.
На мѣстѣ ты, которое занять
Послѣдній чортъ изъ ада бы стыдился:
Привратникъ ты у той двери проклятой,
Куда идетъ за тварью каждый пентюхъ,
И въ гнѣвѣ можетъ каждый грубіянъ
Дать по уху тебѣ. Подобна пища
Твоя—отрыжкѣ легкихъ зараженныхъ.

Бультъ. А по твоему, что я долженъ былъ бы дѣлать? быть солдатомъ и идти на войну? Иной солдатъ служитъ семь лѣтъ и въ награду лишается ноги, и даже не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы купить себѣ деревяшку!

Морина.
Все дѣлай, лишь не это. Очищай
Отъ нечистотъ вмѣстилища и трубы,
У палача подручнымъ будь. Любая
Изъ этихъ службъ—достойнѣе твоей.
И павіанъ ее для чести счелъ бы
Позорящей—умѣй онъ говорить.
Вотъ золото. Когда добыть хозяинъ
Хотѣлъ его черезъ меня—скажи:
Пѣть и плясать, и шить и прясть могу я,
Есть у меня и качества другія,
Которыми я хвастать не хочу;
Могу всему я этому учить.
И въ многолюдномъ городѣ, конечно,
Достаточно учениковъ найду.

Бультъ. И этому всему учить ты можешь?

Морина.
Коль не смогу, верни меня обратно,
И худшему изъ всѣхъ, кто здѣсь бываетъ.
Отдай меня на поруганье.

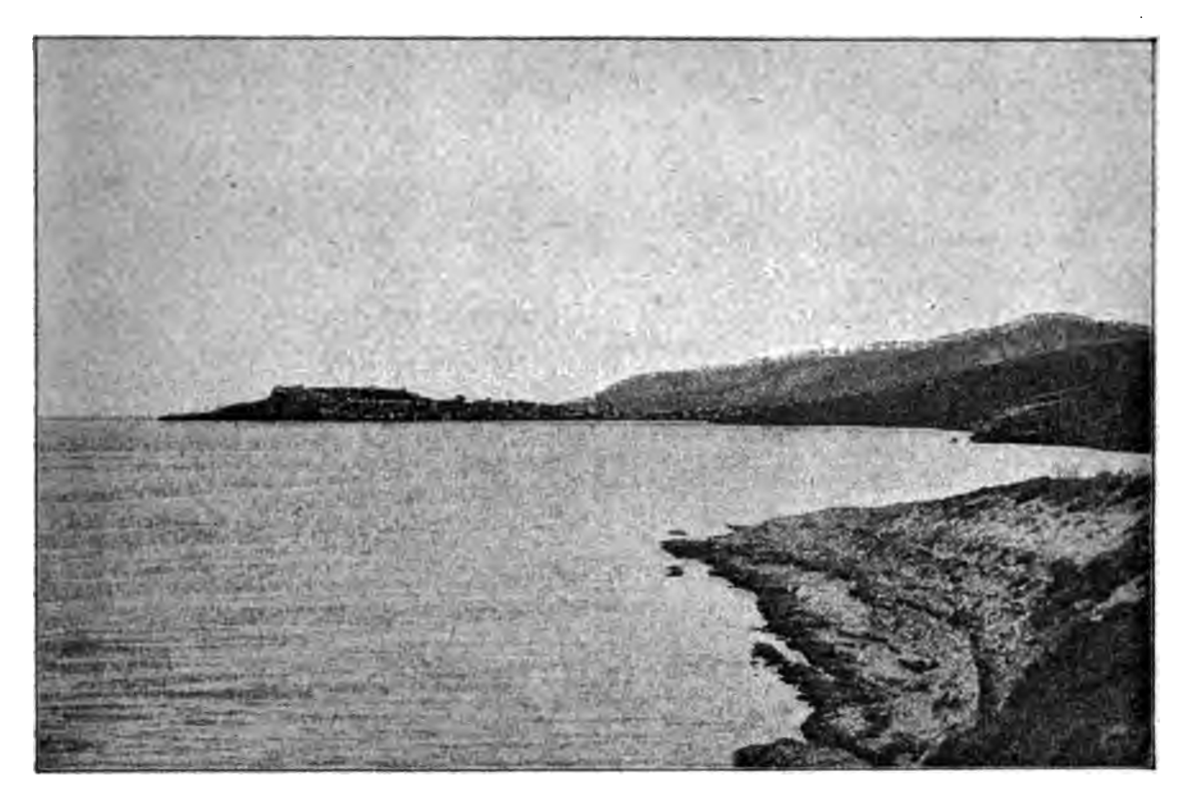
Бультъ. Ну хорошо, я похлопочу за тебя. Если смогу тебѣ найти мѣсто, я пристрою тебя.

Морина. Но только въ домѣ честной женщины.

Бультъ. У меня, сказать по правдѣ, мало знакомыхъ среди нихъ. Но такъ какъ тебя купили мои хозяева, то безъ ихъ согласія ничего нельзя сдѣлать. Поэтому, я сообщу имъ о твоемъ предложеніи, и надѣюсь уломать ихъ. Идемъ, я все что могу сдѣлаю для тебя. Идемъ-же. (*Уходятъ*).

БУЛЬТЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

МИТИЛЕНЫ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ Говеръ.

Морина, покидая домъ разврата,
У честныхъ женъ нашла себѣ пріютъ;
Поетъ ли, вдохновеніемъ объята,
Всѣ думаютъ: безсмертные поютъ;
Танцуетъ ли—богиней выступаетъ,
Плѣняя всѣхъ волшебною игрой;
Она умомъ ученыхъ поражаетъ;
Съ природою соперничать иглой
Старается она; шитьемъ выводитъ
Цвѣты и вѣтки, птицы и плоды,
И роза рукъ ея вполнѣ походитъ
На розу клумбъ; она на всѣ лады
Умѣетъ шить—и шерстью и шелками,
Что, подъ ея искусною рукой,
Съ красивой спѣлой вишней близнецами
Становятся. Ученики толпой
Стремятся къ ней. Работой ли, урокомъ
Добудетъ денегъ,—своднѣ ихъ несетъ.
Къ отцу ея вернусь; гонимый рокомъ
И бурями, онъ къ брегу пристаетъ,
Гдѣ дочь его влачитъ въ борьбѣ безплодной
Свой грустный вѣкъ, узнавъ тяжелый плѣнъ.
Въ тотъ день Нептуна праздникъ ежегодный
Справляетъ населенье Митиленъ.
Периклъ, скорбя о горестной потерѣ,
На кораблѣ повѣсилъ черный флагъ;
Въ своей, роскошно убранной, галерѣ
Къ нему плыветъ навстрѣчу Лизимахъ.
Войдемте на корабль; воображеньемъ
Дополните, что скроется отъ глазъ,
И дѣйствіе послужитъ продолженьемъ
Того, что вамъ повѣдалъ мой разсказъ.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Палуба Периклова корабля, близъ Митиленъ. На ней бесѣдка, завѣшанная занавѣсками. Въ ней Периклъ, возлегающій на ложѣ. Подлѣ корабля галеры.

Входятъ 2 матроса: *одинъ изъ нихъ принадлежитъ экипажу тирскаго корабля, другой съ галеры. За ними входитъ* Геликанъ.

1-й матросъ.

Гдѣ жъ Геликанъ? Одинъ онъ только можетъ
Рѣшить вопросъ. Да, вотъ, онъ самъ идетъ.
Изъ Митиленъ пристала къ намъ галера;
Въ ней Лизимахъ, правитель; онъ желаетъ
Корабль нашъ посѣтить. Какъ ты прикажешь?

Геликанъ.
Угодное ему мы можемъ сдѣлать.
Пусть явятся вельможи.

1-й матросъ.
Господа,
Пожаловать васъ проситъ Геликанъ.
(Входятъ 2 или 3 вельможъ).

1-й вельможа.
Ты пожелалъ насъ видѣть?

Геликанъ.
Нашъ корабль
Желаетъ посѣтить сановникъ важный;
Прошу его принять съ большимъ почетомъ.

Вельможи *и* матросы *впускаются въ галеру. Входятъ* Лизимахъ *со* свитой, вельможи *и* 2 матроса.

Тирскій матросъ.
Вотъ тотъ, который здѣсь повелѣваетъ.

Лизимахъ.
Привѣтствую тебя, почтенный старецъ;
Желаю, чтобъ тебя хранили боги!

Геликанъ.
Желаю, чтобъ и ты могъ пережить
Мои года и жизнь бы увѣнчалъ
Счастливою кончиной.

Лизимахъ.
Благодаренъ
За пожеланья добрыя. Нептуна
Мы чувствуемъ сегодня. Увидавъ
Роскошный вашъ корабль, я поспѣшилъ
Прибыть, чтобы спросить—откуда вы?

Геликанъ.
Позволь узнать, кто ты?

Лизимахъ.
Я Лизимахъ,
Правитель этихъ мѣстъ.

Геликанъ.
Корабль нашъ тирскій;
На немъ нашъ царь. Три мѣсяца ни слова
Онъ не сказалъ и пищу принимаетъ
Лишь для продленья горя своего.

Лизимахъ.
Не знаешь ли причинъ его унынья?

Геликанъ.
Мнѣ тяжело объ этомъ говорить.
Онъ сталъ такимъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ,
Жену и дочь.

Лизимахъ.
Могу ль его увидѣть?

Геликанъ.
Напрасно ты свиданья ищешь съ нимъ:
Онъ говорить не станетъ.

Лизимахъ.
Разрѣши
Исполнить мнѣ желанье.

Геликанъ.
Я согласенъ.
(Отдергиваетъ занавѣсъ; виденъ Периклъ).
Нашъ царь былъ и величественъ, и статенъ
До той ужасной ночи, что его
Такъ потрясла глубоко.

Лизимахъ.
Государь,
Привѣтствуя тебя, прошу боговъ
О ниспосланьи царственному гостю
Душевнаго спокойствія и здравья.

Геликанъ.
Привѣтъ напрасенъ твой: онъ не отвѣтитъ.

1-й сопутствующій Лизимаху.
Есть дѣва въ Митиленахъ, что навѣрно
Съумѣла бы уста его разверзнуть.

Лизимахъ.
Прекрасно ты придумалъ: я увѣренъ,
Что безъ вопросовъ, голосомъ волшебнымъ
И чуднымъ обаяньемъ чаръ своихъ,
Она его расшевелить съумѣетъ
И въ немъ пробудитъ чувства, что заглохли
Отъ тяжкаго страданья, лучше всѣхъ.
Она теперь съ подругами гуляетъ
Близъ острова, въ тѣни прохладной рощи.
(Шепчется съ однимъ изъ своихъ спутниковъ, который отплываетъ въ галеръ).

Геликанъ.
Напрасно все, я въ этомъ убѣжденъ;
Но мы ничѣмъ пренебрегать не смѣемъ,
Что можетъ принести хоть долю пользы.
На доброту твою располагаясь,
Позволь мнѣ разрѣшенія просить
На золото купить у васъ припасовъ—
Не потому, чтобъ въ нихъ нуждались мы,
Но потому, что порча ихъ коснулась.

Лизимахъ.
Когда отказъ послѣдуетъ на просьбу,
Какъ кару, могутъ праведные боги
Послать на наши жатвы саранчу
И цѣлую страну привесть въ унынье.
Позволь полюбопытствовать еще,
О чемъ скорбитъ вашъ царь?

Геликанъ.

Присядь сюда—
И обо всемъ я разскажу тебѣ.
Но, видишь, мнѣ мѣшаютъ.

Входитъ одинъ изъ сопутствующихъ Лизимаху *съ* Мориной *и ея* подругой.

Лизимахъ.

Вотъ она,
Та дѣва, за которой я послалъ.
Привѣтъ тебѣ, красавица. Не правда ль,
Какъ хороша она?

Геликанъ.

Вполнѣ прекрасна.

Лизимахъ.

Когда бъ я зналъ, что древенъ родъ ея,
Не пожелалъ бы лучшей я подруги
И съ нею бракъ—я счастьемъ бы считалъ.
(*Обращаясь къ Моринѣ*).
Щедротами тебя осыплетъ царь,
Коль отъ тебя получитъ облегченье,
Коль дивными дарами ты съумѣешь
Его заставить вновь заговорить:
Въ награду за лѣкарство ты получишь
Все то, что можешь только пожелать.

Морина.

Употребить всѣ средства постараюсь,
Чтобы ему помочь. Съ моей подругой
Къ нему я подойду. Пусть остальные
Оставятъ насъ.

Лизимахъ.

Исполнимъ ихъ желанье—
И боги да помогутъ предпріятью.
(*Морина поетъ*).

Лизимахъ.

На пѣнье обратилъ ли онъ вниманье?

Морина.

Онъ даже на меня и не взглянулъ.

Лизимахъ.

Съ нимъ рѣчь она заводитъ.

Морина.

Государь,
Внемли моимъ моленьямъ.

Периклъ.

Что я слышу!

Морина.

Я дѣвушка стыдливая; всегда
Пройти я незамѣченной стараюсь,
А на меня, какъ на комету, смотрятъ.
Страданья наши взвѣсь и, можетъ быть,
Мое не уступаетъ твоему,
Подавлена я злобною судьбою,
А все происхожу отъ предковъ славныхъ,
Что спорили могуществомъ съ царями.
Родителей моихъ на свѣтѣ нѣтъ—
И стала я рабою жалкой міра
И жертва злыхъ случайностей.
(*Въ сторону*). Хотѣла бъ
Я бросить предпріятіе свое;
Но краска выступаетъ на ланиты
И что то шепчетъ мнѣ: „не уходи,
Пока съ тобой онъ въ разговоръ не вступитъ“.

Периклъ.

О родѣ знаменитомъ... о страданьяхъ,
Испытанныхъ тобой, ты говорила,
Страданьяхъ, что моимъ не уступаютъ?

Морина.

Когда бъ ты зналъ мое происхожденье
Не сталъ бы ты, о, царь, гнушаться мной.

Периклъ.

Тебѣ готовъ я вѣрить; на меня,
Прошу, взгляни. Какой-то чудный образъ
Твои черты напоминаютъ мнѣ.
Гдѣ родина твоя? Скажи—не здѣсь ли?

Морина.

Не на землѣ я обрѣла отчизну,
Однако родилась на свѣтъ, какъ всѣ,
И правды я притворствомъ не скрываю.

Периклъ.

Я преисполненъ горя и сдержать
Рыданій я не въ силахъ. Эта дѣва
Сходна съ моею милою женою;
Такою же была бы дочь моя.
Да, сходство поразительно; у ней
Открытое чело моей царицы
И тотъ же ростъ. Она стройна, какъ стебель;
Ея прелестный голосъ серебристъ;
Глаза блестятъ, какъ чудные алмазы
Въ оправѣ драгоцѣнной; какъ Юнона,
Идетъ она; чѣмъ больше говоритъ,
Тѣмъ больше ей хотѣлось бы внимать—
И ей нельзя отрадными рѣчами
Вполнѣ насытить слухъ. Гдѣ ты живешь?

Морина.

Я призрѣна чужими: ты отсюда
Увидѣть можешь домъ, гдѣ обитаю.

Периклъ.

Скажи, гдѣ воспитанье получила
И гдѣ пріобрѣла тѣ дарованья,
Которыя собою украшаешь?

Морина.

Такъ странны похожденія мои,
Что можетъ показаться жалкой ложью
Разсказъ о нихъ.

Периклъ.

Открой мнѣ жизнь свою,
Не вѣдая притворства; ты скромна,
Какъ истина святая; я увѣренъ,
Что ты—дворецъ, гдѣ правда обитаетъ.
Ту женщину, что любилъ я глубоко,
Напоминаешь ты, а потому
Тебѣ повѣрю я; заставлю чувства
Увѣровать и въ то, что даже можетъ
Несбыточнымъ и ложнымъ показаться.
Кто близкіе твои? Ты мнѣ сказала,
Что я съ тобой сурово обошелся,
Хоть знатнаго ты рода.

Морина.

Это правда.

Периклъ.

Повѣдай же, откуда происходишь?
Ты говорила, кажется, что много
Невзгодъ и скорби въ жизни повстрѣчала,
И что тобой испытанное горе
Съ моимъ сравниться можетъ.

Морина.

Вѣроятнымъ
Мнѣ кажется предположенье это.

Периклъ.

О, разскажи исторію свою.
Коль тысячную часть ты испытала
Того, что вынесъ я, ты—твердый мужъ,
А я страдалъ, какъ женщина. Съ терпѣньемъ,
Взирающимъ на царскія могилы,
Имѣешь сходство ты, скрывая горе
Улыбками. Прошу тебя назвать
Своихъ друзей; какъ потеряла ихъ?
О, милая, свое повѣдай имя;
Подсядь ко мнѣ.

Морина.

Меня зовутъ Мориной.

Периклъ.

Насмѣшка злая! вѣрно гнѣвный богъ
Прислалъ тебя сюда, чтобъ надо мною
Смѣялся цѣлый свѣтъ.

Морина.

О, успокойся,
Иль болѣе ни слова не скажу.

Периклъ.

Сдержу себя, но ты не можешь знать,
Какъ именемъ Морины я глубоко
Былъ потрясенъ.

Морина.

Мнѣ это имя далъ
Мой царственный отецъ.

Периклъ.

Ты дочь царя—
И названа Мориной?

Морина.

Мнѣ повѣрить
Ты обѣщалъ. Я продолжать не стану,
Чтобъ твоего покоя не нарушить.

Периклъ.

Не духъ ли ты безплотный и безкровный,
Не призракъ ли волшебный? Продолжай.
Гдѣ родина твоя—и почему
Тебя зовутъ Мориной?

Морина.

Родилась я
На кораблѣ, что плылъ по волнамъ моря;
Вотъ отчего мнѣ дано это имя.

Периклъ.

Кто мать твоя?

Морина.

Ея отецъ былъ царь;
Она въ тотъ мигъ скончалась, какъ меня
Произвела на свѣтъ. Объ этомъ часто
Мнѣ говорила няня Лихорида,
Горючими слезами обливаясь.

Периклъ.

На мигъ прерви разсказъ. Я жертва сна,
Что мнѣ послалъ волшебное видѣнье,
Чтобъ надъ глупцомъ несчастнымъ издѣваться.
Не можетъ это быть; вѣдь дочь моя
Въ могилѣ спитъ. Тебѣ, дрожа, я внемлю;
Кто воспиталъ тебя? Я буду слушать
Разсказъ твой до конца, безъ перерывовъ.

Морина.

Ты повѣсти моей съ трудомъ повѣришь;
Не лучше ль мнѣ ея не продолжать?

Периклъ.

Чтобъ ни сказала ты, всему повѣрю;
Но какъ же ты могла сюда попасть
И гдѣ ты воспитанье получила?

Морина.

Меня оставилъ въ Тарсѣ царь-отецъ,
И злой Клеонъ съ преступницей-женою
Задумали меня со свѣта сжить;

Убійца ими былъ подговоренъ,
Чтобъ умертвить меня; онъ собирался
Исполнить гнусный замыселъ, когда
Нагрянули пираты и меня
Съ собою въ Митилены увезли...
О, добрый царь, о чемъ ты слезы льешь?
Ты думаешь, быть можетъ, что тебя
Обманываю я; о, нѣтъ, клянусь!
Я дочь царя Перикла, если только
На свѣтѣ существуетъ царь Периклъ.

ПЕРИКЛЪ.
Приблизься, Геликанъ.

ГЕЛИКАНЪ.
Меня позвалъ ты?

ПЕРИКЛЪ.
Совѣтникъ ты и мудрый, и правдивый:
Не можешь ли сказать, кто эта дѣва,
Что такъ меня заставила рыдать?

ГЕЛИКАНЪ.
Не знаю, но правитель Митиленъ
Ей воздаетъ обильныя хвалы.

ЛИЗИМАХЪ.
Она отъ всѣхъ скрывала постоянно
Свое происхожденье и, когда
Объ этомъ ей вопросы предлагали,
Молчаньемъ и слезами отвѣчала.

ПЕРИКЛЪ.
О, Геликанъ, ударь меня иль рану
Мнѣ нанеси, дай чувствовать мнѣ боль,
Чтобъ море мной извѣданнаго счастья
Не потопило смертности моей,
Чтобъ въ сладости его не утонулъ я,
Иди ко мнѣ. Ты возвратила жизнь
Тому, кто произвелъ тебя на свѣтъ!
Иди ко мнѣ, рожденная на морѣ,
Почившая близъ Тарса и опять
На морѣ обрѣтенная чудесно!
О, Геликанъ, колѣни преклони
И голосомъ, что силой равенъ грому.
Благодаря боговъ, Морина это.
(Обращается къ Моринѣ).
Еще вопросъ: какъ звали мать твою?
Не безполезно правду подтверждать,
Хотя сомнѣнья спятъ.

МОРИНА.
Скажи мнѣ прежде,
Какъ звать тебя?

ПЕРИКЛЪ.
Я тирскій царь Периклъ.
Теперь, прошу тебя, скажи мнѣ имя
Моей царицы, въ морѣ утонувшей.
Все правда, что досель ты говорила.
И будешь ты наслѣдницей престола,
И ты отца въ Периклѣ обрѣтешь.

МОРИНА.
Чтобы назваться дочерью твоею,
Ужель сказать лишь надо, что Таисой
Звалася мать Морины? Да, Таисой
И умерла она, мнѣ жизнь даруя.

ПЕРИКЛЪ.
Прими благословенія мои:
Возстань, ты—дочь моя. Одежды скорби
Съ себя хочу я сбросить. Геликанъ,
Я дочь обрѣлъ. Она не пала въ Тарсѣ,
Какъ этого хотѣлъ злодѣй Клеонъ;
Она сама тебѣ разскажетъ все,
Когда предъ ней склонишься ты во прахъ,
Въ ней дочь царя Перикла признавая.
А это кто?

ГЕЛИКАНЪ.
Правитель Митиленъ;
Узнавъ, что ты въ унынье погруженъ,
Онъ прибылъ, чтобы привѣтствовать тебя.

ПЕРИКЛЪ.
Прими мое лобзанье. Дайте мнѣ
Другое платье. Въ траурной одеждѣ
Я мраченъ и унылъ. О, небеса!
Благословите дочь. Но что я слышу?
Какіе-то божественные звуки
Нисходятъ съ неба. Милая Морина,
Все разскажи дословно Геликану,
Чтобъ его сомнѣнія разсѣять.
Опять я слышу сладостные звуки!

ГЕЛИКАНЪ.
Я ничего не слышу.

ПЕРИКЛЪ.
Ничего?
То музыка небесъ. Морина, слушай!

ЛИЗИМАХЪ.
Не слѣдуетъ ему противорѣчить;
Не возражай.

ПЕРИКЛЪ.
Божественные звуки!..
Ты слышишь ихъ?

ЛИЗИМАХЪ.
Я слышу, государь. *(Музыка).*

ПЕРИКЛЪ.
О, музыка волшебная! Хотѣлъ бы
Я ей внимать; но сонъ рукой тяжелой
Мои сжимаетъ вѣжды. Я усну. *(Засыпаетъ)*

ЛИЗИМАХЪ.
Подушку подложите вы ему
Подъ голову. Затѣмъ его оставимъ;

Иди ко мнѣ, желанная подруга,
И схоронись опять въ моихъ объятьяхъ.

МОРИНА.
Душою рвусь я къ матери своей.
(*Становится на колѣни передъ Таисой*).

ПЕРИКЛЪ.
Гляди, кто предъ тобою на колѣняхъ!
То дочь твоя Морина. Это имя
Дано ей потому, что въ злую бурю
Она тобой на морѣ рождена.

ТАИСА.
Тебя благословляю, дочь моя!

ГЕЛИКАНЪ.
Привѣтствую тебя, моя царица!

ТАИСА.
Не знаю я тебя.

ПЕРИКЛЪ.
Бѣжавъ изъ Тира,
Намѣстнику я передалъ правленье;
Не можешь ли его припомнить имя?
Его не разъ я называлъ тебѣ.

ТАИСА.
Ты часто говорилъ о Геликанѣ.

ПЕРИКЛЪ.
Вотъ подтвержденье новое! Онъ самъ
Передъ тобой. О, обними его,
Таиса дорогая. Я теперь
Хочу узнать, какъ обрѣли тебя,
Какъ къ жизни возвратили и кого,
Опричь боговъ, благодарить я долженъ
За чудное спасеніе твое.

ТАИСА.
Привѣтствуй Церимона; чрезъ него
Могущество явили боги;
Онъ можетъ разсказать тебѣ подробно,
Какъ воскресилъ меня.

ПЕРИКЛЪ.
Почтенный мужъ,
Служа богамъ, ты ликомъ имъ подобенъ.
Повѣдай мнѣ, какъ къ жизни ты вернулъ
Почившую царицу.

ЦЕРИМОНЪ.
Все узнаешь.
Но ты сначала домъ мой посѣти;
Тамъ покажу тебѣ тѣ украшенья,
Что я нашелъ при ней, и объясню,
Какъ въ храмъ она попала. Отъ тебя
Не ускользнетъ малѣйшая подробность.

ПЕРИКЛЪ.
Хвала тебѣ, о, чистая Діана,
За чудный сонъ, что ты послала мнѣ!
Таиса, этотъ принцъ—женихъ Морины.
Въ Пентаполисѣ свадьбу ихъ сыграемъ.
Я волосы теперь могу обстричь,
Что мнѣ даютъ такой суровый видъ,
И бороду, къ которой столько лѣтъ
Не прикасалась бритва, я обрѣю,
Чтобъ бракъ счастливый чествовать.

ТАИСА.
Увы
До Церимона вѣрныя извѣстья
Дошли о томъ, что мой отецъ скончался.

ПЕРИКЛЪ.
Да станетъ онъ звѣздою свѣтлой въ небѣ!
А все же тамъ отпразднуемъ ихъ свадьбу,
А сами въ этомъ царствѣ проведемъ
Остатокъ нашихъ дней. А сынъ и дочь
Пусть на престолѣ Тира возсѣдаютъ!
Обѣщанное сдержитъ Церимонъ
И, что не знаемъ мы, доскажетъ онъ.
(*Уходятъ*).

Входитъ ГОВЕРЪ.
Наказанъ Антіохъ; всегда злодѣйства
Караетъ справедливо божество.
Въ Периклѣ и въ судьбѣ его семейства
Я показалъ вамъ правды торжество.
Коль рокъ ее преслѣдуетъ, участье
Въ богахъ она находитъ; перенесъ
Не мало мукъ Периклъ, но ласку стастья
Ему опять извѣдать довелось.
Вамъ Геликамъ и вѣрности и чести
Явилъ примѣръ, а славный Церимонъ
Вамъ образецъ того, кто чуждый лести,
Творитъ добро и въ мудрость погруженъ.
Когда народъ узналъ о злодѣяньи,
Что совершилъ Клеонъ, его онъ сжегъ
Въ дворцѣ со всѣмъ отродьемъ. Наказанья
И этотъ извергъ избѣжать не могъ.
Такъ покарали боги преступленье,
Что довершить не могъ вполнѣ злодѣй.
На этомъ я окончу представленье—
И съ вами распрощусь до лучшихъ дней.

П. Козловъ.

Древнѣйшій греческій орнаментъ (Глиняный саркофагъ изъ Клазоменъ; русская надпись и розетка подъ ней стилизованы).

трубадура Генриха II англійскаго, около 1160 г. Въ этой поэмѣ, „Histoire de la guerre de Troye", около 30,000 стиховъ. Сентъ-Моръ вноситъ жизнь въ сухой остовъ Дареса. Дѣйствующія лица его поэмы преисполнены рыцарскихъ чувствъ, среди которыхъ, конечно, не можетъ отсутствовать любовь. Онъ заимствовалъ у Дареса образъ Бризеиды и сдѣлалъ ее дочерью Калхаса, которая остается въ Троѣ послѣ того, какъ ея отецъ перешелъ къ грекамъ (онъ, какъ и у Шекспира, представленъ въ поэмѣ троянцемъ). Троилъ страстно влюбленъ въ нее, и она отвѣчаетъ ему взаимностью. Послѣ захвата Антенора, Калхасъ напоминаетъ греческимъ вождямъ объ обѣщанной ему наградѣ, и проситъ ихъ обмѣнять Антенора на его дочь. Греки на это соглашаются, и въ Трою отправляютъ Діомена за Бризеидой. Такимъ образомъ всѣ основные мотивы любовной интриги въ „Троилѣ и Крессидѣ" уже имѣются въ этомъ раннемъ произведеніи.

Было бы слишкомъ долго слѣдить за интереснымъ развитіемъ этого сюжета втеченіе вѣковъ до того, какъ онъ вылился въ окончательную форму въ трагедіи Шекспира. Но укажемъ на одну изъ важнѣйшихъ стадій этого развитія на Filostrato Боккачіо.

У Боккачіо сюжетъ сталъ истинно поэтическимъ и пріобрѣлъ ту колоритность и психологическую глубину, которая сдѣлала его пригоднымъ для Чоусера и Шекспира. Гризеида Боккачіо поэтическій образъ его собственной возлюбленной. Она вдова, и Троилъ впервые видитъ ее въ траурѣ въ храмѣ Паллады и сразу влюбляется въ нее. Она вначалѣ чиста, но становится жертвой хитраго Діомеда и послѣ того быстро и непоправимо падаетъ. Боккачіо вводитъ въ свой разсказъ Пандара въ качествѣ кузена Гризеиды, способствующаго встрѣчамъ любящихъ.

Слѣдующей стадіей въ разработкѣ сюжета была поэма Чоусера „Troylus and Creseyde" въ пяти книгахъ. Она написана около 1372 г. или на 20 лѣтъ позже, чѣмъ „Филострато" Боккачіо; точная дата появленія „Филострато" неизвѣстна, но предполагаютъ, что она написана была около 1350 г. Отношеніе поэмы Чоусера къ Боккачіо выяснено Альфонсомъ Кисснеромъ, который доказываетъ, что поэма Чоусера вольный переводъ—насколько это было возможно—итальянской. Чоусеръ придалъ любовной исторіи Троила и Крессиды окончательную форму, въ которой она и перешла къ Шекспиру; ничего въ ней не было измѣнено ни Лидгатомъ, ни Кākстономъ, разрабатывавшими этотъ сюжетъ послѣ Чоусера. Разсказомъ Кākстона Шекспиръ пользовался въ драмѣ только поскольку онъ касается исторіи Гектора. Что его источникомъ для этой части драмы былъ именно Кākстонъ, а не Лидгатъ, какъ утверждалъ Деліусъ, доказано д-ромъ Смолемъ (Small) въ его „Stage quarrel" (Breslau, Marcus). Онъ сравниваетъ имена въ прологѣ и въ пятомъ актѣ съ именами у Лидгата и Кākстона и выясняетъ, что всѣ они взяты у Кākстона.

Такимъ образомъ, что касается любовной интриги „Троила и Крессиды", то совершенно ясно, что она не имѣетъ ничего общаго съ классической древностью; сюжетъ этотъ—созданіе среднихъ вѣковъ и поэзіи трубадуровъ. У Шекспира не было никакого намѣренія написать пародію на Гомеровскій міръ въ этой части драмы, и его характеристики греческихъ героевъ и Гектора исключаютъ возможность подобной пародіи. Шекспиръ взялъ готовый сюжетъ, и теорія Ульрици объ умышленномъ пародированіи совершенно падаетъ.

„Троилъ и Крессида" состоитъ изъ трехъ переплетенныхъ между собой сюжетовъ: 1) любовная исторія Троила и Крессиды; 2) исторія Улисса; 3) исторія Гектора или поединка. Хотя до сихъ поръ не возникало сомнѣній въ принадлежности этой драмы Шекспиру, но многіе авторитетные критики сомнѣваются, чтобы декламаторскій тонъ шести сценъ (отъ 4—10) V акта могъ принадлежать Шекспиру. Ни одинъ изъ авторитетныхъ критиковъ новѣйшаго времени не рѣшается утверждать, что вся піеса цѣликомъ, съ этими сценами включительно—произведеніе Шекспира. Флэй въ своемъ „Shakespeare Manual" 1878 г. говоритъ слѣдующее: „я считаю, что въ драмѣ сплетены три сюжета, каждый изъ которыхъ былъ разработанъ отдѣльно, въ иной манерѣ и въ другое время, нежели два другіе. Первой была написана исторія Троила и Крессиды на основаніи Чоусеровской поэмы, затѣмъ исторія вызова Гектора Аяксу, ихъ поединокъ и убійство Гектора Ахилломъ на основаніи Кākстоновскихъ „Трехъ разрушеній Трои". Позже всего написана была исторія хитрости Улисса, побудившаго Ахилла вернуться на поле битвы тѣмъ, что противъ него выступилъ Аяксъ. Этотъ эпизодъ написанъ послѣ появленія Чапмановскаго перевода Гомера, изъ котораго заимствованъ Терситъ,

главное дѣйствующее лицо въ этой части драмы. Сидней Ли и д-ръ Смоль, въ изслѣдованіи, появившемся въ 1899 г., напротивъ того, считаютъ „Троила и Крессиду“ пьесой, написанной сразу въ 1602 г. и принадлежащей всецѣло Шекспиру. Въ 1900 г. нижеподписавшійся помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ статью, напечатанную послѣ того въ „Englische Studien“, (30 B., Heft 1) за 1901 г., гдѣ доказываетъ, что Флэй былъ правъ, усматривая въ драмѣ три различныхъ сюжета. Но онъ считаетъ только слабыя семь сценъ пятаго акта, написанными другимъ авторомъ. Въ вышеупомянутой статьѣ доказывается путемъ сравненія со стихосложеніемъ пьесъ перваго періода, что „Троилъ и Крессида“ въ исторіи любви героя и героини очень близко подходитъ по языку къ „Ромео и Джульетѣ“. Найденный Сиднеемъ Ли экземпляръ folio, по которому видно, что первоначально драма „Троилъ и Крессида“ должна была слѣдовать за „Ромео и Джульетой“, въ значительной степени подкрѣпляетъ эту догадку, доказывая, что издатели folio полагали, какъ и Флэй, что „преданная и вѣрная Джульета“ „лживая, вѣроломная Крессида“ дополняютъ одна другую. Тщательное разсмотрѣніе именъ собственныхъ показало особенность въ употребленіи слова „Ilium“. Въ такой формѣ это слово появляется во всѣхъ сценахъ, касающихся любви Троила и Крессиды. Въ сценахъ же, заимствованныхъ у Какстона, видоизмѣняется въ „Ilion“, а въ третьемъ сюжетѣ, въ исторіи Улисса, употребляется только названіе „Троя“. Такъ какъ и метрическая форма мѣняется въ трехъ сюжетахъ, то самое естественное объясненіе разнородности пьесы заключается въ слѣдующемъ: Шекспиръ написалъ около 1594—5 г., вскорѣ послѣ или до „Ромео и Джульеты“, любовную исторію Троила и Крессиды. Это была пьеса, существовавшая въ 1602 г.; права на печатаніе ея и добивался такъ тщетно Робертсъ. Она же упоминается въ Westward Ho“ пьесѣ, представленной на Рождествѣ 1604 г., и, вѣроятно, извѣстной года за два до того. Въ „Westward Ho“ (A. V, сц. 3) говорится: „этому нельзя помочь, почтенный Троилъ, и мнѣ столь же грустно, что вы сегодня будете лишены вашей лживой Крессиды, потому что здѣсь нѣтъ сэра Пандара, который провелъ бы васъ въ вашу комнату“. Это мѣсто доказываетъ, что драма „Троилъ и Крессида“ въ первоначальной формѣ была хороша извѣстна около 1604 г. Но ни въ одной пьесѣ до 1609 г. нѣтъ какого либо намека на другія части содержанія драмы, кромѣ любовнаго эпизода. Въ той части, которую мы назвали исторіей Гектора, есть несомнѣнный намекъ на книгу Бэкона, „Advancement of Learning“ (книга V), изданную въ 1605 г. Изъ намека явствуетъ, что эта часть была присоединена къ любовной исторіи не ранѣе конца 1605 или въ 1606 г. Около того же времени, или во всякомъ случаѣ не многимъ позже, какъ это доказывается особенностями стихосложенія, Шекспиръ началъ пересмотръ драмы. Онъ прибавилъ исторію Улисса, т. е. исторію несогласій въ греческомъ лагерѣ къ любовной интригѣ, но эта переработка обрывается съ концомъ третьяго акта. Мы должны поэтому предположить, что Шекспиръ отложилъ пьесу, и его труппа поручила другому драматургу закончить ее. Тотъ прибавилъ къ законченной уже исторіи Троила и Улисса исторію вызова, посланнаго Гекторомъ. Эта третья исторія была по всей вѣроятности написана современникомъ Шекспира, Марстономъ. Она имѣетъ всѣ особенности стиля и стиха Марстона, какъ доказываетъ тщательная свѣрка съ извѣстными его драмами.

Эта догадка, подтверждаемая очевидными доказательствами, объясняетъ необъяснимую ничѣмъ другимъ разнородность состава драмы. Что семь сценъ пятаго акта принадлежатъ другому автору—всѣ допускаютъ. Но стиль этихъ семи сценъ такой же, какъ и во всей исторіи Гектора, такъ что отсюда слѣдуетъ, что авторъ семи сценъ также авторъ исторіи Гектора. Много данныхъ говорятъ за то, что этотъ авторъ—Марстонъ. Ни одинъ писатель того времени не былъ такъ склоненъ, какъ Марстонъ, къ декламаціи, которая является наиболѣе характерной чертой „Троила и Крессиды“. Это можетъ быть доказано сравненіемъ его „Parasitaster“'а съ тѣмъ, что мы приписываемъ ему въ нашей драмѣ. Есть поразительныя совпаденія въ мысляхъ и выраженіяхъ между нашей драмой и „Parasitaster“'омъ; вотъ почему наиболѣе простое и естественное объясненіе этого факта заключается въ предположеніи, что товарищи Шекспира поручили Марстону закончить пьесу, отложенную Шекспиромъ. Наша догадка, объясняющая, почему актеры-издатели folio 1623 года сначала затруднились включить „Троила и Крессиду“ (какъ это явствуетъ изъ отсутствія пагинаціи въ печатномъ текстѣ), и

объясняющая также ихъ колебанія относительно порядка ея помѣщенія, сильно подтверждается и несомнѣннымъ несходствомъ стиха въ трехъ частяхъ драмы. Но главное подтвержденіе—въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ. Участники любовной драмы написаны совершенно въ манерѣ раннихъ пьесъ Шекспира. Они относятся къ эпохѣ „Ромео и Джульетты", „Двухъ веронцевъ" и „Венеціанскаго купца". Къ тому же, лица, дѣйствующія въ этой части, не появляются ни въ одной изъ двухъ остальныхъ, а герои исторіи Гектора появляются только въ сценѣ прихода троянцевъ въ греческій лагерь. Наконецъ, исторія Улисса рѣзко отличается отъ двухъ остальныхъ частей драмы и относится вполнѣ къ періоду великихъ трагедій. Эта часть тѣсно связана съ „Королемъ Лиромъ" въ изображеніи чувствъ. Многое изъ того, что говоритъ Эдгаръ въ „Лирѣ", повторяется Улиссомъ въ нашей драмѣ. Въ особенности протестъ противъ астрологическихъ и иныхъ суевѣрій и раціоналистическое пониманіе жизни роднитъ эти два лица между собою и поражаетъ читателя, какъ проявленіе однихъ и тѣхъ же философскихъ взглядовъ на жизнь. Подробный анализъ психологіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашей драмы подтверждаетъ истину сказаннаго нами. Правдивый, вѣрный Троилъ вполнѣ напоминаетъ вѣрнаго и постояннаго Валентина изъ „Двухъ веронцевъ". Его правдивость и постоянство выдвинуты съ такой же яркостью, какъ тѣ же черты у Валентина, и тѣмъ же самымъ способомъ—т. е. при помощи контрастовъ. Валентинъ противопоставляется Протею, Троилъ Крессидѣ. Чувственность, сильно подчеркнутая въ характерѣ Троила, отсутствуетъ у Валентина, но эта черта, свойственная большинству героевъ драмъ перваго періода, и проявляется даже въ самой поздней изъ пьесъ перваго періода—„Венеціанскомъ купцѣ" въ лицѣ Бассаніо (А. I, сц. 2).

Есть нѣкоторая необтесанность въ Валентинѣ, которая проявляется наиболѣе ясно въ его писаніи тяжелыхъ стиховъ Сильвіи, (А. III, сц. 1), а также въ томъ, какъ онъ ошибается относительно Сильвіи, характеръ которой ему становится понятнымъ только послѣ разъясненія Спида во 2-мъ актѣ (сц. 1). Эта черта соотвѣтствуетъ открытости и искренности характера Валентина. Троилъ проявляетъ свою несвѣтскость въ предостереженіи Крессидѣ (А. IV, сц. 3).

У юныхъ грековъ много
Достоинствъ. Знай—они любезны, щедро
Надѣлены дарами какъ природы,
Возвышенной искусствомъ, такъ и долгимъ
Заботливымъ, изящнымъ воспитаньемъ.
Меня страшитъ,—какое впечатлѣнье
Произведутъ и новизна и прелесть
Ихъ личностей на бѣдную Крессиду?
Увы—предчувствіе, какъ злая гидра,
Мнѣ не даетъ покоя.

Оба они, очевидно, созданы по одному образцу и относятся къ одному и тому же періоду творческой жизни поэта. Единственный разъ, когда Троилъ появляется въ позднѣйшей части пьесы—это сцена, въ которой Уллисъ убѣждаетъ его въ предательствѣ Крессиды. Въ этой сценѣ онъ только яростно негодуетъ на ея измѣну (конецъ IV и начало V акта). Очень трудно опредѣлить, кому принадлежитъ эта сцена; по всей вѣроятности, въ ней принимали участіе оба автора. Отчасти она производитъ впечатлѣніе юношескаго творчества, отчасти относится къ болѣе зрѣлому періоду. Во всякомъ случаѣ она ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ Троила, вполнѣ законченной въ предъидущихъ актахъ. Въ ней Шекспиръ почти не уклоняется отъ изложенія Чоусера. Въ изображеніи Крессиды онъ значительно отступаетъ отъ характеристики Чоусера, рисующаго ее въ привлекательномъ видѣ даже послѣ ея паденія. Шекспиръ, напротивъ того, безжалостно раскрываетъ ея природную порочность. Въ любовной драмѣ она представлена ловкой кокеткой и грубочувственной натурой. Въ IV актѣ (сц. 5), написанной отчасти Шекспиромъ, отчасти Марстономъ, Улиссъ даетъ ея точную характеристику, завершающуюся словами:

Я знаю ихъ, безстыжихъ, что способны
То предлагать, чего у нихъ не проситъ
Пока никто, и записную книжку,
Куда въ разбродъ занесены ихъ мысли,
Открыть предъ каждымъ, кто читать
умѣетъ.
Какъ грязныя случайности отрепья,
Какъ дочерей разгула, всѣ должны бы
Ихъ презирать...

Это совершенно соотвѣтствуетъ широкому знанію людей и жизни, которое Шекспиръ приписываетъ Улиссу, что побуждаетъ меня приписать приведенное мѣсто Шекспиру, несмотря на то, что оно написано риемованными стихами. Послѣдній разъ Крес-

сида появляется во 2-й сценѣ V-го акта, гдѣ она выражаетъ нѣкоторое сожалѣніе о томъ, что покинула Троила, но въ то же время высказываетъ твердую рѣшимость остаться при своемъ второмъ избранникѣ. Шекспировскій Пандаръ еще болѣе далекъ отъ Чоусеровскаго образца, чѣмъ Крессида. Онъ все болѣе и болѣе нравственно падаетъ по мѣрѣ развитія дѣйствія и въ концѣ драмы становится профессіональнымъ сводникомъ такимъ, что имя его стало нарицательнымъ для человѣка, занимающагося этимъ ремесломъ. Въ folio 1623 г. мы находимъ въ его словахъ, обращенныхъ къ Троилу доказательство, что первоначальная драма, т. е. исторія Троила и Крессиды, заканчивалась на 3-й сценѣ V акта.

Входитъ Пандаръ.

Пандаръ. Слышишь ли, принцъ, слышишь?

Троилъ. Что такое?

Пандаръ. Письмо отъ бѣдняжки Крессиды. (*Передаетъ свитокъ*).

Троилъ. Прочтемъ.

Пандаръ. Ахъ, эта шкурина дочь, чахотка. Какъ она, шкурина дочь, мучитъ меня, а не менѣе ея мучатъ нелѣпыя неудачи этой дѣвчонки. По той ли, или другой причинѣ, а мнѣ придется на-дняхъ распрощаться со всѣми вами. Потомъ глаза у меня слезятся; а ломота въ костяхъ доходитъ до того, что, не умѣй я ругаться да богохульствовать, право, не зналъ бы, что на это сказать или подумать. (*Троилу*). Что она пишетъ?

Троилъ.

Слова, слова, одни слова пустыя,—
И ничего, что трогало бы сердце;
Другому отдано, какъ видно, чувство.
(*Разрываетъ письмо и бросаетъ верхъ клочки*).
Лети жъ, лети на вѣтеръ и по волѣ
Его кружись, вертись и измѣняйся...
Да, мной она безжалостно играетъ.
Другого же любовью награждаетъ.

Это все есть во всѣхъ изданіяхъ. Но въ folio прибавлено еще слѣдующее:

Пандаръ. Нѣтъ, выслушайте раньше...

Троилъ. Убирайся, братецъ-прислужникъ, низость и позоръ отнынѣ пусть преслѣдуютъ тебя всю твою жизнь и живи навсегда съ такимъ именемъ. (Hence brother laekie, ignomie and shame pursue thy life and live aye with name).

Это первоначальное заключеніе пьесы было исправлено Марстономъ. Если сравнить теперешнее окончаніе съ прежнимъ, то самымъ важнымъ измѣненіемъ является перемѣна стиха: „Hence, broker, lackie, ignomy and shame".

Замѣна слова „brother" другимъ, „broker", допускаетъ предположеніе, что Марстонъ имѣлъ въ рукахъ экземпляръ первоначальной пьесы и замѣтилъ искаженіе, вкравшееся въ текстъ.

Изъ другихъ лицъ, относящихся къ любовной драмѣ ни одно не представляетъ чего либо выдающагося.

Изъ дѣйствующихъ лицъ, вставленныхъ Шекспиромъ въ драму при пересмотрѣ ея, наиболѣе значительное и характерное— Улиссъ. Основная черта его, какъ сказано выше, большая жизненная мудрость и знаніе людей. Но мудрость Улисса не будитъ въ немъ любви къ людямъ. Напротивъ того, онъ пользуется ею главнымъ образомъ для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ своей жизненной философіи, она представляетъ большое сходство съ другимъ лицомъ изъ „Короля Лира" Эдмундомъ. Но онъ пользуется людьми не для своей личной выгоды, а въ интересахъ дѣла, которому посвятилъ себя. Онъ стоитъ по-уму выше всѣхъ остальныхъ грековъ, даже выше Нестора, который считаетъ Крессиду только „смышленой женщиной". Несторъ и Агамемнонъ, не говоря о Менелаѣ и остальныхъ, стушевываются передъ выдающимся умомъ Улисса.

Стоитъ задуматься надъ тѣмъ, почему Ахиллъ выставленъ Шекспиромъ въ такомъ несимпатичномъ видѣ. Ульрици видитъ въ этомъ подтвержденіе своего предположенія, что драма задумана какъ пародія. Но, какъ уже указано, не слѣдуетъ забывать, что греческій герой почерпнутъ не изъ греческаго источника, а изъ произведенія среднихъ вѣковъ, когда принято было низводить все греческое и восхвалять троянцевъ. Единственное лицо, навѣянное Иліадой,—Терситъ. Только семь пѣсенъ Иліады, и то не въ послѣдовательномъ порядкѣ, появились по англійски, когда написана была наша драма. Но Терситъ только намѣченъ Гомеромъ; въ драмѣ же онъ низведенъ до глубинъ паденія и стоитъ на одной ступени съ Пандаромъ. Онъ такъ же ненавидитъ и презираетъ людей, какъ Тимонъ Аѳинскій, но въ немъ нѣтъ величія Тимона. Въ рукахъ Марстона, въ IV и V актахъ, Терситъ въ значительной степени утрачиваетъ свой умъ и становится отвратительнымъ. Это—особенность всѣхъ дѣйствующихъ

лицъ этой драмы, намѣченныхъ Шекспиромъ и разработанныхъ Марстономъ. Гекторъ отличается скромностью въ замыслѣ Шекспира, но при встрѣчѣ съ Ахилломъ онъ соперничаетъ съ нимъ въ напыщенности и ярости. Напыщенность—особѐнность всѣхъ характеровъ Марстона, какъ я выяснилъ въ статьѣ о „Троилѣ и Крессидѣ" въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" (ноябрь, 1900 г.), гдѣ собранъ обширный матерьялъ для сравненія извѣстныхъ пьесъ Марстона съ приписываемыми ему здѣсь сценами въ драмѣ Шекспира. Не только Гекторъ и Ахиллъ, но Діомедъ, Эней, и даже мудрый Несторъ обнаруживаютъ склонность къ напыщенности (А. V, сц. 5). Улиссъ тоже не чуждъ этой черты, и въ той же сценѣ (стихи 30—42) есть много слѣдовъ ея. Правда, онъ говоритъ объ Ахилѣ, а не о себѣ, какъ другіе, но тонъ, все таки, остается напыщеннымъ.

И именно это ослабленіе пьесы къ концу и не позволяетъ допустить, чтобы Шекспиръ былъ отвѣтствененъ за ея напыщенность. Даже убѣжденные поклонники поэта охотно допускали, что послѣднія семь сценъ не имъ написаны. Но кто точно прослѣдитъ за развитіемъ характеровъ и сравнитъ ихъ между собой въ пятомъ актѣ и въ части, приписываемой Марстону въ предшествующихъ актахъ, убѣдится, что та же напыщенность, которая портитъ послѣднее дѣйствіе, искажаетъ ихъ и въ предшествующихъ. Для того, чтобы помочь всякому, кто займется такимъ изслѣдованіемъ, я даю таблицу съ раздѣленіемъ драмы на то, что написано Шекспиромъ раньше на то, что написано имъ же позже, и на то, что принадлежитъ Марстону. Такая таблица, конечно только приблизительно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но и въ такомъ видѣ она можетъ помочь разобраться въ этой, самой запутанной по составу, драмѣ Шекспира [1]).

Нельзя также точно установить относительно Марстона, какъ относительно Бомонта, Флетчера, Джонсона и другихъ, что актеры королевской труппы приглашали его писать для своего театра. Но однако фактъ, что Вилькинсъ написалъ 1-ый и 2-ой акты „Перикла", хотя тоже нельзя доказать, что онъ когда либо былъ приглашенъ писать для этого театра. Въ такихъ случаяхъ нельзя добиваться несомнѣнныхъ доказательствъ и нужно ограничиваться наиболѣе вѣроятными предположеніями.

Робертъ Бойль [2]).

---

[1]) Шекспиръ (ранній періодъ): Исторія любви Троила и Крессиды. I актъ: сц. 1—9 до 107 стиха; сцена 2-ая, цѣликомъ. III актъ: сцена 1-ая и 2-ая цѣликомъ. IV актъ: сцена 2, 3, 4-ая—цѣликомъ; сцена 4-я, стихи отъ 1—110. Сцена 5-ая стихи отъ 27—293, измѣнены Шекспиромъ позже. V актъ: сцена 3, отъ ст. 97—112 (первоначальный конецъ пьесы).

Шекспиръ (позднѣйшій періодъ). Исторія несогласій въ греческомъ лагерѣ: I актъ, сц. 3-я, 1—212 и 310—392. II актъ, сцена 1-ая, 1—132, сц. 3-я,—вся. III актъ, сц. 3-я,—цѣликомъ.

Марстонъ. Исторія Гектора. I актъ, сц. 1-я, 108—119. Сц. 3-я, 213—310. II актъ, сц. 1-я, 134—141, сц. 2-я вся IV актъ, сц. 1-я—вся Сц. 4-я, 111—150. Сц. 5-я вся (за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ первоначальной пьесы пересмотрѣнныхъ Шекспиромъ).

V актъ: сц. 1-я вся, сц. 3-я, 1—96, сц. 4-я—вся и конецъ пятаго акта. По этому раздѣленію Шекспиру принадлежатъ около 1100 стиховъ ранняго періода и около 740 позднѣйшаго, а Марстону почти 1200 стиховъ.

[2]) Переводъ (*Зин. Ав. Венгеровой*) съ рукописи. Статья написана для нашего изданія. Авторъ одинъ изъ видныхъ современныхъ шекспирологовъ, до извѣстной степени принадлежитъ и русской ученой средѣ. Шотландецъ по происхожденію (р. 1842), Робертъ Ивановичъ Бойль живетъ около 30 лѣтъ въ Россіи, былъ лекторомъ англійскаго языка въ Дерптскомъ Унив., а теперь состоитъ профессоромъ англ. яз. въ Академіи Генеральнаго Штаба и Annenschule. *Ред.*

Герои Троянской войны въ изображеніяхъ античныхъ вазъ. (Ваза въ Луврѣ: Ахиллесъ и Патроклъ прощаются съ родителями; James Millingen, Painted Greek, vases London, 1822).

Дѣйствующія лица:

Пріамъ, царь троянскій.

Гекторъ, **Парисъ**, **Троилъ**, **Дейфобъ**, **Элленъ** — Сыновья Пріама.

Эней, **Антеноръ** — Троянскіе вожди.

Калхасъ, троянскій жрецъ, сторонникъ грековъ.

Пандаръ, дядя Крессиды.

Маргарелонъ, побочный сынъ Пріама.

Агамемнонъ, греческій полководецъ.

Менелай, братъ его.

Ахиллесъ, **Аяксъ**, **Улиссъ**, **Несторъ**, **Діомедъ**, **Патроклъ** — Греческіе вожди.

Терситъ, безобразный и непристойный грекъ.

Александръ, слуга Крессиды.

Елена, жена Минелая.

Андромаха, жена Гектора.

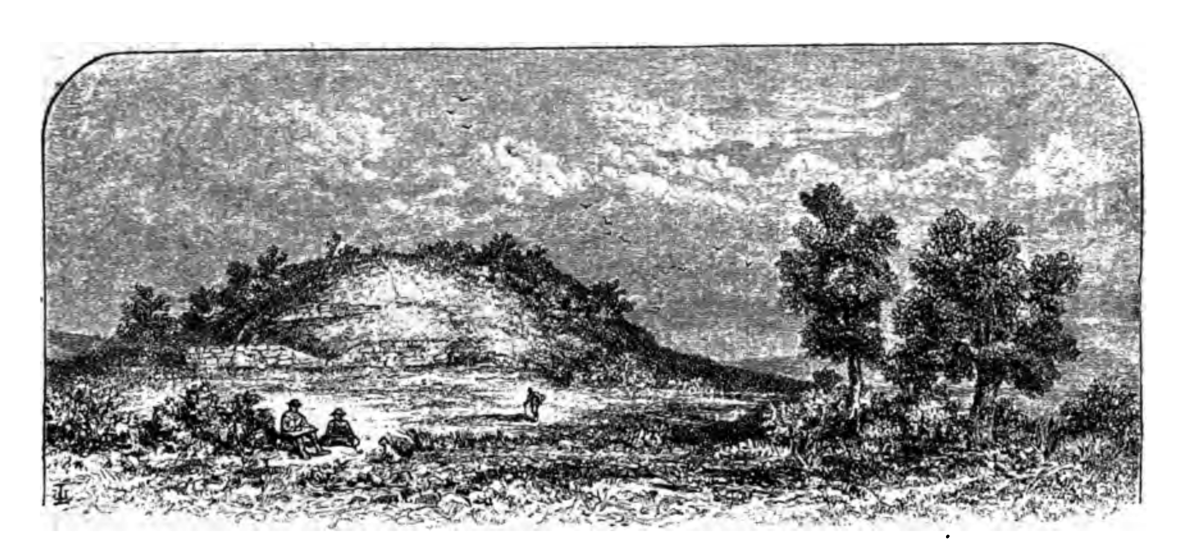
Кассандра, дочь Пріама пророчица.

Крессида, дочь Калхаса.

Троянскіе и греческіе солдаты, слуги и народъ.

Дѣйствіе происходитъ частію въ Троѣ, частію въ греческомъ лагерѣ.

МѢСТНОСТЬ ДРЕВНЕЙ ТРОИ.
(*Schliemann*, *Troja*, *Leipzig*, *1884*).

ПРОЛОГЪ.

Арена—Троя. Гнѣвомъ благороднымъ
Охваченные, къ гавани Аѳинъ
Шлютъ корабли властители Эллады.
На корабляхъ—войска, орудья битвъ.
Все—для войны. И вотъ, шестьдесятъ девять
Увѣнчанныхъ царей даютъ обѣтъ
Разрушить Трою, и отъ волнъ аѳинскихъ
Пускаются къ далекимъ берегамъ.
Тамъ нѣжится за крѣпкими стѣнами,
Похищена Парисомъ и въ его
Объятіяхъ—супруга Менелая—
Предметъ раздора. Греки пристаютъ
Къ Тенедосу. Тяжелыя суда
На берегъ грузъ воинственный спустили,
И бодрые, не смятые борьбой,
На царственныхъ равнинахъ дарданійскихъ
Разбили греки пышные шатры.
Всѣ шесть воротъ у города Пріама:
Тимбрійскія, Троянскія ворота,
Антеноридскія, Дарданскія, Хетскія
И Илліонскія,—скрывая за собой
Питомцевъ Трои, замкнуты вплотную
Желѣзными засовами внутри,
Входящими въ огромнѣйшія скобы.
Надежда на себя такъ разжигаетъ
Тѣхъ и другихъ, что греки и троянцы
Равно разсчитываютъ только на удачу.
И если я, Прологъ, являюсь здѣсь
Вполнѣ вооруженнымъ, то, конечно,
Не съ тѣмъ, чтобы актеровъ защитить
Иль автора перо, а лишь повѣдать,
О, зрители почтеннѣйшіе, вамъ,
Облекшись въ плащъ, достойный представленья,
Что, опустивъ начало той войны,
Все дѣйствіе начнется съ середины
И оборвется тамъ, гдѣ надо. Вы
Хвалите представленье, иль браните,
Все въ вашей волѣ. Здѣсь, какъ на войнѣ,
Отъ случая зависитъ все вполнѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Троя; передъ дворцомъ Пріама.

Входитъ вооруженный Троилъ, *съ нимъ* Пандаръ.

Троилъ.

Зови слугу. Я вновь сниму доспѣхи.
Зачѣмъ мнѣ биться внѣ троянскихъ стѣнъ,
Когда во мнѣ, во мнѣ самомъ ужаснѣй
Кипитъ война! Пусть съ греками ужъ тотъ
Сражается, кто самъ надъ сердцемъ властенъ.
Троилъ, увы, утратилъ эту власть.

Пандаръ.

Ты няньчиться съ собой намѣренъ долго?

Троилъ.

Умѣютъ греки силою своей
Распорядиться. Ловкость ихъ доходитъ
До лютости, а лютость—до геройства...
Я-жъ женскихъ слезъ слабѣе, я пугливѣй
Ночного сна, глупѣе, чѣмъ незнанье.
Геройства-же во мнѣ не больше, чѣмъ
У дѣвушки въ полночи. Ловкость! Ловкость!
Любой ребенокъ превзойдетъ меня.

Пандаръ. Ладно. Достаточно у насъ съ тобой было говорено объ этомъ. Больше я не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло. Кто желаетъ получить пшеничный пирогъ, пусть подождетъ, пока смелютъ пшеницу.

Троилъ. Развѣ мало я ждалъ!

Пандаръ. Да, пока мололи. Подожди, пока просѣютъ.

Троилъ. Развѣ мало я ждалъ!

Пандаръ. Да, пока просѣивали. Подожди, когда взойдетъ тѣсто.

Троилъ. Ждалъ и этого.

Пандаръ. Да... тѣста! Но это не все. Еще надо замѣстить тѣсто, сдѣлать пирогъ, затопить печь и посадить въ нее пирогъ... Да и этого еще мало. Надо дать пирогу простыть, а не то, не равно, губы обожжешь.

Троилъ.

Терпѣнье—Богъ, но даже онъ едва-ли
Сноситъ страданья можетъ такъ, какъ я!
Когда, порой, за трапезой Пріама
Въ моихъ мечтахъ возникнетъ какъ то вдругъ
Чарующій и свѣтлый ликъ Крессиды—
Возникнетъ! О, какъ смѣю я такъ лгать!
Да есть-ли мигъ, когда онъ не со мною!

Пандаръ. Надо сознаться, вчера вечеромъ она мнѣ показалась особенно красивой. Врядъ-ли могла соперничать съ нею какая нибудь другая женщина.

Троилъ.

О, да! Я также видѣлъ. Въ цѣломъ мірѣ
Прекраснѣй нѣтъ. А сердце! Ахъ, оно
Отъ вздоховъ то грозило разорваться,
То выскочить изъ груди. Но, боясь,
Чтобы отецъ иль Гекторъ не постигли
Завѣтной тайны, я ее скрывалъ
Улыбкою. Такъ солнце поглощаетъ
Своимъ сіяньемъ тучи. Но печаль,
Прикрытая притворною улыбкой,
Подобна счастію: блеснетъ
И вдругъ во тмѣ страданья пропадетъ.

Пандаръ. Не будь ея волосы немного потемнѣе, чѣмъ у Елены, по моему, ихъ и сравнивать было бы немыслимо. Впрочемъ, она мнѣ родственница, и я вовсе не желаю нареканій въ томъ, что, какъ говорится, выхваляю ее. Однако, я желалъ бы, чтобъ кто нибудь вчера подслушалъ, какъ я, ея разговоръ. Конечно, я нисколько не умаляю ума твоей сестры Кассандры, но...

Троилъ.

О, Пандаръ, замолчи! Когда тебѣ
Я говорю, что всѣ мои надежды
Потоплены навѣкъ...—ты измѣряешь
Всю глубину пожравшей ихъ пучины!..
Какъ другу, довѣряюся тебѣ,
Что отъ любви къ Крессидѣ я сгоряю,
Схожу съ ума,—а ты терзаешь мнѣ
Сердечную, мучительную рану
То царственною поступью ея,
То чудными глазами, то щекою,
То волосами. О ея рукѣ
Ты говоришь, въ сравненіи съ которой
Все бѣлое—чернила, лишь къ тому
И годныя, чтобъ въ этомъ расписаться.
Лебяжій пухъ тяжелъ и грубъ съ ней рядомъ.
А нѣжное дыханіе Зефира—
Шершавѣе ладони землепашца.
Хоть говоришь безспорную ты правду,
Но для чего она, когда я самъ

Одно и то же вѣчно повторяю:
„Люблю! Люблю безумно!“ И взамѣнъ
Цѣлебнаго бальзама, ты мнѣ въ рану
Вонзаешь ножъ любви.

Пандаръ. Что-жъ, правду не перерос-тешь.

Троилъ. Ты не сравнишься съ правдой.

Пандаръ. Ладно. Если такъ, мое дѣло сторона. Пусть она будетъ такой, какъ ей заблагоразсудится. Хороша — тѣмъ лучше для нея. Не хороша—средство помочь бѣдѣ у нея подъ руками.

Троилъ. Ну, полно, Пандаръ, добрый мой Пандаръ.

Пандаръ. И вотъ награда за всѣ мои старанія. Изъ-за нея—твое пренебреженіе ко-мнѣ, изъ-за тебя — ея пренебреженіе. Я-то мечусь отъ одной къ другому, и вотъ— благодарность!

Троилъ. Неужели ты обидѣлся, Пандаръ? Это на меня-то!

Пандаръ. Если она мнѣ родственница, такъ значитъ и не можетъ быть хороша, какъ Елена. А не будь родственницей—о, тогда ее и въ пятницу можно признать столь-же красивой, какъ Елена въ воскресенье. Да мнѣ то что за дѣло! Будь она такъ же черна и дурна, какъ арапка, не все-ли мнѣ равно!

Троилъ. Да развѣ я говорю, что она не хороша?

Пандаръ. Не все-ли мнѣ равно, говоришь ты, или нѣтъ. Дура она, что остается здѣсь безъ отца. Отправилась бы къ грекамъ. При первой же встрѣчѣ я ей это внушу. Ну, а я? Мое дѣло—сторона. Не стану я въ это мѣшаться.

Троилъ. Пандаръ!

Пандаръ. Ни въ какомъ случаѣ!

Троилъ. Славный мой Пандаръ...

Пандаръ. Сдѣлай милость, не приставай. Я, какъ все засталъ, такъ и оставлю. Кончено. *(Уходитъ).*

(За сценой трубятъ тревогу).

Троилъ.

Умолкни, гулъ противный! Замолчите
Вы, звуки возмутительные! Всѣ,
Всѣ вы глупцы, и греки и троянцы!
Пусть хороша Елена, если вы
Здѣсь каждый день своею кровью въ этомъ
Расписываетесь. Но я
Не въ силахъ воевать за это: поводъ
Ничтожный здѣсь для моего меча.
Но, Пандаръ! Пандаръ! Какъ вы безпощадны
Ко мнѣ о, боги! Безъ него, увы,
Мнѣ не проникнуть никогда къ Крессидѣ,
А онъ! Лишь только рѣчь зайдетъ о ней,
Становится такимъ же безпощаднымъ,
Такимъ же грязнымъ, какъ она сама,
Когда свою невинность защищаетъ
Отъ пламенныхъ намѣреній моихъ.
О, Аполлонъ! Хоть ради Дафны только
Скажи мнѣ, что Крессида? Пандаръ? Я?
Ей Индія и ложе и отчизна,
Жемчужина безцѣнная она...
Межъ ней и мной и нашимъ Иліономъ
Какъ бы кипитъ мятежный океанъ.
Я противъ волнъ плыву за ней, а Пандаръ
Мой утлый членъ, мой кормчій, якорь мой,
Маякъ надеждъ, обманчивый въ туманѣ.

(Снова трубятъ тревогу).

Входитъ Эней.

Зачѣмъ ты здѣсь, а не на полѣ битвы?

Троилъ.

Затѣмъ, что здѣсь. Отвѣтъ, конечно, бабій,
Но кстати онъ. Не правда ль? Быть не тамъ,
Умѣстно бабѣ. Но скажи скорѣе,
Что новаго на полѣ битвы?

Эней.

То,
Что раненый Парисъ домой вернулся.

Троилъ.

Кѣмъ раненъ?

Эней.

Менелаемъ.

Троилъ.

О, пускай
Струится кровь. Забавна только рана:
Ее нанесъ рогами Менелай.

(Тревога).

Эней.

Ты слышишь-ли, какая за стѣнами
Идетъ потѣха?..

Троилъ.

Я бы предпочелъ
Ее въ стѣнахъ, когда бъ въ одно слилися
Хотѣть и мочь. Но время. Дѣло къ спѣху
Идешь?

Эней.

Сейчасъ.

Троилъ.

Такъ вмѣстѣ на потѣху!

(Уходятъ).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКІЙ ЮНОША.
(*Аѳинскій акрополь, VI—в. до Р. Х.*).

СЦЕНА II.

Другая улица въ Троѣ.

Входятъ Крессида и Александръ.

Крессида.
Кто это былъ?

Александръ.
Елена и Гекуба.

Крессида.
Куда-жъ онѣ?

Александръ.
На битву поглядѣть—
Къ восточной башнѣ, царственно стоящей
Надъ полемъ. Гекторъ нынче раздраженъ.
Куда терпѣнье дѣлось! Андромаху
Онъ разбранилъ, прибилъ оруженосца.
Съ разсвѣтомъ, какъ прилежный земледѣлецъ,
Одѣлъ доспѣхи бранные и въ поле
Направился, гдѣ весь въ росѣ цвѣтокъ
Какъ бы слезами горестными плачетъ,
Несчастіе предвидя, какъ пророкъ.

Крессида.
А что его взбѣсило такъ?

Александръ.
Да слухи,
Что будто въ станѣ грековъ есть герой,
Троянецъ—кровью, съ именемъ Аякса...
Племянникъ Гектора при этомъ...

Крессида.
И затѣмъ?

Александръ.
Онъ, говорятъ, весьма своеобразенъ
И держится всегда особнякомъ.

Крессида. Да и всякій такъ держится, коли не пьетъ, не боленъ и съ цѣлыми ногами.

Александръ. Этотъ человѣкъ, по отзывамъ, воспринялъ всѣ качества звѣрей: онъ храбръ, какъ левъ, грубъ, какъ медвѣдь, неповоротливъ, какъ слонъ. Природа до того перепутала въ немъ всѣ эти крайности, что его мужество граничитъ съ глупостью, зато въ глупости прорывается истинная мудрость. Нѣтъ того порока и добродѣтели, которые не сказались бы въ немъ такъ или иначе. Онъ безъ причины бываетъ печаленъ и ни съ того, ни съ сего веселъ. У него всего много, но все въ разладъ: это какъ-то паралитикъ-Бріа-

рей: сто рукъ и не управляется съ ними,— или—Аргусъ: весь въ глазахъ и ничего не видитъ.

Крессида. И этотъ забавный человѣкъ могъ взбѣсить Гектора!

Александръ. Слышно, вчера, въ бою, онъ схватился съ Гекторомъ и повалилъ его; оттого Гекторъ, пристыженный и униженный, пересталъ ѣсть и спать.

Крессида. Кто тамъ идетъ?

Александръ. Вашъ дядя Пандаръ.

Входитъ Пандаръ.

Крессида. А все-же Гекторъ храбрый человѣкъ.

Александръ. Во всемъ мірѣ нѣтъ равнаго ему по храбрости.

Пандаръ. Въ чемъ дѣло? О чемъ рѣчь?

Крессида. Добраго утра, дядя Пандаръ.

Пандаръ. Добраго утра, племянница Крессида. О чемъ это вы бесѣдовали? Добраго утра, Александръ. Какъ поживаешь племянница? Когда изъ Илліона?

Крессида. Нынче утромъ, дядя.

Пандаръ. О чемъ шла рѣчь, когда я подходилъ къ вамъ... А Гекторъ дома былъ, когда ты шла въ Илліонъ, или онъ ужъ вооружился и ушелъ? А Елена, вѣрно, и не вставала еще?

Крессида. Гекторъ уже ушелъ, но Елена еще не вставала.

Пандаръ. Раненько-же онъ ушелъ сегодня!

Крессида. Объ этомъ-то мы и бесѣдовали, когда ты подошелъ. Да еще о томъ, что онъ былъ въ ярссти.

Пандаръ. А онъ былъ въ ярости?

Крессида. Да, вотъ по его словамъ.

Пандаръ. Такъ оно и есть. Я знаю почему. Достанется нынче отъ него грекамъ! Да и Троилъ отъ него не отстанетъ. Берегись они Троила! Могу поручиться!

Крессида. Какъ! развѣ онъ тоже сердитъ?

Пандаръ. Кто? Троилъ? Да Троилъ—то еще позначительнѣе будетъ.

Крессида. О, Юпитеръ! Можно-ли ихъ сравнивать!

Пандаръ. Троила съ Гекторомъ! Да развѣ ты не отличишь мужа, разъ увидѣвъ его?

Крессида. Разумѣется, если я прежде видала и отличала его?

Пандаръ. Вотъ я и говорю. Троилъ есть Троилъ.

Крессида. И я убѣждена, что онъ не можетъ быть Гекторомъ.

Пандаръ. Но за то Гекторъ не Троилъ.

Крессида. Справедливо. Каждый самъ по себѣ.

Пандаръ. Самъ по себѣ! Увы, бѣдный Троилъ! Если-бы онъ могъ быть самъ по себѣ.

Крессида. Такъ онъ и есть.

Пандаръ. Если-бы было такъ, я бы съ радости босикомъ въ Индію сходилъ.

Крессида. Однако, не сталъ же онъ Гекторомъ.

Пандаръ. Самъ по себѣ! Желалъ-бы я, чтобъ онъ былъ самъ по себѣ. Но вѣдь есть-же надъ нами боги! Время все можетъ исправить. Жди, Троилъ, прійдетъ твсе время. Желалъ-бы я, чтобы въ ея груди было мое сердце. Нѣтъ, Гекторъ ни въ какомъ случаѣ не лучше Троила.

Крессида. Ну, ужъ извини.

Пандаръ. Онъ, во-первыхъ, старше.

Крессида. Извини, извини.

Пандаръ. А Троилъ еще не дожилъ до его лѣтъ. Посмотримъ, что ты скажешь, когда онъ доживетъ. Гектору не мѣшало-бы призанять ума у младшаго, но только... не въ этомъ году.

Крессида. Ему и незачѣмъ занимать: своего достаточно.

Пандаръ. Нѣтъ у него тѣхъ достоинствъ, какія есть у Троила.

Крессида. Какія это?

Пандаръ. Во-первыхъ, нѣтъ такой красоты.

Крессида. Зачѣмъ ему такая красота? Своя къ нему больше идетъ.

Пандаръ. У тебя недостаетъ вкуса, племянница. Давеча сама Елена клялась, что смуглость Троила для мужчины... онъ правда смуглъ... въ томъ нельзя не сознаться... И однако, несовсѣмъ.

Крессида. Совсѣмъ смуглъ.

Пандаръ. По правдѣ, онъ и смуглъ и не смуглъ.

Крессида. По правдѣ, эта правда—неправда.

Пандаръ. По ея словамъ, цвѣтъ его лица куда лучше, чѣмъ у Париса.

Крессида. По моему, румянецъ у Париса достаточно свѣжъ.

Пандаръ. Достаточно.

Крессида. Значитъ, Троилъ не въ мѣру румянъ. Если Елена говорила, что цвѣтъ его лица лучше, чѣмъ у Париса, значитъ онъ ярче, а такъ какъ Парисъ достаточно румянъ, онъ долженъ быть ярче яркаго. Изъ этого слѣдуетъ, что такая похвала слишкомъ ярка. Пожалуй, такъ зо-

лотой язычекъ Елены найдетъ, что у Троила мѣдный носъ, и станетъ его восхвалять за это.

Пандаръ. Я готовъ дать клятву, что Еленѣ онъ нравится больше, чѣмъ Парисъ.

Крессида. О, значитъ, у этой гречанки прелегкомысленный нравъ!

Пандаръ. Я увѣренъ, что онъ ей нравится. На дняхъ она приблизилась къ нему... Онъ стоялъ у оконной ниши... Ты знаешь, вѣдь у него на подбородкѣ всего три-четыре волоска растутъ.

Крессида. Да, откровенно говоря, ихъ легко счесть и безъ математики. Любой трактирный слуга подсчитаетъ.

Пандаръ. Да, онъ еще очень молодъ. И все таки, сила у него такая, что онъ... ну, можетъ быть, на три фунта меньше вытянетъ, чѣмъ его братъ Гекторъ!

Крессида. Да неужели! Такъ молодъ и такая прыть!

Пандаръ. И вотъ доказательство, что Елена къ нему не равнодушна: она подошла къ нему и прикоснулась своей бѣлой ручкой къ его раздвоенному подбородку.

Крессида. О, сжалься Юнона! Кто-же ему раздвоилъ подбородокъ?

Пандаръ. Не то. У него, знаешь, ямочка на подбородкѣ. По моему, во всей Фригіи ни у кого нѣтъ подобной улыбки.

Крессида. О, улыбка у него замѣчательная!

Пандаръ. Не правда-ли?

Крессида. Какъ осенняя туча.

Пандаръ. Ну, говори, говори... Однако, чтобы доказать тебѣ, что Елена влюблена въ Троила...

Крессида. Докажи это Троилу. Ему интереснѣе.

Пандаръ. Троилу! Но она для него не интереснѣе выѣденнаго яйца.

Крессида. Если ты такъ же любишь выѣденныя яйца, какъ пустыя головы, то поѣшь всѣхъ невылупившихся цыплятъ.

Пандаръ. Вспомнить не могу безъ смѣха какъ она щекотала ему подбородокъ. Вѣдь, у Елены дивная ручка, надо сознаться.

Крессида. И даже—безъ пытки.

Пандаръ. Вдругъ, она нашла сѣдой волосокъ на его подбородкѣ.

Крессида. Бѣдный подбородокъ! Онъ можетъ позавидовать многимъ бородавкамъ.

Пандаръ. Сколько тутъ было смѣха! Царица Гебука хохотала до слезъ; онѣ выкатывались у нея...

Крессида. Какъ жернова.

Пандаръ. И Касандра хохотала такъ...

Крессида. Что глаза выкатывались? Или и у нея изъ глазъ катились слезы?

Пандаръ. И Гекторъ до того смѣялся...

Крессида. Надъ чѣмъ-же они, однако, такъ надрывались отъ смѣха?

Пандаръ. Да все надъ тѣмъ-же сѣдымъ волоскомъ, который Елена открыла на Троиловомъ подбородкѣ.

Крессида. Вотъ если-бы зеленый волосъ она у него нашла, я бы, пожалуй, посмѣялась тоже.

Пандаръ. Ихъ разсмѣшилъ еще не столько волосъ, сколько забавный отвѣтъ его.

Крессида. Что-же онъ такое отвѣтилъ?

Пандаръ. „Знаешь,—сказала Елена,—у тебя на подбородкѣ всего пятьдесятъ одинъ волосъ и одинъ изъ нихъ посѣдѣлъ.

Крессида. Только и всего?

Пандаръ. Постой. „Пятьдесятъ одинъ.—отвѣчаетъ онъ,—и одинъ изъ нихъ посѣдѣлъ. Значитъ, этотъ сѣдой—мой отецъ, а остальные—его сыновья". „О, Юпитеръ!—воскликнула она на это.—Который-же изъ нихъ супругъ мой—Парисъ?"—„Раздвоенный—отвѣчаетъ Троилъ.—Вырви его и отдай ему". Тутъ всѣ залились смѣхомъ, Елена такъ покраснѣла, а Парисъ такъ разозлился... Ну, а всѣ остальные чуть не лопнули отъ хохота.

Крессида. Довольно. А то лопнетъ мое терпѣніе отъ этихъ пустяковъ.

Пандаръ. Дѣло твое, племянница. Я тебѣ вчера кое-что сообщилъ. Подумай объ этомъ.

Крессида. Думаю.

Пандаръ. Клянусь, это сущая правда. Троилъ такъ плачетъ о тебѣ, какъ будто въ апрѣлѣ родился.

Крессида. Такъ я выросту отъ его слезъ, какъ майская крапива. *(Бьютъ отбой).*

Пандаръ. Смотри, вотъ они возвращаются съ поля битвы. Станемъ здѣсь и поглядимъ, какъ они будутъ проходить въ Илліонъ. Не такъ-ли, моя добрая племянница, моя милая Крессида?

Крессида. Пожалуй.

Пандаръ. Стой здѣсь. Отличное мѣсто! Отсюда мы прекрасно все разглядимъ. Я буду называть тебѣ всѣхъ по имени, сообразно съ тѣмъ, какъ они будутъ проходить. Но ты обращай вниманіе на одного Троила.

Крессида. Не такъ громко.

Проходитъ Эней.

Пандаръ. Вотъ Эней. Это-ли не дивный

мужчина! Могу сказать по совѣсти—одинъ изъ цвѣтковъ Трои. Но все-же ты обращай вниманіе на Троила. Вотъ ты увидишь, каковъ онъ.

Крессида. А это кто?

Проходитъ Антеноръ.

Пандаръ. Это Антеноръ. Могу по совѣсти сказать—умнѣйшая голова и очень недуренъ собой. Однако, что-же не идетъ Троилъ? Увидишь, какъ только онъ замѣтитъ меня, сейчасъ сдѣлаетъ условный знакъ головою.

Крессида. Осчастливитъ тебя.

Пандаръ. Увидишь.

Крессида. Велика важность.

Проходитъ Гекторъ.

Пандаръ. А вотъ и Гекторъ. Вонъ тотъ... тотъ самый молодчина. Да, племянница, Гекторъ мужчина хоть куда! Храбрый, мужественный... Замѣть, какъ онъ смотритъ! Какова осанка! Это величіе. Развѣ не молодчина?

Крессида. Неоспоримо.

Пандаръ. Не правда-ли! Сердце радуется при взглядѣ на него. Замѣть, какіе рубцы на его шлемѣ. Взглядись хорошенько. Видишь? Это не шутка. По этимъ рубцамъ видно, что жаркое дѣло было. Это рубцы!

Крессида. И все отъ мечей?

Пандаръ. Не все-ли равно, отъ мечей, или не отъ мечей. Хоть самъ чортъ на него напади, онъ не поддастся. Всѣхъ боговъ призываю въ свидѣтели,—сердце радуется при взглядѣ на него. А вонъ Парисъ идетъ. Видишь, вотъ, вотъ Парисъ.

Проходитъ Парисъ.

Пандаръ. Смотри на него племянница. Развѣ не красивъ и онъ! Что-же ходили слухи, что онъ уже возвратился домой и раненъ? Ни малѣйшей раны! То-то обрадуется Елена, когда онъ вернется домой невредимымъ! Теперь бы взглянуть на Троила. Что-же Троилъ?

Проходитъ Элленъ.

Крессида. А это кто?

Пандаръ. Элленъ. Странно, однако,— нѣтъ и нѣтъ Троила. Да... Элленъ... Или тотъ сегодня не выходилъ на бой?.. Этотъ... да... Этотъ—Элленъ.

Крессида. А развѣ Элленъ тоже въ состояніи сражаться?

Пандаръ. Элленъ-то? Куда ему! То есть, такъ себѣ... и въ состояніи и не въ состояніи... Удивляюсь, куда запропастился Троилъ? Слушай... Тамъ, кажется, кричатъ: „Троилъ“?.. Нѣтъ, куда Эллену драться! Элленъ трусъ.

Крессида. А это что за пиголица переступаетъ тамъ?

Проходитъ Троилъ.

Пандаръ. Гдѣ?... А, ты не про того! Это—Дейфобъ... А вотъ—Троилъ. Что, племянница! Каковъ человѣкъ! Да, доблестный Троилъ. Герой надъ героями!

Крессида. Тише. Постыдился бы!

Пандаръ. А ты взглядись въ него. Запомни хорошенько. О, храбрый Троилъ! Замѣть, какъ окровавленъ мечъ его. А шлемъ-то! Шлемъ-то! Изсѣченъ больше, чѣмъ у Гектора. Замѣть какой взглядъ! Какая поступь! О, дивный юноша! И ему нѣтъ двадцати трехъ лѣтъ! Иди своей дорогой, Троилъ! Иди своей дорогой! Будь у меня сестра грація, или дочь богиня, я предоставилъ бы ему любую. Дивный мужчина! Парисъ? Парисъ—тьфу передъ нимъ. Елена съ радостью отдала-бы за этого— того, да еще собственный глазъ въ придачу.

Проходятъ нѣсколько простыхъ воиновъ.

Крессида. Вотъ и еще идутъ.

Пандаръ. Ослы! Дураки! Олухи! Труха и солома! Солома и труха! Похлебка послѣ мяса! Я до самой смерти могъ бы, кажется, не сводить глазъ съ Троила. Ну, что ты смотришь еще? Что? Улетѣли орлы, остались только вороны да галки, галки, да вороны. Ужъ если на кого походить, такъ я предпочелъ бы быть Троиломъ, скорѣе, чѣмъ всѣми греками вмѣстѣ, съ прибавкой Агамемнона.

Крессида. Среди грековъ есть Ахиллесъ. Далеко до него Троилу.

Пандаръ. Ахиллесъ! Да это ломовой извощикъ, носильщикъ, верблюдъ!... и больше ничего.

Крессида. Полно, полно.

Пандаръ. Чего полно! Есть у тебя понятіе? Есть глаза? Не можешь отличить мужа! Развѣ порода, красота, статность, краснорѣчіе, мужество, образованіе, воспитаніе, любезность, добродѣтель, юность, щедрость и все прочее—не та соль, не тѣ пряности, которыя приправляютъ человѣка.

Крессида. И не говори! Человѣкъ изъ особеннаго тѣста, въ которое и финиковъ класть не надо: безъ нихъ всходитъ.

Пандаръ. Престранная ты женщина. Нѣтъ возможности предвидѣть твои от-

вѣты, на какое слово ты наляжешь и отъ какого ускользнешь.

Крессида. Я полагаюсь на спину, чтобы защитить животъ, на умъ, чтобы защитить лукавство, на скромность, чтобы защитить честь. Маской защищаю я красоту, а тобою—все это разомъ. Вотъ тѣ слова, на которыя я опираюсь при отвѣтахъ. У меня ихъ не счесть, какъ и средствъ для самозащиты.

Пандаръ. Нельзя-ли узнать хоть одно?

Крессида. Ни за что. Лучшее средство за защиты—молчанiе. Если то, что нуждается въ защитѣ, я не съумѣю сохранить отъ постороннихъ рукъ, то, по крайней мѣрѣ, я скрою пораженное мѣсто. Развѣ ужъ, если оно вспухнетъ до очевидности... Тогда ужъ поздно охранять.

Пандаръ. Престранное ты существо.

Входитъ мальчикъ, слуга Троила.

Мальчикъ. (*Пандару*). Мой господинъ желаетъ сейчасъ-же поговорить съ тобою.

Пандаръ. Гдѣ онъ?

Мальчикъ. У тебя на дому. Онъ снимаетъ теперь свои доспѣхи.

Пандаръ. Передай ему, славный юноша, что я иду. (*Мальчикъ уходитъ*). Боюсь, не раненъ ли онъ! Прощай, любезная племянница.

Крессида. Прощай, дядя.

Пандаръ. Я скоро опять увижусь съ тобою.

Крессида. Съ чѣмъ тебя ждать, дядя?

Пандаръ. Съ доказательствомъ любви Троила. (*Уходитъ*).

Крессида. И тѣмъ окончательно докажешь, что ты—сводникъ.

Всѣ жертвы, всѣ дары любви, признанья,
Восторгъ, печаль и слезы и стенанья
Отъ имени другого онъ сулитъ.
Не знаетъ онъ, что сердце говоритъ
Мнѣ о высокихъ качествахъ Троила—
Въ сто разъ яснѣй, сильнѣй, чѣмъ отразило
Ихъ зеркало напыщенныхъ похвалъ.
Но не сдаюсь,—какъ онъ бы ни желалъ.
Мы, женщины, мы ангелы, покуда
Въ мужчинахъ къ намъ горитъ огонь. Но чудо
Становится ничѣмъ, когда его
Онъ, вдругъ, возьметъ. Одинъ лишь мигъ всего—
И смерть любви! Нѣтъ, какъ бы ни любила
Я милаго,—уста мои могила!
(*Уходитъ*).

ПАНДАРЪ И КРЕССИДА. (Дѣйствiе I, сц. 2).

Картина англійскаго художника Кирка (Th. Kirk † 1797). Малая Бойделевская Галлерея).

СЦЕНА III.

Станъ грековъ передъ шатромъ Агамемнона. Трубы. Проходятъ Агамемнонъ, Несторъ, Уллисъ, Менелай *и другіе.*

Агамемнонъ.

Скажите мнѣ, князья и полководцы,
Какая скорбь туманитъ ваши лица
Болѣзненной, зловѣщей желтизною?
Случалось-ли, чтобъ всѣ предначертанья,
Всѣ планы человѣка исполнялись,
Согласно съ ожиданьями? О, нѣтъ,
И самыя великія дѣянья
Нерѣдко на пути своемъ встрѣчаютъ
Препятствія и бѣды; и они
Нерѣдко развиваются, подобно
Уродливымъ наростамъ, иль узламъ
На царственныхъ могущественныхъ кедрахъ.
Движенье соковъ въ вѣткахъ и корняхъ
Они въ себѣ задерживаютъ жадно,
И стройный стволъ кривится. Такъ, друзья,
Повѣрьте мнѣ, не стоитъ огорчаться,
Что все еще надежды не сбылись

На скорое завоеванье Трои
И что пока незыблема она.
Всѣ предпріятья славныя, насколько
Изъ прошлаго рисуетъ память мнѣ,
Полны такихъ нежданныхъ отступленій
Отъ ясныхъ начертаній и отъ формъ
Возвышенныхъ и въ мысляхъ совершенныхъ.
Зачѣмъ-же вы въ смятеньи и тоскѣ
Взираете на положенье наше?
Неужто эта мелкая задержка
Вамъ кажется позоромъ? А межъ тѣмъ,
Вы въ ней должны провидѣть испытатье,
Ниспосланное Зевсомъ, чтобъ узнать
Границы нашей вѣры и терпѣнья.
Да, этого металла чистоту
Немыслимо постичь, пока фортуна
Потворствуетъ намъ: храбрый, какъ и трусъ,
Силачъ, какъ слабый, умный, какъ и глупый,
Тогда вполнѣ казались-бы равны.
Лишь бури жизни мощнымъ дуновеньемъ
Съ поверхности срываютъ пѣну, муть;
И только то, въ чемъ есть и вѣсъ и твердость,
То, что въ огнеупорной чистотѣ
Лежитъ на днѣ плавильнаго сосуда,
Считается металломъ благороднымъ.

Несторъ.

Съ тѣмъ уваженьемъ, коего достоинъ
Твой тронъ божественный, о, вождь Агамемнонъ,—
Твои слова еще дополнитъ Несторъ.
Испытаннымъ вполнѣ считать себя
Лишь можетъ тотъ, кто стойко перенесъ
Ниспосланныя рокомъ испытанья.
Пока спокойно море, погляди,
Какъ много тамъ мелкаетъ утлыхъ лодокъ,
Сопутствуя испытаннымъ судамъ.
Но только лишь разгнѣванный Борей
Накинется на кроткую Ѳетиду,
Корабль могучій, крѣпкоребрый, вдаль
Среди стихій взволнованныхъ несется,
Похожій на Персеева коня,
А утлая и ветхая ладья,
Еще недавно спорившая дерзко
Съ гигантами, она иль стала вдругъ
Добычею Нептуна, иль укрылась
Въ нѣмую гавань. Истинную доблесть
Такъ отличить легко во время бурь.
Средъ блеска и сіянья счастья, оводъ
Страшнѣе стаду кажется, чѣмъ дикій,
Свирѣпый тигръ. Когда гроза дохнетъ,
Столѣтній дубъ склоняетъ вдругъ колѣни,
Подъ сѣнью вязовъ вьется мошкара,
А человѣкъ, безстрашный и могучій,
Грозою вдохновенный, съ нею въ ладъ
Отвѣтствуетъ разгнѣванному року
Такими же громовыми рѣчами.

Улиссъ.

Агамемнонъ! Великій вождь, душа
И становой хребетъ Эллады—сердце
И мозгъ несмѣтныхъ полчищъ нашихъ. Ты,
Въ комъ такъ слились всѣ наши мысли, чувства,
Послушай рѣчь Улисса. Но сперва
Позволь воздать отъ глубины сердечной
Достойное хваленіе (*Агамемнону*) тебѣ,
Прославленному доблестью и саномъ.
(*Нестору*). Затѣмъ—тебѣ, своею сѣдиной
Стяжавшему права на уваженье.
О, царь, чтобъ рѣчь твою запечатлѣть,
Ее десница Греціи на мѣди
Должна бы вырѣзать! А про твою,
Маститый Несторъ, я сказать обязанъ,
Что и ее, какъ и тебя бы, надо
Оправить въ серебро, дабы, какъ ось,
Вокругъ которой небеса вертятся,
Служила связью вѣчною она
Межъ жаднымъ до познанья слухомъ грековъ
И языкомъ торжественнымъ твоимъ—
И все-же я молю, благоволите,
Ты, славный вождь и, мудрый старецъ, ты
Услышать рѣчь Улисса.

Агамемнонъ.

Царь Итаки,
Тебя готовы слушать мы; давно
Извѣстно намъ, что съ мудрыхъ устъ Улисса
Безплодныхъ словъ нельзя и ожидать,
Какъ съ дерзкихъ устъ Терсита невозможно
Ждать мудрости оракула, иль пѣсенъ.

Улиссъ.

Уже давно была-бъ во прахѣ Троя,
Мечъ Гектора давно-бъ упалъ изъ рукъ,
Когда-бы въ станѣ грековъ чтились свято
Величье власти. Но, увы, шатровъ,
Вѣтрами раздуваемыхъ, не меньше,
Чѣмъ лживыхъ и раздутыхъ самолюбій.
Возможно-ль меда ждать, когда самъ вождь—
Не матка улья и въ раздорѣ пчелы.
Тамъ, гдѣ вождемъ распущены войска,
Тамъ недостойный и достойный рядомъ.
Вездѣ свой строй—и на землѣ внизу,
И въ небесахъ, среди планетъ горящихъ—
Законы первородства всюда есть,
Есть первенство во всемъ, есть соразмѣрность:
Въ обычаяхъ, въ движеніяхъ, въ пути
Вездѣ порядокъ строгій, нерушимый.
Одно свѣтило—солнце, выше всѣхъ.
Оно, какъ на престолѣ, управляя
По царски сонмомъ всѣхъ другихъ планетъ,
Своимъ цѣлебнымъ окомъ исправляетъ
Ихъ вредное воздѣйствіе и видъ,

И злыхъ и добрыхъ равно наставляя.
Но стоитъ разъ планетамъ обойти
Порядокъ свой,—о, сколько бѣдъ возникнетъ,
Чудовищно мятежныхъ! Сколько бурь,
Землетрясеній, столкновеній грозныхъ
И перемѣнъ! Смятенье, ужасъ, мракъ
Цвѣтущихъ странъ разрушатъ міръ блаженный.
Гдѣ лѣстница для величавыхъ дѣлъ!
Что, кромѣ смерти, ждетъ всѣ предпріятья!
Чѣмъ держится порядокъ стройный школъ!
Сословья въ городахъ, торговля! Только
Священною охраной правъ! Попробуй
Ступени эти вырвать, или вѣру
Поколебать, и скоро вы разладъ
Во всемъ найдете. Въ мірѣ все къ борьбѣ
Настроено. Недвижимыя воды
Мгновенно возмутятся; затопивъ
Всѣ берега, онѣ и міръ затопятъ,
И станетъ онъ похожъ на мокрый хлѣбъ.
Насиліе поработитъ слабость,
И извергъ-сынъ отца замучитъ. Право
Замѣнитъ сила. А еще вѣрнѣй—
Неправда съ правдой, посреди которыхъ
Есть справедливость,—всѣ сольются вдругъ,
И сгинутъ скоро даже ихъ названья.
Все подпадетъ подъ иго своеволья,
Сама-жъ она—подъ иго грубой силы,
А своеволья—рабъ чревоугодья.
Чревоугодье—ненасытный волкъ,
При помощи сподвижниковъ подобныхъ,
Въ концѣ-концовъ, пожретъ само себя.
Такъ вотъ, о вождь блистательный, что выйдетъ,
Коль упразднить чиноначалье. Да,
Хаосъ вездѣ, во всемъ! Уничиженье
Во время войнъ ведетъ лишь къ одному:
Все, что впередъ не движется, обратно
Должно пойти. Ближайшій подчиненный
Съ презрѣньемъ отнесется къ полководцу,
А къ этому—еще стоящій ниже.
Такъ, выростая съ каждою ступенью,
Переходя отъ одного къ другому,
Оно влечетъ соперничество, зависть,
И до сихъ поръ своимъ спасеньемъ Троя
Обязана не мужеству защиты,
А роковымъ раздорамъ въ нашемъ станѣ!
Чтобъ рѣчь мою пространную закончить
Я повторяю: Троя невредима
Не потому, что мужество въ ней сильно,
А потому, что мы безсильны сами.

Несторъ.

Я признаю,—недугъ, гнетущій насъ,
Опредѣлилъ Улиссъ премудро, вѣрно.

Агамемнонъ.

Недугъ открытъ, но чѣмъ его лѣчить?

Улиссъ.

Чѣмъ? Ахиллесъ великій, тотъ, кого
Молва зоветъ десницей гордыхъ грековъ,
Въ своей палаткѣ, лестью упоенъ,
Валяется, кичась и насмѣхаясь
Надъ нашими стараньями. Патроклъ
Съ ними заодно глумится надъ врагами
И насъ клеймитъ позорной клеветой.
Что мы! Тебя, Агамемнонъ великій,
Онъ не щадитъ... ни имени, ни сана,
И, какъ актеръ бездарный, всѣ таланты
Котораго лишь въ подколѣнной жилѣ,
Въ бесѣдѣ ногъ съ кроватью деревянной,
Позоритъ онъ твое величье дерзко,
Тѣмъ голосомъ, который дребезжитъ,
Какъ колоколъ разбитый, и словами,
Которыя въ устахъ Тифона даже
Казались бы гиперболами злыми!
Смотря на эти пошлости, Ахиллъ
Отъ грубыхъ плечъ до живота хохочетъ
И громко восклицаетъ: „Ну, совсѣмъ
Агамемнонъ! Отлично! Превосходно!
Теперь представь мнѣ Нестора, какъ онъ
Предъ каждой рѣчью бороду погладитъ,
Покашляетъ...“ И представляетъ тотъ.
Пускай одно похоже на другое,
Какъ на Вулкана мощнаго—жена,
Но Ахиллесъ все вопитъ: „Превосходно,
Ну, сущій Несторъ! А теперь, Патроклъ,
Представь, какъ онъ въ часы ночной тревоги
Вооружается“. И вотъ, Патроклъ опять
Надъ немощами старости глумится:
Онъ кашляетъ, плюетъ и съ дрожью рукъ
Какъ будто бы застегиваетъ латы,
Не попадая въ пряжку ремешкомъ.
А тотъ, герой, катается отъ смѣха,
Крича: „Довольно! Будетъ! Будетъ, другъ,
А то умру отъ смѣха!“ Такъ всѣ наши
Достоинства, таланты и черты,
Намѣренья, успѣхи, неудачи
И выдумка и правда—все ему
Посмѣшищемъ и поруганьемъ служитъ.

Несторъ.

А нечестивцевъ пагубный примѣръ,
Богъ вѣсть за что,—какъ нашъ Улиссъ замѣтилъ,—
Возведенныхъ едва не на Олимпъ
И прочихъ заражаетъ. Для примѣра
Взять хоть Аякса. Этотъ тоже сталъ
Заносчивъ, гордъ, себялюбивъ, не меньше,
Чѣмъ Ахиллесъ. Онъ, какъ и тотъ, теперь
По цѣлымъ днямъ въ шатрѣ своемъ пируетъ,

Съ величіемъ оракула глумясь
Надъ нашими невзгодами. Онъ даже
Науськиваетъ подлаго Терсита,
Безстыжаго раба, чья желчь и злость
Чеканитъ, какъ фальшивую монету,
И клевету и гнусности объ насъ.
Что до того ему, что подрываетъ
Онъ языкомъ своимъ довѣрье войскъ!

Улиссъ.

Они позорятъ нашу осторожность
И трусостью зовутъ и на войнѣ
Считаютъ лишней. Тамъ, по ихъ понятьямъ,
Одинъ кулакъ полезенъ. А работу
Ума, который долженъ вычислять
И взвѣшивать наличность силъ враждебныхъ,
Они не ставятъ ни во что. Такой
Полезный трудъ они считаютъ даже
Стратегикой постельной, кабинетной.
Они таранъ, за страшный вѣсъ его
И гибельную скорость, почитаютъ
Достойнѣе, почтеннѣй той руки,
Которой онъ сработанъ, или мысли,
Его создавшей.

Несторъ.

Коль повѣрить имъ,
Такъ этакъ конь Ахилла въ состояньи
Прижить дѣтей съ Ѳетидою.
(*За сценой трубы*).

Агамемнонъ.

Трубятъ.
Мой братъ, взгляни, что тамъ!

Менелай.

Посолъ изъ Трои.

Входитъ Эней.

Агамемнонъ.

Зачѣмъ, посолъ, явился къ намъ?

Эней.

Прошу
Отвѣтить: здѣсь шатеръ Агамемнона?

Агамемнонъ.

Онъ здѣсь.

Эней.

Осмѣлится-ль герольдъ и вождь
Слухъ царственный его склонить къ посланью?

Агамемнонъ.

Не меньше Ахиллесова меча
Мои слова надежны, и порукой
Они, что здѣсь посланіе твое
Дойдетъ къ Агамемному передъ тѣми,
Кто отличилъ избраніемъ его.

Эней.

Достойная порука и любезность.
Но какъ же мнѣ, простому пришлецу,
Царя царей не знавшему доселѣ,
Отъ прочихъ смертныхъ какъ мнѣ отличить?

Агамемнонъ.

Какъ отличить?

Эней.

Да, свой вопросъ тебѣ
Я задаю, чтобъ встать съ благоговѣньемъ
Предъ взорами царя, чтобы зажглись
Такимъ румянцемъ вдругъ мои ланиты,
Съ какимъ Заря на Феба обращаетъ
Невинный взоръ. Итакъ, повѣдай мнѣ,
Гдѣ этотъ Богъ по сану и властитель
Сердецъ и думъ? Гдѣ царь Агамемнонъ?

Агамемнонъ.

Надъ нами насмѣхается троянецъ?
Иль царедворцы льстивые они?

Эней.

Да, можетъ быть, мы, правда, царедворцы,
Когда привѣтъ и миръ несемъ друзьямъ,
Но кличъ войны насъ превращаетъ въ бурю:
Мечи блестятъ, какъ молніи въ рукахъ.
Свидѣтель Зевсъ, троянцы не бѣжали.
Но замолчи, Эней! Троянецъ, стой!
Перстъ на уста! Хвала теряетъ цѣну,
Когда она относится къ тому,
Кто говоритъ ее. Лишь та хвала прекрасна,
Которая слетаетъ съ устъ врага.

Агамемнонъ.

Скажи, посолъ троянскій, не Энеемъ
Тебя зовутъ?

Эней.

Да, такъ меня зовутъ.

Агамемнонъ.

Съ чѣмъ ты пришелъ къ намъ?

Эней.

Я скажу объ этомъ
Агамемнону.

Агамемнонъ.

Онъ не захочетъ
Посланіе троянское, какъ тайну,
Выслушивать.

Эней.

Изъ Трои я пришелъ
Не съ тайною, шептаться я не буду!
Труба со мной, чтобъ сонный слухъ будить

И рѣчь свою начну тогда я только,
Когда его вниманіе зажгу.

Агамемнонъ.

Троянецъ! Пусть свободную, какъ вихрь,
Услышу рѣчь. Теперь Агамемнону
Не время спать. Онъ самъ передъ тобой.

Эней.

Греми, труба! Греми звончѣй! Пусть льются
Изъ глубины могучей мѣдной груди
Живые звуки въ вялые шатры!
Пусть каждый грекъ услышитъ то, что Троя
Въ лицѣ моемъ открыто говоритъ.
(*Трубачи трубятъ*).
Ты, царь Агамемномъ, слыхалъ, быть можетъ,
Что въ Троѣ есть царевичъ Гекторъ, сынъ
Достойнѣйшій достойнаго Пріама.
Наскуча долгимъ перемирьемъ, онъ
Мнѣ предложилъ при трубномъ звукѣ громко
Вамъ возвѣстить условіе свое,
Цари, вожди и воины!
Найдется-ль
Средь грековъ благороднѣйшихъ—одинъ,
Кто-бъ честь поставилъ выше, чѣмъ покой
Кто, добиваясь славы, презираетъ
Опасности, надѣясь на свое
Могущество, совсѣмъ не знаетъ страха?
Кто сердцемъ любитъ женщину и можетъ
Свою любовь открыто доказать
Съ оружіемъ въ рукахъ при всемъ народѣ?
Найдется-ль! Пусть услышитъ вызовъ мой,
И мужественный Гекторъ нашъ докажетъ
Иль доказать попробуетъ герою
Передъ лицомъ всѣхъ грековъ и троянъ,
Что въ мірѣ знаетъ женщину, красою,
И вѣрностью съ которой ни одна
Изъ женъ, которыхъ греки обнимаютъ,
Соперничать не можетъ! Если вы
Согласны,—онъ, Гекторъ, завтра трубнымъ звукомъ
Васъ извѣститъ, что тамъ, на полпути
Межъ греческимъ и межъ троянскимъ станомъ,
Онъ ждетъ того, кто можетъ отстоять
Честь вашихъ женъ. Онъ ждетъ его съ привѣтомъ,
А не найдется,—всюду разгласитъ,
Что жены грековъ всѣ черны отъ солнца,
Не стоитъ изъ-за нихъ ломать копья.
Я кончилъ.

Агамемнонъ.

Мы передадимъ все это,
Эней, влюбленнымъ нашимъ. Коль изъ нихъ
Никто рѣчей не приметъ близко къ сердцу,
Такъ значитъ дома дремлютъ всѣ бойцы.
Но если такъ, и самъ еще я воинъ!
Пусть прослыветъ ничтожнымъ трусомъ тотъ,
Кто самъ влюбленнымъ не былъ и влюбленнымъ
Не мнилъ себя. Итакъ, когда средь нихъ
Объявится такой, что былъ влюбленнымъ,
Иль мнилъ себя такимъ,—отвѣтитъ онъ
На вызовъ Гектора; а не найдется,—
Я отвѣчаю самъ.

Несторъ.

Скажи ему,
Что есть еще у грековъ Несторъ, воинъ,
Который мужемъ былъ уже тогда,
Когда еще у материнской груди
Кормился дѣдъ его, отецъ Пріама.
Пусть Несторъ старъ, но если въ войскѣ грековъ
Не сыщется способный постоять
За женщину любимую, повѣдай,—
Я бороду сребристую мою
Подъ золотымъ забраломъ спрячу, руки
Изсохшія я скрою отъ него
Въ наручникахъ и, выступлю на битву,
Скажу ему: „Жена моя была
Прекраснѣй бабки Гектора и чище
Всѣхъ женщинъ въ мірѣ! Крови капли три
Во мнѣ осталось. Я готовъ на встрѣчу.
За святость словъ я кровью той отвѣчу.

Эней.

Храни васъ Зевсъ! Ужель бойцовъ такъ мало
Средь юношей, что выступитъ старикъ!

Уллиссъ.

Да будетъ такъ.

Агамемнонъ.

Тебѣ, Эней, я руку
Хочу пожать и лично проводить
Къ себѣ въ шатеръ. Твой вызовъ Ахиллесу
Передадимъ мы тотчасъ же, а также
И всѣмъ вождямъ ахейскимъ, изъ шатра
Въ шатеръ. Теперь ты гость нашъ. Вмѣстѣ съ нами
Пойдемъ. Тебя гостепріимство ждетъ,
Въ гостяхъ у насъ и недругъ встрѣтитъ дружбу.
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Улисса и Нестора*).

Улиссъ.

Ну, Несторъ!

Несторъ.

Что скажешь, царь Итаки?

Улиссъ.

Блеснула мысль въ умѣ моемъ. Она
Еще въ зародышѣ, но ты замѣнишь
Мнѣ время и придашь ей зрѣлость.

Несторъ.

Что
Задумалъ ты?

Улиссъ.

Послушай: острымъ камнемъ
Разсѣчь не трудно узелъ. Гордость ту,
Что словно колосъ зрѣлый налилась
Въ душѣ Ахилла, надо подкосить,
Не то на землю высыпятся зерна
И среди насъ посѣютъ столько бѣдъ,
Что мы погибнемъ.

Несторъ.

Правда. Только
какъ же
Все это сдѣлать?

Улиссъ.

Дерзкій вызовъ тотъ,
Съ которымъ Гекторъ обратился къ гре-
камъ,
Относится къ Ахиллу.

Несторъ.

Мнѣ разсчетъ
Понятенъ, какъ итогъ несложный. Если
Ахиллъ услышитъ вызовъ, будь мозги
Его безплодны такъ, какъ Ливіи пески—
А что безплодны—знаетъ Апполонъ,—
Герой нашъ мудрый все-же угадаетъ
Кому тотъ вызовъ.

Улиссъ.

А рѣшится онъ
Отвѣтить Гектору?

Несторъ.

Я полагаю.
Къ тому же это неизбѣжно. Кто
Поддержитъ честь побѣды въ поединкѣ
Съ такимъ врагомъ, какъ Гекторъ? Лишь
Ахиллъ.
Хотя троянца вызовъ лишь забава,
Но для молвы побѣда намъ важна.
О, вкусу изощренному троянцевъ
Хотѣлось бы объѣдковъ нашей славы
Попробовать. И вѣрь, Улиссъ, хотя
Предложенъ вызовъ въ очень странномъ
видѣ,
Онъ можетъ крупный вредъ намъ принести.
Бой шуточный,—исходъ для насъ серьезный:
Въ немъ образъ нашъ, заглавье, что въ себѣ
Таитъ суть книги. Всѣ рѣшатъ, что избранъ
Для поединка съ Гекторомъ герой,
Мѣрило силы, доблести ахейской,
И если Гекторъ верхъ надъ нимъ возьметъ,
Какъ возгордится весь враждебный лагерь
Своей побѣдой! Какъ онъ возомнитъ,
О торжествѣ своемъ надъ побѣжденнымъ!
Общественному мнѣнію—рука
Такой же другъ, какъ лукъ, иль мечъ по-
слушный
Для той руки.

Улиссъ.

Прости, что перебью
Тебя я, Несторъ. Рѣчь твою я понялъ.
Такъ! На борьбу Ахилла не должны
Мы выпускать... Мы какъ купцы посту-
пимъ:
Товаръ поплоше выпустимъ, и съ рукъ,
Быть можетъ, онъ сойдетъ. А если этотъ
Разсчетъ не оправдается, то все-жъ
Того подниметъ цѣну, что въ запасѣ.
Не надо соглашаться, чтобъ Ахиллъ
Сражался съ Гекторомъ. Тогда побѣда
И пораженье—только грусть для насъ.

Несторъ.

Быть можетъ, такъ глаза мои ослабли,
Послѣдствій грустныхъ я не разгляжу.

Улиссъ.

Надъ Гекторомъ блестящая побѣда
Была бъ, пожалуй, нашимъ торжествомъ,
Когда бъ Ахиллъ такъ гордъ безмѣрно не
былъ.
Онъ и теперь заносчивъ безъ границъ.
Повѣрь мнѣ, легче намъ стоять подъ солн-
цемъ
Палящей Африки, чѣмъ выносить
Надменный взглядъ Ахилла при побѣдѣ;
А если Гекторъ побѣдитъ; на насъ
Падетъ позоръ: сильнѣйшій грекъ повер-
женъ.
Не лучше-ль бросить жребій такъ, чтобъ
онъ
Глупцу Аяксу выпалъ, Такъ полезный
Урокъ Ахиллу мы дадимъ и тѣмъ
Излѣчимъ навсегда и Мирмидона
Великаго отъ спеси. Пусть скромнѣй
Свой пестрый гребень носитъ: отъ хваленій
Онъ у него превыше поднялся,
Чѣмъ даже лукъ сверкающей Ириды.
Когда Аяксъ безмозглый изъ сраженья
Вдругъ выйдетъ побѣдителемъ, его
Мы вознесемъ до неба.—Если жъ будетъ
Онъ побѣжденъ, останется у насъ
Увѣренность, что есть бойцы получше.

Удастся ль, не удастся-ли нашъ планъ,
Мы все-жъ достигнемъ цѣли. Избирая
Аякса, мы избраніемъ такимъ
Ахиллу перья всѣ расшевелимъ.

Несторъ.

Твой планъ, Улиссъ, мнѣ по душѣ и надо
Его внушить Агамемнону. Пусть
Онъ и его расшевелитъ. Пусть оба
Рычащихъ пса одинъ другого рвутъ,
И, если гордость крѣпче всякихъ путъ,
Пусть ихъ она обоихъ съѣстъ, какъ злоба.

(*Уходятъ*).

Древнегреческій воинъ въ полномъ вооруженіи. (*Античная статуя, Берлинъ. Антикваріумъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть греческаго лагеря.

Входитъ Аяксъ *и* Терситъ.

Аяксъ. Терситъ!

Терситъ. О, чтобы волдыри вскочили у этого Агамемнона на всемъ тѣлѣ!

Аяксъ. Терситъ!

Терситъ. Если-бы волдыри эти потомъ вскрылись и онъ бы вытекъ. Что скажешь?

Аяксъ. Псина!

Терситъ. По крайней мѣрѣ, хоть чѣмъ нибудь бы проявилъ себя, а то теперь и этого нѣтъ.

Аяксъ. Твои уши оглохли, волчій сынъ, такъ я заставлю чувствовать твои бока.

(*Бьетъ его*).

Терситъ. Чтобы греческая проказа тебя взяла, ублюдокъ съ бычачьимъ мозгомъ!

Аяксъ. Поговори еще, поговори. Я тебя буду взбивать, какъ прокислое тѣсто, пока красавца изъ тебя не сдѣлаю.

Терситъ. Скорѣй насмѣшки мои превратятъ тебя въ умнаго и благочестиваго человѣка, хотя лошадь твоя и та скорѣе выучитъ наизусть любую проповѣдь, чѣмъ ты выучишь наизусть хоть одну молитву. Дерись, дерись, возьми тебя чесотка съ твоими лошадиными наклонностями.

Аяксъ. Говори, поганый грибъ, что давеча тамъ провозглашали?

Терситъ. Иль, по твоему, я не чувствую твоихъ ударовъ.

Аяксъ. Что провозглашали, я спрашиваю?

Терситъ. Глупость твою, разумѣется.

Аяксъ. Ой, берегись, дикобразъ. Берегись, у меня руки раззудѣлись и безъ того.

Терситъ. Чтобы тебя всего зудъ взялъ, а мнѣ бы разрѣшили драть тебя. Я бы живо тебя обратилъ въ гнуснѣйшую греческую язву.

Аяксъ. Будешь ты говорить, что провозглашали?

Терситъ. Извѣстно, что ты безпрестанно лаешь и ворчишь на Ахилла изъ зависти, какъ Церберъ на красоту Прозерпины.

Аяксъ. Баба-Терситъ.

Терситъ. Такъ побей его.

Аяксъ. Лепешка.

Терситъ. Онъ бы тебя двумя пальцами въ порошокъ стеръ.

Аяксъ. Потаскушкино отродье!

(*Бьетъ его*).

Терситъ. Попробуй сунься.

Аяксъ. Вѣдьминъ пометъ!

Терситъ. Бей, ослиная голова, бей! У тебя мозгу въ ней не больше, чѣмъ у меня въ локтяхъ. Оселъ могъ бы научить тебя храбрости. Ты вѣдь только и годенъ давить троянцевъ, а для умныхъ людей ты дикій хамъ. Если ты еще будешь меня колотить, я примусь тебя обрабатывать съ головы до пятъ. Такъ переберу, что любо.

Аяксъ. Псина.

Терситъ. Паршивый герой.

Аяксъ. Харя! (*Бьетъ его*).

Терситъ. Бей, Марсовъ болванъ, бей, дикій хамъ, бей, верблюдъ... бей, бей!

Входятъ Ахиллъ *и* Патроклъ.

Ахиллъ. Въ чемъ дѣло, Аяксъ? За что ты его колотишь? Да разскажи-же, Терситъ, какъ и что?

Терситъ. Видѣли, каковъ гусь? Видѣли?

Ахиллъ. Да въ чемъ суть, однако?

Терситъ. Погляди на него хорошенько.

Ахиллъ. Гляжу,—ну, что-жъ изъ этого?

Терситъ. Нѣтъ, ты получше погляди.

Ахилъ. Да гляжу.

Терситъ. И все-таки, не какъ надо, потому что за что бы ты его ни принималъ,—онъ останется Аяксомъ.

Ахиллъ. Само собою разумѣется, дуракъ!

Терситъ. Само собою разумѣется, для васъ, да не для этого дурака.

Аяксъ. За это я и бью тебя.

Терситъ. Ну, вотъ это образецъ его плоскихъ остротъ. У всѣхъ его фразъ длиннѣйшія уши. Его мозгъ пострадалъ отъ меня больше, чѣмъ мое тѣло отъ его кулаковъ. Мозгъ его не стоитъ и воробьинаго хвоста, а вѣдь десятку воробьевъ—грошъ цѣна! Словомъ, Ахиллъ, тебѣ сразу стало ясно, что я говорю про Аякса, у котораго мозгъ въ брюхѣ, а кишки въ головѣ.

Ахиллъ. Что-же говоришь?

Терситъ. Я говорю,—у Аякса...

Ахиллъ (*останавливаетъ Аякса, который хочетъ ударить Терсита*). Полно, добрѣйшій Аяксъ.

Терситъ. Не хватаетъ ума даже...

Ахиллъ. Прекрати, дуракъ...

Терситъ. Я бы прекратилъ, да дуракъ то не прекращается. Вотъ этотъ, видишь.

Аяксъ. Проклятая собака! Вотъ я!...

Ахиллъ. Неужто ты съ дуракомъ станешь состязаться въ умѣ!

Терситъ. Ручаюсь, что нѣтъ: каждый дуракъ заткнетъ его за поясъ умомъ.

Патроклъ. Сдержись, Терситъ!

Ахиллъ. Да изъ-за чего у васъ загорѣлось?

Аяксъ. Я спрашиваю у этого гнуснаго филина, что вышло сегодня въ лагерѣ, а онъ лается.

Терситъ. Я не слуга твой.

Аяксъ. Хорошо, продолжай, продолжай.

Терситъ. Я служу здѣсь самъ по себѣ

Ахиллъ. Однако, послѣдняя твоя служба была совсѣмъ не такова. Подъ колотушки самъ по себѣ не полѣзешь. Тутъ вѣдь Аяксъ дѣйствовалъ добровольно, а ты-то не по доброй волѣ получалъ.

Терситъ. И то! Иль многіе врутъ, или и часть твоего ума въ мышцахъ. Вотъ Гекторъ-то разинетъ ротъ, когда размозживъ твою или его голову, увидитъ, что расколотъ гнилой орѣхъ безъ признака ядра.

Ахиллъ. Какъ? Ты уже и меня задѣваешь?

Терситъ. Взять Улисса, или стараго Нестора. У нихъ умъ и тогда уже плѣсенью началъ покрываться, когда у вашихъ дѣдовъ и ногтей еще не росло. Вотъ они и запрягли теперь васъ, какъяремныхъ воловъ въ плугъ... заставляютъ пахать поле битвы.

Ахиллъ. Что? Что?

Терситъ. Вѣрно... Гей, гей Ахиллъ. Гей, гей, Аяксъ!... Гей, гей!

Аяксъ. Я вырву языкъ твой!

Терситъ. Не бѣда. Я и безъ него буду не менѣе краснорѣчивъ, чѣмъ ты.

Патроклъ. Молчи, Терситъ. Довольно!

Терситъ. Такъ я и замолчу по требованію Ахиллесовой ищейки.

Ахиллъ. Вотъ и тебѣ попало, Патроклъ.

Терситъ. Будетъ съ меня. Я приду въ ваши палатки развѣ затѣмъ, чтобы увидѣть подвѣшенными пустыя головы. Покидаю скопище дурней. Буду только тамъ отнынѣ, гдѣ сіяетъ умъ. *(Уходитъ).*

Патроклъ. Счастливаго пути.

Ахиллъ.

Коль хочешь знаѣть, Аяксъ, провозглашали,
Что завтра въ пять часовъ, когда взойдетъ,
Сіяя солнце,—межъ стѣнами Трои
И нашими шатрами, Гекторъ самъ
При громѣ трубъ заявитъ громогласно,
Что вызываетъ дерзкаго на бой,
Того, кто утверждать при немъ посмѣетъ,
А что... не знаю... Глупости!.. Прощай...

Аяксъ. Прощай. Но кто-жъ на вызовъ отзовется?

Ахиллъ. Не знаю... Слышно, жребіемъ рѣшатъ...
Найдется...

Аяксъ. Онъ не на тебя-ли мѣтитъ?
Пойду узнать.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Троя. Комната во дворцѣ Пріама.

Входятъ **Пріамъ, Гекторъ, Троилъ, Парисъ** *и* **Эленъ.**

Пріамъ.

Друзья мои, не мало
Рѣчей, часовъ и жизней утекло,
И вотъ что намъ вѣщаетъ снова Несторъ
Отъ имени соотчичей: „Елену
Верните намъ, а всѣ иныя жертвы:
Труды и честь, утраты, кровь и раны,
Погубленное время и друзья—
Все, что война такъ алчно поглотила,
Забудется... Что скажешь, Гекторъ, ты?

Гекторъ.

Хоть врядъ-ли кто боится грековъ меньше,
Чѣмъ я, хоть мнѣ средь женщинъ равной нѣтъ
Своимъ губкоподобнымъ, мягкимъ сердцемъ,
Чужую скорбь впивающимъ въ себя,
И все-таки, Пріамъ несокрушенный,
Я признаюсь... и закричать готовъ

ПАРИСЪ.
(Одна изъ статуй фронтона Эгинскаго храма Аѳины, нынѣ въ Мюнхенѣ; VI—V в. до Р. X.).

Предъ цѣлой Троей: „Кто намъ поручится
За будущее гибельной войны?
Въ себя одна лишь безопасность вѣритъ:
Плодъ не войны, а мира. Недовѣрье
Разумное—и мѣра—и маякъ
Въ густомъ туманѣ будущаго; съ ними
Мудрецъ спокойно разбираетъ все...
Елену отпустите. Съ той поры,
Какъ въ этой распрѣ обнаженъ впервые
Былъ острый мечъ, не каждая-ль изъ десяти
Погибшихъ душъ, а ихъ такъ много сгибло—
Была, какъ и Елена, дорога?
Безстрашно и упорно защищая
Намъ женщину чужую, принесли
Мы много жертвъ кровавыхъ... Я не вижу
Достаточнаго повода послать
Отказъ на эту просьбу грековъ.

Троилъ.

Стыдися, Гекторъ. Царственную честь,
Достоинство такого властелина
Великаго, какъ нашъ родитель, ты
Желаешь взвѣсить жалкими вѣсами,
Могучихъ крыльевъ царственный размахъ
Сковать ничтожной рамкой разсужденій;

Отъ имени боговъ я говорю:
„Стыдись, стыдись"...

Эленъ.

Меня не удивляетъ,
Что ты, Троилъ, врагъ разсужденій... Но
Лишь потому, что нѣтъ ихъ у Троила,
Нельзя вмѣнять въ обязанность отцу
Ихъ презирать въ дѣлахъ особо-важныхъ.

Троилъ.

Эленъ, какъ жрецъ, къ мечтамъ и грезамъ склоненъ;
Перчатки даже подбиваетъ онъ
Благоразумьемъ... Напримѣръ, извѣстно,
Что непріятель намъ желаетъ зла,
Что обнажать розящій мечъ опасно,
—Бѣду разсудкомъ можно отвратить,
Поэтому легко понять, что стоитъ
Ему съ оружьемъ грека увидать,
Чтобъ прицѣпить къ ногамъ разсудка крылья
И улетѣть, какъ самъ Меркурій вдаль
Отъ грозныхъ глазъ разгнѣваннаго Зевса,
Иль какъ звѣзда, сошедшая съ пути.
Итакъ, друзья, ужъ если намъ нельзя
Бѣжать разсудка—ворота замкнемъ
И ляжемъ спать спокойно. Что намъ честь
И мужество! Пускай они, какъ зайцы,
Дрожатъ въ потьмахъ, достойныя тебя.
Блѣднѣетъ печень, мужество хирѣетъ
Отъ этого благоразумья!

Гекторъ.

Братъ,
Сама Елена жертвъ такихъ не стоитъ.

Троилъ.

Своею мѣрой всякій мѣритъ...

Гекторъ.

Да,
Но цѣнность-то сильна не произволомъ,
Достоинство цѣну опредѣлитъ ей,
Достойный взвѣситъ. Если поклоненье
Преувеличитъ божество,—оно
Уже зовется идолопоклонствомъ,
Благоговѣнье-жъ страстное къ тому,
Въ чемъ то мы чтимъ, чего нѣтъ даже тѣни,
Безуміе!

Троилъ.

Я нынѣ изберу
Себѣ жену. Послушенъ волѣ выборъ,
А волю вдохновляли и глаза,
И уши,—двое славныхъ кормчихъ,
Свершающихъ отважно вѣчный путь
Между двумя подводными скалами—
Желаніемъ и разумомъ. Когда-жъ
Мое желанье смѣнитъ отвращенье,
Могу-ль я безсердечно отвергать
Ту, на кого палъ выборъ мой свободный?
Нѣтъ, никогда! И съ честью примирить
Нельзя такой поступокъ. Мы не смѣемъ
Запятнанныя ткани возвращать
Купцу, который чистыми ихъ продалъ.
Остатки яствъ не валимъ мы въ лохань
Лишь потому, что послѣ пира сыты.
Париса подстрекали всѣ, когда
Задумалъ мстить онъ грекамъ. Ты припомни,
Какою бурей дружнаго согласья
Вздувались паруса его! Моря
И вѣтры, имъ враждебные, сошлись
Въ союзѣ мирномъ, въ рабскомъ угожденьѣ.
Достигъ завѣтной цѣли онъ. Успѣхъ
Вѣнчаетъ подвигъ брата. Онъ привозитъ
Взамѣнъ старухи-тетки—дивный перлъ,
Красавицу-царицу. Передъ ней
Самъ Аполлонъ—старикъ морщинистый,
Блѣдна заря... Туманно утро мая.
Зачѣмъ ее мы держимъ? А зачѣмъ
Въ плѣну еще и нынѣ держатъ греки
Старуху-тетку? Стоило-ль держать
Въ плѣну Елену? Да, о, да! Конечно.
Безцѣнный перлъ! Не тысячи-ль судовъ
За ней моря переплывали дерзко!
Не падали-ль вѣнцы къ ея ногамъ
И короли въ купцовъ преображались.
Когда согласны вы, что поступилъ
Парисъ благоразумно... А вѣдь съ этимъ
Не согласиться вамъ нельзя: не вы-ль
Ему кричали: „Въ путь Парисъ! Смѣлѣе!"
И если вы безцѣнною тогда
Его добычу называли, крича:
„О, чудо! Чудо! и рукоплескали,—
Изъ-за чего-жъ порочите теперь
Плоды своихъ совѣтовъ и творите
То, что Фортуна сдѣлаетъ едва-ль:
Презрѣніемъ клеймите вы теперь
То, что казалось раньше вамъ безцѣннѣй
Земли и неба! Для чего же красть
То, что боитесь у себя оставить?
Мы наглые воришки и того
Не стоющіе, что мы воровали.
Обиду злую грекамъ нанеся,
Ее мы сами испугались скоро...
О, стыдъ! О, срамъ! О тягости позора!

Кассандра (*за сценой*).

Плачь, Троя, плачь!

Пріамъ.

Кто тамъ кричитъ такъ скорбно?

Троилъ.
Ахъ, то сестра безумная—ее
По голосу узналъ я.

Кассандра.
Плачь, плачь, Троя!
Входитъ Кассандра, *въ дикомъ возбужденіи.*

Гекторъ *(при видѣ сестры).*
Кассандра!

Кассандра *(Прорицая).*
Плачь, плачь, Троя! Дай, мнѣ дай,
Дай десять тысячъ глазъ мнѣ, чтобы я
Изъ нихъ лила пророческія слезы!

Гекторъ.
Молчи, молчи, сестра.

Кассандра.
О, всѣ вы, всѣ,
И юноши, и дѣвы, и младенцы,
Умѣющіе только лишь кричать,
И взрослые, и старцы... О, скорѣе
Въ мой скорбный вопль вливайте вы свой плачъ...
Мы выплачемъ хоть часть тѣхъ слезъ заранѣ,
Которыя грядущее сулитъ...
Плачь, Троя, плачь! Ты такъ пріучишь очи
Къ слезамъ! На гибель ты обречена...
Твой Илліонъ сіяющій я вижу
Въ могильномъ пеплѣ... Насъ сожжетъ Парисъ—
Онъ страшный факелъ! Плачь, плачь горько Троя!
Кричите всѣ: Елена и несчастье!
Свободу ей! Свободу! Или грянетъ
Ужасный громъ и Троя пепломъ станетъ!
(Убѣгаетъ).

Гекторъ.
О, юный мой Троилъ,—неужто голосъ
Пророческій сестры твоей въ душѣ
Не пробуждаетъ страшныхъ опасеній?
Неужто такъ пылаетъ кровь твоя,
Что охладить ее уже не въ силахъ
Ни горькій вопль разсудка, ни позоръ,
Преслѣдующій всѣ дѣла дурныя?

Троилъ.
Нѣтъ, убѣжденъ я, что не можетъ случай
Быть мѣрой правды или дѣлъ... Нельзя
Духъ мужества гасить на основаньи
Безумныхъ словъ Кассандры. Бредъ ея
Не знаменье, что самый поводъ къ распрѣ
Вдругъ измельчалъ. Не сами-ль мы клялись
Считать его священнымъ. Мнѣ онъ не ближе,
Чѣмъ всѣмъ другимъ сынамъ Пріама. Но
Молю я Зевса, онъ да насъ избавитъ
Отъ тѣхъ дѣяній, гдѣ заключено
Сомнѣнье въ томъ, что намъ необходимо
Стоять за дѣло правды до конца.

Парисъ.
О, да, должны мы начатое кончить,
Иначе міръ осыпетъ насъ хулой,
Упреками: меня за легкомыслье
Моихъ поступковъ, за совѣты васъ.
Клянусь самимъ Олимпомъ, опасенье
Съ такимъ поступкомъ связанное, въ прахъ
Разсѣяно согласьемъ вашимъ дружнымъ.
Что сдѣлала-бъ одна моя рука!
Что стойкость одного бойца предъ силой
И бѣшеною злобою толпы,
Всѣхъ, клявшихся казнить виновныхъ въ распрѣ!
И все-же я открыто говорю,
Что если бы мнѣ одному пришлося
Преодолѣть преграды и мое
Могущество моей равнялось волѣ,
Я и тогда отречься бы не могъ
Отъ сдѣланнаго мною и тогда бы
Начатое упорно продолжалъ.

Пріамъ.
Мой сынъ Парисъ—блаженствомъ упоенный
Ты потому и судишь такъ: подай
Тебѣ весь медъ, другимъ-же—горечь желчи.
Такой отвагѣ честь не велика.

Парисъ.
Родитель нашъ, не только тѣмъ блаженствомъ,
Которое несетъ намъ красота,
Я упоенъ. Но я еще желаю,
Владѣя ей, лелѣя и храня,
Смыть то пятно, которымъ на неё
Ложится похищенье. И возможно-ль
Отдать ее супругу, если такъ
Желаетъ городъ! Это-ль не безчестье,
Не злой позоръ для твоего вѣнца,
А для нея—жестокая обида!...
Не можетъ быть, чтобъ мысль такая вдругъ
Въ твоемъ умѣ зажглася. Межъ слабѣйшихъ
Найдется врядъ-ли воинъ и одинъ,
Чтобъ острый мечъ не поднялъ за Елену.
Никто изъ благородныхъ не найдетъ,
Что посвятить Еленѣ жизнь—паденье,
Что умереть безславно за нее.
Нашъ долгъ стоять съ отвагой неизмѣнной
За ту, кому нѣтъ равной во вселенной!

Гекторъ.

Я отдаю обоимъ справедливость—
Тебѣ—Парисъ, тебѣ—Троилъ. Вы оба
Прекрасно говорили, но коснулись
Вопроса лишь поверхностно. Подобны
Вы юношамъ, которыхъ Аристотель
Считаетъ неспособными учиться
Моральной философіи. Скорѣй
Всѣ ваши разсужденія могли бы
Кровь разжигать, чѣмъ отдѣлять во тьмѣ
Добро отъ зла, отъ правды ложь; извѣстно,
Что месть и сластолюбье глухи больше,
Чѣмъ скрытая улитка, если рѣчь
Зайдетъ о томъ, что называютъ „право".
Природа всѣмъ права распредѣлила
И ничего нѣтъ въ мірѣ выше правъ
Супружества... Порою страсти дерзко
Законъ природы нарушаютъ... Духъ,
Заблудшійся, хотя-бы и высокій,
Идетъ ему наперекоръ... Но есть
Во всякомъ обществѣ свои законы,
Чтобы держать въ настойчивой уздѣ
Мятежную, безудержную похоть.
Елена,—несомнѣнно, по закону
Жена царя спартанскаго и значитъ
Права природы и законы міра,—
Все требуетъ, чтобъ мы вернули мужу
Его жену. Такъ думаетъ о правѣ
Самъ Гекторъ. Но, однако-жъ, не взирая
На это, братья пылкіе мои,
Я подаю вамъ руку: да, Елену
Необходимо удержать,—вѣдь тутъ
Замѣшана не наша только честь,
Но честь всего народа.

Троилъ.

Да, коснулся
Ты именно натянутой струны...
Когда-бы лишь разгаръ страстей безумныхъ
Насъ побуждалъ, а не стремленье къ славѣ
Я за Елену не далъ бы ни капли
Троянской крови. Но она для насъ,
Достойный Гекторъ, воплощенье славы
И чести, вдохновенный зовъ
Къ величію и подвигамъ. Сіянье
Ея очей въ насъ распаляетъ духъ
И гибелью грозитъ онъ гордымъ грекамъ.
Во тьмѣ временъ грядущихъ возвеличитъ
Оно насъ всѣхъ и озаритъ лучомъ
Безсмертной славы.

Гекторъ.

Доблестная вѣтвь
Великаго Пріама! Я послалъ
Въ станъ греческій свой громоносный вызовъ...
Привыкшіе къ сонливой, праздной лѣни,
Какъ изумятся греки!.. Стороной
Ужъ слышалъ я, что спитъ ихъ полководецъ,
А зависть и соперничество тамъ
Свирѣпствуютъ... Конецъ ихъ сладкимъ снамъ!

СЦЕНА III.

Греческій лагерь, передъ палаткой Ахиллеса.

Входитъ Терситъ.

Терситъ. Что-же это такое, Терситъ? Ты совсѣмъ потерялся въ лабиринтѣ твоего гнѣва! Неужели слонъ-Аяксъ всегда возьметъ верхъ? Онъ меня бьетъ, а я отвѣчаю насмѣшками. Нечего сказать, утѣшеніе! Было бы гораздо лучше—наоборотъ: я его бью, а онъ отвѣчаетъ насмѣшками. Ну, да стой-же! я выучусь вызывать дьяволовъ въ качествѣ сподручныхъ... Только бы выйти изъ этого гнуснаго положенія, въ которомъ ничего нѣтъ, кромѣ злости. А тутъ еще Ахиллъ! Ахъ, мужъ и ловко-же онъ ведетъ подкопы. Стѣны Трои, коль доживемъ до этого,—скорѣе разрушатся отъ ветхости, чѣмъ отъ ухищреній этой парочки. (*Преклоняя колѣна*). О, великій Олимпа Громовержецъ, забудь, что ты Юпитеръ, а ты, Меркурій, простись съ жезломъ, одухотвореннымъ змѣиною мудростью, если вы не отнимете у нихъ ту капельку... менѣе чѣмъ капельку умишка, которымъ они надѣлены, при содѣйствіи котораго,—даже близорукая глупость видитъ это,—они и муху изъ сѣтей не освободятъ, не разорвавъ паутины. А потомъ, проклятіе и месть всему лагерю! Пусть неаполитанская костоѣда пожираетъ ихъ: не эта ли болѣзнь бичуетъ тѣхъ, кто гоняется за юбками! (*Вставая*). Всѣ мои молитвы кончены. Пусть дьяволъ зависти изречетъ—аминь. Ну, гей, герой Ахиллъ! Гдѣ ты?

Входитъ Патроклъ.

Патроклъ. Кто тамъ? А, любезный Терситъ. Иди сюда и заводи руготню.

Терситъ. Если-бы мнѣ пришла на умъ позолоченная мѣдяшка, я бы остался съ тобой. Впрочемъ, бѣда не велика: останься съ самимъ собою. Пусть обычное проклятіе, тяготѣющее надъ людьми,—глупость и безуміе, будутъ твоимъ удѣломъ. Да сохранитъ тебя небо отъ всякаго разумнаго совѣта и да не западетъ тебѣ въ голову ни одна живая мысль! Пусть похотливая кровь

твоя до самой смерти управляетъ тобою и, если та, которая будетъ обмывать тебя послѣ смерти, скажетъ, что ты красивый покойникъ, я поклянусь чѣмъ хочешь, что она не завертывала въ саванъ только прокаженныхъ. Аминь. Гдѣ Ахиллъ?

Патроклъ. Какъ, ты сталъ ханжой? Ты молился?

Терситъ. Да, услышь меня небо!

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ. Кто здѣсь?

Патроклъ. Терситъ, мой господинъ.

Ахиллъ. Гдѣ? Гдѣ? Ага, такъ ты пришелъ. Ну-съ, мой сыръ, моя желудочная настойка — почему тебя не подавали къ моему столу? Ну-ка, что такое Агамемнонъ?

Терситъ. Твой командиръ.

Ахиллъ. А теперь ты, Патроклъ, скажи мнѣ, что такое Ахиллъ?

Патроклъ. Твой господинъ, Терситъ. Теперь скажи на милость, что такое ты самъ?

Терситъ. Человѣкъ, который видитъ тебя насквозь. А теперь скажи мнѣ, Патроклъ, какъ по твоему,—кто ты таковъ?

Патроклъ. Если ты такъ хорошо меня знаешь,—скажи самъ.

Ахиллъ. Ну-ка, скажи, скажи.

Терситъ. Я просклоняю весь вопросъ. АгамемнонъкомандуетъАхилломъ;Ахиллъ—господинъ надо мною; я тотъ, кто изучилъ Патрокла, а Патроклъ—дуракъ.

Патроклъ. Ахъ, ты, негодяй!

Терситъ. Молчи, дуракъ, я еще не кончилъ.

Ахиллъ. Онъ на особыхъ правахъ. Продолжай, Терситъ.

Терситъ. Агамемномъ—дуракъ, Ахиллъ дуракъ, Терситъ дуракъ и Патроклъ дуракъ, какъ уже было сказано раньше.

Ахиллъ. Изволь объяснить,—почему?

Терситъ. Агамемнонъ дуракъ, потому что вздумалъ командовать Ахилломъ, Ахиллъ дуракъ, потому что слушаетъ приказы Агамемнона, Терситъ дуракъ, зачѣмъ служитъ такому дураку, а Патроклъ дуракъ самъ по себѣ, коренной.

Патроклъ. Почему-же это я дуракъ?

Терситъ. Спроси объ этомъ Создателя, а съ меня достаточно знать, кто ты таковъ. Смотрите-ка, кто это идетъ сюда.

Входятъ Агамемнонъ, Улиссъ, Несторъ, Діомедъ *и* Аяксъ.

Ахиллъ. Патроклъ, я ни съ кѣмъ не хочу говорить. Иди за мной, Терситъ.

(Уходитъ).

Терситъ. Все это такая гадость! Вздоръ! Раболѣпство! Вся ссора вышла изъ-за мужа рогоносца и распутной бабенки. Нечего сказать, славная ссора! Есть отчего враждовать между собою и заниматься кровопусканіемъ. Ахъ, возьми сухая парша виновныхъ всего этого! Пропади они всѣ отъ войны и распутства!

(Уходитъ).

Агамемнонъ. Гдѣ Ахиллъ?

Патроклъ. Въ палаткѣ онъ, но только онъ не въ духѣ.

МЕНЕЛАЙ И ЕЛЕНА.

Античная ваза, изъ коллекціи Бартольди въ Римѣ; James Milingen, Painted Greek vases, London. 1822).

Агамемнонъ.

Пойди, скажи ему, что мы пришли.
Онъ отослалъ гонцовъ моихъ обратно,
И, отложивъ достоинство свое,
Я самъ къ нему иду. Но пусть не мнитъ онъ,
Что мѣсто я ему не укажу,
Или забуду,—кто я!

Патроклъ. Я скажу.

(Уходитъ).

Улиссъ. Мы видѣли его въ дверяхъ палатки—не боленъ онъ.

Аяксъ. Да, боленъ, львиною болѣзнью, бо-

ленъ отъ сердечной гордости: можешь назвать это печалью, если хочешь простить ему. Но, клянусь моей головой, это гордость—только чѣмъ, чѣмъ онъ можетъ такъ гордиться,—пусть бы показалъ намъ!—Агамемнонъ, одно слово, господинъ мой.

(*Отводитъ Агамемнона въ сторону*).

Несторъ. Съ чего это Аяксъ такъ лаетъ на него?

Улиссъ. Ахиллъ переманилъ у него шута.

Несторъ. Кого? Терсита?

Улиссъ. Его самого.

Несторъ. Ну, значитъ, Аяксу не о чемъ будетъ говорить, такъ какъ онъ потерялъ тему для разговоровъ.

Улиссъ. Нѣтъ, отчего-же! Какъ видишь, теперь онъ говоритъ о томъ, кто отнялъ у него эту тему,—объ Ахиллѣ.

Несторъ. Тѣмъ лучше. Раздоръ между ними желательнѣе для насъ, чѣмъ ихъ дружба. Однако, крѣпокъ же былъ союзъ, если дуракъ могъ разорвать его!

Улиссъ. Дружба, не скрѣпленная мудростью, легко можетъ быть разорвана глупостью. Вотъ идетъ Патроклъ.

Несторъ. Но безъ Ахилла.

Входитъ Патроклъ.

Улиссъ. У слона есть суставы, но не для любезностей. Ноги ему даны лишь на потребу, а не для колѣнопреклоненій.

Патроклъ.

Ахиллъ отвѣтить приказалъ, что онъ
Душевно сожалѣетъ, если васъ
Со свитою влекли иныя цѣли,
Помимо развлеченья... Онъ вполнѣ
Надѣется, что это лишь прогулка
Для твоего пищеваренья.

Агамемнонъ.

Слушай,
Патроклъ. Отвѣты эти намъ знакомы.
Презрѣньемъ окрыленные, они
Не могутъ ослѣпить ни нашихъ взоровъ,
Ни нашей мысли. Да, въ Ахиллѣ есть
Достоинства... мы признаемъ охотно;
Однако-же, всѣ доблести его,
Направленныя часто не ко благу,
Теряютъ постепенно яркій блескъ...
Такъ поданные на нечистомъ блюдѣ
Душистые плоды не возбудятъ
Желанія отвѣдать ихъ и плѣсенью
Покроются. Ступай, скажи Ахиллу,
Что мы пришли сюда для объясненій.
И ты не погрѣшишь, когда прибавишь,
Что выше мѣры гордъ онъ, а учтивъ
Гораздо ниже, что у него гораздо меньше
Почтенныхъ качествъ, чѣмъ пустого самомнѣнья.
Пусть знаетъ онъ, что болѣе достойный,
Забывъ свое величіе и санъ,
Презрѣвъ обиды, царственно снисходитъ
Къ его капризнымъ требованьямъ. Даже
Считается съ его блажною волей
И сторожитъ приливы и отливы
Смѣшныхъ причудъ и настроеній, точно
Онъ центръ войны и главная пружина.
Ступай, скажи... Добавь еще, что если
Онъ черезчуръ высокую себѣ
Назначитъ цѣну, можемъ обойтись мы
И безъ него. Пусть, какъ снарядъ тяжелый,
Онъ пылью покрывается, какъ хламъ,
Мы-жъ будемъ говорить: Онъ хоть и славенъ,
Но для войны негоденъ. Даже карликъ,
Способный двигаться, намъ на войнѣ
Дороже осовѣлаго героя...
Такъ и скажи ему все это...

Патроклъ.

Такъ
Все передамъ и вамъ отвѣтъ доставлю.
(*Уходитъ*).

Агамемнонъ.

Изъ устъ вторыхъ отвѣтъ, однако, врядъ-ли
Насъ удовлетворитъ. Вѣдь мы желали
Увидѣться съ нимъ лично, такъ иди
Къ нему хоть ты, Улиссъ,
(*Улиссъ уходитъ*).

Аяксъ. Чѣмъ же онъ превосходитъ всякаго другого?

Агамемнонъ. Только тѣмъ, что онъ о себѣ воображаетъ.

Аяксъ. И это такъ много значитъ! Не воображаетъ ли онъ, что во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ меня?

Агамемнонъ. Безъ сомнѣнія!

Аяксъ. И ты раздѣляешь его мнѣніе? Скажешь, онъ выше меня?

Агамемнонъ. Нѣтъ, благородный Аяксъ. Ты такъ же силенъ, такъ же храбръ, такъ же уменъ, но разница та, что ты вѣжливѣе и обходительнѣе.

Аяксъ. Не понимаю, чѣмъ иной разъ гордятся люди? Откуда эта гордость! Я даже не знаю, что она такое, собственно.

Агамемнонъ. Твой умъ, Аяксъ, свѣтлѣе и твои добродѣтели привлекательнѣе. Гордецъ самъ себя пожираетъ. Гордость—его собственное зеркало, собственная его труба, собственная лѣтопись. Всякій, прославляющій себя не только дѣлами, пожираетъ дѣла самохвальствомъ.

Аяксъ. Гордые люди ненавистны мнѣ, какъ жабье сѣмя.

Несторъ (*въ сторону*). А себя-то, однако, любитъ. Не странно-ли это!

Возвращается Улиссъ.

Улиссъ.

Ахиллъ не выйдетъ завтра въ бой.

Агамемнонъ.

Причины?

Улиссъ.

Да никакихъ. Капризно отдался
Онъ буйному, заносчивому нраву.
Ему совсѣмъ нѣтъ дѣла до другихъ;
Его законъ—пустое своеволье.

Агамемнонъ.

Но почему на дружный нашъ призывъ
Онъ изъ шатра не хочетъ даже выйти,
Чтобъ наслаждаться свѣжестью дневной!

Улиссъ.

Всѣ отговорки жалкія его
Ничтожны, какъ ничто. Онъ просьбу вашу
Не исполняетъ только потому,
Что это просьба. Онъ совсѣмъ помѣшанъ
На собственномъ величіи, и самъ
Съ собою даже говоритъ, какъ съ богомъ.
А мнимое величье до того
Въ немъ раздуваетъ спесь и самомнѣнье,
Что порождаетъ явное безумье:
Онъ самъ себя бичуетъ и казнитъ.
Что въ немъ еще?... Его самовлюбленность
Такъ велика, что выхода ей нѣтъ.

Агамемнонъ.

Аяксъ, сходи къ нему, съ нимъ объяснись
Привѣтливѣй. Всѣ говорятъ, что мнѣнья
Онъ о тебѣ высокаго... Иди,
И, можетъ быть, нелѣпое рѣшенье
Отмѣнитъ онъ.

Улиссъ.

О, нѣтъ, Агамемнонъ!
Осмѣлюсь-ли сказать тебѣ... Напрасно...
Не посылай... Напротивъ, мы должны
Благословлять все то, что отдѣляетъ
Аякса отъ Ахилла. Какъ! Гордецъ,
Питающій свое высокомѣрье
Своимъ же жиромъ, презирая все,
Что не въ его мозгахъ перемололось,—
Передъ собой увидитъ вдругъ того,
Кто намъ дороже всѣхъ Ахилловъ въ мірѣ!
Нѣтъ, трижды нѣтъ. Герой, боецъ храбрѣйшій
Излишнею любезностью не долженъ
Безславить лавровъ первенства... Нѣтъ, нѣтъ!
Я не даю согласья на безславье
Достоинства высокаго! Ему—
Идти—къ кому-жъ! Къ Ахиллу! Этимъ только
Въ Ахиллѣ откормили-бъ мы свинью
Надутой спеси. Ублажать Ахилла,
Въ созвѣздье Рака угли подсыпать!!
И безъ того горитъ оно надменно
Огнемъ Гиперіона. Чтобъ Аяксъ
Пошелъ къ Ахиллу! Да спаси насъ Зевсъ!
Пусть онъ гремитъ: „Ахиллъ, иди къ Аяксу!"

Несторъ (*про себя*).

Вотъ ловко. Онъ его пощекоталъ!

Діомедъ (*про себя*).

Какъ льетъ онъ лесть!

Аяксъ.

Къ нему идти готовъ я,
Но лишь затѣмъ, чтобъ черепъ раскроить.

Агамемнонъ.

Ты не пойдешь.

Аяксъ.

А чваниться онъ станетъ,—
Приглажу чванство я... Иду къ нему!

Улиссъ.

Нѣтъ, никогда, хотя бы весь успѣхъ нашъ
Зависѣлъ отъ того!

Аяксъ.

Онъ просто негодяй!

Несторъ (*про себя*).

Какъ ловко онъ себя опредѣляетъ!

Аяксъ.

Неужели онъ не научится
Обходиться съ людьми какъ подобаетъ!

Улиссъ (*про себя*). Ругается надъ чернымъ цвѣтомъ воронъ.

Аяксъ. Я выпущу изъ него кровь.

Несторъ (*въ сторону*). Самъ боленъ, а хочетъ быть врачемъ.

Аяксъ. О, если бы всѣ думали, какъ я!

Несторъ (*про себя*). Умъ совсѣмъ вышелъ бы изъ употребленія.

Аяксъ. Онъ бы не отдѣлался отъ меня дешево. Я бы заставилъ его проглотить мой мечъ. Неужто гордость такъ-таки и восторжествуетъ!

Несторъ (*въ сторону*). Если-бы восторжествовала, половина побѣды была-бы на твой счетъ.

Улиссъ (*въ сторону*). Пожалуй, и всѣ десять десятыхъ.

Аяксъ. Я въ муку сотру его и превращу въ мякишъ.

Несторъ (*въ сторону*). Подогрѣйте его похвалами. Онъ еще не совсѣмъ готовъ. Надо поливать его честолюбіе, пока оно томится жаждой.

Улиссъ (*Агамемнону*).
Нѣтъ, храбрый вождь, ты эту непріятность
Ужъ слишкомъ близко принимаешь къ сердцу.

Несторъ.
Великій вождь, забудь о ней.

Діомедъ.
Повѣрь,
Ахиллъ не важенъ намъ для поединка.

Улиссъ.
Одно ужъ имя это раздражаетъ
Великаго вождя... Вотъ человѣкъ...
Но что со мной... Не принято, не ловко
Хвалить въ глаза, и я молчу.

Несторъ.
Зачѣмъ?
Онъ не Ахиллъ и нѣтъ въ немъ честолюбья.

Улиссъ
Пусть знаетъ міръ, что онъ безмѣрно храбръ!

Аяксъ. Этотъ проклятый щенокъ только и умѣетъ поднимать всѣхъ на смѣхъ! О, какъ бы я желалъ, чтобы онъ былъ троянцемъ!

Несторъ.
Прискорбно было бъ, еслибы Аяксъ...

Улиссъ.
Былъ такъ же гордъ...

Діомедъ.
Иль къ похваламъ такъ жаденъ!

Улиссъ.
Упрямъ... сварливъ...

Діомедъ.
Самолюбивъ... надутъ...

Улиссъ.
Хвала богамъ за доброе смиренье.
Честь матери, въ тебя вдохнувшей жизнь
И грудью благородною вскормившей!
Хвала наставнику, хотя онъ шелъ
Лишь за твоей душою одаренной...
Но пусть тому, кто пріучилъ твои
Властительныя руки для сраженій,—
Пусть, разрубивши вѣчность пополамъ,
Марсъ подаритъ счастливцу половину!
Что-жъ говорить о силѣ! Самъ Милонъ,
Кротонскій волоносецъ, ей уступитъ
Свои права. Не стану восхвалять
Твой свѣтлый умъ: онъ, какъ плотина, берегъ
Иль гребень горъ, опредѣляетъ грань
Могучаго размаха дарованій.
Вотъ, предъ тобою Несторъ: умудренъ
Лѣтами онъ, таковъ и отъ природы,
Инымъ онъ быть не можетъ. Но, прости,
Маститый дѣдъ, невольное признанье.
Аякса умъ, хотя и юнъ, высокъ,
Не ниже ты, но и не выше.

Аяксъ.
Дай мнѣ
Назвать тебя отцомъ.

Улиссъ.
О, милый сынъ,
Зови, зови!

Діомедъ.
Пусть онъ и руководитъ
Тобой, Аяксъ.

Улиссъ.
Здѣсь дольше пребывать
Намъ нѣтъ нужды. Подобно лани, въ дебряхъ
Застрялъ Ахиллъ. Угодно-ли созвать
Великому вождю совѣтъ военный?
Ужъ новые союзные цари
Примкнули къ намъ. Всѣ наши силы завтра
Должны быть въ полномъ сборѣ. Вотъ боецъ.
Пусть витязи стекаются съ Востока
И съ Запада, пусть лучшій цвѣтъ дружинъ
Пошлютъ на бой,—Аяксъ имъ не уступитъ.

Агамемнонъ.
Итакъ, въ совѣтъ! Пусть спитъ Ахиллъ спокойно:
Когда корабль бездѣйствуетъ средь волнъ,
Его легко обгонитъ утлый челнъ.

КРЕССИДА.
Картина президента Лондонской Академіи художествъ Пойнтера
(*Edward John Poynter. R. A. P., род. 1836*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Троя. Комната во дворцѣ Пріама.

Входятъ Пандаръ *и* слуга.

Пандаръ. Эй, дружище, на пару словъ! Ты, кажется ходишь за юнымъ Парисомъ?

Слуга. Да, когда онъ идетъ передо мною.

Пандаръ. Я хотѣлъ сказать: ты служишь ему.

Слуга. Я служу Господу Богу.

Пандаръ. Ты служишь прекрасному Господину—нельзя не похвалить Его.

Слуга. Честь и слава Ему!

Пандаръ. Вѣдь ты знаешь меня? Вѣрно?

Слуга. Знаю, да не очень.

Пандаръ. Такъ вглядись въ меня попристальнѣе. Я—Пандаръ.

Слуга. Надѣюсь проникнуть тебя вполнѣ.

Пандаръ. Искренно желаю.

Слуга. Значитъ, въ настоящую минуту вы въ полномъ блескѣ.

Пандаръ. Въ полномъ блескѣ! Нѣтъ, дружище, покуда далеко не въ полномъ. (*За сценой музыка*). Что это за музыка?

Слуга. Музыка, какъ музыка, но я знаю ее не вполнѣ.

Пандаръ. Но можетъ быть, знаешь музыкантовъ.

Слуга. О, ихъ я знаю вполнѣ?

Пандаръ. Для кого они играютъ?

Слуга. Для тѣхъ, кто ихъ слушаетъ.

Пандаръ. Для чьего удовольствія?

Слуга. Для моего и для удовольствія всякаго любителя музыки.

Пандаръ. Я имѣю въ виду того, кто приказалъ?

Слуга. Только не меня.

Пандаръ. Мы, любезный, не понимаемъ другъ друга. Я слишкомъ вѣжливъ съ тобой, а ты не въ мѣру увертливъ. А потому опять спрашиваю,—кто приказалъ музыкантамъ играть?

Слуга. Такъ бы и сказали! Они играютъ по приказанію Париса, моего господина, который тамъ своею собственной персоной, а съ нимъ—земная Венера, сердце красоты, воплощенная душа любви.

Пандаръ. А, значитъ тамъ моя племянница Крессида!

Слуга. Не Крессида, а Елена. Не трудно догадаться по описаннымъ мною ея особенностямъ.

Пандаръ. Не видѣлъ-же ты, пустомеля, Крессиды. Отъ имени царевича Троила я явился къ Парису переговорить съ нимъ. Сейчасъ я наговорю ему любезностей съ три короба. Спѣши—дѣло кипитъ.

Слуга. Кипитъ... Воистинну—кухонный языкъ.

Входятъ Парисъ *и* Елена *со свитой.*

Пандаръ. Привѣтъ тебѣ, о доблестный Парисъ, и всей твоей блестящей свитѣ! Счастливѣйшее исполненіе всѣхъ счастливыхъ желаній, а твоихъ, царица, въ особенности! О, да будутъ ваши нѣжныя мысли изголовьемъ вашимъ!

Елена. Твоя рѣчь, любезный Пандаръ, полна красотъ.

Пандаръ. Только красоты души твоей могутъ вызвать эти красоты. *(Парису).* Какъ жаль, царевичъ, что прервалась такъ неожиданно такая прекрасная музыка.

Парисъ. Не ты-ли самъ-же и прервалъ ее, дядя, но, клянусь честью, самъ-же ты и исправишь,—по-просту, исполнишь какое нибудь свое сочиненіе. Знаешь, Елена, онъ весь одна гармонія.

Пандаръ. О, нѣтъ, царица!

Елена. О, сдѣлай милость!

Пандаръ. Мой голосъ грубъ, право, грубъ.

Парисъ. Пустая отговорка. Ты капризничаешь.

Пандаръ. У меня есть дѣло къ Парису, прекраснѣйшая царица! Угодно тебѣ, любезный Парисъ, выслушать меня?

Елена. Эта уловка, однако, не можетъ лишить насъ удовольствія насладиться твоимъ пѣніемъ.

Пандаръ. Ты изволишь шутить со мною, очаровательная царица. Но клянусь, мое дѣло очень важно. Вотъ видишь-ли, любезный Парисъ, мой близкій другъ, твой братъ родной Троилъ...

Елена. Любезный Пандаръ, сладчайшій Пандаръ...

Пандаръ. Сладчайшая царица, продолжай... Царевичъ, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ тебѣ свое глубочайшее почтеніе.

Елена. Хорошо... хорошо... Но тѣмъ болѣе ты не рѣшишься оставить насъ безъ пѣсни и такимъ образомъ огорчить сладчайшую.

Пандаръ. Сладчайшая царица... Наисладчайшая!.., Надѣюсь...

Елена. Не надѣйся, а знай, что и наисладчайшую царицу не трудно превратить отказомъ въ наискучнѣйшую.

Пандаръ. Увы, и этимъ ты меня не тронешь, клянусь, не тронешь? Я глухъ временами и къ такимъ рѣчамъ. Я съ просьбою къ тебѣ. Парисъ: если Троила потребуютъ къ столу Пріама, извини какъ нибудь его отсутствіе.

Елена. Слушай, Пандаръ.

Пандаръ. Что угодно моей царицѣ, моей наи...

Елена. Нѣтъ, Пандаръ, какъ угодно...

Пандаръ. Что угодно наисладчайшей царицѣ моей?

Парисъ. Что тамъ у него? Съ кѣмъ ужинаетъ онъ?

Елена. Не въ томъ дѣло, царевичъ, но...

Пандаръ. Что угодно очаровательной царицѣ? Не допытывайся только объ этомъ. Моя племянница ужасно разсердится, если узнаетъ, что объ этомъ ужинѣ извѣстно другимъ.

Парисъ. Головой ручаюсь,—дѣло идетъ о Крессидѣ.

Пандаръ. Нѣтъ, нѣтъ не говори этого. Ты не проницателенъ. Крессида совсѣмъ не здорова сегодня.

Парисъ. Я догадываюсь.

Пандаръ. Догадываешься? О чемъ догадываешься? Но довольно! Лютню мнѣ! Лютню! Я иду пѣть, моя сладчайшая царица!

Елена. Вотъ это мило.

Пандаръ. Ахъ моя племянница безъ

ума отъ одной вещи, принадлежащей тебѣ, сладчайшая царица.

Елена. Эта вещь будетъ принадлежать ей, если, конечно, рѣчь идетъ не о Парисѣ.

Пандаръ. О, нѣтъ и нѣтъ! Какой тамъ Парисъ, они теперь въ ссорѣ, они раздвоились.

Елена. Ну, послѣ ссоры такъ подчасъ мирятся, что изъ раздвоенія выходитъ утроеніе.

Пандаръ. Полно, полно. Уши-бы мои не слышали! Лучше спою-ка я вамъ пѣсенку.

Елена. Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! А знаешь-ли, милѣйшій Пандаръ, у тебя прекрасный лобъ.

Пандаръ. Пріятно слышать хоть до завтра.

Елена. Нѣтъ, лучше пой о любви, объ одной любви! Знаешь о той, что погубитъ всѣхъ насъ. О, Купидонъ! Купидонъ! Купидонъ!

Пандаръ. Именно—любовь погубитъ.

Елена. И все-таки, пой любовь, любовь, одну любовь.

Пандаръ. Пѣсня моя именно такъ и начинается. *(Поетъ).*

Любовь! Одна любовь вездѣ!
Она и стрѣлы мечетъ.
Самецъ и самка съ ней въ бѣдѣ.
Она же ихъ и лѣчитъ.
„Ахъ, ахъ!" сильнѣе пѣтуха
Любовникъ восклицаетъ.
Но скоро счастье въ „ха-ха-ха"
„Ахъ, ахъ" преображаетъ.

Елена. Да Пандаръ влюбленъ! Такъ могутъ пѣть только по-уши влюбленные.

Парисъ. Онъ охотникъ до голубей, ну, а голуби, извѣстно, горячатъ кровь, горячая кровь возбуждаетъ пылкія мысли, пылкія мысли рождаютъ пылкія дѣла, а пылкія дѣла—любовь.

Елена. И это родословная любви! Горячая кровь, пылкія мысли, пылкія дѣла! Да это все ехидны. Неужели-же любовь порожденіе ехиднъ. А кто былъ сегодня въ битвѣ, царевичъ?

Парисъ. Гекторъ, Дейфобъ, Эленъ, Антеноръ, а съ ними и лучшій цвѣтъ Трои. Я тоже хотѣлъ вооружиться и идти съ ними, да моя дорогая Елена воспротивилась. Какъ хорошо, однако, случилось, что и братъ Троилъ также не пошелъ туда.

Елена. Онъ прилипъ къ чему-то губами. Тебѣ это должно быть извѣстно, любезный Пандаръ.

Пандаръ. Не знаю, моя наисладчайшая царица, не знаю. Самому хотѣлось бы знать, что они такое затѣваютъ сегодня? *(Парису).* Такъ ты не забудешь извиниться за него передъ царемъ-отцомъ?

Парисъ. Нѣтъ не забуду.

Пандаръ. До свиданья, наисладчайшая царица.

Елена. Поклонись отъ меня своей племянницѣ.

Пандаръ. Буду кланяться, очаровательная царица. *(Уходитъ. Вдали бьютъ отбой).*

Парисъ.

Они идутъ обратно съ поля битвы?
Отправимся и мы въ дворецъ Пріама
Привѣтствовать бойцовъ. Еще хочу
Молить тебя, прекрасное созданье,
Помочь мнѣ снять доспѣхи боевые
Съ героя Гектора. Упорныя стальныя
Застежки ихъ скорѣе упадутъ
Отъ нѣжныхъ рукъ, чѣмъ отъ мечей враждебныхъ.
Ты превзойдешь здѣсь силою своей
Всѣхъ греческихъ царей и полководцевъ.

Елена.

О, мой Парисъ безцѣнный, я горжусь
Подобнымъ порученьемъ: въ немъ, быть можетъ,
Залогъ безсмертной славы я явлю...

Парисъ.

О, милая, какъ я тебя люблю!

СЦЕНА II.

Троя. Передъ садомъ Пандара.

Пандаръ *и* слуга *Троила встрѣчаются.*

Пандаръ. А, это ты! Ну, гдѣ-же теперь твой хозяинъ? Не у моей-ли племянницы Крессиды?

Слуга. Нѣтъ, сударь, онъ ожидаетъ, чтобы вы проводили его туда.

Пандаръ. А вотъ и самъ онъ идетъ. *(Появляется Троилъ).* Что такое? Скажи, что такое?

Троилъ *(слугѣ).* Ты, болванъ, иди отсюда. *(Слуга уходитъ).*

Пандаръ. Видѣлся ты съ моей племянницей?

Троилъ.

Нѣтъ, Пандаръ, нѣтъ. Все время я блуждалъ
Лишь у дверей завѣтныхъ, какъ блуждаетъ
Мятежная и грѣшная душа.

У береговъ таинственнаго Стикса
И ждетъ ладью. О, Пандаръ мой, молю,
Будь мнѣ Харономъ, отвези меня
Къ полямъ благоухающимъ, тамъ страстно
Я упаду на дѣвственное ложе,
Достойное избранника. Сорви
Съ плечъ Купидона вычурныя крылья
И мы на нихъ съ тобою полетимъ
Къ моей Крессидѣ.

ПАНДАРЪ.

Погуляй по саду.
Я приведу ее къ тебѣ. *(Уходитъ)*.

ТРОИЛЪ.

Я весь
Дрожу. Меня волнуютъ ожиданья,
Воображаемое счастье мнѣ
Такъ сладостно, что опьяняетъ чувства.
Что-жъ будетъ въ тотъ благословенный мигъ,
Когда прильну я жадными устами
Къ ея устамъ и влажный нектаръ вдругъ
Прольется въ грудь! Боюсь, что смерть мгновенно
Прервет̀ъ любовь, иль обморокъ затмитъ
Сознаніе, иль знойное блаженство
Могучее и тонкое пронзитъ
Мой грубый умъ. Я трепещу заранѣ...
Я, кажется, утрачу въ наслажденьи
Способность разбираться, какъ въ бою,
Когда врага смѣшавшагося гонишь...

ПАНДАРЪ *(возвращается)*. Она принаряжается и сейчасъ придетъ сюда. Царевичъ, будь смѣлѣе. Какъ будто духи бѣдную напугали. Она волнуется, краснѣетъ, дышетъ такъ тяжело, иду за ней. Сегодня она необыкновенно привлекательна, но это нисколько не мѣшаетъ ей дышать, подобно пойманному воробью. *(Уходитъ)*.

ТРОИЛЪ.

И мнѣ до боли страсть стѣсняетъ сердце.
Какъ въ лихорадкѣ все оно горитъ,
Трепещетъ... Я растерянъ... Я дрожу,
Какъ подданный подъ взглядами монарха.

Входятъ ПАНДАРЪ *съ* КРЕССИДОЙ.

ПАНДАРЪ. Ну, иди, иди... Что ужъ краснѣть. Стыдливость—младенецъ. Вотъ она передъ тобой. Разсыпься передъ нею въ клятвахъ, какъ разсыпался предо мной. Ты, кажется, опять намѣреваешься улетучиться? Значитъ, тебя слѣдовало-бы проманежить хорошенько, чтобы сдѣлать ручной. Да, придется-таки прибѣгнуть къ этому. Идемъ-ка рядомъ со мною, а вздумаешь артачиться, попадешь въ дышло. Ну, ты чего-же ничего ей не выскажешь? Поднимай-ка занавѣсъ и показывай картину. Ахъ, этотъ дневной свѣтъ! Вы оба, повидимому, боитесь оскорбить его. Будь теперь ночь, вы поскорѣе бы сблизились.—Вотъ такъ отлично. Цѣлуй свою владычицу, да такъ, чтобы поцѣлуй занялъ цѣлую вѣчность. Дѣйствуй, строитель. Воздухъ здѣсь благотворный... Клянусь, я до тѣхъ поръ не выпущу васъ, пока вы не выскажете другъ другу все, что накопилось въ сердцѣ. Ну, сокола сегодня можно будетъ поздравить съ соколихой. Въ этомъ я готовъ клясться всѣми утками, плавающими въ рѣкѣ.

ТРОИЛЪ. Милая! Ты лишила меня языка.

ПАНДАРЪ. Языкъ тутъ ни при чемъ. Долгъ платежомъ красенъ. Плохо, если на дѣло не хватитъ силъ. Такъ, такъ... опять ужъ носъ съ носомъ... Отлично... „Когда обѣ стороны приходятъ ко взаимному соглашенію"... и проч... и проч. Войдите, войдите въ двери, а я поищу огня. *(Уходитъ)*.

КРЕССИДА. Угодно тебѣ войти, царевичъ?

ТРОИЛЪ. О, Крессида! Какъ долго я томился ожиданьемъ этого счастія.

КРЕССИДА. Томился ожиданьемъ! О, да исполнятъ боги твое желаніе, мой властитель!

ТРОИЛЪ. Да исполнятъ боги твое желаніе! Къ чему такое восклицаніе! Или въ тихомъ ручьѣ нашей любви моя красавица увидѣла тину?

КРЕССИДА. Болѣе тины, чѣмъ свѣтлой любви, если только у предчувствія моего зоркіе глаза.

ТРОИЛЪ. Ихъ страхъ способенъ превратить въ демона и херувима.

КРЕССИДА. Но все-же слѣпой страхъ меньше спотыкается, когда поводыремъ у него зрячій разумъ, чѣмъ слѣпой разумъ, безъ страха. Бояться худшаго нерѣдко значитъ—избѣгать худшаго.

ТРОИЛЪ. О, пусть моя красавица забудетъ о страхѣ. Чудовища никогда не смѣютъ проникнуть во владѣнія Купидона.

КРЕССИДА. А чудовищное?

ТРОИЛЪ. Ничто, кромѣ нашихъ превыспренныхъ клятвъ—пролитъ океаны слезъ, жить въ огнѣ, ѣсть скалы, укрощать тигровъ, воображая, что нашей возлюбленной труднѣе придумать для насъ тяжкіе подвиги, чѣмъ намъ ихъ выполнить. Въ любви, моя Крессида, чудовищно только одно: воля

безгранична, а дѣйствіе рабски заключено въ оковы.

Крессида. Говорятъ, влюбленные обѣщаютъ больше, чѣмъ въ силахъ исполнить и вѣчно клянутся натворить дѣлъ, которыхъ никогда не совершаютъ. Клянутся свершить десятки подвиговъ, а не свершаютъ и десятой части одного изъ нихъ. Развѣ тотъ, кто кричитъ по львиному, а поступаетъ по заячьи—не чудовище?

Троилъ. Неужто есть такіе! Я не изъ нихъ. Хвали меня по испытаніи, цѣни по заслугамъ, но никогда не осуждай прежде испытанія. Голова моя будетъ непокрыта, пока не заслужитъ вѣнка. Ни одинъ подвигъ въ грядущемъ пусть не встрѣтитъ похвалъ въ настоящемъ. Не станемъ возвеличивать мужество прежде проявленія его, а проявится,—скромно опредѣлимъ его значеніе. Вотъ тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ мой символъ вѣры. Троилъ по отношенію къ Крессидѣ останется такимъ, что сама зависть не найдетъ въ немъ ничего для насмѣшки, развѣ—кромѣ его неизмѣримой вѣрности, а вѣрность эта превзойдетъ самую истину.

Крессида. Угодно тебѣ войти, царевичъ?

Пандаръ *возвращается.*

Пандаръ. Какъ! Все еще продолжаетъ краснѣть! Не было вамъ развѣ времени сговориться!

Крессида. Хорошо, дядюшка. Отнынѣ всѣ свои глупости я посвящаю вамъ.

Пандаръ. Покорно благодарю. Если у тебя отъ него будетъ ребенокъ, ты и его мнѣ посвятишь? Будь только вѣрна царевичу, а если онъ станетъ отбиваться отъ рукъ,—вини меня.

Троилъ. Теперь, моя красавица,—тебѣ извѣстны мои заложники: слово моего дяди и моя непоколебимая вѣрность.

Пандаръ. Прекрасно. А за Крессиду я тебѣ даю слово. Въ нашемъ роду долго не сдаются, но разъ сдавшись, остаются навѣкъ постоянны. Тебѣ, царевичъ, я могу это сообщить. Мы всѣ—точно репьи: куда насъ кинутъ, тамъ и прицѣпляемся.

Крессида.

Теперь ко мнѣ вернулась снова смѣлость,
А вмѣстѣ съ ней—рѣшимость все сказать.
О, мой Троилъ, царевичъ мой, послушай:
Въ теченье долгихъ мѣсяцевъ и дней
И днемъ и ночью я тебя любила.

Троилъ.

Зачѣмъ-же былъ такъ страшно труденъ путь
Къ твоей любви?

Крессида.

Я долго притворялась,
Что не люблю тебя, а между тѣмъ
Я всей душой тебѣ принадлежала
Едва-ль не съ той минуты, какъ впервой
Увидѣла... Узнавъ мою любовь,
Ты тотчасъ обратился бы въ тирана.
Люблю тебя, люблю, о, мой Троилъ,
Но и любя, я все-жъ имѣю силы
Владѣть собой. Нѣтъ, нѣтъ, неправда, лгу!
Давно, давно всѣ мысли обратились
Въ балованныхъ дѣтей, и мать, увы,
Безсильна съ ними справиться. Вотъ видишь,
Насколько всѣ мы глупы! Я сейчасъ
Все разболтала. Какъ же избѣжимъ
Злословья мы, когда и о себѣ
Все выболтать готовы... Я любила,
Не подавая вида, что люблю,
А втайнѣ сожалѣла, что не смѣю
О страсти говорить своей, что я—
Я не мужчина... О, Троилъ, скорѣе
Мнѣ прикажи молчать, иначе здѣсь
Въ чаду любви я выскажу такъ много,
Что первая раскаюсь. О, смотри!
Смотри—однимъ молчаніемъ умѣлымъ
Изъ глубины душевныхъ тайниковъ
Исторгъ ты рой признаній... О, молю,
Замкни уста мои.

Троилъ (*цѣлуя ее*).

Я повинуюсь
И заглушаю музыку любви.

Пандаръ.

Вотъ это ловко сдѣлано!

Крессида.

О, милый...
Молю тебя, прости меня, повѣрь,
Я далека намѣреній безстыдныхъ
Такъ поцѣлуй выпрашивать... Сама
Стыжусь того, что вырвалось. О, боги!
Что я сказала! Сдѣлала! Позволь
Мнѣ удалиться... Это такъ ужасно!

Троилъ.

Какъ! Покидать меня! Такъ скоро!

Пандаръ.

Вздоръ
Покинетъ, до... до завтра на разсвѣтѣ.

Крессида.

Молю, пусти меня...

Троилъ.

Но чѣмъ-же ты
Оскорблена?

Крессида.

Сама собой.

Троилъ.

Такъ значитъ,
Ты отъ себя не можешь убѣжать.

Крессида.

Молю тебя, вдохни мнѣ эти силы!
Пускай здѣсь часть останется меня,
Но эта часть такъ зла, что не допуститъ
Меня служить игрушкой... Словомъ, мнѣ
Бѣжать! Бѣжать!.. О, гдѣ-же мой разсудокъ?
Что говорю? Сама не знаю—что!

Троилъ.

О, нѣтъ, повѣрь, кто говоритъ такъ мудро,
Отлично знаетъ то, что говоритъ.

Крессида.

Такъ, можетъ быть, я больше проявляю
Находчивости, хитрости ума,
Чѣмъ искренной любви. Ты можешь думать,
Что страстныя признанія мои
Лишь удочки, которыми хотѣла
Поймать твое признанье я... Слыхалъ
Ты, видимо, что быть возможно умнымъ
Лишь не любя. Нѣтъ, смертнымъ не дано
Любить, блистая разумомъ... Нѣтъ, это
Лишь небожителямъ однимъ доступно.

Троилъ.

Я доселѣ
Мечталъ, что женщинѣ и въ томъ числѣ
тебѣ
Въ своей груди хранить доступно вѣчно
Святой огонь любви и оживлять
Съ весенней нѣгой силу постоянства,
Чтобы имѣть возможность возрождать
Блескъ красоты былой воспоминаньемъ.
О, если бы съ сознаніемъ такимъ
Я вѣрить могъ, что страсть моя и вѣрность
Пробудятъ и найдутъ въ твоей душѣ
Такой же отзвукъ ласковый и нѣжный,
Какъ и любовь моя... Я весь бы, весь
Наполнился невыразимымъ счастьемъ!
Ты видишь, какъ я дѣтски простъ... Повѣрь,
Моя любовь проста, наивна такъ же.

Крессида.

Я въ этомъ бы поспорила съ тобой.

Троилъ.

О, дивное, святое состязанье!
Здѣсь споритъ вѣрность съ вѣрностью о
томъ,
Кто искреннѣй и глубже... О, я знаю—
Настанетъ день, когда въ своей любви
И вѣрности лишь именемъ Троила
Влюбленный станетъ клясться; истощивъ
Сокровищницу пламенныхъ сравненій
И образовъ и страстныхъ обѣщаній,
Наскучивъ повторять, что ихъ любовь
Крѣпка, какъ сталь, дружна, какъ солнце
съ утромъ,
Приливъ съ луной, магнитъ съ сѣдымъ
желѣзомъ,
Съ голубкой голубь, ну, а шаръ земной
Съ той силою, что правитъ имъ,—прійдется
Окончить тѣмъ, чтобъ коротко сказать:
„Я вѣренъ, какъ Троилъ!“

Крессида.

О, еслибъ это
Пророчество сбылось! Мой ненаглядный
О, если разлюблю когда-нибудь тебя я,
Пусть именемъ моимъ зовутъ измѣну!
И даже тамъ, въ грядущемъ, пусть, когда
Забвенію дряхлѣющее время
Предастъ себя,—влюбленные, клеймя
Презрѣніемъ все лживое, какъ рѣчи
Волковъ къ ягнятамъ, какъ мачехи любовь
Перечисляя все, что скоротечно,
Измѣнчиво, какъ вѣтеръ, волны, люди,—
И ужъ въ концѣ, исчерпавъ всѣ сравненья
Нелестныя,—пусть просто скажутъ: „Лжива,
Какъ эта ложь по имени Крессида“.

(*Троилъ цѣлуетъ ее*).

Пандаръ. Дѣло! Договоръ заключенъ. Скрѣпляйте, скрѣпляйте его. Я буду свидѣтелемъ. Дай мнѣ руку. И ты, племянница, тоже. Если, несмотря на всѣ мои старанія васъ соединить, вы все-таки окажетесь невѣрными другъ другу, — пусть, пока есть свѣтъ на свѣтѣ, всѣ жалостливые посредники между любящими зовутся моимъ именемъ и пусть всѣ обращаются съ ними, какъ съ истинными Пандарами! Да! пусть всѣ вѣроломные любовники зовутся Троилами, всѣ коварныя женщины—Крессидами, а всѣ сводники—Пандарами. Говорите: „Аминь“.

Троилъ. Аминь.

Крессида. Аминь.

Пандаръ. Аминь. Теперь идемте—я покажу вамъ вашу спальню. Чтобы кровать не болтала о проказахъ вашихъ, давите ее до смерти. Ступайте. (*Троилъ и Крессида уходятъ*).

Всѣмъ скромнымъ дѣвамъ здѣсь пусть
дастъ Амуръ три дара:
И спальню, и постель, и сводника Пандара.

— —

СЦЕНА III.

Греческій станъ.

Входятъ Агамемнонъ, Улиссъ, Діомедъ, Несторъ, Аяксъ, Менелай *и* Калхасъ.

Калхасъ.

Цари! Теперь, когда идетъ все гладко,
Осмѣлюсь я награду попросить
За важныя услуги. Вамъ извѣстно,—
Благодаря предвидѣнію, я
Покинулъ Трою; все мое имѣнье
Оставилъ тамъ и заслужилъ еще
Названіе измѣнника. Не мало
Вѣрнѣйшихъ благъ принесъ я на алтарь
Безвѣстнаго грядущаго: всѣ связи
Я разорвалъ, презрѣлъ привычки, санъ—
Все, что слилось со мною неразрывно,
Для пользы грековъ родину презрѣвъ;
Я всѣмъ сталъ чуждъ, далекъ и ненавистенъ.
Теперь прошу я въ счетъ грядущихъ благъ,
Обѣщанныхъ за всѣ мои услуги,
Лишь милости, и, право, не большой.

Агамемнонъ.

Чего-жъ ты хочешь? говори.

Калхасъ.

Троянецъ
Вчера былъ въ плѣнъ взятъ вами; Антеноръ
Его зовутъ; онъ въ Троѣ чтимъ высоко,
Припомните, не разъ готовность вы
Мнѣ изъявляли,—я вамъ благодаренъ,—
За дочь мою Крессиду дать взамѣнъ
Любого плѣнника, на это Троя
Отказомъ отвѣчала... Часъ насталъ.
Для грековъ важенъ Антеноръ; онъ—сила,
Руководитель ихъ, и за него
Они отдать готовы даже сына
Пріамова... Такъ пусть-же Антеноръ
О, гордые цари и полководцы,
Идетъ домой и выкупомъ живымъ
За дочь мою послужитъ, а Крессида
Вполнѣ собой меня вознаградитъ
За всѣ мои важнѣйшія услуги.

Агамемнонъ.

Проводитъ Антенора Діомедъ
И приведетъ Крессиду! Я исполню,
Калхасъ, твое желаніе. А ты,
Мой милый Діомедъ, какъ подобаетъ
Послу царя Агамемнона, будь
На высотѣ призванія, доспѣхи
Блестящіе одѣнь, да, кстати, тамъ
Узнай,—готовъ-ли Гекторъ къ поединку:
Аяксъ готовъ.

Діомедъ.

Довѣріемъ такимъ
Я вознесенъ и все исполню точно.
(Уходятъ съ Калхасомъ).

Ахиллъ *и* Патроклъ *выходятъ изъ своихъ палатокъ.*

Улиссъ.

Смотри: Ахиллъ стоитъ въ дверяхъ палатки.
Прими, о, полководецъ, мой совѣтъ
И на него не обращай вниманья,
Когда пойдешь ты мимо. И цари
Другіе пусть поступятъ такъ же, взглянутъ—
И далѣе пойдутъ своимъ путемъ.
Послѣднимъ я пройду. Меня онъ, вѣрно,
Вопросомъ остановитъ: почему
Относятся къ нему съ такимъ презрѣньемъ?
И я его насмѣшкой угощу
Холодною и ѣдкой, какъ лѣкарствомъ
Отъ гордости. Ему такой урокъ
Полезенъ будетъ. Гордость знаетъ только
Одно лишь зеркало, и это—гордость:
Въ него взглянуть умѣстно ей... Когда
Всѣ гордецу потворствуютъ,—бѣда!

Агамемнонъ.

Совѣтъ хорошъ, и мы его исполнимъ.
Мы всѣ пройдемъ, не кланяясь ему,
Какъ люди незнакомые... Нѣтъ, лучше
Иные пусть поклонятся, но такъ,
Чтобъ чувствовалъ онъ ихъ пренебреженье;
Его задѣнетъ это посильнѣй,
Чѣмъ невниманье полное. Пойдемте;
Я—первый.

Ахиллъ.

Какъ! Со мною говорить
Повидимому, хочетъ полководецъ?
Но я сказалъ, что больше не хочу
Съ троянцами сражаться...

Агамемнонъ *(Нестору).*

Ахиллъ тамъ что-то говоритъ? Чего
Отъ насъ онъ хочетъ?

Несторъ. Мнѣ кажется, прославленный Ахиллъ, ты хочешь что-то сказать Агамемнону?

Ахиллъ. Нисколько!

Несторъ. Нѣтъ, государь.

Агамемнонъ. Тѣмъ лучше.
(Уходитъ съ Несторомъ).

Ахиллъ *(Менелаю).* Здравствуй.

Менелай. Будь здоровъ. *(Уходитъ).*

Ахиллъ. Что это! Рогоносецъ насмѣхается надо мною?

Аяксъ. Привѣтъ Патроклу.
Ахиллъ. Добраго утра, Аяксъ.
Аяксъ. А?
Ахиллъ. Добраго утра.
Аяксъ. До завтра. *(Уходитъ).*

Ахиллъ. Что за дерзкое нахальство!
Иль не хотятъ они Ахилла знать!

Патроклъ.

Да, это странно. Всѣ передъ Ахилломъ
Сгибалися, бывало,—издали
Его улыбкой льстивою встрѣчая
И пресмыкаясь, какъ предъ алтаремъ.

Ахиллъ.

Да, это странно. Иль за это время
Я обѣднѣлъ? Давно извѣстно всѣмъ:
Когда величье во враждѣ съ фортуной,
И всѣ къ нему враждебны. Кто упалъ,—
Въ глазахъ другихъ прочтетъ свое паденье.
Вѣдь люди—это бабочки, они
Раскрашенныя крылья распускаютъ
Лишь въ теплый день. Они глядятъ на насъ
Не какъ на человѣка; чтутся только
Лишь внѣшніе дары: богатство, санъ,
Прославленность, все, чѣмъ играетъ случай
Съ достойными. Капризный пьедесталъ!
Распался онъ—и рухнула съ нимъ вмѣстѣ
Непрочная любовь. Однако я
Съ фортуною покуда еще друженъ,
Все, чѣмъ владѣлъ, попрежнему мое,
Помимо развѣ только этихъ взглядовъ,
Которые открыли вдругъ во мнѣ—
Не знаю что—обидное для ихъ
Вниманье. Вотъ Улиссъ идетъ... Я чтенье
Его прерву.—Улиссъ!

Улиссъ.

Что отъ меня
Желаетъ сынъ прославленный Ѳетиды?

Ахиллъ.

Что ты читалъ?

Улиссъ.

Да вотъ, одинъ чудакъ
Мнѣ пишетъ вдругъ, что какъ бы ни былъ смертный
Превознесенъ, и такъ и сякъ богатъ,—
Онъ никогда похвастаться не можетъ,
Что всѣ дары дѣйствительно его,
А не живутъ въ его воображеньи,
Что чувствуетъ онъ только ихъ, когда
Отражены въ другихъ они, какъ будто
Лишь озаривъ и обогрѣвъ другихъ,
Онъ самъ живетъ счастливымъ отраженьемъ.

Ахиллъ.

Тутъ ничего чудного нѣтъ, Улиссъ.
И красота, которою другіе
Любуются,—лишь въ нихъ отражена;
Глазъ самого себя не можетъ видѣть,
Онъ проводникъ чистѣйшій нашихъ чувствъ,
И, встрѣтившись съ другимъ такимъ же глазомъ,
По отраженью судитъ о себѣ.
Самихъ себя не могутъ видѣть люди,
И о себѣ доступно имъ судить
По отношенью къ нимъ другихъ: вотъ это
Единственное зеркало.

Улиссъ.

Меня
Не самая основа удивляетъ;
Она стара, и я согласенъ съ ней.
Но слѣдствіе... Доказываетъ авторъ,
Что никого нѣтъ въ мірѣ, кто бы могъ,
Хоть сто пядей имѣй во лбу,—похвастать,
Что убѣжденъ въ себѣ, пока ему
Не выкажутъ вниманія другіе.
Онъ часто самъ не вѣдаетъ о нихъ,
Пока ихъ въ отраженьи не увидитъ,
Иль не услышитъ ихъ въ рукоплесканьяхъ,
Какъ въ звонкихъ сводахъ собственное эхо,
Какъ отблескъ солнца въ стали...
Пораженъ
Такъ глубоко я былъ блестящей мыслью,
Что тотчасъ-же подумалъ объ Аяксѣ:
„Вѣдь вотъ оселъ,—подумалъ я,—и сразу
Онъ въ честь попалъ. О, сколько въ мірѣ есть
Такихъ вещей, которыя полезны,
Однако ихъ презрѣніемъ клеймятъ.
Другія же на взглядъ и драгоцѣнны,
А имъ лишь грошъ цѣна. И можетъ быть,
Мы завтра же увидимъ, какъ Аякса
Прославитъ случай... Боги! О, зачѣмъ
Приходится однимъ свершать дѣянья,
Когда другіе призваны къ тому!
Иной въ чертогъ Фортуны своенравной
Ползетъ себѣ, въ то время, какъ другой
Разинетъ ротъ... Иные рвутъ у славы
Себѣ куски, другіе-же ее
Изъ гордости минуютъ, иль отъ лѣни.
Смотрѣть противно, какъ вездѣ теперь
Привѣтствуютъ Аякса льстиво греки,
Какъ будто онъ ужъ гордо попиралъ
Грудь Гектора ногой своей, иль Троя
Колеблется могуществомъ его.

Ахиллъ.

Да, да, я вѣрю этому. Какъ скряги
Предъ нищими, сейчасъ они прошли...
Вотъ здѣсь прошли,—меня не удостоивъ

Ни словомъ, ни привѣтомъ. Неужель
Всѣ подвиги мои уже забыты?

Улиссъ.

Не забывай, что время за спиной
Несетъ суму, въ которую бросаетъ
Забвенію подачки. Это звѣрь,
Чудовище,—оно неблагодарно,
И какъ бы ни былъ подвигъ величавъ,—
Забвеніе пожрать его готово.
Повѣрь, Ахиллъ, не подвиги въ быломъ
Опора славы,—мудрость въ настоящемъ.
Что подвиги былые? Лоскуты,
Колеблемые вѣтромъ, ржавый панцырь,
Подвѣшенный на гвоздикѣ для смѣха.
Скорѣе въ путь! Узка, тѣсна тропа,
Проложенная къ славѣ, невозможно
По ней идти двоимъ. Не уступай
Другому путь. Знай, у соревнованья
Есть тысячи испытанныхъ сыновъ,
Бѣгущихъ неустанно за тобою.
Лишь уступи имъ первенство въ пути,
Отстань на мигъ,—и на тебя всѣ хлынутъ,
Какъ волны моря злобныя, сомнутъ
И позади забытаго оставятъ.
Такъ, впереди всегда привыкшій быть,
Горячій конь оступится случайно
И упадетъ, и черезъ него тогда
Проносятся другіе, безпощадно
Топча его копытами. Таковъ
Теперь и ты съ своей поблекшей славой.
Пусть далеко героямъ скороспѣлымъ
До подвиговъ такихъ, но вѣдь за то
Ихъ положенье выгоднѣе. Время—
Воспитанный хозяинъ. Руку жметъ
Онъ гостю уходящему небрежно,
Входящему—объятья и почетъ.
Здороваются люди, улыбаясь;
Прощаются, вздыхая. Не ищи
За прошлыя дѣла вознагражденья.
Всѣ блага жизни: красота, любовь,
Умъ, сила, власть, происхожденье, дружба,—
Клеветниковъ завистливыхъ родятъ,
И время, несомнѣнно—самый злѣйшій.
Весь міръ роднитъ единая черта:
Всѣхъ увлекаетъ новость бездѣлушекъ,
Хоть на нихъ прошедшаго печать.
И золото, облѣпленное грязью,
Предъ грязью позолоченной—ничто.
Дневное къ дню приковано, и ты,
Герой великій, не дивись, коль греки
Всѣ поголовно станутъ обожать
Бездарнаго Аякса. Что недвижно—
Не такъ въ глаза бросается, какъ то,
Что движется. Восторги,
Которыми ты прежде встрѣченъ былъ,
Могли-бы не умолкнуть и понынѣ;
Могла бы слава гордая избрать
Своимъ жилищемъ постояннымъ ставку
Того, кто здѣсь, на этихъ же поляхъ,
Умѣлъ свою храбростью безмѣрной
Такой восторгъ всеобщій возбуждать,
Что даже Марсъ отъ зависти бѣсился!

Ахиллъ.

Да, я ушелъ отъ дѣлъ, но у меня
На это есть разумныя причины.

Улиссъ.

Но противъ нихъ найдутся безъ труда
И болѣе достойныя героя.
Извѣстно всѣмъ, что страстно ты влюбленъ
Въ одну изъ дочерей Пріама.

Ахиллъ.

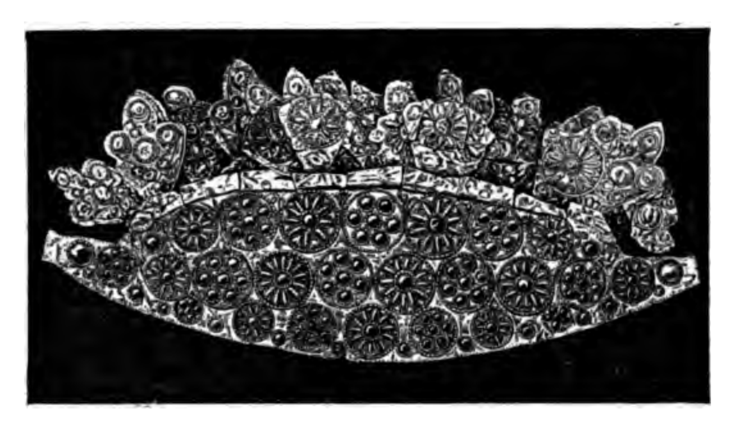
Вотъ какъ!
Извѣстно всѣмъ?

Улиссъ.

Ты удивленъ? Но знай,
Правительство все видитъ и все слышитъ.
Ему извѣстно, все: и золото, что въ нѣдрахъ
Земли хранитъ Плутосъ, и тайны
Глубокихъ безднъ. Оно способно вскрыть
Тѣ помыслы, что зрѣютъ въ колыбели.
Въ душѣ любого государства есть
Таинственная сила, и донынѣ
Исторія ея не поняла,
Умъ не постигъ, не выразило слово.
Намъ такъ же хорошо, какъ и тебѣ,
Извѣстна связь твоя съ семьей Пріама.
Но слушай: Поликсена, можетъ быть,
Красива—побѣдить, однако,
Почтеннѣй для Ахилла не ее,
А Гектора. Какое горе Пирру
Ты принесешь, когда сто устъ молвы
Передадутъ ему, что дочь Пріама
Ты славѣ предпочелъ, а рои дѣвъ
Съ насмѣшкой и укоромъ въ хороводѣ
Вдругъ запоютъ: „Сестру плѣнилъ
У Гектора Ахиллъ,
Но Гекторъ самъ—позоръ и стыдъ!
Аяксомъ былъ убитъ“.
Прощай—уже стоитъ на льду глупецъ—
Взломай тотъ ледъ и вновь возьми вѣнецъ!
(*Уходитъ*).

Патроклъ.

Тебѣ не разъ совѣтовалъ я то же.
Хоть женщина съ ухваткою мужской
Противна всѣмъ, не лучше и мужчина,
Когда во время гибельной войны
На женщину походитъ. Не меня-ли
Винятъ въ твоихъ поступкахъ? Всѣ вполнѣ
Убѣждены, что только отвращенье

Древнегреческая золотая корона. Изъ Микенскихъ раскопокъ Шлимана.

Мое къ войнѣ способно удержать
Тебя средь битвъ. Стряхни-жъ любовь скорѣе,
Какъ съ гривы левъ полночную росу,—
И Купидонъ слѣпой, сластолюбивый
Падетъ во прахъ.

Ахиллъ.
Такъ неужель Аяксъ
Сразится съ Гекторомъ?

Патроклъ.
Да, и за трудный,
Отважный подвигъ славу обрѣтетъ.

Ахиллъ.
Въ опасности моя былая слава—
Я самъ нанесъ ей гибельный ударъ.

Патроклъ.
Такъ берегись. Нѣтъ тяжелѣе раны
Той, что своей рукой нанесена.
Опасности являются нерѣдко
Отъ собственной оплошности; онѣ,
Какъ лихорадка, часто заражаютъ,
Когда сидимъ на солнопекѣ мы.

Ахиллъ.
О, дорогой Патроклъ мой, позови
Ко мнѣ Терсита. Я шута отправлю
Посломъ къ Аяксу съ просьбой пригласить
Ко мнѣ вождей троянскихъ послѣ битвы.
Пусть это прихоть женская, но я
Горю желаньемъ Гектора увидѣть
Безъ латъ стальныхъ, а въ мирномъ одѣяньи.
Лицомъ къ лицу хочу съ нимъ говорить...
Но вотъ Терситъ—ты отъ хлопотъ избавленъ
Идти за нимъ.

Входитъ Терситъ.

Терситъ. Вотъ такъ чудо!

Ахиллъ. А что такое?

Терситъ. Аяксъ шатается взадъ-впередъ по полю и ищетъ самого себя.

Ахиллъ. Какъ такъ?

Терситъ. Онъ долженъ завтра идти на поединокъ съ Гекторомъ, и геройская потасовка, которую онъ получитъ, дѣлаетъ его до того пророчески гордымъ, что онъ бредитъ безъ словъ.

Ахиллъ. Неужели?

Терситъ. Вѣрно. Распустилъ хвостъ, какъ павлинъ. Походитъ, походитъ и остановится, какъ трактирщица, которой негдѣ свести своихъ счетовъ, кромѣ своей головы. Онъ, какъ вельможа, кусаетъ себѣ губу, словно хочетъ глубокомысленно возвѣстить: „Въ этой головѣ ума палата, да только онъ изъ нея выходить не хочетъ". И точно, онъ въ ней есть, да только не выскакиваетъ, какъ изъ кремня искра, покуда его не стукнутъ какъ слѣдуетъ. Малый этотъ погибъ окончательно; если ему Гекторъ не сломитъ шеи, то она переломится отъ тяжелаго тщеславія. Меня онъ не узнаетъ ужъ: Я говорю ему: „Здравствуй, Аяксъ", а онъ мнѣ на это: Благодарю, Агамемнонъ". Ну, что вы скажете о человѣкѣ, принимающемъ меня за полководца! Онъ превратился въ настоящую береговую рыбу, безгласное чудовище... Велика радость славы! Ее, какъ кожаную куртку, можно и на изнанку выворочивать.

Ахиллъ. Я хочу тебя, Терситъ, отправить къ нему посломъ.

Терситъ. Меня? Напрасный трудъ. Отъ него теперь ни на одинъ вопросъ не до-

бьешься отвѣта: онъ выше этого; только ничтожество разговариваетъ. Онъ ходитъ, держа языкъ въ кулакѣ. Я готовъ вамъ представить его. Пусть Патроклъ спрашиваетъ меня. Вы увидите живого Аякса.

Ахиллъ. Хорошо. Ты, Патроклъ, подойди и скажи ему, что я прошу покорнѣйше доблестнаго Аякса пригласить наихрабрѣйшаго Гектора придти безъ оружія въ мой шатеръ и добыть для него пропускъ отъ великаго, дважды, трижды прославленнаго предводителя греческихъ войскъ Агамемнона и т. д. Начинай.

Патроклъ. Да благословитъ Зевесъ великаго Аякса.

Терситъ. Гм...

Патроклъ. Я пришелъ отъ имени достойнаго Ахилла.

Терситъ. А...

Патроклъ. Онъ покорнѣйше проситъ тебя пригласить Гектора въ его палатку.

Терситъ. Гм...

Патроклъ. И добыть ему свободный пропускъ отъ Агамемнона.

Терситъ. Отъ Агамемнона?

Патроклъ. Да, отъ него, свѣтлѣйшій Аяксъ.

Терситъ. А...

Патроклъ. Что ты на это скажешь?

Терситъ. Да хранитъ тебя Зевсъ... Отъ чистаго сердца.

Патроклъ. А твой отвѣтъ?

Терситъ. Если завтра будетъ хорошій день съ утра, я подумаю и дамъ отвѣтъ; такъ или иначе, онъ дорого заплатитъ прежде, чѣмъ одолѣетъ меня.

Патроклъ. Твой отвѣтъ, дорогой Аяксъ?

Терситъ. Будь здоровъ... отъ всей души.

Ахиллъ. Неужто онъ поетъ въ такомъ духѣ?

Терситъ. Напротивъ, онъ не въ духѣ. Какая будетъ изъ него музыка, когда Гекторъ завтра выколотитъ изъ него мозги,— не знаю. Вѣроятно, ни малѣйшей, если Аполлонъ не вытянетъ изъ него жилы и не надѣлаетъ изъ нихъ струнъ.

Ахиллъ. Ты сейчасъ же отнесешь ему посланіе.

Терситъ. Давай лучше письмо къ его лошади: изъ нихъ двоихъ она все же умнѣе.

Ахиллъ. Мой умъ, какъ источникъ, взволнованный бурей, до того смутенъ, что я самъ не вижу его дна.

(Ахиллъ и Патроклъ уходятъ).

Терситъ. Ахъ, еслибы источникъ твоего ума снова просвѣтлѣлъ хоть настолько, чтобы мнѣ въ немъ осла напоить! Лучше бы я желалъ быть подкожнымъ паразитомъ у барана, чѣмъ такимъ безнадежно храбрымъ дуракомъ!

(Уходитъ).

Изъ троянскихъ раскопокъ Шлимана (кубокъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Троѣ.

Съ одной стороны входитъ Эней, *за нимъ*— слуга *съ факеломъ, съ противоположной*— Парисъ, Дейфобъ, Антеноръ, Діомедъ *и другіе, также съ факелами.*

Парисъ.

Эй, кто идетъ?

Дейфобъ.

Эней.

Эней.

Да, это принцъ!
Самъ принцъ Парисъ! Ну, принцъ, когда-бы мнѣ
Такой предлогъ блаженствовать въ постели,
Небесный гнѣвъ лишь могъ меня-бъ отвлечь
Отъ жаркаго, томительнаго ложа,
Отъ нѣгъ и ласкъ подруги дорогой.

Діомедъ.

Меня-бы тоже. А, Эней! Здорово.

Парисъ.

Передъ тобою, славный мой Эней,
Грекъ доблестный. Ты самъ тому свидѣтель:
На полѣ битвы онъ не мало дней
Преслѣдовалъ тебя.

Эней.

Пріими привѣтъ мой,
Достойный воинъ. Счастливъ будь, пока
Сіяетъ миръ. А встрѣтимся въ доспѣхахъ,—
Жди вызова такого отъ меня,
Какого никогда не создавала
Ничья вражда и мужество ничье
Не выполняло.

Діомедъ.

Что-жъ, благодарю
За то и за другое. А пока
Спокойна кровь, тебѣ такого-жъ счастья
Желаетъ Діомедъ. Но вспыхни бой,
Явися случай и, Зевесъ свидѣтель!—
Со всею силой, съ ловкостью, съ отвагой
За жизнію твоею брошусь я!

Эней.

Ты бросишься за львомъ, а онъ не станетъ
Ни отступать, ни убѣгать. Съ тобой—
Ко глазу глазъ—онъ встрѣтится. Но встрѣча
Такая впереди, а до нея,
Прошу тебя пожаловать къ намъ въ Трою.
Клянуся головой Анхиза, ты
Желаннымъ гостемъ будешь въ ней. Я даже
Готовъ рукой Венеры клясться здѣсь,
Что никогда, никто не могъ такъ сильно
Любить того, кого хотѣлъ убить.

Діомедъ.

Вполнѣ тебѣ сочувствую. Юпитеръ!
О, дай еще лѣтъ тысячу прожить
Энею, если смерть его не можетъ
Меня прославить. Если же-она
Прославитъ мечъ мой,—пусть умретъ онъ завтра!

Эней.

Другъ друга мы узнали хорошо.

Діомедъ.

Но жаждемъ знать другъ друга и похуже.

Эней.

Я никогда привѣта не слыхалъ
Столь злобнаго и дружескаго вмѣстѣ,
Столь полнаго любви и ненависти.

Діомедъ.

Что
Тебя такъ рано подняло?

Эней.

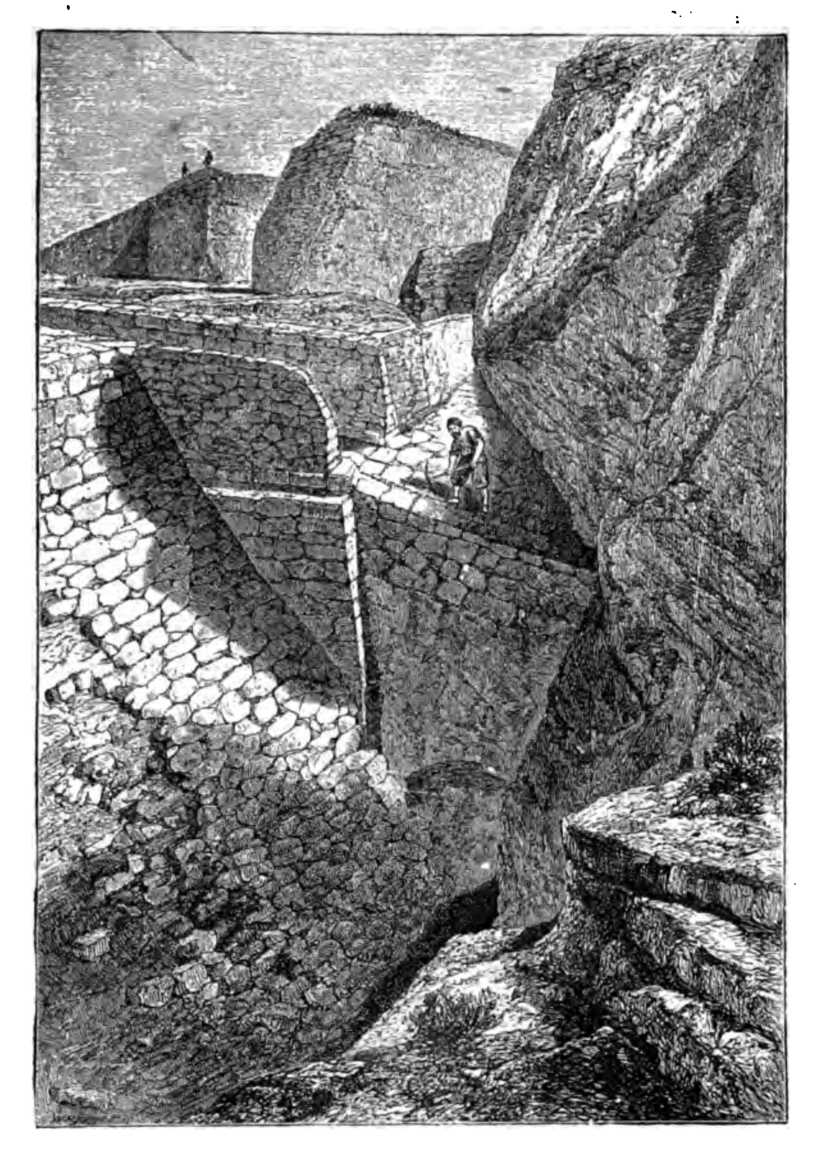
За мною
Самъ царь Пріамъ гонца послалъ. Зачѣмъ,—
Не знаю.

Парисъ.

Онъ предупреждаетъ
Твое желанье. Долженъ проводить
Ты молодого грека въ домъ Калхаса.
И привести взамѣнъ его сюда
Красавицу Крессиду. Если хочешь,
Пойдемъ со мною вмѣстѣ, иль, будь добръ,
Опереди насъ. Мнѣ сдается сильно...
Нѣтъ, болѣе! Я убѣжденъ вполнѣ,
Что нынче тамъ мой братъ Троилъ ночуетъ.
Предупреди его, скажи, что мы
Идемъ во слѣдъ, да объясни причину,
Заставившую нась не пощадить
Его блаженства. Вѣрно тамъ насъ примутъ
Не очень-то любезно.

Эней.

Да, конечно,
Троилу легче видѣть увезенной
Всю Трою въ Грецію, чѣмъ дочь Калхаса
Изъ Трои увозимую.

ОСТАТКИ ТРОИ.
(*Раскопки Шлимана въ 1870-хъ г.*).

Парисъ.

Что дѣлать!
Такъ время повелѣло. Но скорѣе
Иди впередъ. Мы—за тобою слѣдомъ

Эней.

Прощай. *(Уходитъ).*

Парисъ.

Скажи мнѣ, честный Діомедъ,
Какъ слѣдуетъ товарищу, открыто:
Кому по справедливости должна
Принадлежать Елена: Менелаю,
Иль мнѣ? Рѣши.

Діомедъ.

Обоимъ вамъ. Ему
За то, что онъ, презрѣвъ свое безчестье,
Цѣною жертвъ, терзаній и борьбы
Старается вернуть ее. Тебѣ-же
За то, что ты, не чувствуя ея
Позора, все безъ сожалѣнья губишь!
Друзей своихъ, сокровища. Готовъ
Слезливый рогоносецъ тотъ упиться
Подонками изъ чаши, налитой
Давно напиткомъ выдохшимся. Ты-же
Не прочь изъ нѣдръ развратнѣйшихъ имѣть
Наслѣдниковъ. Коль взвѣсить васъ обоихъ,
Другъ другу вы окажетесь подъ стать.
Но, впрочемъ, онъ съ рогатымъ украшеньемъ
Ей болѣе подходитъ.

Парисъ.

Ты жестокъ
Къ прекрасной соотечественницѣ.

Діомедъ.

Право,
Къ отечеству ея жестокость злѣй.
Послушай: капля каждая ея
Распутной крови куплена цѣною
Прекрасной жизни грека. Каждый скрупулъ
Ея позоромъ вскормленнаго тѣла
Оплаченъ смертью храбраго троянца.
Съ тѣхъ поръ, какъ заболталъ ея языкъ,
Она сказала меньше словъ разумныхъ,
Чѣмъ за нее погибло въ схваткахъ шумныхъ
Троянъ и грековъ.

Парисъ.

Въ этомъ Діомедъ
Подобенъ покупателю: желая
Купить предметъ, его стремится онъ
Унизить. Но мы, молча, сохраняемъ
Заслуженную стоимость... Итакъ,
Зоветъ насъ путь. Идемъ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА II.

Троя. Дворъ при домѣ Пандара. Утро.

Входятъ Троилъ *и* Крессида.

Троилъ.

Моя голубка,
Вернись... Опасенъ утренникъ сырой.

Крессида.

Хочу я кликнуть дядю, о, мой милый,
Чтобъ отперъ намъ ворота.

Троилъ.

Нѣтъ, оставь.
Въ постель! Въ постель! Пусть
Сонъ сомкнетъ рѣсницы,
Покоемъ дѣтскимъ чувства оковавъ.

Крессида.

Такъ добрый день.

Троилъ.

Иди, усни, молю я.

Крессида.

Ужъ я тебѣ наскучила?

Троилъ.

Молчи!
Крессида! Еслибъ жаворонокъ звонкій
Не разбудилъ назойливаго дня,
Не поднялъ всѣхъ воронъ сластолюбивыхъ,
И еслибъ ночь завѣсою своей
Мечтательной и темною прикрыла
Блаженство наше, я-бъ не въ силахъ былъ
Тебя оставить.

Крессида.

О, какъ ночь поспѣшна!

Троилъ.

Проклятая колдунья безъ конца
Съ терпѣньемъ адскимъ топчется на мѣстѣ
Она для злыхъ... А отъ блаженныхъ ласкъ
Летитъ быстрѣе мысли. Что-жъ ты медлишь?
Простудишься и проклянешь меня.

Крессида.

Молю, позволь хоть мигъ побыть съ тобою!
Не любишь ты, какъ всѣ мужчины, ждать.
О, глупая Крессида! Будь я тверже,
Не уступи, ты поневолѣ-бъ ждалъ...
Но слушай... Тамъ идутъ...

Пандаръ *(за сценой).*

Что это значитъ?
Всѣ двери настежь.

Троилъ.

Это дядя твой.

Крессида.

Ахъ, пропади онъ пропадомъ! Я знаю,
Посыпятся насмѣшки... Что за жизнь!

Входитъ Пандаръ.

Пандаръ. Ну, какъ чувствуетъ себя твоя невинность?.. Да гдѣ же моя племянница Крессида? Я оставилъ дѣвственницу, а эта...

Крессида. Оставь, ты, дядя, злой насмѣшникъ. Самъ же меня подвелъ и надо мной глумится.

Пандаръ. Я подвелъ? Къ чему подвелъ? Ну, скажетъ пусть онъ—къ чему?

Крессида.

Негодный и безпутный человѣкъ!
Порядочнымъ никакъ ты быть не можешь,
Да и другихъ сбиваешь.

Пандаръ. Ха-ха-ха! О, моя глупенькая бѣдняжка! Ты всю ночь не спала. Тебѣ мѣшали! Вѣрно, все этотъ несносный человѣкъ, забодай его быкъ! *(Стучатъ въ дверь).*

Крессида.

Я говорила! Право, было-бъ славно,
Когда-бъ стучали въ голову его
Вотъ такъ, вотъ такъ... какъ въ эту дверь.
Но кто тамъ?
Пойди, взгляни-ка, дядя... Милый мой,
А ты ко мнѣ вернись... Но ты смѣешься,
Какъ будто здѣсь дурное видишь.

Троилъ.

Гм...

КРЕССИДА.
Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора Кини Медоуса (Kenny Meadows, 1790—1874).

КРЕССИДА.
Ошибся, милый. Ничего такого
Я не желала. (*Стукъ сильнѣе*). Ахъ, какъ тамъ стучатъ!
Пожалуйста, уйдемъ, уйдемъ отсюда.
Я—половины Трои не возьму
За то, чтобъ здѣсь сейчасъ тебя застали.
(Уходитъ съ Троиломъ).

ПАНДАРЪ (*подходя къ двери*). Кто тамъ? Что случилось? Этакъ ворота не трудно выломать. (*Отпирая*). Да что-же, наконецъ, случилось?

Входитъ ЭНЕЙ.

Здорово. Съ добрымъ утромъ.

ПАНДАРЪ.
Что такое?
Эней! Клянусь, я не узналъ тебя.
Скажи, зачѣмъ такъ рано?

ЭНЕЙ.
Я къ Троилу.

ПАНДАРЪ.
Какой Троилъ? Подумай самъ, зачѣмъ
Въ такую рань онъ будетъ здѣсь?

ЭНЕЙ.
Я знаю,
Онъ ночевалъ у васъ. Не прекословь,
Веди къ нему. То, что сказать я долженъ,
Глубоко важно...

Пандаръ. Гм... Такъ ты говоришь,— онъ здѣсь... Мнѣ и въ голову не приходило. Клянусь! Я самъ вернулся поздно. Подумай, что ему здѣсь дѣлать—ни свѣтъ, ни заря.

Эней. Что дѣлать ему? Ну, полно... Иди за нимъ, не то своимъ упорствомъ ты повредишь ему: вѣрность иногда хуже измѣны. Можешь не знать, что онъ здѣсь, но все-же позови его.

(Пандаръ уходитъ).

Входитъ Троилъ.

Троилъ.

Въ чемъ дѣло?

Эней.

Принцъ... Прости, что не могу
Привѣтствовать тебя какъ должно. Видишь,
Сюда, за мною слѣдуютъ: твой братъ
Парисъ, Дейфобъ, грекъ Діомедъ, а также
Явившійся изъ плѣна Антеноръ.
Взамѣнъ его, предъ жертвоприношеньемъ
Мы Діомеду выдать здѣсь должны
Красавицу Крессиду.

Троилъ.

Такъ рѣшили?

Эней.

Пріамъ съ совѣтомъ Трои, и сейчасъ
Они придутъ, чтобъ выполнить рѣшенье.

Троилъ.

О, счастье! Ты глумишься надо мной!
Я встрѣчу ихъ... А ты, Эней, ты скажешь,
Что мы случайно встрѣтились съ тобой—
Не здѣсь... не здѣсь... А гдѣ-нибудь, гдѣ знаешь...

Эней.

О, будь покоенъ. Тайну сохраню
Я глубже, чѣмъ хранитъ ее природа.

(Троилъ и Эней уходятъ).

Пандаръ. Вотъ такъ штука! бѣдный малый! Только что добылъ и приходится терять! Бѣдный принцъ, пожалуй, съ ума сойдетъ. Чтобы приказа поразила этого Антенора! Чтобъ онъ шею себѣ сломалъ!

Входитъ Крессида.

Крессида.

Что здѣсь за шумъ и что еще случилось?

Пандаръ.

Ахъ!

Крессида.

Ты вздыхаешь? Гдѣ Троилъ? Ушелъ?
О, дядя! Что случилось? Что случилось?

Пандаръ. Отъ души желалъ бы провалиться на два аршина подъ землю.

Крессида.

О, боги! Что случилось?

Пандаръ. Уходи, прошу тебя. Лучше бы тебѣ, бѣдняжка, на свѣтъ не родиться. Я такъ и зналъ, что ты вгонишь его въ гробъ. О, бѣдный, бѣдный! Проклятый Антеноръ!

Крессида. Дядя, на колѣняхъ умоляю тебя, скажи, въ чемъ дѣло.

Пандаръ. Ты должна уйти отсюда, о, бѣдная моя дѣвочка! Тебя продали, вымѣняли на Антенора. Ты должна уйти, покинуть Троила, идти къ отцу. Это погубитъ Троила, уложитъ его въ гробъ: онъ не вынесетъ разлуки.

Крессида. Боги! Боги! Я не пойду отсюда!

Пандаръ. Тебя принудятъ.

Крессида.

Нѣтъ, не пойду! Я узъ родства не знаю!
Забылая отца. Ни кровныхъ узъ, ни чувствъ,
Ни близкихъ, ни родныхъ и никого на свѣтѣ
И ничего въ душѣ моей! Одна
Любовь къ Троилу! Боги! Пусть Крессидой
Зовутъ непостоянство, если я
Когда-нибудь забуду о Троилѣ!
О, время! Смерть! Бичующая сила!
Возьмите тѣло хрупкое мое,
Терзайте, мучьте! Но основа, зданье
Моей любви прочны, какъ центръ земли...
Пойду къ себѣ и тамъ запрусь, чтобъ плакать!

Пандаръ. Плачь, плачь, бѣдняжка.

Крессида.

Я повырву пряди
Моихъ волосъ, царапать стану щеки,
Рыданіями голосъ надорву
И сердце разорву, крича Троила,
Но не уйду изъ Трои!

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Тамъ-же. Передъ домомъ Пандара.

Входятъ Парисъ, Антеноръ, Троилъ, Эней, Дейфобъ, Діомедъ *и др.*

Парисъ.

Ужъ разсвѣло. Часъ пробилъ и Крессиду
Должны мы сдать съ рукъ на руки красавцу,
Пришедшему изъ греческаго стана.

Спѣши, Троилъ, и объясни Крессидѣ,—
Что предстоитъ ей.

Троилъ.

Вы войдете въ домъ.
Я постараюсь вывести Крессиду.
Въ тотъ мигъ, когда ее я греку сдамъ,—
Знай, что твой братъ Троилъ приноситъ въ жертву
Растерзанное сердце. (*Уходитъ*).

Парисъ (*про себя*).

Ахъ и мнѣ
Любовь знакома! Я желалъ бы страстно
Ему помочь, утѣшить... Но, увы!
Идемъ, друзья. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната Крессиды.

Входятъ Пандаръ *и* Крессида.

Пандаръ.

Ну, полно, не отчаивайся.

Крессида.

Какъ!
Ужель меня ты хочешь успокоить?
Но безысходно, ядовито горе,
И какъ вина его, неумолимо.
Какъ заглушить отчаяніе!? Еслибъ
Могла любовь я подавить, ослабить,
Расхолодить!... О, я тогда, конечно,
Могла бы горе легче выносить...
Но ни любовь, ни горе не стихаютъ...
Такъ велика потеря!

Входитъ Троилъ.

Пандаръ.

Вотъ онъ самъ.
Ахъ, бѣдненькій цыпленокъ!

Крессида.

Ты? О, боги!
О, мой Троилъ! (*Обнимаетъ его*).

Пандаръ. Вотъ парочка! Точно два стекла въ очкахъ, они созданы другъ для друга. Дайте мнѣ расцѣловать васъ. Какъ это славно сказано въ стихахъ:

О, сердце, сердце, почему
Себя ты такъ тревожишь?

А сердце отвѣчаетъ:

Увы, вѣдь горю моему
Ничѣмъ ты не поможешь.

Сколько правды въ этихъ стихахъ. Не надо пренебрегать никакимъ вздоромъ, потому что и стихи иногда бываютъ кстати: вы въ этомъ сами можете убѣдиться. Но какъ-же быть, однако, ягнятки мои?

Троилъ.

Крессида! Я люблю тебя такъ страстно,
Что сами боги въ злобѣ поднялись,
Завидуя, что холодны и слабы
Въ сравненіи съ огнемъ моей любви
Молитвенные вздохи всѣхъ живущихъ.

Крессида.

Ужель богамъ доступна зависть?

Пандаръ.

Конечно, да! Доказывать не стоитъ
Того, что очевидно.

Крессида.

И неужто
Изъ Трои я должна уйти?

Троилъ.

Увы!

Крессида.

Сказать „прости" Троилу?

Троилъ.

И Троилу
И Троѣ!

Крессида.

Нѣтъ, не можетъ быть!

Троилъ.

Такъ надо.
Намъ злобный рокъ не хочетъ дать проститься,
Отказывая даже и въ отсрочкѣ.
У насъ съ тобой онъ грубо отнимаетъ
Блаженство снова слить уста въ лобзаньи,
Въ объятіяхъ другъ друга сжать, и клятвы
Въ одно дыханье слить. И оба мы,
Купившіе цѣной несчетныхъ вздоховъ
Другъ друга,—мы должны продать сегодня
Все счастье мимолетное за вздохъ,
За тайный вопль страданія. А время,
Какъ жадный воръ, безсмысленно уноситъ
Сокровища, зарытыя въ сердцахъ,
Прощанія, несчетныя, какъ звѣзды,
И каждое съ особымъ выраженьемъ,
Съ особымъ поцѣлуемъ. Какъ въ мѣшокъ,
Въ одно „прости" оно забило грубо
И отравило бѣдный поцѣлуй
Солеными и горькими слезами.

Эней.
Готова-ль въ путь Крессида, принцъ?

Троилъ.
Ты слышишь,
Тебя зовутъ. Не такъ-ли геній смерти
Кричитъ: „иди" тому, кто предназначенъ.
Пусть подождутъ. Она сейчасъ придетъ.

Пандаръ. Гдѣ мои слезы? Тѣ слезы, которыя, подобно дождю должны укротить бурю, или она съ корнемъ вырветъ мое сердце. *(Уходитъ).*

Крессида.
Такъ я должна, должна вернуться къ грекамъ?

Троилъ.
Да это неизбѣжно.

Крессида.
О, Крессида!
Печальная среди веселыхъ грековъ!
Когда опять увидимся?

Троилъ.
Послушай—
Будь только мнѣ вѣрна...

Крессида.
Что? Я—вѣрна!
Откуда это злостное сомнѣнье?

Троилъ.
Въ разлуки часъ не надо ссоръ и споровъ.
Не потому сказалъ я: „будь вѣрна",
Чтобъ сомнѣвался... Самой смерти брошу
Перчатку я въ защиту чистоты
Твоей души. Я рѣчь свою не кончилъ—
„Будь только мнѣ вѣрна,—хотѣлъ сказать я,—
И я приду".

Крессида.
Опасенъ твой обѣтъ,
Но буду я вѣрна.

Троилъ.
Тогда опасность
Я обольщу. Носи наручникъ мой.

Крессида.
А ты—мои перчатки. Такъ когда-же
Свиданья день?

Троилъ.
Сегодня-жъ подкуплю
Я часовыхъ и буду каждой ночью
Съ тобой! Съ тобой! Будь только мнѣ вѣрна.

Крессида.
Опять „вѣрна". О, боги!

Троилъ.
Но послушай,
Вотъ почему я это говорю:
У грековъ молодыхъ достоинствъ много,
Они любезны всѣ, одарены
Природой щедрой; ловкимъ воспитаньемъ
Возвышены. Подумать страшно мнѣ,
Что новизна прельститъ тебя, совмѣстно
Съ ихъ красотой. Предчувствія змѣя
Впилась въ меня и не даетъ покоя.

Крессида.
Меня совсѣмъ не любишь ты, Троилъ.

Троилъ.
Пусть, если такъ, погибну я злодѣемъ!
Я не твоей невѣрности боюсь,
А недостатковъ собственныхъ. Не знаю
Я тѣхъ наукъ, въ которыхъ такъ сильны,
Искусны греки. Не владѣю даромъ
Ни говорить красно, ни пѣть. Могу,
Однако-же, сказать тебѣ, что дьяволъ
Подъ ихъ прельстительной личиною сокрытъ,
Чтобъ обольщать таинственно и тихо.
Но ты, Крессида, не плѣняйся имъ.

Крессида.
Я! дьяволомъ!... Ты думаешь?...

Троилъ.
Нисколько
Не думаю. Но снами иногда
Бываетъ то, о чемъ мы не гадаемъ.
Мы демоны порою для себя,
Когда не зная бѣдность нашей силы,
Ее мы искушаемъ..

Эней *(за сценой).*
Что-же принцъ?

Троилъ.
Цѣлуй меня и разлучимся.

Парисъ *(за сценой).*
Братъ мой,
Троилъ!

Троилъ.
Войди о, милый мой Парисъ,
Введи Энея, грека...

Крессида.
Ненаглядный
Мой принцъ,—ты будешь вѣренъ мнѣ?

Троилъ.
Кто? Я!
Да весь порокъ мой, весь мой недостатокъ

Въ томъ, что когда другіе въ высь идутъ
То хитростью, то кознями,—я кротко
Довольствуюсь лишь ясной простотой.
Они умѣютъ позлащать искусно
И мѣдные вѣнцы, тогда какъ я
Ношу вѣнецъ такой, какой имѣю.
Не сомнѣвайся въ вѣрности моей.
Знай навсегда, что „простота и вѣрность“
Вотъ мой девизъ.

Входятъ Эней, Парисъ, Антеноръ, Дейфобъ *и* Діомедъ.

Троилъ (*Діомеду*).

Прошу васъ. Вотъ Крессида.
Которую мы грекамъ отдаемъ
За Антенора. До воротъ Крессиду
Я провожу и по дорогѣ все
Тебѣ о ней открою. А покуда
Я одного прошу, чтобъ обращался
Привѣтливо ты съ нею и, клянусь,
Прекрасный грекъ, когда ты мечъ мой встрѣтишь,—
Лишь назови Крессиду,—жизнь твоя
Ненарушима будетъ, какъ въ стѣнахъ
Священныхъ Илліона—жизнь Пріама.

Діомедъ.

Красавица Крессида, я прошу
Избавь меня отъ тѣхъ благодареній,
Которыхъ принцъ Троилъ, я сознаюсь,
Заслуживаетъ... Нѣтъ, твоя улыбка,
Твоихъ очей сіянье и ланитъ
Плѣнительный румянецъ—все внушаетъ
Невольно обожанье. Діомедъ
Тебя своей властительницей видитъ,
Себя—рабомъ восторженнымъ твоимъ.
Повелѣвай.

Троилъ.

Блестящій грекъ, со мною
Ты неучтивъ. Разсыпавъ вслухъ хвалы,
Ты унижаешь мой завѣтъ. Запомни,
Сынъ Греціи, еще: Крессида выше
Твоихъ похвалъ настолько, что рабомъ
Ты недостоинъ быть, но обращайтесь,—
Я требую,—какъ слѣдуетъ вы съ ней
Не только ради красоты ея, но также
И ради просьбъ моихъ. Клянусь тебѣ
Плутономъ грознымъ,—иначе, будь трижды
Самъ Ахиллесъ защитникомъ твоимъ,
Я горло разрублю тебѣ.

Діомедъ.

Напрасно
Ты горячишься, принцъ. Признай за мной
Права посла и знатность. Я свободенъ
Въ своихъ рѣчахъ. Изъ города уйду,—
И никому въ дѣлахъ не дамъ отчета.
Не выношу я принужденій, но
Достоинства Крессиды вынуждаютъ
На уваженье. Если-жъ ты, Троилъ,
Потребуешь, чтобъ я приказъ твой слушалъ,—
Изъ гордости отвѣчу я: „Нѣтъ! Нѣтъ!“

Троилъ.

Идемъ къ воротамъ. Діомедъ, запомни:
Я дерзость не прощу тебѣ и ты
Изъ-за нея не разъ скрываться станешь.
Крессида, дай мнѣ руку—обо всемъ
Дорогой мы условимся. Идемъ.
(*Троилъ и Крессида уходятъ. За ними—Діомедъ. Вдали трубятъ*).

Парисъ.

То Гектора труба.

Эней.

Какъ пронеслось
Сегодня утро! Гекторъ вправѣ будетъ
Считать меня лентяемъ. Какъ нарочно
Я поклялся быть первымъ на конѣ.

Парисъ.

Во всемъ Троилъ виновенъ. Но идемте,
Идемте въ поле съ Гекторомъ.

Дейфобъ.

Скорѣй.

Эней.

Да, полетимъ за Гекторомъ съ проворствомъ
Влюбленнаго въ невѣсту жениха.
Вѣдь отъ него зависитъ слава Трои.
Мы иль падемъ иль будемъ съ нимъ—герои!

— —

СЦЕНА V.

Греческій лагерь. Передъ нимъ обнесенное изгородью мѣсто для поединка.

Входятъ Аяксъ, Агамемнонъ, Ахиллъ, Патроклъ, Менелай, Улисъ, Несторъ *и другіе*.

Агамемнонъ.

А, ты ужъ здѣсь, Аяксъ, вооруженный
И полный жизни, свѣжести! Труби!
Пусть мужество твое ударитъ громомъ
И грозный вызовъ Троѣ донесетъ.
Пусть гордый врагъ воспрянетъ и на битву
Спѣшитъ сюда!

Аяксъ.

Вотъ кошелекъ, трубачъ.
Греми сильнѣе, не жалѣя легкихъ

И мѣдныхъ стѣнъ трубы своей! Дуй, дуй
Въ ея жерло, чтобъ вѣтромъ налилося,
Какъ чрево Аквилона отъ натугъ,
Чтобы глаза наполнилися кровью!
Вѣдь ты гремишь для Гектора.
(*Звукъ трубы*).

Улиссъ.
Никто
На зовъ не отвѣчаетъ.

Ахиллъ.
Слишкомъ рано.

Агамемнонъ.
Не Діомедъ-ли тамъ съ Крессидой?

Улиссъ.
Онъ.
Ужъ видно по походкѣ: онъ какъ будто
По воздуху отъ пылкости скользитъ.

Входятъ Діомедъ *съ* Крессидой.

Агамемнонъ.
Такъ вотъ она—Крессида.

Діомедъ.
Да, Крессида.

Агамемнонъ (*цѣлуя ее*).
Прекрасная! Сердечнѣйшій привѣтъ
Тебѣ отъ грековъ.

Несторъ.
Этимъ поцѣлуемъ
Почтилъ тебѣ нашъ предводитель.

Улиссъ.
Но
Хоть искренній привѣтъ, а все-же личный.
Будь общимъ,—онъ значительнѣе-бъ былъ.
Не такъ-ли, Несторъ?

Несторъ.
Правда, принимаю
Я твой совѣтъ. Вотъ Нестора привѣтъ.

Ахиллъ.
Прекрасная! Печать зимы холодной
Я съ устъ твоихъ хотѣлъ бы удалить.
Пріими привѣтъ Ахилла.

Менелай.
Ахъ, имѣлъ я тоже
Когда-то право цѣловать!

Патроклъ.
Пускай—
Изъ этого не слѣдуетъ, однако,
Чтобъ сохранилъ ты право и теперь—
Парисъ за то имъ пользуется, вѣрь!

Улиссъ.
О, оскорбленье злостное! Вина
Насмѣшки и глумленія надъ нами.
Онъ губитъ насъ позорными рогами.

Патроклъ.
Вотъ поцѣлуй... онъ былъ за Менелая.
Сейчасъ тебя цѣлую за себя я.

Менелай.
Вѣдь вотъ злодѣй!

Патроклъ.
Съ Парисомъ, безъ стѣсненья
Мы за него цѣлуемъ.

Менелай.
Съ позволенья
Красавицы я поцѣлую самъ.

Крессида.
Ты поцѣлуй даешь иль принимаешь?

Менелай.
И то и это, если пожелаешь.

Крессида.
Нѣтъ, цѣловать себя тебѣ не дамъ:
Что ты даешь совсѣмъ не интересно.
Такъ значитъ и мѣняться такъ—нечестно.

Менелай.
За твой одинъ тремя я заплачу.

Крессида.
Не надо. Я чужого не хочу.
Ты—мотъ.

Менелай.
А кто-жъ не мотъ?

Крессида.
О томъ изволитъ
Твоя жена съ Парисомъ знать.

Менелай.
Какъ колетъ
Твой язычекъ.

Крессида.
Ты сердишься напрасно.

Улиссъ.
О, съ нимъ шутить, красавица, опасно—
Того гляди наколешься на рогъ.
А я бы могъ разсчитывать?

Крессида.
Да, могъ.

Улиссъ.

Молю тебя...

Крессида.

Моли.

Улиссъ.

Какъ только снова
Его жена невинность обрѣтетъ
И жить къ нему вернется безъ заботъ,—
О, поцѣлуй тогда меня!

Крессида.

Готова.
Я у тебя въ долгу и безъ труда
Свой долгъ отдамъ, когда настанетъ время.

Улиссъ.

Онъ за тобой. Не тягостное бремя.
Тѣмъ болѣе, что срокъ твой—никогда!

Діомедъ.

Пора къ отцу, красавица.
(Уходитъ съ Крессидой).

Несторъ.

Дѣвица
Пребойкая.

Улиссъ.

Такихъ не надо намъ.
Въ ней все: языкъ, глаза и даже ноги
Безъ умолку болтаютъ, и сквозитъ
Въ движеніяхъ, въ улыбкѣ—легкомыслье.
Я знаю ихъ, готовыхъ предлагать
То, что у нихъ никто еще не проситъ,
И раскрывать предъ грамотными весь
Нечистый свитокъ мыслей и желанья.
Игрушки прихоти! Порочныя созданья!
(Вдали трубятъ).

Всѣ.

Труба троянцевъ.

Агамемнонъ.

Да. А вотъ они.

Входитъ Гекторъ, *вполнѣ вооруженный. За нимъ*—Эней, Троилъ *и другіе троянскіе вожди со свитой.*

Эней.

Привѣтъ героямъ Греціи. Скажите,
Какъ побѣдитель долженъ быть почтенъ?
Хотите-ль вы, чтобъ именемъ счастливымъ
Гордился міръ? Хотите-ль также вы,
Чтобы бойцы сражались на смерть, или
Разстались—лишь какъ прогремитъ труба?
Желаетъ это Гекторъ знать заранѣ.

Агамемнонъ.

А какъ желаетъ Гекторъ самъ?

Эней.

Ему
Все это безразлично.

Ахиллъ.

Предложенье
Достойно Гектора; въ немъ все есть: гордость
И самомнѣнье, только уваженья
Къ противнику не чувствуется.

Англійская актрисса 18 вѣка Килеръ (Cuyler) въ роли Крессиды.

Эней.

Ты самъ Ахиллъ?

Ахиллъ.

Будь я не онъ, я, значитъ,
Совсѣмъ ничто.

Эней.

Такъ значитъ ты—Ахиллъ.
Но знай, кто-бъ ни былъ ты—соединились
И неразрывны гордость съ доблестью живой
У Гектора: одна ничтожна такъ же,
Какъ велика другая. Ты вглядись

Внимательнѣй въ него и угадаешь,—
Не гордость то, а вѣжливость. Аяксъ,
На половину той-же славной крови,
И Гекторъ потому на бой принесъ
Лишь половину Гектора, другая
Осталась въ Троѣ. Вашъ боецъ—Аяксъ,
Онъ полу-грекъ, полу-троянецъ родомъ,
И потому увидитъ лишь полъ-силы,
Полъ-сердца Гектора, полъ-мужества его.

Ахиллъ.

Ну, это бабья битва будетъ. Знаю.

Діомедъ *возвращается.*

Агамемнонъ.

Вотъ Діомедъ. Будь стороной Аякса.
Ты опытенъ и заодно съ Энеемъ
Опредѣли условья поединка:
Сражаться на смерть, иль для вида только.
Противники родня, и это ихъ
Еще до боя тайно примиряетъ.

Аяксъ *и* Гекторъ *выходятъ на арену.*

Улиссъ.

Они сошлись лицомъ къ лицу.

Агамемнонъ.

Кто тамъ
Съ такимъ печальнымъ видомъ? Онъ изъ Трои?

Улиссъ.

То младшій сынъ Пріама. Молодъ онъ,
Но воинъ настоящій и не много
Соперниковъ имѣетъ. Въ словѣ твердъ
И больше дѣломъ говоритъ, чѣмъ словомъ.
Онъ сердцемъ тихъ, на ссору не податливъ,
Но, вызванный на ссору, помнитъ зло.
Онъ добръ и щедръ. Рука его и сердце
Открыты: онъ имѣетъ, что даетъ,
Высказываетъ то, что думаетъ, но вздорной
Не выскажетъ онъ мысли и не дастъ
Ни гроша зря. Онъ мужественъ, отваженъ,
Какъ Гекторъ, но опаснѣе его.
И среди боя яростнаго тотъ
Способенъ чувствамъ женственнымъ поддаться,
А онъ въ разгарѣ боя тверже, злѣй
И мстительнѣй любви ревниво-грозной.
На юношу,—зовутъ его Троилъ,—
Надежды смѣло возлагаетъ Троя
И ихъ, какъ Гекторъ, оправдаетъ онъ.
Эней о немъ повѣдалъ намъ все это,
Когда мы были въ Троѣ. Онъ его
Высоко цѣнитъ оттого, что знаетъ.

Трубятъ. Аяксъ *и* Гекторъ *сражаются.*

Агамемнонъ.

Бой начался.

Несторъ.

Держись, Аяксъ.

Троилъ.

Ты, Гекторъ,
Какъ будто дремлешь. Такъ проснись скорѣй.

Агамемнонъ.

Какъ ловко онъ удары направляетъ.
Держись, Аяксъ!

Діомедъ.

Довольно. (*Трубы умолкаютъ*).

Эней.

Да, пора
Остановиться.

Аяксъ.

Нѣтъ, начнемъ бой снова;
Я не успѣлъ согрѣться.

Діомедъ.

Если такъ
Угодно Гектору.

Гекторъ.

Нѣтъ. Неугодно.
О, доблестный Аяксъ, ты мнѣ родня,
Ты сынъ сестры великаго Пріама,
Двоюродный мнѣ братъ и родственная связь
Не допускаетъ здѣсь кровопролитья.
Когда бы явно могъ ты отличить
Въ себѣ троянца кровь отъ крови грека
И объявить, что эта вотъ рука
Принадлежитъ троянцу, эта греку,
Все въ той ногѣ, помимо нервовъ, жилъ,—
Троянское, а прочее отъ грека.
Иль-въ той щекѣ играетъ кровь отца,
Здѣсь—матери. Тогда, клянусь Зевесомъ,
Ты ни одинъ суставъ—наслѣдье грека—
Не вынесъ бы изъ боя нарушимымъ:
Печать ожесточенья я бъ оставилъ
На нихъ вездѣ. Но небу неугодно,
Чтобъ мечъ мой пролилъ даже каплю крови,
Дарованной тебѣ сестрой Пріама,
Моею теткой, матерью твоей,
Чью память чту я свято и понынѣ.
Обнимемся-же; Зевсомъ я клянусь,
Что руки у тебя сильны и ловки,
И я желаю, чтобъ онѣ сейчасъ
Ко мнѣ упали дружески на плечи.
Хвала тебѣ, Аяксъ, мой милый братъ!

Аяксъ.

О, Гекторъ—правда, ты великодушенъ
И скроменъ. Я же съ цѣлью шелъ сюда

Убить тебя и тѣмъ снискать себѣ
Немеркнущую славу.

НЕСТОРЪ.
Самъ великій
Неоптолемъ, на чьемъ челѣ перстомъ
Безсмертной славы начерталось: „Чтите
Его—то онъ",—едва-ль сравниться могъ
Онъ съ Гекторомъ и храбростью, и честью.

ЭНЕЙ.
Та и другая сторона желаютъ
Знать, какъ рѣшить.

ГЕКТОРЪ.
Скажите нашъ отвѣтъ:
Былъ братскій поцѣлуй исходомъ боя.
Прощай, Аяксъ.

АЯКСЪ.
Когда-бъ я думать могъ,
Что просьба увѣнчается успѣхомъ,
Я доблестнаго брата бы просилъ
Нашъ лагерь посѣтить.

ДІОМЕДЪ.
О томъ же проситъ
Агамемнонъ, и славный Ахиллесъ
Сгараетъ жаждой Гектора увидѣть
Вблизи и безъ оружія.

ГЕКТОРЪ.
Троилу
Скажи, Эней, что я его зову,
А также передай и всѣмъ троянцамъ,
Сопровождавшимъ насъ, о приглашеньи.
Пускай домой вернутся. Дай мнѣ руку,
Любезный братъ. Пируя за столомъ,
Мы съ радостью увидимъ славныхъ грековъ.

АЯКСЪ.
Агмемнонъ великій къ намъ идетъ.

ГЕКТОРЪ.
Ты назовешь мнѣ всѣхъ знатнѣйшихъ грековъ.
Ахилла я узнаю, вѣрно, самъ
По доблестной и царственной осанкѣ.

АГМЕМНОНЪ.
Привѣтъ тебѣ, великій вождь, мы рады
Принять тебя, насколько эта радость
Идетъ къ врагу, подобному тебѣ.
Привѣтъ мой вышелъ не совсѣмъ радушнымъ,—
Я выскажусь яснѣе. Что прошло,
Пусть замететъ забвенье сорнымъ прахомъ,
Грядущее пусть скроется во тьмѣ,
А этотъ мигъ свиданья безусловно
И искренній, и честный. Потому
Отъ всей души, о, Гекторъ именитый,
Прошу тебя пожаловать.

ГЕКТОРЪ.
Пріими,
Агамемнонъ великій, благодарность
Отъ Гектора.

АГАМЕМНОНЪ *(Троилу)*.
Привѣтъ мой и тебѣ,
Прославленный троянецъ.

МЕНЕЛАЙ.
Добавляю
Къ привѣтамъ брата я и свой привѣтъ:
Пожалуйте, воинственные братья!

ГЕКТОРЪ.
Кого въ лицѣ твоемъ благодарить?

ЭНЕЙ.
Да Менелая.

ГЕКТОРЪ.
О, я радъ знакомству
Съ царемъ великой Спарты и, клянусь
Перчаткой Марса,—очень благодаренъ.
Надъ клятвою непринятой моею
Не смѣйся царь. Твоя quondam жена
Венериной перчаткою клянется.
Она вполнѣ здорова, но тебѣ
Привѣтствій передать не поручала.

МЕНЕЛАЙ.
Воспоминанья эти—старый ножъ
Моей душѣ!

ГЕКТОРЪ.
Ахъ, я тебя обидѣлъ!

НЕСТОРЪ.
Не разъ видалъ я, доблестный троянецъ,
Такъ ты, покорный гибельной судьбѣ,
Кровавый путь свой пролагалъ средь грековъ.
Иль въ зломъ бою, пылая какъ Персей,
Летѣлъ впередъ, высоко мечъ вздымая
И на скаку фригійскаго коня
Осаживалъ, боясь тронуть павшихъ.
И говорилъ стоявшимъ вкругъ меня:
Смотрите, вонъ Юпитеръ, въ вихрѣ битвы
Властительно даритъ онъ жизнь и смерть".
Видалъ и то, какъ въ сонмѣ грековъ мощно
Ты сдерживалъ горячаго коня,
Переводя дыханіе. Да, правда,
Не разъ я это видѣлъ, но лицо,
Твое лицо я подъ стальнымъ забраломъ
Не различалъ. Я дѣда своего
Когда то зналъ, онъ былъ достойный воинъ,
Но все-жъ, клянуся Марсомъ, далеко
Ему до внука было. Такъ позволь-же
О, доблестный воитель, старику

Обнять тебя и съ радостнымъ привѣтомъ
Сказать: „Добро пожаловать въ нашъ станъ".

Эней.

Вѣдь это Несторъ!

Гекторъ.

Онъ? живая память
Минувшаго! Позволь тебя обнять.
Ты долго велъ въ пути съ собою время.
Душевно радъ прижать тебя къ груди.

Несторъ.

Желалъ бы я, чтобъ эти руки снова
Могли съ тобой помѣряться въ бою,
Какъ вотъ теперь въ объятьяхъ дружбу мѣрятъ.

Гекторъ.

Я былъ бы радъ.

Несторъ.

О, будь возможность, я
Съ тобой сразился бъ завтра же... Но нынѣ
Скажу—одно: „Довольно... Было время".
Теперь добро пожаловать въ нашъ станъ.

Улиссъ.

Дивлюся я, какъ не упала Троя,
Когда ея опора здѣсь, у насъ.

Гекторъ.

Я узнаю, Улиссъ, твою любезность.
Да, мудрый царь Итаки, свершенно
Троянами и греками не мало
Великихъ дѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Иліонъ
Посланникомъ пришелъ ты съ Діомедомъ,
И я тебя увидѣлъ въ первый разъ.

Улиссъ.

Я предсказалъ тогда-жъ конецъ раздора.
На полпути пророчество мое,
Но скоро стѣны царственныя Трои
И башни, что цѣлуютъ облака,
Разрушатся и поцѣлуютъ землю.

Гекторъ.

Не вѣрится. Еще троянцы живы
И стѣны ихъ незыблемы, какъ встарь,
И если гибель Трою ждетъ, то каждый
Фригійскій камень будетъ смертью греку.
Конецъ вѣнчаетъ дѣло; время, старый
Судья, рѣшитъ когда нибудь нашъ споръ.

Улиссъ.

Такъ все ему рѣшитъ и предоставимъ.
Ну, а пока привѣтствую тебя,
О, храбрый Гекторъ! Ты Агамемнона
Сначала посѣтишь, потомъ меня,

Ахиллъ.

Я перебью, Уллисъ, твое желанье.
Ну, Гекторъ, я тобой насытилъ взоръ,
Я изучилъ всего тебя, измѣрилъ
Малѣйшіе суставы.

Гекторъ.

Предо мной
Ахиллъ?

Ахиллъ.

Да, я Ахиллъ.

Гекторъ.

Постой-же
Прошу тебя—вглядѣться дай.

Ахиллъ.

Смотри
Хоть до утра.

Гекторъ.

Я кончилъ.

Ахиллъ.

Слишкомъ скоро.
А я такъ вотъ готовъ смотрѣть тебя
Вторично, членъ за членомъ, какъ покупку.

Гекторъ.

Твое желанье—точно интересъ
Къ забавной книгѣ. Но читай ее
Хоть сотни разъ, ты встрѣтишь въ ней не мало
Такого, что вовѣки не поймешь.
Что на меня ты такъ упорно смотришь?

Ахиллъ.

Скажите мнѣ, всевидящіе боги,
Куда ударъ направить, чтобъ вѣрнѣй
Его сразить? Я знать хочу то мѣсто,
Откуда вылетитъ его душа.
О, боги! Я жду вашего отвѣта!

Гекторъ.

Тщеславный человѣкъ, отвѣтъ подобный
Боговъ стыдомъ покрылъ бы. Или ты
Воображаешь, что довольно мѣсто
Въ своемъ умѣ назначить, и меня
Ты поразишь?

Ахиллъ.

Увѣренъ.

Гекторъ.

Нѣтъ, едва-ли.
Будь даже ты оракуломъ, и то
Твоимъ словамъ хвастливымъ я-бъ не вѣрилъ.
Но берегись отнынѣ, потому
Что я искать не стану мѣстъ заранѣ—
Здѣсь поразить, иль тамъ—о, нѣтъ, клянусь

Я кузницей, гдѣ Марсу шлемъ ковали,
Тебя всего я разомъ поражу
И раскрою потомъ, какъ ветошь, въ клочья.
Простите мнѣ, мудрѣйшіе изъ грековъ,
Такое самохвальство, но оно
Порождено лишь дерзостью безмѣрной.
Я постараюсь, чтобъ мои слова
На дѣлѣ оправдалися,—иначе
Пусть никогда...

Аяксъ.

О, мой любезный братъ,
Не гнѣвайся. А ты Ахиллъ, угрозы
Оставь, пока лицомъ къ лицу васъ случай,
Или желанья рока не поставятъ.
Ты, если хочешь, можешь каждый день
Питаться Гекторомъ, коль хватитъ
Желанья твоего. А впрочемъ, я
Не думаю, что даже всѣмъ совѣтомъ
Уговорятъ тебя тягаться съ нимъ.

Гекторъ.

Я радъ тебя на полѣ битвы встрѣтить.
Съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ битву, мы
Въ войну играемъ только.

Ахиллъ.

Ты сраженья
Желаешь, Гекторъ? Что-же я готовъ
Къ тебѣ на бой грознѣе смерти выйти.
До завтра. А сегодня дружба!

Гекторъ.

Дай
Мнѣ руку въ знакъ взаимнаго согласья.

Агамемнонъ.

Пусть Греціи отважные вожди
Идутъ впередъ, въ шатеръ мой. Если-жъ дальше
У васъ желанье будетъ, у него—
Досугъ, къ себѣ вы приглашайте гостя.
При звукѣ трубъ и громѣ барабана
Пройдетъ нашъ другъ изъ вражескаго стана.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Улиса и Троила).

Троилъ.

Теперь, Улиссъ, скажи мнѣ, гдѣ палатка
Калхаса?

Улиссъ.

Онъ, свѣтлѣйшій принцъ, пока
Живетъ у Менелая. Мнѣ извѣстно,
Что онъ къ себѣ сегодня приглашалъ
Красавца Діомеда; тотъ, утративъ
Способность видѣть землю, небеса,
Влюбленнымъ взоромъ видитъ лишь Крессиду.

Троилъ.

Признателенъ тебѣ я буду, если
Проводишь ты туда меня, когда
Мы кончимъ пиръ въ шатрѣ Агамемнона.

Улиссъ.

Я радъ служить. Повѣдай только мнѣ,
Какой славой пользовалась въ Троѣ
Красавица Крессида? Можетъ быть,
Въ разлукѣ съ ней, о ней скорбитъ любовникъ?

Троилъ.

Насмѣшки и презрѣнія достоинъ,
Кто раной сердца хвастается самъ.
Иди впередъ,.. Прошу... Она любила...
Была любима... Любитъ и любима
И до сихъ поръ!... Но страсти такъ тревожны...
А женщины, какъ волны, ненадежны.

Древнегреческій воинъ. (Античная ваза въ Вѣнскомъ музеѣ древностей).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Греческій лагерь передъ палаткой Ахилла.

Входятъ Ахиллъ *и* Патроклъ.

Ахиллъ.

Въ немъ нынче кровь виномъ разгорячу я,
А завтра охлажу ее мечемъ.
Патроклъ, готовъ для гостя пиръ на славу!

Патроклъ.

Сюда идетъ Терситъ.

Входитъ Терситъ.

Ахиллъ.

Что, зависти волдырь,
Позорище природы, что случилось?

Терситъ. Вотъ письмо тебѣ, вывѣска своего ничтожества, кумиръ идіотовъ.

Ахиллъ. Откуда, оскребокъ человѣчества?

Терситъ. Изъ Трои, олицетвореніе дураковъ, изъ Трои.

Патроклъ. Кто теперь сторожитъ палатку?

Терситъ. Фельдшерская связка инструментовъ для больного, которому придется перевязывать рану.

Патроклъ. Мѣтко сказано, воплощенная безсмыслица, но только безцѣльно.

Терситъ. Молчи, молокососъ. Мнѣ прямой ущербъ болтовня съ тобою. Вѣдь ты мужская прислужница Ахилла.

Патроклъ. Какъ мужская прислужница! Что это значитъ, негодяй?

Терситъ. Ну, если хочешь, наложница. Чума, колотья, грыжа, параличъ, гніеніе печени—всѣ сорокъ черныхъ недуговъ, всѣ вы набросьтесь на эту сволочь за всѣ ея безобразія и грызите и глотайте, пока не уничтожите.

Патроклъ. Какъ смѣешь ты, гнусное скопище ядовитой зависти, такъ ругать и кляться!

Терситъ. Гдѣ же тутъ клятвы и ругательства?

Патроклъ. А развѣ нѣтъ, треснувшій боченокъ, выкидышъ разврата!...

Терситъ. Не клятвы и не ругательства, а истинная правда, потому ты и злишься, скверный мотокъ сырца, лоскутъ зеленой матеріи для гнойныхъ глазъ, кисточка отъ кошелька мота. О, боги, какъ зараженъ воздухъ смрадными тучами этихъ мошекъ, позорящихъ самую природу!

Патроклъ. Вонъ отсюда, тварь!

Терситъ. Ахъ ты воробьиное яйцоболтунъ.

Ахиллъ.

Мой другъ Патроклъ. Разбиты всѣ мечты
О завтрашнемъ сраженьи. Отъ царицы
Гекубы я посланье получилъ.
А въ немъ приписка дочери,—безцѣнной
Моей любви: мольбы не измѣнять
Имъ данной клятвѣ. И ее, клянусь,
Я не нарушу! Пусть погибнутъ греки
И честь моя и слава,—я теперь
Подвластенъ только сердцу. Помоги мнѣ,
Терситъ, для пира мой шатеръ убрать.
Ночь напролетъ мы будемъ пировать.
Пойдемъ, Патроклъ.

(Ахиллъ и Патроклъ уходятъ).

Терситъ. Да, благодаря обилію крови и недостатку мозга, обоимъ молодцамъ этимъ не трудно спятить съ ума. Но пусть я навѣки останусь лѣкаремъ въ домѣ умалишенныхъ, если они когда нибудь спятятъ съ ума по обратной причинѣ. А этотъ Агамемнонъ! Онъ ничего себѣ парень и большой любитель перепелокъ, а мозгу у него тоже не больше, чѣмъ сѣры въ ушахъ. А тотъ — чудесное превращеніе Юпитера въ быка, братецъ его, Менелай,—первобытный истуканъ, кривой символъ рогоносцевъ, жалкій рожокъ для напяливанія башмаковъ, пристегнутой вѣчно на цѣпочкѣ къ ногѣ своего брата!.. Гдѣ найдетъ соотвѣтствующую посуду для его ума острота, взбодренная злостью, или злость взбодренная остротой? Оселъ?... Нѣтъ онъ и оселъ и быкъ въ то же время. Будь я собакой, муломъ, котомъ, хорькомъ, жабой, ящерицей, селедкой безъ икры,—куда ни шло, но Менелаемъ!—нѣтъ слуга покорный! Я возмущусь противъ судьбы. Не допытывайтесь, чѣмъ бы я желалъ видѣть себя, еслибы не былъ Терситомъ, потому что не называть же вошь паршивца вмѣсто Менелая! А вотъ наши остряки идутъ сюда съ огнемъ.

Входятъ съ факелами Гекторъ, Троилъ, Аяксъ, Агамемнонъ, Улиссъ, Несторъ, Менелай *и* Діомедъ.

Агамемнонъ.
Мы сбилися съ пути.

Аяксъ.
Нѣтъ, вѣрно! Свѣтъ мелькаетъ.

Гекторъ.
Я безпокою васъ.

Аяксъ.
Нисколько!

Улиссъ.
Вотъ онъ самъ
Идетъ на встрѣчу намъ.

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ.
Привѣтъ, великій Гекторъ.
Добро пожаловать, достойные вожди.

Агамемнонъ.
Спокойной ночи, царственная отрасль
Могучей Трои! Стражею твоей
Начальствовать я поручилъ Аяксу.

Гекторъ.
Благодарю властителя, и самъ
Ему желаю доброй ночи.

Менелай.
Гекторъ,
Спокойной ночи.

Гекторъ.
Также и тебѣ,
Любезный Менелай, спокойной ночи.

Терситъ. Любезный Менелай. Не лучше-ли сказать: любезное отхожее мѣсто, Любезная сточная канава, помойная яма...

Ахиллъ.
Спокойной ночи уходящимъ. Всѣмъ
Оставшимся—привѣтъ.

Агамемнонъ.
Спокойной ночи.
(Уходитъ. За нимъ Менелай).
Маститый Несторъ остается здѣсь,
И ты останься, Діомедъ. Вотъ Гекторъ.
Мы попируемъ часъ-другой.

Діомедъ.
Нѣтъ, нѣтъ,
Любезный Ахиллесъ. Я долженъ
Спѣшить: дѣла есть важныя... Прощай,
Великій Гекторъ!

Гекторъ.
Руку!

Улиссъ *(тихо Троилу).*
Прямо слѣдуй
За факеломъ его. Стремится онъ
Къ шатру Калхаса. Я пойду съ тобою.

Троилъ.
О, царь Итаки, я благодарю
За эту честь. *(Діомедъ уходитъ, за нимъ Троилъ и Улиссъ).*

Гекторъ.
Ну, если такъ, прощайте.

Ахиллъ.
А мы въ шатеръ. *(Уходитъ съ Гекторомъ, Аяксомъ и Несторомъ).*

Терситъ. Этотъ Діомедъ—отъявленный бездѣльникъ, продувная бестія. Я склоненъ вѣрить его улыбкѣ не больше, чѣмъ ласковому шипѣнью змѣи. Ему обѣщать такъ же легко, какъ собакѣ лаять на вѣтеръ; что касается исполненія, если его предскажутъ звѣздочеты, берегись какого нибудь бѣдствія: солнце станетъ заимствовать у луны свой свѣтъ и прочее. Лучше ужъ я откажусь видѣть Гектора, а этого выслѣжу. Говорятъ, онъ связался съ этой троянской прелестницей и вѣчно трется подъ палаткой Калхаса. Пойду за нимъ. Куда ни плюнь,—развратъ. Всѣ гнусные развратники. *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Передъ шатромъ Калхаса.

Входитъ Діомедъ.

Діомедъ.
Эй, отзовитесь, кто не спитъ!

Калхасъ *(за сценой).*
А кто тамъ?

Діомедъ.
Я—Діомедъ. Калхасъ?... Гдѣ дочь твоя?

Калхасъ.
Сейчасъ придетъ къ тебѣ.

Входять Троилъ *и* Улиссъ. *Останавливаются въ отдаленіи. За ними* Терситъ.

Улиссъ.

Ты стань подальше,
Чтобъ насъ не освѣтило.

Входитъ Крессида.

Троилъ.

Вотъ къ нему
Крессида вышла.

Діомедъ.

Ну, мой другъ, что скажешь?

Крессида.

Мой милый охранитель, я пришла
Къ тебѣ на пару словъ. Послушай.
(Шепчутся).

Троилъ.

Боги!
Такая близость!

Улиссъ.

О, она мужчинъ
Какъ книги раскрываетъ.

Терситъ. Ну, да и ее раскрыть не трудно мужчинѣ. Было бы чѣмъ! А тогда читай безъ указки.

Діомедъ.

Будешь помнить?

Крессида.

О, буду помнить!

Діомедъ.

Значитъ, въ добрый часъ.
Лишь бы слова не расходились съ дѣломъ.

Троилъ.

О чемъ онъ проситъ помнить?

Улиссъ.

Слушай.

Крессида.

Нѣтъ,
О, милый грекъ, ты вкрадчивою рѣчью
Не соблазняй меня.

Троилъ.

Коварство!

Діомедъ.

Да?

Крессида.

О, выслушай.

Діомедъ.

Все, что-бъ ты ни сказала,
Все вѣроломствомъ будетъ.

Крессида.

Почему?
Что отъ меня ты требуешь?

Терситъ (*въ сторону*).

Э, вздоръ!
Не на словахъ согласье дать,—на дѣлѣ!

Діомедъ.

Не ты-ль ли клялась исполнить все?

Крессида.

Нѣтъ, нѣтъ!
Молю тебя, о, милый грекъ, я рада
Исполнить все... не это только. Нѣтъ!

Діомедъ.

Коль такъ, прощай.

Троилъ.

О, небо, ниспошли
Терпѣнье мнѣ! Терпѣнье!

Улисъ.

Что съ тобой!

Крессида.

О, Діомедъ, послушай!

Діомедъ.

Нѣтъ, прощай.
Я не хочу быть въ дуракахъ!

Терситъ.

Однако,
Другой и лучше, а остался имъ.

Крессида.

Постой, одно лишь слово.

Троилъ.

О, мученье!

Улиссъ.

Ты такъ взволнованъ! Поскорѣй уйдемъ.
Боюсь, твой гнѣвъ потокомъ словъ прорвется.
Опасное здѣсь мѣсто, да и часъ—
Зловѣщій часъ. Уйдемъ, уйдемъ отсюда.

Троилъ.

Постой, прошу тебя.

Улиссъ.

Нѣтъ, нѣтъ уйдемъ
Ты внѣ себя.

Троилъ.

Прошу, прошу, останься
О, адомъ я клянусь и мукой ада...
Я буду нѣмъ.

Діомедъ.

Итакъ, прощай.

ТРОИЛЪ ПОДСЛУШИВАЕТЪ РАЗГОВОРЪ КРЕССИДЫ СЪ ДІОМЕДОМЪ.
Картина знаменитой швейцарско-англійской художницы Анджелики Кауфманнъ (Angelica Kauffmann, 1741—1807).

Крессида.
Но ты
Разгнѣваннымъ уходишь?

Троилъ.
Это грустно
Тебѣ, созданье наглое?

Улиссъ.
А что
Ты говоришь недавно?

Троилъ.
Я Зевесомъ
Клянусь быть терпѣливымъ.

Крессида.
О, молю,
Останься здѣсь, защитникъ мой.

Діомедъ.
Я вижу,
Лукавишь ты.

Крессида.
Нисколько. О, побудь!

Улиссъ.
Ты весь дрожишь. Уйдемъ. Собой не въ силахъ
Ты овладѣть.

Троилъ.
Она его рукой
Ласкаетъ по щекѣ.

Улиссъ.
Уйдемъ скорѣе!

Троилъ.
Нѣтъ подожди! Я Зевсомъ поклялся
И не скажу ни слова. Отъ кровавой
Моей обиды волю отдѣляетъ
Стѣна терпѣнья. О, Улиссъ, побудемъ
Два-три мгновенья здѣсь!

Терситъ (*въ сторону*). А демонъ сла-

[illegible]страсти своимъ жирнымъ, толстымъ пальцемъ, такъ и щекочетъ обоихъ. Ну, разгорайся, похоть! Хорошенько разгорайся въ нихъ!

Діомедъ.

Теперь исполнишь?

Крессида.

О, клянусь, исполню.
Иль никогда не вѣрь мнѣ!

Діомедъ.

Дай въ залогъ
Мнѣ что нибудь.

Крессида.

Сейчасъ *(Уходитъ)*.

Улиссъ.

Ты далъ мнѣ слово
Быть терпѣливымъ.

Троилъ.

Брось сомнѣнья. Ты
Сейчасъ увидишь все мое терпѣнье.
Сознаніемъ я въ сердцѣ задушу
Страданія. Я буду весь терпѣнье!

Крессида *возвращается*.

Терситъ.

Посмотримъ твой залогъ.

Крессида.

Вотъ, Діомедъ,
Мой нарукавникъ.

Троилъ.

Красота! О, гдѣ-же,
Гдѣ вѣрность?

Улиссъ.

Будь-же терпѣливъ, Троилъ.

Крессида.

Ты смотришь на подарокъ мой, красавецъ?
Онъ твой! *(Про себя)*. О, вѣроломное созданье!
Троилъ тебя любилъ! *(Діомеду)*. О, нѣтъ, отдай
Его назадъ. Скорѣй!

Діомедъ.

Чей онъ былъ прежде?

Крессида.

Не все-ль равно. Отдай. Вотъ такъ. Я завтра
Къ тебѣ не выйду ночью, Діомедъ.
Не приходи и ты ко мнѣ. Молю я.

Терситъ. Теперь она его поджигаетъ. Искусно, надо сознаться.

Діомедъ.

Онъ будетъ у меня?

Крессида.

Какъ! Нарукавникъ?

Діомедъ.

Конечно, онъ.

Крессида.

О, драгоцѣнный даръ!
Твой господинъ покоится на ложѣ
И страстно вспоминаетъ обо мнѣ,
Вздыхая, онъ зоветъ меня, къ устамъ
Перчатку прижимаетъ и цѣлуетъ,
Какъ я тебя. Не отнимай его.
Кто у меня его отниметъ, сердце
Мое отниметъ.

Діомедъ.

Сердце отдала
Ты раньше мнѣ и, значитъ, нарукавникъ—
Мой!

Троилъ.

Я клялся терпѣть!

Крессида.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!
Я что нибудь въ подарокъ дамъ другое.

Діомедъ.

Его! Его! Но чей онъ раньше былъ?

Крессида.

Не все-ль равно?

Діомедъ.

Кому принадлежалъ онъ?

Крессида.

Тому, кто такъ любилъ меня, какъ ты
Во вѣки не полюбишь. Но ты хочешь,—
Возьми его.

Діомедъ.

Чей нарукавникъ? Чей?

Крессида.

Клянусь Діаною и дѣвственною свитой—
Ты не узнаешь этого!

Діомедъ.

На шлемъ
Нарочно завтра я пришпилю,
Что разозлить того, кто не дерзнетъ
Его назадъ потребовать.

Троилъ.

Ошибся!

Будь дьяволъ ты и я его сорву
Съ твоей башкой рогатой.

Крессида.

Полно, полно...
Ужъ то прошло... Нѣтъ, не прошло... Нѣтъ, нѣтъ!
Я не могу исполнить обѣщанья.

Діомедъ.

Коль такъ—прощай. Глумиться не тебѣ
Надъ Діомедомъ!

Крессида.

Не могу я слова
Произнести, чтобъ не сердился ты.

Діомедъ.

Я не терплю ломанья. Помни это.

Терситъ *(въ сторону)*. Я тоже не терплю этого, но теперь готовъ полюбить, чтобы не сойтись съ тобой въ чемъ нибудь. Клянусь Плутономъ.

Діомедъ.

Ну, чтожъ, придти мнѣ завтра?

Крессида.

Да. Я небомъ
Молю—прійди. Я истерзалась вся.

Діомедъ.

Такъ до свиданья.

Крессида.

Доброй ночи, милый.
А завтра жду тебя въ блаженный часъ.
(Діомедъ уходитъ). Прощай, Троилъ...
Еще одинъ мой глазъ
Тобою полнъ, другой-же съ сердцемъ скованъ
И отвернулся. Бѣдный ты нашъ полъ!
Ошибка глазъ—надъ нами произволъ.
И весь нашъ путь глазами заколдованъ.
Въ концѣ концовъ—пусть это между нами—
Бѣда душѣ, обманутой глазами!
(Уходятъ).

Терситъ.

Сильнѣй итогъ трудненько подыскать—
Себя осталось *сволочью* назвать.

Улиссъ.

Увы, Троилъ, все кончено!

Троилъ.

Да, вижу.

Улиссъ.

Чего-жъ мы ждемъ?

Троилъ.

Хочу я перебрать
Въ своемъ умѣ все, что здѣсь говорилось,
Все, до послѣдней думы. Но ужель,
Все повторивъ, всю правду этой сцены,
Я не солгу! Нѣтъ, все еще горитъ
Въ моей душѣ тоскующая вѣра,
Сверкаетъ лучъ надежды и она,
Безумная, не хочетъ... больно вѣрить
Своимъ глазамъ и слуху! Иль они
Для клеветы лишь созданы? Иль это
Былъ только призракъ... не Крессида?!

Улиссъ.

Я
Не вызыватель духовъ.

Троилъ.

Вѣрно, вѣрно...
То не она...

Улиссъ.

Невѣрная,—она!

Троилъ.

Но вѣдь не бредъ сомнѣніе мое!

Улиссъ.

Тѣмъ болѣе—не бредъ мои слова.
Крессида здѣсь была.

Троилъ.

О, ради чести женщинъ,
Всѣхъ женщинъ, дай разрушить это мнѣ.
Иначе въ руки мы даемъ оружье
Всѣмъ тѣмъ, что женщинъ презираютъ.
Вѣдь по ней
По этой... по Крессидѣ будутъ вправѣ
Судить о нашихъ матеряхъ. Скорѣй
Забудемъ, что была Крессида!...

Улиссъ.

Полно!
Чѣмъ можетъ такъ жестоко опозорить
Крессида нашихъ матерей!

Троилъ.

Ничѣмъ,
Ничѣмъ, конечно, если... если только
Ея здѣсь не было.

Терситъ. Онъ готовъ опровергать даже свои собственные глаза.

Троилъ.

О, если правда—здѣсь была Крессида,—
То не моя,—Крессида Діомеда!
У красоты есть сердце и, конечно,
То не она! Душа ведетъ къ святынѣ.
Боговъ святыня радуетъ и, если

Гекторъ.
Веселая игра!

Троилъ.
Нѣтъ, Гекторъ, нѣтъ,
Преглупая игра!

Гекторъ.
Какъ?!

Троилъ.
Состраданье
Оставимъ мы на долю матерей.
А мечъ въ рукахъ,—такъ пусть пылаетъ мщенье,
Пусть мчится мечъ на грозныя дѣла,
Пусть разгорается пожаромъ злоба
И милосердье гибнетъ подъ ударомъ.

Гекторъ.
Стыдись, дикарь, стыдись!

Троилъ.
Тогда къ чему
Война?

Гекторъ.
Я не желалъ бы, братъ мой,
Чтобъ нынче ты сражался.

Троилъ.
Кто меня
Удержитъ? Нѣтъ, ни рокъ, ни послушанье,
Ни самый Марсъ, хотя бы онъ жезломъ
Велѣлъ остановиться, ни молящій
Пріамъ, ни плачъ колѣнопреклоненной
Гекубы съ покраснѣвшими глазами
Отъ горькихъ слезъ, ни даже ты, мой Гекторъ!
Меня сразить ты можешь смертоноснымъ
Своимъ мечомъ, но не отрѣзать путь!

Возвращается Кассандра *съ* Пріамомъ.

Кассандра.
Отецъ, отецъ, держи его сильнѣе!
Онъ посохъ твой, и если только ты
Опору потеряешь въ немъ—и Троя,
Которой ты опорой, упадетъ.

Пріамъ.
О, Гекторъ! Возвратись домой. Послушай—
Твоей женѣ приснился мрачный сонъ,
Недоброе Кассандра сердцемъ чуетъ.
И твой отецъ, предчувствіемъ томимъ,
Тебя съ слезами молитъ: „О, останься!
Вернись домой. Несчастный нынче день".

Гекторъ.
Уже Эней сражается. Я грекамъ далъ
Торжественную клятву нынче быть
Въ сраженіи и показать воочью,
Чего, я стою.

Пріамъ.
Лишь не нынче.

Гекторъ.
Нѣтъ!
Я не нарушу клятву. Иль не знаешь
Ты, мой отецъ, что рыцарь чести я.
О, царственный Пріамъ! Родного сына
Не вынуждай отказывать тебѣ
Въ повиновеньи, иль презрѣть его.
Дай съ твоего согласія мнѣ выйти
Въ кровавый бой.

Кассандра.
Не уступай, Пріамъ.

Андромаха.
Не уступай, отецъ мой!

Гекторъ (*Андромахѣ*).
Огорчаешь
Меня ты. Именемъ любви прошу
Въ послѣдній разъ—уйди, уйди отсюда!
(*Андромаха уходитъ*).

Троилъ.
Всему виною ты, одна лишь ты,
Трусливая и глупая дѣвчонка.
Но вздоръ всѣ предсказанія твои!

Кассандра.
Прощай, о, дорогой о, милый Гекторъ!
Смотри, смотри, какъ умираешь ты!
Померкли очи, кровь течетъ ручьями...
Прислушайся, вотъ стонетъ Троя!... вотъ
Рыдаетъ Андромаха и Гекуба...
Отчаяніе, бѣшенство и ужасъ
Объяли всѣхъ... И общій вопль звучитъ;
„Гдѣ Гекторъ? Гдѣ нашъ Гекторъ? Умеръ Гекторъ!
О, Гекторъ! Гекторъ!"

Троилъ.
Замолчи! Уйди!

Кассандра.
Прощай... Нѣтъ стой... Мой Гекторъ,
Пріими мое послѣднее „прости".
Самообманомъ ты обманешь Трою.
(*Убѣгаетъ*).

Гекторъ.
О, мой отецъ и царь! Злымъ предсказаньемъ
Моей сестры ты пораженъ. Вернись

КАССАНДРА.
Картина Ромнея (George Romney, R. A. 1734—1802).

Скорѣй домой и успокой нашъ городъ.
Для славныхъ дѣлъ мы въ грозный бой идемъ.
О нихъ тебѣ разскажемъ мы потомъ.

Пріамъ.

Иди, мой сынъ—храни тебя, о небо!

(*Уходитъ въ одну сторону. Гекторъ—въ другую. За сценой шумъ битвы*).

Троилъ.

А, трубы загремѣли. Это Гекторъ
Въ бой ринулся. Иду и я за нимъ.
Ну, Діомедъ!.. Иль я паду со славой,
Иль нарукавникъ мой достанетъ мечъ кровавый!

Въ то время, какъ Троилъ *идетъ въ одну сторону, съ другой появляется* Пандаръ.

Пандаръ. Принцъ, принцъ! на одно слово!

Троилъ. Что такое?

Пандаръ. Письмо отъ этой бѣдной дѣвочки.

Троилъ. Прочтемъ.

Пандаръ. Рѣшительно, меня мучитъ эта собачья дочь—чахотка, подлая чахотка. Но не меньше ея мучатъ нелѣпыя неудачи этой дѣвчонки. Такъ или иначе, а мнѣ скорехонько прійдется распрощаться со всѣми вами. Ко всему этому—у меня глаза слезятся, а кости ломятъ до того, что я думаю, ужъ не порча ли это... Что она пишетъ?

Троилъ.

Слова, слова... Ни искренняго звука!
Вся искренность другому отдана.
(*Разрываетъ письмо и бросаетъ его по вѣтру*).
Лети, лети, о вѣтренность, по вѣтру
И вмѣстѣ съ нимъ кружись и измѣняйся.
Со мной она безжалостно играетъ.
Его даритъ любовью и ласкаетъ.

(*Хочетъ идти*).

Пандаръ. Что съ тобой? Послушай.

Троилъ.

Прочь, сводникъ, съ глазъ! Пускай и ночь и день
Тебя позоръ преслѣдуетъ, какъ тѣнь!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Равнина между Троей и греческимъ лагеремъ.

Шумъ битвы. Схватки. Входитъ Терситъ.

Терситъ. Кажется, начали лупцоваться. Пойти посмотрѣть. И этотъ каналья Діомедъ—тоже—прицѣпилъ къ своему шлему нарукавникъ этого щуплаго, безмозглаго троянца. Воображаю, какъ они схватятся! Я бы желалъ, чтобы троянскій оселъ, обожающій эту дѣвку, отнялъ бы у нашего развратника Діомеда свой нарукавникъ, а его самого отправилъ къ той сладострастной и лицемѣрной шкурѣ безъ признаковъ мужчины. А эта продѣлка нашихъ отъявленныхъ мошенниковъ!.. Этотъ Несторъ, покрытый плѣсенью, изъѣденный мышами кусокъ сыра! Эта помѣсь лисицы и собаки, именуемая Улиссомъ!.. Своими уловками, не стоющими и волчьей ягоды, они натравили ублюдка на такого-же пса—Ахилла, и теперь Аяксъ задралъ носъ выше Ахилла и объявилъ, что не пойдетъ драться,—хоть ты тресни. Въ просакъ попали молодцы и все искусство грековъ снизвели до варварства. Но—осторожность! Вотъ настоящій владѣлецъ нарукавника, а за нимъ прошедшій.

Вбѣгаетъ Діомедъ, *преслѣдуемый* Троиломъ.

Троилъ.

Стой, Діомедъ! Напрасныя попытки.
Не убѣжать тебѣ, и еслибъ даже въ Стиксъ
Ты бросился,—я-бъ поплылъ за тобою.

Діомедъ.

Ты бѣгствомъ называешь отступленье.
Я не бѣглецъ! Я вырвался въ просторъ,
Чтобы съ тобой свободнѣе сразиться.
Ну, берегись!..

Терситъ. Сильнѣе держись, грекъ, за свою потаскушку... Троянецъ... Ну-ну-ну... Хорошенько стой за нарукавникъ... За нарукавникъ его!

Діомедъ *и* Троилъ *удаляются, сражаясь*.

Входитъ Гекторъ.

Гекторъ.

Кто ты такой? По крови и дѣламъ
Достоинъ-ли ты съ Гекторомъ сразиться?

Терситъ. Нѣтъ, нѣтъ, какая тамъ кровь и дѣла! Я паршивая дрянь, клеветникъ и бездѣльникъ.

Гекторъ.

Живи—Я вѣрю. (*Уходитъ*).

Терситъ. Хвала небесамъ, что повѣрилъ. Но пусть возьметъ тебя чортъ за то, что ты напугалъ меня. Куда-же дѣвались эти развратники?—Ужъ не сожрали-ли они другъ друга? Вотъ потѣшило-бы меня такое чудо. А, впрочемъ, похоть и такъ сама себя пожираетъ. Пойду искать ихъ!

Уходитъ.

СЦЕНА V.

Появляется Діомедъ *и* слуга.

Діомедъ.

Пойди сюда. Возьми коня Троила
И отведи къ Крессидѣ. Передай
Ей отъ меня привѣтъ, скажи, что словно
Я проучилъ Троила и теперь
Вполнѣ ея достоинъ.

Слуга.

Все исполню.
(*Уходитъ*).

Входитъ Агамемнонъ.

Агамемнонъ.

Скорѣй туда! На помощь, Діомедъ!
Свирѣпый Полидамъ повергъ Менона
Маргарелонъ, ублюдокъ, взялъ Дорея
И, какъ колосъ, ногами попираетъ
Царей, сраженныхъ на смерть: Епострофа
И Цедія. Погибъ нашъ Поликсенъ
И ранены смертельно—Анфимахъ
Съ Ѳеадомъ, а Патроклъ иль плѣнникъ,
Иль также трупъ. Изрубленъ Пеламедъ.
Какой-то разъярившійся Центавръ
Войска въ смятенье дикое приводитъ.
Спѣши на помощь, Діомедъ, иль мы
Погибнемъ всѣ.

Входитъ Несторъ.

Несторъ.

За мной! Вы трупъ Патрокла
Къ Ахиллу отнесите. Пусть Аяксъ,
Лѣнивая улитка, устыдится
И схватится за мечъ. Тамъ не одинъ
Отважный Гекторъ—тысячи! То здѣсь онъ
На боевомъ конѣ своемъ Галатѣ,
То—пѣшій—тутъ. Всѣ передъ нимъ бѣгутъ,
Всѣ падаютъ, какъ мелкая рыбешка предъ китомъ.
Онъ сразу тамъ и здѣсь... вездѣ и всюду!
То грековъ въ плѣнъ беретъ, то на-смерть бьетъ,
И ловкостью своей съ отвагой споритъ.
Онь чудеса такія совершаетъ,
Что кажется—все это лишь во снѣ.

Входитъ Улиссъ.

Улиссъ.

Мужайтеся, ахейскіе герои.
Я видѣлъ самъ: великій нашъ Ахиллъ
Съ рыданьями, съ проклятьями, съ обѣтомъ
Губительнаго мщенія схватилъ
Доспѣхи боевые. Смерть Патрокла
Въ немъ распалила стынущую кровь,
А видъ разбитыхъ жалкихъ мирмедонцевъ
Кровавыхъ, изуродованныхъ на смерть
И проклинавшихъ Гектора, сильнѣе
Разжегъ въ немъ гнѣвъ. Аяксъ лишился друга
И также, съ пѣной на губахъ, схватилъ
Оружіе и ринулся на битву,
Крича: „Троилъ! Подайте мнѣ Троила!"
А нынче тотъ, не менѣе, чѣмъ братъ,
Прославится кровавыми дѣлами.
Онъ съ удалью и мощью беззаботной
Проносится и дерзко и легко
Надъ самой смертью, точно счастье нынче
Летитъ предъ иимъ, наперекоръ всему.

Входитъ Аяксъ.

Аяксъ.

Гдѣ трусъ Троилъ?

Діомедъ.

Онъ тамъ. За нимъ! (*Аяксъ уходитъ*).

Несторъ.

Такъ вмѣстѣ!

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ.

Гдѣ Гекторъ! Гдѣ дѣтей убійца злобный?
Пусть онъ покажетъ подлое лицо
И поглядитъ, каковъ Ахиллъ во гнѣвѣ.
Гдѣ Гекторъ? Гдѣ? Мнѣ нуженъ только онъ.
(*Убѣгаетъ*).

СЦЕНА VI.

Другая часть поля.

Появляется Аяксъ.

Гдѣ, гдѣ Троилъ? Пусть только носъ покажетъ
Трусишка мнѣ!

Входитъ Діомедъ.

Діомедъ.

Троила! Гдѣ Троилъ?

АЯКСЪ.
Зачѣмъ тебѣ онъ?

ДІОМЕДЪ.
Проучить мальчишку.

АЯКСЪ.
Будь предводитель я, я-бъ уступилъ свой санъ
Скорѣй, чѣмъ это счастье... Гдѣ онъ скрылся?
Троилъ! Троилъ!

Вбѣгаетъ ТРОИЛЪ.

ТРОИЛЪ.
Гдѣ Діомедъ? Гдѣ онъ?
Взгляни въ глаза мнѣ, лжецъ, обманщикъ низкій,
И поплатися жизнью за коня.

ДІОМЕДЪ.
А, наконецъ-то, ты передъ врагами!

АЯКСЪ.
Товарищъ, стой! Съ нимъ биться буду я.

ДІОМЕДЪ.
Нѣтъ, нѣтъ, моя добыча! Я не только
Свидѣтель боя!

ТРОИЛЪ.
Здѣсь мы не для словъ.
Я васъ двоихъ на битву вызываю.
(Уходятъ сражаясь).

Появляется ГЕКТОРЪ.

ГЕКТОРЪ.
Гдѣ мой Троилъ? Гдѣ братъ мой? Нынче бьется
Онъ хорошо.

Входитъ АХИЛЛЪ.
А, наконецъ-то я
Тебя нашелъ. Ну, Гекторъ, берегися!...
Теперь ты мой!

ГЕКТОРЪ.
Ой, прежде отдохни!

АХИЛЛЪ.
Противна мнѣ твоя любезность, гордый
Троянецъ! ты ужъ счастливъ тѣмъ сейчасъ,
Что все мое оружье притупилось.
Бездѣйствіе невольное щадитъ
Жизнь Гектора, но ты меня увидишь!
Теперь живи и жди своей судьбы.

ГЕКТОРЪ.
Прощай. *(Ахиллъ уходитъ).* Ну, еслибъ я предвидѣлъ встрѣчу,—
Сберегъ бы силъ немного для тебя.

Входитъ ТРОИЛЪ.

ГЕКТОРЪ.
Что, милый братъ?

ТРОИЛЪ.
Аяксъ взялъ въ плѣнъ Энея,
Допустимъ-ли мы это! Нѣтъ, клянусь
Огнями неба, что его я вырву
Изъ вражьихъ рукъ, иль самъ паду. О, рокъ!
О, грозный рокъ! Ты слышишь эту клятву?
Не все-ль равно, когда ни умирать!
(Убѣгаетъ).

Появляется ВОИНЪ *въ великолѣпномъ вооруженіи.*

ГЕКТОРЪ.
Нарядный грекъ, ни съ мѣста! Ты по виду
Вполнѣ достоинъ моего меча.
Не хочешь? Мнѣ пришлися такъ по вкусу
Твои доспѣхи, что—одинъ ударъ,
И я собью всѣ пряжки. Нѣтъ, не хочешь?
Бѣги-же, если трусишь, негодяй,
А я, свидѣтель небо, не оставлю
Тебя, покуда шкуру не сдеру.
(Оба уходятъ).

СЦЕНА VII.

Другая часть того-же поля.

АХИЛЛЪ.

Сюда, сюда стекайтесь, мирмидонцы,
И слушайте, что я скажу. Меня
Живымъ кольцомъ замкните вы средь битвы
И ринемтесь впередъ, не нанося
Ни одного удара, вплоть до встрѣчи
Съ злодѣемъ Гекторомъ. Тогда всю свѣжесть силъ
Вы на него обрушьте! Окружите
Его стѣною копій и мечей,
Колите, бейте, рѣжьте безпощадно.
Теперь—за мной, товарищи! Впередъ!
Пусть Гекторъ славенъ,—нынче онъ умретъ!
(Уходитъ).

Появляются ПАРИСЪ *и* МЕНЕЛАЙ. *За ними*—ТЕРСИТЪ.

ТЕРСИТЪ. Эге! Рогоносецъ сцѣпился съ тѣмъ, кто ему приставилъ рога. Ну, быкъ! ну, щенокъ... Живѣе! Кусай его, Парисъ... Что-же ты... Ой, ой, быкъ одолѣваетъ. Берегись, у него здоровенные рога!

Парисъ *и* Менелай *удаляются.*

Входитъ Маргарелонъ.

Маргарелонъ.
Рабъ, повернись ко мнѣ и защищайся.

Терситъ.
Кто ты?

Маргарелонъ.
Побочный сынъ Пріама.

Терситъ. Я тоже побочный. Побочные мнѣ по душѣ. Я побочно рожденъ, побочно воспитанъ, побочно уменъ, побочно храбръ... Я побочный во всѣхъ статьяхъ. И медвѣди не кусаютъ другъ друга, такъ зачѣмъ же станетъ кусать побочный побочнаго. А сверхъ того, ссора не принесла бы намъ счастья. Сынъ распутницы, вступаясь за распутницу, самъ врядъ-ли распутается за это передъ богами. Прощай, побочный!

(*Уходитъ*).

Маргарелонъ. Чортъ бы тебя побралъ, трусъ. *(Уходитъ).*

СЦЕНА VIII.

Другая часть поля битвы.

Входитъ Гекторъ.

Такая гниль въ прекрасной оболочкѣ!
Доспѣховъ блескъ принесъ тебѣ мракъ смерти.
На этотъ день довольно. Ты, мой мечъ,
Напился крови до-сыта и жадно...
Вкуси покой. Здѣсь такъ дышать отрадно.

(Снимаетъ шлемъ и щитъ и кладетъ оружіе за собою).

Ахиллъ.
А, Гекторъ, ты! Смотри, садится солнце...
Зловѣщее дыханье затая,
Подходитъ ночь, а съ ней и смерть твоя.

Гекторъ.
Стыдись, Ахиллъ—гляди, я безоруженъ.

Ахиллъ.
Сюда! ко мнѣ! Вотъ тотъ, кто былъ мнѣ нуженъ!
Убить его. *(Мирмидонцы бросаются на Гектора. Онъ падаетъ).*
Оплотъ враговъ сраженъ!
Погибъ ихъ умъ и сила. Иліонъ!
Такъ рухнешь ты и царственная Троя!
Здѣсь все твое могущество земное.
Идемте, мирмидонцы! „Гекторъ палъ"!
Кричите такъ, чтобъ воздухъ задрожалъ!
(За сценой трубятъ отступленіе).
Что это? трубы грековъ! Отступленье!

Мирмидонецъ.
Трубятъ троянцы тоже.

Ахиллъ.
Ночь кругомъ
Раскинулась драконовымъ крыломъ
И, какъ судья, воюющихъ разводитъ.
Мой мечъ еще насыщенъ не вполнѣ...
Но Гекторъ палъ. Одна лишь смерть здѣсь бродитъ.
Мой мечъ, пора подумать и о снѣ!
(Мечъ влагаетъ въ ножны).
Къ хвосту коня я этотъ трупъ привѣшу
И съ нимъ промчусь и грековъ имъ потѣшу.
(Уходитъ).

СЦЕНА IX.

Другая часть равнины.

Съ барабаннымъ боемъ входятъ Агамемнонъ, Аяксъ, Менелай, Несторъ, Діомедъ *и др. За сценой радостные крики.*

Агамемнонъ.
Прислушайтесь, что тамъ за ликованье?

Несторъ.
Молчите, барабаны...

За сценой голоса.
О, хвала!
Хвала Ахиллу! Гекторъ палъ, сраженный
Ахилломъ! О, хвала! хвала! хвала!

Діомедъ.
Толпа кричитъ, что Гектора не стало:
Палъ отъ руки Ахилла онъ!

Аяксъ.
И что-жъ!
При чемъ-же здѣсь ликующіе крики?
Гордиться нечѣмъ. Гекторъ былъ великій,
Ну, а Ахиллъ—поменьше.

Агамемнонъ.
Такъ впередъ,
Впередъ, друзья! Пускай Ахиллъ пріидетъ
Ко мнѣ въ шатеръ. Смерть Гектора отрада
Такая намъ, что лучше и не надо.
Хвала богамъ... Окончена война,
И Троя вся на смерть обречена.
(Уходятъ).

АХИЛЛЪ: „ГЕКТОРЪ ПАЛЪ!“
Рисунокъ Джильберта (*Gilbert*).

СЦЕНА X.

Другая часть поля.

Входятъ Эней, Парисъ, Антеноръ и Дейфобъ.

Эней.
Эй, стойте здѣсь. За нами поле битвы.
Хоть впроголодь, а мы ночуемъ здѣсь.

Вбѣгаетъ Троилъ.

Троилъ.
Нашъ Гекторъ палъ!

Троянцы.
Палъ Гекторъ! Боги! Боги!

Троилъ.
Убитъ.. Убитъ! А гнусный побѣдитель
Трупъ привязалъ къ хвосту коня и мчитъ,
Ругаяся, позорнымъ полемъ битвы.
Его! Его! Достойнѣйшаго! Небо,
Затмися тучами и разразись громами!
А вы, о, боги, съ царственныхъ высотъ
Улыбкой ясной Трою озарите,—
И если ей погибнуть суждено,—
Скорѣй! Скорѣй!

Эней.

Ты опечалишь войско
И бодрости лишишь его, Троилъ.

Троилъ.

Нѣтъ, ты меня не понялъ. Не о бѣгствѣ
И не о страхѣ смерти я кричу—нѣтъ нѣтъ!
Я брошусь самъ туда, гдѣ есть опасность...
Но Гекторъ умеръ! Кто пойдетъ туда
Съ такою вѣстью страшною?... Къ Пріаму!?
Къ Гекубѣ!? Пусть, кто хочетъ слыть совой,
Тамъ, въ Иліонѣ скажетъ: „Гекторъ умеръ".
Двухъ словъ такихъ довольно, чтобъ Пріамъ,
Старикъ отецъ нашъ—обратился въ камень,
Всѣ дочери—въ потоки слезъ, всѣ жены—
Въ скорбящихъ Ніобей, вся молодежь
Въ нѣмыя изваянія, а Троя—
Въ страшилище себѣ. Идемъ... Идемъ!
Нѣтъ Гектора и больше словъ не надо.
Иль—нѣтъ еще! Вы, гнусныя палатки,
Вы подлые ахейскіе шатры,
Разбитые здѣсь на поляхъ фригійскихъ—
Внемлите! Пусть вашъ выскочка Титанъ
За васъ возстанетъ грудью,—я проѣду
Межъ вашими рядами завтра. О, подлый,
О, вѣроломный трусъ! Ни время, ни пространство
Моей вражды къ тебѣ не отдѣлятъ!
Преслѣдовать я буду неустанно
Тебя вездѣ, какъ совѣсть, и терзать,
Терзать твой умъ мучительнымъ укоромъ,
Я горе задушу въ своей груди,
Чтобы тебѣ отмстить за смерть героя...
Звучи труба! Насъ ждетъ родная Троя!

Эней *и* троянцы *уходятъ. Въ то время, когда за ними собирается слѣдовать* Троилъ, *съ противоположной стороны появляется* Пандаръ.

Пандаръ.

Послушай, послушай, Троилъ.

Троилъ.

Прочь! сводникъ! прочь! Пускай и ночь и день
Тебя позоръ преслѣдуетъ, какъ тѣнь.
(*Уходитъ*).

Пандаръ. Что-жъ, это будетъ хорошее средство противъ моей ломоты. О, свѣтъ, свѣтъ! Вотъ какъ въ тебѣ презираютъ бѣдныхъ посредниковъ. О, предатели и сводники! Какъ васъ запрягаютъ, когда надо, и какъ скверно вознаграждаютъ! Не понимаю, отчего такъ любятъ ваши услуги и такъ презираютъ ваше ремесло! Какой бы стишокъ приспособить къ этому? Поищемъ...

Пока у пчелки въ лапкахъ медъ,
Она рѣзвится и поетъ,
Но чуть лишилась она жала—
И медъ и пѣсни,—все пропало.

Да, друзья мои, торгующіе человѣческимъ мясомъ,—зарубите себѣ это на носу.

Когда средь васъ, о, милые друзья,
Есть хоть одинъ, кто боленъ такъ, какъ я,
Пусть онъ слезу надъ Пандаромъ уронитъ,
А нѣтъ слезы—отъ боли пусть застонетъ...
О, всѣ вы, всѣ съ такимъ-же ремесломъ!
Въ наслѣдство я оставлю вамъ свой домъ..
Но не сейчасъ... Молю васъ подождать.
Я чистъ душой, но мнѣ страшны, о братья,
Шипѣнье, свистъ винчестерскихъ гусей...
Но не хочу томить я васъ, ей-ей!
И на прощанье, если вамъ въ охоту,
Я завѣщать могу свою ломоту!

(*Уходитъ*).

А. Федоровъ.

КАПИТОЛІЙСКАЯ ВОЛЧИЦА.

(Античная бронза, вѣроятно IV вѣка до Р. Х.; сосущіе волчицу Ромулъ и Ремъ—придѣланы въ XVI вѣкѣ).

лана, который, съ другой стороны, видитъ въ нихъ только сволочь, только одну сплошную, презрѣнную и воняющую чернь, трусливую и мятежную: „подъ знаменами, чѣмъ удальство свое вы показали? одними бунтами. У васъ на спинахъ рубцы и краснота, а въ лицахъ блѣдность смерти. Какъ понята угодливость сената желудкамъ черни?.. Сами мы возростили сѣмя злое, позволивши съ собой смѣшаться черни и власти часть отдавши этимъ нищимъ (beggars)“. Съ своими противниками Коріоланъ не разсуждаетъ, не споритъ, онъ просто только ругается: „пусть вонь и смрадъ идутъ отъ васъ по воздуху!“ По его словамъ, трибуны были избраны „среди бунта, въ смутный часъ, когда была закономъ сила. Эта власть, распавшаяся на двое, сведетъ Римъ къ ничтожеству“ (д. III, явл. 1). Поразительно въ этихъ словахъ полнѣйшее непониманіе смысла римской исторіи. Въ 509 г. изгнанъ послѣдній царь, Тарквиній. Четырнадцать лѣтъ спустя (495 г.) произошелъ не бунтъ, а уходъ лучшей части плебса, возвращающагося съ побѣдоноснаго похода на Святую гору (у впаденія Аніо въ Тибръ) для основанія здѣсь новаго города. Риму грозило распаденіе не власти, но города, и сведеніе города Рима къ ничтожеству. Безъ всякаго насилія, посредствомъ одного самообладанія и строгой оппозиціонной выдержки плебеи заставили патриціатъ заключить съ ними договоръ, сплотившій единство распадающихся частей.

Цементомъ этого соглашенія было учрежденіе института народныхъ трибуновъ, сначала только двухъ, причемъ избраны были тѣ самые, которые представлены въ трагедіи въ каррикатурномъ видѣ: Сициній и Юній Брутъ. Трибуны оказались отличными организаторами, получили право пріостанавливать распоряженія консуловъ, устроили плебейскія народныя собранія по трибамъ, пріобрѣли и судейскую власть и сдѣлались неприкосновенными (sacrosancti). Посягательство на отмѣну трибуната было равносильно покушенію произвести государственный переворотъ въ реакціонномъ духѣ, за что Коріоланъ могъ на законномъ основаніи поплатиться сверженіемъ съ Тарпейской скалы или изгнаніемъ. Шекспиръ смотрѣлъ, конечно, на древній Римъ въ V вѣкѣ до Р. Хр. сквозь призму своего XVII вѣка послѣ Р. Хр. Онъ и называетъ патриціевъ gentry и nobles, а плебеевъ commoners. По справедливому замѣчанію Стапфера (Shakespeare et l'Antiquité. 1879). Шекспировскій Коріоланъ имѣетъ видъ средневѣковаго рыцаря въ латахъ, съ высоты своего сѣдла обращающагося къ вилланамъ и невольникамъ. Высота его презрѣнія никакъ необъяснима при древнеримской системѣ, уравнившей уже при царѣ Сервіѣ Тулліѣ всѣ классы въ одинаковомъ несеніи воинской повинности и патриціями, и плебеями. Шекспиръ смѣшалъ всю народную массу съ чернью, а въ особенности съ городскою чернью, и относится къ этой черни недружелюбно не потому только, чтобы того требовалъ заимствованный имъ у Плутарха сюжетъ, но потому, что ненависть къ грубой толпѣ была у него субъективная, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ его душевною организаціею и съ особенностями его личнаго положенія въ обществѣ, какъ актера и писателя. По натурѣ своей онъ былъ въ полномъ значеніи этого слова аристократъ, таковъ же, какъ тѣ вельможи, которые вели съ нимъ знакомство и ему покровительствовали. Причины недолюбливанія черни могутъ быть различны. Можно имѣть физическое отвращеніе къ тому, что воняетъ лукомъ, чеснокомъ, плохимъ виномъ, сквернымъ сыромъ, что нечистоплотно, гудяще и шумливо. Перенесемся мысленно въ шекспировскій театръ. Кругомъ вдоль стѣнъ сцены и даже на переду ея сидятъ и лежатъ знакомые люди, тонкіе цѣнители, а внизу, гдѣ накурено, есть помѣщеніе для стоящихъ зрителей, для такъ называемыхъ the understanding gentleman on the ground. Каждую идею, каждый намекъ автора хватали налету тонкіе цѣнители, но идеи съ трудомъ проникаютъ въ головы толпы, не увлекаютъ ихъ, а между тѣмъ она рѣшаетъ вопросъ объ успѣхѣ и при случаѣ можетъ попотчивать актеровъ гнилыми яблоками и орѣхами. Было еще и другое обстоятельство, разобщавшее Шекспира съ среднимъ классомъ, съ англійскими коммонерами. Въ XVII вѣкѣ совершался переходъ отъ феодальнаго, дворянскаго самодержавія къ парламентскому народоправству, къ которому примкнули отдѣлившіеся отъ аристократіи элементы. Подходящую новую волну двигали впередъ соединенныя силы двухъ смыкающихся въ одну революцій: религіозной (пуританской) и республиканской. По имѣвшему огромное значеніе въ движеніи религіозному элементу его, должно было вымести все искусство и закрыть театры, какъ сатанинское изобрѣтеніе. Шекспиръ не могъ поэтому сочувствовать пуританамъ. По своему призванію и убѣжденіямъ онъ былъ на сторонѣ

дворянскаго самодержавія, имѣвшаго въ лицѣ Якова I самаго плохого и малоуважаемаго представителя. Политическія мечты и надежды Шекспира были безповоротно разбиты еще при королевѣ Елисаветѣ съ паденіемъ Эссекса и его партіи. Послѣ этой неудачи не было въ Англіи настоящей аристократіи, будущее представлялось безнадежнымъ, наступало, на взглядъ Шекспира, вырожденіе, разложеніе. Послѣдній періодъ шекспировскаго творчества, включительно до „Тимона“, запечатлѣнъ сильно пессимистическимъ настроеніемъ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, сознающимъ свое безконечное превосходство и свой разладъ съ окружающей средою. Въ немъ усиливались антидемократическія чувства, которыя ему помѣшали оцѣнить Ю. Цезаря по его достоинству и даже понять, въ чемъ заключалась мощь Аѳинъ при Периклѣ и Рима въ пуническихъ войнахъ, то есть уразумѣть, что только одемократившаяся городская община, послѣ окончательной отмѣны привилегій патриціата и установленія полной равноправности всѣхъ гражданъ, пріобрѣла достаточную притягательную силу для завладѣнія не только Италіею, но и всѣмъ бассейномъ Средиземнаго моря. Отрицательное отношеніе Шекспира къ толпѣ и большинству усилило въ немъ культъ героевъ и представленіе о томъ, что общество состоитъ изъ немногихъ крупныхъ единицъ и изъ безчисленныхъ нулей. Въ его воображеніи обрисовался одинъ такой герой сильнѣе Геркулеса, гордый, неудержимый и притомъ какихъ то сверхчеловѣческихъ размѣровъ, которые даются людямъ только въ эпосѣ, а не въ дѣйствительности. Несомнѣнно, что въ этого Коріолана Шекспиръ вложилъ нѣкоторую долю своего личнаго пренебреженія къ толпѣ. Почти всю трагедію наполняетъ собою одинъ Коріоланъ. И его друзья патриціи, и его противники: народъ и трибуны мелки и ничтожны, они хватаютъ ему, можно сказать, только по поясъ. Все произведеніе удивительно цѣльное. Оно есть трагедія характера, а въ этого рода трагедіи Шекспиръ не имѣетъ себѣ равнаго. Коріоланъ есть геройское лицо, трагически, роковымъ образомъ погибающее отъ оборотной стороны тѣхъ качествъ, которыя составляютъ его величіе: огневого необузданно порывистаго нрава, съ которымъ онъ не въ силахъ совладать. По своему темпераменту Коріоланъ импульсивный человѣкъ, дѣйствующій всегда по первому влеченію. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшей доли государственности, умѣнія выжидать, лгать, отмалчиваться, хитрить и лицемѣрить. Онъ самъ это сознаетъ: „пусть римлянамъ буду я служить по моему, чѣмъ править ихъ дѣлами по ихнему“. Онъ исключительно только солдатъ, умѣющій командовать и неудержимый, сражающійся оригинально, но не по-римски и безъ благородства, постоянно кричащій и ругающійся, какая то „смѣсь быка со львомъ“ (Чуйко, Шекспиръ 1889). Этотъ сказочный боецъ сильнѣе цѣлаго войска. По Плутарху, онъ ворвался въ Коріолы съ небольшимъ числомъ ратниковъ. Шекспиръ превзошелъ Плутарха. Его Коріоланъ проникаетъ къ Коріолы единолично, выходитъ изъ нихъ весь кровавый и покрытый ранами и передаетъ, что „три часа сражался до-сыта“. Когда онъ явился въ Акціумъ уже изгнанникомъ, Авфидій величаетъ его просто „Марсомъ“, вольски водятся съ нимъ будто съ „сыномъ и наслѣдникомъ Марса“. И честолюбіе у Коріолана не гражданское, а только солдатское, и притомъ въ средневѣковомъ стилѣ странствующихъ рыцарей. Въ Римѣ нѣтъ человѣка, который въ бою могъ бы съ нимъ сравняться. Единственнымъ бойцомъ, съ которымъ бы ему хотѣлось состязаться, считаетъ онъ Туллія Авфидія, предводителя вольсковъ: „такого льва не скоро встрѣтишь; если бы не собою, то имъ конечно хотѣлъ-бы быть“. Въ концѣ концовъ, Авфидій побѣждаетъ Коріолана, но не силою мышцъ и не силою оружія, а только политикою („не силой, такъ коварствомъ я добуду себѣ побѣду надъ моимъ врагомъ“, говоритъ Авфидій въ д. 1, явл. 10).

По государственному уму Коріоланъ сущій ребенокъ по сравненію съ своею матерью Волумніею, начерченною прямо по Плутарху. Морозный холодъ вѣетъ отъ этой величавой, но суровой матроны римлянки, которая сыну говоритъ: „я строптивѣе, чѣмъ ты“, и увѣряетъ, что если бы имѣла двѣнадцать сыновей, то легче перенесла бы гибель одиннадцати изъ нихъ за отечество, нежели трусливую и праздную жизнь послѣдняго. При изображеніи Коріолана Шекспиръ существенно отступилъ отъ Плутарха, изобразившаго его какъ лицо, всѣмъ вообще непріятное по вспышкамъ гнѣва, жестокосердію, упрямству и спеси. Шекспиръ сдѣлалъ его добрымъ и отзывчивымъ по отношенію, если не ко всѣмъ, то къ патриціямъ, притомъ весьма и до избытка откровеннымъ, чѣмъ и привлекаетъ къ нему пу-

блику. Тѣсная связь, неодинаковой впрочемъ съ обѣихъ сторонъ, любви соединяетъ сына съ матерью. Въ народѣ говорятъ, что Марцій „не для родного края, а изъ любви къ матери своей и изъ тщеславія дрался за отечество“; она воспитала его и сдѣлала его тѣмъ воиномъ, какимъ онъ есть (д. V, явл. 3). Она—сухая женщина—вселила въ него и то аристократическое высокомѣріе, вслѣдствіе котораго онъ привыкъ смотрѣть на плебеевъ, какъ на людей низшей породы, которымъ чужды чувства отваги и чести. „Дивлюсь я одному, говоритъ Коріоланъ (д. III, явл. 2), что мать моя, звавшая всегда этихъ вассаловъ въ овчинкахъ (woollen vassals) презрѣнными рабами, торгашами, безумными зѣваками въ собраніяхъ, гдѣ о войнѣ и мирѣ говорятъ достойнѣйшіе люди, теперь мои поступки осуждаетъ“. Это воспитаніе, которымъ Марцій обязанъ матери, было одностороннее. Оно не пріучило его уравновѣшивать свои страстные порывы, всегда доходящіе до крайностей, а можетъ быть, онъ былъ и по темпераменту неподатливъ внушеніямъ здраваго разсудка, которыя преподаетъ ему мать уже слишкомъ поздно, въ самый моментъ разражающейся катастрофы: „ты облекись сначала во власть, а потомъ изнашивай ее; знай, что должно вспышки чувства гнѣва сдерживать. Какъ на войнѣ не стыдно скрывать свои намѣренія и обманывать врага, зачѣмъ не дѣлать такъ и безъ войны... Иди, скажи плебеямъ, что ты ихъ воинъ, что въ бояхъ ты взросъ и кротостью не могъ обогатиться... Но что, любя народъ, намѣренъ ты перемѣнить себя и стать такимъ, какъ граждане желаютъ справедливо“. Коріоланъ дѣлаетъ сверхъестественныя усилія, чтобы исполнить эти внушенія здраваго смысла: „прочь, гордость честная! пусть поселится во мнѣ душа развратницы. Пусть голосъ, покрывавшій когда-то звуки трубъ, поспоритъ съ рѣчью евнуха пискливой... Я буду лгать и ворочусь домой любимцемъ римской черни!“ Напрасныя усилія! Коріоланъ неспособенъ притворяться. Первый грубѣйшій подвохъ трибуновъ въ народномъ собраніи приводитъ Коріолана въ бѣшенство и выкидываетъ его, такъ сказать, изъ его сѣдла. Онъ вспылилъ, и всѣ благія его пожеланія улетучились. Оказалось, что трибуны лучше его знали, нежели онъ себя самъ, и играли съ нимъ навѣрняка. Намъ приходится заглянуть въ его душу и опредѣлить выдающіяся ея качества.

Главная патологическая черта у Коріолана та, которая прямо и указана авторомъ. Это до невѣроятныхъ размѣровъ доходящая гордость, подавляющая въ Марціѣ все хорошее и дѣлающая его опаснымъ и для его отечества, которое онъ своими военными способностями возвысилъ. Гордость, хотя бы соединенная съ пренебреженіемъ другихъ, не всегда бываетъ порокомъ. Въ ней можетъ выражаться сознаніе своего превосходства и достоинства, чуткое чувство своей и сословной чести. Она становится нелѣпою и вырождается въ явную несправедливость, когда въ ней говоритъ духъ касты, когда она выражается въ непризнаніи людьми, считающими себя принадлежащими къ какой-то высшей породѣ, никакого достоинства въ низшей породѣ, никакого добра, никакихъ правъ даже на то, чтобы ѣсть и жить. Коріоланъ возмущается, что плебеи „смѣли пословицы намъ повторять, что съ голода и крѣпости сдаются, что кормъ собакамъ нуженъ, что отъ неба ниспосланъ хлѣбъ не богачамъ однимъ“. „Хлѣба они хотятъ; хлѣба много по ихъ словамъ. Когда бъ сенатъ держалъ себя построже и мнѣ съ мечомъ позволилъ на нихъ напасть, изъ этихъ мертвыхъ гадовъ я навалилъ бы гору, вышиною въ мое копье“. Это презрѣніе къ плебсу одинаково у Марція и у его матери, а можетъ быть, и у многихъ другихъ, напримѣръ у Менёнія Агриппы, который популяренъ у плебеевъ, потому что ихъ не ругаетъ, а только осмѣиваетъ. Въ своей аристократической средѣ Марцій нѣжный отецъ и мужъ, добрый товарищъ, почтительный къ старшимъ, не добивающійся власти и охотно идущій на враговъ подъ командою Коминія. Но гордость Коріолана не держится на одномъ этомъ сословномъ корнѣ. Она несравненно шире: она чудовищна по своимъ размѣрамъ, и притомъ она вполнѣ эгоистическая. Въ сердцѣ его интересы и патриціата, и Рима имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Онъ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считается, въ цѣломъ мірѣ онъ только одинъ; что онъ призналъ, то правда, что онъ рѣшилъ, то благо. Народъ и трибуны обвиняютъ его въ хвастливости, въ тщеславіи, но это чистѣйшее недоразумѣніе. Тщеславенъ Мененій Агриппа, который страшно любитъ, чтобы его хвалили, но Коріоланъ терпѣть хваленій не можетъ, уходитъ изъ собранія, когда заводятъ рѣчь о его ранахъ, которыя онъ называетъ царапинами, потому что, каковы бы ни были похвалы,

онѣ не могутъ соотвѣтствовать его заслугамъ. Онъ уклонился послѣ взятія Коріолъ и отъ десятины въ добычѣ („не привыкъ я плату принимать за дѣло брани"). Онъ на видъ скроменъ, но это есть смиреніе паче гордости. Зато онъ не стѣсняется въ словахъ насчетъ плебеевъ и добивается того, чтобы быть непопулярнымъ. Объ немъ и въ народѣ говорятъ, что онъ „не заботится о ненависти черни", а другіе,—что „онъ ищетъ ненависти народной и на вражду напрашивается". Нѣкоторыми сторонами своего характера Коріоланъ совсѣмъ выходитъ изъ рамокъ античнаго міра и становится почти что нашимъ современникомъ. Душа его совсѣмъ не римская. Мать ему говоритъ въ глаза, въ послѣднемъ съ нимъ свиданьи: „отъ вольной матери на свѣтъ ты родился, твоя жена въ Коріолахъ, а этотъ мальчикъ случайно только на тебя похожъ". Сущность всякаго патриціата заключается, *во-первыхъ*, въ извѣстномъ безусловномъ подчиненіи непреложному, по преданію передающемуся обычаю и, *во-вторыхъ*, въ беззавѣтномъ самопожертвованіи собою наивысшему сборному существу,—своему отечеству. И то, и другое для Коріолана необязательно. Обычаями Коріоланъ пренебрегаетъ и выражаетъ это словами, которыя болѣе подходятъ къ Гетевскому Фаусту, нежели къ римскому патрицію, потому что кореннымъ образомъ подрываютъ всякій патріотизмъ: „я голосовъ прошу—таковъ обычай! Но еслибы обычаю во всемъ повиновались мы—никто не смѣлъ бы пыль старины сметать, а правдѣ вѣкъ сидѣть бы за горами заблужденій" (д. II, яв. 3). Что касается до привязанности къ отечеству, то Марцій подвергся изгнанію потому, что не съумѣлъ защитить себя отъ недобросовѣстнаго обвиненія въ измѣнѣ и въ умыслѣ присвоить себѣ верховную власть, но послѣ того онъ тотчасъ же доказалъ, что въ сущности противники его были правы, потому что онъ оказался способнымъ сдѣлаться измѣнникомъ и изъ Рима направился прямо къ вольскамъ.

Снабдивъ Марція не римскою душою, Шекспиръ по своему обыкновенію обошелся съ исторіею въ трагедіи весьма свободно и существенно измѣнилъ въ ней многое въ видахъ сообщенія характеру героя наибольшей цѣльности и рельефности. Крупнѣйшій политическій фактъ—уходъ плебеевъ на Святую гору и учрежденіе трибуната превращены въ мелкій эпизодъ политической борьбы изъ-за даровой раздачи хлѣба голодающимъ, въ непростительную уступчивость слабаго и близорукаго сената. Коріоланъ поставилъ себѣ задачею поправить эту ошибку отмѣною трибуновъ. Перемѣна эта сдѣлалась возможна только послѣ эпопеи похода на вольсковъ, взятія Коріолъ и тріумфальнаго возврата въ Римъ героя, какихъ еще не бывало. Къ этому-то позднѣйшему времени пріурочена Шекспиромъ и сказка Менемія Агриппы о желудкѣ и другихъ членахъ тѣла, которая, по сказанію Плутарха, побудила плебсъ вернуться со Святой горы въ Римъ. Сказка эта передана обоими, и Плутархомъ и Шекспиромъ, съ полнѣйшимъ незнаніемъ системы кровообращенія, открытой Гарвеемъ (Harway † 1658), лѣкаремъ королей Якова I и Карла I („пищу ту я—желудокъ—шлю вамъ вмѣстѣ съ кровью; черезъ нее и мозгъ и сердце живы") Коріоланъ не ищетъ консульства, онъ говоритъ трибуну Бруту, что не будетъ „консульства искать, какъ всѣ другіе", то есть запрашивать народъ, чтобы его избрали. Онъ и самого себя спрашиваетъ: „а въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ консульство" (д. III, явл. 1)? Но онъ большая сила, которою воспользуется патриціатъ для своихъ партійныхъ видовъ. Консулы, какъ извѣстно, были замѣстителями послѣ 509 г. бывшихъ царей, пожизненно назначаемыхъ на вѣчѣ; они разнились отъ царей не по власти, а только тѣмъ, что ихъ было двое и что они назначались не пожизненно, а только на годъ. Кончающій исправленіе своей власти консулъ назначалъ преемника, опросивъ сенатъ и освѣдомившись о желательныхъ народу кандидатахъ. Назначеніе происходило въ центуріатскихъ комиціяхъ, то есть въ народныхъ собраніяхъ, организованныхъ царемъ Сервіемъ Тулліемъ и состоящихъ и изъ патриціевъ и изъ плебеевъ, а голоса подавались сообразно съ землевладѣльческимъ цензомъ плательщиковъ податей. Оказывается, что Шекспиръ промахнулся, вложивъ въ уста Менению слѣдующія слова, обращенныя къ Коріолану: „по волѣ благороднаго сената, санъ консула вручается тебѣ.... теперь одно осталось: долженъ ты держать къ народу рѣчь", то есть запрашивать народъ. Еще менѣе удачными считаю я слѣдующія слова, приписываемыя трибуну Сицинію: „народъ имѣетъ голосъ: уклоненій отъ *древняго* обычая онъ не стерпитъ", наконецъ, слова Менения: „и самъ добудь, какъ добывали его *издревле* консулы". Консулы учреждены только въ 509 году, чисто плебейскія народныя собранія (concilia plebis или комиціи)

по трибунамъ могли возникнуть только послѣ учрежденія трибуновъ въ 495 году, за четыре года до изгнанія Коріолана. Въ теченіе столь короткаго времени не могъ образоваться ни новый, ни въ особенности древній обычай. У Плутарха сказано, что соискатели консульскаго сана являлись обыкновенно на форумъ безъ тогъ, въ простой одеждѣ и дѣйствовали въ качествѣ просителей, хвастаясь полученными въ бояхъ рубцами. На этомъ вѣрномъ или невѣрномъ фактѣ, записанномъ Плутархомъ, построилъ Шекспиръ дивныя по мастерству обработки, народныя сцены 2-го дѣйствія трагедіи, изображающія искательства Коріоланомъ консульскаго сана, которыя могутъ смѣло быть поставлены на одномъ ряду со знаменитымъ 3-мъ дѣйствіемъ „Юлія Цезаря", то есть съ рѣчами Брута и Антонія надъ трупомъ Цезаря и впечатлѣніемъ этихъ рѣчей на народъ. Кандидатура Коріолана равносильна борьбѣ его съ трибунами не на животъ, а на смерть. Брутъ говоритъ Сицинію: „и наша власть уснетъ при консулѣ такомъ; одно изъ двухъ—иль онъ, иль сила наша".

Еслибы Шекспиръ поставилъ себѣ задачею написать драму историческую, то есть изобразить одинъ моментъ настоящей исторіи Рима, то онъ бы не представилъ народныхъ трибуновъ такими пошляками, какими они у него изображены, людьми, дѣйствующими только по однимъ личнымъ, своекорыстнымъ побужденіямъ. Не Марцій, а только Мененій называетъ ихъ въ глаза, правда шутливо откровенничая, „лысыми ослами, болтунами, достойными пастухами плебейскаго стада". Они скорѣе похожи на важничающихъ современныхъ чиновниковъ, нежели на носителей великой демократической идеи, въ ходу эволюціи которой преемниками ихъ будутъ Гракхи, Марій, пожалуй и Катилина, но затѣмъ Юлій Цезарь.—„Вы любите, говоритъ Марцій, чтобы голяки вамъ кланялись, вы тратите все утро на разбирательство дѣла между торговкою померанцами и тряпичникомъ изъза трехъ грошей и откладываете рѣшеніе на слѣдующій день" (д. II, явл. I). Не сразу поймешь, какъ могли такія мелкія піявки, при всей своей злости, затравить такого великана, какъ Марцій. Ихъ оружіе не сила воодушевляющей ихъ идеи, но только наипростѣйшая интрига, соединенная съ вѣрнымъ разсчетомъ на слабыя стороны характера Марція и на глупость плебейскаго стада.—„За поводомъ не будетъ остановки при гордости его", говорятъ они между собою; „мы подстрекнемъ его, какъ подстрекаютъ собакъ на стадо барановъ; тогда плебеи вспылятъ, точно тощій хворостъ, и закоптятъ его на вѣкъ".—Будь Коріоланъ немного больше римлянинъ, то есть человѣкъ, пріученный къ публичной жизни на площади, на вѣчѣ, которое со временъ Сервія Туллія состояло уже изъ патриціевъ и плебеевъ (центуріатскія комиціи), онъ бы соблюдалъ обычай, онъ бы нашелъ возможность исполнить его, не унижаясь, и разстроилъ бы всѣ затѣи трибуновъ. Онъ явился бы безъ тоги и безъ пояса, сказалъ бы сухо, важно, но учтиво нѣсколько словъ приличныхъ случаю, относящихся къ цѣлой массѣ собравшихся избирателей, и при громкой популярности, пріобрѣтенной свѣжею побѣдою, онъ бы былъ выбранъ единогласно. Онъ не въ мѣру чувствителенъ, считаетъ всякое выпрашиваніе голосовъ униженіемъ и, досадуя за то самъ на себя, вымещаетъ эту досаду и на себѣ, и на избирателяхъ, къ которымъ обращается по одиночкѣ со словами нескрываемаго издѣвательства: „стою здѣсь изъ-за моихъ заслугъ, конечно не по собственной охотѣ— я не хотѣлъ бы бѣдныхъ обѣднять. На мнѣ есть раны, я покажу ихъ вамъ, когда хотите, когда будемъ наединѣ. Я выучусь и кланяться—я буду лицемѣрить; я услужу всякому по его желанію, а потому и спрашиваю вашего согласія на мое консульство". Само по себѣ это издѣвательство Коріолана, не будь только трибуновъ, сошло бы для него благополучно, потому что сборное существо,—народъ у Шекспира большой добрякъ, съ хорошими инстинктами, но безпредѣльно глупъ, легко самъ собою возбуждается, когда дѣйствуетъ толпою, и воспламеняется, когда его подожгутъ опытною рукою. Всѣмъ извѣстно, что „для народа Марцій хуже собаки, что онъ „бичъ для враговъ родины и плетка для ея друзей", однако и тѣ, которые это говорятъ, увѣрены, что, когда онъ попроситъ—ему не будетъ отказа, что „люби онъ побольше народъ—не было бы консула лучше его". Народъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „конечно, мы имѣемъ право (не выбрать его), да вправѣ ли мы теперь имѣть это право. Чей языкъ повернется на отказъ".—Только послѣ голосованія поднялись сомнѣнія, не сплоховалъ ли народъ, не подымалъ ли Коріоланъ голосующихъ на смѣхъ, не издѣвался ли онъ надъ ними. Этими колебаніями воспользовались трибуны: „вамъ

должно было сказать ему, что если по заслугамъ достоинъ онъ санъ консульскій принять, то все-таки любить онъ долженъ васъ и въ благодарность за народный выборъ радѣть о васъ, быть другомъ вашимъ". Тогда было бы одно изъ двухъ: „или обѣщалъ бы онъ плебеямъ льготы, иль, что вѣрнѣе,—духъ его строптивый прорвался бы съ запальчивостью рьяной, и вы тогда-бъ имѣли основаніе его не выбрать".—Народу внезапно уяснилось, что онъ оплошалъ, онъ ухватился мгновенно за подсказанную ему рѣшимость взять назадъ свои голоса, не переданные еще сенату. Направляя народъ въ сенатъ съ отказомъ Коріолану въ консульствѣ, трибуны прячутся за народъ, какъ за ширмы: „не щадите насъ, скажите, что мы трубили про его побѣды, ввели васъ въ заблужденіе этой рѣчью".—„Теперь, говоритъ одинъ трибунъ другому, въ Капитолій! чтобы никто не могъ про насъ подумать, что мы народъ къ волненію подстрекнули". Впослѣдствіи, когда Коріоланъ, уже измѣнникъ, станетъ съ вольсками у вратъ Рима, та же толпа, которая его изгнала, отречется отъ своего участія въ его изгнаніи. (1 гражданинъ: „что до меня, то я его жалѣю, хоть требовалъ изгнанія—еще при изгнаніи я говорилъ, что дѣло не ладно".—2 гражданинъ: „и я". 3 гражданинъ: „мы хлопотали объ общей пользѣ и хотя соглашались на изгнаніе, однако соглашались противъ общей воли" „д. IV, яв. 5).

Картина выборовъ у Шекспира исторически невѣрная. Не могъ уже назначенный сенатомъ консулъ быть переизбираемъ народомъ на вѣчѣ, не могъ народъ сдѣлать недѣйствительными поданные уже голоса. Шекспиръ существенно отступилъ отъ разсказа Плутарха о томъ, что послѣдовало послѣ несостоявшихся выборовъ. По словамъ Плутарха, Марцій заперся дома, взволнованный и раздраженный, и сдѣлался главою партіи молодого патриціата, а затѣмъ, когда во время голодовки пришли изъ Сиракузъ корабли съ хлѣбомъ, присланнымъ въ видѣ подарка Риму тиранномъ Гелономъ, Коріоланъ предложилъ сенату сдѣлать даровую раздачу этого хлѣба, только подъ условіемъ, чтобы народные трибуны были отмѣнены. На это предложеніе, содержащее въ себѣ попытку на государственный переворотъ, трибуны отвѣтили осужденіемъ реакціонера на сверженіе его съ Тарпейской скалы. Шекспиръ поступилъ какъ и слѣдовало драматургу: онъ изобразилъ судьбу Коріолана отъ неудавшихся выборовъ до его изгнанія въ видѣ одной послѣдовательной катастрофы безъ всякихъ перерывовъ. Вопросъ о дѣйствительности выборовъ перенесенъ въ сенатъ, куда является Марцій уже въ консульскомъ нарядѣ.—Вопросъ былъ формальный, юридическій, сенатъ могъ признать выборы, все зависѣло отъ того, какъ поведетъ себя Коріоланъ. Онъ самъ сыгралъ въ руки своимъ противникамъ и попалъ въ разставленныя для него сѣти. По своему личному вопросу, не столковавшись со своими сторонниками, никого не предупредивъ и ничего не подготовивъ, этотъ *enfant terrible* патриціата дѣлаетъ вдругъ публичное воззваніе къ упраздненію трибуната, то есть предлагаетъ нѣчто достижимое только посредствомъ насильственной реакціи, а когда трибуны при помощи своихъ эдиловъ берутся его арестовать какъ „нарушителя законовъ"—(въ подлинникѣ какъ *traitorous innovator* измѣнническаго новатора, д. III, яв. 1), то Марцій отталкиваетъ священную особу одного изъ трибуновъ словами: „прочь, сѣдой козелъ!" Начинается рукопашная свалка, молодые патриціи отстояли Марція, но трибуны осудили его на немедленную смерть. Надъ нимъ повисла опасность. Весь интересъ сосредоточивается на томъ, выручатъ ли Коріолана его пріятели патриціи?

Мы уже выразили, что Шекспиръ низвелъ римскій плебсъ до значенія черни и опошлилъ трибуновъ, превративъ ихъ въ мелкихъ демагоговъ-интригановъ. И о патриціатѣ можно сказать тоже, что Шекспиръ умалилъ его не въ мѣру. Когда въ нашедшемъ на Римъ Коріоланѣ съ ратью вольсковъ послы отъ сената стараются пробудить чувства сожалѣнія по отношенію къ его римскимъ друзьямъ, то онъ отвѣчаетъ, что „некогда ему ихъ выбрать изъ гнилой мякинной кучи", что „куча сгоритъ и не стоитъ ее щадить изъ-за лежащихъ въ ней двухъ или трехъ несчастныхъ хлѣбныхъ зеренъ", причемъ Мененій берется объяснить, кто эти зерна: онъ, Мененій, мать, жена и сынокъ Коріолана, да Коминій.—Этотъ Мененій Агриппа—одно изъ живѣйшихъ и типичнѣйшихъ лицъ въ театрѣ Шекспира, римскій вельможа, но не эпохи Коріолана, а временъ упадка республики, эпикуреецъ и какъ бы современникъ Горація. По убѣжденіямъ и привычкамъ, онъ такой же узкій, односторонній аристократъ, какъ Коріоланъ, онъ также искренно и радикально презираетъ плебеевъ, но не ругается, а только потѣшается надъ ними и,

не стѣсняясь въ выраженіяхъ, вышучиваетъ ихъ. Такъ какъ онъ никого не задѣвалъ, ни съ кѣмъ ни сталкивался, такъ какъ онъ умѣетъ говорить съ народомъ на его же языкѣ и остроуменъ и націоналенъ въ каждомъ своемъ словечкѣ, то и слыветъ онъ у плебеевъ „всегдашнимъ другомъ народа", и самимъ трибунамъ, которыхъ нисколько не щадитъ, извѣстенъ онъ какъ неопасный человѣкъ, съ которымъ можно жить („ты радъ болтать безъ умолку за столомъ, а не въ Капитоліѣ"). Онъ старый весельчакъ, вѣроятно холостякъ, живущій себѣ въ сласть, любящій чистое вино безъ малѣйшей капли Тибрской воды, охотникъ поѣсть, знающій, что „натощакъ мы всѣ угрюмы, злы, не склонны ни къ щедрости, ни къ кротости... „что надо съ каждымъ сытаго ждать часа". Въ Мененіѣ нѣтъ ни малѣйшей доли геройства; вѣроятно потому, что онъ сознаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, онъ влюбленъ въ Коріолана, онъ его обожаетъ, относится къ нему, какъ къ своему идеалу, и служитъ ему по мѣрѣ силъ. Ему удается порою улаживать острымъ словцомъ или шуткою мелкія столкновенія, но когда раздоръ обострился, когда толпа забушевала и прорвала всѣ плотины, тогда обнаруживается полное безсиліе его какъ миротворца, который одновременно внушаетъ расходившемуся Коріолану: „успокойся!" и ласкаетъ трибуновъ: „ну, говори, Сициній добрый!—Даже и въ такія бурныя минуты Мененій не теряетъ самоувѣренности и разсуждаетъ такимъ образомъ: „попытаю, что мой старый умъ придумать можетъ для людей безумныхъ.—Пора какой-нибудь заплатой пестрой бѣду поправить".—Вмѣшательство Мененія въ процессъ Коріолана принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы. Когда судились римскіе граждане за преступленія, подсудимый имѣлъ право сказать: *provoco*, то есть перенести дѣло, уже рѣшенное царемъ, а по изгнаніи царей консуломъ или инымъ судьею, въ народное собраніе. Когда послѣ схватки патриціевъ съ плебеями Коріоланъ ушелъ изъ форума, Мененій непрошенный сдѣлалъ за него такую провокацію: „по закону назначьте судъ" и почти поручился за явку его: „къ законному суду онъ самъ придетъ съ покорностью". На эту провокацію накинулись съ удовольствіемъ трибуны: „Мененій добрый, мы съ тобой согласны, такъ поступай же именемъ народа какъ знаешь" (въ подлинникѣ: be then as the peoplès officer—будь сановникомъ народа) и приведи намъ Марція. При частномъ совѣщаніи на дому у Коріолана вопросъ такъ былъ поставленъ Коминіемъ: „или готовься ты силой силу встрѣтить, или смирись, или бѣги изъ Рима".—Всѣ въ одинъ голосъ настаивали: „смирись—рѣчь покорная поможетъ".—Коріоланъ подчинился только волѣ матери, сказавшей: „онъ долженъ—стало быть онъ ее скажетъ". Но при этомъ совѣщаніи никто не возбудилъ вопроса о подсудимости, о томъ, изъ кого будетъ состоять вѣче и какъ оно будетъ судить. Трибуны были гораздо предусмотрительнѣе. Они устроили народное собраніе по трибамъ, то есть съ преобладаніемъ плебейскаго элемента. Они и подѣлились между собою ролями. Брутъ постарается съ первыхъ словъ взбѣсить Коріолана. Сициній внушаетъ толпѣ посредствомъ эдиловъ, что она должна дѣлать: „чтобъ ни сказалъ я: пеню, смерть, изгнаніе—народу надо тотчасъ крикъ поднять: коль я скажу про смерть—то смерть ему! Коль пеню: пеню! пеню! опираясь на дѣло правое и власть плебеевъ".—Трибуны столь мало увѣрены въ томъ, что они одолѣютъ Коріолана, что считаютъ возможнымъ, что онъ отдѣлается только пенею. Прежде всего они стараются оформить подсудность и заставляютъ Коріолана подчиниться добровольно устроенному ими суду по трибамъ: „сановниковъ народа признаешь ли, а главное, готовъ ли подчиниться приговору?" Само обвиненіе измѣнено, оно поставлено по подлиннику такъ: „you have cotrive to tace—from Rome all seasonedoffice and to wind youi seif into a power tirannical" или дословно въ переводѣ: что ты умыслилъ отмѣнить въ Римѣ всѣ законныя власти и сдѣлаться самодержцемъ. Вмѣсто того, чтобы отнестись хладнокровно къ этой небывальщинѣ и сказать: докажите, что это такъ! Коріоланъ не защищаясь сталъ поносить своихъ обвинителей, которые великодушно ограничились тѣмъ, что въ данную минуту было для нихъ существенно—они провели на вѣчѣ не смертную казнь, а только изгнаніе. Эта рѣшимость основана была только на разсчетѣ и лишена всякаго благородства. Они внушаютъ народу послѣ приговора его: „скорѣй за нимъ идите до воротъ, ругайтеся надъ нимъ, какъ онъ ругался надъ нами всѣми!" На вѣчѣ Коріоланъ былъ одинъ противу всѣхъ, нельзя сказать, чтобы на его сторонѣ былъ даже Мененій, который не оправдываетъ его, а только смягчаетъ его вину мелкими словами: „вы злобой не считай-

те жесткой рѣчи, онъ къ ней привыкъ какъ воинъ, а не какъ врагъ народныхъ правъ". На вѣчѣ не нашлось ни одного патриція, который бы, перебивая самаго Коріолана, выступилъ бы громко, защитилъ бы его словами сильнаго убѣжденія, и сказалъ бы, что обвиненіе очевиднѣйшая ложь.

Съ уходомъ Марція изъ Рима (д. IV, явл. 1) кончается часть трагедіи, въ которой Шекспиръ обнаружилъ по отношенію къ своему источнику Плутарху наибольшую изобрѣтательность. Затѣмъ слѣдуетъ почти простая передача событій и рѣчей (напримѣръ рѣшающей рѣчи Волумніи къ сыну), заимствованныхъ у Плутарха съ небольшими только сокращеніями. Вслѣдствіе одного изъ такихъ сокращеній въ трагедіи остается большой, едва ли простительный пробѣлъ. Мы остаемся въ полной неизвѣстности, когда и какъ совершился такой переворотъ въ душѣ Марція, что изъ патріота онъ сдѣлался врагомъ родины и измѣнникомъ. Въ 1 дѣйствіи (явл. 7) онъ звалъ войско на врага словами: „пусть всѣ, которымъ слава Рима себя дороже, идутъ на бой за Марціемъ". Во 2 дѣйствіи (явл. 2) онъ, правдолюбецъ, не притворяющійся никогда, говорилъ сенату: „въ рукахъ твоихъ и жизнь моя и служба". Въ жестокій для него моментъ изгнанія, онъ, не подумавши ни минуты, разражается словами, совсѣмъ не подходящими къ римлянину и психологически невозможными: „Я изгоняю васъ... я презираю васъ и городъ вашъ! я прочь иду—*есть міръ и кромѣ Рима!*" Міръ древне-римскій, античный, состоялъ только изъ разросшихся и сдѣлавшихся государствами городовъ. Значеніе лица и его достоинства опредѣлялись: 1) отношеніемъ его города къ окружающему городъ міру и, затѣмъ, 2) положеніемъ лица въ этомъ городѣ, который для него былъ все, потому что внѣ его лицо обрѣталось въ чужой, или даже во враждебной средѣ. Для такихъ патриціевъ, какъ Коминій, Волумнія и Коріоланъ, городъ, матеріально понимаемый, былъ отечествомъ и только трибуны противополагаютъ такому понятію отечества болѣе широкое начало: „а что такое городъ? народъ есть городъ!" Не могъ Коріоланъ проклинать городъ Римъ, потому что онъ бы проклялъ и свою семью и своихъ приверженцевъ патриціевъ, которые, какъ это видно изъ трагедіи (д. IV, явл. 3), готовились отнять власть у плебса, отдѣлаться отъ трибуновъ и вернуть къ себѣ Марція. Что замыселъ мести Риму былъ вполнѣ чуждъ Коріолану, когда онъ прощался съ семьею какъ выходецъ, видно изъ его послѣднихъ прощальныхъ словъ: „а отъ меня, пока хожу я на землѣ, вамъ вѣсти будутъ. Вѣрьте, прежній *Марцій останется такимъ же какъ и встарь*". Послѣ этихъ словъ, кончающихъ 1 явленіе IV дѣйствія, идутъ два явленія (2-е и 3-е) безъ Коріолана, а затѣмъ въ 4-мъ Коріоланъ уже не тотъ, какимъ онъ былъ встарь и совершенно измѣнившійся, вкрадывается переодѣтый странникомъ къ Авфидію въ Акціумъ и предлагаетъ ему, что самъ пойдетъ съ вольсками мстить городу Риму, причемъ, конечно, городъ Римъ можетъ быть разрушенъ, а его жители, въ числѣ которыхъ есть и его семья, будутъ порабощены. Значитъ, въ теченіе одного и того же дѣйствія, между моментомъ, когда Коріоланъ ушелъ со сцены, и другимъ моментомъ, когда онъ опять появился на сценѣ, произошло никѣмъ и ничѣмъ не объяснимое событіе, что Коріоланъ выродился, что онъ изъ патріота сдѣлался измѣнникомъ, что онъ сдѣлался предметомъ омерзенія для всѣхъ римлянъ, даже и для тѣхъ, которыхъ мнѣніемъ и сочувствіемъ онъ въ особенности дорожилъ. Есть у Плутарха два указанія, которыми Шекспиръ пренебрегъ. Одно въ главѣ 21, въ которой Плутархъ объясняетъ, какъ въ изгнаніи въ теченіе дней, проведенныхъ въ одиночествѣ, кипучій гнѣвъ превратился въ Марціѣ въ холодное озлобленіе, породившее страстью внушенный, но исподволь обдуманный замыселъ мести родинѣ. Второе указаніе у Плутарха, во главѣ 29, заключается въ томъ, что когда Коріоланъ пошелъ съ вольсками на Римъ, то плебеи первые раскаялись и посылали просить о пощадѣ, но сенатъ до конца упорствовалъ въ сопротивленіи, не хотѣлъ унизиться до заискиванія милости у предателя. Выборными отъ Рима просителями могли быть въ концѣ концовъ какіе-нибудь неважные патриціи, могъ пойти просить его слабохарактерный Мененій, но никакъ уже не Коминій, который выставленъ у Шекспира, какъ посолъ отъ Рима къ Коріолану, совершенно напрасно.

Возникаетъ вопросъ: почему Шекспиръ уклонился совсѣмъ отъ психологическаго объясненія измѣны Коріолана и ввелъ ее только какъ немотивированный историческій фактъ, общеизвѣстный и безспорный?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего отмѣтимъ, что взгляды на тяжесть пре-

ступленія подобнаго тому, которое совершилъ Коріоланъ, не одинаковы въ разные періоды исторіи. Измѣна родинѣ въ иномъ видѣ представляется намъ, націоналистамъ XX вѣка, и человѣку Возрожденія, какимъ былъ Шекспиръ, волнуемому еще средневѣковыми чувствами и обсуждающему древне-римскія отношенія, созерцаемыя имъ сквозь призму государственности XVII вѣка, въ которомъ еще не были окончательно выработаны большія, цѣльныя единицы—національности. Наслоеніе этихъ массъ еще не было вертикальное какъ теперь, а вѣрнѣе горизонтальное. До реформаціи всякій католикъ чувствовалъ, что его домъ, его родина вся Европа. Еще и послѣ начала реформаціи знатный рыцарь и феодальный вельможа переѣзжалъ на службу свободно и добровольно отъ одного сюзерена къ другому, не чувствуя особыхъ упрековъ совѣсти по случаю этой перемѣны службы. Мы теперь болѣе классики, нежели люди Возрожденія. Въ нашей этикѣ вмѣщается несравненно болѣе, нежели у Шекспира, прямыхъ заимствованій изъ античнаго міра.

Затѣмъ мы приходимъ къ заключенію, что Шекспиру неудобно было, какъ художнику, останавливаться на перемѣнѣ къ худшему, произошедшей въ его героѣ послѣ его изгнанія. Шекспиръ былъ величайшій мастеръ въ области сценическихъ впечатлѣній и зналъ, что уронилъ бы окончательно своего героя и сдѣлалъ бы его крайне несимпатичнымъ, если бы далъ публикѣ заглянуть въ скверное нутро души предателя, ставящаго себя добровольно въ положеніе, которое онъ изображаетъ словами: „ни матери, ни сына, ни жены не знаю я; дѣла мои и право на пощаду я отдалъ вольскамъ“. Отказавшись отъ мотивировки измѣны, Шекспиръ выдвинулъ впередъ и особенно ярко освѣтилъ другой капитальный историческій фактъ, мирящій насъ съ Марціемъ: геройскій подвигъ матери его Волумніи и нравственную побѣду ея надъ сыномъ. Оказалось, что и въ этомъ измѣнникѣ есть неразложимый остаточекъ любви къ отечеству. Онъ предвидитъ, что онъ своею жизнью жертвуетъ, уступая матери: „о, родная! для счастія Рима побѣдила ты, для сына же ужасна та побѣда—можетъ быть, въ ней скрыта смерть!“ Послѣ пощады Рима Марціемъ съ нимъ сводитъ соперникъ его Авфидій свои личные и національные счеты, за другую, обратную измѣну. По странной ироніи судьбы, заколотому Авфидіемъ и заговорщиками Коріолану вольски справили великолѣпные похороны.

Всѣ критики Шекспира согласны въ томъ, что трагедія „Коріоланъ“ есть одно изъ совершеннѣйшихъ и достойныхъ величайшаго удивленія созданій Шекспира не какъ изображеніе древне-римской жизни, а какъ мастерской опытъ представленія своеобразнаго темперамента и характера. Ее обыкновенно сопоставляетъ съ „Отелло“. Трагедія эта по содержанію несложная, по плану построенія весьма простая, съ быстрымъ, ускоряющимся дѣйствіемъ и вполнѣ логическою развязкою. Написана она языкомъ сжатымъ, рѣзкимъ, необычайно сильнымъ и вполнѣ подходящимъ къ сюжету. Герой пьесы, ограниченный своими кастовыми предразсудками, до невообразимой степени заносчивый и спѣсивый, какимъ то волшебнымъ образомъ возбуждаетъ въ насъ интересъ и привязываетъ насъ къ себѣ, до того онъ натура размашистая, мощная, а главное—непосредственная, до того онъ правдолюбецъ, не выносящій ни малѣйшаго притворства. Онъ лицо одного, такъ сказать, отлива, вполнѣ соотвѣтствующее характеристикѣ, даваемой ему восторгающимся имъ эстетически, но составляющимъ съ нимъ полнѣйшій контрастъ—Мененіемъ (д. III, явл. 1):

Онъ слишкомъ чистъ и прямъ душой для міра;
Онъ не польститъ Нептуну за трезубецъ,
Юпитеру за право громъ метать!
Его душа на языкѣ: онъ смѣло
Всѣмъ говоритъ, что въ сердцѣ родилось,
А въ гнѣвѣ забываетъ онъ, что слышалъ
Когда то слово смерть.

В. Спасовичъ.

Храмъ Юпитера. Храмъ Юноны. Тарпейская скала.

КАПИТОЛІЙСКІЙ ХОЛМЪ.

Реконструкція итальянскаго архитектора-археолога Канины (Luigi Canina, 1795—1856).

Дѣйствующія лица.

Кайй Марцій Коріоланъ, благородный римлянинъ.

Титъ Ларцій, Коминій — римскіе полководцы въ войну противъ вольсковъ.

Мененій Агриппа—другъ Коріолана.

Сициній Велутъ, Юній Брутъ — народные трибуны.

Маленькій Марцій—сынъ Коріолана.

Римскій вѣстникъ.

Туллъ Авфидій—полководецъ вольсковъ.

Военачальникъ, подчиненный Авфидію.

Заговорщики въ пользу Авфидія.

Гражданинъ изъ Анціума.

Двое часовыхъ изъ дружины вольсковъ.

Волумнія—мать Коріолана.

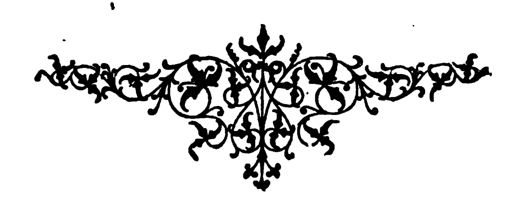
Виргилія—жена Коріолана.

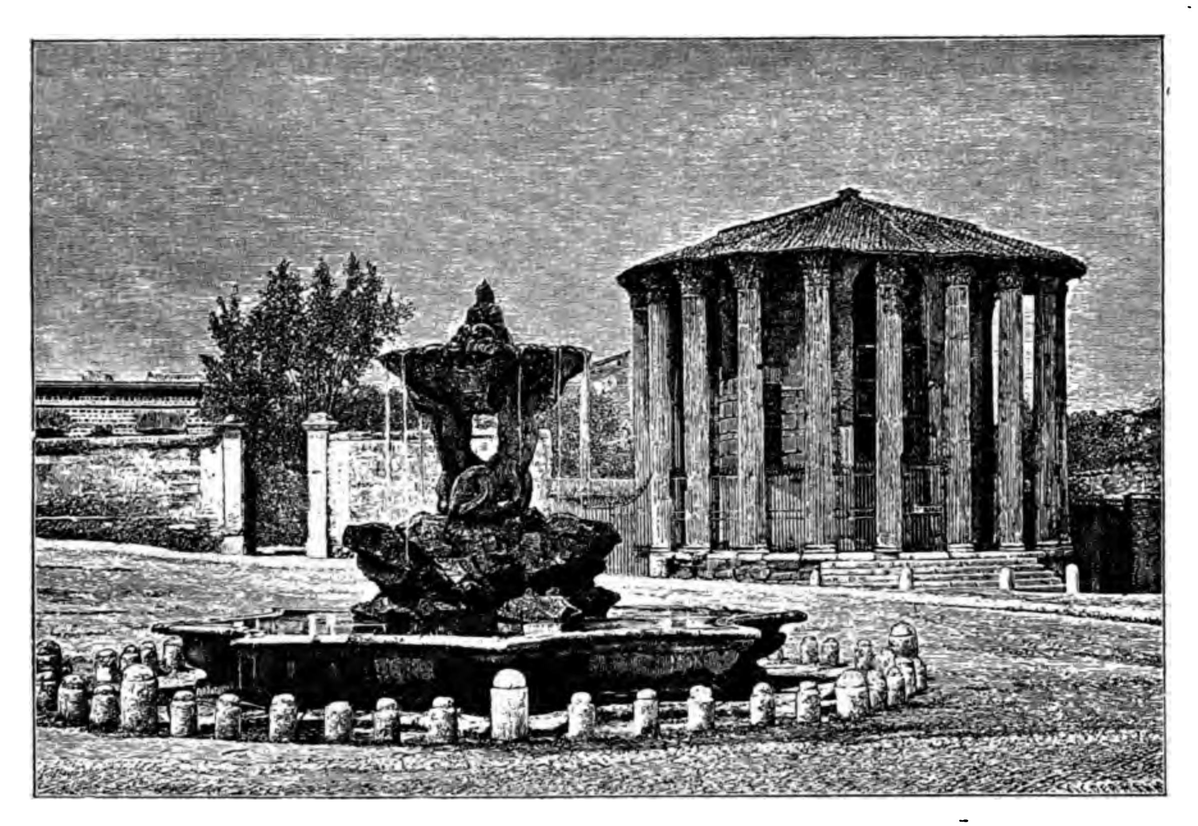
Валерія—подруга Виргиліи.

Благородныя римлянки.

Римскіе и вольскіе сенаторы, патриціи, эдилы, ликторы, воины, граждане, вѣстники, слуги Авфидія и другія лица.

Дѣйствіе происходитъ частію въ Римѣ, частію—на земляхъ вольсковъ и анціатовъ.

ОСТАТКИ ДРЕВНѢЙШЕЙ ЧАСТИ РИМА.

(Круглый храмъ на берегу Тибра).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Римѣ.

Входятъ толпою возмутившіеся ГРАЖДАНЕ, *съ дубинами, кольями и другимъ оружіемъ.*

1-ый ГРАЖДАНИНЪ. Прежде чѣмъ итти дальше, дайте мнѣ сказать одно слово.

ВСѢ ГРАЖДАНЕ. Говори, говори! (*Говорятъ разомъ*).

1-ый ГРАЖДАНИНЪ. Рѣшились вы всѣ скорѣе умереть, чѣмъ терпѣть голодъ?

ВСѢ. Рѣшились, рѣшились!

1-ый ГРАЖДАНИНЪ. Вы знаете, конечно, что Кaйй Марцій—первый врагъ народу?

ВСѢ. Знаемъ, знаемъ!

1-ый ГРАЖДАНИНЪ. Такъ убьемъ же его—и тогда хлѣбъ подешевѣетъ. Рѣшено, что ли?

ВСѢ. Нечего тутъ толковать—убьемъ его! Пойдемте, пойдемте!

2-ой ГРАЖДАНИНЪ. Одно слово, честные граждане.

1-ый ГРАЖДАНИНЪ. Какіе тебѣ честные граждане! Бѣдняковъ не зовутъ честными: патриціи они честны. У нихъ всего по горло, а мы нуждаемся. Пусть бы отдали они намъ хоть часть своего избытка вовремя—мы бы имъ могли сказать „спасибо" за ихъ милосердіе; но это для нихъ слишкомъ разорительно! Имъ любо глядѣть на нашу худобу да на наше горе—свой достатокъ кажется имъ слаще. Мщеніе, граждане! Пока еще осталась у васъ сила въ рукахъ—хватайте колья! Боговъ призываю я въ свидѣтели—не отъ злобы, а отъ голода я говорю это.

2-ой ГРАЖДАНИНЪ. За что жъ начинать ты хочешь съ Кaія Марція?

1-ый ГРАЖДАНИНЪ. Съ него перваго: онъ хуже собаки для народа.

2-ой ГРАЖДАНИНЪ. Вспомни хоть про его заслуги отечеству.

1-ый гражданинъ. Помню—и хвалилъ бы ихъ, да онъ и безъ моей похвалы ими гордится не въ мѣру.

2-ой гражданинъ. Говори безъ злости.

1-ый гражданинъ. Я тебѣ говорю—изъ одной гордости онъ служилъ родинѣ. Простаки хвалятъ въ немъ любовь къ Риму: не для родного края, а изъ угожденія своей матери да изъ тщеславія дрался онъ за отечество. Пускай дрался онъ храбро, да храбрость въ немъ не ниже надменности.

2-й гражданинъ. Ты на недостатокъ природы глядишь, какъ на преступленіе. Развѣ онъ жаденъ? Ты можетъ быть, и этотъ порокъ на него взвалишь?

1-ый гражданинъ. И безъ жадности на немъ грѣховъ не оберешься. *(Слышны крики).* Это кто шумитъ? Поднялась и та часть города. Что мы здѣсь болтаемъ пустое? Въ Капитолій!

Всѣ. Идемъ, идемъ въ Капитолій!

1-ый гражданинъ. Тише—кто это пришелъ къ намъ?

Входитъ Мененій Агриппа.

2-ой гражданинъ. Почтенный Мененій Агриппа—всегдашній другъ народа.

1-ый гражданинъ. Съ нимъ бы можно жить хорошо. Если бы всѣ такіе были!

Мененій Агриппа.

Эй, вы, товарищи, куда плететесь
Съ дубинами и кольями? Въ чемъ дѣло?

1-ый гражданинъ. Въ чемъ дѣло? Сенатъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Давно уже онъ догадывается—сегодня мы ему все растолкуемъ. Въ сенатѣ говорятъ, что у бѣдныхъ просителей терпѣнье крѣпко. А теперь узнаютъ, что и руки наши не слабы.

Мененій Агриппа.

Друзья мои, сосѣди дорогіе,
Опомнитесь! Зачѣмъ хотите вы
Попасть въ бѣду?

1-й гражданинъ.
Да мы и такъ въ бѣдѣ!

Мененій Агриппа.

Друзья, повѣрьте, съ горемъ и заботой
Глядятъ на васъ патриціи. Я знаю,
Что вы въ нуждѣ, что дорогъ хлѣбъ, но также
Я знаю, что разумнѣй будетъ вамъ
Противъ небесъ поднять свои дубины,
Чѣмъ противъ государства. Не сломить
Вамъ безпощадной, грозной силы Рима:
Хотя бъ сильнѣй вы были во сто кратъ—
Онъ раздробитъ васъ всѣхъ. Не богачи,
А боги намъ нужду и скудость шлютъ;
Не угрожать руками—гнуть колѣна
Вамъ для спасенья надо. Горе! горе!
Бѣда въ бѣду влечетъ васъ; вы хулите
Отцовъ-правителей—въ своихъ отцахъ
Враговъ вы видите!

1-ый гражданинъ. Въ своихъ отцахъ! Хорошо они о насъ заботятся. Никогда не были они намъ отцами! Мы голодаемъ, а у нихъ амбары отъ хлѣба ломятся. Ихъ законы поддерживаютъ однихъ ростовщиковъ. Всякій день отмѣняется какой-нибудь законъ, тяжкій для богачей; каждый день выдумывается другой законъ бѣднякамъ на угнетенье. Если война насъ не губитъ—они насъ губятъ хуже войны всякой. Вотъ какъ насъ любятъ отцы отечества!

Мененій Агриппа.

Или вы злы—и въ томъ должны сознаться,
Или вы глупы. Разскажу я вамъ
Хорошенькую сказку. Можетъ быть,
Ее слыхали вы. Она годится
Намъ прямо къ дѣлу. Что, хотите слушать?

1-ый гражданинъ. Отчего не выслушать, добрый господинъ; только не проведешь ты насъ своей сказкой. Говори же.

Мененій Агриппа.

Разъ какъ-то противъ живота возстали
Другіе члены тѣла, въ обвиненье
Ему сказавши, что животъ одинъ
Сидитъ безъ дѣла посреди ихъ всѣхъ,
Набившись пищей, съ лѣности позорной
Труда не зная вовсе, между тѣмъ
Какъ всѣ другіе члены смотрятъ, ходятъ,
Соображаютъ, слушаютъ и вмѣстѣ
Всѣмъ человѣкомъ правятъ. Имъ животъ
Такъ отвѣчалъ...

1-ый гражданинъ.
Что жъ отвѣчалъ животъ?

Мененій Агриппа.

Сейчасъ скажу. Съ презрительной улыбкой—
Вы знаете, что въ сказкѣ самъ животъ
Не только говорить, смѣяться можетъ—
Онъ отвѣчалъ взволнованнымъ безумцамъ,
Которые, завидуя тому,
Что онъ всегда былъ полонъ, на него
Кричали такъ, какъ вы теперь кричите
Противъ отцовъ сената.

1-ый гражданинъ.
Что же могъ
Отвѣтить онъ и бдительному глазу,
И головѣ подъ царственнымъ вѣнцомъ,

Рукѣ—бойцу, и языку—герольду,
И сердцу вѣщему, ногамъ, носящимъ насъ,
И всѣмъ другимъ помощникамъ и членамъ,
Когда они...

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Когда они! Что жъ дальше?
Зачѣмъ ты перебилъ меня? Что жъ дальше?

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
Когда они возстали справедливо
Противу хищника...

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Ну, что жъ потомъ?

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
На ихъ правдивое негодованье
Что могъ животъ отвѣтить?

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Это я
Сейчасъ скажу, когда способенъ ты
Имѣть терпѣнье.

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
Говори жъ скорѣе.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Замѣть, мой другъ, что важный нашъ животъ
Спокоенъ былъ при бѣшеномъ волненьи
Своихъ враговъ. Онъ имъ отвѣтилъ такъ:
„Друзья, вы правы въ томъ, что поглощаю
Изъ васъ я первый общую намъ пищу;
Но есть тому причина—тѣло все
Живетъ моимъ запасомъ. Не забудьте,
Что пищу ту я шлю вамъ вмѣстѣ съ кровью.
Что чрезъ нее и мозгъ, и сердце живы,
Что отъ меня вся сила человѣка,
Что жилы всѣ мельчайшія его
Черезъ меня свою имѣютъ долю.
Итакъ, друзья, животъ все продолжаетъ...

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
Ну, хорошо: мы понимаемъ. Дальше.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
„Итакъ, друзья-сочлены, хоть всегда
Мои дары приходятъ къ вамъ незримо,
Но вспомните, что мною вамъ дается
Отъ пищи лучшій цвѣтъ и что ее
Не для себя я берегу“. Ну, что же?
Хорошъ отвѣтъ?

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
Отвѣтъ совсѣмъ не дуренъ.
Что жъ намъ-то изъ того, Агриппа?

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Животъ разумный—это нашъ сенатъ,
Вы жъ—члены непокорные. По правдѣ
Вы оцѣните всѣ его заботы,
Подумайте объ общемъ нашемъ дѣлѣ—
И вы поймете, что отъ старшей власти,
Что не отъ васъ зависитъ благо края.
Вы поняли? Что скажешь мнѣ теперь,
Ты, палецъ отъ ноги?

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
Какой я палецъ,
За что я палецъ отъ ноги?

МАНЕНІЙ АГРИППА.
За то,
За то, что ты, дрянной и самый низкій
Изъ членовъ всѣхъ, впередъ предъ всѣми лѣзешь;
За то, что ты, презрѣнный плутъ, въ надеждѣ
На выгоды, другихъ ведешь туда,
Откуда первый убѣжишь. Готовьте жъ
Скорѣй свои вы страшныя дубины!
Противу Рима крысы поднялися
Кому-нибудь на горе.

Входитъ КАІЙ МАРЦІЙ.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Храбрый Марцій,
Привѣтъ тебѣ.

МАРЦІЙ.
Спасибо. Эй, въ чемъ дѣло?
Зачѣмъ вы, безпокойные мерзавцы,
Поддавшись зуду жалкихъ вашихъ мнѣній,
Себѣ коросту начесали?

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
Къ намъ
Всегда ты ласковъ.

МАРЦІЙ.
Будетъ тотъ подлецъ
Изъ всѣхъ льстецовъ презрѣннѣйшій, кто скажетъ
Вамъ ласковое слово. Что вамъ нужно,
Псы, недовольные войной и миромъ?
Войны вы трусите, въ спокойной долѣ
Вы носъ дерете вверхъ. Кто вѣритъ вамъ,
Въ бою найдетъ васъ зайцами, не львами,
Гусей увидитъ, гдѣ нужны лисицы,
Надежнѣй васъ на льду горячій уголь
И градъ подъ солнцемъ. Вы на то годитесь,
Чтобъ поклоняться извергамъ преступнымъ
И правду проклинать. Кто смѣлъ и славенъ,
Тотъ гадокъ вамъ; а сердце ваше рвется,
Какъ у больного прихоть, лишь туда,
Гдѣ гибель скрыта. Тотъ, кто вѣритъ вамъ
И дружбѣ вашей—плаваетъ въ водѣ

Съ свинцомъ на шеѣ. Твари—вѣрить вамъ,
Когда вашъ нравъ мѣняется съ минутой,
Когда во прахѣ передъ врагомъ вчерашнимъ
Вы пресмыкаетесь, а прежняго кумира
Врагомъ зовете? По какому праву
Вы бродите по городу и съ крикомъ
Позорите вы славный нашъ сенатъ,
Сенатъ, который, вмѣстѣ съ божьей властью,
Васъ держитъ въ страхѣ и мѣшаетъ вамъ
Другъ друга жрать? (*Менению Агриппѣ*).
Чего хотятъ они?

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Другой цѣны на хлѣбъ. По ихъ словамъ,
Запасовъ много въ городѣ.

МАРЦІЙ.
Мерзавцы!
По ихъ словамъ! Они, за печью сидя,
Хотятъ знать все, что дѣлается въ Римѣ,
По прихоти судьбу рѣшая края!
Они все знаютъ—кто силенъ, кто слабъ,
Кто женится, кто въ ходъ пошелъ, въ разсказахъ
Превозносятъ друзей своихъ и съ прахомъ
Противниковъ мѣшая. Хлѣба много,
По ихъ словамъ? Когда бъ сенатъ построже
Себя держалъ и мнѣ съ мечомъ позволилъ
На нихъ напасть, изъ этихъ мертвыхъ гадовъ
Я навалилъ бы гору—вышиною
Съ мое копье!

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Молчи! Они затихли
И, несмотря на все свое нахальство,
Расходятся, какъ трусы. Что же сталось
Съ другой толпой?

МАРЦІЙ.
Разсѣялись. Скоты,
Они на голодъ жаловались, смѣли
Пословицы намъ повторять о томъ,
Что съ голода и крѣпости сдаются,
Что кормъ собакамъ нуженъ, что отъ неба
Ниспосланъ хлѣбъ не богачамъ однимъ,
И вслѣдъ за тѣмъ представили сенату
Такую просьбу, отъ которой въ сердце
Патриціатъ нашъ будетъ пораженъ
И власти смѣлый взглядъ померкнетъ.
Что жъ?
Имъ отвѣчали, приняли ихъ просьбу;
Они же заорали отъ восторга
И шапки вверхъ кидали, будто силясь
Повѣсить ихъ на лунные рога.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Что жъ имъ дано?

МАРЦІЙ.
Для поддержанья ихъ затѣй негодныхъ
Даны имъ пять трибуновъ—Юній Брутъ,
Сициній Велутъ—все по ихъ избранью,
Еще... не помню. Смерть и гибель! Прежде
Чернь раскидала бъ Римъ до основанья,
Чѣмъ отъ меня добыть такой законъ!
Пройдутъ года—плоды его созрѣютъ
На горе государству!

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Странно, странно!

МАРЦІЙ.
Ступайте прочь, отбросы!

Входитъ ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.
Здѣсь Кайй Марцій?

МАРЦІЙ.
Здѣсь. Что тамъ случилось?

ВѢСТНИКЪ.
Есть новости: опять поднялись вольски.

МАРЦІЙ.
Я очень радъ—теперь мы скоро сбудемъ
Избытокъ скверный. Вотъ идутъ вожди.

Входятъ КОМИНІЙ, ТИТЪ ЛАРЦІЙ *и другіе сенаторы*, ЮНІЙ БРУТЪ *и* СИЦИНІЙ ВЕЛУТЪ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.
Сбылось, что предсказалъ ты, честный Марцій:
Вооружились вольски.

МАРЦІЙ.
Есть у нихъ
Великій полководецъ, Туллъ Авфидій.
Съ нимъ будутъ хлопоты. Я сознаюсь,
Завидна лишь его неустрашимость—
И если не собой, то имъ, конечно,
Хотѣлъ бы быть я.

КОМИНІЙ.
Ты сражался съ нимъ.

МАРЦІЙ.
Когда бъ весь міръ распался на два войска
И Туллъ со мною шелъ, я бъ поднялъ бунтъ,
Чтобъ биться съ нимъ: такого льва, какъ онъ,
Не скоро встрѣтишь.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.
Благородный Марцій,
Ты и Коминій—выбраны вождями.

КОМИНІЙ.
Ты самъ того желалъ.

МАРЦІЙ.
Я и теперь
Не откажусь. Титъ Ларцій, снова намъ
Лицомъ къ лицу придется Тулла встрѣтить.
Состарѣлся ты? остаешься?

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.
Нѣтъ,
Хоть мнѣ придется драться костылемъ
И на костыль опершись—не останусь
Я сзади васъ.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Мой благородный Ларцій!

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.
Идемъ же въ Капитолій—тамъ, я знаю,
Друзья собрались наши.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.
Хорошо,
Идите же—мы за тобой, Коминій,
Какъ за вождемъ достойнымъ.

КОМИНІЙ.
Честный Ларцій!

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ (*гражданамъ*).
Ступайте жъ по домамъ.

МАРЦІЙ.
Нѣтъ, пусть за нами
Идутъ они. У вольсковъ много хлѣба—
Мы пустимъ этихъ крысъ на ихъ запасы.
(*Народу*). Вы, сорванцы почтенные, за нами!
Вы очень храбры—намъ до васъ есть дѣло.
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Сициніа и Брута*).

СИЦИНІЙ.
Бывали ли когда на свѣтѣ люди
Надменнѣй Марція?

БРУТЪ.
Нѣтъ, никогда!

СИЦИНІЙ.
Когда насъ избиралъ народъ въ трибуны...

БРУТЪ.
Смотрѣлъ ли ты хоть на глаза его,
На губы?

СИЦИНІЙ.
Нѣтъ, но я довольно слушалъ.

БРУТЪ.
Взбѣсившись, онъ боговъ не пощадитъ.

СИЦИНІЙ.
Надъ скромною луной онъ посмѣется.

БРУТЪ.
Война его погубитъ. Слишкомъ гордъ
Онъ для того, чтобъ честно биться.

СИЦИНІЙ.
Полонъ
Онъ дерзостью и презираетъ насъ,
Какъ тѣнь полдневную. Дивлюсь, однако,
Какъ согласился онъ принять въ вожди
Коминія.

БРУТЪ.
Ему всего дороже
То, чѣмъ богатъ онъ—слава. Чтобъ вѣрнѣе
Ее сберечь, второе мѣсто въ войскѣ
Удобнѣй перваго. При неудачахъ,
Хотя бъ Коминій былъ людей всѣхъ выше,
Онъ будетъ обвиненъ, какъ полководецъ,
И станутъ дураки кричать: „о, если бъ
Нашъ Марцій велъ дѣла!"

СИЦИНІЙ.
А при побѣдѣ
Народный голосъ, ласковый къ нему,
Съ Коминія часть славы сниметъ.

БРУТЪ.
Правда,
Чужой заслугой завладѣетъ онъ;
Ошибки же чужія увеличатъ
Его заслуги.

СИЦИНІЙ.
Такъ; пойдемъ же слушать
Рѣшеніе сената—и узнать,
Какимъ порядкомъ Марцій поведетъ
Свои дѣла.

БРУТЪ.
Идемъ, идемъ скорѣе. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Сенатъ въ Коріоли.

Входятъ ТУЛЛЪ АВФИДІЙ *и сенаторы.*

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.
Итакъ, вполнѣ увѣренъ ты, Авфидій,
Что римляне проникли нашу тайну
И знаютъ все?

АВФИДІЙ.
И самъ ты это знаешь.
Задумывали ль здѣсь какое дѣло
Тайкомъ отъ Рима? Вотъ со мной письмо:
Четыре дня тому, какъ мнѣ его
Доставили. (*Читаетъ*) „Ужъ собраны войска,
Хоть назначенья ихъ никто не знаетъ.
Хлѣбъ въ Римѣ дорогъ, чернь въ большомъ волненьи,
И слухи ходятъ, что Коминій, Марцій,
Твой старый врагъ, такъ ненавистный черни,

И храбрый римлянинъ, старикъ Титъ Ларцій,
Всѣ трое поведутъ дружины Рима—
Куда?—не знаю. Можетъ быть, что къ вамъ.
Готовьтесь же.

1-ый сенаторъ.
Ужъ мы давно готовы.
Не сомнѣвались мы, что силы Рима
Идутъ на насъ.

Авфидій.
Ты самъ тому причиной:
Ты говорилъ, что не къ чему скрывать
Приготовленій нашихъ. Что же вышло?
Извѣстно въ Римѣ все, что мы рѣшили,
И цѣль ушла отъ насъ, и не успѣемъ
Мы захватить хоть нѣсколько селеній
Врасплохъ, до появленья римской силы.

2-ой сенаторъ.
Скорѣй же въ путь, Авфидій благородный!
Прими войска, а насъ оставь однихъ,
Чтобъ охранять Коріоли. Быть можетъ,
Врагъ подойдетъ сюда—тогда на помощь
Ты къ намъ придешь. Но думается мнѣ,
Что не готовы римляне.

Авфидій.
Я знаю,
Что римляне готовы; знаю я,
Что часть ихъ войскъ уже давно въ походѣ
И прямо къ намъ идетъ. Отцы, прощайте!
Мы поклялися съ Марціемъ—при встрѣчѣ
Сойтись на безпощадный бой.

Всѣ сенаторы.
Пусть боги
Тебѣ помогутъ!

Авфидій.
И хранятъ всѣхъ насъ!

1-й сенаторъ.
Счастливый путь тебѣ!

2-ой сенаторъ.
Прощай, Авфидій!

Всѣ сенаторы.
Прощай, Авфидій! *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Римъ. Комната въ домѣ Марція.

Волумнія *и* Виргилія *шьютъ, сидя на низенькихъ стульяхъ.*

Волумнія. Прошу тебя, дочь, или пой, или будь повеселѣе. Если бъ Марцій былъ мнѣ мужемъ, мнѣ радостнѣе казалось бы его славное отсутствіе, нежели самые жаркіе брачные поцѣлуи. Онъ у меня одинъ,—а въ то время, когда тѣло его было еще нѣжно, когда его дѣтская красота плѣняла постороннихъ—въ ту пору, когда мать, изъ-за цѣлаго дня царской просьбы, не рѣшится на одинъ часъ спустить сына съ своихъ глазъ, я радостно посылала его искать опасности и съ ней славы. Я понимала, что такому сыну нуженъ людской почетъ; что, не отзываясь на призывъ чести, сынъ мой былъ бы не

ВОЛУМНІЯ И ВИРГИЛІЯ.

Картина англ. художника Портера (Robert Ker Porter, 1777–1842).
(Малая Бойделевская галлерея).

человѣкомъ, а картиной для украшенія стѣнъ. На тяжкую войну я его послала—и онъ вернулся ко мнѣ съ дубовымъ вѣнкомъ за заслуги. И повѣрь, дочь моя, меньше радовалась я, услыхавъ, что родила мальчика,—меньше радовалась я тогда, нежели въ тотъ часъ, когда увидала его послѣ похода, увидала его истиннымъ мужемъ.

Виргилія. А если бъ онъ погибъ на войнѣ, что сказала бы ты тогда?

Волумнія. Память о немъ стала бы мнѣ за сына: въ его славѣ нашла бы я

себѣ потомство. По совѣсти говорю тебѣ: будь у меня двѣнадцать сыновей, равно любимыхъ, любимыхъ такъ, какъ любимъ нами нашъ добрый Марцій, я бы легче перенесла погибель одиннадцати изъ нихъ за отечество, нежели трусливую и праздную жизнь двѣнадцатаго.

Входитъ ПРИСЛУЖНИЦА.

Прислужница *(Волумніи)*. Благородная Валерія желаетъ васъ видѣть.

Виргилія *(Волумніи)*. Позволь мнѣ уйти отсюда.

Волумнія.

Зачѣмъ уйти!
Мнѣ кажется—я слышу барабаны,
Отсюда вижу Марція, какъ онъ,
Въ честномъ бою, Авфидія хватаетъ
За волосы и въ прахѣ передъ войскомъ
Его влечетъ. Какъ дѣти отъ медвѣдя,
Бѣгутъ враги отъ Марція. Гляди,
Какъ онъ впередъ идетъ, какъ возбуждаетъ
Свои войска: *вы трусы, дѣти Рима,*
Зачатыя въ часъ робости позорной!
Вотъ онъ! Рукой, закованною въ сталь,
Онъ кровь съ лица отеръ и снова въ сѣчу
Идетъ, какъ будто жнецъ, который взялся
Обжать все поле.

Виргилія.

Нѣтъ, клянуся Зевсомъ,
Не надо крови на лицѣ!

Волумнія.

Ребенокъ,
Не знаешь ты, что эта кровь для мужа
Прекраснѣе, чѣмъ золото въ трофеяхъ!
Когда Гекуба Гектора-младенца
Кормила грудью—груди той краса
Равнялась ли съ красой чела троянца,
Когда оно своей пятнало кровью
Мечи ахейскіе *(Прислужницѣ)*. Проси сюда
Почтенную Валерію.

(Прислужница уходитъ).

Виргилія.

Пусть Боги
Спасутъ его отъ бѣшенаго Тулла!

Волумнія.

Ему на горло ступитъ храбрый Марцій
И голову его колѣномъ сдавитъ!

Входитъ Валерія *съ проводникомъ и прислужницей.*

Валерія. Добрый день, благородныя хозяйки!

Волумнія. Милая Валерія!

Виргилія. Я рада тебя видѣть.

Валерія. Здоровы ли вы? Васъ нигдѣ не видно: вы вѣчно дома—за дѣломъ. Что это вы шьете? *(Виргиліи)*. Прекрасная вышивка, клянусь честью. Что дѣлаетъ твой мальчишка?

Виргилія. Благодарю тебя—онъ здоровъ.

Волумнія. Не любитъ онъ только учиться—ему бы все мечи да барабаны.

Валерія. Весь въ отца—милый ребенокъ! Я съ полчаса глядѣла на него въ прошлую среду: въ лицѣ у него что-то такое смѣлое. Онъ бѣгалъ за красивой бабочкой, ловилъ ее и пускалъ на волю: поймаетъ, пуститъ, потомъ побѣжитъ и опять поймаетъ. Тутъ онъ какъ-то упалъ, разсердился, да какъ стиснетъ зубы—и разорвалъ бабочку. Надо было видѣть, какъ онъ въ нее вцѣпился!

Волумнія. Вспылилъ—по отцовски.

Валерія. Да, да, славный мальчишка!

Виргилія. Шаловливъ очень.

Валерія. Кстати, перестань шить, полѣнись немного—я пришла за тобою.

Виргилія. Нѣтъ, милая Валерія, я не пойду изъ дома.

Валерія. Не пойдешь изъ дома?

Волумнія. Пойдетъ, пойдетъ.

Виргилія. Нѣтъ, нѣтъ, какъ хотите. Покуда мужъ не вернется, я не переступлю нашего порога.

Валерія. Полно, вѣдь, это безуміе! Пойдемъ навѣстить больную сосѣдку.

Виргилія. Я помолюсь за нее. Я желаю ей скорѣй поправиться, а итти къ ней не могу.

Волумнія. Да почему же, скажи намъ?

Виргилія. Не по лѣности и не по холодности.

Валерія. Ты хочешь быть Пенелопой. Она все ткала, дожидаясь мужа: зато и развела моли на весь островъ. Жаль, что твое полотно не чувствуетъ боли: ты бы перестала, хоть изъ жалости, колоть его своей иголкой. Ну, пойдемъ же съ нами!

Виргилія. Прости меня, милая Валерія—я не пойду.

Валерія. Нѣтъ, пойдешь. Я разскажу тебѣ хорошія вѣсти про Марція.

Виргилія. Добрая Валерія, еще некогда притти вѣстямъ отъ мужа.

Валерія. Я не шучу. Ночью получено извѣстіе.

Виргилія. Неужели?

Валерія. Въ самомъ дѣлѣ—одинъ сенаторъ при мнѣ сказывалъ. Вольски вы-

шли въ поле; противъ нихъ пошелъ Коминій, а Ларцій съ твоимъ мужемъ осадили Коріоли. Всѣ говорили, что война скоро кончится со славой. Даю тебѣ мое слово—все это правда. Ну, пойдемъ же съ нами.

Виргилія. Прости меня, Валерія. Въ другой разъ, послѣ.

Волумнія. Оставь ее, Валерія; она и на насъ скуку нагонитъ.

Валерія. Да—и я то же думаю. Прощайте. Пойдемъ же, добрая Волумнія. Полно, Виргилія—прогони свою заботу, пойдемъ вмѣстѣ.

Виргилія. Еще разъ навсегда я говорю тебѣ, что не могу. Прощайте и веселитесь.

Валерія. Прощай, Виргилія. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Передъ Коріоли.

Входятъ съ барабаннымъ боемъ и знаменами, Марцій, Титъ Ларцій, *свита, войско. Къ нимъ идетъ* вѣстникъ.

Марцій.
Есть новости. Побьемся объ закладъ:
Сраженье было.

Титъ Ларцій.
Нѣтъ,—коня я ставлю.

Марцій.
И я.

Титъ Ларцій.
Согласенъ (*Вѣстнику*). Что, дрались наши?

Вѣстникъ.
Войска сошлись, но не было сраженья.

Титъ Ларцій.
Конь мой!

Марцій.
Я выкуплю его.

Титъ Ларцій.
Не надо
Мнѣ выкупа, а можешь взять его
Себѣ на время—лѣтъ на пятьдесятъ.

Марцій (*вѣстнику*).
Войска—далеко?

Вѣстникъ.
Миляхъ въ двухъ отъ насъ.

Марцій.
Нашъ бранный крикъ дойдетъ до ихъ ущей,
А ихъ—до нашихъ. Марсъ непобѣдимый,
Дай быстроту намъ: пусть въ кровавыхъ латахъ
Поспѣемъ мы къ друзьямъ своимъ на помощь,
Покончивъ здѣсь. Эй, трубы: дайте знакъ!

Трубы. На стѣны выходятъ сенаторъ *и войско.*

Марцій.
Здѣсь Туллъ Авфидій? съ вами онъ?

1-ый сенаторъ.
Здѣсь нѣтъ
Авфидія, какъ нѣтъ здѣсь человѣка,
Который васъ боялся бъ.
(*Слышна музыка*). Эти трубы
На бой зовутъ все юношество наше.
Намъ стѣнъ не нужно—въ городѣ ворота
Не заперты, а тростникомъ закрыты.
Мы выйдемъ къ вамъ навстрѣчу.
(*Музыка въ другой сторонѣ*). Слышишь ты?
Авфидія то трубы: разметалъ онъ
Дрянное войско ваше.

Марцій.
Такъ, тамъ бьются!

Титъ Ларцій.
Чего жъ намъ ждать? Эй, лѣстницъ! Всѣ впередъ!

Вольски *выходятъ на сцену.*

Марцій.
Насъ не боятся вольски! Врагъ нашъ смѣетъ
Итти навстрѣчу римлянамъ! Друзья,
Щиты на грудь: пусть сердце въ каждой груди
Забьется, твердое какъ щитъ. Впередъ!
Впередъ, Титъ Ларцій! Можно ль было думать,
Что мы врагу не страшны! Я въ поту
Отъ бѣшенства. Товарищи, впередъ!
Кто шагъ отступитъ, я того приму
За вольска—и убью его на мѣстѣ.
(*Сраженіе. Римляне прогнаны назадъ*).

Марцій *возвращается.*

Марцій (*воинамъ*).
Пусть южная чума на васъ нагрянетъ!
Вы—Рима стыдъ! вы—стадо! пусть задавитъ
Васъ туча цѣлая срамныхъ недуговъ,
Пусть язвы васъ покроютъ, пусть другъ друга

Вы заражаете, пусть смрадъ и вонь
Идутъ отъ васъ по вѣтру! Что бѣжите
Вы, гуси въ человѣческомъ уборѣ?
Чего боитесь вы? И обезьяны
Съ такимъ врагомъ управятся! Проклятье!
На спинахъ кровь у васъ, на лицахъ ужасъ
И блѣдность смертная: Стой! всѣ впередъ!
Скорѣй впередъ. Клянусь! огнемъ небеснымъ,
Я брошу вольсковъ и начну рубить—
Смотрите, васъ самихъ! Итакъ, впередъ!
Мы ихъ загонимъ къ женамъ ихъ, отплатимъ
Мы имъ за бѣгство наше!

(Опять битва, вольски бѣгутъ къ воротамъ, Марцій за ними).

Марцій.

Хорошо:
Ворота настежъ. Не для бѣглецовъ—
Для побѣдителей ворота настежъ.
Смѣлѣй теперь! Въ ворота! Всѣ за мною!

(Вбѣгаетъ въ ворота, ихъ тотчасъ запираютъ).

1-ый воинъ.

Онъ лѣзетъ, какъ безумный! Не пойду я.

2-ой воинъ.

Я тоже не пойду.

1-ый воинъ.

Гляди, ворота
Замкнулись ужъ.

Всѣ.

Теперь совсѣмъ пропалъ онъ.
(Шумъ боя продолжается).

Входитъ Титъ Ларцій.

Титъ Ларцій.

Гдѣ Марцій нашъ?

Воины.

Убитъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья.

1-ый воинъ.

За бѣглецами онъ ворвался въ городъ,
Ворота заперлись—одинъ онъ тамъ
Противу всѣхъ.

Титъ Ларцій.

О, воинъ благородный!
Хвала тебѣ: ты тверже бранной стали!
Мечъ гнется—ты не гнешься. Брошенъ ты,
Утраченъ драгоцѣнный камень Рима.
Въ мечтахъ своихъ Катонъ не создавалъ
Такого воина. Въ минуты боя
Не силой рукъ одной ты грозенъ былъ,
Но взоромъ страшнымъ, голосомъ громовымъ
Враговъ ты въ страхъ кидалъ, и имъ казалось,
Что цѣлый міръ хвораетъ лихорадкой
И весь трясется подъ ногами ихъ.

Входитъ Марцій, *весь въ крови, преслѣдуемый вольсками.*

1-ый воинъ.

Смотри, смотри!

Титъ Ларцій.

Онъ живъ! За мною всѣ!
Спасемте Марція, иль съ нимъ погибнемъ.
(Дерутся—и всѣ входятъ въ городъ).

СЦЕНА V.

Улица въ Коріоли.

Вбѣгаютъ римляне *съ добычей.*

1-ый римлянинъ. Вотъ это я отнесу въ Римъ.

2-ой римлянинъ. А я—это.

3-ій римлянинъ. Какой дряни я нахваталъ!
Это не серебро. *(Трубы и шумъ боя).*

Входятъ Титъ Ларцій *и* Марцій *съ трубачемъ.*

Марцій.

Взгляни на этихъ удальцовъ: какъ славно
Они ведутъ себя! Не конченъ бой,
А ужъ они хватаютъ, кто подушку,
Кто ложку оловянную, кто тряпки,
Какихъ палачъ съ преступника не снялъ бы.
Прочь, подлецы! Стой! слушай! Шумъ не смолкнулъ
Въ той сторонѣ, гдѣ нашъ Коминій: надо
Скакать къ нему. Тамъ врагъ мой,—тамъ Авфидій:
Тѣснитъ онъ римлянъ. Ларцій, ты возьми
Часть воинства и городъ береги;
Я жъ поведу надежнѣйшихъ бойцовъ
Коминію на помощь.

Титъ Ларцій.

Ты въ крови,
Мой храбрый воинъ. Изнуренный боемъ,
Какъ въ бой пойдешь ты?

Марцій.

Не хвали меня:
Еще не разгорѣлся я. Прощай же!

Я радъ, что кровь течетъ: гораздо легче
Мнѣ отъ потери крови. Пусть Авфидій
Меня въ крови увидитъ передъ боемъ!

Титъ Ларцій.
Пускай Фортуна, свѣтлая богиня,
Тебя полюбитъ и своею силой
Отклонитъ мечъ противниковъ твоихъ.
Будь счастливъ, честный вождь!

Марцій.
Прощай, мой Ларцій!
Пусть счастіе благоволитъ тебѣ
Не менѣе чѣмъ тѣмъ, кого она
Такъ высоко возноситъ.

Титъ Ларцій.
О, воинъ истинный! (*Трубачу*).
Иди на площадь,
Тамъ затруби и собери ко мнѣ
Всѣхъ городскихъ начальниковъ: мы имъ
Объявимъ волю нашу. Ну, ступай же!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

У лагеря Коминія.

Коминій *и его войска отступаютъ.*

Коминій.
Друзья, переведите духъ—вы бились,
Какъ римляне: безъ дерзости безумной,
Безъ трусости при отступленьи. Вѣрьте,
Не конченъ бой. Во время жаркой сѣчи
Къ намъ вѣтеръ доносилъ отъ нашихъ братьевъ
Военный кликъ. Пускай же боги Рима
И насъ, и ихъ ведутъ къ одной побѣдѣ!
Пусть оба войска радостно сойдутся
На жертву благодарственную!

Входитъ вѣстникъ.

Коминій.
Эй,
Что новаго?

Вѣстникъ.
На вылазку враги
Пошли изъ города. Сраженье было,
Когда сюда я ѣхалъ; нашихъ гнали
Къ самимъ валамъ.

Коминій.
Хоть говоришь ты правду,
Мнѣ рѣчь твоя не нравится. Давно ли
Ты видѣлъ бой?

Вѣстникъ.
Тому не больше часа.

Коминій.
Вблизи, недавно, слышали мы трубы,
Не дальше какъ за милю. Почему
Такъ долго ѣхалъ ты?

Вѣстникъ.
За мною гнались;
Я длинный поворотъ былъ долженъ сдѣлать—
И съ вѣстью опоздалъ я.

Входитъ Марцій.

Коминій.
Что за воинъ
Пришелъ къ намъ, весь въ крови? Благіе боги!
На Марція похожъ онъ. Мнѣ случалось
Его видать въ крови.

Марцій.
Что?—опоздалъ я?

Коминій.
Скорѣй пастухъ не распознаетъ грома
Отъ звуковъ бубна, чѣмъ не отличу
Я голосъ Марція межъ голосами
Другихъ людей. Ты Марцій!

Марцій.
Опоздалъ я?

Коминій.
Да, если ты покрытъ своею кровью—
Не вражеской.

Марцій.
Дай мнѣ обнять тебя
Такъ крѣпко, какъ жену я обнимаю.
Мнѣ весело, какъ на вѣнчальномъ пирѣ,
Передъ огнями—у постели брачной!

Коминій.
Скажи мнѣ, цвѣтъ вождей, гдѣ нашъ Титъ Ларцій?

Марцій.
Порядкомъ въ городѣ теперь онъ занятъ.
Однихъ казнитъ, другихъ онъ шлетъ въ изгнанье,
Прощаетъ третьихъ, назначая выкупъ.
Въ Коріоли онъ правитъ римской властью,
И горожанъ ихъ держитъ, словно свору
Послушныхъ псовъ.

Коминій.
Гдѣ рабъ, который мнѣ
Осмѣлился сказать, что васъ прогнали
Къ самимъ валамъ? Послать его!

Марцій.

Не нужно:
Онъ правъ. Одни патриціи дрались.
Плебеи жъ—и трибуновъ имъ!—постыдно
Бѣжали такъ отъ подлой вольской рати,
Какъ мышь отъ кошки бѣгать не привыкла.

Коминій.

Но какъ же одолѣли вы?

Марцій.

Не время
Теперь болтать. Мнѣ кажется... Гдѣ вольски?
Ты побѣдилъ ли? Если нѣтъ—зачѣмъ
Вы перестали драться?

Коминій.

Храбрый Марцій,
Не побѣдили мы, но отступаемъ
Съ хорошей цѣлью.

Марцій.

Боевой порядокъ
Какой у нихъ? Съ которой стороны
У нихъ полки отборные?

Коминій.

Дружина
Передовая вся изъ анціатовъ,
Бойцовъ надежнѣйшихъ, Авфидій съ ними—
Ихъ лучшая надежда.

Марцій.

Заклинаю
Тебя, во имя дружескихъ обѣтовъ,
Во имя битвъ, гдѣ кровь мы лили вмѣстѣ,
Дай мнѣ сейчасъ итти на анціатовъ,
На ихъ вождя. Не пропускай минуты:
Пусть засверкаютъ въ воздухѣ сейчасъ же
Мечи и копья.

Коминій.

Лучше бъ я желалъ
Тебя свести туда, гдѣ теплой влагой
Твои обмоютъ раны; но не смѣю
Противорѣчить я. Бери полки,
Какіе пожелаешь.

Марцій.

Я желаю
Съ собой взять тѣхъ, кто самъ того желаетъ.

(Къ войску).

Когда здѣсь есть—и преступленьемъ было бы
Въ томъ сомнѣваться—храбрые борцы,
Привѣтливо глядящіе на кровь,
Которой я раскрашенъ; если здѣсь
Если воины, которымъ слава Рима
Себя дороже, для кого безславье
Страшнѣе смерти, для кого милѣй
Кончина честная, чѣмъ жизнь въ позорѣ,
Пусть тотъ и всѣ, кто съ нимъ согласны будутъ,
Подымутъ руки—и идутъ на бой
За Марціемъ. (*Поднимаетъ руку. Крики. Воины бросаютъ копья и подхватываютъ Марція на руки*). Пустите: я не мечъ—
Зачѣмъ хватать меня? Когда вы точно
Такъ рветесь въ бой, то четверыхъ враговъ
Здѣсь каждый воинъ стоитъ. Вамъ не страшенъ
Авфидій самъ: съ могучимъ полководцемъ,
Щитомъ къ щиту, изъ васъ достоинъ всякій
На бой сойтись. Благодарю васъ всѣхъ,
Но выберу немногихъ: свой чередъ
Придетъ и остальнымъ въ другое время!
Впередъ, друзья: скорѣе въ путь! Изъ васъ
Я четверымъ вождямъ велю избрать
Охотниковъ.

Коминій.

Впередъ, впередъ, друзья!
Скорѣе оправдайте ожиданье—
И наградимъ мы васъ за подвигъ вашъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА VII.

Площадь у воротъ Коріоли.

Титъ Ларцій, *оставивъ отрядъ для защиты города, выходитъ съ военной музыкой на помощь къ Коминію и Марцію. При немъ вожди, воины и проводникъ.*

Титъ Ларцій (*офицеру*).

Замкнуть ворота—и не забывать
Моихъ приказовъ. Избранныя сотни
Прислать ко мнѣ, едва я вѣсть подамъ,
А съ остальными защитишь ты городъ
На краткій срокъ. Сраженье потерявши,
Его не удержать намъ.

Офицеръ.

На меня
Ты можешь положиться.

Титъ Ларцій.

Прочь. За нами
Замкни ворота. Проводникъ, иди—
Веди насъ въ римскій лагерь. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VIII.

Поле. Сраженіе между лагеремъ римлянъ и вольсковъ.

Боевые крики. Входятъ съ противоположныхъ сторонъ Марцій *и* Авфидій.

Марцій.

Съ тобой однимъ я бьюсь: клятвопреступникъ
Мнѣ ненавистенъ менѣе, чѣмъ ты!

Авфидій.

По ненависти оба мы равны:
Ты мнѣ гнуснѣй, чѣмъ африканскій гадъ,
Со всей твоею злобою и славой.
Готовься къ бою.

Марцій.

Кто отступитъ первый,
Пусть навсегда идетъ въ рабы къ другому—
И небесами проклятъ будетъ.

Авфидій.

Марцій,
Когда я отступлю, кричи мнѣ вслѣдъ,
Какъ зайцамъ вслѣдъ кричатъ.

Марцій.

Я три часа
Одинъ, въ стѣнахъ Коріоли, сегодня
Сражался досыта. Ты видишь, кровью
Я весь покрытъ: то—кровь твоихъ друзей.
Готовься мстить—сбери свои всѣ силы!

Авфидій.

Хотя бъ ты Гекторъ былъ, которымъ въ Римѣ
Такъ хвалятся, ты не уйдешь теперь.
(*Сражаются; вбѣгають вольски на помощь Авфидію*).
Не кстати мнѣ теперь услуга ваша:
Мнѣ стыдно за себя. Впередъ! впередъ!
(*Уходятъ сражаясь, гонимые Марціемъ*).

СЦЕНА IX.

Римскій лагерь.

(*Трубные звуки. Съ одной стороны входитъ* Коминій *и римляне, съ другой*—Кай Марцій (*съ подвязанной рукою*) *и его свита.*

Коминій (*Марцію*).

Когда бъ про все, что, сдѣлалъ ты сегодня,
Я разсказалъ тебѣ, своимъ дѣламъ
Ты не повѣрилъ бы; но я храню
Для Рима мой разсказъ. Отцы сената,
Съ улыбкою сквозь слезы, будутъ слушать,
И славные патриціи, внимая
Мнѣ съ трепетомъ, придутъ всѣ въ изумленье,
И жоны задрожатъ въ испугѣ сладкомъ,
И жалкіе завистники-трибуны
Воскликнутъ поневолѣ: „слава Небу
За то, что въ Римѣ есть такой воитель!"
Едва засталъ ты наше торжество:
Пиръ собственный свершалъ ты.

Титъ Ларцій *и войско, преслѣдовавшее непріятеля, возвращаются.*

Титъ Ларцій
(*указывая на Марція, Коминію*).

Полководецъ,
Вотъ бранный конь нашъ Марцій. Мы съ тобою
Одинъ уборъ его. Когда бъ ты видѣлъ...

Марцій.

Друзья, довольно. Тошно слушать мнѣ
И матери моей хвалы, хотя она
Свое дитя хвалить имѣетъ право.
Я сдѣлалъ то, что сдѣлали вы всѣ,
Что могъ я сдѣлать. Родинѣ своей
Равно мы служимъ; тотъ меня славнѣе,
Кто послужилъ ей такъ, какъ бы желалъ.

Коминій.

Мы не дадимъ тебѣ твоей заслуги
Въ молчаньи погребсти; узнаетъ Римъ,
Какіе дѣти у него. Кто смѣетъ
Отъ родины скрывать такую славу—
Тотъ воръ и сокровенный клеветникъ.
И потому, безъ мысли о наградахъ,
Но какъ свидѣтельства заслугъ твоихъ,
Тебя прошу я передъ нашимъ войскомъ
То выслушать, то я скажу тебѣ.

Марцій.

Израненъ я; а если вспоминаютъ
О ранахъ тѣхъ, болятъ онѣ.

Коминій.

Намъ должно
О нихъ твердить: одна неблагодарность
Ихъ можетъ растравить смертельнымъ ядомъ,
Итакъ, изъ боевой добычи нашей,
Изъ всѣхъ коней, а ихъ добыто много,
Изъ городскихъ сокровищъ, мы даемъ
Тебѣ одну десятую. На выборъ
Бери ее предъ дѣлежомъ добычи,
Какъ знаешь самъ.

Марцій.

Спасибо, полководецъ!

Но не привыкъ я платы принимать
За дѣло брани. Не возьму я дара.
Пусть мнѣ дадутъ ту часть, что всѣмъ дается
Изъ боевыхъ товарищей—не болѣ.

(Трубы и музыка въ честь Марція. Всѣ кричатъ: „Марцій"! кидаютъ шапки вверхъ и поднимаютъ ихъ на копья. Титъ Ларцій и Коминій снимаютъ шлемы).

Марцій.

Пусть эти трубы бранныя навѣкъ
Останутся безъ звука: осрамили
Вы голосъ ихъ. Не позволяйте трубамъ
И барабанамъ льстить на полѣ чести!
Пусть въ городахъ и при дворахъ живутъ
Одни лгуны изнѣженные: тамъ,
Какъ сталь мягка, какъ шелкъ на паразитѣ,
Для боя не годна она. Довольно,
Прошу я васъ, молчите! Не за то ль,
Что не успѣлъ я носъ обмыть отъ крови,
Что нѣсколькихъ я слабыхъ бѣдняковъ
Убилъ въ бою, какъ всякій можетъ сдѣлать,
Вы мнѣ привѣтъ напыщенный кричите,
Какъ будто бъ я не вспомнилъ безъ того
Своихъ заслугъ неважныхъ?

Коминій.

Скроменъ ты;
Жестокъ ты къ славѣ собственной; не цѣнишь
Своихъ правдивыхъ чтителей. Нѣтъ нужды,
Мы не допустимъ, чтобъ ты самъ себѣ
Теперь вредилъ. Тебѣ мы руки свяжемъ
И станемъ говорить съ тобой потомъ.
(Къ войску).
Пусть знаютъ люди, здѣсь и въ цѣломъ свѣтѣ,
Что Кай Марцій въ настоящей брани
Вѣнокъ побѣдный честно заслужилъ!
Въ залогъ того, изъ всѣхъ моихъ коней
Я лучшаго, извѣстнаго всей рати,
Ему дарю, со всей богатой сбруей!
За подвиги жъ великіе вождя,
Передъ Коріоли и въ разныхъ битвахъ,
Пускай впередъ зовется онъ отъ насъ,
При шумныхъ и хвалебныхъ крикахъ войска:
Каіемъ Марціемъ Коріоланомъ.
Привѣтъ ему—и пусть отнынѣ онъ
Прозваніе свое со славой носитъ!
(Громкая музыка; трубы; клики).
Всѣ. Кай Марцій Коріоланъ!

Марцій.

Пойду, умоюсь я, а тамъ глядите—
Я покраснѣлъ иль нѣтъ. Спасибо всѣмъ!
Я стану ѣздить на конѣ, а также
Стараться, чтобъ привѣтное прозванье
Съ достоинствомъ носить.

Коминій.

Пойдемъ теперь
Въ палатку нашу. Тамъ, не отдыхая,
Я напишу письмо съ хорошей вѣстью
И въ Римъ пошлю. Титъ Ларцій, воротись
Скорѣй въ Коріоли и въ Римъ оттуда
Пришли гражданъ надежныхъ, чтобъ условья
Постановить на пользу всѣмъ.

Титъ Ларцій.

Сейчасъ же
Туда я ѣду.

Коріоланъ.

Боги надо мною
Хотятъ шутить. Сейчасъ я отказался
Отъ царственныхъ даровъ, а подхожу
Къ тебѣ я съ просьбою.

Коминій.

На все согласенъ!
Въ чемъ просьба?

Коріоланъ.

Я въ Коріоли не разъ
Имѣлъ ночлегъ въ дому у одного
Изъ гражданъ города. Всегда онъ былъ
Со мною ласковъ. Онъ теперь въ плѣну
И звалъ меня; но я, въ минуты боя,
Гонялся за Авфидіемъ, отъ гнѣва
Забывши жалость. Я прошу тебя—
Освободи его.

Коминій.

Святая просьба!
Хотя бъ убилъ онъ сына моего—
Останется вольнѣе вѣтра. Ларцій,
Освободить его.

Титъ Ларцій.

Какое имя
У плѣнника?

Марцій.

Клянусь Зевесомъ, вспомнить
Не въ силахъ я. Усталъ я и какъ будто
Лишился памяти. Здѣсь есть вино?

Коминій.

Идемъ въ палатку. На твоемъ лицѣ
Кровь запеклась; давно пора подумать
О перевязкахъ. Ну, идемте всѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА X.

Лагерь вольсковъ.

Крики, музыка. Входитъ Туллъ Авфидій, *весь въ крови, и нѣсколько воиновъ.*

Авфидій.

Нашъ городъ взятъ!

1-ый воинъ.

Его намъ возвратятъ
На выгодныхъ условіяхъ.

Авфидій.

Зачѣмъ я
Не римляининъ! Условіяхъ!
Зачѣмъ я
Родился здѣсь! Условія!
Какихъ
Условій ждать тотъ можетъ, кто во власти
У побѣдителей? Пять разъ я, Марцій,
Съ тобой сражался, побѣжденъ пять разъ
Я былъ тобой, и побѣждать ты будешь,
Хотя бъ съ тобой встрѣчались мы такъ часто.
Какъ хлѣбъ ѣдимъ. Стихіями клянусь—
Пусть разъ еще сойдуся я съ тобою
Лицомъ къ лицу, одинъ изъ насъ не встанетъ!
До этихъ поръ мы честно бились оба;
Теперь не то: я вижу, что тебя
Мнѣ не сломить въ простомъ единоборствѣ.
Не силой, такъ коварствомъ я добуду
Себѣ побѣду надъ моимъ врагомъ!

1-ый воинъ.

Онъ сущій дьяволъ?

Авфидій.

Онъ смѣлѣе бѣса,
Но не хитрѣй. Онъ запятналъ мнѣ славу—
Не дорожу я ею. Пусть онъ спитъ,
Пусть въ храмѣ онъ, пусть онъ лежитъ больной,
Пусть безъ меча идетъ онъ въ Капитолій—
Меня не остановятъ ни молитвы,
Ни жертвы часъ, ни торжества жрецовъ:
Чтобъ утолить вражду—пойду я смѣло
Противъ гнилыхъ законовъ и привычекъ
За мщеніемъ. Гдѣ ни найду его я,

КОРІОЛАНЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Хотя въ моей семьѣ, хоть подъ защитой
У брата кровнаго, на зло преданьямъ,
На зло гостепріимству—я руками
Изъ груди сердце вырву у него!
Ступай скорѣе въ городъ—тамъ узнаешь,
Что новаго и кто изъ гражданъ посланъ
Заложниками въ Римъ.

1-ый воинъ.

А ты не съ нами?

Авфидій.

Нѣтъ, ждутъ меня здѣсь, въ кипарисной рощѣ,
У мельницы. Туда мнѣ дай извѣстье:
Тамъ я рѣшу, что дѣлать мнѣ.

1-ый воинъ.

Я ѣду.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Народная площадь.

Входятъ Мененій Агриппа, Сициній Велутъ и Юній Брутъ.

Мененій Агриппа. Къ вечеру будутъ вѣсти. Авгуръ сказалъ это.

Брутъ. Добрыя? худыя?

Мененій Агриппа. По крайней мѣрѣ, не по народному вкусу, коли народъ не любитъ Марція.

Сициній. И звѣрь различаетъ того, кто съ нимъ ласковъ.

Мененій Агриппа. А скажи-ка мнѣ—кого, напримѣръ, волкъ любитъ?

Сициній. Ягненка.

Мененій Агриппа. Да, чтобъ его съѣсть. Такъ и голодные плебеи хотѣли бы съѣсть Марція.

Брутъ. Хорошъ ягненокъ! Зачѣмъ онъ только блѣетъ по-медвѣжьему?

Мененій Агриппа. Можетъ быть, онъ и медвѣдь, да живетъ по овечьи. Оба вы пожилые люди, такъ отвѣчайте мнѣ теперь на одинъ вопросъ.

Оба трибуна. Что же, спрашивай.

Мененій Агриппа. Скажите мнѣ: есть ли хоть одинъ грѣхъ, въ которомъ Марцій не казался бы бѣднякомъ передъ вами?

Брутъ. Нѣтъ ни одного грѣха, въ которомъ онъ бѣденъ: всѣми богатъ онъ по горло.

Сициній. А пуще всего гордостью.

Брутъ. Хвастливостью—еще болѣе.

Мененій Агриппа. Странное дѣло! А знаете ли, въ чемъ мы, порядочные люди въ городѣ, упрекаемъ вашу братью? Не знаете?

Оба трибуна. Ну, ну, въ чемъ насъ упрекаютъ?

Мененій Агриппа. Да вѣдь вы, пожалуй, разсердитесь; сейчасъ лишь рѣчь шла про гордость.

Оба трибуна. Ничего, ничего, говори себѣ.

Мененій Агриппа. Да и въ самомъ дѣлѣ, теряйте себѣ терпѣніе, бѣситесь въ волю, закусывайте удила, злитесь, сколько угодно, разумѣется, если вамъ угодно злиться. Вы браните Марція да гордость?

Брутъ. Не одни мы, добрый господинъ.

Мененій Агриппа. Знаю, знаю, что одни вы не много знаете. Помощниковъ у васъ много: безъ нихъ-то чего бы и ждать отъ васъ, ребятишекъ, кромѣ однѣхъ глупостей! Вы толкуете про гордость—а кабы умудрились заглянуть въ свои мѣшки за спинами! если бъ вамъ на себя поглядѣть хорошенько!

Брутъ. Ну, что жъ бы тогда?

Мененій Агриппа. Тогда разглядѣли бы вы оба пару безумнѣйшихъ, гордыхъ, дерзкихъ, безтолковыхъ трибуновъ, такихъ трибуновъ—или такихъ дураковъ—какихъ и въ Римѣ немного.

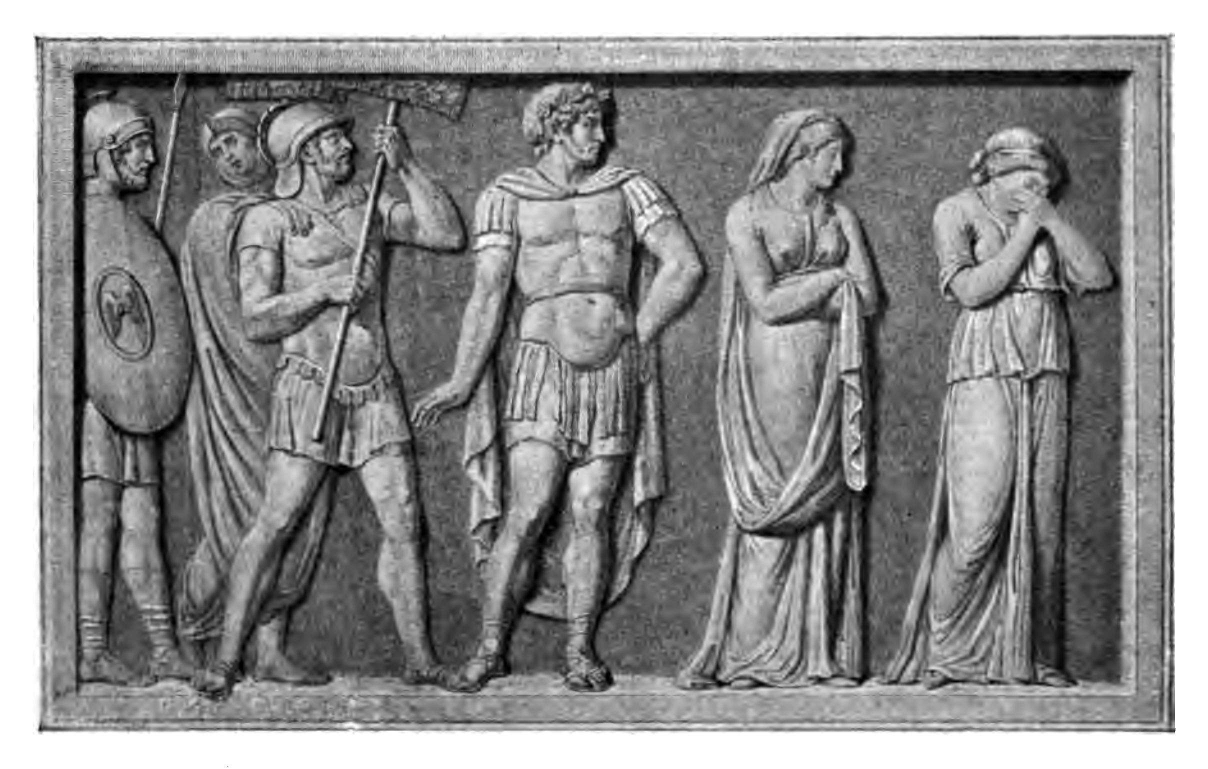
Сициній. Ну, ну, мы тебя, вѣдь, хорошо знаемъ, Мененій.

Мененій Агриппа. Меня всѣ знаютъ. Меня знаютъ за весельчака патриція, за охотника до чаши вина, въ которую не подольетъ онъ и капли воды изъ Тибра. Говорятъ, что я таю отъ первой жалобы, загораюсь, какъ трутъ, отъ малой искры, что я больше знакомъ съ хвостомъ ночи, чѣмъ со лбомъ утра. Я говорю то, что думаю, а въ сердцахъ молчать не умѣю. Встрѣчу я такихъ государственныхъ людей, какъ вы оба—не хватитъ у меня духу провозгласить васъ Ликургами. И коли ваше питье мнѣ не по нраву, я морщусь, не таясь. Не могу жъ я сказать, что ваша ослиная рѣчь отчетлива; когда другіе люди называютъ васъ достойными мужами, я не возражаю, но не могу же я не назвать лгуномъ того, кто восхищается красотой лицъ вашихъ. Все это вы про меня знаете, да изъ того не слѣдуетъ, чтобъ меня самого вы хорошо знали!

Брутъ. Довольно, довольно! Все-таки мы тебя знаемъ.

Мененій Агриппа. Не знаете вы ни меня, ни себя—да и просто ничего не знаете. Вы любите, чтобъ разные голяки вамъ кланялись; вы рады тратить цѣлое утро, рѣшая споръ между торговкой апельсинами и продавщикомъ. Схватитъ у васъ животъ во время этихъ споровъ—и все терпѣніе ваше пойдетъ прахомъ, и дѣло запутается пуще прежняго. И правый, и виноватый у васъ мошенники: это, по вашему, значитъ рѣшать споры. Оба вы порядочные чудаки, надо признаться!

Брутъ. Ну, ну, какъ будто и мы тебя не знаемъ? За столомъ ты радъ болтать безъ умолку, въ Капитоліѣ—другое дѣло.

КОРІОЛАНЪ-ТРІУМФАТОРЪ.
Барельефъ англійской скульптурши Анны Дамеръ (Anne S. Damer, 1748—1828).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Мененій Агриппа. Сами жрецы наши выучатся хохотать, часто встрѣчая вашу братью! И въ лучшей рѣчи вашей смысла меньше, чѣмъ въ покачиваніи бородъ вашихъ; а что до этихъ бородъ, то лучше бы итти имъ въ набивку ослиныхъ сѣделъ. Да, по вашему, Марцій гордъ, очень гордъ; да, онъ, и по скупой оцѣнкѣ, дороже всѣхъ вашихъ предковъ, съ Девкаліона, хоть иные изъ нихъ и были потомственными палачами. Прощайте же, достойные пастухи плебейскаго стада: голова закружится отъ болтовни съ вами. Осмѣливаюсь вамъ откланяться.

(Брутъ и Сициній отходятъ въ глубину сцены).

Входятъ Волумнія, Виргилія *и* Валерія.

Мененій Агриппа. Что съ вами, мои прекрасныя и благородныя дамы? Куда это вы спѣшите, соперницы луны непорочной? Куда вы глядите съ такимъ нетерпѣніемъ?

Волумнія. Почтенный Мененій, мы встрѣчаемъ моего сына Марція. Идемте же, ради Юноны!

Мененій Агриппа. Какъ! Марцій вступаетъ въ городъ?

Волумнія. Да, достойный Мененій, и съ великою славою.

Мененій Агриппа (*кидая шапку вверхъ*). Вотъ тебѣ моя шапка и мой привѣтъ, великій Юпитеръ! Марцій вернулся къ намъ?

Волумнія и Виргилія. Да, да, это вѣрно.

Волумнія. Смотри, вотъ его письмо ко мнѣ. Въ сенатѣ получено другое, его женѣ пришло третье, а одно уже къ тебѣ послано.

Мененій Агриппа. Весь мой домъ сегодня пляшетъ отъ радости! Письмо ко мнѣ?

Виргилія. Я его сама видѣла.

Мененій Агриппа. Письмо ко мнѣ? Оно принесетъ мнѣ на семь лѣтъ здоровья. Что мнѣ въ лѣкаряхъ? Какое ихъ пойло сравнится съ такимъ лѣкарствомъ? Раненъ Марцій? Онъ всегда возвращался домой раненымъ.

Виргилія. О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Волумнія. Да, онъ раненъ: хвала богамъ за это!

Мененій Агриппа. Хвала богамъ! Лишь бы раны не были опасны. Раны идутъ къ нему; и побѣду принесъ онъ въ карманѣ?

Волумнія. На челѣ, Мененій. Третій разъ вступаетъ онъ съ дубовымъ вѣнкомъ въ городъ.

Мененій Агриппа. Хорошо проучилъ онъ Авфидія?

Волумнія. Титъ Ларцій пишетъ, что они бились между собою. Авфидій бѣжалъ отъ сына.

Мененій Агриппа. И хорошо сдѣлалъ—даю мое слово! Быть на его мѣстѣ не захотѣлъ бы я за все золото въ Коріоли. Сенатъ обо всемъ уже знаетъ?

Волумнія. Валерія, Виргилія—идемте же! Да, да, да, сенату писано все—ему писано, что мой сынъ превзошелъ всѣ свои прежнія дѣла, что за нимъ останется вся слава цѣлаго похода.

Валерія. Про него разсказываютъ чудеса.

Мененій Агриппа. И правду говорятъ—даю мое слово!

Виргилія. Боги—пусть все это будетъ правда!

Волумнія. Правда? еще бы!

Мененій Агриппа. Правда? Ручаюсь, что все правда. (*Трибунамъ, которые приближаются*). Привѣтъ вамъ, почтенные мужи! Марцій вступаетъ въ городъ—теперь-то онъ загордится пуще прежняго. (*Волумніи*). Куда онъ раненъ?

Волумнія. Въ плечо—въ лѣвую руку. Ему будетъ, что показать народу при случаѣ. Семь разъ былъ онъ раненъ, когда отбивались отъ Тарквинія.

Мененій Агриппа. Одна рана на шеѣ, двѣ на ногѣ—всего девять мнѣ извѣстныхъ.

Волумнія. На немъ было двадцать пять ранъ передъ этимъ походомъ.

Мененій Агриппа. Теперь ихъ двадцать семь—каждая была гибелью для супостата. (*Трубы*). Слышите, трубятъ.

Волумнія.
Такъ, это вѣсть о Марціи! Предъ нимъ
Народъ ликуетъ. Вопли побѣжденныхъ
За нимъ несутся. Черной смерти духъ
Живетъ во взмахѣ рукъ его могучихъ!

Трубы. Входятъ **герольдъ, Коминій** *и* **Титъ Ларцій,** *между двумя послѣдними* **Коріоланъ** *въ дубовомъ вѣнкѣ, за ними вожди и воины.*

Герольдъ.
Пусть знаетъ Римъ, что средь столицы вражьей
Одинъ сражался Марцій, что съ побѣдой
Себѣ онъ добылъ къ прежнимъ именамъ
Прозванье славное Коріолана!
Привѣтъ тебѣ отъ Рима, побѣдитель!
Привѣтъ тебѣ, Коріоланъ нашъ славный!
(*Трубы*).

Народъ.
Привѣтъ тебѣ, Коріоланъ нашъ славный!

Коріоланъ.
Прошу васъ, перестаньте: сердцу больно.
Довольно съ васъ.

Коминій.
Смотри, здѣсь мать твоя.

Коріоланъ (*матери, становясь на колѣни*).
О, знаю я—ты всѣхъ боговъ молила
Послать мнѣ счастья!

Волумнія.
Встань, мой добрый воинъ,
Мой милый Марцій, храбрый Кай—встань!
Какое имя новое со славой
Ты добылъ! Встань же, мой Коріоланъ!
Вотъ и жена твоя!

Коріоланъ.
Привѣтъ тебѣ,
Моя смиренница! Ужели бъ стала
Смѣяться ты, меня встрѣчая мертвымъ,
Когда теперь, при славной этой встрѣчѣ,
Ты вся въ слезахъ? О, милая моя,
Въ Коріоли такъ плачутъ вдовы падшихъ
И матери бездѣтныя!

Мененій Агриппа.
Пусть боги
Тебя теперь вѣнчаютъ!

Коріоланъ (*Агриппѣ*).
Мой старикъ,
Ты живъ еще! (*Валеріи*). Ты здѣсь, прости меня,
Валерія прекрасная!

Волумнія.
Не знаю,
Куда и повернуться! Всѣхъ съ возвратомъ
Привѣтствую! Привѣтъ тебѣ отъ насъ,
Нашъ полководецъ! Всѣмъ вамъ мой привѣтъ!

Мененій Агриппа.
Сто тысячъ вамъ привѣтовъ! Я готовъ
И плакать, и смѣяться. Мнѣ легко
И вмѣстѣ тяжело. Привѣтъ мой всѣмъ!
Пусть будетъ проклятъ тотъ, кто не съумѣетъ
Порадоваться на тебя! Васъ трехъ
Весь Римъ лелѣять долженъ, хоть, признаться,

Здѣсь есть дички, къ которымъ не привьешь
Расположенья къ вамъ. Вожди, здорово!
Крапивой мы привыкли звать крапиву
И глупостью—глупцовъ дѣла.

Коминій.
Ты правъ.

Коріоланъ.
Все прежній ты, Мененій.

Герольдъ.
Прочь съ дороги!
Впередъ, впередъ.

Коріоланъ (*матери и женѣ*).
Давайте руки ваши!
Предъ отдыхомъ въ родномъ дому я долженъ
Привѣтствовать патриціевъ почтенныхъ
За ласку ихъ и почесть.

Волумнія.
Дожила я
До исполненья всѣхъ моихъ мечтаній,
Всѣхъ помысловъ моихъ. Одно желанье
Еще осталось мнѣ—и нѣтъ сомнѣнья,
Что Римъ его исполнитъ.

Коріоланъ.
Нѣтъ, родная,
Пусть лучше римлянамъ служить я буду
По-моему, чѣмъ править ихъ дѣлами
По-ихнему!

Коминій.
Впередъ же въ Капитолій!
(*Трубы. Прежнее торжественное шествіе. Уходятъ всѣ, кромѣ двухъ трибуновъ*).

Брутъ.
Все говоритъ о немъ: слѣпые люди,
Чтобъ на него взглянуть, очки надѣли;
Забывъ дѣтей, ревущихъ изступленно,
Глаза таращатъ няньки на него,
Прикрывши шею лучшею тряпицей,
На стѣну лѣзутъ грязныя кухарки
И жадно смотрятъ. Окна и ворота
Запружены толпою; по заборамъ
Верхомъ сидятъ зѣваки: все слилось
Въ одномъ желаньи жадномъ—и жрецы,
Которыхъ рѣдко видимъ мы въ народѣ,
Толкаются въ толпѣ, а жены сами,
Забывши покрывала, предаютъ
Лобзаньямъ Феба нѣжный свой румянецъ.
Подумаешь, что богъ какой-нибудь
Его привелъ и слился вмѣстѣ съ нимъ,
Чтобы придать ему очарованье.

Сициній.
Ручаюсь я—сейчасъ ему дадутъ
Санъ консула.

Брутъ.
И наша власть уснетъ
При консулѣ такомъ.

Сициній.
Нѣтъ, не способенъ
Онъ перенесть спокойно эту почесть
И кончить такъ, какъ началъ. Потеряетъ
Онъ все, что добылъ.

Брутъ.
Это хоть отрадно!

Сициній.
Вѣрь мнѣ—народъ, съ которымъ заодно мы,
Народъ, недавно такъ ему враждебный,
При первомъ поводѣ, легко забудетъ
Всю эту славу новую. Ручаюсь—
За поводомъ не будетъ остановки
При гордости его.

Брутъ.
При мнѣ онъ клялся,
Что онъ не будетъ консульства искать
Такъ, какъ другіе: не пойдетъ на площадь
Не станетъ надѣвать передъ народомъ
Смиренія одежду и, на раны
Показывая, не попроситъ онъ
Согласія у смрадныхъ ротозѣевъ.

Сициній.
Вотъ это хорошо.

Брутъ.
Такъ онъ сказалъ:
Онъ не захочетъ консульства иначе,
Какъ по желанью и по просьбѣ знати.

Сициній.
Пусть будетъ такъ, пускай онъ все исполнитъ,
Какъ ты сказалъ.

Брутъ.
И онъ исполнитъ это.

Сициній.
И тутъ-то онъ, какъ мы того желаемъ,
Погибнетъ самъ.

Брутъ.
Одно изъ двухъ теперь:
Онъ или сила наша. Поспѣшимъ же
Народу то припомнить, какъ всегда

Онъ презиралъ народъ, какъ онъ старался
Плебеевъ обращать въословъ презрѣнныхъ,
Какъ зажималъ онъ рты друзьямъ народа,
Какъ ополчался противъ нашихъ правъ,
Считая чернь—по свойствамъ и душѣ—
Не выше тѣхъ верблюдовъ, что при войскѣ
Везутъ припасы, получая кормъ
За тяжкую работу, и которыхъ
Жестоко бьютъ, когда они подъ ношей
Повалятся.

Сициній.

Все то, что ты сказалъ,
Народу мы разскажемъ, пусть лишь только
Онъ дерзостью своею образумитъ
Слѣпую чернь; а это будетъ скоро.
Мы подстрекнемъ его, какъ подстрекаютъ
Собаку на барановъ—а тогда
Плебеи вспыхнутъ, словно тощій хворостъ,
И закоптятъ его навѣкъ.

Входитъ вѣстникъ.

Сициній.

Что скажешь?

Вѣстникъ.

Васъ въ Капитолій требуютъ. Ужъ слышно,
Что Марцій будетъ консуломъ. Я видѣлъ—
Слѣпцы толкались, чтобъ его послушать,
Глухіе, чтобъ взглянуть ему въ лицо;
Когда онъ шелъ, свои платки, повязки
Ему кидали женщины и дѣвы.
Патриціи склонялись передъ нимъ,
Какъ предъ кумиромъ Зевса; изъ толпы же
Дождемъ летѣли шапки и привѣты
Неслись, какъ громъ. Нѣтъ никогда не видѣлъ
Я ничего подобнаго!

Брутъ.

Скорѣй
Идемъ же въ Капитолій. Будемъ слушать
И видѣть то, что дѣлается нынче,
Въ душѣ къ событіямъ инымъ готовясь.

Сициній. Идемъ же. *(Уходятъ).*

СЦЕНА II.

Капитолій.

Входятъ два служителя *съ подушками для скамеекъ.*

1-ый служитель. Иди, иди, сейчасъ они будутъ. А сколько всѣхъ—кто ищетъ консульства?

2-ой служитель. Трое, какъ слышно, да едва ли кто пересилитъ Коріолана.

1-ый служитель. Храбрецъ онъ—нечего сказать—только гордъ, да и къ народу ужъ очень неласковъ.

2-ой служитель. Эхъ! Да сколько сильныхъ людей льстили народу—и понапрасну, а другихъ народъ любилъ, и сами они не знаютъ—за что: такъ стало-быть, коли чернь умѣетъ любить безъ толку, то и ненавидитъ она безъ причины! А Коріоланъ это знаетъ: онъ не заботится ни о любви, ни о ненависти черни, да по своей откровенности и не скрываетъ этого.

1-ый служитель. Коли бы ему было все равно, любъ онъ или нелюбъ народу—не сталъ бы онъ дѣлать ни зла, ни добра черни. Нѣтъ, онъ словно ищетъ ненависти народной: поминутно силится выказать себя открытымъ противникомъ плебеевъ. А напрашиваться на вражду черни такъ же худо, какъ и льстить ей, какъ ухаживать за толпою.

2-ой служитель. Онъ честно служилъ отечеству. Онъ прославился не пустяками, не поклонами народу; онъ умѣлъ сдѣлать то, что молчать о его славѣ, не цѣнить заслугъ его—есть и неблагодарность, и преступленіе. Кто унижаетъ его, тотъ лжетъ и самъ готовитъ себѣ наказаніе.

1-ый служитель. Довольно, довольно—онъ славный человѣкъ. Прочь съ дороги—сюда идутъ.

Трубы. Входятъ, имѣя ликторовъ впереди, консулъ Коминій, Мененій Агриппа, Коріоланъ, *сенаторы,* Сициній Велутъ *и* Юній Брутъ. *Сенаторы занимаютъ свои мѣста, трибуны садятся на своихъ.*

Мененій Агриппа.

Такъ какъ ужъ мы за Ларціемъ послали
И съ вольсками рѣшили всѣ дѣла,
То остается намъ—и это цѣль,
Съ которою мы всѣ сюда собрались—
Вознаградить великія заслуги
Того, кто такъ за родину стоялъ.
И потому я предложить осмѣлюсь
Вамъ, честные и мудрые отцы,
Сидящаго здѣсь консула и вмѣстѣ
Начальника въ минувшей славной брани
Просить о томъ, чтобъ передалъ онъ намъ
Хоть часть одну великихъ дѣлъ, свершенныхъ
Каіемъ Марціемъ Коріоланомъ,
Съ которымъ здѣсь сошлись мы всѣ, желая
Благодарить его и честью должной
Ему воздать.

КОНСУЛЫ, СЕНАТОРЫ и КОРІОЛАНЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.
Коминій благородный,
Рѣчь за тобой. Не сокращай разсказа—
Пусть усомнимся мы не въ нашей волѣ,
Но въ средствахъ государства для награды!

(Трибунамъ).

У васъ теперь, избранники народа,
Вниманія мы просимъ, а затѣмъ
Предстательства и дружественной рѣчи
О томъ, что мы рѣшимъ.

СИЦИНІЙ.
Отрадна намъ
Собранья цѣль, и мы душой готовы
Почтить Коріолана по заслугамъ.

БРУТЪ.
И радостнѣй намъ было бъ дѣло это,
Когда бъ онъ самъ цѣнилъ народъ побольше,
Чѣмъ до сихъ поръ.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Не кстати рѣчь твоя:
Молчалъ бы лучше ты. Желаешь слушать
Коминія?

БРУТЪ.
Желаю и, однако,
Скажу тебѣ, что рѣчь моя была
Умѣстнѣй, чѣмъ твое опроверженье.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Оставь его. Онъ любитъ вашъ народъ:
Не требуй же, чтобъ онъ въ одной постели
Съ нимъ вмѣстѣ спалъ. Коминій благо-
родный,
Ты можешь говорить.

(Коріоланъ хочетъ уйти).

Куда же ты?
Останься.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.
Садись, Коріоланъ. О славномъ дѣлѣ
Разсказовъ не стыдятся.

КОРІОЛАНЪ.
Нѣтъ, отцы,
Отъ ранъ моихъ пріятнѣе лѣчиться,
Чѣмъ вспоминать про нихъ.

БРУТЪ.
Надѣюсь я,
Что не мои слова тебѣ мѣшаютъ
Остаться здѣсь.

КОРІОЛАНЪ.
Конечно, не твои,
Хотя отъ словъ я бѣгалъ чаще, чѣмъ
Отъ вражескихъ ударовъ. Ты не льстишь
И, стало-быть, меня не оскорбляешь;
А твой народъ люблю я такъ, какъ онъ
Того достоинъ.

Мененій Агриппа.
Ну, садись, садись же.

Коріоланъ.
Нѣтъ, ни за что. Скорѣе въ часъ тревоги
Безъ дѣла стану я сидѣть на солнцѣ
И голову почесывать, чѣмъ слушать
Дѣламъ моимъ ничтожнымъ похвалу!
(Уходитъ).

Мененій Агриппа.
Смотрите, представители народа—
Сойдется ль онъ съ болтающей и вздорной
Толпою вашей, если онъ не въ силахъ
Разсказа слушать о своихъ побѣдахъ?
Коминій, говори.

Коминій.
Для этой рѣчи
Мой голосъ слабъ: къ дѣламъ Коріолана
Онъ не подходитъ. Если вѣримъ мы,
Что мужество вѣнецъ людскихъ достоинствъ,
Что храбрый вождь достоинъ высшей славы,
То воинъ, о которомъ рѣчь идетъ,
Себѣ подобныхъ не имѣетъ въ мірѣ!
Когда на Римъ войною шелъ Тарквиній,
Онъ, юношей въ шестнадцать лѣтъ, сражался
Храбрѣе взрослыхъ. Нашъ диктаторъ славный
Самъ видѣлъ, какъ щетинистыя губы
Бѣжали передъ голымъ подбородкомъ.
Въ глазахъ вождя онъ подоспѣлъ на помощь
Поверженному воину и тутъ же
Троихъ враговъ убилъ, потомъ пошелъ
Тарквинію на встрѣчу, и въ сраженьи
Его свалилъ онъ съ ногъ. Въ тотъ славный день,
Когда съ лица онъ могъ играть на сценѣ
Роль женщины, за мужество въ бою
Его вѣнкомъ дубовымъ увѣнчали.
Такъ началъ онъ—и росъ, подобно морю,
Въ честномъ пылу семнадцати сраженій,
Награды всѣхъ лишая. А теперь,
Чтобъ передать всѣ подвиги его
Въ Коріоли и въ битвахъ этой брани,
Не въ силахъ я придумать словъ достойныхъ.
Онъ бѣглецовъ остановилъ, онъ трусамъ
Своимъ примѣромъ мужество внушилъ;
Онъ шелъ впередъ такъ, какъ летитъ по морю
Корабль подъ парусами—и предъ нимъ
И падали, и разступались люди,
Какъ бы трава морская. Весь въ крови,
Поднявши мечъ и сѣя съ каждымъ взмахомъ
Смерть на враговъ, одинъ ворвался онъ
Въ Коріоли открытыя ворота.
Тамъ бился онъ одинъ и безъ подмоги;
Оттуда вышелъ, собралъ силу нашу
И снова налетѣлъ на вражій городъ,
Такъ, какъ звѣзда летитъ съ небесъ, и съ боя
Онъ городъ взялъ. Все кончено, но вотъ
Средь тишины онъ слышитъ чуткимъ ухомъ
Звукъ дальней битвы и идетъ опять,
Забывъ усталость, кровь свою и раны,
На помощь къ намъ, и снова въ жаркой сѣчѣ
Ниспровергаетъ вражескую рать,
И цѣлый день, покуда не рѣшилась
И города, и битвы той судьба,
Ни разу онъ не далъ себѣ мгновенья,
Чтобъ духъ перевести.

Мененій Агриппа.
Достойный мужъ!

1-ый сенаторъ.
И почесть та, что приметъ онъ отъ насъ,
Къ нему пристанетъ.

Коминій.
Бранную добычу
Онъ оттолкнулъ; на цѣнныя награды
Глядѣлъ онъ, какъ на грязь. Онъ меньше взялъ,
Чѣмъ могъ бы дать ему послѣдній скряга—
И лучшую себѣ онъ видитъ плату
Въ самихъ дѣлахъ.

Мененій Агриппа.
Да, благороденъ онъ.
Позвать его!

1-ый сенаторъ.
Призвать Коріолана!

1-ый служитель.
Онъ ужъ идетъ сюда.

Коріоланъ *возвращается.*

Мененій Агриппа.
Коріоланъ,
По волѣ благороднаго сената,
Санъ консула вручается тебѣ.

Коріоланъ.
Въ его рукахъ и жизнь моя, и служба.

Мененій Агриппа.
Теперь одно осталось: долженъ ты
Держать къ народу рѣчь.

Коріоланъ.
Позвольте мнѣ
Обычай этотъ миновать: не въ силахъ
Я стать полунагимъ передъ толпою,

Указывать ей раны и за нихъ
Униженно просить избранья. Нѣтъ,
Такой обрядъ тяжелъ мнѣ.

Сициній.

И, однако,
Народъ имѣетъ голосъ: уклоненій
Отъ древняго обряда онъ не стерпитъ.

Мененій Агриппа (*Коріолану*).

Не раздражай его. Прошу тебя,
Смирись передъ обычаемъ народнымъ,
И санъ добудь себѣ, какъ добывали
Его издревле консулы.

Коріоланъ.

Мнѣ стыдно
Такую роль играть, и я хотѣлъ бы
Не повторять ея передъ народомъ.

Брутъ (*Сицинію*).

Ты слышишь ли?

Коріоланъ.

Могу ли я хвалиться,
Себя хвалить—показывать тѣ раны,
Что зажили и скрыты быть должны?
Какъ будто получилъ я ихъ, желая
Народу угодить!

Мененій Агриппа.

Оставь упрямство!
Трибуны, поручаемъ вамъ теперь
Народу передать рѣшенье наше.
Затѣмъ отъ всѣхъ отъ насъ Коріолану
Передаемъ мы всякихъ благъ желанье.

1-ый сенаторъ.

Желаемъ мы всѣхъ благъ Коріолану!
(*Трубы. Сенаторы расходятся*).

Брутъ.

Ты видишь, какъ намѣренъ обращаться
Съ народомъ онъ?

Сициній.

Когда бы догадались
О томъ плебеи!

Брутъ.

Мы передадимъ
О томъ, что было здѣсь. Идемъ скорѣе:
Я знаю, насъ ужъ ждутъ на площади.

СЦЕНА III.

Тамъ же. Площадь.

Входитъ толпа гражданъ.

1-ый гражданинъ. Нечего толковать: коли онъ попроситъ голосовъ нашихъ, ему не будетъ отказа.

2-ой гражданинъ. Будетъ, коли захотимъ.

3-ій гражданинъ. Конечно, мы имѣемъ на то право, да вправѣ ли мы теперь имѣть это право? Если онъ разскажетъ намъ свои дѣла и покажетъ свои раны, чей языкъ повернется противъ этихъ ранъ на худое дѣло? Неблагодарность—чудовищна, и неблагодарный народъ—чудовище, а кто изъ насъ захочетъ быть частью чудовища?

1-ый гражданинъ. Да и теперь ужъ мы почти что чудовище. Помнишь, когда мы возстали изъ-за хлѣба, онъ же насъ прозвалъ многоголовою толпою.

3-ій гражданинъ. Многіе такъ насъ прозывали. И не за то, что у насъ головы у иныхъ черны, у иныхъ бѣлобрысы, у иныхъ плѣшивы, а за то, что умы наши черезчуръ разноцвѣтны. Я самъ думаю, что если бъ нашимъ умамъ пришлось выбраться изъ черепа, они разомъ разлетѣлись бы по всѣмъ точкамъ компаса.

2-ой гражданинъ. Вотъ какъ! Ну, а мой умъ куда бы полетѣлъ? въ какую сторону?

3-ій гражданинъ. Да еще есть ли онъ у тебя? Онъ забитъ такъ далеко, что, пожалуй, и не вылетитъ.

2-ой гражданинъ. Однако, куда именно?

3-ій гражданинъ. На югъ, гдѣ туману побольше. Тамъ три четверти его растаютъ среди гнилыхъ паровъ, приносимыхъ южнымъ вѣтромъ, а послѣдняя четверть изъ совѣстливости вернется къ тебѣ, чтобы помочь тебѣ раздобыть жену.

2-ой гражданинъ. Вѣчно отпускаетъ шутки! Ну, продолжай.

3-ій гражданинъ (*толпѣ*). Ну, что же съ голосами? Хотите дать ему ваши? Впрочемъ, пусть большинство рѣшитъ, какъ знаетъ, я все-таки скажу—люби онъ народъ побольше, не было бы въ свѣтѣ такого хорошаго консула.

Входятъ Коріоланъ *и* Мененій Агриппа.

3-ій гражданинъ. Вотъ онъ и самъ, въ нарядѣ смиренія—смотрите же, какъ онъ будетъ себя вести. Кстати, однако, не надо намъ стоять всѣмъ вмѣстѣ, станемъ подходить къ нему вдвоемъ, втроемъ, по-

одиночкѣ. Пусть онъ проситъ каждаго особо—тогда каждый дастъ свой голосъ своимъ языкомъ, съ должной честью. Идите же всѣ за мною—я разскажу, какъ надо проходить будетъ.

Всѣ. Хорошо, хорошо. *(Уходятъ).*

Мененій Агриппа.
Нѣтъ, ты не правъ. Достойнѣйшіе люди
Всегда обычай этотъ соблюдали.

Коріоланъ.
Что жъ говорить мнѣ надо? „Мужъ почтенный,
Прошу тебя!“ Проклятье! Не умѣю
На этотъ ладъ я свой языкъ настроить.
„Взгляни, достойный мужъ, на эти раны,
Я добылъ ихъ въ бою, въ тотъ самый часъ,
Когда иные изъ твоихъ собратій
Бѣжали съ ревомъ...“

Мененій Агриппа.
Боги! Нѣтъ, не надо
Имъ говорить про это. Ты проси ихъ,
Чтобъ вспомнили тебя.

Коріоланъ.
Меня? Чтобъ имъ
Здѣсь удавиться! Пусть они забудутъ
Меня совсѣмъ, какъ честность позабыли
Ту, что жрецы совѣтуютъ!

Мененій Агриппа.
Я вижу,
Ты все погубишь. Ну, прощай покуда.
Еще прошу тебя—будь ласковъ съ ними.
Не забывай же! *(Уходитъ).*

Коріоланъ.
Прежде ты скажи,
Чтобы они свои умыли рожи
Да вычистили зубы. А, идутъ!

(Входятъ два гражданина).
Вотъ цѣлыхъ двое.

(Входитъ 3-ій гражданинъ).
Доблестные мужи,
Вы знаете, зачѣмъ стою я здѣсь?

3-ій гражданинъ.
Мы знаемъ. Для чего жъ стоишь ты здѣсь?

Коріоланъ.
Изъ-за моихъ заслугъ.

2-ой гражданинъ.
Твоихъ заслугъ?

Коріоланъ.
Конечно, не по собственной охотѣ.

3-ій гражданинъ.
Какъ не по собственной?

Коріоланъ.
Я не хотѣлъ бы
Моею просьбой бѣдняковъ смущать.

3-ій гражданинъ. Не забывай, однако, что если ты получишь что-нибудь отъ насъ, то, конечно, получишь не даромъ.

Коріоланъ.
А коли такъ, то объяви теперь же,
Что можетъ стоить консульство?

1-ый гражданинъ.
Одной
Радушной просьбы.

Коріоланъ.
Просьбы? хорошо,
Такъ дай же мнѣ его. На мнѣ есть раны,
Я покажу тебѣ ихъ, если хочешь,
Когда-нибудь наединѣ.
(2-му гражданину). И ты,
Почтенный мужъ, дай мнѣ свой голосъ.
Что же
Ты скажешь мнѣ?

2-ой гражданинъ.
Онъ твой, достойный воинъ!

Коріоланъ.
Ну, сторговались мы. Какъ жалкій нищій,
Я выпросилъ два голоса. Спасибо
За подаяніе. Теперь прощайте.

3-ій гражданинъ.
А странно что-то!

2-ой гражданинъ.
Если бъ снова... Ну!
Что сдѣлано, того не перемѣнишь.
(Уходятъ).

Входятъ еще два гражданина.

Коріоланъ. Прошу васъ—коли оно согласно съ расположеніемъ вашимъ—вашихъ голосовъ на мое консульство. Видите, я въ установленномъ обычаемъ нарядѣ.

4-ый гражданинъ. Ты честно служилъ и не служилъ отечеству.

Коріоланъ. То есть?

5-ый гражданинъ. Ты былъ бичомъ для враговъ и плетью для друзей родины: никогда не любилъ ты простого народа.

Знаменитый англійскій актеръ Кембль (John Kemble, 1757—1823) въ роли Коріолана.

Коріоланъ. Лучше бы тебѣ цѣнить меня за то, что я не расточалъ моей любви спроста всякому. Впрочемъ, достойный мужъ, теперь я намѣренъ угождать народу. Я стану ему льстить, гоняться за его пріязнью; если онъ любитъ мои поклоны больше, чѣмъ мою душу—что же!—я выучусь и кланяться. Я буду лицемѣрить, стану поддѣлываться подъ привычки друзей черни и услужу всякому по его желанію. А потому, испрашиваю вашего согласія на мое консульство.

5-ый гражданинъ. Мы надѣемся на твою пріязнь и охотно даемъ тебѣ голоса наши.

4-ый гражданинъ. Ты получилъ много ранъ за отечество!

Коріоланъ. Такъ зачѣмъ же ихъ и показывать, если ты про нихъ знаешь? Я слишкомъ цѣню ваши голоса, а потому не намѣренъ безпокоить васъ долѣе.

Оба гражданина. Пусть же боги пошлютъ тебѣ счастіе! (*Уходятъ*).

Коріоланъ.

О, какъ мнѣ сладки эти голоса!
Нѣтъ, лучше умереть голодной смертью,
Чѣмъ нами жъ заслуженную награду
Выпрашивать! Зачѣмъ стою я здѣсь
Въ одеждѣ жалкой и у Дика съ Гобомъ
Я голосовъ прошу? Таковъ обычай.
Но если бы обычаю во всемъ
Повиновались мы, никто не смѣлъ бы
Пыль старины сметать, а правдѣ вѣкъ
Сидѣть бы за горами заблужденій.
Зачѣмъ себя позорю я? Не лучше ль
Другому предоставить честь и мѣсто?
Нѣтъ, я ужъ много вытерпѣлъ, осталось
Стерпѣть и остальную часть. Идутъ.

(*Входятъ еще три гражданина*).

Другіе голоса: граждане Рима,
Прошу я голосовъ. Для нихъ я бился,
Для вашихъ голосовъ ночей не спалъ,
Для вашихъ голосовъ ношу на тѣлѣ
Ранъ боевыхъ двѣ дюжины; я видѣлъ
И слышалъ восемнадцать битвъ тяжелыхъ;
Для вашихъ голосовъ свершилъ я много
И важныхъ, и не очень важныхъ дѣлъ.
Давайте жъ голоса; я въ самомъ дѣлѣ
Хочу быть вашимъ консуломъ, граждане.

6-ой гражданинъ. Онъ свершилъ много подвиговъ, ни одинъ честный человѣкъ не откажетъ ему въ голосѣ.

7-ой гражданинъ. Конечно, пускай будетъ онъ консуломъ. Да благословятъ его боги, и пусть дадутъ они ему любовь къ народу.

Всѣ. Да, да, да! Да здравствуетъ благородный консулъ. (*Уходятъ*).

Коріоланъ. Почетные голоса!

Входитъ Мененій Агриппа *съ* Брутомъ *и* Сициніемъ.

Мененій Агриппа.

Прошелъ часъ испытанья: ужъ несутъ
Тебѣ трибуны голоса плебеевъ.
Теперь, въ одеждѣ консульской, ты долженъ
Въ сенатъ явиться.

Коріоланъ.

Кончено ли дѣло?

Сициній.

Ты выполнилъ прошенія обрядъ,
Народъ согласенъ—и теперь осталось
Избранье утвердить.

Коріоланъ.

Въ сенатѣ?

Сициній.

Да.

Коріоланъ.

Такъ я могу одежду эту сбросить?

Сициній.

Конечно, можешь.

Коріоланъ.

Я переодѣнусь
И, сдѣлавшись опять самимъ собой,
Явлюсь въ сенатъ.

Мененій Агриппа.

И я пойду съ тобою.
А вы?

Брутъ.

Мы скажемъ слова два народу.

Сициній.

Прощайте жъ (*Коріоланъ и Мененій Агриппа уходятъ*). Такъ—добился онъ до цѣли!
Глаза его восторгомъ такъ и блещутъ!

Брутъ.

Какъ гордо онъ въ смиренія одеждѣ
Сейчасъ стоялъ! Что, распустить народъ?

Входитъ толпа гражданъ.

Сициній (*народу*).

Ну, что, друзья? онъ выбранъ?

1-ый гражданинъ.
Голоса
Ему мы дали.

Брутъ.
Молимъ боговъ,
Чтобъ оправдалъ довѣріе онъ ваше!

2-ой гражданинъ.
Такъ, такъ. А все жъ спроста мнѣ показалось,
Что онъ просилъ народныхъ голосовъ
Какъ будто на-смѣхъ.

3-ій гражданинъ.
Я замѣтилъ то же:
Онъ просто издѣвался надъ народомъ.

1-ый гражданинъ.
Нѣтъ, не смѣялся онъ! ужъ онъ всегда
Такъ говоритъ.

2-ой гражданинъ.
Одинъ ты такъ болтаешь;
Мы жъ всѣ безъ исключенья догадались,
Что презираетъ насъ онъ. Показалъ ли
Онъ намъ слѣды заслугъ, на тѣлѣ раны?

Сициній.
Конечно, показалъ онъ ихъ.

Всѣ граждане.
Нѣтъ, нѣтъ,
Никто ихъ не видалъ.

3-ій гражданинъ.
Сказалъ онъ намъ,
Что раны есть, что ихъ онъ намъ покажетъ
Когда-нибудь наединѣ—и, гордо
Помахивая шапкой, онъ прибавилъ!
„Мнѣ хочется быть консуломъ: обычай
Старинный требуетъ отъ васъ согласья—
А потому мнѣ нужны голоса".
Когда жъ мы согласилися: „спасибо
За ваши голоса", сказалъ онъ намъ:
„Почтеннѣйшіе голоса, теперь
Покончили мы съ вами—такъ прощайте".
Ужъ это не насмѣшка ль?

Сициній.
Какъ же вы,
Глупцы, того не поняли тотчасъ же
И, какъ толпа безмозглыхъ ребятишекъ,
Разстались съ голосами?

Брутъ.
Для чего
Не говорили съ нимъ вы такъ, какъ васъ
Тому учили? Для чего ему
Вы не сказали, что во время службы,
Безъ власти въ государственныхъ дѣлахъ,
Онъ постоянно былъ врагомъ народа;
Что противъ вашихъ правъ онъ возставалъ,
Что противъ всякой льготы для плебеевъ
Онъ рѣчь держалъ? Что ежели при власти
Онъ не смягчитъ своей вражды къ народу,
То ваши голоса на васъ самихъ
Бѣду обрушатъ. Такъ вамъ должно было
Сказать ему: что если по заслугамъ
Достоинъ онъ санъ консульскій принять,
То, все-таки, любить онъ долженъ васъ
И, въ благодарность за народный выборъ,
Свою вражду на дружество смѣнить,
Радѣть о васъ, быть другомъ вашимъ!

Сициній.
Если бъ
Вы рѣчь держали такъ, какъ васъ учили,
То онъ разгорячился бы и прямо
Себя вамъ высказалъ. Одно изъ двухъ:
Иль обѣщалъ бы онъ плебеямъ льготы
И вы могли, при случаѣ, ему
Напоминать объ этихъ обѣщаньяхъ,
Иль, что вѣрнѣе, духъ его строптивый,
Уступокъ и обѣтовъ вѣчный врагъ!
Прорвался бы съ запальчивостью рьяной,
И вы тогда имѣли бъ основанье
Его не выбрать.

Брутъ.
Видѣли вы сами,
Что онъ, нуждаяся въ пріязни вашей,
Васъ презиралъ открыто: что же будетъ
Тогда, какъ онъ къ презрѣнію прибавитъ
Возможность васъ давить и сокрушать?
Что натворили вы? Иль сердца нѣту
У васъ въ груди? иль языкъ вамъ данъ
Затѣмъ лишь, чтобъ вопить противъ разсудка?

Сициній.
На то ли вамъ случалось отвергать
Чужія просьбы, чтобъ теперь, безъ нужды,
Безъ просьбы, голоса давать тому,
Кто смѣло издѣвается надъ ними?

3-ій гражданинъ.
Еще не утвержденъ онъ—можно будетъ
Его отвергнуть.

2-ой гражданинъ.
Мы его отвергнемъ!
Я голосовъ пять сотъ сейчасъ добуду.

1-ый гражданинъ.
Я тысячу и больше.

Брутъ.

Такъ сейчасъ же
Идите всѣ къ друзьямъ своимъ: скажите
Вы имъ, что консулъ ими выбранъ славный,
Что онъ лишитъ ихъ всякихъ льготъ и станетъ
Держать ихъ, какъ собакъ, которыхъ бьютъ,
Когда онѣ и лаютъ и не лаютъ!

Сициній.

Сберитесь всѣ и уничтожьте тутъ же
Свой безразсудный выборъ; не забудьте
Припомнить гордость Марція, а также
Старинную его вражду къ плебеямъ.
Скажите всѣмъ, съ какимъ презрѣньемъ онъ
Стоялъ средь васъ въ смиренія одеждѣ,
Съ какой насмѣшкой голосовъ искалъ;
Признайтесь всѣмъ, что лишь одинъ почетъ
Къ его недавнимъ подвигамъ не далъ вамъ
Замѣтить сразу оскорбленій этихъ,
Ему внушенныхъ ненавистью къ намъ.

Брутъ.

Сложите всю вину на насъ, трибуновъ,
Скажите всѣмъ, что мы, наперекоръ
Народнымъ опасеньямъ, всѣхъ склоняли
На пользу Марція.

Сициній.

Что онъ и выбранъ
По нашимъ настояньямъ, что, повѣривъ
Вы убѣжденьямъ нашимъ, неохотно,
Противъ желанья, подали свой голосъ
За Марція. Пусть мы всему причиной.

Брутъ.

Да, не щадите насъ. Скажите всѣмъ,
Что мы трубили про его побѣды,
Про то, какъ рано онъ пошелъ на службу,
Какъ долго онъ отечеству служилъ,
Какъ доблестенъ родъ Марціевъ, откуда
Произошли: Гостилія наслѣдникъ,
Анкъ Марцій, римскій царь и Нумы внукъ,
Квинтъ съ Публіемъ, которые въ нашъ Римъ
Впервые провели водопроводы,
И Цензоринусъ, дорогой плебеямъ,
Такъ названный за то, что дважды былъ
Здѣсь цензоромъ.

Сициній.

Что мы одни твердили
Про родъ его высокій и про доблесть,
Прославившую Марція, что мы
Ввели васъ въ заблужденье этой рѣчью,
Но что теперь, все обсудивши здраво,
Припомнивъ прежнее и оцѣнивъ
Его гордыню, въ немъ вы признаете
Врага закоренѣлаго—и разомъ
Свой выборъ отмѣняете.

Брутъ.

Сильнѣе
На то вы упирайтесь, что трибуны
Виной ошибки въ выборѣ, а тамъ,
Собравши голоса, скорѣй идите
Всѣ въ Капитолій.

Всѣ.

Такъ, пойдемъ! Ужъ всѣ
Раскаялися въ выборѣ! *(Уходятъ).*

Брутъ.

Пускай
Идутъ себѣ. Намъ выгоднѣй теперь же
Возстанье изготовить, чѣмъ другого,

Остатки древнѣйшей части римскаго форума.
(Храмъ Кастора и Полукса, V в. до Р. Х.).

Страшнѣйшаго возстанья ожидать.
Намъ надо ждать; о Марціи жъ мы знаемъ,
Что ихъ отказъ разгнѣваетъ его—
И мы тогда запальчивостью этой
Воспользуемся.

Сициній.

Надо намъ итти
Теперь же въ Капитолій, чтобъ въ тотъ часъ,
Когда туда потокъ народа хлынетъ,
Никто не могъ про насъ съ тобой подумать,
Что мы его къ волненью подстрекнули.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Римѣ.

Трубы. Входятъ Коріоланъ, Мененій Агриппа, Коминій, Титъ Ларцій, *сенаторы и патриціи.*

Коріоланъ.
Итакъ, Авфидій все не укротился?

Титъ Ларцій.
Нѣтъ, все грозитъ онъ; потому и миромъ
Мы поспѣшили.

Коріоланъ.
Стало-быть, и вольски
Попрежнему минуты выжидаютъ,
Чтобы на насъ нагрянуть?

Коминій.
Честный консулъ,
Изнурены они, и намъ едва ли
Въ нашъ вѣкъ придется снова увидать
Знамена вольсковъ.

Коріоланъ.
Гдѣ жъ теперь Авфидій?
Его видалъ ты?

Титъ Ларцій.
Онъ ко мнѣ являлся
И проклиналъ согражданъ, сдавшихъ городъ.
Теперь онъ удалился къ анціатамъ.

Коріоланъ.
Онъ про меня не говорилъ ли?

Титъ Ларцій.
Да.

Коріоланъ.
Что жъ говорилъ онъ?

Титъ Ларцій.
То, что въ цѣломъ мірѣ
Ему нѣтъ человѣка ненавистнѣй;
Онъ говорилъ про то, какъ часто вы
Встрѣчалися съ мечомъ на полѣ брани;
Что онъ отдалъ бы весь достатокъ свой
За то, чтобъ одолѣть тебя.

Коріоланъ.
Теперь
Онъ въ Анціумѣ?

Титъ Ларцій.
Въ Анціумѣ.

Коріоланъ.
Да,
Хотѣлъ бы я съ нимъ снова повстрѣчаться
На новую борьбу!
(*Титу Ларцію*). Тебя съ возвратомъ
Я поздравляю.

Входятъ Сициній *и* Брутъ.

Коріоланъ.
Вонъ идутъ трибуны,
Дрянные языки народной пасти.
Они противны мнѣ: нѣтъ силъ сносить
Ихъ болтовни кичливой! (*Хочетъ итти*).

Сициній.
Стой!—не смѣй
Ходить на площадь!

Коріоланъ.
Что?

Брутъ.
Не смѣй—опасно
На площади!

Коріоланъ.
Какъ?

Мененій Агриппа.
Что за перемѣна?

Коминій.
Онъ избранъ и сенатомъ, и народомъ!

Брутъ.
Нѣтъ, онъ не избранъ.

Коріоланъ.
Развѣ отъ мальчишекъ
Я добылъ голоса?

Сенаторы.
Трибуны, прочь—
Дорогу консулу.

Брутъ.
Народъ взволнованъ
Противъ него.

Синицій.
Не двигайтесь—не то,
Не миновать возстанья.

Коріоланъ.
Вотъ оно,
Вотъ стадо ваше! Вотъ къ чему ведутъ
Права на голосъ данныя тому,
Кто самъ готовъ отъ словъ своихъ отречься!

(*Трибунамъ*).
Чего жъ глядите вы? Уста народа
Съ его зубами справиться не въ силахъ?
Иль сами вы...

Мененій Агриппа.
Ну, полно—успокойся.

Коріоланъ.
Здѣсь заговоръ—здѣсь явное желанье
Итти противъ патриціевъ и власти!
Что жъ? уступите! поживите вмѣстѣ
Съ народомъ, неспособнымъ управлять,
А надъ собой властей не признающимъ!

Брутъ.
Нѣтъ, то—не заговоръ. Народъ кричитъ,
Что ты надъ нимъ смѣялся, что недавно,
Во время даровой раздачи хлѣба,
Ты осуждалъ ее, что ты открыто
Защитниковъ народа поносилъ,
Звалъ ихъ врагами власти и льстецами!

Коріоланъ.
Всѣ это прежде знали.

Брутъ.
Нѣтъ, не всѣ.

Коріоланъ.
Такъ ты теперь и разгласилъ?

Брутъ.
Кто? я?

Коминій.
Способенъ ты на это.

Брутъ.
Такъ же мало,
Какъ и хвалить тебя.

Коріоланъ.
А, въ самомъ дѣлѣ,
Къ чему мнѣ консульство? Клянуся Зевсомъ,
Мнѣ выгодно унизиться. (*Бруту*). А ты
Возьми меня въ товарищи-трибуны.

Сициній.
Вотъ и теперь ты высказалъ вполнѣ
То, чѣмъ народъ взволнованъ. Если хочешь
Достигнуть цѣли—спрашивай учтивѣй
О томъ пути, съ котораго ты сбился.
Безъ этого ни консуломъ не будешь,
Да и трибуномъ также.

Мененій Агриппа.
Тише, тише,
Прошу я васъ.

Коминій.
Обмануть нашъ народъ.
Всѣ эти споры недостойны Рима,
И нашъ Коріоланъ не заслужилъ
Такой преграды подлой и обидной
На славномъ поприщѣ.

Коріоланъ.
Напомнить смѣютъ
Они про хлѣбъ! Я говорилъ тогда
То, что скажу и нынче.

Мененій Агриппа.
Послѣ, послѣ.

1-ый сенаторъ.
Нѣтъ, не теперь: взволнованъ ты.

Коріоланъ.
Такъ что же?
Теперь, клянусь въ томъ жизнью. Вы, друзья,
Меня простите въ томъ;
А что до черни, смрадной и безпутной,
Я льстить не въ силахъ ей, и пусть она
Въ моихъ рѣчахъ любуется собою.
Я повторю при всѣхъ, что угождая
Плебейской волѣ, сѣемъ сами мы
Посѣвы буйства, дорзости и бунта;
Что сами мы для нихъ вспахали землю;
Что сами мы взростили сѣмя злое,
Позволивши съ собой смѣшаться черни,
Пустить ее въ нашъ благородный сонмъ
И власти часть отдавши этимъ нищимъ!

Мененій Агриппа.
Довольно же.

Сенаторы.
Довольно, перестань!

Коріоланъ.
Какъ перестань? Я, не страшась враговъ,
За родину лилъ кровь на полѣ брани,
Такъ побоюсь ли я слова чеканить,
Покуда цѣлы легкія мои,
На обличенье прокаженныхъ этихъ,
Къ которымъ мы идемъ на встрѣчу?

Брутъ.

Стой!
Ты смѣешь говорить противъ народа,
Какъ богъ-каратель—не какъ человѣкъ,
По слабости съ нимъ равный.

Сициній.

Должно будетъ
Плебеямъ это передать.

Мененій Агриппа.

Ты станешь
Переносить слова, что онъ сказалъ
Въ минуту гнѣва?

Коріоланъ.

Гнѣва? Никогда!
Будь я покойнѣе, чѣмъ сонъ полночный,
Клянусь Зевесомъ, я сказалъ бы то же!

Сициній.

Такъ пусть рѣчь эта одному тебѣ
Отравой будетъ.

Коріоланъ.

Будетъ! Каково?
Каковъ тритонъ снѣтковъ и мелкихъ рыбокъ!
Какъ повелительно онъ произнесъ
Намъ слово: *будетъ!*

Коминій.

Нѣтъ въ томъ ничего
Противнаго законамъ.

Коріоланъ.

Будетъ! будетъ!
О, добрые и слабые отцы,
Сенатъ почтенный, но не дальновидный!
Затѣмъ ли вы народной гидрѣ дали
Трубу и голосъ въ этихъ болтунахъ,
Чтобы они съ своимъ строптивымъ „будетъ"
Открыто собиралися направить
Въ болото вашъ властительный потокъ!
Когда у нихъ на то хватаетъ силы,
Склоняйтесь же, безумцы, передъ ними!
А если нѣтъ—опомнитесь и бросьте
Вы гибельную слабость. Мудры вы,
Такъ не сходитесь съ глупыми, но если
Вы сами глупы, то сажайте ихъ
Съ собою рядомъ! Если вы плебеи,
Они сенаторы—слышнѣй ихъ голосъ,
Чѣмъ ваши голоса. Избрала чернь
Себѣ сановника—и онъ теперь
Кидаетъ слово дерзостное „будетъ"
Въ глаза собранью доблестныхъ мужей,
Какого и у грековъ не бывало.
Клянусь Зевесомъ! консульская власть
Унижена, и сердцу больно видѣть,
Какъ между двухъ разрозненныхъ властей
Тѣснятся смуты и одну изъ нихъ
Другою ломятъ!

Коминій.

Полно, всѣ на площадь!

Коріоланъ.

Тотъ, кто совѣтъ вамъ далъ—запасы хлѣба
Безъ платы раздавать, какъ иногда
Оно у грековъ дѣлалось...

Мененій Агриппа.

Довольно!

Коріоланъ.

Хоть тамъ народъ имѣлъ и больше власти,
Совѣтомъ тѣмъ—я говорю открыто—
Вскормилъ онъ своевольство и бѣду
Для родины.

Брутъ.

Какъ? и народъ свой голосъ
Отдастъ тому, кто это говоритъ?

Коріоланъ.

Дослушай дѣло—поважнѣй оно,
Чѣмъ голосъ черни! Знаютъ всѣ плебеи,
Что не въ награду данъ имъ этотъ хлѣбъ.
Чѣмъ былъ заслуженъ даръ? Когда стояли
Враги на сердцѣ родины—народъ
За ворота отказывался вытти!
За подвиги такіе не даютъ
Безплатно хлѣба! А подъ знаменами
Чѣмъ удальство свое онъ показалъ?
Одними бунтами противъ сената.
Кто обвиненья вздорныя придумалъ?
Вѣдь, не за нихъ же щедро раздаютъ
Награды хлѣбомъ. Я спрошу теперь,
Какъ понята угодливость сената
Желудкомъ черни? Всѣ дѣла плебеевъ
Намъ говорятъ яснѣе словъ: „насъ больше!
Мы захотѣли хлѣба—и отъ страху
Они намъ дали хлѣбъ". И святость власти
Унижена, и снисхожденье наше
Зовется трусостью—и близко время,
Когда спадутъ замки съ воротъ сената,
А галки налетятъ клевать орловъ!

Мененій Агриппа.

Довольно же.

Брутъ.

Довольно, и съ излишкомъ.

Коріоланъ.

Нѣтъ, стой, бери еще! Конецъ дослушай,
А въ истинѣ его я поклянусь
И небомъ, и землею. Эта власть,

КОРІОЛАНЪ: прочь, гниль негодная!
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Распавшаяся надвое—заставитъ
Забыть про благо родины и Римъ
Сведетъ къ ничтожеству. Тамъ, гдѣ одни
Правители другихъ бранятъ безумно,
Гдѣ имъ за дерзость платятъ справедливымъ
Презрѣніемъ, гдѣ родъ и санъ и мудрость
Безсильны предъ крикливымъ большинствомъ,
Тамъ нѣтъ дорогъ разумному правленью,
Тамъ нѣтъ порядка! Потому теперь
Я заклинаю всѣхъ, кто дорожитъ
Законами родной земли, кто кротокъ,
Но безъ боязни вдаль глядѣть умѣетъ,
Кто любитъ славу больше долгой жизни—
Рѣшайтесь на опасное лѣченье.
Не бойтесь потрясти больное тѣло:
И безъ того въ немъ смерть. Рѣшитесь разомъ.
Многоголосный вырвите языкъ,
Чтобъ онъ несмѣлъ питаться сладкимъ ядомъ!
Опомнитесь! вашъ собственный позоръ
Лишаетъ власть единства и свободы:
Вы на добро безсильны—нѣту хода
Ему отъ зла, опутавшаго васъ.

Брутъ.

Онъ высказался весь.

Сициній.

Какъ злой измѣнникъ,
Онъ говорилъ и будетъ отвѣчать,
Какъ всѣ измѣнники.

Коріоланъ.

Скорѣй, мерзавецъ,
Отъ бѣшенства ты лопнешь. Для чего
Народу эти лысые трибуны?
Чтобъ, опершись на нихъ, пытался онъ
Тягаться съ высшей властью? Ихъ избрали
При бунтѣ, въ смутный часъ, когда была
Закономъ сила; нынче часъ другой.
Пусть право будетъ правомъ; сбросьте въ прахъ
Вы ту власть!

Брутъ.

Открытая измѣна!

Сициній.

И это консулъ? Никогда!

Брутъ.

Эдилы!
Сюда! схватить его!

Входитъ эдилъ.

Сициній.

Созвать народъ!
(Эдилъ уходитъ. Коріолану).
Отъ имени народа, обвиняю
Тебя, какъ нарушителя законовъ,
Какъ общаго врага. Иди за мной,
Иди къ отвѣту....

Коріоланъ.

Прочь, сѣдой козелъ!

Сенаторы.

Мы за него въ отвѣтѣ.

Коминій *(Сицинію).*

Руки прочь,
Старикъ!
(Сициній хочетъ схватить Марція).

Коріоланъ *(Сицинію).*

Прочь, гниль негодная! Не то—
Изъ этихъ тряпокъ вытрясу я кости!

Сициній.

На помощь, граждане!

Входятъ эдилы *и толпа гражданъ.*

Мененій Агриппа *(Коріолану и Сицинію).*

Опомнитесь! Приличіе!

Сициній.

Народъ,
Вотъ человѣкъ, который власть твою
Отнять намѣренъ.

Брутъ.

Взять его подъ стражу,
Эдилы!

Граждане.

Смерть! Убить его сейчасъ же!

Сенаторы.

Оружіе сюда!
(Толпятся вокругъ Коріолана).

Трибуны! стойте!
Эй, граждане! патриціи, Сициній!
Коріоланъ! Брутъ! граждане!

Граждане.

Въ чемъ дѣло?
Остановитесь! стойте!

Мененій Агриппа.

Быть бѣдѣ!
Я задыхаюсь—говорить нѣтъ силы!
Трибуны, говорите. Успокойся,
Коріоланъ! Ну, что же, говори,
Сициній добрый!

Сициній.

Граждане, сюда!
Молчать и слушать рѣчь мою.

Граждане.

Молчите!
Послушаемъ трибуна. Говори же!

Сициній.

Намъ всѣмъ грозитъ утрата нашихъ правъ!
Ихъ отнимаетъ Марцій, вашъ избранникъ
Въ санъ консула.

Мененій Агриппа.

Опомнись, это значитъ
Не усмирять, а бунтовать!

1-ый сенаторъ.

И городъ
Сравнять съ землей.

Сициній.

А что такое городъ?
Народъ есть городъ.

Граждане.

Дѣльно! правда, правда!
Народъ есть городъ.

Брутъ.

Съ общаго согласья,
Мы саномъ представителей народа
Облечены.

Граждане.

И мы довольны вами.

Мененій Агриппа.

Вашъ санъ при васъ останется.

Коріоланъ.

При нихъ?
Затѣмъ, чтобъ городъ палъ, чтобъ кровли башенъ
Свалились въ прахъ и сила государства
Подъ грудой развалинъ погреблась?

Сициній.

Рѣчь эта стоитъ казни.

Брутъ.

Время намъ
За нашу власть вступиться иль навѣки
Разстаться съ ней. Отъ имени народа,
Народа, насъ избравшаго, теперь же
Мы осуждаемъ Марція на смерть—
Немедленную смерть!

Сициній.

Взвести его

На верхъ скалы Тарпейской
и низвергнуть
Его оттуда.

БРУТЪ.
Взять его, эдилы!

ГРАЖДАНЕ.
Сдавайся, Марцій!

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Слушайте, трибуны!
Одно лишь слово!

ЭДИЛЫ.
Тише! тише! тише!

МЕНЕНІЙ АГРИППА (*трибунамъ*).
Опомнитесь, коль вы друзья
народа!
Откиньте гнѣвъ, поразсудите прежде
О дѣлѣ всемъ...

БРУТЪ.
При гибельномъ недугѣ
Холодная медлительность
вреднѣе,
Чѣмъ смертный ядъ. Скорѣй схватить его
И на утесъ!

КОРІОЛАНЪ (*обнажаетъ мечъ*).
Я лучше здѣсь умру!
Изъ васъ иные ужъ меня
видали
Передъ врагомъ, теперь вы
на себѣ
Извѣдайте, каковъ я.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Стой! Трибуны!
Назадъ, назадъ! Вложи свой
мечъ!

БРУТЪ.
Скорѣе!
Схватить его!

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Патриціи, сюда!
Спасайте Марція! Всѣ, всѣ сюда!

ГРАЖДАНЕ.
Смерть, смерть ему, измѣннику, злодѣю.

(*Происходитъ схватка. Трибуны, народъ и эдилы отбиты прочь*).

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Иди въ свой домъ! Скорѣй, иль все погибнетъ.

РИМСКАЯ МАТРОНА.
(*Античная статуя*).

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.
Иди домой!

КОРІОЛАНЪ.
Сомкнемся—силы равны,
У насъ друзей довольно.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Неужели
До этого дойдетъ?

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.
Избави, Небо!
Прошу тебя, нашъ благородный другъ,
Иди къ себѣ—мы все устроимъ.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Да.
Вѣдь, это язва общая—безъ
насъ
Тебѣ не сладить съ ней.
Иди скорѣе
Домой.

КОРІОЛАНЪ.
Зачѣмъ не варвары они,
А римляне, на срамъ родной земли
Зачатые у входа въ Капитолій!

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Иди домой—не медли же.
Въ молчаньи
Смири свой правый гнѣвъ;
пора отплаты
Придетъ сама.

КОРІОЛАНЪ.
Полсотни этихъ тварей
Я положилъ бы въ чистомъ
полѣ.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Самъ
Убрать бы могъ я лучшихъ
двухъ—пожалуй,
Хоть и трибуновъ.

КОМИНІЙ.
Здѣсь нельзя бороться;
Одни безумцы силятся на плечахъ
Поддерживать валящееся зданье.
Иди къ себѣ, пока не ворвалась сюда толпа,
какъ бѣшеный потокъ,
Прорвавшій всѣ плотины.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.
Такъ, иди.
Я жъ попытаю, что мой старый умъ

Придумать можетъ для людей безумныхъ.
Пора какой-нибудь заплатой пестрой
Бѣду поправить.

Коминій (*Коріолану*).
Я съ тобой. Пойдемъ!
(*Уходитъ съ Коріоланомъ и нѣсколькими сенаторами*).

1-ый патрицій.
Самъ погубилъ онъ счастіе свое!

Мененій Агриппа.
Онъ слишкомъ чистъ и прямъ душой для міра:
Онъ не польститъ Нептуну за трезубецъ,
Юпитеру—за право громъ метать!
Его душа на языкѣ; онъ смѣло
Всѣмъ говоритъ, что въ сердцѣ родилось,
А въ гнѣвѣ забываетъ онъ, что слышалъ
Когда-то слово: смерть. (*Шумъ за сценой*).
Ну, будутъ хлопоты!

2-ой патрицій.
О, лучше бъ спали
Они теперь!

Мененій Агриппа.
Пускай хоть въ самомъ Тибрѣ!
Что стоило ему держать къ нимъ рѣчь
Поласковѣе!

Входятъ Брутъ *и* Сициній *съ толпой народа.*

Сициній.
Гдѣ ехидна эта,
Гдѣ тотъ, кто хочетъ городъ обезлюдить
И самъ быть всѣмъ?

Мененій Агриппа.
Почтенные трибуны...

Сициній.
Онъ будетъ сброшенъ со скалы Тарпейской:
Онъ сталъ противъ закона, а законъ
Безъ розысканій предаетъ его
Во власть имъ оскорбленнаго народа!

1-ый гражданинъ.
Да, пусть пойметъ онъ, что уста гражданъ
Въ трибунахъ нашихъ, мы же—руки ихъ.

Всѣ граждане. Да, пусть онъ это знаетъ.

Мененій Агриппа. Выслушайте меня.

Сициній. Молчи!

Мененій Агриппа.
Зачѣмъ бѣснуетесь вы, если можно
Безъ шума все покончить?

Сициній.
Отчего
Ему помогъ ты вырваться отъ насъ?

Мененій Агриппа.
Послушайте, я знаю хорошо
Заслуги консула и знаю также,
Въ чемъ грѣшенъ онъ.

Сициній.
Про консула какого
Ты говоришь?

Мененій Агриппа.
Про консула Коріолана.

Брутъ.
Что?
Онъ консулъ?

Граждане.
Нѣтъ, не консулъ онъ! нѣтъ! нѣтъ!

Мененій Агриппа.
Когда народъ нашъ добрый и трибуны
На то согласны, я бъ желалъ сказать
Имъ слова два. Потеря въ томъ какая?
Немного времени.

Сициній.
Такъ говори,
Да покороче: надо намъ скорѣй
Покончить съ той змѣей. Изгнать его
Опасно будетъ; здѣсь его оставивъ,
Мы сами пропадемъ—а потому
Сегодня же онъ умретъ.

Мененій Агриппа.
Благіе боги
Допустятъ ли, чтобъ нашъ великій Римъ,
Котораго признательность и память
О доблести своихъ великихъ гражданъ
Занесены въ Юпитереву книгу,
Какъ звѣрь безчувственный, свое дитя
Пожралъ бы самъ!

Сициній.
А развѣ язву злую
Не вырѣзаемъ мы?

Мененій Агриппа.
Нѣтъ, онъ не язва—
Онъ членъ больной, способный къ исцѣленью.
Ты отсѣки тотъ членъ—и все пропало!
Чѣмъ провинился онъ передъ отчизной,
Чѣмъ заслужилъ онъ смерть? Тѣмъ, что разилъ
Онъ родины враговъ? Тѣмъ, что за Римъ
Онъ пролилъ больше крови, чѣмъ теперь
Въ его осталось жилахъ? Если вы

Прольете тотъ остатокъ—срамъ великій
И вѣчный насъ покроетъ.

Сициній.
Пустяки!

Брутъ.
И вздоръ одинъ. Когда онъ Римъ любилъ,
Его мы чтили.

Мененій Агриппа.
Забывать должно ли
О томъ, что омертвѣвшая нога
Служила прежде намъ.

Брутъ.
Чего тутъ слушать!
Идите въ домъ къ нему, скорѣй возьмите
Его оттуда, чтобъ зараза эта
Не разошлась и на другихъ.

Мененій Агриппа.
Одно,
Одно лишь слово. Съ быстротою тигра
Спѣшитъ вашъ гнѣвъ—смотрите жъ, чтобъ потомъ
И слишкомъ поздно не пришлося вамъ
Оплакивать ту скорость! По закону
Начните судъ. Вѣдь, онъ друзей имѣетъ,
Пойдетъ борьба—и нашъ великій Римъ
Погибнетъ черезъ римлянъ.

Брутъ.
Если такъ...

Сициній.
Что ты болтаешь—или не видали
Мы, какъ онъ повинуется закону?
Кто руку поднялъ на эдиловъ? Кто
Трибунамъ воспротивился?
(*Народу*). Идемъ! же!

Мененій Агриппа.
Подумайте—онъ вскормленъ былъ войной
Съ тѣхъ поръ, какъ мечъ поднять въ немъ стало силы,
Гдѣ могъ рѣчамъ онъ краснымъ научиться?
Вотъ почему теперь онъ безъ разбора
Мякину и муку заразъ намъ сыплетъ.
Позвольте мнѣ сходить къ нему; быть можетъ,
Къ законному суду онъ самъ придетъ
Съ покорностью.

1-ый сенаторъ.
Почтенные трибуны,
Такъ лучше будетъ; иначе безъ крови
Не обойдется дѣло и—какъ знать,
Чѣмъ кончится оно.

Сициній.
Ну, хорошо,
Мененій добрый: мы съ тобой согласны.
Такъ поступай отъ имени народа,
Какъ знаешь. (*Народу*). Эй, оружіе сложить!

Брутъ (*народу*).
Не расходиться!

Сициній.
Мы на площади
Сойдемся всѣ. Туда ты приведешь
Къ намъ Марція, не то—мы все покончимъ,
Какъ думали сейчасъ.

Мененій Агриппа.
Прійдемъ мы оба.

(*Сенаторамъ*).
Пойдемте всѣ къ нему. Итти онъ долженъ,
Иль все пропало.

Сенаторы.
Такъ идемъ къ нему.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Коріолана.

Входятъ Коріоланъ *и патриціи.*

Коріоланъ.
Пускай грозятся растоптать меня
Копытами коней, пусть обѣщаютъ
Мнѣ смерть на колесѣ, пусть взгромоздятъ
Утесовъ десять на утесъ Тарпейскій,
Пусть до небесъ они его поднимутъ—
Я тотъ же съ ними буду.

Входитъ Волумнія.

1-ый патрицій.
Благородно
Ты говоришь.

Коріоланъ.
Дивлюсь я одному:
Какъ мать моя, ихъ знавшая всегда
Презрѣнными рабами, торгашами,
Безмолвными зѣваками въ собраньяхъ,
Гдѣ о войнѣ и мирѣ говорятъ
Достойнѣйшіе люди—какъ она
Теперь мои поступки осуждаетъ!
(*Увидавъ Волумнію.*)
Рѣчь про тебя идетъ. Затѣмъ ты хочешь,
Чтобъ уступилъ я имъ? Неужто я
Тебѣ въ угодность долженъ измѣнить
Своей природѣ? Лучше я останусь
Тѣмъ, чѣмъ я созданъ—такъ ли?

Волумнія.

Сынъ мой, сынъ мой!
Ты прежде облеклись во власть, а тамъ
ужъ
Изнашивай ее!

Коріоланъ.

Пускай она
Износится!

Волумнія.

И безъ тревогъ всѣхъ этихъ
Ты могъ всегда остаться тѣмъ, чѣмъ созданъ.
Зачѣмъ, не выждавши своей минуты,
Ты высказался весь передъ врагомъ?

Коріоланъ.

Пускай ихъ перевѣшаютъ!

Волумнія.

И даже
Сожгутъ потомъ.

Входитъ Мененій Агриппа.

Мененій Агриппа (*Коріолану*).

Ну, ну, признайся намъ,
Что ты былъ жостокъ, даже грубъ отчасти.
Пойдемъ на площадь и поправимъ дѣло.

1-ый сенаторъ.

Иначе нѣтъ спасенья—смуты вспыхнутъ
Въ родной землѣ и пропадетъ нашъ городъ!

Волумнія.

Прошу тебя, послушай ихъ совѣта:
Я по душѣ строптивѣе, чѣмъ ты;
Но знаю я, что должно вспышки гнѣва
Велѣніямъ разсудка подчинять.

Мененій Агриппа.

Волумнія, ты правду намъ сказала:
Когда бъ не польза общая, когда бъ
Не тягостный недугъ временъ тяжелыхъ—
Не сталъ бы я къ уступкамъ подлой черни
Его склонять, а лучше бъ, черезъ силу,
Тяжелые доспѣхи самъ надѣлъ.

Коріоланъ.

Что долженъ сдѣлать я?

Мененій Агриппа.

Со мной вернуться
Къ трибунамъ.

Коріоланъ.

Хорошо; а послѣ, послѣ?

Мененій Агриппа.

Въ своихъ рѣчахъ предъ ними повиниться.

Коріоланъ.

Я этого передъ лицомъ боговъ
Свершить не въ силахъ: какъ же передъ
ними
Я повинюсь?

Волумнія.

Въ упорствѣ безполезномъ
Нѣтъ благородства. Гордость тамъ вредна,
Гдѣ крайность говоритъ. Не отъ тебя ль
Слыхала я, что мужество и хитрость—
Подруги неразлучныя—вдвоемъ
Взросли на полѣ брани? Если такъ,
То для чего ты рознишь ихъ при мирѣ?

Коріоланъ.

Молчи, молчи!

Мененій Агриппа.

Разуменъ твой вопросъ.

Волумнія.

Коль на войнѣ скрывать не стыдно намъ
Намѣренья свои отъ супостата,
Коль на войнѣ обманывать врага
Полезно и спасительно, зачѣмъ же
И безъ войны, въ опасный часъ и трудный,
Передъ врагомъ хитрить не можешь ты?

Коріоланъ.

Къ чему вся рѣчь твоя?

Волумнія.

Къ тому, чтобъ ты
Теперь рѣшился говорить съ народомъ
Не такъ, какъ самъ бы ты хотѣлъ того,
Не такъ, какъ сердце гнѣвное стремится,
Но чуждыми душѣ твоей словами
И незаконнымъ ложнымъ языкомъ.
Повѣрь мнѣ—не унизишь ты себя
Такою рѣчью. Вражескую крѣпость
Взять выгоднѣе крѣпкимъ увѣщаньемъ,
Чѣмъ неудачу тяжкій бой поднять.
Наперекоръ природѣ, я сама
Безъ ропота готова притворяться,
Коль надобно друзей своихъ спасать
И будущность свою. Тебя мы всѣ—
Твоя жена, твой сынъ, отцы сената—
О томъ же просимъ; но тебѣ милѣй
Упрямо хмуриться передъ толпою,
Чѣмъ, приласкавъ ее, добыть себѣ
Привязанность народа, безъ которой
Мы всѣ погибли.

Мененій Агриппа.

Дивная жена! (*Коріолану*).
Идемъ же вмѣстѣ. Ласкою спасешься
Ты отъ опасности и возвратишь,
Что кажется потеряннымъ.

Волумнія.
Мой сынъ,
Иди, прошу тебя. Передъ народомъ
Смиренно, съ непокрытой головою,
Съ ужимками униженными стань.
Коль нужно то—склони свои колѣни:
Движенія краснорѣчивѣй слова;
Глаза невѣждъ смышленѣй, чѣмъ ихъ уши.
Смири свой гордый духъ, твори поклоны—
И сердце пусть смягчится у тебя,
Какъ спѣлый плодъ. Иди, скажи плебеямъ,
Что ты ихъ воинъ, что въ бояхъ ты взросъ
И кротостью не могъ обогатиться;
Что этимъ недостаткомъ ты теперь
Народу неугоденъ показался.
Но что, любя народъ, намѣренъ ты
Перемѣнить себя и стать такимъ,
Какъ граждане желаютъ справедливо.

Мененій Агриппа.
И если ты все выполнишь—народъ
Тебѣ отдастъ сердца свои. Вѣдь, чернь
И на прощенье такъ же таровата,
Какъ на слова пустыя.

Волумнія.
Умоляю,
Послушайся! Сама я знаю: слаще
Тебѣ сойтись на бой съ врагомъ своимъ
Въ пучинѣ огненной, чѣмъ льстить ему
Между цвѣтовъ. Идетъ сюда Коминій.

Входитъ Коминій.

Коминій *(Коріолану)*.
Я былъ на площади: или готовься
Ты силой силу встрѣтить, иль смирись,
Или бѣги изъ Рима. Все возстало!

Мененій Агриппа.
Одна бы рѣчь покорная.

Коминій.
Конечно,
Она поможетъ, если онъ согласенъ
Сказать ее.

Волумнія.
Онъ долженъ—стало быть,
Ее онъ скажетъ.
(Сыну). Ну, скажи жъ „согласенъ"
И выходи.

Коріоланъ.
Ужели долженъ я
Предъ ними стать съ открытой головою
И рабскимъ языкомъ, и ложью подлой
Позорить сердце доблестное? Ну,
Я уступаю вамъ, но знайте всѣ—
Когда бы чернь грозила только мнѣ,
Я бы скорѣе позволилъ истереть
Себя во прахъ и разбросать по вѣтру.
Идемъ на площадь! Дали вы задачу,
Съ которой мнѣ не сладить.

Коминій.
Мы готовы
Помочь тебѣ.

Волумнія.
Мой милый сынъ, когда-то
Ты говорилъ, что похвалы мои
Въ тебя вдохнули воинскую доблесть.
Коль хочешь новыхъ, сдѣлай то, чего
Еще не дѣлалъ ты.

Коріоланъ.
Такъ, рѣшено!
Прочь, гордость честная: пусть поселится
Во мнѣ душа развратницы! Пусть голосъ,
Когда-то покрывавшій звуки трубъ,
Поспорить съ рѣчью евнуха пискливой
Иль съ колыбельной пѣсенкой дѣвчонки!
Зову себѣ холопскую улыбку
Я на уста, и пусть изъ глазъ моихъ
Польются слезы школьниковъ! Добуду
Себѣ языкъ у нищаго: какъ нищій,
Я стану гнуть колѣна,
Которыя лишь гнулись въ стременахъ.
Все сдѣлаю. Нѣтъ, не могу, не въ силахъ
Я предъ собою лгать. Подобнымъ дѣломъ
Себя пріучишь къ подлости навѣкъ!

Волумнія.
Какъ хочешь, сынъ. Моленьями моими
Я болѣе унизилась сама,
Чѣмъ могъ ты унижаться передъ чернью.
Пусть гибнетъ все—и матери твоей
Отъ гордости сыновней гибнуть легче,
Чѣмъ ждать въ тоскѣ, чѣмъ кончится твое
Безумное упрямство. Какъ и ты,
Я не страшуся смерти. Поступай,
Какъ знаешь самъ. Безстрашіе свое
Ты отъ меня всосалъ, но гордость эту
Ты добылъ самъ себѣ.

Коріоланъ.
Идемъ на площадь!
Мать, не кори меня: я повинуюсь—
Я вымолю привязанность отъ нихъ,
Я буду льстить и ворочусь домой
Любимцемъ римской черни. Погляди,
Я ужъ иду. Женѣ моей привѣтъ
Ты передай. Я консуломъ вернуся,
А если нѣтъ, то пусть не довѣряютъ
Впередъ моимъ способностямъ на лесть.

Волумнія.
Какъ хочешь, такъ и поступай. *(Уходитъ)*.

Коминій.

Идемъ же:
Трибуны ждутъ. Вооружись въ отвѣтахъ
Великой кротостью: враги, какъ слышно,
Собрали обвиненія, важнѣй
Всѣхъ прежнихъ обвиненій.

Коріоланъ.

Хорошо,
Пусть взводятъ на меня, что имъ угодно—
Я честно имъ отвѣчу.

Мененій Агриппа.

Да—и кротко.

Коріоланъ.

Да, кротко. Да, я имъ отвѣчу кротко.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Форумъ.

Входятъ Сициній Велутъ *и* Юній Брутъ.

Брутъ.

Всего сильнѣе нападай на то,
Что онъ хотѣлъ похитить власть, а если
Онъ въ этомъ оправдается, припомни
Его вражду всегдашнюю къ плебеямъ,
Да намекни, что бранная добыча,
Отъ анціатовъ взятая, досель
Еще не роздана.

Входитъ эдилъ.

Брутъ.

Ну, что—идетъ онъ?

Эдилъ.

Идетъ.

Брутъ.

Кто съ нимъ.

Эдилъ.

Мененій старый
И нѣсколько сенаторовъ, всегдашнихъ
Его друзей.

Сициній.

Ты взялъ съ собою списокъ
Народнымъ голосамъ?

Эдилъ.

Онъ у меня.

Сициній.

Ихъ помѣстилъ по трибамъ?

Эдилъ.

Помѣстилъ.

Сициній.

Сбери жъ народъ скорѣй. Внуши ему,
Что чуть скажу я: „въ силу нашей власти
И правъ народныхъ будетъ то и то“,
Что бъ ни сказалъ я: пеню, смерть, изгнанье,
Народу надо тотчасъ крикъ поднять:
Коль я скажу про смерть, то—„смерть ему!“
Коль пеню—„пеню! пеню“, опираясь
На дѣло правое и власть плебеевъ.

Эдилъ.

Все будетъ сдѣлано.

Брутъ.

И крикъ поднявши,
Пускай орутъ безъ умолку, пока
Тѣмъ шумомъ не заставимъ мы исполнить
Свой приговоръ.

Эдилъ.

Исполню.

Сициній.

Да еще
Скажи имъ, что теперь зѣвать не надо,
Пускай глядятъ на насъ и знака ждутъ.

Брутъ.

Ступай. *(Эдилъ уходитъ).*
А ты старайся съ первыхъ словъ
Его взбѣсить. Къ побѣдамъ онъ привыкъ
И къ первенству при спорахъ. Стоитъ только
Его поджечь—и тутъ же осторожность
Забудетъ онъ и выскажетъ намъ все,
Что на душѣ, а тамъ грѣховъ довольно
На то, чтобъ шею онъ себѣ сломалъ.

Входятъ Коріоланъ, Мененій, Коминій, *сенаторы и патриціи.*

Сициній.

А, вотъ и онъ.

Мененій.

Веди жъ себя спокойнѣй.

Коріоланъ.

Да, какъ холопъ, котораго за грошъ
Бездѣльникомъ ругаетъ всякій въ волю.
Пусть боги славные хранятъ нашъ Римъ!
Пускай въ судахъ сидятъ благіе мужи,
Чтобъ мы въ согласьи жили, чтобъ у насъ
По улицамъ не кровь текла, а въ храмахъ
Толпы народа миръ торжествовали!

1-ый сенаторъ.

Пусть будетъ такъ.

Мененій.

Почтенная молитва!

Входятъ эдилы *и граждане.*

Сициній.
Приблизьтесь, граждане.

Эдилы.
Эй! тише, слушать
Своихъ трибуновъ.

Коріоланъ.
Прежде мнѣ позвольте
Держать къ вамъ рѣчь.

Оба трибуна.
Ты можешь говорить.
(Къ народу). Молчать и слушать!

Коріоланъ.
Здѣсь ли долженъ я
Рѣшеній ждать, и здѣсь ли я узнаю,
Въ чемъ обвиненъ?

Сициній.
Дай мнѣ отвѣтъ теперь же:
Покорствуешь ли ты народной волѣ,
Сановниковъ народа признаешь ли,
А—главное—готовъ ли подчиниться
Ты приговору нашему, когда
Законъ того потребуетъ?

Коріоланъ.
Готовъ я.

Мененій.
Вотъ, граждане—вы слышите—готовъ онъ!
Припомните жъ теперь его заслуги;
Подумайте, что у него на тѣлѣ
Ранъ боевыхъ не меньше, чѣмъ могилъ
На кладбищѣ святомъ.

Коріоланъ.
Рубцы пустые,
Ничтожныя царипины!

Мененій.
Про то
Подумайте, что если не всегда онъ
Такъ говоритъ, какъ должно гражданину,
За то бойца вы въ немъ всегда найдете.
Вы злобой не считайте жосткой рѣчи:
Онъ къ ней привыкъ, какъ воинъ, не какъ врагъ
Народныхъ правъ.

Коминій.
Довольно же объ этомъ.

Коріоланъ *(народу).*
Скажите жъ мнѣ, чѣмъ могъ я заслужить,
Что вы, избравъ меня единодушно
Въ санъ консула, безчестите теперь
Немедленной отмѣною избранья?

Сициній.
Ты долженъ прежде намъ отвѣтить!

Коріоланъ.
Правда.
Я слушаю—и отвѣчать готовъ.

Сициній.
Итакъ—тебя мы обвиняемъ въ томъ,
Что умышлялъ ты уничтожить разомъ
Всѣ мудрыя постановленья Рима
И власть себѣ верховную присвоить.
За это ты провозглашенъ отъ насъ
Измѣнникомъ отечеству.

Коріоланъ.
Какъ—я?
Я, я—измѣнникъ?

Мененій.
Вспомни обѣщанье—
Умѣренность!

Коріоланъ.
Пусть васъ и вашъ народъ
Спалятъ огни изъ преисподней ада!
Меня назвать измѣнникомъ! Мерзавецъ,
Трибунъ-ругатель, если бъ у тебя
Въ глазахъ сдѣлали тысячи смертей,
Въ твоихъ рукахъ еще по милліону
И столько жъ на поганомъ языкѣ—
Я и тогда сказалъ бы, что ты лжешь,
Сказалъ бы такъ спокойно и свободно,
Какъ я богамъ молюсь!

Сициній.
Народъ, ты слышишь?

Гражданинъ.
Такъ на скалу его—скорѣй!

Сициній *(народу).*
Вниманье!
Къ чему искать намъ обвиненій новыхъ?
Вы видѣли, какъ онъ ведетъ себя,
И слышали, какъ говоритъ онъ съ вами:
Онъ васъ ругалъ, онъ билъ эдиловъ вашихъ,
Ударами онъ отвѣчалъ закону,
И вызовы кидаетъ онъ теперь
Своимъ судьямъ. За преступленья эти
Онъ стоитъ злѣйшей казни.

Брутъ.
Но, припомнивъ
Его заслуги Риму...

Коріоланъ.

Смѣешь ты,
Болтунъ, припоминать мои заслуги!

Брутъ.

Я говорю про то, что знаю.

Коріоланъ.

Ты
Ихъ знаешь!

Мененій (*Коріолану*).

Матери своей
Что обѣщалъ ты?

Коминій.

Выслушай, прошу я!

Коріоланъ.

Нѣтъ, не хочу—довольно слушалъ я!
Пускай меня столкнутъ съ тарпейской кручи,
Пускай сдираютъ кожу, пусть скитаться
Пошлютъ меня въ изгнанье, посадятъ
Въ темницу и даютъ на пропитанье
Одно зерно на сутки—не скажу
Имъ одного привѣтливаго слова.
Я не склонюсь предъ ними, не куплю
Пощады я у нихъ, хоть для того
Мнѣ стоило бъ сказать мерзавцамъ этимъ:
„День добрый".

Сициній.

За то, что онъ, по мѣрѣ средствъ и силъ,
Открыто шелъ всегда противъ народа,
За то, что онъ вредилъ нравамъ плебеевъ
И, наконецъ, за то, что въ грозный часъ
Суда надъ нимъ осмѣлился нанесть
Удары исполнителямъ закона—
Мы, именемъ народа, въ силу данной
Трибунамъ власти, здѣсь, безъ промедленья,
Ему велимъ оставить городъ нашъ
И не входить вовѣкъ въ ворота Рима,
Подъ страхомъ низверженія съ утеса
Тарпейскаго. Отъ имени народа
Да будетъ такъ!

Граждане.

Да, да! да будетъ такъ!
Долой его—изгнать его!

Коминій.

Друзья,
Послушайте!

Сициній.

Ужъ сказанъ приговоръ—
И слушать нечего!

Коминій.

Прошу я слова:
Я самъ былъ консуломъ, и я на тѣлѣ
Ношу слѣды отъ вражескихъ ударовъ.
Я родину люблю не меньше васъ,
А чту ее и больше, и святѣе,
Чѣмъ собственную жизнь, чѣмъ честь жены,
Чѣмъ нашей крови плодъ—моихъ младенцевъ,
И потому я вправѣ здѣсь сказать...

Сициній.

Мы знаемъ, что ты скажешь. Говори же.

Брутъ.

Зачѣмъ намъ эти рѣчи? Изгнанъ онъ,
Какъ врагъ народа и родного края.
Да будетъ такъ!

Народъ.

Да, да, пусть будетъ такъ!

Коріоланъ.

Вы—стая подлыхъ сукъ! Дыханье ваше
Противнѣй мнѣ, чѣмъ вонь гнилыхъ болотъ!
Любовью вашей дорожу я столько жъ,
Какъ смрадными, раскиданными въ полѣ
Остатками враговъ непогребенныхъ!
Я изгоняю васъ: живите здѣсь
Съ безуміемъ и малодушьемъ вашимъ!
Пусть тѣнь бѣды васъ въ дрожь и страхъ кидаетъ,
Пускай враги, встряхнувши гривой шлемовъ,
Шлютъ бурей вамъ отчаянье въ сердца!
Храните дольше вашу власть и право—
Въ изгнанье слать защитниковъ своихъ,
Покуда, наконецъ, глупцы, придется
Вамъ на себѣ извѣдать слишкомъ поздно,
Что врагъ вашъ—сами вы. И пусть тогда
Чужой народъ придетъ на васъ, безумцевъ,
И въ рабство васъ, рабовъ, возьметъ безъ боя!
Я презираю васъ и городъ вашъ!
Я прочь иду—есть міръ и кромѣ Рима!
(*Коріоланъ, Мененій, Коминій и патриціи уходятъ*).

Эдилы. Ушелъ, ушелъ врагъ народа!

Народъ. Нашъ врагъ изгнанъ! Ушелъ, ушелъ! у! у! у!

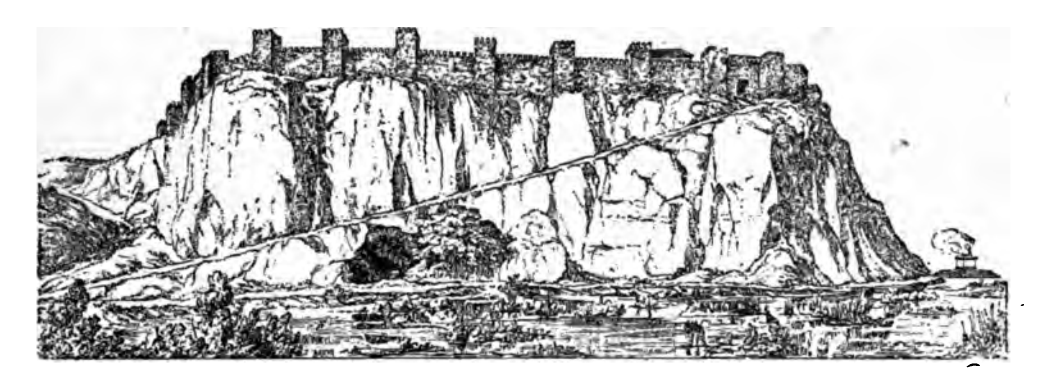
(*Кричатъ и кидаютъ шапки вверхъ*).

Сициній.

Скорѣй за нимъ идите до воротъ,
Ругайтеся надъ нимъ, какъ онъ ругался
Надъ нами всѣми. Эти оскорбленья
Самъ заслужилъ онъ. Стража, черезъ городъ
Иди за нами.

Народъ.

Ну, пойдемъ, пойдемъ:
Проводимъ до воротъ его! Скорѣе!
Да здравствуютъ трибуны! Ну—идемъ же!
(*Уходятъ*).

ПАЛАТИНСКІЙ ХОЛМЪ. (Древнѣйшая часть Рима).
Реконструкція Канины.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Передъ городскими воротами.

Входятъ Коріоланъ, Волумнія, Виргилія, Мененій, Коминій *и множество молодыхъ патриціевъ.*

Коріоланъ.

Ну, полно плакать. Сократимъ прощанье.
Я вытолкнутъ изъ города скотомъ
Многоголовымъ. Мать, не надо плакать:
Гдѣ мужество твое? Не отъ тебя ли
Слыхали мы, что духъ нашъ крѣпнетъ въ горѣ,
Что мелкимъ людямъ мелкая бѣда
Подъ силу лишь, что на морѣ спокойномъ
Всѣ корабли равно умѣютъ плавать,
Но что душѣ геройской лишь дается
Судьбы удары съ мужествомъ сносить.
Твои я помню рѣчи: вѣрю я,
Что сердце, ими воскормленное, можетъ
Несокрушимымъ быть.

Виргилія.

О, Небо! Небо!

Коріоланъ.

Жена, прошу тебя!...

Волумнія.

Пусть отъ чумы
Ремесленники Рима передохнутъ!

Коріоланъ.

Къ чему? къ чему? Разставшися со мной,
Они меня оцѣнятъ. Мать, не плачь,
Припомни, какъ ты говорила прежде,
Что если бы супругой Геркулеса
Звалася ты, то шесть его трудовъ
Окончила бъ, герою помогая.
Коминій, не тужи! прощай! Прощайте,
Жена и мать! Я стану жить не худо.
Не плачь, Мененій, вѣрный мой старикъ:
Твоимъ глазамъ солёная вода
Вредна, какъ ядъ.

(*Коминію*). Мой бывшій полководецъ,
Всегда умѣлъ глядѣть ты твердымъ взглядомъ
На душу леденящія картины,—
Такъ объясни жъ ты этимъ бѣднымъ жонамъ,
Что стоны, при бѣдѣ неотразимой,
Безплодны, какъ и смѣхъ. Послушай, мать!
Ты утѣшалась доблестью моею:
Вѣрь мнѣ, что и теперь твой сынъ въ изгнаньи,
Одинъ, подобно лютому дракону,
Что сѣетъ страхъ кругомъ своей пещеры,
Иль удивитъ весь міръ, или погибнетъ,
Не безъ борьбы, отъ хитрости одной.

Волумнія.

Куда жъ пойдешь ты, мой безцѣнный сынъ?
Ты добраго Коминія съ собой
Возьми на-время: вы вдвоемъ скорѣй
Придумаете что-нибудь, а въ гнѣвѣ
Случайностямъ себя ты не ввѣряй.

Коріоланъ.

О, боги!

Коминій.

Я иду съ тобой—и мѣсяцъ
Мы вмѣстѣ проведемъ, а тамъ увидимъ,
Гдѣ жить тебѣ и какъ съ тобой вѣстями
Пересылаться, чтобъ, когда отмѣна
Изгнанью будетъ, не пришлося намъ,

Теряя случай и удобный мигъ,
Искать тебя по всей землѣ широкой.

Коріоланъ.
Прощай, мой вождь! Годовъ и бранныхъ бурь
Усталость тяготѣетъ надъ тобою;
Нетронутъ ими я—и вмѣстѣ намъ
Не странствовать. Съ тобой за воротами
Прощуся я. Ты, нѣжная супруга,
Мать милая, и вы, друзья мои,
Идемте же. За воротами вы
Скажите мнѣ „прощай"—и улыбнитесь.
Идемте же, прошу васъ. Отъ меня,
Пока еще хожу я по землѣ,
Вамъ вѣсти будутъ. Вѣрьте, прежній Марцій
Останется такимъ же, какъ и встарь.

Мененій.
Для всѣхъ ушей такая рѣчь отрадна:
Не надо плакать. Если бы лѣтъ семь
Съ моихъ костей я могъ стряхнуть—теперь же,
Клянусь богами, всюду за тобою
Побрелъ бы я!

Коріоланъ.
Дай руку. Ну, пойдемте.

СЦЕНА II.

Тамъ же. Улица неподалеку отъ воротъ.

Входятъ Сициній, Брутъ *и* эдилъ.

Сициній *(эдилу)*.
Гони ихъ по домамъ. Онъ удалился,
И намъ пора притихнуть. Ужъ косятся
На насъ патриціи, его друзья.

Брутъ.
Мы показали нашу власть—и надо
Теперь себя вести поосторожнѣй.

Сициній.
Пускай расходятся. Скажи имъ всѣмъ:
„Вашъ врагъ ушелъ, и возстановлено
Старинное могущество плебеевъ".

Брутъ.
Ступай же, распусти ихъ. *(Эдилъ уходитъ).*

Входятъ Волумнія, Виргилія *и* Мененій.

Брутъ.
Погляди,
Проходитъ мать его.

Сициній.
Свернемъ съ дороги.

Брутъ.
Зачѣмъ же?

Сициній.
Говорятъ, она совсѣмъ
Сошла съ ума.

Брутъ.
Теперь нельзя уйти—
Она насъ видитъ.

Волумнія.
Здравствуйте: я рада,
Что вижу васъ. Пусть божескія кары
На васъ нагрянутъ!

Мененій.
Тише—успокойся.

Волумнія.
Когда бъ не слезы эти, я могла бъ
Сказать вамъ кое-что—и я скажу.
(Бруту). Не уходи!

Виргилія *(Сицинію)*.
И ты останься здѣсь!
О если бъ такъ я Марція могла
Остановить!

Сициній *(Волумніи)*.
Иди своей дорогой,
Безумная!

Волумнія.
Ну что жъ, что я безумна?
Ты такъ уменъ! Ты показалъ свой разумъ,
Изгнавъ вождя, который супостатамъ
Нанесъ ударовъ болѣе, чѣмъ словъ
Ты выболталъ съ тѣхъ поръ, какъ въ свѣтъ родился.

Сициній.
О, боги!

Волумнія.
И ударовъ славныхъ больше,
Чѣмъ умныхъ словъ сказалъ ты. И для Рима
Онъ бился такъ! Ступай же! Нѣтъ, постой—
Еще скажу я что-то. Я бъ хотѣла,
Чтобъ сынъ мой былъ въ Аравіи теперь
И родъ твой весь предъ нимъ-бы находился
А онъ съ мечомъ въ рукѣ предъ нимъ стоялъ-бы.

Сициній.
Что жъ дальше?

Виргилія.
То, что онъ бы разомъ кончилъ
Съ тобою.

ВОЛУМНІЯ ПРОКЛИНАЕТЪ БРУТА И СИЦИНІЯ.
Картина англ. художника сэра Джемса Линтона (sir John Drogmole Linton, род. 1840).

Волумнія.
И съ родней твоей презрѣнной.
О, сколько ранъ онъ получилъ за Римъ!

Мененій Агриппа.
Ну, полно же.

Сициній.
И самъ желалъ бы я,
Чтобъ Риму онъ остался такъ же вѣренъ,
Какъ прежде былъ, и нить заслугъ своихъ
Не разрывалъ.

Брутъ.
И я бъ желалъ того же.

Волумнія.
„И я бъ желалъ!" А кто же на него
Поднялъ народъ? Не вы ли, кошки злыя,
Животныя, способныя судить
Его заслуги столько жъ, сколько я
Судить могу о скрытыхъ тайнахъ неба.

Брутъ.
Пойдемъ, Сициній.

Волумнія.
Доблестные мужи,
Сама я васъ прошу—идите прочь!
Вы славно поступили. На прощанье
Скажу одно: на сколько Капитолій
Перевышаетъ римскія лачуги,
На столько сынъ мой и супругъ вотъ этой,
Вотъ этой женщины, что передъ вами—
На столько онъ, изгнанникъ, выше васъ.

Брутъ.
Ну, хорошо, прощай.

Сициній.
Не стоитъ слушать
Нападки отъ безумной. (*Трибуны уходятъ*).

Волумнія.
Такъ возьми жъ
Съ собой мои молитвы! Я бъ желала,

Входитъ Коріоланъ.

Коріоланъ.

Хорошій домъ, и всюду пахнетъ пиромъ,
Лишь я пришелъ не гостемъ.

Входитъ снова первый слуга.

1-ый слуга. Что тебѣ нужно, пріятель? Откуда ты? Здѣсь тебѣ не мѣсто. Ступай-ка за двери.

Коріоланъ *(про себя)*.

Коріолану лучшаго пріема
И ожидать не слѣдуетъ.

Входитъ снова второй слуга.

2-ой слуга *(Коріолану)*.
Эй, ты!
Откуда тебя принесло? Видно, у сторожа глазъ во лбу нѣтъ—впускать сюда такую сволочь! Убирайся, пожалуйста.

Коріоланъ. Оставь меня.

2-ой слуга. „Оставь меня!“ Ты оставь насъ!

Коріоланъ. Прочь, ты надоѣлъ мнѣ!

2-ой слуга. Вотъ какой храбрецъ нашелся! Но мы съ тобой долго болтать не станемъ.

Входитъ третій слуга.

3-ій слуга. Это что за человѣкъ?

1-ый слуга. Чудакъ, какого я не видывалъ. Не могу выпроводить его отсюда. Пожалуйста, попроси сюда господина.

3-ій слуга *(Короліану)*. Зачѣмъ ты сюда пришелъ, негодяй! Убирайся, сдѣлай одолженіе.

Коріоланъ. Оставь меня здѣсь—развѣ я кого трогаю?

3-ій слуга. Да кто ты такой?

Коріоланъ. Дворянинъ.

3-ій слуга. Должно быть, дворянинъ ты бѣдный.

Коріоланъ. Бѣдный, твоя правда.

3-ій слуга. Пожалуйста, бѣдный дворянинъ, поищи себѣ другого мѣста: здѣсь не до тебя. Ну, иди же, убирайся прочь!

Коріоланъ. Знай свое дѣло. Пошелъ къ своимъ объѣдкамъ. *(Отталкиваетъ слугу)*.

3-ій слуга. Такъ ты не хочешь уйти? *(2-му слугѣ)*. Поди-ка, скажи господину, что за гость къ нему забрался.

2-ой слуга. Иду. *(Уходитъ)*.

3-ій слуга *(Коріолану)*. Гдѣ ты живешь?

Коріоланъ. Подъ небесами.

3-ій слуга. Подъ небесами?

Коріоланъ. Да.

3-ій слуга. Гдѣ же это подъ небесами?

Коріоланъ. Съ коршунами и воронами?

3-ій слуга. Съ коршунами и воронами. Что за оселъ! А съ глупыми сычами ты живешь тоже?

Коріоланъ. Развѣ я служу твоему господину?

3-ій слуга. Что? что? Чего ты привязался къ моему господину?

Коріоланъ. Оно лучше, чѣмъ связаться съ твоей госпожей. Довольно болтать: пошелъ къ своему дѣлу. Вонъ! *(Выталкиваетъ его прочь)*.

Входитъ Авфидій *и* 2-ой слуга.

Авфидій. Гдѣ этотъ человѣкъ?

2-ой слуга. Вотъ онъ. Если бъ не гости въ домѣ, я бы избилъ его, какъ собаку.

Авфидій *(Коріолану)*.

Откуда ты? Чего тебѣ здѣсь надо?
Зачѣмъ молчишь ты? Отвѣчай же мнѣ,
Кто ты таковъ?

Коріоланъ *(открывая лицо)*.
Когда меня Авфидій
Не назоветъ и не узнаетъ самъ,
То не замедлю я предъ нимъ теперь же
Назвать себя.

Авфидій.
Скажи свое мнѣ имя.
(Слуги удаляются).

Коріоланъ.

Не радостно звучитъ оно для вольсковъ,
И тяжело оно ушамъ твоимъ.

Авфидій.

Что жъ—говори. Сурово ты глядишь,
И на лицѣ ты носишь власти признакъ.
Хоть паруса изорваны твои,
Но изъ-подъ нихъ глядитъ корабль могучій.
Кто ты такой?

Коріоланъ.
Готовься вспыхнуть гнѣвомъ.
Не узнаешь меня?

Авфидій.
Не узнаю.

Коріоланъ.

Я—Кайй Марцій, тотъ, что много золъ
И тяжкихъ бѣдъ нанесъ твоей отчизнѣ,
Въ залогъ чего народъ прозвалъ меня
Коріоланомъ. Трудныя заслуги,
И смертныя опасности, и кровь,
Пролитая за Римъ неблагодарный,
Награждены однимъ прозваньемъ этимъ,

Зологомъ гнѣва и вражды твоей.
Оно одно при мнѣ—все остальное
Изъ зависти сожрала злая чернь,
И предъ лицомъ патриціевъ трусливыхъ
Безсмысленными криками рабовъ
Изъ Рима изгнанъ я. Вотъ почему
Я здѣсь теперь—предъ очагомъ твоимъ.
Когда бъ искалъ спасать я жизнь свою,
Я не пришелъ бы самъ подъ эту кровлю:
Я здѣсь для мщенія. Съ врагомъ моимъ
Я за изгнанье долженъ расплатиться.
Вотъ почему я предъ тобой. Когда
Ты хочешь смыть пятно съ твоей отчизны,
Когда ты хочешь Риму отплатить
Жестокой местью за свои обиды,
Рѣшайся разомъ—случай предъ тобою.
Передъ тобою мститель и сподвижникъ—
Бери меня, а я готовъ сражаться,
Какъ лютый духъ изъ адской глубины,
Противъ моей отчизны зараженной.
Но если ты отвагой не богатъ
И утомился бранными трудами,
То говорить намъ нечего—я самъ
И утомленъ, и жизнію скучаю.
Убей меня, вотъ грудь моя—рази
Во имя прежней ненависти нашей!
Припомни, что врагомъ ожесточеннымъ
Тебѣ я былъ; что много бочекъ крови
Изъ самой груди родины твоей
Я выцѣдилъ; что, пощадивъ меня,
Ты будешь глупъ; что жизнь моя должна
Тебѣ служить стыдомъ или подпорой.

Авфидій.

О, Марцій, Марцій! Съ каждымъ этимъ словомъ
Ты исторгаешь изъ души моей
Всѣ корни злой вражды. Когда бъ Зевесъ
Изъ облаковъ со мной заговорилъ
Про тайны неба и своею клятвой
Ихъ подтверждалъ—священному глаголу
Не вѣрилъ бы я больше, чѣмъ тебѣ,
Мой благородный Марцій. О, позволь
Обнять себя! Дай мнѣ обвить руками
Того, на комъ копье мое ломалось,
Обломками взлетая до луны.
(Обнимаетъ Марція).
Здѣсь наковальню моего меча
Сжимаю я въ объятіяхъ моихъ,
И сладко мнѣ въ любви съ тобою спорить,
Какъ спорили мы ревностно и жарко
Въ безстрашіи на нашихъ встрѣчахъ бранныхъ.
Послушай, Марцій: я любилъ когда-то
Святой любовью дѣвушку одну,
Она—жена моя. Но въ самый часъ,
Когда моя избранница ступила
Чрезъ мой порогъ—не билось это сердце
Такъ радостно, какъ здѣсь, при нашей встрѣчѣ.
Марсу равный, ты долженъ знать, что мы
Собрали войско. Снова мнѣ хотѣлось
Щитомъ къ щиту съ тобой опять сойтиться
Для смерти иль побѣды. Въ браняхъ нашихъ
Двѣнадцать разъ я побѣжденъ тобою,
И съ той поры не проходило ночи,
Чтобъ не видалъ во снѣ я нашихъ встрѣчъ.
Во снѣ, въ бою съ тобой я на-земь падалъ,
Срывалъ твой шлемъ, хваталъ тебя за горло,
Изнемогалъ—и просыпался вдругъ.

КОРІОЛАНЪ ВЪ ДОМѢ АВФИДІЯ.
Картина анг. художника Портера (Rob. Kere Porter, 1777—1842).
(Малая Бойделевская Галлерея).

Теперь, мой храбрый Марцій, если бъ мы
И не готовились бороться съ Римомъ,
То за одно изгнаніе твое
Мы собрали бъ и отроковъ, и старцевъ,
Чтобъ яростнымъ потокомъ налетѣть
Къ неблагодарнымъ римлянамъ въ предѣлы.
Иди жъ въ мой домъ—тамъ руку ты подашь
Моимъ друзьямъ-сенаторамъ: сегодня
Я пиръ для нихъ даю, прощаясь съ ними
Передъ походомъ въ римскіе предѣлы,
Хоть не на самый Римъ.

Коріоланъ.

Благіе боги,
Меня благословили вы!

Авфидій.

Теперь
Ты здѣсь хозяинъ. Если хочешь ты
Распоряжаться самъ своей отплатой,
Сдаю тебѣ полвласти я надъ войскомъ.
Рѣшай, какъ знаешь: болѣе, чѣмъ мы,
Знакомъ ты съ римской силой. Если надо
Нагрянуть прямо на ворота Рима,
Иль, предъ ударомъ, въ областяхъ далекихъ
Разсѣять ужасъ и опустошенье,
Мы за тобою всѣ. Войди жъ ко мнѣ:
Я покажу тебя вельможамъ нашимъ—
И всѣ они согласіемъ отвѣтятъ
На замыслы твои. Привѣтъ тебѣ,
Мой бывшій врагъ и настоящій другъ!
А сильно враждовали мы, мой Марцій!
Дай руку! здравствуй! тысяча привѣтовъ!
(*Коріоланъ и Авфидій уходятъ*).

1-ый слуга (*выходя впередъ*). Вотъ ужъ превращеніе!

2-ой слуга. А я-то собирался угостить его палкой, да смекнулъ какъ-то, что нельзя вѣрить его наряду.

1-ый слуга. А рука то у него какая? Онъ меня повернулъ двумя пальцами, какъ кубарь какой-нибудь.

2-ой слуга. Ужъ по лицу его я догадался, что тутъ что-нибудь да есть. Да и лицо-то у него какое,—ужъ не знаю, что и сказать.

1-ый слуга. Да, да, въ немъ что-то такое. Пусть меня повѣсятъ, коли я не догадался сразу.

2-ой слуга. И я догадался. Такого человѣка не часто встрѣтишь.

1-ый слуга. И я такъ думаю. Впрочемъ, одного воина—еще получше—и ты знаешь.

2-ой слуга. Кого это? нашего господина, что ли?

1-ый слуга. Да хоть бы и его.

2-ой слуга. Ну, онъ-то и шестерыхъ такихъ стоитъ.

1-ый слуга. Ужъ это слишкомъ много, хоть онъ и отличный воинъ.

2-ой слуга. Тутъ, видишь ты, рѣшать трудно. Коли надо оборонять города, нашъ господинъ большой мастеръ.

1-ый слуга. Да и брать ихъ онъ умѣетъ.

Уходитъ 3-ій слуга.

3-ій слуга. Ну, братцы, вотъ это такъ новости!

1-ый *и* 2-ой слуга. Говори, говори, что такое?

3-ій слуга. Не хотѣлъ бы я теперь быть римляниномъ. Оно теперь хуже, чѣмъ имѣть петлю на шеѣ.

1-ый *и* 2-ой слуга. Отчего же бы?

3-ій слуга. Да оттого, что здѣсь теперь Кайй Марцій, тотъ, кто колотилъ нашего господина.

1-ый слуга. Какъ! Кто колотилъ господина?

3-ій слуга. Я не говорю, чтобъ колотилъ, а такъ, въ бою, былъ ему всегда подъ пару.

2-ой слуга. Но чего тутъ скрывать—вѣдь, мы товарищи. Онъ всегда одолѣвалъ нашего-то; самъ онъ при мнѣ признавался.

1-ый слуга. Нечего таиться: что правда, то правда. Подъ Каріоли онъ исколотилъ господина, какъ котлету.

2-ой слуга. Такъ, что будь онъ людоѣдомъ, оставалось-бы только изжарить и съѣсть его.

1-ый слуга. Ну, а еще что новаго?

3-ій слуга. Наши-то теперь съ нимъ носятся будто съ сыномъ и наслѣдникомъ Марса. За столомъ отвели ему первое мѣсто; кто изъ сенаторовъ заговоритъ съ нимъ, такъ прежде самъ съ мѣста встанетъ. А господинъ нашъ съ нимъ, словно съ любовницей: то слушаетъ его, выпуча глаза, то дотронется до руки его—да такъ учтиво. Да, главная-то новость въ томъ, что теперь нашего вождя раздѣлили на-двое: половина власти сдана Марцію—такъ за столомъ всѣ и рѣшили. Я, говоритъ Марцій, римскаго привратника за уши возьму, все передъ собой скошу; гдѣ я ни пройду, говоритъ, все станетъ гладко!

2-ой слуга. И такъ все сдѣлается, какъ сказано—скорѣе, чѣмъ кто-нибудь!

3-ій слуга. Сдѣлается—еще бы! Понимаешь ли: дома у него столько же друзей, сколько непріятелей, только друзья-то—возьми въ толкъ хорошенько — боятся показаться его друзьями, то-есть, какъ говорится, трусятъ, до тѣхъ поръ, пока онъ, такъ сказать, у народа въ подозрительности.

1-ый слуга. Какъ это въ подозрительности?

3-ій слуга. А какъ увидятъ эти друзья, что онъ поднялъ голову, такъ и выползутъ изъ своихъ норъ и соберутся къ нему на подмогу.

1-ій слуга. А когда же въ походъ?

3-ій слуга. Завтра, сегодня, сію минуту. Послѣ обѣда и забьютъ въ барабанъ. Встанутъ изъ-за стола—и за дѣло!

2-ой слуга. Опять пойдетъ веселое время! Что проку въ мирѣ? Желѣзо ржавѣетъ, портные плодятся, стихотворцы разводятся!

1-ый слуга. И по мнѣ война лучше. Передъ миромъ, она какъ день передъ ночью. Сколько жизни, хлопотъ, слуховъ, разсказовъ! А миръ—будто сонъ или параличъ какой-нибудь: скука, глухота, вялость. Только незаконнорожденныхъ ребятишекъ родится больше, чѣмъ на войнѣ людей гибнетъ.

2-й слуга. Правда, правда. На войнѣ насильно таскаютъ чужихъ женъ, а при мирѣ и сами онѣ мужей надуваютъ.

1-ый слуга. Да и люди въ мирную пору другъ на друга больше злятся.

3-ій слуга. Потому что никто не нуженъ другому. То ли дѣло война! Вотъ теперь и римляне будутъ такъ же дешевы, какъ и вольски. Слышишь, встаютъ изъ-за стола?

Всѣ. Идемъ, идемъ скорѣе. *(Уходятъ).*

СЦЕНА VI.

Римъ. Народная площадь.

Входятъ Сициній *и* Брутъ.

Сициній.

О немъ не слышимъ мы, да и не стоитъ
О немъ заботиться. Зачѣмъ онъ намъ?
Народъ, при немъ такъ буйный и строптивый,
Теперь покоенъ, миръ цвѣтетъ теперь вездѣ,
Хоть оттого патриціи краснѣютъ,
Хоть имъ пріятнѣй было бы глядѣть
На скопища, на неустройства въ Римѣ.
Не весело имъ видѣть, что въ порядкѣ
Идутъ дѣла, что весело поютъ
Простолюдины, сидя за работой.

Входитъ Мененій Агриппа.

Брутъ.

Да, въ пору постояли мы за дѣло.
А—и Мененій здѣсь?

Сициній.

Да, это онъ.
Поласковѣе сдѣлался онъ съ нами.
Привѣтъ тебѣ, почтенный мужъ!

Мененій Агриппа.

Спасибо.
И вамъ привѣтъ.

Сициній.

А вѣдь нельзя сказать,
Чтобъ очень о твоемъ Коріоланѣ
Жалѣли всѣ: республика стоитъ,
На зло ему, спокойнѣе, чѣмъ прежде.

Мененій Агриппа.

Все хорошо и вдвое бъ лучше было,
Когда бъ онъ уступилъ.

Сициній.

Гдѣ онъ теперь?

Мененій Агриппа.

Я ничего не знаю:
Ни матери своей онъ, ни женѣ
Не шлетъ извѣстій.

Входятъ нѣсколько гражданъ.

1-ый гражданинъ.

Честные трибуны,
Пусть боги васъ хранятъ!

Сициній.

А, добрый день
Сосѣди добрые!

Брутъ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ!

1-ый гражданинъ.

Мы всѣ, съ дѣтьми и женами, должны
Молить боговъ за васъ.

Сициній.

Живите въ мирѣ
И счастіи!

Брутъ.

Сосѣди дорогіе,
Прощайте же. Когда бъ Коріоланъ
Любилъ васъ такъ, какъ мы.

1-ый гражданинъ.

Прощай. Пусть боги
Хранятъ обоихъ васъ!

Ова трибуна.

Друзья, прощайте.
(Граждане уходятъ).

Сициній.

Вотъ эти дни покойнѣе тѣхъ дней,
Когда народъ шатался съ дикимъ крикомъ
По улицамъ.

Брутъ *(Мененію Агриппѣ).*

Да, Кайй Марцій твой
Хорошій вождь, но былъ онъ гордъ и дерзокъ,

Честолюбивъ превыше всякой мѣры,
Самолюбивъ.

Сициній.
Онъ жаждалъ высшей власти
Для одного себя.

Мененій Агриппа.
Едва ли такъ!

Сициній.
На горе намъ, мы бъ убѣдились въ этомъ,
Когда бъ остался консуломъ онъ въ Римѣ.

Брутъ.
Но боги насъ спасли—и безъ него
Покоенъ Римъ.

Входитъ эдилъ.

Эдилъ.
Почтенные трибуны,
Какой-то рабъ, ужъ схваченный подъ стражу,
Болталъ, что вольски, въ двухъ большихъ отрядахъ,
Вломились въ наши земли и со злобой
Все встрѣчное и жгутъ, и разрушаютъ.

Мененій Агриппа.
Такъ, это—Туллъ Авфидій. Донеслась
Къ нему молва о томъ, что Марцій изгнанъ:
Онъ высунулъ опять свои рога,
Которые, покамѣстъ Марцій славный
За Римъ стоялъ, показывать не смѣлъ.

Сициній.
Чего ты все безъ умолку толкуешь
Про Марція!

Брутъ (*эдилу*).
Чтобъ вѣстовщикъ сейчасъ
Былъ высѣченъ. Не можетъ быть, чтобъ вольски
Посмѣли миръ нарушить.

Мененій Агриппа.
Какъ не можетъ?
Или тому примѣровъ не бывало?
Три раза на своемъ вѣку я видѣлъ
Подобное. Чѣмъ понапрасну бить
Того, кто вѣсть даетъ и про опасность
Намъ сообщилъ—вели спросить его,
Откуда вѣсть онъ добылъ.

Сициній.
Пустяки,
Не можетъ быть, я знаю.

Брутъ.
Невозможно!

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Патриціи толпой бѣгутъ въ сенатъ.
Всѣ лица блѣдны. Бѣдственное что-то
Случилося.

Сициній (*эдилу*).
Я знаю—это рабъ.
Сейчасъ его передъ народомъ высѣчь!
Онъ поднялъ всѣхъ! онъ слухи распустилъ!

Вѣстникъ.
Достойный мужъ, тѣ слухи подтвердились,
И новые, еще страшнѣе прежнихъ,
Ужъ носятся.

Сициній.
Еще страшнѣе прежнихъ?

Вѣстникъ.
Всѣ говорятъ и громко говорятъ—
Не знаю, правда ли—что Кай Марцій
Съ Авфидіемъ ведетъ войска на Римъ;
Что онъ грозится местью столь огромной,
Какъ разница огромна въ этомъ свѣтѣ
Между древнѣйшей и новѣйшей вещью.

Сициній.
Все это вздорный слухъ.

Брутъ.
И распустили
Его затѣмъ, чтобъ трусовъ побудить
Къ возврату Марція.

Сициній.
Вотъ вся разгадка.

Мененій Агриппа.
Я самъ не вѣрю. Марцій и Авфидій
Другъ съ другомъ не сойдутся никогда.

Входитъ другой вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Васъ требуютъ въ сенатъ. Въ огромныхъ силахъ
Войной ворвался врагъ въ предѣлы наши.
Съ Авфидіемъ соединился Марцій:
Онъ къ намъ идетъ, ломая всѣ преграды,
Пожаромъ и грозой опустошенья
Свой путь обозначая.

Входитъ Коминій.

Коминій (*трибунамъ*).
Ну, друзья,
Надѣлали вы дѣлъ!

Мененій Агриппа.
Что, что случилось?

Коминій (*трибунамъ*).
То, что безчестить вашихъ дочерей
Придутъ враги; что въ пламени пожара
Растопленный свинецъ отъ римскихъ кровель
На голову самимъ вамъ литься станетъ;
То, что теперь позорить вашихъ жонъ
У васъ предъ носомъ будутъ.

Мененій Агриппа.
Боги! боги!
Да чтожъ случилось?

Коминій.
То, что храмы ваши
Сгорятъ до основанья; что права,
Такъ дорогія вашему народу,
Улягутся всѣ въ дырочкѣ ничтожной.

Мененій Агриппа.
Да говори, въ чемъ дѣло? Мнѣ сдается,
Что вы бѣды надѣлали. Ну, что же?
Неужли Марцій съ вольсками?

Коминій.
Неужли!
Онъ богъ для нихъ: онъ носится предъ ними,
Какъ будто духъ, имъ посланный отъ Неба,
Не созданный природой человѣкъ!
И всѣ за нимъ, слѣпой отвагой полны,
Идутъ на насъ, какъ лѣтомъ ребятишки
Бѣгутъ за бабочкой, какъ мясники
Идутъ бить мухъ.

Мененій Агриппа (*трибунамъ*).
Ну, заварили кашу
Вы съ вашими рабочими-друзьями!
Не понапрасну вы за чернь стояли,
Такъ чеснокомъ протухшую!

Коминій.
Весь Римъ
Онъ разгромитъ—и все на васъ повалитъ.

Мененій Агриппа.
Какъ Геркулесъ, сбивая спѣлый плодъ.
Надѣлали вы славныхъ дѣлъ!

Брутъ.
Однако,
Все это правда ли?

Коминій.
Въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Какъ ни блѣднѣй ты. Радостно и быстро
Всѣ области ему передаются,
Надъ каждою попыткою борьбы
Смѣются всѣ, и гибнутъ храбрецы
Въ своей безумной вѣрности. И кто же
Противъ него пойдетъ? И другъ, и врагъ
Въ немъ признаетъ достоинствъ хоть немного.

Мененій Агриппа.
Мы всѣ пропали, если храбрый вождь
Не дастъ пощады намъ.

Коминій.
Да кто жъ пойдетъ
Просить пощады? Отъ стыда трибунамъ
Итти нельзя. Народъ пощады стоитъ,
Какъ волкъ отъ пастуха; а если мы,
Его друзья, и скажемъ про пощаду,
То оскорбимъ его и заодно
Съ его врагами станемъ.

Мененій Агриппа.
Правда, правда!
Когда бъ, при мнѣ, онъ поджигалъ мой домъ,
Я не имѣлъ бы права заступиться
И вымолвить: „оставь меня въ покоѣ".
(*Трибунамъ*).
Да, нечего сказать, вы съ вашей чернью
Трудолюбивой потрудились славно.

Коминій.
Наслали же горячку вы на Римъ
Неизлѣчимую, какой доселѣ
Онъ не видалъ.

Сициній.
Не мы ее наслали.

Мененій Агриппа.
Да кто жъ другой? не мы ли? Былъ онъ дорогъ
Намъ всѣмъ, но мы, какъ глупые скоты,
Какъ нѣженки и трусы, разступились
Передъ толпою вашей, а толпа
Его изгнала съ крикомъ.

Коминій.
И на крикъ
Онъ явится, боюсь я. Туллъ Авфидій,
Второй по войску, словно воинъ младшій
Ему во всемъ покоренъ—и для Рима
Опора, сила и подмога вся
Въ одномъ отчаяньи.

Входитъ толпа гражданъ.

Мененій Агриппа.
А, вотъ и сволочь!
Такъ и Авфидій съ нимъ?
(*Народу*). На Римъ заразу
Вы навлекли въ тотъ часъ, когда кидали
Свои засаленныя шапки вверхъ,

Въ тотъ часъ, когда привѣтствовали крикомъ
Изгнаніе Коріолана. Вотъ
Онъ самъ идетъ къ намъ и несетъ съ собою
На васъ бичей не меньше, чѣмъ волосъ
У воиновъ его на головахъ.
Онъ вамъ припомнитъ ваши голоса:
За шапки, что кидали вы когда-то,
Онъ столько же снесетъ головъ безмозглыхъ.
Что толковать? Да если всѣхъ насъ онъ
На уголья сожжетъ—и тутъ скажу я:
„Намъ по дѣломъ!“

Граждане.

Да, да, худыя вѣсти
До насъ дошли.

1-ый гражданинъ.

Что до меня, то я
Его жалѣлъ! хоть требовалъ изгнанья.

2-ой гражданинъ. И я.

3-ій гражданинъ. И я, да—по правдѣ сказать—и многіе изъ насъ говорили то же. Мы хлопотали объ общей пользѣ, и хоть соглашались на изгнаніе, однако соглашались противъ воли.

Коминій.

Да, славно вы даете голоса!

Мененій Агриппа.

Надѣлала же дѣла ваша стая! *(Каминію).*
Что жъ, въ Капитолій намъ?

Коминій.

Куда же больше?

(Уходитъ).

Сициній.

Сосѣди—по домамъ! Не надо трусить!
Вѣдь, это все друзья его: имъ любо
На всѣхъ насъ накликать бѣду. Ступайте жъ
Да пободрѣй глядите.

1-ый гражданинъ. Пусть боги надъ нами смилуются! Пойдемъ по домамъ, товарищи! Еще при изгнаніи говорилъ я, что дѣло не ладно.

2-ой гражданинъ. Да и всѣ то же говорили. Ну, идемъ домой. *(Уходятъ).*

Брутъ.

Не по сердцу мнѣ вѣсти эти.

Сициній.

Да—
И я съ тобой согласенъ.

Брутъ.

Поскорѣй
Пойдемъ же въ Капитолій. Я бы отдалъ
Сейчасъ же половину состоянья,
Чтобъ услыхать, что это ложь.

Сициній.

Пойдемъ же,
Пойдемъ скорѣй. *(Уходятъ).*

СЦЕНА VII.

Лагерь вольсковъ невдалекѣ отъ Рима.

Входитъ Авфидій *и одинъ изъ военачальниковъ.*

Авфидій.

Такъ къ римлянину льнутъ они, какъ прежде?

Военачальникъ.

Въ немъ колдовство какое-то живетъ!
Войска твои о немъ одномъ толкуютъ,—
На мѣсто предобѣденныхъ молитвъ,
И за столомъ, и кончивши обѣдъ,
Лишь Марція, какъ Бога, величаютъ.
Да, полководецъ нашъ, въ походѣ этомъ
Своими ты забытъ.

Авфидій.

Я все снесу,
Не то—мои всѣ цѣли захромаютъ.
Онъ и со мной надменнѣе, чѣмъ ждалъ я
Въ тотъ часъ, когда обнялъ его впервые,
Но онъ такимъ ужъ созданъ: мы должны
То извинять, чего нельзя поправить.

Военачальникъ.

О, лучше бъ для твоей же славы было
Его не брать въ товарищи-вожди,
А самому вести войска, иль вовсе
Ему начальство сдать.

Авфидій.

Тебя я понялъ;
Но, вѣрь мнѣ, самъ еще не знаетъ онъ,
Въ чемъ я могу, въ часъ общаго разсчета,
Его винить предъ всѣми. Онъ увѣренъ,
И вѣрятъ всѣ, и простаки повѣрятъ,
Что честно онъ для пользы вольсковъ служитъ;
Что, какъ драконъ свирѣпый, онъ дерется;
Что, обнаживши мечъ, онъ такъ же быстро
Побѣдою рѣшаетъ каждый бой;
Но, вѣрь мнѣ, впереди еще разсчеты—
И дѣло то не сдѣлано, которымъ
Онъ или я другъ другу шеи сломимъ.

Военачальникъ.

Ты думаешь, онъ овладѣетъ Римомъ?

Авфидій.

Всѣ города ему сдаются прежде,
Чѣмъ ихъ обложитъ онъ. Всѣ власти Рима,
Патриціи, сенатъ—ему друзья.
Трибуны не вожди, а ихъ народъ
Усерднѣй станетъ звать его назадъ,
Чѣмъ слалъ въ изгнанье. Мощный по природѣ,
Онъ схватитъ Римъ, какъ мелкихъ рыбъ хватаетъ
Морской орелъ. Когда-то Марцій Риму
Служилъ геройски, но не снесъ онъ самъ
Своихъ заслугъ. То гордость ли была,
Всегдашній плодъ удачъ житейскихъ нашихъ,
Иль пылкость, неспособная вести
Весь рядъ удачъ къ одной разумной цѣли,
Иль, можетъ быть, сама его природа,
Упорная, несклонная къ уступкамъ,
Изъ-за которой на скамьяхъ совѣта
Онъ шлема не снималъ и въ мирномъ дѣлѣ
Былъ грозенъ, словно вождь на полѣ брани.
Тѣмъ иль другимъ изъ этихъ онъ пороковъ
Народу сталъ опасенъ и немилъ.
Народъ изгналъ его. Свои заслуги,
Твердя про нихъ, онъ уничтожилъ самъ;
Онъ позабылъ, что доблесть человѣка
Зависитъ лишь отъ общаго суда,
Что силѣ, хоть и стоящей похвалъ,
Вѣрнѣйшая могила въ той трибунѣ,
Въ которой про ея твердятъ заслуги.
Отъ одного огня другой спасаетъ,
Гвоздемъ мы выбиваемъ вбитый гвоздь,
Отъ силы гибнетъ сила, и права
Идутъ въ отмѣну чрезъ права другія.
Пойдемъ же. Если Марцій Римъ возьметъ,
Я имъ самимъ, несчастнымъ, завладѣю.

(Уходятъ).

Римскій центуріонъ древнѣйшихъ временъ.
(Античный барельефъ въ Веронѣ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Народная площадь.

Входятъ Мененій Агриппа, Коминій, Сициній, Брутъ *и другіе.*

Мененій Агриппа *(трибунамъ).*

Нѣтъ, не пойду. Вы слышали, что Марцій
Сказалъ тому, кто былъ его вождемъ,
Тому, кѣмъ онъ любимъ былъ свыше мѣры?
Когда-то и меня отцомъ онъ звалъ,
Да что жъ въ томъ проку? Нѣтъ, идите вы,
Его изгнавшіе, передъ шатромъ
За милю упадите на колѣна
И, лежа въ прахѣ, попытайте счастья.
Когда Коминія не сталъ онъ слушать,
Мнѣ дѣлать нечего.

Коминій.

Не захотѣлъ онъ
Узнать меня.

Мененій Агриппа *(трибунамъ).*

Вы слышите?

Коминій.

Однако,
По имени меня онъ назвалъ разъ.
Ему напомнилъ я про дружбу нашу,
Про то, какъ кровь мы вмѣстѣ проливали.
Не отвѣчалъ онъ мнѣ, не отозвался
На имя прежнее Коріолана,
И лишь сказалъ, что для него именъ
Нѣтъ никакихъ, пока въ горящемъ Римѣ
Не выкуетъ онъ новаго прозванья.

Мененій Агриппа.

Хвала вамъ ввѣкъ, товарищи-трибуны!
Васъ долго будутъ помнить: въ цѣломъ Римѣ
Подешевѣютъ уголья теперь.

Коминій.

Я представлялъ ему, какъ благородно
Прощать того, кто даже о прощеньи
Молить не смѣетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ,
Что римлянамъ смѣшно просить пощады
У римскаго изгнанника.

Мененій Агриппа.

И могъ ли
Иначе отвѣчать онъ?

Коминій.

Я старался
Въ немъ жалость пробудить къ его друзьямъ:
Онъ отвѣчалъ, что некогда ему
Ихъ выбрать изъ гнилой мякинной кучи;
Что куча та сгоритъ и что не стоитъ
Ее щадить изъ-за лежащихъ въ ней
Двухъ или трехъ несчастныхъ хлѣбныхъ зеренъ.

Мененій Агриппа.

Двухъ или трехъ? Одно зерно—я самъ,
Жена и мать его, его младенецъ!
Да этотъ храбрый воинъ—вотъ и зерна;
А вы мякина сгнившая—и вонь
Превыше мѣсяца идетъ отъ васъ.
За васъ сгоримъ мы.

Сициній.

Не сердись же. Если
Не хочешь ты помочь намъ въ тяжкій часъ,
То не кори насъ нашею бѣдою.
Такъ, вѣримъ мы, что если бъ ты взялся
За родину просить Коріолана,
Языкъ твой ловкій больше намъ помогъ бы,
Чѣмъ всѣ дружины наши.

Мененій Агриппа.

Въ это дѣло
Я не хочу мѣшаться.

Сициній.

Молимъ мы:
Иди къ нему!

Мененій Агриппа.

Зачѣмъ, съ какою цѣлью?

Брутъ.

Хоть испытай, что можетъ дружба ваша
Для Рима сдѣлать.

Мененій Агриппа.

Для того ль, чтобъ мнѣ
Вернуться, какъ Коминій возвратился—
Неузнаннымъ, невыслушаннымъ даже?
Чтобъ я пришелъ къ вамъ, тяжко оскорбленный
Холодностію друга? такъ ли?

Сициній.

Все же—
И за попытку добрую весь Римъ
Тебѣ спасибо скажетъ.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Попытаюсь!
Мнѣ кажется, меня онъ станетъ слушать,
Хоть страшно и подумать про суровость,
Съ какой онъ на Коминія глядѣлъ.
Быть можетъ, часъ не добрый былъ для встрѣчи:
Онъ не обѣдалъ—натощакъ мы всѣ
Угрюмы, злы на утреннее солнце,
Кровь наша холодна, несклонны мы
Ни къ щедрости, ни къ кротости. Когда же
Наполнимъ мы себя виномъ и пищей,
Другая кровь у насъ, нѣжнѣе сердце,
Чѣмъ прежде, въ часъ угрюмаго поста.
Такъ сытаго себѣ я выжду часа,
И ласково мою онъ просьбу приметъ.

БРУТЪ.

Ты знаешь вѣрный путь къ его душѣ
И не свернешь съ него.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Рѣшаюсь я.
Пусть будетъ то, что будетъ. И не долго
Придется ждать мнѣ. (*Уходитъ*).

КОМИНІЙ.

Не захочетъ Марцій
Его и слушать.

СИЦИНІЙ.

Почему же нѣтъ?

КОМИНІЙ.

Я говорю тебѣ—весь въ золотѣ,
Сидитъ онъ, и глаза его сверкаютъ
Для Рима сокрушительнымъ огнемъ:
Обиды память держитъ въ немъ подъ стражей
Всѣ помыслы о жалости. Колѣна
Предъ нимъ склонилъ я. „Встань", едва проговорилъ онъ
И удалиться подалъ знакъ рукою.
Условіе онъ писанное выслалъ
Вослѣдъ за мной, и значилась тамъ клятва,
Какой себя связалъ онъ противъ насъ.
Надежды нѣтъ для насъ. Я слышалъ только,
Что будто мать его, съ женой, рѣшились
Его молить за родину. Намъ должно
Теперь же къ нимъ итти и ихъ просить,
Чтобы онѣ съ своей спѣшили просьбой.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Вольскій лагерь передъ Римомъ.

Часовые на своихъ мѣстахъ. Къ нимъ подходитъ МЕНЕНІЙ АГРИППА.

1-ЫЙ ЧАСОВОЙ.

Стой! Ты откуда?

2-ОЙ ЧАСОВОЙ.

Стой! ступай назадъ!

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Вы честно стражу держите—хвалю васъ;
Но я сановникъ и имѣю дѣло
Къ Коріолану.

1-ЫЙ ЧАСОВОЙ.

Да откуда ты?

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Изъ Рима я.

1-ЫЙ ЧАСОВОЙ.

Нельзя пройти—назадъ!
Не хочетъ вождь имѣть сношеній съ Римомъ.

2-ОЙ ЧАСОВОЙ.

Твой Римъ сгоритъ скорѣй, чѣмъ ты успѣешь
Съ Коріоланомъ говорить.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Друзья,
Случалось вамъ, конечно, отъ вождя
Слыхать про Римъ и про людей, что въ Римѣ
Его друзьями были? Я ручаюсь,
Что про меня онъ говорилъ. Зовусь я
Мененіемъ.

1-ЫЙ ЧАСОВОЙ.

И все-таки—назадъ!
Здѣсь съ именемъ твоимъ не проберешься.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Пріятель, я скажу тебѣ—твой вождь
Меня всегда любилъ. Его заслугъ
Я былъ живою книгой: въ книгѣ этой
Читали люди о великой славѣ;
По-дружески ту славу я вознесъ
Превыше всякихъ мѣръ, а иногда
И выше правды: я таковъ съ друзьями!
Онъ первый другъ мой: для него не разъ
И въ похвалахъ переступалъ границы
И слишкомъ заносился въ даль, какъ шаръ,
Когда его толкнутъ съ крутого спуска.
Поэтому, пусти меня, мой другъ.

1-ЫЙ ЧАСОВОЙ. Увѣряю тебя, когда бъ ты налгалъ въ его похвалу столько же,

сколько наговорилъ словъ въ свою пользу— и тогда я тебя не пропустилъ бы. Назадъ!

Мененій Агриппа. Да пойми же, пріятель, что меня зовутъ Мененіемъ, что я всю жизнь былъ на сторонѣ твоего начальника.

1-ый часовой. То-есть, ты лгалъ на него, какъ самъ сознаешься; я же служу у него и говорю правду. Пройти нельзя: ступай назадъ.

Мененій Агриппа. Не можешь ты мнѣ сказать, обѣдалъ онъ или нѣтъ? Я бы не хотѣлъ толковать съ нимъ до обѣда.

1-ый часовой. Да ты римлянинъ, что ли?

Мененій Агриппа. Римлянинъ, какъ и твой начальникъ.

1-ый часовой. Такъ тебѣ надо ненавидѣть Римъ, какъ онъ его ненавидитъ. Неужели вы думаете въ Римѣ, что, бросивши врагу свой собственный щитъ изъ-за народнаго безумія и изгнавши своего защитника, вы еще будете въ силахъ устоять передъ его местью? Чѣмъ вы ее встрѣтите? стонами старухъ, сложенными руками дѣвушекъ, просьбами выжившаго изъ лѣтъ болтуна, въ родѣ тебя? Ты самъ едва дышешь, а еще собираешься задуть пламя, которое охватило твой городъ. Вы всѣ гшиблись, а потому ступай себѣ въ Римъ оотовиться къ общей казни. Всѣ осуждены: дачальникъ поклялся, что никому не бунетъ пощады.

Мененій Агриппа. Не забывайся! Будь твой начальникъ здѣсь, онъ бы принялъ меня ласково.

2-ой часовой. Полно болтать, онъ тебя и не знаетъ вовсе.

Мененій Агриппа. Я говорю о вашемъ полководцѣ.

1-ый часовой. Много нашъ полководецъ думаетъ о тебѣ! Назадъ—долго ли мнѣ говорить? Вонъ?—или я вылью изъ тебя твою полупинту крови! Пошелъ назадъ!

Мененій Агриппа. Да выслушай ты меня, пріятель!

Входятъ Коріоланъ *и* Авфидій.

Коріоланъ. Что тутъ случилось?

Мененій Агриппа *(часовому)*. Ну, пріятель, теперь мы съ тобой сочтемся, какъ должно. Ты увидишь, знаютъ ли меня здѣсь, и я тебѣ покажу, что какому-нибудь часовому не отогнать меня отъ Коріолана, отъ моего сына. Ты теперь на волосъ отъ петли, а, пожалуй, отъ чего-нибудь и похуже. Гляди же сюда, да повались безъ чувствъ отъ страха! *(Коріолану)*. Великіе боги каждый часъ держатъ совѣтъ о твоемъ благоденствіи. Они любятъ тебя столько же, сколько любитъ тебя твой старый отецъ Мененій! Сынъ мой, сынъ мой, ты готовишь для насъ пожаръ, и вотъ слезы, которыя зальютъ это пламя. Меня едва упросили итти къ тебѣ, и я не пошелъ бы, если бъ не зналъ того, что одинъ я могу тебя тронуть. Вздохи выдули меня изъ воротъ Рима. Прости же ему, прости твоихъ умоляющихъ согражданъ. Пусть благіе боги умягчатъ твое сердце и направятъ остатки твоего гнѣва вотъ на этого негодяя, который, какъ чурбанъ, загородилъ мнѣ къ тебѣ дорогу!

Коріоланъ. Прочь!

Мененій Агриппа. Какъ—прочь?

Коріоланъ.

Ни матери, ни сына, ни жены
Не знаю я. Во мнѣ одно лишь мщенье.
Дѣла мои и право на пощаду
Я отдалъ вольскамъ. Память дружбы нашей
Меня не склонитъ къ милости; скорѣе
Я дружбу ту забвеньемъ отравлю.
Иди же прочь! Мой слухъ для словъ мольбы
Надежнѣй замкнутъ, чѣмъ ворота Рима
Отъ войскъ моихъ. Возьми бумагу эту.

(Даетъ ему свитокъ).

Ты былъ мнѣ милъ когда-то. Для тебя
Я написалъ ее и самъ послалъ бы
Ее къ тебѣ. Затѣмъ, Мененій, словъ
Передо мной не трать. Авфидій, въ Римѣ
Его любилъ я, но теперь—ты видишь...

Авфидій.

Да, вѣренъ ты себѣ, военачальникъ..

(Коріоланъ и Авфидій уходятъ)

1-ый часовой. Ну, достойный мужъ— такъ твое имя Мененій!

2-ой часовой. Ты видишь, какъ много въ немъ могущества! Я думаю, ты знаешь дорогу домой?

1-ый часовой. А хорошо насъ отдѣлали за то, что мы осмѣлились не пропустить такого великаго мужа?

2-ой часовой. Отчего же это мнѣ надо было повалиться безъ чувствъ отъ страха?

Мененій. Нѣтъ мнѣ дѣла ни до вашего вождя, ни до всего свѣта; о такой же дряни, какъ вы, и думать не стоитъ. Кто самъ готовъ поднять на себя руку, тотъ не побоится убійцы. Пусть полководецъ вашъ злодѣйствуетъ въ волю, а вы оставайтесь тѣмъ, что вы теперь, только съ годами дѣлайтесь еще ничтожнѣе! Говорю вамъ то

же, что мнѣ сказали: „прочь отъ меня вы оба!“ *(Уходитъ).*

1-ый часовой. Нечего сказать, славный человѣкъ!

2-ой часовой. Славный человѣкъ нашъ начальникъ! Будто скала или дубъ, съ которымъ вѣтру не справиться.

СЦЕНА III.

Шатеръ Коріолана.

Входятъ Коріоланъ, Авфидій *и прочіе.*

Коріоланъ.

Такъ, завтра мы поставимъ наше войско
Подъ римскими стѣнами. Мой товарищъ,
Ты можешь разсказать въ своемъ сенатѣ—
Исполненъ ли мой долгъ.

Авфидій.

Какъ честный воинъ,
За насъ ты бился; ты моленьямъ Рима
Не уступилъ, не выслушалъ ни разу
И робкой просьбы отъ друзей своихъ,
Увѣренныхъ въ тебѣ.

Коріоланъ.

Да. Тотъ старикъ,
Котораго сейчасъ, съ разбитымъ сердцемъ,
Прогналъ я въ Римъ, боготворилъ меня,
Любилъ меня отцовскою любовью.
Послѣднею надеждой было Риму
Посольство то. Изъ жалости къ нему—
Хоть онъ сурово принятъ былъ—я далъ
Ему одно условіе для мира—
Условіе, отвергнутое разъ.
Его они не примутъ—и теперь
Свободенъ я отъ всѣхъ посольствъ и просьбъ
Изъ Рима и отъ близкихъ мнѣ.
(Слышны голоса). Что это?
Неужели опять ко мнѣ идутъ
Склонять меня, чтобъ я обѣтъ нарушилъ,
Сейчасъ лишь данный? Этого не будетъ!

Входятъ, въ печальной одеждѣ, Виргилія, Волумнія, *маленькій* Марцій, Валерія *и свита.*

Коріоланъ.

Жена моя идетъ сюда; за нею
Та форма благородная, въ которой
Сложилось это тѣло—и ведетъ
Она младенца-внука! Прочь любовь!
Разсыпьтесь въ прахъ, святой природы связи
Моя въ упорствѣ сила. Боги, боги!
Вы сами бъ вашимъ клятвамъ измѣнили
За этотъ взглядъ голубки! Не сильнѣе
Другихъ людей на свѣтѣ я сотворенъ!
Склонилась предо мною мать моя:
Олимпъ согнулся предъ холмомъ ничтожнымъ!
И мой мальчишка жалобно глядитъ
И мнѣ твердитъ съ природой: „Сжалься, сжалься!“
Нѣтъ, я не сжалюсь. Пусть пройдетъ по Риму
Соха враговъ, пусть взборонятъ они
Италію—я не поддамся сердцу,
Не сдѣлаюсь безсильнымъ я птенцомъ:
Я буду твердъ, какъ долженъ твердъ остаться
Мужъ безъ родни и родины.

Англ. актриса 18 в. Іетсъ (Yates) въ роли Волумніи (Дѣйствіе V, сц. 3).

Виргилія.

Супругъ мой
И повелитель!

Коріоланъ.

Мы съ тобой не въ Римѣ:
Я на тебя гляжу не прежнимъ взглядомъ.

Виргилія.

Отъ горя измѣнились мы—не можешь
Ты не узнать насъ.

Коріоланъ.

Какъ актеръ негодный,
Я роль забылъ свою, и ждетъ меня
Позоръ великій. Милая подруга,

Прости меня. Не говори мнѣ только:
„Прощенье римлянамъ!" (*Цѣлуетъ жену*).
О, слаще мести
Мнѣ поцѣлуй твой, долгій какъ изгнанье!
Клянусь ревнивою царицей ночи,
Хранилъ я свято на губахъ моихъ
Твой поцѣлуй прощальный. Боги, боги!
Болтаю я—и позабылъ поклономъ
Я встрѣтить мать почтеннѣйшую въ мірѣ.

(*Становится на колѣни*).

Во прахъ, мои колѣна и въ пыли
Оставьте слѣдъ, какого не оставилъ
Еще никто изъ сыновей!

Волумнія.

Мой сынъ,
Встань, я тебя благословляю. Должно
Мнѣ предъ тобой упасть на жесткій камень,
Мнѣ преклонить колѣна, хоть предъ сыномъ
Мать не должна склоняться.

(*Становится на колѣни*).

Коріоланъ.

Что я вижу?
Ты на колѣна стала передъ сыномъ,
Котораго наказывала ты?
Такъ пусть каменья съ береговъ безплодныхъ
Ударятъ вверхъ по звѣздамъ, вѣтеръ буйный
Захлещетъ пусть вѣтвями гордыхъ кедровъ
По огненному солнцу! Что жъ на свѣтѣ
Зовется невозможностью?

Волумнія.

Ты сынъ мой,
Ты воинъ мой. Ты спутницу мою
Узналъ ли? (*Показываетъ Валерію*).

Коріоланъ.

Непорочную луну
Мнѣ не узнать? Достойная сестра
Великаго Валерія, душою
Такъ чистая, какъ льдинка, что виситъ
На высотѣ Діанинаго храма,
Привѣтъ тебѣ, Валерія!

Волумнія
(*подводя къ нему маленькаго Марція*).

Вотъ сокращенье бѣдное твое,
Которое, въ развитіи годовъ,
Съ тобой сравниться можетъ.

Коріоланъ.

О, пусть боги
Великіе: Зевесъ—метатель молній
И Марсъ-воитель—наградятъ тебя
Душой возвышенной, чтобъ тѣнь упрека
Вовѣки не коснулась дѣлъ твоихъ!
Пусть, какъ маякъ великій въ темномъ морѣ,
Сіяешь ты въ бояхъ, несокрушимый,
Для всѣхъ друзей спасеніемъ.

Волумнія (*ребенку*).

Скорѣй
Склони колѣни.

Коріоланъ.

Славный мой мальчишка!

Волумнія.

Я, онъ, Валерія, жена твоя,
Мы здѣсь—просители.

Коріоланъ.

Молчи! молчи!
Иль передъ просьбой вспомни, что я клялся
Не уступать въ одномъ. Не говори,
Чтобъ распустилъ я воиновъ моихъ,
Чтобъ примирился съ гнусной чернью Рима!
Не называй меня жестокосердымъ
И голосомъ холоднаго разсудка
Моей вражды и мщенья не пытайся
Обуздывать.

Волумнія.

Довольно, о, довольно!
Мы именно пришли просить того,
Въ чемъ отказать ты хочешь раньше просьбы;
Но все равно: ты выслушаешь насъ,
Хотя бъ затѣмъ, чтобъ твой отказъ суровый
Обрушился на самого тебя...
Готовъ ты слушать?

Коріоланъ.

Подойдите, вольски;
Авфидій—слушай. Не таимъ мы нашихъ
Сношеній съ Римомъ.
(*Волумніи*). Говори—въ чемъ дѣло?

Волумнія.

И безъ рѣчей—по нашимъ блѣднымъ лицамъ,
По платьямъ нашимъ—можешь угадать,
Какъ жили мы съ тѣхъ поръ, какъ ты въ изгнанье
Пошелъ отъ насъ. Подумай самъ, найдешь ли
На свѣтѣ женщинъ ты несчастнѣй насъ,
Насъ, для которыхъ этотъ часъ свиданья,
На мѣсто радостей и слезъ восторга,
И ужасъ, и печаль съ собой несетъ!
Супруга, мать, твой сынъ—должны мы видѣть,
Какъ ты, отецъ, супругъ и сынъ, терзаешь
Родной свой край. И бѣднымъ намъ то горе
Еще больнѣй—черезъ тебя лишились
Послѣдней мы и общей всѣмъ отрады:
Ты насъ лишилъ молитвы. Долгъ велитъ
Молить боговъ за родину; но какъ же
Мы за тебя богамъ молиться можемъ,
Какъ долгъ велитъ? Отторгнуться должны мы
Отъ родины—кормилицы безцѣнной,
Иль отъ тебя, одной утѣхи нашей!
Ты побѣдишь, иль нѣтъ—намъ все равно:

МАТЬ И ЖЕНА УМОЛЯЮТЪ КОРІОЛАНА ПОЩАДИТЬ РИМЪ.
Картина англ. живописца Гевина Гамильтона (Gavin Hamilton, 1730—1795). (Большая Бойделевская Галлерея).

Намъ всюду гибель. Иль увидимъ мы,
Какъ повлекутъ тебя въ цѣпяхъ по Риму
На казнь измѣнниковъ, иль въ торжествѣ
Ты вступишь на развалины родныя
И примешь побѣдителя вѣнокъ,
Проливши кровь родной жены и сына.
Что до меня, мой сынъ, я не дождусь,
Чѣмъ кончится война: коль я не въ силахъ
Склонить тебя на миръ великодушный,
То, вѣрь мнѣ, прежде чѣмъ итти на Римъ,
Черезъ мой трупъ перешагнуть ты долженъ.
Ступи жъ на грудь, которая вскормила
Коріолана.
(Падаетъ ницъ передъ Коріоланомъ).

Виргилія *(тоже падая на землю).*
И на эту грудь,
Вскормившую несчастнаго младенца
Изъ рода Марціевъ.

Маленькій Марцій
(вырываясь отъ матери).
Нѣтъ, я не дамся,
Онъ на меня не ступитъ—убѣгу я,
А выросту—я самъ сражаться буду.

Коріоланъ.
Когда не хочешь женщиною стать,
То не гляди на жонъ и ребятишекъ.
(Встаетъ).
Я слишкомъ долго слушалъ.

Волумнія.
Нѣтъ, не можешь
Ты такъ оставить насъ. Когда бы мы
Тебя молили римлянъ пощадить
На гибель вольсковъ, что идутъ съ тобою,
Ты могъ бы видѣть вѣчное безчестье
Въ мольбѣ такой. Но мы пришли не съ тѣмъ,—
Мы мира просимъ, мы хотимъ, чтобъ вольски
Могли сказать: „даримъ пощаду Риму!“
А римляне: „мы приняли пощаду!“
И пусть тогда сойдутся два народа
Благословлять тебя за данный миръ!
Ты знаешь, сынъ, успѣхъ измѣнчивъ бранный

Но вѣрно то, что, овладѣвши Римомъ,
Ты тѣмъ создашь безславіе себѣ
Да имя, нераздѣльное съ проклятьемъ!
И скажутъ про тебя изъ рода въ родъ:
„Онъ былъ великъ, но, съ родиною вмѣстѣ,
Онъ погубилъ свою навѣки славу—
И перешло прозваніе его
Въ вѣка на посрамленье." Что жъ молчишь ты?
Не ты ль всегда стремился честнымъ быть,
По милости—богамъ уподобляться,
Что громомъ рвутъ широкой тверди щеки,
Но молніей одни дубы громятъ?
Что жъ ты молчишь? Иль честно мужу славы
Обиды помнить?
(Виргиліи). Дочь, на слезы онъ
Не смотритъ—говори же съ нимъ.
(Внуку). Малютка,
Моли и ты: быть-можетъ, дѣтскій лепетъ
Подѣйствуетъ сильнѣе нашихъ словъ.
Не болѣе ли всѣхъ людей на свѣтѣ
Онъ матери обязанъ, а предъ нимъ
Болтаю я—и нѣту мнѣ отвѣтовъ.
Ты къ матери всегда неласковъ былъ,
Для ней же, для насѣдки одинокой,
Въ тебѣ вся жизнь была: она тебя,
Кудахтая, взростила для войны
И радостно встрѣчала изъ походовъ,
Гдѣ славу добылъ ты. Что жъ? Гони
Меня домой съ отказомъ на моленья.
Но если справедливы тѣ мольбы,
То чести нѣтъ въ тебѣ и—гнѣвъ боговъ
За матери права тебѣ отплатитъ.
Онъ отвернулся—припадемте жъ всѣ
Къ его ногамъ и пристыдимъ его!
(Всѣ падаютъ къ ногамъ Коріолана).
Коріоланомъ прозванъ онъ, но гордость—
Не жалость съ этимъ именемъ сроднилась.
Въ послѣдній разъ падемте на колѣна:
Откажетъ онъ—уйдемте и умремъ
Среди сосѣдей, дома. Погляди
Хоть на малютку ты: онъ самъ не знаетъ,
О чемъ просить, но на колѣняхъ съ нами
Къ тебѣ простеръ ручонки. Неужели
Ты и теперь отвергнешь насъ?
(Помолчавъ). Довольно,
Пойдемъ отсюда. Этотъ человѣкъ
Отъ вольской матери на свѣтъ родился,
Жена его въ Коріоли—онъ только
Лицомъ похожъ на нашего младенца.
Что жъ ты не гонишь насъ? Молчать я стану,
Пока нашъ Римъ пожаромъ не зальется,
А тамъ—еще поговорю я.

Коріоланъ
(въ молчаніи взявъ Волумнію за руку).
Мать!
О, мать моя, что сдѣлала ты съ нами?
Взгляни: разверзлось небо, сами боги
На эту небывалую картину
Глядятъ съ великимъ смѣхомъ. О, родная!
Для счастья Рима побѣдила ты,
Для сына же—повѣрь мнѣ, о, повѣрь мнѣ—
Ужасна та побѣда: можетъ быть,
Въ ней скрыта смерть. Пусть будетъ то,
что будетъ!
Авфидій, если не способенъ я
Вести войну, какъ слѣдуетъ, то въ силахъ
Миръ выгодный давать. Авфидій добрый,
Скажи мнѣ самъ—будь ты на мѣстѣ этомъ,
Ужели предъ мольбою материнской
Не уступилъ бы ты?

Авфидій.
Я самъ былъ тронутъ.

Коріоланъ.
Ты тронутъ былъ—и я: клянусь тебѣ,
Изъ глазъ моихъ исторгнуть трудно слезы.
Ну, добрый другъ, совѣтуй мнѣ теперь,
Какъ заключать условія. Не въ Римъ
Теперь пойду я, въ Анціумъ за вами
Я возвращусь—и потому прошу
Теперь помочь мнѣ. Мать! жена моя!

Авфидій *(въ сторону).*
Я очень радъ, что честь и состраданье
Въ тебѣ столкнулись—этимъ я себѣ
Вновь ворочу удачу дней бывалыхъ.
(Женщины хотятъ прощаться съ Коріоланомъ).

Коріоланъ.
Не торопитесь. Вмѣстѣ выпьемъ мы
Теперь вина, а тамъ вы понесете
Съ собой свидѣтельство—надежнѣй словъ—
Нашъ договоръ за подписаньемъ нашимъ.
Идемте же. За женскій подвигъ въ Римѣ
Вамъ храмъ соорудятъ; безъ васъ вся сила
Италіи и ей сосѣднихъ странъ
Не привела бы насъ къ такому миру.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Римъ. Народная площадь.

Входятъ Мененій Агриппа *и* Сициній.

Мененій Агриппа. Видишь ты тотъ угловой камень Капитолія?

Сициній. Ну, что жъ далѣе?

Мененій Агриппа. Сдвинь-ка его мизинцемъ—тогда я скажу, что римлянки—особенно его мать—одолѣютъ упорство

Марція. Нечего надѣяться, говорю я тебѣ. Веревка у насъ на шеѣ—остается только покончить.

Сициній. Можно ли думать, что человѣкъ такъ мѣняется въ короткое время!

Мененій Агриппа. Червякъ не бабочка, а бабочка была-таки червякомъ. Марцій сталъ дракономъ изъ человѣка: выросли крылья—ползать ему нечего!

Сициній. Онъ такъ нѣжно любитъ свою мать.

Мененій Агриппа. И меня любилъ онъ прежде. Онъ заботится о матери меньше, чѣмъ осьмилѣтній жеребенокъ. Отъ его жесткихъ взглядовъ зрѣлый виноградъ портится; самъ же онъ ходитъ, какъ стѣнобитный таранъ: земля дрожитъ отъ его походки. Взглядомъ онъ, кажется, пробьетъ панцырь; голосъ его—словно колоколъ или бранные крики. Сидитъ онъ—точно Александрова статуя, будто богъ какой, лишь безъ вѣчности да безъ трона на небѣ.

Сициній. Да и безъ милости, коли ты говоришь правду.

Мененій Агриппа. Я выдумывать не стану. Вотъ посмотришь, какихъ милостей принесетъ намъ мать его. Милости въ немъ искать—это искать молока у самца-тигра Это узнаетъ нашъ городъ изъ-за тебя съ товарищами.

Сициній. Пусть боги сжалятся надъ нами!

Мененій Агриппа. Не сжалятся надъ нами боги. Когда мы изгоняли его, мы про нихъ не вспомнили: теперь они не вспомнятъ насъ, когда онъ придетъ всѣмъ намъ свернуть шею.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ *(Сицинію)*.
Бѣги домой, спасай себя скорѣй!
Плебеями ужъ схваченъ твой товарищъ:
Они его по улицамъ волочатъ
И поклялися разорвать на части,
Коль жоны римскія не пренесутъ
Извѣстья о пощадѣ.

Входитъ другой вѣстникъ.

Сициній.
Что случилось?

2-ой вѣстникъ.
Вѣсть добрая! За жонами побѣда!
Ушли враги и Марцій вмѣстѣ съ ними.
Римъ не видалъ дня радостнѣе, даже
Въ ту пору, какъ Тарквиній изгнанъ былъ!

Сициній.
Мой другъ —то правда ли? ты вѣрно знаешь?

Вѣстникъ.
Такъ вѣрно, какъ я знаю солнца свѣтъ!
Да гдѣ жъ сидѣлъ ты? или ты не видѣлъ,
Какъ римляне въ восторгѣ за ворота
Потокомъ перополненнымъ стремятся?
(Трубы, барабаны и радостные крики за сценой).
Не слышишь развѣ? Барабаны, трубы,
Литавры, флейты! Отъ веселыхъ криковъ
И солнце веселится! Слышишь?

СЕМЬЯ КОРІОЛАНА УМОЛЯЕТЪ ЕГО ПОЩАДИТЬ РИМЪ.
Картина нѣмец. художника Адамо (Max Adamo, р. 1837).

Мененій Агриппа.
Правда,
Вотъ эта вѣсть такъ радостна! Пойду я
На встрѣчу жонамъ. *(Крики за сценой)*.
Цѣлаго сената
И консуловъ, и всей толпы отцовъ
Одна Волумнія дороже стоитъ;
Трибуновъ же такихъ, какъ ты—безъ счета
На морѣ и на сушѣ. Вѣрно, вы
Усердно помолилися сегодня:
Поутру я не далъ бы и гроша
За десять тысячъ римскихъ душъ,
(Крики и музыка за сценой).
На славу
У нихъ веселье!

Сициній (*вѣстнику*).
За такія вѣсти
Пусть боги наградятъ тебя; прими жъ
И отъ меня ты благодарность.

Вѣстникъ.
Всѣ мы
Должны боговъ хвалить.

Сициній.
Онѣ ужъ близко?

Вѣстникъ.
Сейчасъ войдутъ въ ворота.

Сициній.
Такъ пойдемъ
И радоваться, и встрѣчать ихъ вмѣстѣ:

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Улица близъ городскихъ воротъ.

Римлянки, *ходившія къ Коріолану, въ сопровожденіи сенаторовъ, патриціевъ и народа, проходятъ черезъ сцену.*

1-ый сенаторъ (*народу*).
Глядите, вотъ спасительницы Рима!
Вотъ наша жизнь! Скликайте ваши трубы,
Хвалите Небо, зажигайте всюду
Огни веселья, усыпайте жонамъ
Цвѣтами путь. Пусть прежній крикъ изгнанья
Потонетъ въ крикѣ радостномъ привѣта
Коріолана матери. Пусть Марцій
Вернется къ намъ на этотъ зовъ! Кричите:
„Привѣтъ вамъ, жоны Рима!"

Всѣ.
Жоны Рима
Да здравствуютъ! Привѣтъ имъ отъ народа.
(*Трубы и барабаны. Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Анціумъ. Народная площадь.

Входитъ Туллъ Авфидій *со свитой.*

Авфидій.
Сказать въ сенатѣ, что вернулись мы.
Пусть тамъ теперь прочтутъ бумагу эту
И всѣ идутъ на площадь, гдѣ я стану
Передо всѣмъ народомъ подтверждать
То, что въ ней писано. Ужъ обвиненный
Прибылъ сюда, и самъ передъ народомъ
Себя словами хочетъ оправдать.
Спѣшите же.
(*Свита Авфидія уходитъ*).

Входятъ нѣсколько заговорщиковъ *партіи Авфидія.*

Авфидій.
Привѣтъ вамъ!

1-ый заговорщикъ.
Полководецъ,
Что? какъ дѣла твои?

Авфидій.
Какъ у того,
Кто подаяніемъ своимъ отравленъ
И гибнетъ отъ своей же доброты.

2-ой заговорщикъ.
Достойный вождь, когда своихъ рѣшеній
Не измѣнилъ ты—отъ такой напасти
Спасти тебя готовы мы.

Авфидій.
Рѣшаться
Здѣсь не легко—и дѣйствовать должны мы
Съ народомъ заодно.

3-ій заговорщикъ.
Народъ измѣнчивъ;
Онъ колебаться станетъ между вами,
Покуда не падетъ одинъ изъ двухъ,
Оставивши другому все наслѣдство.

Авфидій.
Все знаю я—и наступило время
Нанесть ударъ. Возвысилъ я его,
Я за него моей ручался честью,
А онъ за то, смиривъ свою природу,
Свободную и гордую дотоль,
Сталъ поливать онъ новыя растенья
Росою лести—и друзей моихъ
Тѣмъ обольстилъ.

3-ій заговорщикъ.
А прежде, изъ упорст
Онъ не умѣлъ смиряться—и утратилъ
Санъ консула.

Авфидій.
Про то и говорю я.
Его изгнали—онъ пришелъ въ мой домъ
И шею подъ ударъ поставилъ смертный.
Я взялъ его въ товарищи по власти;
Я уступалъ всѣмъ замысламъ его;
Изъ всѣхъ дружинъ я далъ ему на выборъ

Надежнѣйшихъ бойцовъ, и самъ пошелъ
Съ нимъ пожинать ту славу, что присвоилъ
Теперь онъ всю себѣ. И я гордился
Той жертвою, покуда не замѣтилъ,
Что я слугой—не полководцемъ сталъ,
Что платитъ мнѣ онъ милостивымъ взглядомъ,
Какъ бы наемщику.

1-ый заговорщикъ.
Все это правда,
И войско все дивилося тому.
И, наконецъ, когда предъ самымъ Римомъ
Стояли мы, на славу и добычу
Заранѣе считая...

Авфидій.
Тутъ-то я
И напрягу въ борьбѣ мои всѣ силы.
За капли онъ дешевыхъ женскихъ слезъ
Не продалъ ли и кровь, и трудъ тяжелый
Великаго похода? Онъ умретъ,
И чрезъ его паденье я воскресну!
Вы слышите?

(Звуки трубъ и барабановъ, радостные крики народа).

1-ый заговорщикъ.
Его встрѣчаютъ крикомъ,
А ты, въ родной свой городъ, безъ привѣта
Вошелъ, какъ бы гонецъ какой-нибудь.

2-ой заговорщикъ.
И горло глупое дерутъ себѣ
Тѣ крикуны, чьихъ сыновей недавно
Онъ убивалъ.

3-ій заговорщикъ.
Спѣши жъ, пока народа
Онъ рѣчью не успѣлъ къ себѣ привлечь!
Берись за мечъ: мы станемъ за тобою!
Умретъ онъ—ты съумѣешь оправдаться,
А тамъ ужъ похоронятъ вмѣстѣ съ трупомъ
Его защиту.

Авфидій.
Нечего болтать:
Сенатъ идетъ сюда.

Входятъ сановники *города.*

Сенаторы.
Привѣтъ тебѣ!

Авфидій.
Не стою я привѣтовъ.
Прочли ли вы, достойные отцы,
То, что писалъ я?

Сенаторы.
Да.

1-ый сенаторъ.
Съ большою скорбью,
Всѣ прежніе проступки безъ труда
Мы извиняемъ въ немъ; но такъ покончить,
Едва начавъ, пожертвовать напрасно
Издержками, народомъ и трудами,
Миръ даровать поверженнымъ врагамъ—
Тутъ оправданій нѣтъ и быть не можетъ!

Авфидій.
Вотъ онъ и самъ. Пусть намъ отчетъ онъ
дастъ.

КОРІОЛАНЪ И МОЛЯЩАЯ ЕГО О ПОЩАДѢ РИМА СЕМЬЯ.
Изъ незаконченныхъ эскизовъ Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach).

Входитъ Коріоланъ, *при звукахъ трубъ и барабановъ; за нимъ толпа гражданъ.*

Коріоланъ.
Привѣтъ, отцы! Вашъ воинъ къ вамъ вер-
нулся;
Не зараженъ онъ, такъ же, какъ и прежде,
Любовью къ Риму; такъ же, какъ и прежде,
Покоренъ онъ великой вашей власти.
Успѣшенъ былъ послѣдній мой походъ:
Путемъ кровавымъ я довелъ дружины
До римскихъ стѣнъ. Цѣна добычи бранной
Перевышаетъ цѣлой третьей частью
Издержки наши. Миръ добыли мы,
Позорный Риму—анціатамъ славный.
Вотъ договоръ, съ печатію сената,
За подписаньемъ консуловъ, а также
Патриціевъ.

Авфидій.

Читать его не стоитъ,
Отцы. Измѣннику скажите прямо,
Что власть, ему врученную отъ васъ,
Во зло употребилъ онъ.

Коріоланъ.

Какъ? измѣнникъ?
Кто здѣсь измѣнникъ?

Авфидій.

Ты измѣнникъ, Марцій!

Коріоланъ.

Какъ? Марцій? я?

Авфидій.

Да, Марцій—Кай Марцій.
Но думаешь ли ты, что звать я стану
Тебя Коріоланомъ, тѣмъ прозваньемъ,
Что ты себѣ въ Коріоли укралъ?
Отцы, главы народа, вѣроломно
Онъ измѣнилъ довѣренности вашей:
Онъ отдалъ городъ, вамъ принадлежавшій,
За капли слезъ соленыхъ; онъ вашъ Римъ
Своей женѣ и матери запродалъ.
Военнаго совѣта не созвавъ,
Онъ разорвалъ и клятву, и рѣшимость,
Какъ рвутъ гнилую нитку; онъ проплакалъ
Побѣды ваши. Могъ онъ только хныкать,
При видѣ слезъ кормилицы своей,
На стыдъ мальчишкамъ и мужамъ на диво!

Коріоланъ.

Ты слышишь, Марсъ!

Авфидій.

И Марса призывать
Ты смѣешь здѣсь, заплаканный ребенокъ!

Коріоланъ.

А!

Авфидій (*презрительно*).

Да, ребенокъ.

Коріоланъ.

Безпримѣрный лжецъ,
Ты мѣры переполнилъ. Я ребенокъ?
О, подлый рабъ! Отцы, простите мнѣ:
Я въ жизнь мою едва ль не въ первый разъ
На рѣчь такую вызванъ. Обличите
Своимъ судомъ во лжи собаку эту.
Пусть мерзкій лжецъ, что слѣдъ моихъ ударовъ
На тѣлѣ не износитъ до могилы,
Пусть онъ во всемъ сознается и ложью
Своею же подавится.

1-ый сенаторъ.

Молчите
Вы оба. Слушать то, что я скажу!

Коріоланъ.

Сюда, всѣ вольски! Мальчики и мужи,
Въ моей крови мечи свои омойте,
Въ куски меня рубите! Я ребенокъ?
Ты лжешь, собака! Если правда есть
Въ преданіяхъ и лѣтописяхъ вашихъ,
То тамъ найдете вы, что я одинъ
Такъ, какъ орелъ, влетѣвшій въ голубятню,
Въ Коріоли вгонялъ дружины вольсковъ!
И я ребенокъ?

Авфидій (*сенаторамъ*).

Честные отцы,
И вамъ въ глаза хвастунъ безбожный этотъ
Осмѣлится твердить безъ наказанья
О всѣхъ слѣпыхъ, постыдныхъ намъ удачахъ?

Заговорщики.

Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ умретъ теперь за это!

Народъ. Разорвать его въ куски! Убить его сейчасъ же! Онъ убилъ моего сына! Мою дочь! Онъ убилъ моего брата Марка! Онъ убилъ моего отца!

2-ой сенаторъ.

Молчать, вы всѣ, молчать безъ оскорбленій!
Онъ благороденъ: слава дѣлъ его
Раскинулась по всей землѣ широкой.
Послѣднюю вину его обсудимъ
Мы здѣсь по справедливости. Авфидій,
Не нарушай порядка.

Коріоланъ.

Я бъ желалъ,
Чтобъ онъ и шесть Авфидіевъ еще,
И племя все его ко мнѣ явились
Попробовать вотъ этой честной стали.
(*Берется за мечъ*).

Авфидій.

Ты, дерзкій плутъ...

Заговорщики.

Убить его, убить!
Такъ, смерть ему!

Сенаторы.

Молчать, остановитесь!

(*Авфидій и заговорщики, вынувъ мечи, бросаются на Коріолана и убиваютъ его. Коріоланъ падаетъ; Авфидій наступаетъ на его трупъ*).

АВФИДІЙ.

Достойные сенаторы, у васъ
Прошу я слова.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Что ты сдѣлалъ, Туллъ!

3-ІЙ СЕНАТОРЪ.

Отъ дѣлъ такихъ рѣкой польются слезы
Изъ мужественныхъ глазъ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Не попирай
Его ногой! Вложить мечи! Молчите,
Вы, граждане!

АВФИДІЙ.

Почтенные отцы,
Онъ вызвалъ самъ отчаянное дѣло:
Онъ не далъ мнѣ предъ вами объяснить
Опасности, какой мы подвергались.
Когда вы все узнаете,—вы сами
Порадуетесь гибели его.
Въ сенатъ меня зовите—тамъ отвѣчу
Я, какъ слуга достойный, иль отъ васъ
Безропотно приму я злую кару.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Возьмите трупъ—и пусть по этомъ мужѣ
Начнется скорбь великая. Пусть знаютъ
Во всемъ народѣ, что славнѣе праха
Герольдъ не провожалъ еще до урны.

3-ІЙ СЕНАТОРЪ.

Съ Авфидія снята ужъ часть вины
Чрезъ Марція строптивость. Покоримся
Тому, чего перемѣнить нельзя.

АВФИДІЙ.

Прошелъ мой гнѣвъ, скорбью потрясенъ я.
Берите трупъ вы, трое изъ вождей
Достойнѣйшихъ; самъ буду я четвертымъ.
Пусть барабанъ гремитъ печальнымъ звукомъ,
Пусть копья преклоняются. Хоть многихъ
Онъ въ Анціумѣ сдѣлалъ сиротами,
Хоть вдовами нашъ городъ онъ наполнилъ,
Хоть слезы ихъ донынѣ не обсохли,
Но славной памятью почтить должны
Мы славнаго вождя. Берите тѣло!

(Уходятъ съ трупомъ Коріолана. Погребальный маршъ).

А. Дружининъ.

Концовка Джильберта (Gilbert).

АНТОНІЙ
И
КЛЕОПАТРА

Верхъ и низъ виньетки—египетскій орнаментъ (коршунъ—эмблема высшей силы; нижніи рисунокъ—живопись на ящикѣ съ муміей). Медальоны—(сильно увеличенная) египетская серебряная монета съ изображеніемъ Антонія и Клеопатры въ качествѣ супруговъ.

СМЕРТЬ АНТОНІЯ И КЛЕОПАТРЫ.
Посмертный, незаконченный эскизъ Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach).

АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА.

I.

Подъ Филиппами тѣнь Цезаря и Брутъ вторично увидѣлись; молодая слава освободителя Рима поблекла передъ грознымъ проклятіемъ убитаго диктатора, исполнителемъ котораго явились оба наслѣдника его обаянія, Цезарь младшій и Антоній. Послѣ гибели послѣдняго войска республики у римской свободы остался только одинъ заступникъ: Секстъ Помпей, сынъ Помпея Великаго. Но легіоновъ у него не было, и его военныя силы—сицилійскіе рабы и морскіе разбойники—могли только держать въ осадномъ положеніи изнуренную Италію, но не сулили ему сколько нибудь значительныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ побѣдоносными тріумвирами, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ дѣйствовали согласно. Правда, надежды на это согласіе были очень слабы: холодная разсчетливость молодого Цезаря и безразсудная страстность Антонія взаимно отталкивали другъ друга, и ихъ союзъ, хотя и сплоченный кровью Цицерона и множествомъ другихъ жертвъ проскрипцій 43 года, никакихъ залоговъ долговѣчности въ себѣ не заключалъ. Связующими звеньями между ними были мужчина и женщина: Лепидъ и Фульвія. Но мужчина былъ слишкомъ женственнаго, а женщина слишкомъ мужского характера для того, чтобы удачно исполнить свою роль.

Лепидъ былъ не только третьимъ членомъ тріумвирата—онъ могъ даже приписать себѣ заслугу его основанія. Всѣмъ былъ памятенъ тотъ день, когда онъ, осторожный и нерѣшительный, стоялъ со своими легіонами въ Галліи, а Антоній, разбитый и преслѣдуемый, съ остатками своего войска искалъ у него защиты и, не будучи имъ принятъ, расположился лагеремъ по

сосѣдству съ нимъ. Никогда еще чарующая сила личности не сказалась съ такой поразительной, всепобѣждающей мощью: солдаты Лепида высыпали посмотрѣть и послушать бывшаго помощника послѣдняго диктатора Рима и участника его славы, нѣкогда всемогущаго нынѣ освященнаго несчастьемъ. И вотъ раздѣляющій валъ между обѣими стоянками разрушается, Антоній входитъ тріумфаторомъ въ чужой лагерь, приближается къ оставленному и испуганному Лепиду—и внезапно бросается на колѣни передъ нимъ, называя его своимъ отцомъ и спасителемъ. Что это? Разсчетъ? Нѣтъ, увлеченіе; но одно изъ тѣхъ увлеченій, которыя коренясь въ самой природѣ человѣка, силой своей непосредственности вмигъ завоевываютъ симпатіи и лучше всякаго разсчета содѣйствуютъ цѣлямъ увлекающагося. Съ этого дня начинается второе возвышеніе Антонія... или, говоря правильнѣе, третье, такъ какъ второе мы должны начать съ той минуты, какъ онъ, посредствомъ такого же заразительнаго увлеченія, отбилъ у республиканцевъ впечатлительную городскую толпу—читатели знаютъ эту безподобную сцену изъ „Юлія Цезаря" нашего поэта. Тогда молодой Цезарь положилъ предѣлъ его дальнѣйшимъ успѣхамъ, подъ стѣнами Мутины солнце Антонія затмилось: теперь, послѣ его безкровной побѣды надъ Лепидомъ, оно опять сіяло въ прежнемъ блескѣ, и умный Цезарь не счелъ полезнымъ для себя продолжать вражду. У той же Мутины былъ заключенъ роковой для Рима тріумвиратъ, первымъ послѣдствіемъ котораго были проскрипціи, а вторымъ — походъ обоихъ противниковъ въ Македонію, гдѣ подъ ихъ ударами пали послѣдніе бойцы за римскую республику. Во время македонскаго похода въ Италіи остался Лепидъ въ званіи консула—и Фульвія, которая, въ качествѣ жены Антонія и тещи Цезаря, была какъ бы геніемъ (или фуріей) тріумвирата.

Эта женщина, едва ли не самая замѣчательная изъ римскихъ тигрицъ той эпохи, имѣла тогда за собой богатое и разнообразное прошлое. Мы видимъ ее впервые женой мятежнаго демагога Клодія, кумира римской черни и заклятаго врага Цицерона; ихъ бракъ былъ счастливъ, благодаря сходству ихъ натуръ, и она сильно горевала объ его безвременной смерти—смерти въ свалкѣ на большой дорогѣ, достойно завершившей безпокойную жизнь этого человѣка. Вскорѣ затѣмъ, однако, она вышла за Куріона, „перваго среди геніальныхъ повѣсъ того времени", какъ его называетъ Моммзенъ, главное орудіе Цезаря въ его разрывѣ съ сенатомъ. Куріонъ вскорѣ погибъ въ Африкѣ и Фульвія вторично осталась вдовой. Ближайшимъ другомъ убитаго былъ нашъ Маркъ Антоній; онъ не побоялся взять въ свой домъ женщину, похоронившую двухъ своихъ мужей, и любилъ ее страстно, несмотря на насмѣшки своего врага Цицерона, что „римскій народъ ждетъ отъ Фульвіи третьяго подарка". Много разговоровъ возбудилъ тогда одинъ случай, хотя и маловажный, но все же доказывающій всю романтичность, если можно такъ выразиться, натуры Антонія. Во время испанскаго похода Цезаря, когда Римъ съ трепетомъ ждалъ вѣсти о новой побѣдѣ или о гибели своего властителя, Антоній по государственнымъ дѣламъ долженъ былъ выѣхать изъ Рима; Фульвія осталась въ городѣ, томимая тоской и ревностью: любовь къ супругѣ не препятствовала Антонію любить на сторонѣ другую, прекрасную актрису Цитериду. Вдругъ... но разскажемъ дальнѣйшее словами Цицерона: „Около десятаго часа дня Антоній пріѣхалъ къ Краснымъ Скаламъ, засѣлъ въ какой то харчевнѣ и провелъ тамъ за виномъ остатокъ дня; затѣмъ онъ быстро въ коляскѣ вернулся въ городъ и, окутавъ голову плащемъ, поспѣшилъ домой. Привратникъ: кто тамъ? Отвѣтъ: гонецъ отъ Марка. Тотчасъ его ведутъ къ той, ради которой онъ и пришелъ, и онъ передалъ ей письмо. Она его читаетъ, плачетъ... а письмо было любовное, и его содержаніе сводилось къ тому, что онъ прекращаетъ свою связь съ той актрисой, что онъ всю любовь, которую питалъ къ ней, переноситъ на жену. Слезы Фульвіи льются все сильнѣе и сильнѣе—и вотъ нашъ сердобольный супругъ не можетъ долѣе сопротивляться, обнажаетъ голову, бросается ей на шею..." „О негодяй!" восклицаетъ гнѣвно ораторъ, „для того, значитъ, чтобы твоя жена увидѣла тебя неожиданно въ роли Ганимеда (по нашему: селадона), для того ты распространилъ по Риму ночную тревогу, по Италіи—многодневный страхъ?". Да, эта черта была въ Антоніи: увлекаясь любовью, онъ не щадилъ не только нервовъ, но и крови своихъ согражданъ. Будущее оправдало эту оцѣнку гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ могъ предполагать прозорливый Цицеронъ.

Итакъ, Фульвія была женой Антонія ко времени тріумвирата; по желанію войскъ,

Цезарь Младшій женился на ея молоденькой дочери отъ перваго брака и падчерицѣ своего новаго союзника, Клодіи; благодаря этому она стала самой вліятельной женщиной, а по удаленіи Антонія и Цезаря въ Македонію и самой вліятельной личностью въ Римѣ. Сенатъ и народъ были къ ея услугамъ, между тѣмъ какъ обоимъ консуламъ, изъ которыхъ однимъ былъ Лепидъ, досталась скромная роль исполнителей ея желаній. Особенно краснорѣчиво сказалось вліяніе Фульвіи къ концу 42 г., нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Филиппскаго побоища. Ея деверь Луцій Антоній былъ намѣстникомъ Верхней Италіи; пришлось ли ему, въ качествѣ таковаго сразиться съ воинственными альпійскими племенами, или нѣтъ—мы не знаемъ, но фактъ тотъ, что онъ приписывалъ себѣ кое какія военныя заслуги и на этомъ основаніи потребовалъ тріумфа. Сенатъ, занятый македонскими и другими дѣлами, туго откликался на его заискиванія; тогда онъ обратился къ заступничеству Фульвіи, и цѣль была достигнута. Перваго января слѣдующаго года Луцій Антоній вошелъ тріумфаторомъ въ Римъ—тріумфаторомъ по милости Фульвіи.

Вообще надобно сказать, что новая властительница Рима льнула гораздо болѣе къ своему мужу, чѣмъ къ своему зятю; когда поэтому оба тріумвира—такъ приходится говорить, такъ какъ Лепида никто въ разсчетъ не принималъ—подѣлили между собой свои дальнѣйшія задачи и Цезарь вернулся въ Италію, столкновеніе между нимъ и Фульвіей стало неминуемо. Задача Цезаря была тяжела во всѣхъ отношеніяхъ: онъ долженъ былъ надѣлить землею ветерановъ своего побѣдоноснаго войска, притомъ, согласно уговору, очень богато, а для этого—отнять землю у прежнихъ, законныхъ владѣльцевъ. Возроптала Италія; правда, расположеніе солдатъ могло служить противовѣсомъ ея неудовольствію; но тутъ уже Фульвія постаралась о томъ, чтобы Цезарь не очень могъ полагаться на этотъ противовѣсъ, заискивая отъ имени Антонія самымъ беззастѣнчивымъ образомъ передъ ветеранами общаго войска. Возмущенный Цезарь развелся съ ея дочерью. Это, конечно, всего менѣе могло заставить Фульвію и Луція Антонія прекратить свои происки и новая междоусобная война стала неизбѣжной. Чтобы увеличить свои шансы, Луцій развернулъ знамя свободы — и дѣйствительно, этимъ привлекъ на свою сторону много республиканцевъ: Фульвія не сразу рѣшилась согласиться съ его не въ мѣру смѣлыми идеями, но начавшаяся было между ними ссора была быстро улажена общимъ другомъ, подсказавшимъ ей оригинальное, чисто женское соображеніе. Фульвія и Луцій соединили свои силы; началась война—„перузинская война", какъ ее принято называть по имени города, занятаго врагами Цезаря. Она быстро кончилась; черезъ три мѣсяца Перузія сдалась. Луцій Антоній призналъ власть побѣдителя, но непримиримая Фульвія, равно какъ мать обоихъ Антоніевъ, Юлія, предпочла оставить Италію. Юлія была съ почетомъ принята Секстомъ Помпеемъ въ Сициліи, который былъ радъ завязать черезъ нее сношенія съ ея могущественнымъ сыномъ; что касается Фульвіи, то она отправилась въ Грецію и вскорѣ затѣмъ умерла въ пелопоннесскомъ городкѣ Сиціонѣ.

То женское соображеніе, которое склонило Фульвію поднять знамя возстанія, состояло въ слѣдующемъ: „пусть въ Италіи разгорается междоусобная война; каковъ бы ни былъ ея ходъ—она заставитъ Марка Антонія опомниться и *вырветъ его изъ объятій Клеопатры*".

II.

Послѣ разлуки съ Цезаремъ Младшимъ Антоній отправился завоевывать Востокъ, находившійся на сторонѣ республиканцевъ. Военная часть его задачи никакихъ затрудненій не представляла—никто не думалъ о сопротивленіи; но ему нужно было также добыть крупныя суммы золота для пополненія своей казны и для вознагражденія деньгами тѣхъ же солдатъ, которыхъ Цезарь предполагалъ надѣлить землею. Это было непріятно, но—при врожденномъ малодушіи привыкшаго къ обидамъ Востока, далеко не такъ опасно, какъ передѣлъ Италіи. Къ тому же, Антоній по всему своему характеру былъ способенъ плѣнить эллинизованный Востокъ. Онъ производилъ себя отъ (вымышленнаго) Антона, сына Геракла; но Геракломъ онъ былъ только на войнѣ, въ мирное же время онъ болѣе старался воплотить въ себѣ другое греческое божество—бога весны и веселья, благодатнаго друга смертныхъ Діониса. Греки охотно шли на встрѣчу этой его мечтѣ. Въ Эфесѣ устроили въ его честь вакханскій хороводъ; женщины нарядились вакханками, мужчины сатирами, звуки флейтъ и тим-

пановъ оглашали городъ... Таковъ былъ въѣздъ въ провинцію представителя римской власти. Романтикъ по природѣ, онъ охотно превращалъ дѣйствительность въ сказку, жизнь въ сновидѣніе; вполнѣ отожествляя себя со своими мечтаніями, онъ и самъ скользилъ сновидѣніемъ по жизни своихъ близкихъ, то грознымъ, то чарующимъ, но всегда причудливымъ, всегда противорѣчащимъ дѣйствительности. И вотъ, когда его не стало, имъ показалось невѣроятнымъ, чтобы онъ когда либо существовалъ; сама подруга его мечтаній говоритъ о немъ:

Мнѣ *снилось*: былъ властитель Маркъ Антоній...

Но мы заглядываемъ впередъ. Въ Эфесѣ, столицѣ сказочной Азіи, начался для Антонія волшебный сонъ; въ Тарсѣ онъ всецѣло его опуталъ своими чарами. Тріумвиръ возсѣдалъ на городской площади, творя судъ, окружённый сановниками города, царями и представителями сосѣднихъ областей и многотысячной толпой народа; вдругъ толпа заколыхалась, одна группа за другой покинула площадь, Антоній остался одинъ со своими ликторами. Что случилось? „Это Афродита", говорили, „пришла навѣстить Діониса". Какъ пришла и зачѣмъ—этого мы можемъ не повторять, нашъ поэтъ пересказываетъ эту встрѣчу со всѣми историческими подробностями устами Аэнобарба[1]) во второй сценѣ второго дѣйствія.

Выражаясь прозаически, египетская царица Клеопатра явилась къ главѣ римскаго Востока, чтобы вмѣстѣ съ другими царями принять участіе въ совѣщаніи о предстоящемъ походѣ противъ пареянъ и кстати оправдаться въ своихъ дѣйствіяхъ послѣ смерти диктатора Цезаря, которыя многимъ казались двусмысленными. Она была дочерью царя Птолемея Авлета; ей было тринадцать лѣтъ, когда ея отецъ въ 51 г. умеръ, оставляя наслѣдниками престола ее и ея десятилѣтняго брата Птолемея Діониса. По его волѣ, согласной съ египетскимъ обычаемъ, они должны были вступить въ супружество и управлять страной вмѣстѣ; но вслѣдствіе происковъ Потина, совѣтника малолѣтняго царя, Клеопатра была изгнана; она находилась въ Сиріи, когда въ 48 г. Помпей Великій, разбитый Цезаремъ подъ Фарсаломъ, искалъ убѣжища въ Египтѣ. Онъ могъ разсчитывать на благосклонность царя, отецъ котораго ему былъ обязанъ своимъ престоломъ; но Потинъ, желая прислужиться побѣдителю, велѣлъ умертвить его во время переправы съ судна на сушу. Въ своихъ разсчетахъ онъ обманулся: Цезарь, придя въ Александрію, объявилъ, что онъ намѣренъ самъ рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи, и велѣлъ обоимъ царямъ явиться къ нему. Но онъ былъ безъ войска, съ небольшой свитой; египтяне его осадили въ александрійскомъ дворцѣ, сама Клеопатра только украдкой могла его посѣтить (по анекдоту, на который нашъ поэтъ намекаетъ въ 6 сц. II д., ее внесли во дворецъ, зашитой въ тюфякъ); шесть мѣсяцевъ продолжалось его стѣсненное положеніе, но подъ конецъ онъ побѣдилъ. Дѣлъ оставалось еще много, Римъ далеко не былъ еще умиротворенъ; но Цезарь, казалось, забылъ о дѣлахъ и вмѣстѣ со своей новой подругой, шестнадцатилѣтней Клеопатрой, отправился вверхъ по Нилу, въ глубь чудесной страны Фараоновъ. Когда онъ наконецъ уѣхалъ, Клеопатра стала царицей Египта—и матерью младенца, которому она дала имя Цезаріона. Смерть диктатора была тяжелымъ ударомъ для нея; все же она продолжала дѣйствовать въ его духѣ и только нехотя, вынужденная обстоятельствами, оказала незначительную помощь Кассію. Именно въ этой помощи ей теперь приходилось оправдываться. Антоній отправилъ къ ней своего повѣреннаго Деллія, умнаго человѣка, того самаго, которому Горацій впослѣдствіи посвятилъ свою знаменитую оду:

Покой не забывай душевный сохранять
Въ минуты трудныя.

Такой же совѣтъ онъ самъ теперь далъ Клеопатрѣ. Та его поняла; узнавъ отъ посла о романтической натурѣ владыки Востока, она явилась къ нему той царицей сказки, которой его душа давно ждала. Афродита навѣстила Діониса, приплыла къ нему на своей волшебной ладьѣ по рѣкѣ Кидну, призвала его къ себѣ... Тщетна была его попытка соблюсти достоинство римскаго вождя; вскорѣ въ лицѣ Клеопатры сказка заключила его въ свои объятія. За краткимъ упоеніемъ Тарсосскаго свиданія послѣдовалъ долгій сонъ египетскихъ ночей. Римъ и легіоны, Цезарь и Фульвія были

[1]) Почтенный авторъ предисловія въ транскрипціи именъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи становится на строго-филологическую точку зрѣнія. См. подробнѣе примѣчанія къ «Антонію и Клеопатрѣ».

забыты; даже раскатамъ перузинской войны не удалось разрушить сладкую дремоту, въ которую былъ погруженъ духъ обвороженнаго полководца. Съ грустью слѣдили его римскіе друзья за постепеннымъ усиленіемъ этого забытья, съ ужасомъ замѣчалъ онъ самъ, какъ онъ съ каждымъ днемъ терялъ часть самого себя въ своей новой любви; его цѣпи были прочны, и краткія минуты отрезвленія служили только къ тому, чтобы еще нагляднѣе показать ему его полную отчужденность отъ міра дѣйствительности, чтобы еще сильнѣе возбудить въ немъ тоску по покинутой сказкѣ. Пусть духъ умершей Фульвіи—умершей не безъ его вины — зоветъ его продолжать ея дѣло, пусть холодный и разсудительный Цезарь предлагаетъ ему новый дѣлежъ міра подъ условіемъ его помощи противъ владыки морей Секста Помпея, пусть общіе друзья стараются его связать съ дѣйствительностью рукой и ласками нѣжной и благородной Октавіи; ему не по себѣ въ римской обстановкѣ,—въ обществѣ старыхъ и новыхъ друзей, за трапезой Цезаря, даже въ теремѣ голубоокой Октавіи онъ чувствуетъ жгучій взоръ своей сказки, знаетъ, что она ждетъ его тамъ, далеко, въ лицѣ его „змѣи у древняго Нила". Все сильнѣй и сильнѣй манитъ она его къ себѣ; за Римомъ—Аѳины, за Аѳинами—Египетъ, Александрія, Клеопатра; волшебный сонъ вторично завладѣлъ покореннымъ вождемъ и этотъ разъ не выпустилъ его изъ своихъ объятій вплоть до самой смерти.

Разсказъ объ этомъ снѣ, съ его краткими болѣзненными перерывами и окончательнымъ роковымъ пробужденіемъ, составляетъ содержаніе „Антонія и Клеопатры" Шекспира. Анализировать его мы не будемъ. Методъ, примѣненный нами въ настоящемъ изданіи къ сравнительно посредственнымъ „Комедіи ошибокъ" и „Периклу", былъ бы неумѣстенъ здѣсь, по отношенію къ признанной жемчужинѣ шекспировской поэзіи. Историческую обстановку, желательную для ея пониманія, дали обѣ предыдущія главы; быть можетъ, впрочемъ, читателю будетъ еще интересно узнать, что сама драма обнимаетъ десятилѣтній промежутокъ между перузинской войной въ 41 г. и смертью обоихъ героевъ въ 30 до Р. Х.; что Антонію къ началу драмы было 40 лѣтъ, Цезарю—22, а Клеопатрѣ—23; что примиреніе между обоими тріумвирами состоялось въ Брундизіи въ 40 году; свадьба Антонія и Октавіи въ Римѣ въ 40-же году (у Шекспира оба событія разсказаны во 2 дѣйствіи, какъ происшедшія въ Римѣ), а примиреніе тріумвировъ съ Секстомъ Помпеемъ въ Мизенѣ въ слѣдующемъ 39 г.; что новая война Цезаря съ Секстомъ Помпеемъ, на которую намекается въ 4 сц. III д., началась въ 38 г., а отрѣшеніе Лепида, упоминаемое тамъ же въ 5 сц., состоялось въ 36 г., между тѣмъ какъ убіеніе Секста Помпея легатами Антонія, о которомъ говорится въ той же сценѣ, произошло лишь годомъ спустя; что александрійскія распоряженія Антонія—на которыя сѣтуетъ Цезарь тамъ же въ 6 сценѣ, имѣли мѣсто въ томъ же 36 г., актійское же сраженіе, къ которому круто переходится въ 7 сценѣ, лишь въ 31 г.; что, наконецъ, послѣдніе два акта обнимаютъ событія одного только 30 г. Вообще анахронизмовъ мало, къ хронологіи поэтъ отнесся довольно заботливо.

Что касается хронологіи самой драмы, то она достаточно опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1608 г. пьеса подъ заглавіемъ Antony and Cleopatra была внесена въ книгопродавческіе списки (Stationers'Registers) Блёнтомъ — тѣмъ самымъ Блёнтомъ, которому принадлежитъ первое изданіе нашей трагедіи въ 1623 г. Конечно, написана она могла быть и раньше; но противъ слишкомъ ранняго ея происхожденія говорятъ метрическія ея особенности, а именно статистика такъ назыв. „мягкихъ окончаній", приближающая ее къ пьесамъ позднихъ періодовъ. Мы допускаемъ поэтому, вмѣстѣ съ большинствомъ издателей, что Шекспиръ написалъ „Антонія и Клеопатру" въ 1607 году.

III.

Его источникомъ былъ опять, какъ и въ „Юліи Цезарѣ" и „Коріоланѣ"—Плутархъ. Зависимость отъ этого признаннаго мастера біографіи выдѣляетъ эти три „римскія" драмы вмѣстѣ съ „Комедіей ошибокъ" въ особую группу. Въ остальныхъ своихъ драмахъ Шекспиръ своимъ источникамъ былъ обязанъ только матерьяломъ — сознавая ихъ художественную низкопробность, онъ въ построеніи и одушевленіи фабулы слѣдовалъ не имъ, а своему собственному чутью; здѣсь онъ и въ техническомъ, и въ художественномъ отношеніи чувствовалъ свою зависимость и съ тѣмъ благороднымъ прямодушіемъ, на какое способенъ только геній, подчинился обаянію своихъ образцовъ. Особенно это относится къ Плутарху

и прежде всего къ его „Антонію“. Правда, это была біографія; но драматическій характеръ спеціально *этой* біографіи сознавался самимъ Плутархомъ: переходя отъ Деметрія Поліоркета къ Антонію, онъ говоритъ: „пора, однако, послѣ развязки македонской *драмы* приняться за римскую“. И дѣйствительно, онъ далъ намъ захватывающую, потрясающую трагедію, хотя и съ довольно длиннымъ прологомъ; прологъ обнимаетъ первыя тридцать главъ (изъ 87) до смерти Цезаря, когда Антоній былъ только второстепеннымъ персонажемъ въ великой драмѣ, героемъ которой былъ диктаторъ.

Кто читалъ Плутарха и имѣлъ возможность сравнить съ нимъ Шекспира, тому бросается въ глаза, прежде всего, трогательная любовь къ нему этого послѣдняго, его желаніе воспользоваться всѣми сколько-нибудь интересными частностями, которыя онъ находилъ въ своемъ образцѣ, и притомъ воспользоваться по возможности дословно. Гдѣ только можно было, онъ воссоздавалъ плутарховскія сцены—такова въ особенности сцена смерти героини. Быть можетъ, его выросшимъ на „юфуизмѣ“ современникамъ послѣднія слова умирающей Харміаны (д. V, сц. 20) показались черезчуръ прѣсными въ ихъ строгой, античной красотѣ; быть можетъ, и онъ при другихъ обстоятельствахъ придумалъ бы тираду поэффектнѣе. Но онъ чувствовалъ себя связаннымъ; Плутархъ (гл. 85) въ слѣдующихъ словахъ описываетъ картину, представившуюся вошедшимъ въ комнату Клеопатры: „... они нашли ее умершей, лежащей въ царскомъ украшеніи на золотой постели. Изъ ея подругъ та, что называлась Ирадой, умирала у ея ногъ, Харміана же, уже шатающаяся и съ тяжелой головой, поправляла царскій вѣнецъ на ея челѣ. Тутъ кто-то въ гнѣвѣ сказалъ: И это хорошо, Харміана? Очень хорошо, отвѣтила она, и достойно царицы, отпрыска стольких царей. Больше же она ничего не сказала и тутъ же пала возлѣ постели“.—А гдѣ невозможно было непосредственно представить плутарховскія сцены, тамъ поэтъ влагалъ ихъ въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ, особенно тому, кого онъ сдѣлалъ какъ бы хоромъ своей трагедіи, Аэнобарбу: такова вышеупомянутая сцена встрѣчи на Киднѣ и много другихъ. Можно сказать, что цѣлый рядъ сценъ только для того и созданъ поэтомъ, чтобы въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ сообщить зрителямъ подробности, которыя у Плутарха разсказаны эпически; сюда относятся почти всѣ сцены третьяго дѣйствія. Конечно, онѣ не изъ самыхъ удачныхъ: насколько Плутархъ помогалъ Шекспиру тамъ, гдѣ его сцены носили сами въ себѣ драматическій элементъ и только ждали руки драматурга, настолько онъ былъ ему помѣхой тамъ, гдѣ его разсказы вслѣдствіе своего существенно эпическаго характера туго поддавались драматизаціи. Опытный читатель сразу узнаетъ эти сцены; но только сличеніе съ источникомъ позволитъ ему понять и оцѣнить технику нашего поэта.

Вообще третій актъ нашей трагедіи носитъ нѣсколько своеобразный характеръ; уже изъ предложенной выше хронологической схемы читатель могъ усмотрѣть, что съ него поэтъ втиснулъ всѣ промежуточныя событія 38—31 г., между тѣмъ какъ первые два акта, подобно послѣднимъ двумъ, представляютъ связную цѣпь слѣдующихъ одна за другой сценъ. Отсюда отрывочность этого акта; мало того, можно даже предположить, что поэтъ первоначально задумалъ другую его концепцію, которую онъ впослѣдствіи не смогъ или не пожелалъ осуществить. Въ самомъ дѣлѣ, пусть читатель припомнитъ содержаніе обоихъ извѣстій, заставившихъ Антонія стряхнуть съ себя египетскую дремоту: однимъ были римскія дѣла, другимъ успѣхъ „пареійскаго вождя“ Лабіена. Римскимъ дѣламъ были посвящены первые два акта; теперь въ третьемъ поэтъ переноситъ насъ въ землю пареянъ; доблестный и умный Вентидій одержалъ крупную побѣду надъ этими страшнѣйшими врагами Рима, но ихъ окончательное укрощеніе онъ благоразумно предоставилъ своему полководцу Антонію. Итакъ, подготовленъ пареійскій походъ этого послѣдняго; мы ждемъ его обстоятельнаго изображенія—такъ вѣдь и Плутархъ, вкратцѣ сказавъ о подвигѣ Вентидія (гл. 34... „Вентидій же отказался отъ мысли преслѣдовать пареянъ въ глубь ихъ страны, опасаясь зависти со стороны Антонія“—изъ этихъ словъ Шекспиръ извлекъ цѣлую сцену: д. III, сц. 1), затѣмъ въ гл. 35—52 описываетъ богатый всякаго рода приключеніями походъ Антонія. Но наше ожиданіе не сбывается—очевидно потому, что принявъ въ фабулу пареійскій походъ, поэтому пришлось бы разбить свою драму, подобно „Генриху IV“, на двѣ части. Такъ первая сцена осталась неорганической вставкой среди другихъ, началомъ безъ продолженія, а характеристика Антонія лишилась одной важной черты. Мы ви-

димъ его Діонисомъ—царемъ веселья и любви, но не видимъ его Геракломъ—укротителемъ враговъ.

Впрочемъ, говоря о построеніи сценъ и о вліяніи на него плутархова изложенія, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что въ немъ составляетъ особенность самого поэта, въ чемъ проявляется давно знакомое намъ свойство его таланта. Я говорю объ его страсти оттѣнять характеръ сценъ посредствомъ контраста. Такъ въ только что названномъ „Генрихѣ IV“ серьезныя сцены войны съ мятежниками чередуются съ веселыми событіями въ истчипской харчевнѣ и прочими дѣяніями сэра Джона Фальстафа, причемъ мы постоянно переходимъ отъ одного театра дѣйствій къ другому. Такъ здѣсь трезвая дѣйствительность государственныхъ сценъ выступаетъ передъ нами въ перемежку съ отдѣльными актами египетской сказки до тѣхъ поръ, пока онѣ не сливаются и сказка не гибнетъ отъ жесткаго прикосновенія реальной жизни.—Вообще же, чтобъ покончить съ вопросомъ о зависимости отдѣльныхъ сценъ отъ Плутарха, мы можемъ разбить ихъ съ этой точки зрѣнія на три категоріи. Къ первой принадлежатъ драматизованныя плутарховскія сцены; сюда относятся главнымъ образомъ послѣдніе два акта, изъ первыхъ лишь немногія явленія. Ко второй—сцены, которыхъ у Плутарха нѣтъ, но въ которыхъ поэтъ нуждался для сообщенія зрителямъ того, что у Плутарха передается въ формѣ эпическаго разсказа; сюда относится, согласно сказанному, большинство сценъ третьяго акта. Къ третьей, наконецъ,—сцены, тоже у Плутарха отсутствующія и прибавленныя Шекспиромъ для расширенія дѣйствія и въ видахъ болѣе живой характеристики дѣйствующихъ лицъ; сюда относятся многія сцены, принадлежащія къ лучшимъ твореніямъ Шекспира, въ особенности же сцены съ Клеопатрой въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ.

Это наводитъ насъ на вопросъ о характерахъ въ нашей трагедіи; мы займемся ими по порядку, начиная тѣми, которые не тронуты сказкой, продолжая тѣми, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ подчинились ея чарамъ; и кончая ею самой. Другими словами: мы начнемъ съ Цезаря, будемъ продолжать Антоніемъ и кончимъ Клеопатрой, группируя послѣдовательно второстепенныя фигуры вокругъ главныхъ.

IV.

Молодого Цезаря мы знаетъ уже изъ трагедіи, посвященной его пріемному отцу; и тамъ мы видѣли его врагомъ сказки—сказки о римской республикѣ, воплощенной въ лицѣ Брута. Но тамъ онъ былъ еще ученикомъ; въ одномъ только мѣстѣ чувствуется и будущій властелинъ—это въ томъ, гдѣ онъ настаиваетъ на своемъ желаніи начальствовать правымъ флангомъ въ битвѣ подъ Филиппами (д. V сц. I): „я не прекословлю, но я такъ хочу“. По этому своему упорству онъ можетъ напомнить намъ Генриха Готспура, но нѣтъ: тотъ упрямится, горячится, и все таки подъ конецъ уступаетъ,—Цезарь не то: холоднымъ и нерушимымъ, точно приговоръ рока, стоитъ его „я такъ хочу“. Онъ заранѣе взвѣсилъ всѣ препятствія, но и всю силу своей личности; онъ умѣетъ не хотѣть, тамъ гдѣ враждебныя начала перевѣшиваютъ, а потому никогда не терпитъ пораженія. Онъ знаетъ, что такимъ путемъ создается обояніе, удесятеряющее наше значеніе. Да, сила Цезаря—продуктъ его ума, характеръ же этого ума—трезвая разсудительность, никогда не опирающаяся на иллюзіи, кромѣ чужихъ, но зато имѣющая изъ каждой удобной констелляціи извлекать ту пользу, которая можетъ изъ нея быть извлечена. Но съ другой стороны это умъ не узкій: подчиняя свои дѣйствія своему разсчету, а не своей любви, Цезарь сохраняетъ за собою свободу любить и ненавидѣть согласно влеченію своего сердца, а не согласно требованіямъ разсчета. Тѣ, кого онъ любитъ—не тѣ же, что его союзники; тѣ, съ кѣмъ онъ враждуетъ—не тѣ же, что его ненавистники; сильный умомъ, онъ откинулъ отъ себя обычную слабость умныхъ людей, подчиняющихъ своимъ разсчетамъ не только окружающій міръ, но и себя самихъ. Зная, что его любовь ему не опасна, онъ любитъ все, что прекрасно, благородно, все, что возвышаетъ голову надъ приземистостью того людского стада, среди котораго ему суждено жить и дѣйствовать. Онъ любилъ Брута подъ Филиппами, онъ любитъ Антонія не только въ Александріи, но и въ Римѣ. Свои чувства къ нему онъ выражаетъ въ одну изъ рѣдкихъ минутъ откровенности слѣдующимъ образомъ (д. II сц. 2).

Нельзя дружить
Намъ при такомъ различіи въ поступкахъ,
Но существуй настолько крѣпкій обручъ,
Чтобъ насъ связать—то въ поискахъ за нимъ
Изъ края въ край весь міръ я обошелъ-бы.

На случай дружбы—Октавія; на случай вражды—легіоны: Цезарь знаетъ, что второе средство всегда остается въ его рукахъ и никогда ему не измѣнитъ, потому онъ смѣло пускаетъ въ ходъ первое. Октавію онъ любитъ: „никогда еще братъ такъ не любилъ своей сестры". Онъ любитъ въ ней именно себя, ту часть своей души, которая независима отъ разсчетовъ политики; любитъ за ту счастливую свободу, которой она пользуется, свободу подчинять своей любви не только свои чувства, но и свои дѣйствія. Пусть она отправляется со своимъ супругомъ въ Брундизій, въ Аѳины... пожалуй, даже въ Сирію, пусть она всецѣло отдается своей любви къ нему; служа ей, она будетъ безсознательно служить и его цѣлямъ. Все равно ей придется вернуться къ нему, когда завѣса сказки опустится за Антоніемъ; тогда пусть звукъ боевой трубы разбудитъ того, до котораго уже не долетаютъ слова кроткой и чистой любви. Этимъ толкованіемъ всѣ затрудненія устранены. Кто находитъ несогласуемымъ съ любовью Цезаря къ Октавіи то, что онъ выдаетъ ее за Антонія, тотъ не принялъ въ разсчетъ его спокойной самоувѣренности, взвѣсившей заранѣе всѣ шансы опасной игры и знающей поэтому, до какихъ предѣловъ можно рисковать любовью, не жертвуя ею и собой.

Вполнѣ-ли правъ теперь Крейсигъ, называя послѣднія слова Цезаря, посвященныя уничтоженному врагу: „пышной драпировкой насытившагося себялюбія"? И правъ-ли Брандесъ, видя трагедію „гибели вселенной" въ этомъ грустномъ исходѣ сказки, погибшей отъ рукъ Цезаря? Нѣтъ; въ нашей трагедіи погибаетъ то, что несовмѣстимо съ земной жизнью, погибаютъ тѣ, кто потребовалъ для себя большей доли изъ чаши радости, чѣмъ сколько разрѣшено даже любимцамъ жизни. Но жизнь торжествуетъ,—жизнь трезвая и ясная. Мы вышли изъ волшебнаго грота; наши глаза, привыкшіе къ призрачнымъ переливамъ его багровыхъ огней, склонны найти слишкомъ блѣднымъ свѣтъ дня, окружившій насъ такъ внезапно. А между тѣмъ это тотъ самый свѣтъ, который раститъ травы и деревья, тотъ самый, которымъ живетъ и движется весь міръ. Имя его здѣсь—Цезарь; онъ возсоздалъ разлагающееся римское государство, а для этого было одно только средство—уничтоженіе сказки, уничтожающей жизнь. Сказка обольстила его великаго отца, диктатора Цезаря, призракомъ царскаго вѣнца; сказка увлекла Брута въ Филиппы, нашептывая ему сладкое имя свободы; сказка убаюкала Антонія на берегахъ Нила въ объятіяхъ неземной любви. И вотъ Цезарь палъ подъ ударами Брута, Брутъ подъ ударами Антонія, Антоній подъ ударами Цезаря Младшаго; и если этотъ послѣдній въ свою очередь не испыталъ участи своихъ предшественниковъ, то потому только, что онъ остался вѣренъ знамени жизни. Не будемъ же клеветать на жизнь: она ктому-же не вся погрязла въ себялюбіи, она не чуждается нѣжныхъ, благородныхъ, возвышенныхъ чувствъ: рядомъ съ Цезаремъ мы видимъ Октавію.

Нѣсколько словъ и объ Октавіи. Въ ней поэтъ воспроизвелъ тотъ самый типъ преданной и великодушной римской матроны, который мы нашли въ „Юліи Цезарѣ" (Порція) и „Коріоланѣ" (Валерія), но спеціально римскимъ этотъ типъ назвать нельзя. Корделія. Дездемона, Имогена, Герміона—при всемъ разнообразіи въ оттѣнкахъ, естественно вытекающемъ изъ разнообразія положеній, это въ сущности одинъ и тотъ же женскій характеръ. И въ этомъ ничего страннаго нѣтъ: Октавія—это сама женственность, тотъ образъ, который мы любимъ... не въ обществѣ, быть можетъ, не въ свѣтскомъ разговорѣ, не въ игрѣ страстей, будь то легкая пѣна флирта или бурное волненіе влюбленности,—но зато въ нашей семьѣ, у нашего очага, тамъ, гдѣ совершается самый здоровый, самый зиждительный процессъ нашей жизни. И этотъ образъ, который намъ кажется родственнымъ съ самыми свободными твореніями шекспировской музы—на дѣлѣ точный снимокъ съ исторической Октавіи; тѣ слова, въ которыхъ съ наибольшей силой проявляется ея благородная душа (д. III, сц. 4).

Нѣтъ женщины меня несчастнѣй! Быть
Межъ двухъ враговъ, молиться за обоихъ,
Чтобъ надо мной смѣялись сами боги,
Когда скажу: «благословите мужа»
И вслѣдъ за тѣмъ, наперекоръ мольбѣ,
Воскликну я: «благословите брата!»

—ихъ она произноситъ у Плутарха, только въ разговорѣ не съ мужемъ, а съ братомъ. „Вышедши на встрѣчу Цезарю и пригласивъ изъ его друзей Агриппу и Мецената, она стала ихъ уговаривать, чтобы они не сдѣлали ее изъ счастливѣйшей женщины самой несчастной изъ всѣхъ: „Теперь всѣ съ почтеніемъ смотрятъ на меня, какъ на сестру одного и жену другого властелина міра;

если же злое рѣшеніе возьметъ вверхъ, то кто изъ васъ побѣдитъ или будетъ побѣжденъ,—неизвѣстно, моя же судьба въ обоихъ случаяхъ безотрадна" (гл. 35). Но историческая Октавія сдѣлала гораздо болѣе для своего мужа. Родивъ ему двухъ дочерей, она послѣ его смерти взяла въ свой домъ его сиротъ отъ Клеопатры, Александра-Солнце съ Клеопатрой-Луной (эти гордыя имена были имъ присвоены отцомъ все въ томъ же упоеніи египетскихъ ночей) и Птолемея, тѣхъ самыхъ, о которыхъ говорится въ д. III, сц. 6, и воспитывала ихъ вмѣстѣ съ собственными дѣтьми; позднѣе Клеопатра-Луна вернулась въ свою родную Африку, ставъ женой Юбы, царя Мавританіи.

О другихъ приближенныхъ Цезаря много говорить не приходится; Агриппа и Меценатъ въ своей безцвѣтной добропорядочности превосходно отражаютъ джентльменскую сторону его души, и только; интереснѣе была бы другая пара, Долабелла и Прокулей, но ихъ характеры оставлены въ какомъ то загадочномъ полумракѣ. Зачѣмъ Антоній, умирая, совѣтуетъ Клеопатрѣ довѣриться Прокулею, который такъ мало оправдываетъ ея довѣріе? Положимъ, Шекспиръ заимствовалъ эту черту изъ Плутарха (гл. 77), и Прокулей былъ дѣйствительно великодушнымъ человѣкомъ, какъ видно изъ отзыва о немъ Горація (ода II, 2, пер. Фета):

Братской любовью въ вѣкахъ отдаленныхъ
Будетъ сіять Прокулей величаво и т. д.

Но здѣсь его роль—если не прибѣгать къ натяжкамъ—остается непонятной. И зачѣмъ Долабелла оказываетъ царицѣ ту услугу, которой она, согласно завѣщанію мужа, была вправѣ ждать отъ Прокулея? Или поэтъ въ его лицѣ хотѣлъ изобразить вліяніе сказки даже на самые трезвые умы, чтобъ тѣмъ болѣе подчеркнуть хладнокровіе и стойкость самого Цезаря?

Не на сторонѣ Цезаря, но все же на сторонѣ олицетвореннаго въ немъ міросозерцанія стоятъ два другихъ претендента на всемірную власть, Лепидъ и Секстъ Помпей. Ихъ фигуры у поэта остались торсами; введши ихъ въ дѣйствіе довольно эффектно, онъ ихъ потомъ предоставилъ ихъ участи, о свершеніи которой мы узнаемъ изъ отрывочныхъ сценъ III акта. Причина, по которой они пострадали, повидимому та-же, которая заставила поэта урѣзать весь восточный походъ Антонія: нежеланіе дѣлить драму на двѣ части. За то можно сказать, что въ знаменитой сценѣ банкета символически предоставлена ихъ будущая судьба: Лепидъ, добродушный миротворецъ, напивается до безчувствія и его уносятъ, какъ никому ненужную вещь изъ общества властителей міра; Помпей, окружившій себя пиратами, пытается и среди пиратовъ остаться римляниномъ и этимъ подписываетъ свой собственный приговоръ. Оба они, сказалъ я только что, стоятъ на сторонѣ цезарева міросозерцанія, т. е. на точкѣ зрѣнія трезвой и реальной политики; но они олицетворяютъ ее въ значительно болѣе слабой степени и легко поэтому затмеваются имъ. У Цезаря только одинъ равный ему по силѣ противникъ—это Маркъ Антоній.

V.

Антонія мы тоже уже знаемъ изъ „Юлія Цезаря", даже гораздо лучше, чѣмъ его юнаго соперника; это тотъ, котораго диктаторъ противопоставляетъ угрюмому Кассію, какъ человѣка, „любящаго игры"; тотъ, который во время шумнаго римскаго карнавала—выражаясь по нашему,—превратившись изъ консула въ шаловливаго „луперка", трижды предложилъ диктатору царскій вѣнецъ; тотъ, наконецъ, который послѣ его убійства выступилъ безподобнымъ актеромъ на подмосткахъ римской трибуны и съ помощью геніальной трагедіи вырвалъ Римъ изъ рукъ республиканцевъ. Мы узнали его страсть къ призрачной жизни и къ блестящей мечтѣ, попирающей и порабощающей дѣйствительность; онъ любитъ обманъ, но не хитростью, а обаяніемъ: его покровитель—не лукавый Гермесъ, а Діонисъ, владыка обманчивыхъ чаръ, свободный побѣдитель людскихъ сердецъ. Но это въ то же время тотъ, который во главѣ легіоновъ двинулся подъ Филиппы, выставляя имя противъ идеи и приковывая къ этому имени надежды и любовь своего войска; его второй покровитель—тотъ, кто силой своей личности объединялъ рати, труженикъ-воинъ Гераклъ. Обоимъ старался онъ подражать, смотря по обстоятельствамъ жизни или по вдохновенію минуты. Онъ любилъ Фульвію, Октавію, Клеопатру, не говоря о другихъ, и съ гордостью сверхчеловѣка смотрѣлъ на юное племя, плодъ его явныхъ и тайныхъ браковъ, безпечно игравшее у его ногъ. „Такъ и его радоначальникъ, говаривалъ онъ (Плут. 36), былъ рожденъ Геракломъ, который не отъ одной только женщины требовалъ себѣ наслѣдниковъ, не опасаясь соло-

новыхъ законовъ и налагаемыхъ ими на незаконныхъ отцовъ взысканій, и предоставлялъ природѣ производить родоначальниковъ многихъ родовъ". А впрочемъ „характера былъ онъ прямодушнаго и, хотя медленно и съ трудомъ замѣчалъ свои прегрѣшенія, но разъ ихъ замѣтивъ, сильно въ нихъ раскаивался и признавался передъ тѣми самыми, которые были имъ оскорблены. Въ наградахъ, какъ и въ наказаніяхъ, онъ не зналъ мѣры; но все же онъ чаще ее переступалъ въ ласкѣ, чѣмъ въ гнѣвѣ. Его же рѣзкость въ шуткахъ и насмѣшкахъ носила свое противоядіе въ себѣ самой: разрѣшалось отвѣчать насмѣшкой на насмѣшку и рѣзкостью на рѣзкость, и ему было не менѣе пріятно быть мишенью, чѣмъ авторомъ шутки. И этимъ онъ часто портилъ свои дѣла. Въ любителяхъ прямодушныхъ шутокъ онъ не подозрѣвалъ серьезныхъ льстецовъ и поэтому легко давалъ себя обманывать ихъ похвалами, не понимая, что нѣкоторые просто во избѣжаніе приторности приправляютъ лесть прямодушіемъ". Вотъ та характеристика нашего героя, которую Шекспиръ имѣлъ передъ глазами (Плут. 24); читатель безъ труда замѣтитъ, какъ хорошо онъ ее иллюстрировалъ частностями въ его бесѣдахъ съ друзьями и приближенными. „Таковъ былъ Антоній, продолжаетъ Плутархъ, когда его постигло самое рѣшительное несчастье его жизни— любовь къ Клеопатрѣ".

Разрушительность этой любви объясняется тѣмъ, что она соотвѣтствовала самымъ кореннымъ, интимнымъ потребностямъ его души; та сверхземная, призрачная жизнь, та волшебная сказка, ради осуществленія которой онъ сталъ политикомъ на форумѣ и военачальникомъ подъ Филиппами—она предстала передъ нимъ вдругъ, готовая и осязуемая, въ лицѣ египетской царицы. Теперь все остальное показалось ему излишнимъ и ненужнымъ—несовершеннымъ орудіемъ счастья, которое мы съ легкимъ сердцемъ бросаемъ, когда у насъ есть въ рукахъ болѣе подходящее. Тотъ „вѣнецъ трудовъ", который онъ добылъ себѣ, подобно своему родоначальнику Гераклу—онъ былъ теперь заброшенъ и забытъ, и его хозяинъ безпечно давалъ времени отрывать одинъ его листъ за другимъ. Фульвія, Лепидъ, Помпей вели, сознательно или нѣтъ, его дѣло на западѣ; вмѣстѣ съ ними гибла и его слава. Италія ускользала изъ рукъ недавняго своего кумира—онъ благодушно пировалъ съ царицей и прочими товарищами „неподражаемой жизни" на берегахъ Нила. Онъ помнилъ время, когда этотъ Цезарь былъ его ученикомъ; онъ и понынѣ чувствовалъ себя много сильнѣе его и воображалъ, что стоитъ ему захотѣть— и прежнія ихъ отношенія возобновятся сами собою. Да, стоило только захотѣть: но именно эту способность захотѣть онъ съ каждымъ годомъ утрачивалъ. Незачѣмъ было: тотъ міръ, изъ-за котораго онъ спорилъ съ Цезаремъ, съ каждымъ годомъ терялъ свое значеніе для него; все было блѣдно и убого въ сравненіи со сказкой, которая его окружала. А она была вѣрна ему... конечно, вѣрна! ради ея, вѣдь, онъ пожертвовалъ всѣмъ. Да, онъ то всѣмъ пожертвовалъ; но подлинно ли она была ему вѣрна? И вотъ иногда его точно встряхивало всего; герой превращался въ труса, великодушный человѣкъ-богъ въ жестокаго варвара — это было тогда, когда ему казалось, что его сказка ускользаетъ отъ него, что она оставляетъ его нагимъ и поруганнымъ, чтобы другимъ передать вѣнецъ его трудовъ и утѣхъ. Такъ мы его видимъ при Актіи, при Пелусіи, послѣ посѣщенія Ѳирса; поклонникъ обманчивыхъ чаръ запутался въ сѣти обмановъ, сплетенной болѣе искусной рукой; послѣдній, самый жестокій изъ всѣхъ, лишаетъ его жизни.

И не онъ одинъ—всѣ товарищи „неподражаемой жизни" *), всѣ, вкусившіе сладкаго яда сказки, смертью искупили свое счастье. Ихъ было много, но одного поэтъ избралъ представителемъ всѣхъ, самаго веселаго и остроумнаго изъ ихъ среды—Домитія Аэнобарба. Его трагедія у Плутарха занимаетъ всего нѣсколько строкъ (гл. 63, передъ Актійскимъ сраженіемъ): „Онъ ласково обошелся и съ Домитіемъ, вопреки желанію Клеопатры. Страдая уже лихорадкой, этотъ человѣкъ сѣлъ въ небольшую шлюпку и перешелъ къ Цезарю; Антоній былъ очень огорченъ его поступкомъ, но все же отослалъ ему все его имущество, вмѣстѣ съ его друзьями и слугами. Домитій раскаялся, видя, что его невѣрность и предательство

*) Она распустила тотъ прежній кружокъ «неподражаемой жизни» (amimétobioi) и основала другой, не уступающій ему въ нѣгѣ, пышности и расточительности, который она назвала «кружкомъ товарищей въ смерти» (synapothanumenoi-commorituri). Плутархъ гл. 71. На имя перваго кружка намекаетъ Антоній у Шекспира д. I сц. 1: «благородство жизни состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ . . . а въ этомъ мы, знай это, міръ, подъ страхомъ наказанія—неподражаемы» (peerless).

стали извѣстными Антонію, и вслѣдъ затѣмъ умеръ". Его то Шекспиръ сдѣлалъ лучшимъ другомъ Антонія, товарищемъ всѣхъ дней его жизни, кромѣ послѣднихъ. Мы видимъ, какъ онъ вначалѣ не менѣе своего полководца отдается безпечному веселію египетскихъ ночей; привыкши преломлять серьезные „аспекты жизни" въ игривой призмѣ своего добродушнаго юмора, онъ не чувствуетъ никакихъ угрызеній совѣсти—онъ не прочь бы и долѣе остаться въ Александріи, и только строгое внушеніе Антонія (д. I, сц. 2: „довольно пустыхъ отвѣтовъ!") заставляетъ его вспомнить о реальной жизни. На трезвой италійской почвѣ въ немъ просыпается его римская душа: теперь онъ—воинъ, подчиненный своего обожаемаго полководца. Правда, юморъ и прямодушіе не оставляютъ его и тутъ—мы видимъ его въ роли, напоминающей роль Мененія Агриппы въ „Коріоланѣ"; но все же сѣмя разлада запало ему въ сердце; та римская душа уже не даетъ себя усыпить вновь. Вопреки волѣ Клеопатры и желанію обвороженнаго ею Антонія, онъ настаиваетъ на необходимости сухопутнаго сраженія безъ участія египетской царицы (д. III, сц. 7); неразуміе и неудача ихъ дѣйствій дѣлаютъ раздоръ въ его душѣ очевиднымъ и неизлѣчимымъ. Отнынѣ его тянетъ къ Цезарю, онъ чувствуетъ, что „разумъ" на той сторонѣ, и хотя на первыхъ порахъ его старинная привязанность и беретъ верхъ, однако мы догадываемся, что она не долго устоитъ противъ его внушеній (д. III, сц. 8). И вотъ планъ измѣны зарождается и зрѣетъ въ его душѣ, его исполненіе поэтъ, отступая нѣсколько отъ исторіи, отложилъ до послѣднихъ сраженій на египетской почвѣ. Вначалѣ мы видимъ его суровымъ критикомъ увлеченій своего начальника; затѣмъ онъ исчезаетъ—совершается то, что мы выше разсказали словами Плутарха. Поэтъ не пожелалъ представить намъ непосредственно перехода Аэнобарба къ Цезарю *), мы слышимъ о немъ изъ устъ солдата (д. IV, сц. 5).

И нѣтъ сомнѣнія, что это гораздо красивѣе и благодарнѣе: мы застигнуты врасплохъ не менѣе самого Антонія и можемъ, поэтому, вполнѣ оцѣнить его благородство. Все же, избирая этотъ исходъ, поэтъ долженъ былъ пропустить одну важную подробность: что Аэнобарбъ *былъ уже боленъ*, когда рѣшилъ перейти къ Цезарю. Вслѣдствіе этого пропуска его смерть въ 9 сц. является не совсѣмъ понятной. По Плутарху, его свела въ могилу его физическая немочь, усиленная нравственными мученіями раскаянія. Тутъ актеръ долженъ прійти на помощь поэту; Аэнобарбу нездоровится въ сц. 2, гдѣ онъ такъ угрюмо критикуетъ Антонія; онъ боленъ въ сц. 6, гдѣ онъ впервые появляется въ свитѣ Цезаря; презрительное съ нимъ обращеніе его новаго господина еще болѣе разстраиваетъ его; онъ вздрагиваетъ, слыша оскорбительный намекъ Цезаря на перебѣжчиковъ; да, онъ дурно поступилъ, и отнынѣ для него нѣтъ болѣе радости. И именно въ эту минуту, когда его римская душа разбита—онъ слышитъ далекій, грустно-ласковый привѣтъ отъ той сказки, которую онъ такъ безсердечно и безразсудно, со смертью въ крови, хотѣлъ промѣнять

*) Любители символизма могутъ сказать, что онъ представилъ его иносказательно въ той эффектной ночной сценѣ (д. IV, сц. 3), въ которой солдаты-караульные слышатъ, не то подъ землей, не то въ воздухѣ, звуки удаляющейся чудесной музыки и толкуютъ это знаменіе въ томъ смыслѣ, что это богъ-покровитель Антонія покидаетъ его. Сцену эту Шекспиръ тоже заимствовалъ у Плутарха (гл. 75), но при этомъ допустилъ довольно крупную ошибку. Плутархъ выражается неопредѣленно: «спрашивая себя о смыслѣ знаменія, они рѣшили, что Антонія покидаетъ тотъ богъ, которому онъ всегда болѣе всего старался подражать и уподоблять себя». Какой это богъ? Изъ всего описанія явленія (музыка пѣсни, крики «эвоэ!» прыжки сатировъ) видно, что—Діонисъ; Шекспиръ по ошибкѣ отнесъ его къ другому богу-покровителю Антонія, Гераклу. Та же 75 глава еще въ двухъ другихъ мѣстахъ была неправильно понята поэтомъ. На вызовъ Антонія Цезарь отвѣчаетъ, что «у Антонія есть и много другихъ путей къ смерти»; у Шекспира онъ, вопреки смыслу, говоритъ «есть у *меня* много другихъ путей къ смерти» (д. IV сц. 1: Let the old ruffian know, I have many other ways to die). Затѣмъ, по Плутарху, Антоній «видя своихъ друзей плачущими, сказалъ имъ, что онъ не поведетъ ихъ въ бой, въ которомъ онъ ищетъ для себя скорѣе славной смерти, чѣмъ спасенія и побѣды». У Шекспира эти унылыя слова превращены въ бодрыя и самоувѣренныя: «я хочу повести васъ туда, гдѣ я скорѣе жду побѣдоносной жизни, чѣмъ смерти и чести (д. IV, сц. 2: I will lead you where rather I'll expect victorious life, than death and honour). Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ поэтъ былъ введенъ въ заблужденіе неопредѣленностью North'ова перевода Плутарха, которымъ онъ пользовался. (Caesar answered him, that he had many other ways to die than so; . . . that he would not lead them to battle where he thought not rather safely to retourn with victory than valiantly to die with honour); при сличеніи подлинника, однако, неопредѣленность исчезаетъ—и вотъ, вѣроятно, причина, почему ошибки Шекспира до сихъ поръ остались незамѣченными.

на трезвую жизнь. Вторично сказка имъ овладѣваетъ, но уже не для игры и веселья—она усыпляетъ его вѣчнымъ сномъ смерти.

VI.

Но что же сказать теперь о самой царицѣ сказки, этомъ яркомъ и ядовитомъ цвѣткѣ, выросшемъ на вѣковомъ перегноѣ рода Птолемеевъ—рода нѣкогда богатырскаго, нынѣ разслабленнаго и отравленнаго рядомъ послѣдовательныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ? Есть ли такая формула, въ которую бы укладывалась эта до нельзя сложная, до нельзя нервная и капризная натура, всѣ проявленія которой причудливы и неожиданны, какъ видѣнія лихорадочнаго сна?—„Нѣтъ и не можетъ быть“, склоненъ сказать читатель послѣ перваго бѣглаго ознакомленія съ ней; „должна быть и есть“, скажетъ онъ при болѣе зрѣломъ обсужденіи, вспомнивъ о томъ, что есть же разница между волей демонической женщины и прихотями дегенерантки, у которой вслѣдствіе безкровія мозга связь между явленіями сознанія нарушена—и что только первая можетъ быть предметомъ поэзіи.

Да, эта формула есть; во всей сухости она гласитъ такъ: Клеопатра—натура двойственная; одной половиной своей души она управляетъ той сказкой, которой живетъ другая. Первая своимъ видимымъ коварствомъ и вѣроломствомъ вызываетъ иллюзію сознательности и разсчета; говорю—„иллюзію“, такъ какъ настоящей сознательности въ ея дѣйствіяхъ такъ-же мало, какъ въ дѣйствіяхъ лисицы или змѣи, и мы скорѣе должны признать въ нихъ природный инстинктъ самки, смутно чувствующей, что ей слѣдуетъ быть распорядительницей любовныхъ чаръ, чтобы не стать ихъ жертвой. Вторая—вся упоеніе, вся восторгъ, вся преданность и самоотверженіе. Апоѳеозъ же Клеопатры состоитъ въ томъ, что эта вторая часть ея души освобождается отъ назойливаго надзора и вмѣшательства первой и побѣдоносно увлекаетъ ее въ тихую пристань смерти.

Быть можетъ, одна изъ причинъ этой двойственности заключается въ томъ, что Клеопатра не была той красавицей, которою ее обыкновенно представляютъ. „Ея красота“, говоритъ Плутархъ (гл. 27),—„сама по себѣ не была столь несравненна, она не очень поражала зрителей; но въ ея общеніи была неотразимая, чарующая сила, и ея наружность, *вмѣстѣ* съ ея обворожительной рѣчью и таинственной прелестью ея обхожденія, оставляла жало въ душѣ тѣхъ, кто ее зналъ“. Будучи поставлена въ необходимость восполнить умомъ недочеты своей внѣшности, она инстинктивно должна была удерживать себя отъ чрезмѣрныхъ увлеченій и своей головой находиться выше той теплой волны, которая такъ чудно ласкала ея прочее существо. Въ ранней своей юности она плѣнила диктатора Цезаря, которому было тогда уже пятьдесятъ два года; была ли и она имъ плѣнена? Ея подруга Харміона это прекрасно помнитъ (д. I, сц. 5); если она сама называетъ свое тогдашнее сужденіе незрѣлымъ, то это доказываетъ только искренность ея теперешняго увлеченія, не упраздняя искренности того перваго. Еще раньше она, если вѣрить молвѣ, плѣнила старшаго сына Помпея Великаго, отправленнаго отцомъ въ Александрію набрать тамъ вспомогательное войско; но ничто не обязываетъ васъ вѣрить молвѣ, которой самъ Антоній вѣритъ лишь въ минуты изступленія *) (д. IV, сц. 11). Ее настоящимъ возлюбленнымъ былъ Маркъ Антоній; и вотъ въ то время, какъ она своей увлекающейся душой отдается этой страсти, ея женскій инстинктъ учитъ ее распредѣлять и приправлять свои ласки такъ, чтобъ ихъ предметъ отъ нея не ускользнулъ. На римскихъ друзей Антонія ея любовь производитъ впечатлѣніе льстивой разсчетливости; они называютъ ее—съ забавнымъ анахронизмомъ, вызваннымъ созвучіемъ словъ egyptian и gipsy—„цыганкой“ и даже хуже; но мы вскорѣ узнаемъ, что они ошибаются. Къ Антонію явились послы изъ Рима; Клеопатрѣ страшно не

*) Къ тому же, Шекспиръ по ошибкѣ относитъ эту молву къ Помпею Великому, вмѣсто его сына Гнея. Интересно прослѣдить происхожденіе этой ошибки. У Плутарха (гл. 25) просто сказано: «Клеопатра, основываясь на прежнихъ своихъ побѣдахъ надъ Цезаремъ и Гнеемъ, сыномъ Помпея, надѣялась легко покорить и Антонія». (У Норта: . . by the former accesse and credit she hab with Julius Caesar and C. Pompey, the son of Pompey the Graat). Шекспиръ, очевидно, проглядѣлъ Плутархову оговорку; а такъ какъ онъ, съ другой стороны, помнилъ, что Помпей Великій при жизни Клеопатры даже не коснулся египетской почвы, а былъ убитъ во время переправы, то у него получилась слѣдующая восхитительная, но чисто фантастическая картина « . . . . и великій Помпей стоялъ, и его взоръ пускалъ корни въ моей брови; тамъ на якорѣ стоялъ его взоръ, и онъ умеръ, всматриваясь въ то, что было его жизнью» (д. I сц. 5).

хочется, чтобъ онъ ихъ выслушалъ—именно поэтому она отъ него этого требуетъ. Ея тайное желаніе исполняется: посламъ отказано. Но опасность этимъ лишь отсрочена; несмотря на все, „римская мысль" коснулась обвороженнаго тріумвира, онъ узнаетъ о смерти Фульвіи, о могуществѣ Цезаря, о пареійскомъ погромѣ—его отъѣздъ необходимъ, онъ долженъ проститься съ Клеопатрой.

Сцены прощанія у Плутарха нѣтъ—она принадлежитъ къ тѣмъ, которыя мы выше выдѣлили въ ту особую третью категорію (гл. III): Шекспиръ ее вставилъ, чтобы полнѣе обрисовать характеръ обоихъ героевъ. Все же было бы ошибочно предполагать, что она сочинена вполнѣ свободно: ея образцомъ была знаменитая сцена прощанія Энея съ Дидоной—не столько, впрочемъ, въ оригинальной обработкѣ Виргилія, сколько въ передѣлкѣ его подражателя Овидія (Heroides 7); Дидона Овидія представляетъ изъ себя такую же нервную натуру, какъ и наша Клеопатра. Антоній хочетъ уйти—надобно его задержать; если-же это невозможно—надобно устроить такъ, чтобы онъ вернулся. Для этого Шекспиръ пользуется мотивомъ, заимствованнымъ у Овидія: пусть Антоній знаетъ, что ихъ союзъ не остался безъ послѣдствій... Стоитъ обратить вниманіе, какъ Клеопатра подготовляетъ свое признаніе: ей душно, она можетъ упасть въ обморокъ; ей то дурно, то хорошо—„такъ любитъ Антоній..." И когда ничего не понимающій другъ, хочетъ уйти, она зоветъ его обратно; „Постой, учтивый сударь, одно слово. Государь мой, мы должны разстаться... но это не то. Государь мой, мы любили другъ друга... но это не то. Это ты хорошо знаешь: что то я хотѣла тебѣ сказать; *о мое забвеніе—подлинный Антоній,* и я совсѣмъ забыта!"

Courteous lord, one word.
Sir, y u and I must part, but that's not it:
Sir, you and I have lov'd—but there's not it;
That you know well: something it is I would —
O, mu oblivion is a very Antony
And I am all forgotten.

Ея слова повергли въ недоумѣніе новѣйшихъ толкователей; лучше ихъ всѣхъ, какъ намъ кажется, понялъ, однако, благодаря своему поэтическому чутью, нашъ Пушкинъ, который явно подражалъ имъ въ знаменитомъ мѣстѣ своей „Русалки":

Постой; тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

Князь.
Припомни.

Она.
Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Антонію слова царицы непонятны, онъ считаетъ ихъ „неразуміемъ" (idelness); тогда она выражается нѣсколько яснѣе: „Тяжело", говоритъ она, носить *такое* неразуміе *такъ близко къ сердцу,* какъ это дѣлаетъ Клеопатра". Наконецъ Антоній понялъ; Клеопатра это замѣтила, она знаетъ, что теперь онъ ей обезпеченъ, что никакимъ „римскимъ мыслямъ" не вырвать того жала, которое она оставила въ его душѣ. Она благословляетъ его въ походъ и онъ удаляется, сказавъ ей съ такою-же двусмысленностью, что онъ, уходя, все-же остается съ нею.

Такъ дѣйствуетъ Клеопатра подъ вліяніемъ своей первой души; но вотъ дѣло сдѣлано. Антоній уѣхалъ—она можетъ свободно отдаваться второй. Какъ искренно, какъ безумно она его любитъ—это видно изъ слѣдующихъ сценъ ея томительнаго выжиданія, ея упоительныхъ воспоминаній— „теперь онъ говоритъ или шепчетъ: гдѣ-то моя змѣя у стараго Нила? Такъ, вѣдь, онъ называлъ меня. А теперь я сама питаюсь самымъ сладкимъ изъ всѣхъ ядовъ!"... ядомъ сказки можемъ мы прибавить, который дѣйствуетъ на нее съ полной силой теперь, когда она вполнѣ отдается влеченію своего сердца. Да, выжиданіе, воспоминанія—а затѣмъ, страшное извѣстіе о его женитьбѣ на Октавіи, изступленіе ревности и постепенное успокоеніе при вымышленныхъ показаніяхъ вѣстника о внѣшности соперницы—все это послѣдовательно и понятно. Свѣтъ падаетъ съ одной только стороны, нѣтъ того смущающаго скрещиванія тѣней, которое мы наблюдали въ первыхъ сценахъ.

Какъ встрѣтила Клеопатра Антонія, когда онъ вторично и окончательно къ ней вернулся? Была у нихъ рѣчь объ Октавіи, или же ихъ занимало только ихъ собственное счастье, нагляднымъ символомъ котораго были младенцы - близнецы, Александръ-Солнце и Клеопатра-Луна, увидѣвшіе свѣтъ

во время отсутствія отца? Мы этого не знаемъ; сцена возвращенія пропала въ общемъ сумбурѣ третьяго дѣйствія. Мы у Актія; гибель нависла надъ нашей четой. Опять Антоній съ Клеопатрой; и опять то, что мы назвали ея первой душой, назойливо даетъ знать о себѣ и препятствуетъ любви проявлять свою силу. До самой смерти Антонія свѣтъ опять падаетъ съ двухъ сторонъ; не совсѣмъ легко разобраться въ замысловатомъ узорѣ скрещивающихся тѣней.

Сохранить Антонія—это первая забота; сохранить царство—вторая. Почему Клеопатра настаиваетъ на томъ, чтобы сраженіе было дано на морѣ? Потому что тогда, въ случаѣ пораженія, ея флотъ можетъ спастись въ Египетъ и обезпечить ей владѣніе этой недоступной страной. Почему она при первой неудачѣ даетъ сигналъ къ бѣгству? По той же причинѣ. Но почему Антоній, постыдно оставляя свои вѣрные легіоны, слѣдуетъ ея примѣру? Потому что ему здѣсь впервые, въ шумѣ и сумятицѣ битвы, объявилась та первая душа его царицы. Онъ думалъ, что они вмѣстѣ уносятся теплой волной сказки, готовые вмѣстѣ, если такъ нужно, въ ней утонуть. Возможно-ли, чтобы Клеопатра дала ему умереть одному, спасая свою жизнь безъ него? Да, это оказалось возможнымъ; началась жестокая игра Клеопатры съ тѣмъ, кто весь отъ нея зависитъ и не имѣетъ болѣе любви, счастья, власти внѣ ея кругозора.

И вотъ они опять вмѣстѣ, но ролями они помѣнялись: не Антонія, а Клеопатру тянетъ отъ сказки къ жизни, или вѣрнѣе—въ третью сказку, героемъ которой долженъ быть Цезарь. Его отца по усыновленію она нѣкогда плѣнила; почему ей не испытать силы своихъ чаръ и на сынѣ? Положительно ея первая душа властвуетъ надъ нею; она благосклонно принимаетъ Өирса, явившагося посломъ отъ Цезаря, она подтверждаетъ его фикцію, будто ея союзъ съ Антоніемъ былъ дѣломъ принужденія, а не свободной любви. А Антоній? Послѣ своего актійскаго бѣгства она примирила его поцѣлуемъ; ея переговоры съ Өирсомъ приводятъ его въ бѣшенство, но стоитъ ей еще разъ пустить въ ходъ свою обычную льстивость—и онъ опять ей подчиняется. Лишь третій обманъ открываетъ ему глаза; когда послѣ его геройской защиты флотъ Клеопатры отдается Цезарю (д. IV, сц. 10)—онъ чувствуетъ, что онъ проданъ; ея ласки не помогаютъ, требуются болѣе сильныя, болѣе дѣйствительныя чары. Когда-то они, распустивъ кружокъ „неподражаемой жизни", назвались „товарищами въ смерти"; эта совмѣстная смерть представлялась достойнымъ финаломъ ихъ сказки. Пусть же Антоній знаетъ, что Клеопатра сдержала свое обѣщаніе; пусть эта увѣренность наполнитъ сладостью прежнихъ дней его неминуемую кончину. Сирена ласкова и сострадательна; она не желаетъ печальной смерти тому, кто отдалъ ей всѣ силы своей жизни. А тамъ—новая побѣда, новый другъ, новая волшебная сказка.

По отношенію къ Антонію она окажется права; но такъ же ли хорошо разсчитала она дѣйствіе своего замысла на свое собственное сердце?

Весь гнѣвъ Антонія прошелъ; онъ хочетъ послѣдовать за Клеопатрой и умолить ее простить ему. Ему представляется продолженіе ихъ земной сказки за предѣлами смерти: „тамъ, гдѣ блаженные духи отдыхаютъ на цвѣтистыхъ лугахъ, тамъ мы будемъ гулять рука объ руку..."—вотъ его предсмертная мечта. Но ему не удается покончить съ собою рѣшительнымъ ударомъ; раненый на смерть, онъ идетъ умирать передъ глазами своей царицы. Именно этого она не разсчитала. Въ пламени его самоотверженной любви гибнетъ ея земная, себялюбивая и коварная душа. Очищенная отъ ея оскверняющаго прикосновенія, Клеопатра становится окончательно той великодушной царицей сказки, какой она была въ лучшіе моменты своей жизни. Сохранить Антонія—теперь уже поздно; сохранить царство—что царство безъ Антонія! Сирена подчинилась своимъ собственнымъ чарамъ; та пѣсня сладкой смерти, которую она сложила для Антонія, теперь звучитъ въ ея собственныхъ ушахъ.

Пятый актъ принадлежитъ Клеопатрѣ; его содержаніе—ея борьба съ Цезаремъ, его конецъ—ея побѣда надъ нимъ. Погружаясь душою въ свою сказку, она возносится все выше и выше надъ тѣмъ, что ее привязывало къ землѣ; когда то ее тянуло къ этому Цезарю, въ которомъ она видѣла побѣдителя ея друга—теперь его участь кажется ей жалкой, онъ кажется ей рабомъ того счастія, которому она уже перестала служить. Ей говорятъ про Цезаря; она въ забытьѣ отвѣчаетъ:

> Мнѣ снилось, былъ властитель Маркъ Антоній...
>
> О, разъ еще увидѣть бы тотъ сонъ!

Все таки она во власти этого Цезаря; надо ее стряхнуть, надо изъ душной темницы жизни вырваться на волю, въ обитель чарующихъ сновъ. Она возбудила подозрѣніе Цезаря своими неосторожными рѣчами; надо усыпить его бдительность, пусть онъ считаетъ ее неразрывно привязанной къ жизни. Съ этой цѣлью она разыгрываетъ передъ нимъ комедію съ Селевкомъ... Что это была комедія, видно изъ Плутарха, который свой разсказъ о ней заключаетъ словами: „Цезарь былъ обрадованъ, видя, что она такъ дорожитъ жизнью, и ушелъ отъ нея въ увѣренности, что онъ ее обманулъ, *на дѣлѣ же онъ самъ былъ ею обманутъ*" (гл. 83); но и Шекспиръ позаботился о томъ, чтобъ мы не относились слишкомъ довѣрчиво къ мнимой наивности Клеопатры. Едва успѣлъ Цезарь уйти, какъ она говоритъ своимъ подругамъ: „онъ хочетъ меня обмануть, дѣвушки, чтобы я не была благородна относительно самой себя", и тотчасъ посылаетъ Харміонъ за крестьяниномъ и змѣями. Нѣтъ, несомнѣнно Клеопатра хитритъ; сговорилась ли она съ Селевкомъ, или, что вѣроятнѣе, заранѣе разсчитала его образъ дѣйствій—этого поэтъ не счелъ нужнымъ намъ сказать; тутъ такту актера предоставлена полная свобода.

Своею послѣднею хитростью Клеопатра искупила всѣ прежніе обманы своей жизни. Благодаря ей смерть вошла въ ея послѣднее убѣжище—смерть величавая и торжествующая, какъ закатъ солнца въ пескахъ ливійской пустыни; смерть нѣжная и сладкая, какъ ласкающая дремота египетскихъ ночей. Ирада, Клеопатра, Харміана—одна за другой волшебницы неподражаемой жизни оставляютъ свою поруганную, земную обитель; съ послѣдними словами послѣдней изъ нихъ сказка навсегда уносится въ свою вѣчную родину, туда, гдѣ „блаженные духи отдыхаютъ на цвѣтистыхъ лугахъ".

Ѳ. Зѣлинскій.

СФИНКСЪ. (Древне-греческая статуя).

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НИЛА.
(Колосальная античная группа II вѣка до Р. Х. въ Ватиканѣ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Маркъ Антоній, Октавіо Цезарь, Маркъ Эмилій Лепидъ — Тріумвиры.
Секстъ Помпей.
Домицій Энобарбъ, Вентидій, Эросъ, Скаръ, Дерцетъ, Деметрій, Филонъ — Придворные Антонія.
Меценатъ, Агриппа, Долабелла, Прокулей, Тирей, Галлъ — Приверженцы Цезаря.
Менасъ, Менекратъ, Варрій — Приверженцы Помпея.
Тавръ, главный военачальникъ Цезаря.
Канидій, главный изъ военачальниковъ Антонія.
Силій, одинъ изъ вождей подъ начальствомъ Вентидія.
Эвфроній, посолъ отъ Антонія къ Цезарю.
Алексасъ, Мардіанъ, Селевкъ, Діомедъ — Придворные Клеопатры.
Предсказатель.
Поселянинъ.
Клеопатра, царица Египта.
Октавія, сестра Цезаря и жена Антонія.
Харміана, Ира — Прислужницы Клеопатры.
Вожди, воины, гонцы, слуги и придворные.

Мѣсто дѣйствія—въ разныхъ частяхъ Римской имперіи.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКІЙ ОРНАМЕНТЪ.
(Живопись на ящикѣ съ муміями).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Александрія. Зала во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ Деметрій *и* Филонъ.

Филонъ.

Нѣтъ, полководца нашего безумье
Всѣ перешло границы. Тѣ глаза
Безстрашные, что нѣкогда сверкали,
Какъ Марсъ въ бронѣ, предъ строемъ легіоновъ,
Теперь устремлены съ покорной страстью
На смуглое лицо. Героя сердце,
Что въ полѣ грозныхъ битвъ своимъ біеньемъ
Застежки рвало на его груди,
Забывъ себя, вдругъ стало опахаломъ,
Чтобъ охлаждать любовный жаръ—цыганки.
Но вотъ идутъ. Внимательно смотри,
Увидишь самъ, какъ третій столбъ вселенной
Шутомъ блудницы сталъ. Лишь примѣчай.

Трубы. Входятъ Антоній *и* Клеопатра *со свитой. Евнухи съ опахалами окружаютъ царицу.*

Клеопатра.

Коль вправду любишь, то скажи, насколько.

Антоній.

Бѣдна любовь, которую возможно
Измѣрить.

Клеопатра.

У границъ твоей любви
Хочу поставить камень порубежный.

Антоній.

Коль такъ, то землю новую создай
Подъ новымъ небомъ.

(Входитъ слуга).

Слуга.

Вѣсти, повелитель,
Изъ Рима.

Антоній.

Скука! Говори короче.

Клеопатра.

Нѣтъ, долженъ ты ихъ выслушать, Антоній!
Какъ знать, быть можетъ, Фульвія не въ духѣ,
Иль шлетъ тебѣ скудобородый Цезарь
Приказъ свой властный: „сдѣлай то иль это!
То царство покори, тому дай волю.
Спѣши! Не то осудимъ мы тебя!“

Антоній.

Какъ, другъ мой?

Клеопатра.

Можетъ быть, иль нѣтъ, навѣрно
Тебѣ не жить здѣсь дольше. Цезарь шлетъ

Тебѣ отставку. Выслушай ее.
Гдѣ вызовъ въ судъ отъ Фульвіи?
Иль нѣтъ,
Отъ Цезаря, хотѣла я сказать,
Отъ нихъ обоихъ? Призови-жъ пословъ.
Клянусь вѣнцомъ египетской царицы,
Ты покраснѣлъ, Антоній. Эта краска—
Дань Цезарю. Иль отъ стыда, быть можетъ,
Ты такъ привыкъ краснѣть, когда, ругаясь,
Языкъ свой чешетъ Фульвія. Пословъ!

Антоній.

Пусть Римъ свалится въ Тибръ! Пусть рухнутъ своды
Имперіи обширной. Здѣсь мой міръ!
Всѣ царства—тлѣнъ, и грязная земля
Скотовъ, равно какъ и людей, питаетъ.
Вотъ благородство жизни въ чемъ!
(Цѣлуетъ ее).
Когда
Чета, какъ мы, такъ передъ цѣлымъ свѣтомъ
Рѣшила поступить въ любви взаимной,
Клянусь, ей нѣтъ подобной пары въ мірѣ!

Клеопатра.

Возвышенная ложь! Зачѣмъ женился
На Фульвіи, когда ея не любишь?
Я глупой лишь кажусь теперь, но знаю:
Самимъ собой останется всегда
Антоній.

Антоній.

Вдохновленный Клеопатрой.
Но изъ любви къ любви и къ упоенью
Ея часовъ не станемъ тратить время
На споры. Ни одна минута жизни
Пусть не проходитъ безъ утѣхъ. Чему
Мы вечеръ посвятимъ?

Клеопатра.

Прими пословъ!

Антоній.

Сварливая царица! Ты, кому
Пристало все,—и брань, и смѣхъ, и слезы.
Всѣ страсти ухитряются въ тебѣ
Стать красотой и вызвать восхищенье.
Я не хочу пословъ. Съ тобой вдвоемъ
По улицамъ мы будемъ въ этотъ вечеръ
Бродить и нравы черни наблюдать.
Идемъ, моя царица. Ты сама
Хотѣла такъ вчера. А вы молчите!
Антоній, Клеопатра *со свитой уходятъ.*

Деметрій.

Ужель такъ мало Цезаря онъ цѣнитъ?

Филонъ.

Порой, когда онъ больше не Антоній,
Теряетъ онъ всѣ доблести, какими
Антоній долженъ быть всегда украшенъ.

Золотая монета съ изображеніемъ Антонія. Оборотная сторона—аллегорія семейнаго счастія.

Деметрій.

Печально видѣть мнѣ, что подтверждаетъ
Онъ сплетни всѣ, идущія по Риму.
Но я хочу надѣяться, что завтра
Онъ образумится. Счастливой ночи!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Александрія. Другая зала.

Входятъ Харміана, Ира, Алексасъ *и* предсказатель.

Харміана. Господинъ Алексасъ, сладостный Алексасъ, несравненный Алексасъ, совершенство въ образѣ Алексаса, гдѣ предсказатель, котораго ты такъ расхваливалъ царицѣ? О, встрѣтить бы мнѣ мужа, который, какъ ты говоришь, украшаетъ свои рога цвѣтами!

Алексасъ. Предсказатель!

Предсказатель. Что прикажешь?

Харміана. Такъ вотъ онъ кто? Это ты знаешь все на свѣтѣ?

Предсказатель.

Я въ необъятной книгѣ тайнъ природы
Кой-что могу прочесть.

Алексасъ.

Ты покажи
Ему свою ладонь.

Входитъ Энобарбъ.

Энобарбъ.

Несите все для пира!
Вина, чтобы пить здоровье Клеопатры!

Харміана. Хорошій человѣкъ, награди меня хорошей судьбой.

Предсказатель. Я судьбы не дѣлаю. а только предсказываю.

Харміана. Ну такъ прошу тебя, предскажи мнѣ что-нибудь хорошее.

Предсказатель. Ты станешь гораздо прекраснѣе, чѣмъ ты теперь.

Харміана. Онъ думаетъ, что я раздобрѣю.

Ира. Нѣтъ, на старости лѣтъ ты начнешь краситься.

Харміана. Только бъ не было морщинъ!

Алексасъ. Не мѣшай его премудрости. Слушай внимательно.

Хармiана. Тс!...

Предсказатель. Ты будешь чаще влюблена, чѣмъ любима.

Хармiана. Въ такомъ случаѣ я предпочла-бы грѣть свою печень виномъ.

Алексасъ. Слушай его.

Хармiана. А теперь предскажи мнѣ что-нибудь великолѣпное. Въ одинъ день дай мнѣ выйти замужъ за трехъ королей и остаться послѣ нихъ вдовой. Или въ пятьдесятъ лѣтъ дай мнѣ родить сына, который заткнетъ за поясъ Ирода Іудейскаго. Или выдай меня замужъ за Октавія Цезаря и сравни меня съ своей госпожей.

Предсказатель.
Переживешь свою ты госпожу,
Которой служишь.

Хармiана. И отлично! Я долгую жизнь предпочитаю всѣмъ пряникамъ.

Предсказатель.
Твоя судьба была досель счастливѣй,
Чѣмъ будетъ впредь.

Хармiана. Значитъ, мои дѣти останутся безъ имени. Будь милостивъ, скажи, сколько мнѣ на роду написано имѣть мальчиковъ и дѣвочекъ?

Предсказатель.
Будь вожделѣнье каждое твое
Плодородящимъ чревомъ,—милліонъ.

Хармiана. Ступай прочь, шутъ. Тебя прощаютъ только потому, что ты колдунъ.

Алексасъ. А ты воображала, что о твоихъ вожделѣніяхъ знаютъ только твои простыни?

Хармiана. Довольно обо мнѣ. Теперь предсказывай Ирѣ.

Алексасъ. Мы всѣ хотимъ знать свою судьбу.

Эноварбъ. Мнѣ и большинству изъ васъ сегодня судьба завалиться въ постель пьяными.

Ира. Вотъ ладонь, предвѣщающая цѣломудренную жизнь, если не что либо другое.

Хармiана. Такъ же, какъ разливъ Нила предвѣщаетъ голодъ.

Ира. Молчи, буйная сопостельница, что ты смыслишь въ гаданьи?

Хармiана. Нѣтъ, если влажная ладонь не признакъ плодородія, то я не умѣю почесать у себя за ухомъ. Пожалуйста, предскажи ей самую будничную судьбу.

Предсказатель. Ваши судьбы одинаковы.

Ира. Какимъ образомъ? Какимъ образомъ? Объясни подробнѣе.

Предсказатель. Я все сказалъ.

Ира. Какъ? Я не буду ни на вершокъ счастливѣе ея?

Хармiана. А если-бы твоя судьба была на вершокъ длиннѣе моей, куда-бы ты приставила этотъ вершокъ?

Ира. Ужъ конечно не къ мужнину носу.

Хармiана. Да исправитъ небо наши грѣховныя мысли! Очередь за Алексасомъ, его судьбу, его судьбу! О! молю тебя, сладчайшая Изида, жени его на безногой женѣ, и пусть она умретъ, а ему дай жену еще похуже. И такъ пусть онѣ слѣдуютъ другъ за дружкой одна хуже другой, до тѣхъ поръ пока самая скверная смѣясь не сведетъ его въ могилу пятидесятикратнымъ рогоносцемъ. Услышь эту мольбу, добрая Изида, и откажи мнѣ въ чемъ-нибудь другомъ, болѣе важномъ, о добрая Изида! молю тебя.

Ира. Аминь. Услышь молитву твоихъ рабынь, о всеблагая богиня! Ибо если сердце терзается при видѣ порядочнаго человѣка, женатаго на потаскушкѣ, то смертельно грустно видѣть негодяя не рогатымъ. И такъ, всеблагая Изида, будь справедлива и награди его по заслугамъ.

Хармiана. Аминь!

Алексасъ. Каково! Если-бы отъ нихъ зависѣло сдѣлать меня рогоносцемъ, онѣ-бы не задумались стать распутницами, лишь бы добиться своего.

Эноварбъ.
Тсс... Вотъ идетъ Антоній.

Хармiана.
Нѣтъ, царица.

Входитъ Клеопатра.

Клеопатра. Видѣли вы полководца?

Эноварбъ. Нѣтъ, повелительница.

Клеопатра. Его не было здѣсь?

Хармiана. Нѣтъ, царица.

Клеопатра.
Онъ склоненъ былъ къ веселью, вдругъ сталъ мраченъ,
Задумавшись о Римѣ. Энобарбъ!

Эноварбъ.
Царица!

Клеопатра.
Отыщи и приведи
Его сюда! Алексасъ гдѣ?

Алексасъ.
Онъ здѣсь

Древне-египетская прическа.
(Древне-египетское изображеніе принцессы Неферть).

И приказаній ждетъ. Но вотъ идетъ
Къ намъ повелитель.

Входитъ Антоній, *въ сопровожденіи посла и свиты.*

Клеопатра.
На него не взглянемъ.
Идемте!

Клеопатра, Эноварвъ, Алексасъ, Ира, Харміана, предсказатель *и свита уходятъ.*

Вѣстникъ.
Первой выступила въ поле
Твоя супруга Фульвія.

Антоній.
Чтобъ съ братомъ
Моимъ сразиться, Люціемъ?

Вѣстникъ.
Да, съ нимъ.
Но брань не долго длилась. Власть событій
Сдружила ихъ. Они, соединясь,
На Цезаря пошли, но въ первой схваткѣ
Онъ побѣдилъ, принудивъ ихъ покинуть
Италію.

Антоній.
Похуже нѣтъ вѣстей?

Вѣстникъ.
Дурныя вѣсти тѣнь свою бросаютъ
На вѣстника.

Антоній.
Въ глазахъ глупца иль труса.
Разсказывай? Что было, то прошло.
И знай: тому, кто правду говоритъ мнѣ,
Будь это вѣсть о смерти, я внимаю,
Какъ если-бы онъ льстилъ мнѣ.

Вѣстникъ.
Лабіенъ
(Жестока вѣсть моя!) съ пареянскимъ войскомъ
Всю занялъ Азію. Его знамена
Побѣдно вѣютъ отъ Евфратскихъ водъ,
Отъ Сиріи до Лидіи и самой
Іоніи, въ то время какъ...

Антоній.
Антоній,
Желаешь ты сказать.

Вѣстникъ.
О, повелитель!

Антоній.
Будь откровененъ. Не смягчай молвы
И Клеопатру называй, какъ въ Римѣ

Ее зовутъ. Брани меня нещадно
Словами Фульвіи. Мои ошибки
Клейми со всею силою, какую
Даютъ негодованье и правдивость.
Мы производимъ сорную траву,
Когда не вѣетъ вѣтеръ благотворный.
Твердить намъ объ ошибкахъ нашихъ значитъ—
Ихъ выполоть. Пока прощай.

Вѣстникъ.
Я повинуюсь.

Антоній.
Изъ Сикіона вѣсти! Говори!

Первый изъ свиты.
Гонецъ изъ Сикіона! Гдѣ онъ?

Второй изъ свиты.
Ждетъ
Твоихъ онъ приказаній.

Антоній.
Пусть войдетъ.
Египетскія крѣпкія оковы
Я разобью или погибну въ нѣгѣ.

Входитъ другой вѣстникъ.

Что скажешь?

Второй вѣстникъ.
Фульвія, твоя супруга,
Скончалась.

Антоній.
Гдѣ?

Второй вѣстникъ.
Скончалась въ Сикіонѣ.
О ходѣ-же болѣзни и другихъ
Извѣстьяхъ важныхъ здѣсь прочтешь.

Антоній.
Оставь меня.

Вѣстникъ *уходитъ*.

Антоній.
Великая душа ушла изъ міра.
Я этого хотѣлъ. Но что когда-то
Отвергли мы, намъ часто вновь желанно,
Межъ тѣмъ какъ наслажденье, повторяясь,
Становится противно въ настоящемъ.
Покинувъ міръ, она мнѣ дорога.
Рука, ее прогнавшая, хотѣла-бъ
Ее вернуть. Съ волшебницей-царицей
Разстаться должно. Десять тысячъ бѣдъ,
Невѣдомыхъ родитъ мнѣ эта праздность.
Эй, Энобарбъ!

Входитъ Энобарбъ.

Энобарбъ.
Что, господинъ, прикажешь?

Антоній.
Мнѣ нужно прочь отсюда и немедля.

Энобарбъ. Ну, этимъ мы убьемъ всѣхъ нашихъ женщинъ. Мы видимъ, какъ смертельно на нихъ дѣйствуетъ малѣйшая наша невнимательность. Какъ только онѣ узнаютъ, что мы уѣзжаемъ,—тутъ имъ и смерть.

Антоній. Я долженъ уѣхать.

Энобарбъ. Если въ самомъ дѣлѣ нужно, пусть женщины умираютъ! Было-бы жаль бросить ихъ изъ-за пустяковъ, но если приходится выбирать между ними и важнымъ дѣломъ, онѣ сами должны быть сочтены за пустякъ. Клеопатра, при одномъ намекѣ на это, умретъ немедленно. Я видѣлъ, какъ она двадцать разъ умирала по поводамъ менѣе важнымъ. Думаю, въ смерти скрытъ огонь, дѣйствующій на нее любовнымъ образомъ: больно охоча она умирать.

Антоній. Она хитра свыше всякаго вѣроятія.

Энобарбъ. Увы, повелитель, нѣтъ! Ея страсти сплетены изъ тончайшихъ частицъ чистой любви. Ея вздохи и слезы нельзя называть просто вѣтромъ и водою. Это—буря и ураганы, которыхъ не знаетъ календарь. Все это въ ней не можетъ быть хитростью. Если-же это хитрость, то она производитъ дождь и бурю такъ же легко, какъ Юпитеръ.

Антоній. Лучше-бы я никогда не видѣлъ ее!

Энобарбъ. О, господинъ, тогда-бы ты не видѣлъ чудеснѣйшаго изъ созданій. Не вкусивъ этого счастія, ты лишилъ-бы свое путешествіе всякой прелести.

Антоній. Фульвія скончалась.

Энобарбъ. Что, господинъ?

Антоній. Фульвія скончалась.

Энобарбъ. Фульвія?

Антоній. Умерла.

Энобарбъ. Ну, что-жъ, повелитель, принеси небожителямъ благодарственную жертву; когда ихъ богоподобіямъ случается отозвать жену у мужа, послѣднему остается смотрѣть на нихъ, какъ на портныхъ земли, утѣшаясь мыслью, что когда старое платье изношено, любому изъ нихъ можно заказать новое. Если-бы послѣ Фульвіи не осталось другихъ женщинъ, твое дѣло было-бы плохо. А теперь горе увѣнчается утѣшеніемъ. Старая сорочка превратится въ новую юбку, и поистинѣ, слезы, которыя можно проливать по этому случаю, скрываются въ головкѣ лука.

Антоній.
Затѣянныя въ Римѣ ей дѣла,
Отсутствія не терпятъ моего.

Энобарбъ. А дѣла, затѣянныя тобою, не терпятъ твоего отсутствія здѣсь. Въ особенности дѣла съ Клеопатрой, которыя цѣликомъ зависятъ отъ твоего присутствія.

Антоній.

Довольно шутокъ. Свитѣ передай
Рѣшенье наше. Самъ-же я царицѣ
Причинѣ всѣ отъѣзда объясню
И выпрошу согласье на разлуку.
Не только смерть жены, но и другія
Зовутъ насъ неотложныя дѣла,
И лучшія друзья изъ Рима въ письмахъ
Меня домой торопятъ. Секстъ Помпей,
На Цезаря возставъ, уже владѣетъ
Морями. Нашъ измѣнчивый народъ,
(Любовью награждающій героевъ,
Не раньше чѣмъ они ушли отъ міра),
Всѣ доблести великаго Помпея
Сталъ видѣть въ сынѣ. Онъ-же знатность рода
Возвысилъ личной храбростью и силой
И сталъ вождемъ людей. Его полетъ
Опасностью для міра угрожаетъ.
Не мало расплодилось тамъ такого,
Въ чемъ жизнь, какъ въ конскомъ волосѣ, таится
Хоть не грозитъ оно змѣинымъ ядомъ.
Повѣдай подчиненнымъ нашу волю,
Скажи, чтобъ въ путь сбирались.

Энобарбъ.

Повинуюсь.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Александрія. Другая зала.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира и Алексасъ.

Клеопатра.

Гдѣ онъ?

Харміана.

Его я больше не видала.

Клеопатра.

Взгляни-ка, гдѣ онъ, кто съ нимъ, чѣмъ онъ занятъ?
Не говори, что я тебя послала.
Коль грустенъ онъ, скажи, что я пляшу,
Коль веселъ—что внезапно заболѣла.
Ступай и возвращайся.

Алексасъ *уходитъ.*

Харміана.

О, царица,
Мнѣ кажется, коль искренно ты любишь,
Ты путь въ любви избрала, не ведущій
Къ взаимности.

Клеопатра,

А что должна-бъ я сдѣлать?

Харміана.

Уступчивою быть и не перечить
Ему ни въ чемъ.

Клеопатра.

Безумная, ты учишь,
Какъ потерять его.

Харміана.

Не доводи
До крайности его, будь терпѣлива.
Мы начинаемъ ненавидѣть тѣхъ,
Кого боялись долго. Вотъ Антоній!

Входитъ Антоній.

Клеопатра.

Мнѣ грустно. Я больна.

Антоній.

Какъ тяжело
Ммѣ сообщить теперь свое рѣшенье!

Клеопатра.

О, помоги мнѣ выйти, Харміана!
Я падаю. Не можетъ это длиться,
Природа дольше выдержать не въ силахъ

Антоній.

Царица милая!

Клеопатра.

Прошу, подальше.

Антоній.

Но что случилось?

Клеопатра.

Вижу по глазамъ,
Ты получилъ хорошія извѣстья.
О чемъ гласитъ письмо жены законной?
Что жъ, уѣзжай. О, если-бъ никогда
Она тебя сюда не отпускала!
Такъ пусть не говоритъ, по крайней мѣрѣ,
Что я тебя держу. Я надъ тобою
Безсильна. Весь ты ей принадлежишь.

Антоній.

Богамъ извѣстно...

Клеопатра.

Ни одна царица
Такъ не была обманута, какъ я.
Я чуяла измѣну.

Антоній.

Клеопатра!

Клеопатра.

Могла-ль я ждать, что мнѣ ты будешь вѣренъ,
Ты, обманувшій Фульвію, хотя-бы
Ты клятвами поколебалъ престолы
Боговъ! Безумно сердцемъ довѣряться
Обѣтамъ устъ, что клятвы нарушаютъ
Въ тотъ мигъ, когда даютъ ихъ.

Антоній.

О, царица
Любимая!

Клеопатра.

Не скрашивай, молю,
Отъѣзда своего. Простись— и въ путь!
Въ тотъ день, когда молилъ ты разрѣшенья
Остаться здѣсь — слова звучали кстати.
Ты про отъѣздъ тогда не говорилъ.

КЛЕОПАТРА ВЪ ВИДѢ ИЗИДЫ.
Египетскій барельефъ эпохи Клеопатры.

Въ моихъ глазахъ, въ устахъ ты видѣлъ вѣчность,
Въ дугахъ бровей—блаженство. Все во мнѣ
Небеснымъ звалъ. Я та-же, что и прежде,
Иль ты, первѣйшій въ мірѣ воинъ, былъ
Лжецомъ первѣйшимъ.

Антоній.

Но, царица!

Клеопатра.

Если-бъ
Имѣла я твой ростъ, узналъ бы ты,
Что храбрыя сердца есть и въ Египтѣ.

Антоній.

О, выслушай, царица. Нашу службу
Необходимость этихъ бурныхъ дней
На время призываетъ, но останусь
Я сердцемъ твой. Италія полна
Мечей междоусобныхъ. Секстъ Помпей
Къ стѣнамъ подходитъ Рима. Равносилье
Двухъ внутреннихъ властей готовитъ смуты.
Кто былъ вчера народу ненавистенъ,
Достигнувъ власти, пріобрѣлъ любовь.
Богатъ отцовской славою, изгнанникъ
Помпей сердца тѣхъ гражданъ покорилъ,
Кто выгодъ не извлекъ изъ настоящихъ
Порядковъ,—ихъ число внушаетъ страхъ.
Бездѣйствіемъ болѣя, дряблость духа
Здоровья ждетъ отъ перемѣнъ мятежныхъ.
Моя-жъ причина личная—и это
Тебя вполнѣ съ отъѣздомъ примиритъ—
Смерть Фульвіи.

Клеопатра.

Хотя не отъ безумья,
Мой возрастъ отъ ребячества защита!
Ужели можетъ Фульвія скончаться?

Антоній.

Она мертва, царица. Вотъ, взгляни,
Ты здѣсь прочтешь, въ часы досуговъ царскихъ,
О смутахъ, что она тамъ натворила,
И, наконецъ, о лучшемъ,— гдѣ и какъ
Скончалася.

Клеопатра.

О, лживая любовь!
Гдѣ-жъ урны съ влагой слезъ твоихъ? Я вижу,
По смерти вижу Фульвіи, какъ примешь
Ты смерть мою.

Антоній.

Довольно вздорить. Лучше
Узнай мои желанья. Отъ тебя
Зависитъ, сбыться имъ иль нѣтъ! Клянусь
Огнемъ, животворящимъ нильскій илъ,
Что ухожу я, какъ слуга твой вѣрный,
Какъ воинъ твой, готовый на войну
Или на миръ, по твоему рѣшенью.

Клеопатра.

Шнуровку распусти мнѣ, Харміана.
Не нужно. Я здорова и больна,
Вотъ какъ любовь Антонія.

Антоній.

Довольно,
Царица милая! Моей любви
Довѣрься. Съ честью выдержитъ она
Любое испытанье.

Клеопатра.

Доказала

Мнѣ это участь Фульвіи. Прошу,
Къ сторонкѣ отвернись, поплачь по ней,
Потомъ простись со мною, увѣряя,
Что это слезы по Египту. Вотъ что,
Съ притворствомъ тонкимъ сцену мнѣ сыграй,
Изобрази въ ней искренность искусно.

Антоній.

Меня разсердишь ты—и только.

Клеопатра.

Могъ-бы
Сыграть ты лучше—но и такъ недурно.

Антоній.

Мечомъ клянусь я!

Клеопатра.

И щитомъ. Отлично!
Онъ дѣлаетъ успѣхи. То-ль еще
Умѣетъ онъ! Взгляни, о Харміана,
На Геркулеса римскаго. Какъ тонко
Онъ скрытый гнѣвъ съигралъ!

Антоній.

Я ухожу.

Клеопатра.

Одно лишь слово, господинъ учтивый.
Другъ друга мы покинемъ,—нѣтъ, не то.
Другъ друга мы любили,—нѣтъ, не то.
Все это знаешь самъ. Хотѣла что-то
Сказать я. Только память у меня
Похожа на Антонія. Забыта
Я имъ совсѣмъ.

Антоній.

Когда-бъ не зналъ я, что тебѣ
Подвластно легкомысліе, я счелъ-бы
Тебя за легкомысліе живое.

Клеопатра.

Повѣрь, не такъ легко такъ близко къ сердцу
Такое легкомысліе носить,
Какъ носитъ Клеопатра. Но прости мнѣ.
Все, что во мнѣ не нравится тебѣ,
Мнѣ кажется убійственнымъ самой.
Тебя зоветъ отсюда голосъ чести,
Итакъ, будь глухъ къ безумью моему.
И боги да хранятъ тебя. Твой мечъ
Пускай побѣда лавромъ увѣнчаетъ,
Удача уравнитъ твой путь.

Антоній.

Прощай.
Разлука насъ и держитъ, и торопитъ.
Здѣсь оставаясь, ты идешь со мною,
Я-жъ, удаляясь, остаюсь съ тобой.
Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

(Римъ. Комната въ замкѣ Цезаря).

Входятъ Октавій Цезарь *и* Лепидъ.

Цезарь.

Итакъ, Лепидъ, ты будешь знать отнынѣ,
Что не въ природѣ Цезаря питать
Къ великому сопернику вражду.
Вотъ всѣ извѣстья изъ Александріи:
Онъ ловитъ рыбу, пьетъ, проводитъ ночи
При факелахъ средь оргій. На мужчину
Не больше онъ похожъ, чѣмъ Клеопатра,
Вдова-же Птолемеева не больше
На женщину похожа, чѣмъ онъ самъ.
Съ трудомъ принявъ пословъ, насилу вспомнилъ,
Что у него друзья есть. Согласись,
Онъ скопище живое всѣхъ пороковъ.

Лепидъ.

Не вѣрю, чтобъ пороки въ немъ затмили
Всѣ доблести. Его несовершенства,
Что звѣзды въ небѣ, яркія на фонѣ
Полночной тьмы. Они въ немъ врождены,
Не развиты самимъ. Ихъ устранить
Не въ силахъ онъ, но самъ не одобряетъ.

Цезарь.

Ты слишкомъ добръ. Пусть не грѣшно, допустимъ,
Понѣжиться на ложѣ Птолемея,
За мигъ веселья царствомъ заплатить,
Съ рабами состязаться въ пьянствѣ, въ полдень
По улицамъ шататься, на кулачкахъ
Бороться съ чернью, провонявшей пóтомъ,
Допустимъ, это все ему пріятно
(Хоть долженъ быть тотъ созданъ не какъ всѣ,
Кого-бы это все не запятнало),
И все-жъ онъ оправданья не нашелъ бы
Своимъ порокамъ, вспомнивши, какъ тяжко
Намъ всѣмъ отъ легкомыслія его.
Пускай-бы дни досуга посвятилъ онъ
Разврату,—пресыщенье и сухотка
Въ костяхъ ему за то наградой были-бъ,
Но праздно убивать такое время,
Какъ это, что зоветъ его отъ нѣги,
Какъ барабанный бой, напоминая
О собственной его и нашей власти,—
За это можно только побранить,
Какъ школьниковъ бранятъ, когда они,
Уже вкусивъ отъ знанья, для минутной
Забавы про ученье забываютъ
На зло разсудку.

Входитъ вѣстникъ.

Лепидъ.

Вотъ еще извѣстья.

Вѣстникъ.

Исполненъ твой приказъ, великій Цезарь.
Ты ежечасно будешь получать
Извѣстья о событьяхъ внѣ страны.
Помпей владѣетъ моремъ. Онъ привлекъ
Сердца людей, что Цезарю служили
Изъ страха только. Въ гавани стеклись
Толпами недовольные. Повсюду
Его считаютъ жертвой.

Цезарь.

Долженъ былъ я
Предвидѣть это. Съ древнихъ лѣтъ насъ учитъ
Исторія, что пріобрѣвшій власть
Любимъ, пока лишь къ власти онъ стремился,
А потерявшій власть, хотя-бъ онъ прежде
Не зналъ и не заслуживалъ любви—
Исчезнувши, становится всѣмъ дорогъ.
Похожа чернь на водоросль рѣчную,
Что движется безъ отдыха съ волною
И отъ своей подвижности гніетъ.

Вѣстникъ.

Еще извѣстье, Цезарь. Менекратъ
Съ Менасомъ,—знаменитые пираты,—
Поработили море, бороздя
Его поверхность разными судами.
На берега Италіи они
Свершили не одинъ набѣгъ отважный.—
Прибрежный житель, чуть о нихъ заслышитъ,
Блѣднѣетъ отъ испуга. Молодежь
Горячая волнуется. Корабль,
Чуть выйдетъ въ море, въ плѣнъ къ нимъ попадаетъ.
Помпея имя больше намъ вредитъ,
Чѣмъ всѣ его отряды.

Цезарь.

О, Антоній!
Воспрянь отъ оргій праздныхъ! Въ дни былые,
Когда ты, консуловъ убивши Панса
И Гиртія, былъ изгнанъ изъ Модены,
И голодъ по пятамъ твоимъ гнался,—
Тогда ты терпѣливѣй, чѣмъ дикарь,
Переносилъ лишенья, хоть воспитанъ
Былъ въ роскоши. Пилъ конскую мочу,
И воду желтую болотъ, которой
Не стали-бъ пить и звѣри. Не гнушался
Кислѣйшихъ ягодъ на кустахъ дичайшихъ,
Глодалъ кору древесную, подобно
Оленю средь зимы, когда луга
Покрыты снѣгомъ. Говорятъ, на Альпахъ
Такимъ питался мясомъ, что при видѣ
Его иной-бы умеръ. И все это
(Теперь разсказъ мой честь твою позоритъ)
Ты выносъ, какъ солдатъ, и даже щеки
Твои не похудѣли отъ лишеній.

Лепидъ.

Какъ жаль его!

Цезарь.

О, если-бъ стыдъ вернулъ
Его скорѣе въ Римъ! Пора обоимъ
Намъ въ поле выступить. Для этой цѣли
Совѣтъ поспѣшно созовемъ. Помпею
Полезна наша праздность.

Лепидъ.

Завтра, Цезарь
Тебѣ смогу я точно указать,
Какія силы на водѣ и сушѣ
Въ моемъ распоряжёньи для борьбы
Съ грозящею опасностью.

Цезарь.

До встрѣчи
И я займуся тѣмъ-же. До свиданья.

Лепидъ.

Прощай. За это время всѣ извѣстья,
Какія ты получишь отовсюду,
Прошу мнѣ сообщить.

Цезарь.

Не сомнѣвайся
Я знаю, это дóлгъ мой.
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Александрія. Залъ во дворцѣ.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира и Мардіанъ.

Клеопатра. Харміана!

Харміана. Царица.

Клеопатра.

Дай мандрагоры выпить мнѣ.

Харміана.

Зачѣмъ?

Клеопатра.

Чтобъ время все проспать, пока Антоній
Въ отсутствіи.

Харміана.

Ты думаешь о немъ
Ужъ слишкомъ много.

Клеопатра.
Это вѣдь измѣна!

Харміана.
Едва-ль, царица.

Клеопатра.
Евнухъ Мардіанъ!

Мардіанъ.
Чѣмъ повелишь служить тебѣ, царица?

Клеопатра.
Не пѣніемъ своимъ. Какая радость
Мнѣ въ томъ, что есть у евнуха. Ты счастливъ,
Что оскопленъ. Твои мечты свободны,
Не мчатся изъ Египта. Ты любить
Способенъ?

Мардіанъ.
Да, царица.

Клеопатра.
Въ самомъ дѣлѣ?

Мардіанъ.
Не въ самомъ дѣлѣ. Дѣлать не умѣю
Того, что въ самомъ дѣлѣ дѣлать должно.
И все-жъ я знаю страсть. Я вижу въ мысляхъ
Все, что Венера съ Марсомъ совершали.

Клеопатра.
О, Харміана! Какъ ты полагаешь,
Гдѣ онъ теперь? Стоитъ онъ иль сидитъ?
Пѣшкомъ идетъ-ли? Сѣлъ-ли на коня?
О конь счастливый, на себѣ несущій
Антонія! Безстрашенъ будь, о конь!
Ты знаешь-ли, кого несешь? Атласа,
Кто полъ-земли поднялъ, десницу, щитъ
Людского рода! Можетъ быть, теперь онъ
Шепнулъ: „гдѣ змѣйка нильская моя?"
Онъ такъ меня зоветъ. Но я питаю
Сама себя сладчайшею отравой
Захочетъ-ли онъ думать обо мнѣ,
Столь смуглой отъ лучей влюбленныхъ Феба,
Столь глубоко морщинами покрытой
Рукою времени. Вотъ въ дни былые,
Когда былъ живъ широколобый Цезарь,
Была кускомъ я царскимъ! И великій
Помпей стоялъ недвижно, взоръ вперяя
Въ мое лицо. Хотѣлъ бы здѣсь онъ бросить
Восторга якорь и глядѣть до смерти
На ту, кто стала жизнью для него.

Входитъ Алексасъ.

Алексасъ.
Привѣтъ тебѣ, владычица Египта!

Клеопатра.
Какъ мало ты лицомъ похожъ на Марка
Антонія! Но онъ тебѣ прислалъ,
И этотъ чудодѣйственный напитокъ
Тебя позолотилъ. Какъ поживаетъ
Мой храбрый Маркъ Антоній?

Алексасъ.
О, царица,
Въ послѣдній мигъ передъ моимъ уходомъ
Въ послѣдній разъ поцѣловалъ онъ эту
Восточную жемчужину. Слова-же,
Что онъ сказалъ, въ моемъ таятся сердцѣ.

Клеопатра.
Мой слухъ желаетъ вызвать ихъ оттуда.

КЛЕОПАТРА.
Античная статуя въ Британскомъ музеѣ.

Алексасъ.
„Мой добрый другъ",—сказалъ онъ: „передай,
Что вѣрный римлянинъ послалъ великой
Египтянкѣ сокровище вотъ это,
Изъ раковины взятое. Намѣренъ
У ногъ ея онъ искупить ничтожность
Такого дара, царствами украсивъ
Ея престолъ могучій. Весь востокъ,
Скажи ей, будетъ звать ее царицей".
Затѣмъ, кивнувъ мнѣ головой, онъ важно
Сѣлъ на коня ретиваго, и конь
Заржалъ такъ громко, что мои слова
Навѣрно заглушилъ-бы.

Клеопатра.
Былъ онъ веселъ
Или грустилъ?

Алексасъ.
Онъ былъ, какъ время года
На рубежѣ между тепломъ и стужей,—
Не веселъ и не грустенъ.

Клеопатра.
Какъ искусно
Подобрано расположенье духа!
О, Харміана, милая! Замѣть,
Вотъ это человѣкъ! Замѣть: не грустенъ,
Чтобъ тѣхъ не омрачить, чье настроенье
Зависитъ отъ того, какъ онъ настроенъ.
Не веселъ, чтобы всѣмъ имъ показать,
Что мысль его и счастіе въ Египтѣ.
На рубежѣ межъ грустью и весельемъ!
О, смѣсь небесная! Хоть изступленье
И въ грусти, и въ веселіи пристало
Тебѣ, какъ никому другому въ мірѣ!
Ты встрѣтилъ-ли гонцовъ моихъ?

Алексасъ.
Царица,
Я повстрѣчалъ, по крайней мѣрѣ, двадцать
Гонцовъ различныхъ. Почему ты шлешь
Въ такомъ числѣ ихъ слѣдомъ другъ за другомъ?

Клеопатра.
Родившійся въ тотъ день, когда забуду
Антонію писать, умретъ въ злосчастьи.
Бумаги и чернилъ, о Харміана!
Добро пожаловать, Алексасъ, добрый!

Египетская мѣдная монета съ изображеніемъ Клеопатры.

Скажи мнѣ, Харміана, такъ любила
Я Цезаря?

Харміана.
О, доблестный мой Цезарь!

Клеопатра.
Въ другой разъ подавись такой хвалою.
Скажи: мой доблестный Антоній!

Харміана.
Мощный Цезарь!

Клеопатра.
Клянусь Изидой, разобью тебѣ
Я зубы въ кровь, коль Цезаря еще разъ
Сравнишь съ моимъ героемъ изъ героевъ!

Харміана.
Прости, я твой припѣвъ лишь повторяю.

Клеопатра.
Незрѣлыхъ дней зеленыя сужденья!
Еще во мнѣ не разгорѣлась кровь,
Когда я такъ судила; но ступай.
Бумагу и чернилъ мнѣ! Каждый день
Я буду присылать привѣтъ особый,—
Хотя-бъ пришлось Египетъ обезлюдить!
(*Уходятъ*).

БОГИНЯ-ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ГОРОДА АЛЕКСАНДРІИ.
(*Серебряная чаша времени Августа изъ числа вещей найденныхъ, въ Боскореале; Парижъ, Лувръ*).

РИМСКІЙ ОРНАМЕНТЪ.
(*Помпейская мозаика*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

(Мессина. Домъ Помпея).

Входятъ Помпей, Менекратъ *и* Менасъ.

Помпей.
Коль боги справедливы, то они
И праведныхъ людей въ дѣлахъ поддержатъ.

Менекратъ.
Повѣрь, Помпей достойный, промедленье
Не есть отказъ.

Помпей.
Покуда предстоимъ
Ихъ алтарямъ, чего мы просимъ—гибнетъ.

Менекратъ.
Въ невѣдѣньѣ мы часто просимъ бѣдъ,
Въ нихъ мудрые отказываютъ боги,
И нашихъ же молитвъ неисполненье—
На благо намъ.

Помпей.
Мнѣ суждена удача.
Народомъ я любимъ, владѣю моремъ,
И власть моя ростетъ; мнѣ говоритъ
Предчувствіе: достигну полной власти.
Обѣдаетъ въ Египтѣ Маркъ Антоній
И не начнетъ войны внѣ дома. Цезарь
Чтобъ золото скопить—сердца теряетъ.
Лепидъ имъ льститъ, и оба льстятъ ему,
Но никого не любитъ, и никѣмъ
Изъ нихъ онъ не любимъ.

Менасъ.
Лепидъ и Цезарь
Съ громаднымъ войскомъ двинулись въ походъ.

Помпей.
Ложь! Кто сказалъ тебѣ объ этомъ?

Менасъ.
Сильвій.

Помпей.
Пригрезилось ему. Ждутъ оба въ Рим
Антонія. Всѣ прелести любви
Пусть блеклыя уста твои украсятъ,
О Клеопатра жгучая! Ты чары
Соедини съ красой и сладострастьемъ,
Любовника влеки на поле пиршествъ,
Мозгъ отуманъ. Искуснѣйшій пусть поваръ
Приправами въ немъ голодъ возбуждаетъ,
Которыми пресытиться нельзя.
Обжорство, сонъ — да усыпятъ въ немъ честь,
Пока она не канетъ въ бездну Леты.

Входитъ Варрій.

Помпей.
Съ какою вѣстью, Варрій?

Варрій.

Съ достовѣрной.
Антонія ждутъ въ Римѣ каждый часъ.
Со времени отъѣзда изъ Египта—
Имѣлъ онъ время, чтобъ туда прибыть.

Помпей.

Охотнѣй бы я внялъ не важной вѣсти.
Не думалъ я, чтобъ онъ—любви обжора—
Свой шлемъ надѣлъ изъ-за пустой войны.
Онъ тѣхъ двоихъ въ бою опаснѣй вдвое.
Гордиться мы должны, что изъ объятій
Египетской вдовы—попыткой нашей
Исторнутъ сластолюбецъ ненасытный.

Менасъ.

Не думаю, чтобъ Цезарь и Антоній
Могли сойтись. Покойною женою
Антонія былъ оскорбляемъ Цезарь,
И братъ его съ нимъ воевалъ, хотя
Тутъ не вина Антонія.

Помпей.

Не знаю
Какъ разростись вражда пустая можетъ.
Но не возстань мы противъ нихъ—возможно,
Что межъ собой сцѣпились бы они.
Чтобъ вынуть мечъ—у нихъ причинъ довольно.
Но можетъ ли ихъ страхъ предъ нами—связью
Для нихъ служить, раздоры ихъ смиривъ—
Вотъ мы чего не знаемъ. Да свершится
Угодное богамъ. Спасаться нужно,
И къ этому приложимъ силы дружно.
Менасъ, идемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Римъ. Въ домѣ Лепида.

Входятъ Энобарбъ *и* Лепидъ.

Лепидъ.

Ты, Энобарбъ, достойно поступилъ бы,
Когда бъ вождя ты мягче выражаться
Уговорилъ.

Энобарбъ.

Пусть отвѣчаетъ онъ
По своему, и Цезаремъ затронутъ,
Пускай глядитъ Антоній свысока
На Цезаря и, словно Марсъ, гремитъ.
Клянусь богами, будь я съ бородою
Антонія—не сталъ бы нынче бриться.

Лепидъ.

Но время ли теперь для личныхъ счетовъ?

Энобарбъ.

Ко времени—все, что имъ рождено.

Лепидъ.

Но мелкіе должны дать мѣсто крупнымъ.

Энобарбъ.

Нѣтъ, если тѣ явились раньше.

Лепидъ.

Гнѣвно
Ты говоришь... Не разгребай золы.
Вотъ доблестный Антоній.

Входятъ Антоній *и* Вентидій.

Энобарбъ.

Вотъ и Цезарь.

Входятъ Цезарь, Агриппа, Меценатъ.

Антоній.

Какъ только въ Римѣ всѣ дѣла устроимъ—
Отправимся, Вентидій—на пареянъ.

Цезарь.

Не знаю, Меценатъ, спроси Агриппу.

Лепидъ.

Достойные друзья, важна причина,
Сближающая насъ. Да не разлучатъ
Насъ мелочи. Есть поводъ для вражды,—
Его обсудимъ мягко: разбираясь
Запальчиво въ обидахъ совершаемъ
Убійство мы, но не врачуемъ ранъ.
Товарищи, молю, возможно мягче
Касайтесь вы вопросовъ самыхъ жгучихъ,
Запальчивость да не усилитъ зла.

Антоній.

Рѣчь добрая, и будь мы предъ войсками,
Готовыми къ сраженью—точно такъ
Я сдѣлалъ бы.

Цезарь.

Тебѣ привѣтъ мой въ Римѣ.

Антоній.

Благодарю.

Цезарь.

Садись.

Антоній.

Садись и ты.

Цезарь.

Ну, хорошо.

Антоній.

Я слышалъ, ты дурное
Находишь тамъ, гдѣ нѣтъ его, а если бъ
Оно и было—дѣло не твое.

Цезарь.

Смѣшонъ я былъ бы, если бъ обижался
На мелочи, тѣмъ больше—на тебя;
Еще смѣшнѣй—когда бъ тебя порочилъ,
Межъ тѣмъ какъ мнѣ не слѣдовало даже
И называть тебя.

Антоній.

Но чѣмъ касалось
Тебя мое въ Египтѣ пребыванье?

Цезарь.

Не болѣе, чѣмъ въ Римѣ жизнь моя—
Тебя въ Египтѣ, но когда бъ оттуда
Ты вздумалъ козни строить—то меня
Коснулось бы оно.

Антоній.

Что значитъ: козни?

Цезарь.

Въ виду всего, здѣсь бывшаго—уловишь
Ты мысль мою. Со мной вели войну
Жена твоя и братъ. Служилъ предлогомъ
Ты для нея, ты былъ—ихъ бранный кличъ.

Антоній.

Ошибся ты. Не посвященъ я братомъ
Въ его дѣла, о нихъ освѣдомляясь,
Былъ извѣщенъ я вѣрными людьми,
Что бились за тебя. Скорѣй безславилъ
Онъ власть мою съ твоею заодно,
И мнѣ наперекоръ съ тобой сражался,
Затѣмъ, что цѣль у насъ съ тобой одна.
И раньше въ томъ ты изъ моихъ посланій
Увѣрился. Ища предлоговъ къ ссорѣ,
Изъ цѣльнаго ты не составишь ихъ,
Сшивай изъ лоскутковъ.

Цезарь.

Въ непониманьи
Коря меня, ты хвалишься, но самъ
Сшилъ на живую нитку извиненья.

Антоній.

О, нѣтъ. Я знаю, убѣжденъ: не могъ
Ты не признать тотъ очевидный выводъ,
Что я, союзникъ твой въ томъ самомъ дѣлѣ,
Противникомъ котораго онъ сталъ—
Не могъ войнѣ сочувствовать, грозящей
Покою моему. Что до жены—
Пусть духъ ея вселился бы въ другую!
Владѣя третью міра—на веревкѣ
Ты поведешь его, но не ее.

Энобарбъ. Хорошо бы всѣмъ намъ имѣть такихъ женъ! Тогда мужчины могли бы воевать съ женщинами.

Антоній.

Я съ грустью, Цезарь, допустить готовъ:
Ея неодолимая сварливость
(Не лишена лукаваго разсчета),
Доставила тебѣ не мало горя,
Но, согласись, я невиновенъ въ томъ.

Цезарь.

Пока въ Александріи пировалъ ты—
Я написалъ тебѣ, но ты засунулъ
Письмо въ карманъ и оскорбилъ гонца.

Антоній.

Онъ ворвался ко мнѣ безъ разрѣшенья.
Троихъ царей я угощалъ въ ту пору
И менѣе былъ трезвъ, чѣмъ поутру.
Сознался въ томъ на слѣдующій день,
И этимъ я какъ бы просилъ прощенья.
Да будетъ онъ въ раздорахъ непричемъ,
И если намъ повздорить суждено—
Его не вспоминай.

Цезарь.

Условья клятвы
Нарушилъ ты, меня же не дерзнешь
Въ томъ обвинить.

Лепидъ.

Будь мягче, Цезарь.

Антоній.

Нѣтъ,
Пусть говоритъ. Честь для меня священна,
Которой, судя по его словамъ,
Я измѣнилъ. Пусть продолжаетъ Цезарь.
Условья клятвы...

Цезарь.

Въ случаѣ нужды—
Подмогу и оружье дать... Въ обоихъ
Ты отказалъ.

Антоній.

Скорѣе: упустилъ.
Сознанія тогда, въ часы отравы,
Я былъ лишенъ. Насколько въ состояньи—
Винюсь я предъ тобой, но откровенность
Не умалитъ величья моего,
Достоинствомъ не дастъ мнѣ поступиться.
Вотъ истина: чтобъ я Египетъ бросилъ—
Тутъ Фульвія затѣяла войну,
И—поводъ къ ней невольный—за нее
Я приношу тебя всѣ извиненья,
Которыя лишь допускаетъ честь.

Лепидъ.

Достойныя слова!

Меценатъ.

Обидъ взаимныхъ
Вы не касайтесь больше. Ихъ забыть
Не значитъ ли—признать, что примиренья
Необходимость требуетъ отъ васъ.

Лепидъ.

Ты говоришь достойно, Меценатъ.

Энобарбъ. Или одолжите другъ другу на время вашу любовь, затѣмъ можете взять ее обратно, когда о Помпеѣ не будетъ болѣе и рѣчи. Довольно у васъ будетъ времени для ссоръ, когда не окажется другого занятія.

Антоній.

Лишь воинъ ты. Молчи.

Энобарбъ.

Почти забылъ я,
Что истина нѣмою быть должна.

Антоній.

Ты оскорбилъ собранье. Замолчи же.

Энобарбъ.

Я превратился въ камень. Продолжайте.

Цезарь.

Не смыслъ рѣчей, лишь способъ выраженья
Не одобряю я. Нельзя дружить
Намъ при такомъ различіи въ поступкахъ,
Но существуй настолько крѣпкій обручъ,
Чтобъ насъ связать—то въ поискахъ за нимъ
Изъ края въ край весь міръ я обошелъ бы.

Агриппа.

Дозволь мнѣ, Цезарь...

Цезарь.

Говори, Агриппа.

Агриппа.

Есть у тебя по матери сестра—
Октавія. Великій Маркъ Антоній
Теперь вдовецъ.

Цезарь.

Агриппа, замолчи.
Когда бъ тебя слыхала Клеопатра—
Ты заслужилъ бы въ дерзости укоръ.

Антоній.

Я, Цезарь, не женатъ еще. Агриппу
Дай выслушать.

Агриппа.

Чтобъ въ дружбѣ вѣчной жили
И братьями вы стали, неразрывнымъ
Узломъ сердца соединивъ—женой
Пусть назоветъ Октавію Антоній:
Ея краса достойна изъ мужей
Первѣйшаго, а качества и прелесть—
Краснорѣчивѣй словъ. При этомъ бракѣ
Соперничество мелкое—теперь
Столь важное, и страхъ, бѣдой грозящій—
Становятся ничѣмъ, а правда—сказкой.
Межъ тѣмъ теперь и въ сказкѣ видятъ правду.
Ея любовь къ обоимъ вамъ—любовь
Межъ вами родила бъ, а вслѣдъ за нею—
Всеобщую любовь къ обоимъ вамъ.
Простите мнѣ. Мысль эта не внезапна,
И долгомъ внушена.

Антоній.

Что скажетъ Цезарь?

Золотая монета (увеличена) съ изображеніемъ Лепида (Берлинскій музей).

Цезарь.

Онъ—ничего, покуда не узнаетъ
Что думаетъ объ этомъ Маркъ Антоній?

Антоній.

Когда скажу: „да будетъ такъ, Агриппа!"
Какую власть имѣетъ онъ исполнить,
Что говорилъ?

Цезарь.

Власть Цезаря, его
Вліянье на Октавію.

Антоній.

Во вѣки
Не вздумаю мѣшать я исполненью
Прекраснѣйшаго замысла! Дай руку.
Осуществи его, отнынѣ нами
Въ любви и нашихъ замыслахъ великихъ—
Пусть братскія сердца руководятъ.

Цезарь.

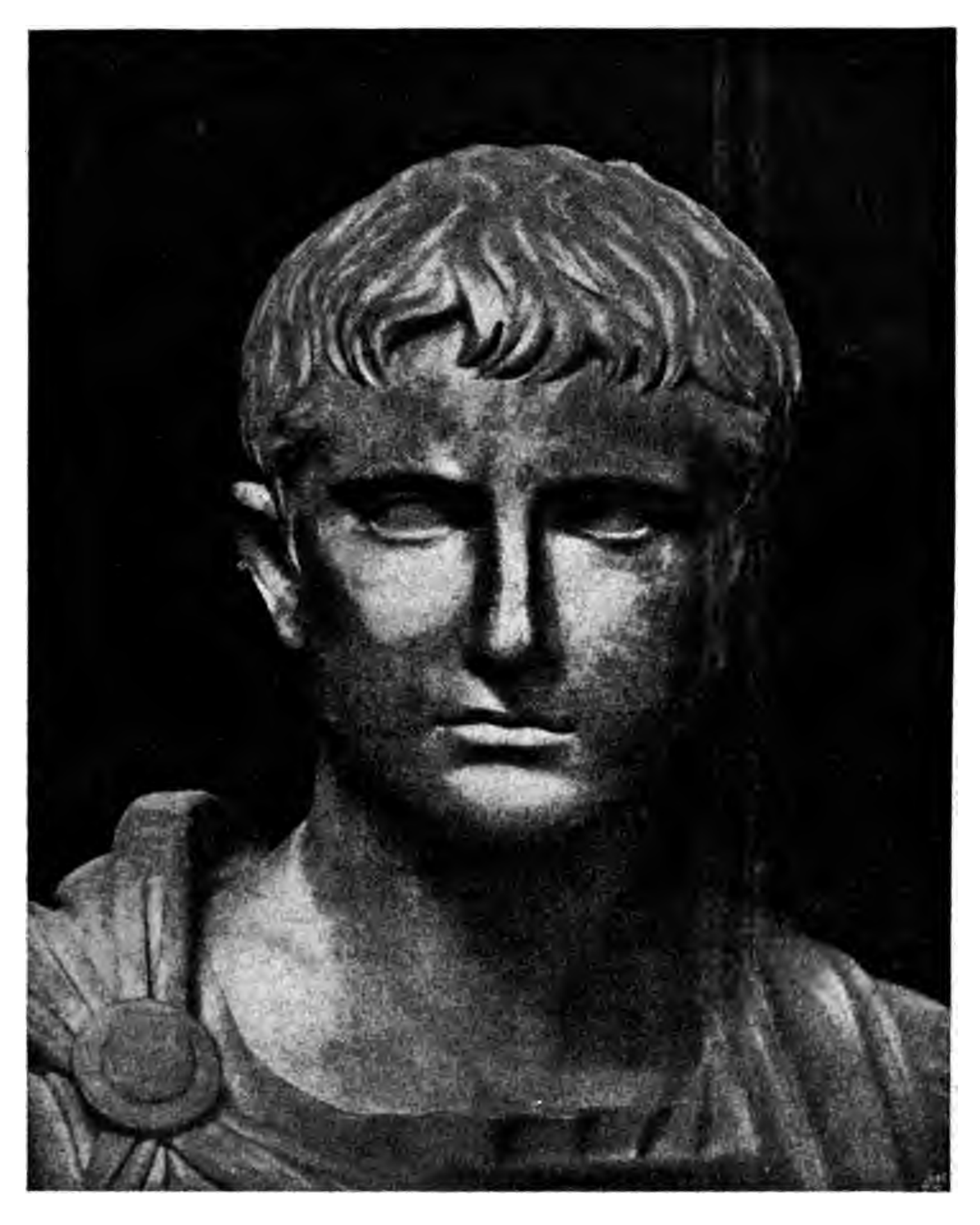
Вотъ и моя рука. Тебѣ вручаю
Сестру мою; такъ ни одну сестру
Братъ не любилъ; пускай для единенья
Сердецъ и нашихъ царствъ живетъ она,
Пусть нашъ союзъ во вѣкъ мы не расторгнемъ.

Лепидъ.

Да будетъ такъ.

Антоній.

Поднять мечъ на Помпея

ЦЕЗАРЬ АВГУСТЪ.
(Античная статуя; Флоренція, Уффиціи).

Не думалъ я. Недавно оказалъ
Онъ важныя услуги мнѣ. Я долженъ
Благодарить его, чтобъ не навлечь
Укоръ въ неблагодарности, а послѣ
Я вызову его.

Лепидъ.

Не терпитъ время.
Сейчасъ идти должны мы на Помпея,
Иль онъ пойдетъ на насъ.

Антоній.

Гдѣ онъ теперь?

Лепидъ.

Вблизи горы Мизены.

Антоній.

Велики ли
Войска его на сушѣ?

Лепидъ.

Велики,
И все растутъ. Онъ моремъ всѣмъ владѣетъ.

Антоній.

Такъ говоритъ молва. Скорѣй бы съ нимъ

Увидѣться! Такъ поспѣщимъ, Но прежде,
Чѣмъ намъ вооружаться-завершимъ
Рѣшенное.

Цезарь.

Съ готовностью великой.
Зову тебя увидѣться съ сестрою.
Тебя веду къ ней прямо.

Антоній.

Не лишай
Насъ твоего присутствія, Лепидъ.

Лепидъ.

Антоній благородный, не удержитъ
Меня сама болѣзнь.

(*Трубы. Цезарь, Антоній и Лепидъ уходятъ*).

Меценатъ.

Тебѣ привѣтъ
Съ пріѣздомъ изъ Египта!

Энобарбъ.

Половина
Ты Цезарева сердца, Меценатъ!
Агриппа, другъ мой.

Агриппа.

Энобарбъ достойный!

Меценатъ. Мы должны радоваться, что дѣло устроилось такъ прекрасно. Хорошо ли вамъ жилось въ Египтѣ?

Энобарбъ. Отлично. Мы спали, покуда не закатывался день, и пьянствовали, покуда не начинало свѣтать.

Меценатъ. Правда ли, что для двѣнадцати человѣкъ вы зажаривали къ завтраку восемь кабановъ?

Энобарбъ. Это все—лишь муха по сравненію съ орломъ. У насъ происходили на пиршествѣ болѣе чудовищныя и достойныя вниманія вещи.

Меценатъ. Если молва справедлива, она—женщина, противъ которой трудно устоять?

Энобарбъ. При первой же встрѣчѣ съ Антоніемъ на рѣкѣ Киднѣ, она пронзила его сердце.

Агриппа. Дѣйствительно ли она явилась тамъ, или разсказывавшій мнѣ объ этой встрѣчѣ прибѣгнулъ къ вымыслу для ея прославленія.

Энобарбъ.

Я разскажу вамъ. Судно, на которомъ
Она плыла, сверкало какъ престолъ.
Была корма изъ золота литого;
А паруса пурпурные такъ были
Насыщены благоуханьемъ дивнымъ,
Что вѣтры отъ любви томились къ нимъ.
Серебряныя весла опускались
Подъ звуки флейтъ, и словно въ ихъ удары
Влюбленная—вода быстрѣй бѣжала.
Что до нея—всѣ описанья блѣдны...
Царица возлежала подъ шатромъ
Изъ ткани золотой, затмивъ Венеру,
Въ чьемъ образѣ искусство превзошло
И самую природу. По бокамъ,
Подобныя смѣющимся амурамъ,
Стояли дѣти съ ямками на щекахъ,
Но вѣянье ихъ пестрыхъ опахалъ
Усиливало жаръ, не охлаждая
Щекъ нѣжныхъ Клеопатры, и они
Уничтожали собственное дѣло.

Агриппа.

Сколь дивный видъ Антонію предсталъ!

Энобарбъ.

Наперсницы, подобны нереидамъ,
Морскимъ сиренамъ, взоръ ея ловя,
Плѣнительно склонялись передъ нею.
Рулемъ, казалось, правила сирена,
И подъ рукой ея, цвѣтку подобной,
Но правившей искусно—трепетали
И шелковыя снасти. Дивный запахъ,
Невидимый, съ галеры несся къ намъ,
И чувства возбуждалъ. На встрѣчу городъ
Весь высыпалъ, на площади Антоній
Сидѣлъ на тронѣ одинокъ, и воздухъ
Онъ кликомъ оглашалъ, но если бъ воздухъ
Оставить могъ въ природѣ пустоту—
Умчался бъ онъ на встрѣчу Клеопатрѣ.

Агриппа.

О, дивная египтянка!

Энобарбъ.

Когда
Она сошла, на ужинъ приглашенье
Антоній ей послалъ, она жъ сказала:
Ему въ гостяхъ быть у нея пристойнѣй,
Ей уступилъ учтивый нашъ Антоній,
Что женщинѣ сказать не можетъ: нѣтъ!
Онъ брѣется, на пиръ идя, разъ десять,
И какъ всегда, даетъ въ уплату сердце
За то, что онъ лишь взоромъ пожиралъ.

Агриппа.

Державная развратница! Самъ Цезарь
Оставилъ мечъ на ложѣ у нея.
Онъ пахарь былъ, она давала жатву.

Энобарбъ.

На улицѣ я видѣлъ: пробѣжала

КЛЕОПАТРА НА КИДНѢ
Картина знаменитаго англо-голландскаго живописца Альмы Тадемы (*Alma Tadema*, *р. 1836*).

До сорока шаговъ она, когда же
Она остановилась, задыхаясь—
Въ ней недостатокъ совершенствомъ сталъ:
Едва дыша, красой она дышала.

Меценатъ.
И вотъ ее Антоній долженъ бросить.

Энобарбъ.
Нѣтъ, никогда. Ее не старятъ годы,
Ея разнообразье безконечно:
Привычкою его не истощить.
Всѣ женщины, желаньямъ уступая,
Рождаютъ пресыщенье, но она
Чѣмъ больше насыщаетъ человѣка,
Тѣмъ голодъ въ немъ сильнѣе возбуждаетъ.
Все гнусное плѣняетъ въ ней, и жрецъ
Ей на соблазнъ даетъ благословенье.

Меценатъ.
Когда краса и скромность—могутъ сердце
Антонія плѣнить, то онъ находитъ
Въ Октавіи счастливую судьбу.

Агриппа.
Идемъ. Пока ты остаешься въ Римѣ,
Прошу, будь гостемъ, добрый Энобарбъ,
Ты у меня.

Энобарбъ. Благодарю сердечно.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Римъ. Въ домѣ Цезаря.

Входятъ Цезарь, Антоній, *между ними* Октавія.

Антоній.
Порою изъ твоихъ объятій будетъ
Меня мой долгъ воинскій исторгать.

Октавія.
Тогда склонивъ колѣна предъ богами
Ихъ за тебя молить я не устану.

Антоній.

Покойной ночи, Цезарь. Не суди,
Октавія моя, моихъ ошибокъ
По отзыву молвы. Границы долга
Я преступалъ, но этому—конецъ.
Покойной ночи, милая. Тебѣ
Покойной ночи, Цезарь.

Цезарь.

Доброй ночи.
(Октавія и Цезарь уходятъ).

Входитъ Прорицатель.

Антоній. Ну что? Хотѣлъ бы ты въ Египтѣ быть?

Прорицатель. О, если бъ я никогда не покидалъ Египта, и ты никогда не пріѣзжалъ сюда!

Антоній. Если можешь, скажи причину.

Прорицатель. Ее провижу я пророческимъ духомъ, но высказать не могу и, тѣмъ не менѣе, зову тебя обратно въ Египетъ.

Антоній. Скажи мнѣ, чья звѣзда поднимется выше: моя или Цезаря.

Прорицатель.

Его звѣзда. Поэтому, Антоній,
Оставь его. Твой демонъ — (духъ-хранитель)
Отваженъ, гордъ, великъ и несравнимъ,
Когда нѣтъ духъ Цезаря. При немъ же
Становится похожимъ онъ на страхъ.
Итакъ, пускай васъ раздѣлить пространство.

Антоній.

Не говори объ этомъ.

Прорицатель.

Никогда
И никому, тебѣ лишь, и съ тобою.
Во что бы съ нимъ вы ни играли—долженъ
Ты проиграть: благодаря удачѣ
Онъ побѣдитъ, хотя бъ игра сложилась
И къ выгодѣ твоей. Твой свѣтъ блѣднѣетъ
Вблизи него. Я снова говорю:
При немъ твой духъ помочь тебѣ страшится,
А безъ него отваженъ онъ.

Антоній.

Ступай.
Вентидію скажи, что мнѣ онъ нуженъ.
(Прорицатель уходитъ).
Пойдетъ онъ на пароянъ. Искусство ль, случай—
Кудесникъ правъ. Послушны даже кости
Ему въ игрѣ. Мое же превосходство
Удачею его побѣждено.
Выигрываетъ онъ, коль бросимъ жребій,
Его пѣтухъ выигрываетъ бой,
И бьютъ моихъ, помимо всѣхъ разсчетовъ,
Его перепела. Вернусь въ Египетъ.
Спокойствіе купилъ я этимъ бракомъ,
Но на востокѣ—радости мои.
(Входитъ Вентидій).
Отправишься ты на пароянъ, Вентидій.
Идемъ, тебѣ вручу я полномочье.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Римъ. Улица.

Лепидъ.

Прошу, не безпокойтесь. Торопите
Своихъ вождей.

Агриппа.

Пусть только Маркъ Антоній
Октавію обниметъ—мы идемъ.

Лепидъ.

Покуда васъ я не увижу въ латахъ,
Что вамъ къ лицу—простимся.

Меценатъ.

Если точно
Разсчитанъ путь, къ Мизенѣ мы прибудемъ
Скорѣй тебя.

Лепидъ.

У васъ—кратчайшій путь.
Меня дѣла задержатъ. Впереди—
Вы на два дня.

Меценатъ *и* Агриппа.

Съ тобой успѣхъ да будетъ!

Лепидъ.

Простите.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Александрія. Во дворцѣ.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира, Алексасъ *и* слуга.

Клеопатра.

Эй, музыку! Она питаетъ грусть
Всѣхъ насъ—влюбленныхъ!

Слуга.

Музыку сюда.
(Входитъ Мардіанъ).

Англійская актриса 18-го вѣка Гартлей (Mrs. Hartley) въ роли Клеопатры.

Клеопатра.

Не надо. Мы сыграемъ на билльардѣ
Съ тобою, Харміана.

Харміана.

У меня
Болитъ рука. Играйте съ Мардіаномъ.

Клеопатра.

Что съ евнухомъ, что съ женщиной играть—
Не все ль равно? Со мной играть желаешь?

Мардіанъ.

Царица, постараюсь, какъ могу.

Клеопатра.

Когда есть воля добрая, хотя
Ея одной и мало—ты имѣешь
Права на снисхожденье. Нѣтъ, не надо.
Мнѣ удочку подайте, и пойдемъ
Всѣ на рѣку. Тамъ рыбокъ золотистыхъ
При звукахъ дальней музыки я стану
Ловить крючкомъ за скользкія ихъ жабры,
И представляя каждую себѣ
Антоніемъ, скажу:—Ага, попался!

Харміана.

Смѣялись мы, когда побилась ты
Съ нимъ объ закладъ: кто болѣе наловитъ?
А водолазъ твой рыбу прикрѣпилъ
Соленую на крюкъ его, и важно
Ее тянулъ Антоній...

Клеопатра.

Въ этотъ день—
День чудный!—смѣхомъ вывела его
Я изъ себя, и смѣхомъ усмирила
Его въ ту ночь, а слѣдующимъ утромъ
Я, напоивъ его съ восьми часовъ,
Чтобъ онъ заснулъ на ложѣ—облекла
Его въ свои одежды, а себѣ
Филиппа мечъ я прицѣпила.

(*Входитъ гонецъ*).

Изъ Рима ты? мой слухъ давно безплодный
Ты плодоносной вѣстью освѣжи.

Гонецъ.

О, госпожа!

Клеопатра.

Антоній умеръ? Если,
Презрѣнный, да! ты скажешь, то царицу
Убьешь свою, когда жъ: здоровъ, свободенъ!—
Вотъ золото, вотъ жилки голубыя
Руки моей тебѣ для поцѣлуя:
Ее цари лобзали, трепеща.

Гонецъ.

Царица, хорошо ему.

Клеопатра.

Бери,
Вотъ золото еще, но только помни,
О мертвомъ говорятъ: имъ хорошо!
И если клонишь къ этому—расплавивъ
То золото, которымъ одарила,
Волью тебѣ въ зловѣщую гортань...

Гонецъ.

Меня, царица, выслушай...

Клеопатра.

Согласна,
Но добраго твой видъ не предвѣщаетъ.

Когда здоровъ Антоній, полонъ силъ—
Зачѣмъ несешь съ такимъ лицомъ унылымъ
Столь радостну ювѣсть? Когда жъ онъ боленъ,
То фуріей, ехиднами вѣнчанной,
Не человѣкомъ—долженъ ты предстать.

Гонецъ.
Тебѣ угодно ль выслушать?..

Клеопатра.
Хочу я
Тебя ударить раньше, чѣмъ начнешь.
Но если ты мнѣ скажешь, что Антоній
Живъ и здоровъ, у Цезаря не плѣнникъ,
Но друженъ съ нимъ—осыплю золотымъ
Тебя дождемъ и градомъ изъ жемчужинъ.

Гонецъ.
Онъ здравствуетъ!

Клеопатра.
Вѣсть добрая!

Гонецъ.
И друженъ
Онъ съ Цезаремъ.

Клеопатра.
Ты—честный человѣкъ.

Гонецъ.
Онъ никогда съ нимъ не бывалъ дружнѣе.

Клеопатра.
Обогащу тебя...

Гонецъ.
Но все жъ, царица...

Клеопатра.
Не нравится мнѣ: но! Лишь умаляетъ
Оно вступленье доброе твое.
Не надо: но! Тюремщику подобно,
Ужаснаго злодѣя за собою
Ведетъ оно. Другъ, вытряхни мнѣ въ уши
Всю кучу добрыхъ и дурныхъ вѣстей,
Прошу тебя. Онъ съ Цезаремъ дружитъ,
Ты говорилъ, здоровъ онъ и свободенъ...

Гонецъ.
Я не сказалъ: свободенъ. Связанъ онъ
Съ Октавіей.

Клеопатра.
Въ какомъ же смыслѣ?

Гонецъ.
Въ лучшемъ:
Онъ дѣлитъ ложе съ нею.

Клеопатра.
Харміана,
Блѣднѣю я.

Гонецъ.
Онъ съ нею обвѣнчался.

Клеопатра.
Будь злѣйшею чумой ты пораженъ. (*Бьетъ его*).

Гонецъ.
Терпѣніе, царица.

Клеопатра.
Что сказалъ ты? (*Снова бьетъ его*).
Вонъ, гнусный рабъ! Тебѣ глаза я выбью,
И, какъ шары, покатятся они
Передъ тобой! Всѣ волосы я вырву.
(*Съ силою трясетъ его*).
Бить прутьями желѣзными велю,
И въ щелокѣ варить тебя, въ разсолѣ
Доваривать на медленномъ огнѣ!

Гонецъ.
Хотя принесъ, великая царица,
Тебѣ я вѣсть, не я устроилъ бракъ.

Клеопатра.
Скажи, что нѣтъ его—получишь область!
Тебя я возвеличу, мой ударъ
Тебѣ за то зачтется, что меня
Ты прогнѣвилъ, тебя всѣмъ награжу я
Чего просить тебѣ дозволитъ скромность.

Гонецъ.
Царица, онъ женился.

Клеопатра.
Слишкомъ долго
Ты жилъ, злодѣй!
(*Выхватываетъ ножъ*).

Гонецъ.
Бѣгу я... Въ чемъ, царица,
Винишь меня? Тутъ нѣтъ моей вины.
(*Убѣгаетъ*).

Харміана.
Сдержи себя, царица, онъ невиненъ.

Клеопатра.
Громъ не щадитъ порою и невинныхъ.
Да наводнятъ Египетъ воды Нила!
Всѣ добрые да обратятся въ змѣй!
Вернуть раба! Кусаться я не стану,
Хотя и обезумѣла.

Харміана.
Страшится
Вернуться онъ.

КЛЕОПАТРА.

Его не трону я.
И безъ того безчестила я руку,
Поднявъ ее на низшаго, чѣмъ я,
Межъ тѣмъ какъ я сама—всему виною.

(*Входитъ гонецъ*).

Приблизься. Честно, но всегда опасно
Быть вѣстникомъ дурнымъ. Пусть сотней устъ
Вѣсть добрая глаголетъ, а дурная
И безъ того дастъ о себѣ намъ знать.

ГОНЕЦЪ.

Я исполнялъ свой долгъ.

КЛЕОПАТРА.

Женился онъ?
Сильнѣе, чѣмъ теперь, возненавидѣть
Я не могу тебя, коль скажешь: да!

ГОНЕЦЪ.

Царица, онъ женатъ.

КЛЕОПАТРА.

О, будь богами
Ты осужденъ! Стоишь ты на своемъ?

ГОНЕЦЪ.

Прикажешь лгать?

КЛЕОПАТРА.

Пускай бы ты солгалъ,
Хотя бъ въ волнахъ отъ этого погибла
Египта половина, превратилась
Въ цистерну змѣй чешуйчатыхъ! Ступай.
Будь какъ Нарциссъ прекрасенъ—мнѣ бъ казался
Уродомъ ты. Такъ онъ женатъ?

ГОНЕЦЪ.

Молю,
Прости меня, царица.

КЛЕОПАТРА.

Онъ женился?

ГОНЕЦЪ.

О, не гнѣвись, тебя я заклинаю.
Наказывать за исполненье воли—
Несправедливо слишкомъ. Онъ повѣнчанъ
Съ Октавіей.

КЛЕОПАТРА.

Его поступокъ сдѣлалъ
Безчестнымъ и тебя, и ты—не то,
Чѣмъ самъ себя считаешь. Вонъ отсюда!
Таваръ, тобой изъ Рима привезенный—
Не по карману мнѣ. Пусть на рукахъ
Онъ у тебя останется, и съ нимъ
Ты разорись.

(*Гонецъ уходитъ*).

ХАРМІАНА.

Царица, успокойся.

Знаменитая современная итальян. актриса Дузе (Eleonora Duse) въ роли Клеопатры.

КЛЕОПАТРА.

Превознося Антонія, хулила
Я Цезаря.

ХАРМІАНА. И много разъ, царица.

Клеопатра.

И вотъ—моя награда! Уведи
Меня скорѣй! Лишаюсь я сознанья...
О, Харміана, Ира! Нѣтъ, прошло.
Сыщи гонца, Алексасъ, пусть опишетъ
Октавіи черты, года и нравъ.
Да не забудь спросить его о цвѣтѣ
Ея волосъ... Скорѣй неси отвѣтъ.

(Алексасъ уходитъ).

Я отъ него навѣки отрекаюсь...
Нѣтъ, Харміана! Пусть Горгоны маску
Со стороны одной онъ носитъ, все же
Съ другой—онъ Марсъ.

(Мардіану).

Пусть также ростъ ея
Узнаетъ онъ.. Жалѣй, о Харміана,
Не говори со мной! Веди меня.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Близъ Мизены.

Входятъ Помпей *и* Менасъ *при звукахъ трубъ и барабановъ. Съ другой стороны—* Цезарь, Лепидъ, Антоній, Энобарбъ *и* Меценатъ *въ сопровожденіи воиновъ.*

Помпей.

Заложниковъ обмѣнъ мы совершили,
Начнемъ переговоры.

Цезарь.

Къ нимъ сперва
Намъ слѣдуетъ прибѣгнуть. Съ этой цѣлью
Мы письменно послали предложенья,
И если ты ихъ взвѣсилъ, сообщи:
Достаточны ль они, чтобъ удержать
Твой недовольный мечъ и вновь отправить
Въ Сицилію тѣхъ юношей бойцовъ,
Которыхъ ждетъ здѣсь гибель?

Помпей.

Къ вамъ троимъ—
Единственнымъ властителямъ вселенной,
Намѣстникамъ боговъ—взываю я.
Отецъ мой сына и друзей оставилъ,
И въ мстителяхъ онъ долженъ ли нуждаться,
Когда—явившись Бруту при Филиппахъ—
Увидѣлъ Юлій Цезарь какъ дрались
Вы за него? Изъ-за чего участье
И блѣдный Кассій въ заговорѣ принялъ?
Изъ-за чего высоко-чтимый Брутъ,
Честнѣйшій римскій мужъ, съ его друзьями,
Любившими прекрасную свободу—
Рѣшилъ обрызгать кровью Капитолій?
Желанье имъ одно руководило,
Чтобъ человѣкъ лишь человѣкомъ былъ!
Вотъ почему и флотъ соорудилъ я,
И пѣнится, разгнѣванъ, океанъ
Подъ бременемъ его. Я съ этимъ флотомъ
Карать намѣренъ ненавистный Римъ,
Что выказалъ отцу неблагодарность.

Цезарь.

Не торопись.

Антоній.

Своими парусами
Насъ не пугай. Поговоримъ на морѣ,
А наше преимущество на сушѣ—
Ты знаешь самъ.

Помпей.

Въ числѣ тѣхъ преимуществъ—
Имѣешь ты и мой отцовскій домъ.
Хозяйничай покуда въ немъ: кукушка
Не вьетъ гнѣзда...

Лепидъ.

Но это все—въ быломъ.
Благоволи сказать: что отвѣчаешь
На предложенье наше?

Цезарь.

Въ этомъ суть.

Антоній.

Не поддавайся нашимъ уговорамъ,
Но собственную выгоду ты взвѣсь.

Цезарь.

А также—все, что повлечетъ за собою
Твое стремленье къ большему.

Помпей.

Даете
Съ Сициліей Сардинію вы мнѣ,
Чтобъ море я очистилъ отъ пиратовъ,
И также хлѣбъ въ количествѣ извѣстномъ
Доставилъ въ Римъ. И въ случаѣ согласья—
Щитовъ не поцарапавъ, и мечей
Не иззубривъ, мы разойдемся?

Лепидъ.

Такъ.

Помпей.

Узнайте: я на эти предложенья
Согласіе принесъ, но Маркъ Антоній
Гнѣвитъ меня. Хотя мою заслугу
Разсказомъ умаляю, но узнай:
Когда твой братъ и Цезарь воевали—

Въ Сицилію явилась мать твоя
И дружескій пріемъ нашла.

Антоній.
Объ этомъ
Извѣстно мнѣ. Помпей, и благодарность
Глубокую тебѣ принесть—мой долгъ.

Помпей.
Дай руку, я не думалъ, что съ тобою
Тутъ свижусь.

Антоній.
Ложе на Востокѣ—мягко.
Благодарю. Тобою раньше вызванъ
Я былъ сюда, чѣмъ думалъ, и при этомъ
Лишь выигралъ.

Цезарь.
Перемѣнился ты
Съ послѣдняго свиданья.

Помпей.
На лицѣ
Пусть злобный рокъ чертитъ, что пожелаетъ—
Изъ сердца онъ не сдѣлаетъ раба.

Лепидъ.
Счастливое свиданье!

Помпей.
Да, надѣюсь.
Такъ—рѣшено. Пусть договоръ напишутъ.
Скрѣпимъ его.

Цезарь.
Да, ранѣе всего.

Помпей.
Почтимъ другъ друга пиромъ на прощанье,
По жребію: кто первый.

Антоній.
Я, Помпей.

Помпей.
Нѣтъ, жребій кинь. Но первый, иль послѣдній—
Всѣхъ тонкою египетской стряпней
Ты превзойдешь. Я слышалъ: Юлій Цезарь
Тамъ разжирѣлъ.

Антоній.
Ну, мало ль, что ты слышалъ!

Помпей.
Я ничего не разумѣлъ дурного.

Антоній.
И не сказалъ.

Помпей.
Вотъ что еще я слышалъ:
Что приносилъ къ нему Аполлодоръ...

Энобарбъ.
Ну приносилъ, и—будетъ.

Помпей.
Что такое?

Энобарбъ.
Извѣстную царицу на постели.

Помпей.
А, это ты? Какъ поживаешь, воинъ?

Энобарбъ.
Отлично; впредь, надѣюсь, такъ же будетъ.
Предвижу я четыре празднества.

Помпей.
Дай руку, я тебѣ враждебенъ не былъ,
Тебя въ бою видалъ я, тебѣ
Завидовалъ.

Энобарбъ.
Къ тебѣ любви особой
Я не питалъ, но я хвалилъ тебя,
Когда гораздо большаго ты стоилъ,
Чѣмъ словъ моихъ.

Помпей.
Хвалю за прямоту:
Она тебѣ къ лицу. Васъ приглашаю,
Патриціи, на бортъ моей галеры.
Пожалуйте.

Цезарь, Антоній, Лепидъ.
Ты впереди.

Помпей.
Идемъ.

(Уходятъ Помпей, Цезарь, Антоній, воины и свита).

Менасъ *(въ сторону)*. Твой отецъ, Помпей, никогда бы не заключилъ такого договора. Мы съ тобой знали другъ друга.

Энобарбъ. На морѣ, кажется.

Менасъ. Да.

Энобарбъ. Ты хорошо сражался на морѣ.

Менасъ. А ты на сушѣ.

Энобарбъ. Я буду хвалить всякаго, кто хвалитъ меня,—хотя, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать моихъ заслугъ въ сраженіи на сушѣ.

Менасъ. Ни моихъ на морѣ.

Эноварбъ. Кое-что тебѣ слѣдуетъ отрицать ради твоей же безопасности: ты былъ большимъ морскимъ разбойникомъ.

Менасъ. А ты разбойникомъ на сушѣ.

Эноварбъ. Этого-то я не отрицаю. Но дай мнѣ руку, Менасъ. Если бы наши глаза были начальствомъ, они могли бы задержать двухъ обнимающихъ другъ друга воровъ.

Менасъ. У всѣхъ людей честныя лица—что бы ни дѣлали ихъ руки.

Эноварбъ. Но красивая женщина никогда не имѣетъ честнаго лица.

Менасъ. И лица ихъ не клевещутъ въ этомъ случаѣ—вѣдь красавицы похищаютъ сердца.

Эноварбъ. Мы явились сюда сражаться съ вами.

Менасъ. Что касается меня, то я жалѣю, что вмѣсто сраженія началась попойка. Помпей сегодня погубилъ свое счастье неумѣстнымъ весельемъ и смѣхомъ.

Эноварбъ. Да, и едва ли ему удастся вернуть счастье слезами.

Менасъ. Вѣрно сказано. Мы не посмотрѣли на Марка Антонія. Скажи, пожалуйста, онъ женился на Клеопатрѣ?

Эноварбъ. Сестру Цезаря зовутъ Октавіей.

Менасъ. Вѣрно; она была женой Кая Маркелла.

Эноварбъ. Но теперь она жена Марка Антонія.

Менасъ. Что ты говоришь!

Эноварбъ. Я говорю правду.

Менасъ. Значитъ Цезарь и онъ теперь на вѣки связаны.

Эноварбъ. Если бы мнѣ нужно было высказать о будущности этого союза, я бы не то предсказалъ.

Менасъ. Я полагаю, что желаніе союза болѣе способствовало этому браку, чѣмъ любовь жениха и невѣсты.

Эноварбъ. Я того же мнѣнія. Но ты увидишь, что то, что должно скрѣпить ихъ дружбу, какъ разъ послужитъ причиной разрыва. Октавія кроткая, молчаливая и спокойная женщина.

Менасъ. Всякому хотѣлось бы, чтобы его жена была такова.

Эноварбъ. Тому, кто самъ не таковъ, не нужно такой жены. А Маркъ Антоній не таковъ. Его потянетъ обратно къ египтянкѣ. Тогда Октавія начнетъ вздыхать и это подниметъ пожаръ въ сердце Цезаря. Такимъ образомъ—какъ я сказалъ—то, что должно было бы скрѣпить ихъ дружбу, прямо приведетъ къ разрыву. Любовь Антонія останется тамъ, гдѣ она теперь; женился вѣдь онъ только ради выгоды.

Менасъ. Это весьма вѣроятно. Идемъ на бортъ. Я хочу выпить за твое здоровье.

Эноварбъ. Согласенъ. Мы въ Египтѣ пріучили свои глотки къ питью.

Менасъ. Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

На палубѣ галеры Помпея, стоящей близъ Мизенскаго мыса.

Музыка. Входятъ нѣсколько слугъ, накрывающихъ столъ для пиршества.

1-ый слуга. Они сейчасъ придутъ, братъ. Они уже едва на ногахъ держатся, такъ что малѣйшій вѣтеръ ихъ можетъ повалить на-земь.

2-ой слуга. Лепидъ весь раскраснѣлся.

1-ый слуга. Его заставили выпить все, что уже не лѣзло въ другихъ.

2-ой слуга. Когда кто нибудь начиналъ задирать другого, онъ принимался уговаривать, кричалъ: довольно, мирилъ ихъ и самъ пилъ за ихъ примиреніе.

1-ый слуга. Но это еще болѣе ссорило его съ благоразуміемъ.

2-ой слуга. И все это онъ продѣлываетъ для того, чтобы быть въ обществѣ людей съ именемъ; по моему, лучше имѣть въ рукахъ ничтожную тростинку, чѣмъ копье, которое не можешь поднять.

1-ый слуга. Быть въ знатномъ обществѣ и оставаться въ немъ незамѣченнымъ—то же, что имѣть вмѣсто глазъ пустыя глазныя впадины, уродующія лицо.

Трубы. Цезарь, Антоній, Лепидъ, Агриппа, Меценатъ, Эноварбъ, Менасъ *и другіе вожди.*

Антоній.

Такъ дѣлаютъ на пирамидахъ, Цезарь,
Отмѣтки есть о прибыли воды:
Подъемъ высокій, средній или низкій—
Несетъ съ собой иль урожай, иль голодъ.
Чѣмъ выше Нилъ—тѣмъ больше урожай.
Спадетъ вода—и землепашецъ зерна
Бросаетъ въ илъ, и быстро всходитъ жатва.

Лепидъ. У васъ тамъ есть странныя змѣи.

Антоній. Да, Лепидъ.

Лепидъ. Здѣшнія земноводныя рож-

даются изъ ила, благодаря дѣйствію солнца, какъ напримѣръ крокодилы.

Антоній. Вѣрно.

Помпей. Садись. Эй, вина сюда! За здоровье Лепида!

Лепидъ. Мнѣ несовсѣмъ здоровится— но я отъ васъ не отстану.

Энобарбъ. Боюсь, что нездоровье отъ тебя не отстанетъ, пока ты не выспишься.

Лепидъ. А мнѣ говорили, что Птоломеевскія пирамиды славныя штучки. Не прекословьте мнѣ—я это навѣрное знаю.

Менасъ. Помпей, два слова.

Помпей. На ухо шепни.

Менасъ. Встань съ мѣста, вождь, и выслушай, молю я.

Помпей. Ну, подожди. Вотъ кубокъ за Лепида.

Лепидъ. Что это за штука крокодилъ?

Антоній. Онъ по внѣшнему виду похожъ на самого себя—и широкъ въ свою ширину. Роста онъ такого, какъ ему полагается, и онъ движется при посредствѣ своихъ собственныхъ членовъ; онъ живетъ тѣмъ, что его питаетъ, и когда его составныя части распадаются, онъ переселяется въ другія вещества.

Лепидъ. Какого онъ цвѣта?

Антоній. Своего собственнаго.

Лепидъ. Странная змѣя.

Антоній. Дѣйствительно. И слезы у него влажныя.

Цезарь. Что же, онъ удовлетворится такимъ описаніемъ.

Антоній. Если ему не достаточно того, что ему далъ выпить Помпей—то онъ ненасытный гуляка.

Помпей (*тихо Менасу*).

Повѣсься ты! Сказать мнѣ что то?... Прочь!
Исполни приказанье. Гдѣ же кубокъ?

Менасъ (*тихо*).

Изъ-за моихъ заслугъ передъ тобой—
Встань, выслушай.

Помпей (*тихо*).

Безуменъ ты... Въ чемъ дѣло?
(*Встаетъ и отходитъ въ сторону*).

Менасъ.

Тебѣ служилъ я вѣрою и правдой.

Помпей.

Ты вѣрно мнѣ служилъ. Ну, что жъ еще?
Друзья мои, пируйте.

Антоній.

Этой мели
Страшись, Лепидъ, ты сядешь на нее.

Менасъ.

Желаешь быть владыкой міра?

Помпей.

Что?...

Менасъ.

Желаешь быть владыкой міра? Дважды
Я говорю.

Помпей.

Какъ это можетъ быть?

Менасъ.

Лишь согласись, и—какъ ни бѣденъ—дамъ я
Тебѣ весь міръ.

Помпей.

А много ль выпилъ ты?

Менасъ.

Нѣтъ, я, Помпей, отъ кубка воздержался.
Дерзни,—и ты—Юпитеръ на землѣ;
Что небеса и океанъ вмѣщаютъ—
Лишь захоти, и все—твое.

Помпей.

Но какъ?

Менасъ.

Три властелина міра, тріумвиры—
На кораблѣ твоемъ. Отсѣчь канаты
Мнѣ повели, когда же выйдемъ въ море—
Имъ горло перерѣжемъ, и тогда
Все здѣсь—твое.

Помпей.

О, если бъ, не сказавъ мнѣ,
Ты сдѣлалъ такъ! Со стороны моей—
Вѣдь это было бъ низостью, съ твоей же—
Лишь добро услугой. Честь моя,
Ты долженъ знать, не выгодѣ послушна,
Но выгода руководима честью.
Твой замыселъ—зачѣмъ языкъ твой выдалъ?
Исполненный безъ вѣдома—онъ былъ бы
Одобренъ мной, теперь его обязанъ
Я осудить. Забудь о немъ и пей.

Менасъ (*въ сторону*).

Ну, если такъ, не слѣдую я больше
За меркнущей звѣздой твоей. Кто ищетъ
И не беретъ, когда ему даютъ—
Вѣкъ будетъ нищъ.

Помпей.

За здравіе Лепида!

Антоній.
Снесть на берегъ его. Тебѣ, Помпей,
Я за него отвѣчу.

Энобарбъ.
За здоровье
Твое, Менасъ.

Менасъ.
Охотно, Энобарбъ.

Помпей.
Лей до краевъ.

Энобарбъ *(указывая на раба, уносящаго Лепида).*
Менасъ, вотъ такъ силачъ.

Менасъ. Почему?

Энобарбъ. Онъ несетъ на себѣ треть міра.

Менасъ. Такъ значитъ треть міра пьяна. Почему же онъ не весь пьянъ? Пусть бы все шло кругомъ.

Энобарбъ.
Способствуй общему круженью—выпей.

Менасъ.
Пью.

Помпей.
И все жъ у насъ—не пиръ Александрійскій.

Антоній.
Къ тому идетъ. Ну, чокнемся. Я пью
За Цезаря.

Цезарь.
Я могъ бы обойтись
Безъ этого. Ужасное занятье:
Мозгъ полоскать, чтобъ загрязнить его.

Антоній.
Будь времени ты сыномъ.

Цезарь.
Подчини,
Его себѣ, и я тебѣ отвѣчу.
Но лучше бъ я четыре дня постился,
Чѣмъ столько выпить въ продолженье дня.

Энобарбъ.
Что, храбрый вождь, пирушку не почтить ли
Египетскою пляскою въ честь Вакха?

Помпей.
Да, славный вождь.

Антоній.
Мы за руки возьмемся,
Пока вино не погрузитъ побѣдно
Въ спокойную и сладостную Лету
Сознанье наше.

Энобарбъ.
За руки беритесь,
Пусть музыка намъ уши оглушитъ!
Составимъ кругъ, пусть мальчикъ запѣваетъ,
И всѣ ему подтягивайте въ ладъ,
Насколько силъ у вашихъ легкихъ хватитъ.
(Музыка играетъ. Энобарбъ разставляетъ гостей въ круговую, соединивъ ихъ руки).

ПѢСНЯ.
Ты—властитель надъ лозами,
Бахусъ съ красными глазами,
Намъ вино—въ скорбяхъ отрада,
Мы изъ гроздій винограда
Увѣнчаемся вѣнкомъ.
Лей,—чтобъ все пошло кругомъ.

Цезарь.
Не будетъ ли? Помпей, спокойной ночи.
Дозволь тебя, братъ милый, увести.
Важнѣйшія задачи не мирятся
Съ подобнымъ легкомысліемъ. Друзья,
Разстанемся. Пылаютъ наши щеки;
Могучій Энобарбъ—слабѣй вина,
Мой собственный языкъ въ рѣчахъ заплелся.
Безуміе почти перерядило
Всѣхъ насъ въ шутовъ. Къ чему еще слова?
Покойной ночи. Руку мнѣ, Антоній.

Помпей.
Я посмотрю на сушѣ васъ.

Антоній.
Увидишь.
Дай руку мнѣ.

Помпей.
Антоній, ты присвоилъ
Отцовскій домъ... Но что я?.. Мы—друзья.
Садись въ ладью.

Энобарбъ.
Не оступитесь. Тише.
(Уходятъ Помпей, Цезарь, Антоній и свита).
Я на берегъ, Менасъ, не съѣду.

Менасъ.
Нѣтъ.
Ко мнѣ, въ каюту! Эй вы, барабаны,
Эй, трубы, флейты! Что тамъ! Пусть Нептунъ
Услышитъ самъ, какъ шумно мы съ друзьями
Великими прощаемся. Гремите!
Чума на васъ! Гремите!
(Трубы и барабаны).

Энобарбъ.
Эй, вы тамъ!
Всѣ шапки вверхъ.

Менасъ.
Идемъ, вождь благородный.

ДРЕВНЕ-РИМСКІЙ ОРНАМЕНТЪ.
(Берлинскій музей).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Равнина въ Сиріи.

Торжественно входитъ Вентидій *въ сопровожденіи* Силія *и др. римлянъ, вождей и воиновъ. Передъ нимъ несутъ трупъ* Пакора.

Вентидій.

Страна пареянъ, на стрѣлы не взирая—
Ты сражена! Судьбою избранъ я
За Марка Красса мстителемъ. Предъ войскомъ
Несите трупъ царевича! Ородъ,
Твой сынъ Пакоръ за Марка Красса платитъ.

Силій.

Вентидій благородный! Бѣглецовъ,
Покуда мечъ въ крови пареянъ дымится,
Преслѣдуй ты въ землѣ месопотамской
И въ Мидіи, гдѣ бъ только не укрылись,
Чтобъ тріумфальной колесницей могъ
Тебя почтить твой славный вождь Антоній,
И лавромъ увѣнчать.

Вентидій.

О, Силій, Силій!
Довольно много сдѣлано. Замѣть:
Усердствовать не долженъ подчиненный,
И лучше не додѣлать, ты пойми,
Чѣмъ черезчуръ дѣяньями своими
Прославиться въ отсутствіи вождя.
И Цезарь, и Антоній побѣждали
Благодаря помощникамъ скорѣй,
Чѣмъ доблестямъ своимъ. Утратилъ Соссій,
Мой въ Сиріи предшественникъ, всю милость
Антоній, прославясь слишкомъ быстро.
Кто болѣе чѣмъ вождь свершитъ въ бою—
Становится вождемъ вождя. А доблесть,
Что воину присуща: честолюбье—
Свой неуспѣхъ готова предпочесть
Побѣдѣ той, что для вождя обидна.
Антонію могъ лучше я служить,
Но тѣмъ ему нанесъ бы я обиду,
И въ ней свои заслуги погубилъ.

Силій.

Ты качества имѣешь, безъ которыхъ
Не отличишь солдата отъ меча.
Антонію напишешь ты?

Вентидій.

Смиренно
Увѣдомляю его о томъ, что нами
Совершенно здѣсь именемъ его,
Которое намъ служитъ браннымъ кличемъ,
Творящимъ чудо: какъ съ его войсками,
Оплаченными щедро, подъ его
Знаменами одержана побѣда
Надъ конницей пареянъ непобѣдимой.

Силій.

Гдѣ онъ теперь?

Вентидій.

Въ Аѳины держитъ путь.
Туда спѣшимъ, насколько дозволяетъ
Добычи грузъ, предстать ему. Впередъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Римъ. Дворецъ Цезаря.

Съ разныхъ сторонъ входятъ Агриппа *и* Энобарбъ.

Агриппа.
Ну что? Простились братья?

Энобарбъ.
Нѣтъ, они
Покончили съ Помпеемъ. Онъ уѣхалъ,
А тѣ втроемъ скрѣпляютъ договоръ
Печатями. Октавія рыдаетъ,
Прощаясь съ Римомъ, Цезарь опечаленъ,
Лепидъ же послѣ пира у Помпея
Желтухою страдаетъ, какъ увѣрилъ
Меня Менасъ.

Агриппа.
О, доблестный Лепидъ!

Энобарбъ.
Достойнѣйшій! Какъ Цезаря онъ любитъ!

Агриппа.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ ему Антоній дорогъ!

Энобарбъ.
О, Цезарь... Тотъ—Юпитеръ межъ людей.

Агриппа.
Но божество Юпитера—Антоній.

Энобарбъ.
О Цезарѣ что скажешь? Несравнимъ.

Агриппа.
Лишь фениксу подобенъ Маркъ Антоній.

Энобарбъ.
Чтобъ Цезаря хвалить—скажи лишь: Цезарь.

Агриппа.
Хвалами онъ обоихъ угнетаетъ.

Энобарбъ.
Онъ больше любитъ Цезаря, но—ахъ!
Антонія такъ любитъ онъ, что цифры,
Сердца и языки, писцы и барды
Съ поэтами—исчислить не могли бы,
Прочувствовать, сказать и описать,
Воспѣть и сриѳмовать его любовь
Къ Антонію! А Цезарь? На колѣни!
Дивись ему, и—на колѣни!

Агриппа.
Любитъ
Обоихъ онъ.

Энобарбъ.
Онъ—мужъ, тѣ оба крылья,
И такъ...
(*Трубы*).
Пора садиться на коней.
Простимся же, Агриппа благородный.

Агриппа.
Будь счастливъ, воинъ доблестный. Прощай.
(*Уходятъ*).

Входятъ: Цезарь, Антоній, Лепидъ *и* Октавія.

Антоній.
Не провожай насъ дальше.

Цезарь.
Ты уводишь
Часть самого меня, итакъ люби
Ты въ ней меня. Сестра, женою будь,
Какой тебя всегда мечталъ я видѣть;
Мои слова во всей ихъ полнотѣ
Ты оправдай. Антоній благородный,
Пускай она, святая добродѣтель,
Которая скрѣпляетъ нашу дружбу—
Не станетъ рычагомъ, что сокрушитъ
Ея твердыню. Лучше бы сдружились
Мы безъ нея, когда равно не станемъ
Ее цѣнить мы оба.

Антоній.
Недовѣрьемъ
Не оскорбляй меня.

Цезарь.
Я все сказалъ.

Антоній.
Ты не найдешь, хотя меня и склоненъ
Подозрѣвать—причины ни малѣйшей
Къ тому, чего ты, кажется, боишься.
Охраною тебѣ да будутъ боги.
Да привлекутъ сердца всѣхъ римлянъ къ цѣлямъ
Они твоимъ. Разстанемся мы здѣсь.

Цезарь.
Будь счастлива, любимая сестра,
Прости! Къ тебѣ да будутъ благосклонны
Стихіи всѣ, тебѣ даруя радость.
Будь счастлива.

Октавія.
О, братъ мой благородный!

Антоній.
Въ ея очахъ—весна любви, апрѣль,
А вотъ и дождь весенній. Успокойся.

Октавія.
Взирай на домъ супруга моего
Съ любовью и...

Цезарь.
Октавія, что жъ дальше?

Октавія.
Я на ухо скажу.

Антоній.
Языкъ ея
Не слушается сердца, языку
Приказывать не въ состояньи сердце.
Такъ на волнѣ прибоя пухъ лебяжій
Колеблется, склониться не рѣшаясь
Ни въ ту, ни въ эту сторону.

Энобарбъ *(Агриппѣ).*
Ужель
Заплачетъ Цезарь?

Агриппа.
Туча затемнила
Чело его.

Энобарбъ.
Знакъ темный искажаетъ
И лобъ коня, не только человѣка.

Агриппа.
Но, Энобарбъ, чуть не ревѣлъ Антоній
Когда найденъ былъ мертвымъ Юлій Цезарь,
И при Филиппахъ плакалъ онъ, когда
Убитъ былъ Брутъ.

Энобарбъ.
Отъ насморка страдая
Въ тѣ времена, оплакивалъ онъ все,
Что проклиналъ. Когда и я заплачу—
Повѣрь ему.

Цезарь.
Нѣтъ, милая сестра,
Ты отъ меня имѣть извѣстья будешь.
Думъ о тебѣ—не перегонитъ время.

Антоній.
Довольно, братъ! Съ тобой поспорю въ силѣ
Моей любви. Тебя я обниму
И поручу богамъ.

Цезарь.
Прости, будь счастливъ.

Лепидъ.
Да озарятъ небесныя созвѣздья
Твой свѣтлый путь!

Цезарь.
Прости, прости.
(Цѣлуетъ Октавію).

Антоній.
Прости.
(Трубы. Всѣ уходятъ).

СЦЕНА III.

Александрія. Дворецъ.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира, Алексасъ.

Клеопатра.
Гдѣ тотъ гонецъ?

Английская актриса 18 вѣка Попъ (Мрs. Pope) въ роли Клеопатры.

Алексасъ.
Войти онъ не дерзаетъ.

Клеопатра.
Пускай войдетъ.
(Входитъ гонецъ).
Поди сюда.

Гонецъ.
Царица,
Самъ Иродъ іудейскій не посмѣетъ
Разгнѣванной тебѣ смотрѣть въ лицо.

Клеопатра.

Я голову снять съ Ирода желаю,
Но какъ теперь добыть ее, когда
Антонія здѣсь нѣтъ, черезъ кого
Я требовать могла ее... Приблизься.

Гонецъ.

Славнѣйшая царица...

Клеопатра.

Ты видалъ
Октавію?

Гонецъ.

Да, грозная царица.

Клеопатра.

Гдѣ?

Гонецъ.

Въ Римѣ. Тамъ я разсмотрѣлъ ее—
Идущей межъ Антоніемъ и братомъ.

Клеопатра.

Она какъ я—такого жъ роста?

Гонецъ.

Нѣтъ.

Клеопатра.

Что у нея глухой иль звонкій голосъ?

Гонецъ.

Глухой. Ее я слышалъ.

Клеопатра.

Некрасиво!
Не можетъ долго онъ ее любить.

Харміана.

Любить ее? Изида! Невозможно.

Клеопатра.

Я думаю! Языкъ неповоротливъ,
Ростъ карлицы... Припомни, величава ль
Осанка у нея, коль скоро видѣлъ
Величье ты?

Гонецъ.

Такъ ползаетъ она,
Что не поймешь: стоитъ она иль ходитъ?
Нѣтъ жизни въ ней, на статую похожа,
Не на живую женщину, она.

Клеопатра.

И правда—все?

Гонецъ.

Иль я—не наблюдатель.

Харміана.

Въ Египтѣ трое лучше не подмѣтятъ.

Клеопатра.

Да, сметливъ онъ, я вижу. Значитъ нѣтъ
Въ ней ничего... Онъ здраво судитъ.

Харміана.

Очень.

Клеопатра.

Какъ думаешь: ей сколько лѣтъ?

Гонецъ.

Царица,
Она вдова.

Клеопатра.

Вдова? О, Харміана!

Гонецъ.

Я думаю, лѣтъ тридцать.

Клеопатра.

А лицо
Запомнилъ ты? Оно—продолговато,
Иль круглое?

Гонецъ.

До безобразія кругло.

Клеопатра.

И въ большинствѣ такія лица—глупы.
А цвѣтъ ея волосъ?

Гонецъ.

Царица, темный,
И лобъ ея такъ низокъ, какъ возможно
Лишь пожелать.

Клеопатра.

Вотъ золото тебѣ,
И не сердись на прежнюю суровость.
Я вновь тебя пошлю, я нахожу,
Что ты весьма способенъ къ порученьямъ.
Сбирайся въ путь. Готовы наши письма.

Харміана.

Онъ—человѣкъ достойный.

Клеопатра.

Это правда,
И жаль, что съ нимъ была я такъ рѣзка.
Когда ему повѣрить—нѣтъ такого
Въ ней ничего...

Харміана.

О, ничего, царица!

КЛЕОПАТРА.
Величіе онъ видѣлъ, и понятье
Онъ долженъ бы имѣть о немъ.

ХАРМІАНА.
Видалъ ли
Величье онъ? Помилуй насъ, Изида!
Онъ—столько лѣтъ служившій вамъ!

КЛЕОПАТРА.
Одно
Хочу еще узнать я, Харміана...
Но все равно, веди его туда,
Гдѣ буду я писать. Еще возможно
Уладить все.

ХАРМІАНА.
Ручаюсь въ томъ, царица!

СЦЕНА IV.

Аѳины. Дворецъ.

Входятъ Антоній *и* Октавія.

Антоній.
Октавія, не это лишь; оно
И тысячи вещей ему подобныхъ—
Простительны, но онъ войну съ Помпеемъ
Затѣялъ вновь, составилъ завѣщанье,
Прочтенное передъ народомъ. Въ немъ
Онъ обо мнѣ едва упоминаетъ,
И тамъ, гдѣ былъ онъ долженъ поневолѣ
Меня хвалить, онъ сухо говорилъ
И холодно, отмѣривая скупо
Мнѣ похвалы, всѣ поводы такіе
Онъ обходилъ иль говорилъ сквозь зубы.

Октавія.
Не вѣрь всему, мой добрый повелитель,
И даже вѣря, къ сердцу слишкомъ близко
Всего не принимай. Случится ссора—
Нѣтъ женщины меня несчастнѣй! Быть
Межъ двухъ враговъ, молиться за обоихъ,
Чтобъ надо мной смѣялись сами боги,
Когда скажу „благословите мужа",
И вслѣдъ за тѣмъ, наперекоръ мольбѣ,
Воскликну я: „благословите брата!"
Но братъ иль мужъ, который бы изъ двухъ
Ни побѣдилъ—мнѣ предстоитъ погибель:
Межъ крайностей нѣтъ для меня средины.

Антоній.
Октавія, склони твою любовь
Къ той сторонѣ, что больше прилагаетъ
Старанія, чтобъ сохранить ее.
Утративъ честь—я тѣмъ себя утрачу,
И лучше мнѣ совсѣмъ не быть твоимъ,
Чѣмъ быть твоимъ въ безславіи. Но, впрочемъ,
Посредницей явись, какъ ты желаешь.
Межъ тѣмъ къ войнѣ приготовленья наши
Бросаютъ тѣнь на брата твоего.
Итакъ, спѣши. Я внялъ твоимъ желаньямъ.

Октавія.
Благодарю, супругъ мой. Самъ Юпитеръ
Мнѣ—безконечно слабой—да поможетъ
Васъ примирить. Война межъ вами—то же,
Какъ если бы раздвоился весь міръ
И трупами заполнилася бездна.

Антоній.
Узнаешь ты зачинщика вражды—
Къ нему направь свое неодобренье.
Не можемъ оба ошибаться равно,
Чтобъ равно ты межъ нами колебаться
Могла въ любви. Распоряжайся всѣмъ,
Назначь отъѣздъ и свиту по желанью.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Аѳины. Другая часть дворца.

Входятъ Энобарбъ *и* Эросъ.

Энобарбъ. Ну, что, другъ Эросъ?

Эросъ. Получены странныя вѣсти.

Энобарбъ. Какія?

Эросъ. Цезарь и Лепидъ воевали съ Помпеемъ.

Энобарбъ. Это старо. И чѣмъ же все кончилось?

Эросъ. Цезарь, воспользовавшись помощью Лепида въ войнѣ съ Помпеемъ, отвергъ его, какъ товарища; онъ не захотѣлъ удѣлить ему долю военной славы, и не довольствуясь этимъ, обвинилъ его въ предварительной перепискѣ съ Помпеемъ. Онъ задержалъ его на основаніи собственнаго своего обвиненія, и вотъ несчастный тріумвиръ остается въ заточеніи покуда смерть не освободитъ его.

Энобарбъ.
Міръ! У тебя двѣ пасти остаются,
И еслибъ въ нихъ всю пищу бросилъ ты—
То всетаки онѣ пожрутъ другъ друга.
Антоній гдѣ?

Эросъ.
Въ саду. Ногой швыряетъ
Онъ прутики, твердя: глупецъ Лепидъ!
И удавить грозитъ вождя, который
Помпея умертвилъ.

Эноварбъ.

Готовъ къ отплытью
Нашъ славный флотъ.

Эросъ.

Въ Италію отплыть
На Цезаря. Вотъ что еще, Домицій:
Тебя нашъ вождь потребовалъ къ себѣ;
Я вѣсть мою могъ передать и позже.

Эноварбъ.

Напрасно онъ зоветъ, но все равно.
Къ Антонію веди меня.

Эросъ.

За мною! *(Уходятъ).*

СЦЕНА VI.

Римъ. Дворецъ Цезаря.

Входятъ Цезарь, Агриппа *и* Меценатъ.

Цезарь.

Такъ поступилъ онъ изъ презрѣнья къ Риму.
Еще не все. Въ виду всего народа,
На площади въ Александріи, рядомъ
Возсѣлъ онъ съ Клеопатрой на помостѣ
Изъ серебра, на тронахъ золотыхъ.
Цезаріонъ у ногъ ихъ помѣщался—
Слывущій сыномъ моего отца—
Совсѣмъ другимъ потомствомъ незаконнымъ,
Родившимся съ тѣхъ поръ отъ ихъ распутства.
Ей онъ вручилъ Египтомъ управленье,
Провозгласивъ ее самодержавной
Царицей нижней Сиріи и Кипра,
И Лидіи.

Меценатъ.

И это—предъ народомъ?

Цезарь.

На площади, гдѣ происходятъ игры.
И тамъ царей царями объявилъ
Онъ сыновей своихъ: далъ Александру
Всю Парѳію онъ съ Мидіей Великой,
И Сиріей, а Птолемею далъ
Киликію съ землею финикійской,
И Сирію. Царица въ этотъ день
Явилася Изидою народу,
И, говорятъ, въ подобномъ видѣ часто
Является она.

Меценатъ.

Пускай узнаетъ
Объ этомъ Римъ.

Агриппа.

Безстыдствомъ возмущенъ,
Римъ у него отниметъ уваженье.

Цезарь.

Все знаетъ Римъ, а также—обвиненье,
Что онъ прислалъ.

Агриппа.

Кого же онъ винитъ?

Цезарь.

Меня: что я, отторгнувъ у Помпея
Сицилію, не выдѣлилъ ему
Часть острова, затѣмъ онъ утверждаетъ,
Что кораблей ему не возвратилъ я,
И наконецъ скорбитъ, что исключенъ
Лепидъ изъ тріумвировъ и задержанъ
Его доходъ былъ нами.

Агриппа.

Дать отвѣтъ
На это нужно.

Цезарь.

Сдѣлано. Гонца
Отправилъ я. Пишу я, что не въ мѣру
Лепидъ жестокимъ сдѣлался и, власть
Во зло употребляя, заслужилъ онъ
Смѣщеніе свое, что часть добычи
Готовъ я уступить, но подъ условьемъ,
Чтобъ долю онъ въ Арменіи мнѣ далъ,
Какъ и въ другихъ земляхъ, имъ покоренныхъ.

Меценатъ.

На это онъ вовѣкъ не согласится.

Цезарь.

Тогда ему и я не уступлю.

Входитъ Октавія *со свитой.*

Октавія.

Привѣтъ тебѣ, мой братъ и повелитель.

Цезарь.

Я мнилъ ли звать отверженной тебя?

Октавія.

Такъ звать меня—причинъ ты не имѣешь.

Цезарь.

Зачѣмъ же къ намъ подкралась ты? Предстала
Ты здѣсь не такъ, какъ Цезаря сестра.
Предшествовать Антонія супругѣ
Должно бы войско, ржаніе коней
Всѣмъ возвѣстить задолго до прибытья
Должно о немъ, деревья на пути

Должны быть всѣ усѣяны народомъ,
Томящимся въ безплодномъ ожиданьѣ,
И до небесъ должна вздыматься пыль,
Поднятая бѣгущей вслѣдъ толпою...
Но въ Римъ простой торговкой ты явилась,
И не дала намъ выказать любовь,
Которая, когда не проявляютъ
Ея ничѣмъ—утрачиваетъ смыслъ.
Рядъ цѣлый встрѣчъ на морѣ и на сушѣ—
Тебя бы ждалъ, и возросталъ восторгъ...

Октавія.

Мой добрый братъ, сюда безъ принужденья,
По доброй волѣ, такъ явилась я.
Супругъ мой, Маркъ Антоній, услыхавшій,
Что ты къ войнѣ готовишься, повѣдалъ
Мнѣ горестную вѣсть, и потому—
Уѣхать я просила дозволенья.

Цезарь.

Онъ далъ его охотно: ты преградой
Была межъ нимъ и похотью его.

Октавія.

Не говори мнѣ этого.

Цезарь.

Слѣжу я
За нимъ вездѣ: несутся съ вѣтромъ вѣсти.
Гдѣ онъ теперь?

Октавія.

Въ Аѳинахъ.

Цезарь.

Нѣтъ, сестра,
Жестоко оскорбленная! Его
Однимъ кивкомъ вернула Клеопатра.
Развратницѣ вручилъ онъ власть свою,
И на войну со мной они сзываютъ
Владыкъ земныхъ. Возсталъ ливійскій Бокхъ,
И Архелай, монархъ кападокійскій,
Царь паѳлагонскій Филадельфъ, ѳракійскій
Царь Адалласъ и аравійскій Мальхъ,
Понтійскій царь, царь Иродъ іудейскій,
Царь комагенскій Митридатъ; мидійскій
Царь Полемонъ; Аминтъ—ликаонійскій.
И множество еще царей другихъ.

Октавія.

Несчастная! Межъ близкихъ двухъ, взаимно
Другъ друга обвиняющихъ—я сердце
Должна дѣлить.

Цезарь.

Привѣтствую тебя.
Ты письмами разрывъ нашъ отдаляла,
Покуда самъ не убѣдился я,
Насколько ты обманута, а также—
Что намъ грозитъ невидимо опасность.
Бодрѣе будь. Сурово неизбѣжны—
Да не смутятъ тебя печали дни.
Пускай идетъ опредѣленнымъ ходомъ
Рѣшенное судьбой. Не плачь о немъ.
Тебя, что мнѣ всего дороже въ мірѣ—
Привѣтствую я здѣсь. Оскорблена
Безмѣрно ты; я и друзья твои—
Мы избраны великими богами,
Чтобъ правосудье оказать тебѣ.
Утѣшься, будь у насъ желанной гостьей.

Агриппа.

Привѣтъ тебѣ.

Меценатъ.

Октавіи привѣтъ!
Всѣ римскія сердца полны къ тебѣ
Любви и состраданья. Лишь Антоній,
Прелюбодѣй разнузданный, отвергъ
Твою любовь, во власть предавшись твари
Что противъ насъ его возстановляетъ.

Октавія.

О, правда ли это?

Цезарь.

Истинная правда.
Сестра, добро пожаловать. Съ терпѣньемъ
Будь неразлучна, милая сестра.

(Уходятъ).

СЦЕНА VII.

Лагерь Антонія у мыса Акціумъ.

Входятъ Клеопатра *и* Энобарбъ.

Клеопатра.

Увѣренъ будь: я отплачу тебѣ.

Энобарбъ.

За что? За что?

Клеопатра.

Ты осуждалъ участье
Мое въ войнѣ, считая непристойнымъ...

Энобарбъ.

А что жъ оно, по твоему, пристойно?

Клеопатра.

Когда воюютъ съ нами, почему же
Намъ собственной особой здѣсь не быть?

Энобарбъ *(про себя).*

Сказалъ бы я, что если бъ взяли вмѣстѣ
Мы на войну коней и кобылицъ—

Пропалъ бы конь: кобыла увлекла бы
И всадника съ конемъ.

Клеопатра.
Что говоришь?

Энобарбъ.
Присутствіе твое должно стѣснять
Антонія, смущая умъ и сердце,
А занятое время отнимая.
Его и такъ винятъ за безразсудство:
Римъ говоритъ, что здѣсь ведутъ войну
Прислужницы твои и Фотинъ, евнухъ.

Клеопатра.
Погибни Римъ, отсохни языки,
Позорящіе насъ! Я правлю царствомъ
И тягости войны несу, какъ мужъ.
Не возражай, я войска не оставлю.

Энобарбъ.
Да будетъ такъ. Я кончилъ. Вотъ и вождь.

Входятъ Антоній *и* Канидій.

Антоній.
Не странно ли, Канидій, что покинувъ
Брундузій и Тарентъ, могъ переплыть
Онъ море Іонійское такъ быстро
И овладѣть Ториной? Дорогая,
Ты слышала объ этомъ?

Клеопатра.
Быстротѣ
Никто сильнѣй лѣнивца не дивится.

Антоній.
Такой укоръ въ медлительности—былъ бы
Мудрѣйшаго среди мужей достоинъ.
Сраженіе морское мы дадимъ.

Клеопатра.
Морское—да! Какое же иное?

Канидій.
Но почему морское, государь?

Антоній.
Онъ съ моря шлетъ мнѣ вызовъ.

Энобарбъ.
Но его
Ты звалъ на поединокъ...

Канидій.
При Фарсалѣ,
Гдѣ ты желалъ уравновѣсить бой
Помпея съ Цезаремъ. Но онъ отвергнулъ
То, что къ его невыгодѣ клонилось.
Такъ поступи и ты.

Энобарбъ.
Суда твои
Снаряжены небрежно, а матросы—
На службу силой взятые: жнецы,
Погонщики. У Цезаря есть люди
Помпея побѣжавшіе; легки
Его суда, твои—тяжеловѣсны.
Въ томъ нѣтъ стыда, чтобъ на морѣ не биться,
Когда на сушѣ биться ты готовъ.

Антоній.
Нѣтъ, на морѣ и на морѣ!

Энобарбъ.
Ты губишь,
Великій вождь, добытую тобою
На сушѣ славу ратную, войска—
Пѣхоту боевую—раздробляешь,
И собственный твой опытъ остается
Безъ примѣненья къ дѣлу. Ты обходишь
Къ побѣдѣ путь; ввѣряешься—взамѣнъ
Увѣренности прочной—ты удачѣ
И случаю.

Антоній.
Я на морѣ сражусь.

Клеопатра.
Есть шестьдесятъ судовъ у насъ—не худшихъ,
Чѣмъ у него.

Антоній.
Мы лишнія сожжемъ.
Матросы съ нихъ—число людей усилятъ
На корабляхъ оставшихся, и съ тѣми
Отъ Акціума Цезаря отбросимъ.
Не побѣдимъ—на сушѣ грянетъ бой.
Въ чемъ дѣло?

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.
Слухи справедливы: Цезарь
Торину взялъ.

Антоній.
Самъ Цезарь? Невозможно.
Что войско здѣсь—дивлюсь я и тому!
Канидій, девятнадцать легіоновъ
На сушѣ здѣсь ты примешь подъ начальство,
И конницы двѣнадцать тысячъ. Мы же—
На корабли. Идемъ, моя Өетида.

Входитъ воинъ.

Антоній.
Что скажешь, другъ?

Воинъ.
О, благородный вождь,
Не бейся на морѣ, не довѣряйся
Гнилымъ доскамъ. Ужель не вѣришь ты

Вотъ этому мечу и этимъ ранамъ?
Пусть плаваютъ, какъ утки, финикійцы,
Египтяне. Мы побѣждаемъ стоя,
Нога къ ногѣ.

Антоній.
Ну, хорошо. Идемъ.

(Уходятъ Антоній, Клеопатра и Энобарбъ).

Канидій.
Но я былъ правъ, клянуся Геркулесомъ!
Ты, воинъ, правъ, но дѣйствуетъ Антоній,
Не на свою дѣйствительную силу
Въ сраженьѣ опираясь. У вождя
Есть вождь, и мы—у женщинъ подъ началомъ.

Воинъ.
Всей конницы и пѣшихъ легіоновъ
Начальникъ—ты, не такъ ли?

Канидій.
Маркъ Октавій,
Маркъ Юстій, Целій, Публикола—силой
Начальствуютъ морской, мы—сухопутной.
Но Цезаря прибытье непонятно
По быстротѣ.

Воинъ.
Покуда былъ онъ въ Римѣ,
Войска его, разбившись на отряды,
Разсѣялись повсюду, обманувъ
Лазутчиковъ.

Канидій.
А кто его помощникъ?

Воинъ.
Я слышалъ— нѣкій Тавръ.

Канидій.
Его я знаю.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.
Канидія желаетъ видѣть вождь.

Канидій.
Событьями теперь чревато время,
И ихъ на свѣтъ рождаетъ каждый мигъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА VIII.

Равнина близъ Акціума.

Входятъ Цезарь, Тавръ, вожди *и* войско.

Цезарь.
Тавръ!

Тавръ.
Государь?

Цезарь.
Отъ битвы сухопутной
Ты уклонись, пока идетъ морская,
Изложенныхъ въ томъ свиткѣ приказаній
Не измѣняй: залогъ успѣха—въ нихъ.
(Проходятъ).

Входятъ Антоній *и* Энобарбъ.

Антоній.
Мы конницу поставимъ у холма,
Въ виду у войска Цезаря, оттуда
Число судовъ увидѣвъ, сообразно
Мы этому—и дѣйствія начнемъ.
(Уходятъ).

(Входятъ съ разныхъ сторонъ войска Антонія подъ начальствомъ Канидія и войска Цезаря подъ предсѣдательствомъ Тавра. По уходѣ ихъ слышенъ шумъ морской битвы. Тревога. Возвращается Энобарбъ).

Энобарбъ.
Всему конецъ! Я зрѣлища такого
Не въ силахъ снесть. Корабль нашъ адмиральскій—
„Антоніадъ“ и шестьдесятъ другихъ,
Вдругъ повернувъ, ударился въ бѣгство.
При видѣ томъ готовъ я былъ ослѣпнуть!

Входитъ Скаръ.

Скаръ.
На помощь къ намъ, всѣ боги и богини!

Энобарбъ.
Ты внѣ себя?..

Скаръ.
Не лучшая ль часть міра
Загублена по безразсудству? Царства
И области—процѣловали мы.

Энобарбъ.
Какъ бой идетъ?

Скаръ.
Пятно чумы смертельной—
Виднѣется на насъ. Да поразитъ
Проказою египетскую вѣдьму
Развратную! Когда въ разгарѣ битвы
На близнецовъ похожи были: нашъ
И Цезаря успѣхъ, и нашъ едва ли
Не старше былъ, корова эта, словно
Ужалена слѣпнемъ іюньскимъ—парусъ
Вдругъ подняла и въ бѣгство обратилась.

Энобарбъ.
От зрѣлища такого стало больно
Моимъ глазамъ: его не вынесъ я.

Скаръ.
Едва она руль подняла по вѣтру,
Какъ доблестная жертва чаръ ея—
Антоній, крылья распустивъ морскія,
Помчался вслѣдъ—растерянною уткой,
Оставивъ бой во всемъ его разгарѣ.
Я не знавалъ подобнаго позора!
Не видано, чтобъ доблесть, честь и опытъ—
Казнили такъ самихъ себя.

Энобарбъ.
Увы!

Входитъ Канидій.

Канидій.
На морѣ счастье наше, обезсилѣвъ,
Идетъ ко дну плачевно. Оставайся
Нашъ вождь такимъ, какимъ онъ прежде былъ—
Все было бъ хорошо, но недостойно
Онъ къ бѣгству самъ даетъ примѣръ.

Энобарбъ *(про себя).*
Вотъ что
Задумалъ ты! Тогда прости, конечно.

Канидій.
Въ Пелопонезъ бѣжалъ онъ.

Скаръ.
Это близко.
Туда спѣшу—событій выжидать.

Канидій.
Я конницу мою и легіоны
Сдалъ Цезарю, мнѣ шестеро царей
Даютъ примѣръ.

Энобарбъ.
Я раненому счастью
Антонія останусь все же вѣренъ,
Хотя въ другую сторону влекутъ
Меня и умъ, и вѣтеръ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IX.

Александрія. Дворецъ.

Входитъ Антоній *и свита.*

Антоній.
Вы слышите? Землею я отвергнутъ,
Носить меня ей стыдно. Подойдите,
Друзья мои. Такъ запоздалъ я въ мірѣ,
Что путь свой потерялъ. Есть у меня
Съ казной корабль, ее себѣ возьмите
И, подѣливъ, бѣгите отъ меня
Вы къ Цезарю.

Приближенные.
Чтобъ мы бѣжали? Нѣтъ.

Антоній.
Я самъ бѣжалъ и научилъ другихъ
Показывать я спину. Уѣзжайте.
Я путь избралъ, гдѣ въ васъ я не нуждаюсь.
Ступайте же, тамъ въ гавани—казна,
Берите все. О, не могу безъ краски
Подумать я о томъ, къ чему стремился.
Все—до волосъ—во мнѣ возмущено:
Сѣдая прядь прядь черную винитъ
За безразсудство, черная—сѣдую
За немощность и трусость. Уходите,
Друзья мои, васъ письмами снабжу я,
Которыя расчистятъ путь. Прошу,
Такъ грустно не глядите и не спорьте,
Воспользуйтесь совѣтомъ, что исторгнутъ
Отчаяньемъ: того покиньте, кто
Покинулъ самъ себя. Скорѣе въ гавань!
Вручаю вамъ корабль со всей казной...
Оставьте же меня, на мигъ оставьте!
Приказывать я право потерялъ,
И потому прошу. Сейчасъ за вами
Я слѣдую.
(Садится).

Входятъ Эросъ, Клеопатра, *которую поддерживаютъ* Ира *и* Хармиана.

Эросъ.
Поди къ нему, царица,
Утѣшь его.

Ира.
Да, милая царица.

Хармиана.
Ступай къ нему. Что жъ дѣлать?

Клеопатра.
О, Юнона!
Хочу я сѣсть...

Антоній.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Эросъ.
О, государь, взгляни...

Антоній.
Противно, гадко...

АНТОНІЙ ВЪ ОТЧАЯНІИ. (Дѣйствіе III, сц. 9).

Картина англійскаго художника (Henry Tresham, R. A. 1749–1814).
(Большая Бойделевская галлерея).

Хармiана.

Царица...

Ира.

О, царица!

Эросъ.

Государь!

Антонiй.

Да, другъ мой, да! Октавій при Филиппахъ
Носилъ свой мечъ, какъ въ танцахъ, между тѣмъ,
Какъ сморщеннаго Кассія разилъ я.
Безумца Брута я убилъ, а Цезарь—
Онъ дѣйствовалъ всегда черезъ своихъ
Помощниковъ, не смысля въ дѣлѣ ратномъ.
И вотъ теперь... Но все равно.

Клеопатра.

Ко мнѣ!

Эросъ.

Царица! Государь!

Ира.

Къ нему приблизься,
Поговори. Онъ—внѣ себя отъ горя.

Клеопатра.

Ну, хорошо... На васъ я обопрусь.

Эросъ.

Встань, государь. Царица—предъ тобой:
На смертьобречена, съ челомъ поникшимъ...
Утѣшь ее, и ты ее спасешь.

Антонiй.

Я славѣ измѣнилъ, себя позорно
Я распустилъ.

Эросъ.

Царица, государь.

Антонiй.

Египтянка, о, до чего меня
Ты довела! Смотри, мой стыдъ скрывая

Отъ глазъ твоихъ, оглядываюсь я,
И позади обломки славы вижу.

Клеопатра.
О, повелитель мой, прости моимъ
Пугливымъ парусамъ! Вѣдь я не знала,
Что ты за мной послѣдуешь.

Антоній.
Прекрасно,
Египтянка, ты знала, что привязанъ
Я къ твоему кормилу нитью сердца,
И за собой ты увлечешь меня.
Ты видѣла, что надъ душой моею
Всевластна ты, и знака твоего
Достаточно, чтобъ я нарушилъ волю
Самихъ боговъ.

Клеопатра.
Прости мнѣ!

Антоній.
Нынѣ долженъ
Мальчишкѣ слать смиренно я мольбу;
Хитрить и прибѣгать къ уловкамъ низкимъ
Обязанъ тотъ, кто половиной міра
Привыкъ играть, по волѣ созидая
И разрушая счастье. Знала ты
Громадность всю твоей побѣды, знала,
Что страстью обезсиленный покоренъ
Тебѣ мой мечъ.

Клеопатра.
Прости меня, прости.

Антоній.
Прошу, не плачь... Одна слеза твоя
Все выкупитъ, что выиграть возможно,
Иль проиграть. Дай поцѣлуй одинъ,
Онъ будетъ мнѣ за все вознагражденьемъ.
Наставника дѣтей къ нему послалъ я.
Вернулся ль онъ? Вина сюда! За ужинъ!
И чѣмъ ударъ судьбы моей грознѣй—
Тѣмъ болѣе я посмѣюсь надъ ней.

(Уходятъ).

СЦЕНА X.

Лагерь Цезаря въ Египтѣ.

Входятъ Цезарь, Долавелла, Тирей *и др.*

Цезарь.
Пускай посолъ Антонія предстанетъ.
Его ты знаешь?

Долавелла.
Цезарь, онъ—наставникъ
Его дѣтей. Суди какъ онъ ощипанъ,
Когда прислалъ столь жалкое перо
Изъ своего крыла, онъ—такъ недавно
Гонцовъ-царей въ излишествѣ имѣвшій!

Входитъ Эвфроній.

Цезарь.
Поди сюда и говори.

Эвфроній.
Я самъ
Какъ ни былъ бы ничтоженъ, но являюсь
Антонія посломъ. Въ его судьбѣ
Недавно былъ лишь утренней росинкѣ
На миртовомъ листкѣ подобенъ я,
Въ сравненіи съ его обширнымъ моремъ.

Цезарь.
Пусть такъ. Но то, съ чѣмъ присланъ—
изложи.

Эвфроній.
Властителя судьбы своей въ тебѣ
Привѣтствуетъ Антоній, умоляя,
Чтобъ ты ему дозволилъ жить въ Египтѣ,
Но въ случаѣ отказа, будетъ меньшимъ
Доволенъ онъ, и проситъ дозволенья
Дышать межъ небомъ и землей въ Аѳинахъ,
Вдали отъ дѣлъ. Объ этомъ проситъ онъ.
А что до Клеопатры—признавая
Величіе твое, покорна власти,
Она своимъ испрашиваетъ дѣтямъ
Корону Птоломея, что зависитъ
Отъ милости твоей.

Цезарь.
Я глухъ къ мольбѣ
Антонія. Царицу же согласенъ
Я выслушать и сдѣлать, какъ желаетъ,
Съ условіемъ, чтобъ другъ ея, покрывшій
Себя стыдомъ, былъ изгнанъ изъ Египта
Иль преданъ ею смерти. Пусть она
Исполнитъ это: будутъ не безплодны
Ея мольбы. Таковъ отвѣтъ обоимъ.

Эвфроній.
Будь счастливъ ты!

Цезарь.
Провесть его чрезъ лагерь.
(Эвфроній уходитъ).

Цезарь *(къ Тирею).*
Испробовать всю силу краснорѣчья
Теперь пора. Спѣши и Клеопатру
Съ Антоніемъ поссорь. Ей посули
Ты именемъ моимъ все, что захочетъ,
И отъ себя, что вздумаешь—прибавь.
Вѣдь женщины—и въ счастіи не стойки,

Въ несчастіи—чистѣйшей изъ весталокъ
Не устоять. Яви свое искусство
И самъ назначь награду. Намъ законъ—
Слова твои.

Тирей.
Я отправляюсь, Цезарь.

Цезарь.
Замѣть, какъ онъ перенесетъ ударъ,
И помыслы его—во всѣхъ движеньяхъ
Ты прослѣди.

Тирей.
Я все исполню, Цезарь.
(Уходятъ).

СЦЕНА XI.

Александрія. Дворецъ.

Входятъ Клеопатра, Эноварбъ, Харміана, Ира.

Клеопатра.
Что, Энобарбъ, намъ дѣлать?

Эноварбъ.
Поразмыслить
И умереть.

Клеопатра.
Антоній виноватъ,
Иль мы?

Эноварбъ.
Одинъ Антоній, давшій волю
Желанію надъ разумомъ! Когда
Предъ грознымъ ликомъ брани, изъ рядовъ,
Другъ другу угрожавшихъ, ты бѣжала—
Зачѣмъ бѣжалъ онъ также? Страсти зудъ
Не долженъ былъ смущать вождя въ то время,
Когда сошлись двѣ половины міра
Лицомъ къ лицу въ войнѣ изъ-за него.
Въ томъ, чтобъ летѣть за парусомъ бѣгущимъ,
Покинувъ свой ошеломленный флотъ—
Не меньшій стыдъ былъ для него, чѣмъ гибель.

Клеопатра.
О, замолчи!
Входятъ Антоній *съ* Эвфроніемъ.

Антоній.
Таковъ его отвѣтъ?

Эвфроній.
Да, государь.

Антоній.
Сулитъ царицѣ милость,
Коль скоро мной пожертвуетъ она?

Эвфроній.
Такъ онъ сказалъ.

Антоній.
Пускай она узнаетъ,
Сѣдѣющую голову мою
Пошли сейчасъ ты Цезарю-мальчишкѣ,
И царствами онъ до краевъ наполнитъ
Твои желанья.

Клеопатра.
Голову твою?

Антоній.
Вернись къ нему. Скажи, что въ немъ блистаетъ
Цвѣтъ юности, и дѣлъ великихъ міръ
Ждетъ отъ него, что могутъ даже трусу
Принадлежать суда и легіоны,
Казна его,—что ратники его
И подъ начальствомъ малаго ребенка
Одерживать побѣды такъ же могутъ,
Какъ подъ начальствомъ Цезаря. Прошу
Поэтому чтобъ онъ о превосходствѣ
Своемъ забылъ, со мною—побѣжденнымъ—
Скрестивъ свой мечъ въ единоборствѣ. Буду
Объ этомъ я писать ему. Идемъ.
(Антоній и Эвфроній уходятъ).

Эноварбъ.
Похоже ли, чтобъ Цезарь побѣдитель,
Опасности удачу подвергая,
Съ такимъ борцомъ сталъ драться на показъ?
Я вижу: разумъ смертныхъ—лишь частица
Ихъ счастія, и внѣшнее паденье
Влечетъ съ собой духовныхъ качествъ гибель.
Самъ вѣдая, какъ много вѣситъ Цезарь,
Какъ мало—онъ, ужель мечтать онъ можетъ
Чтобъ мѣряться тотъ согласился съ нимъ,
И разумъ въ немъ ты побѣждаешь, Цезарь?

Входитъ прислужникъ.

Прислужникъ.
Отъ Цезаря посолъ.

Клеопатра.
Привѣтъ короткій!
Вотъ, милыя, предъ розою въ цвѣту
Тотъ затыкаетъ носъ, кто преклонялся
Предъ ней, когда она была лишь почкой.
Пускай войдетъ.

Энобарбъ (*про себя*).

Съ моею честью началъ
Я враждовать. Безумцу вѣрнымъ быть—
Безуміе,—и все же кто владыкѣ
Развѣнчанному вѣренъ—побѣждаетъ
Того, кѣмъ былъ владыка побѣжденъ,
Въ исторіи пріобрѣтая мѣсто.

Входитъ Тирей.

Клеопатра.

Чего желаетъ Цезарь?

Тирей.

Я скажу
Тебѣ одной.

Клеопатра.

Здѣсь лишь друзья, не бойся.

Тирей.

Но всѣ они—Антонія друзья?

Энобарбъ.

Антонію друзья нужны не меньше,
Чѣмъ Цезарю, иль насъ ему не надо.
Но пожелай лишь Цезарь—будетъ другомъ
Ему нашъ вождь, мы—заодно съ вождемъ,
И значитъ будемъ Цазаревы.

Тирей.

Такъ.
Но выслушай, царица. Проситъ Цезарь
Тебя забыть о нынѣшнемъ твоемъ
Печальномъ положеніи, и помнить,
Что Цезарь онъ.

Клеопатра.

По царски. Продолжай.

Тирей.

Онъ вѣдаетъ, что страхомъ, не любовью—
Ты связана съ Антоніемъ.

Клеопатра.

Увы!

Тирей.

Поэтому о ранахъ, отъ которыхъ
Страдаетъ честь твоя—жалѣетъ онъ:
Былъ вынужденъ позоръ твой, не заслуженъ.

Клеопатра.

Онъ—богъ, и знаетъ правду. Честь моя
Не поддалась, но силѣ уступила.

Энобарбъ (*въ сторону*).

Для вѣрности Антонія спрошу...
Ты течь даешь повсюду, остается
И намъ тебя крушенью предоставить,
Когда тебя то, что всего дороже—
Покинуло. (*Уходитъ*).

Тирей.

Насчетъ твоихъ желаній
Что Цезарю скажу? Отчасти ждетъ
Онъ просьбъ твоихъ, желая ихъ исполнить.
Онъ былъ бы радъ, когда бъ себѣ опорой
Ты счастіе его взяла, какъ посохъ.
Но чувства эти подогрѣла бъ вѣсть
О томъ, что ты съ Антоніемъ разсталась
И отдалась подъ власть владыки міра.

Клеопатра.

Какъ звать тебя?

Тирей.

Тиреемъ.

Клеопатра.

Добрый вѣстникъ,
Ты Цезарю великому скажи,
Что чрезъ тебя руки побѣдоносной
Касаюсь я устами, и готова
Я мой вѣнецъ къ ногамъ его сложить
И преклонить у ногъ его колѣни.
Скажи ему: изъ устъ его, которымъ
Покорно все—Египту приговоръ
Я слышала.

Тирей.

Ты лучшій путь избрала.
Въ борьбѣ ума съ судьбой, когда дерзаетъ
Онъ на одно возможное, случайность—
Ему ничто. Дозволь запечатлѣть
Мнѣ на рукѣ твоей дань уваженья.

Клеопатра.

Когда мечталъ онъ царства покорить—
И Цезаря отецъ устами часто
Руки моей касался недостойной,
И поцѣлуи сыпались дождемъ.

Возвращаются Антоній *и* Энобарбъ.

Антоній.

Какъ? Милостью она его даритъ?
Юпитеромъ клянусь, что мечетъ громы!
Кто ты такой?

Тирей.

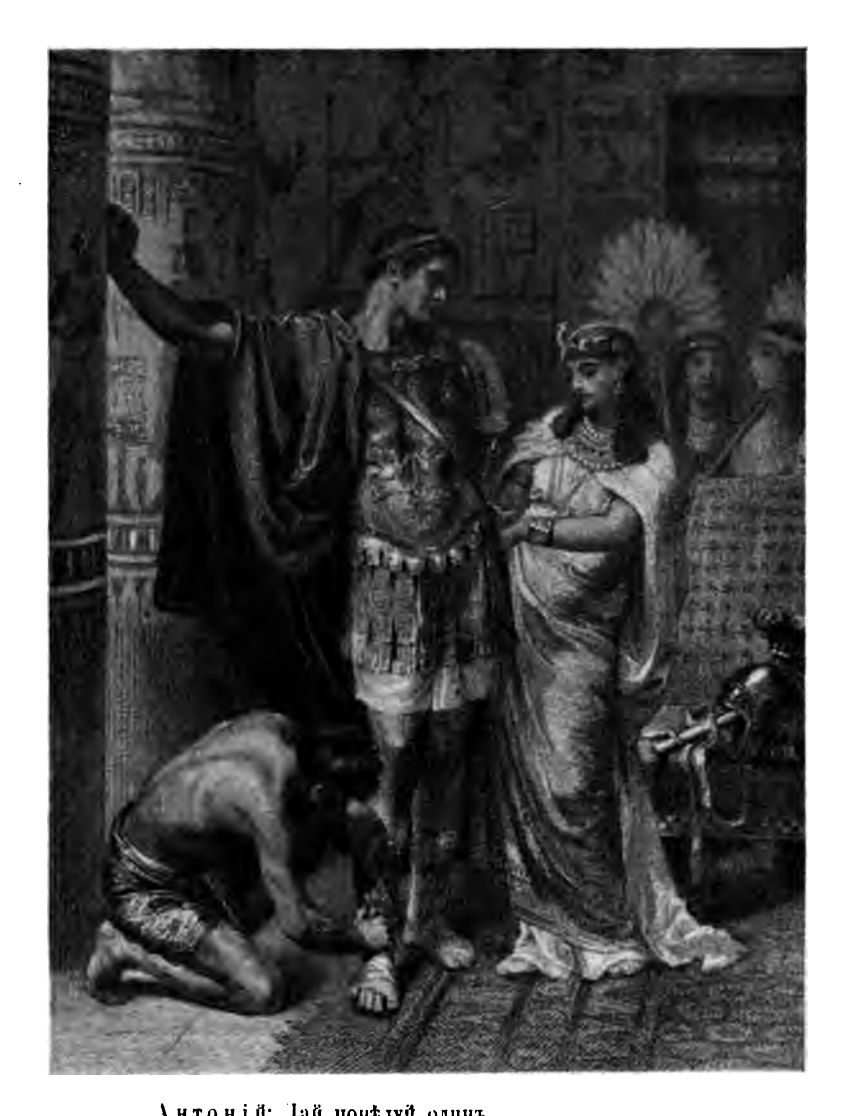
Я—исполнитель воли
Славнѣйшаго изъ смертныхъ и кому
Достойнѣе всего повиноваться.

Энобарбъ (*про себя*).

Отвѣдаешь ты плети!

Антоній.

Эй, ко мнѣ,

Антоній: Дай поцѣлуй одинъ
Онъ будетъ мнѣ за все вознагражденьемъ.

Картина извѣстнаго англійскаго художника Франка Дикси (Frank Dicksee, p. 1853).

Вы, коршуны! Во имя всѣхъ боговъ
Съ чертями, власть моя, какъ видно, таетъ?
Не такъ давно на зовъ мой, какъ мальчишки,
Цари бѣжали съ крикомъ: что прикажешь?
Оглохли вы? Еще Антоній я!

(Появляются прислужники).

Схватить шута и наказать плетьми.

ЭНОБАРБЪ (*про себя*).

Играть удобнѣй съ львенкомъ, чѣмъ со старымъ,
Готовымъ къ смерти львомъ.

АНТОНІЙ.

Луна и звѣзды!
Плетей ему! Будь Цезаревыхъ двадцать
Здѣсь данниковъ и обойдись такъ нагло
Они съ рукою этой... я не знаю,
Какъ звать ее теперь, когда она—
Не Клеопатра болѣе?.. Сѣките,
Пока лицо искрививъ, не запроситъ
Пощады онъ, визжа, какъ мальчуганъ.
Увесть его отсюда.

ТИРЕЙ.

Маркъ Антоній...

АНТОНІЙ.

Убрать его, и послѣ наказанья
Привесть сюда. Рабъ Цезаря съ посольствомъ
Отправится къ нему же.

(Тирея уводятъ). До того
Какъ я узналъ тебя—наполовину
Ты отцвѣла. И въ Римѣ я оставилъ
Затѣмъ ли ложе брачное несмятымъ,

Затѣмъ ли я потомства не имѣю
Отъ женщины—жемчужины всѣхъ женъ,
Чтобъ тварью быть обманутымъ, которой
Угодны и рабы?

КЛЕОПАТРА.
Мой повелитель...

АНТОНІЙ.
Ты вѣчно притворялась, но когда
Въ порокѣ мы—о горе намъ!—коснѣемъ,
То боги, въ ихъ премудрости, глаза
Намъ завязавъ, нашъ разумъ погружаютъ,
Который чистъ—въ грязь собственную нашу,
Вселяютъ въ насъ къ ошибкамъ обожанье,
Смѣясь тому, какъ въ бездну мы идемъ.

КЛЕОПАТРА.
Ужель дошло до этого?

АНТОНІЙ.
Нашелъ я
Тебя кускомъ остывшимъ на тарелкѣ
У Цезаря покойнаго. Была
Объѣдкомъ ты Помпея, не считая
Другихъ, молвѣ народной неизвѣстныхъ—
Кого въ часы желаній сладострастныхъ
Ты подбирала. Я увѣренъ въ томъ,
Что если ты и понимаешь даже,
Что значитъ воздержанье, то его
Не знала ты.

КЛЕОПАТРА.
О, для чего все это?

АНТОНІЙ.
Тому дозволить, кто беретъ подачку
И говоритъ: „Васъ боги да хранятъ",
Какъ равному, съ рукою обращаться—
Съ моей подругой, царственной печатью,
Заложницей великихъ душъ! Зачѣмъ я
Не на холмѣ Базанскомъ, чтобъ оттуда
Перекричать ревущія стада?
Для ярости есть у меня причины;
Быть сдержаннымъ вѣдь значитъ—поступать,
Какъ висѣльникъ съ веревкою на шеѣ,
Благодарящій палача за ловкость.
(Возвращаются прислужники съ Тиреемъ).
Наказанъ онъ?

1-ЫЙ ПРИСЛУЖНИКЪ.
Да, государь, исправно.

АНТОНІЙ.
Кричалъ? Молилъ пощады онъ?

2-ОЙ ПРИСЛУЖНИКЪ.
Молилъ.

АНТОНІЙ.
Когда отецъ твой живъ—пусть онъ жалѣетъ,
Что ты—не дочь, а ты жалѣй о томъ,
Что слѣдовалъ за Цезаревымъ счастьемъ,—
За это былъ наказанъ ты плетьми.
Отнынѣ трепещи, какъ въ лихорадкѣ,
При видѣ бѣлыхъ женскихъ рукъ. Вернись
Ты къ Цезарю—повѣдать о пріемѣ.
Скажи ему, что онъ гнѣвитъ меня;
Презрѣніе ко мнѣ, высокомѣрье
Выказывая нынѣ, позабылъ
Онъ кажется о томъ, чѣмъ былъ я прежде.
Гнѣвить меня легко теперь, когда
Созвѣздія, что мною благосклонно
Руководили—вышли изъ орбитъ,
Огнями бездну ада озаряя.
Когда ему рѣчь и мои поступки
Не нравятся, скажи, что у него
Остался мой отпущенникъ Гиппархъ,
Онъ можетъ сѣчь его, повѣсить, мучить,
Какъ вздумаетъ, чтобъ расквитаться съ нами.
Проси о томъ. Вонъ! Уноси рубцы.
(Тирей уходитъ).

КЛЕОПАТРА.
Ты все сказалъ?

АНТОНІЙ.
Увы, она померкла
Моя луна земная, и одно
Лишь это—мнѣ погибель возвѣщаетъ!

КЛЕОПАТРА.
Я подожду.

АНТОНІЙ.
Чтобъ Цезарю польстить—
Подмигивать готова ты слугѣ,
Что Цезарю застегиваетъ пряжки!

КЛЕОПАТРА.
Какъ? До сихъ поръ не знать меня!

АНТОНІЙ.
Со мною
Не холодна ли ты?

КЛЕОПАТРА.
О, если такъ—
Пусть небеса изъ ледяного сердца
Градъ ниспошлютъ, да будетъ онъ отравленъ
Въ источникѣ своемъ! Съ градинкой первой,
Упавшею мнѣ въ горло—да растаетъ
И жизнь моя! Цезаріонъ второю
Да будетъ умерщвленъ, покуда всѣ
Плоды моей утробы и мои
Египтяне—подъ бурей ледяною
Смерть не найдутъ, когда растаетъ градъ.

И да лежатъ они безъ погребенья,
Покуда мухи съ нильскими червями—
Ихъ не пожрутъ!

Антоній.

Довольно, занялъ Цезарь
Александрію; тамъ съ его звѣздою
Поспорю я. На сушѣ войско наше
Держалось стойко, нашъ разбитый флотъ
Вновь на морѣ грозитъ врагу, собравшись.
Гдѣ было ты, о мужество мое?
Царица, слушай; если съ поля брани
Еще разъ я вернусь—поцѣловать
Твои уста я весь въ крови предстану.
Я и мой мечъ—мы лѣтопись напишемъ.
Надежда есть.

Клеопатра.

Ты снова—мой герой.

Антоній.

Въ себѣ утрою сердце, духъ и мышцы,
Отчаянно я стану биться. Прежде,
Когда текли безпечно дни мои,
И счастливо—случалось осужденнымъ
Жизнь у меня за шутку выкупать.
Теперь же, стиснувъ зубы, стану въ бездну
Всѣхъ посылать, кто всталъ мнѣ на пути.
Еще разъ ночь мы проведемъ въ весельѣ.
Позвать сюда вождей, въ унынье впавшихъ!
Виномъ наполнимъ кубки и еще разъ
Мы надъ полночнымъ звономъ посмѣемся.

Клеопатра.

Сегодня день рожденья моего.
Я пировать не думала, но другъ мой—
Антоній вновь, я буду Клеопатрой.

Антоній.

Мы побѣдимъ еще.

Клеопатра.

Вождей достойныхъ
Къ Антонію зовите.

Антоній.

Да! Хочу я
Держать имъ рѣчь, а въ ночь рубцы ихъ ранъ—
Смочить виномъ. Идемъ, моя царица.
Еще во мнѣ есть силы, и въ бою
Въ себя влюблю я смерть, съ ея косою
Зловѣщею въ усердьи состязаясь.

(Антоній, Клеопатра и прислужники уходятъ).

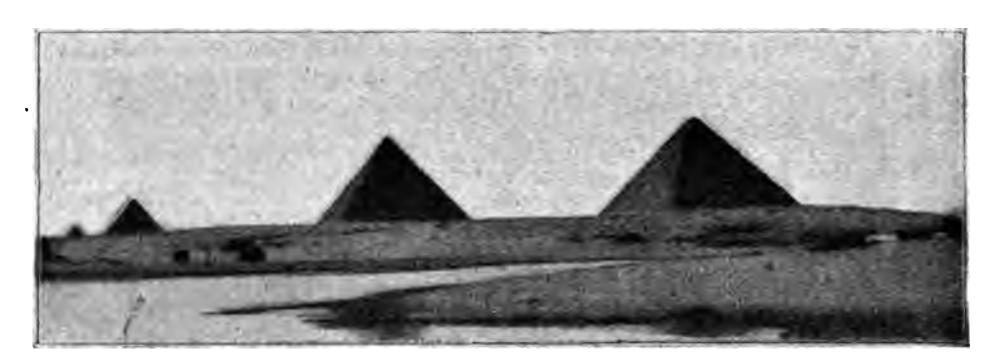
Энобарбъ.

Теперь готовъ онъ молнію спугнуть.
Предъ яростью боязнь бѣжитъ въ испугѣ,
И голубь самъ въ подобномъ состояньи
За ястребомъ погнался бъ. Вижу я,
Что ослабленье мозга повышаетъ
Въ немъ бранный духъ. Когда живетъ отвага
Насчетъ ума—то мечъ свой боевой
Пожретъ она. Подумаю о томъ;
Какъ лучше мнѣ Антонія покинуть.

(Уходитъ).

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ БЕЗДѢЛУШКА.

ОБЩІЙ ВИДЪ ПИРАМИДЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь Цезаря подъ Александріей.

Входитъ Цезарь, *читая письмо*, Агриппа, Меценатъ *и др.*

Цезарь.

Зоветъ меня мальчишкой, угрожаетъ
Какъ-если-бъ въ силахъ былъ меня прогнать
Прочь изъ Египта. Моего посла
Велѣлъ избить, меня же вызываетъ
На поединокъ—съ Цезаремъ Антоній.
Пусть знаетъ забіяка старый: много
Есть къ смерти у меня иныхъ путей.
Смѣюсь надъ этимъ вызовомъ.

Меценатъ.

Ты знаешь,
О, Цезарь: если столь великій духъ
Неистовствомъ объятъ, остановиться
Не въ силахъ онъ, пока не упадетъ.
Ты не давай вздохнуть ему. Безумьемъ
Воспользуйся его. Плохой охраной
Всегда бывала ярость.

Цезарь.

Сообщи
Вождямъ, что мы на завтра назначаемъ
Послѣднюю изъ многихъ битвъ. Довольно
Въ рядахъ у насъ солдатъ, служившихъ прежде
Съ Антоніемъ—они его изловятъ.
Смотри, чтобъ такъ и сдѣлали они.
Да угости войска. Запасовъ хватитъ.
Солдаты нашу щедрость заслужили.
О, бѣдный Маркъ Антоній *(Уходитъ)*.

СЦЕНА II.

Александрія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Антоній, Клеопатра, Энобарбъ, Харміана, Ира, Алексасъ *и другіе.*

Антоній.

Со мной не хочетъ биться онъ, Домицій?

Энобарбъ.

Нѣтъ.

Антоній.

Почему не хочетъ онъ, скажи.

Энобарбъ.

Онъ думаетъ, что будучи разъ двадцать
Счастливѣе тебя, въ бою поставитъ
Онъ двадцать противъ одного.

Антоній.

Съ нимъ завтра
На сушѣ и на морѣ буду биться.
Иль я останусь живъ, иль честь моя,
Омывшись кровью, снова оживетъ.
Ты будешь храбро драться?

Энобарбъ.

Брошусь въ битву
Я съ возгласомъ: „погибни все“.

КЛЕОПАТРА.
Картина Альма Тадемы (Almà Tadema).

Антоній.
Отлично.
Идемъ. Позвать всѣхъ слугъ. Пусть въ эту ночь
Обиленъ будетъ пиръ нашъ.

(Входятъ слуги).
Дай мнѣ руку.
Ты былъ всегда мнѣ вѣренъ. Также ты,
И ты,—и ты,—вы всѣ служили вѣрно,
И вамъ цари товарищами были.

Клеопатра.
(Въ сторону Энобарба). Что значитъ это все?

Энобарбъ *(въ сторону).*
Одна изъ тѣхъ причудъ,
Которыя изъ сердца выжимаютъ
Печаль.

Антоній.
Ты также честенъ былъ. О если-бъ
Я могъ распасться на толпу людей,
Вамъ равную числомъ, а вы бы всѣ
Въ единаго Антонія сплотились,
Я-бъ честно отслужилъ вамъ вашу службу.

Слуга.
Да не допустятъ боги.

Антоній.
Ну, друзья,
Еще разъ въ эту ночь мнѣ послужите.
Мой кубокъ наполняйте, не считая,
Заботьтесь обо мнѣ, какъ въ дни, когда
Всѣ слушались меня и государство
Товарищемъ вамъ было.

Клеопатра *(въ сторону).*
Что онъ вздумалъ?

Энобарбъ *(въ сторону).*
Желаетъ онъ у нихъ исторгнуть слезы.

Антоній.

Еще сегодня мнѣ поугождайте.
Кто знаетъ, не конецъ ли вашей службѣ?
Быть можетъ, больше вамъ меня не видѣть
Иль видѣть изувѣченною тѣнью.
Быть можетъ, завтра будете служить
Другому господину. Я на васъ
Гляжу, какъ передъ вѣчною разлукой.
Я не гоню васъ, честные друзья.
Что до меня, я сжился съ вашей службой,
Хотѣлъ бы васъ до смерти сохранить.
Итакъ, сегодня два часа,
Я больше не прошу. И пусть за все
Вознаградятъ васъ боги.

Энобарбъ.

О, зачѣмъ
Приводишь ихъ въ унынье, повелитель?
Всѣ плачутъ, погляди. И я, оселъ,
Кого лишь лукъ заставить можетъ плакать...
Не посрами. Не превращай насъ въ женщинъ.

Антоній.

Ну, будетъ, будетъ. Унеси меня
Колдунья, если такъ я это думалъ.
Гдѣ дождь такой упалъ, взростетъ добро.
Сердечные друзья, ужъ слишкомъ мрачно
Вы поняли мои слова. Я ими
Желалъ васъ ободрить и эту ночь
Попировать при факелахъ. Узнайте-жъ,
Что свѣтлыя надежды возлагаю
На завтрашній я день. Я васъ веду
Скорѣй къ побѣдѣ, чѣмъ на встрѣчу смерти.
Такъ сядемъ же, друзья, теперь за ужинъ.
Утопимъ размышленіе въ въ винѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Александрія. Передъ дворцомъ.

Входятъ два воина.

1-ый воинъ.

Покойной ночи, братецъ. Завтра будетъ
Денекъ.

2-ой воинъ.

Который все рѣшитъ. Прощай.
Ты ничего по городу не слышалъ?

1-ый воинъ.

Нѣтъ. Развѣ есть что новаго?

2-ой воинъ.

Лишь слухи.

1-ый воинъ.

Прощай. Покойной ночи.

Входятъ два другихъ воина.

2-ой воинъ.

Эй, солдаты,
Смотрите въ оба!

3-ій воинъ.

Также вы. Прощайте.
(Первые два воина занимаютъ посты).

4-ый воинъ.

Мы—тутъ. *(Занимаютъ мѣста).*
Коль завтра флоту повезетъ,
То въ сухопутныхъ я вполнѣ увѣренъ.

3-ій воинъ.

То храбрыя и стойкія войска.
(Подъ сценой слышны звуки гобоевъ).

4-ый воинъ.

Тсс... Что за звуки?

1-ый воинъ.

Тише, тише! Дайте
Послушать.

2-ой воинъ.

Гдѣ-то въ воздухѣ играютъ.

3-ій воинъ.

Нѣтъ, подъ землей.

4-ый воинъ.

Хорошій знакъ, неправда ль?

3-ій воинъ.

О, нѣтъ!...

1-ый воинъ.

Молчи. Что-бъ это означало?

2-ой воинъ.

Богъ Геркулесъ, Антоніемъ любимый,
Уходитъ отъ него.

1-ый воинъ.

Идемъ, узнаемъ,
Всѣ-ль часовые слышали, что мы?
(Направляются къ другому посту).

2-ой воинъ.

Ну, что, друзья?

Воины.

Ну, что? и вы слыхали?

1-ый воинъ.
Не странно-ль это?

3-ій воинъ.
Слышите-ль, друзья?

1-ый воинъ.
Послѣдуемъ за музыкой до самыхъ
Предѣловъ нашей стражи. Прослѣдимъ,
Какъ звуки стихнутъ.

Воины.
Ладно. О, какъ странно!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Александрія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Антоній *и* Клеопатра *въ сопровожденіи* Хармiаны *и др.*

Антоній.
Мои доспѣхи, Эросъ.

Клеопатра.
Ты-бъ уснулъ.

Антоній.
Эй, доспѣхи, Эросъ!
О, нѣтъ, голубка.

Входитъ Эросъ *съ вооруженіемъ.*

Антоній.
Пріятель, облеки меня въ желѣзо.
Коль нынче противъ насъ фортуна будетъ,
То лишь за наше къ ней презрѣнье. Живо!

Клеопатра.
Дай мнѣ помочь тебѣ, мой другъ. На что
Вотъ это?

Антоній.
Ахъ, оставь, прошу! Ты только
Оруженосецъ сердца моего.
Напутала, напутала... Вотъ такъ.

Клеопатра.
Постой. Я помогу. Такъ вѣрно?

Антоній.
Ладно.
Теперь мы справимся. Ступай пріятель.
Вооружись и ты.

Эросъ.
Сейчасъ.

КЛЕОПАТРА ПОМОГАЕТЪ АНТОНІЮ ОДѢТЬ ДОСПѢХИ.

Картина Генри Трешема (Henry Tresham, R. A. 1749—1814).

Клеопатра.
Я развѣ
Невѣрно застегнула?

Антоній.
Дивно, дивно.
Кто разстегнуть посмѣетъ это раньше,
Чѣмъ намъ самимъ угодно будетъ снять
Для отдыха, тотъ встрѣтится съ грозою.
Ты, Эросъ, сплоховалъ. Моя царица
Куда тебя искуснѣе. Скорѣй!
О еслибъ ты, дружокъ, меня сегодня
Въ бою видала, за работой царской,
Сказала-бъ ты, что я работникъ славный.
(*Входитъ вооруженный воинъ*).
Здорово! Съ добрымъ утромъ. Ты, сдается,
Ко мнѣ пришелъ съ военнымъ порученьемъ.
Для дѣла по душѣ встаемъ мы рано,
Спѣшимъ къ нему съ восторгомъ.

Воинъ.
Какъ ни рано,
Но тысячи солдатъ, въ желѣзныхъ латахъ,
Близъ пристани собравшись, ждутъ тебя.

ЕГИПТЯНКА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА.
(Живопись на ящикѣ съ муміей II—III в. послѣ Р. X.).

Крики. Звуки трубъ. Входятъ военачальники *и* воины.

Военачальникъ.
Съ прекраснымъ утромъ. Здравствуй, полководецъ.

Всѣ.
Да здравствуетъ нашъ вождь!

Антоній.
Привѣтъ отрадный!
Проснулось рано нынѣшнее утро,
Какъ геній юноши, кто хочетъ славы.
Вотъ такъ. Подай мнѣ это. Превосходно.
Прощай, царица. Что-бъ меня ни ждало,
Вотъ поцѣлуй солдата.
(Цѣлуетъ ее).
Было-бъ стыдно
Мнѣ медлить здѣсь средь нѣжностей мѣщанскихъ.
Привѣтъ мой въ сталь закованъ, какъ и я.
За мной, кто хочетъ въ битву. Къ ней веду васъ.
Прощай!

(Антоній, Эросъ, военачальники и воины уходятъ).

Харміана.
Не хочешь-ли уйти къ себѣ?

Клеопатра.
Веди меня. Онъ храбро удалился.
О, еслибъ Цезарь не отвергъ съ упорствомъ
Великій споръ рѣшить единоборствомъ!
Тогда Антоній... Но теперь... Идемъ!
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Лагерь Антонія близъ Александріи.

Трубы. Входятъ Антоній *и* Эросъ. *На встрѣчу имъ идетъ* воинъ.

Воинъ.
Пускай даруютъ боги день счастливый
Антонію.

Антоній.
О, если-бъ ты и раны
Твои меня тогда склонили биться
На сушѣ!

Воинъ.
Если-бъ такъ ты поступилъ,
То всѣ цари, отпавшіе и воинъ,
Покинувшій тебя сегодня утромъ,
Теперь въ твоей бы свитѣ находились.

Антоній.
Но кто меня покинулъ утромъ?

Воинъ.
Кто?
Одинъ изъ близкихъ. Кликни Энобарба,
Онъ зова не услышитъ. Иль отвѣтитъ
Изъ стана Цезаря: „не твой я больше“!

Антоній.
Что говоришь?

Воинъ.
Онъ Цезарю предался.

Эросъ.
Оставивъ здѣсь сокровища и вещи.

Антоній.
Онъ вправду перешелъ?

Воинъ.
Сомнѣнья нѣтъ.

Антоній.
Ступай, отправь ему всѣ вещи, Эросъ!
Все до послѣдней нитки. Такъ хочу я.
Пошли ему—я подпишу письмо—
Привѣтъ прощальный съ пожеланьемъ
счастья.
Прибавь, что въ будущемъ ему желаю
Причины не имѣть мѣнять господъ.
О, жребій мой и честныхъ развращаетъ!
Идемъ скорѣе... Энобарбъ!..
(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Лагерь Цезаря близъ Александріи.

Трубы. Входитъ Цезарь, *въ сопровожденіи* Агриппы, Эноварва *и др.*

Цезарь.
Ступай, Агриппа, и начни сраженье.
Хочу, чтобы живымъ былъ взятъ Антоній.
Пусть это знаютъ.

Агриппа.
Повинуюсь, Цезарь.
(Уходитъ).

Цезарь.
Всеобщій миръ ужъ близко. Если этотъ
Несетъ намъ счастье день, три части свѣта
Украсятся оливы мирной вѣткой.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Антоній прибылъ только-что на поле.

Цезарь.
Скажи Агриппѣ, пусть онъ въ первый рядъ
Поставитъ перебѣжчиковъ, чтобъ ярость
Антонія обрушилася противъ
Него-же самого.

(Цезарь и его свита уходятъ).

Энобарвъ.
Алексасъ измѣнилъ.
Онъ посланъ былъ въ Іудею по дѣламъ
Антонія. Тамъ хитростью склонилъ
Онъ Ирода Великаго покинуть
Антонія и Цезарю предаться.
Его за то велѣлъ повѣсить Цезарь.
Канидій и другіе, что отпали,
Пріобрѣли мѣста, но не довѣрье
Почетное. Я дурно поступилъ
И горько такъ виню себя, что счастья
Мнѣ не видать во вѣки.

Приходитъ воинъ *Цезаря.*

ЕГИПТЯНИНЪ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА.

(Живопись на ящикѣ съ муміеи II—III вв. послѣ Р. Х.).

Воинъ.
Энобарбъ,
Тебѣ вослѣдъ Антоній посылаетъ
Сокровища твои и свой привѣтъ.
Посланникъ подъ моей охраной прибылъ.
Онъ разгружаетъ муловъ предъ твоей
Палаткой.

Энобарвъ.
Все дарю тебѣ.

Воинъ.
Ты не шути.
Я правду говорю. Ты проводилъ-бы
Посла изъ лагеря. Спѣшу на постъ,
Не то я самъ его-бы проводилъ.
Вашъ полководецъ продолжаетъ быть
Юпитеромъ.
(Уходитъ).

Энобарвъ.
Я всѣхъ презрѣннѣй въ мірѣ
И всѣхъ сильнѣй то чувствую. Антоній,
Рудникъ великодушія! Какъ щедро
Ты-бъ вѣрность наградилъ, когда измѣну

СЦЕНА X.

Между двумя лагерями.

Входятъ Антоній, Скаръ, *за ними войско.*

Антоній.

Сегодня приготовились они
Къ морскому бою. Знать, мы имъ на сушѣ
Не нравимся.

Скаръ.

На сушѣ и на морѣ.

Антоній.

Пускай въ огнѣ, на воздухѣ дерутся.
И тамъ мы встрѣтимъ ихъ. Однако, къ дѣлу.
Пѣхота остается на холмахъ
Вкругъ города. Приказъ ужъ отданъ флоту,
И онъ покинулъ гавань. Мы оттуда
Его передвиженья будемъ видѣть.
(Уходятъ).

Входитъ Цезарь, *за нимъ войско.*

Цезарь.

Коль онъ не нападетъ, мы неподвижно
Останемся на душѣ. Такъ, надѣюсь,
И будетъ, оттого что на галеры
Послалъ онъ войска цвѣтъ. Займемъ равнину,—
И сохранимъ всѣ выгоды свои. *(Уходитъ).*

Возвращаются Антоній *и* Скаръ.

Антоній.

Еще не сшиблись. Съ мѣста, гдѣ сосна,
Я все увижу. Вскорѣ возвращусь
И сообщу о ходѣ битвы. *(Уходитъ).*

Скаръ.

Въ парусахъ
Царицы свиты ласточками гнѣзда.
Авгуры говорятъ, что ничего
Не знаютъ, смотрятъ мрачно, не дерзая
Сказать того, что вѣдаютъ. Антоній
То духомъ бодръ, то снова угнетенъ.
Надтреснутое счастье въ перемежку
Его волнуетъ страхомъ и надеждой
За то, что есть, за то, чего ужъ нѣтъ.
(Отдаленный шумъ морской битвы).

Возвращается Антоній.

Антоній.

Все, все погибло! Преданъ я безчестной
Египтянкой! Мой флотъ врагу отдался.
Они кидаютъ шапки вверхъ, пьютъ вмѣстѣ,
Какъ долго разлученные друзья.
О, трижды вѣроломная блудница,
Тобой я преданъ этому мальчишкѣ,
И сердце лишь съ тобой одной воюетъ.
Скажи, чтобъ всѣ бѣжали. Чародѣйкѣ
Лишь отомщу—тогда всему конецъ!
Пусть всѣ бѣгутъ. Ступай.
(Скаръ уходитъ).
О, солнце! Больше
Я не вижу твоего восхода.
Антоній и Фортуна разстаются,
И здѣсь, прощаясь жмутъ другъ другу руки.
Вотъ до чего дошло. Кто лишь вчера
Какъ собаченка бѣгая за мной,
Вымаливалъ подачекъ,—тѣ сегодня,
Растаявъ лестью сладкою покорно
Вкругъ Цезаря расцвѣтшаго сошлись.
А та сосна, что всѣмъ имъ тѣнь давала,
Ободранной стоитъ. Обманутъ я!
О, лживая душа Египта! Злая
Волшебница, которой взглядъ единый
То въ битву посылалъ мои войска,
То призывалъ ихъ вспять,—которой грудь
Короной мнѣ была и цѣлью высшей!
Какъ истая цыганка, ты фальшивой
Игрой мое опустошила сердце.
Эй, Эросъ! Эросъ.

Входитъ Клеопатра.

Прочь, исчадье зла!

Клеопатра.

Зачѣмъ мой повелитель на свою
Любовь разгнѣванъ?

Антоній.

Прочь! Иль по заслугамъ
Воздамъ тебѣ и Цезаря тріумфъ
Испорчу! Пусть онъ выставитъ тебя
Ликующимъ плебеямъ на потѣху,
Пусть повлечетъ тебя за колесницей,—
Какъ худшее пятно природы женской.
Пускай тебя показываютъ всѣмъ
За мелкую монету, какъ урода.
Пусть кроткая Октавія тебѣ,
Лицо избороздитъ ногтями!
(Клеопатра уходитъ).
И хорошо, что ты ушла, коль жизнь
Мила тебѣ, хоть лучше-бъ отъ моей
Ты ярости погибла: эта смерть
Отъ тысячи смертей тебя спасла бы.
Эй, Эросъ!... Вотъ на мнѣ рубашка Несса.
Алкидъ, мой предокъ! Научи меня
Ты гнѣву своему. О, дай мнѣ силу
Забросить на рога луны Лихаса!
И этими руками, что владѣли
Тягчайшей палицей, дай истребить мнѣ
Свое же доблестное я. Колдунья

Умретъ! Она лукаво предала
Меня мальчишкѣ римскому, и гибну
Я отъ ея предательства. За это
Она умретъ! Эй, Эросъ!
(Уходитъ).

СЦЕНА XI.

Александрія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира *и* Мардіанъ.

Клеопатра.

Ко мнѣ на помощь, милыя мои.
Бѣснуется онъ больше, чѣмъ Аяксъ
Изъ-за щита Ахилла. Ѳессалійскій
Не такъ былъ страшенъ вепрь.

Харміана.

Скорѣй къ гробницѣ!
Запрись внутри, ему-жъ пошли сказать,
Что ты сама покончила съ собою.
Не такъ страшна разлука духа съ тѣломъ,
Какъ разставаніе съ величьемъ.

Клеопатра.

Да, къ гробницѣ!
Ты, Мардіанъ, пойди къ нему, скажи
Что я себя убила. Передай,
Что мой послѣдній возгласъ былъ: „Антоній“;
Изобрази все это погрустнѣе.
Спѣши, о Мардіанъ! Потомъ разскажешь,
Какъ принялъ вѣсть о смерти онъ моей.
Къ гробницѣ!
(Уходятъ).

СЦЕНА XII.

Александрія. Во дворцѣ Антонія.

Входятъ Антоній *и* Эросъ.

Антоній.

Еще меня ты видишь, Эросъ?

Эросъ.

Да,
Мой господинъ.

Антоній.

Порой мы видимъ тучу,
Подобную дракону, клубы пара,
Похожіе на льва иль на медвѣдя,
На крѣпость съ башнями, утесъ нависшій,
На кряжъ зубчатыхъ горъ, на синій лѣсъ,
Съ деревьями, кивающими міру,
И взоръ нашъ обольщенъ воздушной ложью,
Ты видѣлъ эти образы—красу
Темнѣющаго вечера?

Эросъ.

Да, видѣлъ.

Антоній.

Что кажется конемъ, быстрѣе мысли
Вдругъ таетъ, становясь неразличимымъ,
Какъ средь воды вода.

Эросъ.

Да, такъ бываетъ.

Антоній.

Такой-же призракъ, о мой вѣрный Эросъ,
Теперь твой вождь: пока еще Антоній,
Но ужъ безсильный удержать свой образъ
Войну я для египтянки затѣялъ.
Царица-же, чьимъ сердцемъ, мнѣ казалось,
Владѣлъ я, какъ она моимъ владѣла
(О, будь оно свободно, удержалъ-бы,
Я милліонъ сердецъ, теперь отпавшихъ),—
Она подтасовала карты, Эросъ,
Для Цезаря, и проиграла славу
Мою, чтобъ торжество врагу доставить.
Не плачь, мой Эросъ! У меня остался
Еще я самъ, чтобы съ собой покончить.

Входитъ Мардіанъ.

Проклятіе твоей царицѣ подлой!
Она мой мечъ украла.

Мардіанъ.

Нѣтъ, Антоній,
Она тебя любила, и всецѣло
Ея судьба съ твоей переплелась.

Антоній.

Прочь, гнусный евнухъ! Замолчи! Она
Мнѣ измѣнила и за то умретъ.

Мардіанъ.

Одинъ лишь разъ мы платимъ долгъ свой смерти.
Она ужъ заплатила этотъ долгъ.
Что хочешь совершить, ужъ свершено.
Ея послѣдній возгласъ былъ: „Антоній!
Антоній доблестный!“ Но зовъ „Антоній“
Былъ прерванъ посрединѣ воплемъ тяжкимъ
И замеръ на устахъ ея и въ сердцѣ.
Царица испустила духъ, въ немъ имя
Твое похоронивъ.

Антоній.

Такъ умерла?

Мардіанъ.

Да, умерла.

Антоній.

Снимай доспѣхи, Эросъ!
Оконченъ трудъ медлительнаго дня,
Пора уснуть!—*(Къ Мардіану).* Ступай. Ты цѣлъ уходишь:
То щедрый даръ за трудъ твой.

(Мардіанъ уходитъ).

Все долой!
Не могъ-бы семипластный щитъ Аякса
Отвесть ударъ отъ сердца моего!
Разверзнись, грудь! Ты, сердце, будь сильнѣе
Чѣмъ эта клѣтка бренная твоя.
Разрушь ее. Скорѣй, скорѣе, Эросъ.
Я болѣе не воинъ! Прочь, обломки
Моихъ доспѣховъ! Я носилъ васъ съ честью.
Теперь меня оставь здѣсь на мгновенье.

(Эросъ уходитъ).

Я догоню тебя, о Клеопатра,
И выплачу прощеніе себѣ!
Да будетъ такъ. Теперь отсрочка смерти
Была-бы пыткой. Факелъ твой потушенъ,
Такъ лягъ и не броди въ потьмахъ. Теперь
Старанья всѣ собой-же упразднятся
И сила ополчится на себя.
Клади печать—и кончено.—Эй, Эросъ!
Иду, царица!—Эросъ!—Жди меня.
Туда, гдѣ души на цвѣтахъ почіютъ,
Пойдемъ рука съ рукой, и видъ нашъ бодрый
Всѣхъ духовъ поразитъ. Эней съ Дидоной
Лишатся провожатыхъ, и всѣ тѣни
Послѣдуютъ за нами.—Эросъ!

Входитъ Эросъ.

Эросъ.

Что скажетъ повелитель мой?

Антоній.

Съ тѣхъ поръ,
Какъ Клеопатра умерла, живу я
Въ безчестіи такомъ, что низость эту
Презрѣли боги. Я, кто цѣлый міръ
Крошилъ мечемъ и на спинѣ зеленой
Нептуна строилъ города судовъ,—
Я осуждаю самъ себя за то,
Что женщинѣ въ отвагѣ уступаю.
Я благородствомъ бѣденъ передъ нею,
Своею смертью Цезарю сказавшей:
„Да, я побѣждена, но лишь собой".
Ты, Эросъ, мнѣ клялся, что въ день нужды
(А онъ насталъ),—въ тотъ день, когда увижу,
Что гонятся за мной позоръ и ужасъ,—
Ты, если прикажу, меня убьешь.
Что-жъ, дѣйствуй. Часъ тотъ пробилъ. Не меня
Ты поразишь, но Цезаря ограбишь.
Верни румянецъ на свое лицо!

Эросъ.

Пусть боги отстранятъ такое дѣло
Отъ рукъ моихъ! Какъ совершу, любя,
Чего свершить, враждуя, не могли
Парѳянскія всѣ стрѣлы?

Антоній.

А хотѣлъ-бы, Эросъ,
Ты у окна стоять въ великомъ Римѣ
И видѣть господина своего,
Идущаго съ скрещенными руками,
Съ поникшею, привыкшей гнуться шеей,
Съ стыдомъ, глубоко въѣвшимся въ лицо,—
И колесницу Цезаря счастливца,
Твердящую о низости того,
Кто слѣдуетъ за ней?

Эросъ.

Нѣтъ, не желалъ-бы
Я это видѣть.

Антоній.

Такъ скорѣй дерзай!
Я исцѣленъ могу быть только раной.
Вынь честный мечъ, отчизнѣ послужившій.

Эросъ.

О, пощади!

Антоній.

Когда я отпускалъ
Тебя на волю, не далъ-ли ты клятву
По моему приказу это сдѣлать?
Исполни, иль твою былую службу
Случайностью безсмысленной сочту.
Вынь мечъ свой и приблизься.

Эросъ.

Отведи
Отъ глазъ моихъ свой образъ благородный:
На немъ сіяетъ все величье міра.

Антоній.

Скорѣй!

Эросъ.

Я вынулъ мечъ.

Антоній.

Такъ пусть свершаетъ
То, для чего онъ вынутъ.

Эросъ.

Дорогой
Мой господинъ, мой вождь, мой повелитель!
Предъ тѣмъ, какъ нанести ударъ кровавый,
Позволь сказать: прости!

Антоній.

Ты ужъ сказалъ.
Прости и ты.

Эросъ.

Прости, великій вождь.
Теперь разить?

Антоній.

Да, Эросъ.

Эросъ.

Ну, такъ вотъ!
(Падаетъ на свой мечъ).
Избавленъ я отъ горя видѣть смерть
Антонія.
(Умираетъ).

Антоній.

О, доблестный мой Эросъ,
О, трижды благороднѣйшій, чѣмъ я.
Ты показалъ мнѣ то, что самъ я долженъ
Свершить и что свершить ты не былъ въ силахъ.
Примѣромъ храбрымъ Эросъ и царица
Открыли мнѣ, что значитъ благородство.
Теперь на смерть гляжу я, какъ женихъ,
Бѣгу къ ней, какъ къ возлюбленной на ложе.
Твой повелитель, Эросъ, умираетъ
Твоимъ ученикомъ. И вотъ чему
Ты научилъ меня.
(Падаетъ на свой мечъ).

Какъ, живъ еще? Не умеръ!
Эй, стража. Вы прикончите меня!

Входятъ Дерцетъ *со* стражей.

1-ый стражникъ.

Что здѣсь за шумъ?

Антоній.

Друзья, исполнилъ плохо
Я долгъ свой. Вы свершите, что я началъ.

2-ой стражникъ.

Звѣзда скатилась.

1-ый стражникъ.

Нашимъ временемъ
Насталъ конецъ.

Всѣ.

О, горе, горе, горе!

Антоній.

Кому я дорогъ, тотъ меня прикончитъ.

1-ый стражникъ.

Не я.

2-ой стражникъ.

Не я.

3-ій стражникъ.

Никто изъ насъ.
(Стража уходитъ).

Дерцетъ.

Твоя
Кончина и судьба велятъ бѣжать
Сторонникамъ твоимъ. Вотъ этотъ мечъ
Съ извѣстьемъ о случившемся помогутъ
Мнѣ въ милость къ Цезарю войти.

Входитъ Діомедъ.

Діомедъ.

Гдѣ Маркъ Антоній?

Дерцетъ.

Вонъ тамъ.

Діомедъ.

Онъ живъ? Но ты не отвѣчаешь.
(Дерцетъ уходитъ).

Антоній.

Ты-ль, Діомедъ? Вынь мечъ и помоги
Мнѣ умереть.

Діомедъ.

Къ тебѣ, о вождь, я посланъ
Царицей Клеопатрою.

Антоній.

Когда
Ты посланъ ей?

Діомедъ.

Недавно.

Антоній.

Гдѣ она?

Діомедъ.

Въ гробницѣ заперлась. Она полна
Пророческаго страха бѣдъ грядущихъ;
Увидѣвъ, что ее ты заподозрилъ
Въ сношеньяхъ съ Цезаремъ (сношеньяхъ мнимыхъ),
И что твой гнѣвъ неукротимъ, царица
За мертвую себя рѣшилась выдать,
Но, убоясь послѣдствій этой вѣсти,
Мнѣ поручила правду всю повѣдать.
Боюсь, что слишкомъ поздно я пришелъ.

Антоній.

Да, слишкомъ поздно, Діомедъ добрѣйшій.
Гдѣ стража? Позови ее, прошу.

Діомедъ.
Эй, стража! Полководецъ васъ зоветъ.

Входитъ стража.

Антоній.
Туда меня, друзья мои, снесите,
Гдѣ скрылась Клеопатра. Нынче вы
Послѣднюю сослужите мнѣ службу.

1-ый стражникъ.
О, горе намъ, что ты не пережилъ
Послѣдняго изъ вѣрныхъ слугъ твоихъ.

Всѣ.
О, тяжкій день!

Антоній.
Нѣтъ, добрые друзья,
Не тѣшьте злобный рокъ своей печалью,
Того радушно примемъ, кто пришелъ
Насъ покарать. И сами покараемъ
Его своей безпечностью. Возьмите
Меня на руки. Часто васъ я велъ,
Теперь меня, друзья мои, несите.
И всѣ мою примите благодарность.
(Стража уноситъ Антонія).

СЦЕНА XIII.

Александрія. Могильный памятникъ.

Наверху появляются Клеопатра, Харміана *и* Ира.

Клеопатра.
О, Харміана, никогда отсюда
Не выйти мнѣ.

Харміана.
Утѣшься, о царица.

Клеопатра.
Нѣтъ, не хочу. Пускай ко мнѣ приходятъ
Всѣ ужасы, но лишь не утѣшенье.
Пусть соразмѣрна будетъ наша скорбь
Съ причиной, породившею ее.
И столь-же велика.

Клеопатра.
(Внизу появляется Діомедъ).
Скажи, онъ умеръ?

Діомедъ.
Смерть носится надъ нимъ, но онъ не умеръ.
Взгляни туда, въ ту сторону. Вонъ стража
Несетъ его сюда.
(Внизу появляется стража, несущая Антонія).

Клеопатра.
Сожги, о солнце,
Обширный кругъ, который ты обходишь!
Пусть въ systemd мракѣ цѣпенѣетъ пестрый міръ!
Антоній! О, Антоній! О, Антоній!
Друзья, на помощь! Харміана, Ира!
Его поднять всѣ помогите.

Антоній.
Тише.
Не мощью Цезаря сраженъ Антоній,
Но самъ себя Антоній сокрушилъ.

Клеопатра.
Такъ должно было ждать. Одинъ Антоній
Могъ побѣдить Антонія. Но горе,
Что это все случилось.

Антоній.
Умираю,
Египтянка, но задержалъ я смерть,
Чтобъ на устахъ твоихъ запечатлѣть
Изъ многихъ тысячъ поцѣлуевъ жалкій,
Послѣдній поцѣлуй.

Клеопатра.
Не смѣю, милый,
О, дорогой, прости, сойти не смѣю,
Чтобъ не попасться въ плѣнъ.. Нѣтъ, никогда
Тріумфъ блестящій Цезаря счастливца
Не будетъ мной украшенъ. Но покуда
Есть жало у змѣи, у яда—сила,
И у кинжала остріе,—я спасена.
Октавія, жена твоя, съ ея
Смиреннымъ взоромъ, сдержанностью тихой,
Не доживетъ до чести мною править.
Ко мнѣ, ко мнѣ, Антоній! Помогите,
О женщины, сюда его поднять.
На помощь всѣ!

Антоній.
Скорѣй, иль я умру.

Клеопатра.
Вотъ такъ занятье! Какъ тяжелъ мой другъ!
Мы всѣ отъ тяжкой скорби ослабѣли,
Вотъ тяжести причина. Обладай
Я властію Юноны, самъ Меркурій
Могучекрылый поднялъ-бы тебя,
Съ Юпитеромъ-бы рядомъ посадилъ.
Еще ко мнѣ!... Всегда желанья были
Безумны. Ну, еще, еще!
(Втаскиваетъ Антонія къ себѣ).
Добро
Пожаловать. Умри, гдѣ жилъ донынѣ,
Баюкаемъ лобзаньями. О, если-бъ
Въ моихъ устахъ скрывалась сила жизни,
Теперь я-бъ истощила эту силу.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ.
(Судъ надъ усопшими въ подземномъ царствѣ; изъ рукописи «Книги о Мертвыхъ», находящейся въ Британскомъ музеѣ).

Всѣ.
О, зрѣлище печали!

Антоній.
Умираю,
Египтянка. Дай мнѣ глотокъ вина,
Чтобъ могъ я говорить.

Клеопатра.
Я говорить хочу.
Я приживалку лживую Фортуну
Хочу бранить такъ громко, что со злости
Она свое сломаетъ колесо.

Антоній.
Одно лишь слово, милая царица.
Ищи у Цезаря спасенья жизни
И чести. О!..

Клеопатра.
Онѣ несовмѣстимы.

Антоній.
Послушай, милый другъ, лишь Прокулею
Изъ приближенныхъ Цезаря довѣрься.

Клеопатра.
Я вѣрю лишь рѣшимости своей
И твердости руки, но никому
Изъ приближенныхъ Цезаря не вѣрю.

Антоній.
Не плачь о перемѣнахъ злополучной
Моей судьбы теперь. Питай свой духъ
Воспоминаньемъ о величьи прошломъ,
Когда я былъ вождемъ сильнѣйшимъ въ мірѣ,
А также благороднѣйшимъ.. И нынѣ
Я умираю, не какъ трусъ презрѣнный,
Но шлемъ передъ своими-же снимаю.
Я римлянинъ, и римляниномъ честно
Былъ побѣжденъ. Но духъ мой отлетаетъ.
Я не могу...

Клеопатра.
Ты хочешь умереть,
О, лучшій изъ людей! Иль обо мнѣ
Ты вовсе позабылъ? Ужель должна я
Одна остаться въ этомъ грустномъ мірѣ,
Который безъ тебя не лучше хлѣва?
О, женщины, глядите!

(Антоній умираетъ).

Вотъ растаялъ
Вѣнецъ земли. Мой властелинъ любимый!
Упало знамя воина, поблекъ
Побѣдный лавръ войны. Теперь сравнялись
Съ мужчинами мальчишки и дѣвчонки.
Нѣтъ лучшихъ! Не осталось ничего
Достойнаго вниманья подъ луною.

Хармiана.
Царица, успокойся.

Ира.
И она

Съ нимъ умерла.

ХАРМІАНА.

Царица!

ИРА.

Госпожа!

ХАРМІАНА.

О, государыня!

ИРА.

Владычица Египта!

ХАРМІАНА.

О, тише, Ира!

КЛЕОПАТРА.

Я теперь не больше,
Какъ женщина, покорна тѣмъ же жалкимъ
Страстямъ, какъ и коровница простая.
Хотѣлось-бы мнѣ бросить скипетръ свой
Въ лицо богамъ завистливымъ и крикнуть:
„Нашъ міръ былъ равенъ вашему, покуда
Жемчужины вы нашей не украли".
Теперь-же все ничто. Терпѣнье—глупость,
А нетерпѣніе—порокъ, приличный
Лишь бѣшеной собакѣ. Неужели-жъ
Грѣшно не ожидать прихода смерти,
А къ ней нагрянуть въ тайную обитель?
Что съ вами, милыя? Вы ободритесь!
Ну, полно, Харміана! Дорогія!
О, женщины, глядите: нашъ свѣтильникъ
Угасъ.

(Стражѣ, остававшейся внизу).

А вы, друзья, не унывайте.
Его мы похоронимъ, а потомъ
Все доблестно свершимъ и благородно,
Какъ намъ велитъ обычай славный Рима.
И возгордится смерть, насъ принимая.
Идемъ. Ужъ охладѣла оболочка
Души великой. Женщины, идемте.
Друзей, теперь могущихъ быть опорой,
Найдемъ въ рѣшимости да въ смерти скорой.

(Уходятъ, унося тѣло Антонія).

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКІЙ СФИНКСЪ.

(Съ чертами царицы Гатчепсавиты; XVI вѣкъ до Р. Х.).

ОДНА ИЗЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ЕГИПЕТСКИХЪ ПИРАМИДЪ.
(Близъ Саккары).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь Цезаря подъ Александріей.

Входятъ Цезарь, Агриппа, Долабелла, Меценатъ, Галль, Прокулей *и другіе.*

Цезарь.
Ступай къ нему и требуй, чтобъ онъ сдался.
Скажи ему, что въ этомъ положеньи
Онъ всякою дальнѣйшей проволочкой
Лишь надъ самимъ собою надсмѣется.

Долабелла.
Исполню все. (*Уходитъ*).

Входитъ Дерцетъ *съ обнаженнымъ мечемъ Антонія.*

Цезарь.
Что это значитъ? Кто ты,
Дерзнувшій такъ явиться передъ нами?

Дерцетъ.
Меня зовутъ Дерцетомъ. Я служилъ
Антонію, какъ лучшему владыкѣ
Слуга вѣрнѣйшій. Былъ ему я преданъ,
Пока онъ жилъ и могъ повелѣвать.
Въ борьбѣ съ его врагами не щадилъ
Я дней своихъ. А нынѣ, коль желаешь,
Тебѣ служить я стану, какъ ему,
А не желаешь—жизнь мою возьми.

Цезарь.
Что хочешь ты сказать?

Дерцетъ.
Я говорю, о Цезарь:
Антоній умеръ.

Цезарь.
Вѣсть о столь великомъ
Событіи не такъ-бы прозвучала.
Земля, дрожа кругомъ, загнала-бъ львовъ
На улицы, а горожанъ—въ пустыни.
Со смертію Антонія скончался
Не онъ одинъ, но въ имени его
Заключено полъ-міра.

Дерцетъ.
Умеръ онъ,
Убитый не слугою правосудья
И не ножемъ наемнымъ. Та рука,
Что начертала собственную славу
Дѣяньями своими, вдохновившись
Безстрашнымъ сердцемъ, въ сердце мечъ вонзила.
Въ этотъ мечъ. Онъ извлеченъ изъ раны
И кровью благородной обагренъ.

Цезарь.
Друзья, вы опечалены? Пусть боги
Меня накажутъ, если эта вѣсть
Не въ силахъ и царей заставить плакать.

Агриппа.
Какъ странно, что природа намъ велитъ
Встрѣчать слезами то, чего такъ страстно
Желали мы.

Меценатъ.
Достоинства его
Велики были, какъ его пороки.

Агриппа.
Возвышеннѣе духъ не управлялъ

Никѣмъ изъ смертныхъ. Только вы, о боги,
Пороками насъ надѣлили, въ память
Того, что мы лишь люди. Цезарь тронутъ.

Меценатъ.

Въ такомъ великомъ зеркалѣ не можетъ
Онъ не увидѣть самого себя.

Цезарь.

Антоній!
До этой смерти я тебя довелъ!
Но рѣжемъ-же мы собственное тѣло
Въ болѣзни. Долженъ былъ одинъ изъ насъ
Быть зрителемъ паденія другого,
Для насъ двоихъ былъ слишкомъ тѣсенъ міръ.
За то теперь хочу я громко плакать
Завѣтными, какъ сердца кровь, слезами
Объ участи твоей, мой братъ, мой другъ
По замысламъ высокимъ, мой союзникъ
По власти, мой товарищъ по оружью.
О, вѣрная рука моя, о сердце,
Въ которомъ разгоралась мысль моя,
О томъ я плачу, что созвѣздья наши
Разъединили такъ непримиримо
Союзъ нашъ тѣсный.—Слушайте, друзья...

(Входитъ вѣстникъ).

Но разскажу о томъ въ другое время.
У человѣка этого въ глазахъ
Написано, что онъ явился съ вѣстью.
Послушаемъ, что скажетъ.—Ты откуда?

Вѣстникъ.

Я бѣдный лишь египтянинъ. Царица,
Владычица моя, въ своемъ послѣднемъ
Владѣньи запершись—въ своей гробницѣ,—
Желаетъ знать намѣренья твои,
Чтобъ къ долѣ приготовиться заранѣ
Которая ей предстоитъ.

Цезарь.

Пусть духомъ
Не падаетъ. Она узнаетъ вскорѣ
Черезъ одного изъ нашихъ приближенныхъ,
Какъ для нея почетно и какъ мягко
Рѣшенье наше. Цезарь быть не можетъ
Жестокосердъ, покуда живъ.

Вѣстникъ.

Пусть боги
Тебя хранятъ. *(Уходитъ).*

Цезарь.

Ступай къ ней, Прокулей,
Скажи, мы не хотимъ ее унизить
Утѣшь ее въ отчаяніи страстномъ,
Смотри, чтобъ насъ самоубійствомъ гордымъ
Она не побѣдила. Пребыванье
Царицы въ Римѣ было-бъ для меня
Тріумфомъ вѣчнымъ. Такъ ступай и быстро
Вернись, чтобъ сообщить ея отвѣтъ
И то, какой найдешь ее.

Прокулей.

Спѣшу,
О Цезарь! *(Уходитъ).*

Цезарь.

Галлъ! Ступай и ты. *(Галлъ уходитъ).*
Гдѣ Долабелла?
Онъ шелъ-бы съ Прокулеемъ.

Агриппа и Меценатъ.

Долабелла!

Цезарь.

Нѣтъ, не зовите. Вспомнилъ я, что самъ
Послалъ его, но онъ вернется вскорѣ.
Пойдемте въ мой шатеръ. Тамъ убѣдитесь,
Какъ неохотно началъ я войну,
Какъ въ письмахъ былъ миролюбиво-сдержанъ.
Идемъ. Я покажу вамъ все, что можно.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Александрія. Могильный памятникъ.

Входятъ Клеопатра, Харміана *и* Ира.

Клеопатра.

Отчаянье мнѣ силы придаетъ
Для лучшей жизни. Что такое Кесарь?
Не будучи Фортуной, онъ лишь рабъ
Фортуны, прихотей ея свершитель.
Величье лишь въ одномъ: исполнить то,
Что всѣмъ другимъ дѣламъ конецъ положитъ,
Случайности скуетъ, превратность свяжетъ,
Въ сонъ погрузитъ и вкусъ притупитъ къ грязи,
Что нищаго и Кесаря питаетъ.

Входятъ Прокулей *и* Галлъ; *за ними воины.*

Прокулей.

Египетской царицѣ Цезарь шлетъ
Привѣтъ и предлагаетъ ей обдумать,
О чемъ она намѣрена просить.

Клеопатра.

Зовешься какъ?

Прокулей.

Мнѣ имя—Прокулей.

АВГУСТЪ—ИМПЕРАТОРЪ.

(*Античная статуя, найденная въ 1863 г. въ виллѣ Ливіи подъ Римомъ; теперь въ Ватиканѣ*).

КЛЕОПАТРА.

Антоній говорилъ мнѣ о тебѣ,
Совѣтовалъ тебѣ лишь довѣряться,
Но мнѣ обманъ не страшенъ съ той поры,
Какъ я въ довѣрьи больше не нуждаюсь.
Коль господинъ твой хочетъ, чтобъ царица
Просила подаянья у него,
Скажи, что я, изъ одного приличья,
Могу просить лишь царство. Коль желаетъ
Онъ мнѣ отдать для сына моего
Египетъ завоеванный, за даръ
Моихъ владѣній собственныхъ согласна
Я преклонить колѣна передъ нимъ.

ПРОКУЛЕЙ.

Не унывай. Ты въ царственныя руки
Кладешь свой рокъ. Не бойся ничего.
Вполнѣ довѣрься моему владыкѣ,
Онъ милостивъ и милость изливаетъ
На всѣхъ, кто въ ней нуждается. Позволь

Ему о добровольномъ подчиненьи
Твоемъ донесть, и ты въ немъ обрѣтешь
Такого побѣдителя, который
Изъ дружбы самъ тебѣ предложитъ все,
О чемъ его ты просишь на колѣняхъ.

КЛЕОПАТРА.

Прошу, скажи ему, что я раба
Его судьбы, что признаю величье,
Которое онъ самъ завоевалъ.
Что упражняюсь каждый часъ въ наукѣ
Покорности, что съ радостью предстану
Передъ его лицо.

ПРОКУЛЕЙ.

Все передамъ, царица.
Ты можешь быть покойна, ибо знаю:
Онъ сострадаетъ твоему несчастью,
Хотя и самъ причиною его.

ГАЛЛЪ.

Взгляни: теперь легко ей овладѣть.

(*Прокулей съ двумя воинами проникаетъ по лѣстницѣ въ мавзолей и становится позади Клеопатры. Другіе воины, сломавъ засовы, отворяютъ двери*).

Вы до прибытья Цезаря ее
Здѣсь вмѣстѣ стерегите.
(*Уходитъ*).

ИРА.

О, царица!

ХАРМІАНА.

О, Клеопатра! Ты въ плѣну, царица!

КЛЕОПАТРА (*вынимая кинжалъ*).

Скорѣй, о, руки вѣрныя, на помощь!

ПРОКУЛЕЙ.

Остановись, царица!
(*Обезоруживаетъ ее*).
Пожалѣй
Сама себя! Повѣрь: тебя спасаю,
Не предаю!

КЛЕОПАТРА.

Какъ! Лишена я смерти,
Въ которой не отказываемъ псамъ,
Чтобъ ихъ спасти отъ мукъ!

ПРОКУЛЕЙ.

О, Клеопатра,
Не злоупотребляй ты добротою
Владыки моего, не покушайся
На жизнь свою. Позволь предъ цѣлымъ свѣтомъ
Ему явить свое великодушье.
Твоя-же смерть была-бъ тому помѣхой.

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ ты, о смерть?
Приди, приди, приди!
Возьми царицу, стоющую сотни
Дѣтей и нищихъ!

ПРОКУЛЕЙ.

Успокойся сердцемъ!

КЛЕОПАТРА.

Другъ, я не буду ѣсть, не буду пить,
И—чтобъ сказать все сразу—спать не буду.
Я оболочку смертную свою
Разрушу, что бы Цезарь ни задумалъ.
Знай, другъ, что не хочу стоять въ оковахъ
Въ дворцѣ владыки твоего, ни ждать,
Чтобъ глупая Октавія меня
Своимъ смиреннымъ взоромъ бичевала;
Я не хочу быть поднятой на воздухъ
Предъ черню злословящаго Рима.
Пусть лучше яма первая въ Египтѣ
Могилою мнѣ будетъ. Въ тину Нила
Меня пусть лучше бросятъ обнаженной,
Чтобъ водяныя мухи искусали
И превратили въ чудище меня.
Пускай одна изъ пирамидъ высокихъ
Моей страны мнѣ висѣлицей станетъ,
И пусть меня повѣсятъ на цѣпяхъ!

ПРОКУЛЕЙ.

Сама даешь просторъ зловѣщимъ мыслямъ,
Въ нихъ Цезарь неповиненъ.

Входитъ ДОЛАБЕЛЛА.

ДОЛАБЕЛЛА.

Прокулей,
О томъ, что здѣсь случилось, Цезарь знаетъ.
Тебя къ себѣ зоветъ онъ, за царицей
Мнѣ поручивъ надзоръ.

ПРОКУЛЕЙ.

Такъ, Долабелла,
И мнѣ всего пріятнѣй. Будь къ ней добръ.
(*Къ Клеопатрѣ*).
Я Цезарю согласенъ передать
Все, что тебѣ угодно.

КЛЕОПАТРА.

Передай,
Что умереть хочу.
(*Прокулей и воины уходятъ*).

ДОЛАБЕЛЛА.

Великая царица,
Ты обо мнѣ слыхала-ль?

КЛЕОПАТРА.

Не припомню.

Долабелла.
Ты вѣрно знаешь, кто я.

Клеопатра.
Все равно,
Слыхала я иль нѣтъ. Вѣдь вы смѣетесь,
Коль женщины иль дѣти повѣствуютъ
О снахъ своихъ? Вѣдь вашъ таковъ обычай?

Долабелла.
Не понимаю словъ твоихъ, царица.

Клеопатра.
Мнѣ снилось: жилъ Антоній императоръ.
Ахъ, видѣть-бы еще разъ сонъ такой,
Чтобъ встрѣтить вновь такого человѣка.

Долабелла.
Коль такъ тебѣ угодно...

Клеопатра.
Точно небо,
Его лицо сіяло, и на немъ
Луна и солнце путь свой совершали,
Ничтожный озаряя шаръ земной.

Долабелла.
Прекрасная царица...

Клеопатра.
Море онъ
Ногами попиралъ. Его рука
Подъятая была какъ украшенье,
Вѣнчающее шлемъ. Его похожъ былъ голосъ
На музыку небесныхъ сферъ, когда
Онъ говорилъ съ друзьями. Но, желая
Всю землю потрясти онъ рокоталъ,
Какъ громъ небесный. Доброта его
Зимы не знала, но была, какъ осень,
Тѣмъ больше принося плодовъ, чѣмъ больше
Ихъ пожинали. Прихоти его
Высоко поднимались, какъ дельфины,
Надъ той стихіей, средь которой жили.
Его ливрею короли носили
И принцы. Точно мелкую монету,
Онъ сыпалъ изъ кармана острова
И царства цѣлыя.

Долабелла.
О, Клеопатра...

Клеопатра.
Скажи, существовалъ-ли въ самомъ дѣлѣ,
Существовать-ли могъ подобный смертный,
Какъ тотъ, кто мнѣ приснился?

Долабелла.
Нѣтъ, царица.

Клеопатра.
Ты лжешь, и боги слышатъ эту ложь.
Но если есть иль былъ подобный смертный,
Онъ могъ всѣ сновидѣнья превзойти.
Въ созданьи дивныхъ формъ безсильна
спорить
Съ фантазіей природа. Но, создавъ
Антонія, природа превзошла
Фантазію, и въ тѣни превратила
Ея созданья.

Долабелла.
Выслушай, царица.
Твоя потеря такъ же велика,
Какъ ты сама. Ее ты переносишь,
Какъ подобаетъ тяжести ея.
И пусть не знаю въ жизни я удачи,
Коль скорбь твоя меня не заразила
И сердце до основъ не потрясла.

Клеопатра.
Благодарю. Извѣстно-ли тебѣ,
Какъ поступить со мной намѣренъ Цезарь?

Долабелла.
Мнѣ тяжело сказать и все-жъ хочу я,
Чтобъ знала ты.

Клеопатра.
Молю тебя, скажи.

Долабелла.
Онъ какъ ни благороденъ...

Клеопатра.
Поведетъ
Меня за тріумфальной колесницей?

Долабелла.
Да, поведетъ, царица. Знаю это.
(Голоса за сценой: дорогу Цезарю!).

Входятъ Цезарь, Галлъ, Прокулей, Меценатъ, Селевкъ *и свита.*

Цезарь.
Кто здѣсь царица
Египта?

Долабелла (*Клеопатрѣ*).
Предъ тобою императоръ.
(*Клеопатра преклоняетъ колѣна*).

Цезарь.
Встань. Не должна ты преклонять колѣна.
Встань. Встань, царица!

Клеопатра.
Такъ хотѣли боги.
Я побѣдителю и властелину
Должна повиноваться.

Цезарь.
Прогони

Ты мысли черныя. Хоть оскорбленья,
Тобою нанесенныя намъ прежде,
Начертаны глубоко въ нашемъ сердцѣ,
Мы ихъ считать случайностью хотимъ!

КЛЕОПАТРА.
Не въ силахъ я, о царь единый міра,
Свое же дѣло такъ тебѣ представить,
Чтобъ выяснить въ немъ все. Но сознаюсь,
Что подчинялась слабостямъ, нерѣдко
И до меня позорившимъ нашъ полъ.

ЦЕЗАРЬ.
Знай, Клеопатра, намъ скорѣй угодно
Смягчить твои страданья, чѣмъ усилить.
Коль ты моимъ противиться не станешь
Намѣреньямъ, къ тебѣ столь благосклон-
нымъ,—
Тебѣ послужитъ въ пользу перемѣна
Твоей судьбы. Но если, подражая
Антонію, на насъ набросишь тѣнь
Жестокости, то у себя-жъ похитишь
Благодѣянья наши, а равно
Дѣтей подвергнешь мукамъ, отъ которыхъ
Я ихъ избавлю, если подчинишься.
Теперь я ухожу.

КЛЕОПАТРА.
Въ любое мѣсто міра:
Онъ весь тебѣ принадлежитъ. А мы,
Твои трофеи, знаменья побѣды,
Должны висѣть, гдѣ ты прикажешь. Здѣсь,
Мой властелинъ...

ЦЕЗАРЬ.
Въ сношеньяхъ съ Клеопатрой
ама моей совѣтницей ты будешь.

КЛЕОПАТРА.
Вотъ опись денегъ, драгоцѣнныхъ блюдъ
И украшеній, мнѣ принадлежащихъ.
Имъ всѣмъ цѣна указана. Межъ ними
Нѣтъ ни единой бездѣлушки. Гдѣ
Селевкъ?

СЕЛЕВКЪ.
Я здѣсь, царица.

КЛЕОПАТРА.
Это мой
Казнохранитель. Головой своей
Тебѣ отвѣтитъ онъ, что ничего я
Не утаила. Говори-же правду,
Селевкъ.

СЕЛЕВКЪ.
Царица, лучше-бъ мнѣ печатью
Закрыть мои уста, чѣмъ на свою
Погибель лгать.

КЛЕОПАТРА.
Что утаила я?

СЕЛЕВКЪ.
Вещей довольно, чтобъ купить всѣ тѣ,
Что въ описи показаны твоей.

ЦЕЗАРЬ.
Царица, не краснѣй! Я одобряю
Такую осторожность.

КЛЕОПАТРА.
Видишь, Цезарь?
Смотри, какъ всѣ бѣгутъ за тѣмъ, кто сча-
стливъ.
Служители мои твоими стали,
А помѣняйся мы судьбой, твои
Передались-бы мнѣ. Неблагодарность
Селевка въ бѣшенство меня приводитъ.
О, рабъ! Ты также вѣренъ, какъ любовь
Продажная! Ты пятишься? Клянусь,
Ты побѣжишь. Но я твои глаза,
Поймаю, будь у нихъ хоть крылья. Рабъ!
Подлецъ бездушный! Песъ! какая низость!

ЦЕЗАРЬ.
Прошу тебя, добрѣйшая царица...

КЛЕОПАТРА.
О, Цезарь! Какъ мнѣ горекъ этотъ стыдъ!
Ты, властелинъ, меня въ моемъ паденьи
Высокимъ посѣщеньемъ удостоилъ,
А собственный слуга мой прибавляетъ
Къ моимъ скорбямъ еще свою вражду.
Допустимъ, Цезарь, что я скрыла пару
Вещицъ ничтожныхъ, женскихъ бездѣлу-
шекъ,
Какія мы даримъ друзьямъ домашнимъ,
Пусть, предположимъ даже, отложила
Я нѣсколько предметовъ драгоцѣнныхъ.
Чтобъ милость мнѣ Октавія снискать
И Ливіи,— ему-ль, кто мной возвышенъ,
Меня изобличать? О боги! Это
Больнѣе сердцу, чѣмъ само паденье.
(Селевку).
Прошу, уйди отсюда, иль подъ пепломъ
Моихъ несчастій вспыхнетъ пламя гнѣва
Будь мужемъ ты, меня-бъ ты пожалѣлъ.

ЦЕЗАРЬ.
Уйди, Селевкъ. *(Селевкъ уходитъ).*

КЛЕОПАТРА.
Да будетъ всѣмъ извѣстно:
Насъ, сильныхъ міра, часто обвиняютъ
Въ чужихъ грѣхахъ. Когда-жъ мы пали,
каждый
На нашъ-же счетъ свою являетъ доблесть.
И потому въ величьи и въ паденьи
Мы жалости достойны.

ЦЕЗАРЬ.
Клеопатра,
Мы не включимъ въ военную добычу
Вещей, тобой объявленныхъ иль скрытыхъ.
Онѣ—твои. Распоряжайся ими,
Какъ хочешь. Знай, что Цезарь не торгашъ
И торговаться о вещахъ не станетъ,
Которыя намъ продаютъ купцы.
Утѣшься-же, не создавай темницы
Изъ мрачныхъ думъ. Нѣтъ, милая царица
Я такъ намѣренъ поступать съ тобой,
Какъ ты сама совѣтовать мнѣ будешь.
Брось мысль о голодѣ и мирно спи.
Заботы наши о тебѣ и жалость
Такъ велики, что мы друзьями будемъ.
Итакъ, прости!

КЛЕОПАТРА.
Мой царь и повелитель!

ЦЕЗАРЬ.
Не такъ. Прощай.
(Трубы. Цезарь со свитою уходитъ).

КЛЕОПАТРА.
Словами, милая, словами хочетъ
Меня заворожить онъ, чтобъ самой
Себѣ я измѣнила. Харміана,
Послушай, что скажу.
(Шепчетъ ей на ухо).

ИРА.
Кончай скорѣй, царица.
День свѣтлый миновалъ, и ночь близка.

КЛЕОПАТРА.
Скорѣе возвращайся. Я давно
Дала приказъ и, вѣрно, все готово.
Ступай, поторопи.

ХАРМІАНА.
Иду, царица.

Входитъ ДОЛАБЕЛЛА.

ДОЛАБЕЛЛА.
Царица гдѣ?

ХАРМІАНА.
Передъ тобою.

КЛЕОПАТРА.
Долабелла!

ДОЛАБЕЛЛА.
По твоему желанію, царица,
Которому покорна, какъ святынѣ,
Моя любовь, тебѣ я сообщаю,
Что Цезарь путь чрезъ Сирію направитъ,
Тебя-жъ съ дѣтьми пошлетъ чрезъ трое сутокъ
Онъ прямо въ Римъ. Воспользуйся, какъ знаешь,
Моею вѣстью. Я исполнилъ просьбу
Твою и обѣщаніе свое.

КЛЕОПАТРА.
Я останусь навѣкъ твоей должницей.

ДОЛАБЕЛЛА.
А я твоимъ слугой. Прощай, царица.
Сопровождать я Цезаря обязанъ.

КЛЕОПАТРА.
Прощай. Благодарю.

(Долабелла уходитъ).
Что скажешь, Ира?
Какъ я, ты будешь выставлена въ Римѣ,
Египетская кукла, на показъ.
Ремесленники, въ фартукахъ нечистыхъ,
Заткнувъ за поясъ молотокъ съ линейкой,
Поднимутъ насъ, чтобъ было насъ виднѣй.
И мы, окружены дыханьемъ смраднымъ,
Отрыжкой грубой пищи, вмѣстѣ будемъ,
Вдыхать ихъ испаренья.

ИРА.
Да хранятъ
Отъ этого насъ боги!

КЛЕОПАТРА.
Неизбѣжно
Все это съ нами будетъ. Дерзкій ликторъ
Насъ свяжетъ, какъ распутницъ. Шелудивый
Риѳмачъ охрипнетъ, въ пѣсняхъ насъ браня.
Комедіанты ловкіе мгновенно
Насъ выведутъ на сцену, представляя
Пиры александрійскіе. Антоній
Въ нихъ будетъ пьянымъ вынесенъ на сцену,
А я увижу, какъ пискливый мальчикъ
Придастъ мнѣ видъ и голосъ потаскухи
И надъ моимъ величьемъ насмѣется.

ИРА.
О, боги!

КЛЕОПАТРА.
Да, все это будетъ съ нами.

ИРА.
Я не увижу этого. Я знаю,
Что ногти у меня сильнѣе глазъ.

КЛЕОПАТРА.
Вотъ вѣрный путь ихъ замыслы разстроить
И обуздать безумье ихъ надеждъ.
(Возвращается Харміана).
Что, Харміана? Милыя мои,
Теперь меня царицей нарядите—
Подайте мнѣ, Ира, лучшіе уборы.
Я вновь на Киднѣ тороплюсь на встрѣчу

Антонію. Теперь, о Харміана,
Покончимъ въ самомъ дѣлѣ. А когда
Сослужишь эту службу мнѣ, гуляй
До страшнаго суда. Подай корону
И остальное.

(Ира выходитъ).

Что за шумъ?

Входитъ одинъ изъ стражей.

Пришелъ
Какой то поселянинъ, непремѣнно
Тебя желаетъ видѣть. Онъ принесъ
Корзину съ фигами.

Клеопатра.

Впусти его.
(Стражъ уходитъ).
При помощи какихъ орудій жалкихъ
Творятся благородныя дѣла!
Онъ мнѣ принесъ свободу. Неизмѣнно
Мое рѣшенье. Ничего во мнѣ
Нѣтъ больше женскаго. Я вся теперь
Отъ головы до пятъ тверда, какъ мраморъ,
И не зову измѣнчивой луны
Своей планетой болѣе.

(Возвращается стражъ съ поселяниномъ, держащимъ корзину).

Стражъ.

Вотъ онъ.

Клеопатра.

Оставь его и удались.
(Стражъ уходитъ).
Ну что,
Запасся-ль ты красивой нильской змѣйкой,
Которая безъ боли убиваетъ?

Поселянинъ. Конечно, она со мной. Но не совѣтую тебѣ трогать ее. Ея укусъ безсмертенъ. Кто отъ него умеръ, тотъ воскресаетъ рѣдко, а то никогда.

Клеопатра. Припомнишь ли случай, чтобы кто нибудь отъ него умеръ?

Поселянинъ. Сколько угодно, мужчины и женщины. Вотъ не дальше, какъ вчера, я слышалъ объ одномъ изъ нихъ. Честная женщина, которая, какъ всѣ женщины, немного привираетъ (чего бы онѣ не должны были дѣлать, развѣ изъ честности), разсказывала, какъ она умерла и чего натерпѣлась. Говоря правду, она отозвалась о змѣйкѣ очень хорошо, но вѣдь кто повѣритъ тому, что люди говорятъ, тому не пойдетъ впрокъ и половина того, что они дѣлаютъ. Одно внѣ всякой несомнѣнности: змѣйка эта—чудная змѣйка.

Клеопатра. Можешь насъ оставить. Прощай.

Поселянинъ. Желаю тебѣ всякихъ радостей отъ этой змѣйки. *(Ставитъ корзину на полъ).*

Клеопатра. Прощай.

Поселянинъ. Можешь быть увѣрена, что змѣя змѣею и останется.

Клеопатра. Хорошо, хорошо, прощай.

Поселянинъ. Видишь-ли, на змѣю можно положиться только на рукахъ благоразумнаго человѣка, потому что, говоря правду, въ змѣѣ ничего нѣтъ добраго.

Клеопатра. Не бойся. Будемъ осторожны.

Поселянинъ. И отлично. Не давай ей ничего—не стоитъ она корма.

Клеопатра. Не съѣстъ-же она меня!

Поселянинъ. Не такъ я простъ, чтобы не знать, что женщину и самъ дьяволъ не съѣстъ. Женщина кушанье боговъ, если только дьяволъ не приправитъ ее по своему. А говоря правду, эти негодные дьяволы здорово пакостятъ богамъ черезъ женщинъ. Изъ каждаго десятка женщинъ, которыхъ смастерятъ боги, дьяволы перепортятъ пять.

Клеопатра. Хорошо. Ступай. Прощай.

Поселянинъ. Право такъ. Желаю тебѣ вдоволь натѣшиться моей змѣйкой.

(Уходитъ. Возвращается Ира, неся порфиру, корону и проч.).

Клеопатра.

Подай порфиру, прикрѣпи вѣнецъ.
Я вся истосковалась по безсмертьи.
Отнынѣ устъ моихъ не увлажатъ
Египетскія гроздья сладкимъ сокомъ.
Скорѣе, Ира! Чудится мнѣ, будто
Я слышу зовъ Антонія. Я вижу,
Какъ онъ изъ гроба всталъ, чтобъ похвалить
Меня за благородный мой поступокъ.
Я слышу, онъ надъ Цезаремъ смѣется,
Надъ счастіемъ, которое намъ боги
Ниспосылаютъ съ тѣмъ, чтобъ оправдать
Впослѣдствіи грозящую намъ кару.
Супругъ, иду къ тебѣ! Такъ называться
Даетъ мнѣ право мужество мое.
Я вся огонь и воздухъ. Остальныя
Стихіи оставляю низшей жизни.
Все кончено? Придите-же, примите
Вы устъ моихъ послѣднее тепло.
Прощай, о Харміана дорогая!
Прощай надолго, Ира!

(Цѣлуетъ ихъ. Ира падаетъ и умираетъ).

Неужели

Въ моихъ устахъ ехидны скрыто жало?
Ты вдругъ упала? Если-же природа
И ты разстались такъ легко, то смерти
Ударъ — любовника щипокъ: хоть больно,
Но ждешь его. Ты-ль такъ лежишь недвижно?
Изсчезнувъ такъ, ты будто говоришь,
Кто міръ не стоитъ, чтобъ мы съ нимъ прощались.

КЛЕОПАТРА ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.
Барельефъ английской скульпторши Анны Димеръ (*Anne S. Damer, 1748—1828*).
(*Большая Бойделевская галлерея*).

ХАРМІАНА.

Разлейся, туча черная, дождемъ,
Чтобъ я могла сказать, что сами боги
Заплакали теперь.

КЛЕОПАТРА.

Какой позоръ!
Коль первая она пойдетъ на встрѣчу
Антонію кудрявому, онъ съ нею
Заговоритъ и дастъ ей то лобзанье
Котораго, какъ неба, жажду я.
Приди-же, смертоносная шалунья
(вынимаетъ змѣю и прикладываетъ къ своей груди).
И спутанный всей нашей жизни узелъ
Вмигъ острыми зубами разсѣки.
О, дурочка, пропитанная ядомъ,
Будь злой и торопись! Когда-бъ могла
Ты говорить, я-бъ вѣрно услыхала,
Какъ Цезаря великаго зовешь
Осломъ безмозглымъ.

ХАРМІАНА.

О, звѣзда востока!

КЛЕОПАТРА.

О, тише, тише! Развѣ ты не видишь,
Что я держу младенца на груди?
Кормилицу онъ засосетъ до смерти.

ХАРМІАНА.

О, сердце, разорвись!

КЛЕОПАТРА.

Какъ воздухъ, нѣжно,
И сладко, какъ бальзамъ. И такъ отрадно—
О, мой Антоній!... И тебя возьму я.
(Прикладываетъ къ рукѣ другую змѣю).
Что медлить мнѣ!
(Падаетъ на постель и умираетъ).

ХАРМІАНА.

Въ пустынномъ этомъ мірѣ?
Прости навѣкъ! Теперь ликуй, о смерть!
Въ твоихъ владѣньяхъ лучшая изъ женщинъ.
Вы, окна нѣжныя, закройтесь! Больше
На золотого Феба никогда
Столь царственнымъ очамъ не устремляться.
Вотъ на тебѣ корона покосилась.
Поправлю и за дѣло!

(Вбѣгаетъ нѣсколько стражей).

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Гдѣ царица?

ХАРМІАНА.

Потише! Не будите спящей!

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Цезарь
Послалъ—.

ХАРМІАНА.

Гонца, который слишкомъ медлилъ.
(Прикладываетъ къ своему тѣлу змѣю).
Ко мнѣ! Скорѣй! Я чувствую едва.

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Но ладно здѣсь! Смотри! Обманутъ Цезарь.

2-ОЙ СТРАЖЪ.

Сюда прислалъ онъ Долабеллу. Кликни
Его скорѣе.

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Что-же тутъ свершилось?
Хорошее-ль то дѣло, Харміана?

ХАРМІАНА.

Отличное, достойное царицы,
Считающей средь предковъ столько славныхъ
Царей! Ахъ, воины!
(Умираетъ. Возвращается Долабелла).

ДОЛАБЕЛЛА.

Что здѣсь случилось?

2-ОЙ СТРАЖЪ.

Всѣ—мертвыя.

ДОЛАБЕЛЛА.

Сбылися опасенья
Твои, о Цезарь. Ты сейчасъ прибудешь

Харміана: Потише, не будите спящей!

Картина Трешема (Henry Tresham, R. A.). (Малая Бойделевская галлерея).

И самъ увидишь дѣло роковое,
Которое желалъ ты отвратить.

(Голоса за сценой: дорогу Цезарю!).

Входитъ Цезарь *въ сопровожденіи свиты.*

Долабелла.

О, повелитель!
Ты слишкомъ вѣрный авгуръ. То сбылось,
Чего ты опасался.

Цезарь.

Доблестный конецъ!
Намѣренія наши отгадавши,
Она по царски свой избрала путь.
Какъ умерли онѣ? Не вижу крови.

Долабелла.

Кто былъ у нихъ послѣдній?

1-ый стражъ.

Поселянинъ,
Принесшій фиги. Вотъ его корзина.

Цезарь.

Отъ яда, значитъ?

1-ый стражъ.

О, великій Цезарь!
Вотъ эта, Харміана, за минуту
Предъ тѣмъ, какъ ты пришелъ, была жива,
Стояла на ногахъ и говорила.
Я видѣлъ, какъ корону поправляла
Она на головѣ царицы мертвой.
Она шаталась, стоя, и внезапно
Свалилась на полъ.

Цезарь.

Доблестная слабость!
Будь это ядъ, у нихъ тѣла распухли-бъ.
Царица точно притворилась спящей,
Какъ если-бъ въ сѣти красоты хотѣла
Антонія другого заманить.

Долабелла.

Немного крови вижу на груди
И легкую припухлость. Замѣчаю
Я то же на рукѣ ея.

1-ый стражъ.

То слѣдъ
Змѣинаго укуса. Листья фигъ
Покрыты той-же слизью, что ехидны
Въ пещерахъ Нила часто оставляютъ.

Цезарь.

Весьма правдоподобно, что она
Прибѣгла къ этой смерти. По разсказамъ
Ея врача, она разузнавала
О способахъ легчайшихъ умереть.
Царицу вмѣстѣ съ ложемъ поднимите
И удалите прочь тѣла прислужницъ.
Ее положимъ рядомъ въ мавзолеѣ
Съ Антоніемъ, и на землѣ не будетъ
Гробницы съ болѣ славною четою.
Событія, какъ эти, потрясаютъ
И тѣхъ, кто подготовилъ ихъ. Сказанье
Объ ихъ судьбѣ возбудитъ жалость къ жертвамъ,
Не меньшую, чѣмъ слава полководца,
Кто былъ всему причиной. Пусть войска
Торжественно проводятъ прахъ—и въ Римъ!
Ты, Долабелла, властью облеченъ
Руководить обрядомъ похоронъ.

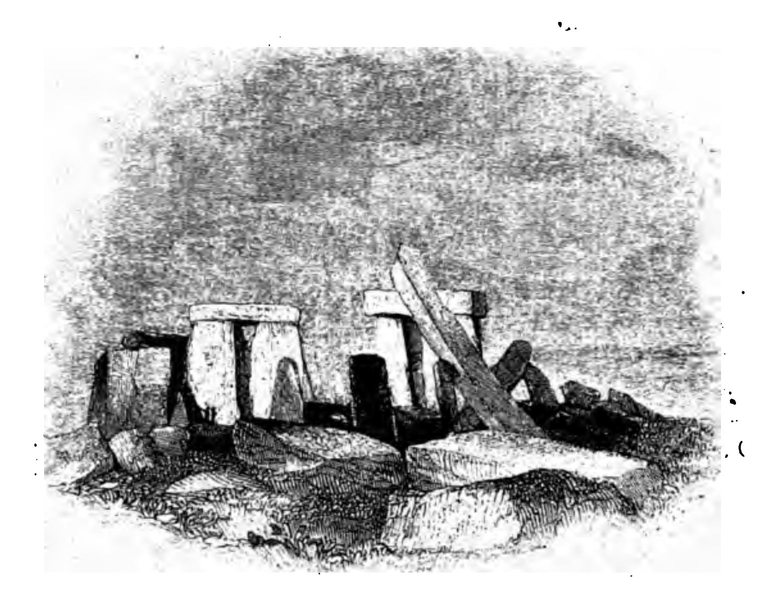
(Уходятъ).

Н. Минскій и О. Чюмина [1]).

1) Н. М. Минскій перевелъ 1, 4 и 5 дѣйствія, 2 и 3 дѣйствія переведены О. Н. Чюминой.

Виньетка къ «Цимбелину» извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта (Sir John Gilbert, р. 1817).

Древнѣйшіе остатки британской культуры (Стонгенджъ—Stonehenge—остатки храма или кладбища; повидимому древнѣе вторженія римлянъ).

ЦИМБЕЛИНЪ.

Въ „Много шуму изъ ничего" и въ „Отелло" трагедія ревности оказалась одновременно трагедіей клеветы и несправедливости. Жертвой вопіющей и безсмысленной клеветы пала Дездемона; отъ такой же злобной клеветы страдаетъ и Геро; но не будь такъ рѣшительно и порывисто знойное сердце мавра Отелло, не будь такъ легко воспламенимъ пылкій Клавдіо, ядъ предательскихъ навѣтовъ Яго и донъ Жуана не могъ бы въ нихъ такъ свободно проникнуть. Причина бѣдствій, постигшихъ этихъ нѣжныхъ, преданныхъ и безотвѣтныхъ существъ—Дездемону и Геро, коренится въ самомъ характерѣ ревнивцевъ. Особенно тщательно обработана психологія ревности въ „Отелло". И когда Шекспиръ вновь обратится къ трагедіи ревности въ своей комедіи „Зимняя Сказка", мотивъ клеветы уже будетъ совершенно отсутствовать. Самаго пустого, ничего незначущаго предлога будетъ достаточно Леонату, чтобъ осудить Герміону на смерть. Зловѣщій порывъ ревности вызванъ тутъ уже одной игрой слишкомъ стремительнаго воображенія.

Такъ же быстро, въ какомъ-то умственномъ ослѣпленіи, безудержно и страстно вѣритъ и Постумъ Леонатъ въ „Цимбелинѣ", что благодарная и любящая жена его, Имогена, отдалась въ его отсутствіи другому.

Постумъ Леонатъ такая же импульсивная натура, какъ и воинственный Отелло. Онъ также человѣкъ дѣла, а не словъ и размышленій. Онъ также склоненъ лишь къ быстрымъ душевнымъ движеніямъ. Онъ также храбрый воинъ. Еще раньше, чѣмъ мы видимъ его на полѣ брани, гдѣ онъ выказалъ свою отвагу, уже въ томъ первомъ разговорѣ въ домѣ Филарія въ Римѣ, куда онъ только что прибылъ, изгнанный Цимбелиномъ, съ первыхъ его словъ ярко очерчиваются его рѣшительность, смѣлость и вспыльчивость. Встрѣча съ французомъ заставляетъ Постума вспомнить, какъ однажды въ Орлеанѣ онъ горячо заспорилъ о превосходствѣ своей возлюбленной надъ всѣми остальными женщинами міра, и дѣло тогда чуть не дошло до поединка; теперь Постуму приходится благодарить своего собесѣдника, француза, за то, что тотъ съумѣлъ тогда

отвратить это столкновеніе, грозившее принять серьезный оборотъ. Постумъ увѣряетъ, что тогда онъ былъ еще „молодымъ путешественникомъ, гораздо болѣе склоннымъ протестовать противъ всего, что слышитъ, чѣмъ руководствоваться въ поступкахъ чужой опытностью". Но онъ очевидно говоритъ это лишь изъ любезности. И теперь еще поводъ тогдашней ссоры кажется ему далеко не маловажнымъ, вполнѣ достаточнымъ для того, чтобъ схватиться за оружіе. Дѣйствительно, довольно было итальянцу, Іахимо, возобновить этотъ споръ и усомниться, что дама Постума „лучше, умнѣй добродѣтельнѣй и постояннѣй" любой женщины, и вотъ онъ снова отдается цѣликомъ подобной же распрѣ, забывается до того, что соглашается биться объ закладъ о чести своей жены и доставить Іахимо возможность ее увидѣть, разстается даже съ перстнемъ, который онъ получилъ отъ Имогены.

Еще характернѣй та сцена, когда Іахимо хвастливо и съ дѣланной усмѣшкой разсказываетъ Постуму о своей мнимой побѣдѣ надъ Имогеной. Увидя подаренный имъ Имогенѣ браслетъ въ рукахъ Іахимо, Постумъ уже теряетъ всякую вѣру въ честность жены. Онъ уже отчаивается, всюду видитъ обманъ и грустно восклицаетъ, что „нѣтъ правды въ клятвахъ женщины!". Простое предположеніе, что браслетъ могъ быть потерянъ или украденъ, не приходитъ ему даже въ голову. Это приходится подсказать ему Филарію. Но, вотъ, Іахимо клянется Юпитеромъ, что получилъ браслетъ въ подарокъ въ минуту страсти, и уже никакія убѣжденія Филарія не могутъ остановить воображенія Постума. Главное доказательство Іахимо о его близости съ Имогеной, это родимое пятнышко, которое онъ подсмотрѣлъ ночью, пока Имогена спала. Постуму въ сущности вовсе не нужно; онъ даже не хочетъ и слушать Іахимо; теперь онъ уже безповоротно увѣренъ, что Имогена измѣнила ему. И эта мысль поглотила его цѣликомъ; она не позволяетъ ему ни на минуту опомниться; его влечетъ къ ней какимъ-то злобнымъ порывомъ. Въ его глазахъ уже все измѣнилось, и весь міръ показался ему такимъ мрачнымъ, насквозь пропитаннымъ порокомъ.

Въ монологѣ, слѣдующемъ непосредственно за разговоромъ съ Іахимо, Постумъ сомнѣвается даже въ честности своей родной матери, ненавидитъ всѣхъ женщинъ и въ больной его душѣ тогда зарождается мысль о мщеніи. Приказъ Пизаніо убить Имогену и предательское, лживое письмо, которое заманиваетъ ее въ Мильфордъ-Гэвенъ якобы на свиданіе съ мужемъ, уже послѣдняя низшая степень нравственнаго паденія когда-то благородной натуры Постума. И до него доходитъ этотъ Постумъ Леонатъ, о которомъ въ первой же сценѣ мы узнаемъ, что при дворѣ Цимбелина

Для мальчиковъ онъ добрымъ сталъ примѣромъ,
Для взрослыхъ вѣрнымъ зеркаломъ, съ которымъ
Они свѣряли качества свои,
И даже тѣ, которые достигли
Ужъ старыхъ лѣтъ, охотно сознавались,
Что этотъ баловень во многомъ
Былъ выше ихъ!

Таковы послѣдствія вспыльчивости и легкомысленной порывистости души этого героя. Вѣдь бѣда именно въ томъ легкомысліи, съ какимъ Постумъ рѣшился биться объ закладъ, въ той стремительности, съ какой онъ отдается каждому минутному увлеченію.

Горестныя испытанія Имогены объясняются такимъ образомъ психологически изъ душевныхъ особенностей Постума, и образъ его свободно возникъ въ воображеніи Шекспира рядомъ со сродными ему образами Клавдіо, Отелло и Леонта. Напротивъ, самыя обстоятельства этихъ испытаній, т. е. самая завязка комедіи, заимствованы великимъ драматургомъ изъ извѣстнаго бродячаго разсказа о женской вѣрности и наказаніи хвастуна, дерзко посягнувшаго на честь неприступной красавицы.

Въ средневѣковой европейской литературѣ разсказъ этотъ встрѣчается въ двухъ различныхъ версіяхъ. Одна изъ нихъ, т. наз. „сказка о розѣ", пересказана дважды, и въ стихахъ, и въ прозѣ въ романѣ XIV в. „Perceforest". Другая легла въ основу болѣе древнихъ романовъ: Guilaume de Dole, le Roman de la Violette, Girard de Nevers, и болѣе широкую извѣстность пріобрѣла тогда, когда ее обработалъ Боккаччіо въ девятой новеллѣ 2-ого дня „Декамерона". Обѣ версіи разсказа проникли довольно рано и въ Англію: первую мы находимъ въ поэмѣ XIV в. „The Wright's chaste wife" какого то Адама де-Кобзама, а вторую въ повѣсти начала XVI в. „Westward for Smelts". По обѣимъ версіямъ, мужъ, надолго уѣхавшій изъ дому, бьется объ закладъ, что жена его устоитъ въ его отсутствіе противъ всякихъ ухаживателей и останется вѣрной ему. Находятся смѣльчаки, готовые поставить все свое состояніе на карту и попытаться склонить неприступную красавицу къ измѣнѣ.

Побѣдителемъ изъ этой распри выходитъ однако неизмѣнно мужъ, и хвастливые искатели любовныхъ приключеній получаютъ достойное возмездіе.

Такова общая схема разсказа, но развивается она различно. Въ „сказкѣ о розѣ“ мужъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что побѣда останется за нимъ. Онъ бережно хранитъ въ особой коробочкѣ чудесную розу, которая не увянетъ до тѣхъ поръ, пока жена его сохранитъ свою вѣрность. И роза эта не блекнетъ; какъ только назойливые ухаживатели попадаютъ въ домъ красавицы она не только не слушаетъ ихъ любовныхъ рѣчей, но хитростью завлекаетъ ихъ въ особый подвалъ, гдѣ они должны, чтобы не умереть съ голоду, заготовлять ей пряжу. Мужъ спокойно возвращается такимъ образомъ домой и освобождаетъ своихъ опозоренныхъ и проигравшихъ закладъ противниковъ. Совершенно иначе представляется дѣло по другой версіи. Тутъ, какъ и въ Цимбелинѣ, мужъ не только сомнѣвается въ добродѣтели жены, но противнику его удается даже доставить повидимому несомнѣнное доказательство того, что онъ обладалъ ею. И въ средневѣковыхъ романахъ родимое пятнышко на тѣлѣ красавицы, которое удалось подсмотрѣть лукавому ухаживателю, описывается, во всѣхъ подробностяхъ. Оно, оказывается напоминаетъ своей формой либо розу, либо фіалку. Только послѣ ряда испытаній удается несчастной женщинѣ доказать лживость обвиненій противъ нея и наказать по заслугамъ обманщика.

Вниманіе Шекспира остановилось лишь на второй версіи. Онъ уже пользовался для своихъ „Виндзорскихъ Кумушекъ“ повѣстью Westward for Smelts, а теперь въ „Цимбелинѣ“ послѣдовалъ шагъ за шагомъ вслѣдъ за Боккаччіо, подставивъ только вмѣсто итальянскаго купца изъ Генуи, Амброджіуло, британскаго воина, Леоната-Постума, и вмѣсто купеческой жены Джиневры дочь древняго короля Британіи, Цимбелина. И первая версія, конечно, не представляетъ такого психологическаго интереса, какъ вторая. Она не болѣе, какъ забавный разсказецъ. Мотивъ неблекнущей розы уже слишкомъ сказоченъ. Я упомянулъ однако объ обѣихъ версіяхъ разсказа, потому что, при сопоставленіи ихъ яснѣе выступаетъ то, съ какимъ собственно разсказомъ мы имѣемъ дѣло. Повѣсть объ испытаніи вѣрности жены прежде всего—повѣсть о ея добродѣтели. Этотъ чудесный символъ неблекнущей розы, хотя онъ и не играетъ собственно никакой почти роли въ разсказѣ, указываетъ на его внутренній основной смыслъ. Женщина здѣсь превознесена, окружена ореоломъ не только вѣрности, но неприступности, твердости, энергіи и изворотливости; этими ея качествами объясняется посрамленіе и униженіе ея ухаживателей. При этомъ въ той версіи, къ которой принадлежитъ новелла Боккаччіо и „Цимбелинъ“ Шекспира, до извѣстной степени, униженъ и наказанъ еще и мужъ красавицы.

Эта черта, проходящая красною нитью черезъ тотъ сюжетъ, на которомъ построилъ Шекспиръ свою комедію, для насъ въ высшей степени важна. Она наложила свою печать на характеръ Имогены.

По самому замыслу Имогена не могла быть уже такой пассивной, исключительно любящей, неприступной своей преданностью и чистотой женщиной, какъ Геро, Дездемона, Герміона. Имогена натура сильная. Ея нравственныя достоинства коренятся не въ одной любви, не въ одной преданности. Она горда и рѣшительна, стойка и смѣла. Имогена не боится своей злой мачихи; она споритъ съ отцомъ, открыто и твердо отстаиваетъ свое право любить Постума. Прощаясь съ нимъ, она даже говоритъ ему:

Иди жъ скорѣй! пускай
Я выдержу одна грозу упрековъ
И гнѣвный взоръ.

Рѣшимость Имогены мы видимъ также не только въ сценѣ съ безпощадно изгнаннымъ ею глупымъ Клотеномъ, за котораго, стоятъ однако, и отецъ, и мачиха, готовые отомстить ей за обиду. Когда Постумъ зазвалъ ее въ Мильфоръ-Гэвенъ, и Пизаніо не можетъ болѣе скрывать отъ нея приговора надъ ней ея мужа, Имогена не боится смерти. Она колеблется наложить сама на себя руку, но безстрашно открываетъ грудь передъ Пизаніо и искренно хочетъ смерти. Письмо Постума ужъ въ сущности убило ее. Оттого ей остается только съ горькой усмѣшкой спросить Пизаніо:

Когда о смерти я
Прошу сама, то что-жъ тебѣ-то медлить
Исполнить долгъ послушнаго слуги?

Чтобы дать Имогенѣ развернуться передъ нами во всемъ блескѣ ея богатой и высокой натуры, Шекспиръ отступилъ отъ текста Боккаччіо и ввелъ сцену заискиваній Іахимо. У Боккаччіо обманщикъ сразу под-

купаетъ одну женщину, чтобы пробраться къ Джиневрѣ. Но Шекспиру было необходимо поставить Іахимо и Имогену лицомъ къ лицу. Въ этой сценѣ Имогена какъ-бы торжествуетъ свое нравственное превосходство даже надъ Постумомъ. Когда Іахимо хочетъ увѣрить ее, что Постумъ ее забылъ, что онъ увлекается легко достающимися прелестями итальянокъ, Имогена не вѣритъ этимъ навѣтамъ. Въ ней больше довѣрія и больше хладнокровія, чѣмъ въ ея слишкомъ импульсивномъ мужѣ. Ея нравственный обликъ возвышеннѣе. Она стоитъ выше клеветническихъ обвиненій. И Іахимо хорошо чувствуетъ, что если, послѣ того, какъ онъ пустилъ въ ходъ свои лживые намеки на легкомысліе Постума, онъ заговоритъ о своей любви, ничего кромѣ презрѣнія онъ не дождется отъ этой гордой, неприступной женщины.

Создать величавый обликъ Имогены Шекспиру, можетъ быть, помогли его старые милые образы немного строптивыхъ, умѣющихъ постоять за себя и рѣшительныхъ дѣвушекъ вродѣ Розалинды и Беатриче, Порціи и Віолы. Имогена также появляется передъ нами въ мужскомъ костюмѣ, и она умѣетъ заставить уважать себя въ непривычной ей роли прислужника, Фиделія, къ которому сразу такъ привязался римскій военачальникъ Кай Луцій.

Перипетіи любви Постума и Имогены разыгрываются среди героическихъ нравовъ временъ древняго британскаго короля Цимберлина или Кунобелина. О его судьбѣ Шекспиръ узналъ изъ той же хроники Голиншеда, которою онъ часто пользовался для своихъ историческихъ хроникъ. Правда, историческая обстановка ни мало не стѣсняла здѣсь великаго драматурга, и кромѣ развѣ того, что герои его стали клясться Юпитеромъ и др. языческими богами, въ „Цимбелинѣ" было-бы напрасно искать хотя бы малѣйшей попытки перенести насъ въ эпоху Юлія Цезаря и Августа—и соблюсти историческое правдоподобіе. Вся пьеса остается строго романтической и по замыслу, и по внѣшнему строю. Дѣйствіе поминутно переносится изъ Британіи въ Римъ, изъ одной части Англіи въ другую. Въ одномъ и томъ же актѣ гонцы, и даже дѣйствующія лица, успѣваютъ проѣхать черезъ всю Европу на пути между Италіей и Англіей. Отдѣльныя приключенія, встрѣчи и переодѣванія, ведущія къ ошибкамъ и запутывающія дѣйствіе, свободно рождаются въ воображеніи поэта. Все причудливо, пестро и неправдоподобно въ этой комедіи. Съ самаго „Сна въ лѣтнюю ночь" Шекспиръ только въ одной комедіи, „Какъ вамъ это понравится", такъ свободно бросалъ одинъ за другимъ то потрясающіе, то необычайные образы, эпизоды и сцены. Однако, несмотря на романтическій складъ „Цимбелина", въ него вложены и героическія черты, сказывающіяся въ прославленіи храбрости бриттовъ, въ ихъ побѣдѣ надъ войсками римскаго императора, въ страстномъ влеченіи сбросить съ себя чужеземное иго.

Событія при дворѣ короля Цимбелина также, какъ нельзя лучше, подходятъ къ трагедіи ревности и клеветы. Какъ заявляетъ одинъ придворный лишь только подымается занавѣсъ:

унылый видъ успѣли
Принять здѣсь всѣ.

Цимбелинъ попалъ въ руки своей второй жены, коварной женщины, затѣвающей темныя дѣла. Она велитъ приготовлять себѣ разные яды и ждетъ удобнаго случая, чтобы отравить даже самого короля. Ея пустой, заносчивый и ничтожный сынъ занимаетъ при дворѣ чуть не первое мѣсто. Цимбелинъ хочетъ насильно выдать за него дочь и изъ-за этого шлетъ своего любимаго воспитанника, Постума, въ изгнаніе. И это не первая несправедливость Цимбелина. Двадцать лѣтъ тому назадъ, по лживому навѣту, заподозривъ въ измѣнѣ, онъ изгналъ и честнаго Беларія, и тотъ въ отместку похитилъ его сыновей, законныхъ наслѣдниковъ британскаго престола. Въ такой обстановкѣ живетъ Имогена. На ея личное горе еще болѣе мрачную тѣнь налагаетъ эта семейная неурядица, всѣ эти коварные замыслы ея мачихи, нелѣпыя честолюбивыя заискиванія Клотена и преступная слабость ея отца.

И по мѣрѣ того, какъ развивается дѣйствіе, все болѣе и болѣе становится, казалось бы, неизбѣжной трагическая катастрофа. Въ первомъ изданіи соч: Шекспира (in folio 1623 г.) „Цимбелинъ" и названъ трагедіей. Когда поддерживаемый королевой Цимбелинъ отказывается платить дальше дань римскому императору и римское войско быстро вторгается въ Британію, уже ничего, казалось-бы, не можетъ остановить полной гибели Цимбелина. Гроза, казалось, надвигается и мракъ ея уже охватилъ короля, осиротѣлаго безъ поддержки всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы помочь ему.

И къ 2-ой сценѣ V дѣйствія трагическая

катастрофа уже какъ будто и наступила. Британскія войска бѣгутъ передъ римскими легіонами и Цимбелинъ взятъ въ плѣнъ.

Но катастрофа эта только мнимая. Зритель невольно ждетъ иного исхода. Онъ ужъ предупрежденъ. Онъ знаетъ, что Имогена жива, хотя она и выпила ядъ, приготовленный ей королевой, и подружившіеся съ ней такъ быстро Гвидерій и Арвирагъ видѣли ее мертвой; она жива и скоро появится, несмотря на то, что въ рукахъ Постума окрававленный платокъ, присланный ему Пизаніо въ доказательство того, что приговоръ его приведенъ въ исполненіе. И живъ также и Постумъ. Вѣдь, не на его обезглавленномъ трупѣ плакала Имогена, а на трупѣ жалкаго и низкаго Клотена. Зрители также ужъ знаютъ, кто такіе Гвидерій и Арвирагъ. И отважныя сердца этихъ юношей, воспитанныхъ честнымъ Беларіемъ, уже встрепенулись при шумѣ битвы. Самое раскаяніе Іахимо, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда римское войско готово разбить на голову британцевъ, служитъ уже зловѣщимъ признакомъ того, что удача не должна оставаться на сторонѣ насильниковъ.

Потому-то, когда Беларій, Гвидерій и Арвирагъ врываются на сцену, когда они своимъ крикомъ: „Ни съ мѣста, трусы! въ бой!" внезапно возбуждаютъ храбрость въ дрогнувшихъ сердцахъ британскихъ воиновъ, когда они освобождаютъ Цимбелина, ихъ появленіе не такъ не ожиданно. Иначе и не могло быть. Подвигъ спасенія отечества принадлежитъ имъ по праву, какъ наслѣдникамъ престола. Истинную помощь Цимбелинъ могъ получить только отъ нихъ и отъ избранника своей дочери, Постума. Цимбелинъ долженъ разстаться съ чужими ему и тайно ненавидящими его королевой и Клотеномъ. Они причина всѣхъ его несчастій. Смерть королевы логически необходима въ тотъ самый моментъ, когда побѣда остается за британцами. Цимбелина ждетъ близость съ истинными друзьями и настоящей семьей. Отъ нихъ онъ получитъ истинное, а не воображаемое, основанное на насиліи, счастье.

И счастливый исходъ этой драмы Шекспира въ высшей степени характеренъ для того момента, когда она возникла.

Въ творчествѣ Шекспира съ „Цимбелиномъ" начинается новый періодъ. Его зовутъ обыкновенно періодомъ „примиренія". Время великихъ трагедій уже прошло. Въ „Тимонѣ Аѳинскомъ" Шекспиръ излилъ уже жгучій пессимизмъ, охватившій его душу со времени „Юлія Цезаря" и „Гамлета". Теперь его сердце стало биться ровно и спокойно. „Не много найдется въ литературѣ, пишетъ Дауденъ, болѣе интересныхъ переходовъ, чѣмъ тотъ рѣзкій переломъ, который отдѣляетъ въ творчествѣ Шекспира трагедіи страстей отъ этихъ серьезныхъ и въ то же время столь радостныхъ романтическихъ пьесъ послѣднихъ лѣтъ его писательской дѣятельности. Это переходъ отъ бури съ ея раскатами грома и съ блескомъ молній къ широкому простору свѣтлаго затишья. Въ авторѣ „Цимбелина", „Зимней Сказки" и „Бури" уже нѣтъ и помину свойственнаго молодости легкаго отношенія къ явленіямъ жизни; онъ твердо знаетъ зло жизни; онъ видитъ пороки людей, но онъ какъ будто бы обрѣлъ теперь душевное спокойствіе въ любви, надеждѣ и упованіи на возможность счастья".

Когда собственно написанъ „Цимбелинъ", въ точности неизвѣстно. Астрологъ д-ръ Форманъ, отмѣтившій въ своихъ запискахъ, что 15 мая 1611 г. онъ присутствовалъ при представленіи въ Шекспировскомъ театрѣ Глобусъ „Зимней сказки", помѣтилъ „Цимбелина" подъ 1610—1611 годомъ. Но первое изданіе этой комедіи есть лишь изданіе in folio 1623 года, и чужая рука прошлась по этому созданію Шекспира. Всѣ критики согласны между собою въ томъ, что сцена видѣнія Постума написана не великимъ драматургомъ. Да и по ходу дѣйствія въ ней и не чувствуется ни малѣйшей надобности. Она введена лишь для того, чтобы усилить патріотическіе мотивы комедіи. Равнымъ образомъ въ самой послѣдней сценѣ между словами Постума къ принцу Арвирагу: „Я готовъ быть вамъ слугою, принцы" и словами Цимбелина: „Да будетъ такъ! Начнемъ-же съ мира," несомнѣнно также вставка, введенная посторонней рукой только для того, чтобы вновь напомнить сцену видѣній. По мнѣнію Флея, „Цимбелина" вовсе не играли при жизни Шекспира, потому что онъ былъ оконченъ какъ разъ къ 1609 году, когда Англія страдала отъ моровой язвы, и придворные спектакли, для которыхъ писалъ въ то время Шекспиръ, были прекращены; объ этомъ совершенно достовѣрно свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ списки придворныхъ спектаклей. Очевидно именно при постановкѣ „Цимбелина", когда Шекспира уже не было въ живыхъ, и сдѣлана вставка.

Возникла ли эта комедія между „Бурей"

и „Зимней Сказкой“, какъ думали въ 70-ыхъ годахъ, или какъ, предполагаютъ теперь, „Цимбелинъ“ открылъ собою серію этихъ трехъ комедій, слѣдовавшихъ быстро одна за другою, во всякомъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ „Зимней Сказкой и „Бурей“ входитъ въ совершенно особую категорію художественныхъ замысловъ Шекспира. Всѣ эти комедіи не только отвѣчаютъ тому настроенію спокойнаго примиренія съ жизнью, какое отмѣтилъ Дауденъ, но въ нихъ сказались и новые, еще не затронутые до тѣхъ поръ Шекспиромъ мотивы. Въ центрѣ ихъ стоихъ родительское чувство. Черезъ призму его разсматриваются и самыя сцены любви. Назвавши свою комедію по имени самого Цимбелина, Шекспиръ, очевидно, считалъ его фигурой центральной. Это его судьба приковала къ себѣ вниманіе великаго драматурга. Черезъ всѣ свои перипетіи дѣйствіе шло къ спокойному счастью престарѣлаго короля, когда онъ вновь соберетъ вокругъ себя своихъ дѣтей и станетъ въ долгіе вечера слушать разсказы Гвидерія и Арвирага, Имогены и Постума. Особой задушевностью вѣетъ отъ этихъ словъ Цимбелина:

Когда о всемъ узнаю я подробно?
Изъ быстрыхъ словъ, какія слышалъ я.
Понятно мнѣ, что есть о чемъ вамъ много
Поразсказать.

Тутъ чувствуется тихая радость счастливой встрѣчи съ близкими послѣ долгой разлуки.

Послѣдніе пять лѣтъ своей жизни Шекспиръ провелъ въ Стратфордѣ, гдѣ онъ уже давно сталъ крупнымъ домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ. Свою часть въ театрѣ, Глобусѣ, онъ въ то время уже продалъ и въ Лондонѣ бывалъ только наѣздомъ. Еще не старый поэтъ, такъ недавно еще другъ Бенъ Джонсона и другихъ завсегдатаевъ таверны „Краснаго Льва“, становится теперь семьяниномъ. Онъ жилъ теперь постоянно со своими двумя дочерьми, и вѣроятно проснувшееся въ немъ родительское чувство и отразилось въ его комедіяхъ. Вѣдь счастливые отцы его послѣднихъ произведеній: Цимбелинъ, Леонтъ, Просперо, съ особенно теплымъ чувствомъ относятся именно къ дочерямъ, къ Имогенѣ, Мирандѣ и Пердиттѣ. Старшая дочь Шекспира, Сусанна, 5 іюня 1607 года вышла замужъ за доктора Джона Голля, а въ сентябрѣ 1608 года Шекспиръ сталъ дѣдушкой. Если во всѣхъ этихъ послѣднихъ комедіяхъ радость отца просыпается именно отъ супружества дочери, то тутъ такимъ образомъ можно видѣть черту личныхъ душевныхъ ощущеній Шекспира. Какое глубокое различіе между торжественной и холодной рѣчью, съ какой привѣтствуетъ Цимбелинъ своихъ сыновей, и тѣми словами, какія относятся къ Имогенѣ и Постуму:

Смотрите, вотъ Постумъ:
За Имогену держится съ восторгомъ
Какъ якорь онъ, она же на него.
На насъ на всѣхъ, на братьевъ и на Кая,
Изъ свѣтлыхъ глазъ потоки мечетъ искръ,
Какъ молній рядъ, но молній безопасныхъ.
Такой огонь приноситъ только радость,
И тѣмъ же ей мы отвѣчаемъ всѣ.

И семейныя радости во всѣхъ этихъ трехъ послѣднихъ комедіяхъ еще оттѣняются любовью къ затишью, къ природѣ, къ тихой жизни вдали отъ городской сутолоки. Пастушеская обстановка, которая такъ заманчиво просіяла передъ нами въ „Какъ вамъ это понравится“, теперь опять манитъ къ себѣ воображеніе драматурга. Въ „Зимней Сказкѣ“ онъ переноситъ дѣйствіе въ настоящую пастушескую среду, какъ ее изображали пасторальные романы того времени, а въ „Цимбелинѣ“ и въ „Бурѣ“ поэтъ ведетъ насъ на немного сказочное лоно природы, вглубь какихъ-то древнихъ, дремучихъ лѣсовъ. Это лоно природы, очевидно, придумано; дѣло не въ немъ—все, дѣло въ удаленіи отъ города и отъ городскихъ заботъ, отъ всей осложненности современнаго строя жизни.

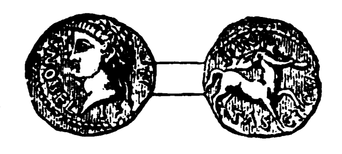
Городскую сутолоку Шекспиръ называетъ въ своихъ комедіяхъ „придворной хитрой жизнью“. И что такое дворъ съ его интригами, отсутствіемъ искренности въ отношеніяхъ, съ его дѣланностью и манерностью въ нравахъ, Шекспиръ, конечно, не могъ не знать по опыту, особенно въ первые годы царствованія Якова I, когда ему такъ часто приходилось играть передъ королемъ. Но разумѣетъ Шекспиръ подъ „хитрой жизнью“ не только дворъ. Это ясно видно изъ словъ Беларія, бѣжавшаго вглубь лѣсовъ и размышляющаго о суетѣ міра. Беларій говоритъ:

Ничтожный жукъ броней своей бываетъ
Прикрытъ отъ зла вѣрнѣе, чѣмъ орелъ.
Да! жить, какъ мы, почетнѣй, чѣмъ гоняться
За милостью! Пріятнѣй, чѣмъ гоняться
Вездѣ корысть, и лучше, чѣмъ рядиться
Въ шелка и бархатъ, забранные въ долгъ.

Такъ говорилъ и герцогъ въ „Какъ вамъ это понравится", но онъ говорилъ это только себѣ въ утѣшеніе. Беларій не только изгнанникъ, пострадавшій отъ несправедливости Цимбелина: онъ еще воспитатель его дѣтей. Правда онъ похитилъ Гвидерія и Арвирага изъ мести, но за то и онъ, и жена его всѣ силы свои отдали на то, чтобы сдѣлать изъ королевичей настоящихъ мужей, смѣлыхъ и простыхъ, бодро и трезво смотрящихъ на жизнь. Мысль о правильномъ воспитаніи молодого поколѣнія, очевидно, стала теперь вкрадываться въ сознаніе поэта вмѣстѣ съ проснувшимся чувствомъ отца, и этотъ интересъ Шекспира къ вопросамъ воспитанія стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣмъ его міровоззрѣніемъ. Онъ уже читалъ въ это время Монтэня, и французскій мыслитель влилъ въ его міровоззрѣніе то спокойное созерцательное отношеніе къ великой загадкѣ міра, къ тѣмъ нравственнымъ проблеммамъ, которыя такъ взволновали тревожную душу Гамлета. Шекспиръ вѣритъ теперь въ добро и въ его силу. Онъ вѣритъ въ то, что въ душѣ человѣка испорченность и закоснѣлость, о которыя разбиваются реформаторскія затѣи Брута, не составляютъ неисправимаго закона мірозданія, какъ это думалъ Тимонъ Аѳинскій. Поэтъ думаетъ также, что правду людямъ можно говорить не только въ шутовскомъ колпакѣ, какъ увѣрялъ насъ меланхоликъ Жакъ. Правда сама по себѣ должна восторжествовать. Коварство и злоба людей не болѣе, какъ посторонній налетъ. Такъ же точно, какъ сама природа хороша въ своей постоянной, не тронутой человѣческой рукой, непосредственной, хотя и немного дикой, красотѣ, такъ же точно и человѣкъ въ глубинѣ себя не можетъ не быть добръ и справедливъ. И эта врожденная доброта человѣка и облегчаетъ задачу воспитателя.

Но Беларій только слабый набросокъ болѣе могучей фигуры ученаго Просперо въ „Бурѣ". Когда въ лицѣ Просперо Шекспиръ разобьетъ свой волшебный жезлъ, чтобы навсегда уйти изъ міра, онъ завѣщаетъ ему утѣшенія, уже въ болѣе продуманныхъ словахъ, чѣмъ слова Беларія. И черезъ полтора вѣка человѣчество вспомнитъ воспитательныя затѣи изгнаннаго британскаго полководца и кудесника-отшельника. Онѣ произведутъ тогда чудеса обновленія, раскроютъ передъ человѣчествомъ новый просторъ упованій на лучшія времена. Идеи наслѣдника Беларія и Просперо, великаго женевскаго философа, повлекутъ за собой цѣлый переворотъ въ жизненныхъ устояхъ человѣчества.

Евг. Аничковъ.

Древняя монета съ изображеніемъ Кунобелина.

ЦИМБЕЛИНЪ.

Дѣйствующія лица:

Цимбелинъ, король Британіи.

Клотенъ, сынъ королевы отъ перваго брака.

Леонатъ Постумъ, дворянинъ, супругъ Имогены.

Беларій, изгнанный вельможа, подъ именемъ Моргана.

Гвидерій, Арвирагъ — сыновья Цимбелина, подъ именами Полидора и Кадвала, мнимыхъ сыновей Беларія.

Филаріо, другъ Постума, Іахимо, пріятель Филаріо — итальянцы.

Кай Луцій, римскій полководецъ.

Пизаніо, слуга Постума.

Корнелій, врачъ.

Французъ, пріятель Филаріо.

Римскій военачальникъ.

Два британскихъ военачальника.

Два лорда.

Два дворянина.

Гадатель.

1-ый тюремщикъ.

2-ой тюремщикъ.

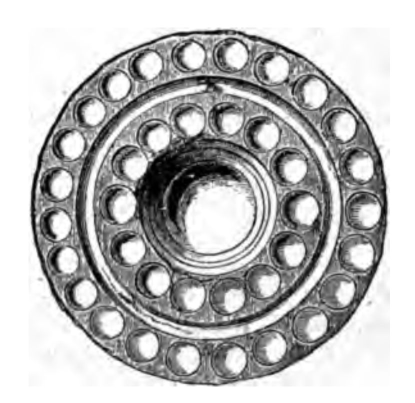
Королева, супруга Цимбелина.

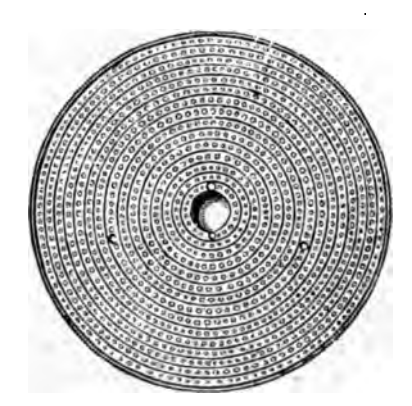
Имогена, дочь Цимбелина отъ перваго брака.

Елена, прислужница Имогены.

Лорды, придворныя дамы, римскіе сенаторы, трибуны, духи, голландецъ, испанецъ, музыканты, военачальники, солдаты, вѣстники и свита.

Мѣсто дѣйствія—частію въ Британіи, частію—въ Римѣ.

ДРЕВНЕ-БРИТАНСКІЕ ЩИТЫ.

ЦИМБЕЛИНЪ ИЗГОНЯЕТЪ ПОСТУМА.
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Гамильтона (W. Hamilton, R. A. 1751—1801). (Большая Бойделевская Галлерея).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Садъ при дворцѣ Цимбелина.

Входятъ два дворянина.

1-ый дворянинъ.

Да, пасмуренъ тутъ каждый! Наша кровь
Не болѣе покорна небесамъ,
Чѣмъ королю придворный: каждый хочетъ
Такимъ, какъ онъ, казаться.

2-ой дворянинъ.

Въ чемъ же дѣло?

1-ый дворянинъ.

Онъ дочь свою, наслѣдницу престола,
Хотѣлъ отдать за сына королевы,
Съ которою недавно сочетался;
Но дочь сама себѣ избрала мужа:
Онъ не богатъ, но духомъ благороденъ.
И вотъ онъ изгнанъ, дочь заключена;
На видъ всѣ въ горѣ, а король, конечно,
Скорбитъ въ душѣ.

2-ой дворянинъ.

Ужели онъ одинъ?

1-ый дворянинъ.

И тотъ, кто изгнанъ; ну, и королева,
Желавшая союза. Но за то
Изъ всѣхъ придворныхъ нѣтъ ни одного—
Хотя они предъ королемъ всѣ грустны—
Который бы не радовался тайно
Ихъ общей скорби.

2-ой дворянинъ.

Это почему жъ?

1-ый дворянинъ.
Тотъ, кто невѣсту потерялъ—такая
Дрянная тварь, что хуже быть не можетъ;
А тотъ, кто сталъ ей мужемъ и за это
Въ изгнаніи—такое совершенство,
Что если-бъ свѣтъ пришлося обойти,
Подобнаго другого не отыщешь.
Мнѣ кажется, что нѣтъ ни у кого
Такой души прекрасной въ сочетаньи
Съ тѣлесной красотой.

2-ой дворянинъ.
Вы захвалили!

1-ый дворянинъ.
Нисколько; я скорѣй не дохвалилъ:
Скорѣе съузилъ, чѣмъ расширилъ кругъ
Его достоинствъ.

2-ой дворянинъ.
Какъ его зовутъ
И родомъ онъ откуда?

1-ый дворянинъ.
Я не знаю
Его происхожденья; но Сицилій,
Его отецъ, ходилъ съ Кассибеланомъ
Противъ римлянъ и славой увѣнчался.
Потомъ его Тенанцій отличалъ,
Которому служилъ онъ съ рѣдкимъ счастьемъ,
И призванъ былъ за храбрость Леонатомъ.
Онъ, кромѣ сына этого, имѣлъ
Еще двоихъ, но оба, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Съ мечомъ въ рукахъ, на полѣ чести пали,
И старецъ такъ былъ этимъ потрясенъ,
Что умеръ отъ тоски. Его жъ вдова,
Родивъ на свѣтъ младенца, о которомъ
Идетъ здѣсь рѣчь, скончалась; но король,
Взявъ сироту-младенца подъ защиту,
Назвалъ его Постумомъ-Леонатомъ.
Онъ воспиталъ его и сдѣлалъ пажемъ,
И путь ему открылъ ко всѣмъ познаньямъ,
Уму его доступнымъ. Онъ науки
Впивалъ въ себя, какъ мы впиваемъ воздухъ,
И ужъ весной далъ жатву; при дворѣ жъ,
Что рѣдкость, былъ любимъ и восхваляемъ:
Для юношей—примѣръ, для возмужалыхъ—
Зерцало всѣхъ душевныхъ совершенствъ,
И поводырь для стариковъ, которые ужъ сами
Итти не могутъ; а его супруга,
Виновница изгнанья, показала
Достоинства души своей вполнѣ,
Избравъ и чтя его за добродѣтель.
По выбору ея судить вамъ можно,
Что онъ за человѣкъ.

2-ой дворянинъ.
Я уважаю
Его изъ словъ ужъ вашихъ. Но скажите
Одна ли дочь у короля?

1-ый дворянинъ.
Одна.
Двухъ сыновей имѣлъ онъ... Если вамъ
О нихъ узнать желательно, то я
Вамъ разскажу. Трехъ лѣтъ былъ старшій сынъ,
Второй еще въ пеленкахъ, какъ изъ дѣтской
Похитили обоихъ—и донынѣ
Не вѣдаетъ никто объ ихъ судьбѣ.

2-ой дворянинъ.
И ужъ давно?

1-ый дворянинъ.
Лѣтъ двадцать ужъ тому.

2-ой дворянинъ.
Какъ дѣти короля могли исчезнуть!
Какъ можно было ихъ беречь такъ дурно
И не найти потомъ?

1-ый дворянинъ.
Какъ ни странна,
Какъ ни смѣшна подобная небрежность,
А такъ оно на дѣлѣ.

2-ой дворянинъ.
Я вамъ вѣрю.

1-ый дворянинъ.
Намъ нужно удалиться: королева
Идетъ сюда, съ ней Постумъ и принцесса.
(Уходятъ).

Входятъ королева, Имогена *и* Постумъ.

Королева.
Нѣтъ, дочь моя, повѣрь, ты не найдешь
Враждебныхъ чувствъ во мнѣ, какъ говоритъ
О мачехахъ молва. Хотя покуда
Ты узница моя, но твой тюремщикъ
Тебѣ самой вручитъ ключи темницы.
О васъ же, Постумъ—только лишь удастся
Мнѣ усмирить волненье короля—
Ходатаемъ я буду; но теперь
Онъ сильно раздраженъ, а потому
Велѣнью покоритесь и терпите,
По указанью мудрости.

Постумъ.
Я, ваше
Величество, сегодня же уѣду.

Королева.
Вы знаете опасность. Я пройдусь

Здѣсь по саду. Любви гонимой горе
Меня гнететъ, хотя и приказалъ
Король, чтобъ вы ужъ больше не видались.
(Уходитъ).

Имогена.
О, доброта притворная! Змѣя
Щекочетъ нѣжно тамъ, гдѣ уязвляетъ!
Супругъ мой милый, мнѣ хотя и страшенъ
Отцовскій гнѣвъ, но, нашъ союзъ священный
Храня, я не боюсь его ударовъ.
Ты долженъ ѣхать, я останусь здѣсь—
Всегдашней цѣлью взоровъ раздраженныхъ.
Останется одно мнѣ утѣшенье.
Что міръ хранитъ сокровище мое,
Чтобъ возвратить ко мнѣ.

Постумъ.
Моя царица,
Мой милый другъ, не плачь, чтобъ не сказали,
Что слабости душевной я поддался,
Столь недостойной мужа! Я останусь
Тебѣ навѣкъ супругомъ неизмѣннымъ.
Я въ Римѣ жить намѣренъ, у Филарьо:
Онъ друженъ былъ съ отцомъ моимъ, но мнѣ
По письмамъ лишь знакомъ. Пиши туда—
Я буду пить слова твои глазами,
Хоть желчью будь чернила!

Королева *(возвращается).*
Поспѣшите!
Когда король придетъ, то на меня
Весь гнѣвъ его обрушится *(Въ сторону).*
Но лучше
Я подведу сама его сюда:
Поссорившись со мною, всякій разъ
Онъ щедро искупаетъ примиренье.
(Уходитъ).

Постумъ.
Когда-бъ всю жизнь прощанье наше длилось,
Разлуки горе все расло-бъ. Прощай.

Имогена.
О, не спѣши! Когда-бъ ты уѣзжалъ
Лишь на прогулку получасовую,
Такъ коротко мы вѣрно-бъ не прощались.
Мой другъ, вотъ перстень матери моей!
Возьми его и сохраняй, пока
Другой жены себѣ не изберешь,
Когда меня не станетъ.

Постумъ.
Какъ! другой?
О, боги, мнѣ лишь эту сохраните,
Меня жъ избавьте смертью отъ объятій
Другой жены! *(Надѣваетъ кольцо).*
О, оставайся тутъ,
Пока я живъ! О, милая моя,
Когда свою ничтожность далъ въ обмѣнъ я
Твоей любви, ты много потеряла:
Такъ и теперь я въ прибыли отъ дара.
Носи вотъ эти нѣжныя оковы,
Которыя хочу я наложить
На узницу прелестную.
(Надѣваетъ ей браслетъ).

Имогена.
О, боги,
Когда опять мы свидимся!
Входитъ Цимбелинъ *со свитою.*

Постумъ.
Король!

Цимбелинъ.
Прочь съ глазъ моихъ, презрѣнный! Если будешь
Еще нашъ дворъ собою тяготить,
То смерть тебѣ! Ступай: твой видъ несносный
Отрава мнѣ.

Постумъ.
Да сохранятъ васъ боги
И съ вами всѣхъ достойныхъ при дворѣ
Иду. *(Уходитъ).*

Имогена.
Такихъ тяжелыхъ мукъ, какъ эта,
У смерти нѣтъ!

Цимбелинъ.
Преступное созданье,
Ты юность мнѣ могла бы возвратить,
А между тѣмъ мнѣ прибавляешь годы.

Имогена.
Не сокрушайте, государь, себя
Отдавшись гнѣву; онъ меня не тронетъ.
Подъ игомъ скорби тяжкой и глубокой
Исчезъ мой страхъ.

Цимбелинъ.
А кротость, послушанье?

Имогена.
Да, нѣтъ надежды—нѣтъ и состраданья.

Цимбелинъ.
Какъ! сыну королевы отказать!

Имогена.
Я поступила хорошо: орла
Я избрала, а ворона отвергла.

ПРОЩАНІЕ ИМОГЕНЫ И ПОСТУМА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Цимбелинъ.
Ты нищаго взяла, чтобъ сдѣлать тронъ мой
Сѣдалищемъ ничтожности.

Имогена.
О, нѣтъ!
Я новый блескъ ему бы придала.

Цимбелинъ.
Презрѣнная!

Имогена.
Вы сами, о родитель,
Виновны въ томъ, что Постума люблю я
Его со мной вы вмѣстѣ воспитали.
Онъ стоитъ каждой женщины и, вѣрно,
Меня собой далеко превосходитъ.

Цимбелинъ.
Что? не сошла ли ты съ ума?

Имогена.
Почти.
Будь Небо мнѣ защитой! О, когда бы
Отецъ мой былъ пастухъ, а Леонатъ—
Сосѣда сынъ.

Входитъ королева.

Цимбелинъ.

О, глупая дѣвчонка!
Они опять сходились тутъ: опять
Приказъ мой не исполненъ. Взять ее
И запереть!

Королева.

Молю васъ, успокойтесь!
Дочь милая, молчи. Мой государь,
Оставьте насъ однѣхъ и развлекитесь,
На сколько можно.

Цембелинъ.

Ну, такъ пусть же сохнетъ
Она на каплю крови каждый день,
И въ старости умреть въ своемъ безумьѣ!
(Цимбелинъ и свита уходятъ).

Королева.

Ты уступить должна.

Входитъ Пизаніо.

королева.

Вотъ твой служитель.
Что новаго намъ скажешь?

Пизаніо.

Принцъ, вашъ сынъ,
На господина моего напалъ.

Королева.

Несчастья не случилось ли?

Пизаніо.

Могло бы
Оно случиться, но мой господинъ
Скорѣй шутилъ, а не дрался серьезно
И не увлекся гнѣвомъ; постороннимъ
Разнять ихъ удалось.

Королева.

Ахъ, какъ я рада!

Имогена.

Да, сынъ вашъ другъ отцу и за него
Готовъ стоять. Великое геройство—
На бѣднаго изгнанника напасть!
Вотъ лучше бъ въ Африкѣ они сошлися,
А я бы тутъ съ иголкою стояла
Колоть того, кто будетъ отступать.
Зачѣмъ же ты ушелъ отъ господина?

Пизаніо.

Онъ такъ велѣлъ и не позволилъ мнѣ
Итти за нимъ до гавани; при этомъ
Мнѣ предписанье далъ, какъ вамъ служить,
Коль служба вамъ моя угодна будетъ.

Королева.

Онъ былъ тебѣ всегда слугою вѣрнымъ
И—я ручаюсь—будетъ имъ и впредь.

Пизаніо.

Примите благодарность, королева!

Королева.

Пойдемъ гулять.

Имогена.

А ты зайди ко мнѣ
Чрезъ полчаса: ты сходишь на корабль
Къ супругу моему. Теперь оставь насъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Площадь.

Входитъ Клотенъ *съ двумя* лордами.

1-ый лордъ. Принцъ, я бы вамъ совѣтовалъ перемѣнить сорочку: вслѣдствіе сильнаго движенія, отъ васъ идетъ паръ, какъ отъ жертвы. Гдѣ воздухъ выходитъ, тамъ онъ и входитъ, и никакой внѣшній воздухъ не можетъ быть такъ здоровъ, какъ тотъ, который вы отдѣляете.

Клотенъ. Если бы рубашка моя была окровавлена, то я перемѣнилъ бы ее. Что? ранилъ я его?

2-ой лордъ *(про себя)*. Нисколько, ни даже его терпѣнья.

1-ый лордъ. Ранили ль его? Да его тѣло сквозной скелетъ, если онъ не раненъ; столбовая дорога для стали, если онъ не раненъ.

2-й лордъ *(про себя)*. А его мечъ обходилъ его, какъ должникъ избѣгающій встрѣчи съ кредиторомъ и пробирался сторонкой.

Клотенъ. Негодяй! онъ не могъ устоять противъ меня.

2-й лордъ *(про себя)*. Конечно, потому что бѣжалъ впередъ, прямо тебѣ на встрѣчу.

1-ый лордъ. Гдѣ ему! У васъ самихъ довольно земли, а онъ захотѣлъ еще увеличить ваши владѣнія: онъ уступилъ вамъ и ту, которая была подъ нимъ.

2-ой лордъ *(про себя)*. Да, ровно столько дюймовъ, сколько у тебя океановъ; олухи!

Клотенъ. Эхъ, досадно, что намъ помѣшали!

2-ой лордъ (*про себя*). Да и мнѣ досадно, а то бы ты доказалъ намъ, какой длины дуракъ, когда онъ лежитъ на землѣ.

Клотенъ. И она могла полюбить этого олуха и отвергнуть меня!

2-ой лордъ (*про себя*). Да, если грѣшно сдѣлать хорошій выборъ, то не спастись ей отъ проклятія.

1-ый лордъ. Принцъ, я всегда вамъ говорилъ, что красота ея не соотвѣтствуетъ уму; она прелестная картина, но я не замѣтилъ въ ней отраженія ума.

2-ой лордъ (*про себя*). Она не свѣтитъ на дураковъ, чтобъ ей не повредило отраженье.

Клотенъ. Пойдемъ въ мою комнату. А жаль, что не случилось бѣды.

2-ой лордъ (*про себя*). Нисколько; развѣ палъ бы оселъ—такъ это еще не большая бѣда.

Клотенъ. Вы пойдете съ нами?

1-ый лордъ. Я слѣдую за вами, принцъ.

Клотенъ. Нѣтъ, ужъ пойдемте всѣ вмѣстѣ.

2-ой лордъ. Извольте, ваше высочество. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ Имогена *и* Пизаніо.

Имогена.

О, какъ бы я желала, чтобы ты
Приросъ, какъ камень, къ берегу морскому
И говорилъ бы съ каждымъ кораблемъ.
Что, если онъ напишетъ мнѣ, а я
Не получу письма? Его утрата
Сравнится лишь съ утратою прощенья,
Котораго съ тоскою ждетъ преступникъ.
Что было у него послѣднимъ словомъ?

Пизаніо.

Послѣднимъ было: „о, моя царица!“

Имогена.

И онъ махалъ платкомъ?

Пизаніо.

И цѣловалъ его.

Имогена.

Бездушный холстъ счастливѣе меня!
И это было все?

Пизаніо.

О, нѣтъ, принцесса!
Пока я могъ и слухомъ, и глазами
Его отъ прочихъ отличить на декѣ,
Онъ все стоялъ, махая мнѣ платкомъ,
Перчатками и шляпой, чѣмъ тревогу
Своей души печальной выражалъ—
Какъ медленно онъ сердцемъ удалялся
Отъ этихъ странъ, какъ быстро плылъ корабль!

Имогена.

Ты-бъ долженъ былъ слѣдить за нимъ, покуда
Онъ сдѣлался-бъ не болѣе вороны.

Пизаніо.

Я такъ за нимъ, принцесса, и слѣдилъ.

Имогена.

Я надорвала-бъ всѣ глазные нервы,
Чтобъ услѣдить за нимъ, пока онъ сталъ бы
Величиной съ конецъ моей иглы;
Смотрѣла бы за нимъ, пока въ эѳирѣ,
Какъ мошка, онъ исчезъ бы, и тогда
Я отвернулась бы и стала плакать.
Когда о немъ получимъ мы извѣстье?

Пизаніо.

Увѣренъ я, что съ первымъ кораблемъ.

Имогена.

Я не простилась съ нимъ, а мнѣ хотѣлось
Сказать ему такъ много дорогого:
Какъ буду я о немъ воспоминать
Въ извѣстный часъ, и клятву взять забыла,
Что правъ моихъ и чести онъ своей
Не подаритъ красоткамъ итальянскимъ...
Я не успѣла вымолить, чтобъ въ полдень,
Въ полночный часъ и утромъ въ шесть часовъ
Встрѣчался онъ молитвами со мной,
Затѣмъ, что въ это время въ небесахъ
Я буду за него; еще хотѣла
Я дать ему прощальный поцѣлуй
И два волшебныхъ слова; но отецъ мой,
Какъ сѣверный суровый вѣтеръ, сдулъ
Цвѣтокъ любви, готовый распуститься.

Входитъ придворная дама.

Придворная дама.

Пожалуйте, принцесса, къ королевѣ.

Имогена.

Исполни все, что я тебѣ велѣла—
Меня ждетъ королева.

Пизаніо.

Все исполню. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Римъ. Въ домѣ Филаріо.

Входятъ Филаріо, Іахимо, французъ, голландецъ *и* испанецъ.

Іахимо. Повѣрьте мнѣ, я зналъ его въ Британіи; тогда слава его росла, и всѣ ожидали отъ него тѣхъ достоинствъ, которыя теперь приписываютъ ему; но я и тогда смотрѣлъ бы на него безъ удивленія, если-бъ къ нему пришпиленъ былъ реэстръ всѣхъ его совершенствъ и я могъ бы прочитать его по статьямъ.

Филаріо. Ты говоришь о томъ времени, когда еще онъ не вполнѣ обладалъ тѣми совершенствами, какія отличаютъ его теперь въ духовномъ и тѣлесномъ отношеніи.

Французъ. Я видѣлъ его во Франціи; но тамъ было много такихъ, которые могли столь-же твердо смотрѣть на солнце.

Іахимо. Онъ женился на дочери короля—и его должно цѣнить не столько по его собственнымъ, сколько по ея достоинствамъ: вотъ главная причина, почему его такъ превозносятъ.

Французъ. И потомъ его изгнанье...

Іахимо. Но и тѣ, которые сочувствуютъ этой печальной разлукѣ и горю принцессы, превозносятъ его выше всякой мѣры, быть можетъ, только потому, чтобы укрѣпить ея выборъ, который бы, конечно, не устоялъ противъ слабаго обстрѣливанія, если бы избранный ею нищій не былъ украшенъ всѣми совершенствами. Но отчего же онъ будетъ жить у васъ? Какъ вы съ нимъ познакомились?

Филаріо. Я былъ товарищемъ его отца по оружію и не разъ былъ ему обязанъ болѣе, чѣмъ жизнью.

Входитъ Постумъ.

Филаріо. Вотъ идетъ этотъ британецъ. Примите его, какъ прилично людямъ съ вашимъ образованіемъ принимать иностранца съ такими достоинствами. Прошу васъ всѣхъ покороче познакомиться съ этимъ господиномъ, котораго представляю вамъ, какъ моего благороднаго друга. Пусть лучше время выкажетъ его достоинства, чѣмъ мнѣ вычислять ихъ при немъ.

Французъ. Мы, кажется, были знакомы съ вами въ Орлеанѣ.

Постумъ. Да, и съ тѣхъ поръ я вашъ должникъ въ тѣхъ любезностяхъ, которыя вы мнѣ оказали, и сколько бы ни старался—все-таки останусь имъ навѣки.

Французъ. О, вы цѣните слишкомъ высоко мои ничтожныя дружескія услуги. Душевно радъ, что успѣлъ примирить васъ съ моимъ землякомъ: было бы жаль, если-бы дошло до кровавой развязки изъ-за такого ничтожнаго дѣла.

Постумъ. Извините меня—я былъ тогда молодой путешественникъ, нѣсколько упрямый, чтобы безусловно соглашаться съ тѣмъ, что мнѣ говорятъ, и мало расположенный въ каждомъ дѣйствіи руководиться опытомъ другихъ. Впрочемъ, и теперь, когда мой умъ уже созрѣлъ—не сочтите это за хвастовство—дѣло это представляется мнѣ не совсѣмъ ничтожнымъ.

Французъ. Но во всякомъ случаѣ, оно не стоило того, чтобы рѣшать его оружіемъ, особенно для такихъ противниковъ, изъ которыхъ одинъ сразилъ бы другого, или оба пали бы вмѣстѣ.

Іахимо. Не будетъ ли нескромнымъ, если я спрошу, о чемъ былъ этотъ споръ?

Французъ. О, нѣтъ! это дѣло происходило публично, и нѣтъ никакого препятствія разсказать его. Оно похоже на нашъ вчерашній споръ, въ которомъ каждый изъ насъ превозносилъ красавицъ своей родины. Этотъ господинъ утверждалъ тогда, и притомъ съ готовностью подтвердить слова свои кровью, что его дама прекраснѣе, добродѣтельнѣе, умнѣе, цѣломудреннѣе, скромнѣе и постояннѣе, чѣмъ лучшая изъ француженокъ.

Іахимо. Конечно, эта дама уже умерла, или увѣренность этого господина стала теперь слабѣе.

Постумъ. Она осталась при своей добродѣтели, а я при своемъ мнѣніи.

Іахимо. Но вы, конечно, не рѣшитесь поставить ее выше нашихъ итальянокъ.

Постумъ. Если-бъ меня такъ же раздражили, какъ тогда во Франціи, я не оцѣнилъ бы ея ни на волосъ ниже, хотя-бы это придало мнѣ видъ не любовника ея, а обожателя.

Іахимо. Утверждать, что она столь же прелестна и добродѣтельна какъ наши итальянки—хотя это слишкомъ общее сравненіе—было бы черезчуръ много для каждой британской дамы. Если она на столько превосходитъ другихъ, которыхъ я зналъ, на сколько этотъ бриллльянтъ сіяетъ лучше другихъ, которые я видѣлъ, то я долженъ согласиться, что она только лучше многихъ. Но между многими драгоцѣнностями, какія есть на свѣтѣ, я навѣрное, не видалъ

самой дорогой, такъ же какъ и вы между женщинами самой совершенной.

Постумъ. Я цѣню ее по собственной оцѣнкѣ, какъ и этотъ камень.

Іахимо. А какъ высоко вы его цѣните?

Постумъ. Выше всего, чѣмъ можетъ похвалиться міръ.

Іоахимо. Или ваша несравненная любезная не существуетъ, или какая-нибудь ничтожная вещица можетъ быть ея дороже.

Постумъ. Вы въ заблужденіи: одну можно продать или подарить, если у кого достанетъ богатствъ, чтобы пріобрѣсть ее, или заслугъ, чтобы получить ее въ подарокъ; другую же получить не такъ легко: она даръ боговъ.

Іахимо. Который подарили вамъ боги?

Постумъ. Да, и она останется моею по милости боговъ.

Іахимо. Вы можете ее считать своею по имени; но вы знаете—чужія птицы спускаются на прудъ сосѣда. Вашъ перстень можетъ также быть украденъ. Значитъ, изъ вашихъ двухъ безцѣнныхъ сокровищъ одно слабо, а другое подвержено случайностямъ. Искусный воръ или ловкій въ подобныхъ дѣлахъ волокита могутъ попытаться отнять у насъ и то и другое.

Постумъ. Во всей Италіи нѣтъ того искуснаго волокиты, который могъ бы быть опасенъ для чести моей любезной, если вы считаете ее слабою въ сохраненіи своей чести. Я нисколько не сомнѣваюсь, что воровъ у насъ очень много—и я все-таки не боюсь за свой перстень.

Филаріо. Остановимся на этомъ, друзья мои.

Постумъ. Съ большимъ удовольствіемъ Этотъ уважаемый синьоръ, спасибо ему, не обходится со мною, какъ съ чужимъ: мы сблизились съ первыхъ же словъ.

Іахимо. Въ пять такихъ бесѣдъ я приложилъ бы себѣ путь къ сердцу вашей любезной и заставилъ бы ее отступить и поколебаться, если бы имѣлъ только доступъ и случай.

Постумъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Іахимо. Я готовъ держать половину моего имѣнія противъ вашего перстня—оно, по моему мнѣнію, стоитъ болѣе—но я держу свой закладъ болѣе противъ вашей увѣренности, чѣмъ противъ чести вашей дамы, и чтобы исключить тутъ всякое оскорбленіе я готовъ сдѣлать это испытаніе съ какою угодно дамою на свѣтѣ.

Постумъ. Вы крайне заблуждаетесь въ своей слѣпой самонадѣянности, и я не сомнѣваюсь, что вы за подобную попытку получите то, чего достойны.

Іахимо. А что же именно?

Постумъ. Отказъ; хотя эта попытка, какъ вы её называете, заслуживаетъ большаго, а именно: наказанія.

Филаріо. Господа, оставьте этотъ споръ. Онъ возникъ такъ внезапно; пусть онъ и умретъ, какъ родился, и—прошу васъ—узнайте лучше другъ друга.

Іахимо. Я готовъ отвѣчать имѣніемъ своимъ и моего сосѣда, что подтвердилъ бы слова свои дѣломъ.

Постумъ. Какую же даму избираете вы для своего опыта?

Іахимо. Вашу, которой постоянство считаете вы такимъ несокрушимымъ. Я держу десять тысячъ червонцевъ противъ вашего перстня, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы отрекомендовали меня при дворѣ, гдѣ живетъ ваша дама; мнѣ болѣе ничего не нужно, кромѣ случая къ вторичному свиданію, и я привезу вамъ оттуда ея честь, которую вы считаете такою неприступною.

Постумъ. Я готовъ держать зслото противъ вашего золота; но перстнемъ моимъ я такъ же дорожу, какъ пальцемъ. онъ часть его.

Іахимо. Вы любовникъ, а потому и осторожны. Но если вы заплатите милліонъ за золотникъ женскаго мяса, то и тогда не предохраните его отъ порчи. Впрочемъ, я вижу, что это для васъ святыня, а потому и трусите.

Постумъ. Вашъ языкъ болтаетъ по привычкѣ, и я считаю ваши намѣренія болѣе честными.

Іахимо. Я полный властелинъ своихъ словъ и готовъ исполнить то, что сказалъ; клянусь въ томъ моей честью.

Постумъ. Исполнили бы? Ну, такъ я довѣрю вамъ мой перстень до вашего возвращенія—пусть будетъ между нами заключенъ формальный договоръ. Моя любезная въ своей добродѣтели стоитъ безконечно выше вашихъ грязныхъ мыслей. Я вызываю васъ на этотъ закладъ: вотъ мой перстень!

Филаріо. Не нужно никакого заклада.

Іахимо. Клянусь богами, онъ состоялся! Если я представлю вамъ достаточныя доказательства, что я овладѣлъ лучшимъ сокровищемъ вашей любезной, то мои десять тысячъ червонцевъ остаются при мнѣ, вмѣстѣ съ вашимъ перстнемъ. Но если я получу отказъ и она сохранитъ свою честь, за которую вы такъ стоите, то она—ваше

сокровище, и тогда этотъ перстень и мое золото—ваши, но съ условіемъ: вы дадите мнѣ рекомендацію, чтобъ получить къ ней доступъ.

Постумъ. Я согласенъ на эти условія; составимъ нашъ договоръ. Вотъ въ чемъ вы мнѣ отвѣтите: если вы оправдаете ваше хвастовство и представите мнѣ ясныя доказательства, что вы побѣдили, то я не буду вамъ врагомъ, ибо тогда она не стоитъ вражды; но если она останется непорочною и вы мнѣ не докажете противнаго, то за дурное мнѣніе и нападеніе на ея невинность вы мнѣ отвѣтите мечомъ.

Іахимо. По рукамъ; идетъ! Мы скрѣпимъ этотъ договоръ законнымъ образомъ, и я тотчасъ отправлюсь въ Британію, чтобъ предпріятіе не простыло и не заглохло. Я принесу свое золото и велю составить письменное условіе.

Постумъ. Согласенъ.

(Постумъ и Іахимо уходятъ).

Французъ. Какъ вы думаете, состоится ли это дѣло?

Филаріо. Синьоръ Іахимо отъ него не отступится. Пойдемте за ними.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Британія. Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ королева, придворныя дамы *и* Корнелій.

Королева.

Пока роса ночная не обсохла,
Скорѣй цвѣтовъ нарвите мнѣ. Гдѣ списокъ?

Придворная дама.

Онъ у меня.

Королева.

Такъ поскорѣе.
(Придворныя дамы уходятъ).
Докторъ,
Принесъ ли ты мнѣ зелій?

Корнелій *(подавая ей коробку).*

Королева,
Я вашъ приказъ исполнилъ—вотъ они;
Но смѣю ли спросить—не разсердитесь
На мой вопросъ: его внушаетъ совѣсть—
Зачѣмъ составъ вамъ нуженъ ядовитый,
Который смерть наноситъ неизбѣжно,
Хоть медленно, но вѣрно?

Королева.

Удивляюсь
Вопросу твоему: не у тебя ли
Училась я? не ты ль мнѣ показалъ,
Какъ смѣшивать, перегонять духи,
Такъ что не разъ великій нашъ король
Хвалилъ мои составы. Не считая
Меня въ связи съ нечистымъ, ты не долженъ
Тому дивиться, что свои познанья
Хочу развить я въ опытахъ другихъ,
Такъ и теперь хочу искусства силы
Лишь на такихъ животныхъ испытать,
Которыхъ мы и вѣшать не желаемъ,
Но не на людяхъ. Дѣйствіе узнавъ,
Я примѣню его противоядье
И разныхъ силъ вліянье испытаю.

Корнелій.

Но опыты такіе ваше сердце
Ожесточатъ, а видъ подобныхъ дѣйствій
И вреденъ, и противенъ.

Королева.

Будь покоенъ.

Входитъ Пизаніо.

Королева *(про себя).*

А вотъ и льстецъ лукавый. Такъ съ него-то
Я и начну: онъ преданъ господину
И ненавидитъ сына моего.
(Громко). А, это ты, Пизаніо! Ну, докторъ,
Теперь ступай: ты больше мнѣ не нуженъ.

Корнелій *(про себя).*

Не вѣрю я тебѣ; но не удастся
Твой замыселъ.

Королева *(къ Пизанію).*

Тебѣ сказать хочу я...

Корнелій *(про себя).*

Ее проникъ я. Пусть воображаетъ,
Что я ей далъ медлительнаго яда:
Я никому, съ подобною душой,
Не ввѣрилъ бы отравы. Что я далъ ей,
То чувства лишь на время притупляетъ.
Она сперва надъ кошкой иль собакой
Попробуетъ, а самъ пойдетъ и выше;
Но въ омертвѣньи томъ вреда не будетъ,
И жизни духъ, окованный на время,
Вновь оживетъ еще свѣжѣе. Пусть
Обманется она, въ моемъ коварствѣ
Я буду правъ.

Королева.

Ну, докторъ, удались,
Пока тебя не позовутъ.

Корнелій.

Иду. *(Уходитъ).*

КОРОЛЕВА.
Ты говоришь, все слезы льетъ она?
Ужель ее не успокоитъ время
И глупости не превозможетъ умъ?
Ты дѣлай все, что можешь. Если скажешь,
Что, наконецъ, ей сынъ мой сталъ любезенъ,
Тогда тебѣ скажу я, что ты сталъ
Такимъ, какъ Постумъ былъ, и даже выше:
Его теперь уже безмолвно счастье,
А имя съ нимъ умретъ. Ни возвратиться
Не можетъ онъ, ни жить, гдѣ онъ живетъ;
Мѣнять мѣста ему—мѣнять лишь горе,
И дня труды день новый разрушаетъ.
Чего ты ождаешь, опираясь
На то, что упадетъ и можетъ
Быть поднято, и даже не имѣетъ
Друзей, чтобъ поддержать его?
(Королева роняетъ коробку. Пизаніо поднимаетъ ее).
Ты поднялъ,
Чего и самъ не знаешь; но за трудъ
Возьми ее себѣ; я составляла
Сама лѣкарство это и пять разъ
Спасала имъ отъ смерти короля:
Нѣтъ лучшаго крѣпительнаго въ мірѣ.
Возьми его въ задатокъ той награды,
Которая назначена тебѣ.
Ты госпожѣ своей представь, какъ должно,
Ея судьбу—какъ-будто отъ себя.
Какое счастье ждетъ тебя, подумай:
Ты милостей принцессы не утратишь,
Пріобрѣтешь благоволенье сына
И короля, супруга моего,
Который—я объ этомъ постараюсь—
Исполнитъ все, чего ни пожелаешь;
И, наконецъ— ручаюсь въ томъ—примѣрно
Твои труды сама я награжу.
Пошли ко мнѣ придворныхъ дамъ и помни
Мои слова. *(Пизаніо уходитъ).*
Упорный, хитрый плутъ:
Онъ, какъ скала, стоитъ за господина
И вѣрность въ *ней* питаетъ; но едва
Онъ приметъ то, что я ему дала—
И у нея вѣстовщика не будетъ
Для милаго дружка; а не смирится,
То и сама попробуетъ лѣкарства.

ПИЗАНІО *и* ПРИДВОРНЫЯ ДАМЫ *возвращаются.*

КОРОЛЕВА.
Все такъ, все такъ; прекрасно:
Фіалки, ноготки, ушки медвѣжьи—
Снесите въ спальню ихъ. Прощай и помни
Слова мои, Пизаніо.
(Королева уходитъ въ сопровожденіи дамъ).

ПИЗАНІО.
Постараюсь.
Но если измѣнить меня заставитъ свѣтъ,
Я задушу себя—вотъ мой тебѣ обѣтъ!
(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входитъ ИМОГЕНА.

ИМОГЕНА.
Отецъ жестокъ, а мачеха лукава,
Женихъ—дуракъ: онъ сватаетъ жену,
Которой мужъ въ изгнаньи. О, несчастный!
Вѣнецъ моей тоски! Ахъ, сколько мукъ
Я за него терплю! Зачѣмъ, какъ братьевъ,
Не унесли меня? Вотъ было-бъ счастье!
Мучительно томиться на престолѣ!
Блаженны тѣ, хотя и въ низкой долѣ,
Чьи скромныя сбываются желанья
На радость имъ. Кто тамъ опять ко мнѣ?

Входятъ ПИЗАНІО *и* ІАХИМО.

ПИЗАНІО.
Принцесса, вотъ изъ Рима господинъ
Привезъ письмо отъ вашего супруга.

ІАХИМО.
Вы, кажется, испуганы, принцесса?
Достопочтенный Леонатъ здоровъ
И вамъ поклонъ сердечный посылаетъ.
(Подаетъ ей письмо).

ИМОГЕНА.
Благодарю. Я рада вамъ душевно.

ІАХИМО *(про себя).*
Въ ней все, что видно глазу—совершенство.
Когда жъ прекрасна также и душа,
То предо мною фениксъ аравійскій.
Я проигралъ! Будь мнѣ подругой, смѣлость,
И съ головы до ногъ вооружи,
Не то, какъ парсъ, я убѣгая долженъ биться,
Иль, попросту, бѣжать позорно съ поля.

ИМОГЕНА *(читаетъ).*
„Это одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, котораго дружбѣ я безконечно обязанъ. Прими его такъ, какъ велитъ тебѣ долгъ твой.
Леонатъ".
Вотъ это вслухъ; но дальше что онъ пишетъ,
То сердце мнѣ восторгомъ наполняетъ,
И благодарна я ему за то.
Привѣтъ вамъ отъ меня. Что на словахъ
Могу сказать, исполню то на дѣлѣ,
По мѣрѣ силъ.

ІАХИМО.

Благодарю, принцесса!
О, какъ безумны люди! Имъ природа
Дала глаза, чтобъ видѣть небеса—
Роскошный сводъ надъ моремъ и землею;
Они умѣютъ звѣзды различать
И на кремнистомъ берегу каменья—
И отличить не можетъ этотъ органъ
Дурное отъ прекраснаго!

ИМОГЕНА.

Синьоръ,
Что заставляетъ васъ такъ удивляться?

ІАХИМО.

Не зрѣнье тутъ виною: павіанъ
Межъ двухъ подобныхъ самокъ предпочелъ бы
Одну другой; и умъ нельзя винить:
Вѣдь, идіотъ судьею былъ бы мудрымъ
Предъ красотой; и чувственность невинна:
Всю грязь ея предъ блескомъ непорочнымъ
Подавитъ страсть сама, и къ пищѣ гнусной
Манить ее не будетъ.

ИМОГЕНА.

Сэръ, что съ вами?

ІАХИМО.

Пресыщенная воля, жадность страсти
И сытой, но все алчущей, сосудъ
Наполненный, но съ течью, пожираетъ
Сперва ягненка, а потомъ еще
Бросается на внутренность.

ИМОГЕНА.

Скажите,
Что раздражило васъ? Вы не больны ли?

ІАХИМО.

Благодарю, принцесса, я здоровъ.
(*Къ Пизанію*).
Прошу васъ, другъ: слуга мой тамъ—сыщите
Его; онъ здѣсь не знаетъ никого.

ПИЗАНІО.

Я самъ хотѣлъ итти къ нему съ привѣтомъ.
(*Уходитъ*).

ИМОГЕНА.

Что мой супругъ? Скажите, онъ здоровъ?

ІАХИМО.

Да, онъ здоровъ, достойная принцесса.

ИМОГЕНА.

И веселъ онъ? Надѣюсь, что онъ веселъ?

ІАХИМО.

О, какъ еще! Тамъ нѣтъ ни одного,
Кто-бъ такъ любилъ шутить и веселиться,
Какъ онъ, и всѣ за то его зовутъ,
„Повѣсою-британцемъ".

ИМОГЕНА.

Здѣсь, напротивъ
Онъ больше грустенъ былъ, хотя и самъ
Не зналъ тому причины.

ІАХИМО.

Никогда
Я грустнымъ не видалъ его. Тамъ есть
Одинъ французъ, его пріятель. Онъ
Отличный господинъ и очарованъ
Землячкою своею; то и дѣло
Вздыхаетъ о ней; а нашъ „повѣса-
Британецъ", вашъ супругъ, надъ нимъ хохочетъ
И говоритъ: „Я со смѣха бы лопнулъ,
Представивъ, что мужчина—зная самъ
Изъ опыта и чтенья, что такое
Всѣ женщины и чѣмъ имъ должно быть—
Въ свободные часы свои тоскуетъ
О вѣрномъ рабствѣ".

ИМОГЕНА.

Такъ сказалъ мой мужъ?

ІАХИМО.

Да, и при этомъ плакалъ онъ отъ смѣха.
И весело послушать, какъ трунитъ
Онъ надъ французомъ тѣмъ! Но видитъ Небо,
Тамъ многіе съ грѣхомъ.

ИМОГЕНА.

Не онъ, надѣюсь.

ІАХИМО.

О, нѣтъ, не онъ; но къ дару Неба должно
Быть болѣе признательнымъ. И странно
Все это въ немъ—при васъ, не по заслугамъ
Дарованной ему. Какъ удивляюсь
Я этому, такъ долженъ я, конечно,
И сострадать.

ИМОГЕНА.

Кому же это, сэръ?

ІАХИМО.

Двумъ существамъ.

ИМОГЕНА.

Не я ль одно изъ нихъ?
Вы на меня глядите,—иль нашли вы
Во мнѣ причину сострадать?

ІАХИМО.

О, горе!
Бѣжать отъ блеска солнца и услады
Искать въ тюрьмѣ, при свѣтѣ ночника!

КОРНЕЛІЙ ДАЕТЪ КОРОЛЕВѢ КОРОБКУ СЪ ЯДОМЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ИМОГЕНА.
Прошу васъ, сэръ, скажите откровенно,
Что вамъ велитъ жалѣть такъ обо мнѣ?

ІАХИМО.
То, что другіе...
Сказать хотѣлъ я... васъ лишаютъ... Но
Обязанность боговъ карать за это,
А не моя разсказывать.

ИМОГЕНА.
Случайно
Вамъ что-нибудь провѣдать удалось,
Что до меня касается. Нерѣдко
Сильнѣе мучитъ опасенье зла,
Чѣмъ убѣжденье въ немъ. Иной бѣды
Не избѣжишь; но, во-время узнавъ,
Уврачевать ея мы можемъ рану;
А потому скажите, что хотѣли
Вы мнѣ открыть и что васъ удержало?

ІАХИМО.
Когда-бъ я могъ устами прикоснуться
Къ такой щекѣ, къ такой рукѣ лилейной,
Которой лишь одно прикосновенье
Въ душѣ обѣтъ быть вѣрнымъ укрѣпляетъ;
Когда-бъ моимъ былъ этотъ ликъ, манящій
Къ себѣ мой взоръ блуждающій: ужель,
О, стыдъ!—себя дерзнулъ бы осквернить,
Касаясь губъ, всѣмъ общихъ, какъ ступени
У Капитолія; сжимая руки,
Которыя въ коварствѣ постоянномъ—
Коварство—ихъ работа—загрубѣли;
Впиваясь въ глаза, которыхъ взглядъ
Такъ тусклъ, какъ свѣтъ отъ сальнаго огарка!
Я стоилъ бы тогда, чтобъ на меня
Обрушились всѣ муки преисподней
За грѣхъ такой!

ИМОГЕНА.
Ужъ не забылъ ли мужъ мой
Британію?

ІАХИМО.
И самого себя.
Я самъ не сталъ бы о его паденьи
Вамъ говорить, когда бы ваша прелесть
Не вызвала, отъ скорби, тяжкихъ словъ
На мой языкъ.

ИМОГЕНА.
Другихъ не нужно болѣ.

ІАХИМО.
О, дивное созданье, ваше горе
Сжимаетъ сердце мнѣ! Жену такую
Прелестную, наслѣдницу царя,
Которая могла-бъ удвоить славу
Великаго монарха, приравнять
Къ прелестницамъ, заплаченнымъ дарами,
Которые отъ васъ онъ получилъ,
Къ бродягамъ зараженнымъ, изъ корысти

Вкусить готовымъ всякую болѣзнь,
Которой соки могутъ отравить
И самый ядъ! Отмстите жъ за себя!
Иль ваша мать была не королева,
И вы пошли не въ свой высокій родъ.

ИМОГЕНА.

Отмстить—но какъ? будь это даже правда—
Хотя такое сердце у меня,
Что не легко ушамъ повѣрить—какъ
Я буду мстить?

ІАХИМО.

Заставилъ бы меня
Онъ жить весталкой на холодномъ ложѣ,
Межъ тѣмъ, какъ самъ купается въ утѣхахъ,
Какъ на смѣхъ вамъ, на вашъ же счетъ!
Отмстите!
Я самъ готовъ вамъ предложить себя
Взамѣнъ того, кто кинулъ ваше ложе—
И сохранять любовь я вашу буду
И въ вѣрности, и въ тайнѣ.

ИМОГЕНА.

Эй, Пизаньо!

ІАХИМО.

Могу ль скрѣпить обѣтъ мой поцѣлуемъ?

ИМОГЕНА.

Прочь отъ меня! Проклятіе моимъ
Ушамъ, что долго такъ тебѣ внимали!
Когда-бъ ты честенъ былъ, ты мнѣ сказалъ бы
Такую вѣсть съ желаніемъ добра,
А не съ такой постыдно-низкой цѣлью.
Ты мужа благороднаго чернишь,
Который такъ далекъ отъ клеветы
Твоей, какъ ты—отъ чести; предлагаешь
Свою любовь женѣ, которой ты
Противнѣе, чѣмъ дьяволъ. Эй, Пизаньо!
Я королю скажу про твой поступокъ,
И если онъ найдетъ благопристойнымъ,
Чтобъ велъ себя здѣсь, при его дворѣ,
Какъ въ римской банѣ, дерзкій чужеземецъ
И обнажалъ бы скотскій свой порывъ,
То онъ дворомъ своимъ не дорожитъ
И дочь не уважаетъ. Эй, Пизаньо!

ІАХИМО.

Счастливецъ Леонатъ! Теперь скажу я:
Увѣренность супруги благородной
Вполнѣ достойна вѣрности твоей,
А блескъ твоихъ достоинствъ отвѣчаетъ
Увѣренности этой. О, живите
Въ блаженствѣ долговѣчномъ, вы, супруга
Достойнѣйшаго мужа на землѣ!
Царица вы того, кто васъ достоинъ!
Простите, я хотѣлъ лишь испытать,
Глубоко ли укоренилась въ васъ
Довѣренность къ нему. Теперь супругъ вашъ
Сталъ снова тѣмъ, кѣмъ былъ: всѣхъ превосходитъ
По нравственности онъ, и такъ собою
Сердца людей чаруетъ, что ему
Всѣ преданы.

ИМОГЕНА.

Я съ вами примирюсь.

ІАХИМО.

Онъ точно богъ въ кругу своихъ друзей,
И высоко возноситъ уваженье
Надъ смертными его. О, не сердитесь,
Достойная принцесса, что дерзнулъ я
Васъ ложью испытать! Но ваша мудрость
Явилась въ этой твердости и въ томъ,
Что вами избранъ лучшій изъ мужей
И слабостей всѣхъ чуждый. Изъ любви
Къ нему я клеветалъ; но Небесами
Вы созданы превыше всѣхъ. Простите жъ!

ИМОГЕНА.

Теперь ужъ все забыто. Чѣмъ могу я
Служить вамъ при дворѣ—исполню все.

ІАХИМО.

Благодарю, принцесса. Я едва
Не позабылъ просить васъ о бездѣлкѣ,
Но важной тѣмъ, что къ вашему супругу
Относится она. Я самъ съ друзьями
Участникъ тутъ.

ИМОГЕНА.

Скажите, что жъ такое?

ІАХИМО.

Двѣнадцать насъ, римлянъ, и вашъ супругъ—
У насъ въ крылѣ онъ лучшее перо—
Купить подарокъ Цезарю сложились.
Я, ихъ агентъ, во Франціи досталъ
Изъ серебра работы рѣдкой утварь,
Каменьевъ разныхъ въ дорогой оправѣ
И, какъ пріѣзжій здѣсь, не знаю, гдѣ
Ихъ лучше уберечь: нельзя ли вамъ
На сохраненье взять ихъ?

ИМОГЕНА.

О, съ охотой!
И въ цѣлости ихъ вамъ я поручусь.
А такъ какъ мужъ мой въ долѣ тутъ, то въ спальню
Поставлю ихъ къ себѣ.

ІАХИМО.

Они въ сундукъ
Уложены; онъ у моей прислуги.
Могу ль прислать его на эту ночь?
Я завтра долженъ ѣхать.

ИМОГЕНА.
О, нѣтъ, нѣтъ!

ІАХИМО.
Простите мнѣ—я долженъ, или слово
Нарушу я. Изъ Галліи сюда
Я плылъ затѣмъ, что видѣть васъ желалъ
И обѣщалъ.

ИМОГЕНА.
Благодарю за трудъ!
Но завтра вы не ѣдете.

ІАХИМО.
Я долженъ,
А потому прошу васъ, если будетъ
Отъ васъ письмо къ супругу, напишите
Сегодня же: я ужъ и такъ промедлилъ;
Намъ очень важно поднести подарокъ
Ко времени.

ИМОГЕНА.
Я напишу. Пришлите
Ко мнѣ сундукъ. Онъ будетъ сбереженъ
И въ цѣлости вамъ отданъ. До свиданья!
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Дворъ предъ дворцомъ Цимбелина.

Входятъ Клотенъ *и два* лорда.

Клотенъ. Ну, было ли съ кѣмъ такое несчастіе! мой шаръ уже приближался къ другимъ—и вдругъ его отшибли! Я готовъ былъ поставить сто фунтовъ; а тутъ еще проклятый ротозѣй привязался къ моимъ ругательствамъ, какъ-будто я занялъ ихъ у него и не могу сорить ими, какъ мнѣ вздумается.

1-ый лордъ. И что онъ выигралъ этимъ? Вы разбили ему голову шаромъ.

2-ой лордъ *(про себя)*. Будь у него въ головѣ столько ума, сколько у разбившаго ее, то онъ, конечно, бы вытекъ.

Клотенъ. Если человѣку знатнаго рода придетъ охота ругаться, то прилично ли присутствующимъ вмѣшиваться и препятствовать его ругательствамъ? А?

2-ой лордъ. Нѣтъ, принцъ! *(Про себя)*. Такъ же, какъ и тебѣ терзать имъ слухъ.

Клотенъ. Проклятая собака! И требуетъ еще удовлетворенія! Вотъ если бъ онъ былъ мнѣ равный!

2-ой лордъ *(про себя)*. То-есть такой же дуралей, какъ ты?

Клотенъ. Чортъ побери! ничто на свѣтѣ не можетъ разсердить меня такъ! Лучше бы я былъ не такого знатнаго рода: никто и подраться-то со мною не смѣетъ, оттого что я сынъ королевы; каждый дуракъ дерется, сколько душѣ угодно, а я хожу одинъ, какъ пѣтухъ, къ которому никто не смѣетъ подступить.

2-ой лордъ *(про себя)*. Ты и похожъ на пѣтуха, потому что пѣтушишься.

Клотенъ. Ну, что ты скажешь?

2-ой лордъ. Вашей свѣтлости неприлично драться со всякимъ, кого вы оскорбили.

Клотенъ. Я самъ это знаю; но развѣ я не могу оскорблять тѣхъ, кто ниже меня?

2-ой лордъ. Да, это можно только вамъ однимъ.

Клотенъ. Ну вотъ, я самъ такъ думаю.

1-ый лордъ. Вы слышали объ иностранцѣ изъ-за моря, который сегодня вечеромъ пріѣхалъ ко двору?

Клотенъ. Изъ-за моря—и я объ этомъ ничего не знаю?

2-ой лордъ *(про себя)*. Онъ самъ заморскій звѣрь—и этого не знаетъ!

1-ый лордъ. Это италіанецъ, и какъ говорятъ, другъ Леоната.

Клотенъ. Леоната? этого выгнаннаго негодяя? Стало-быть, и этотъ такая же птица, кто бы онъ ни былъ. Кто сказалъ тебѣ объ этомъ иностранцѣ?

1-ый лордъ. Одинъ изъ пажей вашей свѣтлости.

Клотенъ. Прилично ли будетъ, если я пойду посмотрѣть на него? Не унижу ли я этимъ себя?

2-ой лордъ. Вамъ, принцъ, нельзя себя унизить.

Клотенъ. Да, я думаю, что это не такъ легко.

2-ой лордъ *(про себя)*. Ты такой отъявленный дуракъ и на столько ниже всѣхъ по уму, что тебя ничто не сдѣлаетъ ниже, что бы ты ни сдѣлалъ.

Клотенъ. Пойдемъ, я хочу взглянуть на этого италіанца. Что проигралъ я въ

шары, то ворочу съ него сегодня же вечеромъ. Пойдемъ.

2-ой лордъ. Къ вашимъ услугамъ, принцъ!

(Клотенъ и 1-ый лордъ уходятъ).

Могла же мать, лукавая, какъ дьяволъ,
Родить осла! Она своимъ умомъ
Всего достигнуть можетъ; сынъ ея же
Вовѣкъ не вычтетъ двухъ изъ двадцати,
Чтобы въ остаткѣ вышло восемнадцать.
О, бѣдная принцесса Имогена!
Что ты должна терпѣть! Тутъ—твой отецъ
Рабъ мачехи, тамъ—мать съ сѣтями козней,
А тутъ—женихъ, который ненавистнѣй
Тебѣ, чѣмъ ссылка милаго супруга
И съ нимъ разводъ. Да укрѣпитъ Всевышній
Въ тебѣ твердыню чести и избавитъ
Отъ оскверненья храмъ твоей души!
Да наградятъ за вѣрность, наконецъ,
Тебя возвратъ супруга и вѣнецъ!

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Спальня Имогены. Въ углу стоитъ сундукъ.

Имогена *читаетъ, лежа въ постели. Въ отдаленіи* Елена.

Имогена.
Кто здѣсь? Елена, ты?

Елена.
Я здѣсь, принцесса!

Имогена.
Который часъ?

Елена.
Теперь почти что полночь.

Имогена.
Ужъ три часа читала я: устали
Глаза. Загни тутъ листъ и спать ложись.
Свѣчу оставь—пускай она горитъ;
А если ты часа въ четыре встанешь,
То разбуди меня. Сонъ такъ и клонитъ.

(Елена уходитъ).

Подъ свой покровъ меня примите, боги,
И сохраните бѣдную меня
Отъ духовъ злыхъ и грѣшныхъ искушеній!

(Она засыпаетъ).

Іахимо *выходитъ изъ сундука.*

Іахимо.
Сверчки поютъ; уставшій отъ трудовъ
Крѣпитъ покоемъ силы. Такъ Тарквиній,
По тростнику подкравшись, разбудилъ
Невинность злодѣяньемъ. О, Цитера,
Какъ можешь ты свое украсить ложе!
Ты—лилія, бѣлѣе всѣхъ покрововъ!
Могу ль тебя коснуться поцѣлуемъ—
Однимъ лишь поцѣлуемъ? Вы, рубины
Небесные, какъ нѣжно вы сомкнулись!
Все здѣсь ея дыханья ароматомъ
Наполнено. Огонь свѣчи—и тотъ
Склонился къ ней и хочетъ заглянуть
Подъ сѣнь рѣсницъ, чтобы увидѣть звѣзды,
Закрытыя завѣсами окна:
Лазурь и бѣлизну подъ мракомъ неба.
Однако, мнѣ пора заняться дѣломъ;
Замѣчу все кругомъ и запишу:
Картины тѣ и тѣ; вотъ здѣсь окно;
Постели пологъ, тутъ коверъ, фигуры—
Все матерьялъ для моего разсказа.
Ахъ, если бъ мнѣ открыть на ней примѣту,
Которая скрѣпила бы вѣрнѣе,
Чѣмъ тысячи другихъ, мои слова!
Ты, обезьяна смерти, сонъ, сильнѣе
Сдави ее: пускай она лежитъ,
Какъ статуя во храмѣ! Снять скорѣе!

(Снимаетъ съ нея браслетъ).

Онъ, точно узелъ гордіевъ, запутанъ.
Ты мой! Вотъ онъ, наглядный мой свидѣтель!
Могучій, какъ сознанье, онъ, навѣрно,
До бѣшенства супруга доведетъ.
А, пятнышко на лѣвой груди! Точно
Пять капелекъ пурпурныхъ на вѣнцѣ
У ноготка. Вотъ этотъ мой свидѣтель
Сильнѣе, чѣмъ судейскій приговоръ:
Онъ вмигъ его увѣритъ въ томъ, что я
Сорвалъ замокъ и чести кладъ похитилъ.
Довольно! Что жъ—чего недостаетъ?
Къ чему писать, что врѣзалъ и замкнулъ
Я въ памяти! Она сейчасъ читала
Исторію Терея: листъ заложенъ
На мѣстѣ, гдѣ сдается Филомела.
Теперь скорѣй въ сундукъ: замкнись пружина!
Впередъ, драконы ночи! Пусть отъ лучей разсвѣта
Ослѣпнутъ очи ворона! Мнѣ страшно!
Тамъ ангелъ спитъ, а здѣсь бушуетъ адъ.

(Бьютъ часы).

Разъ, два, три! Ну, теперь пора ложиться

(Скрывается въ сундукъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Передъ комнатою Имогены.

Клотенъ *и два* лорда.

1-й лордъ. Ваша свѣтлость при проигрышѣ самый терпѣливый и хладнокровный человѣкъ, какой только вскрывалъ карты.

Клотенъ. Я думаю, каждому холодно, когда онъ проигрываетъ.

1-й лордъ. Но не каждый такъ терпѣливъ, какъ показали вы, принцъ, своимъ благороднымъ примѣромъ, вы горячитесь и раздражаетесь только тогда, когда выигрываете.

Клотенъ. Выигрышъ придаетъ храбрости.. Еслибъ мнѣ только удалось овладѣть этой своенравной Имогеной, то у меня было бы довольно золота. Никакъ ужъ утро?

1-й лордъ. Ужъ день на дворѣ, ваша свѣтлость.

Клотенъ. Когда-бъ скорѣе пришла музыка; мнѣ присовѣтывали позабавить ее утромъ музыкою; говорятъ, это проймет ъ ее.

Входятъ музыканты.

Клотенъ. Эй, сюда! настройте инструменты! Если вамъ удастся пробрать ее пальцами—тѣмъ лучше; тогда мы попытаемся и языкомъ. Если же и это не поможетъ, то пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, а я отъ нея не откажусь. Сперва отличную, ловко-подлаженную штучку, а потомъ—чудно-сладостную арiю съ эдакими забористо-чувствительными словами—тогда посмотримъ, что будетъ.

ПѢСНЯ.

Чу! жаворонка пѣснь звучитъ,
И Фебъ ужъ въ путь готовъ:
Коней росою онъ поитъ
Изъ вѣнчиковъ цвѣтовъ.
Стряхнувши сонъ свой, ноготки
Глядятъ на небеса,
И улыбаются цвѣтки.
Вставай, моя краса,
Вставай, вставай!

Клотенъ. Ну, теперь, ступайте! Если это подѣйствуетъ—тѣмъ болѣе чести вашей музыкѣ, а нѣтъ, то уши у нея съ изъяномъ, котораго не исправятъ ни волосяныя, ни кишечныя струны, ни голоса всѣхъ на свѣтѣ кастратовъ.

(Музыканты уходятъ).

Входятъ Цимбелинъ *и* королева.

2-ой лордъ. Вотъ идетъ король.

IАХИМО въ спальнѣ ИМОГЕНЫ.

Картина извѣстнаго англiйскаго живописца Вестоля (Richard Westall, R. A. 1765—1836), (малая Бойделевская Галлерея).

Клотенъ. Я очень радъ, что до такой поздней поры оставался на ногахъ, потому что теперь чуть свѣтъ, а я уже на ногахъ. Онъ, какъ отецъ, приметъ это за доказательство моей любви. Честь имѣю пожелать вашему величеству и вамъ, матушка, добраго утра.

Цимбелинъ.

Не ждешь ли нашей дочери суровой
Здѣсь у дверей? Она не выходила?

Клотенъ. Я попытался атаковать ее музыкой; но она не удостоила меня своимъ вниманiемъ.

Цимбелинъ.

Да, въ ней свѣжо еще изгнанье друга:
Онъ въ памяти у ней; но скоро время
Его изгладитъ изъ ея души—
Тогда она твоя.

Королева.

Къ тебѣ король
Такъ милостивъ: ходатаемъ твоимъ
У дочери онъ будетъ; но и ты
Старайся самъ понравиться; ищи

Удобный часъ; отказы пусть усилятъ
Услужливость твою, чтобъ ей казалось,
Что ею лишь одной въ своихъ услугахъ
Ты вдохновленъ, лишь ей во всемъ покоренъ,
И лишь когда уйти тебѣ велитъ,
Не обращай вниманья,—какъ будто ты мертвецъ.

Клотенъ.
Ну вотъ еще—мертвецъ!

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Тамъ, государь, пришли послы изъ Рима;
Одинъ изъ нихъ Кай Луцій.

Цимбелинъ.
Честный мужъ!
Онъ съ цѣлью здѣсь недоброю; но въ этомъ
Не виноватъ. Онъ будетъ нами принятъ,
Какъ санъ того, кѣмъ посланъ онъ, велитъ.
Когда-то намъ онъ оказалъ услугу—
И это помнимъ мы. Любезный сынъ,
Увидѣвшись съ невѣстой, поспѣши
Ко мнѣ и къ матери. Ты будешь нуженъ
При римлянахъ. Пойдемте, королева!
(*Цимбелинъ, королева, лорды и вѣстникъ уходятъ*).

Клотенъ.
Поговорю я съ нею, если встала;
А, нѣтъ, такъ пусть лежитъ и грезитъ.
(*Стучится въ дверь*). Эй!
При ней всегда есть женщины. Что, если
Одной изъ нихъ подсунуть? Очень часто
Даетъ намъ доступъ золото: оно
Діаниныхъ лѣсничихъ подкупаетъ,
Такъ что они пригонятъ сами къ вору
На встрѣчу дичь; чрезъ золото и честный
Находитъ смерть, а воръ спасаетъ шею;
А часто воръ и честный человѣкъ
Изъ-за него равно кончаютъ петлей.
Чего, чего не сдѣлаетъ оно—
Не сдѣлаетъ—и снова уничтожитъ?
Итакъ, одну изъ женщинъ этихъ нужно
Мнѣ въ адвокаты взять, затѣмъ что самъ
Плохой знатокъ я въ этомъ дѣлѣ. Эй!
Кто тамъ? (*Стучится*).

Входитъ придворная дама.

Дама.
Кто здѣсь стучится?

Клотенъ.
Дворянинъ.

Дама.
Не больше?

Клотенъ.
Да—и знатной дамы сынъ.

Дама.
Не всякій можетъ этимъ похвалиться!
Другимъ портной обходится дешевле,
Чѣмъ вамъ. Но что же вамъ угодно, сэръ?

Клотенъ.
Принцессу. Что—готова ли она?

Дама.
Она готова—въ комнатѣ остаться.

Клотенъ.
Вотъ золото: продайте мнѣ любовь.

Дама.
Какъ? васъ любить, иль только говорить
Другимъ о васъ съ любовью? Вотъ принцесса.

Входитъ Имогена.

Клотенъ.
Сестрица, съ добрымъ утромъ! вашу ручку.
(*Придворная дама уходитъ*).

Имогена.
Принцъ, съ добрымъ утромъ. Вы несете много
Изъ-за меня трудовъ и безпокойства;
Моя же благодарность заключаться
Лишь будетъ въ томъ, что я скажу вамъ прямо:
„Я ею такъ бѣдна, что не могу
Ее дарить“.

Клотенъ.
Клянусь, я васъ люблю.

Имогена.
Клянитесь ли, иль просто говорите—
Мнѣ все равно; не надо мнѣ ни словъ,
Ни вашихъ клятвъ; за нихъ одна награда
Я ихъ не слушаю.

Клотенъ.
То не отвѣтъ.

Имогена.
Я не молчу, чтобъ моего молчанья
Согласьемъ не сочли. Прошу, оставьте
Меня въ покоѣ: ваши угожденья
Лишь могутъ вызвать грубость, какъ теперь.
Кто такъ уменъ, какъ вы, тому бы должно
Умѣть себѣ отказывать въ желаньяхъ.

Клотенъ.
Васъ бросить въ сумасшествіи—не грѣхъ ли?
Нѣтъ, я не брошу васъ.

Имогена.

Вотъ дураки, такъ тѣ ужъ
Съума не сходятъ.

Клотенъ.

Такъ значитъ—я дуракъ?

Имогена.

Такъ говорить мнѣ, сумасшедшей, можно!
Уймитесь вы—и мой недугъ пройдетъ:
Мы оба исцѣлимся. Мнѣ досадно,
Что изъ-за васъ забыть должна я скромность
И рѣзко отвѣчать. Разъ навсегда
Я вамъ скажу, свое извѣдавъ сердце,
Что я про васъ и слышать не хочу
И до того чуждаюсь снисхожденья—
Въ чемъ и винюсь—что ненавижу васъ.
Когда-бъ о томъ вы сами догадались,
Мнѣ этимъ бы хвалиться не пришлось.

Клотенъ.

Вы преступили долгъ повиновенья
Родителю. Вашъ бракъ съ презрѣннымъ нищимъ,
Котораго вскормили подаяньемъ
И крохами двора, совсѣмъ не бракъ.
И если низкому породой—кто же
Ничтожнѣе его?—дозволить нужно
Скрѣплять узломъ по произволу сердце,
Вся цѣль кого—плодить свое отродье
Для нищенской сумы, то какъ же васъ
Не удержалъ отъ этакого срама
Престолъ отца? Вы не должны сквернить
Достоинство его рабомъ ничтожнымъ,
Наемникомъ, лакеемъ, свинопасомъ,
Которому и это званье—честь.

Имогена.

Презрѣнный, будь Юпитера ты сыномъ,
А въ остальномъ такимъ же, какъ теперь,
То и тогда не стоилъ бы назваться
Его рабомъ; и если по заслугамъ
Обоихъ васъ цѣнить, высокой честью
Ты былъ бы облеченъ, когда бы сталъ
Подручнымъ палача въ его владѣньяхъ—
И былъ бы ты противенъ всѣмъ за это
Отличіе.

Клотенъ.

Убей его чума!

Имогена.

Быть названнымъ тобою—для него
Всего ужаснѣе. Сквернѣйшая одежда,
Какую могъ носить онъ, для меня
Дороже всѣхъ волосъ твоихъ, хотя бы
Изъ каждаго родился ты. Пизаньо!

ІАХИМО снимаетъ браслетъ съ руки ИМОГЕНЫ.

Рисунокъ извѣстнаго нѣмецк. художника проф. Лиценмейера (Liezenmeyer, род. 1839).

Входитъ Пизаніо.

Клотенъ.

Его одежда? Чортъ меня возьми!

Имогена (*Пизаніо*).

Ступай скорѣй—сыщи мнѣ Доротею.

Клотенъ.

Его одежда!

Имогена.

Словно домовой,
Дуракъ меня преслѣдуетъ и сердитъ.
Вели браслетъ ей поискать—онъ какъ-то
Съ руки моей свалился: онъ супругомъ
Мнѣ подаренъ, и я не промѣняю
Его на всѣ сокровища царей.
Онъ, кажется, при мнѣ былъ нынче утромъ,
Но съ вечера—я помню хорошо—
Онъ былъ на мнѣ: его я цѣловала.
Не убѣжалъ же къ мужу онъ сказать,
Что безъ него другого я цѣлую.

Пизаніо.

Онъ сыщется.

Имогена.

Надѣюсь. Поищи же!
(*Пизаніо уходитъ*).

Клотенъ.
Обидно мнѣ: „сквернѣйшая одежда"...

Имогена.
Да, такъ сказала я; когда хотите
Начать процессъ—свидѣтелей зовите.

Клотенъ.
Я вашему отцу скажу.

Имогена.
Да кстати
И матери; она жъ меня такъ любитъ,
Что ей пріятно будетъ на меня
Позлобствовать. Имѣю честь остаться
Подъ вашей злобой. (*Уходитъ*).

Клотенъ.
О, я отомщу!
„Сквернѣйшая одежда!" Хорошо же!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Римъ. Комната въ домѣ Филаріо.

Входятъ Постумъ *и* Филаріо.

Постумъ.
Не бойся, другъ; когда бъ я былъ увѣренъ
Такъ въ возвращеньи милостей монарха,
Какъ въ вѣрности жены!

Филаріо.
Но что же ты
Для примиренья сдѣлалъ?

Постумъ.
Ничего!
Жду, что придетъ, и дрогну на морозѣ
Въ надеждѣ теплыхъ дней. Прими пока
Признательность мою: когда надежда
Обманетъ—должникомъ твоимъ умру.

Филаріо.
Ты дружбою и обществомъ своимъ
Мнѣ заплатилъ съ избыткомъ. Вашъ король
Теперь съ послами Августа. Кай Луцій
Исполнитъ порученье, и король
Заплатитъ дань свою и недоимки,
Не то—опять увидитъ наше войско,
А память ихъ у васъ еще свѣжа.

Постумъ.
Я не политикъ и не буду имъ,
Но думаю, что быть войнѣ, и вы
Услышите скорѣй, что ваше войско
Въ безстрашную Британію вступило,
Чѣмъ тамъ хоть пенсъ внесутъ. Народъ британскій
Теперь искуснѣй въ ратномъ дѣлѣ сталъ,
Чѣмъ былъ въ тѣ времена, какъ Юлій Цезарь
Смѣялся надъ незнаніемъ его,
Съ досадою дивясь его отвагѣ.
Теперь искусство, слитое съ отвагой,
Всѣмъ можетъ доказать, что нашъ народъ
Идетъ впередъ за вѣкомъ.

Входитъ Іахимо.

Филаріо.
А, Іахимо!

Постумъ.
Знать, быстрые олени васъ несли,
А паруса всѣ вѣтры цѣловали,
Чтобъ вашъ корабль быстрѣй летѣлъ.

Филаріо.
Съ пріѣздомъ!

Постумъ.
Надѣюсь, что такъ скоро вы вернулись
Отъ скораго отвѣта.

Іахимо.
Признаюсь,
Супруга ваша, благородный Постумъ,
Прелестнѣй всѣхъ, кого я только зналъ.

Постумъ.
И лучше всѣхъ, а то бы красотой
Она въ окно манила лишь сердца,
Обманывая ихъ.

Іахимо.
Вотъ вамъ и письма.

Постумъ.
Пріятныя?

Іахимо.
Надѣюсь, что пріятны.

Филаріо.
Кай Луцій былъ въ Британіи, когда
Вы были тамъ?

Іахимо.
Его тамъ ожидали,
Но онъ еще не прибылъ.

Постумъ (*прочитавъ письмо*).
Хорошо.
Что—камень мой попрежнему блеститъ,
Иль плохъ для васъ?

Іахимо.
Когда-бъ я проигралъ,

То золота-бъ на столько не лишился.
Но я готовъ свершить вторичный путь
Для ночи, столь пріятной и короткой,
Какъ ночь въ Британіи. Вашъ перстень мой.

Постумъ.
Трудненько вамъ добраться до него.

Іахимо.
Супруга ваша трудъ мнѣ облегчила.

Постумъ.
Ну, не шутите проигрышемъ такъ:
Вы знаете, намъ быть нельзя друзьями.

Іахимо.
Зачѣмъ же нѣтъ, когда мы сохранимъ
Условіе? Вотъ если-бъ я пріѣхалъ
Сюда ни съ чѣмъ, то мы дрались бы съ вами;
Но, выигравъ супруги вашей честь,
Я выигралъ и перстень; я невиненъ
Предъ ней и предъ вами, поступая
Съ согласія обоихъ.

Постумъ.
Если вы
Докажете, что съ ней дѣлили ложе,
То перстень вашъ; не то—за клевету
Позорную мой мечъ иль вашъ лишится
Хозяина, а можетъ быть, и оба
Падутъ изъ рукъ и будутъ тамъ лежать,
Пока ихъ подберутъ.

Іахимо.
Что я открою,
То къ правдѣ близко такъ, по всѣмъ примѣтамъ,
Что вы повѣрите; но я готовъ
Все клятвой подтвердить, хотя, надѣюсь,
Вы отъ нея избавите меня,
Найдя ее ненужной.

Постумъ.
Говорите.

Іахимо.
Такъ слушайте жъ: во-первыхъ, спальня. Въ ней,
Я сознаюсь, не спалъ; ну, да и было
Изъ-за чего не спать. Она обита
Обоями изъ шелку съ серебромъ;
На нихъ искусно выткана шелками
Исторія свиданья Клеопатры
Съ Антоніемъ, возлюбленнымъ ея;
Подъ ними Киднъ свои вздымаетъ волны
Отъ гордости иль тяжести судовъ.
Работа такъ искусна и богата,
Что мастерство въ ней борется съ цѣной.
Довольно надивиться я не могъ,

ІАХИМО показываетъ ПОСТУМУ браслетъ ИМОГЕНЫ.
Картина Вестоля (Richard Westall). (Малая Бойделевская Галлерея).

Какъ въ ней все ярко, тщательно и нѣжно
И, вмѣстѣ, полно жизни.

Постумъ.
Такъ, но это
Вы услыхать могли и отъ меня,
Иль отъ другихъ.

Іахимо.
Слова мои скрѣпятъ
Подробности другія.

Постумъ.
Дайте ихъ,
Не то—вы чести клеветникъ.

Іахимо.
На югъ
Стоитъ каминъ, украшенный Діаной
Въ купальнѣ. Я прелестнѣй изваянья
Не видывалъ. Творя его, художникъ
Природу превзошелъ—и только нѣтъ
Дыханья и движенья.

Постумъ.
И про это

Могли узнать вы также изъ разсказовъ:
Оно извѣстно всѣмъ.

Іахимо.

На потолкѣ
Красуются амуры золотые.
Чуть не забылъ—луцерны для огня:
Изъ серебра два милыхъ Купидона
Стоятъ и дремлютъ, нѣжно опершись
На факелы.

Постумъ.

И это честь ея!
Ну, пусть вы это видѣли—хвалю
Я вашу память; только описаньемъ
Того, что было въ комнатѣ, закладъ
Еще не выигранъ.

Іахимо (*показывая браслетъ*).

Ну, такъ блѣднѣйте,
Коль можете! Я эту драгоцѣнность
На воздухъ выпущу: смотрите—вотъ!
Ну, спрятано. Ее мы съ вашимъ перстнемъ
Соединимъ: теперь они мои.

Постумъ.

Юпитеръ! Дайте, дайте мнѣ взглянуть:
Онъ тотъ ли, что я далъ ей?

Іахимо.

Да, тотъ самый.
Спасибо ей: она его сняла.
Вотъ какъ теперь смотрю: ея движенье
Милѣй подарка было, возвышая
Достоинство его. Она сказала,
Вручая мнѣ его, что ей когда-то
Онъ дорогъ былъ.

Постумъ.

Быть можетъ, ей хотѣлось
Послать его ко мнѣ.

Іахимо.

Она такъ пишетъ?

Постумъ.

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы правы. Вотъ возьмите!

(*Отдаетъ ему перстень*).

Для глазъ моихъ онъ василискъ и взглядомъ
Убьетъ меня. Нѣтъ чести въ красотѣ,
Нѣтъ вѣрности въ смиреніи наружномъ,
И нѣтъ любви, гдѣ есть другой мужчина.
Обѣты женщинъ такъ же ненадежны,
Какъ добродѣтель ихъ; они—ничто.
О, верхъ коварства!

Филаріо.

Успокойся, другъ!
Оставь себѣ кольцо; оно покуда
Еще твое; быть можетъ потеряла
Она браслетъ, иль кто-нибудь изъ слугъ,
Подкупленный, укралъ его.

Постумъ.

Да, правда—
И, вѣрно, такъ достался онъ ему.
Вы мнѣ представьте признакъ болѣ вѣрный,
Чѣмъ эта вещь: украдена она.

Іахимо.

Клянусь Юпитеромъ, онъ мною снятъ
Съ ея руки.

Постумъ.

Ты слышишь: онъ клянется,
Юпитеромъ клянется! Да, я вѣрю!
Возьмите перстень мой: я вѣрю вамъ!
Нельзя ей было потерять: прислуга
У ней вѣрна—поддастся ли на подкупъ,
Притомъ отъ иностранца? Нѣтъ, она
Была его: вотъ знакъ ея паденья
Какъ дорого позоръ она купила!
Возьми свое—и пустъ барышъ раздѣлятъ
Всѣ дьяволы съ тобой!

Филаріо.

Другъ, успокойся:
Все это недостаточно, чтобъ быть
Увѣрену.

Постумъ.

Нѣтъ! болѣе ни слова!
Она была его.

Іахимо.

Угодно вамъ
Сильнѣйшихъ доказательствъ? На груди,
Горячихъ ласкъ достойной, есть значокъ,
Гордящійся столь сладостнымъ мѣстечкомъ.
Я цѣловалъ его, клянусь, и голодъ
Вновь возбудилъ въ себѣ, хотя и былъ
Сытехонекъ. Вамъ памятно, конечно,
То пятнышко?

Постумъ.

Оно—пятно позора,
Какой въ себѣ вмѣстить лишь можетъ адъ,
Хотя бы адъ его лишь и вмѣщалъ.

Іахимо.

Хотите ль вы еще меня послушать?

Постумъ.

Оставьте ариѳметику свою,
Оставьте перечень; скажите разомъ—
Миллььонъ.

Іахимо.
Клянусь...

Постумъ.
И этого не нужно:
Въ противномъ поклянетесь—
будетъ ложь,
И я убью тебя, коль отречешься,
Что мнѣ нанесъ позоръ.

Іахимо.
Не отрекусь.

Постумъ.
Будь здѣсь она, ее бы на куски
Я разорвалъ. Да, я пойду туда
И во дворцѣ, въ глазахъ ея отца
Исполню это... не оставлю такъ!
(*Уходитъ*).

Филаріо.
Онъ внѣ себя! Вы выиграли споръ.
Пойдемъ за нимъ, чтобъ съ горя
надъ собою
Не сдѣлалъ онъ чего.

Іахимо.
О, я готовъ! (*Уходятъ*).

АВГУСТЪ.
(*Античная статуя въ Мюнхенѣ*).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Другая комната въ домѣ Филаріо.

Постумъ.
Ужели безъ участія жены
Нельзя родиться? Всѣ мы незаконны—
И тотъ почтенный мужъ, кого отцомъ
Я называлъ, былъ Богъ вѣсть гдѣ въ то
время,
Какъ зачали меня: я былъ чеканенъ
Монетчикомъ фальшивымъ. Мать моя
Слыла тогда Діаною, какъ нынѣ
Слыветъ моя жена. О, мщенье, мщенье!
Она отъ ласкъ законныхъ устранялась,
Воздержности просила отъ меня
И розовой стыдливостью своей
Воспламенить могла бы и Сатурна;
Она была, казалось мнѣ, чиста,
Какъ снѣгъ, не знавшій солнечныхъ лучей.
О, дьяволы! Іахимо смуглый—въ часъ—
Не правда ль? нѣтъ, скорѣе въ мигъ: едва ли
Успѣлъ промолвить слово, точно вепрь
Откормленный, прохрюкалъ только „о"—
И овладѣлъ. Препятствіе одно
Нашелъ онъ, что подумалъ, какъ могла бы
Она его сдержать и что могло
Препятствовать ему. О, если бъ мнѣ
Все женское въ себѣ искоренить!
Клянусь, въ мужчинахъ нѣтъ такихъ по-
роковъ,
Которыхъ онъ не получилъ-бы
Отъ женщины въ наслѣдіе: обманъ—
Есть свойство женщинъ; лесть и лживость
ихъ же;
Плотская страстность ихъ же, мщенье ихъ же,
Коварство, скупость, честолюбье, спѣсь,
Предательство, измѣнчивость, капризы—
Все, что клеймимъ названіемъ порока,
Что аду лишь извѣстно одному—
Все это ихъ, иль частью, иль вполнѣ,
Вѣрнѣе, что вполнѣ, затѣмъ что въ нихъ
Нѣтъ постоянства даже и въ порокахъ:
Одинъ изъ нихъ, проживши только мигъ,
Смѣняется другимъ, еще моложе.
Я стану противъ нихъ писать—и загремятъ
Проклятія. Нѣтъ, чтобъ насытить мщенье,
Хочу молить, дать волю ихъ влеченью:
Сильнѣе кары не найдетъ и адъ!
(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Зала во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ съ одной стороны Цимбелинъ, королева, Клотенъ *и свита; съ другой—* Кай Луцій *и его свита.*

Цимбелинъ.

Скажи, чего желаетъ Августъ Цезарь?

Луцій.

Когда здѣсь Юлій Цезарь былъ—который
На памяти у многихъ и навѣкъ
Здѣсь пищу далъ и языку, и слуху—
И покорилъ страну, Кассибеланъ,
Твой дядя, чтимый Цезаремъ самимъ,
Какъ онъ того и стоилъ по заслугамъ,
И за себя, и за своихъ потомковъ,
Ему въ уплатѣ Риму обязался
Трехъ тысячъ фунтовъ ежегодной дани.
И вотъ теперь ее ты прекратилъ.

Королева.

И впредь ея не будетъ, чтобъ дивиться
Вы перестали, наконецъ.

Клотенъ.

Мы много
Увидимъ цезарей, пока на свѣтъ
Другой родится Юлій. Край британскій—
Отдѣльный міръ; мы за свои носы
Платить не будемъ вамъ.

Королева.

Удача, время,
Что помогли вамъ насъ поработить,
Теперь и намъ помогутъ дать отпоръ.
О, государь, подумайте о предкахъ,
А также и о томъ, что островъ нашъ
Весь укрѣпленъ природой! Онъ стоитъ,
Какъ паркъ Нептуна, всюду окруженный
Скалами неприступными, пучиной
Клокочущей, грядою мелей, гдѣ
Проходу нѣтъ судамъ врага, иль будутъ
До вымпеловъ они поглощены.
Да, родъ побѣды одержалъ здѣсь Цезарь,
Но не пришлось ему тутъ похвалиться
Своимъ „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ".
Нѣтъ, со стыдомъ, испытаннымъ впервые,
Онъ два раза бѣжалъ отъ береговъ.
Его суда на нашемъ страшномъ морѣ,
Какъ скорлупа, носились, и валы
Ихъ безъ труда разбили объ утесы.
Кассибеланъ, успѣхомъ ободренный,
Ужъ былъ готовъ—обманчивое счастье—
У Цезаря изъ рукъ исторгнуть мечъ,
Огнями городъ Люду освѣтилъ,
И бриттъ возсталъ, гордясь своей побѣдой.

Клотенъ. Ну, да что тутъ толковать! Дань платить мы больше не будемъ; теперь наше государство сильнѣе, чѣмъ было тогда, и, какъ я уже сказалъ, нѣтъ больше такихъ цезарей: иные могутъ имѣть такіе же горбатые носы, но ни у кого нѣтъ такихъ сильныхъ рукъ.

Цимбелинъ. Сынъ, не мѣшай говорить королевѣ.

Клотенъ. Между нами найдутся люди, которые постоятъ за себя не хуже Кассибелана; я не говорю, что я одинъ изъ такихъ, но и у меня есть кулаки. Что за дань! За что мы будемъ платить ее? Вотъ если Цезарь можетъ закрыть отъ насъ простынею солнце или спрятать въ карманъ мѣсяцъ—ну, тогда мы станемъ платить ему за свѣтъ; а иначе, сэръ, дани не будетъ; коротко и ясно.

Цимбелинъ.

Примпомни самъ: пока съ насъ не взялъ дани
Насильно Римъ, народъ свободенъ былъ.
Но честолюбье Цезаря росло,
Такъ что почти расторгло все строенье
Вселенной. Онъ безъ права и предлога
Надѣлъ на насъ ярмо; его стряхнуть
Народъ отважный долженъ, а такимъ
Считаемъ мы себя. Итакъ, повѣдай
Ты Цезарю, что предкомъ нашимъ былъ
Мульмуцій: онъ законы создалъ намъ:
Мечъ Цезаря изранилъ ихъ, но мы
Возстановить должны ихъ нашей властью.
Пускай за это гнѣвается Римъ—
Мульмуцій далъ законы намъ и первый
Изъ бриттовъ былъ, который увѣнчалъ
Себя вѣнцомъ и королемъ назвался.

Луцій.

Съ прискорбіемъ я долженъ, Цимбелинъ,
Тебѣ сказать при всѣхъ, что Цезарь Августъ,
Тотъ, у кого царей подвластныхъ больше,
Чѣмъ у тебя придворныхъ, сталъ отнынѣ
Тебѣ врагомъ. Отъ имени его
Британіи войну и разоренье
Провозглашаю я. Тебя постигнетъ

АУДІЕНЦІЯ ЛУЦІЯ У ЦИМБЕЛИНА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Весь гнѣвъ его за вызовъ; за себя же
Благодарю.

Цимбелинъ.

Я радъ тебѣ, Кай Луцій.
Твой Цезарь сдѣлалъ воиномъ меня!
Я юношей служилъ при немъ; онъ далъ
Мнѣ честь—теперь отнять ее желаетъ;
Но за нее я на смерть буду биться.
Я знаю, что паннонцы и далматы
Завоевать хотятъ себѣ свободу:
Не возбуди примѣръ ихъ и британцевъ—
Ихъ трусами сочтутъ; но никогда
Насъ не найдетъ такими Августъ Цезарь.

Луцій. Дѣло все рѣшитъ.

Клотенъ. Его величество вамъ радъ. Погостите у насъ день, два или долѣе; а если вы потомъ пожалуете къ намъ съ другою цѣлью, то найдете насъ затянутыми въ поясъ изъ соленой воды; если вамъ удастся выбить насъ изъ него, то онъ вашъ; а если вы ляжете при этой попыткѣ, то доставите отличный обѣдъ нашимъ воронамъ. Вотъ и все.

Луцій. Такъ точно, принцъ.

Цимбелинъ.

Мысль Цезаря я знаю, онъ—мою;
А въ остальномъ я всѣмъ вамъ радъ душевно.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Другая комната во дворцѣ.

Входитъ Пизаніо *съ письмами.*

Пизаніо.

Что? какъ невѣрность? Что же ты не пишешь?
Какой подлецъ ее оклеветалъ?
О, Леонатъ, мой господинъ, какою
Наносною чумою зараженъ
Твой слухъ? Какой коварный итальянецъ—
У нихъ, вѣдь, ядъ въ рукахъ и языкѣ—
Смутилъ твой умъ? Невѣрность! Нѣтъ, за вѣрность
Она теперь, скорѣе, какъ богиня,
Чѣмъ какъ жена, страдаетъ и несетъ
Нападки ихъ, которыя другую
Сломить могли бы. О, мой господинъ!
Ты ниже сталъ ея душой, чѣмъ прежде
Рожденьемъ былъ. И мнѣ ль ее убить,
Во имя клятвы вѣрности и долга,
Что мной дана? Мнѣ ль кровь ея пролить?
Коль служба эта честная, то честнымъ
Слугой меня не называй. Каковъ же
Передъ людьми я съ виду долженъ быть,
Когда ты мнѣ даешь такое дѣло?
(Читаетъ). „Исполни это; въ томъ она сама,
По моему письму, тебѣ поможетъ".
Проклятый листъ, ты черенъ, какъ чернила!
Безчувственная тряпка, въ этомъ дѣлѣ
Участница и ты, а непорочной
Такóю кажешься. А! вотъ она.

Входитъ Имогена.

Пизаніо.

Я притворюсь, какъ-будто неизвѣстно
Мнѣ ничего.

Имогена.

Что у тебя, Пизаньо?

Пизаніо.

Мой господинъ письмо вамъ посылаетъ.

Имогена.

Какъ? господинъ твой? Стало быть, и мой!
О, какъ бы тотъ прославился астрономъ,
Который звѣзды зналъ бы такъ, какъ я
Его письмо: онъ будущее зналъ бы.
О, боги, пусть, что здѣсь хранитъ бумага,
Мнѣ говоритъ лишь о любви, о томъ,
Что онъ здоровъ, доволенъ; но разлукой
Лишь огорченъ. Цѣлительна бываетъ
Для насъ печаль, и здѣсь она усилитъ
Его любовь. Пускай онъ всѣмъ доволенъ,
Но только бы не этимъ. Милый воскъ,
Позволь мнѣ снять тебя. Благословенье
Да будетъ, пчелы, вамъ, что вы слѣпили
Такой замокъ любовныхъ тайнъ! Молитвы
Любовниковъ и должниковъ различны.
Виновныхъ вы бросаете въ тюрьму,
А рѣчь любви скрѣпляете привѣтно.
О, боги, вѣсть пріятную мнѣ дайте!

(Читаетъ).

„Судъ и гнѣвъ твоего отца, если-бъ онъ схватилъ меня въ своихъ владѣньяхъ, не могутъ такъ жестоко поразить меня, чтобъ взоръ твой, моя дорогая, не возвратилъ меня къ жизни. Знай, что я теперь въ Кембріи, въ Мильфордской гавани. Слѣдуй совѣту, какой подастъ тебѣ любовь при этомъ извѣстіи. Желая тебѣ всевозможнаго счастія и, вѣрный своимъ обѣтамъ, остаюсь съ возрастающею къ тебѣ любовію, твой Леонатъ Постумъ".

Скорѣй! коня крылатаго! Ты слышалъ,
Пизаніо? Въ Мильфордѣ онъ: скажи,
Далеко ль это? Вѣдь, иной туда
Изъ пустяковъ въ недѣлю доползаетъ,
Такъ не могу ли въ день я долетѣть?
Пизаніо мой вѣрный, вѣдь и ты
Его желаешь видѣть, хоть не такъ,
Какъ я, слабѣй, чѣмъ я, однако
Желаешь же, хоть все не такъ, какъ я:
Я—безконечно! О, скажи скорѣе—
Ты, какъ любви союзникъ, былъ бы долженъ
Для словъ моихъ открыть всѣ входы слуха.
Далеко ли счастливый тотъ Мильфордъ?
И какъ Валлисъ такъ счастливъ сталъ, что въ немъ
Такая гавань есть! Иль нѣтъ! во-первыхъ,
Скажи, какъ намъ отсюда ускользнуть
И чѣмъ отлучки время до возврата
Намъ извинить? Но прежде—какъ уйти?
Къ чему впередъ объ извиненьяхъ думать?
Ихъ послѣ мы пріищемъ. О, скажи,
Мы много ли проѣхать можемъ въ часъ
Десятковъ миль?

Пизаніо.

Десятка одного,
Принцесса, вамъ на цѣлый день достанетъ.

Имогена.

И тотъ, кого ведутъ на казнь, не будетъ
Тащиться такъ. Про скачки я слыхала,
Гдѣ лошади бѣгутъ быстрѣй песка
Въ часахъ. Но нѣтъ, ребячество, вѣдь, это.
Скажи моей служанкѣ, чтобъ она
Прикинулась больной и опросилась
Домой къ отцу. Ты припаси мнѣ платье
Дорожное, попроще, чтобъ годилось
Для мызницы.

БЕЛАРІЙ, ГВИДЕРІЙ и АРВИРАГЪ НА МОЛИТВѢ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ПИЗАНІО.

Подумайте, принцесса!

ИМОГЕНА.

Я лишь впередъ гляжу, но ни направо,
Ни влѣво, ни назадъ: повсюду тамъ
Слѣпитъ меня туманъ. Прошу, скорѣе
Исполни все, пусть будетъ страхъ забытъ.
Въ Мильфордъ! Туда мнѣ путь одинъ открытъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Валлисъ. Гористая страна съ пещерою.

БЕЛАРІЙ, ГВИДЕРІЙ *и* АРВИРАГЪ *выходятъ изъ пещеры.*

БЕЛАРІЙ.

Какъ ясенъ день: зачѣмъ сидѣть подъ кровлей,
Гдѣ такъ она низка? Нагнитесь, дѣти!
Васъ эта дверь молиться Небу учитъ—
Она склоняетъ васъ къ святой молитвѣ
Въ часъ утренній. Царей могучихъ двери
Такъ высоки, что въ нихъ пройдетъ гигантъ,

Не снявъ чалмы надменной, чтобы утру
Отдать поклонъ. Привѣтъ тебѣ, о, Небо!
Мы, дѣти горъ, къ тебѣ не такъ суровы,
Какъ жители дворцовъ.

Гвидерій.

Привѣтъ тебѣ, о, Небо!

Арвирагъ.

Привѣтъ тебѣ, о, Небо голубое!

Беларій.

Теперь на ловъ. На этотъ холмъ взнесутъ
Васъ молодыя ноги; я жъ въ долинѣ
Останусь тутъ. Замѣтьте же, когда я
Вамъ покажусь не болѣе вороны,
Что мѣсто все ростить и уменьшаетъ—
Припомните, что я вамъ говорилъ
О короляхъ, дворахъ, дѣлахъ военныхъ:
Та служба, что исполнена, не служба,
Пока ее такою не признали.
Сужденіемъ такимъ изо всего
Мы пользу извлекаемъ: въ утѣшенье
Самимъ себѣ, мы часто сознаемъ,
Что скорлупой покрытый жукъ счастливѣй
Парящаго орла. О, эта жизнь
Достойнѣе, чѣмъ лесть и униженье;
Богаче, чѣмъ бездѣлье и застой;
Важнѣе, чѣмъ шелковъ заемныхъ шелестъ.
Хоть щеголю поклонъ отвѣситъ тотъ,
Кѣмъ онъ одѣтъ, но счетъ все будетъ счетомъ.
Всѣхъ лучше наша жизнь.

Гвидерій.

Вы говорите
По опыту; но мы, еще птенцы
Безкрылые, далеко отъ гнѣзда
Не отлетали и не знаемъ даже,
Каковъ и воздухъ тамъ. Пусть наша жизнь
Всѣхъ лучше, если лучшее покой.
Тебѣ милѣй она затѣмъ, что зналъ
Ту худшую; но намъ она лишь склепъ
Незнанія, тюрьма, гдѣ заключенный
Переступить границъ ея не смѣетъ.

Арвирагъ.

О чемъ же будемъ говорить, когда
Состаримся? когда снаружи будутъ
Декабрьскій дождь и вѣтеръ бушевать?
Какъ намъ тогда, въ пещерѣ заключеннымъ,
Дни зимніе бесѣдой коротать?
Мы ничего не видѣли; мы—звѣри:
Лукавы, какъ лиса на ловлѣ; смѣлы,
Какъ волкъ на травлѣ; наша храбрость вся
Лишь въ томъ, что мы преслѣдуемъ бѣгущихъ;
А наша пѣснь, какъ въ клѣткѣ пѣсня птицы
Звучитъ свободно о своей неволѣ.

Беларій.

Въ васъ говоритъ неопытность. Когда бы
Узнали вы пороки городовъ,
Извѣдали тщету придворной жизни,
Съ которою такъ сжиться тяжело
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ тягостно разстаться,
Гдѣ вѣрное паденье—быть вверху,
Гдѣ скользко такъ, что страхъ упасть оттуда
Несноснѣе паденья самого,
А тягости войны, гдѣ, ради славы,
Опасностей лишь ищутъ, чтобъ потомъ
Найти въ нихъ смерть и часто вмѣсто славы
Позорное надгробіе стяжать;
Гдѣ часто подвигъ чести ненавистенъ
И долженъ злобѣ уступить! Ахъ, дѣти!
Все это свѣтъ на мнѣ увидѣть можетъ:
Я весь изсѣченъ римскими мечами,
Я выше всѣхъ когда-то былъ по славѣ,
Самъ Цимбелинъ любилъ меня, и въ войскѣ
Во всѣхъ устахъ мое звучало имя.
Какъ дерево, покрытое плодами,
Я былъ тогда; но какъ-то темной ночью,
Иль ураганъ, иль воры—назовите,
Какъ можете—плоды съ меня обили
И самый листъ—и нагъ остался я
Подъ стужею.

Гвидерій.

Измѣнчивое счастье!

Беларій.

Проступокъ мой, какъ я вамъ говорилъ,
Былъ только тотъ, что два коварныхъ плута,
Которыхъ клевета верхъ одержала
Надъ честностью моей, сказали королю,
Что я въ союзѣ съ Римомъ. И за это
Я изгнанъ былъ, и вотъ ужъ двадцать лѣтъ,
Какъ этотъ лѣсъ и скалы—мой пріютъ.
Я здѣсь живу въ свободѣ благородной
И небесамъ плачу молитвы долгъ
Усерднѣе, чѣмъ прежде. Но довольно!
Ступайте въ лѣсъ; то не языкъ ловцовъ.
Кто первый дичь сразитъ стрѣлой пернатой,
Тотъ будетъ нынче нашимъ королемъ
На празднествѣ; ему жъ другіе оба
Служить должны, и мы не побоимся
Предательской отравы, что порой
За пышными столами угрожаетъ.
Въ долинѣ здѣсь сойдемся мы опять.

(Гвидерій и Арвирагъ уходятъ).

Какъ трудно скрыть природы искры! Имъ
Не грезится, что ихъ отецъ—властитель,
И Цимбелинъ не знаетъ, что они
Еще живутъ; отцомъ своимъ считаютъ

Они меня. Хотя въ пещерѣ тѣсной
Въ ничтожествѣ взросли они, но мыслью
Они парятъ къ величію дворцовъ.
Природа учитъ ихъ въ дѣлахъ ничтожныхъ
Свой царскій духъ являть, къ чему другой
Искусствомъ не дойдетъ. Вотъ Полидоръ,
Наслѣдникъ Цимбелина и короны
Британской—онъ Гвидеріемъ былъ названъ
Своимъ отцомъ вѣнчаннымъ. О, Юпитеръ!
Когда я, сѣвъ на свой трехногій стулъ,
Начну разсказъ о подвигахъ военныхъ,
Свершенныхъ мною въ юности—онъ весь
Проникнется восторгомъ; какъ скажу я:
„Такъ палъ мой врагъ, такъ придавилъ ногой
Я грудь ему!"—вдругъ царственная кровь
Къ щекамъ его прихлынетъ, на челѣ
Проступитъ потъ, и молодые члены
Мои слова движеньемъ выражаютъ.
Меньшой Кадвалъ, онъ звался Арвирагомъ,
Не менѣе стремителенъ въ движеньяхъ
И рѣчь мою живитъ, волнуясь больше,
Чѣмъ слушая. Но чу! спугнули дичь!
О, Цимбелинъ! Зевесъ и совѣсть знаютъ,
Что изгнанъ я невинно—и за то
Твоихъ дѣтей, двухъ первенцовъ твоихъ—
По третьему и по второму году—
Я у тебя похитилъ: мнѣ хотѣлось
Лишить тебя потомковъ, какъ тобой
Былъ я лишенъ всего. Ты, Эврифила,
Вскормила ихъ—и матерью считали
Они тебя и чтутъ твою могилу;
Меня жъ, Беларія—теперь Моргана—
Зовутъ отцомъ. Но началась охота.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Близъ Мильфорда.

Входятъ Иногена *и* Пизаніо.

Имогена.

Когда съ коней сошли мы, ты сказалъ,
Что скоро мы на мѣстѣ. Никогда
И мать моя ко мнѣ такъ не стремилась,
Какъ я къ нему. Пизаньо, гдѣ же Постумъ?
Что у тебя въ душѣ, что такъ ты мраченъ?
Что значитъ твой глубокій вздохъ? Когда-бы
Нарисовать кого такимъ, то въ немъ
Отчаянья нашли-бъ изображенье.
Ахъ, измѣни свой видъ ужасный, прежде
Чѣмъ чувства мнѣ безуміе осилитъ!
Что сдѣлалось съ тобой? зачѣмъ даешь
Мнѣ этотъ листъ съ такимъ зловѣщимъ взоромъ?
Вѣсть о веснѣ—такъ улыбайся ей;
А о зимѣ—то къ ней твой видъ подходитъ.
Его рука! Отравленъ онъ дыханьемъ
Италіи, бѣда ему грозитъ?
Да говори жъ! Твои слова, быть можетъ,
Смягчатъ ударъ губительный, который
Меня убьетъ при чтеньи.

Пизаніо.

Нѣтъ, прочтите:
Увидите тогда, какое горе
Готовитъ мнѣ, несчастному, судьба.

Имогена *(читаетъ).*

„Госпожа твоя, Пизаніо, какъ потаскушка, опозорила мое брачное ложе; доказательства этого облили кровію мое сердце. Я говорю это не изъ слабаго подозрѣнія, но изъ полнаго убѣжденія, которое сильно, какъ моя скорбь, и вѣрно, какъ мое мщеніе. Ты долженъ исполнить его за меня, Пизаніо, если вѣрность твоя не поколебалась отъ ея вѣроломства. Убей ее собственною рукою: я доставлю тебѣ къ тому случай въ гавани Мильфорда. Для этой цѣли она получитъ отъ меня письмо. Если ты побоишься убить ее и удостовѣрить меня въ исполненіи моего приказа, то ты соучастникъ ея безчестія и измѣнникъ передо мною".

Пизаніо.

Къ чему мнѣ трогать мечъ? Уже пронзило
Ей грудь письмо. Нѣтъ, это клевета!
Она разитъ сильнѣе всѣхъ мечей;
Она всѣхъ нильскихъ гадовъ ядовитѣй;
Ея слова, летя на крыльяхъ бури,
Позорятъ каждый край: царей, царицъ
И дѣвъ, и женщинъ; даже въ сѣнь могилы
Ползетъ ехидна клеветы. Что съ вами?

Имогена.

Я невѣрна? Что значитъ быть невѣрной?
Безъ сна лежать и думать лишь о немъ?
И плакать каждый часъ? А одолѣетъ
Природу сонъ—дрожать отъ страшной грезы
О немъ и вскакивать въ испугѣ? Это ль
Невѣрной ложу значитъ быть? Скажи,
Не это ли?

Пизаніо.

О, добрая принцесса!

Имогена.

Я невѣрна? Гдѣ жъ совѣсть тутъ? Іахимо,
Когда его въ распутствѣ ты винилъ,
Ты мнѣ казался низкимъ; но теперь
Ты лучше сталъ. Знать, римская сорока,
Обязанная красотой румянамъ
Опутала его; а я ему
Не хороша: я—платье не по модѣ.
Но слишкомъ дорога, чтобъ такъ висѣть,

А потому—въ куски меня разрѣзать!
Предатели—мужскія клятвы намъ!
О, мой супругъ! черезъ твое паденье
Все стало зломъ, что носитъ видъ добра;
Не тамъ его отчизна, гдѣ оно
Блеститъ: оно приманкой лишь для женщинъ
Положено.

ПИЗАНІО.
Послушайте, принцесса.

ИМОГЕНА.
Въ тѣ времена, когда Эней скитался
И честныхъ за обманщиковъ считали;
Синона плачъ позорилъ честныхъ слезы,
И горе состраданія лишалъ:
Такъ, Постумъ, ты всѣхъ честныхъ запятналъ!
Да, благородство, доблесть—ложь, измѣна
Съ тѣхъ поръ, какъ палъ ты. Ну, ступай, исполни,
Какъ слѣдуетъ, велѣнье господина.
Когда его увидишь, похвали
Слегка мою покорность. Вотъ, смотри,
Твой мечъ сама я вынула: рази
Любви пріютъ невинный—это сердце!
Что медлишь? Въ немъ все пусто; лишь осталась
Одна тоска, въ немъ нѣтъ и господина.
А прежде онъ хранился въ немъ, какъ кладъ.
Исполни же приказъ: рази! Быть можетъ,
Ты былъ бы храбръ въ другомъ, честнѣйшемъ дѣлѣ,
А въ этомъ—трусъ.

ПИЗАНІО (*бросая мечъ*).
Прочь, подлое орудье!
Не оскверню тобой руки.

ИМОГЕНА.
Но я
Должна же умереть. Когда не ты
Меня убьешь, то не слуга ты честный;
Святой законъ клянетъ самоубійство,
И слабая рука моя дрожитъ,
Вотъ грудь моя! Что это? Прочь, не нужно
Ей никакой охраны—пусть она
Покорна будетъ, какъ ножны. Что это?
А, письма Леоната! Вы теперь
Не ересью ли стали? Вы сгубили
Мою святую вѣру. Прочь отсюда—
Вамъ не лежать у сердца моего!
Такъ вѣритъ лжи невинное дитя;
Обманутый страдаетъ отъ обмана,
Но и обманщикъ кары не уйдетъ.
Да, Постумъ, ты, который къ ослушанью
Родителю увлекъ меня, что я
Руки моей искателей вѣнчанныхъ
Съ презрѣньемъ отвергала—ты узнаешь,
Что это былъ поступокъ не пустой.
А подвигъ рѣдкій; грустно бы мнѣ было
Подумать, какъ, насытившись своей
Преступною любовью, будешь ты
Терзаться, вспомнивъ обо мнѣ. Скорѣе!
Ягненокъ ободряетъ мясника.
Рази! Гдѣ мечъ? Что жъ медлишь ты исполнить
Его приказъ, когда и я сама
Прошу тебя объ этомъ?

ПИЗАНІО.
О, принцесса,
Съ тѣхъ поръ, какъ я приказъ тотъ получилъ,
Я глазъ не могъ сомкнуть!

ИМОГЕНА.
Ну что жъ? исполни,
Потомъ засни.

ПИЗАНІО.
Нѣтъ, лучше пусть отъ бдѣнья
Глаза мои ослѣпнутъ!

ИМОГЕНА.
Такъ зачѣмъ же
Ты соглашался съ нимъ? зачѣмъ напрасно
Проѣхалъ столько миль? зачѣмъ мы здѣсь?
Къ чему клонились всѣ твои старанья,
И лошадей безплодная усталость,
И поздній часъ, и это безпокойство
Двора, куда нельзя мнѣ возвратиться?
Зачѣмъ зашелъ такъ далеко и вдругъ
Оставилъ цѣль въ виду желанной дичи?

ПИЗАНІО.
Мнѣ время лишь хотѣлось протянуть,
Чтобъ устранить себя отъ злого дѣла!
И вотъ, принцесса, я придумалъ планъ,
Который васъ я выслушать съ терпѣньемъ
Прошу.

ИМОГЕНА.
Болтай, пока не истощишься!
Я слышала названье потаскушки,
И эта ложь такъ сердце мнѣ пронзила,
Что раны я измѣрить не могу.

ПИЗАНІО.
Я думаю, что вы не возвратитесь.

ИМОГЕНА.
Ну, да!—ты самъ привелъ меня сюда,
Чтобъ умертвить.

ПИЗАНІО.
О, нѣтъ, не оттого!
Когда бы такъ уменъ я былъ, какъ честенъ,

Имогена . . . . разн
Любви пріютъ невинный—это сердце.
Картина англійскаго художника Гопнера (John Hoppner, R. A., 1758—1810).

Мой планъ повелъ бы къ счастью; я увѣренъ,
Мой господинъ сталъ жертвою обмана:
Какой-нибудь мерзавецъ, ловкій плутъ,
Обоихъ васъ предательски опуталъ.

ИМОГЕНА.
Да, римская любовница скорѣе.

ПИЗАНІО.
Клянусь, что нѣтъ! Я извѣщу его,
Что вы убиты и пошлю ему
Окровавленный признакъ, какъ велѣлъ онъ.
Васъ при дворѣ не будетъ, это слуху
Скорѣй заставитъ вѣрить.

ИМОГЕНА.
Но, мой другъ,
Что жъ буду дѣлать я? куда я скроюсь?
И что за радость жизнь, когда мертва
Для мужа я?

ПИЗАНІО.
Хотите ль ко двору?

ИМОГЕНА.
Нѣтъ, ни къ отцу, ни ко двору, гдѣ мучилъ
Меня надменный, грубый тотъ пошлякъ,
Клотенъ. Его искательство страшнѣе
Осады мнѣ.

ПИЗАНІО.
Когда не при дворѣ—
Въ Британіи вамъ мѣста нѣтъ.

ИМОГЕНА.
Но гдѣ же?
Иль солнце лишь въ Британіи сіяетъ?
Иль день и ночь лишь тутъ? Для всей вселенной
Британія побочное звено;
Въ большомъ пруду—гнѣздо лебяжье: люди
Живутъ и внѣ Британіи.

ПИЗАНІО.
Я радъ,
Что вы о томъ припомнили. Кай Луцій,
Посланникъ римскій, завтра же прибудетъ

Чѣмъ въ нихъ во всѣхъ; все лучшее отъ
каждой
Соединилось въ ней, и всѣхъ собою
Она затмитъ: за то ее люблю;
Но презирать меня и отдавать
Свою любовь холопу—это такъ
Ея позоритъ вкусъ, что помрачаетъ
Всѣ прелести ея—и вотъ за это
Я ненависть питаю къ ней и буду
Ей мстить. Когда глупцы хотятъ...

Входитъ Пизаніо.

Клотенъ.

Кто тамъ?
Такъ это ты, негодный, строишь козни?
Поди сюда, продажный сводникъ! Гдѣ
Твоя принцесса? Говори, не то—я
Пошлю тебя ко всѣмъ чертямъ!

Пизаніо.

О, принцъ!

Клотенъ.

Принцесса гдѣ? не то, клянусь Зевесомъ,
Не повторю вопроса. Плутъ упорный,
Я эту тайну вырву у тебя,
Или изъ сердца вырѣжу кинжаломъ;
Она теперь у Постума—скажи?
У Постума, въ которомъ пудъ позора
Не дастъ и грана чести.

Пизаніо.

Но, милордъ,
Какъ быть ей съ нимъ? Давно-ль ея здѣсь
нѣтъ,
А онъ, вѣдь, въ Римѣ.

Клотенъ.

Гдѣ жъ она? Скорѣе!
Оставь свои увертки—отвѣчай,
Что съ нею сдѣлалось?

Пизаніо.

Свѣтлѣйшій принцъ!

Клотенъ.

Свѣтлѣйшій ты мерзавецъ! Говори:
Гдѣ госпожа твоя? сейчасъ же,
Безъ всякихъ тамъ свѣтлѣйшихъ, а не то—
Твое молчанье будетъ приговоромъ
И смертью для тебя.

Пизаніо.

Сэръ, вотъ письмо:
Вы въ немъ найдете все, что о побѣгѣ
Извѣстно мнѣ.
(*Подаетъ ему письмо*).

Клотенъ.

Посмотримъ. Я за нею
Пойду до трона Августа.

Пизаніо (*про себя*).

Что дѣлать?
Иль это, или смерть. Теперь принцесса
Ужъ далеко. Что онъ прочтетъ—ему
Доставитъ трудъ, а ей безвредно.

Клотенъ.

А!

Пизаніо (*про себя*).

Я извѣщу его, что все исполнилъ.
О, Имогена, путь тебѣ счастливый!
Ступай же въ Римъ и возвратись въ от-
чизну!

Клотенъ.

Въ письмѣ подлога нѣтъ?

Пизаніо.

Я въ томъ увѣренъ.

Клотенъ. Это рука Постума—я ее знаю. Ну, слушай: если ты перестанешь быть мошенникомъ, а будешь вѣрно служить мнѣ, исполнять всѣ мои порученія съ полнымъ усердіемъ, то-есть, какое бы плутовство ни поручилъ я тебѣ, исполнить его вѣрно и добросовѣстно, то я буду считать тебя за честнаго человѣка; ты можешь тогда разсчитывать на мою помощь и на содѣйствіе къ твоему возвышенію.

Пизаніо. Я готовъ, благородный принцъ.

Клотенъ. Ну, такъ ты согласенъ мнѣ служить? Если ты такъ терпѣливо и вѣрно служилъ нищенскому счастью Постума, то, по долгу благодарности, будешь вѣрнымъ моимъ слугою. Хочешь служить мнѣ?

Пизаніо. Хочу, принцъ.

Клотенъ. Протягивай руку: вотъ тебѣ мой кошелекъ. Есть ли у тебя что изъ платья твоего прежняго господина?

Пизаніо. У меня спрятано то самое, принцъ, въ которомъ онъ былъ въ день разлуки съ моей госпожою.

Клотенъ. Такъ начни службу свою тѣмъ, что принеси мнѣ это платье. Вотъ это будетъ твоя первая служба. Ступай.

Пизаніо. Сію минуту, принцъ. (*Уходитъ*).

Клотенъ. Мнѣ нужно застать ее въ Мильфордской гавани. Я забылъ спросить его еще объ одномъ; ну, да это не уйдетъ. Вотъ тамъ то я убью этого негодяя—Постума. Поскорѣе бы только достать его платье. Она сказала мнѣ разъ—и горечь

этихъ словъ до сихъ поръ у меня въ сердцѣ—что самое послѣднее платье у Постума для нея дороже моей собственной благородной особы, со всѣми ея совершенствами. Въ этомъ самомъ платьѣ хочу я овладѣть ею; но прежде убью его въ ея же глазахъ: пусть увидитъ она мою храбрость, и это будетъ ей мученіемъ за ея высокомѣріе. Когда же будетъ онъ у ногъ моихъ, и я, наругавшись порядкомъ надъ его трупомъ, утолю свою страсть—что, какъ сказалъ я, исполню ей въ насмѣшку въ томъ же самомъ платьѣ—я пинками погоню ее домой. Ей доставляло удовольствіе презирать меня, такъ и я же наслажусь своимъ мщеніемъ.

Пизаніо *возвращается съ платьемъ.*

Клотенъ. То ли это платье?

Пизаніо. То самое, принцъ.

Клотенъ. А давно ли отправилась она въ Мильфордъ?

Пизаніо. Она едва ли тамъ теперь.

Клотенъ. Отнеси это платье ко мнѣ въ комнату: вотъ вторая тебѣ служба; третья—чтобъ ты никому не говорилъ о моемъ намѣреніи. Будь только вѣренъ— и ты достигнешь высшихъ почестей. Мое мщеніе теперь въ Мильфордѣ: если-бъ у меня были крылья летѣть туда за нею! Пойдемъ—и будь мнѣ вѣренъ! (*Уходитъ*).

Пизаніо.

Совѣтъ плохой: тебѣ чтобъ вѣрнымъ быть,
Я господину долженъ измѣнить.
Ступай въ Мильфордъ! Не будетъ исполненья
Твоимъ мечтамъ. Пошли благословенье,
О Небо, ей! Глупцу пошли преграды,
Чтобъ онъ не зналъ въ дѣлахъ своихъ отрады.

— —

СЦЕНА VI.

Валлисъ. Передъ пещерой Беларія.

Входитъ Имогена *въ мужскомъ платьѣ.*

Имогена.

О, тяжела, я вижу, жизнь мужчины:
Устала я. Двѣ ночи мнѣ постелью
Была земля, и я изнемогла бы,
Когда-бъ меня мой планъ не ободрялъ.
Мильфордъ, когда Пизаньо указалъ мнѣ
Тебя съ горы, ты близокъ мнѣ казался.
О, Небо, даже домы убѣгаютъ

ИМОГЕНА ВЪ ПЕЩЕРѢ.
Картина Ричарда Вестоля (Richard Westall, R. A.). (Большая Бойделевская Галлерея).

Отъ бѣдняка, въ нихъ ищущаго крова!
Мнѣ на пути сказали двое нищихъ,
Что сбиться невозможно. Бѣдняки!
На нихъ, какъ казнь, ложатся испытанья,
А тоже лгутъ; такъ диво ли, что правды
Не говоритъ богачъ? Грѣшить въ богатствѣ
Позорнѣе, чѣмъ лгать отъ нищеты;
Ложь въ короляхъ презрѣннѣе, чѣмъ въ нищихъ.
О, мой супругъ—и ты одинъ изъ лживыхъ!
При мысли о тебѣ проходитъ голодъ:
Еще сейчасъ была готова я
Отъ слабости упасть. Что тутъ такое?
Тропинка тутъ, какая-то пещера.
Не кликнуть ли? Нѣтъ, я боюсь; но голодъ
Природѣ храбрость придаетъ, пока
Совсѣмъ ея не побѣдитъ. Избытокъ
И миръ рождаютъ трусовъ, а нужда—
Мать смѣлости. Эй! кто тамъ? Отвѣчай,
Коль общества не чуждъ; а если дикій—
Возьми иль дай! Все тихо. Я войду.
Но прежде выну мечъ—и если врагъ мой
Боится такъ меча, какъ я сама,
То на него сробѣетъ и взглянуть.
Такого мнѣ врага пошлите, боги! (*Уходитъ*).

А въ Галліи стоящихъ легіоновъ
Не станетъ, чтобъ вести войну съ отпавшей
Британіей, то призываетъ онъ
Патриціевъ къ походу. Онъ Люція
Проконсуломъ назначилъ. Васъ, трибуны,
Уполномочилъ онъ скорѣй, какъ можно,
Собрать полки. Да здравствуетъ нашъ цезарь!

1-ый трибунъ.
Начальникомъ ихъ будетъ Луцій?

2-ой сенаторъ.
Да.

1-ый трибунъ.
Онъ въ Галліи?

1-ый сенаторъ.
Онъ тамъ при легіонахъ,
Которые наборомъ вашимъ будутъ
Пополнены. Приказъ укажетъ вамъ
Число всѣхъ войскъ и время ихъ отправки.

1-ый трибунъ.
Мы поспѣшимъ исполнить повелѣнье.
(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Валлисъ. Близъ пещеры Беларія.

Входитъ Клотенъ.

Клотенъ. Мѣсто, гдѣ они хотѣли сойтись, должно быть здѣсь поблизости, если Пизаніо мнѣ вѣрно описалъ его. Какъ впору мнѣ его платье! Отчего бы не быть мнѣ впору и его любезной, которую создалъ тотъ же, кто и портного? Вѣдь, говорятъ же, что всякая женщина придется впору тому, кто съумѣетъ въ пору къ ней подбиться; а ужъ это теперь мое дѣло. Я самъ могу сознаться—вѣдь, тутъ нѣтъ никакого тщеславія, если наединѣ заглянешь въ зеркало—что всѣ формы тѣла у меня такъ же правильны, какъ у него: я такъ же молодъ, но сильнѣе его, не ниже, а выше его по своему положенію, знатнѣе его родомъ и такъ же искусенъ во всѣхъ дѣлахъ, а въ одиночной схваткѣ, пожалуй, превзойду его—и все-таки эта своенравная дура любитъ его, мнѣ на зло. Смертный, что ты такое? Голова твоя, Постумъ, которая пока сидитъ еще на плечахъ, черезъ часъ должна слетѣть долой; твою любезную постигнетъ насиліе; твое платье будетъ изорвано въ куски предъ ея глазами, и потомъ, когда все это кончится, я погоню ее пинками домой къ отцу, который, можетъ быть, и посердится на меня за эту грубость; но мать моя, которая умѣетъ управлять его прихотями, все поведетъ къ лучшему. Я привязалъ свою лошадь. Выходи, мечъ мой, на кровавую работу! Фортуна, пошли ихъ въ мои руки! Это, должно быть, то самое мѣсто, гдѣ хотѣли они сойтись: этотъ глупецъ не посмѣлъ бы обмануть меня.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Передъ пещерою Беларія.

Изъ пещеры выходятъ Беларій, Гвидерій, Арвирагъ *и* Имогена.

Беларій.
Ты не здоровъ: останься здѣсь въ пещерѣ;
Съ охоты мы опять къ тебѣ придемъ.

Арвирагъ.
Останься, братъ! Вѣдь, братья мы, не
такъ ли?

Имогена.
Да, братьями всѣ люди быть должны;
Но часто прахъ гордится передъ прахомъ,
Хоть оба только прахъ. Я нездоровъ.

Гвидерій.
Ступайте вы одни: я съ нимъ останусь.

Имогена.
Я нездоровъ, но не въ такой ужъ мѣрѣ...
Я не такой роскошный горожанинъ,
Чтобъ до болѣзни видѣть смерть. Оставьте
Меня, свой трудъ обычный исполняя:
Привычку нарушать—все нарушать.
Я нездоровъ, но помощи не будетъ
Мнѣ отъ того, что будете со мной.
Нѣтъ, общество не будетъ утѣшеньемъ
Несчастному; не такъ еще я боленъ,
Когда могу о томъ судить. Оставьте

МИЛЬФОРДЪ.
Гравюра 1840-хъ г.г. съ рисунка Сарджента (Sargent).

Меня здѣсь одного стеречь жилище:
Могу украсть лишь самого себя—
Умру, но это кража не большая.

ГВИДЕРІЙ.
Я такъ тебя люблю, что и отецъ
Родной мнѣ такъ не милъ.

БЕЛАРІЙ.
Какъ? что такое?

АРВИРАГЪ.
Коль грѣхъ такъ говорить, что вмѣстѣ съ братомъ
И я грѣшу; не знаю, почему
Я юношу люблю. Ты говорилъ намъ,
Что нѣтъ въ любви причины. Стой тутъ гробъ
И умереть одинъ бы долженъ былъ,
То я сказалъ бы: пусть умретъ отецъ—
Не юноша.

БЕЛАРІЙ (*про себя*).
О, высшее влеченье!
Природное величіе породы!
Ничтожность производитъ лишь ничтожность;
Въ природѣ есть мякина и мука,
Презрѣнье и почетъ. Я не отецъ имъ,
Но странно, что чужой сталъ имъ дороже,
Чѣмъ я. Девятый часъ.

АРВИРАГЪ.
Прощай же, братъ.

ИМОГЕНА.
Счастливый путь вамъ.

АРВИРАГЪ.
А тебѣ желаемъ
Въ болѣзни облегченья. Ну, пойдемте!

ИМОГЕНА (*про себя*).
Какъ добры эти люди! Сколько лжи
Я слышала, о боги, отъ придворныхъ!
Тотъ грубъ и дикъ, кто не изъ круга ихъ;
Но опытъ мнѣ другое открываетъ;
Морская глубь чудовищъ порождаетъ,
А ручейки намъ вкусныхъ рыбъ даютъ.
О, я больна, истомлена. Пизаньо,
Приму твое лѣкарство. (*Пьетъ изъ склянки*).

ГВИДЕРІЙ.
Ничего
Я не узналъ: что родомъ знаменитъ,
Намъ онъ сказалъ, но бѣдствуетъ; безчестно
Гонимъ людьми, но честенъ самъ.

АРВИРАГЪ.
Мнѣ то же
Отвѣтилъ онъ, прибавивъ, что потомъ
Узнаю больше я.

Беларій.

Пора намъ въ лѣсъ!
Ну, мы идемъ; ты жъ отдохни въ пещерѣ.

Арвирагъ.

Мы скоро возвратимся.

Беларій.

Не хворай же:
Вѣдь, ты хозяйка наша.

Имогена.

И здоровый,
Какъ и больной—я много вамъ обязанъ.

Беларій.

Тебѣ и впредь готовы мы служить.
(*Имогена уходитъ*).
Какъ онъ ни бѣдствуетъ, но крови знатной
Онъ долженъ быть.

Арвирагъ.

Поетъ онъ—точно ангелъ!

Гвидерій.

А какъ въ стряпнѣ искусенъ, какъ умѣетъ
Коренья рѣзать, приправлять похлебку—
Что хоть больной Юнонѣ подавай.

Арвирагъ.

Какъ у него прелестно сочетанье
Улыбки съ тихимъ вздохомъ—точно вздохъ
Груститъ о томъ, что не улыбка онъ;
Улыбка же надъ вздохомъ тѣмъ смѣется,
Что хочетъ онъ такой оставить храмъ,
Чтобъ слиться съ бурей, страшной морякамъ.

Гвидерій.

Терпѣнье въ немъ и скорбь такъ сочетались,
Что корни ихъ сплелись.

Арвирагъ.

Рости, терпѣнье,
Чтобъ корень скорби свой утратилъ ядъ
И изъ него далъ плодъ свой виноградъ.

Беларій.

Ужъ солнце высоко. Пойдемъ. Кто это?

Входитъ Клотенъ.

Я не нашелъ бродягъ; подлецъ меня,
Знать, обманулъ. Какъ я усталъ!

Беларій.

Бродягъ?
Не насъ ли ужъ? Онъ будто мнѣ знакомъ?
А, то Клотенъ, сынъ королевы. Нѣтъ ли
Измѣны тутъ? Его я не видалъ
Ужъ много лѣтъ; но знаю—это онъ.
Законъ насъ не хранитъ: уйдемъ скорѣе!

Гвидерій.

Онъ, вѣдь, одинъ; подите съ братомъ въ лѣсъ,
Еще кого тамъ нѣтъ ли—посмотрите,
А съ этимъ я раздѣлаюсь.
(*Беларій и Арвирагъ уходятъ*).

Клотенъ.

Стой! Кто вы?
Кто тамъ бѣжитъ? Разбойники вы, что ли?
О нихъ есть слухъ. Ты что за негодяй?

Гвидерій.

Но не такой негодный, чтобъ на это
Ударомъ не отвѣтить.

Клотенъ.

Ты разбойникъ,
Мошенникъ, плутъ. Сдавайся, воръ!

Гвидерій.

Кому?
Тебѣ? Ты кто такой? Слабѣе, что ли,
Тебѣ рукою я? слабѣй душою?
Вотъ на словахъ сильнѣе ты, затѣмъ,
Что свой кинжалъ во рту я не ношу. Кто жъ ты,
Чтобъ сдался я тебѣ?

Клотенъ.

Подлецъ негодный!
Не узнаешь меня по платью?

Гвидерій.

Нѣтъ,
Ни даже дѣда твоего портнягу,
Который, сшивъ нарядъ тебѣ, подумалъ,
Что платье человѣка родитъ.

Клотенъ.

Врешь, мошенникъ!
Не мой портной шилъ это.

Гвидерій.

Такъ ступай,
Скажи тому спасибо, кто тебѣ
Пожаловалъ его. Ты пошлый олухъ—
И жаль мнѣ бить тебя.

Клотенъ.

Ахъ, ты мерзавецъ!
Узнай сперва, кто я, и трепещи!

Гвидерій.

Такъ назовись мнѣ.

Клотенъ.

Я—Клотенъ, мошенникъ!

Гвидерій: Я такъ тебя люблю, что и отецъ
Родной мнѣ такъ не милъ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ГВИДЕРІЙ.
Будь ты Клотенъ двойной мошенникъ, этимъ
Меня не испугаешь; назовись
Ты жабою иль паукомъ—скорѣй бы
Смутился я.

КЛОТЕНЪ.
Такъ вотъ, чтобъ доконать
Тебя совсѣмъ, скажу тебѣ, что я
Сынъ королевы.

ГВИДЕРІЙ.
Очень жаль, что ты
Не вышелъ въ свой высокій родъ.

КЛОТЕНЪ.
Ну что же?
Ты не дрожишь?

ГВИДЕРІЙ.
Кого я уважаю,
Тѣхъ и боюсь—лишь умныхъ; а глупцамъ
Смѣюсь въ глаза!

Клотенъ.

Ну, такъ умри жъ, негодный!
Убивъ тебя своей рукой, сыщу я
И тѣхъ двоихъ, которые ушли,
И въ Людѣ ваши головы повѣшу
На воротахъ. Сдавайся, или—смерть
Тебѣ, разбойникъ! (*Уходятъ, сражаясь*).

Беларій *и* Арвирагъ *возвращаются*.

Беларій.

Никого тамъ нѣтъ.

Арвирагъ.

Нѣтъ ни души: ты, вѣрно, въ немъ ошибся.

Беларій.

Его давно я не видалъ—не знаю;
Но время съ той поры не измѣнило
Въ немъ ни одной черты: и голосъ тотъ же—
Порывистый и грубый. Я увѣренъ,
Что это онъ.

Арвирагъ.

Они остались тутъ:
Не сдѣлалъ бы чего-нибудь онъ брату—
Онъ золъ, ты говоришь?

Беларій.

Да, онъ такъ мало
Развитъ для человѣка, что не знаетъ,
Что значитъ страхъ: иной бываетъ страшенъ
Отсутствіемъ ума. Но вотъ и братъ твой!

Входитъ Гвидерій *съ головою Клотена*.

Гвидерій.

Клотенъ былъ олухъ: кошелекъ безъ денегъ;
И Геркулесъ не могъ бы выбить мозгу
Изъ головы его: она пуста.
Не сдѣлай я того, глупецъ носилъ бы
Такъ голову мою, какъ я его.

Беларій.

Что сдѣлалъ ты?

Гвидерій.

Я знаю, что я сдѣлалъ:
Снялъ голову я съ сына королевы,
Какъ назвалъ онъ себя; меня ругалъ онъ
Мошенникомъ, разбойникомъ и клялся,
Что онъ всѣхъ насъ изловитъ и убьетъ,
И наши головы повѣситъ въ Людѣ
На воротахъ.

Беларій.

О, горе! мы пропали!

Гвидерій.

О, дорогой отецъ, чего жъ лишиться
Мы можемъ, кромѣ жизни той, которой
Онъ клялся насъ лишить? Намъ отъ закона
Защиты нѣтъ: къ чему же слабодушно
Сносить, чтобы намъ говядины кусокъ
Надменно здѣсь грозилъ, былъ намъ судьею
И палачомъ—лишь потому, что страшенъ
Намъ тотъ законъ? Нашли ли вы кого?

Беларій.

Нѣтъ, ни души; по всѣмъ соображеньямъ,
Съ нимъ свита быть должна бы. Нравъ его
Измѣнчивъ былъ всегда, бросаясь часто
Отъ гадкаго на худшее; но прихоть
И дерзкое безумство не могли же
Такъ одолѣть его, чтобъ онъ рѣшился
Притти сюда *одинъ*. Значитъ, при дворѣ
Провѣдали, что здѣсь живутъ въ ущельяхъ
Опальные бродяги, что изъ нихъ
Современемъ собраться можетъ шайка.
Онъ услыхалъ про это и, вспыливъ,
Какъ и всегда, насъ изловить поклялся.
Невѣроятно лишь, что онъ сюда
Пришелъ одинъ: и самъ онъ не посмѣлъ бы,
Да и едва ль пустили бы его.
А потому причина есть бояться,
Что хвостъ у тѣла этого опаснѣй,
Чѣмъ голова.

Арвирагъ.

Пускай придетъ бѣда,
Какую Небо намъ пошлетъ, но братъ мой
Былъ въ этомъ правъ.

Беларій.

Охотиться сегодня
Не буду я: Фиделіо недугъ
Тревожилъ бы меня.

Гвидерій.

Его жъ мечомъ,
Которымъ онъ убить меня хотѣлъ,
Я голову отсѣкъ ему. Я брошу
Ее въ заливъ—пускай умчится въ море
И рыбамъ говоритъ, что онъ Клотенъ,
Сынъ королевы—что мнѣ до того.
(*Уходитъ*).

Беларій.

Боюсь, что мстить намъ будутъ за него.
О, Полидоръ! зачѣмъ ты это сдѣлалъ?
Отвагой ты богатъ...

Арвирагъ.

Нѣтъ, лучше бъ я
Его убилъ и месть одинъ понесъ бы!
О, Полидоръ, тебѣ я братски преданъ,
Но тутъ тебѣ завидую, что отнялъ
Ты подвигъ у меня; пускай на насъ

Падетъ ихъ месть—лишь были-бъ силы ей
Противустать, мы ей дадимъ отвѣтъ.

БЕЛАРІЙ.

Ну, хорошо; все кончено; сегодня
Охоты нѣтъ; безъ выгоды не нужно
Опасностей искать. Ступай въ пещеру:
Готовь обѣдъ съ Фиделіо; а я
Здѣсь Полидора быстраго дождусь
И съ нимъ приду къ обѣду.

АРВИРАГЪ.

Бѣдный мальчикъ,
Иду къ тебѣ. Чтобъ влить въ твои ланиты
Румянецъ, я охотно бы убилъ
Толпу такихъ Клотеновъ и не счелъ бы
Себя безчеловѣчнымъ.
(Уходитъ).

БЕЛАРІЙ.

О, святая
Природа! какъ ты дивно проявилась
Въ двухъ этихъ юношахъ-князьяхъ! Они
Такъ кротки, какъ зефиръ, когда лобзаетъ
Фіалку онъ, цвѣтокъ едва колебля;
Но чуть вскипитъ въ нихъ царственная кровь,
Они—свирѣпый ураганъ, который
Въ долину гнетъ сосны нагорной темя.
Какъ дивно образуетъ въ нихъ инстинктъ
Духъ царственный безъ всякихъ наставленій,
Приличье, честь безъ нравственныхъ примѣровъ!
Въ нихъ мужество растетъ и въ дикомъ видѣ,
И плодъ даетъ, какъ тщательный посѣвъ.
Но страшенъ мнѣ приходъ сюда Клотена;
И что насъ ждетъ за смерть его?

ГВИДЕРІЙ *возвращается.*

ГВИДЕРІЙ.

Гдѣ жъ братъ?
Я голову Клотена по теченью
Послалъ гонцомъ къ его двору, а трупъ
Останется залогомъ возвращенья.
(Торжественная музыка).

БЕЛАРІЙ.

Чу, Полидоръ, мой чудный инструментъ!
Но для чего жъ на немъ теперь играетъ
Кадвалъ?

ГВИДЕРІЙ.

Онъ тамъ?

БЕЛАРІЙ.

Сейчасъ туда ушелъ.

ГВИДЕРІЙ.

Что это значитъ? Съ матушкиной смерти
Онъ не звучалъ. Торжественные звуки
Торжественному дѣлу отвѣчаютъ.
Что жъ это онъ? Восторгъ изъ ничего
И плачъ изъ пустяковъ—ребячья скорбь,
Забава обезьяны. Неужели
Рехнулся нашъ Кадвалъ?

Входитъ АРВИРАГЪ, *неся на рукахъ безчувственную* ИМОГЕНУ.

БЕЛАРІЙ.

Вотъ онъ идетъ
И на рукахъ несетъ вину печали,
Что непонятно намъ.

АРВИРАГЪ.

Скончалась птичка,
Лелѣянная нами! Лучше мнѣ бы
Въ шестнадцать лѣтъ стать вдругъ на шестьдесятъ
И бодрый шагъ клюкою замѣнить,
Чѣмъ видѣть это горе!

ГВИДЕРІЙ.

О, лилея
Прелестная, была ты вдвое краше,
Цвѣтя на стеблѣ, чѣмъ теперь, покоясь
У брата на рукахъ!

БЕЛАРІЙ.

О, злое горе!
Кто въ глубину твою проникнетъ? кто
Измѣритъ дно твое, чтобъ указать,
Гдѣ лучше для заботъ тяжелыхъ пристань?
О, милое дитя, извѣстно Небу,
Какимъ бы ты достойнымъ мужемъ сталъ.
Но, ахъ, тоска свела тебя въ могилу!
Какъ ты нашелъ его?

АРВИРАГЪ.

Безъ жизни онъ
Съ улыбкою лежалъ—какъ будто былъ
Лишь мухою во снѣ обезпокоенъ,
А не стрѣлой смертельною сраженъ,
Склонясь къ подушкѣ правою щекою.

ГВИДЕРІЙ.

Гдѣ?

АРВИРАГЪ.

На полу, и руки такъ сложивъ.
Я думалъ, что онъ спитъ и скинулъ обувь
Тяжелую свою, чтобъ сна его
Не потревожить стукомъ.

ГВИДЕРІЙ.

Да, онъ спитъ—

Надежду намъ даетъ. Я осмотрю
Теперь войска: пусть будутъ всѣ готовы.
(*Гадателю*).
Ну, другъ, ты что провидишь о войнѣ?

Гадатель.

Мнѣ боги въ ночь видѣніе послали—
Я передъ тѣмъ постился и молилъ
О просвѣтленьи свыше—и я видѣлъ,
Что нашъ орелъ, юпитерова птица,
Покинувъ югъ, на западъ прилетѣлъ
Сюда и скрылся въ солнечныхъ лучахъ:
Коль не мрачитъ мой умъ грѣховность, это
Хорошій знакъ для римлянъ.

Луцій.

Пусть всегда
Видѣнья посѣтятъ тебя такія
И пусть они и сбудутся всегда.
Но тише, что за стволъ тутъ безъ вершины?
Останки говорятъ о славѣ зданья.
А вотъ и пажъ! Онъ мертвый или спитъ?
Вѣрнѣе, что онъ мертвый: вѣдь, природа
Чуждается подобнаго одра
Близъ мертвеца, на ложѣ смерти. Дайте
Мнѣ на лицо его взглянуть.

Военачальникъ.

Онъ живъ.

Луцій.

Ну, такъ онъ дастъ намъ вѣсть о мертвомъ. Мальчикъ,
Открой свою судьбу—она, какъ видно,
Достойна любопытства. Кто служилъ
Здѣсь для тебя кровавымъ изголовьемъ,
И кто дерзнулъ разрушить такъ работу
Природы благородной? Что при этомъ
Ты потерялъ? Какъ это все случилось?
Кто онъ? кто ты?

Имогена.

Ничто—и было-бъ лучше
Остаться имъ. Онъ былъ мой господинъ,
Британецъ доблестный; меня любилъ онъ;
Его убили горцы. Ахъ, такого
Другого нѣтъ на свѣтѣ господина!
И западъ, и востокъ я обойду,
О службѣ плача; многихъ я найду
Хорошихъ—и служить имъ вѣрно буду,
Но не найду такого.

Луцій.

Добрый мальчикъ,
Ты трогаешь меня своей печалью
Не менѣе, чѣмъ онъ своею кровью.
Но кто жъ твой господинъ?

Имогена.

Ричардъ дю Шанъ.
(*Про себя*). Я лгу; но ложь моя безвредна; если
Ее услышатъ боги, то простятъ.

Луцій.

А какъ тебя зовутъ?

Имогена.

Фидельо, сэръ.

Луцій.

Ты показалъ себя такимъ на дѣлѣ;
По вѣрности ты имени достоинъ.
Не хочешь ли служить мнѣ? Если я
Не такъ хорошъ, какъ былъ онъ, то повѣрь,
Тебя любить никакъ не меньше буду.
Мнѣ Цезаря письмо черезъ сенатъ
Не такъ въ твою бы пользу говорило,
Какъ самъ ты за себя. Пойдемъ со мной.

Имогена.

Извольте, сэръ. Но прежде, если Небу
Угодно это будетъ, я сокрою
Мнѣ милый трупъ отъ мухъ такъ глубоко,
Какъ смогутъ эти бѣдныя лопаты.
Осыпавъ холмъ цвѣтами и травою
И прочитавъ два раза сто молитвъ,
Какія мнѣ извѣстны, я поплачу
И съ нимъ прощусь, и въ службу къ вамъ вступлю,
Когда возьмете.

Луцій.

Да, мой добрый мальчикъ.
Отцомъ тебѣ—не господиномъ буду.
Нашъ долгъ, друзья, намъ отрокъ указалъ.
Отыщемъ лугъ красивыхъ маргаритокъ
И выроемъ концами нашихъ копій
Просторную могилу для него.
О, мальчикъ, онъ мнѣ милъ изъ-за тебя!
Возьмите трупъ: его мы похоронимъ,
Какъ воина. Утѣшься, другъ! Пойдемъ:
Порой, упавъ, возвысишься потомъ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ Цимбелинъ, лорды, Пизаніо *и свита*.

Цимбелинъ.

Скорѣй узнайте объ ея здоровьѣ.
(*Одинъ изъ свиты уходитъ*).

Съ тѣхъ поръ какъ сынъ исчезъ, она въ жару,
Въ безпамятствѣ опасномъ. Боги, боги,
Какой ударъ внезапный! Имогены,
Моей отрады, нѣтъ; моя супруга
Слегла на смертный одръ, когда грозитъ
Мнѣ страшная война; исчезъ Клотенъ,
Который мнѣ такъ нуженъ. Всѣ несчастья
Обрушились—и нѣтъ надежды! Ты же,
Лукавый рабъ—ты знаешь, гдѣ она
И, притворясь, молчишь. Я пыткой выжму
Признанье у тебя.

Пизанio.

Я въ вашей власти,
И жизнь покорно вамъ готовъ отдать,
Но, право, я не знаю, гдѣ принцесса,
Зачѣмъ ушла и скоро ль возвратится.
Молю, повѣрьте вѣрности моей!

1-ый лордъ.

Онъ, государь былъ здѣсь въ тотъ самый день,
Когда принцесса скрылась; въ этомъ я
Порукой вамъ. Я знаю, онъ всегда
Былъ вѣрнымъ вамъ слугой. Клотена
Старательно разыскиваютъ всюду—
И, безъ сомнѣнья, скоро будетъ онъ
Отысканъ.

Цимбелинъ.

Тяжкое настало время!
(Къ Пизанio).
На этотъ разъ ты вырвался; но знай,
Что ты подъ подозрѣньемъ.

1-ый лордъ.

Государь,
Ужъ легіоны галльскіе на берегъ
Сошли съ судовъ, и въ подкрѣпленье къ нимъ
Отрядъ дворянъ сенатъ прислалъ изъ Рима.

Цимбелинъ.

О, вотъ теперь мнѣ былъ бы очень нуженъ
Совѣтъ жены и сына! Я теряюсь!

1-ый лордъ.

Но, государь, мы не слабѣй врага;
Пусть и еще придутъ—мы всѣ готовы;
Велите лишь войскамъ итти въ походъ.
Котораго всѣ ждутъ.

Цимбелинъ.

Благодарю!
Мы встрѣтимъ рокъ, какъ насъ онъ самъ застанетъ.
Не страшно намъ, чѣмъ Римъ намъ угрожаетъ:
Насъ мучитъ то, что ближе къ намъ. Пойдемъ!
(Всѣ, кромѣ Пизанio, уходятъ).

Пизанio.

Ни слова мнѣ не пишетъ господинъ мой
На вѣсть мою о смерти Имогены.
Не странно ли? Нѣтъ вѣсти и о ней,
Хотя она писать мнѣ обѣщала;
Клотенъ пропалъ куда-то: это все
Меня тревожитъ. Да поможетъ Небо!
Въ обманѣ честенъ я, въ измѣнѣ вѣренъ;
Я въ битвѣ докажу, какъ я люблю
Британію: иль честь найду, иль смерть.
А время пусть разсѣетъ мракъ сомнѣнья;
Вотъ безъ руля несетъ домой теченье.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Валлисъ. Передъ пещерою Беларія.

Входятъ Беларій, Гвидерій *и* Арвирагъ.

Гвидерій.

Кругомъ тревога.

Беларій.

Скроемся подальше.

Арвирагъ.

Но что за радость убѣгать оттуда,
Гдѣ предстоитъ и подвигъ, и опасность?

Гвидерій.

Чего намъ ждать отъ бѣгства? Насъ римляне,
Какъ бриттовъ, умертвятъ; не то, принявъ
Насъ за бродягъ-бунтовщиковъ, заставятъ
Ихъ службу несть, а подъ конецъ убьютъ.

Беларій.

Уйдемте въ горы—тамъ мы безопасны.
Намъ къ войску короля пристать нельзя;
Клотена смерть—вѣдь, насъ никто не знаетъ,
Мы чужды всѣмъ—насъ приведетъ къ отвѣту,
Гдѣ жили мы: заставятъ насъ сознаться
И въ дѣлѣ томъ, а за сознаньемъ—смерть
Подъ муками.

Гвидерій.

Отецъ, то—страхъ пустой!
Въ такое время онъ къ тебѣ нейдетъ
И насъ не убѣдитъ.

Арвирагъ.

Нельзя и думать,
Чтобъ, слыша ржанье вражескикъ коней
И видя ихъ костры, когда и зрѣнье,
И слухъ ослѣплены, оглушены
Тѣмъ, что важнѣй, для нихъ осталось время
Замѣтить насъ, развѣдывать, кто мы.

Беларій.

Но въ войскѣ знаютъ многіе меня.

Прошли года—тогда Клотенъ былъ молодъ,
А я его узналъ. Да и король
Любви не стоитъ вашей, ни услугъ.
Изгнаніе мое виною было,
Что выросли безъ воспитанья вы,
Какъ дикіе; что счастье вы лишились,
Которымъ васъ ласкала колыбель;
Что солнце васъ пекло; что вы дрожали
Зимою какъ рабы.

Гвидерій.
Нѣтъ, лучше смерть,
Чѣмъ эта жизнь! Прошу, пойдемъ къ войскамъ;
Меня и брата тамъ никто не знаетъ,
А ты давно забытъ ужъ, и никто
Съ разспросами къ тебѣ не обратится.

Арвирагъ.
Клянуся этимъ яснымъ солнцемъ, я
Иду туда! Мнѣ не случалось видѣть,
Какъ умираетъ мужъ: я видѣлъ кровь
Лишь робкихъ зайцевъ, ланей и оленей,
И на такомъ конѣ я только ѣздилъ,
Простой ѣздокъ котораго не вѣдалъ
Желѣзныхъ шпоръ. Мнѣ стыдно и смотрѣть
На солнца ликъ: я пользуюсь сіяньемъ
Его лучей святыхъ—и остаюсь
Въ ничтожествѣ.

Гвидерій.
Клянусь, и я иду!
Благослови меня и отпусти—
И веселѣй пойду я, а не хочешь,
То пусть меня за это покараетъ
Враждебный мечъ!

Арвирагъ.
И я съ тобой: аминь!

Беларій.
Когда такъ мало дорожите жизнью
Своей, зачѣмъ же мнѣ беречь мою,
Увядшую? Иду я съ вами, дѣти!
И если васъ постигнетъ смерть въ бою,
Сложу и я тамъ голову свою.
(Про себя).
Они спѣшатъ. Въ нихъ пышетъ раздраженье:
Оно въ дѣлахъ покажетъ ихъ рожденье.
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Римскій лагерь.

Входитъ Постумъ, *съ окровавленнымъ платкомъ въ рукахъ.*

Постумъ.

Я сберегу тебя, платокъ кровавый:
Я самъ хотѣлъ такимъ тебя имѣть.
Мужья, когда-бъ вы всѣ такъ поступали,
То многіе изъ васъ убили бъ женъ,
Достойнѣйшихъ, чѣмъ сами, за ничтожный
Проступокъ! О, Пизаніо! не все
Служитель вѣрный исполнять обязанъ,
Но только то, что честно. Если-бъ вы,
О боги, такъ грѣхи мои карали,
Не дожилъ бы до этого я дѣла!
Для благородной Имогены жизнь
Осталась бы для скорби, а меня бы,
Преступнаго, постигла кара Неба.
Но вы иныхъ берете изъ любви,
За малый грѣхъ, чтобы не пасть имъ глубже;
Другіе жъ, накопляя зло на зло
И водворяя ужасъ, остаются.
Она у васъ: да будетъ ваша воля,
Чтобъ свой удѣлъ въ смиреніи я несъ.
Я здѣсь съ войсками римскими, чтобъ биться
Съ землей моей супруги. Но тебѣ,
Британія, довольно и того,
Что я убилъ твою царицу—больше
Я ранъ тебѣ не нанесу. О, боги!
Примите благосклонно мой обѣтъ:
Сложу съ себя я римскую одежду
И наряжусь британскимъ селяниномъ.
Такъ буду я сражаться противъ тѣхъ,
Съ кѣмъ я сюда, въ отчизну, возвратился,
И за тебя паду я, Имогена,
Затѣмъ что каждый вздохъ мой для тебя
Не жизнь—а смерть. Незнаемый ни кѣмъ,
Не возбудивъ ни зависти, ни скорби
Ни въ комъ, себя на гибель я предамъ.
Я покажу, что высшій духъ царилъ
Подъ этой бѣдной одеждой. Боги,
Мнѣ ниспошлите силу Леонатовъ!
И, устыдясь, увидитъ міръ надменный
Простой сосудъ, но съ влагой драгоцѣнной.
(Уходитъ).

Постумъ: Я сберегу тебя платокъ кровавый.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА II.

Поле сраженія между римскимъ и британскимъ лагерями.

Съ одной стороны входятъ Луцій, Іахимо *и римскія войска, съ другой—британское войско.* Леонатъ Постумъ *слѣдуетъ за нимъ, какъ простой воинъ. Они проходятъ черезъ сцену. Тревога.* Іахимо *и* Постумъ *возвращаются, сражаясь; послѣдній побѣждаетъ и обезоруживаетъ Іахимо, послѣ чего удаляется.*

Іахимо.

Тяжелый грѣхъ, мою гнетущій душу,
Лишилъ меня отваги. Честь жены—
Принцессы здѣшней честь—я очернилъ
Позорной клеветой; за то и воздухъ
Здѣсь силъ меня лишилъ; а то какъ могъ бы
Простой поденщикъ побѣдить меня
Въ искусствѣ ратномъ? Санъ мой и почетъ—
Отнынѣ мнѣ стыда тяжелый гнетъ.
Британія, когда твои дворяне
На столько выше мужика того,
Кто посрамить патриція такъ могъ,
То мы—ничто, изъ васъ же каждый—богъ.
(*Уходитъ*).

Сраженіе продолжается; британцы бѣгутъ; Цимбелинъ *взятъ въ плѣнъ;* Беларій, Гвидерій *и* Арвирагъ *спѣшатъ къ нему на помощь.*

Беларій.

Стой, стой! за нами поле битвы: тамъ
Проходъ у насъ въ рукахъ; ничто не можетъ
Оттуда выбить насъ—одна лишь трусость.

Гвидерій *и* Арвирагъ.
Да стойте жъ крѣпче! бейте ихъ смѣлѣй!

Постумъ *возвращается и помогаетъ британцамъ; они освобождаютъ Цимбелина и уходятъ. Входятъ* Луцій, Іахимо *и* Имогена.

Луцій.
Прочь, мальчикъ! здѣсь тебѣ не мѣсто: здѣсь
Друзья друзей въ смятеньи поражаютъ!
Бой слѣпъ и глухъ.

Іахимо.
Къ нимъ помощь подоспѣла.

Луцій.
Какъ счастье перемѣнчиво! Пора
Искать намъ подкрѣпленья, иль бѣжать.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Другая часть поля.

Входятъ Постумъ *и британскій* лордъ.

Лордъ.
Оттуда ты, гдѣ бились наши?

Постумъ.
Да;
А вы, какъ видно, изъ бѣжавшихъ?

Лордъ.
Да.

Постумъ.
Вины тутъ нѣтъ. Потеряно все было—
Намъ помогло лишь Небо. Самъ король
Отбитъ былъ отъ своихъ, ряды смѣшались,
И только тылъ британцевъ виденъ былъ.
Стѣснились всѣ въ проходѣ; непріятель
Разилъ, алкая крови—видя больше
Для бойни жертвъ, чѣмъ самъ имѣлъ мечей—
Того слегка, другого на смерть; многихъ
Сражалъ и страхъ; убитыми заваленъ
Былъ весь проходъ; ихъ спины были въ ранахъ,
А трусовъ смерть постыдная ждала.

Лордъ.
Гдѣ жъ этотъ былъ проходъ?

Постумъ.
У мѣста битвы,
На вскопанномъ лугу, которымъ съ пользой
Одинъ почтенный воинъ овладѣлъ.
Клянусь, то былъ мужъ доблестный! Онъ этой
Заслугою отчизнѣ показалъ
Себя вполнѣ сѣдинъ своихъ достойнымъ.
Онъ сталъ въ проходъ, съ нимъ двое молодыхъ,
По лѣтамъ—дѣти: имъ скорѣй пристало
Подъ музыку плясать, чѣмъ биться въ сѣчѣ,
Съ лицомъ на видъ красивѣй всякой маски,
Скрывающей стыдливость или прелесть,
Онъ сталъ въ проходъ и крикнулъ на бѣгущихъ:
„У насъ лишь зайцы въ бѣгствѣ умираютъ,
Не воины: вы, трусы, въ адъ бѣжите!
Назадъ, не то—мы римлянами станемъ
И, какъ скотовъ, васъ будемъ бить за то,
Что скотски вы бѣжите! Васъ спасетъ
Лишь гнѣвный взглядъ назадъ. Ни съ мѣста! Стойте!“
Три этихъ, какъ три тысячи героевъ—
Не менѣе по дѣлу и по силѣ,
Затѣмъ что три такихъ героя стóятъ
Отряда нерѣшительныхъ бойцовъ,
Лишь возгласомъ: „ни съ мѣста!“ и удобствомъ
Той мѣстности, но больше видомъ смѣлымъ,
Который прялку обратилъ бы въ дротикъ,
Вспламенили вдругъ потухшій взоръ.
Проснулся стыдъ, проснулась и отвага:
Иные, лишь сробѣвши отъ примѣра—
Проклятье тѣмъ, кто первый въ томъ виновенъ!—
Возстали вновь и бросились, какъ львы
На дротики ловцовъ. Остановились
Враги, смѣшались, стали отступать,
И тотъ, кто прежде, какъ орелъ, стремился
Впередъ, теперь, какъ голубь, улеталъ.
Вдругъ сталъ рабомъ надменный побѣдитель,
И трусы, какъ обломки корабля,
Намъ подали спасительную помощь,
Открывши тылъ врага неохраненный.
О, боги! какъ ударили они
На раненыхъ, на мертвыхъ, на своихъ,
Которыхъ смылъ послѣдній валъ. Гдѣ прежде
Десятерыхъ преслѣдовалъ одинъ,
Теперь изъ нихъ вдругъ каждый сталъ убійцей
Двадцатерыхъ, трепещущихъ предъ ними:
Кто прежде смерть предпочиталъ борьбѣ,
Тотъ сталъ теперь грозою битвы.

Лордъ.
Странно:
Одинъ проходъ, два мальчика и старецъ!

Постумъ.
Вамъ это странно. Легче вамъ дивиться
Дѣламъ другихъ, чѣмъ самому ихъ дѣлать.

Угодно ль вамъ, чтобъ я скропалъ стишки
На этотъ случай—такъ, для смѣху? Вотъ:
„Два мальчика, старикъ и узкій ходъ въ горахъ
Намъ дали торжество, врагамъ бѣду и страхъ".

Лордъ.

Ну, не сердись.

Постумъ.

„Да я и не сержусь.
Кто предъ врагомъ труслив, съ тѣмъ подружусь,
Затѣмъ что онъ по трусости своей
Какъ-разъ отъ дружбы убѣжитъ моей".
Вотъ какъ плету я вирши.

Лордъ.

Ну, прощай—
Ты сердишься.
(Уходитъ).

Постумъ.

Ушелъ! Вотъ это лордъ!
Герой! на битвѣ хочетъ знать про битву!
Иной изъ нихъ и честь отдать готовъ,
Чтобъ кожу лишь спасти. Иной бѣжалъ,
А все-таки погибъ. Я, закаленный
Своей тоской, искалъ напрасно смерти,
Гдѣ слышалъ стонъ ея, и не попалъ
Подъ градъ ея губительныхъ ударовъ.
Она, чудовище, порой таится
Въ бокалахъ пиршества, на ложѣ нѣги
И въ ласковыхъ словахъ; она прислугой
Богаче насъ, ея мечомъ разящихъ.
Но что-бъ ни стало, отыщу ее!
До этихъ поръ за бриттовъ я сражался,
Но далѣе быть бриттомъ не хочу
И прежнее мое надѣну платье.

(Онъ переодѣвается).

Сражаться я не стану; я отдамся
Послѣднему изъ здѣшнихъ мужиковъ.
Здѣсь римляне пролили много крови—
И бритты имъ за это отомстятъ.
Пусть будетъ смерть мой выкупъ. Я напрасно
Искалъ ее на каждой сторонѣ;
Но не уйти ей отъ меня—и я
Возмездіе приму за Имогену.

Входятъ два британскихъ военачальника *и воины.*

1-ый военачальникъ.

Хвала богамъ: взятъ Луцій въ плѣнъ, а старца
И мальчиковъ за ангеловъ считаютъ!

2-ой военачальникъ.

Еще четвертый былъ въ простой одеждѣ
И съ ними гналъ врага.

1-ый военачальникъ.

Такъ говорятъ;
Но всѣ исчезли. Эй! ты кто такой?

Постумъ.

Я римлянинъ и здѣсь бы не блуждалъ,
Когда бы всѣ такъ дѣлали, какъ я.

2-ой военачальникъ.

Эй! взять его, собаку! Въ Римъ ему
Ужъ не вернуться, чтобъ сказать, какъ галки
Клевали ихъ. Онъ свысока отвѣтилъ:
Должно быть, знатный. Къ королю его!

Входятъ Цимбелинъ *со свитою,* Беларій, Гвидерій, Арвирагъ, Пизаніо, *воины и римскіе плѣнники. Военачальники представляютъ Постума Цимбелину, который велитъ тюремщику взять его. Потомъ всѣ уходятъ.*

СЦЕНА IV.

Британская тюрьма.

Входитъ Постумъ *съ двумя* тюремщиками.

1-ый тюремщикъ.

Теперь тебя никто здѣсь не украдетъ:
Пасись, коль есть трава.

2-ой тюремщикъ.

Иль аппетитъ.
(Оба уходятъ).

Постумъ.

О, милы вы мнѣ, цѣпи! Въ васъ я вижу
Къ свободѣ путь. Я счастливѣе вдвое
Подагрика, которому пріятнѣй
Весь вѣкъ страдать, чѣмъ исцѣленнымъ быть
Врачомъ надежнымъ—смертью: лишь она
Есть ключъ отъ всѣхъ оковъ. О, совѣсть! ты
Закована сильнѣе рукъ и ногъ.
Пошлите мнѣ, о боги, искупленье
И вѣчную свободу отъ оковъ!
Довольно ли для васъ моихъ страданій?
Земныхъ отцовъ смягчаютъ этимъ дѣти,
А боги, вѣдь, добрѣй. Когда я долженъ
Покаяться, такъ лучше ужъ въ цѣпяхъ,
Желанныхъ, не насильственныхъ: расплата—
Условіе свободы. Большей кары
Не требуйте, возьмите все мое.
Въ васъ больше милости, чѣмъ въ жадныхъ людяхъ;

Но вѣдь, и тѣ порою съ должника
Берутъ въ уплату долга треть, шестую,
Десятую лишь часть, давая средства
Поправиться ему. Мнѣ это много;
За жизнь жены возьмите жизнь мою.
Она не такъ цѣнна, но все же жизнь;
Она нашъ даръ. Не всякую монету
По вѣсу цѣнятъ: часто сходитъ съ рукъ
И легкая, когда на ней есть штемпель.
Возьмите же меня, какъ свой чеканъ.
О, вѣчныя, благія силы Неба!
Принявъ отчетъ, возьмите жизнь мою
И счетъ мой уничтожьте! Имогена,
Теперь къ тебѣ въ молчаньи обращусь.
(Засыпаетъ).

Торжественная музыка. Видѣніе: является Сицилій Леонатъ, *отецъ Постума, старецъ въ одеждѣ воина; онъ ведетъ за руку жену свою, мать Постума. За ними слѣдуютъ два молодыхъ* Леоната, *братья Постума, съ отверстыми ранами, какъ пали они на полѣ битвы. Они окружаютъ спящаго Постума.*

Сицилій.
О, громовержецъ! не рази
Ничтожнаго червя:
На Марса, на Юнону пусть
Прольется месть твоя
И весь твой гнѣвъ!

Мой сынъ такъ чистъ и кротокъ былъ,
Отца онъ не знавалъ!
Когда я умеръ—рокъ ему
Лучъ свѣта показалъ.
Отцомъ гонимыхъ и сиротъ
Тебя считаетъ свѣтъ:
Зачѣмъ же ты не спасъ его
Отъ горькихъ жизни бѣдъ?

Мать.
Луцина мнѣ не помогла—
Я въ мукахъ умерла:
Его ножомъ рука врача
Для жизни извлекла.
Мой бѣдный сынъ!

Сицилій.
Какъ предки доблестные, онъ
Былъ силенъ и высокъ;
Моею отраслію свѣтъ
Вполнѣ гордиться могъ.

Старшій братъ.
Когда онъ зрѣлымъ мужемъ сталъ,
Во странѣ своей родной
Себѣ онъ равныхъ не встрѣчалъ
По доблести прямой;
И дочь монарха взоръ на немъ
Остановила свой.

Мать.
И что жъ? За свой союзъ святой
Пошелъ въ изгнанье онъ,
Лишенъ наслѣдія отцовъ
И счастія лишенъ,
И ласкъ жены!

Сицилій.
Какъ ты дозволилъ хвастуну
Іахимо клеветой
Въ немъ муки ревности разлить,
Смутить его покой?
Зачѣмъ такъ долженъ онъ страдать
Отъ подлости чужой?

Младшій братъ.
Отецъ и мать къ нему пришли
Изъ области тѣней,
И мы, стяжавшіе почетъ
И смерть среди мечей,
Храня Тенанція права
И честь земли своей.

Старшій братъ.
Такъ Цимбелину Постумъ нашъ
Мечомъ своимъ служилъ;
Зачѣмъ же ты, о царь боговъ,
Его не наградилъ
И все, чего достигъ герой,
Въ страданье обратилъ?

Сицилій.
Открой кристальное окно,
Внемли мольбамъ моимъ:
Не дай, чтобъ древній, славный родъ
Подъ гнѣвомъ палъ твоимъ.

Мать.
Зевесъ, мой сынъ благочестивъ—
О, сжалься же надъ нимъ!

Сицилій.
Взгляни изъ мраморныхъ палатъ—
Внемли мольбѣ духовъ—
Не то—мы съ жалобой своей
Придемъ въ совѣтъ боговъ.

Оба брата.
Внемли! не то—мы вознесемъ
Къ богамъ свой горькій зовъ.

Юпитеръ *спускается на орлѣ съ громомъ и молніею. Духи падаютъ на колѣни.*

Юпитеръ.
Умолкни, сонмъ блуждающихъ тѣней!

Какъ смѣли вы, въ безумномъ ослѣпленьи,
Винить того, кто молніей своей
Разитъ мятежъ, караетъ преступленье?
Вамъ данъ Элизій—на лугахъ своихъ
Покойтесь тамъ, другихъ заботъ не зная;
Забудьте всѣ дѣла земного края:
Не вамъ, а мнѣ заботиться о нихъ.
Кто мной любимъ, пусть приметъ испытанье—
И тѣмъ цѣна награды возрастетъ;
Довѣрьтесь мнѣ: вашъ сынъ прошелъ страданье,
И для него вновь счастье зацвѣтетъ.
Явился въ свѣтъ онъ подъ моей звѣздою,
И бракъ его благословилъ мой храмъ;
Онъ счастіе скрѣпилъ себѣ бѣдою—
Вновь Имогену я ему отдамъ.
Летите въ свой пріютъ! Вотъ книга вамъ:
Ее на грудь ему вы положите.
Въ ней заключенъ судьбы его залогъ—
И впредь меня роптаньемъ не гнѣвите.
Орелъ, лети въ кристальный мой чертогъ!
(*Улетаетъ*).

Сицилій.

Онъ съ громомъ къ намъ слетѣлъ, и сѣрный дымъ
Его объялъ; орелъ его священный
Такъ грозенъ былъ; но въ высь его полетъ
Былъ сладостенъ какъ райскій ароматъ,
При чемъ онъ клювомъ крылья расправлялъ:
Знать, богъ имъ былъ доволенъ.

Всѣ.

О, Юпитеръ!
Благодаримъ!

Сицилій.

Сводъ мраморный сомкнулся:
Онъ въ свой чертогъ сіяющій влетѣлъ.
Прочь, прочь скорѣй: исполнимъ повелѣнье
Царя боговъ для нашего спасенья.
(*Духи исчезаютъ*).

Постумъ (*проснувшись*).

О, сонъ! ты былъ мнѣ дѣдомъ: ты мнѣ создалъ
Отца и мать и братьевъ двухъ; но, ахъ!
Ихъ нѣтъ со мной; я ихъ опять лишился;
Едва родясь, исчезли вдругъ они!
Такъ и бѣднякъ, который положился
На милость сильныхъ, грезитъ, какъ и я;
Проснется онъ—и нѣтъ ужъ ничего,
Иного жъ безъ заслугъ и не во снѣ
Сама судьба дарами осыпаетъ.
Вотъ такъ и я вдругъ счастье золотое
Теперь нашелъ, и самъ не знаю какъ.
Не феи ли тутъ были? Что за книга?
О, чудный даръ, не будь на щеголя похожъ ты
Въ комъ лучше всѣ снаружи, чѣмъ внутри;
Будь все, что ты содержишь, не въ примѣръ
Придворнымъ нашимъ, также драгоцѣнно!
Исполни жъ то, что обѣщаешь мнѣ.
(*Читаетъ*).

„Когда львенокъ, самъ того не зная и безъ поисковъ, найдетъ струю нѣжнаго воздуха и будетъ обнятъ ею; когда вѣтви, отсѣченныя отъ величественнаго кедра, послѣ многолѣтней смерти, снова оживутъ, прирростутъ къ старому дереву и зацвѣтутъ свѣжею зеленью—тогда окончатся страданія Постума, Британія будетъ счастлива, и процвѣтутъ въ ней миръ и изобиліе".
Все это—сонъ, иль просто бредъ безумный!
Здѣсь что-нибудь изъ двухъ, или ничто:
Иль это рѣчь безъ смысла, иль загадка,
Которой смыслъ непостижимъ; но въ ней
Подобіе судьбы моей несчастной—
И потому я сберегу ее.

Входитъ тюремщикъ.

Тюремщикъ. Пойдемте, сударь! Готовы ли вы къ смерти?

Постумъ. Давно готовъ: почти ужъ пережарился.

Тюремщикъ. Вашъ конецъ—висѣлица; если вы къ ней готовы—значитъ, изжарены, какъ слѣдуетъ.

Постумъ. А если зрители найдутъ меня вкуснымъ, то кушанье само заплатитъ расходы.

Тюремщикъ. Тяжелый счетъ для васъ, сударь; но вы можете утѣшиться тѣмъ, что отъ васъ никогда больше не потребуютъ никакихъ уплатъ; нечего бояться вамъ и трактирныхъ счетовъ, которые такъ портятъ разставанье, хотя сначала и было весело. Вы пришли, еле-еле таща ноги, потому что хотѣлось ѣсть, а уходите шатаясь, потому что лишнее выпили; жалѣете, что много выдали, жалѣете, что много приняли; и въ головѣ, и въ кошелькѣ пустота; голова тяжела, потому что была слишкомъ легка; кошелекъ легокъ, потому что былъ слишкомъ тяжелъ. О, теперь вы избавитесь отъ всѣхъ этихъ противорѣчій! О, человѣколюбіе копѣечной веревки! она въ одну минуту похѣриваетъ тысячные счеты; она—самый аккуратный бухгалтеръ, она завершаетъ все прошедшее, настоящее и будущее; ваша шея—все: и перо, и книга и деньги—и разсчетъ покончентъ въ минуту.

Постумъ. Мнѣ пріятнѣе умереть, чѣмъ тебѣ жить.

Тюремщикъ. Совершенно справедливо, сударь; кто спитъ, тотъ не чувствуетъ зуб-

ной боли. Но тотъ, кому бы пришлось уснуть вашимъ сномъ и кого бы палачъ уложилъ въ постель, охотно бы помѣнялся мѣстомъ съ своимъ прислужникомъ, потому что, видите ли, вы не знаете, по какой дорогѣ пойдете.

Постумъ. О, нѣтъ, пріятель, я хорошо ее знаю.

Тюремщикъ. Ну, такъ ваша смерть съ глазами; я никогда не видывалъ, чтобъ ее такъ писали. Вамъ должно будетъ или положиться на проводниковъ, которые утверждаютъ, что знаютъ эту дорогу, или взять это на себя; но такъ какъ я знаю, что вы не знаете этой дороги, то вамъ придется пуститься въ путь напропалую; ну, а какъ вы покончите свое путешествіе, то навѣрно объ этомъ никому не разскажете, потому что не вернетесь.

Постумъ. А я скажу тебѣ, что у всякаго есть глаза, чтобъ разсмотрѣть дорогу, по которой я пойду, кромѣ тѣхъ, кто зажмуриваетъ и не пользуется своимъ зрѣніемъ.

Тюремщикъ. Вотъ была бы штука, если-бъ человѣкъ могъ употреблять глаза свои тамъ, гдѣ ничего нельзя видѣть! Я увѣренъ, что висѣлица заставитъ всякаго зажмуриться.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ. Сними оковы съ этого плѣнника и отправь его къ королю.

Постумъ. Ты принесъ добрую вѣсть: меня зовутъ для того, чтобъ дать мнѣ свободу.

Тюремщикъ. Тогда я дамъ себя повѣсить.

Постумъ. И тогда ты будешь свободнѣе всякаго тюремщика: для мертвыхъ нѣтъ замковъ. *(Постумъ уходитъ съ вѣстникомъ).*

Тюремщикъ. Если-бъ кто хотѣлъ жениться на висѣлицѣ и наплодить висѣльниковъ—и тотъ, кажется, не былъ бы такъ въ нее влюбленъ, какъ этотъ. Но, сказать по совѣсти, хотя онъ и римлянинъ, а есть негодяи похуже его, которымъ хочется пожить, а между ними есть такіе, которые умираютъ противъ своей воли—такъ было бы и со мной, если-бъ я былъ негодяемъ. Я желалъ бы, чтобъ мы всѣ имѣли одинъ образъ мыслей, и чтобъ онъ былъ хорошъ; о, тогда бы уничтожились всѣ тюремщики и висѣлицы! Я говорю противъ своихъ собственныхъ выгодъ, но мое желаніе все-таки выгодно. *(Уходитъ).*

СЦЕНА V.

Въ ставкѣ Цимбелина.

Входятъ Цимбелинъ, Беларій, Гвидерій, Арвирагъ, Пизаніо, *лорды, воины и свита.*

Цимбелинъ.

Сюда, ко мнѣ, вы, посланные Небомъ
Спасти мой тронъ! Душѣ моей прискорбно,
Что тотъ бѣднякъ, который такъ сражался,
Что рубищемъ сіянье латъ затмилъ,
Нагую грудь предъ ними поставляя,
Нигдѣ не могъ быть найденъ. Счастливъ, кто
Его найдетъ: его ждетъ наша милость.

Беларій.

Я не встрѣчалъ подобнаго геройства
Въ смиреніи такомъ, ни столь высокихъ
Дѣяній въ томъ, кто нищенскую робость
Лишь могъ явить.

Цимбелинъ.

И нѣтъ его нигдѣ?

Пизаніо.

Межъ мертвыхъ и живыхъ его искали—
И нѣтъ слѣдовъ.

Цимбелинъ.

Я, къ сожалѣнью, сталъ
Наградъ его наслѣдникомъ
(*Беларію, Гвидерію и Арвирагу*) и вамъ
Ихъ отдаю,—вамъ сердце, мозгъ и печень
Британіи: чрезъ васъ она жива.
Теперь пора спросить мнѣ васъ, откуда
Вы родомъ. Говорите.

Беларій.

Государь,
Изъ Кембріи мы родомъ и дворяне;
Инымъ же чѣмъ хвалиться—было-бъ ложно
И непристойно намъ. Прибавлю только,
Что честны мы.

Цимбелинъ.

Склоните же колѣна!
(Беларій, Гвидерій и Арвирагъ становятс на колѣни; Цимбелинъ посвящаетъ ихъ рыцари).
Теперь вставайте, рыцари мои!
Отнынѣ вы мнѣ ближе всѣхъ изъ свиты,
И васъ почетъ, достойный сана, ждетъ.

Входятъ Корнелій *и* придворныя дамы.

Цимбелинъ.

На вашихъ лицахъ грусть! Зачѣмъ печалью
Встрѣчаете побѣды нашей день?
Вы римляне на видъ, а не британцы.

КОРНЕЛІЙ.
Привѣтъ тебѣ, великій государь!
Твою смутить я долженъ радость вѣстью
О смерти королевы.

ЦИМВЕЛИНЪ.
Вѣсть такая
Врачу идетъ всѣхъ меньше. Но мы знаемъ,
Что длятъ лѣкарства жизнь, хотя отъ смерти
Не убѣжитъ и лѣкарь. Какъ она
Скончалась?

КОРНЕЛІЙ.
Какъ жила: ужасно, въ полномъ
Безуміи. Жестокая для міра,
Она въ жестокихъ мукахъ умерла.
Я вамъ открою всѣ ея признанья.
Пусть эти дамы обличатъ меня
Во лжи, когда скажу не такъ: онѣ
При ней стояли, плача.

ЦИМВЕЛИНЪ.
Говори.

КОРНЕЛІЙ.
Она призналась мнѣ, что никогда
Васъ не любила. Ей хотѣлось только
Возвыситься чрезъ васъ: она съ престоломъ
Вступила въ бракъ, а къ вамъ всегда питала
Лишь ненависть.

ЦИМВЕЛИНЪ.
То знала лишь она,
И, не признайся въ этомъ, умирая,
Я ей самой бы не повѣрилъ. Дальше!

КОРНЕЛІЙ.
А ваша дочь, которую притворно
Ласкала такъ, была ей ненавистна,
Какъ скорпіонъ, и если-бъ не побѣгъ
Ей помѣшалъ, она бы ей отравой
Пресѣкла жизнь.

ЦИМВЕЛИНЪ.
О, хитрый демонъ! Кто
Проникнетъ въ сердце женщинъ? Что дальше?

КОРНЕЛІЙ.
И хуже есть! Она призналась мнѣ,
Что у нея былъ ядъ для васъ, который
Точилъ бы вашу жизнь ежеминутно,
По дюймамъ умерщвляя; а межъ тѣмъ
Заботами и лаской, и слезами
Васъ обмануть надѣялась, чтобъ вы,
Подъ дѣйствіемъ отравы, укрѣпили
За пасынкомъ свой тронъ. Но планъ ея
Разстроился его исчезновеньемъ.
Тогда она, забывши всякій стыдъ,
Съ отчаянья, въ укоръ богамъ и людямъ,
Свой замыселъ открыла, сожалѣя,
Что не свершился онъ,—и умерла
Съ проклятіемъ.

ЦИМВЕЛИНЪ.
Все правда ль это, дамы?

1-АЯ ДАМА.
Все правда, государь!

ЦИМВЕЛИНЪ.
Мои глаза
Невинны тутъ—она была прекрасна,
Ни уши—рѣчь ея была привѣтна,
Ни сердце—омрачилъ его обманъ.
Одинъ порокъ питаетъ подозрѣнье!
Но, дочь моя, ты вправѣ мнѣ сказать,
Что я безумецъ былъ: твое несчастье
То подтвердило. Помоги намъ Небо!

Входятъ ЛУЦІЙ, ІАХИМО, ГАДАТЕЛЬ *и римскіе плѣнники подъ стражею; потомъ*— ПОСТУМЪ *и* ИМОГЕНА.

ЦИМВЕЛИНЪ.
Теперь ты, Кай, не дань пришелъ сбирать—
Ее сложили мы, хотя и многихъ
Намъ это храбрыхъ стоило; друзья ихъ
И кровные насъ просятъ примирить
Еще неуспокоенныя души
Почившихъ смертью всѣхъ военноплѣнныхъ—
И я на то согласье наше далъ.
Такъ взвѣсь теперь судьбу свою.

ЛУЦІЙ.
Подумай
О всѣхъ превратностяхъ войны. Лишь случай
Побѣду далъ тебѣ; будь благосклоненъ
Онъ намъ, то мы не стали-бъ хладнокровно
Такъ плѣнникамъ грозить. Но если боги
Хотятъ, чтобъ жизнь намъ выкупомъ была—
Пусть будетъ такъ; но знай, что всѣ мученья
Съ душою римской римлянинъ снесетъ;
Но Августъ живъ и отомститъ за это.
Что до меня, лишь объ одномъ прошу:
Здѣсь пажъ со мной, британецъ родомъ, мальчикъ—
Позволь внести мнѣ выкупъ за него.
Никто слугой подобнымъ не владѣлъ:
Онъ вѣренъ, кротокъ, женственно-заботливъ,
Внимателенъ, услужливъ и прилеженъ.
Пусть подтвердятъ достоинства его
Ходатайство мое—и, я надѣюсь,
Его ты не отвергнешь, государь.
Хотя служилъ онъ римлянину, но
Британцамъ не вредилъ. Казни другихъ,
Но пощади его.

Цимбелинъ.

Его я гдѣ-то видѣлъ:
Его лицо знакомо мнѣ. Ну, мальчикъ,
Твой взоръ запалъ мнѣ въ сердце—и отнынѣ
Ты мой. Меня влечетъ—не знаю что—
Сказать тебѣ „живи“! Не господину
Обязанъ этимъ ты. Проси, что хочешь,
У Цимбелина—дастся все тебѣ,
Что твоему прилично положенью
И милости моей, хотя бы даже
То жизнь была славнѣйшаго врага.

Имогена.

Государь,
Благодарю въ смиреніи глубокомъ.

Луцій.

Прошу, моей не требуй жизни: знаю,
Что ты, дитя, о ней попросишь.

Имогена.

Нѣтъ,
Тутъ есть другое; вижу я, оно
Страшнѣе смерти мнѣ: ему уступитъ
И жизнь твоя.

Луцій.

Отвергнулъ онъ меня,
Оставилъ, презрѣлъ! Быстро исчезаетъ
То счастіе, которымъ утѣшаетъ
Насъ мальчиковъ и дѣвочекъ любовь.
Но что жъ онъ такъ смущенъ?

Цимбелинъ.

Чего жъ ты хочешь?
Ты такъ мнѣ милъ... Подумай хорошенько,
Чего-бъ тебѣ хотѣлось. Ты глядишь
Все на него? Спасти его желаешь
Отъ смерти? Онъ родной тебѣ иль другъ?

Имогена.

Онъ римлянинъ и мнѣ родня не ближе,
Чѣмъ вы, иль нѣтъ, я къ вамъ гораздо ближе,
Какъ подданный.

Цимбелинъ.

Что жъ на него ты смотришь?

Имогена.

Я вамъ однимъ открою, коль угодно
Вамъ выслушать.

Цимбелинъ.

Съ охотою, мой милый:
Я весь—вниманье. Какъ тебя зовутъ?

Имогена.

Фиделіо.

Цимбелинъ.

Ты—пажъ мой, милый мальчикъ;
Я—господинъ твой: говори смѣлѣй.
(Цимбелинъ и Имогена говорятъ шопотомъ).

Беларій.

Не всталъ ли ужъ изъ мертвыхъ этотъ мальчикъ?

Арвирагъ.

Не такъ бываютъ схожи двѣ песчинки:
Ну, точно нашъ Фиделіо прекрасный,
Что умеръ.

Гвидерій.

Онъ предъ нами, какъ живой.

Беларій.

Но онъ на насъ не смотритъ. Погодите!
Бываютъ люди схожи: если-бъ это
Былъ точно онъ, заговорилъ бы съ нами.

Гвидерій.

Мы сами мертвымъ видѣли его.

Беларій.

Молчите, подождемъ.

Пизаніо *(про себя).*

Она! принцесса!
Ну, будь что будетъ, доброе иль злое—
Она жива!

Цимбелинъ.

Стань подлѣ насъ и дѣлай
Вопросы вслухъ. *(Іахимо)* Ты подойди сюда
И мальчику свободно отвѣчай;
Не то, клянусь и саномъ я, и властью,
Что пыткою жестокой отдѣлю
Я истину отъ лжи. Ну, говори же.

Имогена.

Пусть онъ откроетъ намъ, какъ этотъ перстень
Попалъ къ нему.

Постумъ *(про себя).*

Что жъ до него ему?

Цимбелинъ.

Скажи, откуда перстень ты досталъ?

Іахимо.

Ты пыткой мнѣ грозишь, когда я скрою,
Но правда будетъ пыткою тебѣ.

Цимбелинъ.

Какъ? мнѣ?

Іахимо.

Я радъ, что долженъ говорить:

Молчаніе мнѣ мука. Я обманомъ
Досталъ кольцо; владѣлъ имъ Леонатъ,
Изгнанникъ твой—и для тебя не меньше,
Чѣмъ для меня, узнать прискорбно будетъ,
Что не было достойнѣйшаго мужа
На свѣтѣ никогда. Желаешь больше
Еще узнать?

Цимбелинъ.
Все говори, что нужно.

Іоахимо.
Тотъ ангелъ, дочь твоя.. Лишь только вспомню
Я про нее—заплачетъ сердце кровью,
И духъ скорбитъ. Мнѣ дурно! Подождите!

Цимбелинъ.
Мое дитя? что съ нею? Ободрись:
Живи, пока не отзоветъ природа,
Но не умри въ молчаньи: говори!

Іахимо.
Однажды въ Римѣ—о, несчастный часъ
И проклятъ будь тотъ домъ! — во время пира
(Зачѣмъ отравы не было въ той пищѣ,
Хоть только для меня!), достойный Постумъ,
(Я говорю „достойный", даже слишкомъ,
Чтобъ межъ негодныхъ быть, когда онъ могъ бы
Достойнѣйшимъ считаться между лучшихъ),
Задумчиво сидѣлъ и молча слушалъ,
Какъ мы своихъ любезныхъ восхваляли
За красоту, которую не могъ
Изобразить и тотъ, кто былъ изъ насъ
Краснорѣчивѣй всѣхъ—предъ ней ничто
Была краса Венеры и Минервы,
Всѣ прелести природы—и за умъ,
За чары всѣ, которыми плѣняютъ
Насъ женщины—тѣ чары, что сердца
Какъ удочкою ловятъ...

Цимбелинъ.
Я стою,
Какъ на огнѣ. Скорѣе!

Іахимо.
Слишкомъ скоро
Узнаешь все, когда желаешь горя.
Онъ, Постумъ, полонъ страсти благородной,
Принцессою любимый, говорилъ
Съ достоинствомъ, не осуждая тѣхъ,
Кого хвалили мы; какъ добродѣтель,
Онъ скроменъ былъ. Онъ намъ представилъ образъ
Своей любезной ярко такъ и живо,
Что наши всѣ могли предъ нею быть
Служанками, а наши всѣ слова
Пустою болтовней.

Цимбелинъ.
Скорѣе къ дѣлу!

Іахимо.
По чистотѣ дочь вашу—вотъ начало—
Онъ выше всѣхъ цѣнилъ, и передъ нею
Діаны сонъ былъ грѣшенъ, лишь она
Одна чиста. Надъ этимъ я, глупецъ,
Смѣяться сталъ и предложилъ закладъ:
Я золото поставилъ противъ перстня,
Который онъ носилъ, что обольщеньемъ
Его жены куплю его позоръ.
Тогда Постумъ, какъ рыцарь благородный,
Высоко честь ея цѣня, въ которой
Потомъ и самъ я убѣдился, перстень
Поставилъ свой и смѣло могъ то сдѣлать,
Будь даже онъ карбункулъ дорогой
Изъ колесницы Феба и цѣной
Превосходи всю упряжь. Я немедля
Въ Британію отправился. Быть можетъ,
Вы помните, какъ былъ я при дворѣ.
Тутъ ваша дочь, прелестная принцесса,
Урокъ дала мнѣ строгій въ томъ, что есть
Различье межъ любовью и распутствомъ.
Такъ, потерявъ надежду, не желанье,
Задумалъ обойти британцевъ простоту
Мой итальянскій мозгъ, позорно, низко,
Но съ пользой для меня—и, словомъ, мнѣ
Такъ удался мой планъ, что, возвратясь,
Я столько далъ коварныхъ доказательствъ,
Что Леоната могъ свести съ ума.
Я ложными примѣтами своими
Поколебалъ увѣренность его
Въ невинности жены: я описалъ
Ковры, картины, показалъ браслетъ—
Его досталъ я хитростью—и даже
Назвалъ примѣту тайную на тѣлѣ.
Онъ долженъ былъ повѣрить, что она
Нарушила обязанности чести
И отдалася мнѣ. И вотъ—я вижу—
Онъ точно предо мной.

Постумъ (*выступая впередъ*).
Онъ предъ тобой,
О, дьяволъ итальянскій! Горе мнѣ!
Глупецъ я легковѣрный, злой убійца,
И воръ, все, чѣмъ лишь міръ клеймитъ злодѣевъ
Въ прошедшемъ, въ настоящемъ и грядущемъ!
О, дайте мнѣ веревку, ядъ, кинжалъ,
Назначьте судъ! Король, вели придумать
Ужаснѣйшія пытки: я злодѣй,
Преступнѣе злодѣевъ всѣхъ на свѣтѣ!
Я, Постумъ—да, я дочь твою убилъ!
О, нѣтъ, я лгу безсовѣстно: я далъ

Другому, худшему чѣмъ я, злодѣю
И святотатцу совершить убійство.
Храмъ чистоты была она, иль нѣтъ—
Она была вся чистота. Заплюйте,
Каменьями и грязью закидайте
Преступника и псами затравите!
Пусть каждый негодяй зовется Постумъ—
И всякое иное злодѣянье
Ужъ будетъ не позоръ! О, Имогена!
Моя жена, царица, жизнь моя!
О, Имогена, Имогена!

Имогена.
Тише!
Послушайте, милордъ ..

Постумъ.
Что здѣсь такое?
Комедія? Ты смѣешь, дерзкій пажъ...
Вотъ роль твоя, возьми.
(Онъ ударяетъ ее, она падаетъ).

Пизаніо.
О, помогите!
То госпожа моя и ваша! Постумъ,
Ты лишь теперь убилъ ее. Спасите,
Спасите! О, принцесса дорогая!

Цимбелинъ.
Иль свѣтъ идетъ кругомъ передо мной?

Постумъ.
Иль я въ бреду?

Пизаніо.
Принцесса, пробудитесь!

Цимбелинъ.
Коль это такъ, то радостію боги
Убить меня хотятъ!

Пизаніо.
Какъ вамъ, принцесса?

Имогена.
рочь съ глазъ моихъ! Ты далъ мнѣ яду.
Прочь,
Коварный человѣкъ! Не смѣй дышать,
Гдѣ короли!

Цимбелинъ.
То голосъ Имогены!

Пизаніо.
Срази меня небесный громъ, принцесса?
Коль не считалъ цѣлебнымъ я того,
Что вамъ давалъ: то даръ былъ королевы.

Цимбелинъ.
Что тамъ еще?

Имогена.
Мнѣ данъ былъ ядъ.

Корнелій.
О, боги,
Еще одно признанье королевы
Я позабылъ: оно тебя спасетъ.
„Когда Пизаніо—она сказала—
Принцессѣ далъ того, что я ему
За чудное лекарство подарила,
То услужилъ онъ этимъ ей, какъ крысамъ“.

Цимбелинъ.
Что ты сказалъ, Корнелій?

Корнелій.
Государь,
Не разъ меня просила королева
Достать ей ядъ для опытовъ ученыхъ:
Она его хотѣла испытать
Надъ тварями, которыхъ намъ не жаль—
Надъ кошкой иль собакой. Опасаясь,
Что цѣль иная тутъ, я и смѣшалъ
Такой составъ, который лишь на время
Духъ жизни подавляетъ, а потомъ
Вновь пробуждаетъ всѣ природы силы.
Вотъ не его ль вы приняли?

Имогена.
Конечно:
Я мертвою была.

Беларій.
Вотъ, что ввело
Въ ошибку насъ.

Гвидерій.
Да, это нашъ Фиделью.

Имогена.
Зачѣмъ жену свою ты отвергаешь?
Подумай, что сидишь ты на скалѣ
И сбрось меня. *(Обнимаетъ Постума).*

Постумъ.
Виси на мнѣ, какъ плодъ
На деревѣ, пока оно живетъ.

Цимбелинъ.
Что жъ, дочь моя, иль тутъ я только зритель,
И для меня нѣтъ слова у тебя?
Имогена *(бросаясь предъ нимъ на колѣни).*
О, государь! благословите!
Беларій *(Гвидерію и Арвирагу).*
Вамъ
Простительно, что вы его любили:
Причина есть.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Пусть будутъ эти слезы
Тебѣ святой водой! О, Имогена!
Нѣтъ матери!

ИМОГЕНА.
Мнѣ жаль ее, родитель!

ЦИМБЕЛИНЪ.
Ахъ, зла она была: она виною,
Что свидѣлись мы такъ; но сынъ ея
Куда-то вдругъ исчезъ.

ПИЗАНІО.
О, государь,
Теперь безъ страха все открою! Принцъ,
Когда принцесса скрылась, внѣ себя
Отъ бѣшенства и обнаживъ свой мечъ,
Поклялся мнѣ убить меня на мѣстѣ,
Когда я не открою, гдѣ она.
При мнѣ тогда случайно находилось
Письмо отъ господина. Изъ него
Узналъ Клотенъ, что въ горы близъ Мильфорда
Она ушла, и въ ярости туда
Отправился, въ его одѣвшись платье,
Которое меня заставилъ выдать.
Онъ поспѣшилъ туда со злою цѣлью—
Принцессы честь насиліемъ похитить.
Что было съ нимъ потомъ—я не узналъ.

ГВИДЕРІЙ.
Я кончу твой разсказъ: онъ мной убитъ.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Избави Богъ, чтобъ за твои заслуги
Я осудилъ тебя на смерть! Прошу
Тебя, мой храбрый юноша, признайся,
Что ты солгалъ.

ГВИДЕРІЙ.
Что я сказалъ, то сдѣлалъ.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Но онъ былъ принцъ.

ГВИДЕРІЙ.
Большой невѣжа былъ онъ!
Обида мнѣ его не показала,
Какъ принца. Онъ своей позорной бранью
Такъ раздражилъ меня, что если бъ море
Гремѣло такъ, ему-бъ я далъ отпоръ.
Я голову отсѣкъ ему и радъ,
Что не придетъ сюда онъ похвалиться,
Что сдѣлалъ то со мною.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Жаль тебя.
Свой приговоръ сказалъ ты; по закону
Тутъ смерть—умри!

ИМОГЕНА.
Я трупъ безъ головы
Считала за супруга.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Заковать
Преступника и отвести!

БЕЛАРІЙ.
Постойте!
О, государь, онъ лучше, чѣмъ убитый:
И равенъ онъ тебѣ, и больше стоитъ,
Чѣмъ цѣлая толпа такихъ Клотеновъ;
Его рукамъ свободу возврати:
Не для оковъ онѣ.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Зачѣмъ, старикъ,
Не получивъ еще своей награды,
Ты на себя навлечь нашъ хочешь гнѣвъ?
Онъ равенъ намъ?

АРВИРАГЪ.
Зашелъ онъ далеко.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Такъ смерть ему.

БЕЛАРІЙ.
Всѣ трое мы умремъ;
Но прежде докажу, что оба вы
Равны ему породою. О, дѣти!
Открыть я долженъ тайну, для меня
Опасную—счастливую для васъ.

АРВИРАГЪ.
Опасное тебѣ—опасно намъ.

ГВИДЕРІЙ.
А наше счастье вмѣстѣ и твое.

БЕЛАРІЙ.
Позвольте! Государь былъ у тебя
Вассалъ Беларій.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Что о немъ? Онъ изгнанъ,
Измѣнникъ онъ.

БЕЛАРІЙ.
Онъ такъ же старъ, какъ я,
И точно, онъ изгнанникъ; но какой
Измѣнникъ онъ—не знаю.

ЦИМБЕЛИНЪ.
Взять его!
Ему пощады нѣтъ.

Я побѣдилъ; но Цазарю и Риму
Готовъ я подчиниться и платить
Попрежнему ту подать, отъ которой
Насъ отстранилъ совѣтъ супруги злобной;
За то ее и сына поразила
Тяжелая боговъ правдивыхъ месть.

Гадатель.

Небесныхъ силъ персты коснулись струнъ
Гармоніи и мира. То видѣнье,
Которое я Луцію открылъ,
Когда еще не начиналась битва,
Исполнилось теперь. Орелъ нашъ римскій,
Оставивъ югъ, на западъ полетѣлъ
И, становясь все меньше, тамъ исчезъ
Въ сіяніи лучей. Сонъ этотъ значилъ,
Что царственный орелъ, великій Цезарь,
Свою любовь съ могучимъ Цимбелиномъ,
Сіяющимъ на западѣ, сольетъ.

Цимбелинъ.

Хвала богамъ! Да вознесется къ нимъ
Нашъ ѳиміамъ отъ алтарей священныхъ!
Всѣмъ подданнымъ да возвѣстится миръ!
Пойдемъ домой — пусть вѣютъ вмѣстѣ дружно
Британскія и римскія знамена!
И такъ пройдемъ мы Люду—и во храмѣ
Юпитера миръ клятвою скрѣпимъ
И торжествомъ покончимъ все. Въ походъ!
Не дивно ли: дымятся руки кровью,
А ужъ сердца враговъ горятъ любовью!

(Всѣ уходятъ при звукахъ торжественнаго марша).

Ѳ. Миллеръ.

Заглавная виньетка къ «Зимней Сказкѣ» Джильберта (Gilbert).

этому свирѣпый гнѣвъ Пандосто обрушился на беззащитную Белларію. Несчастная королева была разлучена съ горячо любимымъ и многообѣщавшимъ сыномъ Гаринтеромъ (у Шекспира Мамиллій) и брошена въ тюрьму. Тамъ у нея родилась дочь. Извѣстіе объ этомъ, какъ подтверждавшее подозрѣніе о связи Белларіи съ Эгистомъ, привело Пандосто въ настоящее бѣшенство: онъ приказалъ, чтобы мать вмѣстѣ съ ребенкомъ была сожжена заживо. Только усердныя просьбы придворныхъ, горячо любившихъ свою прекрасную и добрую королеву, заставили короля измѣнить свое жестокое рѣшеніе. Королеву онъ рѣшился подвергнуть публичному суду, а къ новорожденному младенцу остался безпощаденъ: по его приказанію, ребенокъ былъ положенъ въ лодку и пущенъ въ открытое море.

На судѣ Белларія держалась съ большимъ достоинствомъ, краснорѣчиво защищала себя и требовала, чтобы для рѣшенія ея дѣла былъ спрошенъ Дельфійскій оракулъ. По настоянію приближенныхъ, Пандосто снарядилъ посольство въ Дельфы. Отвѣтъ оракула гласилъ слѣдующее: „Подозрѣніе не есть доказательство; ревность— плохой судья; Белларія — цѣломудренна; Эгистъ—безупреченъ; Франіонъ — вѣрный подданный, Пандосто же измѣнникъ; его дитя невинно, и король долженъ остаться безъ наслѣдника, если то, что потеряно, не будетъ найдено". Рѣшеніе Аполлона заставило короля раскаяться въ своемъ безуміи и просить прощенія у Белларіи. Все кончилось бы всеобщимъ примиреніемъ, если бы не пришла неожиданно печальная вѣсть о внезапной смерти единственнаго сына королевской четы. Белларія не вынесла новаго горя и умерла скоропостижно. Пандосто пролежалъ безъ чувствъ три дня, а когда пришелъ въ себя, хотѣлъ лишить себя жизни отъ горя. Придворные едва удержали его руку. Устроивъ торжественныя похороны женѣ и сыну, Пандосто съ тѣхъ поръ каждый день плакалъ на ихъ могилѣ.

Такъ оканчивается первая часть повѣсти Грина, соотвѣтствующая первымъ тремъ дѣйствіямъ „Зимней сказки". Во второй части повѣсти, болѣе обширной, чѣмъ первая, разсказывается исторія того несчастнаго ребенка, который, по приказанію Пандосто, былъ отданъ на произволъ вѣтра и волнъ.

Два дня утлый челнокъ носился по морю, пока не былъ выброшенъ на песчаный берегъ Сициліи. Здѣсь случайно набрелъ на него одинъ пастухъ, искавшій заблудившуюся овцу, и взялъ ребенка на воспитаніе. Кошелекъ съ золотомъ, найденный имъ при ребенкѣ, сдѣлалъ его зажиточнымъ человѣкомъ. Онъ и его жена привязались къ своей пріемной дочери, которой они дали имя Фавніи (у Шекспира— Пердита). Черезъ шестнадцать лѣтъ Фавнія превратилась въ очаровательную дѣвушку, слухъ о которой достигъ даже до сицилійскаго двора. Однажды Дорастъ (у Шекспира—Флоризель), единственный сынъ короля Эгиста, во время охоты, которая была его любимымъ занятіемъ, встрѣтился съ Фавніей, когда она, по обыкновенію, выгоняла своихъ овецъ и въ нарядѣ пастушки, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ, походила на богиню Флору. Молодые люди влюбились другъ въ друга со всѣмъ пыломъ юности. Ради Фавніи Дорастъ былъ готовъ отказаться отъ престола, который онъ долженъ былъ наслѣдовать, и сдѣлаться простымъ пастухомъ. Предвидя препятствія со стороны Эгиста, молодые люди рѣшились бѣжать въ Италію, при помощи одного стараго слуги Капніо, который снарядилъ для нихъ корабль. Но вмѣсто Италіи, буря прибила корабль „къ берегамъ Богеміи", гдѣ влюбленные скрылись въ глухой деревушкѣ. Однако, слухъ о прибывшей красавицѣ достигъ до Пандосто. Онъ пожелалъ увидѣть Фавнію и влюбился въ нее, не подозрѣвая, что она его родная дочь. Между тѣмъ Эгистъ, случайно узнавшій о мѣстонахожденіи своего сына, послалъ въ Богемію пословъ съ требованіемъ вернуть Дораста въ Сицилію, а его спутниковъ, въ томъ числѣ и Фавнію, казнить. Разгнѣвавшись на Фавнію за то, что она отвергла его преступную любовь, Пандосто былъ готовъ исполнить требованіе Эгиста, но пастухъ, мнимый отецъ Фавніи, открылъ тайну ея находки и представилъ вещи, которыя доказывали, что молодая дѣвушка—дочь Белларіи и Пандосто. Повѣсть оканчивается разсказомъ о свадьбѣ Дораста и Фавніи и о смерти Пандосто, который, мучимый укорами совѣсти за свое преступное поведеніе по отношенію къ Эгисту, Белларіи и дочери, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

IV.

Сравнивая „Зимнюю сказку" съ новеллой Грина, мы, прежде всего, замѣчаемъ, что Шекспиръ измѣнилъ имена всѣхъ дѣй-

ствующихъ лицъ и перемѣнилъ мѣсто дѣйствія. Пандосто у него названъ Леонтомъ, Эгистъ—Поликсеномъ, Белларія — Герміоной, Фавнія—Пердитой, Дорастъ—Флоризелемъ и т. д. Трагическая часть новеллы Грина, исторія ревности Пандосто, происходитъ въ Богеміи, а любовная идиллія Дораста и Фавніи—въ Сициліи. У Шекспира наоборотъ: ревниваго Леонта онъ сдѣлалъ королемъ Сициліи, а подозрѣваемаго имъ Поликсена, отца Флоризеля,—королемъ Богеміи, гдѣ и воспитывается Пердита. Трудно предположить, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые комментаторы, чтобы эта перемѣна мѣста дѣйствія была результатомъ опредѣленнаго умысла со стороны Шекспира; скорѣе можно думать, что поэтъ не придавалъ большого значенія географическимъ указаніямъ новеллы Грина, такъ какъ задумалъ свою пьесу въ совершенно сказочномъ стилѣ, не считающемся съ точностью въ именахъ и названіяхъ.

Изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ новеллы Грина Шекспиръ сохранилъ Гаринтера, сына Пандосто, и выводитъ его подъ именемъ Мамиллія, удѣляя ему въ пьесѣ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ авторъ новеллы. Королевскаго виночерпія Франіона и стараго слугу Капніо, помогающаго бѣгству Дораста и Фавніи, Шекспиръ слилъ въ одно лицо придворнаго Камилло, который такимъ образомъ явился связующимъ звеномъ между первою и второю частью пьесы. Затѣмъ Шекспиръ создалъ самостоятельно три лица, на которыхъ нѣтъ никакого намека у Грина: энергичную Паулину, ея слабаго мужа Антигона и веселаго, оригинальнаго плута Автолика.

Въ новеллѣ Грина, какъ мы видѣли, главный интересъ сосредоточивается на любви Дораста и Фавніи, а исторія ревности Пандосто является какъ бы только прологомъ къ этому пастушескому разсказу. Шекспиръ напротивъ того, сдѣлалъ любовную идиллію только прелестнымъ эпизодомъ своей драмы, занимающимъ четвертый актъ, а центръ тяжести пьесы перенесъ на анализъ ревности Леонта и ея губительныхъ послѣдствій.

Пандосто у Грина не только ревнивецъ, но также тиранъ и сластолюбецъ. Шекспиръ придаетъ своему Леонту только одинъ недостатокъ—ревность и освобождаетъ его отъ другихъ. Поэтому онъ совершенно выпускаетъ возмущающій нравственное чувство эпизодъ любви Пандосто къ Фавніи. Съ тактомъ истиннаго художника онъ оставилъ отъ всего этого эпизода только одинъ облагороженный и измѣненный намекъ, который онъ вложилъ въ уста Пердиты, обращающейся къ Леонту съ такими словами:

Государь,
У васъ въ глазахъ, мнѣ кажется, сквозитъ
Чрезчуръ оттѣнокъ юности, и вамъ
Приличнѣе бы было устремлять
Подобный взглядъ на вашу королеву,
Пока она жила, чѣмъ на меня.

Ревность Пандосто носитъ у Грина трагическій характеръ: она является причиною смерти его сына, жены и, наконецъ, его самого. Шекспиръ, назвавшій пьесу „Зимней сказкой", долженъ былъ найти примирительный исходъ, какъ болѣе приличествующій сказочному содержанію. Его Герміона только считается всѣми за умершую, а на самомъ дѣлѣ скрывается въ продолженіе шестнадцати лѣтъ у Паулины. Эффектная сцена съ мнимой статуей Герміоны, оживающей на глазахъ мужа и дочери, принадлежитъ вполнѣ Шекспиру*). Развязка пьесы ведетъ къ всеобщему примиренію, прощенію, радости и счастью: Леонтъ возсоединяется съ простившей его Герміоной, Пердита выходитъ замужъ за Флоризеля, а Паулина—за Камилло. Три счастливыхъ пары завершаютъ дѣйствіе комедіи.

Таковы важнѣйшія измѣненія, сдѣланныя Шекспиромъ. Укажемъ еще на нѣкоторыя подробности, доказывающія искусство драматурга при обработкѣ новеллы. Во многихъ случаяхъ Шекспиръ гораздо лучше, чѣмъ Гринъ, мотивируетъ дѣйствіе. Такъ у Грина Пандосто раскаивается немедленно послѣ того, какъ ему стало извѣстно рѣшеніе оракула. У Шекспира же Леонтъ въ своемъ безумствѣ доходитъ до того, что не вѣритъ словамъ оракула, и только внезапная смерть Мамиллія производитъ въ его душѣ спасительный переворотъ. У Грина Мамиллій умираетъ только въ силу прорицанія оракула, Шекспиръ же мотивируетъ смерть мальчика болѣзнью, постигшею его вслѣдствіе тоски по невинно-оклеветанной матери. Дѣйствіе слѣ-

*) Этотъ эпизодъ могъ быть навѣянъ разсказомъ Овидія о мраморной статуѣ Галатеи, оживающей подъ страстными взглядами Пигмаліона, который ее изваялъ. Больтс указалъ на сходный съ шекспировскимъ мотивъ въ одномъ голландскомъ произведеніи (Jahrbuch der d. Shakespeare-Gesellschaft за 1891 г.).

пого случая Шекспиръ нерѣдко замѣняетъ сознательною волею людей. Такъ у Грина челнокъ съ новорожденнымъ младенцемъ случайно прибываетъ волною къ владѣніямъ Эгиста. У Шекспира же Антигонъ сознательно везетъ ребенка въ Богемію, думая, что богемскій король его настоящій отецъ. Точно также у Грина буря случайно заноситъ Дораста и Фавнію во владѣнія отца молодой дѣвушки; у Шекспира же Флоризель и Пердита попадаютъ въ Сицилію по волѣ Камилло, страстно желавшаго вновь увидѣть давно покинутую родину. Самое бѣгство молодыхъ людей въ новеллѣ мотивировано очень слабо; въ пьесѣ же оно вполнѣ намъ понятно, такъ какъ вызвано угрозами Поликсена противъ сына и его возлюбленной (Д. IV, сц. 3). Кстати слѣдуетъ замѣтить, что вся превосходная сцена сельскаго праздника въ IV дѣйствіи вмѣстѣ съ примыкающими къ ней комическими эпизодами—есть вполнѣ самостоятельное прибавленіе Шекспира.

Существуетъ предположеніе, что кромѣ новеллы Грина, Шекспиръ пользовался еще какимъ-то другимъ, неизвѣстнымъ намъ источникомъ, заключавшимъ въ себѣ разсказъ сходнаго содержанія. Проф. Каро („Englische Studien" 1878 г.), и вслѣдъ за нимъ Р. Бойль (Shakespeares Wintermärchen und Sturm, St.-Petersburg 1885 г.) указываютъ польско-литовское сказаніе, основанное на историческихъ фактахъ и представляющее нѣсколько пунктовъ сходства съ содержаніемъ шекспировской пьесы. Въ этомъ сказаніи фигурируютъ ревнивый мужъ-герцогъ Мазовіи Земовитъ, его невинно-оклеветанная жена Людмила, рожденный ею въ тюрьмѣ сынъ Генрихъ, обреченный герцогомъ на смерть, но спасенный доброй женщиной Саломеей, втайнѣ воспитывающей его и т. д. Съ другой стороны, Карлъ Фризъ недавно указалъ на одну нидерландскую драму XV в. „Abel spel van Esmoreit", имѣющую значительное сходство какъ съ новеллой Грина, такъ и съ „Зимней сказкой" (см. Neue Jahrbücher für das klassische Alterthum, Geschichte und deutsche Literatur, 1900 г. т. VI). Здѣсь ревнивцемъ является, какъ и у Шекспира, король Сициліи, заключающій жену въ тюрьму по подозрѣнію въ невѣрности. Ея сынъ Эсморейтъ, похищенный тотчасъ же послѣ рожденія и воспитанный при дворѣ Дамасскаго короля, влюбляется въ королевскую дочь Даміету, отъ которой узнаетъ о своемъ происхожденіи. Вернувшись въ Сицилію, онъ убѣждаетъ короля въ невинности королевы, вслѣдствіе чего послѣдняя освобождается изъ тюрьмы и прощаетъ мужу. Въ поискахъ за Эсморейтомъ Даміета пріѣзжаетъ въ Сицилію. Пьеса оканчивается свадьбой молодыхъ людей.

Въ этой нидерландской пьесѣ нельзя не замѣтить большого сходства съ „Зимней сказкой". Въ обѣихъ мы находимъ оклеветаніе королевы Сициліи и заключеніе ея въ тюрьму, удаленіе и счастливое спасеніе ребенка, любовную идиллію въ далекой странѣ, возвращеніе юной пары и реабилитацію королевы.

Приведенные факты приводятъ къ заключенію, что, кромѣ новеллы Грина, Шекспиръ былъ знакомъ съ какой-нибудь другой версіей широко-распространеннаго сказанія о несправедливо оклеветанной женѣ. Одно изъ подобныхъ нѣмецкихъ сказаній выводитъ героиней „дочь русскаго царя" („Deu Tochter des Königes von Reuzen". См. v. d. Hagen, Gesamtabenteuer, II). Припомнимъ, что у Шекспира Герміона называетъ себя „дочерью русскаго императора". (У Грина— на русской принцессѣ женатъ Эгистъ, соотвѣтствующій Поликсену у Шекспира).

Нѣкоторые комментаторы находятъ въ „Зимней сказкѣ" также и автобіографическій элементъ, приводя ея содержаніе въ связь съ возвращеніемъ Шекспира въ родной Стратфордъ въ послѣдніе годы его жизни и испытанными имъ при этомъ впечатлѣніями. (Ср. вышеназванный этюдъ Бойля R. Boyle, и V. Berger, „Wie das Wintermärchen entstand", Hamburg 1903). Примиреніе съ женою, которую надолго покинулъ онъ во время своей лондонской жизни и ея увлеченій, радость возстановленія нарушенной семейной жизни, удовольствіе видѣть въ своей дочери Юдиѳи молодую цвѣтущую дѣвушку, поразительно напоминавшую его жену Анну Гесвэ въ эпоху его романа съ ней,—все это нашло себѣ такъ или иначе отраженіе въ отношеніяхъ между Леонтомъ, Герміоной и Пердитой, въ спокойномъ колоритѣ пьесы, какъ бы обвѣянной свѣжимъ дыханіемъ сельской природы, и въ ея примирительномъ исходѣ. Нельзя не замѣтить, что въ одновременныхъ съ „Зимней сказкой" пьесахъ — „Цимбелинѣ" и „Бурѣ" — рѣчь идетъ также о примиреніи и возсоединеніи разлученныхъ надолго членовъ семейства. Съ другой стороны, въ обрисовкѣ характера Мамиллія, осужденнаго на преждевременную смерть, какъ бы чувствуется скорьбь Шек-

спира по безвременно погибшемъ, горячо имъ любимомъ сынѣ Гамлетѣ.

V.

Назвавъ свою пьесу „Зимней сказкой", Шекспиръ намѣренно подчеркнулъ сказочность и полуфантастичность ея содержанія. Кромѣ того, въ самомъ текстѣ пьесы нѣсколько разъ Шекспиръ старается внушить читателю мысль о такомъ характерѣ пьесы. Разсказывая о признаніи Пердиты дочерью короля, придворный замѣчаетъ: „Въ одинъ часъ совершилось столько чудесъ, что не воспѣть ихъ даже балладнымъ стихотворцамъ"... „Новости, которыя выдаютъ за истину, до того подходятъ на старую сказку, что имъ трудно повѣрить" (д. V, сц. 2). Разсказу о судьбѣ Антилона, разорваннаго медвѣдемъ, предпосылается замѣчаніе: „Тутъ дѣло становится опять похоже на сказку, которой все еще осталось что разсказать, несмотря на то, что довѣріе къ ней кончено, и никто не хочетъ ее слушать" (ib.).

Какъ въ сказкѣ, мѣсто дѣйствія не имѣетъ здѣсь большого значенія: оно происходитъ „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ", и читателю въ сущности совершенно безразлично, называется ли эта сказочная страна Сициліей, Богеміей или какъ нибудь иначе. „Морской берегъ" Богеміи приводилъ въ смущеніе многихъ комментаторовъ. Составлялись всевозможныя гипотезы для объясненія этой географической ереси, заимствованной Шекспиромъ у Грина. Одни думали, что слово Bohemia попало по ошибкѣ вмѣсто Bythynia (Ганмеръ), другіе дѣлали историческія справки, доказывающія, что владѣнія короля богемскаго нѣкогда простирались до Средиземнаго моря, третьи старались доказать, что подъ Богеміей Шекспира мы должны разумѣть страну „бойевъ", т. е. кельтовъ или галовъ (см. статью Kralik'a въ Jahrbuch der deutsch. Shakespeare-Gesellschaft за 1901 г.). На всѣ эти старанія реабилитировать географическія познанія Шекспира врядъ ли умѣстны. Эта сказочная „Богемія" съ ея морскимъ берегомъ вполнѣ гармонируетъ съ общимъ сказочнымъ складомъ всей пьесы, которая изобилуетъ всякими анахронизмами и несообразностями. Несмотря на греческія имена, трудно сказать, къ какой національности и къ какой религіи принадлежатъ дѣйствующія лица. На ряду съ Дельфійскимъ оракуломъ и языческими богами, упоминается также и о „пуританинѣ, который поетъ подъ волынку псалмы" (д. IV, сц. 2). Герміона—дочь русскаго императора, хотя она современница Дельфійскаго оракула, а ея мнимая статуя изваяна Джуліо Романо—итальянскимъ художникомъ эпохи Возрожденія, и т. д. По справедливому замѣчанію Брандеса, все это только усиливаетъ въ нашемъ впечатлѣніи сказочный характеръ пьесы. Этотъ сказочный характеръ долженъ служить исходною точкою для сужденія о драматической техникѣ „Зимней сказки". Придирчивые нѣмецкіе критики, въ особенности Бультгауптъ (Dramaturgie der Klassiker), увлекаютъ Шекспира за болѣе эпическій, чѣмъ драматическій складъ его пьесы, за то, что она искусственно раздѣлена на двѣ, имѣющія мало между собою общаго части, между которыми проходитъ цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ, и т. п. Но всѣ эти обвиненія отпадутъ сами собою, если мы припомнимъ, что, по замыслу самого Шекспира, эта пьеса есть не столько драма, сколько драматизированная сказка. Кромѣ того, въ „Зимней сказкѣ" есть несомнѣнное единство въ настроеніи и тонѣ, оставляющее цѣльное и вполнѣ поэтическое впечатлѣніе. „Подобно тому, какъ картина, изображающая довольно чуждыя одна другой группы, можетъ представлять единство въ сочетаніи линій и въ гармоніи красокъ, точно такъ же въ расчлененномъ дѣйствіи драмы можетъ быть нѣчто въ общепоэтическомъ смыслѣ родственное, что можно было-бы назвать духомъ или основнымъ тономъ драмы, и этотъ духъ или основной тонъ съ увѣренностью проведенъ здѣсь" (Брандесъ).

„Зимняя сказка" похожа на музыкальную симфонію съ патетическимъ началомъ, идиллически-шутливой серединой и трогательно-примирительнымъ окончаніемъ, которое заключаетъ пьесу гармоническимъ аккордомъ.

VI.

Патетическую часть этой драматической симфоніи составляютъ три первыхъ дѣйствія. Тема ея—страсть ревности. Этой страсти Шекспиръ касался въ цѣломъ рядѣ своихъ драмъ: въ „Отелло", „Цимбелинѣ", „Троилѣ и Крессидѣ" и, наконецъ, въ „Зимней сказкѣ"—и всякій разъ изображалъ ее въ особыхъ оттѣнкахъ и у людей съ различнымъ характеромъ. Наряду съ Отелло, Яго, Постумомъ и Троиломъ мы должны поставить Леоната. Какъ ни различны они по своему характеру, темпераменту и обще-

ственному положенію, страсть ревности сближаетъ ихъ всѣхъ другъ съ другомъ. Сравненіе Леонта съ Отелло напрашивается само собою. Можно сказать, что оба героя представляютъ два противоположныхъ полюса губительной страсти. Отелло отъ природы чуждъ ревности; простой, довѣрчивый и благородный, онъ совершенно лишенъ мнительной подозрительности. Нужна дьявольская ловкость злобнаго Яго и роковое стеченіе обстоятельствъ, чтобы отравить его здоровую натуру гибельнымъ ядомъ ревности. Заразившись этимъ ядомъ, онъ страдаетъ мучительно, невыносимо, страдаетъ не какъ эгоистъ, возмущенный посягательствомъ другихъ на принадлежащее ему добро, но какъ возвышенный идеалистъ, утратившій вѣру въ любимую женщину и въ возможность счастья и убѣдившійся, что жизнь его навѣки разбита.

Не таковъ Леонтъ, который какъ бы служитъ иллюстраціей къ словамъ Эмиліи въ „Отелло": „ревность не нуждается въ поводахъ, люди ревнуютъ часто безъ всякихъ поводовъ, а потому, что ревнивы". (Актъ III, сц. 4). Онъ отъ природы склоненъ къ ревности, носитъ ядъ ея въ собственной душѣ, поэтому ему не нужно никакихъ Яго, никакихъ вдохновителей и подстрекателей. Ревность нападаетъ на него внезапно, какъ ураганъ, и овладѣваетъ всецѣло всѣмъ его существомъ, все подчиняя своей тлетворной власти. У него гораздо менѣе поводовъ быть ревнивымъ, чѣмъ у Отелло: противъ него говоритъ старинная дружба съ Поликсеномъ, продолжительная счастливая жизнь съ безупречной Герміоной, убѣжденія окружающихъ лицъ, старающихся его образумить и т. д. Но все безсильно передъ его страстью ревности, „этого чудовища, создающаго пищу, которой само питается" („Отелло", д. III, сц. 3).

Взрывъ его страсти, вспыхнувшей „безъ всякихъ основаній, кромѣ дикихъ, безумныхъ подозрѣній" (д. II, сц. 3), тѣмъ сильнѣе и разрушительнѣе, что онъ человѣкъ, избалованный своею королевскою властью, гордый своимъ саномъ и необыкновенно самоувѣренный. Неистовствуя противъ Герміоны, онъ напоминаетъ намъ Лира, который осыпаетъ проклятіями Корделію. Противорѣчія Паулины и другихъ приближенныхъ еще болѣе подливаютъ масла въ огонь его бѣшенства. Его упорству нѣтъ предѣловъ:

Если я
Ошибся въ основаньи, на которомъ
Построилъ эту мысль—то и земля
Окажется слаба, чтобъ поддержать
Ничтожный мячикъ школьника!

Камилло хорошо характеризуетъ душевное состояніе Леонта слѣдующими словами:

Скорѣе вы
Успѣете остановить движенье
Прилива въ океанѣ, чѣмъ сломить
Совѣтомъ, словомъ, клятвой ту нелѣпость
Которой онъ проникся. Онъ увѣренъ
Въ ней, какъ въ себѣ, и будетъ защищать
Ее до самой смерти.

Къ Дельфійскому оракулу онъ посылаетъ не для того, что бы узнать отъ него истину, въ которой онъ не сомнѣвается, а лишь съ тою цѣлью,

чтобъ успокоить
Сомнѣнія невѣждъ, которыхъ глупость
Не хочетъ видѣть правды.

Поэтому, когда отвѣтъ оракула оказывается не въ его пользу, онъ доходитъ до того, что обвиняетъ его во лжи. Нужно было сильное нравственное потрясеніе, чтобы образумить зарвавшагося безумца. Карающую десницу бога онъ видитъ въ смерти Мамиллія и въ похожемъ на смерть обморокѣ Герміоны—и въ душѣ его происходитъ крутой переломъ. Чѣмъ болѣе неистовствовалъ онъ ранѣе, тѣмъ глубже теперь его раскаяніе. Много лѣтъ сокрушается онъ въ своемъ грѣхѣ и страданіемъ очищаетъ и облагораживаетъ свою душу. Разставаясь съ нимъ въ концѣ пьесы, мы видимъ его отрѣшившимся отъ своихъ недостатковъ и возрождающимся къ новой жизни.

Этотъ процессъ нравственнаго очищенія, прекрасно изображенный Шекспиромъ, возвышаетъ Леонта надъ низменными ревнивцами въ родѣ Яго, закоренѣлаго въ грубомъ себялюбіи. Леонта нельзя считать ничтожною личностью и отрицательнымъ явленіемъ. Онъ не злодѣй, для котораго нѣтъ ничего святого, а человѣкъ, заразившійся ревностью, какъ болѣзнью, которая находитъ самую обильную пищу въ его природномъ предрасположеніи и въ общемъ складѣ его самоувѣреннаго, своенравнаго и властнаго характера. Въ своемъ ослѣпленіи онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ несправедливости и жестокости, но стоило ему лишь прозрѣть, какъ онъ начинаетъ искупать свои преступленія жгучими слезами искренняго раскаянія.

VII.

Если Леонтъ не похожъ на Отелло, то и жертва его безумной ревности, Герміона, имѣетъ мало общаго съ Дездемоной. Герміонѣ совершенно чужды отличающія Дездемону страстность, неосмотрительность и слабость. Въ вихрѣ любви Дездемона послѣдовала за Отелло, не размышляя, и тайно повѣнчалась съ нимъ. Изъ словъ Леонта мы узнаемъ, что Герміона долго думалъ прежде, чѣмъ рѣшиться соединить его судьбу съ своею:

По истеченьи трехъ тяжелыхъ
И длинныхъ мѣсяцевъ, успѣлъ достичь я
Того, что ты рѣшилась дать мнѣ руку,
Сказавъ: твоя *вполнѣ!*

Съ большою осмотрительностью и серьезностью совершивъ такой важный въ жизни шагъ, она уже на вѣки остается идеальной и безупречной женой своего избранника. Спокойная, уравновѣшенная и стойкая, она не теряется, подобно Дездемонѣ, подъ градомъ несправедливыхъ обвиненій. Дездемона была бы не въ состояніи публично защищать себя съ такимъ удивительнымъ самообладаніемъ, съ такимъ благороднымъ и гордымъ сознаніемъ своей правоты. Никакія оскорбленія, никакія страданія не въ состояніи сломить твердости ея высокой души, соединяющей сильную волю съ мягкой женственностью:

Быть можетъ, вы,
Не видя слезъ въ глазахъ моихъ, и сами
Не станете жалѣть меня; но знайте,
Что я полна той благородной скорби,
Которая, упавши разъ на душу,
Томитъ ее и жжетъ съ такою силой,
Что не залитъ потокомъ горькихъ слезъ.

Защитительная рѣчь Герміоны въ судѣ—одинъ изъ перловъ шекспировской поэзіи. Никогда, кажется, величіе женской души не изображалось съ такимъ мастерствомъ, какъ въ этой сценѣ „Зимней сказки". Герміонѣ не страшны угрозы послѣ того, какъ съ потерей дѣтей и любви мужа она потеряла все:

Оставьте ваши
Угрозы, государь!—того, чѣмъ вы
Хотите запугать меня, желаю
Душевно я сама! Мнѣ жизнь не радость...

Она—„подруга короля, владѣвшая полцарствомъ, дочь монарха, мать полнаго надеждъ прекрасныхъ сына"—теперь „столько же несчастна, сколько прежде была чиста". У нея жестоко оторвали послѣднее дитя и бросили на смерть „еще съ невинными устами, увлаженными невиннымъ молокомъ".

Не о жизни, а о спасеніи своего добраго имени думаетъ оскорбленная и измученная жена и мать:

Я не прошу
За жизнь свою: она мнѣ тяжела,
Какъ горе, отъ котораго всѣмъ сердцемъ
Желала бъ я избавиться! но честь!—
Честь перейти должна и на потомство—
Ее хочу спасти я.

Въ такую бездну несчастья погрузила нелѣпая ревность Леонта эту „прекраснѣйшую женщину изъ всѣхъ, когда либо дѣлившихъ съ мужемъ счастье". (Д. V, сц. 1). „Кротче самой благости, добрѣй невиннаго младенца" (Д. V, сц. 3), съ очами, сіявшими „ярче небесныхъ звѣздъ" (ib.), Герміона—олицетвореніе женственной граціи и мягкой привѣтливости, соединенныхъ съ высокимъ благородствомъ и силою души. Она изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ „нѣжнымъ поцѣлуемъ легче сдвинуть на сотню миль, чѣмъ вынудить ступить ихъ шагъ крутою мѣрой" (Д. I, сц. 2). Паулина не далека отъ истины, когда говоритъ Леонту, что „если-бъ собрать со всѣхъ живущихъ женщинъ всѣ лучшія ихъ свойства, чтобъ создать одну на диво міру—и тогда она бы не сравнялась" съ Герміоной. (Д. V, сц. 1).

Въ галлереѣ женскихъ портретовъ, нарисованныхъ геніемъ Шекспира, Герміонѣ должно принадлежать одно изъ почетныхъ мѣстъ. Благородный и въ высшей степени симпатичный образъ этой невинной страдалицы нарисованъ съ удивительнымъ совершенствомъ. Ея характеръ выставленъ намъ съ пластичностью, законченностью и рельефностью очертаній изящной мраморной статуи, въ видѣ которой она выступаетъ въ послѣднемъ дѣйствіи.

Герміона хорошо оттѣнена поставленной рядомъ съ нею Паулиной, женщиной энергичной, стремительной и запальчивой. Съ рѣдкою смѣлостью, не щадя себя, изобличаетъ она преступнаго короля, выступая въ защиту правды и справедливости. Она напоминаетъ благороднаго Кента, играющаго такую же роль передъ лицомъ самовластнаго короля Лира. Въ своей чрезмѣрной горячности она даже вредитъ дѣлу, раздражая еще болѣе короля, не выносящаго противорѣчій, но затѣмъ она содѣй-

ствуетъ тому, чтобы въ Леонтѣ заговорилъ долго заглушаемый голосъ совѣсти. Въ ея уста Шекспиръ влагаетъ высокія слова, въ которыхъ нельзя не видѣть его личнаго убѣжденія: „еретикъ тотъ, кто поджигаетъ костеръ, а не тотъ, кто на немъ горитъ" (Д. II, сц. 3).

VIII.

За патетическою частью „Зимней сказки", выдержанною съ начала до конца въ серьезномъ тонѣ, безъ всякой примѣси комическаго элемента, слѣдуетъ очаровательная пастораль, рисующая чистую юношескую любовь Пердиты и Флоризеля.

Предшествуетъ ей и сопровождаетъ ее рядъ комическихъ сценъ, въ которыхъ главная роль принадлежитъ Автолику. Это чрезвычайно оригинальная личность, не имѣющая подобной себѣ въ драмахъ Шекспира, человѣкъ на всѣ руки; проныра и плутъ, обманщикъ и весельчакъ. Прежде чѣмъ сдѣлаться профессіональнымъ воромъ, онъ перемѣнилъ много занятій: „ходилъ съ обезьяной, былъ разсыльнымъ при судѣ, таскался съ кукольнымъ представленіемъ блуднаго сына, а потомъ женился на женѣ мѣдника"... (Д. IV, сц. 2). Со всѣмъ тѣмъ онъ сохранилъ въ себѣ неистощимый запасъ юмора и остроумія.

Нѣжными, поэтическими красками нарисовалъ Шекспиръ привлекательный образъ молодой Пердиты. Ей въ сущности удѣлена одна сцена IV дѣйствія, изображающая сельскій праздникъ, тѣмъ не менѣе характеристика этой очаровательной молодой дѣвушки не оставляетъ желать ничего лучшаго. Когда она впервые является передъ нами, вся въ цвѣтахъ, похожая „на богиню Флору, предвѣстницу апрѣльскихъ ясныхъ дней", то мы вполнѣ, такъ сказать, ощущаемъ справедливость словъ Флоризеля:

Твой каждый шагъ
Прелестнѣй предыдущихъ. Говоришь ли—
То хочется внимать тебѣ всегда;
Поешь ли ты—то хочется, чтобы пѣла
При всѣхъ своихъ дѣлахъ ты: при молитвѣ,
При хлопотахъ въ хозяйствѣ, при раздачѣ
Пособья бѣднякамъ! Когда ты пляшешь—
То хочется, чтобъ ты была волной
И двигалась всегда, не измѣняя
Ни въ чемъ своихъ движеній. Словомъ, все,
Что ты ни станешь дѣлать, даже въ самыхъ
Пустыхъ дѣлахъ, увѣнчано въ тебѣ
Печатью чудной прелести, съ которой
Становишься ты царственной во всемъ.

Отличительную черту Пердиты составляетъ соединеніе величайшей простоты и естественности съ природною высотою души и наслѣдственнымъ царственнымъ величіемъ. Она не выноситъ ничего ложнаго и искусственнаго. Простые полевые цвѣты, которые она всѣ знаетъ наперечетъ со всѣми ихъ свойствами и съ относящимися къ нимъ примѣтами, ей гораздо милѣе и дороже, чѣмъ пышныя оранжерейныя растенія. Она не желала бы имѣть у себя левкоя и гвоздики, потому что „ихъ махровость дана имъ не природой, а искусствомъ". За то „ноготки, привыкшіе ложиться за солнцемъ вслѣдъ, и также вмѣстѣ съ нимъ встающіе въ слезахъ", нарциссы, „чей блѣдный цвѣтъ цвѣтетъ еще до ласточекъ", „первые подснѣжники", „буквицы, лиліи, ландыши", представляютъ для Пердиты что-то близкое, родное, имѣющее тѣсное отношеніе къ ней самой. Образъ Пердиты и рисуется намъ не иначе, какъ среди душистыхъ цвѣтовъ, въ которыхъ она понимаетъ толкъ не менѣе, чѣмъ несчастная Офелія. Но съ этой очаровательной простотой и близостью къ природѣ Пердита соединяетъ черты высокой, царственной натуры:

Все, что она ни скажетъ, дышетъ чѣмъ-то
Возвышеннымъ и чуждымъ той средѣ,
Въ какой она живетъ.

Это сближаетъ Пердиту съ Герміоною. Между матерью и дочерью—родовыя черты сходства, тонко проведенныя Шекспиромъ. Отъ Герміоны Пердита унаслѣдовала не только величавое благородство, но и ея твердость души, постоянство и энергію чувства. Она такъ же безповоротно отдаетъ свое сердце Флоризелю, какъ нѣкогда Герміона отдала свое Леонту. Въ постоянствѣ своего чувства убѣждена она сама, убѣждаетъ и читателя:

Горе можетъ
Согнать румянецъ свѣжести со щекъ,
Но сердце будетъ вѣчно неизмѣннымъ.
(Дѣйствіе II, сц. 3).

Ошеломленная грубыми угрозами Поликсена, она молчитъ, но какая энергія звучитъ въ ея непосредственно за этимъ слѣдующихъ словахъ:

Я дважды
Была почти готова перебить
Его, сказавъ, что то же солнце свѣтитъ
Надъ нашей бѣдной хижиной, какое
Сіяетъ и надъ крышею его
Блестящаго дворца.

И здѣсь видна въ ней дочь Герміоны, хотя она „и не умѣетъ красиво говорить и не можетъ придумать лучшихъ словъ", какъ она выражается (Д. IV, сц. 3).

Читатель не можетъ не согласиться съ Флоризелемъ, что Пердитѣ „не нужно приданнаго иного, кромѣ качествъ ея души", (Ib.) и не можетъ не увидѣть въ ней, подобно придворному Леонта—„созданье, прелестнѣе котораго едва-ль когда нибудь лучи жили солнца". (Д. V, сц. 1).

Вмѣстѣ съ Флоризелемъ Пердита составляетъ „пару влюбленныхъ, нѣжныхъ горлицъ, давшихъ слово во вѣкъ не разлучаться" (Д. IV, сц. 3). Если Пердита „ручается за слово этихъ горлицъ", то и юный Флоризель вполнѣ подъ-стать своей возлюбленной и также можетъ постоять за себя:

Вѣрь, что я
Весь твой, а не отца. Я не могу
Быть даже и своимъ, когда бы не былъ
Твоимъ навѣкъ;—могу ль принадлежать
Поэтому другимъ я?

Онъ считаетъ „благословеннымъ" навѣки тотъ часъ, когда его соколъ опустился на поле ея родныхъ. Вся слава и могущество міра, всякіе таланты и превосходство надъ другими для него „не значатъ ничего безъ сердца этой дѣвушки". Ни за какія сокровища онъ „не преступитъ клятвы вѣрности", которую онъ далъ ей. После угрозъ отца онъ „намѣренъ пробивать самъ дорогу къ счастью". Правъ старый Камилло, выражающій убѣжденье, что Флоризеля съ Пердитой „можетъ разлучить одна лишь только смерть".

Чистая любовь двухъ пылкихъ юныхъ сердецъ, предназначенныхъ другъ для друга, никогда не изображалась въ болѣе идеальномъ, поэтическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе правдивомъ и чуждомъ всякой слащавости свѣтѣ. Наряду съ прелестной четой Пердиты и Флоризеля можетъ быть поставлена только чета Миранды и Фердинанда въ „Бурѣ", представляющая также излюбленныхъ дѣтищъ Шекспира, на которыхъ покоится его нѣжный, отеческій взоръ.

Нельзя не согласиться съ Гервинусомъ, высказавшимъ мнѣніе, что „не много написано Шекспиромъ такого, чтобы равнялось полнотою, движеніемъ и изяществомъ четвертому акту „Зимней сказки". Съ нимъ соперничаетъ, по поэтическимъ достоинствамъ, и пятый актъ, похожій на заключительные, тихіе и полные нѣжной мелодіи, звуки вдохновенной симфоніи. Послѣ изображенія бурныхъ порывовъ слѣпой страсти и послѣ идиллической картины чистой, какъ кристаллъ, юношеской любви, поэтъ теперь чаруетъ насъ трогательными сценами семейной радости, примиренія и возрожденія къ новой, болѣе свѣтлой жизни. Символомъ этого возрожденія является статуя Герміоны, оживающая на нашихъ глазахъ. Заключительная сцена принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ шекспировскаго творчества. Ничто не можетъ сравниться съ высокой поэзіей и умилительной трогательностью того момента, когда Герміона, считаемая за статую, сходитъ, при тихихъ звукахъ музыки, съ пьедестала, безмолвно обнимаетъ почти оцѣпенѣвшаго отъ радости Леонта и даетъ материнское благословеніе восхищенной Пердитѣ, падающей передъ ней на колѣни.

Подъ впечатлѣніемъ этой чудной сцены мы и разстаемся съ „Зимней сказкой".

М. Розановъ.

Дѣйствующія лица:

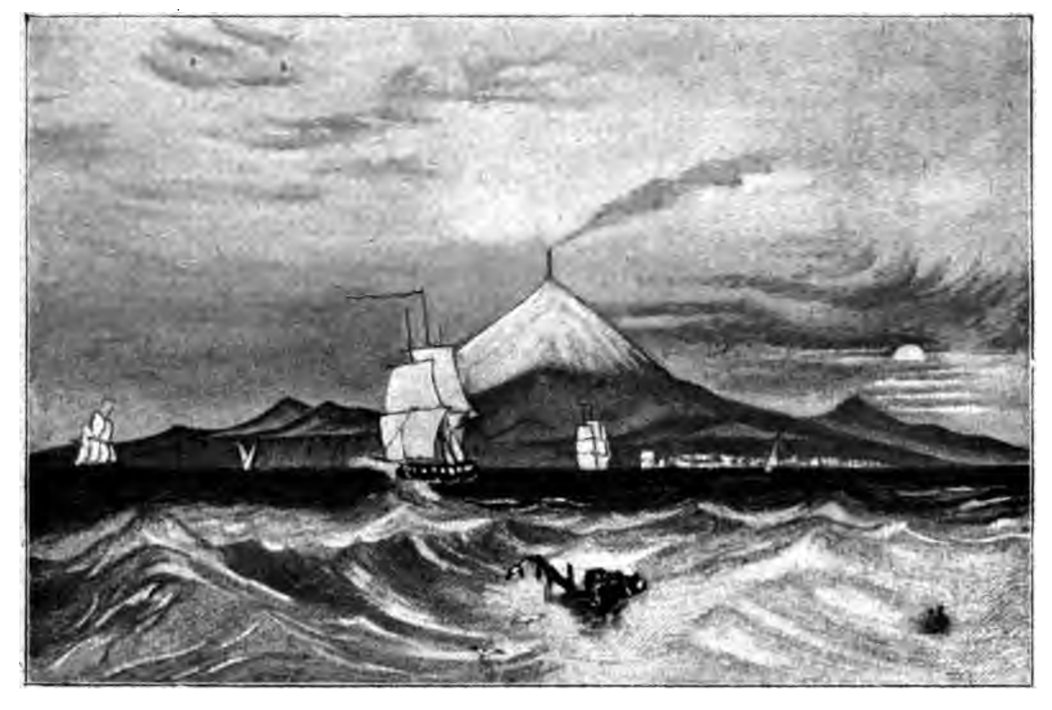
Леонтъ, король Сициліи.
Мамиллій, наслѣдникъ Сицилійскаго престола.
Камилло
Антигонъ
Клеоменъ
Діонъ
} Сицилійскіе вельможи.
Поликсенъ, король Богеміи
Флоризель, наслѣдникъ Богемскаго престола.
Архидамъ, богемскій вельможа.
Старый пастухъ, названный отецъ Пердиты.
Шутъ, его сынъ.
Автоликъ, бродяга.
Морякъ.
Тюремщикъ.
Работникъ.
Герміона, жена Леонта.
Пердита, дочь Леонта и Герміоны.
Паулина, жена Антигона.
Эмилія, придворная дама Герміоны.
Мопса
Доркасъ
} пастушки.

Вельможи, придворные, дамы, воины, служители, пастухи и пастушки.

Время, замѣняющее хоръ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сициліи и Богеміи.

Рамка эпохи итальянскаго Ренесанса (1513), работы знаменитаго типографщика-художника Отавіано деи Петручи (Ottaviano dei Petrucci) изъ Фоссомпроне (въ Папской области).

ОБЩІИ ВИДЪ НА СИЦИЛІЮ.
Гравюра 1840-хъ гг. съ рисунка Сарджента для изданія «The Book of Shakespeare Gems».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Передній залъ во дворцѣ Леонта.

Входятъ Камилло *и* Архидамъ.

Архидамъ. Если вамъ доведется, Камилло, посѣтить Богемію при подобныхъ-же условіяхъ, при какихъ я теперь здѣсь,—вы увидите, увѣряю васъ,—огромную разницу между нашей Богеміей и вашей Сициліей.

Камилло. Я думаю, что будущимъ лѣтомъ король Сициліи посѣтитъ Богемію, отплативъ, по долгу приличія, визитъ богемскому королю.

Архидамъ. Если намъ и не удастся достойно принять васъ, то мы постараемся возмѣстить это сердечностью нашихъ чувствъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ...

Камилло. Полноте, что вы...

Архидамъ. Нѣтъ, я совершенно убѣжденъ, что мы не можемъ съ подобнымъ великолѣпіемъ, съ подобнымъ рѣдкимъ... я не знаю даже какъ выразиться... Мы угостимъ васъ снотворными напитками, чтобы ваши чувства не замѣтили нашей несостоятельности, чтобы вы ужъ, если не нашли возможнымъ насъ похвалить,—по крайней мѣрѣ не осуждали-бы насъ.

Камилло. Вы слишкомъ дорого цѣните то, что дѣлается отъ души.

Архидамъ. Повѣрьте мнѣ, я выражаюсь такъ, какъ мнѣ говоритъ мой разсудокъ и какъ мнѣ подсказываетъ истина.

Камилло. Дружба короля Сициліи къ богемскому королю безпредѣльна: они были съ дѣтства вмѣстѣ воспитаны и съ тѣхъ поръ ихъ связала пріязнь, которая не можетъ быть расторгнута. Когда они возмужали, царственныя заботы разлучили ихъ; и хотя лично не встрѣчались, но, по обычаю монарховъ, они обмѣнивались подарками, письмами, дружественными посольствами. Казалось, что хотя они жили врозь, но были вмѣстѣ, обмѣнивались издалека рукопожатьями, обнимались другъ съ другомъ съ разныхъ концовъ свѣта. Да продлятъ небеса ихъ дружбу!

Архидамъ. Я полагаю, нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы могло поколебать ее. Какъ вы счастливы, что у васъ есть маленькій принцъ Мамиллій! Мнѣ не доводилось встрѣчать мальчика съ такими способностями.

Камилло. Я вполнѣ раздѣляю эти надежды. Это чудный ребенокъ. Онъ способенъ оживить каждаго, влить бодрость даже въ стариковъ; тѣ, кто до его рожденія ходили на костыляхъ, теперь хотятъ жить, чтобы увидѣть его взрослымъ.

рхидамъ. А вы полагаете, безъ этого они хотѣли-бы умереть?

Камилло. Да, если-бы у нихъ не было другой причины желать продолженія жизни.

Архидамъ. Если-бы у короля не было сына, они все таки пожелали-бы жить хотя-бы на костыляхъ, въ ожиданіи пока онъ родится.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ-же; зала дворца.

Входятъ Леонтъ, Герміона, Мамиллій, Поликсенъ, Камилло *и свита.*

Поликсенъ.

Уже въ лунѣ, властительницѣ водъ,
Пастухъ счелъ девять перемѣнъ, съ тѣхъ поръ
Какъ нашъ престолъ покинутъ. Столько-жъ дней
Тебя, мой братъ, благодарить я долженъ,—
И все-же неоплатнымъ должникомъ
Уѣду я отсюда. Такъ позволь-же
Еще мою умножить благодарность
Одной, но вѣской цифрой,—и сказать
Еще одно „благодарю“.

Леонтъ.

Оставимъ
Все это до минуты разставанья.

Поликсенъ.

Я завтра ѣду, государь; боюсь,
Что опасенья сбудутся мои,—
Что вихрь возстанья, безъ меня раздутый,
Заставитъ насъ сказать: мы были правы;
Да и притомъ мы надоѣли вамъ...

Леонтъ.

О, я выносливъ, братъ мой!

Поликсенъ.

Намъ пора.

Леонтъ.

Еще недѣлю?

Поликсенъ.

Завтра—неизбѣжно.

Леонтъ.

Ну, уступи мнѣ половину! Я
Сойдусь на этомъ.

Поликсенъ.

Тщетны уговоры!
Скорѣе всѣхъ ты можешь убѣдить
Меня, и я остался-бъ здѣсь, когда-бы
Была необходимость въ томъ. Но дѣло
Зоветъ меня домой. Гостепріимство
Твое—бичъ для меня. Оставшись здѣсь,
Я только принесу для васъ заботы
И хлопоты—чтобъ избѣжать ихъ, братъ мой,
Уѣхать лучше.

Леонтъ.

Что-же королева
Молчитъ? Проси!

Герміона.

Я думала молчать,
Пока не дастъ онъ клятву, что уѣдетъ.
Ты просишь слишкомъ холодно. Скажи,
Что вѣсти изъ Богеміи вчера
Ты получилъ: тамъ все спокойно. Этимъ
Разрушатся всѣ доводы его.

Леонтъ.

Чудесно, Герміона!

Герміона.

И добро-бы
Сказалъ онъ, что желаетъ видѣть сына,
То былъ-бы поводъ. Пусть онъ это скажетъ,
И—скатертью дорога: мы его
Погонимъ веретенами... Нѣтъ, вы
Намъ, государь, подарите недѣлю.
Когда мой мужъ въ Богемію поѣдетъ,
Я разрѣшу ему тамъ цѣлый мѣсяцъ
Прожить сверхъ срока. А клянусь, Леонтъ,
Люблю тебя не меньше, чѣмъ любая
Изъ женъ супруга любитъ. Остаетесь?

Поликсенъ.

Нѣтъ, королева.

Герміона.

Нѣтъ, вы остаетесь!

Поликсенъ.

Клянусь, нельзя.

Герміона.

Клянетесь? *)

---

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Какъ слабы ваши клятвы! Впрочемъ, если-бъ
Вы даже звѣзды вышибли изъ сферъ
Своими клятвами,—я повторяла-бъ:
„Клянусь, вы не уѣдете, король“!
Вѣдь наши клятвы сильны, какъ и ваши.
И все таки вы ѣдете? Хотите,
Чтобъ васъ не гостемъ, плѣнникомъ считали?
Тогда платите намъ за свой прокормъ!
Такъ что-жъ вы: плѣнникъ, иль гость? Клянусь,
Однимъ изъ нихъ вы быть должны.

Поликсенъ.

Вашъ гость!
Въ плѣнъ, государыня, берутъ враговъ,
А легче вамъ плѣнить меня, чѣмъ мнѣ
Врагомъ быть вашимъ.

Герміона.

Ну, тогда и я—
Радушная хозяйка, не тюремщикъ.
Сознайтесь, вѣрно вы съ Леонтомъ въ дѣтствѣ
Большими были сорванцами?

Поликсенъ.

Мы
Росли безъ горя, безъ заботъ, царица,
Не отличали завтра отъ сегодня
И думали, что дѣтство вѣчно.

Герміона.

Кто
Изъ васъ рѣзвѣе былъ?

Поликсенъ.

Мы были словно
Два близнеца ягненка, что рѣзвятся
На солнечномъ припекѣ. Мы дышали
Невинностью, не зная зла; не снились
Намъ даже злые люди; и когда-бы
Мы продолжали эту жизнь, не зная
Страстей земныхъ, могли-бы смѣло небу
Отвѣтить: „только первородный грѣхъ
Одинъ лежитъ на насъ,—иныхъ не знаемъ!“

Герміона.

Зато впослѣдствіи вамъ довелось
Споткнуться?

Поликсенъ.

Государыня! Что жь было
Намъ дѣлать: вѣдь соблазнъ явился позже.
Моя жена въ тѣ дни была ребенкомъ,
И мой товарищъ игръ еще не зналъ
Прелестную свою подругу...

Герміона.

Вотъ какъ!
Такъ я и ваша королева—мы
Два дьявола? Ну-съ дальше! впрочемъ если
Мы привели васъ первыя къ паденью,
И вы до насъ ни съ кѣмъ не согрѣшили,—
Мы за такой соблазнъ должны отвѣтить.

Леонтъ.

Сдается онъ?

Герміона.

Да, государь, теперь
Остался онъ.

Леонтъ.

Меня-же не послушалъ.
Ты лучше, Герміона, никогда
Не говорила.

Герміона.

Никогда?

Леонтъ.

Нѣтъ... разъ
Еще...

Герміона.

Такъ, дважды? Какъ-же это было?
О, не стѣсняйся, осыпай меня
Своими похвалами. Не похвалишь—
И тысяча погибнетъ добрыхъ дѣлъ
Безъ поощренья. Намъ хвалы—награда:
За поцѣлуй—проскачемъ сотни миль,
А шпорою—едва насъ съ мѣста сдвинешь.
Ну, говори. Послѣдній подвигъ мой—
Что онъ остался. Ну, а первый подвигъ,—
Кто этотъ первенецъ? Когда онъ былъ?
О, чудный подвигъ! Говори, я вся
Горю отъ нетерпѣнія.

Леонтъ.

То было,
Когда, три мѣсяца меня промучивъ,
Въ отвѣтъ на пылкое мое признанье,
Ты протянула бѣленькую ручку,
Шепнувъ: „твоя на вѣки!“

Герміона.

Славный подвигъ!
Два подвига: однимъ себѣ на вѣки
Пріобрѣла супруга-короля,
Вторымъ—на время друга.

Леонтъ (*про себя*).

О, какъ много
Какъ много пылу! тутъ отъ дружбы шагъ
Одинъ до преступленья. О, какъ сердце
Трепещетъ... не отъ радости, о нѣтъ!
Бесѣда ихъ ужъ слишкомъ откровенна.
То не сердечность, не пріязнь... скорѣе

Распущенность. Привѣтливой быть можно,
Зачѣмъ-же руки пожимать, и пальцы
Сплетать, и точно въ зеркало улыбку
Взаимно отражать? Зачѣмъ вздыхать
Какъ раненый олень? О, эта близость!
И сердце и мой лобъ страдаютъ... Гдѣ ты,
Мамиллій! Ты вѣдь мой сынокъ?

Мамиллій.

Да, папа.

Леонтъ.

Да, ты мой сынъ! Фу, что за грязный носъ!
Онъ, говорятъ, похожъ на мой! Пріятель,
Вѣдь надо быть опрятнымъ... даже чистымъ...
Ты знаешь, другъ: корова, быкъ, теленокъ—
Они опрятны... ну, а все-же... А!
Все рукъ не разнимаютъ... Ну, мой рѣзвый
Теленокъ... ты теленокъ мой?

Мамиллій.

Какъ хочешь...

Леонтъ.

Ты хочешь, быть мохнатымъ и съ рогами,
Какъ я? Мы, говорятъ, съ тобой похожи
Какъ два яйца,—такъ говоритъ бабье!
Болтаютъ бабы вздоръ... но несомнѣнно—
Фальшивѣй будь онѣ, чѣмъ цвѣтъ линючій,
Чѣмъ вѣтеръ и вода,—будь такъ же лживы
Какъ кости плута-игрока, а все-же
Похожъ онъ на меня. Ну, пажъ, взгляни
Голубенькими глазками... О, плутъ,
Любимчикъ мой, дитя мое! ужели-жъ
На это мать способна? Подозрѣнье
Впилось мнѣ въ сердцѣ, и возможнымъ стало
Все невозможное... я на яву
Сталъ бредить! Какъ-же быть? Возможно ль вѣрить
Въ то, что не существуетъ, въ то, чего
На самомъ дѣлѣ нѣтъ?... А если есть?
Не надо этого, я не хочу... но что-то
Я чувствую въ мозгу: онъ зараженъ...
Вотъ отвердѣніе въ вискахъ...

Поликсенъ.

Король...
Что съ нимъ?

Герміона.

Ему не по себѣ!

Поликсенъ.

Мой братъ,
Да что съ тобой? скажи мнѣ.

Герміона.

Государь,
Твои глаза блуждаютъ... ты разстроенъ...
Случилось что нибудь?

Леонтъ.

Нѣтъ, ничего!
Какъ человѣкъ смѣшонъ и глупъ бываетъ,
Когда при людяхъ съ огрубѣвшимъ сердцемъ
Покажетъ искренность!... Въ глаза ребенка
Смотрѣлъ я,—и, казалось, что назадъ
Я на двадцать три года перенесся.
На мнѣ зеленый бархатъ, нѣтъ штанишекъ,
Кинжалъ въ намордникѣ, чтобъ не кусался,
(Бываютъ вѣдь опасны украшенья!)
И былъ я схожъ съ горошиною этой,
Вотъ съ этой тыквой, съ этимъ кавалеромъ.
Ну, а обиду ты снесешь, пріятель?

Мамиллій.

Нѣтъ, я дамъ сдачи... *).

Леонтъ.

Ну, молодецъ, тебѣ удача будетъ!
Вы такъ же, братъ мой, любите сынка,
Какъ мы?

Поликсенъ.

Когда я дома, государь,
Онъ вся моя забота и утѣха.
И радость. Онъ поочередно мнѣ
То другъ, то врагъ, то прихлебатель жалкій,
То рыцарь, то плотникъ. День іюля
Мнѣ съ нимъ короче, чѣмъ декабрьскій день.
Онъ лепетомъ морщины прогоняетъ.

Леонтъ.

Таковъ и этотъ воинъ. Съ сослуживцемъ
Моимъ пройдусь я. Васъ мы оставляемъ
За важнымъ дѣломъ. Изъ любви ко мнѣ
Ты угостишь его, теперь на славу.
Что дорого въ Сициліи, пусть даромъ
Достанется ему. Ты, этотъ мальчикъ
И онъ—я въ сердцѣ васъ троихъ ношу.

Герміона.

Мы въ садъ пойдемъ, ты тамъ найдешь
насъ? Да,
Найдешь?

Леонтъ.

Куда хотите отправляйтесь,
Я васъ вездѣ найду подъ солнцемъ. Ловля
Ужъ началась,—они сѣтей не видятъ.
Идите-жъ! Какъ она свой птичій носикъ
И губки поднимаетъ... Мужъ добрякъ,—
Смѣлѣй его обманемъ... Добрый путь!
(*Герміона, Поликсенъ и свита уходятъ*).
Я до колѣнъ въ грязи, на лбу рога...

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Иди, играй, мой мальчикъ... Мать играетъ...
И я играю... Роль гадка... Свистками,
Презрѣньемъ за нее до самой смерти
Клеймятъ... Иди, играй, играй, мой мальчикъ.
Всегда мужей рогатыхъ было много.
Я думаю, ихъ много и теперь;
Они отлично съ женами живутъ,
Пока сосѣди потихоньку ловятъ
Чужую рыбку, выждавъ ихъ ухода
И шлюзъ чужой съ улыбочкой открывъ.
Что-жъ; это утѣшенье: у другихъ
Есть тоже ворота, съ свободнымъ ходомъ
Для всѣхъ незванныхъ. Если ужасаться
Измѣнѣ женъ—десятая часть міра
Должна повѣситься: одинъ лишь выходъ!
Есть звѣзды сводни—и подъ ихъ вліяньемъ
Весь свѣтъ: востокъ и западъ, югъ и сѣверъ.
Да, для утробы нѣтъ преградъ: и впуститъ
И выпуститъ врага—со всѣмъ добромъ
И деньгами. Такихъ какъ я—милльоны
Больныхъ,—и слѣпы всѣ. Такъ какъ-же, мальчикъ?

МАМИЛЛІЙ.
Я на тебя похожъ!

ЛЕОНТЪ.
Да, утѣшеніе
Большое въ этомъ. Ты, Камилло, здѣсь?

КАМИЛЛО.
Здѣсь, государь.

ЛЕОНТЪ.
Мамиллій, поиграй, пока ты честенъ.
(Мамиллій уходитъ).
А этотъ знатный гость опять остался?

КАМИЛЛО.
Склонившись къ просьбамъ. Сколько разъ онъ якорь
То поднималъ, то вновь бросалъ.

ЛЕОНТЪ.
Ага!
Замѣтилъ ты?

КАМИЛЛО.
Онъ не хотѣлъ остаться,—
Такъ много важныхъ дѣлъ...

ЛЕОНТЪ.
Замѣтилъ ты?
(Про себя).
Да, всѣ замѣтили, всѣ видятъ, шепчутъ:
„Король Сициліи... гм... гм..." Далеко
Зашло... Но скоро кончимъ... Почему
Остался онъ?

Леонтъ: Все рукъ не разнимаютъ.
Картина извѣстнаго нѣмец. художника Адамо (Max Adamo, р. 1837).

КАМИЛЛО.
Просила королева
Достойная...

ЛЕОНТЪ.
Достойная? Зачѣмъ?
Такъ, просто—королева... Ну, да будетъ!—
Тѣ, что глупѣй,—замѣтили они?
Твой умъ острѣе, чѣмъ у этихъ чурокъ,
Но все-же между ними есть мозги,
Съ извѣстной воспріимчивостью, смёткой
И чуткостью? А въ большинствѣ они
Вѣдь слишкомъ слѣпы, чтобъ увидѣть это?..

КАМИЛЛО.
Что это, государь? Король богемскій,
Конечно, остается...

ЛЕОНТЪ.
Ну?

КАМИЛЛО.
Еще
Онъ здѣсь останется...

ЛЕОНТЪ.
Но почему-же?

КАМИЛЛО.
Онъ хочетъ вамъ и нашей королевѣ
Доставить удовольствіе.

ЛЕОНТЪ.
Доставить
Ей удовольствіе? Доставить ей?
Ну, хорошо, довольно! Я всегда,
Камилло, довѣрялъ тебѣ всѣ тайны
И сердца моего, и государства.

Какъ духовникъ, ты очищалъ мнѣ душу,
Я облегченный покидалъ тебя.
Теперь мою не оправдалъ ты дружбу:
Со мной неискренъ ты.

Камилло.
Какъ, государь?

Леонтъ.
Да, ты не честенъ! Больше: если ты
Идешь такимъ путемъ—ты жалкій трусъ,
Сбивающій другихъ съ пути—кто честенъ.
Теперь одно изъ двухъ: или ты мой
Слуга, повѣренный всѣхъ тайнъ сердечныхъ,
Но не съумѣвшій оправдать довѣрья,
Или парадный шутъ, что, видя горе,
Мое, все въ шутку только обратить
Старается.

Камилло.
Властитель мой! Могу я
Быть нерадивымъ, глупымъ и трусливымъ,—
То свойственно природѣ человѣка;
И это—нерадѣнье, глупость, трусость
Нерѣдко въ обстоятельствахъ житейскихъ
Вдругъ скажутся. Когда въ дѣлахъ я вашихъ
Былъ нерадивъ, то это неспособность
Природная; когда игралъ нарочно
Шута,—и это нерадѣнье: я
Не могъ понять того, что видѣлъ. Если
Боялся я порою сдѣлать то,
Что не пророчило успѣхъ,—зовите
Меня трусливымъ,—трусостью бываютъ
Заражены и лучшіе умы;—
Отъ слабостей такихъ, мой государь,
И честность не свободна. Умоляю
Васъ, повелитель мой, все откровенно
Мнѣ высказать, чтобы отъ обвиненья
Я могъ очиститься...

Леонтъ.
Ты, полагаю, видѣлъ
(Иначе смотришь ты не черезъ стекла
Очковъ, а чрезъ рога мужей),—иль слышалъ
(Болтаютъ всѣ, когда для всѣхъ все ясно),—
Иль думалъ (для того и мозгъ что-бъ думать),
Что измѣняетъ мнѣ жена? Скажи,—
Сказать ты долженъ—у тебя есть уши,
Глаза и мысли,—назови жену
Доступной всѣмъ прохожимъ, просто дѣвкой
Распутной, что готова жить до свадьбы
Со всякимъ встрѣчнымъ.—Вотъ тогда ты можешь
Оправдываться!

Камилло.
Больно сердцу слышать,
Какъ моего властителя супругу
Чернятъ... И не имѣть возможность мстить!
Клянусь, вы никогда такихъ позорныхъ
Рѣчей не говорили: грѣхъ великій
Не только высказать, но повторить
Такія подозрѣнія!

Леонтъ.
А эти
Шептанья вѣчныя, щека къ щекѣ,
Носъ къ носу, поцѣлуи прямо въ губы
И смѣхъ, и вздохи—ясный знакъ измѣны.
А пожиманья ногъ, а эти прятки
Въ укромныхъ уголкахъ, желанье, чтобы
Часъ былъ минутой, полдень—темной ночью,
Чтобъ всѣ ослѣпли, только ихъ глаза
Смотрѣли другъ на друга! . Это все
По твоему ничто? Такъ сводъ небесный—
Ничто? Король Богеміи—ничто?
Моя жена—ничто? Да, если это
Ничто, тогда и все—ничто!...

Камилло.
Мой добрый
Король, скорѣй намъ надо исцѣлиться
Отъ этого недуга.

Леонтъ.
Что-жъ, не правду
Я говорю?

Камилло.
Нѣтъ, нѣтъ!

Леонтъ.
Неправда, лжешь,
Лжешь, лжешь, Камилло, ты мнѣ ненавистенъ!
Ты олухъ, глупый рабъ, или лукавый
Приспѣшникъ, что не хочетъ отличать
Добра отъ зла и служитъ имъ обоимъ.
Когда-бы печень у моей жены
Была гнила, какъ нравственность ея
Она не прожила-бы часа.

Камилло.
Кто-же
Виновникъ недуга?

Леонтъ.
Тотъ, у кого
Она виситъ на шеѣ, какъ медаль:
Король Богеміи! О, если-бъ я
Слугъ преданныхъ имѣлъ! они-бы о чести
Моей пеклись, какъ о своихъ доходахъ,
И разомъ все-бы кончили. Вотъ ты:
Тебя и вывелъ въ знать,—ты былъ ничтоженъ...
Теперь ты кравчій... Для тебя вѣдь ясно,

Какъ небо и земля, что оскорбленъ я.
Ты могъ-бы дать ему такую чашу,
Что врагъ смежитъ свои глаза на вѣки,
А я здоровымъ стану.

КАМИЛЛО.

Хорошо,—
Я, государь, готовъ на это. Ядъ
Я медленный возьму: замѣтна слишкомъ
Мгновенная отрава. Но ужели-жъ
Исполненная всякихъ лучшихъ качествъ
Такъ низко королева пасть могла?
Хоть я люблю васъ...

ЛЕОНТЪ.

Если ты не вѣришь,
Такъ будь-же проклятъ! О, да неужели
Ты думаешь, что я такъ подлъ, безуменъ,
Что самъ себѣ придумалъ пытку? Самъ
Свою позорю чистую постель,
Спокойный сонъ на ней я превращаю
Въ крапиву, иглы, жалы осъ? Позорю
Кровь моего ребенка... Я надѣюсь,
Онъ мой... Его люблю я?.. Что-жъ способенъ
На это не безумецъ?

КАМИЛЛО.

Я вамъ долженъ
Повѣрить,—и я вѣрю; онъ уѣдетъ;
Но вы сойдетесь по его отъѣздѣ
Какъ прежде съ королевою, хотя-бы
Во имя сына вашего и ради
Тѣхъ толковъ, что пойдутъ среди союзныхъ
И дружныхъ намъ державъ.

ЛЕОНТЪ.

Я самъ такъ думалъ,
Какъ ты совѣтуешь: я честь ея
Оставлю незапятнанной! Нѣтъ! Нѣтъ!

КАМИЛЛО.

Теперь *)
Пройдите въ садъ къ нимъ, государь, спокойно
И весело, какъ на пиру, болтайте
Съ обоими... И если кравчій вашъ
Не дастъ отравленной богемцу чаши,—
Онъ больше не слуга вашъ.

ЛЕОНТЪ.

Хорошо.
Исполнишь,—я тебѣ отдамъ полжизни;
Нѣтъ,—ты съ своей простишься.

КАМИЛЛО.

Я исполню.

ЛЕОНТЪ.

По твоему совѣту, притворюсь
Любезнымъ... (*Уходитъ*).

---

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

КАМИЛЛО.

О, несчастная царица!
Да и мое несчастье! Отравить
Добрѣйшаго богемца долженъ я...
Король велѣлъ... Онъ внѣ себя... За это
Я буду возвеличенъ... Пусть убійство
Помазанниковъ много тысячъ разъ
Вознаграждалась почестями,—я
Убійцею не буду. Никогда
Ни въ мраморѣ, ни въ мѣди, ни въ поэмѣ
Оно не прославлялось, но таилось
Въ позорной тьмѣ. Покинуть дворъ я долженъ,
Свершить убійство, или нѣтъ—равно
Погибнуть. Вотъ идетъ моя звѣзда
Счастливая—король богемскій.

Входитъ ПОЛИКСЕНЪ.

ПОЛИКСЕНЪ.

Странно!
Король перемѣнился. Онъ со мной
Не говоритъ. Камилло, здравствуй.

КАМИЛЛО.

Добрый
День, государь.

ПОЛИКСЕНЪ.

Что новаго у васъ?

КАМИЛЛО.

Да ничего особеннаго.

ПОЛИКСЕНЪ.

Что-же
Король суровъ? Онъ словно потерялъ
Любимую провинцію иль область.
Я подошелъ сейчасъ къ нему съ привѣтомъ,
Онъ въ сторону скосилъ глаза, сжалъ губы
Съ пренебреженьемъ, и ушелъ, оставивъ
Меня раздумывать, что породило
Такую перемѣну въ обращеньи.

КАМИЛЛО.

Мнѣ, государь, не должно это знать...

ПОЛИКСЕНЪ.

Какъ? ты не долженъ знать? Или вѣрнѣе,
Не смѣешь мнѣ сказать, что знаешь? Если
Ты знаешь самъ, то самъ себѣ все скажешь,
Хотя не смѣешь. Все-же перемѣна
Въ твоемъ лицѣ, какъ зеркалѣ, мой добрый
Камилло, говоритъ, что и меня
Коснулась эта перемѣна. Я
Самъ это чувствую въ себѣ.

КАМИЛЛО.

Явилась

Средь насъ болѣзнь; страдаетъ кой кто ею;
Назвать ее я не могу; источникъ
Болѣзни—вы, хотя здоровы.

Поликсенъ.

Какъ?
Источникъ я болѣзни? Ты однако
Мнѣ придаешь способность василиска,
А тысячи людей отъ глазъ моихъ
Скорѣе возвышалися, чѣмъ гибли...
Камилло, ты безспорно благороденъ,
Ты образованъ, а ученость такъ же
Почетна, какъ и древній родъ. Прошу,
Когда ты знаешь что нибудь, что должно
И мнѣ узнать, скажи, не сохраняя
Нелѣпыхъ тайнъ.

Камилло.

Я не могу сказать!

Поликсенъ.

Недугъ исходитъ отъ меня, а я
Здоровъ? Отвѣть-же мнѣ, отвѣть, Камилло,
Я заклинаю всѣмъ святымъ, всѣмъ лучшимъ,
Что есть въ тебѣ,—вѣдь и мои мольбы
Не менѣе чисты: скажи, что знаешь
О той бѣдѣ, что на меня идетъ,
Далека-ли она, близка? Возможно-ль
Ее предупредить? И какъ? А если
Нельзя,—то какъ ее перенести?

Камилло.

Когда къ моей вы обратились чести,
Какъ честный человѣкъ я все скажу.
Совѣтъ мой, государь, исполнить надо,
Какъ только сообщу его,—иначе
Прости-прощай всему!

Поликсенъ.

Я жду, мой другъ.

Камилло.

Поручено мнѣ отравить васъ.

Поликсенъ.

Кто
Далъ порученіе?

Камилло.

Король.

Поликсенъ.

За что?

Камилло.

Онъ думаетъ... нѣтъ, клятвой утверждаетъ,
Какъ будто самъ все видѣлъ, или былъ
Пособникомъ,—что вы съ его женою
Въ преступныхъ отношеніяхъ.

Поликсенъ.

О, пусть,
Свернется кровь моя въ заразный студень,
Пускай клеймятъ меня Іудой, имя
Мое пусть обратится въ гнусный смрадъ,
Пусть съ омерзеньемъ всякій отвернется,—
Когда приближусь я; пусть отъ меня
Бѣгутъ, какъ отъ болѣзни чумной, злѣйшей,—
Когда все правда это.

Камилло.

Если-бъ вы
Клялися всѣми звѣздами на небѣ
И каждою отдѣльно,—вы его
Не вразумите отъ его безумья;
Скорѣе вы повліяете на море,
Чтобы оно не слушалось луны!
Онъ убѣжденъ, и убѣжденье въ немъ
Останется, пока онъ живъ.

Поликсенъ.

Откуда
Явилась эта мысль?

Камилло.

Не знаю. Но
Скажу, что думать надо не о томъ,
Какъ мысль явилась, а что выйти можетъ
Изъ этой мысли. Если въ честь мою
Вы вѣрите—возьмите это сердце
Заложникомъ,—сегодня ночью вы
Должны уѣхать. Свиту вашу я
Предупрежу, и по два—по три городъ
Они покинутъ разными путями.
Я отдаюсь вамъ весь. Здѣсь навсегда
Все кончено. Вы можете мнѣ вѣрить,
Клянусь въ томъ честью предковъ. Доказательствъ
Не ждите: некогда,—осуждены
Вы на смерть,—въ томъ король поклялся.

Поликсенъ.

Да,
Тебѣ я вѣрю. По его лицу.
Я понялъ замыслы его. Дай руку
Будь кормчій мой, веди меня и рядомъ
Со мной иди. Суда мои готовы,
Еще два дня назадъ народъ мой ждалъ
Отплытія. Какъ, ревновать такое
Прелестное созданіе! Равна
Должна быть ревность въ красотѣ ея
И такъ страшна, какъ власть его могуча.
Онъ думаетъ, что опозоренъ другомъ,
Любившимъ такъ его, и въ этомъ ужасъ
Главнѣйшій! Страхъ я чувствую невольно,
Да будетъ счастье съ нами и съ прелестной,

Невинно-обвиненной королевой!
Пора! Спаси меня, и какъ отца
Тебя, Камилло, буду я любить.
Идемъ.

КАМИЛЛО.

Ключи отъ городскихъ воротъ
Подвластны мнѣ. Прошу васъ, государь,
Не тратить времени, скорѣе въ путь!
(Уходятъ).

ЛЕОНТЪ И КАМИЛЛО.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ Леонта.

Входятъ ГЕРМІОНА, МАМИЛЛІЙ *и* ПРИДВОРНЫЯ ДАМЫ.

ГЕРМІОНА.

Возьмите мальчика, онъ такъ шалитъ,
Что нѣтъ терпѣнія.

1-АЯ ДАМА.

Пойдемте, принцъ;
Хотите поиграть со мною?

МАМИЛЛІЙ.

Нѣтъ,
Я съ вами не хочу.

1-АЯ ДАМА.

Но почему-же?

МАМИЛЛІЙ.

Вы крѣпко такъ цѣлуете меня
И говорите, какъ съ ребенкомъ. *(Другой дамѣ).*
Васъ
Люблю я больше.

2-АЯ ДАМА.

Почему, мой принцъ?

МАМИЛЛІЙ.

Не потому, что брови ваши гуще,
Хотя считаютъ это красотой;
Когда онѣ не густы,—ихъ выводятъ
Такими полумѣсяцами кистью.

2-АЯ ДАМА.

Откуда эти знанія?

МАМИЛЛІЙ.

Отъ васъ.
Скажите, цвѣтъ какой у васъ бровей?

1-АЯ ДАМА.

Цвѣтъ сизый, принцъ.

МАМИЛЛІЙ.

Смѣетесь вы! Я видѣлъ
У женщинъ сизые носы—не брови.

1-АЯ ДАМА.

Принцъ, ваша матушка полнѣетъ; скоро
У насъ еще прибудетъ принцъ; придете

Вы къ намъ, а мы тогда должны не съ вами,
А съ нимъ играть...

2-АЯ ДАМА.

Какъ разнесло ее!
Дай, Господи, легко ей разрѣшиться.

ГЕРМІОНА.

Что вы тамъ шепчетесь? Иди ко мнѣ,
Мой принцъ. Мнѣ лучше стало. Сядь сюда
И разскажи мнѣ сказку.

МАМИЛЛІЙ.

А какую?
Веселую иль грустную?

ГЕРМІОНА.

Что хочешь.
Повеселѣе—лучше.

МАМИЛЛІЙ.

Для зимы
Печальныя подходятъ сказки. Знаю
Одну, о призракахъ...

ГЕРМІОНА.

Ну вотъ—ее! Садись
И начинай; смотри, чтобъ страшно было!
Вѣдь ты умѣешь...

МАМИЛЛІЙ.

Жилъ да былъ...

ГЕРМІОНА.

Да сядь-же.

МАМИЛЛІЙ.

Онъ жилъ на кладбищѣ... Я буду тихо
Разсказывать, а то сороки слышатъ...

ГЕРМІОНА.

Ты на ушко мнѣ говори.

Входятъ ЛЕОНТЪ, АНТИГОНЪ и *свита*.

ЛЕОНТЪ.

Его
Тамъ видѣлъ ты со свитой и Камилло?

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ.

Я встрѣтилъ ихъ за рощей пиній. Въ жизни
Не видѣлъ я, чтобъ такъ спѣшили. Прямо
Они стремились на суда.

ЛЕОНТЪ.

О, счастье,—
Я не ошибся въ подозрѣньи! Лучше-бъ
Мнѣ было ошибиться. Въ этомъ счастьи
Такъ много горя! Чашу съ паукомъ
Иной до дна осушитъ и здоровымъ
Останется, не вѣдая, что мерзость
Была на днѣ; но ежели увидитъ,
Что выпилъ онъ, сейчасъ-же тошнота
Является и рвота. Осушилъ
Я чашу, и увидѣлъ паука...
Камилло былъ ихъ сводникъ: у меня
Они и жизнь и тронъ отнять хотѣли.
Я правъ былъ въ подозрѣніяхъ. Задумалъ
Сообщникомъ себѣ взять негодяя,—
Воспользовались раньше имъ, онъ продалъ
Мое рѣшенье,—одураченъ я,
Я шутъ для нихъ! Но почему въ ворота
Ихъ пропустили?

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ.

Было полномочье
По вашему приказу у Камилло.

ЛЕОНТЪ.

Да, да, я помню. *(Герміонѣ)*. Ты отдашь мнѣ сына.
Я радъ, что не кормила ты его.
Онъ, правда, на меня похожъ, но все-же
Твоей въ немъ крови слишкомъ много.

ГЕРМІОНА.

Что?
Вы шутите?

ЛЕОНТЪ.

Возьмите прочь его,
Ему не мѣсто здѣсь! Пусть шутитъ съ тѣмъ,
Который въ ней... вѣдь этимъ животомъ
Обязана ты Поликсену?

ГЕРМІОНА.

Нѣтъ,
Клянусь, все это ложь и ты мнѣ вѣришь,
Но притворяешься невѣрящимъ.

ЛЕОНТЪ.

Синьоры!
Взгляните со вниманьемъ на нее;
Не правда-ли, она прекрасна? Но
Все-жъ справедливость требуетъ прибавить:
„Какъ жаль, что не честна и такъ порочна".
Она очаровательна собой,
Я въ этомъ убѣжденъ, но вслѣдъ за этимъ
Приходится пожать плечами:—„гм...
Эге..."—намеки, что всегда позорятъ
Честь женщинъ... Нѣтъ, скорѣе воздаютъ
Имъ должное,—позорить можно только
Невинность... При словахъ „она прекрасна"
Запнуться надо, не дойдя до слова—
„Честна". Я объявляю громогласно,—
Какъ мнѣ ни тяжко это обвиненье,—
Она прелюбодѣйка!

Гермiона.

Если-бъ это
Сказалъ мнѣ первый въ мiрѣ негодяй,
Онъ сталъ еще бы гаже! Ну, а вы,
Король,—вы ошибаетесь...

Король.

Ошиблись
Вы, королева, спутавъ Поликсена
Со мной. Тебя я кличкою твоею
Не назову, а то глупцы начнутъ
Ее вводить вездѣ, забывъ различье
Межъ королемъ и нищимъ. Я сказалъ:
Она прелюбодѣйка. Я назвалъ
Ея сообщника. Прибавлю я: она
Виновна въ государственной измѣнѣ.
Камилло—сводникъ ихъ, онъ зналъ про все,
Чего она и подлый обольститель
Стыдились даже:—про мое безчестье,
Про то, что тварь она съ позорной кличкой!
И мало этого, она побѣгъ ихъ
Устроила.

Гермiона.

Клянусь, я ничего
Не знала, государь. Вамъ будетъ больно,
Когда вы успокоитесь. Предъ всѣми
Вы опозорили меня жестоко.
Вамъ будетъ трудно оправдать меня,
Сознавшись даже въ собственной ошибкѣ.

Леонтъ.

Ошибкѣ? Если основанья нѣтъ
Въ моихъ словахъ, то вся земля не въ силахъ
Поднять простой волчокъ. Въ тюрьму ее!
Кто слово скажетъ противъ, тотъ повиненъ
Въ измѣнѣ вмѣстѣ съ ней!

Гермiона.

Мы подъ вліяньемъ
Какого-то враждебнаго созвѣздья!—
Я буду ждать, пока смягчится небо.
Синьоры, мнѣ слезливость незнакома,
Хоть я и женщина; росой ненужной
Не размягчу я ваше состраданье;
Но горе жжетъ меня сильнѣй, чѣмъ слезы
Способны затопить его. Синьоры,
Прошу судить меня, какъ ваша совѣсть
Подскажетъ вамъ! Я королю готова
Повиноваться.

Леонтъ.

Что-жъ приказъ мой? Ну!..

Гермiона.

Но кто пойдетъ со мной? Прошу при мнѣ
Моихъ оставить женщинъ: государь,

ЛЕОНТЪ ОТНИМАЕТЪ СЫНА У ГЕРМIОНЫ.

Картина В. Гамильтона (W. Hamilton, R. A.) (Малая Бойделевская Галлерея).

Уходъ мнѣ нуженъ, я больна. Не плачьте!
О чемъ? вы, дурочки, могли-бы плакать,
Когда-бы я, достойная тюрьмы,
Была свободна. А теперь мнѣ счастье
Тюрьма моя. Прощайте, государь.
Я не желала видѣть въ горѣ васъ,
Теперь увижу. Милыя, идемъ,—
Дозволено вамъ это.

Леонтъ.

Прочь отсюда!

Гермiона *подъ стражею уходитъ, за нею слѣдуютъ женщины.*

1-ый придворный.

Верните королеву, государь.

Антигонъ.

О, взвѣсьте, государь, рѣшенье ваше,
Не то вашъ судъ въ насилье обратится
И сгубитъ васъ, супругу и дитя.

1-ый придворный.

Я жизнь готовъ отдать за королеву
И я ее отдамъ! О, государь,

Клянусь, она невинна передъ небомъ
И передъ вами—нѣтъ на ней грѣха.

Антигонъ.

О, если такъ, я въ хлѣвъ запру жену,
Глазъ не спущу съ нея, я не повѣрю
Ей ни на шагъ, покоенъ буду только
Ее держу руками; каждый атомъ
Въ крови у женщины есть ложь,—когда
И королева такова!

Леонтъ.

Молчать!

1-ый придворный.

Мой добрый государь...

Антигонъ.

Мы говоримъ
Для васъ, не для себя. Какой нибудь
Обманщикъ—будь онъ проклятъ!—въ заблужденье
Васъ ввелъ. Знай я, кто онъ,—ему бы славно
Досталось. Три дѣвчонки у меня:
Одиннадцать лѣтъ старшей, девять—средней,
А младшей—пятый годъ. Коль это правда,—
Онѣ поплатятся: я оскоплю ихъ,
Пока имъ нѣтъ четырнадцати лѣтъ,
Чтобъ незаконныхъ тварей не плодили,—
Мнѣ легче быть скопцомъ, чѣмъ дѣдомъ ихъ.

Леонтъ.

Довольно, перестань! Вы холодны,
Какъ мертвецы! Я чувствую, я вижу
Все дѣло такъ же ясно, какъ ты видишь
И чувствуешь вотъ эту руку.

Антигонъ.

Ну,
Тогда не нужно хоронить невинность:
Нѣтъ на землѣ ея, нѣтъ ни песчинки—
Все грязь одна.

Леонтъ.

Что-жъ все не вѣрятъ мнѣ?

1-ый придворный.

Желалъ-бы я, чтобы не мы, а вы
Не вѣрили винѣ супруги вашей.
Сердитесь на меня, но мнѣ пріятнѣй
Повѣрить оправданью, чѣмъ винѣ.

Леонтъ.

Ненужны намъ совѣты ваши. Вы
Должны насъ слушать. Ваши разсужденья
Излишни королю. Мы сообщили
Вамъ обо всемъ, по нашей добротѣ
Врожденной. Если вы настолько глупы
(Природно иль притворно)—что не въ силахъ
Увидѣть истины—тѣмъ лучше! Намъ
Вы не нужны. Отвѣтственность за все,
Что можетъ быть—мы на себя беремъ.

Антигонъ.

Властитель мой, тѣмъ болѣе рѣшить
Должны вы это дѣло безъ огласки.

Леонтъ.

А какъ-же это сдѣлать? Ты съ годами
Сталъ глупъ, или родился дуракомъ?
Такъ поступать заставили меня
Побѣгъ Камилло и та близость ихъ,
Которая была такъ очевидна,
Что развѣ не хватало одного:
Увидѣть все воочію. Но все-же
Для подверженья бо́льшаго,—въ такихъ
Дѣлахъ должно быть осторожнымъ,—мы
Гонцовъ отправили въ святые Дельфы
Въ храмъ Аполлона,—ты гонцы извѣстны
Вамъ за людей надежныхъ: то Діонъ
И Клеоменъ. Оракула священный
Отвѣтъ удержитъ насъ, или заставитъ
Немедля кончить дѣло. Хорошо-ли
Я поступилъ.

1-ый придворный.

Прекрасно, государь.

Леонтъ.

Я убѣжденъ, мнѣ подтвержденья лишни,
Но пусть оралулъ успокоитъ совѣсть
Другихъ,—кто по довѣрчивости глупой
Не можетъ самъ до истины добраться.
Освободили мы особу нашу
Отъ королевы, заточивъ ее
Въ тюрьму, чтобъ она не могла исполнить
Бѣжавшихъ замыселъ. Теперь идемъ!
На гласный судъ передадимъ мы дѣло,
Оно возбудитъ всѣхъ...

Антигонъ *(про себя)*.

Не возбудило-бъ
Оно насмѣшки, какъ узнаютъ правду.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тюрьма.

Входятъ Паулина, придворный *и свита.*

Паулина.

Позвать смотрителя тюрьмы. Скажите,
Кто я.

(Придворный уходитъ).

О, королева наша! Нѣтъ
Достойнаго тебя во всей Европѣ
Дворца,—зачѣмъ-же ты въ тюрьмѣ?

(*Входятъ придворный и тюремщикъ*).

Меня
Вы, сударь, знаете?

Тюремщикъ.

Вы уваженья
Достойная, и знатная синьора.

Паулина.

Мнѣ надо видѣть нашу королеву.

Тюремщикъ.

Я не могу, мнѣ строгій данъ приказъ,
Сударыня.

Паулина.

Какъ много хлопотни,
Чтобы невинность подъ замкомъ держать
И не пускать друзей ея! Быть можетъ,
Кого нибудь изъ женщинъ можно видѣть?
Ну, хоть Эмилію?

Тюремщикъ.

Прошу, синьора,
Всѣхъ удалить кто съ вами,—я сюда
Эмилію впущу.

Паулина.

Я жду. (*Свитѣ*). Идите.

(*Придворный и свита уходятъ*).

Тюремщикъ.

И, сверхъ того, я долженъ находиться
При вашемъ разговорѣ.

Паулина.

Хорошо,
Идите.

(*Тюремщикъ уходитъ*).

Сколько надобно усилій
Покрыть безчестьемъ то, въ чемъ нѣтъ безчестья.

(*Тюремщикъ и Эмилія входятъ*).

Ну, дорогая, какъ здоровье нашей
Прекрасной королевы?

Эмилія.

О, насколько
Возможно существу, съ вершинъ величья
Низринутаго внизъ—она здорова.
Но—бѣдная—отъ горя и страданій—
Она до срока разрѣшилась.

Паулина.

Сыномъ?

Эмилія.

Нѣтъ, дочерью, прелестною, здоровой,
Веселой. Королева, утѣшаясь,
Ей говоритъ: „Ахъ, узница, бѣдняжка,
Невинна ты, какъ я“.

Паулина.

Поклясться въ этомъ
Готова я. Проклятіе безумнымъ
И дикимъ выходкамъ Леонта. Долженъ
Онъ все узнать, что здѣсь произошло,
И это—дѣло женщины: я все
Ему скажу—и если подслащу
Я рѣчь мою, пусть вспухнетъ мой языкъ
И никогда не будетъ вѣстникъ правды!
Прошу васъ, засвидѣтельствуйте ей
Привѣтъ мой. Если мнѣ она довѣритъ
Ребенка, я снесу его къ Леонту
И буду громко говорить у трона
За честь ея. Быть можетъ, онъ смягчится
При видѣ крошки. Иногда невинность
Способна убѣдить сильнѣе словъ.

Эмилія.

Вы такъ добры, честны и благородны,
Что васъ навѣрно ждетъ успѣхъ. Никто
Не можетъ лучше васъ исполнить это.
Сюда войдите. Передамъ царицѣ
Я замыселъ вашъ благородный. Нынче
Она о томъ-же думала, но страхъ
Отказа не позволилъ ни къ кому
Ей обратиться.

Паулина.

Вы скажите ей,
Эмилія, что не напрасно данъ
Мнѣ рѣчи даръ и я заговорю!
Когда языкъ мой будетъ смѣлъ, какъ сердце,
Что бьется здѣсь,—я за успѣхъ ручаюсь!

Эмилія.

Благослови васъ богъ. Я къ ней иду;
Войдите-же сюда.

Тюремщикъ.

Когда ребенка
Вамъ отдадутъ,—не знаю, что за пропускъ
Мнѣ будетъ! Нѣтъ на это приказанья...

Паулина.

Не бойтесь, сударь, ничего: ребенокъ,
Въ утробѣ материнской заключенный,
Законами природы изъ тюрьмы
Отпущенъ на свободу. Гнѣвъ владыки
Нейдетъ такъ далеко, и онъ невиненъ,
Хотя-бы мать была виновна.

Тюремщикъ.

Я

Согласенъ съ вами...

Паулина.

Ничего не бойтесь:
Я выгорожу васъ, даю вамъ слово.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ Леонта.

Входятъ Леонтъ, Антигонъ, придворные *и* служители.

Леонтъ.

Покоя нѣтъ ни днемъ, ни ночью. Слабость,
Да, слабость—такъ все къ сердцу принимать!
Она, прелюбодѣйка, у меня
Въ рукахъ! Пусть тотъ король-развратникъ
Сбѣжалъ отъ моего меча и мести,—
Теперь его мой выстрѣлъ не достигнетъ.
Но вѣдь она-то здѣсь,—велю я сжечь
Ее,—и, можетъ быть, покой вернется
Ко мнѣ хоть въ половину. Эй, кто тамъ?

1-ый служитель.

Я, государь.

Леонтъ.

Что сынъ мой?

1-ый служитель.

Спалъ спокойно,
Болѣзнь проходитъ.

Леонтъ.

Сколько благородства
Въ ребенкѣ! Матери позоръ понявъ,
Онъ сталъ хирѣть, слабѣть; такъ принялъ къ сердцу
Ея вину, какъ собственную. Онъ
Утратилъ сонъ, веселость, аппетитъ
И чахнуть сталъ. Оставь меня, поди
Узнай, что онъ.

(Служитель уходитъ).

Нѣтъ, нѣтъ, не надо думать!
Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше месть
Силенъ въ своемъ могуществѣ; въ союзѣ
Съ друзьями онъ... Придется отложить
До времени... А месть на ней одной
Теперь излить! Камилло съ Поликсеномъ
Ликуютъ; имъ моя печаль—забава!
Въ моихъ рукахъ они бы не смѣялись...
Да и она не посмѣется...

Входитъ Паулина *съ младенцемъ на рукахъ.*

1-ый придворный.

Входа
Нѣтъ никому!

Паулина.

Вы лучше помогите,
Синьоры, мнѣ войти. Что вамъ ужаснѣй:
Его-ли гнѣвъ, иль королевы смерть,
Невинной болѣе, чѣмъ онъ ревнивъ.

Антигонъ.

Довольно!

1-ый придворный.

Онъ не спалъ всю ночь и отдалъ
Приказъ, чтобъ никого не принимали.

Паулина.

Потише! Я пришла, чтобъ возвратить
Пропавшій сонъ. Его лишили сна
Всѣ вы: вокругъ блуждаете, какъ тѣни,
При каждомъ вздохѣ короля вздыхая.
Я говорить пришла, чтобъ исцѣлить
Его словами правды и добра
И устранить безсонницы причину.

Леонтъ.

Что тамъ за шумъ?

Паулина.

Не шумъ, мой повелитель.
Мы говоримъ, кого взять вашимъ кумомъ.

Леонтъ.

Что? Вывесть наглую! Велѣлъ тебѣ
Я, Антигонъ, не допускать ея.
Я зналъ, что явится она.

Антигонъ.

Я ей
Сказалъ, чтобы она входить не смѣла,
Подъ страхомъ гнѣва короля и мужа.

Леонтъ.

Гдѣ-жъ власть твоя?

Паулина.

Онъ властенъ удержать
Меня отъ гнусныхъ дѣлъ, но въ дѣлѣ чести
Не можетъ онъ жену остановить,
Не заключивъ ея, какъ вы, въ темницу.

Антигонъ.

Вы слышите! Какъ удила закуситъ
Да понесетъ, ея не удержать.

Паулина.

О, мой владыка, я пришла молить,

АНТИГОНЪ КЛЯНЕТСЯ БРОСИТЬ РЕБЕНКА ГЕРМІОНЫ.

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Опи (Opie, 1761—1807). (Большая Бойделевская Галлерея).

Чтобъ выслушали вы рабыню вашу,
Врача-цѣлителя, совѣтника. Я смѣю
Явиться къ вамъ и не боюсь усилить
Вашъ ложный гнѣвъ. Я прихожу отъ нашей
Достойной королевы.

Леонтъ.
Какъ? Достойной?

Паулина.
Достойной, государь, достойной, да!
Будь я мужчиною, хоть самымъ слабымъ,
Мечомъ я убѣдила-бъ васъ.

Леонтъ.
Прогнать
Ее!

Паулина.
Въ глаза вцѣплюсь!... Не подходите!
Сама уйду я, но сперва исполню,
Что слѣдуетъ. Достойная супруга...
Достойная, я повторяю,—дочь
Вамъ родила. Благословите крошку!
(Кладетъ передъ нимъ ребенка).

Леонтъ.
Прочь, вѣдьма! Вонъ ее отсюда! Прочь,
Пронырливая сводня!

Паулина.
Нѣтъ, я въ этомъ
Не свѣдуща, какъ вы во мнѣ. Честна я
Не менѣе, чѣмъ сумасбродны вы,
А этого достаточно для свѣта,
Чтобъ честной быть.

Леонтъ.
Предатели! Гоните
Ее скорѣй! Отдайте ей пащенка!
(Антигону).

Ты мямля! Курица твоя согнала
Тебя съ насѣста. Ну, убрать пащенка!
Убрать, отдай его своей каргѣ.

Паулина *(мужу).*
Да будутъ руки прокляты твои,
Когда посмѣешь тронуть ты принцессу,
Такъ опозоренную...

Леонтъ.
Онъ жены
Боится!

Паулина.
Если-бы вы жены боялись,
То признавали бы дѣтей своими...

Леонтъ.
Гнѣздо измѣнниковъ!

Антигонъ.
Я не измѣнникъ!

Паулина.
Я тоже не измѣнница! Одинъ
Измѣнникъ здѣсь—король, предавшій честь
Свою, жены, наслѣдника престола
И дочери на жертву клеветѣ,
Которая меча опаснѣй. Онъ
Не хочетъ—и нельзя его заставить—
Изъ сердца вырвать корень подозрѣнья.

Леонтъ.
Трещотка подлая: кусала мужа,
Теперь меня кусаетъ. Не мое
Отродье это,—Поликсина! Вонъ
Его, и вмѣстѣ съ матерью предать
Огню.

Паулина.
Нѣтъ, это ваша дочь. По старой
Пословицѣ—до гадости похожа
Она на васъ. Смотрите, господа,—
Хоть оттискъ малъ, но какъ все отразилось
Отцовское: глаза, и носъ, и губы,
И лобъ, и брови, ямки на щекахъ
И подбородокъ. Та-жъ улыбка, та же
Рука, тѣ пальцы, ногти. О, святая
Природа-мать, что создала ее
Столь на него похожей, если можешь,
Не попусти, чтобъ желчное сомнѣнье
Заставилъ бы ее подозрѣвать,
Что не отъ мужа дѣти у нея.

Леонтъ.
О, вѣдьма гнусная! Тебя бы, мямля,
За болтовню ея повѣсить надо.

Антигонъ.
Придется перевѣшать всѣхъ мужей!
Едваль одинъ останется придворный.

Леонтъ.
Еще разъ вонъ!

Паулина.
Нѣтъ мужа, что суровѣй
И гаже поступилъ бы.

Леонтъ.
На костеръ
Тебя!

Паулина.
Мнѣ все равно. Тотъ еретикъ,
Кто поджигаетъ, а не кто горитъ.

Тираномъ васъ нельзя назвать, но вашъ
Поступокъ съ королевой,—безъ уликъ—
Все на одномъ лишь смутномъ подозрѣньи
Основанный,—онъ, право, отзываетъ
Тиранствомъ и позоритъ ваше имя.

Леонтъ.

Кто мой слуга? пусть гонитъ прочь ее!
Будь я тиранъ, она мертва была бы,
И не могла-бъ меня тираномъ звать.
Вонъ!

Паулина.

Не гоните, я сама уйду.
Взгляните на малютку—это ваша
Дочь, государь, да, ваша. О, Юпитеръ!
Пошли ей лучшаго хранителя. Оставьте!
Зачѣмъ толкать меня? Никто изъ васъ,
Приспѣшниковъ, добра ему не хочетъ!
Никто, никто! Прощайте, я ушла.
(Уходитъ).

Леонтъ.

Ты натравилъ ее сюда, измѣнникъ!
Мое дитя? Прочь съ нимъ! Ты, мягкосердный,
Возьми ее отсюда, и сейчасъ
Въ огонь ее! Ты это долженъ сдѣлать,
Ты, ты, никто другой. Бери ее
И черезъ часъ ты сказать мнѣ долженъ,
Что все покончено,—иначе смерть
Тебѣ со всей семьей. Когда не хочешь
Исполнить, гнѣва не боишься,—прямо
Скажи,—я черепъ размозжу дѣвчонкѣ
Своей рукой. Сожги ее! вѣдь ты
Свою жену сюда направилъ?

Антигонъ.

Нѣтъ;
То, государь, вамъ могутъ подтвердить
Почтенные товарищи мои.

Придворные.

Мы подтверждаемъ, государь, что онъ
Къ ея приходу не причастенъ.

Леонтъ.

Всѣ вы
Лжецы!

1-ый придворный.

Повѣрьте, повелитель, намъ.
Всегда мы вѣрно вамъ служили; будемъ
И впредь служить вамъ. Просимъ на колѣняхъ,
Хотя-бъ въ награду службы дней минувшихъ
И будущихъ—приказъ вашъ отмѣнить:
Онъ такъ кровавъ и такъ безчеловѣченъ,
Что долженъ дать ужасные плоды...
Мы молимъ васъ.

Леонтъ.

Да что-же я,—пушинка?
Подуть, и нѣтъ ея? Я долженъ ждать,
Чтобы пащенокъ звалъ меня отцомъ
И на колѣняхъ ползалъ? Лучше сжечь
Теперь, чѣмъ проклинать потомъ. А впрочемъ—
Я дамъ ей жизнь... безъ жизни. Съ Маргаритой,
Своею повитухой, хлопоталъ
Ты объ ублюдкѣ этомъ... Что ублюдокъ
Она, вѣдь это ясно, какъ и то,
Что борода твоя сѣда. Что сдѣлать
Ты можешь, чтобъ ублюдка жизнь спасти?

Антигонъ.

Все что я въ силахъ, все что честь позволитъ!
Готовъ отдать весь свой остатокъ крови,
Чтобы спасти невинное созданье,—
Все что возможно!

Леонтъ.

О, вполнѣ возможно!
Клянись моимъ мечемъ исполнить.

Антигонъ.

Клятву
Даю, властитель.

Леонтъ.

Ты исполнишь все.
Малѣйшая неточность,—смерть постигнетъ
Тебя съ женой твоей долгоязычной,
Которую на этотъ разъ прощаю.
Тебѣ мы, какъ вассалу, повелѣли
Взять этого пащенка и свезти
Куда нибудь подальше, въ глушь, внѣ нашихъ
Владѣній. Тамъ оставишь ты его
Безъ состраданья, подъ открытымъ небомъ,
На произволъ судьбы. Вѣдь онъ случайно
Явился къ намъ, и справедливымъ будетъ,
Когда такой-же случай умертвитъ
Его иль жизнь даруетъ. Ты отвѣтишь
Мнѣ за него и тѣломъ и душой.

Антигонъ.

Клянусь исполнить. Было-бъ милосерднѣй
Сейчасъ убить его. Пойдемъ, дитя
Несчастное. Быть можетъ, духъ великій
Вскормить тебя прикажетъ хищнымъ птицамъ;
Вѣдь говорятъ, что волки и медвѣди,
Забывши злость, бывали милосердны
Порою. Счастья, государь, желаю
Вамъ большаго, чѣмъ заслужили вы.
Спаси тебя, судьба, ребенокъ бѣдный...
(Уходитъ съ ребенкомъ).

Леонтъ.

Не нужно мнѣ чужихъ дѣтей!
(Входитъ слуга).

Слуга.

Позвольте
Вамъ доложить: послы изъ Дельфъ вернулись,—
Діонъ и Клеоменъ благополучно
Ужъ часъ назадъ на нашъ вступили берегъ
И ко дворцу спѣшатъ.

1-ый придворный.

Ихъ быстрота
Невѣроятна, государь.

Леонтъ.

Да, двадцать
Три дня они всего въ дорогѣ были,—
Хорошій знакъ: желаетъ Аполлонъ
Скорѣе истину явить. Готовьтесь
Созвать судей и пусть предъ нимъ предстанетъ
Невѣрная жена: ее при всѣхъ
Я обвинилъ,—пускай при всѣхъ публично
Правдивый судъ исполнится надъ нею.
Мнѣ жизни нѣтъ, пока она жива!
Оставьте всѣ меня... Приказъ исполнить!

(Уходятъ).

БѢГСТВО ПОЛИКСЕНА И КАМИЛЛО.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

УЛИЦА ВЪ СИЦИЛІИ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Сицилійскомъ портѣ.

Входятъ Клеоменъ *и* Діонъ.

Клеоменъ.
Тамъ дивный климатъ! воздухъ благотворный!
Цвѣтущій край! А храмъ—красой чудесной
Всѣ слухи превосходитъ...

Діонъ.
Я скажу,
Что восхищенъ небеснымъ облаченьемъ...
(Могу я такъ назвать его?) И какъ
Одежду эту величаво носятъ,
И что за пышность, красота, величье
Въ обрядѣ жертвоприношенья!

Клеоменъ.
Голосъ
Оракула, какъ громъ, сразилъ меня.
Казалось, то гремитъ Юпитеръ. Я
Такъ былъ ничтоженъ въ этотъ мигъ...

Діонъ.
Когда-бъ
Была благопріятна королевѣ
Поѣздка наша, какъ была для насъ
Пріятна, любопытна и быстра...

Клеоменъ.
Все къ лучшему устроитъ Аполлонъ!
Насильственный надъ Герміоной судъ
Не по душѣ мнѣ...

Діонъ.
Быстрый дѣла ходъ
Сулитъ тотъ, иль другой конецъ невдолгѣ.
Когда сорвутъ печать жреца со свитка,
Оракулъ Аполлона намъ откроетъ
Чудесное рѣшенье. Въ путь! Коней
Намъ добрыхъ подвели. Поможетъ Богъ,
Благополучно кончится все дѣло!...

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Залъ суда.

Входятъ Леонтъ, придворные *и* судьи.

Леонтъ.
Весь этотъ судъ для насъ—большое горе,
Онъ возбуждаетъ въ сердцѣ боль. Мы судимъ
Монарха дочь, супругу нашу, столь
Возлюбленную нами. Чтобы снять
Съ себя укоръ въ тиранствѣ,—отдаемъ
Ее на судъ открытый мы. Свободно

Пускай дадутъ ей кару, или милость.
Ввесть обвиненную!

Судья.

По приговору
Его величества, пусть королева
Предстанетъ предъ судомъ. Молчанье.

Входитъ Герміона *подъ стражей*, Паулина *и прочая свита.*

Леонтъ.

Прочтите обвиненье.

Судья (*читаетъ*). „Герміона, королева достославнаго Леонта, короля Сициліи, ты привлечена къ суду и обвиняешься здѣсь въ великой измѣнѣ, въ прелюбодѣйствѣ съ Поликсеномъ, королемъ Богеміи, и въ заговорѣ съ Камилло противъ жизни нашего великаго монарха, твоего царственнаго супруга, и въ томъ, что когда вышеизложенное было обнаружено, ты, Герміона, вопреки вѣрности и долгу подданной, совѣтовала и помогала имъ для большей безопасности бѣжать ночью".

Герміона.

Могу я только отрицать свою
Вину. Нѣтъ у меня иныхъ свидѣтельствъ,
Какъ только то, что говорю сама,
И потому мои слова безплодны.
Сказать—невинна я,—мнѣ не повѣрятъ:
Вѣдь честь мою ужъ запятнать съумѣли,
Такъ будетъ и теперь. Но если силы
Небесныя насъ видятъ (въ этомъ твердо
Убѣждена я),—то моя невинность
Заставитъ подлыхъ покраснѣть судей
И задрожать тирана передъ жертвой.
Вы не хотите вспомнить, государь,
Но знаете, что столь-же я была
Честна, чиста, невинна,—какъ теперь
Несчастна. Нѣтъ въ исторіи примѣра,
Нѣтъ драмы, источавшей слезъ потоки,
Съ такой судьбой печальной. Я дѣлила
Постель и власть съ монархомъ; дочь владыки,
И принца мать—надежды государства,
Я здѣсь стою, чтобы болтать о чести,
О жизни, передъ всякимъ, кто захочетъ
Придти сюда послушать. Жизнь, какъ горе,
Мнѣ тяжела,—она моя, и защищать
Ее я буду. Государь! взываю
Я къ вашей совѣсти. До Поликсена
Я, по заслугамъ, въ милости была;
Пріѣхалъ онъ—и что-то я свершила
Такое, что меня влекутъ на судъ...
Когда я дѣломъ, или помышленьемъ
Честь запятнала—судьи пусть меня
Осудятъ, а родные отъ могилы
Моей пусть съ отвращеньемъ отойдутъ.

Леонтъ.

Когда-жъ бывало, чтобъ свершивъ проступокъ,
Свершившій не былъ наглъ настолько, чтобы
Не отвергать его?

Герміона.

Да, это вѣрно,
Хотя ко мнѣ непримѣнимо вовсе.

Леонтъ.

Не сознаешься ты?

Герміона.

Я не могу
Сознаться въ томъ, въ чемъ я не виновата.
О, сознаюсь, что Поликсена я
Любила (въ этомъ вѣдь меня винятъ?),
Но лишь насколько позволяла честь,
Любовью той, какой любить должна
Такая женщина, какъ я,—не тою,
Какую вы придать хотите мнѣ.
Когда-бъ къ нему любви я не питала,
Была бы я ослушной мужу и
Неблагодарной дружбѣ вашей, съ дѣтства
Связавшей васъ, едва вы лепетать
Другъ съ другомъ начали. О заговорѣ
Не знаю, что сказать, хотя его
Навязываютъ мнѣ. Одно скажу:
Камилло былъ честнѣйшій человѣкъ;
Зачѣмъ бѣжалъ,—того не только я,—
Не знаютъ и всезнающіе боги.

Леонтъ.

Ты знала о его побѣгѣ. Знала,
Что безъ него должна была ты дѣлать.

Герміона.

Государь! *)
Я вашихъ словъ не понимаю. Вижу,
Что это—бредъ. Вамъ жизнь моя нужна?
Какъ вамъ угодно...

Леонтъ.

Ваше поведенье—
Мой бредъ? А вашъ ублюдокъ, что рожденъ
Отъ Поликсена,—это тоже бредъ?
Ты стыдъ забыла, вмѣстѣ съ нимъ и правду
(Всегда бываетъ такъ); тебѣ разсчетъ
Хитрить, но это не поможетъ. Нѣтъ!
Твоя дѣвчонка выброшена. Нѣтъ
У ней отца,—ты въ этомъ виновата!
Теперь тебя постигнетъ правосудье:
Легчайшей карой будетъ смерть твоя

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Герміона.

Зачѣмъ грозить мнѣ, государь? Я къ смерти
Стремлюсь, а вы меня хотите ею
Запугивать! Нѣтъ жизни у меня.
Престолъ, богатство, ваше чувство,—все
Потеряно. Нѣтъ ничего. Причины-жъ
Я этого не знаю. Дальше:—сынъ мой,
Мой первенецъ, отторгнутъ отъ меня,
Какъ отъ заразы. Наконецъ, ребенокъ,
Родившійся подъ гнѣвною звѣздой,
Отъ груди матери оторванъ, брошенъ
На смерть. Меня со злобой всюду славятъ
Развратницей. Всѣмъ женамъ всѣхъ сословій
Послѣ родовъ даютъ покой,—меня-жъ
Сюда влекутъ по холоду, когда
Я такъ слаба еще. Теперь скажите—
Да что-жъ меня привязываетъ къ жизни?
Ужели смерть страшна мнѣ? Продолжайте
Вашъ судъ. Еще скажу: не ошибитесь!
Я не о жизни говорю,—о чести,
Которой дорожу. Когда меня
Осудятъ, взявши вмѣсто доказательствъ
Лишь подозрѣнья ревности,—не судъ
То будетъ, а жестокость. Такъ и знайте!
Я предаю себя на волю бога:
Пусть Аполлонъ моимъ судьею будетъ!

1-й судья.

Законно ваше требованье.—Пусть
Оракулъ пророчетъ намъ волю бога.
(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ).

Герміона.

Отцомъ моимъ былъ русскій императоръ.
О, если-бъ живъ онъ былъ и увидалъ,
Что судятъ дочь, какъ взоромъ состраданья
Проникъ бы онъ всю эту бездну горя,
Но мстить не сталъ бы за меня! *)

Возвращаются придворные съ Клеоменомъ *и* Діономъ.

Судья.

Вотъ правосудья мечъ,—клянитесь здѣсь,
Діонъ и Клеоменъ, что въ Дельфахъ оба
Вы были, что оттуда привезли
Вы этотъ свитокъ за печатью, что
Его самъ жрецъ вручилъ вамъ, что печати
Священныя остались невредимы
И тайна вамъ отвѣта неизвѣстна.

Клеоменъ *и* Діонъ.

Клянемся.

Леонтъ.

Вскрыть печати и прочесть.

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Судья *(читаетъ)*. „Герміона—цѣломудренна; Поликсенъ—безвиненъ; Камилло—вѣрный слуга; Леонтъ ревнивый деспотъ; его невинное дитя—законно; и король останется безъ наслѣдника, пока потерянное не будетъ найдено".

Придворные.

Благословенъ да будетъ Аполлонъ!
Хвала ему!

Леонтъ.

Прочелъ ты вѣрно?

Судья.

Да,
Здѣсь все это написано.

Леонтъ.

Здѣсь нѣтъ
Ни капли правды, и оракулъ этотъ
Подложенъ. Продолжайте судъ.

Входитъ поспѣшно слуга.

Слуга.

Король!
Король!

Леонтъ.

Что тамъ такое?

Слуга.

Государь,
Я буду ненавистенъ вамъ, какъ вѣстникъ
Печали. Принцъ—отъ страха и сомнѣнья
За королеву—въ вѣчность отошелъ!

Леонтъ.

Какъ отошелъ?.

Слуга.

Онъ умеръ!

Леонтъ.

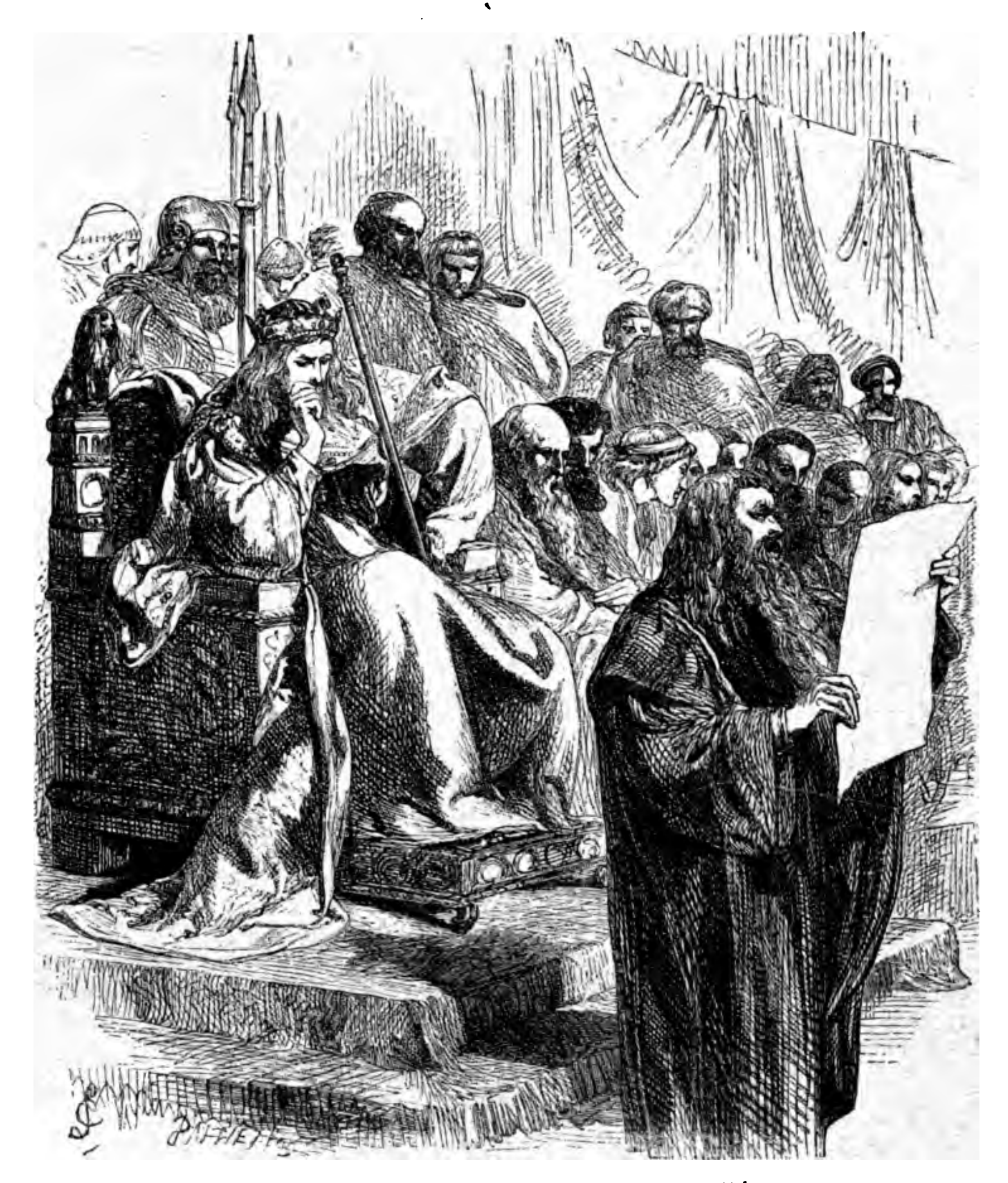
Гнѣвъ небесъ
За мой проступокъ. Кара
Аполлона!
(Герміона падаетъ безъ чувствъ).
Что тамъ случилось?

Паулина.

Королеву это
Извѣстіе сразило! Посмотрите,
Она совсѣмъ похолодѣла...

Леонтъ.

Надо
Ее отсюда взять. Ей дурно. Скоро
Она придетъ въ себя. Напрасно я

СУДЪ НАДЪ ГЕРМІОНОЙ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Такъ вѣрилъ подозрѣньямъ. Испытайте
Всѣ средства къ жизни возвратить ее.

(Паулина и придворныя дамы уносятъ Герміону).

О, Аполлонъ, прости за богохульство
Противъ оракула! Я съ Поликсеномъ
Вновь примирюсь, верну любовь жены,
Камилло возвращу, провозгласивъ
Его слугою честнымъ и достойнымъ.
Въ порывѣ ревности, къ кровавой мести
Стремился я и поручилъ ему,
Чтобъ друга отравилъ онъ; такъ и было-бъ
Исполнено, но доброта Камилло
Исполнить медлила приказъ, хотя
То смертью, то наградой я стращалъ
И поощрялъ его. Какъ благородный
И честный человѣкъ, открылся онъ
Передъ высокимъ гостемъ, бросилъ всѣ
Свои огромныя богатства здѣсь
И отдался измѣнчивой судьбѣ.
Какъ ярко честь его теперь сіяетъ
Сквозь ржавчину моихъ дѣяній! Какъ
Я черенъ рядомъ съ нимъ!

СУДЪ НАДЪ ГЕРМІОНОЙ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Входитъ Паулина.

Паулина.
О, горе! горе!
Разрѣжьте мнѣ шнурки, покамѣстъ сердце,
Ихъ разорвавъ, само не разорвется!

1-ый придворный.
Что съ вами?

Паулина.
О, тиранъ! Какія муки
Ты приготовишь для меня? Колеса?
Костеръ, сдиранье кожи? иль кипѣнье
Въ свинцѣ и маслѣ? На какія пытки
Изъ старыхъ, или вновь изобрѣтенныхъ
Заслуженно меня отдашь за то,
Что я скажу? Твой глупый гнѣвъ и ревность,
Достойные мальчишки, иль дѣвчонки
Девятилѣтней,—до того дошли...
О, ты сойдешь съ ума, когда узнаешь...
Все прежнее ничто предъ этимъ дѣломъ.
Ты предалъ Поликсена,—это только
Непостоянство, глупость и измѣна,
Достойная презрѣнья. Честь Камилло
Ты ядомъ запятнать хотѣлъ, и это
Не важно. Коршунамъ въ добычу бросилъ

Малютку-дочь,—и это ничего,
Хотя самъ чортъ скорѣй бы изъ огня
Извлекъ слезу, чѣмъ сдѣлалъ это. Въ смерти
Наслѣдника, такъ много благородства
Явившаго въ столь юные года,
Ты косвенно причастенъ: разорвалось
Его сердечко отъ тиранства злого
Надъ бѣдной матерью. О, все ничто
Предъ тѣмъ, что сообщу я. Плачьте, плачьте!
Чудесное и нѣжное созданье,
Скончалась королева—неотмщонной
За всѣ обиды.

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ.
Да спасутъ насъ боги!

ПАУЛИНА.
Клянусь, она скончалась! Если вы
Не вѣрите, взгляните. Возвратите
Ей цвѣтъ устамъ и блескъ ея глазамъ,
Согрѣйте тѣло, дайте ей дыханье,—
Я какъ боговъ васъ буду чтить. А ты,
Тиранъ,—тебѣ раскаиваться поздно.
Отчаянью предайся. Обнаженный
Подъ снѣжной бурей, на утесѣ голомъ,
Постомъ измученный, стой на колѣняхъ,
Не тысячу—десятки тысячъ лѣтъ
Моли прощенія, и все-же боги
Не обратятся съ милостью къ тебѣ!

ЛЕОНТЪ.
Да, да, ты можешь говорить,—я долженъ
Отъ всѣхъ укоры слышать... Продолжай.

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ.
Довольно! Что бы ни было, не вправѣ
Вы говорить все это.

ПАУЛИНА.
Да, не вправѣ,
Да, виновата я и сознаюсь:
По женски слишкомъ поступила я...
Онъ тронутъ: сердце размягчилось въ немъ...
Что было, то прошло и не вернется.
Прошу, забудьте то, что я сказала,
Велите наказать меня... Зачѣмъ
Я вспомнила то, что забыть полезнѣй.
Мой добрый государь, властитель мой,
Простите безразсудную! Любовь,
Что я питала къ королевѣ... Вотъ
Опять я глупость... Поминать не буду
О ней, о вашихъ дѣтяхъ и о мужѣ,—
Его я тоже потеряла... Надо
Терпѣнья только—больше ничего.

ЛЕОНТЪ.
Ты хорошо сказала: въ этомъ много
Горчайшей правды, но она мнѣ легче,
Чѣмъ сожалѣнія. Сведи меня
Къ тѣламъ жены и сына. Мы положимъ
Ихъ вмѣстѣ, сдѣлавъ на могилѣ надпись
О поводѣ ихъ смерти,—пусть позоръ мой
Увѣковѣченъ будетъ. Ежедневно
Къ могилѣ буду приходить я. Слезы
Мнѣ будутъ утѣшеньемъ. Дамъ обѣтъ
До смерти каждый день тамъ быть. Пойдемъ,
Взглянуть на это горе...
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Богемія. Дикій морской берегъ.

Входитъ Антигонъ, *неся ребенка; за нимъ* морякъ.

АНТИГОНЪ.
Увѣренъ ты, что насъ корабль привезъ
Въ пустынную Богемію?

МОРЯКЪ.
Да, сударь.
Но я боюсь, въ недобрый часъ на берегъ
Мы вышли.—Небо грозно. Будетъ буря.
О, небеса разгнѣвались за то,
Что мы свершить должны.

АНТИГОНЪ.
Да будетъ воля
Небесная, иди на свой корабль,
Смотри за нимъ. Я не промедлю долго
И окликъ дамъ.

МОРЯКЪ.
Не медлите, и очень
Не отходите далеко. По всѣмъ
Примѣтамъ скоро разразится буря,
Вдобавокъ въ этомъ краѣ много хищныхъ
Звѣрей.

АНТИГОНЪ.
Ступай, приду я скоро.

МОРЯКЪ.
Очень
Я радъ, что отъ такого дѣла вы
Избавили меня.

(Уходитъ).

АНТИГОНЪ.
Пойдемъ, малютка
Несчастная. Слыхалъ я и не вѣрилъ,
Что мертвецы являются. Но видѣлъ

АНТИГОНЪ ПРЕСЛѢДУЕМЫЙ МЕДВѢДЕМЪ.

Картина англійскаго живописца Джозефа Райта (Joseph Wright of Derby, 1697—1764).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Я прошлой ночью королеву. Сонъ
Такъ съ жизнью не бываетъ схожъ. Печально
Она качала головой. Испита
Была до дна несчастій чаша ею.
Въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ, какъ богиня,
Она вошла въ каюту, гдѣ я спалъ.
Три раза наклонялась надо мною,
Но слезы ей дыханіе спирали
И затемняли взоръ. Собравшись съ силой,
Она сказала наконецъ: „О, добрый
„Мой Антигонъ, судьба тебѣ велѣла
„Стать палачомъ моей малютки бѣдной.
„Ты противъ воли клятвою былъ связанъ.
„Есть много мѣстъ въ Богеміи пустынныхъ...
„Брось тамъ ее,—пусть плачетъ. Всѣ погибшей
„Ее считаютъ. Пéрдитой ее
„Ты назовешь, прошу тебя. Но такъ какъ
„Ты гнусное исполнилъ повелѣнье
„Властителя, то больше не увидишь
„Жены своей, Паулины!"—и со стономъ
Она исчезла въ воздухѣ. Не могъ
Въ себя придти я. Мнѣ не сномъ казалось
Видѣніе. Сны—суевѣрье, вздоръ,
Но въ этотъ—вѣрю я. Ужъ Герміону
Постигла казнь и хочетъ Аполлонъ,
Чтобы ребенокъ, Поликсена дочь,
Была бы здѣсь живою или мертвой,
Но во владѣньяхъ своего отца.
Цвѣточекъ милый мой, Господь съ тобою!
Лежи. Вотъ имя здѣсь твое, и деньги
На воспитанье,—ежели судьба
Тебя захочетъ сохранить. Ужъ буря
Гудитъ. Бѣдняжка! Матери проступокъ
Тебя къ погибели ведетъ. Я плакать
Не въ силахъ. Сердце кровью облилось.
Я проклинаю данную мной клятву.
Прощай. Какъ мрачно! Колыбельной пѣсней
Суровой убаюкана ты будешь.
Я не видалъ, чтобъ днемъ темно такъ было.

Что тамъ за дикій крикъ? Скорѣй на бортъ! Охота! Я погибъ!

(Уходитъ, преслѣдуемый медвѣдемъ).

Входитъ Пастухъ.

Пастухъ. Хорошо было бы, кабы не было никакого возраста между десятью и двадцатью тремя годами,—если-бы этотъ промежутокъ можно было бы проспать; а то у нихъ только и дѣла, что беременить дѣвокъ, оскорблять стариковъ, грабить и заводить драки. Вотъ хоть-бы теперь: ну, кто кромѣ девятнадцати или двадцати трехъ лѣтнихъ олуховъ станетъ охотиться въ такую погоду? Они спугнули двухъ моихъ лучшихъ барановъ, которыхъ, чего добраго, найдетъ теперь скорѣе волкъ, чѣмъ хозяинъ. Вѣрнѣе всего, найти ихъ можно на берегу: они здѣсь ѣдятъ плющъ. Ну, можетъ и найду! Это что такое? *(Беретъ на руки ребенка).* Господи помилуй! Крошечка, да какая чудесная! Мальчикъ, или дѣвочка? Славная, славная! Чей нибудь грѣшокъ. Я хоть не ученый, а ясно вижу, что тутъ не обошлось безъ служанки. Была работа гдѣ нибудь подъ лѣстницей, на сундукѣ, или за дверью. Во всякомъ случаѣ имъ было тогда теплѣе, чѣмъ этой бѣдняжкѣ теперь. Надо пожалѣть, нельзя не взять. Подожду только сынишку, онъ сейчасъ подавалъ голосъ. Ого-го!

Входитъ Поселянинъ.

Поселянинъ. Го-го!

Пастухъ. А, ты тутъ. Коли хочешь видѣть вещицу, о которой будутъ говорить, когда ты помрешь и сгніешь, поди сюда. Да что съ тобой такое?

Поселянинъ. Я то видѣлъ на морѣ и на землѣ, что и разсказать не могу. Впрочемъ не знаю, было-ли это на морѣ, потому что теперь не разберешь гдѣ небо, гдѣ море: между ними не просунешь и кончика иголки.

Пастухъ. Да въ чемъ-же дѣло?

Поселянинъ. Посмотрѣлъ-бы ты, какъ оно реветъ, ярится, бросается на берегъ! Да это бы еще что! А вотъ какъ кричатъ бѣдные люди,—то скроются, то опять вынырнутъ; корабль то тыкался мачтой въ мѣсяцъ, то опять попадалъ въ пѣну и кружился, какъ пробка въ пивномъ боченкѣ. А посмотрѣлъ бы ты, какъ на сушѣ медвѣдь рвалъ его плечо, какъ онъ звалъ меня на помощь, кричалъ, что онъ Антигонъ—дворянинъ... Но этотъ корабль... его море проглотило какъ изюминку. Несчастныя души, ревѣли, а волны хохотали надъ ними... И бѣдный дворянинъ все ревѣлъ, а медвѣдь издѣвался надъ нимъ и оба ревѣли страшнѣе, чѣмъ волны и буря.

Пастухъ. Ради всѣхъ боговъ, да когда ты это видѣлъ?

Поселянинъ. Теперь, теперь!.. Я мигнуть не успѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ это видѣлъ. Люди подъ водой еще теплые, и медвѣдь на половину еще пообѣдалъ дворяниномъ. Онъ еще и теперь, на немъ.

Пастухъ. Жаль, меня не было: помочь-бы старику.

Поселянинъ. Жаль, ты корабля не видѣлъ, помогъ бы ему,—ужъ пришлось бы повозиться около него.

Пастухъ. Печальныя дѣла! Печальныя! А посмотри-ка ты, малый, сюда. Ты вотъ все наталкиваешься на умирающихъ, а я натолкнулся на новорожденнаго, полюбуйся-ка! Пеленки-то: хоть господскому ребенку впору. Смотри-ка сюда. Вытаскивай, вытаскивай, раскрывай, смотри, что тамъ. Мнѣ предсказывали, что я буду богатъ. Это должно быть похищенный ребенокъ... Нутка, малый, раскрой, что тамъ внутри?

Поселянинъ. И везетъ тебѣ, старина, всѣ грѣхи твои прощены! Веселись на старости лѣтъ. Золота-то, золота сколько!

Пастухъ. А вѣдь это, малый, золото волшебное,—вотъ увидишь. Бѣги съ нимъ скорѣе, прячь его. Домой, домой ближней дорогой. Теперь, малый, мы счастливы, а чтобъ счастливыми остаться—никому ни слова. Бросимъ овецъ, пусть пасутся, пойдемъ, паренекъ, домой кратчайшей дорогой.

Поселянинъ. Ты иди домой съ своей находкой, а я пойду взглянуть, сидитъ-ли еще медвѣдь на дворянинѣ и много-ли онъ объѣлъ его. Медвѣди вѣдь опасны только когда голодны. Коли что осталось, я схороню.

Пастухъ. Доброе дѣло. Если изъ остатковъ можно будетъ узнать что нибудь о немъ, позови меня.

Поселянинъ. Ладно; ты мнѣ его и зарыть поможешь.

Пастухъ. Сегодня счастливый день, парень. Его надо отблагодарить добромъ.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Входитъ Время, изображающее хоръ.

Я—время. Я вселяю ужасъ. Я—
Добро и зло. Я—счастіе и горе.
Я порождаю и караю грѣхъ.
Неотразимъ полетъ мой. Я могу
Перенести васъ чрезъ шестнадцать лѣтъ:
Ихъ точно не бывало. Я могу
Все ниспровергнуть—всѣ законы міра
Въ единый мигъ во тлѣнъ преобратить!
Нѣтъ перемѣнъ во мнѣ: такимъ-же было
Я на зарѣ далекой мірозданья;
Я видѣло начало всѣхъ началъ,—
При мнѣ круговоротъ вѣка свершали;
И наши дни я тожъ покрою пылью,
И яркое сіянье этихъ дней
Въ преданьяхъ назовется старой сказкой...
Итакъ—свершился длинный кругъ временъ
Прошли года, какъ мимолетный сонъ,—
Леонтъ забылъ свой гнѣвъ, и удалился
Отъ свѣта и людей... Полетъ мой властный
Въ Богемію, въ цвѣтущій край прекрасный,
Перенесетъ васъ. Помните, что здѣсь
Живетъ сынъ Поликсена, Флоризель.
Здѣсь брошенная Пердита успѣла
Неслыханной красавицею стать...
Но я впередъ не буду забѣгать,
Пусть сами вы увидите, что будетъ:
Пусть жизнь сама раскроетъ передъ вами
Судьбу пріемной дочки пастуха..
Нерѣдко въ жизни намъ бываетъ скучно,—
Такъ поскучайте и сегодня тоже.
А если не знакомы вы со скукой—
Вы счастливы: я, Время, въ томъ порукой!
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Богемія. Во дворцѣ Поликсена.

Входятъ Поликсенъ *и* Камилло.

Поликсенъ. Прошу тебя, мой добрый Камилло, не надоѣдай мнѣ. Отказать тебѣ—для меня все равно, что заболѣть; а согласиться на это—все равно, что умереть.

Камилло. Пятнадцать лѣтъ, какъ я не видѣлъ своей отчизны. Хотя большую часть времени я провелъ въ чужихъ краяхъ, но все-же хочу на родинѣ сложить свои кости. Вдобавокъ раскаявшійся король, мой властитель, присылалъ за мной. Я бы могъ облегчить его печаль, у меня есть смѣлость такъ думать,—и это тоже побуждаетъ меня къ отъѣзду.

Поликсенъ. Во имя любви ко мнѣ, Камилло, не уничтожай всѣхъ твоихъ прежнихъ заслугъ, покидая меня теперь. Вѣдь твои-же достоинства причина тому, что я такъ привыкъ къ тебѣ; мнѣ легче было бы совсѣмъ не знать тебя, чѣмъ сокрушаться, что тебя нѣтъ. Ты долженъ сдѣлать дѣло, которое никто не можетъ закончить какъ ты, ты долженъ остаться здѣсь и довершить начатое, иначе ты все увезешь съ собою. Если я недостаточно цѣнилъ твои заслуги, потому что онѣ не оцѣненны,—я постараюсь насколько смогу усилить мою благодарность,—это моя личная выгода. Прошу тебя, не поминай больше объ этой роковой странѣ—Сициліи. Одно ея названіе угнетаетъ меня воспоминаніемъ о кающемся, какъ ты его называешь, и примирившемся со мною королѣ и братѣ. Утрата его чудесной супруги и дѣтей до сихъ поръ вызываетъ слезы. Скажи, когда ты видѣлъ моего сына, принца Флоризеля? Короли не менѣе бываютъ несчастны, когда у нихъ дурныя дѣти, чѣмъ когда они хоронятъ хорошихъ дѣтей.

Камилло. Я видѣлъ, государь, принца три дня назадъ. Не знаю, какія у него важныя дѣла, но несомнѣнно онъ—рѣже показывается при дворѣ и менѣе сталъ прилеженъ въ своихъ занятіяхъ.

Поликсенъ. Я самъ это замѣтилъ, Камилло, и это меня заботитъ. Я учредилъ за нимъ надзоръ: за нимъ слѣдятъ. Мнѣ извѣстно, что онъ почти все время проводитъ въ домишкѣ простого пастуха, который сперва былъ нищимъ, а потомъ, къ удивленію сосѣдей, внезапно разбогатѣлъ.

Камилло. Я слышалъ о немъ, государь—у него дочь поразительной красоты; слава о ней такъ велика, что можно только удивляться, какъ она исходитъ изъ такой лачуги.

Поликсенъ. И объ этомъ мнѣ говорили, и я боюсь, не приманка-ли это для нашего сына. Мы пойдемъ туда съ тобой и, не называя себя, кое о чемъ разспросимъ пастуха; у простака не трудно будетъ узнать причину посѣщеній моего сына. Прошу тебя, помоги мнѣ въ этомъ дѣлѣ и выкинь изъ головы мысли о Сициліи.

Камилло. Я готовъ повиноваться, государь.

Поликсенъ. О, дорогой Камилло! Ну, пойдемъ переодѣваться. *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Дорога близъ мызы пастуха.

Автоликъ *входитъ и поетъ.*

Автоликъ.

Цвѣточки расцвѣтаютъ вновь,
Хохъ! дѣвочки гуляютъ!
Играетъ лѣтомъ въ жилахъ кровь,
Зимою замерзаетъ...

Бѣлье повѣсили сушить...
Хохъ! внемлю пташекъ трелямъ!
Теперь воришкѣ славно жить:
Сидитъ, какъ царь, за элемъ!

Тюрлю-тюръ! птичкамъ щебетать
Чудесно на привольѣ!
Теперь-бы съ кумушкой поспать
На сѣнѣ,—вотъ раздолье!

Когда я служилъ у принца Флоризеля— ходилъ въ бархатѣ. А теперь—мѣста нѣтъ!

Чего тужить, вѣдь по ночамъ
Все-жъ блѣдный мѣсяцъ свѣтитъ,
Хожу-брожу и здѣсь и тамъ,
И все мой глазъ замѣтитъ..

Лудильщикъ можетъ помышлять,
А чѣмъ его я гаже?
Отвѣтъ съумѣю ловкій дать
Я и въ колодкахъ даже!...

Я промышляю простынями, а въ ту пору, когда хищныя птицы вьютъ себѣ гнѣзда, я не пренебрегаю и мелкимъ бѣльемъ. Мой отецъ назвалъ меня Автоликомъ, а Автоликъ, какъ и я—родился подъ знакомъ Меркурія и былъ воришкой. Игра въ кости и веселыя дѣвицы нарядили меня въ такой костюмъ и пришлось мнѣ жить надувательствомъ. За разбой на большихъ дорогахъ вѣшаютъ и стегаютъ; а я терпѣть не могу кнута и висѣлицы... Насчетъ будущей жизни—я сплю спокойно... А, добыча, добыча!

Входитъ поселянинъ.

Поселянинъ. Раскинемъ мозгами. Каждые одиннадцать барановъ даютъ двадцать восемь фунтовъ шерсти; каждые двадцать восемь фунтовъ—это фунтъ стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ. Острижено полторы тысячи. Насколько-же всего шерсти?

Автоликъ. Если силокъ выдержитъ— тетеря моя.

Поселянинъ. Безъ счета тутъ ничего не подѣлаешь. Лучше смекнуть, что купить къ празднику стрижки овецъ. „Три фунта сахару; пять фунтовъ коринки; рису"... Зачѣмъ это сестренкѣ понадобился рисъ? Отецъ ее назначилъ хозяйкой праздника, и это ужъ ея дѣло. Она приготовила двадцать четыре букета для стригуновъ; стригуны все пѣвцы на подборъ, пѣсни у нихъ все на три голоса, но всѣ они большей частью поютъ или жиденькимъ теноркомъ или басомъ. Впрочемъ, одинъ пуританинъ ловко выводитъ псалмы подъ волынку... Еще надо—шафрану для подкраски яблочныхъ пироговъ; мушкатныхъ орѣховъ; финиковъ... Нѣтъ, этого нѣтъ въ моей запискѣ. „Семь мушкатныхъ орѣховъ; одинъ, или два корешка имбирю"... Имбирь пойдетъ въ придачу даромъ! „четыре фунта черносливу; столько-же изюму"...

Автоликъ *(корчась на землѣ).* О, зачѣмъ я родился!

Поселянинъ. Ради Бога, что такое?

Автоликъ. Помогите, помогите! Сорвите съ меня эти лохмотья и потомъ дайте смерти, смерти!

Поселянинъ. Несчастная твоя душа! Не снимать тебѣ надо лохмотья, а напротивъ, надѣть на себя побольше.

Автоликъ. О, господинъ, эта мерзость позорнѣе для меня тѣхъ ударовъ, что я выдержалъ, а ихъ было около милліона.

Поселянинъ. Ахъ, несчастный! милліонъ ударовъ—это можетъ повредить человѣку.

Автоликъ. Да, господинъ, я ограбленъ и избитъ,—мои деньги и платье отняты, а на меня надѣта вотъ эта рвань.

Поселянинъ. Кто-же тебя такъ отдѣлалъ: конный или пѣшій?

Автоликъ. Пѣшій, добрый господинъ, пѣшій.

Поселянинъ. Судя по тому платью, что онъ тебѣ оставилъ, онъ навѣрно былъ пѣшій. Если въ этой курткѣ ѣздили когда верхомъ, такъ она послужила на своемъ вѣку. Давай-же руку я помогу тебѣ. Давай руку. *(Помогаетъ ему встать).*

Автоликъ. О, тише, тише, добрый господинъ.

Поселянинъ. Несчастный ты, несчастный!

Автоликъ. Осторожнѣй добрый господинъ. Я боюсь, не свихнута-ли у меня лопатка.

Поселянинъ. Ну, какъ теперь? можешь встать?

Автоликъ. Потихоньку, дорогой мой *(вытаскиваетъ у него кошелекъ)*, потихоньку, добрый господинъ. Вы меня просто облагодѣтельствовали.

Поселянинъ. Не нужно ли тебѣ денегъ, у меня есть мелочь.

Автоликъ. Нѣтъ, добрѣйшій мой господинъ, нѣтъ, сударь; у меня здѣсь въ трехъ четвертяхъ мили родственникъ; къ нему-то я и шелъ; тамъ у меня будутъ деньги и все, что мнѣ надо. Прошу васъ, не предлагайте мнѣ денегъ—это меня жестоко оскорбляетъ.

Поселянинъ. А каковъ съ виду былъ тотъ, кто тебя ограбилъ?

Автоликъ. Я, сударь, съ нимъ познакомился, играя въ фортунку; тогда онъ служилъ у принца. Ужъ не могу вамъ сказать, мой добрѣйшій, за какую добродѣтель, но его выдрали и прогнали со службы принца.

Поселянинъ. Ты вѣрно хотѣлъ сказать: за какой изъ пороковъ? Вѣдь за добродѣтель при дворѣ не стегаютъ, за ней напротивъ ухаживаютъ, чтобъ она тамъ оставалась,—а она все таки тамъ не держится.

Автоликъ. Я, сударь, и хотѣлъ сказать,—за порокъ. Я знаю хорошо этого человѣка. Сперва онъ таскался съ обезьянами, потомъ служилъ въ судѣ, потомъ показывалъ въ театрѣ маріонетокъ исторію блуднаго сына, потомъ женился на женѣ мѣдника, жившей всего въ одной мили отъ моего родового помѣстья. Пройдя такимъ образомъ черезъ много мошенническихъ промысловъ, онъ сдѣлался бродягой. Его иногда зовутъ Автоликомъ.

Поселянинъ. Ни слова о немъ. Бездѣльникъ! Клянусь жизнью—бездѣльникъ! Онъ шатается по всѣмъ приходскимъ праздникамъ, по ярмаркамъ и по медвѣжьимъ травлямъ.

Автоликъ. Онъ, сударь, онъ самый! Вотъ этотъ-то бродяга и вырядилъ меня такъ.

Поселянинъ. Во всей Богеміи нѣтъ трусливѣе его, бродяги. Вамъ стоило сердито покоситься на него и харкнуть въ рожу, онъ бы тотчасъ далъ тягу.

Автоликъ. Я долженъ вамъ, сударь, сказать, что терпѣть не могу драться; въ этомъ отношеніи я совсѣмъ плохъ,—и это онъ зналъ, увѣряю васъ.

Поселянинъ. А какъ вы теперь себя чувствуете?

Автоликъ. Гораздо лучше, чѣмъ прежде, ласковый господинъ. Я могу не только стоять и идти, но даже проститься съ вами и помаленечку поплестись къ своему родственнику.

АВТОЛИКЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Поселянинъ. Не вывести-ли васъ на прямую дорогу?

Автоликъ. Нѣтъ, пригожій господинъ, нѣтъ, милѣйшій господинъ.

Поселянинъ. Ну, такъ прощайте,—мнѣ еще нужно накупить разныхъ специй къ нашей стрижкѣ овецъ.

Автоликъ. Желаю вамъ успѣха, добрѣйшій господинъ.
(Поселянинъ уходитъ. Автоликъ продолжаетъ).
Хватитъ-ли у тебя въ кошелькѣ специй на покупку? Я буду съ тобой на этой овечей стрижкѣ и если я не устрою другой стрижки и для тебя и для стригуновъ,—пусть мое имя помѣстятъ въ спискѣ самыхъ добродѣтельныхъ людей. *(Поетъ).*

Впередъ, впередъ живѣе,
Шагай черезъ плетень.
Въ печали—часъ длиннѣе,
Чѣмъ съ пѣсней цѣлый день!...

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Лугъ передъ хижиной пастуха.

Входятъ Флоризель *и* Пердита.

Флоризель.

О, какъ идетъ костюмъ необычайный
Къ твоей красѣ. Ты не пастушка,—Флора,
Предвѣстница апрѣля. Праздникъ стрижки
Овецъ—сберетъ вокругъ тебя богинь,
И ты—властительница ихъ.

Пердита.

О, принцъ,
Не смѣю осуждать безумье ваше,—
Простите выраженье,—но вельможѣ,
Какъ вы, нельзя скрывать свое величье
Въ одеждѣ пастуха,—меня-жъ—пастушку—
Богиней звать. Когда-бъ не нашъ обычай—
Въ день праздника рядиться, мнѣ бы стыдно
Въ такой одеждѣ было видѣть васъ...
Да и свое увидя отраженье,
Я обмереть готова.

Флоризель.

О, да будетъ
Благословенъ мой славный соколъ: онъ
Завелъ меня къ твоимъ полямъ.

Пердита.

Дай богъ,
Чтобъ не случилось худа! Ваша страсть
Опасности не знаетъ. Я-жъ, при мысли
О разницѣ межъ нами, вся дрожу.
Вдругъ вашъ отецъ, какъ вы, зайдетъ случайно
Сюда? О, боги, что онъ скажетъ, видя
Созданіе свое въ такихъ одеждахъ,—
И какъ бы я въ нарядѣ этомъ чудномъ
Могла взглянуть въ глаза ему?

Флоризель.

Не бойся!
Насъ счастье ждетъ, вѣдь, сами боги часто,
Смиряясь предъ любовью, превращались
Въ земныхъ существъ: Зевесъ мычалъ быкомъ,
Нептунъ блеялъ козломъ, и Аполлонъ,
Богъ златокудрый, какъ и я—простымъ
Являлся пастухомъ. Но никогда
Ихъ превращенья не были во славу
Такой красы, и не были стремленья
Ихъ столь-же непорочны, какъ мои.
Мои желанья не измѣнятъ чести
И страсть моя не перейдетъ границъ.

Пердита.

Но, принцъ, рѣшенье ваше устоять
Не можетъ передъ волей короля.
Одно изъ двухъ должно быть неизбѣжно:
Иль вы разстанетесь съ своимъ рѣшеньемъ,
Иль я съ своею жизнію.

Флоризель.

Зачѣмъ
Ты омрачаешь мыслями такими
Нашъ свѣтлый праздникъ?.. О, краса моя?
Когда твоимъ не буду, то не буду
Я и отцу принадлежать. Иль твой,
Иль ничей. И будетъ такъ, хотя-бы
Сама судьба кричала—нѣтъ! Теперь
Развеселись, красавица моя,—
Взгляни, вокругъ ужъ праздникъ начался,
Вонъ идутъ гости! Будь такой счастливой,
Какъ будто день сегодня нашей свадьбы.
Вѣдь мы клялись, что онъ для насъ настанетъ.

Пердита.

О, да поможетъ намъ судьба!

Флоризель.

Ну вотъ,
Они ужъ близко. Встрѣть ихъ порадушнѣй,
Пускай царитъ веселіе вокругъ.

Входятъ Пастухъ, Поселянинъ, Мопса, Дорка *и пр.*; *позднѣе* Поликсенъ *и* Камилло *переодѣтые.*

Пастухъ.

Что-жъ это, дочка? Будь жива старуха,—
Была-бъ она теперь и управитель,
И ключница, и поваръ, и хозяйка,
И судомойка,—всѣмъ бы подавала,
И пѣсни пѣла и въ кругу плясала.
То на одномъ концѣ стола, то здѣсь,
Съ однимъ, другимъ,—лицо такъ и играетъ
Отъ хлопотни и чоканья со всѣми.
А ты въ сторонкѣ, точно не хозяйка?
Встрѣть по привѣтнѣй этихъ незнакомцевъ:
Привѣтливость—кратчайшій путь къ знакомству
И дружбѣ. Ну, не слѣдуетъ краснѣть.
Будь тѣмъ, чѣмъ быть должна—хозяйкой полной
На праздникѣ. Иди, зови гостей
Попировать: пусть пожелаютъ счастья
Твоимъ стадамъ.

Пердита (*Поликсену*).

Прошу васъ, господа...
Отецъ велѣлъ мнѣ нынче быть хозяйкой...
(*Камилло*). Пожалуйте... Дай, Доркасъ, мнѣ цвѣты...
Позвольте поднести вамъ: это рута
И размаринъ; они цвѣтутъ всю зиму...
Все тотъ-же цвѣтъ и запахъ... вы на память

Возьмите ихъ, пожалуйста... и будьте
Гостями.

Поликсенъ.
Милая пастушка,—ты
Цвѣты зимы приноровила къ нашимъ
Годамъ.

Пердита.
Нашъ годъ идетъ къ концу ужъ, сударь,
Межъ знойнымъ лѣтомъ и зимой трескучей
Цвѣтутъ пышнѣй гвоздиками и левкои
Махровые,—иные называютъ
Ихъ незаконными дѣтьми природы.
У насъ въ саду такихъ и нѣтъ. Да я
О нихъ и не жалѣю.

Поликсенъ.
Отчего,
Красавица?

Пердита.
Да, говорятъ, они
Обращены въ махровые искусствомъ,
А не природой.

Поликсенъ.
Ну такъ что-жъ? природу
Ея-же средствами и улучшаютъ.
Искусство тожъ дитя природы. Краситъ
Она его. Мы вѣтку привываемъ
На грубую кору, мой другъ, и дикій
Стволъ зачинаетъ отъ породы высшей,
Самъ лучше дѣлаясь. Итакъ, искусство
Природу улучшаетъ, иль, вѣрнѣе,
Немного измѣняетъ, оставаясь,
По прежнему, все тою же природой.

Пердита.
Да, это такъ...

Поликсенъ.
Выращивай въ саду
Цвѣты махровые и не зови
Ихъ незаконными.

Пердита.
Ни одного
Не посажу цвѣтка такого! Такъ же
Ростить ихъ стыдно, какъ свое лицо
Подкрашивать, чтобы прельщать мужчинъ.
Вотъ вамъ цвѣты—пахучая лаванда,
Вотъ мята, майоранъ, чеберъ, а вотъ
Подсолнечникъ, что спать ложится съ солнцемъ
И съ нимъ въ слезахъ встаетъ. Средины лѣта
Цвѣты—они идутъ для среднихъ лѣтъ.
Прошу за столъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ ПОМОГАЕТЪ АВТОЛИКУ ВСТАТЬ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Камилло.
Живи въ твоемъ я стадѣ,
Травы не ѣлъ, все на тебя смотрѣлъ бы.

Пердита.
Вы отощали бы и въ январѣ
Замерзли отъ морозовъ. Ахъ, какъ жаль,
Прекрасный другъ мой, что весеннихъ нѣтъ
Теперь цвѣтовъ, которые тебѣ
По возрасту,—и вамъ, мои подруги,
Своей бы дѣвственностью подходили.
О, Прозерпина, гдѣ твои цвѣты,
Въ испугѣ оброненные тобою
Съ волшебной колесницы? Гдѣ нарциссъ,
Предвѣстникъ ласточекъ, любимецъ даже
Вѣтровъ холодныхъ марта? Гдѣ фіалки,
Глубокія и нѣжныя, какъ взоры
Юноны, какъ дыханіе Венеры?
Гдѣ скороспѣлки блѣдныя, что гибнутъ
Въ безбрачіи, какъ дѣвы, не успѣвъ
Дождаться поцѣлуевъ солнца? Гдѣ
И царскіе вѣнцы, и львиный зѣвъ,
И лиліи, и ирисъ,—чтобъ тебя,
Мой нѣжный другъ, осыпать?

Флоризель.
Какъ дѣла
Покойниковъ?

Пердита.
Какъ брачную постель!
Да, забросать всего тебя цвѣтами,
Но не для склепа—для моихъ объятій

Берите-же цвѣты. Въ нарядѣ этомъ
Я не похожа на себя: точь въ точь
Въ день Троицы актриса пасторали.

Флоризель.

Все, что ты дѣлаешь, все съ каждымъ мигомъ
Становится милѣе. Говоришь ли,
Хотѣлось бы все слушать. Пѣть начнешь—
Хотѣлось бы, чтобъ вѣчно пѣла ты.
Чтобъ продавала, покупала, бѣднымъ
Давала милостыню, хлопотала
По дому—и все съ пѣсней. Танцовать
Начнешь—хотѣлось бы, чтобъ танецъ длился
Какъ безконечный бѣгъ морской волны.
Въ тебѣ все обязательно, все чудно,
Все царственно прекрасно!

Пердита.

Черезчуръ
Вы хвалите меня, Дориклъ мой милый.
Не будь вы такъ со мной чистосердечны,
Не будь такъ непороченъ вашъ румянецъ,—
Подумала бы я—вы не пастухъ,
И не чисты намѣренія ваши.

Флоризель.

Нѣтъ у тебя причинъ меня бояться,
Нѣтъ у меня причинъ тебя обидѣть.
Пора за танцы. Ручку дай. Мы—пара
Голубокъ неразлучныхъ.

Пердита.

Голубки-то
Бываютъ неразлучны!

Поликсенъ.

Средь пастушьихъ
й, такой не видано красы.
Она проста, мила, но чѣмъ-то высшимъ
И благороднымъ вѣетъ отъ нея.

Камилло.

Онъ шепчетъ что-то ей, она краснѣетъ.
Вотъ королева творога и сливокъ!

Поселянинъ.

Ну, запѣвай!

Доркасъ.

Ты съ Мопсой, прощалыга?
Женись на ней, авось поправишь дѣло.

Мопса.

Сойдетъ и такъ.

Поселянинъ.

Молчать! У насъ здѣсь все
На тонкомъ обращеньѣ. Гопъ, впередъ!
(Музыка. Пары танцуютъ).

Поликсенъ.

Скажи, старикъ, кто этотъ пастушокъ,
Что съ дочкою твоей теперь танцуетъ?

Пастухъ.

Его зовутъ Дориклъ: онъ говоритъ,
Что онъ богатъ, и я охотно вѣрю,
Хоть знаю это только отъ него.
На видъ онъ честный малый. Увѣряетъ,
Что любитъ дочь,—и этому я вѣрю:
Такъ часто мѣсяцъ не глядитъ въ волну,
Какъ онъ въ глазахъ ея любовь читаетъ.
Ихъ страсть равна,—никто не перетянетъ
На половину даже поцѣлуя.

Поликсенъ.

Она премило пляшетъ.

Пастухъ.

Какъ и все,
Что дѣлаетъ. Не слѣдъ бы такъ хвалить
Ее. Но если женится Дориклъ—
Получитъ то, чего ему не снилось.

Входитъ работникъ.

Работникъ. Ну, хозяинъ, кабы ты послушалъ разнощика, тамъ у воротъ, никогда бы больше не плясалъ подъ бубны и дудку, даже на волынку не посмотрѣлъ бы. Поетъ онъ такъ скоро, какъ вы монеты считаете. Онъ точно обожрался старыми пѣснями. Тамъ всѣ уши и развѣсили.

Поселянинъ. Вотъ и разчудесно, пусть сюда идетъ. Очень я люблю старыя пѣсни, особенно когда весело поютъ что нибудь грустное, а что нибудь веселое—со слезами.

Работникъ. У него есть пѣсни и для мужчинъ и для женщинъ разной длины: такъ ни одинъ торговецъ не угодитъ перчатками по мѣркѣ. Для молодыхъ дѣвицъ у него есть любовныя пѣсенки безо всякихъ пакостей, а, знаете, какая это рѣдкость; припѣвы самые деликатные: „хватай ее, валяй ее!“ Вѣдь иной безстыдникъ тутъ всякихъ гадостей радъ ждать; а у него дѣвица отвѣчаетъ: „шш... не дѣлай мнѣ больно, добрый человѣкъ“. Такъ таки этимъ самымъ и отдѣлывается. „Шш... не дѣлай мнѣ больно, добрый человѣкъ“.

Поликсенъ. Должно быть малый не промахъ.

Поселянинъ. Да, ужъ это видно, на что лучше! Ну а товары-то есть у него какіе нибудь?

Работникъ. Ленты всѣхъ цвѣтовъ радуги. Плетенья такія, что такъ заплести

АВТОЛИКЪ РАСХВАЛИВАЕТЪ СВОИ ТОВАРЫ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

не съумѣетъ ни одинъ нашъ судейскій выжига, какъ-бы онъ ни зналъ законы, хотя бы оптомъ всѣ ихъ пріобрѣлъ. Потомъ есть у него тесемки, полотна, холсты, батисты, но онъ ихъ такъ воспѣваетъ, точно это боги или богини. Просто подумаете, что онъ хвалитъ не женскую рубашку съ рукавчиками и прошивками, а небесное созданье.

Поселянинъ. Зови его сюда, пусть споетъ здѣсь.

Пердита. Только скажи ему, чтобъ онъ никакихъ гадостей не пѣлъ.

(Работникъ уходитъ).

Поселянинъ. Эти разнощики, сестрица, люди гораздо болѣе почтенные, чѣмъ ты думаешь.

Пердита. Или чѣмъ ихъ могу пред ставить, братецъ?

Входитъ Автоликъ

Автоликъ *(поетъ).*

Полотно какъ снѣгъ бѣло,

Крепъ—что ворона крыло!
Перчатки, что розы въ Дамаскѣ!
Для лицъ, для носа маски!
Бусъ, ожерельевъ продамъ,
Духовъ самыхъ лучшихъ для дамъ!
Шапочекъ, корсетовъ купите,
Подарки дѣвкамъ подносите,
Щипцовъ, булавокъ головныхъ,—
Все, что нужно для дѣвицъ молодыхъ,
Покупайте, господа, покупайте!
Дѣвицы, парней къ товарамъ толкайте!
Покупайте!

Поселянинъ. Не будь я влюбленъ въ Мопсу, не видать бы тебѣ отъ меня ни гроша. Но такъ какъ я ея рабъ, то долженъ заплатить подать лентами и перчатками.

Мопса. Ты мнѣ ихъ обѣщалъ къ празднику. Впрочемъ, еще не поздно.

Дорка. Мало-ли что онъ тебѣ обѣщалъ... Мы это хорошо знаемъ.

Мопса. А ужъ тебѣ онъ предоставилъ все обѣщанное, можетъ быть даже больше, чѣмъ обѣщалъ. Какъ отдавать будешь излишекъ—не покраснѣй.

Поселянинъ. Вы для дѣвицъ ведете себя неприлично. Скоро будете носить юбки на головѣ. Нѣтъ вамъ мѣста для вашихъ секретовъ въ коровникахъ, въ спальняхъ и въ кухняхъ? Непремѣнно нужно болтать передъ нашими гостями. Хорошо, что они заняты своими разговорами. Прикусите языки.

Мопса. Я кончила. Ты еще обѣщалъ мнѣ бусы и пару душистыхъ перчатокъ.

Поселянинъ. Развѣ я тебѣ не разсказывалъ, какъ меня ограбили на дорогѣ? Всѣ деньги отняли.

Автоликъ. Это точно, сударь, — на здѣшнихъ дорогахъ очень много мошенниковъ. Ухъ, какъ надо быть осторожнымъ!

Поселянинъ. Ну, парень, ты здѣсь ничего не потеряешь, будь покоенъ.

Автоликъ. Да, ужъ только на это и разсчитываю: дорогого товару у меня много.

Поселянинъ. Это что у тебя, баллады?

Мопса. Ахъ, купи мнѣ пожалуйста нѣсколько штукъ,—я ихъ страсть люблю. Вѣдь въ печатныхъ книжкахъ всегда правда.

Автоликъ. Вотъ пожалуйте, очень хорошая, въ самомъ грустномъ тонѣ: о томъ, какъ жена одного ростовщика родила вмѣсто ребенка двадцать мѣшковъ съ золотомъ и какъ ей хотѣлось скушать головку ехидны и поджаренныхъ на уголькахъ жабъ.

Мопса. Да неужто это правда?

Автоликъ. Ну еще-бы! Это всего мѣсяцъ назадъ случилось.

Дорка. Вотъ низачто не пошла бы за ростовщика.

Автоликъ. Тутъ есть и имя бабки, что принимала,—г-жа Вздорная, и пяти-шести свидѣтельницъ, всѣ женщины самыя порядочныя. Зачѣмъ я буду продавать вздорныя сказки!

Мопса. Такъ купи мнѣ ее пожалуйста.

Поселянинъ. Ладно, отложи. Какія еще есть пѣсни? Другіе товары потомъ разберемъ.

Автоликъ. Вотъ еще баллада о рыбѣ; появилась она у берега восьмидесятаго апрѣля въ среду. Поднялась на сорокъ тысячъ саженъ надъ водою и сочинила эту балладу противъ жестокихъ дѣвицъ. Надо думать, что это была женщина, обращенная въ холодную рыбу за то, что пожалѣла своего тѣла для того, кто былъ въ нее влюбленъ. Исторія очень жалостная и правдивая.

Дорка. Ты думаешь, правдивая?

Автоликъ. Ее удостовѣряютъ пять судейскихъ надписей, а остальныхъ свидѣтельствъ и въ коробъ мой не запрячешь.

Поселянинъ. Отложи и эту. Дальше что?

Автоликъ. Вотъ веселенькая пѣсня, самая превосходная.

Мопса. Ахъ, купи мнѣ веселую!

Автоликъ. Веселѣе не найти. Она поется на голосъ „Двѣ дѣвы одного любили“. Во всемъ округѣ нѣтъ дѣвицы, что-бъ не пѣла ее. На расхватъ берутъ, честное слово.

Мопса. Мы съ Доркой можемъ ее пропѣть, если и ты къ намъ пристанешь: вѣдь она на три голоса.

Дорка. Она ужъ мѣсяцъ назадъ была у насъ.

Автоликъ. Ладно. Еще-бъ мнѣ не пѣть: вѣдь это мое ремесло. Валяйте.

(Поютъ).

Автоликъ.

Вонъ пошла! Простылъ мой слѣдъ!
А куда—вамъ дѣла нѣтъ.

Дорка.

Куда?

Мопса.

Куда?

Дорка.

Куда?

Мопса.

А клятвы гдѣ? Вѣдь ты давалъ обѣты
Всегда мнѣ открывать свои секреты.

АВТОЛИКЪ РАСХВАЛИВАЕТЪ СВОИ ТОВАРЫ.
Картина извѣстнаго англійскаго художника Лесли (C. R. Leslie, R. A., 1794–1859).

Дорка.
И мнѣ! О, я съ тобой иду туда!

Мопса.
Въ амбаръ, или на мельницу идешь?

Дорка.
Куда бы ты ни шелъ, ты пропадешь.

Автоликъ.
Ни, ни, ни!

Дорка.
Что, „ни, ни, ни“?

Автоликъ.
Ни, ни, ни!

Дорка.
А гдѣ-же, гдѣ твои обѣты?

Мопса.
И въ томъ-же самомъ клялся мнѣ ты...
Куда, куда? Ты клятвы вспомяни!

Поселянинъ. Ну, довольно пѣть; отецъ съ этими господами говоритъ о какихъ-то важныхъ дѣлахъ, не будемъ мѣшать имъ, пойдемъ со мной. Неси свой коробъ, вамъ я обѣимъ все накуплю. Слушай, разнощикъ, я у тебя первый покупатель. Пойдемте, дѣвочки.

Автоликъ. Ну, ужъ теперь слуплю я съ него.

Поселянинъ, Дорка, Мопса уходятъ. Автоликъ поетъ:

Пожалуйте шнурочковъ,
Всякихъ галуночковъ.
Ахъ, маленькій голубчикъ мой!
Шолку, нитокъ цвѣтныхъ.
И уборовъ вышивныхъ.
Ахъ, и модные фасоны!
Пожалуйте купите,

На деньги не смотрите.
Ахъ, только бы продать!
(Уходитъ).

Входитъ работникъ.

Работникъ. Хозяинъ, тамъ пришли три козлопаса, три волопаса, три овцепаса, три свинопаса, вырядились они людьми, у которыхъ шерсть ростетъ; говорятъ, что ихъ зовутъ задирами, у нихъ есть танецъ, который наши дѣвки называютъ крошевомъ изъ прыжковъ, потому что сами въ этомъ танцѣ не участвуютъ. Но свинопасы думаютъ, что этотъ танецъ понравится, если не покажется грубымъ для тѣхъ, кто привыкъ только вертѣться въ вальсѣ.

Пастухъ. Пусть убираются—не надо! Здѣсь и безъ того слишкомъ много всякихъ деревенскихъ дурачествъ. Я думаю, господа, мы оскорбили этой грубостью вашъ вкусъ.

Поликсенъ. Но зачѣмъ-же оскорблять тѣхъ, кто насъ хочетъ потѣшить? Пожалуйста, дайте намъ взглянуть на эти четыре тройки.

Работникъ. Одна изъ этихъ троекъ, какъ сама разсказываетъ, плясала передъ самимъ королемъ и самый плохой задиръ изъ этой тройки подпрыгиваетъ по меньшей мѣрѣ на двадцать съ половиной футовъ.

Пастухъ. Да, полно врать-то! Ужъ коли этимъ почтеннымъ господамъ угодно,—пусть идутъ, да поживѣе.

Работникъ. Да они тутъ за воротами. *(Работникъ уходитъ и возвращается съ двѣнадцатью пастухами, переодѣтыми сатирами. Они танцуютъ и уходятъ).*

Поликсенъ *(пастуху).*
Старикъ! намъ только смерть даритъ прозрѣнье!
(Камилло).
Ужъ не далеко-ли зашло у нихъ?
Пора ихъ разлучить. Старикъ болтливъ
И простоватъ. *(Флоризелю).* Ну, что пастухъ, настолько
Ты увлеченъ, что праздникъ позабылъ?
Когда-бъ влюбленъ и молодъ былъ я, столько
Даровъ бы милой накупилъ, что всѣ
Шелка бы выбралъ изъ тюка торговца,
А ты ему уйти отсюда далъ
И не взялъ ничего. Твоя красотка
Замѣтить можетъ, что ты скупъ и мало
Къ ней чувствуешь любви; тебѣ трудненько
Предъ нею будетъ оправдаться, если
Ты дорожишь ея любовью.

Флоризель.
Право,
Почтеннѣйшій, она не цѣнитъ эти
Бездѣлки. Всѣ дары мои въ моемъ
Сокрыты сердцѣ,—это сердце ей
Принадлежитъ, хотя еще пока
Не отдано совсѣмъ. Вотъ передъ этимъ
Почтеннымъ старцемъ, нѣкогда любившимъ,
Беру я, жизнь моя, тебя за ручку,
Столь нѣжную, какъ голубиный пухъ,
И бѣлую, какъ негра зубъ, иль снѣгъ
Отъ сѣвера вѣтрами принесенный...

Поликсенъ.
Что-жъ дальше? ты усердно гладишь руку
И безъ того ужъ гладкую. Посмотримъ,—
Я перебилъ тебя,—что скажешь ты?

Флоризель.
О, будь свидѣтель...

Поликсенъ.
И сосѣдъ мой тоже?

Флоризель.
Всѣ! Вся земля и небо! Если-бъ я
Носилъ вѣнецъ великаго монарха,
Когда бы я былъ всѣхъ умнѣй, красивѣй,
Сильнѣе всѣхъ и всѣхъ ученѣй въ мірѣ,—
Все для меня цѣны бы не имѣло
Безъ обладанья ею. Это все
Лишь ей одной я посвятить хотѣлъ бы.
Иначе мнѣ не нужно ничего!

Поликсенъ.
Ты очень щедръ.

Камилло.
Онъ страстно любитъ.

Пастухъ.
Дочка,
Что ты отвѣтишь?

Пердита.
Не умѣю я
Сказать, какъ онъ, и лучшаго придумать
Я не могу, но по себѣ самой
Я чувствую, какъ любитъ онъ.

Пастухъ.
Ну, ладно,
Такъ по рукамъ. Вотъ новые друзья—
Свидѣтели. Приданое я дамъ
Достойное...

Флоризель.
Достоинства одни
Ея приданое. Богатъ чрезмѣрно,
На изумленье вамъ, я буду послѣ
Кончины одного лица. Теперь
Благослови. Свидѣтели они...

Пастухъ.
Дай руку. Дочка, дай твою...

Поликсенъ.
Постой,
Старикъ. Есть у тебя отецъ?

Флоризель.
Да, есть,—
Что за вопросъ?

Поликсенъ.
Объ этомъ знаетъ онъ?

Флоризель.
Не знаетъ и не долженъ знать.

Поликсенъ.
Отецъ,
На каждой свадьбѣ—это гость желанный
На первомъ мѣстѣ за столомъ. Скажи мнѣ,
Быть можетъ, онъ ужъ выжилъ изъ ума
И память потерялъ, и одряхлѣлъ,
Ни говорить, ни видѣть и ни слышать
Не можетъ, позабылъ, кто онъ такой,
Лежитъ въ постели, недугомъ разбитый,
И въ дѣтство впалъ?

Флоризель.
Нѣтъ, онъ, почтенный другъ мой,
Здоровъ и крѣпокъ, какъ найдешь немногихъ
Людей въ его года.

Поликсенъ.
Клянусь сѣдою
Моею бородой,—плохой ты сынъ!
Ты оскорбилъ отца. Сынъ выбрать можетъ
Себѣ жену по разуму; но разумъ
Ему предпишетъ все сказать отцу.
Вѣдь для отца вся радость только въ че-
стномъ
Потомствѣ.

Флоризель.
Я вполнѣ согласенъ съ вами,
Но по другимъ причинамъ, о которыхъ
Позвольте умолчать,—я не скажу
Ни слова моему отцу.

Поликсенъ.
Скажи!

Флоризель.
Нѣтъ.

Поликсенъ.
Лучше, если скажешь.

Флоризель.
Нѣтъ, нѣтъ!

ПЕРДИТА И ФЛОРИЗЕЛЬ.

Картина извѣстнаго англійскаго художника Вильяма Гамильтона (W. Hamilton, R. A., 1751—1801).

Поликсенъ.
Дай знать ему, мой сынъ, онъ огорчится,
Когда узнаетъ самъ.

Флоризель.
Нѣтъ, невозможно!
Скрѣпите договоръ нашъ.

Поликсенъ.
Вашъ разрывъ!
(Являясь въ своемъ видѣ).
Мальчишка, ты не сынъ мнѣ больше! слиш-
комъ
Ты низко палъ, тебѣ не нуженъ скипетръ,
Пастушій посохъ любишь ты! Ну, старый
Предатель! Жаль, тебя не стоитъ вѣшать,
И такъ черезъ недѣлю околѣешь!
А ты, кусокъ здоровый мяса, знала,
Колдунья, что онъ царскій сынъ?

Пердита.
О, сердце
Мое!

Поликсенъ.

Твою красу я ободрать
Велю терновникомъ, чтобъ стала вровень
Съ твоимъ рожденьемъ. Ну, а ты, повѣса,
Посмѣй о ней печалиться въ разлукѣ,—
Вы больше не увидитесь,—наслѣдья
Тебя лишу и отъ родства съ тобой
Я отрекусь: Девкаліонъ не ближе
Роднымъ мнѣ будетъ. Помни это. Слѣдуй
За нами во дворецъ. А ты, холопъ,
Хоть наказанье заслужилъ—тебѣ
Даруемъ жизнь. Ты, чародѣйка, дивной
Красой не пастуху, а принцу въ жены
Годилась бы, не будь низка породой,—
Осмѣлься только дверь лачуги вашей
Открыть ему, или его обнять,—
Грожу тебѣ я казнью, тѣмъ жесточѣй,
Чѣмъ ты сама нѣжнѣй.
(Уходитъ).

Пердита.

Безъ казни я
Погибла. Онъ не испугалъ меня,
И нѣсколько я разъ сказать хотѣла:
Вѣдь то же солнце свѣтитъ надъ дворцомъ,
Что и надъ хижиной. Предупреждала
Я, принцъ, чѣмъ это кончится. Заботьтесь
Теперь лишь о себѣ. Мой сладкій сонъ!
Проснулась я, забуду васъ и стану
По прежнему пасти мои стада
И горько плакать.

Камилло.

Говори, отецъ,
Пока еще ты живъ,—что скажешь?

Пастухъ.

Нѣтъ
Ни словъ, ни мыслей въ головѣ. О, принцъ,
Вы старика восьмидесяти трехъ
Годовъ сгубили. Думалъ я спокойно
Покончить жизнь, гдѣ умеръ мой отецъ,
И лечь въ могилу рядомъ съ нимъ, теперь-же
Палачъ надѣнетъ саванъ на меня
И безъ молитвы въ землю отойду я.
Проклятая, ты знала, что онъ принцъ,
И обмѣнялась клятвой съ нимъ? Погибъ!
Погибъ! О, если-бъ смерть моя пришла
Теперь—я счастливъ былъ бы!
(Уходитъ).

Флоризель.

Что ты смотришь
Такъ на меня? Я грустенъ, но робѣть
Не думаю. Лишь временно рѣшенье
Мое отложено. Я тотъ-же, но сильнѣй,
Чѣмъ прежде, и совѣтовъ мнѣ не надо.

Камилло.

Извѣстенъ вамъ нравъ вашего отца:
Онъ не потерпитъ возраженій; впрочемъ,
Я думаю, вы сами не пойдете
Къ нему,—теперь онъ видѣть васъ не можетъ.
Пока его не укротился гнѣвъ,
Вамъ лучше не видать его.

Флоризель.

Да я
И не сбираюсь. Вы, Камилло?

Камилло.

Я

Пердита.

Какъ часто говорила я, что такъ
Должно окончиться. Мое величье
Цвѣло, пока о немъ никто не зналъ.

Флоризель.

Не бойся ничего—тебѣ я вѣренъ,
А измѣню,—перевернется міръ,
Изсякнетъ жизнь; смотри, я отрекаюсь
Отъ трона, и одно мое наслѣдье—
Ея любовь!

Камилло.

Послушайтесь меня...

Флоризель.

Я слушаюсь моей любви совѣтовъ,
Коль мой разсудокъ согласится съ ними,—
Прекрасно. Нѣтъ, — безумцемъ, полнымъ счастья,
Я буду жить.

Камилло.

Отчаянья рѣшимость!

Флоризель.

Какъ хочешь это называй, обѣтъ
Сдержать я долженъ: это дѣло чести.
Ни за престолъ Богемскій, полный славы,
Ни за какія царства на землѣ
И подъ землей, и подъ водою, я
Своей, Камилло, не нарушу клятвы.
Прошу тебя,—ты другъ отца ближайшій,—
Когда меня онъ потеряетъ,—я,
Клянусь, его ужъ не увижу больше,—
Старайся гнѣвъ его смягчить. Иду
За счастье биться у судьбы. Скажи
Ему, что такъ какъ здѣсь, на сушѣ, жить
Намъ не даютъ,—мы за море плывемъ,
По счастью, тутъ на якорѣ корабль
Стоитъ неподалеку, назначалъ
Его къ иной я цѣли. Онъ готовъ.
Для плаванья. Куда отправлюсь я.—

Не все-ль равно, — совсѣмъ не надо знать
Вамъ этого.

КАМИЛЛО.
О, принцъ, желалъ бы я
Чтобъ вы совѣтовъ слушались, и были
Къ себѣ построже...

ФЛОРИЗЕЛЬ.
Пердита,—два слова!
(*Камилло*). Съ тобой поговорю потомъ.

(*Отходитъ съ Пердитой въ глубину*).

КАМИЛЛО.
Рѣшилъ
Безповоротно онъ бѣжать. Когда бы
Его побѣгъ соединить я могъ
Съ своимъ желаньемъ: и его спасти,
Сердечно послуживъ ему, и снова
Сицилію увидѣть и монарха
Печальнаго, — къ нему я рвусь душой.

ФЛОРИЗЕЛЬ.
Прости, Камилло, столько дѣлъ, что я
Невѣжливъ предъ тобой.

КАМИЛЛО.
Вамъ, принцъ, извѣстна
Моя любовь и малыя услуги,
Что оказалъ я вашему отцу...

ФЛОРИЗЕЛЬ И ПЕРДИТА.
Картина знаменитаго нѣмецкаго живописца Габріэля Макса (Gabriel Max, род. 1840).

ФЛОРИЗЕЛЬ.
Великія услуги! Съ наслажденьемъ
О нихъ онъ вспоминаетъ и не знаетъ,
Чѣмъ можетъ наградить тебя за нихъ.

КАМИЛЛО.
Прекрасно, принцъ! Итакъ, извѣстно вамъ,
Что короля люблю я, и люблю
Все близкое ему, и васъ, конечно.
Позвольте вамъ совѣтъ дать, если вы
Согласны планъ вашъ измѣнить отчасти.
Я укажу вамъ мѣсто, гдѣ найдете
Пріемъ, достойный принца, гдѣ свободно
Вы можете связать себя съ любимой
Особою. Я вижу, разлучить
(Не дай Господь!) васъ можетъ смерть одна.
Вы женитесь, а я здѣсь постараюсь
Гнѣвъ короля утишить сколь возможно
И вызвать къ примиренію.

ФЛОРИЗЕЛЬ.
Камилло!
Возможно-ль это чудо! Если такъ—
Ты болѣе, чѣмъ честный человѣкъ.
Я предаюсь тебѣ!

КАМИЛЛО.
Куда вы путь
Себѣ намѣтили?

ФЛОРИЗЕЛЬ.
Я—никуда!
Мы сразу порѣшили ѣхать. Это
Безумство, безъ сомнѣнья,—мы и будемъ
Рабами случая, и понесемся
Куда подуетъ вѣтеръ.

КАМИЛЛО.
Если такъ,
Послушайте. Когда рѣшили твердо

Вы свой побѣгъ, то направляйте путь
Въ Сицилію и тамъ съ своей принцессой
(Я вижу къ этому идетъ) явитесь
Къ Леонту прямо. Пусть она надѣнетъ
Одежду васъ достойную. Я вижу
Отсюда, какъ Леонтъ въ своихъ объятьяхъ
Осиротѣлыхъ, со слезами васъ
Сожметъ и за отца у сына будетъ
Просить прощенья, руки цѣловать
У новобрачной. Гнѣвъ съ любовью снова
Борьбу затѣютъ въ немъ. Онъ гнѣвъ подавитъ,
Любовь-же быстро расцвѣтетъ.

Флоризель.

Камилло,
Но подъ какимъ предлогомъ я явлюсь
Къ нему?

Камилло.

Скажите, что отецъ прислалъ васъ,
Чтобъ передать привѣтъ и утѣшенье.
Я напишу подробно вамъ, какъ вы
Должны держаться съ нимъ, что говорить
Отъ имени отца: есть кое-что
Извѣстное лишь намъ троимъ. Должны
Знать все вы, до подробностей мельчайшихъ,
Чтобъ онъ въ лицѣ васъ видѣлъ Поликсена
И зналъ, что вамъ его извѣстна тайна.

Флоризель.

Благодарю, Камилло, это очень
Хитро придумано.

Камилло.

Притомъ надежнѣй,
Чѣмъ плаванье у дикихъ береговъ,
Средь водъ невѣдомыхъ, среди несчастій,
Гдѣ нѣтъ друзей, гдѣ вся надежда только
На якоря, которые сослужатъ
Вамъ службу, задержавъ васъ въ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ вы совсѣмъ и жить-то не хотите.
Вы знаете, спокойствіе—вѣрнѣйшій
Залогъ любви, а скорби разбиваютъ
Красу и чувства.

Пердита.

Не совсѣмъ: красу,
Пожалуй,—не отъ горя наши чувства
Не могутъ измѣниться.

Камилло.

О, вы вотъ какъ
Объ этомъ судите. Такихъ, какъ вы,
Въ семь лѣтъ одна родится.

Флоризель.

Да, Камилло,
Она настолько высока душою,
Насколько по рожденію низка.
Хоть не воспитана она,—но многимъ
Воспитаннымъ могла-бъ служить примѣромъ.

Пердита.

Вы заставляете краснѣть меня.

Флоризель.

О, радость
Моя, какъ путь тернистъ нашъ! Ты, Камилло,
Отца спаситель, нынче мой,—цѣлитель,
Другъ дома нашего,—скажи, какъ быть мнѣ:
Средствъ нѣту у меня, чтобы явиться
Въ Сицилію богемскимъ принцемъ.

Камилло.

О!
Не опасайтесь, я богатъ. Богатства
Мои остались тамъ. Я позабочусь
Васъ снарядить по царски, точно вы
Отцомъ отправлены туда. Да вотъ
Я вамъ примѣръ скажу. Пройдемъ сюда.

Отходятъ въ глубину. Входитъ Автоликъ.

Автоликъ. Ха, ха! До чего глупа честность и ея сводная сестрица—довѣрчивость. Я распродалъ всю свою дрянь! Въ моемъ коробѣ ни одного фальшиваго камня, ни ленточекъ, ни зеркалъ, ни духовъ, ни брошекъ, ни записныхъ книжекъ, ни пѣсенниковъ, ни ножичковъ, ни перчатокъ, ни завязокъ для башмаковъ, ни браслетъ, ни роговыхъ колечекъ,—ничего нѣтъ. Лѣзли ко мнѣ наперебой, точно я продавалъ амулеты, что приносятъ благословеніе покупателю. Я хорошо видѣлъ, чьи кошельки были толще и твердо ихъ помню. Моему простофилѣ-поселянину недостаетъ кой чего, чтобъ быть умнымъ человѣкомъ,—ему такъ понравились пѣсни его дѣвокъ, что онъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не скупилъ у меня всѣхъ пѣсенъ съ музыкой. Это такъ повліяло на прочее стадо, какъ будто кромѣ ушей у нихъ не было остальныхъ органовъ; всѣ столпились вокругъ. Я могъ ущипнуть любую юбку—она бы не почувствовала. Можно было отрѣзать кошельки, ключи отъ цѣпочекъ,—ничего не слышали, не чувствовали, кромѣ дурацкихъ пѣсенъ, и до того наслаждались этой чепухой, что я могъ украсть и отрѣзать большинство ихъ кошельковъ, набитыхъ для праздника, словно они были въ обморокѣ. И не приди старый пастухъ и не спугни онъ этихъ галокъ съ мякины своимъ вытьемъ о дочери и принцѣ, я бы не оставилъ ни одного кошеля во всей компаніи.

(*Камилло, Флоризель и Пердита выступають впередъ*).

Камилло.

Моимъ письмомъ все это разъяснится,
Оно прибудетъ вмѣстѣ съ вами, принцъ.

Флоризель.

А то, что намъ Леонтъ напишетъ?

Камилло.

Этимъ
Доволенъ будетъ вашъ отецъ.

Пердита.

Прекрасно,
Когда бы такъ случилось все.

Камилло.

Кто тамъ?

(*Автоликъ подходитъ*).

Вотъ намъ помощникъ. Вѣдь пренебрегать
Ничѣмъ не надо, все годиться можетъ.

Автоликъ (*про себя*). Если они меня подслушали,—конечно, быть мнѣ на висѣлицѣ.

Камилло. Чего тебя трясетъ молодецъ? Не бойся, никто тебѣ зла не сдѣлаетъ.

Автоликъ. Я, сударь, человѣкъ бѣдный.

Камилло. Оставайся имъ всегда. Но намъ нужно взять у тебя на подержаніе твою нищенскую внѣшность, а потому раздѣвайся сейчасъ,—это намъ очень нужно,— и обмѣняйся платьемъ съ этимъ господиномъ; хотя его костюмъ и не плохъ, ты возьмешь его себѣ вотъ съ этой прибавкой.

Автоликъ. Я, сударь, человѣкъ бѣдный. (*Про себя*). Я чудесно вижу, кто вы такіе.

Камилло. Ну торопись, торопись! Видишь господинъ ужъ раздѣвается.

Автоликъ. Ахъ, такъ вы не шутите? (*Про себя*). Эге, да тутъ плутни!

Флоризель. Поскорѣй, пожалуйста.

Автоликъ. Видите, оно конечно я получилъ придачу, а только по совѣсти мнѣ неудобно...

Камилло.

Отстегивай, отстегивай крючекъ.
(*Флоризель и Автоликъ мѣняются платьемъ*).
Счастливица, пусть надъ тобой мое
Исполнится пророчество. Подите
Куда нибудь, возлюбленнаго шляпу
Надвиньте на глаза, совсѣмъ закройте
Лицо, переодѣньте ваше платье,
Наружный видъ вашъ измѣните,—пусть
Никто васъ не узнаетъ, чтобы въ гавань
Пробраться незамѣченной.

Пердита.

Я вижу,
Что мнѣ играть придется роль серьезно.

Камилло.

Другого средства нѣтъ. Готовы вы?

Флоризель.

Меня отецъ бы не узналъ теперь.

Камилло.

Перемѣните шляпу. (*Пердитѣ*). Уходите.
Прощай.

Автоликъ.

Прощайте, сударь.

Флоризель (*Пердитѣ*).

На два слова.
Что мы забыли, Пердита... *).

Камилло (*про себя*).

Искусно надо разсказать объ ихъ
Побѣгѣ,—главное: куда бѣжали.
Настрою короля, а вмѣстѣ съ нимъ
Я вновь мою Сицилію увижу.
Какъ женщина беременная, я
Хочу ее.

Флоризель.

Судьба поможетъ намъ!
Итакъ Камилло, въ гавань мы идемъ
И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

(*Флоризель, Пердита и Камилло уходятъ*).

Автоликъ. Вотъ оно въ чемъ дѣло, понимаю! Имѣть хорошій слухъ, быстрый глазъ и ловкіе пальцы необходимо для каждаго карманника. Добрый нюхъ тоже необходимая вещь, чтобы почуять работу для другихъ чувствъ. Я вижу, въ наше время мошенникъ можетъ хорошо пожить. Что за обмѣнъ безъ пользы, что за польза безъ обмѣна? Нынче небо къ намъ милостиво и мы можемъ иногда продѣлывать неожиданные обороты. Самъ принцъ мошенничаетъ: удираетъ отъ отца съ поличнымъ. Если-бы я не думалъ, что сообщить объ этомъ королю—дѣло порядочнаго человѣка, я бы это сейчасъ сдѣлалъ; но гораздо безчестнѣе утаить это, а потому я долженъ остаться вѣренъ своему ремеслу. (*Входятъ пастухъ и поселянинъ*). Отойдемъ къ сторонкѣ. Моему пылкому уму предстоитъ работа. Настоящему дѣльцу всюду есть работа: на каждомъ перекресткѣ, въ лавчонкѣ, въ церкви, на судѣ, даже возлѣ висѣлицы.

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Поселянинъ. Что ты за человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ? Я тебѣ говорю, нѣтъ другого выхода какъ сказать королю, что она подкидышъ, а не твоя плоть и кровь.

Пастухъ. Да слушай, что я тебѣ скажу...

Поселянинъ. Слушай, что я тебѣ скажу...

Пастухъ. Ну, скорѣе...

Поселянинъ. Если она не твоя плоть и кровь, значитъ твоя плоть и кровь не нанесла королю обиды; значитъ твоя плоть и кровь не должна подвергнуться наказанію; покажи вещи, что тогда нашлись при ней, все что было до сихъ поръ скрыто, но что ей принадлежало. Сдѣлай такъ и пусть попробуютъ тебя судить по закону. Ну-ка!

Пастухъ. Я все открою королю, слово за словомъ; да кстати и продѣлки его сына. Онъ поступилъ безчестно и съ отцомъ и со мной: въ королевскіе зятья хотѣлъ меня пожаловать.

Поселянинъ. Именно въ зятья, никакъ не меньше. Каждая унція нашей крови, еслибы ты сдѣлался его зятемъ, несомнѣнно вздорожала бы, я отлично знаю, насколько.

Автоликъ *(про себя)*. И умны-же, собачьи дѣти!

Пастухъ. Пойдемъ къ королю; когда посмотритъ онъ въ этотъ узелъ, такъ почешетъ себѣ бороду.

Автоликъ *(про себя)*. Не помѣшалъ бы этотъ доносъ побѣгу моего барина!

Поселянинъ. Только бы застать его во дворцѣ.

Автоликъ *(про себя)*. Хотя я по природѣ не добродѣтеленъ, но иногда при случаѣ бываю и такимъ! Теперь надо только припрятать въ карманъ слѣды отъ разнощика. *(Снимаетъ фальшивую бороду)*. Эй, вы, деревенщина, куда ковыляете?

Пастухъ. Во дворецъ, ваша честь.

Автоликъ. У васъ дѣла тамъ? Какія, съ кѣмъ? Содержимое этого узла? ваше мѣстожительство? ваше имя? ваши года? какое состояніе? Сейчасъ-же объявите, ибо все это должно быть извѣстно.

Поселянинъ. Мы, сударь, люди простые.

Автоликъ. Обманъ! Вы грубы, вы косматы, не смѣть обманывать. Обманываютъ только купцы. Они часто надуваютъ насъ, солдатъ, а мы имъ за это платимъ звонкой монетой, вмѣсто закаленной стали. Даже за обманъ мы платимъ.

Поселянинъ. А вотъ, ваша милость, кажется собирались подарить мнѣ монету, да вовремя остановились.

Пастухъ. Вы—придворный, съ вашего позволенія?

Автоликъ. Съ позволенья, или безъ позволенья, я придворный; развѣ ты не видишь по наружности, что я придворный? развѣ въ моей походкѣ не чувствуется дворъ? развѣ твой носъ не чувствуетъ запахъ двора? развѣ я не выказываю къ твоему ничтожеству самаго придворнаго презрѣнія? Ты, быть можетъ, сомнѣваешься въ моей придворности, потому что я спрашиваю у тебя о твоихъ дѣлишкахъ. Я придворный отъ головы до пятокъ. Я тотъ, который можетъ и подвинуть твое дѣло и въ концѣ его загубить, а потомъ излагай все по порядку.

Пастухъ. У меня, господинъ, дѣло до короля.

Автоликъ. Адвокатъ есть?

Пастухъ. А это, съ вашего позволенія, что такое?

Поселянинъ *(тихо пастуху)*. Адвокатами при дворѣ называютъ индюковъ, скажи, что у тебя ихъ нѣтъ.

Пастухъ. Нѣтъ, сударь: у меня нѣтъ ни индюковъ, ни пѣтуха, ни курицы.

Автоликъ.

Какое счастіе, что мы не мужики!
Но такъ какъ таковымъ, я все-же могъ быть
созданъ,
То имъ не буду я пренебрегать.

Поселянинъ. Онъ долженъ быть изъ важныхъ придворныхъ.

Пастухъ. Платье на немъ богато, только сидитъ какъ-то странно.

Поселянинъ. Это-то чудачество и доказываетъ, что онъ самый знатный господинъ. Я ручаюсь, что это великій человѣкъ: онъ въ зубахъ ковыряетъ зубочисткой.

Автоликъ. Что за узелъ? Что тамъ въ узлѣ? Зачѣмъ этотъ ящикъ?

Пастухъ. Въ этомъ узлѣ, сударь и въ ящикѣ лежатъ такія тайны, которыя можетъ знать одинъ король и которыя онъ узнаетъ тотчасъ-же, какъ я только доберусь до него.

Автоликъ. Старикъ, даромъ потратишь трудъ.

Пастухъ. Почему-же, сударь?

Автоликъ. Короля нѣтъ во дворцѣ; чтобы разсѣяться и освѣжиться, онъ сѣлъ на новый корабль; если ты способенъ къ серьезному мышленью, то долженъ понять, что король огорченъ.

Пастухъ. Тутъ говорили, сударь, что все дѣло въ его сынѣ, который хотѣлъ жениться на дочери пастуха.

ПОЛИКСЕНЪ И КАМИЛЛО НАБЛЮДАЮТЪ ЗА ФЛОРИЗЕЛЕМЪ И ПЕРДИТОЙ.
Картина англійскаго живописца Лесли (C. R. Leslie, R. A.).

Автоликъ. И если этотъ пастухъ еще не подъ стражей, пусть удираетъ; его ждутъ такія пытки, такія муки, которыя могутъ не только разбить становой хребетъ человѣка, но даже сердце чудовища.

Поселянинъ. Вы такъ думаете, сударь?

Автоликъ. И не только онъ одинъ испытаетъ, что человѣческій разумъ можетъ придумать мучительнѣйшаго, а мщеніе—горьчайшаго; но и всѣ его родственники, даже до пятаго колѣна,—никто не минуетъ палача; и какъ это ни жалко, но необходимо. Этотъ старый бараній пастухъ, этотъ плутъ, желаетъ, чтобъ его дочь породнилась съ королемъ. Иныя говорятъ, что его побьютъ каменьями, но я говорю, что это для него слишкомъ мягко. Переставить нашъ тронъ въ овчарню,—для этого нѣтъ достаточной казни.

Поселянинъ. Ваша милость, а вы не слыхали, есть у этого старика сынъ?

Автоликъ. У него есть сынъ,—съ него живьемъ сдерутъ кожу, затѣмъ смажутъ медомъ и поставятъ надъ осинымъ гнѣздомъ; когда онъ на три четверти помретъ,—его обольютъ водкой, или другимъ какимъ нибудь горячительнымъ напиткомъ и ободраннаго, въ самый жаркій день, прикрѣпятъ къ каменной стѣнѣ, и солнце въ знойный полдень будетъ жечь его до тѣхъ поръ, пока мухи не засидятъ его не смерть. Ну да что толковать объ этихъ негодяяхъ, предателяхъ,—надъ ихъ муками только можно смѣяться, такъ громадны ихъ преступленья! Лучше скажите о себѣ; вы кажетесь такими честными, простыми людьми—что у васъ за дѣло до короля? Я человѣкъ сильный, сведу васъ къ нему на корабль, представлю васъ ему и шепну ему кое-что о васъ; если помимо короля есть человѣкъ, который можетъ помочь вашей просьбѣ—вотъ человѣкъ, который это сдѣлаетъ.

Поселянинъ. Онъ кажется очень вліятельнымъ. Поддѣлайся къ нему, предложи ему

нѣсколько золотыхъ. Хотя власть все равно, что упрямый медвѣдь, но при помощи золота ее часто водятъ за носъ. Выворoти свой кошелекъ ему на ладонь и дѣло съ концомъ. Ты вспомни: насъ побьютъ каменьями, сдерутъ съ живыхъ кожу...

Пастухъ. Если вы, ваша милость, изволите взять на себя это дѣло, вотъ получите все золото, что со мною. Я и еще принесу сейчасъ столько-же, а молодецъ можетъ у васъ оставаться заложникомъ.

Автоликъ. Когда я сдѣлаю, что обѣщалъ, тогда отдашь.

Пастухъ. Слушаю, ваша милость.

Автоликъ. Хорошо, давай теперь половину. А ты тоже заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ?

Поселянинъ. Да,до нѣкоторой степени, и хотя моя кожа не изъ особенныхъ, но все хочу надѣяться, что мнѣ ея не сдерутъ.

Автоликъ. А вотъ кожу сына пастуха содрать для примѣра необходимо.

Поселянинъ. Утѣшенье, большое утѣшенье! Намъ нужно быть у короля, показать ему наши диковины, онъ долженъ знать, что она не твоя дочь и не моя сестра, иначе мы погибли. Ваша милость, я вамъ дамъ столько-же, сколько далъ этотъ старикъ, тотчасъ по окончаніи дѣла и останусь заложникомъ, пока все не будетъ вамъ доставлено.

Автоликъ. Я вамъ и такъ вѣрю. Идите къ морскому берегу, потомъ направо, а я только посмотрю черезъ заборъ и сейчасъ за вами.

Поселянинъ. Этотъ человѣкъ для насъ—просто божеское благословеніе. Совсѣмъ божеское благословеніе!

Пастухъ. Пойдемъ, какъ онъ намъ велѣлъ. Онъ насъ, конечно, можетъ спасти.

(Пастухъ и поселянинъ уходятъ).

Автоликъ. Я вижу, что имѣй я поползновеніе къ честности, счастье отъ меня отвернулось бы,—а теперь такъ и суетъ въ ротъ добычу. Двойная радость: и золото получилъ, и оказалъ услугу моему господину принцу; и еще неизвѣстно, какое я повышеніе получу за это. Этихъ двухъ слѣпыхъ кротовъ я предоставлю къ нему на корабль. Если онъ найдетъ нужнымъ отправить ихъ снова на берегъ и ихъ просьба къ королю его не касается,—пусть назоветъ меня за излишнюю услужливость бродягой, я нисколько не обижусь этой кличкой, хотя ее и считаютъ позорной. Сведу ихъ къ принцу, можетъ изъ этого что и выйдетъ. *(Уходитъ).*

Автоликъ: Развѣ ты не видишь по наружности, что я придворный.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ Леонта.

Входятъ Леонтъ, Клеоменъ, Діонъ, Паулина *и* слуги.

Клеоменъ.

О, государь, довольно вы карали
Себя. Уплаченъ долгъ священной скорби,
Раскаянье превысило проступокъ.
Вамъ небеса простили, такъ простите-жъ
И вы себѣ, забудьте ваше горе,
Забудьте все.

Леонтъ.

Пока живетъ во мнѣ
О ней, прекрасной, память,—своего
Позора я не въ силахъ позабыть.
Я ввергъ себя въ отчаяніе. Я
Лишилъ народъ наслѣдника престола,
Я лучшую изъ женъ сгубилъ,—другой
Подобной не найти...

Паулина.

О, правда, правда
Когда бы вы поочередно взяли
Всѣхъ въ мірѣ женъ, и лучшее отъ каждой
Отнявъ, одну создать хотѣли,—все-же
Она съ убитой не сравнится.

Леонтъ.

Такъ!...
Убитой... мной убитой... Ты жестока!
Убійственны слова твои, какъ то,
Что я свершилъ. Порѣже говори
Объ этомъ...

Клеоменъ.

Лучше—никогда! Синьора,
Могли-бы съ королемъ вы говорить
О тысячѣ другихъ вещей, что больше
Достойно сердца мягкаго.

Паулина.

Я знаю,
Хотите вы женить его.

Клеоменъ.

Когда
Вы не хотите этого,—отчизны
Не любите, и пресѣченье рода
Монарха не пугаетъ васъ. А сколько
Грозитъ намъ смутъ, когда король бездѣтнымъ
Останется; подумайте: весь край
Возстаньемъ вспыхнетъ. Наша королева
Въ селеньяхъ праведныхъ; намъ остается
Возрадоваться и для благъ грядущихъ
И настоящихъ—нѣжную супругу
Избрать для ложа короля.

Паулина.

Но кто-же
Достоенъ быть преемницей усопшей?
А, наконецъ, пророчество боговъ?
Не обѣщалъ-ли Аполлонъ священный,
Не прорицалъ-ли онъ, что у Леонта
Наслѣдника не будетъ, до поры—
Пока дитя пропавшее найдется?
Разсудокъ нашъ вмѣстить не можетъ, какъ
Случится это; такъ же это чудно,
Какъ если-бы мой Антигонъ, погибшій
Съ ребенкомъ вмѣстѣ, вдругъ воскресъ изъ мертвыхъ
И къ намъ пришелъ. Но все-же вашъ совѣтъ
Для короля—противенъ воли неба.
(*Леонту*). Не бойтесь—явится наслѣдникъ.
Отдалъ
„Достойнѣйшему" Александръ Великій
Корону,—и достойный вѣдь нашелся.

Леонтъ.

Ты свято память Герміоны чтишь.
О, если-бъ я всегда внималъ твоимъ
Совѣтамъ, и теперь бы я глядѣлъ
Въ глубокіе глаза моей царицы
И цѣловалъ рубины устъ ея.

Паулина.

И сколь-бы вы ни брали тѣхъ сокровищъ,
Они не изсякали...

Леонтъ.

Ты права!
Нѣтъ женъ такихъ! Жениться на другой—
Взять худшую, дать счастье ей? Тогда
Священный Герміоны духъ, вновь образъ
Пріявъ земной, здѣсь явится и спроситъ
Печально: „о, за что?"

Паулина.

Когда-бъ могла,
Явилась бы она...

Леонтъ.

Тогда убилъ бы
Я новую жену...

Паулина.
Коль тѣнью легкой
Могла-бы я придти, я-бъ вамъ велѣла
Смотрѣть въ глаза ей и спросила: „ты
За этотъ тусклый взглядъ на ней женился?"
Потомъ какъ громомъ слухъ-бы поразила,
Воскликнувъ: „помни обо мнѣ!"

Леонтъ.
То были
Не очи—звѣзды, а у прочихъ—угли
Потухшіе. Я не женюсь...

Паулина.
Клянитесь,
Безъ моего согласья не жениться...

Леонтъ.
Клянусь душою, Паулина!

Паулина.
Ну, синьоры,
Вы клятвъ свидѣтели?

Клеоменъ.
Вы черезчуръ
Связали государя.

Паулина.
Не женится—
Пока не встрѣтитъ точнаго подобья
Онъ Герміоны.

Клеоменъ.
О, синьора...

Паулина.
Я
Вамъ уступаю, если неизбѣженъ
Бракъ короля... Вѣдь такъ, король? Но дайте
Мнѣ выбрать королеву, пусть не будетъ
Она юна, какъ прежняя, но схожа
Настолько съ ней, что если-бъ духъ умершей
Могъ видѣть васъ, онъ бракъ благословилъ бы.

Леонтъ.
Я буду вдовъ, пока ты хочешь это.

Паулина.
Въ тотъ мигъ, когда воскреснетъ Герміона
Изъ мертвыхъ,—но не раньше *).
(*Входитъ придворный*).

Придворный.
Какой-то незнакомецъ,—онъ назвался—
Принцъ Флоризель, сынъ Поликсена,—вмѣстѣ
Съ принцессой удивительной красы,
Желаетъ вамъ представится.

Леонтъ.
Какъ? кто?
Такой пріѣздъ уже слишкомъ простъ и скроменъ.
И неожиданность его пророчитъ
Какую-то случайность, можетъ быть,
Несчастьемъ вызванную. Онъ со свитой?

Придворный.
Съ нимъ нѣсколько простыхъ людей.

Леонтъ.
Принцесса,
Ты говоришь?

Придворный.
О, лучшее созданье
Изъ всѣхъ, когда нибудь подъ солнцемъ жившихъ.

Паулина.
О, Герміона! какъ всегда кичится
Все настоящее предъ прошлымъ. Ты
Должна дорогу новой дать красѣ.
Вы начертали надпись „несравненной",
Въ порывѣ жара,—холодна теперь,
Какъ трупъ, та надпись на ея могилѣ
И вашъ приливъ поэзіи излившись
Отпрянулъ, и краса ея потускла.

Придворный.
Простите, я забылъ красу покойной.
Но эта,—снова я прошу прощенья,—
Едва вы взглянете,—со мной согласны
Вы будете. Она увлечь способна
Толпу къ какой угодно новой вѣрѣ,
Всѣхъ проповѣдниковъ затмивъ.

Паулина.
Ну, женщинъ
Не увлечетъ...

Придворный.
Онѣ ее полюбятъ
За то, что доблестнѣй она мужчинъ; мужчины
За то, что лучшая она средь женщинъ.

Леонтъ.
Ты, Клеоменъ, съ знатнѣйшими друзьями
Введешь сюда ихъ.
(*Клеоменъ съ нѣкоторыми придворными уходитъ*).
Все таки мнѣ странна
Таинственность такая.

Паулина.
Да, когда бы
Былъ живъ наслѣдникъ нашъ—какого друга

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

ПОЛИКСЕНЪ НА СЕЛЬСКОМЪ ПРАЗДНИКѢ.
Картина извѣстнаго англійскаго художника Уитли (Fr. Wheatley, R. A., 1748—1801).

Нашелъ онъ въ этомъ гостѣ: между ними
Нѣтъ разницы на мѣсяцъ... *).

Леонтъ.

Прошу, ни слова больше: умираетъ
Онъ снова для меня, когда о немъ
Я говорю. При видѣ принца, я,
Взволнованный тобой, могу разсудка
Лишиться. Вотъ они идутъ сюда.

Входятъ Клеоменъ, Флоризель, Пердита *и* придворный.

Леонтъ.

Принцъ, ваша матушка была безспорно
Вѣрна супругу: вылитымъ отцомъ
Родился сынъ. Будь мнѣ теперь лѣтъ двадцать,
Я назвалъ бы васъ братомъ, какъ когда-то
Я звалъ его, и о проказахъ нашихъ
Болтать бы сталъ. Вотъ до чего вы схожи,
Душевно радъ васъ видѣть. Вотъ и ваша
Принцесса,—вы прелестны, какъ богиня!
Увы, утратилъ я своихъ дѣтей,
Они, какъ вы, своей красою выше
Всѣхъ смертныхъ были,—такъ-же изумленье
Всѣхъ возбуждая, какъ и вы. Безумецъ,
Утратилъ дружбу и пріязнь отца
Я вашего. Хотя-бы разъ еще
Мнѣ, скорбному, съ нимъ встрѣтиться!

Флоризель.

Послалъ онъ
Меня въ Сицилію. Передаю
Вамъ царственный привѣтъ его, какъ брату
И другу. Если-бъ не его болѣзни,
Обычныя въ его года, онъ самъ
Черезъ моря и земли къ вамъ бы прибылъ,
Что бы взглянуть на васъ. Онъ говоритъ,
Что никого изъ нынѣшнихъ и прежнихъ
Монарховъ онъ не любитъ такъ, какъ васъ.

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Леонтъ.

О, братъ мой благороднѣйшій! Ты мною
Обиженъ былъ, и добрый твой привѣтъ
Волнуетъ вновь меня и снова совѣсть
Моя страдаетъ. Вашъ пріѣздъ мнѣ то же,
Что для земли—весна. Но неужели
Вотъ эта красота себя подвергла
Капризу грубому стихій Нептуна
Затѣмъ лишь, что бъ привѣтствовать меня?
Такихъ трудовъ достойна-ль скорбь моя?

Флоризель.

Она, король, изъ Либіи.

Леонтъ.

Гдѣ Смалъ,
Воинственный монархъ, снискалъ любовь
И вмѣстѣ страхъ народовъ?

Флоризель.

Со слезами
Онъ дочку отпустилъ и мы оттуда,
Гонимые благопріятнымъ вѣтромъ,
Приплыли передать привѣтъ отца
Великому монарху. Я отсюда
Въ Богемію отправилъ всѣхъ вельможъ
Изъ свиты, что бъ родитель извѣщенъ былъ
О счастіи, что въ Либіи нашелъ я.
И главное о томъ, что я пріѣхалъ
Благополучно къ вашимъ берегамъ.

Леонтъ.

Да будетъ ясно и свѣтло у насъ,
Да озарятъ спокойствіемъ насъ боги,
Пока вы здѣсь. Отецъ вашъ изъ людей
Достойнѣйшій,—но доблести его
Не помѣшали мнѣ нанесть обиду
Ему,—и боги гнѣвные меня
Оставили бездѣтнымъ, а родитель
Вашъ по заслугамъ ими награжденъ
Такимъ наслѣдникомъ, какъ вы. И я бы
Теперь могъ видѣть дочь и сына въ тѣхъ-же
Лѣтахъ, какъ вы.

Входитъ вельможа.

Вельможа.

О, государь, извѣстье
Невѣроятное! Но въ подтвержденье—
Сама дѣйствительность. Король богемскій
Привѣтъ свой шлетъ великому монарху
И проситъ сына задержать его,
Забывшаго свой долгъ и санъ высокій;
Съ простой крестьянкою онъ отъ отца
Бѣжалъ, отъ трона отказавшись.

Леонтъ.

Гдѣ-же
Король?

Вельможа.

Здѣсь, въ городѣ... Я отъ него...
Я путаюсь въ рѣчахъ, но я смущенъ
Нежданными событьями. Король
Спѣшилъ сюда, за юною четою
Въ погоню, и дорогой повстрѣчалъ
Отца и брата подставной принцессы,
Которые, покинувши отчизну,
Бѣжали съ принцемъ.

Флоризель.

Неужель Камилло
Мнѣ измѣнилъ? Доселѣ честь и вѣрность
Его не нарушимы были.

Вельможа.

Очень
Возможно: съ королемъ онъ вмѣстѣ прибылъ.

Леонтъ.

Кто?
Камилло?

Вельможа.

Да, Камилло; видѣлъ я
Какъ онъ допросъ снимаетъ съ пастуховъ.
Они дрожатъ и на колѣняхъ землю
Цѣлуютъ, лживой клятвой подтверждая
Слова. Король не хочетъ слушать ихъ
И казнью имъ грозитъ.

Пердита.

Отецъ мой бѣдный!
Нагнать насъ боги допустили,—имъ
Союзъ нашъ не угоденъ.

Леонтъ.

Вы вѣнчались?

Флоризель.

Нѣтъ, государь, должно быть никогда
Нашъ бракъ не состоится; развѣ звѣзды
Спадутъ на землю, что едваль возможно.

Леонтъ.

Но дочь-ли короля она?

Флоризель.

Когда
Мы обвѣнчаемся, то будетъ ею.

Леонтъ.

Отецъ вашъ такъ торопится, что свадьба
Едва-ли скоро будетъ. Очень жаль,
Душевно жаль, что вы его любовь
Утратили,—вы связаны съ нимъ долгомъ,
Жаль, что невѣста ваша хуже родомъ,
Чѣмъ красотою.

Флоризель.

Слушай, дорогая!

Хотя судьба враждебна намъ,—отецъ
Успѣлъ насъ захватить,—но кто-жъ во власти
Любовь расторгнуть нашу? Государь,
Припомните себя, какимъ вы были
Въ такіе годы, и явитесь нашимъ
Защитникомъ. Для васъ отецъ исполнитъ
И тяжкій трудъ съ готовностью сердечной.

Леонтъ.
О, если такъ, я попрошу отдать мнѣ
Ее, сокровище вотъ это!

Паулина.
Какъ!
Что за горячность юноши. За мѣсяцъ
До смерти, ваша королева лучше
Была чѣмъ та, въ кого впились вы взглядомъ.

Леонтъ.
О ней-то я и думаю, смотря
На эту дѣвушку... Я не отвѣтилъ
На вашу просьбу. Я пойду къ нему.
Когда союзъ вашъ не противенъ чести,
Я, вашъ защитникъ. Ну, идемъ. Смотрите,
Какъ буду я стараться. Ну, идемъ!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Передъ дворцомъ Леонта.

Входятъ Автоликъ *и* 1-ый придворный.

Автоликъ. И вы, почтенный господинъ, сами были при этомъ разсказѣ?

1-ый придворный. Я присутствовалъ при вскрытіи узла и слышалъ разсказъ стараго пастуха, какъ онъ нашелъ его. Это вызвало изумленіе. Потомъ насъ всѣхъ попросили уйти, и я только мелькомъ слышалъ, что пастухъ нашелъ ребенка.

Автоликъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, чѣмъ все это кончилось?

1-ый придворный. Я вамъ могу сообщить кое-что. Настроеніе короля и Камилло сразу перемѣнилось и перешло въ восхищеніе. Они уставились взорами другъ на друга, глаза ихъ выражали полное изумленіе; само молчанье ихъ было красноречиво, выраженіе лицъ замѣняло слова; они казались людьми, услыхавшими объ искупленіи или разрушеніи цѣлаго міра. Удивленіе ихъ все росло, но со стороны, не зная причинъ его, нельзя было сказать, что волнуетъ ихъ—радость или горе. Во всякомъ случаѣ, то, что они узнали, было черезмѣрной важности. *(Входитъ второй придворный).* Вотъ идетъ лицо, которое знаетъ навѣрно больше. Что новаго, Роджеро?

2-ой придворный. Да всюду готовятся къ празднику. Предсказанья оракула сбылись: дочь короля нашлась. Въ одинъ часъ скопилось столько чудесъ, что всѣ поэты не будутъ въ состояніи ихъ воспѣть. (*Входитъ третій придворный*). Вотъ идетъ управляющій синьоры Паулины,—онъ вамъ еще прибавитъ что нибудь къ моимъ вѣстямъ. Ну, какъ дѣла, синьоръ? Эти достовѣрныя событія такъ похожи на старую сказку, что къ нимъ относишься какъ-то съ подозрѣньемъ. Дѣйствительно, нашелъ король наслѣдницу?

3-ій придворный. Совершенная правда: это доказано всѣми обстоятельствами и показаньями до того единодушными, что можно поклясться, будто мы сами видѣли всѣ событія, а не только слышали о нихъ. Мантія королевы Герміоны, ея ожерелье на шеѣ ребенка; записка Антигона, найденная при ней и узнанная по почерку; наконецъ, сходство царственной особы съ матерью, природное благородство ея манеръ и много другихъ мелочей говорятъ съ очевидностью, что она королевская дочь. А видѣли вы встрѣчу обоихъ королей?

2-ой придворный. Нѣтъ.

3-ій придворный. Такъ вы потеряли зрѣлище, которое надо было видѣть, но нельзя разсказать. Если бы вы видѣли ихъ взаимную радость; казалось, горе плакало, разставаясь съ ними, и потому ихъ радость смѣнялась слезами. Они поднимали къ небу взоры и простирали руки; выраженье ихъ лицъ было такъ ново, что ихъ узнать можно было только по ихъ одеждамъ. Нашъ король не помнилъ себя отъ радости, что нашелъ дочь; но притомъ, какъ будто эта радость, въ то-же время, была потерей, онъ началъ повторять: „О, Герміона!“ — Потомъ онъ сталъ просить прощенья у короля Богеміи, потомъ сталъ обнимать своего зятя, затѣмъ опять заключилъ въ объятья свою дочь; онъ благодарилъ стараго пастуха, что стоялъ тутъ-же, какъ разрушающійся памятникъ многихъ царствованій. Я никогда не слыхалъ о другомъ подобномъ событьи, которое нельзя ни разсказать, ни описать, чтобы передать въ точности.

2-ой придворный. Скажите, а что сталось съ Антигономъ, который отвезъ туда ребенка?

3-ій придворный. Тутъ опять старая сказка, которую приходится продолжать,

хотя-бы ужъ никто ей не вѣрилъ и зажималъ уши. Онъ былъ растерзанъ медвѣдемъ. Это утверждаетъ сынъ пастуха; онъ не только съ простодушіемъ, которому можно вѣрить, передавалъ это, но и сохранилъ платокъ и кольцо его, хорошо знакомые Паулинѣ.

1-ый придворный. А что сталось съ его кораблемъ и спутниками?

3-ій придворный. Они потонули въ самый моментъ смерти Антигона, на глазахъ пастуха. Такимъ образомъ, всѣ, кто способствовалъ погибели ребенка, сами нашли погибель именно въ ту минуту, когда онъ былъ спасенъ. Но какая благородная борьба между радостью и горемъ бушевала въ Паулинѣ! Въ ея обращенныхъ къ небу глазахъ были и слезы о погибели мужа, и радость за то, что предсказанье оракула сбылось. Она подняла съ земли колѣнопреклоненную принцессу и такъ крѣпко сжала ее въ объятьяхъ, точно хотѣла приковать къ своему сердцу, изъ боязни снова ее потерять.

1-ый придворный. Величіе этой сцены было достойно царственныхъ исполнителей!

3-ій придворный. Но самой трогательной чертой всего этого, выудившей изъ глазъ моихъ если не рыбъ, то обильныя потоки слезъ, былъ моментъ, когда слушая съ болѣзненнымъ вниманьемъ откровенный, полный скорби, разсказъ короля о смерти ея матери и о причинахъ ея, его дочь, полная разнообразныхъ выраженій скорби, наконецъ воскликнула „увы!“ и залилась, какъ мнѣ показалось, кровавыми слезами; по крайней мѣрѣ мое сердце плакало кровью. И твердые какъ мраморъ люди поблѣднѣли, нѣкоторые лишились чувствъ, всѣ плакали и если-бы весь міръ былъ тутъ—онъ заплакалъ бы тоже.

1-ый придворный. Теперь они во дворцѣ?

3-ій придворный. Нѣтъ еще. Принцесса узнала, что у Паулины есть статуя ея матери, надъ которой много лѣтъ трудился великій итальянскій мастеръ Джуліо Романо; когда бы онъ имѣлъ возможность оживлять свои статуи, онъ могъ бы соперничать съ природой и ея мастерствомъ,—до того онъ близокъ къ натурѣ. Его Герміона такъ схожа съ настоящей Герміоной, что, по словамъ тѣхъ, кто видѣлъ статую, хочется съ ней заговорить и ждать отвѣта. Туда, со всѣмъ нетерпѣніемъ любви, пошли они и тамъ останутся ужинать.

2-ой придворный. Я всегда думалъ, что въ домѣ Паулины есть что-то таинственно-важное; со смерти Герміоны, она по два, по три раза въ день посѣщала уединенную часть дома. Пойдемъ и мы туда и присоединимся къ общему веселью.

1-ый придворный. Кто-же, имѣя возможность попасть туда, откажется отъ этого? Каждое мгновенье нарождаетъ новую радость и мы пропускаемъ случай видѣть это. (*Трое придворныхъ уходятъ*).

Автоликъ. Вотъ когда, не будь за мной моего прошлаго, могъ бы я получить хорошее повышенье: я привелъ старика и его сына на корабль принца, я передалъ ему, что слышалъ какъ они толковали о какомъ-то узелкѣ и еще о чемъ-то. Но въ это время онъ былъ такъ занятъ своей возлюбленной—этой, какъ онъ тогда полагалъ, дочерью пастуха, страдавшей тогда морской болѣзнью; да и самъ-то онъ чувствовалъ себя немного лучше ея, а буря все разыгрывалась,—и тайна такъ и осталась не открытой. Я, впрочемъ, объ этомъ не тужу, потому что если-бъ я даже открылъ мою тайну, она не помогла-бы мнѣ: ужъ очень плоха моя слава. А вотъ идутъ сюда тѣ, кого я невольно облагодѣтельствовалъ,—и въ полномъ блескѣ ихъ благополучія.

Входятъ Пастухъ *и* Поселянинъ.

Пастухъ. Да, сынокъ, у меня-то ужъ едва-ли будутъ дѣти,—а вотъ твои сыновья и дочери ужъ всѣ родятся дворянами.

Поселянинъ. А, это вы, сударь мой, надняхъ отказались драться со мной, потому что я не дворянскаго происхожденья? Видите-ли вы это платье, можете вы теперь сказать, что ихъ не видите и что я не прирожденный дворянинъ. Тогда вы скажете, что и этотъ плащъ не дворянскаго происхожденья изобличите меня во лжи? Попробуйте испытать меня, дворянинъ я или нѣтъ.

Автоликъ. Да, я вижу, сударь, что вы прирожденный дворянинъ.

Поселянинъ. Да, вотъ уже четыре часа какъ я не перестаю быть имъ.

Пастухъ. И я, сынокъ, тоже.

Поселянинъ. И ты тоже, но я сдѣлался прирожденнымъ дворяниномъ, прежде моего отца, потому что сперва принцъ взялъ меня за руку и назвалъ братомъ, а потомъ уже оба короля назвали своимъ братомъ моего отца, и ужъ послѣ всего этого принцъ, мой братъ, и принцесса, моя сестра, на-

ГЕРМІОНА ПОДЪ ВИДОМЪ СТАТУИ.
Картина Гамильтона (W. Hamilton, R. A.) (Большая Байделевская Галлерея).

звали моего отца своимъ отцомъ. И тогда мы заплакали и это были первыя дворянскія слезы, пролитыя нами.

Пастухъ. Я надѣюсь, сынъ мой, что эти слезы были не послѣдними?

Поселянинъ. Конечно, иначе это было бы жестоко, въ томъ положеніи, въ кототорое мы ввержены.

Автоликъ. Я смиренно прошу васъ, сударь, простить мнѣ всѣ мои повинности, направленныя противъ вашей милости и походатайствовать за меня передъ моимъ господиномъ принцемъ.

Пастухъ. Прошу тебя, сынъ мой, исполни его просьбу: разъ мы дворяне, мы должны быть благородны.

Поселянинъ. Ты хочешь измѣнить свою жизнь?

Автоликъ. Да, такъ же, какъ и ваша милость.

Поселянинъ. Дай руку, я поклянусь принцу, что ты не менѣе всякаго другого въ Богеміи человѣкъ честный и вѣрный.

Пастухъ (*тихо*). Ты можешь такъ сказать, зачѣмъ-же клясться?

Поселянинъ. Не клясться, разъ я дворянинъ? Пусть мужичье и всякая мелкота говорятъ, а я буду клясться.

Пастухъ. Ну, а если, сынъ мой, это ложь?

Поселянинъ. Сколько бы это ни было ложно, настоящій дворянинъ можетъ въ томъ клясться ради своего друга, и я поклянусь принцу, что ты славный малый и больше не будешь пьянствовать, хотя я знаю, что ты совсѣмъ не славный малый и пьянствовать будешь, и все таки я поклянусь, какъ будто-бы ты въ самомъ дѣлѣ былъ славнымъ малымъ.

Автоликъ. А я, сударь, съумѣю это подтвердить насколько хватаетъ силъ.

Поселянинъ. Да, ты долженъ сдѣлаться чѣмъ нибудь во что бы то ни стало. Ты можешь мнѣ ни въ чемъ не вѣрить, если я не удивлюсь, что ты осмѣливаешься напиться, не сдѣлавшись добрымъ малымъ. Чу! Это короли и принцы, наши родственники, шествуютъ смотрѣть изображеніе королевы. Ступай за нами, ты увидишь, что мы снисходительные господа.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Часовня въ домѣ Паулины.

Входятъ Леонтъ, Поликсенъ, Флоризель, Пердита, Камилло, придворные *и* свита.

Леонтъ.

О, дорогая, милая Паулина,
За все спасибо.

Паулина.

Вамъ порой казалось,
Что дурно поступала я,—хотѣла
Я все-жъ добра. Вы не въ долгу: теперь
Вы осчастливили мой домъ убогій,
Придя сюда съ монархомъ братомъ и
Наслѣдною четой,—за эту честь
Я отплатить всей жизнію не въ силахъ.

Леонтъ.

Тебѣ хлопотъ мы много причинили.
Ты королевы статую хотѣла
Намъ показать? Съ немалымъ наслажденьемъ
Твою мы осмотрѣли галлерею,—
Но гдѣ-же то, что жаждетъ дочь увидѣть:
Гдѣ изваянье матери?

Паулина.

Ей равной
При жизни не было, и послѣ смерти
Ея изображенье превосходитъ
Созданье рукъ людскихъ; его храню я
Особо отъ другихъ, вотъ здѣсь. Готовьтесь
Увидѣть то, что болѣе похоже
На жизнь, чѣмъ сонъ на смерть. Вотъ это чудо.

(Откидываетъ занавѣсъ и открываетъ Герміону въ виду статуи).

Молчите вы? То признакъ изумленья!
Но все-жъ скажите что нибудь. Вы первый,
Король: Есть сходство?

Леонтъ.

Это жизнь сама!
О, укоряй меня, чудесный камень,
Что Герміоной назвалъ я тебя!
Иль нѣтъ,—не укоряй. Ты упрекать
Не можешь: ты—подобенъ ей: и нѣженъ
И кротокъ... Но, Паулина, у нея
Вѣдь не было тогда морщинъ?

Поликсенъ.

О, да!

Паулина.

Тѣмъ превосходнѣй мастеръ нашъ. Онъ ей
Шестнадцать лѣтъ прибавилъ: вѣдь такою
Она теперь была бы.

Леонтъ.

Сколько-бъ счастья
Она могла мнѣ дать,—и сколько горя
Теперь даетъ! Вотъ такъ она стояла
Невѣстой величавой,—только теплой,
Живой, а не холодной,—предо мною...
Я пристыженъ: мнѣ камень говоритъ,
Что камнемъ былъ я. Что за чары скрыты
Въ величьѣ царственнаго изваянья!
Оно былое горе воскресило
Въ моей душѣ, и дочь окаменѣть
Заставила отъ изумленья.

Пердита.

О,
Пусть это суевѣріе, но я
Склонясь прошу ея благословенья.
О королева! Я едва родилась,
Ты умерла,—дай руку для лобзанья...

Паулина.

Постойте, статуя раскрашена и краски
Еще не высохли *).

Камилло.

Властитель мой,—поры минувшей горе
Вамъ тяжко на душу легло; его
Шестнадцать лѣтъ и зимъ не осушили.
Едва-ли счастье проживетъ такъ долго,
А горе умираетъ много раньше.

Поликсенъ.

Мой милый братъ, виновнику несчастья
Отдай часть горечи. Онъ, сколько сможетъ,
Возьметъ.

Паулина.

Когда-бъ я знала, государь,
Что изваянье бѣдное мое
(Оно мое, безспорно) васъ взволнуетъ,

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Я-бъ никогда его на показала.
(*Хочетъ задернуть занавѣсъ*).

ЛЕОНТЪ.

Не закрывай!

ПАУЛИНА.

Довольно, не смотрите
Такъ долго,—вдругъ задвижется она.

ЛЕОНТЪ.

Оставь, оставь!... Не надо жить!... А впрочемъ
Ужъ я мертвецъ! Кто этотъ мастеръ? Братъ,
Взгляни, она вѣдь дышетъ! Кровь струится...

ПОЛИКСЕНЪ.

Что за работа! Съ устъ дыханье вѣетъ...

ЛЕОНТЪ.

Недвижные глаза пришли въ движенье!
Искусство издѣвается надъ нами!

ПАУЛИНА.

Задерну занавѣсъ. Мой государь
Такъ потрясенъ, что вѣритъ въ жизнь статуи.

ЛЕОНТЪ.

О, Паулина, двадцать лѣтъ недвижно
Могу я здѣсь пробыть: вся мудрость міра
Ничто передъ моимъ безумьемъ чуднымъ...
Стоять... смотрѣть...

ПАУЛИНА.

Вы слишкомъ взволновались,
Довольно, государь, волненій...

ЛЕОНТЪ.

Нѣтъ,
Мои волненья сладостны, Паулина,
Какъ радости любви. Статуя дышетъ!
Какой рѣзецъ могъ изваять дыханье?
Не смѣйтесь надо мной, но я хочу
Поцѣловать ее...

ПАУЛИНА.

Нѣтъ, государь,
Ея уста еще влажны отъ краски.
Вы статую испортите и сами
Запачкаетесь краской. Я задерну.

ЛЕОНТЪ.

О, двадцати лѣтъ не прошло!

ПЕРДИТА.

И я
Готова столько-жъ лѣтъ стоять здѣсь!

ПАУЛИНА.

Нѣтъ,
Или уйдите изъ часовни, или
Готовьтесь, если силъ у васъ довольно,
Увидѣть чудеса: заставлю это
Я изваянье двинуться, сойти
Сюда, взять руку вашу. Въ волшебствѣ
Меня вы обвините, но напрасно.

ЛЕОНТЪ.

Приму съ восторгомъ все, что ты свершишь
Своею властью. Пусть же говоритъ:
Ей говорить, какъ двигаться,—не трудно.

ПАУЛИНА.

Молите всей душой о чудѣ! Стойте
Въ молчаніи... а кто не вѣритъ, лучше
Пускай уйдетъ...

ЛЕОНТЪ.

Скорѣй, мы неподвижны.

ПАУЛИНА.

Проснись подъ звуки музыки! (*Музыка*)! Пора!
Довольно камнемъ быть, сойди сюда
И порази всѣхъ чудомъ. Выходи!
Я растворю твой склепъ. Настало время:
Оставь землѣ оцѣпенѣнье смерти
И снова къ жизни радостной вернись!

(*Герміона медленно спускается*).

Она идетъ, смотрите... Не пугайтесь,—
Она свята, какъ замыслы мои.
Не отстраняйтесь,—вы ее убьете
Вторично. Дайте руку ей. Во дни
Цвѣтущіе весны—она вамъ руку
Свою дала,—теперь свою вы дайте.

ЛЕОНТЪ.

Рука тепла! Пусть это волшебство,
Но пусть оно, какъ жизнь, законно будетъ.

ПОЛИКСЕНЪ.

Она его цѣлуетъ...

КАМИЛЛО.

Обвила
Руками шею... Если жизнь въ ней есть,—
Пусть говоритъ!

ПОЛИКСЕНЪ.

Пусть скажетъ, гдѣ жила,
Какъ смерти избѣжала...

ПАУЛИНА.

Если-бъ вамъ
Сказали, что жива она, тому
Вы посмѣялись бы какъ старой сказкѣ...
Но вотъ жива она, хотя безмолвна...
Терпѣнье! Вашъ чередъ теперь, дитя
Прелестное! Склонитесь и просите

Благословенья матери. Взгляните,
О, королева: Пердита нашлась!

(*Пердита падаетъ на колѣни передъ Герміоной*).

ГЕРМІОНА.

Вы, боги, къ намъ склоните ваши взоры
И дочь мою покройте благодатью!
Дитя, какъ ты спаслась? Гдѣ ты жила?
Какъ ты нашла дворецъ отца? Я знала
Черезъ Паулину, что сказалъ оракулъ:
Ты жить должна была, и для тебя
Я жизнь свою такъ долго сохраняла.

ПАУЛИНА.

На это будетъ время,—ваша радость
Смутится грустной повѣстью ея.
Пойдемте, вы несчастье побѣдили,—
И всѣ за васъ обрадуются. Я-же
Голубкой старой на изсохшей вѣткѣ
Оплакивать до смерти буду мужа,
Который не отыщется...

ЛЕОНТЪ.

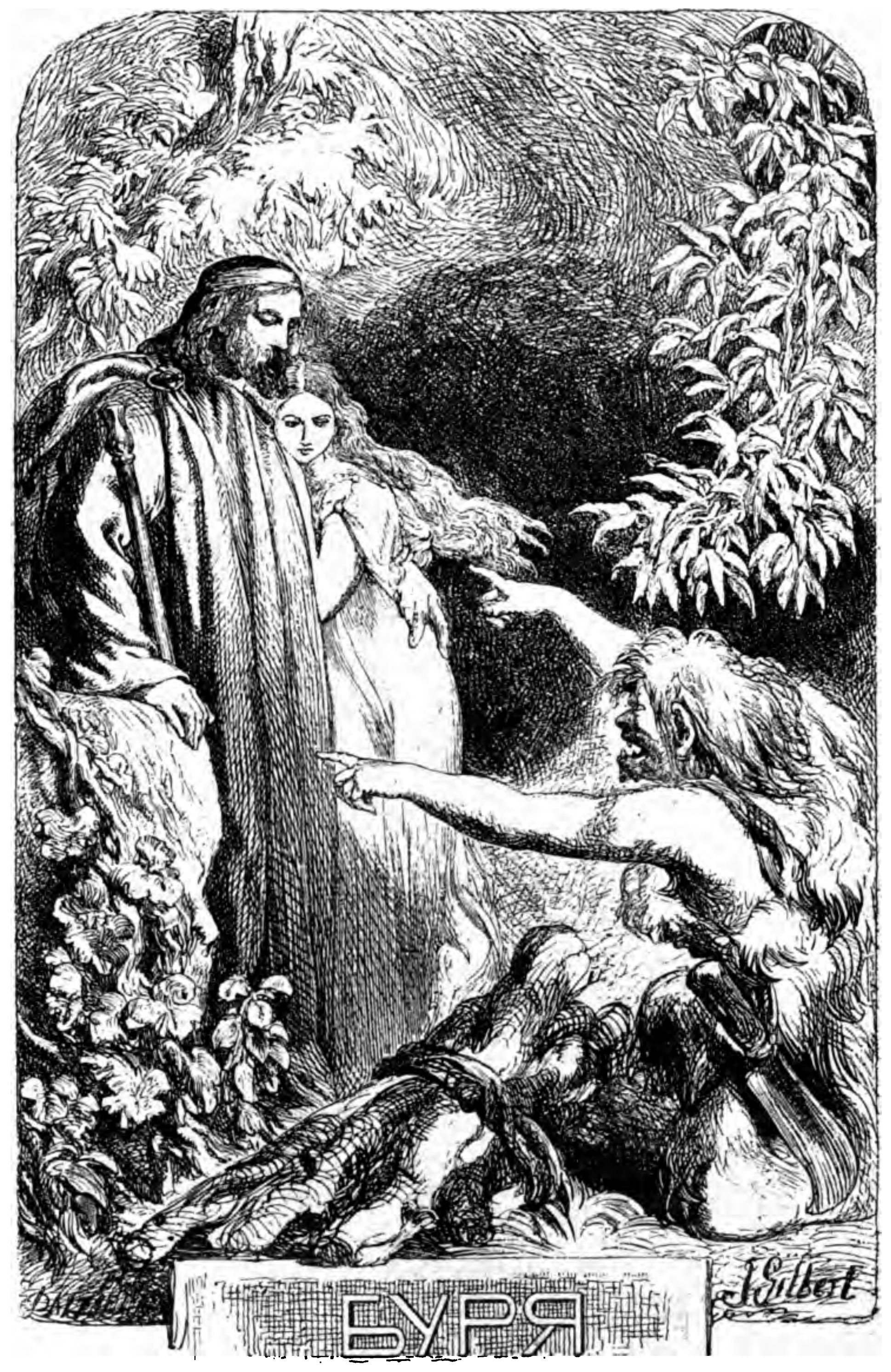
Паулина,
Ты мнѣ дала жену, за это я
Тебѣ дамъ мужа. Таково условье
Межъ нами было. Какъ ее нашла,—
Ты объяснишь потомъ; я видѣлъ самъ
Ее въ гробу и сколько разъ напрасно
Молился надъ могилою ея.
Сыскать тебѣ достойнаго супруга
Не долго мнѣ. Его я чувства знаю.
Камилло, подойди, дай руку. Сердце
И доблести ея сіяютъ ярко,—
Два короля порукой въ томъ. Идемте.
Иль нѣтъ, постойте. Герміона, вотъ
Мой братъ. Простите: чисты ваши души,
А я подозрѣвалъ васъ... Вотъ твой зять,—
Сынъ короля, онъ волею небесъ
Помолвленъ съ дочерью твоей. Паулина,
Ведите насъ туда, гдѣ мы могли
Не торопясь другъ другу разсказать,
Что было съ нами въ долгіе года
Разлуки... Ну, ведите насъ отсюда!

(*Уходятъ*).

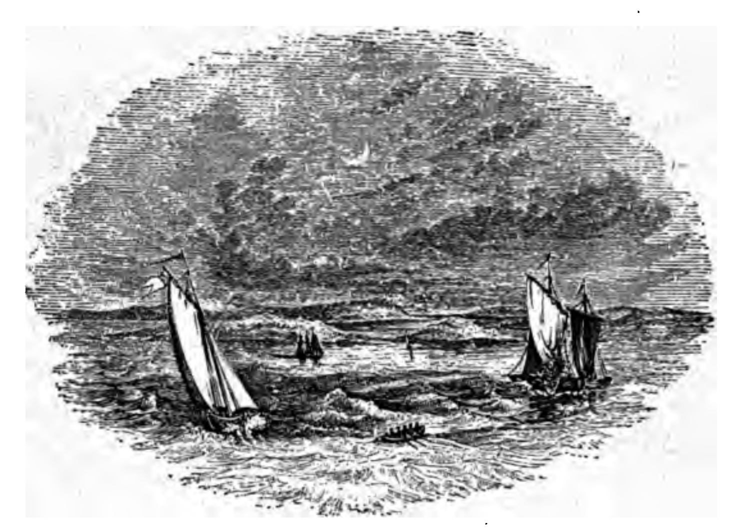
П. Гнѣдичъ.

Извѣстная англійская актриса 1840-хъ г. Уорнеръ (Warner) въ роли статуи—Герміоны.

Заглавная виньетка къ «Бурѣ» извѣстнаго англійскаго иллюстратора, сэра Джона Джильберта (Sir John Gilbert, род. 1817).

БЕРМУДСКІЕ ОСТРОВА.
(*Изъ изд. Найта*).

БУРЯ.

Среди произведеній Шекспира „Буря" занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ по количеству всевозможныхъ изслѣдованій, ей посвященныхъ. Обычные вопросы шекспировской литературы,—когда написана пьеса, откуда заимствованъ сюжетъ, какой общій и историческій смыслъ вложилъ Шекспиръ въ свое произведеніе,—относительно „Бури" рѣшаются съ особенными трудностями и вызываютъ у изслѣдователей исключительный интересъ.

Трудности и интересъ объясняются просто: не существуетъ вполнѣ опредѣленнаго первоисточника, лежащаго въ основѣ пьесы,—и чрезвычайно яркая, для всѣхъ очевидная субъективность ея содержанія.

Субъективность—такая рѣдкая черта въ творчествѣ Шекспира—именно въ „Бурѣ" получаетъ особенное значеніе,—высшее, чѣмъ въ „Гамлетѣ" и „Сонетахъ", также несомнѣнно субъективныхъ произведеніяхъ поэта.

„Буря"—одна изъ послѣднихъ, можетъ быть, даже послѣдняя драма Шекспира. Только развѣ „Генриха VIII" пришлось бы поставить послѣдней, но и это не помѣшало бы „Бурѣ" остаться настоящимъ личнымъ и художественнымъ завѣщаніемъ Шекспира, авторскимъ итогомъ столь содержательной и сильной жизни и дѣятельности.

Отсюда усиленное вниманіе изслѣдователей и настойчивое желаніе рѣшить, наконецъ, по одной драмѣ самую увлекательную и самую отвѣтственную задачу: кто былъ Шекспиръ, какъ человѣкъ и какъ художникъ?

На пути къ такому рѣшенію никакой вопросъ не кажется мелкимъ и безполезнымъ. Кропотливость труда обѣщаетъ слишкомъ роскошную награду!

И предъ нами длинный рядъ изысканій, толкованій, догадокъ. По словамъ ученѣйшаго издателя сочиненій Шекспира,—только о „Гамлетѣ" и „Юліѣ Цезарѣ" объяснительная литература столь же богата, какъ и о „Бурѣ"[1]). И богата не только количествомъ, но и въ высшей степени многообразными толкованіями. Никогда въ такой мѣрѣ остроуміе не соревновалось съ ученостью и восторженное чувство читателя не оказывало такой изумительной помощи самоотверженному усердію спеціалиста.

---

[1]) *A new variorum Edition of Shakespeare.* Edited by Horace Howard Furnes. Vol. IX Philadelphia, 1892. *Preface.* V.

Отсюда широкій общедоступный интересъ вопросовъ и отвѣтовъ, вызванныхъ „Бурей".

I.

Когда написана „Буря", увѣнчавшая долголѣтнюю литературную работу Шекспира?

Прямого отвѣта нѣтъ,—надо искать его окольнымъ путемъ, и вотъ первый точный показатель на этомъ пути—извѣстіе о постановкѣ „Бури" на сценѣ.

Въ февралѣ 1613 года англійская принцесса Елизавета вышла замужъ за Пфальцскаго корфюрста Фридриха. По случаю свадьбы состоялись театральныя представленія, и среди другихъ пьесъ была сыграна „Буря".

Слѣдовательно, „Буря" не могла быть написана позже начала 1613 года. Это—одинъ точный срокъ.

О другомъ приходится догадываться по содержанію самой пьесы.

Первое естественное предположеніе: не была ли пьеса написана ради именно свадьбы принцессы? Въ четвертое дѣйствіе „Бури" вставлена маскарадная сцена. Являются богини Ириса, Церера и Юнона съ свадебными поздравленіями. Это даетъ изслѣдователямъ право утверждать, что вся пьеса написана, какъ рамка для этой сцены. И потомъ, на свадьбѣ при королевскомъ дворѣ не стали бы возобновлять старой пьесы, а непремѣнно заказали бы новую.

Другія соображенія менѣе значительны: сравнительная краткость пьесы рядомъ съ другими драмами Шекспира, декораціи и костюмы не мѣняются,—все это разсчитано на быстроту параднаго спектакля [1]).

Всѣ эти доводы врядъ-ли убѣдительны.

Появленіе богинь съ поздравленіями необходимо по роду дѣйствія: Фердинандъ и Миранда—женихъ и невѣста и Просперо для нихъ устраиваетъ зрѣлище. Потомъ другіе изслѣдователи, принимая въ разсчетъ размѣры „Бури", заключаютъ совершенно обратное: эти размѣры не соотвѣтствуютъ обычнымъ „Маскамъ"—праздничнымъ представленіямъ во времена Шекспира, всегда очень краткимъ и сжатымъ [2]).

[1]) Garnett. *Die Entstehung und Veranlassung von Shakespeare's Sturm.* Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Geselschaft. XXXV Jahrgang. Брандесъ раздѣляетъ мнѣніе Гарнетта. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Москва, 1902. II, 372.

[2]) Montegut. *Une hypothèse sur la Tempête de Shakespeare.* Revue des deux mondes, 1865, 1 aout, 739.

Наконецъ, сравнительная краткость „Бури" вообще не доказательство [1]). „Комедія Ошибокъ", напримѣръ, гораздо короче. Можно предположить, что у Шекспира задолго до свадьбы принцессы Елизаветы была готова пьеса. На сценѣ она еще не появлялась, и поэтъ, можетъ быть, отвѣчая на запросы двора, предложилъ ее.

Можно привести нѣсколько соображеній и всѣ они будутъ противъ предположенія, будто „Буря" возникла нарочно ради свадьбы принцессы.

Свадьба совершилась послѣ очень печальнаго происшествія въ семьѣ короля: въ началѣ ноября 1612 года умеръ братъ невѣсты, принцъ Генрихъ. Король Іаковъ терялъ сына—это то же положеніе, говорятъ изслѣдователи, въ какомъ находился неаполитанскій король Алонзо въ „Бурѣ". Съ другой стороны, Іаковъ въ лицѣ мужа дочери вновь пріобрѣтаетъ себѣ сына, а это происходитъ съ Просперо, выдающимъ свою дочь за сына неаполитанскаго короля—Фердинанда.

Все это изслѣдователямъ кажется вполнѣ краснорѣчивыми сопоставленіями. Но если бы и согласиться съ подобными домыслами, пришлось бы для написанія „Бури" Шекспиру отвести очень мало времени.

Принцъ Генрихъ умеръ въ ноябрѣ, свадьба состоялась въ слѣдующемъ февралѣ. Для столь обработаннаго произведенія, какимъ является „Буря", это слишкомъ незначительный срокъ, особенно если принять во вниманіе личныя откровенія поэта, переполняющія пьесу. Поэтъ, видимо, очень тщательно писалъ ее, не менѣе тщательно чѣмъ „Гамлета", котораго онъ старательно передѣлывалъ. Недаромъ въ первомъ же изданіи 1623 года „Буря" оказалась съ необыкновенно чистымъ текстомъ, безпримѣрной правильности среди всѣхъ произведеній Шекспира.

Потомъ невольно бросается въ глаза одна особенность, совершенно умѣстная при общемъ лично прочувствованномъ характерѣ драмы, но едва-ли допустимая въ пьесѣ, написанной для придворнаго торжества. Немедленно послѣ явленія богинь и привѣтствій будущимъ новобрачнымъ, Просперо произноситъ рѣчь самаго грустнаго, безнадежнаго содержанія.

Онъ указываетъ на призрачность только что исчезнувшихъ видѣній и спѣшитъ напомнить Фердинанду и Мирандѣ: „вы ис-

[1]) Въ *Бурѣ* 2064 строки, въ *Комедіи ошибокъ*—1778. Ср. Furness, 271.

чезнете также",—„Самый шаръ земли, все, все сотрется въ прахъ, въ безслѣдный прахъ". Самъ Просперо замѣчаетъ: „прискорбно думать такъ"—и, несомнѣнно, столь прискорбныя мысли совсѣмъ не шли въ тактъ съ празднествомъ, на которомъ и безъ подобныхъ напоминаній лежала тѣнь отъ еще свѣжаго траура королевской семьи.

Шекспиръ былъ слишкомъ тонкимъ психологомъ и опытнымъ свѣтскимъ поэтомъ, когда это требовалось, чтобъ изъ такихъ сочетаній составить пьесу для королевскаго спектакля.

Приходится искать другихъ данныхъ—опредѣлить болѣе точный срокъ, когда возникла „Буря".

Данныхъ этихъ довольно много, и они съ теченіемъ времени умножились въ зависимости отъ усердія изслѣдователей. И цѣнность данныхъ вышла далеко не одинаковой, нерѣдко даже совсѣмъ сомнительной.

Первый фактъ, наиболѣе достойный вниманія—рѣчь Гонзало во второмъ дѣйствіи. Старый придворный неаполитанскаго короля мечтаетъ объ идеальномъ человѣческомъ обществѣ, гдѣ нѣтъ ни богатства, ни нищеты, вообще личной собственности, гдѣ царствуетъ нравственная чистота и искренность. Эта рѣчь совпадаетъ съ разсужденіями Монтэня въ его „Опытахъ", именно съ главой о каннибалахъ.

Монтэнь желалъ превознести американскихъ дикарей предъ европейцами, гордыми своей цивилизацiей. Часть этихъ восхваленій Гонзало воспроизводитъ почти буквально.

Заимствованіе—внѣ сомнѣнія. Англійскій переводъ Монтэня вышелъ въ 1603 году. До сихъ поръ сохранился экземпляръ этой книги, принадлежавшій Шекспиру и съ его подписью. Можно, слѣдовательно, думать, что Шекспиръ отсюда взялъ рѣчь своего героя. Такъ и думаетъ большинство изслѣдователей, давая обыкновенно наглядныя сопоставленія текста у Монтэна и у Шекспира. А самые осторожные только это сопоставленіе и считаютъ несомнѣнными данными для рѣшенія вопроса [1]).

Но Шекспиръ могъ и изъ подлинника сдѣлать заимствованіе: по французски онъ читалъ,—и такъ именно думаютъ нѣкоторые, а потомъ второе изданіе англійскаго перевода вышло въ 1613 году и это другимъ изслѣдователямъ дало основаніе утверждать, что и „Буря" относится къ этому году [1]).

Въ подкрѣпленіе 1603 года и ближайшихъ лѣтъ приводится другое заимствованіе Шекспира. Упомянутая грустная рѣчь Просперо встрѣчается со стихами трагедіи лорда Стерлинга—„Дарій". Здѣсь говорится: „пусть величіе тщеславится своими ничтожными интересами, которые—не что иное какъ трости, способныя быстро сломаться и разлетѣться въ куски; пусть наши умники восхищаются земною пышной суетой,—все исчезаетъ, едва оставляя послѣ себя слѣдъ; эти раззолоченные дворцы, эти великолѣпныя столь роскошно убранныя залы, эти вздымающіяся до небесъ башни—все это исчезнетъ въ воздухѣ какъ дымъ" [2]).

Просперо говоритъ именно о дворцахъ и башняхъ. Долженъ ли былъ Шекспиръ ради этихъ предметовъ заимствовать чужіе стихи—для мысли, чрезвычайно ему близкой въ теченіе всей его литературной дѣятельности? Тѣмъ болѣе, что его Просперо всю рѣчь направляетъ къ тому, чтобы доказать ничтожность и самого человѣка, а не только внѣшняго великолѣпія.

Трагедія Стерлинга вышла въ свѣтъ въ 1604 году,—слѣдовательно, Шекспиръ, если онъ чѣмъ обязанъ этому писателю, не могъ написать „Бури" раньше этого года.

Наконецъ, одинъ нѣмецкій ученый, замѣчательный знатокъ Шекспира и современной ему литературы, открылъ намекъ, пріурочивающій „Бурю" прямо къ 1604 году [3]).

Ссылки на Монтэня и Стерлинга не помѣшали англійскому изслѣдователю, очень ученому и остроумному, пойти наперекоръ общему убѣжденію, что „Буря" одно изъ позднѣйшихъ произведеній Шекспира,—напротивъ, „Буря" одна изъ раннихъ пьесъ. Она яко-бы указана въ извѣстной книгѣ Миреса—„Сокровищница Паллады". Здѣсь перечисляются произведенія Шек-

1) Meissner. *Untersuchungen über Shakespeare's Sturm*. Dessau, 1872, 57—8.—Furness, 305.

Boylo. *Shakespeare's Wintermärchen und Sturm*. S.-Petersburg. 1885, 31—2.

1) «Voici certainement un des faits les plus curieux de l'histoire littéraire: Shakespeare traduisant Montaigne» François-Victor Hugo. Oeuvres complètes de W. Shakespeare. II, 311. Note 21—о 1613 годѣ мнѣніе Chalmers'a, cp. Furness. 277—8.

2) *On the origin of Shakespeare's Tempest The Corngill Magazin* 1872. oct., 420. Брандесъ, 380.

3) K. Elze, *Jahrbuch*, VII, 29. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы Джонсона *Volpone* говоритъ объ усиленныхъ заимствованіяхъ современныхъ англійскихъ писателей у *Монтэна*, *Volpone* представлено въ 1605 году, а намекъ мѣтилъ на Шекспира, воспользовавшагося англійскимъ переводомъ 1603 года,—слѣдовательно, «Буря» падаетъ вѣроятнѣе всего на 1604 годъ.

спира, написанныя до 1598 года, всѣ они у насъ есть, за исключеніемъ одного—Love Labour's Won, т. е. „Вознагражденныя усилія любви". Что эта за пьеса?

Ученый рѣшаетъ, что это и есть „Буря". Фердинандъ, подвергнутый испытанію по волѣ Просперо, получаетъ руку Миранды, и „Буря" сначала имѣла двойное названіе: „Буря или вознагражденныя усилія любви", все равно какъ комедія: „Двѣнадцатая ночь или что вамъ угодно".

Ученому возражали, что Фердинанду не приходится добиваться ни любви, ни руки Миранды: и то, и другое ему завѣдомо принадлежитъ [1]).

Такъ различно рѣшаютъ вопросъ на основаніи литературныхъ данныхъ. Но существуютъ данныя другого порядка—историческія, и они именно болѣе или менѣе помогаютъ установить хронологію „Бури".

II.

Пьеса называется „Буря", въ ней описывается кораблекрушеніе, Аріэль говоритъ о Бермудскихъ островахъ, знаменитыхъ бурями: вотъ точки отправленія для разныхъ соображеній и умозаключеній.

Прежде всего извѣстно, что Шекспиръ нѣкоторымъ пьесамъ давалъ названія не по ихъ содержанію, а въ зависимости отъ времени ихъ появленія на сценѣ. Напримѣръ—дѣйствіе „Зимней Сказки" совершается не зимой, и „Сонъ въ Иванову ночь"—не лѣтомъ, а весной. Надо полагать—„Зимная Сказка" была поставлена въ декабрѣ, а „Сонъ въ лѣтнюю ночь"—въ іюнѣ. И „Буря" получила свое названіе отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Въ 1612 году въ теченіе октября, ноября и декабря въ Англіи свирѣпствовали страшныя бури. Причиняли онѣ великія бѣдствія на морѣ и на сушѣ. Однажды въ продолженіе двухъ часовъ погибло около ста кораблей.

По поводу бурь возникла цѣлая литература,—съ соотвѣтственными иллюстраціями; разсказывались и чудесныя спасенія, и разные ужасы, была сочинена даже особая молитва и приложена къ одной изъ книгъ. „Буря" и могла быть написана въ періодъ бурь,—осенью или зимой 1612 г.,—и поставлена на сцену въ началѣ слѣдующаго года. Можно сдѣлать и другое заключеніе: пьеса написана лѣтомъ 1612 года и поставлена осенью того же года [1]).

Естественно является возраженіе: „вѣдь въ „Бурѣ" дѣйствительно изображается буря,—она стоитъ во главѣ дѣйствія, она—виновница всѣхъ событій, какія разыгрываются на островѣ Просперо. Ничего не было проще—подобную пьесу назвать „Бурей".

Дальше,—кораблекрушеніе и Бермудскіе острова.

Эти данныя оказались до такой степени внушательными, что обширный разрядъ изслѣдователей о „Бурѣ" можно назвать *бермудистами*.

Самое раннее упоминаніе о Бермудскихъ островахъ принадлежитъ знаменитому мореплавателю Рэли (Raleigh) въ книгѣ, напечатанной въ 1569 году—„Открытіе Гвіаны". Здѣсь говорится о дурной славѣ острововъ, окруженныхъ вѣчно кипящимъ моремъ. Жители прозвали ихъ „Чортовыми островами". Ходила молва, что Бермуды населены злыми духами. Но до 1609 года представленія англичанъ объ этихъ островахъ были смутны.

Въ этомъ году изъ Англіи въ Америку отправился флотъ изъ восьми кораблей подъ начальствомъ Джоржа Соммерса съ экипажемъ, предназначеннымъ для новой колоніи—Виргиніи. Первое поселеніе относится къ маю 1607 года. Оно состояло изъ 105 колонистовъ. Компанія для заселенія Виргиніи возникла въ 1609 году, и съ этихъ поръ Виргинія стала расти. Слѣдуетъ замѣтить, что лица, близко стоявшія къ Шекспиру, принимали дѣятельное участіе въ колонизаціи,—лордъ Соутгамптонъ и Пемброкъ, главные покровители Шекспира.

Экспедиція Соммерса должна была привлечь особенное вниманіе англичанъ. Его флотъ былъ застигнутъ бурей. Семь кораблей успѣли достигнуть Виргиніи, но адмиральскій корабль—самый новый и самый крѣпкій—далъ течь. Матросы принялись откачивать воду,—но не могли справится, изнемогли и въ отчаяніи ждали своей судьбы. Адмиралъ съ минуты на минуту готовился погрузиться съ кораблемъ. Вдругъ онъ замѣтилъ вблизи землю. Не

---

[1]) Hunter. *Disqusition on the Scene, Origine Date of Shakespeare's Tempest*, 1839, ср. Furness 284—288.

[1]) Родоначальникъ этого предположенія Malone, извѣстный англійскій шекспирологъ XVIII вѣка. Современемъ самъ Malone оставилъ свою гипотезу и относилъ «Бурю» къ 1611 году,—но гипотеза нашла новыхъ сторонниковъ. Ср. Meissner, 113—4. Furnes, 274—5.

игранныхъ [1]). Одинъ документъ особенно цѣненъ.

Онъ относится къ Нюренбергу и упоминаетъ «Сидею".

Въ концѣ 1613 года англійскими актерами въ Нюренбергѣ было сыграно нѣсколько прекрасныхъ „трагедій и комедій" и между ними названа трагедія о „Целидѣ и Седеѣ" [2]). Можно это понимать двояко: или это заглавіе одной пьесы, или это двѣ пьесы, тѣмъ болѣе, что передъ нами несомнѣнное произведеніе нюренбергскаго писателя—„Comedia von der schönen Sidea"—„Комедія о прекрасной Сидеѣ". И комедія эта уже давно существовала, такъ какъ авторъ ея умеръ въ 1605 году.

Въ какомъ отношеніи она стоитъ къ „Бурѣ"?

Можетъ быть три рѣшенія: Шекспиръ обязанъ Айреру, Айреръ обязанъ Шекспиру, наконецъ, оба они обязаны какому-либо другому автору и почерпнули свои пьесы изъ одного общаго источника.

При выборѣ отвѣта надо принять во вниманіе, что пьесы Айрера были извѣстны не только англійскимъ актерамъ, игравшимъ въ Германіи; ихъ зналъ и Шекспиръ. По крайней мѣрѣ, его комедіи—„Много шуму изъ ничего" и „Виндзорскія проказницы" имѣютъ ясныя соприкосновенія съ пьесой Айрера и двумя пьесами другого современнаго нѣмецкаго драматурга [3]). Вообще, о взаимныхъ вліяніяхъ англійской и нѣмецкой драматической литературы въ XVI и XVII вѣкахъ не можетъ быть сомнѣнія. Культурныя связи обѣихъ странъ, благодаря реформаціонному церковному движенію, были тѣсны и многосторонни. Сочиненія Лютера читались въ Англіи, въ англійскихъ университетахъ дѣйствовали германскіе богословы, англійскіе актеры могли играть пьесы на нѣмецкомъ языкѣ. Недаромъ современникъ Шекспира, Марло, занялся обработкой германской легенды о докторѣ Фаустѣ, а самъ Шекспиръ своего любимаго героя—Гамлета заставилъ учиться въ Виттембергскомъ университетѣ.

Но уполномочиваетъ ли все это насъ на заключеніе, что первоисточникъ „Бури"—пьеса Айрера?

Самъ виновникъ открытія—Тикъ—не видѣлъ прямыхъ заимствованій англійскаго драматурга у нѣмецкаго, признавая общій источникъ въ основѣ „Бури" и „Прекрасной Сидеи".

Къ тому же заключенію пришелъ и англійскій изслѣдователь, тщательно изучившій старинныя связи англійской и нѣмецкой сцены: Айреръ не изобрѣлъ сюжета своей пьесы, а передѣлалъ какую-либо нѣмецкую пьесу. До Шекспира могли дойти или эта названная нѣмецкая пьеса или передѣлка Айрера. Во всякомъ случаѣ, въ пьесахъ Шекспира и Айрера имѣются черты настолько сходныя, что общій источникъ не подлежитъ сомнѣнію [1]).

Позднѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи рѣшили вопросъ безповоротно: Шекспиръ обязанъ пьесой Айреру, тѣмъ болѣе, что „Буря", несомнѣнно, моложе „Прекрасной Сидеи".

До сихъ поръ споръ не можетъ считаться законченнымъ, и ведется онъ не безъ участія національныхъ чувствъ со стороны англійскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ относительно оригинальности Шекспира, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ Айреромъ, можетъ быть рѣшенъ безъ затрудненій и вполнѣ назависимо отъ какого бы то ни было предубѣжденія въ пользу Шекспира, какъ неизмѣримо болѣе даровитаго поэта.

Пьеса Айрера начинается борьбой двухъ князей—Лудольфа и Лейдегаста. Лудольфъ побѣжденъ; врагъ его щадитъ съ условіемъ, что онъ оставитъ страну съ своей дочерью Сидеей и возьметъ съ собой лишь то, что можетъ снести самъ и его дочь. Лудольфъ беретъ только бѣлый жезлъ. Это—орудіе его волшебства. У Лудольфа слугой является духъ Рупцифалъ. Онъ предсказываетъ изгнаннику, что ему удастся скоро отомстить врагу, къ Лудольфу попадетъ плѣнникомъ сынъ Лейдегаста. Такъ это и сбывается во время охоты. Принцъ Энгельбрехтъ является слугой Си-

[1]) Cohn. Shakespeare in Germany in the XVI and XVI Century. London 1865, chapter IX.

[2]) Cohn. LXXXVII.

[3]) Пьеса Айрера—*Phoenihia*, драматургъ Юлій, герцогъ Брауншвейгскій. Ср. *The Cornhile Magazine*, 418, Meissner. 16. и пред. проф. О. А. Брауна къ «Винд. прок.» во II т. настоящаго изд.

[1]) Cohn. LXVIIIXL XI.

[2]) Meissner, 1 16. Есть и въ Англіи сторонники той же идеи. Ср. Furness, 341. Самъ Furness рѣшительный противникъ ея. Boyle сюжетъ пьесы Айрера приводитъ въ связь съ событіями въ Литвѣ, въ XIV вѣкѣ, исторія Лудольфа, литовскаго князя, и Лейдегаста, виленскаго владѣтеля—отраженіе отношеній между Ягелло и Витольдомъ. У Айрера дѣйствительно—Лудольфъ «der Fürst in Littau , а Лейдегастъ «der Fürst in der Wiltau».—Wiltau—старинное нѣмецкое названіе Вильны.

деи и она заставляетъ его носить дрова; потомъ она чувствуетъ жалость и любовь къ Энгельбрехту, предлагаетъ ему бѣжать съ ней, стать ея мужемъ. Послѣ разныхъ приключеній молодыхъ людей, все кончается къ общему благополучію: бракъ дѣтей примиряетъ отцовъ.

При первомъ же сопоставленіи пьесъ ясны общія сходства: принцъ попадаетъ во власть волшебника, противника его отца, вызываетъ любовь у дочери волшебника и эта любовь устраняетъ старую вражду.

Не мало и отдѣльныхъ сходныхъ чертъ. Лудольфъ обезоруживаетъ Энгельбрехта силой своихъ чаръ, также какъ и Просперо Фердинанда. Энгельбрехтъ является слугой и носитъ дрова, такъ же какъ и Фердинандъ. Сидея, полная состраданія, подобно Мирандѣ, сама объясняетъ свою любовь несчастному принцу. У Лудольфа двое слугъ—духъ и Янъ Моситоръ—грубое созданіе; у Просперо Аріэль и Калибанъ. Особенно любопытно объясненіе Сидеи и Энгельбрехта, полное простодушія и непосредственнаго чувства,—основная черта Миранды.

Можно не увлекаться всѣми этими сопоставленіями, не видѣть прямыхъ заимствованій Шекспира, но нельзя отрицать очевидности, видѣть простое словесное совпаденіе въ отдѣльныхъ сценахъ. Между пьесами Шекспира и Айрера, несомнѣнно, существуетъ сходство въ сюжетѣ и отчасти въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Можно припомнить, что нѣкоторые мотивы—исконное достояніе вообще европейскихъ литературъ, напримѣръ: неволя принца у волшебника и полученіе свободы подъ условіемъ наносить большую кучу дровъ. Но мы и не думаемъ „Прекрасную Сидею" признавать непосредственнымъ источникомъ „Бури". Мы можемъ только установить фактъ, что Шекспиръ не изобрѣтатель сюжета, онъ его получилъ изъ чужихъ рукъ точно такъ же, какъ сюжеты и другихъ своихъ пьесъ.

Это отнюдь не уменьшаетъ блеска Шекспировскаго таланта; напротивъ, только показываетъ, съ какой глубокой обдуманностью создавалъ свои произведенія поэтъ, говорятъ—ни разу не вычеркивавшій разъ написанныхъ стиховъ.

Именно процессъ работы Шекспира надъ заимствованными сюжетами—нашъ самый надежный путеводитель въ области его творчества. Рѣшить вопросъ, какъ Шекспиръ воспользовался чужой темой, чѣмъ пренебрегъ, что прибавилъ, какъ видоизмѣнилъ—значитъ проникнуть въ сущность намѣреній поэта и овладѣть единственно реальной, вполнѣ надежной нитью въ столь сложномъ сооруженіи его творческаго генія.

Это вполнѣ примѣнимо и къ „Бурѣ".

Посмотримъ же, какъ Шекспиръ приспособлялъ въ своей работѣ чужой матеріалъ. Это будетъ важный шагъ къ пониманію „Бури".

V.

Прежде всего—мѣсто дѣйствія.

У Айрера—лѣсъ; у Шекспира—островъ. Зачѣмъ Шекспиру понадобился островъ?

Отвѣтъ мы знаемъ: Шекспиръ жилъ въ эпоху колонизаціоннаго движенія, безпрестанныхъ столкновеній стараго культурнаго міра съ новымъ, первобытнымъ. Въ литературѣ и въ обществѣ сталкивалось два теченія: мечтательное и реальное. Мечты—это многочисленныя утопіи, возникавшія въ XVI вѣкѣ въ разныхъ европейскихъ странахъ, грезы о золотомъ вѣкѣ, объ естественномъ царствѣ правды, красоты и счастья. Въ Англіи это теченіе въ началѣ XVI вѣка представлялъ Томасъ Моръ, и къ концу вѣка по Франціи Монтэнь, скоро ставшій извѣстнымъ и въ Англіи.

Томасъ Моръ описывалъ нѣкій островъ—Утопію. Въ шекспировской литературѣ это описаніе не считается достойнымъ вниманія, а между тѣмъ, нѣкоторыя черты чрезвычайно любопытны. Можно сказать, Моръ творецъ образцовъ, по какимъ Шекспиръ создалъ Просперо и Калибана.

На островѣ Утопіи нѣкоторые обитатели, по волѣ народа, освобождаются отъ всякой работы и получаютъ право заниматься исключительно наукой. На томъ же островѣ существуютъ рабы для тяжелыхъ и отталкивающихъ работъ; рабъ не по природѣ, а въ наказанье за преступленіе, какъ и у Просперо Калибанъ.

Это очень краснорѣчивыя идеи для Шекспира, несомнѣнно читавшаго сочиненія Мора и извлекшаго изъ его историческаго сочиненія своего Ричарда III-го.

Но это одно направленіе мысли—утопическое. Оно по существу заключало въ себѣ отрицательную критику существующаго культурнаго строя и, слѣдовательно, могло привести къ идеализаціи естественнаго первобытнаго человѣка. Такъ это и было у Монтэня.

Возникъ вопросъ съ многовѣковымъ и необыкновенно шумнымъ будущимъ: о преимуществахъ дикаго состоянія и о порокахъ цивилизаціи.

Многочисленныя сообщенія путешественниковъ шли на встрѣчу задачѣ времени и давали пищу другому, противоположному теченію въ литературѣ—реальному.

Идеальный естественный человѣкъ, изображенный тоскующей душой цивилизованнаго европейца, встрѣтился съ подлиннымъ дикаремъ. Англійскіе мореплаватели неоднократно привозили съ собой въ Лондонъ индѣйцевъ, и Шекспиръ могъ наблюдать ихъ и сравнивать дѣйствительность съ художественно - философскимъ вымысломъ.

И вотъ, онъ создаетъ свою утопію, свой островъ, только съ реальнымъ, по его мнѣнію, первобытнымъ человѣкомъ. Онъ желаетъ по-своему изобразить столкновеніе цивилизованнаго міра съ міромъ дикарей. Для этого ему нуженъ островъ, заброшенный гдѣ-то въ таинственную даль океана. И лѣсъ первоисточника превращается въ островъ, и непремѣнно заколдованный.

Это, во-первыхъ, соотвѣтствуетъ вкусамъ современной публики, довѣрчиво слушавшей разсказы моряковъ о разныхъ чудесахъ. А потомъ—на островѣ произойдетъ фантастическая борьба цивилизаціи и дикости, также философски - обобщенная, художественно выполненная борьба. Шекспиръ вѣритъ, что по существу его изображеніе не противорѣчитъ явленіямъ жизни. Но это—обобщеніе явленій, а не историческое воспроизведеніе фактовъ, и поэтъ выбираетъ сцену дѣйствія за предѣлами бытовой дѣйствительности. Наконецъ, есть еще причина острову быть заколдованнымъ,—такъ же, почему Просперо долженъ остаться чародѣемъ.

Чародѣемъ является и герой первичной драмы. Но Лудольфъ—просто колдунъ, какимъ вообще рисуется колдунъ въ народномъ воображеніи. У него единственное орудіе—жезлъ.

Просперо—чародѣй въ томъ смыслѣ, въ какомъ темные люди считали въ старое время великихъ ученыхъ. Чародѣйства Лудольфа для автора первичнаго сказанія вполнѣ реальны, просты; чары Просперо—нѣчто иносказательное, метафизическое, будто переносное, фигуральное выраженіе для совершенно другого понятія, какъ напр., поэты луну называли цѣломудренной Діаной; солнце—блестящимъ Фебомъ.

Можно луну назвать Діаной, а можно и просто назвать луной; такъ и чародѣйства Просперо можно признавать за чудеса духа Аріэля, и можно свести ихъ и къ реальному понятію: воздѣйствію геніально-ученаго ума на природу.

Вѣроятно, только этимъ понятіемъ и пришлось бы пользоваться, еслибы Просперо предоставили дѣйствовать въ Миланѣ, среди человѣческаго общества, а не заставляли поселиться на пустынномъ островѣ.

Сила Просперо не въ жезлѣ, а въ книгахъ. Ихъ онъ изучаетъ цѣлую жизнь. По обычному представленію—чародѣи родятся; Просперо дѣлается чародѣемъ путемъ самаго упорнаго труда. Его вѣдомство—вѣдѣніе въ буквальномъ смыслѣ. Онъ много можетъ, потому что много знаетъ. А знаніе есть сила, сказалъ современникъ Шекспира Бэконъ, и Просперо воплощеніе этой силы.

Шекспиръ всегда прославлялъ ее. Еще въ „Генрихѣ VI-мъ", мы слышимъ:

Въ ученьи—сила,
Которой мы паримъ на небеса,
Въ невѣжествѣ-же—Божіе проклятье.

Позже—въ комедіи „Много шуму изъ ничего"—повторена основная мысль Бэкона: „Опытъ—спутникъ науки". А въ пьесѣ „Периклъ" даже набросанъ первый очеркъ Просперо. Это эфесскій вельможа—Церимонъ, говорящій:

Я почиталъ
Всегда гораздо выше, чѣмъ богатство
Иль знатный родъ науки и труды.
Два первыя затмятся иль исчезнутъ
Въ рукахъ дурныхъ наслѣдниковъ; вторые жъ
Ведутъ людей къ безсмертью, облекая
Ихъ славою боговъ.

Наконецъ, что такое Гамлетъ? Развѣ это не Просперо въ Миланѣ, сначала не изгнанный, но гонимый, а потомъ и дѣйствительно изгнанный.

На личности Гамлета видимо сосредоточены лучшія чувства поэта, и Гамлетъ представляютъ, прежде всего, неустанно работающую мысль, беззавѣтную преданность наукѣ. И вотъ Просперо изъ этой породы, на взглядъ Шекспира—благороднѣйшей среди людскихъ породъ.

Но почему же Просперо просто не ученый и мыслитель, а еще волшебникъ? Признать-ли это также аллегоріей или здѣсь есть нѣчто, указывающее на извѣстный взглядъ поэта.

Снова вспомнимъ Гамлета.

Есть многое на небѣ и землѣ,
Что и во снѣ, Горацiо, не снилось
Твоей учености.

Что это значитъ? Это говорится по поводу явленiя тѣни отца Гамлета. Фактъ—не допускаемый опытной положительной наукой. Но Шекспиръ и не допускалъ, чтобы только допускаемое этой наукой исчерпывало весь безграничный океанъ жизни.

Истинный мудрецъ не тотъ, кто суевѣрiя предпочитаетъ наукѣ, и не тотъ, кто изъ науки творитъ себѣ кумира, новое суевѣрiе, а кто скромно сознаетъ предѣлы человѣческаго знанiя и не рѣшается утверждать безусловное ничто за этими предѣлами, только потому, что онъ не въ силахъ переступить ихъ.

И въ душѣ Шекспира гордая вѣра мыслителя съ мудрымъ смиренiемъ человѣка, и это смиренiе давало ему, какъ поэту, право говорить о невѣдомомъ и неразгаданномъ.

Здѣсь была еще и другая причина.

Шекспиръ, человѣкъ шестнадцатаго вѣка, стоялъ на границѣ двухъ мiросозерцанiй. Опытное знанiе заявило свои права и ему принадлежало будущее. Но средневѣковые туманы не могли разсѣяться сразу предъ восходящимъ солнцемъ разума. И надъ умами лучшихъ людей разстилалась будто утренная мгла, еще не осиленная дневнымъ свѣтомъ. И даже положительныя науки носили двойственную окраску: химiя не успѣла вполнѣ освободиться отъ алхимiи, все еще находились искатели философскаго камня; астрологiя безпрестанно соревновала съ астрономiей, и не переводились составители гороскоповъ, даже среди настоящихъ знатоковъ новой науки.

Въ Англiи не рѣдкость было встрѣтить вполнѣ добросовѣстнаго ученаго, вѣровавшаго въ духовъ и занятаго магическими упражненiями. Шекспиръ могъ знать одного изъ такихъ—даровитаго астронома и математика, доктора Ди (Dee). Онъ пришелъ къ убѣжденiю, что высшая ступень философiи ведетъ къ сношенiю съ духами. И Ди добивался этихъ сношенiй и умеръ въ нищетѣ и въ поискахъ за философскимъ камнемъ [1]). Англичане могли читать книгу чрезвычайно внушительнаго автора, самого короля Iакова. Это цѣлое изслѣдованiе по „Демонологiи“; король доказывалъ, что колдовство и духи дѣйствительно существуютъ, и что дѣйствiя колдуновъ заслуживаютъ суроваго наказанiя [1]). Наконецъ, самые успѣхи опытныхъ наукъ у людей пылкаго воображенiя могли вызвать чрезвычайно смѣлыя надежды на будущiя завоеванiя человѣческаго разума. И полный образъ ученаго XVI-го вѣка непремѣнно долженъ былъ вмѣщать не только основную новую идею: опытъ—спутникъ науки, но и отражать гамлетовское поученiе Горацiо.

Такъ Шекспиръ видоизмѣнилъ или восполнилъ мотивы, найденные имъ въ первоисточникѣ „Бури“. Все это онъ сдѣлалъ на основанiи простого, давно усвоеннаго имъ правила, чѣмъ долженъ быть театръ: „Время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ“, говоритъ Гамлетъ.

Преобразованiя, естественно, распространялись на все дѣйствiе пьесы.

VI.

Калибану посвящена обширная литература. Всѣ изслѣдователи единодушно восхищаются силой поэтическаго творчества: Шекспиръ создалъ яркiй реальный образъ, не имѣя предъ глазами подлинника. И по мнѣнiю многихъ, для Калибана даже вовсе не существуетъ подлинника. Шекспиръ будто предчувствовалъ дарвиновскую теорiю и создалъ типъ промежуточный, восполняющiй пробѣлъ между четвероногими и человѣкомъ [2]). Другiе признаютъ Калибана даже по внѣшности не вполнѣ человѣкомъ, а чѣмъ-то вродѣ полурыбы, полутюленя, а одинъ артистъ изображалъ Калибана на сценѣ хвостатой обезьяной [3]). На самомъ дѣлѣ Калибанъ туземецъ новаго свѣта—ни болѣе ни менѣе, и въ сущности творчество Шекспира здѣсь не выше, чѣмъ въ созданiи и другихъ образовъ.

Калибанъ изображенъ чрезвычайно рѣзкими чертами. Просперо говоритъ о немъ самыя презрительныя рѣчи; даже Тринкуло и Стефано, грубѣйшiе представители европейскаго общества, называютъ Калибана рыбой, чудовищемъ, уродомъ. Но все это не слѣдуетъ понимать буквально. Сильныя опре-

1) Drake. *Shakespeare and his Times*. II, 510.

1) Книга вышла въ 1597 году. Цитаты изъ нея у François-Victor Hugo, 81—2.

2) Furnees. V. Roden *Shakespeare's Sturm*, 44, мнѣнiе Вильсона, въ соч. *Caliban the Missing-Link*.

3) Clement *Shakespeare's Sturm* Leipzig 1846, 86 ect. Meissner 61.

разстается со своимъ чудодѣйственнымъ поприщемъ [1]).

Это толкованіе, предложенное французскимъ писателемъ, можетъ считаться образцомъ многочисленныхъ психологическихъ объясненій „Бури". Съ разными частными видоизмѣненіями оно повторяется другими изслѣдователями [2]). У нѣкоторыхъ надъ автобіографическими объясненіями преобладаютъ культурно-историческія. Доказывается, напр., что „Буря" Шекспира изображаетъ подлинную бурю, современную Шекспиру, могучее умственное движеніе, волновавшее умы Европы съ конца XV-го вѣка и до конца XVI-го вѣка. Отдѣльныя лица представляютъ разныя умственныя направленія или культурные уровни человѣческаго общества. Просперо олицетворяетъ Возрожденіе; его братъ, его притѣснитель—схоластику; Аріэль—воплощеніе естественныхъ силъ, вообще природы, естественности, занимавшихъ такое видное мѣсто въ міросозерцаніи Возрожденія. Калибанъ, разумѣется, изображаетъ варварство. Любовь Миранды и Фердинанда блещетъ такой непосредственностью, искренностью, какими вообще отличалось чувство въ эпоху Возрожденія [3]).

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ имѣется вѣрная основа: Шекспиръ вообще поэтъ Возрожденія и защитникъ передовыхъ идей своего времени. Но это, однако, отнюдь не уполномочиваетъ живыхъ лицъ его сцены превращать въ аллегоріи.

По указанію того-же французскаго автора, король Іаковъ сурово осудилъ духовъ, сверхъестественную власть человѣка; Шекспиръ-же всталъ на защиту и духовъ и этой власти,—какъ поэтъ, напитанный народнымъ творчествомъ, и какъ мыслитель, вѣрующій въ будущіе широкіе кругозоры человѣческаго духа [4]).

Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ можетъ быть своя доля очевидной истины, и меньше всего тамъ, гдѣ толкователи усиливаются свести всю пьесу къ притчѣ, а дѣйствующихъ лицъ къ олицетвореніямъ нравственныхъ понятій. Никогда талантъ Шекспира не могъ упасть до такого уровня, гдѣ со сцены исчезла бы реальная игра человѣческихъ силъ и страстей, и оставались только преднамѣренныя комбинаціи отвлеченныхъ представленій.

Совершенно напротивъ — именно въ „Бурю" во всей полнотѣ вложена душа поэта. Мало сказать, пьеса его завѣщаніе; не всякое завѣщаніе отражаетъ всего человѣка со всѣмъ, что онъ пережилъ и передумалъ. Завѣщаніе—заключительный моментъ жизни, и воспроизводитъ настроенія человѣка въ этихъ именно моментахъ. Такъ и поняли „Бурю" ея автобіографическіе толкователи. Для нихъ рѣшающій и руководящій фактъ—рѣчи Просперо, гдѣ говорится объ уходѣ на покой.

Мы думаемъ—смыслъ пьесы и шире, и глубже. Его слѣдуетъ искать въ связи съ другими произведеніями Шекспира. Если „Буря" вѣнецъ его литературной дѣятельности, — онъ не могъ не воспроизвести въ ней самыхъ упорныхъ своихъ думъ, самыхъ неотвязчивыхъ своихъ образовъ. И если мы припомнимъ наиболѣе лирическія, и, несомнѣнно, наиболѣе *личныя* рѣчи въ драмахъ поэта — мы сумѣемъ постигнуть эти думы и образы.

Шекспиръ былъ актеръ и писалъ для сцены. И вотъ сцена дала ему самое излюбленное изображеніе человѣческой жизни.

Безпрестанно переходя отъ сцены къ жизни и отъ жизни къ сценѣ, наблюдая за измѣнчивымъ круговоротомъ дѣйствительности и за пестротой сценическихъ явленій—Шекспиръ рано пришелъ къ убѣжденію: жизнь—это та же сцена, люди—актеры; и здѣсь такъ же быстро слезы смѣняются смѣхомъ, молодость—старостью, побѣды—пораженіемъ.

И при всякомъ случаѣ Шекспиръ эту истину спѣшилъ высказать, иногда влагая ее въ уста даже героямъ, лично врядъ-ли способнымъ выражать подобныя мысли.

Такъ, напримѣръ, знаменито чрезвычайно лирическое, мрачное изліяніе Макбета:

Что жизнь? Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неистово шумящій на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми.

Неожиданная рѣчь въ устахъ древняго шотландскаго короля! Но она такъ умѣстна вообще, передъ головокружительной быстротой событій, захватывающихъ Макбета. И предъ нами, конечно, самъ поэтъ.

И мы давно подготовлены къ этой рѣчи. Еще въ комедіи „Какъ вамъ угодно" герцогъ такъ утѣшалъ меланхоличнаго Жака:

---

1) Montégut. *Revue des deux Mondes*. 1865, 1 août.

2) Boas *Des Sturm und das Wintermärchen*. Stettin 1882. Boyle. Shakspeare's Wintermärchen und Sturen. St. Pet 1885.

3) Roden. *Shakespeare's Sturm*. Leipzig. Своеобразное историческое толкованіе.

4) François-Victor Hugo. *Oeuvres complètes de* …*peare*. II.

Вотъ видишь, мы несчастны не одни.
На міровой необозримой сценѣ
Являются картины во сто разъ
Ужаснѣе, чѣмъ на подмосткахъ этихъ,
Гдѣ мы съ тобой играемъ.

Въ „Венеціанскомъ купцѣ"—Антоніо повторяетъ то же самое:

Я этотъ міръ считаю
Лишь тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ онъ:
Подмостками, гдѣ роль играть всѣ люди
Обязаны. А мнѣ досталась роль
Печальная.

Вотъ взглядъ Шекспира на жизнь и человѣческую судьбу,—художественно-картинный и философски-опредѣленный.

„Буря", по нашему мнѣнію—не что оное какъ драматизація этой картины, этого убѣжденія.

Прежде всего предъ нами настоящій микрокозмъ человѣческаго міра.

Отъ представителя высшей умственной культуры до дикаря—исчерпаны, кажется, всѣ возможныя проявленія человѣческой природы, призваны всѣ наиболѣе вліятельныя страсти—любовь, честолюбіе, масть, ненависть, зависть, раскрыты многообразныя воззрѣнія на жизнь и человѣка: идеальныя, пошлыя, эгоистическія, варварскія. Изображены и дѣйствія людей, соотвѣтствующія разнымъ характерамъ и страстямъ; на одномъ полюсѣ человѣческаго бытія страдающій ради любви Фердинандъ и сострадающая ему Миранда; на другомъ—подлый заговоръ на братоубійство. И какъ разрѣшаются всѣ эти коллизіи? И кто ихъ разрѣшаетъ?

Аріэль, духъ, готовый ежеминутно растаять въ воздухѣ: онъ, оказывается, сильнѣе всѣхъ этихъ мятущихся, повидимому, столь реальныхъ созданій, занимающихъ такъ много мѣста на землѣ.

Аріэль сплетаетъ и развязываетъ драмы и комедіи среди горе-богатырей, воображающихъ себя чрезвычайно мудрыми и значительными.

Нѣсколько звуковъ—и мѣняется ихъ настроеніе; нѣсколько словъ—и разстраиваются ихъ планы.

Развѣ все это не „мимолетная жизнь", не фигляръ, шумящій на помостѣ? И кто-же виновникъ всей этой игры?

Не Аріэль,—онъ самъ орудіе въ чужихъ рукахъ. Виновникъ—Просперо. И вы видите, въ чемъ сущность его силы.

Не въ томъ, что онъ—волшебникъ, что онъ повелитель духовъ, а въ томъ, что онъ такъ много думалъ, такъ много знаетъ и такъ много цѣнитъ то, что знаетъ. Онъ не дождется минуты, когда для него исчезнетъ необходимость пользоваться знаніемъ и властью.

Дочь—близка его сердцу, ея судьба—его высшій интересъ; онъ человѣкъ и отецъ; но все, что волнуетъ людей, что заставляетъ ихъ шумѣть на жизненныхъ подмосткахъ—все это „сказка въ устахъ глупца, богатая словами и звономъ фразъ, но нищая значеньемъ".

И чѣмъ скорѣе перестать играть роль въ этой сказкѣ, тѣмъ лучше и разумнѣе.

Просперо не впадаетъ въ мечтательное раздумье Гамлета, не тратитъ времени на романтическія грезы о судьбѣ праха Александра Македонскаго, но его мудрость, несомнѣнно, прошла чрезъ гамлетовскій молодой романтизмъ, и Просперо подчасъ не можетъ удержаться, чтобы не впасть въ меланхолическій тонъ датскаго принца и не изобразить призрачности не только побѣдъ героевъ, а вообще всего человѣческаго величія и великолѣпія.

Но въ этомъ лирическомъ изліяніи и слышится господствующій мотивъ всей пьесы:

Придетъ пора, когда
Подобно этимъ призрачнымъ видѣньямъ
И все исчезнетъ также.

И „пророческія видѣнья" призваны на сцену затѣмъ, чтобы показать призрачность „земной нашей жизни".

Одно не призрачно среди этихъ призраковъ—великая сила духа, постигающая правду жизни.

Герой одинъ—Просперо. Только онъ знаетъ, что и зачѣмъ дѣлаетъ; только ему вѣдома настоящая цѣна человѣческихъ страстей, человѣческаго горя и счастья. И потому онъ спѣшитъ уйти изъ этой смуты призраковъ.

Съ нимъ уходитъ и самъ поэтъ, и на прощанье хочетъ сказать тѣ самыя слова, какія почти двѣсти лѣтъ спустя написалъ человѣкъ другого нравственнаго склада, другого генія, другого народа, но еще больше захваченный вихремъ человѣческихъ дѣлъ и не менѣе близко ощутившій нравственную сущность людской суеты.

Это слова Вольтера: „воздѣлывайте свой садъ".

Ив. Ивановъ.

Дѣйствующія лица:

Алонзо, король неаполитанскій.
Себастіанъ, братъ Алонзо.
Просперо, законный герцогъ миланскій.
Антоніо, братъ Просперо, похититель миланскаго престола.
Фердинандъ, сынъ Алонзо.
Гонзало, старый и честный неаполитанскій совѣтникъ.
Адріанъ } неаполитанскіе синьоры.
Франциско }
Тринкуло, шутъ.
Стефано, пьяница-ключникъ.
Калибанъ, уродливый невольникъ-дикарь.
Капитанъ корабля, боцманъ и матросы.
Миранда, дочь Просперо.
Аріэль, духъ воздуха.
Ириса }
Церера }
Юнона } духи.
Нимфы }
Жницы }
Другіе духи, подвластные Просперо.

Дѣйствіе происходитъ сначала на морѣ, на кораблѣ, а потомъ на необитаемомъ островѣ.

Книжная рамка эпохи Ренесанса (Аугсбургъ, 1520; работы извѣстнаго Даніила Гопфера (Daniel Hopfer).

ГИБНУЩІЙ КОРАБЛЬ АЛОНЗО.

Картина знаменитаго англійскаго живописца Ромнея (George Romney, R. A. 1734—1802).
(Большая Бойделевская Галлерея).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

МОРЕ. КОРАБЛЬ.

Буря съ громомъ и молніею.

Входятъ капитанъ *корабля и* боцманъ *съ разныхъ сторонъ.*

Капитанъ. Боцманъ!

Боцманъ. Здѣсь, капитанъ. Что надо?

Капитанъ. Хорошо! Покрикивай-ка на матросовъ. Работайте живѣй, не то сядемъ на мель! Поворачивайтесь, поворачивайтесь! *(Уходитъ).*

Входятъ матросы.

Боцманъ. Эй, дѣтки! смѣлѣй, смѣлѣй, мои милые! Живо, живо! Подберите-ка марсъ-зейль! Слушать капитанскій свистокъ! Ну, теперь дуй-себѣ, пока лопнешь!

Входятъ Алонзо, Себастіанъ, Антоніо, Фердинандъ, Гонзало *и другіе.*

Алонзо. Постарайся, любезный боцманъ! Гдѣ капитанъ? Докажите, что вы молодцы!

Боцманъ. Прошу васъ теперь оставаться внизу.

Антоніо. Боцманъ, гдѣ капитанъ?

Боцманъ. Развѣ не слышите—гдѣ? Вы мѣшаете намъ! Сидите въ своихъ каютахъ: здѣсь вы только помогаете бурѣ.

Гонзало. Полно, любезный, успокойся.

Боцманъ. Когда море успокоится. Ступайте! Какое дѣло этимъ ревунамъ до имени короля? Ступайте въ каюты, молчите и не мѣшайте намъ!

Гонзало. Хорошо; но не забывай, однако, кто на твоемъ кораблѣ.

Боцманъ. Да ужъ вѣрно здѣсь нѣтъ

никого, кого бы я любилъ болѣе самого себя. Вы—совѣтникъ: если можете повелѣвать стихіями и усмирить ихъ сію же минуту, такъ распоряжайтесь—и мы не дотронемся ни до одного каната; а не можете, такъ благодарите Небо за то, что такъ долго прожили и приготовьтесь въ своей каютѣ къ послѣднему часу, если намъ не суждено миновать его. *(Къ матросамъ)*. Смѣлѣй, мои милые! *(Къ Гонзало и прочимъ)*. Убирайтесь же, говорю я вамъ! *(Уходятъ)*.

Гонзало. Этотъ малый поддерживаетъ сильно мою надежду. Мнѣ кажется, что ему не суждено утонуть: онъ гораздо болѣе похожъ на человѣка, котораго ожидаетъ висѣлица. О, благодѣтельная судьба, сохрани его для висѣлицы! Сдѣлай предназначенную ему веревку нашимъ якорнымъ канатомъ, такъ какъ на собственный—плохая надежда. Плохо намъ, если этотъ молодецъ не рожденъ для висѣлицы! *(Алонзо, Гонзало и прочіе уходятъ)*.

Боцманъ *возвращается.*

Боцманъ. Отпускай брамстеньгу! живо! ниже, ниже! Пусти на фок-зейль! *(Слышенъ крикъ внутри корабля)*. Чтобъ чума переморила этихъ визгуновъ! Изъ-за нихъ не слышно ни бури, ни команды.

Входятъ Себастіанъ, Антоніо *и* Гонзало.

Боцманъ. Опять! Что вамъ здѣсь надо? Или намъ бросить все и утонуть? Развѣ вамъ хочется идти ко дну?

Себастіанъ. Чтобъ оспа перехватила тебѣ глотку, несносный крикунъ, богохульникъ, безжалостная собака!

Боцманъ. Такъ распоряжайтесь сами.

Антоніо. Повѣсить бы тебя, негодную собаку! Повѣсить бы тебя, дерзкаго крикуна! Мы меньше тебя боимся потонуть.

Гонзало. Я ручаюсь, что онъ не потонетъ, хотя бы корабль этотъ былъ не тверже орѣховой скорлупы и такъ же ненасытенъ, какъ развратная женщина.

Боцманъ. Поведите корабль какъ можно ближе подъ вѣтеръ! Отдай оба паруса— и опять въ море! Отваливай!

Вбѣгаютъ измокшіе матросы.

Матросы.
Къ молитвѣ, къ молитвѣ! скорѣй! все погибло!
(Уходятъ).

Боцманъ.
Къ молитвѣ? Уже-ли пришлось намъ погибнуть?

Гонзало.
Король на молитвѣ и принцъ на молитвѣ.
Пойдемте: судьба ихъ должна быть и нашей.

Себастіанъ.
Терпѣнье все я потерялъ!

Антоніо.
Какъ быть!
По милости мы пьяницъ погибаемъ.
Горластый враль, взглянулъ бы на тебя,
Промытаго порядкомъ десятью
Приливами!

Гонзало.
Нѣтъ, онъ повѣшенъ будетъ—
Я убѣжденъ; хотя бы мнѣ клялись
Всѣ капельки въ противномъ—не повѣрю.
Хоть всѣ онѣ, чтобъ поглотить его,
Разинутъ пасть—онъ ускользнетъ, я знаю.

Разные голоса *(внутри корабля)*. Боже помилуй! Погибаемъ! погибаемъ! Прощай, жена! прощайте, дѣти! прощай, братъ! Погибаемъ! погибаемъ! погибаемъ!

Антоніо.
Пойдемте всѣ погибнуть съ королемъ!

Себастіанъ.
Пойдемте всѣ проститься съ нимъ на-вѣки.
(Уходятъ).

Гонзало. Какъ бы охотно я далъ теперь тысячу миль моря за одинъ клочекъ безплодной земли, покрытой тростникомъ, терномъ или чѣмъ угодно. Но да совершится воля неба! А все лучше бы умереть на сушѣ! *(Уходитъ)*.

СЦЕНА II.

Часть острова съ пещерою Просперо.

Входятъ Просперо *и* Миранда.

Миранда.
Родитель мой, когда своимъ искусствомъ
Заставилъ ты такъ волны бушевать,
То утиши ихъ. Кажется, что небо
Дождило бы на землю съ высоты
Пылающей и смрадною смолою,
Когда-бъ валы, вздымаясь до небесъ,
Огонь небесъ собой не утушали.
Страдала я, взирая на страданья
Несчастныхъ. Какъ прекраснѣйшій корабль,
Съ пловцами благородными на немъ,
Изломанъ въ щепы! Вопль ихъ отозвался!

МИРАНДА ПРОСИТЪ ПРЕСПЕРА УТИШИТЬ БУРЮ.
Картина извѣстнаго нѣмецк. художника проф. Генриха Гофмана (Heinrich Hofmann, р. 1824).

Въ моей душѣ. Бѣдняжки—всѣ погибли!
О, если-бъ я была могучимъ богомъ,
Низринула-бъ я въ бездну это море
Но поглотить какъ нынче не дала-бы
Я нагруженный душами корабль.

ПРОСПЕРО.
Покойна будь, оставь напрасный страхъ
И своему чувствительному сердцу
Скажи, что всѣ остались невредимы.

МИРАНДА.
О, горькій день!

ПРОСПЕРО.
Бѣды не приключилось.
Я эту бурю поднялъ для тебя,
Мое дитя, единственная дочь.
Не знаешь ты, кто ты, откуда самъ я.
Ты думаешь, что бѣдный твой отецъ
Властитель лишь пещеры этой бѣдной.

МИРАНДА.
Мнѣ никогда желанье больше знать
Не кралось въ мысль.

ПРОСПЕРО.
Теперь настало время
И ты должна знать болѣе. Дай руку
И помоги мнѣ снять волшебный плащъ.
(Снимаетъ плащъ).
Покойся здѣсь, ты символъ чаръ моихъ
Утѣшься, дочь, утри остатокъ слезъ!
То зрѣлище, которымъ состраданье
Въ твоей душѣ такъ сильно потряслось,
Я произвелъ могуществомъ искусства
Съ намѣреньемъ, но такъ, что ни одинъ
Изъ всѣхъ людей, изъ всѣхъ живыхъ твореній,
Которыхъ вопль ты слышала вдали,
Которыхъ ты погибшими считала,

Ни волоска съ главы не потерялъ.
Садись—узнать о многомъ ты должна.

МИРАНДА.

Ты начиналъ мнѣ часто говорить
О томъ, кто я; но каждый разъ вначалѣ
Ты свой разсказъ внезапно прерывалъ
И оставлялъ меня соображеньямъ,
Кончая такъ: *не время—подождемъ.*

ПРОСПЕРО.

Такъ; но теперь настало это время,
Насталъ тотъ часъ, въ который ты должна
Услышать все. Вниманье—повинуйся!
Припомнишь ли ты время передъ тѣмъ,
Какъ мы въ пещерѣ этой поселились?
Не думаю: не болѣе трехъ лѣтъ
Имѣла ты.

МИРАНДА.

Нѣтъ, помню, мой родитель,
Немногое.

ПРОСПЕРО.

Скажи жъ, что помнишь ты?
Другой ли домъ, или лицо другое?
Скажи мнѣ все, что память сберегла.

МИРАНДА.

Все такъ темно. Теперь припоминаю
Объ этомъ я, какъ-будто обо снѣ.
Мнѣ помнится, что я всегда имѣла
Вокругъ себя не менѣе пяти
Прислужницъ.

ПРОСПЕРО.

Да, ты ихъ имѣла больше,
Какъ память ты объ этомъ сохранила?
Ну, что еще ты видишь въ темнотѣ
И въ глубинѣ временъ, давно минувшихъ?
Ты, можетъ быть, припомнишь и о томъ,
Какъ мы съ тобой сюда переселились?

МИРАНДА.

Нѣтъ, этого не помню я, отецъ.

ПРОСПЕРО.

Двѣнадцать лѣтъ тому, моя Миранда,
Двѣнадцать лѣтъ тому, какъ твой отецъ
Былъ герцогомъ Милана и могучимъ
Властителемъ.

МИРАНДА.

Такъ ты мнѣ не отецъ?

ПРОСПЕРО.

Нѣтъ, мать твоя, живая добродѣтель,
Сказала мнѣ, что я былъ твой отецъ;
А твой отецъ былъ герцогомъ Милана;
А ты его единственная дочь,
Наслѣдница...

МИРАНДА.

Какое же несчастье,
Надъ нами такъ жестоко подшутивъ,
Насъ бросило на этотъ голый островъ?
Иль счастье насъ перенесло сюда?

ПРОСПЕРО.

Несчастіе и вмѣстѣ счастье было.
Дитя мое, права ты! Надо мной
Несчастіе жестоко подшутило;
Но, къ счастію, мы прибыли сюда.

МИРАНДА.

Сочится кровью сердце оттого,
Что я тебѣ напомнила печали,
Мной позабытыя. Но продолжай.

ПРОСПЕРО.

Антонію, твой дядя, а мой братъ...
Но слушай же, прошу, со всѣмъ вниманьемъ!—
Бываетъ ли когда коварнѣй братъ?—
Я по тебѣ всего сильнѣе въ мірѣ
Его любилъ. Ему я поручилъ
Все герцогство во власть и управленье.
Оно сильнѣе всѣхъ владѣній было!
Изъ герцоговъ же первымъ былъ Просперо.
Онъ не имѣлъ соперниковъ нигдѣ
Въ своей любви къ свободному искусству.
Всего себя наукамъ посвятивъ,
Я передалъ правленье государствомъ
Антоніо, а самъ остался чуждъ
Его дѣламъ. Самъ въ тайныя науки
Я былъ тогда всѣмъ сердцемъ погруженъ.
Коварный братъ! Но слушай же, Миранда!

МИРАНДА.

Внимательно я слушаю тебя.

ПРОСПЕРО.

Извѣдавъ всѣ пружины управленья,
Сталъ милости съ разсчетомъ раздавать—
И понялъ онъ, кого возвысить должно,
Или кого низвергнуть съ высоты
За то, что онъ возвысился. Ну, словомъ,
Пересоздалъ всѣхъ вѣрныхъ мнѣ людей:
Хочу сказать, что всѣхъ моихъ придворныхъ
Онъ измѣнилъ иль вновь образовалъ.
Такъ, овладѣвъ вполнѣ ключемъ державнымъ
Отъ высшихъ мѣстъ и отъ сердецъ людей,
Онъ всѣ сердца настроилъ по желанью,
И скоро самъ—все крѣпче, все сильнѣй—
Обвилъ, какъ плющъ, властительное древо

И высосалъ сокъ зелени моей.
Прошу тебя—вниманье! Ты не слышишь?

МИРАНДА.
О, мой отецъ, я слушаю тебя!

ПРОСПЕРО.
А я, забывъ всѣ выгоды мірскія,
Я въ тишинѣ хотѣлъ обогатить
Мой жадный умъ таинственной наукой,
Которая, не будь для пониманья
Всеобщаго такъ недоступной
Стояла-бы, конечно, выше всѣхъ.
И быстро росъ въ моемъ коварномъ братѣ
Враждебный духъ; довѣрчивость моя
Коварство въ немъ столь сильно развила,
Сколь сильную имѣлъ въ него я вѣру.
Дѣйствительно, безъ мѣры, безъ границъ
Къ нему питалъ я любовь и вѣру.
Онъ овладѣлъ доходами и всѣмъ,
Что вправѣ былъ требовать, какъ герцогъ;
И до того онъ правду затемнилъ
Въ своемъ умѣ, что, наконецъ, повѣрилъ,
Какъ истинѣ, своей безстыдной лжи:
Увѣрился, что пользуясь правами
Властителя и исполняя всѣ
Наружные обряды управленья,
Онъ герцогъ самъ—и сластолюбья духъ
Питался въ немъ безумнымъ убѣжденьемъ.
Ты слышишь ли?

МИРАНДА.
Разсказъ твой, мой отецъ,
Отъ глухоты излѣчитъ поневолѣ.

ПРОСПЕРО.
Чтобы вполнѣ съ желаніемъ своимъ
Согласовать характеръ новой роли,
Къ престолу онъ послѣдній сдѣлалъ шагъ.
Мнѣ, бѣдняку, моя библіотека
Была престолъ—и онъ, предположивъ,
Что царствовать я вовсе не способенъ,
Условился съ враждебнымъ королемъ
Неаполя—такъ жаденъ былъ онъ къ власти—
Платить ему съ покорностію дань
И подчинить коронѣ королевской
Вѣнецъ миланскихъ герцоговъ, а съ нимъ
И герцогство, не знавшее дотолѣ
Позорныхъ узъ. О, бѣдный мой Миланъ!

МИРАНДА.
О, небеса!

ПРОСПЕРО.
Замѣть его условья
И дѣйствія—и мнѣ скажи потомъ,
Ужели братъ такъ можетъ поступать?

МИРАНДА.
О бабушкѣ дурное мнѣ грѣшно
Предположить; но добрая утроба
Не разъ дурныхъ рождала сыновей.

ПРОСПЕРО.
Послушай, вотъ въ чемъ были ихъ условья:
Мой старый врагъ, Неаполя король,
Склоняется на убѣжденья брата,
Чтобы взамѣнъ покорности его
И дани—я не знаю, сколь великой—
Навѣкъ меня со всѣмъ моимъ семействомъ
Отъ герцогства немедля отрѣшивъ,
Всѣ почести и мой Миланъ прекрасный
Отдать ему. Чтобъ это совершить,
Измѣнниковъ они толпу набрали.
И вотъ въ одну условленную ночь
Антоніо имъ отворилъ ворота.
И въ самую глухую темноту
Изгнали насъ съ тобою изъ Милана.
Ты плакала...

МИРАНДА.
Какъ грустно, Боже мой!
Не помню я, какъ плакала тогда я,
Но хочется заплакать мнѣ опять—
Въ моихъ глазахъ ужъ чувствую я слезы.

ПРОСПЕРО.
Но слушай же. Я объясню тебѣ
Съ подробностью, зачѣмъ я вызвалъ бурю:
Безъ этого не кстати-бъ былъ разсказъ.

МИРАНДА.
Но отчего жъ они насъ не убили?

ПРОСПЕРО.
Да, дочь моя, вопросъ твой справедливъ:
Онъ вызванъ былъ въ тебѣ моимъ разсказомъ.
Они убить тогда не смѣли насъ:
Я былъ всегда любимъ моимъ народомъ;
Не смѣли знакъ кровавый положить
Они на свой безсовѣстный поступокъ;
Они его старались облачить
Наружностью сколь можно благородной.
Поспѣшно насъ до барки довели
И отвезли на ней далеко въ море,
Гдѣ былъ готовъ давно изгнившій ботъ,
Безъ парусовъ, безъ мачтъ и неснащенный.
Предчувствуя опасность, изъ него
Уже давно перебрались всѣ крысы.
Въ него-то насъ съ тобою посадили—
Взывать къ волнамъ бушующимъ подъ нами,
А вздохами взывать въ тоскѣ къ вѣтрамъ,
Которые, какъ бы изъ состраданья,
Сильнѣе насъ вздыхали намъ въ отвѣтъ,
Но намъ своимъ участьемъ лишь вредили.

Миранда.

Я бременемъ тогда тебѣ была!

Просперо.

Нѣтъ, дочь моя! была бы херувимомъ—
Спасителемъ. Какъ улыбалась ты,
Небесною исполненная силой,
Тогда какъ я въ печали окроплялъ
Морскую хлябь горючими слезами.
Я надъ тобой съ отчаяньемъ стоналъ,
А ты во мнѣ улыбкой пробуждала
Могучую рѣшимость перенесть
Все то, что насъ въ грядущемъ ожидало.

Миранда.

Но какъ же мы до берега достигли?

Просперо.

Намъ помогло святое Провидѣнье
И Гонзало, совѣтникъ короля,
Назначенный изгнать насъ изъ Милана.
Онъ сжалился и намъ немного далъ
Рѣчной воды, необходимой пищи,
Потомъ еще прибавилъ онъ бѣлье,
Матеріи, богатыя одежды—
Все нужное, для жизни, и оно
Впослѣдствіи намъ очень пригодилось.
Онъ былъ такъ добръ, что даже не забылъ,
Какъ я любилъ занятія наукой—
И нѣсколько доставилъ онъ мнѣ книгъ,
Которыя дороже мнѣ престола.

Миранда.

Какъ я его желала-бъ увидать!

Просперо.

Но встану я, а ты сиди и слушай,
Какъ на морѣ окончился нашъ путь.
Мы прибыли сюда, на этотъ островъ.
Я началъ самъ воспитывать тебя—
И сдѣлала ты болѣе успѣховъ,
Чѣмъ многія изъ царственныхъ дѣтей,
Которыя въ ничтожныхъ развлеченьяхъ
Проводятъ дни и у которыхъ нѣтъ
Наставниковъ, такихъ какъ я усердныхъ.

Миранда.

За то тебя самъ Богъ вознаградитъ!
Теперь прошу тебя, о мой родитель—
Я все еще встревожена—скажи,
Зачѣмъ ты бурей море всколебалъ?

Просперо.

Узнай, мой другъ: не понимаю—какъ,
Но счастіе на островъ нашъ приводитъ
Моихъ враговъ Предвѣдѣньемъ моимъ
Я усмотрѣлъ звѣзду въ моемъ зенитѣ:
Она блеститъ благопріятно мнѣ!
Но если я теперь ея вліяньемъ
Пренебрегу, то всѣ мои дѣла
Идти все будутъ хуже съ каждымъ днемъ
И, наконецъ, разстроятся совсѣмъ.
Но прекрати теперь свои вопросы.
Ты хочешь спать? Скорѣй предайся сну—
Онъ принесетъ тебѣ успокоенье:
Не въ силахъ ты противиться ему!
(*Миранда засыпаетъ*).
Явись сюда, явись, слуга мой вѣрный,
Мой Аріэль! приблизься—я готовъ!

Является Аріэль.

Аріэль.

Я предъ тобой, могучій повелитель!
Ученый мужъ, привѣтствую тебя!
Готовъ всегда свершать твои желанья.
Велишь ли ты летѣть мнѣ или плыть,
Велишь ли ты мнѣ погрузиться въ пламя,
Иль нестись верхомъ на облакахъ—
Во всемъ тебѣ послушенъ Аріэль,
А съ нимъ и всѣ способности его.

Просперо.

Такъ точно-ли ты бурю произвелъ,
Какъ я тебѣ приказывалъ сегодня?

Аріэль.

Все сдѣлано, какъ повелѣлъ Просперо.
Я на корабль Алонзо вдругъ напалъ;
То тамъ, то здѣсь, на палубѣ, въ каютахъ
Я зажигалъ отчаянье и страхъ,
По временамъ дѣлился самъ на части
И падалъ вдругъ на многія мѣста;
На стеньги, марсъ, на реи, на бугсприть,
Нежданное бросалъ я пламя врознь,
Потомъ его въ одно соединялъ я—
И молнія, предвѣстница громовъ,
Не такъ быстра, какъ я былъ въ это время.
Казалося, Нептунъ былъ осажденъ
На этотъ часъ огнемъ ревущей сѣры,
И самъ его трезубецъ трепеталъ,
И въ ужасѣ его вздымались волны.

Просперо.

Мой храбрый духъ, спасибо! Былъ ли тамъ
Хотя одинъ довольно-твердый духомъ.
Чтобъ бѣдный свой разсудокъ уберечь?

Аріэль.

Нѣтъ, ни души: трясла всѣхъ лихорадка
Безумія, всѣхъ ужасъ оковалъ.
На кораблѣ остались лишь матросы,
А прочіе, отъ моего огня,
Изъ корабля всѣ бросились въ море.
Сынъ короля Алонзо, Фердинандъ,

Съ торчащими отъ страха волосами,
Похожими скорѣе на камышъ,
Былъ первый тамъ и закричалъ, бросаясь:
„Адъ опустѣлъ—и дьяволы всѣ здѣсь!"

Просперо.
Ну, хорошо! Но близокъ ли былъ берегъ?

Аріэль.
Близехонько.

Просперо.
А всѣ ли спасены?

Аріэль.
Ни волоса съ головъ ихъ не пропало;
Ручаюсь я, что даже на одеждахъ,
Которыя несли ихъ по водѣ,
Нѣтъ пятнышка: онѣ свѣжѣй, чѣмъ прежде.
И помни все, что ты мнѣ приказалъ,
По острову я всѣхъ ихъ разбросалъ.
Сынъ короля, вотъ такъ скрестивши руки,
Сидитъ одинъ въ пустынномъ уголкѣ
И вздохами тамъ освѣжаетъ воздухъ.

Просперо.
Но гдѣ теперь матросы и корабль?
Что сдѣлалъ ты съ остатками ихъ флота?

Аріэль.
Я къ пристани корабль ихъ подогналъ.
Ты помнишь тотъ глубокій закоулокъ,
Куда меня призвалъ ты какъ-то въ полночь
Собрать росу Бермудскихъ острововъ?
Тамъ скрытъ корабль: онъ безопасенъ тамъ.
Матросы въ немъ забилися подъ люки
И крѣпкимъ сномъ почіютъ отъ трудовъ,
Покорные моимъ могучимъ чарамъ.
А главный флотъ и въ морѣ разметалъ;
Но онъ теперь соединился снова
И невредимъ стремится по волнамъ,
Печально путь въ Неаполь направляя,
Увѣренный, что самъ король погибъ.

Просперо.
Ты совершилъ прекрасно порученье,
Но много дѣлъ намъ предстоитъ еще.
Который часъ?

Аріэль.
Ужъ перешло за полдень.

Просперо.
Такъ, склянки на двѣ... До шести часовъ
Намъ времени осталося немного.
Съ разсчетомъ мы употребимъ его.

Аріэль.
Какъ, мнѣ еще работа предстоитъ?
Когда меня такъ много утруждаешь,
Позволь хотя напомнить здѣсь тебѣ,
Что позабылъ сдержать ты обѣщанье.

Просперо.
Что тамъ такое? Своенравный духъ,
Что требовать еще ты затѣваешь?

Аріэль.
Свободу.

Просперо.
Ба! И говорить не смѣй,
Пока твое не совершится время!

Аріэль.
Прошу тебя, припомни: оказалъ,
Вѣдь, я тебѣ ужъ всякую услугу.
Я никогда передъ тобой не лгалъ,
Служилъ безъ ропота и жалобъ
И въ промахи ни разу не попалъ.
Ты обѣщалъ свободу годомъ раньше.

Просперо.
Такъ ты забылъ, чѣмъ ты обязанъ мнѣ,
Что я тебя избавилъ отъ мученій?

Аріэль.
Нѣтъ.

Просперо.
Ты забылъ и счелъ за важный трудъ,
Что ты скользишь по брызгамъ океана,
Что носишься на сѣверныхъ вѣтрахъ,
Иль въ глубь земли, служа мнѣ, проникаешь,
Когда ее окостенитъ морозъ?

Аріэль.
О, я готовъ служить, мой повелитель!

Просперо.
Лжешь, хитрый духъ! Ты вѣрно позабылъ
Ужасную колдунью Сикораксу,
Которая, отъ зависти и лѣтъ,
Такъ хорошо была въ кольцо согнута?

Аріэль.
Нѣтъ.

Просперо.
Ты забылъ. Гдѣ родилась она,
Скажи-ка мнѣ?

Аріэль.
Въ Алжирѣ, повелитель!

Просперо.
О! точно ль тамъ? Я вижу, долженъ я
Про то, чѣмъ былъ, и что ты забываешь,
Хоть въ мѣсяцъ разъ тебѣ напоминать.

Проклятую колдунью Сикораксу
За волшебство и злобныя дѣла,
Которыя и вспомнить людямъ страшно,
Изъ родины изгнали—знаешь самъ!
Но за одно какое-то дѣянье
Чтобъ наградить, оставили ей жизнь.
Не такъ ли, духъ?

Аріэль.
Такъ точно, повелитель!

Просперо.
Въ то время былъ у синеглазой сынъ,
И съ нимъ ее покинули матросы
На островѣ. Ты, вѣрный мой слуга,
Какъ знаешь самъ, служилъ тогда колдуньѣ;
Но, будучи чувствителенъ и добръ,
Ты отступалъ порой отъ исполненья
Ея земныхъ неистовыхъ затѣй.
За то, что ты ея предначертаньямъ
Не захотѣлъ усердно помогать,
Взбѣшенная колдунья Сикоракса,
При помощи другихъ своихъ духовъ,
Въ расщепъ сосны тебя заколотила.
Тамъ пробылъ ты двѣнадцать долгихъ лѣтъ
Въ безрадостномъ, тяжеломъ заключеньи.
А между тѣмъ колдунья умерла,
Забывъ тебя въ твоей тюрьмѣ сосновой,
Гдѣ вопли ты такъ часто испускалъ,
Какъ въ мельницѣ колесъ большихъ удары.
Но островъ былъ тогда почти что пустъ:
Страшилище, отродье злой колдуньи,
Ея сынокъ скитался здѣсь одинъ.

Аріэль.
Да, Калибанъ—такъ точно—сынъ колдуньи.

Просперо.
О, глупый духъ! не то ли я сказалъ?
Онъ, Калибанъ, котораго въ услугу
Теперь я взялъ. Ты долженъ лучше знать,
Въ какомъ тебя нашелъ я здѣсь мученьи.
Ты заставлялъ стенаньемъ выть волковъ,
Ты пробуждалъ медвѣдей вѣчно-гнѣвныхъ.
Проклятые не будутъ такъ страдать,
Какъ ты страдалъ; но злая Сикоракса
Ужъ не могла тебя освободить.
Прибывъ сюда, я внялъ твоимъ стенаньямъ,
Я съ помощью искусства раздвоилъ
Опять сосну и далъ тебѣ свободу.

Аріэль.
Благодарю тебя, мой господинъ.

Просперо.
Но если я услышу вновь твой ропотъ
Противъ меня, то раздвою я дубъ,
И тамъ въ его узлистой сердцевинѣ
Оставлю выть тебя двѣнадцать зимъ.

Аріэль.
Я виноватъ: прости, мой повелитель!
Готовъ повиноваться—и смиренно
Я исполнять обязанности духа.

Просперо.
Вотъ дѣлай такъ—и чрезъ два дня свободу
Тебѣ я дамъ.

Аріэль.
Готовъ, мой повелитель!
Скажи скорѣй, что долженъ дѣлать я?

Просперо.
Преобразись—поди—въ морскую нимфу,
Будь видимъ лишь для одного меня
И невидимъ для всякаго другого.
Ступай же, духъ, и возвратись сюда
Красавицей. *(Аріэль исчезаетъ).*
Проснись, моя Миранда!
Проснись—пора: ты хорошо спала.

Миранда.
Родитель мой, отъ странности разсказа
Въ тяжелое я впала забытье!

Просперо.
Стряхни его. Пойдемъ теперь со мною—
Посмотримъ, гдѣ слуга нашъ, Калибанъ.
Увѣренъ я—онъ грубостью насъ встрѣтитъ.

Миранда.
Онъ негодяй. Я не люблю его.

Просперо.
Что дѣлать, другъ; однако онъ полезенъ
Носить дрова и разводить огонь.
Эй, Калибанъ! Эй, рабъ, комокъ земли,
Откликнись!

Калибанъ *(за сценой).*
Здѣсь еще довольно дровъ.

Просперо.
Иди сюда скорѣе, черепаха:
Здѣсь для тебя другое дѣло есть.

Является Аріэль *въ видѣ морской нимфы.*

Просперо.
Мой Аріэль, прелестное явленье,
Послушай-ка словечко на ушко.

Аріэль.
Исполню все, повѣрь, мой повелитель!
(Исчезаетъ).

Просперо.
О гнусный рабъ, самъ демонъ зародилъ

ПРОСПЕРО И КАЛИБАНЪ.
Картина знаменитаго англо-швейцарскаго живописца Фюсли-Фузели (Fuseli, R. A. 1742—1825).

Тебя въ твоей проклятой Сикораксѣ!
Поди сюда!

Входитъ Калибанъ.

Калибанъ.
Пусть вредная роса,
Которую сбирала Сикоракса
Перомъ вороньимъ съ ржаваго болота,
Падетъ на васъ! Пусть знойный вѣтеръ юга
На васъ и день и ночь упорно дуетъ
И струпьями покроетъ ваше тѣло!

Просперо.
Спасибо, другъ! за это, вѣрь же мнѣ,
Отъ судорогъ и сильнаго колотья
Ты не вздохнешь свободно во всю ночь;
Вокругъ тебя сберутся домовые,
Чтобы колоть, и мучить, и кусать,
И исщипать тебя, какъ сотъ медовый!
А каждый ихъ порядочный щипокъ
Чувствительнѣй пчелиныхъ уязвленій.

Калибанъ.
Мнѣ надобно окончить свой обѣдъ.
Вѣдь островъ мой—зачѣмъ же отнимаешь?
Ступайте прочь! Отъ матери моей
Я получилъ его одинъ въ наслѣдство.
Да, правда, ты сперва меня ласкалъ,
Ты мнѣ давалъ пить ягодную воду
И выучилъ, какъ должно называть
Тѣ двѣ свѣчи, большую и меньшую,
Которыя горятъ тамъ высоко,—
И я тебя тогда любилъ за это.
На островѣ тебѣ я указалъ
Источники, соленые колодцы,
Безплодныя и годныя мѣста.
Будь проклятъ я за то, что это дѣлалъ!
Нетопыри, и жабы, и жуки,
Всѣ гадины, всѣ чары Сикораксы
Да ниспадутъ теперь на васъ двоихъ!
Я самъ себѣ былъ королемъ сначала;
Вы прибыли—я сдѣлался рабомъ—,
И я одинъ теперь у васъ въ услугахъ.

Вы сдѣлали утесъ моимъ жильемъ,
А островъ мой присвоили себѣ.

Просперо.

Ты лживый рабъ! Тебѣ нужны побои,
А милости ты ставишь ни во что.
Да, я ласкалъ тебя, какъ человѣка,
Я раздѣлялъ съ тобой одно жилье
До той поры, пока, неблагодарный,
Ты дочь мою не вздумалъ обезчестить.

Калибанъ.

Ого-го-го! Да, жаль, не удалось мнѣ:
Ты помѣшалъ, а то-бъ я расплодилъ
На островѣ довольно Калибановъ!

Просперо.

Презрѣнный рабъ, не можешь ты принять
Ни одного благого впечатлѣнья.
Твореніе, способное лишь къ злу!
Прибывъ сюда, тебя я пожалѣлъ,
Училъ тебя работать, говорить,
Чтобъ высказать ты могъ свои понятья.
Ты лишь мычалъ тогда, какъ дикій звѣрь:
Я одарилъ твое мышленье словомъ.
Но доброе съ твоею злой природой
Я никогда не могъ соединить.
Я вынужденъ былъ бросить трудъ напрасный
И для тебя избрать жильемъ утесъ,
Хоть большаго ты стоилъ наказанья.

Каливанъ.

Да, говорить меня вы научили—
И я могу теперь васъ проклинать!
Пусть поразитъ васъ красная болѣзнь
За то, что я умѣю говорить!

Просперо.

Колдуньино отродье, вонъ отсюда!
Неси дрова! Смотри же, будь живѣй!
Я дамъ тебѣ другія приказанья.
Бездѣльникъ! Что, плечами пожимаешь?
Смотри, смотри, когда съ пренебреженьемъ
Иль нехотя исполнишь мой приказъ,
Я судоргой замучаю тебя,
Я кости всѣ твои наполню болью,
И въ бѣшенствѣ заставлю такъ рычать,
Что по лѣсамъ всѣ звѣри встрепенутся!

Каливанъ.

Прошу, избавь!
(Въ сторону). Придется исполнять!
Онъ такъ могучъ, такъ силенъ онъ искусствомъ,
Что Сетебосъ, богъ матери моей,
Не въ силахъ съ нимъ успѣшно побороться
Онъ и его сейчасъ возьметъ въ рабы!

Просперо.

Ну, гадкій рабъ, ступай скорѣй отсюда!
(Калибанъ уходитъ).

Является Аріэль *невидимкою. Онъ поетъ и играетъ на инструментѣ.* Фердинандъ *слѣдуетъ за нимъ.*

Аріэль *(поетъ)*.

На пескахъ здѣсь собиритесь,
Поклонитесь, обнимитесь,
Поцѣлуйтесь и потомъ
Здѣсь танцуйте всѣ кружкомъ!
Волны дикія смолкаютъ,
Духи въ воздухѣ играютъ.
Духи пѣсню повторяютъ
Чу, внимайте!

Голоса *(съ разныхъ сторонъ)*.
Боу! уоу!

Аріэль *(поетъ)*.

На цѣпи собаки лаютъ!
Чу, внимайте!

Голоса *(съ разныхъ сторонъ)*.
Боу, уоу!

Аріэль *(поетъ)*.

Пѣтухи ужъ на чеку!
И кричатъ: кукареку!

Фердинандъ.

Откуда же несутся эти звуки:
Изъ воздуха иль изъ земли они?
Не слышно ихъ: они теперь далеко
За божествомъ какимъ нибудь летятъ.
Я тамъ одинъ на берегу пустынномъ
Оплакивать погибель короля,
Когда ко мнѣ внезапно принеслася
Волшебная музыка по водѣ,
И звуками чудесными своими
Печаль мною, и ярость волнъ смирила.
Оттуда я послѣдовалъ за ней
Или, скорѣй, я увлеченъ былъ ею.
Потомъ она затихла... Нѣтъ, опять!

Аріэль *(поетъ)*.

На пять саженъ въ водѣ уложенъ твой отецъ,
Его кости въ кораллъ превратились,
А на мѣстѣ очей въ немъ два перла блестятъ,
Но ничто не пришло въ разрушенье.
Только все по-морски измѣнилося тамъ,
Все въ богатое, странное что-то.
По погибшему нимфы разносятъ вкругъ звонъ:
Чу! внимайте! я слышу: динъ-донъ!

Голоса *(съ разныхъ сторонъ)*.
Динъ-донъ! динъ-донъ!

ФЕРДИНАНДЪ.
Про смерть отца мнѣ пѣснь напоминаетъ!
Ее пропѣлъ не смертный: этотъ звукъ
Земная власть произвести не въ силахъ.
Его теперь я слышу надъ собой!

ПРОСПЕРО (*Мирандѣ*).
Приподними пушистыя рѣсницы,
Взгляни туда—скажи, что видишь ты?

МИРАНДА.
Что это? духъ! О, Боже, какъ онъ смотритъ
Вокругъ себя! Повѣрь мнѣ, мой отецъ,
Хоть облеченъ въ чудесную онъ форму,
Но это духъ!

ПРОСПЕРО.
Нѣтъ, дочь, онъ ѣстъ и спитъ
И чувствуетъ, подобно прочимъ людямъ.
Тотъ юноша, который тамъ стоитъ,
На кораблѣ погибшемъ былъ съ другими.
И если бы печаль—червь красоты—
Его теперь собою не снѣдала,
Красавцемъ бы его ты назвала.
Товарищей онъ всѣхъ своихъ лишился—
И въ горести теперь онъ ищетъ ихъ.

МИРАНДА.
Готова я божественнымъ созданьемъ
Его назвать. Въ природѣ ничего
Прелестнѣе его я не видала!

ПРОСПЕРО (*въ сторону*).
Такъ все идетъ, какъ я душой желалъ!
Духъ, чудный духъ, черезъ два дня свободу
Тебѣ я дамъ.

ФЕРДИНАНДЪ.
Должно быть, вотъ богиня
Которой служитъ этихъ пѣсенъ хоръ.
Не откажись моей молитвѣ внять:
Скажи мнѣ, ты ль на островѣ живешь—
И научи, что долженъ дѣлать я?
Но первая къ тебѣ моя молитва,
Хотя ее я послѣ произнесъ,
Откройся мнѣ, о чудо изъ чудесъ—
Ты созданная дѣва или нѣтъ?

МИРАНДА.
Не чудо я, но дѣва, безъ сомнѣнья!

ФЕРДИНАНДЪ.
Родной языкъ! Изъ тѣхъ, кому знакомъ
Онъ такъ, какъ мнѣ, я былъ бы вѣрно первымъ,
Когда бъ былъ тамъ, гдѣ говорятъ на немъ!

ПРОСПЕРО.
Какъ—первымъ? ты? Но ежели услышитъ
Тебя король Неаполя, тогда
Чѣмъ будешь ты?

ПѢСНЬ АРІЭЛЯ.
Картина извѣстнаго англійскаго живописца В. Гамильтона (*W. Hamilton, R. A., 1751—1801*).
(*Малая Бойделевская галлерея*).

ФЕРДИНАНДЪ.
Такимъ же одинокимъ,
Какъ и теперь, и удивленнымъ тѣмъ,
Что для тебя Неаполь мой извѣстенъ.
Увы! король Неаполя ужъ слышитъ,
Какъ плачу я—и отъ того я плачу.
Я самъ король Неаполя: я видѣлъ,
Какъ потонулъ король и мой отецъ—
И съ той поры глаза не осушались
Отъ горькихъ слезъ.

МИРАНДА.
Какъ жалко мнѣ его!

ФЕРДИНАНДЪ.
Да, потонулъ, со всей своею свитой,
И герцогъ съ нимъ миланскій, и его
Прекрасный сынъ—погибли всѣ!

ПРОСПЕРО (*въ сторону*).
О, герцогъ
Миланскій и его не сынъ, а дочь
Могли легко тебя бы опровергнуть,
Когда-бъ была теперь на то пора.

А! взорами они ужъ обмѣнялись!
Мой Аріэль, свободенъ будешь ты!
(Фердинанду).
Позвольте, добрый господинъ, одно лишь слово:
Боюсь, что вы обидѣли себя.

МИРАНДА.
Зачѣмъ же съ нимъ такъ грубо говорить?
Вотъ третьяго ужъ вижу я мужчину,
Но первый онъ изъ сердца вызвалъ вздохъ.
Пусть батюшка допуститъ состраданье
Склонить себя на сторону мою.

ФЕРДИНАНДЪ.
Когда руки и дѣвственности вашей
Отъ васъ никто еще не получилъ,
То я готовъ васъ сдѣлать королевой
Неаполя.

ПРОСПЕРО.
Потише, господинъ! *(Въ сторону).*
Они теперь во власти другъ у друга;
Но надобно немножко затруднить
Ихъ счастіе, чтобъ легкость достиженья
Не сбавила для нихъ его цѣны.
(Фердинанду).
Я требую, чтобъ слушалъ ты меня.
Ты званіе высокое присвоилъ,
Но не тебѣ оно принадлежитъ.
На островъ мой ты, какъ шпіонъ, прокрался,
Чтобъ у меня хитро похитить то,
Чѣмъ я одинъ законно здѣсь владѣю.

ФЕРДИНАНДЪ.
Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!

МИРАНДА.
Въ такомъ чудесномъ храмѣ
Не можетъ быть дурного ничего!
Когда злой духъ живетъ въ такомъ жилищѣ,
То добрые, конечно, захотятъ
Съ нимъ вмѣстѣ жить.

ПРОСПЕРО.
Скорѣй, иди за мною!
Измѣнникъ онъ: ни слова за него!
Иди—тебѣ и голову и ноги
Тяжелою я цѣпью закую;
Ты будешь пить одну морскую воду
И ракушки воды проточной ѣсть;
Еще я дамъ тебѣ сухихъ кореній
Да шелухи, и то безъ желудей.
Пойдемъ!

ФЕРДИНАНДЪ.
О, нѣтъ! я буду защищаться
До той поры, пока не побѣдитъ
Меня мой врагъ. *(Вынимаетъ мечъ).*

МИРАНДА.
О, милый мой родитель,
Зачѣмъ его испытывать такъ смѣло?
Онъ тихъ и намъ не можетъ быть опасенъ.

ПРОСПЕРО.
Моя нога не хочетъ ли всѣмъ тѣломъ
Распоряжаться? Злой измѣнникъ, сталь
Ты обнажилъ; но не ударишь ею—
Такъ совѣсть ты проступкомъ оковалъ!
О, не храбрись! Тебя обезоружить
Я въ силахъ въ мигъ единый этой тростью
И уронить свой мечъ могу тебя заставить!

МИРАНДА.
О, батюшка!

ПРОСПЕРО.
Не рви моихъ одеждъ!
Оставь меня!

МИРАНДА.
Имѣйте состраданье.
Я быть хочу порукой за него.

ПРОСПЕРО.
Молчи! когда еще ты скажешь слово,
Тогда тебя не только что бранить,
Но, можетъ быть, я буду ненавидѣть.
Какъ, защищать! кого? клеветника!
Видала ты его да Калибана
И думаешь—красивѣй нѣтъ людей!
О, глупая! Въ сравненіи съ другими,
Онъ Калибанъ, когда въ сравненьи съ нимъ
Всѣ прочіе, какъ ангелы, прекрасны.

МИРАНДА.
Моя любовь не прихотлива: я
Не требую красивѣй человѣка.

ПРОСПЕРО.
Ступай за мной! Вся сила нервъ твоихъ
Теперь опять къ ихъ дѣтству вазвратилась.
Безсиленъ ты!

ФЕРДИНАНДЪ.
Да, правда: какъ во снѣ
Я связанъ весь! Но все:—смерть короля,
Безсиліе, сковавшее меня,
Несчастіе друзей и тѣ угрозы,
Которымъ я покоренъ, какъ дитя—
Я все бы снесъ, лишь только-бъ эту дѣву
Хотя разъ въ день могъ видѣть изъ тюрьмы.
Въ такой тюрьмѣ мнѣ будетъ такъ просторно,
Что прочія мѣста всѣ на землѣ
Охотно я отдамъ во власть свободѣ!

ПРОСПЕРО *(въ сторону).*
Все хорошо! *(Фердинанду и Мирандѣ).*

СИКОРАКСА ВКОЛАЧИВАЕТЪ АРІЭЛЯ ВЪ РАЗЩЕПЪ СОСНЫ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Идите же за мной! *(Аріэлю).*
Мой Аріэль, прекрасно ты исполнилъ!
(Фердинанду и Мирандѣ).
Сюда, за мной!
(Аріэлю). Послушай, что еще
Ты для меня скорѣе долженъ сдѣлать!

Миранда *(Фердинанду).*
Я васъ прошу быть твердымъ. Мой отецъ,
Повѣрьте мнѣ, добрѣе несравненно,
Чѣмъ можетъ по словамъ своимъ казаться:
Такія рѣчи необычны въ немъ.

Просперо *(Аріэлю).*
Какъ вѣтеръ горъ свободенъ будешь ты,
Лишь въ точности исполни приказанье!

Аріэль.
Все сдѣлаю.

Просперо *(Фердинанду).*
Ну, слѣдуй же за мной!
(Мирандѣ).
Не говори ни слова за него!
(Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть острова.

Входятъ Алонзо, Себастіанъ, Антоніо, Гонзало, Адріанъ *и* Францискъ *и другіе.*

Гонзало.
Я васъ прошу, король, развеселитесь.
Намъ есть чему порадоваться всѣмъ:
Спасенное потери нашей выше!
Обычная бѣда: жена матроса,
Купецъ-судовладѣлецъ каждый день
Подобныя имѣютъ огорченья;
Но разсказать о чудѣ, каково
Спасенье наше—довелось не многимъ.
Такъ взвѣсьте же разумно, государь,
И горести, и наши утѣшенья.

Алонзо.
Прошу тебя, молчи!

Себастіанъ *(Антонію).*
Его слова
Онъ слушаетъ съ такимъ-же точно вкусомъ,
Съ какимъ бы ѣлъ холодную похлебку.

Антоніо.
Отвяжется не скоро утѣшитель.

Себастіанъ. Смотрите, вотъ онъ заводитъ часы своего остроумія. Слушайте, они сейчасъ начнутъ бить!

Гонзало. Государь!

Себастіанъ. Разъ! Считайте!

Гонзало. Кто поддерживаетъ въ душѣ каждое встрѣтившееся огорченіе, тотъ пріобрѣтаетъ.

Себастіанъ. Долларъ.

Гонзало. Dolore—страданіе! Да, точно такъ — тотъ пріобрѣтаетъ страданіе. Вы выразились справедливѣе, нежели думали.

Себастіанъ. А вы истолковали мои слова остроумнѣе, чѣмъ я могъ предположить.

Гонзало. Слѣдовательно, государь...

Антоніо. Тьфу! какъ онъ расточителенъ на слова!

Алонзо. Прошу тебя, оставь меня въ покоѣ!

Гонзало. Хорошо, я кончилъ; однако...

Себастіанъ. Однако, онъ будетъ продолжать.

Антоніо. Поспоримъ, кто изъ нихъ, онъ, или, Адріанъ, запоетъ первый.

Себастіанъ. Я держу за стараго пѣтуха.

Антоніо. А я за пѣтушка.

Себастіанъ. Кончено. Закладъ?

Антоніо. Смѣхъ.

Себастіанъ. Согласенъ.

Адріанъ. Хотя этотъ островъ кажется пустыннымъ...

Себастіанъ. Ха-ха-ха! (*Антоніо*). Закладъ я уплатилъ.

Адріанъ. Необитаемымъ и почти неприступнымъ...

Себастіанъ. Однако...

Адріанъ. Однако.

Антоніо. Онъ не могъ пропустить этого „однако“.

Адріанъ. Кажется несомнѣнно, что кроткая и нѣжная умѣренность...

Антоніо. Да, умѣренность нѣжная женщина.

Себастіанъ. И кроткая, какъ онъ замѣтилъ весьма мудро.

Адріанъ. Составляетъ достоинство его климата. Здѣсь воздухъ дышитъ такъ сладко...

Себастіанъ. Какъ будто у него есть легкія, да еще вдобавокъ сгнившія.

Антоніо. Или точно, какъ будто онъ напитался болотнымъ запахомъ.

Гонзало. Здѣсь имѣются всѣ удобства жизни.

Антоніо. Правда, кромѣ средствъ для жизни.

Себастіанъ. Которыхъ здѣсь совершенно нѣтъ, или весьма мало.

Гонзало. Какъ свѣжа и пышна здѣсь трава! какъ зелена!

Антоніо. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь земля бронзоваго цвѣта.

Себастіанъ. Впрочемъ, съ небольшимъ оттѣнкомъ зелени.

Антоніо. Онъ не во многомъ ошибается.

Себастіанъ. Нѣтъ, онъ ошибается только въ истинѣ.

Гонзало. Но главное чудо въ томъ— и это почти невѣроятно...

Себастіанъ. Какъ и большая часть чудесъ.

Гонзало (*продолжая*)... что наше платье, несмотря на то, что побывало въ морѣ, сохранило свою свѣжесть и блескъ; оно какъ-будто вновь выкрашено, а не испорчено соленой водой.

Антоніо. Если бы хотя одинъ изъ его кармановъ могъ говорить, не сказалъ ли бы онъ, что его хозяинъ лжетъ?

Себастіанъ. Непремѣнно, если бы его карманъ хитрымъ образомъ не вздумалъ прикарманить ложь своего хозяина.

Гонзало. Мнѣ кажется, что наше платье такъ же свѣжо, какъ въ то время, когда мы надѣли его въ первый разъ въ Африкѣ, на свадьбѣ прекрасной дочери вашей, Кларибеллы, съ королемъ Туниса.

Себастіанъ. Это была пресчастливая свадьба и весьма благопріятная для нашего возвращенія!

Адріанъ. Тунисъ никогда не имѣлъ королевой такого совершенства.

Гонзало. Конечно, нѣтъ, со временъ вдовы Дидоны.

Антоніо. Вдовы? что за вздоръ! Откуда взялась эта вдова? Вдова Дидона!

Себастіанъ. Ну, еслибъ онъ къ этому назвалъ и Энея вдовцомъ—что бы вы на это сказали, любезный синьоръ?

Адріанъ. Вдова Дидона, говорите вы? Вотъ хорошо! Она была изъ Карѳагена, а не изъ Туниса.

Гонзало. Но, синьоръ, этотъ Тунисъ былъ прежде Карѳагеномъ.

Адріанъ. Карѳагеномъ?

Гонзало. Увѣряю васъ, Карѳагеномъ.

Антоніо. Его языкъ точно волшебная лира!

Себастіанъ. Онъ воздвигаетъ городскія стѣны и дома.

Антоніо. Какую небывальщину онъ теперь осуществитъ?

Себастіанъ. Онъ, пожалуй, отвезетъ этотъ островъ въ карманѣ домой и подаритъ своему сыну вмѣсто яблока.

Антоніо. А сѣмечки посѣетъ по морю, чтобы выросли другіе острова.

Гонзало. Въ самомъ дѣлѣ?

Антонio. Да, черезъ нѣсколько времени.

Гонзало. Государь, мы говорили сейчасъ, что наше платье теперь такъ же свѣжо, какъ въ то время, когда мы были въ Тунисѣ, на свадьбѣ вашей дочери, которая теперь королевой.

Антонio. И самою лучшей королевой, которая когда-либо царила въ этой странѣ.

Себастiанъ. За исключенiемъ вдовы Дидоны—осмѣлюсь прибавить.

Антонio. О, вдова Дидона! Да, за исключенiемъ вдовы Дидоны.

Гонзало. Не правда ли, государь, что мой камзолъ такъ же свѣжъ, какъ въ первый день, когда я его надѣлъ? то-есть, я говорю, до нѣкоторой степени.

Антонio. Это прибавленiе не лишнее.

Гонзало. Не такой ли онъ, какимъ былъ во время свадьбы вашей дочери?

Алонзо.

Всѣхъ вашихъ словъ напрасны утѣшенья!
Душа моя не принимаетъ ихъ.
Какъ я бъ желалъ, чтобъ не было той свадьбы:
Тогда-бъ мой сынъ, быть можетъ, не погибъ!
И дочь моя для насъ погибла также:
Такъ далеко она теперь отъ насъ,
Что увидать ее я не надѣюсь.
А ты, мой сынъ, а ты, наслѣдникъ мой,
Какимъ морскимъ чудовищемъ ты съѣденъ?

Францискъ.

Онъ не погибъ, быть-можетъ, государь.
Я видѣлъ, какъ боролся онъ съ волнами,
Какъ онъ верхомъ на ихъ хребтахъ сидѣлъ,
Какъ разсѣкалъ ихъ мощною рукой
И раздроблялъ ихъ грудью богатырской.
Его чело вставало надъ волнами
И, ихъ дѣля, какъ веслами, руками,
Онъ къ берегу дорогу очищалъ.
Казалося, самъ берегъ понижалъ
Избитое волнами основанье,
Чтобы принять его—и онъ достигъ
До берега, конечно, невредимо.

Алонзо.

Нѣтъ, онъ погибъ!

Себастiанъ.

Себя лишь, государь,
Вы можете винить въ своей потерѣ.
Вы дочерью своею наградить
Родную вамъ Европу не хотѣли
И предпочли принцессу потерять,
Отдавъ ее въ супруги африканцу.
Вы дочь свою изгнали съ вашихъ глазъ
И можете по праву сокрушаться.

ТРИНКУЛО, СТЕФАНО и КАЛИБАНЪ.

Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Смирка (Rob. Smirke, R. A., 1752—1845). (Малая Бойделевская Галлерея).

Алонзо.

О, замолчи!

Себастiанъ.

Мы на колѣняхъ васъ
Молитвами своими утруждали.
Она сама—прекрасная душа—
Была тогда въ большомъ недоумѣньи,
Не вѣдая, что превозмочь въ себѣ—
Покорность ли свою, иль отвращенье.
Увы, боюсь, что изъ-за этой свадьбы
На вѣки мы разстались съ Фердинандомъ,
И, кажется, Неаполь и Миланъ
Имѣютъ вдовъ теперь гораздо больше,
Чѣмъ привеземъ съ собою мы людей
Ихъ утѣшать. И вы одни виновны.

Алонзо.

За то моя потеря больше всѣхъ.

Гонзало.

Себастiанъ, позвольте вамъ замѣтить,
Что нѣтъ у васъ къ печали снисхожденья
И что теперь для истины не время.
Гдѣ вамъ бы надо пластырь приложить,
Тамъ бередить стараетесь вы рану!

Себастіанъ.

Прекрасно!

Антоніо.

Онъ какъ медикъ говоритъ!

Гонзало.

О, государь, когда вы такъ печальны,
Такъ пасмурны—намъ всѣмъ темно!

Себастіанъ.

Темно?

Антоніо.

Весьма темно.

Гонзало.

Когда-бъ мнѣ поручили
Здѣсь развести плантаціи...

Себастіанъ.

То онъ
Засѣялъ бы плантаціи крапивой.

Антоніо.

Репейникомъ и конскимъ щавелемъ!

Гонзало.

А если бы я былъ здѣсь государемъ—
Хотите знать, что-бъ сдѣлалъ я тогда?

Себастіанъ.

Не знаю; только-бъ пьяницею не былъ,
А потому, что не было-бъ вина.

Гонзало.

Въ противность всѣмъ извѣстнымъ учрежденьямъ,
Развилъ бы я республику мою.
Промышленность, чины я бъ уничтожилъ
И грамоты никто бы здѣсь не зналъ;
Здѣсь не было-бъ ни рабства, ни богатства,
Ни бѣдности; я строго-бъ запретилъ
Условія наслѣдства и границы;
Воздѣлывать поля или сады
Не стали-бъ здѣсь; изгналъ бы я металлы,
И всякій хлѣбъ, и масло, и вино;
Всѣ въ праздности здѣсь жили бъ, безъ заботы,
Всѣ, женщины, мужчины; но они
Остались бы всѣ чисты и невинны;
Здѣсь не было-бъ правительства...

Себастіанъ.

А самъ,
Какъ помнится, хотѣлъ быть королемъ.

Антоніо.

Увы, конецъ забылъ свое начало!

Гонзало.

Все нужное безъ пота и трудовъ
Давалось бы природою въ избыткѣ.
Здѣсь ни измѣнъ не знали-бъ, ни предательствъ,
Ни острыхъ шпагъ, ни копій, ни ножей
И вообще орудій никакихъ.
Сама собой давала-бъ все природа,
Чтобъ прокормить невинный мой народъ...

Себастіанъ (*Антоніо*).

А подданныхъ своихъ женить онъ будетъ?

Антоніо.

О, вѣрно нѣтъ! Здѣсь будутъ только жить
Развратницы съ толпою негодяевъ.

Гонзало.

И буду я такъ славно управлять,
Что затемню своимъ я управленьемъ
Вѣкъ золотой.

Себастіанъ.

Да здравствуетъ король!

Антоніо.

Дни долгіе великому Гонзало!

Гонзало.

Не слышитъ ли меня мой государь?

Алонзо. Прошу тебя, перестань! ты какъ будто ничего не говорилъ.

Гонзало. Я охотно вѣрю вашему величеству. За то я доставилъ случай посмѣяться этимъ господамъ, у которыхъ такое чувствительное и дѣятельное легкое, что они всегда готовы смѣяться надъ ничѣмъ.

Антоніо. Мы смѣялись надъ вами.

Гонзало. Да, когда дѣло идетъ о глупыхъ шуткахъ, то я ничто въ сравненіи съ вами. Вы можете продолжать смѣяться надъ ничѣмъ.

Антоніо. Каковъ ударъ онъ намъ нанесъ!

Себастіанъ. Спасибо еще, что плашмя.

Гонзало. Я знаю, господа, какіе вы молодцы. Вы вытолкнули бы мѣсяцъ изъ его сферы, вздумай онъ оставаться пять недѣль сряду, не измѣняясь. (*Слышна торжественная музыка*).

Аріэль *является невидимкой*.

Себастіанъ. Да, мы бы его потревожили—и потомъ дошли бы въ потемкахъ на охоту за птицами.

Антоніо. Ну, ну, любезный синьоръ, не сердитесь!

Гонзало. О нѣтъ! Увѣряю васъ, я бла-

КАЛИБАНЪ И ТРИНКУЛО.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

горазумнѣе, нежели вы думаете. Не хотите ли усыпить меня вашимъ смѣхомъ? Я что-то очень утомленъ.

Антонiо. Хорошо, почивайте и слушайте насъ. (*Всѣ засыпаютъ, кромѣ Алонзо, Себастiана и Антонiо*).

Алонзо.
Какъ, всѣ ужъ спятъ! Когда-бъ глаза и мысли
Сомкнуло сномъ! Смежаются глаза.

Себастiанъ.
О, государь, вы сонъ не отвергайте!
Въ печали онъ, повѣрьте, рѣдкiй гость,
И за собой ведетъ лишь утѣшенье.

Антонiо.
Вы отдыхать извольте, государь,
А мы вдвоемъ надъ вами станемъ стражей.

Алонзо.
Благодарю; я страшно утомленъ.
(*Алонзо засыпаетъ. Арiэль исчезаетъ*).

Себастiанъ.
Вотъ въ странное всѣ впали забытье!

Антонiо.
Не здѣшнiй ли все это сдѣлалъ климатъ?

Себастiанъ.
Но отчего-жъ не дѣйствуетъ на насъ онъ?
Я склонности не чувствую ко сну.

Антонiо.
Я тоже свѣжъ; они жъ какъ-будто разомъ
Заснуть всѣ сговорились, словно ихъ
Пришибъ всѣхъ громъ. Себастiанъ, подумай,
Какую власть имѣемъ мы въ рукахъ!
Но я молчу—и, кажется, читаю
Въ твоемъ лицѣ твое предназначенье.
Себѣ совѣтъ самъ случай подаетъ,
Тогда какъ мнѣ мое воображенье
Рисуетъ, какъ на голову твою
Неаполя корона упадаетъ.

Себастiанъ.
Ты спишь иль нѣтъ?

Антонiо.
Да развѣ ты не слышишь?
Я говорю.

Себастiанъ.
Я слышу; но, конечно,
Ты говоришь, Антонiо, во снѣ.
Ты точно спишь. Ну, что́ сказалъ ты мнѣ?
Какъ можно спать съ открытыми глазами?
Вотъ странный сонъ: стоять и говорить,
И двигаться, и вмѣстѣ спать глубоко!

Антонiо.
Сабастiанъ, ты дозволяешь спать
Иль умирать неслыханному счастью.
Не спавши, ты глаза свои закрылъ.

Себастiанъ.
Однако ты храпишь довольно ясно:
Я нахожу въ твоемъ храпѣньѣ смыслъ.

Антоніо.
Серьезнѣе теперь я, чѣмъ бываю.
И ты, какъ я теперь, серьезенъ будь.
Пойми меня—и выростешь ты втрое.

Себастіанъ.
Ну, хорошо, теперь я какъ вода
Стоячая.

Антоніо.
Я дамъ тебѣ теченье.

Себастіанъ.
Увы, моя наслѣдственная лѣнь
Меня весь вѣкъ отливу только учитъ.

Антоній.
О, если-бъ зналъ, какъ любишь ты мечту,
Что ты на смѣхъ нерѣдко поднимаешь!
Стараніе твое—ее прогнать
Ее сильнѣй тебя связуетъ съ нею.
Какъ часто тѣ, въ которыхъ капли нѣтъ
Рѣшимости, боязнью или лѣнью
Доводятся безъ вѣдома до цѣли!

Себастіанъ.
Прошу тебя скорѣе объясниться!
Твое лицо и выраженье глазъ
Мнѣ говорятъ о чемъ-то очень важномъ
И, кажется, не даромъ мысль твоя
На бѣлый свѣтъ такъ медленно родится.

Антоніо.
Увидишь самъ! Хотя синьоръ болтливый
И съ памятью короткою, какъ та,
Которую оставитъ онъ по смерти,
Лишь на одни способный увѣренья,
Успѣлъ почти увѣрить короля,
Что сынъ его не потонулъ, а живъ,
Хотя ему почти что такъ же трудно
Не утонуть, какъ трудно плавать тѣмъ,
Которые здѣсь спятъ.

Себастіанъ.
Надежды нѣтъ,
Чтобъ онъ не утонулъ.

Антоніо.
Такъ вотъ на чемъ
Основаны великія надежды!
Повѣрь, когда надеждъ ты не имѣешь
Съ той стороны, за то онѣ съ другой
Обширны такъ, что честолюбья взоръ,
Хотя-бъ желалъ, не можетъ дальше видѣть.
Не хочешь ли со мной предположить,
Что Фердинандъ погибъ во время бури?

Себастіанъ.
Да, онъ погибъ.

Антоніо.
А если такъ, скажи—
Неаполя наслѣдникомъ кто будетъ?

Себастіанъ.
Конечно, Кларибела.

Антоніо.
Та, что нынѣ
Возсѣвъ на тронъ тунисскій королевой.
Живетъ отъ насъ за тридевять земель?
Чтобъ во-время доставить ей извѣстья,
Намъ солнышко придется попросить
Курьеромъ быть: жильцу луны едва ли
Туда поспѣть. Она такъ далеко,
Что до нея пока дойдутъ извѣстья,
То выростии успѣетъ борода
У мальчиковъ, на этихъ дняхъ рожденныхъ.
Мы за нее чуть не погибли всѣ;
Но я и ты—мы двое спасены
Лишь для того, чтобъ дѣло совершить,
Которому прошедшее прологомъ
Должны служить, а будущее все
Наполниться должно тобой и мною.

Себастіанъ.
Богъ знаетъ, что ты хочешь мнѣ сказать!
Я знаю, что въ Тунисѣ королевой
Алонзо дочь, а также, что она
Наслѣдница Неаполя, и то,
Что далеко немного тамъ она
Отъ насъ живетъ.

Антоніо.
Мнѣ кажется, я слышу,
Что каждый футъ пространство ей кричитъ:
„Нѣтъ, не тебѣ, бѣдняжка Кларибела,
Меня измѣрить на пути въ Неаполь!“
Нѣтъ, пусть она останется въ Тунисѣ
И бодрствуетъ, проснувшись, Себастьянъ!
Предположи, что истинною смертью
Здѣсь вмѣсто сна они поражены—
И было бъ имъ навѣрное не хуже.
Нашелъ бы, конечно, и король,
Чтобъ управлять Неаполемъ, и слуги
Болтливѣе Гонзало, можетъ быть;
Я самъ бы могъ болтать, ей-ей не хуже.
О! если бы ты думалъ такъ, какъ я,
Ты въ этомъ снѣ увидѣлъ бы возможность
Возвыситься. Что, понялъ ли меня?

Себастіанъ.
Да, кажется.

Антоніо.
Ну, какъ же ты встрѣчаешь
Нежданную фортуну?

Себастіанъ.
Помню я,

Какъ ты ссадилъ съ миланскаго престола
Просперо.

Антонiо.

Да—и самъ сѣлъ на престолъ.
За то, смотри, не больше-ль мнѣ къ лицу,
Чѣмъ нѣкогда, теперь мои одежды?
Я подданнымъ Просперо равенъ былъ,
Въ нихъ подданныхъ теперь я самъ имѣю.

Себастiанъ.

А совѣсть?

Антонiо.

Что мнѣ въ ней, и гдѣ она?
Живи она въ ногѣ моей ознобой,
Я въ башмакѣ припряталъ бы ее;
Въ груди же я, признаться откровенно,
Не чувствую такого Божества.
А еслибъ въ ней хоть двадцать совѣстей
Нашлось, чтобъ путь мнѣ заградить къ престолу,
То всѣ онѣ замерзнутъ и растаятъ
Скорѣй сто разъ, чѣмъ преградятъ мнѣ путь!
Здѣсь спитъ твой братъ, и былъ бы онъ землею
Не лучше той, которая подъ нимъ,
Когда бъ былъ тѣмъ, на что походитъ сонный.
Я уложу на вѣчную постель
Его сейчасъ послушной этой сталью,
А ты межъ-тѣмъ на вѣкъ заставь молчать
Ходячее его благоразумье,
Чтобъ онъ не могъ противорѣчить намъ.
А остальныхъ намъ нечего бояться:
Покорные всегда и всѣмъ, они
На нашу мысль всѣ бросятся, какъ кошки
На молоко, и будутъ исполнять
Все то, что мы съ тобой признаемъ нужнымъ.

Себастiанъ.

Поступокъ твой да будетъ мнѣ примѣромъ,
Любезный другъ: я получу Неаполь,
Какъ нѣкогда ты получилъ Миланъ.
Вынь мечъ, одинъ ударъ—и ты свободенъ
Отъ подати, а я всегда готовъ
Тебя любить.

Антонiо.

Мечи мы вмѣстѣ вынемъ,
И только что я руку подниму,
И ты за мной, и поражай Гонзало.

Себастiанъ.

Постой! еще дай слово мнѣ сказать.
(Они разговариваютъ тихо. Слышна музыка).

Арiэль *является невидимкою.*

Арiэль.

Наукою своей мой повелитель
Узналъ, что здѣсь въ опасности друзья,
И ихъ спасти прислалъ онъ Арiэля;
Не то, прощай все, что задумалъ онъ.
(Поетъ подъ ухомъ Гонзало).

Пока вы спите, заговоръ
Не спитъ и скоро совершится!
Теперь лишь сномъ закрытъ вашъ взоръ,
Тогда же смертью онъ затмится!
Кто хочетъ жить, тотъ берегись,
Стряхни свой сонъ, проснись, проснись!

Антонiо.

Ударимъ же скорѣй и оба вмѣстѣ!
(Антонiо и Себастiанъ обнажаютъ мечи).

Гонзало *(просыпаясь).*

О, ангелы! спасите короля!
(Всѣ просыпаются).

Алонзо.

Что сдѣлалось? Скорѣе всѣ вставайте!
Зачѣмъ у васъ мечи обнажены
И взоры такъ ужасны?

Гонзало.

Что случилось?

Себастiанъ.

Пока мы здѣсь вашъ сонъ оберегали,
Вдругъ раздался какой-то ревъ глухой,
Какъ будто львы иль вепри зарычали.
Вотъ этотъ шумъ всѣхъ васъ и разбудилъ
И бѣдный слухъ мой поразилъ такъ страшно.

Алонзо.

Я не слыхалъ.

Антонiо.

О! шумъ такъ силенъ былъ,
Что испугать онъ могъ бы и чудовищъ,
И землю вокругъ поколебать бы могъ!
Навѣрное тутъ цѣлыми стадами
Рычали львы.

Алонзо.

Ты не слыхалъ, Гонзало?

Гонзало.

Мой государь! клянусь вамъ въ этомъ честью,
Мнѣ странное какое-то жужжанье
Послышалось—и, пробужденный имъ,
Я закричалъ и бросился будить васъ;
Когда же я открылъ мои глаза,
Я увидалъ съ мечами ихъ въ рукахъ.
Да, государь, здѣсь былъ какой-то шумъ—
И слѣдуетъ намъ быть на сторожѣ:
Или совсѣмъ отсюда удалимся,
Иль обнажимъ мечи по крайней мѣрѣ!

Алонзо.

Пойдемте же, попробуемъ еще,
Поищемте потеряннаго сына.

Гонзало.

О, да спасутъ бѣдняжку небеса
Отъ злыхъ звѣрей! На островѣ ужъ вѣрно
Онъ гдѣ-нибудь да поджидаетъ насъ.

Алонзо.

Пойдемте же. (*Всѣ уходятъ*).

Аріэль.

Теперь мой повелитель
Узнаетъ, что здѣсь сдѣлалъ Аріэль.
А ты, король, потеряннаго сына
Иди искать: не бойся ничего. (*Исчезаетъ*).

СЦЕНА II.

Другая часть острова.

Входитъ Калибанъ *съ вязанкою дровъ. Слышны удары грома.*

Калибанъ.

Всѣ вредныя, дурныя испаренья,
Которыя лучъ солнечный сосетъ
Изъ низкихъ мѣстъ, болотъ и вязкихъ рытвинъ,
Пускай падутъ всѣ разомъ на Просперо
И тѣло въ немъ болѣзнію проникнутъ!
Я не могу его не проклинать,
Хотя меня его и слышатъ духи;
Но, вѣдь, покамѣстъ имъ онъ не прикажетъ,
Никто изъ нихъ, конечно, не посмѣетъ
Меня щипать, иль дьявольскимъ видѣньемъ
Запугивать, или въ грязи топить,
Иль въ темнотѣ сбивать меня съ дороги,
Являясь мнѣ блудящимъ огонькомъ,
За каждую бездѣлицу, однако,
Они толпой преслѣдуютъ меня—
И всѣ они, то, будто обезьяны,
Дразня меня, мнѣ дерзко корчатъ рожи,
И вдругъ потомъ кусаются ужасно;
То подъ ноги разсыплются ежами,
Чтобъ иглами мнѣ ноги исколоть;
То вкругъ меня облѣпятся змѣями,
И всѣ шипятъ двойными языками
Несносно такъ, что хоть съ ума сойти!

Входитъ Тринкуло.

Калибанъ.

Ай! вотъ и духъ! Меня пришелъ онъ мучить
За то, что я не скоро несъ дрова.
Ухъ! Можетъ быть меня онъ не замѣтитъ,
Попробую на землю лечь ничкомъ.

Тринкуло. Здѣсь нѣтъ ни кусточка, ни деревца, гдѣ бы можно было спрятаться отъ дурной погоды, а между тѣмъ надвигается новая буря. Я слышу, какъ она распѣваетъ! Это огромное, черное облако, которое прогуливается тамъ, похоже на большую бочку, которая, того и жди, выпуститъ изъ себя всю жидкость. Ну, если громъ разгремится попрежнему, куда я спрячу свою голову? А облако непремѣнно и скоро лопнетъ, и прольется цѣлыми ведрами. (*Увидавъ Калибана*). Что это такое? человѣкъ или рыба? мертвый или живой? Рыба — и пахнетъ, точно рыба; такъ и несетъ отъ нея старой тухлой рыбой, какъ будто отъ не совсѣмъ свѣжей трески. Странная рыба! Еслибъ я былъ теперь въ Англіи—я былъ тамъ когда-то—и если бы я имѣлъ хотя рисунокъ этой рыбы, я увѣренъ, что не осталось бы ни одного ротозѣя, который бы не отдалъ мнѣ часть своихъ денегъ. Вотъ тамъ-то это чудовище обогатило бы своего владѣльца! Тамъ обогащаетъ всякое странное животное. Они не дадутъ мѣдной монеты, чтобы помочь безногому нищему, и заплатятъ десять, чтобы взглянуть на мертваго индійца! У него ноги, какъ у человѣка, и его плавательныя перья похожи на руки; клянусь честью, онъ еще тепелъ! О! теперь не остается никого сомнѣнія: это не рыба, это житель острова, котораго только что убило громомъ! (*Слышенъ громъ*). Ай-ай! буря опять начинается, мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ спрятаться подъ его балахонъ: другого убѣжища я здѣсь не вижу. Несчастіе даетъ иногда человѣку странныхъ постельныхъ товарищей. Спрячусь здѣсь, пока угомонится буря. (*Ложится подъ одежду Калибана*).

Входитъ Стефано, *распѣвая и съ бутылкою въ рукѣ.*

Стефано (*поетъ*).

Въ море, море не хочу я!
Здѣсь на сушѣ и умру я!

Дурной напѣвъ для похоронной пѣсни!
Но въ горѣ вотъ утѣха въ чемъ моя!
(*Пьетъ и потомъ поетъ*).

Нашъ шкиперъ, юнга, боцманъ, я,
Пушкарь, помощникъ пушкаря—
Мы всѣ имѣемъ по милашкѣ;
Мы всѣ привязаны, друзья,
Кто къ Маргариткѣ, кто къ Малашкѣ.
Одной лишь Кати удалой
Морякъ любовью не тревожитъ:

СТЕФАНО ДАЕТЪ КАЛИБАНУ ВИНА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Вишь, будто запахъ смоляной
Переносить она не можетъ!
Подлѣзь-ка къ ней изъ насъ какой,
Такъ съ бранью прочь она отскочитъ,
А всѣмъ извѣстно, что портной
Ее щекочетъ тамъ, гдѣ хочетъ.
Для насъ лишь со злостью языкъ у нее—
Такъ въ море-жъ, ребята, и къ чорту ее!..

Опять напѣвъ ужасно не хорошъ!
Но вотъ моя утѣха въ огорченьи! (*Пьетъ*).

Калибанъ. Прошу, не мучь меня! о-о! Я буду скорѣе таскать дрова!

Стефано. Что это такое! Нѣтъ ли здѣсь чертей? Не вздумали-ль они для потѣхи наряжаться дикими или индійскими людьми?.. Вздоръ! Я не затѣмъ вынырнулъ изъ воды, чтобы испугаться вашихъ четырехъ ногъ! Обо мнѣ не даромъ говорили: „самый твердый человѣкъ, который когда-либо ходилъ на четверенькахъ, не сшибетъ его съ ногъ"! И это будетъ говориться, пока Стефано будетъ вдыхать воздухъ своими ноздрями.

Калибанъ. Духъ, духъ, не мучь меня! О! о!

Стефано. Это какое-нибудь чудовище здѣшняго острова, чудовище съ четырьмя ногами, и, какъ мнѣ кажется, его трясетъ лихорадка. Чортъ возьми! Гдѣ бы оно могло выучиться говорить по нашему? За это одно я готовъ помочь ему. Если мнѣ удастся вылѣчить его, сдѣлать ручнымъ и увезти въ Неаполь, это будетъ подарокъ, достойный любого императора, который когда-либо топталъ бычачью кожу.

Калибанъ. Прошу тебя, не мучь меня! Я понесу дрова скорѣе!

Стефано. Оно теперь въ припадкѣ и оттого говоритъ не совсѣмъ складно. Дамъ ему отвѣдать изъ моей бутылки: если оно никогда не пивало вина, то вино сейчасъ уничтожитъ его припадокъ. Если я его поставлю на ноги и сдѣлаю ручнымъ, то за сколько бы я его ни продалъ—все будетъ слишкомъ дешево. Оно вознаградитъ своего владѣльца за всѣ убытки и вознаградитъ порядкомъ!

Калибанъ. Пока ты еще не терзаешь меня, но сейчасъ начнешь. Я это вижу по твоей дрожи. Просперо заклинаетъ.

Стефано. Ну, ну, поворачивайся! Разинь ротъ! Вотъ это развяжетъ твой языкъ, котенокъ. Разинь ротъ: это уничтожитъ твою дрожь, уничтожитъ совершенно, повѣрь мнѣ. Ты и не знаешь, кто тебѣ другъ. Ну, разинь свою пасть еще.

Тринкуло. Мнѣ что-то знакомъ этотъ голосъ: это... Да нѣтъ, онъ утонулъ! Это черти! О, Господи помилуй!

Стефано. Четыре ноги и два голоса! О, какое прелестное чудовище! Его передній голосъ служитъ ему для того, чтобы хорошо отзываться о своемъ другѣ, а его задній голосъ для того, чтобы произносить безумныя слова и поносить друга. Хотя бы

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Часть острова, передъ пещерою Просперо.

Входитъ Фердинандъ *съ полѣномъ на плечѣ.*

ФЕРДИНАНДЪ.

Есть радости, что связаны съ мученьемъ
И въ этомъ ихъ особенная прелесть.
Есть случаи, въ которыхъ можемъ мы
Унизиться, себя не унижая.
Какъ часто мы дò чуднаго конца
Доходимъ вдругъ изъ грустнаго начала!
Такъ низкій трудъ, которымъ занятъ я,
Былъ для меня, конечно-бъ, нестерпимымъ,
Когда бъ она, которой я служу,
Все мертвое собой не оживляла
И радостью не дѣлала мой трудъ.
Во сколько разъ добра она душою,
Во сколько разъ отецъ ея суровъ!
Онъ, право, весь изъ грубости составленъ!
Онъ приказалъ обидно грубымъ тономъ,
Перетаскать мнѣ тысячи полѣньевъ,
И въ кучу ихъ сложить. А дочь его,
Когда меня работающимъ видитъ,
Льетъ слезы, говоря, что для труда
Столь низкаго подобный исполнитель
Невиданъ былъ. Отрадна эта мысль,
Которой болѣе всего среди работы
Я предаюсь.

Входятъ Миранда *и* Просперо. *Просперо остается въ нѣкоторомъ отдаленіи.*

МИРАНДА.

Не будьте такъ прилежны,
Когда бъ спалила молнія полѣнья,
Которыя вы складывать должны!
Ну, бросьте же его—и отдохните!
Оно въ огнѣ заплачетъ отъ того,
Что васъ теперь собою утруждаетъ.
Родитель мой въ науки погруженъ.
Я васъ прошу—присядьте, отдохните;
Свободны вы на цѣлыхъ три часа.

ФЕРДИНАНДЪ.

Благодарю! Но солнце ужъ склонилось,
А я еще не кончилъ мой урокъ.

МИРАНДА.

Садитесь здѣсь, а я за васъ дрова
[illegible]ну носить. Подайте мнѣ полѣно,
[illegible] его на мѣсто положу.

ФЕРДИНАНДЪ.

Нѣтъ, милое созданье, я готовъ
Переломить себѣ скорѣе спину
И мускулы порвать, чѣмъ видѣть васъ
Униженной до этого труда,
А самому спокойно здѣсь сидѣть.

МИРАНДА.

Онъ такъ же мнѣ приличенъ, какъ и вамъ;
Притомъ его мнѣ легче перенесть,
Затѣмъ, что у меня его исполнить
Желанье есть, котораго въ васъ нѣтъ.

Просперо (*въ сторону*).

Бѣдняжечка! Ты заразилась ядомъ!
И твой приходъ не трудно объяснить.

МИРАНДА.

Устали вы?

ФЕРДИНАНДЪ.

Нѣтъ, чудное созданье,
Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, когда со мною вы,
Я чувствую прохладу утра—ночью!
Скажите мнѣ, прошу, какъ васъ зовутъ,
Чтобъ могъ въ своихъ молитвахъ ваше имя
Я понимать.

МИРАНДА.

Мирандой. (*Въ сторону*). Мой отецъ,
Нарушила твое я запрещенье!

ФЕРДИНАНДЪ.

Чудесная Миранда, вы, вполнѣ
Достойная любви и уваженья,
Вы—лучшее, что въ мірѣ этомъ есть!
Да, нравилось мнѣ много женщинъ въ свѣтѣ!
Не разъ мой слухъ ихъ голосъ обольщалъ,
Я многія достоинства во многихъ
Тогда любилъ, но никогда одной
Моя душа вполнѣ не предавалась:
Въ ихъ качествахъ я открывалъ всегда
Какой нибудь ужасный недостатокъ.
Но вы... О, вамъ подобной нѣтъ!
Достоинства вы всѣ въ себѣ храните!
Вы созданы изъ лучшихъ совершенствъ!

МИРАНДА.

Я женщину ни разу не видала
И женскія черты знакомы мнѣ
Лишь по моимъ, которыя случалось

МИРАНДА и ФЕРДИНАНДЪ.

Картина Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach, 1805—1874)

Моя любовь. Прощайте же пока
На полчаса.

Фердинандъ.

Сто тысячъ разъ прощайте!
(Фердинандъ и Миранда уходятъ).

Просперо.

Хоть не могу я такъ же, какъ они,
Быть восхищенъ—для нихъ все это ново,—
Но, признаюсь, вполнѣ доволенъ я.
Занятій мнѣ еще осталось много
До ужина. За книгу сяду вновь.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Другая часть острова.

Входятъ Стефано *и* Тринкуло; *за ними* Калибанъ *съ бутылкою.*

Стефано. Не говори мнѣ объ этомъ! Когда бочка будетъ пуста, тогда—пожалуй, станемъ пить воду, а до тѣхъ поръ—ни капли. Итакъ,—смѣлѣй, пускайся на абордажъ! Слуга-чудовище, пей за мое здоровье!

Тринкуло. Слуга-чудовище, безобразіе здѣшняго острова, говоритъ, что насъ только пятеро на этомъ островѣ; изъ пятерыхъ здѣсь трое; если у остальныхъ двухъ головы въ такомъ же порядкѣ, какъ у насъ, то государство шатается.

Стефано. Пей, слуга-чудовище, когда я приказываю! Твои глаза какъ будто закатились подъ лобъ.

Тринкуло. Да гдѣ-жъ имъ быть иначе? Вотъ было бы презабавное чудовище, если бы они у него закатились подъ хвостъ!

Стефано. Мой слуга-чудовище утопилъ свой языкъ въ винѣ, а меня и море не могло утопить. Я проплылъ вдоль и поперекъ тридцать пять миль, прежде нежели достигъ берега. Клянусь дневнымъ свѣтомъ, ты будешь моимъ намѣстникомъ, чудовище, или моимъ знаменосцемъ.

Тринкуло. Намѣстникомъ—пожалуй, а знаменосцемъ ему не быть.

Стефано. Мы съ тобой не побѣжимъ назадъ, господинъ чудовище.

Тринкуло. Да и впередъ не пойдете. Вы ляжете молча, какъ собаки.

Стефано. Кусокъ мяса, заговори хоть разъ въ жизни, если ты хорошій кусокъ мяса.

Калибанъ.

Вамъ, господинъ, лизнуть башмакъ дозвольте,
Я больше не слуга ему—онъ трусъ.

Тринкуло. Ты лжешь, глупѣйшее чудовище! Вотъ, напримѣръ, теперь я въ состояніи толкнуть полицейскаго. Скажи, распутная рыба: человѣкъ, который выпилъ такъ много вина, какъ я можетъ ли быть трусомъ? Ты хочешь сказать чудовищную ложь, потому что ты полу-рыба, полу-чудовище!

Калибанъ (*Стефано*). Посмотри, какъ онъ меня обижаетъ. Неужели ты ему позволишь, государь?

Тринкуло. Государь! И чудовище можетъ быть такъ невинно-глупо!

Калибанъ. О-о! опять! Прошу тебя, закусай его до-смерти.

Стефано. Тринкуло, держи крѣпче свой языкъ за зубами. Если ты окажешься возмутителемъ, то первое дерево... Бѣдное чудовище—мой подданный, и я не потерплю, чтобъ его обижали.

Калибанъ. Спасибо, государь! Но позволь мнѣ повторить еще разъ мою просьбу.

Стефано. Согласенъ. Становись на колѣни и повтори свою просьбу; я же буду стоять и Тринкуло также.

Является Аріэль *невидимкою.*

Калибанъ. Я, какъ уже говорилъ тебѣ, въ рабствѣ у тирана, у колдуна, который хитростью отнялъ у меня этотъ островъ.

Аріэль.

Ты лжешь!

Калибанъ.

Нѣтъ, лжешь ты самъ, насмѣшникъ-обезьяна!
Желаю, чтобъ мой храбрый господинъ
Тебя своей рукою уничтожилъ.
Нѣтъ, я не лгу!

Стефано. Тринкуло, если ты еще разъ помѣшаешь его разсказу, клянусь этой рукою, я вышибу тебѣ нѣсколько зубовъ.

Тринкуло. За что же? Я ничего не говорю.

Стефано. Такъ молчи же—и ни слова! (*Калибану*). Ну, продолжай!

Калибанъ.

Я говорю, что островъ
Онъ захватилъ посредствомъ колдовства
И что меня наслѣдства онъ лишилъ.

МИРАНДА.
Изъ галлереи Шекспировскихъ героинь извѣстнаго англ. иллюстратора Кини Мидоуса (Keany Meadows 1790—1874).

Прошу тебя, ты отомсти злодѣю:
Ты храбръ и, я увѣренъ, можешь ты
Его прогнать, а этотъ вотъ не смѣетъ.

Стефано. Разумѣется.

Калибанъ.

Ты былъ бы здѣсь властителемъ вполнѣ,
И у тебя остался-бъ я въ услугахъ.

Стефано. Но какъ же это сдѣлать? Можешь ли ты довести меня до твоего злодѣя?

Калибанъ.

Да, господинъ! Я соннаго тебѣ
Его предамъ—и въ голову свободно
Ты можешь гвоздь злодѣю вколотить.

Аріэль.

Ты лжешь, ты лжешь, ты этого не можешь!

Калибанъ.

Вотъ пестрый шутъ, несносный глупый вралъ!
Побей его—прошу твое величье—
И отними бутылку у него.
Пускай онъ пьетъ одну морскую воду,
А я ему никакъ не укажу
Источниковъ съ проточною водою.

Стефано. Смотри, Тринкуло—и берегись! Если еще разъ ты помѣшаешь чудовищу хоть однимъ словомъ, то, клянусь этой рукой, я вытолкаю за двери мое снисхожденіе и превращу тебя въ треску.

Тринкуло. Да за что же? что я сдѣлалъ. Я ничего не сдѣлалъ! Я отойду въ сторону.

[illegible] он[illegible] лжетъ?

Аріэль. Ты лжешь.

Стефано. [illegible]

(*Бьетъ Тринкуло*). [illegible]

вится, то [illegible]

Тринкуло. [illegible]

ты лжешь. [illegible]

и разсуд[illegible]

значит[illegible]

такъ [illegible]

вище[illegible] черти [illegible]

Калибанъ. Ха-ха-ха!

Стефано. Ну, продолжай [illegible]

сказъ. (*Тринкуло*). А тебя прошу не [illegible] ходить близко.

Калибанъ.

Прошу, еще побей его немножко,
И самъ его я скоро буду бить!

Стефано. Отойди подальше. (*Калибану*). Ну, продолжай.

Калибанъ.

Какъ я сказалъ, имѣетъ онъ привычку
Съ приходомъ къ намъ полудня отдыхать.
Заставъ его уснувшимъ, постарайся
Ты книгами сначала овладѣть,
А тамъ тебѣ уже не трудно будетъ
Иль размозжить ему полѣномъ лобъ,
Иль выпустить кишки колом[illegible]
Иль перерѣзать [illegible]
Своимъ ножомъ [illegible]
Не позабудь: безъ [illegible]
Какъ Калибанъ, [illegible]
Онъ ничего не [illegible]
А духи, как[illegible]
Когда сожжешь [illegible]
Есть у него чудесн[illegible]
Чтобъ убирать при случа[illegible]
Н[illegible], чѣмъ можетъ [illegible]
Т[illegible] дочерью, красавицей [illegible]
К[illegible] зоветъ онъ несравне[illegible]
Д[illegible] женщинъ только [illegible]
Е[illegible] мать, колдунью [illegible]
Н[illegible] мать моя была [illegible]
К[illegible]

[illegible]

т[illegible]

Т[illegible]
М[illegible]
И[illegible]

л[illegible]

Но никогда не причиняютъ зла.
То тысячи звучатъ здѣсь инструментовъ,
То голоса, отъ сна вдругъ пробудивъ,
Опять меня ввергаютъ въ усыпленье:
И въ снахъ моихъ я вижу облака
Открытыми, а тамъ, за облаками,
Богатый міръ, готовый на меня
Какъ будто бы съ высотъ своихъ излиться.
И хочется, проснувшись, мнѣ тогда
Заснуть опять!

Стефано. Да, это превосходное королевство! Музыку я буду имѣть даромъ.

Калибанъ. Когда убьешь Просперо.

Стефано. За этимъ дѣло не станетъ. Я помню твой разсказъ.

Тринкуло. Звуки удаляются. Пойдемте за ними и кончимъ наше дѣло.

Стефано. Ступай, чудовище, показывай дорогу: я хочу непремѣнно видѣть этого барабанщика; онъ славно барабанитъ.

Тринкуло. Идешь ли ты? Я за тобой, Стефано.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА III.

Другая часть острова.

Входятъ Алонзо, Себастіанъ, Антоніо, Гонзало, Адріанъ *и* Францискъ.

Гонзало.

О, государь, клянусь вамъ Пресвятою,
Что далѣе идти я не могу:
Такъ дряхлыя мои заныли кости!
Мы бродимъ здѣсь какъ будто въ Лабиринтѣ,
Что весь изъ переулковъ состоитъ
Прямыхъ и искривленныхъ. Позвольте
Мнѣ здѣсь немного отдохнуть.

Алонзо.

Я, старый другъ, тебя не осуждаю;
Я самъ усталъ и до того усталъ,
Что у меня всѣ чувства притупились.
Садись же здѣсь и отдохни, старикъ.
Теперь съ моей надеждой я прощаюсь;
Довольно былъ я ею обольщенъ.
Онъ утонулъ, а мы его все ищемъ!
Надъ нами море синее смѣется,
Что на землѣ мы ищемъ мертвецовъ.

Антоніо *(тихо Себастіану).*

Давно-бъ пора надежду потерять!
Надѣюсь я, что первой неудачей
Не навсегда обезоруженъ ты?

Себастіанъ.

Конечно, нѣтъ; представься только случай—
Онъ будетъ нашъ...

Антоніо.

Въ сегодняшнюю ночь!
Утомлены они теперь ходьбою,
И имъ нельзя такъ осторожнымъ быть,
Какъ были бы они въ другое время.

Себастіанъ.

Тсъ! хорошо! Въ сегодняшнюю ночь!

Слышна торжественная и необыкновенная музыка. Входятъ разныя странныя маски *и приносятъ столъ съ различными кушаньями; потомъ начинаютъ танцовать около стола, дѣлаютъ движенія и поклоны, которыми приглашаютъ короля со свитой кушать и затѣмъ исчезаютъ.* Просперо *въ продолженіе всей сцены находится въ высотѣ невидимкою.*

Алонзо.

О, что за звукъ? Послушайте, друзья!

Гонзало.

Волшебная, отрадная музыка!

Алонзо.

О, небеса, предохраните насъ!
Кто это былъ?

Себастіанъ.

Живыя существа.
Ну, послѣ нихъ, повѣрить я готовъ,
Что на землѣ живутъ единороги,
Что дерево накое-то растетъ
Въ Аравіи и служитъ будто трономъ
Для феникса и что теперь еще
Царитъ на немъ какой-то чудный фениксъ

Антоніо.

Я вѣрить самъ теперь готовъ всему,
Что кажется вамъ выше вѣроятья,
Я побожусь, что истинно оно.
Пускай себѣ смѣются домосѣды:
Кто странствуетъ, тотъ никогда не лжетъ.

Гонзало.

Ну, если бы въ Неаполѣ я вздумалъ
Поразсказать, что видѣлъ я теперь—
Наврядъ ли бы повѣрили они,
Что существуютъ здѣсь островитяне,
Которые, подъ формой безобразной,
Таятъ такую прелесть обращенья,
Что, кажется, едва-ль кто изъ людей
Бываетъ такъ любезенъ и привѣтливъ.

Просперо *(въ сторону).*

О, честный другъ, ты правду говоришь:
Дѣйствительно, здѣсь существуютъ люди,
Которые презрѣннѣй несравненно
Самихъ чертей!

Алонзо.

О, не могу придти
Вполнѣ въ себя! Вотъ чудныя творенья!
Движенья ихъ и ихъ волшебный звукъ
Нѣмую рѣчь намъ чудно говорили,
Понятную безъ языка и словъ.

Просперо *(въ сторону).*

Чтобъ ихъ хвалить, дождися окончанья.

Францискъ.

И странно, какъ исчезли всѣ они.

Себастіанъ.

Ну, что жъ—за то намъ кушанья остались;
Мы-жъ голодны. Угодно ль, государь,
Отвѣдать вамъ?

Алонзо.

О, нѣтъ! я ѣсть не буду.

Гонзало.

Вамъ нечего бояться, государь.
Не вѣрили, когда дѣтьми мы были,
Что горцы есть съ подгрудками точь-въ точь
Какъ у быковъ, и у которыхъ къ горламъ
Прикрѣплены мясистые мѣшки;
Не вѣрили, что есть такіе люди,
Которые имѣютъ на груди
Свое лицо. Придется вѣрить тѣмъ,
Которые, изъ странствій возвратившись,
О чудесахъ разсказываютъ намъ.

Алонзо.

Пусть будетъ здѣсь послѣдній мой обѣдъ;
Я буду ѣсть. Чего же мнѣ бояться?
Я счастія не вижу впереди.
Антоньо, братъ, приблизимтесь всѣ вмѣстѣ.

Громъ и молнія. Является Аріэль *въ видѣ Гарпіи. Онъ машетъ крыльями надъ столомъ, отчего всѣ блюда исчезаютъ.*

Аріэль.

Я вижу трехъ преступниковъ. Судьба,
Которая всѣмъ въ мірѣ управляетъ,
Заставила несытую волну
Васъ изрыгнуть на этотъ дикій островъ,
Такъ какъ съ людьми вы недостойны жить.
Я всѣхъ троихъ васъ предаю безумью!
(Алонзо и прочіе обнажаютъ мечи).
Храбритесь вы, какъ вижу, но напрасно,
И храбростью похожи вы на тѣхъ,
Которые, въ безуміи своемъ,
Повѣситься хотятъ иль утопиться.
Безумные! Товарищи и я,
Судьбы святой мы исполняемъ волю,
И ваша сталь не такъ закалена,
Чтобъ нанести ударъ ревущей бурѣ,
Чтобъ умертвить упругую волну,
Иль повредить одно изъ этихъ перьевъ.
Равно какъ мнѣ, товарищамъ моимъ
Сталь не страшна. Но если бы имѣла
Насъ одолѣть могущество она,
То въ васъ самихъ достаточно нѣтъ силы,
Чтобы поднять тяжелые мечи.
Но вспомните: я вамъ пришелъ напомнить,
Какъ вы изгнали добраго Просперо,
Лишивъ его миланскаго престола;
Какъ съ дочерью невинной вы его
Покинули на волю океана,
Который вамъ теперь лишь отомстилъ.
Чтобъ наказать за ваше преступленье,
Могущество предвѣчнаго суда
Хоть медлило, но мщенья не забыло.
Противу васъ моря и берега,
И все живущее оно подъяло;
Имъ у тебя, Алонзо, отнятъ сынъ
И, сверхъ того, я всѣмъ вамъ предвѣщаю:
Несчастія, ужаснѣе, чѣмъ смерть,
Привяжутся ко всѣмъ дѣяньямъ вашимъ
И будутъ васъ преслѣдовать всегда.
Да, гнѣвъ его на островѣ безлюдномъ
Отыщетъ васъ и умолить его
Вы можете лишь чистотою жизни
И истиннымъ раскаяньемъ души.

(Аріэль исчезаетъ при ударахъ грома; потомъ, при звукахъ тихой музыки, являются предыдущія маски, танцуютъ, кривляются и уносятъ столъ).

Просперо *(въ сторону).*

Мой Аріэль, чудесно ты исполнилъ
Роль Гарпіи! И въ самомъ изступленьи
Своемъ ты былъ такъ нѣженъ и хорошъ;
Не измѣнилъ моихъ предначертаній
И все сказалъ. И прочими духами
Доволенъ я—такъ живо, хорошо
Исполнили они свои всѣ роли.
Вотъ дѣйствія моихъ могучихъ чаръ:
Враги мои окованы безумьемъ,
Они мои. Пока оставлю ихъ
И удалюсь взлянуть на Фердинанда,
Котораго погибшимъ всѣ считаютъ;
Что дѣлаетъ онъ съ милою Мирандой!
(Просперо исчезаетъ съ высоты).

Гонзало *(Алонзо).*

Я всѣмъ, что есть святого, заклинаю,
О, государь, что съ вами? Ободритесь!

Алонзо.

Ужасно, о, ужасно! Слышалъ я,
Какъ волны мнѣ упреками шумѣли,
И вѣтеръ вылъ, нашептывая въ уши,
И громъ, какъ басъ въ концертѣ похоронномъ,
Такъ звучно, такъ ужасно рокоталъ,
По имени Просперо называя.
Теперь мой сынъ лежитъ въ подводномъ илѣ,
Но я къ нему спущуся глубже лота
И вмѣстѣ съ нимъ тамъ лягу въ глубинѣ.

(*Уходитъ*).

Себастіанъ.

Толпу чертей на бой я вызываю,
По одному лишь только, а не вдругъ!
(*Уходитъ*).

Антоніо.

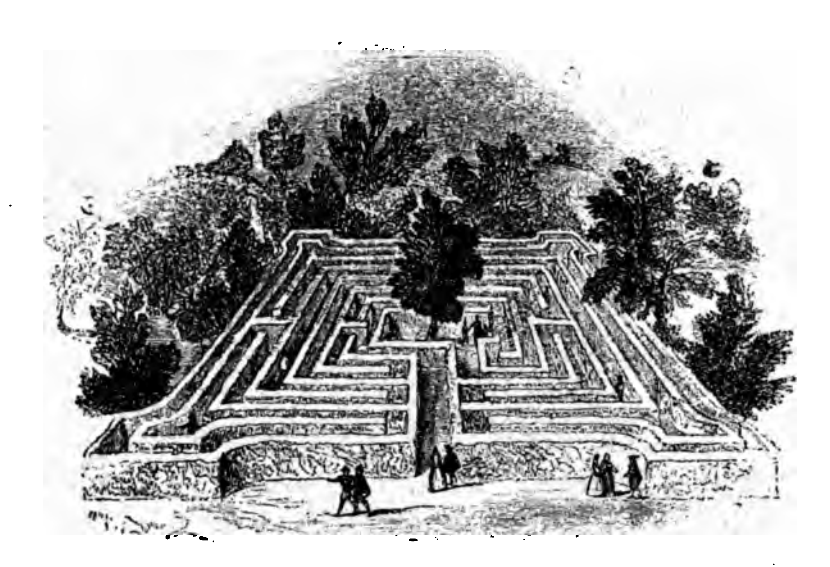
А я готовъ твоимъ быть секундантомъ.
(*Уходитъ*).

Гонзало.

Всѣ трое вдругъ въ безумьи убѣжали!
Проступокъ ихъ, какъ тотъ ужасный ядъ,
Что много лѣтъ лишь дѣйствуетъ спустя,
Теперь достигъ до самой ихъ души.
(*Свитѣ*). У васъ проворнѣй ноги, господа,
Бѣгите вслѣдъ за ними—удержите
Непомнящихъ себя отъ безразсудства.

Адріанъ.

Идите всѣ за мною господа! (*Уходятъ*).

„Лабиринтъ, что весь изъ переулковъ состоитъ“.
(*Изъ изданія Найта*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ пещерою Просперо.

Входятъ Просперо, Фердинандъ *и* Миранда.

Просперо.

Я наказалъ тебя довольно строго;
Но ты теперь вполнѣ вознагражденъ.
Нить жизни я своей тебѣ вручаю—
Нѣтъ, больше: то, чѣмъ я живу на свѣтѣ,
Тебѣ, въ твои я руки отдаю.
Твою любовь хотѣлъ я испытать
Обидами; но ты остался твердымъ—
И я теперь въ присутствіи небесъ
Даю тебѣ подарокъ драгоцѣнный.
О, Фердинандъ, не смѣйся надо мной,
Что я ее ужъ слишкомъ восхваляю!
Увидишь самъ, насколько превосходитъ
Всѣ похвалы возможныя она.

Фердинандъ.

Я этому готовъ охотно вѣрить,
Хотя-бъ оракулъ васъ опровергалъ.

Просперо.

Возьми, вотъ онъ, подарокъ дорогой,
Который ты такъ заслужилъ достойно,
Но если до того, пока обрядъ
Священникомъ вполнѣ не совершится,
Ты дѣвственный развяжешь поясъ ей,
То никогда съ небесъ благословленье
На вашъ союзъ съ любовью не сойдетъ:
О, нѣтъ! раздоръ, презрѣнье съ ѣдкимъ взоромъ
И ненависть безплодная тогда
Насыпятъ къ вамъ на брачную постель
Негодныхъ травъ, столь ѣдкихъ и колючихъ,
Что оба вы соскочите съ нея.
И такъ—будь чистъ, какъ лампа Гименея,
Которая должна васъ озарить.

Фердинандъ.

Какъ вѣрю я, что небо мнѣ пошлетъ
Спокойствіе, наслѣдниковъ прелестныхъ
И полную любви и счастья жизнь,
Такъ вѣрно, что ни темныя пещеры,
Ни самыя удобныя мѣста,
Ни геніевъ коварныхъ искушенья
Моимъ страстямъ мой долгъ не покорятъ.
О, не хочу минутнымъ наслажденьемъ
Я омрачать торжественный тотъ день—
Тотъ день, въ который будетъ мнѣ казаться,
Что Фебъ коней своихъ остановилъ,
Или что ночь прикована подъ нами!

Просперо.

Прекрасно, другъ! Сядь съ нею здѣсь теперь,
Поговори. Она твоя на вѣки (*Въ сторону*).
Мой вѣрный духъ, мой Аріэль!

Является Аріэль.

Я здѣсь!
Что хочетъ мой могучій повелитель?

Просперо.

Ты самъ и духи низшіе твои
Въ послѣдній разъ мнѣ славно послужили,
Но я хочу васъ вновь употребить
На дѣйствія, подобныя послѣднимъ.
Поди, веди сюда толпу духовъ,
Которыхъ далъ тебѣ я въ управленье,
Да прикажи имъ поживѣе быть.
Я молодой четѣ хочу представить
Могущество искусства моего.
Я обѣщалъ: она ждетъ исполненья.

Аріэль.

Когда? теперь?

Просперо.

Сейчасъ, въ единый мигъ!

Аріэль.

Не успѣешь произнесть ты:
„Духъ явись! духъ пропади!"
Не успѣешь обновить ты
Воздухъ два раза въ груди—
Духи всѣ къ тебѣ примчатся,
Чтобъ плясать здѣсь и кривляться
И твердить тебѣ привѣтъ!
Любишь ты меня иль нѣтъ?

Просперо.

Люблю люблю, мой Аріэль прелестный!
Не приходи, пока не позову.

Аріэль.

Благодарю тебя, мой повелитель!
(*Исчезаетъ*).

Просперо (*Фердинанду*).

Не позабудь обѣщанное слово

ПРОСПЕРО БЛАГОСЛОВЛЯЕТЪ БРАКЪ МИРАНДЫ И ФЕРДИНАНДА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

И ласкамъ ты свободы не давай.
Въ огнѣ страстей всѣ клятвы—какъ солома.
Воздержанъ будь, или скажи прости
Тому, что ты недавно обѣщалъ мнѣ.

ФЕРДИНАНДЪ.
Нѣтъ, государь, нѣтъ, слово я сдержу.
Снѣгъ дѣвственный, который покрываетъ
Мою любовь холодной бѣлизной,
Умѣритъ пыль моихъ страстей.

ПРОСПЕРО.
Я вѣрю!
(Въ сторону).

Теперь—явись, явись, мой Аріэль,
Толпу духовъ, чѣмъ бо́льшую, тѣмъ лучше,
Съ собой веди! Проворнѣе явись!

(Фердинанду и Мирандѣ).
Молчите и глядите со вниманьемъ!

Слышна тихая музыка. Является ИРИСА.

ИРИСА.
Покинь, Церера, щедрая царица,
Поля твои, гдѣ зрѣютъ рожь, пшеница,
Овесъ, бобы; и пастбища для стадъ,
Гдѣ крышъ, соломой крытыхъ видѣнъ рядъ,
И берегъ твой, цвѣтами окаймленный,
Гдѣ нимфа вьетъ стыдливый свой вѣнокъ;
И тѣнь дубравъ, гдѣ зеленѣетъ дрокъ,
Туда спѣшитъ покинутый влюбленный;
Ты поле виноградное покинь,
Пустынный берегъ со скалой безплодной,
Гдѣ дышешь ты! Богиня всѣхъ богинь
Посланницей являюсь многоводной.
И радугой. Зоветъ—веселье съ ней
Дѣлить она—вотъ здѣсь, среди долины.
Чу! Слышу я: летятъ ея павлины,
Церера, ей привѣтъ неси скорѣй.

(Слетаетъ ЦЕРЕРА).

ЦЕРЕРА.
Прими привѣтъ! Юнонѣ служишь ты,
И радужной блистаешь ты красою,
Съ крылъ золотыхъ въ лугахъ мои цвѣты
Живишь своей медвяною росою.
Вѣнчаешь ты пустынный долъ и лѣсъ,
Надъ пышною землей твой шарфъ наброшенъ;
Но для чего на лугъ, что свѣже скошенъ
Я призвана богинею небесъ?

Ириса.

Отпраздновать союзъ любви священной
И принести четѣ благословенной
Свой щедрый даръ.

Церера.

Дай, дивная, отвѣтъ:
Съ царицею Венеры съ сыномъ нѣтъ?
Съ тѣхъ поръ, какъ стала жертвою Плутона,
По милости ихъ козней, дочь моя,
Развратнаго слѣпаго Купидона
И мать его—клялась не видѣть я.

Ириса.

Не бойся; нѣтъ Венеры при царицѣ.
Влекома голубями, въ колесницѣ,
Что разсѣкаетъ облачную высь,
Сынъ и она на Паѳосъ пронеслись.
Надъ юною четой пытались тоже
Испробовать они соблазнъ страстей,
Но тѣ клялись тогда взойти на ложе,
Когда засвѣтитъ факелъ Гименей [1]).
Любовница Марса назадъ возвратилась
Съ досады, что цѣли своей не добилась;
А сынъ своенравный своими стрѣлами
Рѣшается только играть съ воробьями;
И, ихъ сокрушая одна за другой,
Желаетъ остаться на вѣки дитей!

Церера.

Шумъ слышу я: царица къ намъ грядетъ!
Я узнаю Юноны въ немъ полетъ.

Является Юнона.

Юнона (*Церерѣ*).

Привѣтъ тебѣ, богинѣ благодатной!
Приди чету благословить вдвоемъ
И пожелать любви ей необъятной
И почестей въ наслѣдіи своемъ.
(*Поетъ*).
Честь, богатство, благодать,
Безконечность наслажденья
И большое поколѣнье—
Вотъ пришла что пожелать
Вамъ Юнона въ пѣснопѣньи!

Церера (*поетъ*).

Ваши гумны будутъ полны
И довольство снидетъ къ вамъ;
Ваши жатвы, будто волны,
Разольются по полямъ;
Вѣчно сочными гроздами
Будетъ рдѣть вашъ виноградъ,
И деревья подъ плодами
Долу вѣтви преклонять.
Не успѣете убрать вы
И плоды и сѣмена,
Снова, мать богатой жатвы,
Возвратится къ вамъ весна.
Всѣ несчастья, всѣ лишенья
Будутъ домъ вашъ обѣгать.
Вотъ чего пришла желать
Вамъ Церера въ пѣснопѣньи!

Фердинандъ.

Вотъ истинно чудесное видѣнье!
Какъ пѣсни ихъ гармоніи полны!
Увѣренъ я, что передъ нами духи.

Просперо.

Конечно, духи—вызвалъ ихъ сюда я
Изъ ихъ жилищъ могуществомъ искусства,
Чтобъ мои желанья совершить.

Фердинандъ.

О, я хочу остаться здѣсь на вѣки!
Клянусь, имѣть столь мощнаго отца
Имѣть жену—да это быть въ раю!
(Юнона и Церера говорятъ тихо между собою и отдаютъ свои приказанія Ирисѣ).

Просперо.

Вниманіе! богини межъ собой
Секретничать серьезно начинаютъ:
Придумали, конечно, что-нибудь.
Молчите же, не то исчезнутъ чары.

Ириса.

Нимфы-наяды шумящихъ ручьевъ,
Въ свѣжихъ вѣнкахъ изъ рѣчныхъ тростниковъ,
Съ взоромъ невиннымъ, явитесь!
Бросьте жилище холодное водъ!
Гласомъ моимъ васъ Юнона зоветъ:
Волѣ ея покоритесь!
Нимфы, спѣшите на лугъ помогать
Вѣчной любови союзъ ликовать!
Нимфы, скорѣй торопитесь!
(Являются нимфы).
Изнуренные работой,
Загорѣлые жнецы,
Бросьте всѣ свои заботы
Земледѣльцы-молодцы!
Шляпы на-бокъ надѣвайте,
Будьте веселы душой
И на пляски поспѣшайте
Каждый съ нимфой молодой.

[1]) Предыдущія 41 строка (съ появленія Ирисы) заново переведены для настоящаго изданія О. Н. Чюминой.

ВОЛШЕБНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ, УСТРОЕННОЕ ПРОСПЕРО.
Картина англ. художника Джозефа Райта изъ Дерби (Joseph Wright of Derby, 1697—1761) (Большая Бойделевская Галлерея).

Входятъ жнецы *въ приличныхъ имъ одеждахъ. Они составляютъ съ нимфами граціозный танецъ, къ концу котораго Просперо вдругъ быстро встаетъ.*

Просперо (*въ сторону*).
Я позабылъ, что гнусный заговоръ
Противъ меня составленъ Калибаномъ.
Назначенный почти насталъ ужъ часъ.
(*Духамъ*). Благодарю! довольно, удалитесь!
(Раздается странный, глухой и неопредѣленный звукъ. Духи исчезаютъ).

Фердинандъ (*Мирандѣ*).
Взгляните, какъ взволнованъ вашъ отецъ.

Миранда.
Да, я его ни разу не видала
Взволнованнымъ такъ сильно.

Просперо.
Фердинандъ,
Ты, кажется, немного самъ встревоженъ,
Какъ будто бы боишься ты чего.
Покоенъ будь; теперь забавы наши
Окончены. Какъ я уже сказалъ,
Ты духовъ видѣлъ здѣсь моихъ покорныхъ;
Они теперь исчезли въ высотѣ
И въ воздухѣ чистѣйшемъ утонули.
Когда-нибудь, повѣрь, настанетъ день,
Когда всѣ эти чудныя видѣнья,
И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной
Со всѣмъ, что въ немъ находится понынѣ,
Исчезнетъ все, слѣда не оставляя.
Изъ вещества того-же какъ и сонъ,
Мы созданы. И жизнь на сонъ похожа.
И наша жизнь лишь сномъ окружена.
Разстроенъ я. Простите эту слабость!
Мой старый мозгъ немного раздраженъ.
Но этимъ вы, прошу васъ, не тревожьтесь,
Совѣтую въ пещеру вамъ войти

И отдохнуть; а я здѣсь прогуляюсь,
Чтобъ утишить взволнованный мой умъ.

Фердинандъ *и* Миранда.

Желаемъ вамъ скорѣй успокоенья!

(Входятъ въ пещеру).

Просперо.

Благодарю. Явись, быстрѣй, чѣмъ мысль,
Явись, мой духъ!

Является Аріэль.

Аріэль.

Я здѣсь, съ твоею мыслью.
Что повелишь?

Просперо.

Ко встрѣчѣ съ Калибаномъ
Должны мы приготовиться, мой духъ.

Аріэль.

Когда Цереру я изображалъ,
Тебѣ хотѣлъ объ этомъ я напомнить.
Да побоялся разсердить тебя.

Просперо.

Скажи-ка мнѣ, гдѣ этихъ негодяевъ
Оставилъ ты?

Аріэль.

Я ужъ сказалъ тебѣ:
Они всѣ такъ виномъ разгорячились,
И храбры такъ, что даже воздухъ бьютъ
За то, что онъ въ лицо имъ смѣло дуетъ,
И землю бьютъ за то лишь, что она
Осмѣлилась до ногъ ихъ прикасаться;
Намѣренья-жъ свои не оставляютъ.
Когда же я сталъ бить въ мой барабанъ,
Тогда они, какъ будто жеребцы,
Приподняли и навострили уши,
Уставили впередъ свои зрачки,
Раздули ноздри, вздернули носы
И музыку носами стали нюхать.
Я музыкой ихъ такъ очаровалъ,
Что всѣ они за мною, какъ телята
За матерью, пустились чрезъ кусты,
Чрезъ тернія, крапиву и колючки,
Которыя порядкомъ рвали ихъ;
И, наконецъ, я всѣхъ ихъ засадилъ
По бороду въ вонючее болото,
Которое отсюда въ трехъ шагахъ—
И тамъ они, всѣ трое, какъ ни бьются,
Освободить никакъ не могутъ ногъ.

Просперо.

Прекрасно, птичка милая моя!
Будь невидимъ и принеси скорѣй
Сюда мои одежды изъ пещеры:
Намъ надобна приманка для воровъ.

Аріэль.

Лечу, лечу! *(Исчезаетъ).*

Просперо.

Онъ чортъ, рожденъ онъ чортомъ:
Воспитывалъ его напрасно я.
Мои труды и всѣ мои старанья
Потеряны—потеряны вполнѣ.
Съ годами онъ становится все гаже,
Все безобразнѣй тѣломъ и душой.
За то теперь я всѣхъ троихъ заставлю
Порядочно отъ боли повизжать.

(Аріэль возвращается съ блестящими одеждами).

Ну-ну, скорѣй развѣсь все на веревкѣ.

Входятъ Стефано, Тринкуло *и* Калибанъ, *всѣ измокшіе. Просперо и Аріэль остаются невидимыми.*

Калибанъ.

Я васъ прошу, идите потихоньку,
Чтобъ даже кротъ слѣпой не услыхалъ.
Вотъ мы пришли къ Просперовой пещерѣ.

Стефано. Чудовище, твоя волшебница—хоть ты говоришь, что она добрая волшебница—сыграла съ нами шутку немногимъ развѣ лучше блудящаго огонька.

Тринкуло. Чудовище, я провонялъ чортъ знаетъ чѣмъ, и носъ мой отъ этого въ большомъ неудовольствіи.

Стефано. И мой также. Слышишь ли, чудовище? Если и я приду въ неудовольствіе—тогда берегись!

Тринкуло. Ты пропадешь тогда, чудовище!

Калибанъ.

Мой господинъ, будь милостивъ со мною,
Будь терпѣливъ. То, что получишь ты,
Вознаградитъ за всѣ несчастья.
Но говори потише, я прошу.
Какъ въ полночь, здѣсь пока еще все тихо.

Тринкуло. Все это хорошо, но потерять наши бутылки въ болотѣ..

Стефано. Это не только срамъ и безчестіе, чудовище,—это невозвратимая потеря.

Тринкуло. Эта потеря для меня прискорбнѣе, чѣмъ мое купанье въ болотѣ. И все по милости твоей доброй волшебницы, чудовище.

Стефано. Отыщу мою бутылку, хоть бы пришлось увязнуть по уши.

КАЛИБАНЪ.

Прошу тебя, побудь здѣсь, государь!
Смотри, вотъ входъ въ Просперову пещеру;
Войди туда тихонько, и скорѣй
Убей его,—и будешь ты владѣльцемъ
На островѣ, а я, твой Калибанъ,
За то лизать твои подошвы буду.

Стефано. Дай мнѣ твою руку. Во мнѣ рождаются кровавые замыслы.

Тринкуло. О, король Стефано, о, благородный, о, знаменитый Стефано, взгляни, какія здѣсь для тебя богатыя одежды!

КАЛИБАНЪ.

Ты глупъ; оставь, ты видишь здѣсь ветошки.

Тринкуло. О-о, чудовище! Мы знаемъ толкъ въ ветошкахъ! О, король Стефано!

Стефано. Сдерни-ка этотъ плащъ, Тринкуло. Клянусь этою рукою, я возьму этотъ плащъ себѣ.

Тринкуло. Онъ будетъ принадлежать твоему величеству.

КАЛИБАНЪ.

Пусть дурака задушитъ водяная!
Ну, стоитъ ли такъ медлить за тряпьемъ?
Оставь его и кончи прежде дѣло.
Ну, ежели проснется вдругъ Просперо—
Исщиплетъ онъ насъ съ головы до ногъ,
И сдѣлаетъ изъ насъ чортъ знаетъ что!

Стефано. Молчи, чудовище!—Сударыня веревка, не мой ли это кафтанъ? Ну, вотъ теперь кафтанъ подъ веревкой. Теперь, кафтанъ, ты можешь потерять свой ворсъ и сдѣлаться истертымъ кафтаномъ.

Тринкуло. Возьми, возьми его! Если не противно твоему величеству, мы заберемъ все, что на веревкѣ и что подъ веревкой.

Стефано. Спасибо за шутку! Вотъ тебѣ за нее платье. Пока я буду королемъ этой страны, умныя слова не будутъ оставаться здѣсь безъ награды. Забрать все, что на веревкѣ и что подъ веревкой! Вотъ славная выдумка! Вотъ тебѣ за нее еще платье.

Тринкуло. Поди сюда, чудовище, намажь клейкомъ свои когти, и убирай отсюда все остальное.

КАЛИБАНЪ.

Я не хочу; теряемъ мы лишь время.
Того-гляди, Просперо обратитъ
Насъ всѣхъ троихъ или въ морскихъ улитокъ,
Иль въ обезьянъ съ уродливымъ лицомъ.

Стефано. Чудовище, протяни свои когти, помоги намъ перенести это туда,

Церера. Шумъ слышу я; царица къ намъ грядетъ.
Я узнаю Юноны въ немъ полетъ.

Рисунокъ извѣстнаго современнаго англ. художника Бэйемъ Шоу (Byam Shaw).

гдѣ я спряталъ бочку съ виномъ, или я выгоню тебя изъ моего королевства. Пошелъ, неси это!

Тринкуло. И это?

Стефано. И еще это.

Слышны крики охотниковъ. Являются различные духи *въ видѣ собакъ и бросаются на воровъ.* Просперо *и* Аріэль *ихъ травятъ.*

Просперо. Эй, Гора! эй!

Аріэль. Серебро, сюда! сюда, Серебро!

Просперо. Эй, Фурія, Фурія, сюда! Тиранъ, сюда, у-у-у!

(Калибанъ, Стефано и Тринкуло убѣгаютъ, преслѣдуемые собаками).

Просперо *(Аріэлю).*

Лети, скажи покорнымъ моимъ духамъ,
Чтобы они во всѣ суставы ихъ

Конвульсіи съ жестокой болью влили,
Чтобъ судорогой сковали мышцы ихъ,
А ихъ тѣла, кусая, испестрили
Такъ язвами, что леопардъ и барсъ,
Сравнительно, имѣли-бъ меньше пятенъ!

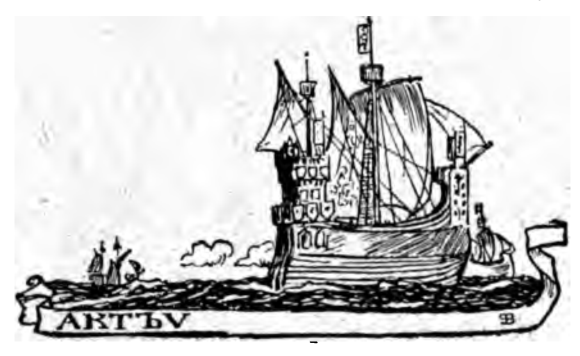
Аріэль.

Послушай-ка, какъ всѣ они рычатъ!

Просперо.

Пусть ихъ еще порядочно пощипятъ.
Враги мои теперь въ моихъ рукахъ.
Чрезъ полчаса конецъ моей работѣ;
Тогда, какъ вѣтръ, свободенъ будешь ты.
Иди за мной, и кончимъ наше дѣло.

(Уходятъ).

Виньетка къ 5-му дѣйствію «Бури» Бойемъ Шоу (Byam Shaw).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Предъ пещерою Просперо.

Входятъ Просперо *въ волшебномъ плащѣ и* Аріэль.

Просперо.

Мои дѣла приходятъ къ окончанью.
Послушенъ мнѣ могучій сонмъ духовъ,
И дѣйствуютъ прекрасно заклинанья,
А время все по прежнему идетъ,
Подъ ношею своей не спотыкаясь.
Который часъ?

Аріэль.

Шестой, мой господинъ;
Назначилъ ты его для окончанья
Своихъ трудовъ.

Просперо.

Я это говорилъ,
Когда еще я бурю начиналъ.
А гдѣ, скажи, король съ своею свитой?

Аріэль.

Они теперь все въ томъ же положеньи,
Въ которомъ ты ихъ отдалъ мнѣ во власть,
Они въ плѣну, тамъ, въ липовомъ лѣсочкѣ,
Который для жилища твоего
Охраною отъ непогоды служитъ.
Когда ты ихъ отъ чаръ освободишь?
Король, твой братъ, братъ короля Алонзо—
Въ безуміи всѣ трое до сихъ поръ;
А прочіе всѣ, въ ужасѣ и горѣ,
Съ глубокою тоской глядятъ на нихъ.
Несчастнѣе всѣхъ тотъ, кого зовешь ты
Гонзало и добрѣйшимъ старичкомъ;
По бородѣ его катятся слезы,
Какъ зимній дождь по крышѣ камышовой.
Такъ сильно чары дѣйствуютъ твои,
Что если ты теперь увидишь ихъ,
То сжалишься надъ ними непремѣнно.

Просперо.

Ты думаешь, я точно сжалюсь, духъ?

Аріэль.

Я-бъ сжалился, когда-бъ былъ человѣкомъ.

Просперо.

И мнѣ ихъ жаль. Когда безплотный духъ
Ихъ горести сочувствуетъ и тронутъ,
То какъ же мнѣ, природою своей
Принадлежа вполнѣ тому же роду,
Мнѣ, у кого, равно какъ и у нихъ,
Рождаются и страсти, и страданья,
Мнѣ ль тронутымъ не быть сильнѣе тебя?
Хоть оскорбленъ я ими былъ жестоко,

Но я мой гнѣвъ разсудку покорилъ.
Прощеніе всегда отраднѣй мщенья.
Раскаялись они—и я достигъ
Въ стремленіи моемъ желанной цѣли.
Я болѣе на нихъ ужъ не сердитъ.
Мой Аріэль, лети, освободи ихъ.
Хочу сейчасъ разрушивъ эти чары,
Возстановить разсудокъ помраченный
И ихъ самимъ себѣ вновь возвратить.

Аріэль.

За ними я лечу, мой повелитель. *(Исчезаетъ).*

Просперо.

Васъ, эльфы горъ, источниковъ, лѣсовъ
И тихихъ водъ, и васъ, малютки-эльфы,
Которые привыкли безъ слѣда
Преслѣдовать бѣгущаго Нептуна
И отъ него безслѣдно убѣгать,
Когда свой бѣгъ назадъ онъ обращаетъ;
Васъ, любящихъ при мѣсяцѣ свивать
Кружки изъ травъ, столь кислыхъ и противныхъ,
Что даже ихъ и овцы не ѣдятъ;
И васъ, кому пріятно заниматься
Въ полночный часъ рожденіемъ грибовъ;
Васъ, для кого начало наслажденьямъ,
Когда пробьетъ успокоенья часъ—
Благодарю! Да, съ помощію вашей,
Хоть слабые помощники вы всѣ,
Я затемнилъ полуденное солнце,
И вѣтры я заставилъ бушевать;
Межъ небомъ и зеленоватымъ моремъ
Я пробудилъ ревущую волну,
Я влилъ огонь въ ужасный рокотъ грома
И разбудилъ могучій Зевса дубъ
Его-жъ стрѣлой; я въ твердомъ основаньи
Заставилъ мысъ въ испугѣ трепетать;
Сосну и кедръ я вырвалъ вонъ съ корнями;
Я повелѣлъ—проснулись мертвецы,
Чтобъ выпустить ихъ—отворилъ я гробы
Могуществомъ искусства моего.
Отъ этихъ силъ теперь я отрекаюсь!
Лишь одного осталось мнѣ желать;
Мнѣ музыки небесной нужны звуки,
Чтобъ дѣйствовать на чувства тѣхъ людей,
Которыхъ умъ я чарами разстроилъ.
Когда-жъ они подѣйствуютъ на нихъ,
Я раздроблю тогда мой жезлъ волшебный,
И въ глубь земли зарою я его,
А книгу такъ глубоко потоплю,
Что до нея никто не досягнетъ.

Слышна торжественная музыка. Возвращается Аріэль. *За нимъ слѣдуютъ:* Алонзо, *дѣлая неистовыя движенія, сопровождаемый* Гонзало; *потомъ* Севастіанъ *и* Антоніо *въ такомъ же положеніи, какъ Алонзо, сопровождаемые* Адріаномъ *и* Францискомъ. *Всѣ они входятъ въ кругъ, очерченный Просперо, и остаются очарованными. Просперо наблюдаетъ ихъ и потомъ говоритъ, обращаясь къ Алонзо:*

Твой мозгъ кипитъ безъ пользы въ головѣ.
Пусть дивный звукъ, какъ лучшій утѣшитель
Для тѣхъ, въ комъ умъ разстроенъ чѣмъ нибудь,
Его собой таинственно излѣчитъ!
Останься здѣсь: ты очарованъ мной.
А ты, старикъ, почтенный мой Ганзоло—
Мои глаза сочувствуютъ твоимъ,
И братскія ихъ слезы наполняютъ.

(Въ сторону).

А! чары ужъ мои ослабѣваютъ.
Какъ утра лучъ, прорвавшися сквозь ночь,
Собою мракъ ночной далеко гонитъ,
Такъ чувства ихъ, проснувшись ото сна,
Хотятъ прогнать пары неразумѣнья,
Которые въ нихъ омрачили умъ.
Гонзало—другъ, мой истинный спаситель
И подданный вѣрнѣйшій короля,
Въ Миланѣ я словами и дѣлами
За доброту тебя вознагражу. *(Алонзо).*
А ты, король—ты поступилъ жестоко
Съ Мирандою моею и со мной. *(Себастіану).*
Ты вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ проступкѣ,
Себастіанъ. Теперь наказанъ ты. *(Антоніо).*
И ты, мой братъ, ты, кровь моя и тѣло,
Антоніо, въ которомъ гордый духъ
Такъ заглушилъ и жалость, и природу,
Который такъ недавно умертвить
Здѣсь короля хотѣлъ съ Себастіаномъ,
За то теперь, смотри, какъ страждетъ онъ!
Я и тебѣ твои вины прощаю,
Хотя того и недостоинъ ты. *(Въ сторону).*
Въ нихъ прибывать понятья начинаютъ.
Разсудокъ ихъ ужъ близокъ береговъ,
Пока еще заволоченныхъ грязью.
Но на меня никто еще не смотритъ,
Еще никто меня не узнаетъ...
Мой Аріэль, подай мой мечъ и шляпу,

(Аріэль исчезаетъ).

Я имъ хочу предстать, какъ былъ въ Миланѣ.
Скорѣй, мой духъ! Свободенъ будешь ты.

Аріэль *возвращается и помогаетъ Просперо одѣваться.*

Аріэль *(поетъ).*

Одною я пищей съ пчелами питаюсь,
Я въ буквицѣ бѣлой люблю отдыхать;
Я въ чашечкѣ дивной, свернувшись, качаюсь,
Лишь совы въ трущобѣ начнутъ завывать;

Порой же съ весельемъ надъ сонной при-
родой
Люблю я летать на летучихъ мышахъ.
Мнѣ весело, весело, будетъ съ свободой
Порхать иль, качаясь, сидѣть на цвѣтахъ.

Просперо.

Благодарю, мой милый Аріэль!
Мнѣ жаль тебя; но будешь ты свободенъ.
Ну, хорошо! Будь невидимкой ты—
И на корабль Алонзо отправляйся.
Подъ люками тамъ всѣ матросы спятъ;
Ты боцмана разбудишь съ капитаномъ
И ихъ сюда скорѣе приведешь.

Аріэль.

Передъ собой, летя, я выпью воздухъ
И ворочусь я прежде, чѣмъ твой пульсъ
Не болѣе двухъ разъ успѣетъ стукнуть.
(Исчезаетъ).

Гонзало.

О, небеса! Мы здѣсь окружены
Мученьями, тоской и чудесами.
Избавьте насъ, и помогите намъ
Ужасную страну скорѣй оставить!

Просперо.

Смотри, король, передъ тобой стоитъ
Обиженный тобой миланскій герцогъ.
Но, чтобы ты не сомнѣвался въ томъ,
Что говоритъ съ тобой живой Просперо,
Позволь тебя въ моихъ объятьяхъ сжать.
Привѣтствую тебя съ твоею свитой
На островѣ!

Алонзо.

Просперо—точно ты,
Иль ты одно изъ страшныхъ тѣхъ видѣній,
Что такъ меня преслѣдовали здѣсь—
Не знаю я. Но пульсъ твой такъ же бьется,
Какъ и у тѣхъ, въ которыхъ кровь течетъ;
И съ той поры, какъ передо мною,
Разсудокъ мой становится свѣтлѣй,
Стряхнувъ съ себя покровъ безумья злого,
Въ который былъ недавно облеченъ.
Но странныя свершились приключенья,
Когда все то, что вижу я, не сонъ!
Я возвращаю герцогство тебѣ,
И у тебя прощенія прошу.
Но разскажи, какъ живъ еще Просперо
И какъ онъ здѣсь?

Просперо *(къ Гонзало).*

Мой благородный другъ,
Позволь сперва обнять твою мнѣ старость,
Чьей честности нѣтъ мѣры и предѣла.

Гонзало.

Дѣйствительность все это или сонъ?
Вотъ ни за что не стану я божиться!

Просперо.

Здѣсь видѣннымъ еще ты очарованъ—
И оттого твое недоумѣнье.
Привѣтствую васъ всѣхъ, мои друзья!
(Тихо Себастіану и Антоніо).
Съ васъ, господа, мнѣ было бы не трудно,
Когда-бъ хотѣлъ, посбавить вашу спѣсь;
Мнѣ уличить легко васъ въ преступленьи,
Но я теперь ни слова не скажу.

Себастіанъ *(въ сторону).*
Въ немъ говоритъ, мнѣ кажется, самъ демонъ!

Просперо.

О, нѣтъ! А ты, преступный больше всѣхъ,
Котораго назвать боюсь я братомъ,
Чтобы уста мои не осквернить,
Ужасный твой проступокъ я прощаю,
Прощаю все и требую, чтобъ ты
Мнѣ возвратилъ миланскія владѣнья—
И знаю я, ты будешь принужденъ
Мнѣ уступить.

Алонзо.

Но если ты Просперо,
То разскажи съ подробностію намъ,
Какъ ты спасенъ, какъ ты попалъ на островъ.
Куда, тому не больше трехъ часовъ,
Мы брошены неумолимой бурей.
О, больно мнѣ о бурѣ вспоминать:
Она меня лишила Фердинанда!
Мой бѣдный сынъ!

Просперо.

О, какъ я васъ жалѣю!

Алонзо.

Не возвратить потери мнѣ моей!
Терпѣніе само не уврачуетъ
Моей тоски!

Просперо.

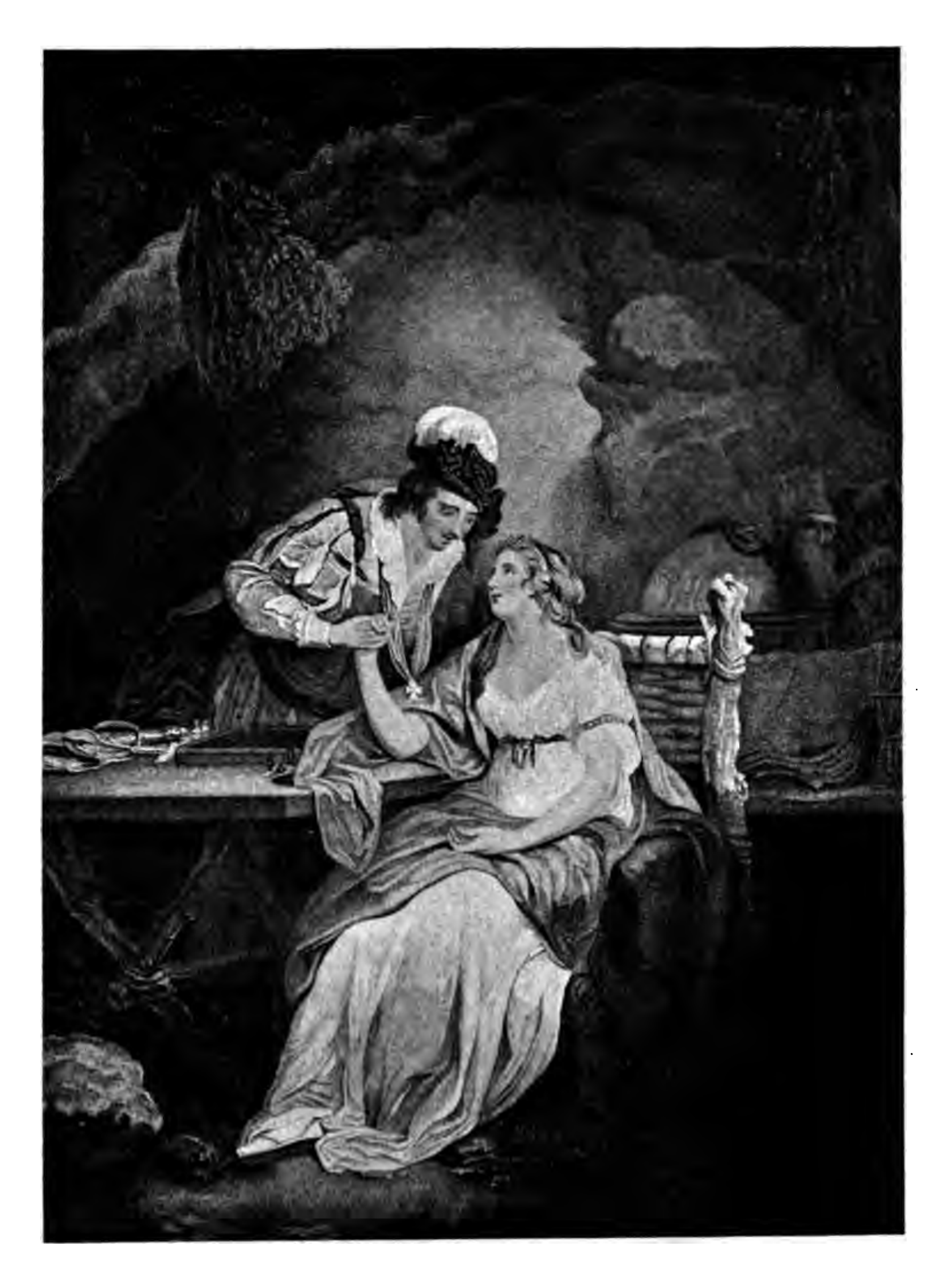
Мнѣ кажется, что вы
Къ терпѣнію еще не прибѣгали.
Самъ испытавъ подобную потерю,
Прибѣгнулъ я къ могуществу его—
И не ропщу я больше на судьбу.

Алонзо.

Просперо, вы—такую же потерю?

Просперо.

Да, какъ и вамъ, пришлось мнѣ испытать
Недавнюю и тяжкую потерю;
Но менѣе имѣю я, чѣмъ вы,

ФЕРДИНАНДЪ И МИРАНДА, ИГРАЮЩІЕ ВЪ ШАХМАТЫ.
Картина извѣстнаго художника Уитли (Francis Wheatly, 1747—1801).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Отрадныхъ средствъ утѣшиться въ печали:
Я дочери единственной лишенъ.

Алонзо.

Какъ, дочери? О, если бы они,
Теперь вдвоемъ въ Неаполѣ царили,
А я бъ лежалъ на мрачномъ днѣ морскомъ,
Тамъ, гдѣ лежитъ мой Фердинандъ несчастный!
Скажите, гдѣ погибла ваша дочь?

Просперо.

Въ послѣднюю она погибла бурю.
Но вижу я, что эти господа
Всѣ борются съ невольнымъ удивленьемъ;
Всѣ силятся разсудокъ напрягать
И вѣровать глазамъ своимъ не смѣютъ,
Что здѣсь стоитъ живое существо.
Хотя не разъ здѣсь были ваши чувства
Обмануты, но вѣрьте, что теперь
Вы видите Просперо предъ собою.
Дѣйствительно, тотъ самый герцогъ я,
Котораго изгнали изъ Милана.
Я случаемъ заброшенъ былъ сюда,
Куда и васъ привелъ несчастный случай—
И здѣсь теперь я полный властелинъ.
Но послѣ вамъ я разскажу объ этомъ:
Подробностей мой требуетъ разсказъ;
Его нельзя окончить за обѣдомъ
Иль въ первое свиданіе включить.
Вы здѣсь мой гость: вотъ входъ въ мою пещеру.
Имѣю я здѣсь очень мало слугъ,
А подданныхъ и вовсе не имѣю.
Хотите ли въ пещеру заглянуть?
За то, что вы мнѣ герцогство отдали,
Позвольте васъ достойно отдарить.
Хотите ли, я покажу вамъ чудо,
Которое обрадуетъ васъ такъ,
Какъ вы меня обрадовать умѣли?

Внутренность пещеры открывается; видны Фердинандъ *и* Миранда, *играющіе въ шахматы.*

Миранда.

Вы кажется, плутуете немножко,
Мой милый другъ!

Фердинандъ.

О, нѣтъ, моя любовь!
Нѣтъ, цѣлый свѣтъ я не возьму, повѣрьте,
Чтобъ сплутовать.

Миранда.

Не только цѣлый свѣтъ,
Но даже двадцать королевствъ, и все-же
Сказала-бъ я: вотъ честная игра.

Алонзо.

О, если вновь обманутъ я видѣньемъ,
То моего единственнаго сына
Придется мнѣ два раза потерять.

Себастіанъ.

Изъ всѣхъ чудесъ, чудеснѣй это всѣхъ!

Фердинандъ.

Хоть и грозятъ несчастьями моря,
Но милостей исполнены они,
И проклиналъ я безъ причины ихъ.
(Бросается къ ногамъ отца).

Алонзо.

Какъ счастливъ я! Дай на твою главу
Излить скорѣй мои благословенья!
Встань и скажи, какъ ты попалъ сюда?

Миранда.

О, чудеса! Какое здѣсь собранье
Прекраснѣйшихъ, божественныхъ существъ!
Какъ міръ хорошъ съ такими существами!
О, Боже мой, какъ люди хороши!

Просперо.

Да, дочь моя, тебѣ все это ново!

Алонзо *(Фердинанду).*

Но кто же та, съ которой ты игралъ?
Вы три часа знакомы съ ней, не больше,
Не божество ль, которое насъ всѣхъ
Разъединивъ, соединяетъ снова?

Фердинандъ.

Нѣтъ, смертную ты видишь, мой отецъ!
Безсмертное свело насъ Провидѣнье—
И мнѣ теперь она принадлежитъ.
Ее избравъ, я не былъ въ состояньи
Родителя согласье испросить;
Надѣяться не смѣлъ его я видѣть.
Дочь герцога миланскаго она:
О немъ слыхалъ въ моей я жизни часто,
Но въ первый разъ недавно увидалъ.
Онъ далъ мнѣ жизнь съ подругою прекрасной.
И съ той поры сталъ мнѣ вторымъ отцомъ.

Алонзо.

А для нея вторымъ отцомъ я буду.
Но странно то, что вынужденъ просить
У дочери отецъ ея прощенье.

Просперо.

Нѣтъ, для чего намъ то припоминать,
Что ужъ прошло при помощи небесной!

Гонзало.

О, если бы я внутренно не плакалъ,

То ужъ давно-бъ я началъ говорить!
О, боги, вы свой взоръ сюда склоните,
И счастія незыблемымъ вѣнцомъ
Вы юную чету благословите!
Не даромъ вы сюда насъ привели.

Алонзо.

Я говорю тебѣ аминь, Гонзало!

Гонзало.

Съ миланскаго престола свергнутъ былъ
Лишь для того Просперо, чтобъ царили
Въ Неаполѣ наслѣдники его.
О, радуйтесь всѣ радостью безмѣрной,
И золотомъ вы врѣжьте этотъ день
На память всѣмъ въ столпахъ неразрушимыхъ!
Какъ счастливо мы съѣздили въ Тунисъ!
Тамъ отдали мы замужъ Кларибелу,
А Фердинандъ нашелъ себѣ жену
На островѣ, гдѣ думалъ онъ погибнуть.
Здѣсь герцогство Просперо возвратилъ,
И всѣ мы свой разсудокъ возвратили,
Который чуть отъ насъ не ускользнулъ.
Какъ счастливо!

Алонзо (*Фердинанду и Мирандѣ*).

Давайте ваши руки:
Пускай печаль снѣдаетъ вѣкъ того,
Кто всей душой своей не пожелаетъ
Вамъ счастія!

Гонзало.

Да будетъ такъ! Аминь!

Возвращается Аріэль; *за нимъ слѣдуютъ* капитанъ *корабля и* боцманъ, *оба въ величайшемъ удивленіи.*

Гонзало.

О, государь, еще идутъ къ намъ наши!
Я говорилъ, что если на землѣ
Осталась хоть одна веревка съ петлей,
То утонуть не можетъ нашъ чудакъ.
Ну, богохулъ—не ты ли такъ горланилъ
На кораблѣ—что жъ здѣсь ты не кричишь?
Иль на землѣ ты потерялъ языкъ?
Что новаго?

Боцманъ.

Да лучше нѣтъ того,
Что мы нашли здѣсь короля со свитой
Здоровыми. Вторая новость та,
Что нашъ корабль, который мы считали
За три часа изломаннымъ въ куски,
Теперь здоровъ и оснащенъ, какъ новый,
Точь-въ-точь какъ былъ, когда пускались въ путь.

Аріэль (*тихо Просперо*).

Все это я устроилъ, повелитель,
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь оставилъ я тебя.

Просперо.

Мой добрый духъ!

Алонзо.

Все это очень странно
И все страннѣй становится при томъ.
Скажите мнѣ, какъ вы сюда попали?

Боцманъ.

О, государь, когда-бъ я точно зналъ,
Что я не сплю, я бъ разсказалъ подробно!
Вотъ видите: мы спали мертвымъ сномъ,
Забившись, самъ не знаю какъ, подъ люки.
Вдругъ раздался какой-то странный шумъ:
Рычаніе и крики, и визжанье,
И стукъ цѣпей, и множество другихъ
Ужасныхъ и необъяснимыхъ звуковъ
Въ единый мигъ насъ пробудили всѣхъ.
Проснувшись, мы ужъ были всѣ свободны
И на ногахъ. Нашъ царственный корабль
Такъ былъ хорошъ и крѣпокъ, и исправенъ,
Что капитанъ отъ радости вспрыгнулъ.
И вдругъ потомъ насъ что-то отдѣлило
Отъ всѣхъ другихъ и, точно какъ сквозь сонъ,
Перенесло сюда непостижимо.

Аріэль (*тихо Просперо*).

Устроилъ я, не правда ль, хорошо?

Просперо.

Прекрасно, духъ—и будешь ты свободенъ.

Алонзо.

Едва-ль когда случалося кому
Ходить, какъ мы, въ столь странномъ лабиринтѣ.
Волшебное во всемъ здѣсь что-то есть.
Къ оракулу придется намъ прибѣгнуть,
Чтобъ пояснить.

Просперо.

Не мучьте, государь,
Напрасно умъ, чтобъ объяснить все это...
Въ свободный часъ я все вамъ разскажу
И дамъ вамъ ключъ, чтобъ разгадать загадку.
Повѣрьте мнѣ, все будетъ хорошо;
Предайтеся пока вполнѣ веселью.

(*Тихо Аріэлю*).

Поди, мой духъ, и, чары разорвавъ,
Освободи скорѣй Калибана
И двухъ его товарищей. (*Аріэль исчезаетъ*).

Зачѣмъ,
Мой государь, не вся здѣсь съ вами свита?
Забыли вы, конечно, кой-кого?

Возвращается Аріэль, *гоня* Калибана, Стефано *и* Тринкуло, *одѣтыхъ въ украденныя платья.*

Стефано. Каждый человѣкъ долженъ заботиться о другихъ, и ни одинъ человѣкъ не долженъ думать о самомъ себѣ, ибо на землѣ все зависитъ отъ счастья. *Coragio*, глупое чудовище, *coragio!*

Тринкуло. Если правду говорятъ шпіоны, которые сидятъ у меня на головѣ, то здѣсь славное зрѣлище!

Калибанъ.
О, Сетебосъ, клянусь, здѣсь собрались
Какіе-то божественные духи!
О, какъ хорошъ мой старый господинъ!
Но я боюсь, чтобъ онъ меня не вздумалъ
Наказывать.

Себастіанъ.
Что это? Ха-ха-ха!
Антоніо, взгляни-ка, что за вещи!
Нельзя ли намъ за деньги ихъ купить?

Антоніо.
Я думаю, въ числѣ ихъ есть и рыба
Продажная, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ.

Просперо.
Я васъ прошу взглянуть на эти рожи:
Найдете ли вы честности въ нихъ слѣдъ?
Взгляните, вотъ уродливый мошенникъ,
Колдуньи сынъ. Когда-то мать его
Была такой могучею колдуньей,
Что мѣсяцемъ повелѣвать могла
И дѣлала приливы и отливы,
У мѣсяца не занимая силы.
Они меня всѣ трое обокрали;
А этотъ безобразный получортъ—
Онъ сынъ побочный чорта отъ колдуньи—
Убить меня уговорился съ ними.
Двоихъ изъ нихъ вы знаете, конечно;
А эта тварь, рожденная во тьмѣ,
Принадлежитъ, я признаюсь вамъ, мнѣ.

Калибанъ.
О-о! меня защиплетъ онъ до смерти!

Алонзо.
А, пьяница Стефано, ключникъ мой!

Себастіанъ.
Онъ пьянъ и здѣсь; но чѣмъ онъ могъ напиться?

Алонзо.
И Тринкуло некрѣпокъ на ногахъ.
Но гдѣ-жъ они могли найти ту жидкость,
Которая подкрасила ихъ такъ?
Гдѣ ты успѣлъ такъ славно продушиться?

Тринкуло. Да, съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами разстался, я побывалъ въ такомъ разсолѣ, что кости мои будутъ долго помнить объ этомъ. Я такъ продушенъ, что не боюсь теперь мухъ.

Себастіанъ.
Стефано, ну, скажи мнѣ, что съ тобой?

Стефано. О, не дотрогивайтесь до меня:
Я не Стефано—я судорога.

Просперо.
Ты здѣсь хотѣлъ быть королемъ, мошенникъ?

Стефано.
Не королемъ я былъ бы здѣсь—болячкой.

Алонзо *(показывая на Калибана)*.
Вотъ существо, котораго страннѣй
Я не видалъ!

Просперо.
Равно въ немъ безобразны
И внѣшній видъ и нравственность его.
Ну, гадкій воръ, пошелъ въ мою пещеру;
Возьми съ собой товарищей своихъ.
Коль получить прощенье вы хотите,
Прошу ее на славу мнѣ убрать!

Калибанъ.
Иду, иду. Теперь умнѣй я буду:
Все сдѣлаю, чтобъ угодить тебѣ.
Да, былъ тройнымъ ословъ я, признаюся,
Что въ пьяницѣ я видѣлъ божество
И уважалъ безумнаго болвана.

Просперо.
Ступай скорѣй!

Алонзо *(Стефано и Тринкуло)*.
Ступайте—положите
Всѣ эти вещи тамъ, гдѣ ихъ нашли.

Себастіанъ.
Иль, правильнѣй, украли.

Просперо.
Государь,
Я васъ прошу со всею вашей свитой
Въ убогое жилье мое войти,
Гдѣ провести намъ эту ночь придется;
Но, чтобы ночь немного сократить,
Я разскажу мои вамъ похожденья,
Все, что со мной случилося съ-тѣхъ-поръ,

Рисунки извѣстнаго англійскаго иллюстратора-прерафаэлита Вальтера Крэна (р. 1845) къ „Бурѣ“.

(Illustrations to Shakespeare's Tempest by Walter Crane, 1893).

I

Дѣйствіе I, сцена 1.

[illegible]

Дѣйствіе I, сцена 2.

Дѣйствіе III, сцена 1.

КАРДИНАЛЪ ВОЛЬСЕЙ.
(Портретъ его въ Лондонской Національной Галлереѣ).

Генрихъ VIII.

О времени постановки пьесы мы имѣемъ весьма опредѣленныя свѣдѣнія: театръ, гдѣ ставили „Генрихъ VIII", сгорѣлъ во время перваго представленія. Современникъ Шекспира сэръ Уаттонъ пишетъ изъ Лондона 6-го іюля 1613 г. своему племяннику: „Отложивъ въ сторону общественныя дѣла, я разскажу вамъ о томъ, что случилось на нашихъ берегахъ на этой недѣлѣ. Королевскіе актеры играли новую пьесу „Все правда" (All is true), которая изображаетъ главныя событія царствованія Генриха VIII. Пьесу поставили съ необыкновенной роскошью и великолѣпіемъ; сцену покрыли коврами; кавелеры орденовъ шли со своими знаками и съ подвязками у колѣнъ; гвардія въ вышитыхъ платьяхъ и т. п.,—словомъ, было все, что могло сблизить зрителей съ величіемъ двора и даже сдѣлать его смѣшнымъ. Вдругъ, въ то время, когда король Генрихъ въ домѣ кардинала Вольсея забавлялся на маскарадѣ и при появленіи его давали залпъ изъ двухъ мортиръ, что то бумажное или въ этомъ родѣ, чѣмъ

забивали пушки, загорѣлось, пламя упало на соломенную крышу и, такъ какъ въ началѣ не обращали вниманія на дымъ, считая его маловажнымъ, такъ какъ глаза всѣхъ были направлены на сцену, то внутри что-то загорѣлось, пламя какъ по сѣрной ниткѣ побѣжало вокругъ зданія и втеченіе неполнаго часа все зданіе сгорѣло до тла". Другое письмо Томаса Лоркина отмѣчаетъ и дату пожара (29 іюня). „Когда Борбеджъ, писалъ Лоркинъ, игралъ вчера со своими актерами драму „Генрихъ VIII" и было для большого народа произведено нѣсколько выстрѣловъ—появился огонь". Пьеса „Генрихъ VIII", несмотря на точность опредѣленія времени ея представленія, возбуждаетъ много недоумѣній и сомнѣній у критиковъ. Отмѣтимъ главнѣйшія. Время постановки пьесы не должно, конечно, непремѣнно совпадать со временемъ ея композиціи. Въ этомъ вопросѣ критики рѣзко распадаются на два лагеря. Въ одномъ господствуетъ убѣжденіе (Гервинусъ, Деліусъ, Герцбергъ и др.), что „Генрихъ VIII" былъ въ 1613 г. новой пьесой, написанной въ 1612 г. Другой лагерь (Джонсонъ, Теобальдъ, Стивенсъ, Мелонъ, Колліеръ, Галливель и др.) относитъ сочиненіе пьесы къ 1602 г. Въ пользу того и другого предположенія приводятся соображенія, почти равносильныя. Пламенныя похвалы Елисаветы въ пьесѣ основательно сопоставляются съ похвалами въ честь Іакова, что служитъ однимъ изъ доказательствъ въ пользу пріороченія пьесы къ концу царствованія Елисаветы или началу царствованія Іакова. Что касается до конкретнаго событія, къ которому пріурочивается пьеса, то таковымъ называютъ бракосочетаніе пфальцграфа Фридриха (1612—13). Шекспиръ будто-бы приготовилъ „Генриха VIII" для этого празднества. Но достаточно бѣглаго чтенія пьесы, чтобы убѣдиться въ несостоятельности такого предположенія. Менѣе всего годилась для брачнаго торжества пьеса, темой которой служило преслѣдованіе ни въ чемъ неповинной королевы и насильственный разводъ. Это была бы жестокая насмѣшка надъ царственными бракосочетающимися. Не входя въ разносторонній анализъ аргументовъ въ пользу той или другой даты пьесы, мы постараемся высказать тѣ доводы, по которымъ считаемъ необходимымъ отнести пьесу къ 1612 г. или за нѣсколько лѣтъ раньше, во всякомъ случаѣ къ царствованію Іакова. Намъ лично представляется дѣло въ томъ видѣ, что „Генрихъ VIII" былъ задуманъ и отчасти обработанъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы, а окончательная редакція пьесы относится къ царствованію Іакова. Дѣло въ томъ, что драма, написанная по какому-то намъ точно неизвѣстному торжественному случаю при дворѣ Елисаветы, естественно должна была льстить самолюбію властолюбивой „весталки сѣвера". Реебилитаціи ея отца и отчасти матери она и была посвящена. Затѣмъ, при постановкѣ пьесы при Іаковѣ, оказалось необходимымъ допустить лесть и по адресу короля. Похвалы Іакову были тѣмъ болѣе необходимы, что этотъ король не имѣлъ никакого основанія относиться къ памяти Елисаветы съ признательностью и благоговѣніемъ.

Приступая къ пьесѣ, можетъ быть, на заданную тему, автору драмы пришлось имѣть дѣло съ сюжетомъ благодарнымъ по драматическимъ мотивамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не подходящимъ для идеализаціи героя пьесы. Истый „синяя борода", жестокій, надменный, сластолюбивый и коварный, строившій религію на личномъ разсчетѣ, возвышающій и низвергающій фаворитовъ, Генрихъ VIII могъ быть выведенъ на сцену или въ отталкивающемъ или въ несоотвѣтствующемъ дѣйствительности видѣ. Первое было невозможно при Елисаветѣ, второе — слишкомъ-бы портило пьесу. Отсюда неясность и противорѣчія въ характерѣ короля.

Къ сожалѣнію, критикамъ лишь по заглавію извѣстны тѣ драматическія обработки „Генриха VIII", которыя существовали до Шекспира. Слѣдуетъ полагать, что въ „Генрихѣ VIII", какъ и въ „Королѣ Джонѣ", Шекспиръ пользовался предшествующими драматическими обработками. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ распоряженіи Шекспира былъ тотъ-же историческій документальный матеріалъ, что и у его предшественниковъ.

Источниками драмы, опредѣлившими наиболѣе существенныя черты ея воззрѣній на характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ служили извѣстныя хроники, *Голиншеда и Галля*. Голиншедъ въ свою очередь пользовался для біографіи Ульсея трактатомъ *Кавендиша*. Драма использовала благодарный матеріалъ, доставленный ей хроникерами. Достаточно сравнить знаменитую сцену пира у кардинала Ульсея. Еще убѣдительнѣе окажется сопоставленіе, если мы обратимъ вниманіе на ту сцену, гдѣ Екатерина предстала предъ судомъ

изъ короля и духовныхъ. Ея рѣчи, исполненныя высокаго поэтическаго паѳоса въ драмѣ, не менѣе хороши и въ историческихъ источникахъ и аргументація несчастной жены и королевы аналогична въ обоихъ случаяхъ. Королева въ хроникѣ призываетъ Господа Бога и людей въ свидѣтели, что она никогда не переставала быть покорной и любящей женой короля, ни въ чемъ ему не противорѣчила и обвиняетъ во всемъ дурныхъ совѣтниковъ короля. Ея рѣчь построена весьма искусно и полна неподдѣльнаго паѳоса и воодушевленія.

Характеристика Ульсея у Голиншеда заключаетъ въ эмбріонѣ тѣ черты, которыя впослѣдствіи блестящимъ образомъ были развиты у Шекспира. Властный, честолюбивый и талантливый кардиналъ и у Голиншеда величественъ въ своемъ паденіи.

Слѣдуя точно указаніямъ своихъ источниковъ, Шекспиръ сдѣлалъ изъ своего сюжета все, что возможно было сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ. Онъ смягчилъ и очеловѣчилъ непривлекательный образъ Генриха VIII, не взявшись, однако, за неблагодарную задачу идеализаціи этого короля. Далѣе онъ вывелъ на сцену мать Елизаветы, полную женственности и красоты, каковой она и была въ дѣйствительности. На неприглядную ея роль въ дѣлѣ Екатерины онъ набросилъ завѣсу.

Пассивность молодой красавицы, ея нравственное безразличіе—эти существенныя черты достаточно подчеркнуты Шекспиромъ.

Отвергнутая королева изображена полной величія и горя, королевой отъ головы до пятокъ. Можно колебаться, что для нея важнѣе—утрата любви мужа или вѣнца. И то, и другое для нея одинаково важно. Умирающая, она не можетъ простить слугѣ неумѣстнаго, въ ея глазахъ, обращенія.

Непривлекательный по нравственнымъ качествамъ, но высокодаровитый государственный человѣкъ Ульсей, написанъ Шекспиромъ во весь ростъ, со всѣми его признанными исторіей недостатками и положительными чертами характера. Гордый, заносчивый, коварный и лживый, Ульсей притомъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, щедръ и демократиченъ. У него нѣтъ чертъ случайнаго выскочки, на всякомъ шагу виденъ зрѣлый умъ, опытъ, широкій взмахъ полета. Онъ падаетъ съ достоинствомъ и величіемъ, не желая изображать изъ себя ни мученика, ни жертву; это—борецъ за государственную идею, понимаемую узко и эгоистично.

Едва-ли не верхъ искусства проявилъ Шекспиръ въ изображеніи Генриха VIII. Идеализировать этого порочнаго короля не позволяла ему совѣсть поэта и историка. Выставить Генриха въ надлежащемъ свѣтѣ не позволяли обстоятельства. И Шекспиръ избираетъ такіе моменты жизни короля, которые, будучи особенно знаменательными, давали возможность поэту *очеловѣчить* этотъ гнусный обликъ жестокаго тирана. Въ процессѣ съ Екатериной король проявляетъ историческія черты деспота, лицемѣра и сластолюбца; но при всемъ этомъ король, подчиняясь влеченію сильной страсти, искренно у Шекспира сожалѣетъ о своей несчастной, отвергнутой первой супругѣ. Въ отношеніяхъ къ Аннѣ Болейнъ, Генрихъ VIII проявляетъ сильную и горячую любовь, отчасти примиряющую съ нимъ зрителя. Какъ отцу, ему тоже готовы сочувствовать зрители и читатели. Наконецъ, у Шекспира Генрихъ VIII далеко не безучастенъ къ участи своихъ подданныхъ.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, слѣдуетъ считать доказанными, что къ англійской реформаціи, какъ таковой, пьеса Шекспира никакого отношенія не имѣетъ. Отдѣленіе короля отъ церкви является у Шекспира совершенно случайнымъ, обусловленнымъ стремленіемъ къ разводу, а характеристика Кранмера касается его симпатичныхъ чертъ, какъ человѣка, безъ всякаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ.

По стилю Генрихъ VIII относится къ лучшему періоду творчества Шекспира. Мы полагаемъ, ее можно, вмѣстѣ съ однимъ изъ критиковъ, отнести къ началу XVII ст. Она могла быть заказана Шекспиру Елисаветой по поводу семидесятилѣтія со времени свадьбы Анны Болейнъ (12 апрѣля 1603). Пьеса ставилась послѣ смерти королевы при Іаковѣ,—отсюда необходимость соотвѣтствующихъ вставокъ и измѣненій. Не претендуя на уровень „Гамлета“, „Короля Лира“, „Макбета“ и др., пьеса „Генрихъ VIII“ обладаетъ, все-же, поэтическими достоинствами стѣсненнаго въ своихъ сюжетахъ геніальнаго писателя. Она свидѣтельствуетъ, что даже такому генію, какъ Шекспиръ, было невозможно, при навязанной свыше темѣ, достигнуть той высоты, которой онъ достигалъ тогда, когда его орлиный полетъ не неправлялся посторонней рукой.

Л. Шепелевичъ.

II.

Въ своей замѣткѣ проф. Шепелевичъ совершенно не захотѣлъ коснуться вопроса, въ какой мѣрѣ „Генрихъ VIII“ дѣйствительно можетъ считаться Шекспировской пьесой. Останавливаясь на нѣсколькихъ замѣчательныхъ сценахъ и характерахъ „Генриха VIII“, почтенный профессоръ не жалѣетъ для нихъ восторженныхъ словъ. Правда, онъ не замалчиваетъ и литературные недочеты пьесы, которые такъ бросаются въ глаза, даже самому обыкновенному читателю при ознакомленіи съ этой, въ общемъ, очень слабой и малоинтересной пьесой. Но недочеты Л. Ю. Шепелевичъ считаетъ возможнымъ вполнѣ удовлетворительно объяснить тѣмъ, что даже такого генія, какъ Шекспиръ, не могла не стѣснить тема, навязанная извнѣ и не родившаяся свободно въ творческихъ настроеніяхъ великаго писателя.

Это отношеніе къ „Генриху VIII“ еще не исчезло окончательно изъ шекспировской литературы *). Но оно несомнѣнно почти уже уступило мѣсто другому воззрѣнію, по которому участіе Шекспира въ этой пьесѣ не болѣе какъ частичное. Еще въ серединѣ 18 вѣка, нѣкоторые англійскіе критики обратили вниманіе на особенности метра „Генриха VIII“, весьма непохожаго на метръ другихъ пьесъ Шекспира. Но этому замѣчанію долго никто не придавалъ особаго значенія. Лишь въ 1850 г. Спедингъ напечаталъ замѣчательную статью въ Gentleman's Magazine“, въ которой весьма убѣдительно доказывалъ, что бóльшая часть пьесы написана въ манерѣ извѣстнаго драматурга Флетчера. Основываясь на соображеніяхъ метрическихъ и эстетическихъ, Спедингъ приходилъ къ заключенію, что Шекспиру можетъ быть приписано только: 1) Дѣйствіе I—сцены 1 и 2; 2) Дѣйствіе II—сцены 3 и 4; 3) Дѣйствіе III—сцена 2, до того мѣста, гдѣ король уходитъ. 4) Дѣйствіе V—сцена 1. Все остальное Спедингъ приписываетъ Флетчеру, хотя не считаетъ невозможнымъ участіе еще третьяго автора.

Мнѣніе Спединга не скоро получило господство. Но въ началѣ 70-хъ годовъ статья его была перепечатана въ трудахъ „Новаго Шекспировскаго Общества“ (New Shakespeare Society), во главѣ котораго стоитъ извѣстный шекспирологъ Фэрниваль (Furnival) и это сразу придало авторитетность теоріи Спединга. Что всего важнѣе—ее всецѣло приняли изслѣдователи Шекспировскаго метра—Флэ (Fleay), Абботъ и др. А метръ—это очень надежное средство распознаванія и Шекспировскаго творчества и творчества всякаго поэта вообще. Особенности метра—своего рода художественный почеркъ, которымъ можно пользоваться почти съ тою же увѣренностью, съ какою калиграфы пользуются обыкновеннымъ почеркомъ для установленія принадлежности данной рукописи тому или другому лицу.

Въ настоящее время теорія Спединга принята всѣми англійскими авторитетными шекспирологами. И если самые осторожные изъ нихъ уклоняются отъ точнаго указанія, какія именно сцены „Генриха VIII“ должны считаться Шекспировскими, то во всякомъ случаѣ никто на оспариваетъ того, что значительнѣйшая часть слабой пьесы не принадлежитъ великому писателю, изъ подъ пера котораго только что вышелъ такой chef d'oeuvre какъ „Буря“.

Есть, однако, теорія, которая идетъ еще дальше Спединга. Извѣстный нашимъ читателямъ выдающійся англо-русскій шекспирологъ—Робертъ Ивановичъ Бойль (см. т. IV, стр. 68) помѣстилъ въ „Transactions“ того же „Новаго Шекспировскаго Общества“ за 1880—85 г. детально-разработанное изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что въ томъ текстѣ „Генриха VIII“, который дошелъ до насъ въ знаменитомъ изданіи in folio сочиненій Шекспира 1623 г. ничего Шекспировскаго нѣтъ. По его мнѣнію, при пожарѣ театра Глобусъ (см. выше стр. 496) подлинный манускриптъ сгорѣлъ, а такъ какъ слава пьесы была очень велика, то нашлись драматурги, которые охотно написали на тотъ же сюжетъ новую пьесу. Одинъ изъ этихъ драматурговъ несомнѣнно Флетчеръ, другой — извѣстный намъ по предисловію къ „Троилу и Крессидѣ“ Мэсинджеръ.

Теорія Бойля не встрѣтила документальныхъ опроверженій и если не можетъ считаться общепризнанной (къ ней напр. относится очень отрицательно новѣйшій очень авторитетный біографъ Шекспира Сидней Ли), то все-таки, мнѣніе о непричастности Шекспира къ „Генриху VIII“ очень распространено. Брандесъ къ своему

*) Ср. напр. предисловіе Боденштедта въ относительно позднихъ нѣмецкихъ изданіяхъ Шекспира (1890), въ рус. литературѣ введенія къ «Генриху VIII» въ изданіяхъ Гербеля (1899) и Соколовскаго (1896).

справедливому заявленію, что „многіе изъ современныхъ компетентныхъ критиковъ утверждаютъ, что Шекспиръ не написалъ въ этой пьесѣ ни одного стиха", прибавляетъ слѣдующее важное сообщеніе:

„Ф. Д. Фэрниваль разсмотрѣлъ въ своемъ большомъ изслѣдованіи, служащемъ вступленіемъ къ „The Leopold Shakespeare" эту пьесу, какъ одну изъ тѣхъ, которыя частью должны быть приписаны Шекспиру. Впослѣдствіи онъ отказался отъ своего взгляда и написалъ на поляхъ подареннаго мнѣ экземпляра подъ Генрихомъ VIII— „not Shakespere's" (не Шекспировская). Артуръ Саймонсъ, помѣстившій эту пьесу въ изданіи Ирвинга и снабдившій ее вступленіемъ, сказалъ мнѣ устно, что склоняется теперь къ мнѣнію, въ виду метрическихъ особенностей, что Шекспиръ не участвовалъ въ созданіи этой пьесы. В. А. Дэньелъ, глубокоученый издатель столь многихъ Шекспировскихъ in quarto, заявилъ мнѣ, что не знаетъ, кто былъ авторомъ этой пьесы" (Брандесъ, Шекспиръ, II, 321).

Въ виду такого положенія вопроса о „Генрихѣ VIII" мы сочли полезнымъ для читателей нашего изданія просить уважаемаго Р. И. Бойля сдѣлать извлеченіе изъ его изслѣдованія. Ниже помѣщаемое извлеченіе дополнено нѣкоторыми новыми соображеніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, къ сожалѣнію, по необходимости, лишено самой доказательной своей части: 1) таблицы метровъ разныхъ частей пьесы, соотвѣтственно которымъ авторъ приписываетъ ихъ то Флетчеру, то Мэсенджеру и 2) сопоставленія тѣхъ мѣстъ „Генриха VIII" и подлинныхъ пьесъ Шекспира, гдѣ разработаны одни и тѣ же положенія и тэмы. Эта существеннѣйшая часть изслѣдованія г. Бойля имѣетъ значеніе только для подлинника.

С. Венгеровъ.

III.

Попытка оспаривать принадлежность Шекспиру драмы, включенной издателями знаменитаго перваго собранія его сочиненій (in folio) 1623-го года, представляется на первый взглядъ очень смѣлой. Однако изъ предисловіи къ „Троилу и Крессидѣ" мы знаемъ, какъ мало можно полагаться на издателей этого собранія, отнесшихся къ принятой ими на себя задачѣ очень небрежно. Они должны бы были знать, что многое изъ того, что было выпущено въ свѣтъ подъ именемъ Шекспира, въ дѣйствительности было написано не имъ, а иными драматургами. Но они не считаютъ нужнымъ даже и намекнуть на это. Они заявляютъ, что издаютъ драматическія произведенія Шекспира слово въ слово по рукописямъ поэта. А между тѣмъ по опечаткамъ можно совершенно ясно видѣть, что они печатали не съ рукописи, а съ тѣхъ самыхъ изданій in quarto, которыя они называли мародерскими. Обстоятельства, при которыхъ появилась наша драма, разсказаны выше. Сгорѣли-ли при этомъ и рукописи, въ точности неизвѣстно, но, конечно, весьма вѣроятно, что онѣ не уцѣлѣли. 3 года спустя сгорѣла такъ называемая арена для пѣтушиныхъ боевъ (Cock-pit), и въ этомъ случаѣ положительно установлено, что манускрипты затерялись. Эта утрата не только объясняетъ разныя неясности по отношенію къ „Генриху VIII", но также и въ отношеніи другихъ драмъ Шекспира, которыя, какъ и эта пьеса, оставались въ рукописномъ видѣ до 1623 г. Существуетъ множество предположеній о времени написанія „Генриха VIII". Нѣкоторые авторитетные писатели, напр., Эльце, относили нашу драму ко времени царствованія Елизаветы. Но когда было изслѣдовано развитіе бѣлаго стиха у Шекспира, то стало очевидно, что драма эта не могла быть написана въ столь раннюю пору. Лондонское „Новое шекспировское общество" обнародовало нѣкоторые матеріалы, касающіеся этого вопроса, и воспроизвело разные литературные памятники, доказывающіе, что многія мѣста въ драмѣ написаны особымъ, легко распознаваемымъ размѣромъ Джона Флетчера. Это открытіе дѣлаетъ необходимымъ предположеніе, что въ завершеніе своей драматической дѣятельности и еще при полномъ обладаніи своими умственными силами Шекспиръ вступилъ въ сотрудничество съ второстепеннымъ драматургомъ, послѣдствіемъ чего было появленіе произведеній, лишенныхъ тѣхъ характеристическихъ особенностей, которыми отличаются прочія его драмы, особенно позднѣйшія. Въ запискахъ лондонскаго „Новаго Шекспировскаго общества" (New Chakespeare society", Transactions for the years 1880—85 г.) авторъ настоящихъ строкъ напечаталъ статью, въ которой доказывается, что „Генрихъ VIII" всецѣло принадлежитъ Флетчеру и (Мэссинджеру Massinger). Съ того времени не появилось ни одной серьезной попытки опровергнуть эту гипотезу.

Труды членовъ „Новаго Шекспировскаго общества“ уже доказали, на основаніи особенностей стихосложенія, что дата драмы—1613 г., до сихъ поръ признаваемая англійскими авторитетами, повидимому, очень близка къ истинѣ. Наша гипотеза сдѣлала шагъ далѣе. Оказалось, что фактура стиха „Генриха VIII“, въ такой же мѣрѣ отлична отъ Шекспировской, въ какой болѣе ранняя манера Мэссинджера отличается отъ „Бури“ и „Зимней сказки“. Это ясно видно изъ таблицы стихотворныхъ размѣровъ, приложенной къ упомянутой выше нашей статьѣ въ запискахъ Ново-Шекспиров. общества. Герцбергъ (Hertzberg), единственный основательный изслѣдователь Шекспировскаго бѣлаго стиха, указываетъ на частое стеченіе сильныхъ и слабыхъ окончаній, какъ на что-то необычное въ „Генрихѣ VIII“, и прибавляетъ, что тамъ, гдѣ такое стеченіе происходитъ въ сосѣднихъ строкахъ, это производитъ нѣкоторую жесткость—черта, несвойственная обыкновенно гармоничному стиху Шекспира. Но такое же точно стеченіе этихъ окончаній въ сосѣднихъ строкахъ можно въ изобиліи найти и у Мэссинджера—доказательство, что метрическія особенности „Генриха VIII“, отличающія эту драму отъ другихъ произведеній Шекспира, пошли по направленію, взятому Мэссинджеромъ въ его другихъ драмахъ.

Само собой разумѣется, что одно только различіе въ фактурѣ стиха „Генриха VIII“ и „Бури“ или „Зимней сказки“ не достаточно еще для теоріи, отрицающей на этомъ основаніи самую принадлежность драмы Шекспиру. Но дѣло мѣняется, разъ мы находимъ много другихъ звеньевъ, связывающихъ эту драму съ другими извѣстными драмами Мэссинджера, и когда видимъ, что вся обрисовка характеровъ въ драмѣ вполнѣ въ стилѣ Мэссинджера и не имѣетъ никакого сходства съ Шекспировской. Могли бы возразить, что Мэссинджеръ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ какъ драматургъ, чтобы написанная имъ драма могла сойти за Шекспировскую, и чтобы въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ, протекшихъ со дня обнародованія драмы по день его смерти, не появилось ни малѣйшаго намека на его участіе въ созданіи ея. Но для тѣхъ, кто близко знакомъ съ условіями литературной жизни того времени, въ этомъ нѣтъ ничего ни невозможнаго, ни невѣроятнаго.

Мнѣніе, что большую часть „Генриха VIII“ написалъ Флетчеръ, основывается главнымъ образомъ на характерѣ стихосложенія. Это мнѣніе можно доказывать (или оспаривать) только при помощи англійскаго текста. Здѣсь же достаточно сказать, что за послѣднія 30 лѣтъ въ Англіи не раздалось ни одного голоса, который отрицалъ бы сотрудничество Флетчера. Поэтому мы можемъ ограничиться лишь доказательствами сотрудничества въ созданіи этой драмы еще и Мэссинджера и указаніемъ на отдѣльныя мѣста, сближающія нашу драму съ драмами, написанными однимъ Флетчеромъ. Эти совпаденія имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что Флетчеръ повторяется рѣдко. Прологъ принадлежитъ Флетчеру. Въ немъ есть стихъ, очень важный для нашего предположенія:—

To rank our chosen truth with such a show
As *fool and fight.*

Это же выраженіе встрѣчается и въ пьесѣ, написанной однимъ Флетчеромъ:—

To what end do I walk? for man to wonder at,
And *fight and fool?»*
(Дешевое изданіе Рутледжа [Routlege], т. стр. 169).

Пьеса эта называется „Women Pleased“. Первыя свѣдѣнія о ней мы встрѣчаемъ въ 1633 году, но она повидимому появилась много ранѣе, вѣроятно, около 1612—1615. Въ пьесѣ „Women Pleased“, представляющей собою что-то въ родѣ пародіи на „Укрощеніе строптивой“ Шекспира (Taming of the Shrew), женщины ведутъ разговоры въ томъ легкомысленномъ, двусмысленномъ духѣ, который вообще свойственъ Флетчеру. Въ V актѣ, сц. 2, Изабелла, замужняя женщина, и Клавдіо, молодой иностранецъ, увидѣвшій ее съ улицы, сидятъ и разговариваютъ; Клавдіо признается Изабеллѣ въ любви.

Isab. He that would proffes this. And bear that full affection you make show of, should do.
Claudio. What should I do?
Isab. *I cannot show you.*
Изабелла. Тотъ, кто сознается въ этомъ и полонъ тѣмъ чувствомъ, о которомъ вы говорите, сдѣлалъ бы...
Клавдіо. Что же долженъ я сдѣлать?
Изабелла. Я не могу вамъ этого показать.

Въ приписываемой Флетчеру части „Генриха VIII“ (актъ I, сцена 4, ст. 47) въ разговорѣ лорда Сандса и Анны Болейнъ центръ тяжести въ тѣхъ-же непристойностяхъ, выраженныхъ тѣми-же самыми словами.

Lord Sands.
And pledge it, madame,
For't is to such a thing...

Anne.
You cannot show me.

Особенность „Генриха VIII“ составляетъ то, что цѣлый рядъ ситуацій мы вновь встрѣчаемъ въ пьесахъ Флетчера и Мэссинджера.

У Мэссинджера эти положенія повторяются въ драмахъ, появившихся позднѣе „Генриха VIII“, что можно истолковать въ томъ смыслѣ, что онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на свою личную собственность. Что касается Флетчера, то пьеса, гдѣ встрѣчается подобная же сцена—„Гибель Дѣвушки“ (The Maid's Tragedy)—появилась въ 1611 году, за два года до пожара театра „Глобусъ“.

Необходимо сравнить обѣ сцены:

„Maid's Tragedy“ Act. I, sc. 2.

Enter Callianax and Diagoras.

Calianax. Diagoras, look to the doors better, for shame! You let in all the world...

Diagoras. What now?

Melantius (*within*). Open the door.

Diagoras. Who's there?

Melantius. Melantius.

Diagoras. Stand back there! Room for my Lord Melantius! Pray, bear back; this is no place for such youths and their trulls. Let the doors shut again. No? do your heads itch? I'll scratch them for you (*Shuts the door*). Again, who is't now? I cannot blame my Lord Calianax for running away; would he were here? He would run raging among them, and break a dozen wiser heads than his own in the twinkling of an eye. What's the news now?

(*Within*). I pray you can help me to the speech of the master cook?

Diagoras. If I open the door I'llcook some of your calves heads. Peace, rogues!

Входятъ Каліанаксъ и Діагоръ.

Каліанаксъ. Діагоръ, что за срамъ! Смотри получше за дверьми. Ты пускаешь сюда кого попало...

Діагоръ. Кто тамъ еще?

Мелантій (*снаружи*). Мелантій!

Діагоръ. Назадъ! дорогу милорду Мелантію! здѣсь не мѣсто для такихъ молокососовъ и ихъ потаскушекъ. Сдѣлайте милость — назадъ! Затворите двери. Нѣтъ? Или у васъ засвербѣло въ башкѣ? Ну такъ я почешу ее вмѣсто васъ. (*Затворяетъ дверь*). Опять! Кто тамъ еще? Не осуждаю, что господинъ мой Каліанаксъ ушелъ. Будь онъ здѣсь,—разсердился бы и въ одно мгновеніе ока разбилъ бы съ дюжину головъ поумнѣе своей собственной. Еще тамъ что?

(*Голосъ снаружи*). Послушайте, какъ бы мнѣ поговорить съ господиномъ кухаремъ?

Діагоръ. Вотъ открою и двери, да накухарю кое-чьи болваньи башки! Тише вы, бродяги!

Если сравнить эту сцену съ акт. V, сц. 4 „Генриха VIII“, то убѣдимся, что послѣдняя—не что иное, какъ передѣлка приведенной сцены изъ „Гибели Дѣвушки“.

Что касается Мессинджера, то мы должны принимать въ разсчетъ скорѣе общій характеръ письма, чѣмъ параллельность отдѣльныхъ пассажей. Этотъ вопросъ изслѣдованъ нами въ предисловіи къ „Троилу и Крессидѣ“. Тамъ объяснено, что художественныя созданія Шекспира можно раздѣлить на два разряда чисто-художественныя и философскія. До „Гамлета“ Шекспиръ пользовался преимущественно первымъ родомъ выраженія своихъ мыслей. Второй родъ выраженія—болѣе прямой и драматическій — встрѣчается въ совершенной формѣ впервые въ „Гамлетѣ“, а затѣмъ во множествѣ мѣстъ въ позднѣйшихъ драмахъ. Если бы „Генрихъ VIII“ принадлежалъ Шекспиру, то мы должны бы были встрѣтить въ немъ пріемъ послѣдняго рода—драматическую, а не чисто описательную манеру. Но то обстоятельство, что во всей драмѣ не встрѣчается ни одного такого мѣста, убѣдительнѣе всего свидѣтельствуетъ въ пользу авторства Мэссинджера.

Въ своемъ изслѣдованіи о „Генрихѣ VIII“ въ запискахъ Ново-Шекспировскаго общества мы привели 13 образчиковъ совершенно различнаго способа обработки однихъ и тѣхъ-же положеній и тэмъ въ „Генрихѣ VIII“ и въ подлинныхъ пьесахъ Шекспира.

Во всемъ „Генрихѣ VIII“ нѣтъ ни одной картины, которую было бы возможно поставить наряду съ картинами философскаго характера послѣ-Гамлетовскаго періода. Напротивъ того—въ немъ встрѣчаются топорнѣйшія частности, которыя могутъ вызвать только смѣхъ. Напр. I, 1. 9:

«How they clung
In their embracements as they grew together
Which had they what four throned ones could have weighed
Such a compounded one».

Спѣшившись, другъ друга заключили
Въ объятія и будто-бы срослись.
Да и срослись они на самомъ дѣлѣ
Не отыскать-бы въ свѣтѣ четырехъ
Властителей, подобныхъ этимъ двумъ,
Въ одно соединеннымъ.

Это выраженіе напоминаетъ мѣсто

изъ другой мнимо Шекспировской пьесы. „Двухъ знатныхъ родственниковъ" (The two Noble Kinsmen), когда Эмилія размышляетъ о своихъ двухъ поклонникахъ (V, 3. 4):

«Were they metamorphosed
Both into one! O, why, there were no woman
Worth so composed a man».

Т. е. „Если бы оба они превратились въ одного! О, тогда не нашлось бы женщины, достойной такого составного мужа".

И все таки это не такъ смѣшно, какъ сейчасъ приведенное мѣсто изъ „Генриха VIII".

Самое начало драмы взято изъ пьесы Мэссинджера „Императоръ Востока". III. 1;

Комната во дворцѣ.

Входятъ Павлиникъ и Филанаксъ.

Paul.

Nor this, nor the age before us ever looked on
The like solemnity.

Philanax.

A sudden fever
Kept me at home. Pray you, mylord, acquaint me
With the particulars.

Paul.

You may presume
No pomp or ceremony could be wanting
Where there was privilege to command and mens
To cherish rare inventions.

Philanax.

I believe it;
But the sum of all in brief.

То-есть:

Paul. Ни этотъ вѣкъ, ни времена, протекшія до насъ
Не видѣли такого торжества.

Philanax. Внезапный припадокъ лихорадки удержалъ меня дома. Прошу васъ, милордъ, разскажите мнѣ о подробностяхъ.

Paul. Само собою—не было недостатка ни въ пышности, ни въ церемоніяхъ. Тутъ былъ случай и возможность пустить въ ходъ самыя хитрыя выдумки.

Philanax. Вѣрю. Но разскажи все вкратцѣ.

Въ „Генрихѣ VIII" I, 1, дѣйствіе открывается совершенно такимъ-же образомъ (см. дальше пьесу).

Мэссинджеръ неоднократно повторяетъ въ своихъ драмахъ пассажи изъ другихъ своихъ произведеній, но—насколько этотъ вопросъ изслѣдованъ—онъ никогда не присваивалъ себѣ собственности другихъ драматурговъ. Онъ пользуется разговоромъ двухъ дѣйствующихъ лицъ для описанія какого нибудь дѣйствія, происшедшаго внѣ сцены. Этотъ пріемъ во всѣхъ шекспировскихъ драмахъ встрѣчается только однажды—въ „Зимней сказкѣ". Въ „Барнавельтѣ" Мэссинджера и Флетчера есть сцена, гдѣ принцъ Оранскій, вызванный въ Совѣтъ, получаетъ отъ Барнавельта и его друзей грубый приказъ остановиться на порогѣ и не входить въ залъ Совѣта. Въ „Генрихѣ VIII" Кранмеръ вызывается въ Совѣтъ—и его держатъ въ передней среди лакеевъ и пажей. Это историческій случай, происшедшій съ Кокомъ, (Coke) когда его лишили званія главнаго судьи. Эдьсмеръ его преемникъ, держалъ его въ своей передней среди лакеевъ, не снявшихъ даже въ его присутствіи своихъ шляпъ.

Обратимся теперь къ обрисовкѣ характеровъ въ „Генрихѣ VIII". Сначала о женскихъ характерахъ. Они отличаются отъ характеровъ болѣе раннихъ пьесъ Шекспира позднѣйшаго періода своей идеализаціей. Если мы сравнимъ Миранду, Пердиту, Имогену, Изабеллу, Виргилію съ Джульетой, Порціей, Геро, Беатрисой, Розалиндой, Целіей, Віолой,—то увидимъ, что первая серія этихъ характеровъ имѣетъ нѣчто своеобразное, отличающее ее отъ другихъ серій. Это, такъ, сказать „небесныя и святыя созданія", по опредѣленію Люціо въ разговорѣ съ Изабеллой. Другія серіи представляютъ собою „духовъ—но все таки и женщинъ", и какъ говоритъ Уордсвортъ, „не слишкомъ блестящихъ, но нужныхъ какъ хлѣбъ насущный для человѣческой природы". („Spirits but yet women too", „no too bright and good for human nature's daily food").

Анна, если бы она была созданіемъ Шекспира, должна бы быть отнесена къ первой серіи. Но въ дѣйствительности она очерчена въ манерѣ Бьюмонта (Beaumont) и Флетчера, и мы бы прибавили—Мэссинджера, по впечатлѣнію, которое она производитъ на другихъ. Камергеръ говоритъ о ней, II, 3. 75:

Я хорошо понялъ ее; красота и добродѣтель такъ тѣсно соединены въ ней, что поразили даже короля: и кто знаетъ, не отъ этой ли лэди произойдетъ брилліантъ, который озаритъ весь нашъ островъ.

Суффолькъ говоритъ о ней III, 2, 49:

Она восхитительное созданье, совершенство

по уму и по красотѣ. Я убѣжденъ, что ради нея на эту страну снизойдетъ благословеніе, которое увѣковѣчитъ ея имя.

Даже Ульсей (Wolsey) говоритъ о ней:

Я знаю, что она добродѣтельная и достойная уваженія женщина.

Въ дѣйств. IV, 1, 43 второй джентельменъ говоритъ о ней:

Да благословитъ тебя небо. У тебя самое прелестное лицо, которое я когда либо видѣлъ; сэръ, она ангелъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что я имѣю душу. Король въ ея объятіяхъ имѣетъ всѣ богатства Индіи—и даже что-то болѣе драгоцѣнное. Я не осуждаю его.

И сэръ Томасъ Ловель въ дѣйствіи V, 1, 24, говоритъ:

Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что она доброе созданье, и кроткое существо — заслуживаетъ нашихъ лучшихъ пожеланій.

Таковы впечатлѣнія, которыя она производитъ на окружающихъ, друзей и враговъ. Но, когда мы посмотримъ, что она дѣлаетъ, чтобы заслужить такую высокую оцѣнку, то мы увидимъ, что она вступаетъ въ остроумный, но скользкій разговоръ съ лордомъ Сандсомъ, какъ было указано выше, или разсуждаетъ со старой лэди, служащей вмѣстѣ съ ней у королевы, о томъ, что больше всего огорчитъ ихъ госпожу, если она утратитъ королевское достоинство. По мнѣнію Анны, королевѣ тяжелѣе всего будетъ разстаться съ великолѣпіемъ и пышностью, къ которымъ она привыкла за девятнадцать лѣтъ.

Это, думаетъ она, такая-же агонія, какъ разставаніе души съ тѣломъ. Гдѣ найдемъ мы что нибудь столь мелкое и тривіальное у какой либо изъ шекспировскихъ героинь, раньше или позже? Что она въ этой сценѣ играетъ комедію вмѣстѣ съ старой лэди, это ясно, и старая лэди хорошо понимаетъ это и намекаетъ на это. Однако та, кто была равной ей, пока на Анну не упалъ благосклонный взглядъ короля, бросаетъ ей суровый и заслуженный упрекъ. Невозможно считать Анну созданьемъ Шекспира, но она чрезвычайно подходитъ для галлереи женскихъ портретовъ Мэссинджеръ-Флетчеръ - Бьюмонта, — такъ какъ почти всѣ эти характеры отличаются такимъ же поверхностнымъ душевнымъ складомъ.

Катерина создана совсѣмъ по другому образцу: будучи возвышеннѣе и чище по своей природѣ, чѣмъ ея соперница, она стоитъ на ряду съ наиболѣе благородными типами позднѣйшихъ драмъ. Впервые мы встрѣчаемся съ нею въ актѣ I, сц. 2, гдѣ она поддерживаетъ бароновъ противъ Ульсея и дѣлаетъ робкую попытку спасти Букингама. Въ сценѣ суда мы можемъ бросить взглядъ въ глубь ея духовной природы,—а затѣмъ драма выводитъ ее въ слѣдующей сценѣ и въ четвертомъ актѣ и совершенно измѣняетъ ея образъ. Сцена суда, выказывающая Катерину съ ея лучшей стороны, естественно вызываетъ на сравненіе съ другой сценой суда, которая,—если Шекспиръ написалъ „Генриха VIII-го“ въ настоящемъ видѣ,—была бы написана почти одновременно. Катерина, конечно, благородное созданье, если сравнить ее съ хитрымъ и лукавымъ тираномъ, безсовѣстнымъ Ульсеемъ, или съ Анною, ея жалкою соперницей. Но невозможно утверждать даже ея самымъ пламеннымъ поклонникамъ, что она достигла высоты Герміоны въ „Зимней сказкѣ“. Мы можемъ глубоко заглянуть въ чистую душу послѣдней и видѣть побужденія, которыя лежатъ въ корнѣ всего, что она говоритъ и дѣлаетъ.

И та и другая отличаются женственной покорностью. Катерина говоритъ, что она никогда не относилась съ благорасположеніемъ къ людямъ, которые не нравились королю. Ея робкая попытка спасти Букингама показываетъ, что поэтъ не пытался согласовать ея дѣйствія съ ея словами. Она увѣряетъ, что всегда старалась оказывать расположеніе любимцамъ короля. Эта ложная идея о женской покорности (которую она къ тому же смѣшиваетъ, очевидно, съ раболѣпствомъ) совсѣмъ не совмѣщается съ той царственностью, которую она проявила во время суда.

Здѣсь она естественна и тверда, и мы судимъ ее по ея дѣйствіямъ и забываемъ ея слова и ея прославленіе рабскаго повиновенія по отношенію къ мужу. Обѣ женщины напоминаютъ о своемъ высокомъ рожденіи, но дѣлаютъ это совершенно различнымъ образомъ. Герміона, дочь русскаго императора, желаетъ, чтобы отецъ ея взглянулъ на ея несчастія, но глазами состраданія, а не мести. Катерина, при воспоминаніи, что она королевская дочь, выражаетъ желаніе, чтобы ея слезы обратились въ огненныя искры.

Герміона защищала свое женское достоинство и свою добрую славу съ такой же энергіей, какъ Катерина, и была унесена изъ суда, повидимому, безъ признаковъ жизни. Катерина же не обнаружи-

ваетъ ни слѣда того смягчающаго вліянія несчастія, которое составляетъ преобладающую черту позднѣйшихъ характеровъ шекспировскихъ драмъ.

Она уходитъ изъ суда угрюмая и недовѣрчивая, бросивъ въ лицо своему мучителю жалобу къ папѣ. Она даже не упоминаетъ о своей любви къ королю.

Герміонѣ же стоитъ огромныхъ усилій подавить слова любви, которыя бьютъ ключемъ въ ея сердцѣ, какъ это видно изъ ея восклицанія, чтобы отецъ „взглянулъ на ея несчастія глазами состраданія, а не мести". Смягчающее вліяніе страданій совершило свое дѣло въ ея сердцѣ. Катерина не дѣлается менѣе благороднымъ образомъ отъ того, что не обнаруживаетъ и слѣда такихъ чертъ; но это ставитъ ее въ дисгармонію со всѣми позднѣйшими образами великаго поэта. Драма намекаетъ на эту черту въ ней только въ сценѣ, гдѣ она отдаетъ должную справедливость своему заклятому врагу, скончавшемуся кардиналу.

Смягчающее вліяніе страданій является идеей, занимающей поэта еще въ драмѣ „*Какъ вамъ это понравится*" (As you like it). (1600). Просперо лелѣетъ въ себѣ и достигаетъ идеала человѣчности во время долгихъ лѣтъ изгнанія на пустынномъ островѣ. Леонтъ („*Зимняя сказка*") становится подъ вліяніемъ несчастій такимъ кроткимъ, что даже Паулина—сама примѣръ этого смягчающаго вліянія — боится, что упрекала его слишкомъ безжалостно. Periклъ, въ первой драмѣ четвертаго періода Шекспировскаго творчества, представляетъ прекрасный примѣръ той же черты.

Эту черту можно прослѣдить въ каждой драмѣ послѣдняго періода творчества Шекспира, хотя она не всегда проявляется у него, одинаковымъ образомъ. Она является плодомъ жизненнаго опыта поэта, научившаго его, что не тѣ люди лучше всѣхъ, которые никогда не грѣшили, или по крайнѣй мѣрѣ, казались безгрѣшными, какъ напр. Анжело въ „*Мѣръ за мѣру*". (Measure for Measure).

Здѣсь Маріана (актъ V сц. I.), выражаетъ взглядъ самого поэта, говоря:

«And for the most become much more the better
For being a little bad».

(Т. е. „обыкновенно люди становятся лучше отъ небольшихъ пороковъ".) Такъ оно и есть. „Зрѣлость есть все", говоритъ Эдгаръ въ „Королѣ Лирѣ". (V, сц. 2.). Произведенія великаго поэта показываютъ, что онъ достигъ этой зрѣлости, если исключить „Генриха VIII-го" и „Двухъ знатныхъ родственниковъ"; поэтому трудно допустить, вопреки тому, что издатели in folio 1623 г. включили въ свое изданіе разбираемую драму, что Шекспиръ дѣйствительно авторъ „Генриха VIII", который былъ бы послѣднимъ изъ твореній поэта; это уничтожило бы всякую возможность создать гармоническую картину развитія поэта.

Мужскіе характеры нашей драмы еще менѣе, чѣмъ женскіе, способны произвести впечатлѣніе подлинно-шекспировскихъ. Ульсей долженъ бы производить впечатлѣніе крупной натуры, какъ оно и было въ дѣйствительности. Но въ драмѣ его величіе зависитъ просто и единственно отъ его положенія при королѣ. Поэтому, когда король лишаетъ его своей благосклонности, онъ немедленно, не сдѣлавъ даже попытки спасти себя, возвращается въ первоначальное ничтожество. Онъ не обладалъ тѣми качествами, которыя внушили-бы уваженіе заурядны мъ натурамъ бароновъ и заставили бы ихъ относиться къ нему съ почтеніемъ и послѣ его паденія. Какъ ни груба сцена ссоры Ульсея со своими врагами, но въ характерѣ кардинала вообще такъ мало истиннаго благородства, что сцена эта ни мало насъ не поражаетъ. (Достаточно вспомнить напр. его распоряженіе объ обнародованіи указа о сложеніи налоговъ,—будто бы по его совѣту, его разговоръ относительно доктора Пэса и подобные этому эпизоды). Онъ губитъ Букингама при помощи предателя-слуги, при чемъ, беззастѣнчиво пользуясь трусостью короля, онъ укрывается отвѣтственностью Совѣта, когда королева обвиняетъ его въ угнетеніи простого народа, хотя этотъ Совѣтъ всегда былъ лишь игрушкой въ его рукахъ. Однимъ словомъ, онъ всюду и всегда проявляетъ свое ничтожество и низость.

Личность короля неуловима на пространствѣ всей драмы. Онъ изображенъ трусливымъ тираномъ, наводящимъ на всѣхъ ужасъ, хотя съ другой стороны всѣ безъ колебанія пользуются его трусостью. Невозможно допустить, чтобы величайшій изъ поэтовъ, которыхъ когда либо видѣлъ міръ, завершилъ свой творческій путь столь плачевною фигурой.

Генрихъ точь-въ-точь такая же тираническая, безсильная и непослѣдовательная фигура, какія мы встрѣчаемъ въ драмахъ, въ которыхъ принималъ участіе Бьюмонтъ,—какъ напр. Тьерри (въ Thierry and Theodoret), Арбасессъ (въ A King and no King), король и Мелантій (въ A Maid's

Tragedy) и другія. Сюда относятся и Тезей въ Two Noble Kinsmen и Генрихъ VIII. Букингамъ и Ульсей обращаются въ этой драмѣ въ ничтожество, какъ только ихъ коснулось несчастье, такимъ же образомъ, какъ это вообще свойственно Флетчеру, который трактуетъ Барневельта въ недавно открытой драмѣ этого же имени совершенно такъ же, какъ и Ульсея и Букингама въ „Генрихѣ VIII“.

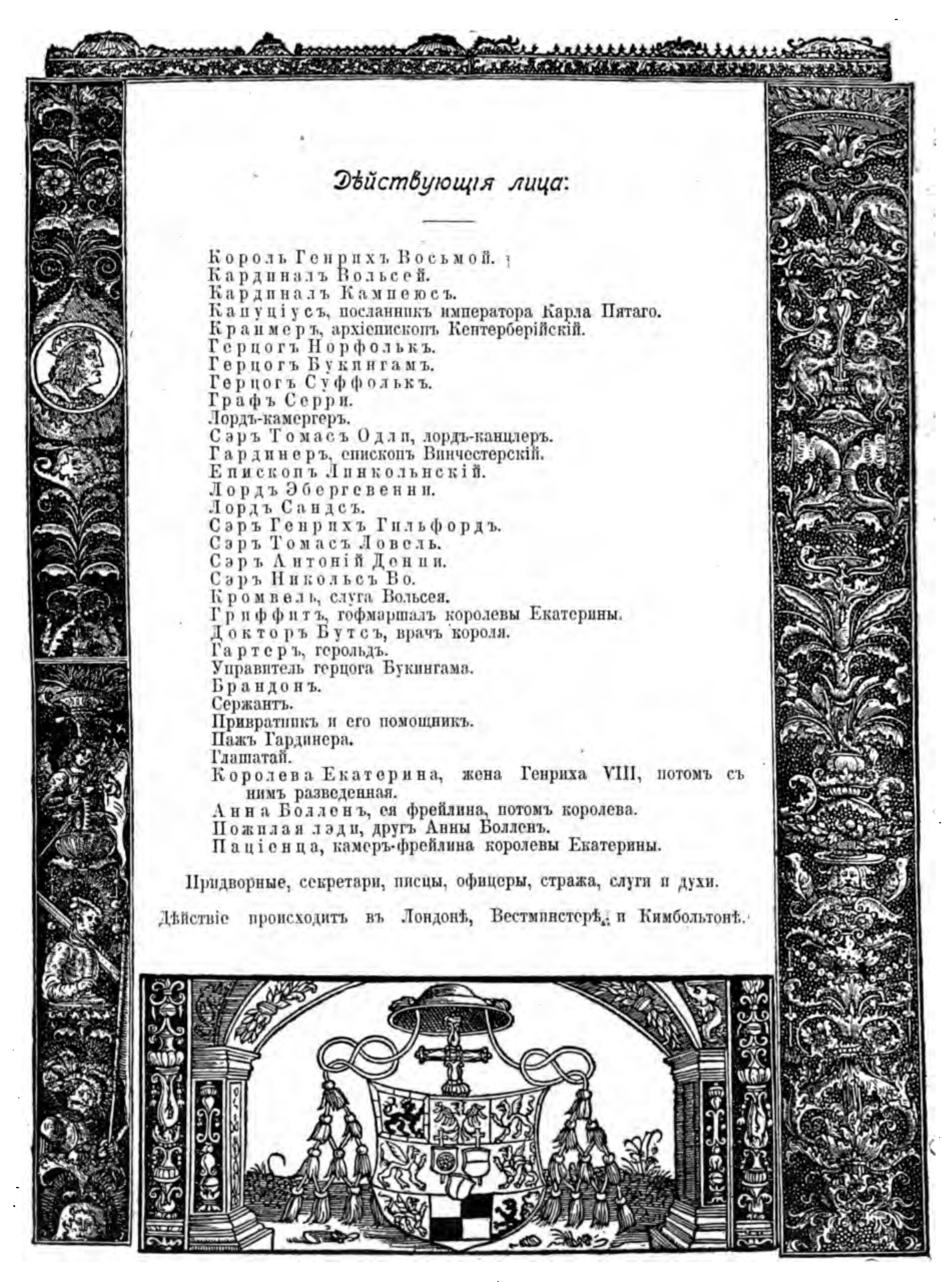
Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ относительно попытки истолкованія романтическихъ драмъ Шекспира однимъ молодымъ американскимъ ученымъ въ трудѣ его The Influence of Beaumont and Fletcher on Shakespeare (Вліяніе на Шекспира Бьюмонта и Флетчера). Его изслѣдованіе дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что три изъ ихъ романтическихъ драмъ были написаны ранѣе „Цимбелина“—первой изъ драмъ Шекспира въ этомъ родѣ. Онъ указываетъ много параллелизмовъ между „Цимбелиномъ“ Шекспира и „Филастеромъ“ Бьюмонта и Флетчера, параллелизмы, уже отмѣченные ранѣе ученымъ шекспирологомъ П. Леонгардтомъ, который, однако, не видѣлъ тутъ доказательства вліянія этихъ молодыхъ драматурговъ на Шекспира. Ashley Thorndike, авторъ упомянутаго труда, показываетъ, что Бьюмонтъ и Флетчеръ пользуются въ 6 изъ своихъ раннихъ драмъ 5 основными характерами или типами. Это во 1-хъ герой, злополучное картонное существо, игралище обстоятельствъ, мѣняющее свой характеръ при всякомъ новомъ положеніи. Лейкиппъ въ „Мести Амура“ (Cupid's Revenge), Филастеръ въ драмѣ того же имени, Аминторъ въ „The Maid's Tragedy“—примѣры этого типа. Во 2-хъ—младенчески-чистая, любящая, самоотверженная дѣвушка, какъ напр. Аспазія Белларіо и Уранія въ тѣхъ же драмахъ. Въ 3-хъ злодѣйка, страстное, чувственное, распущенное существо—какъ Бакка (Cupid's Revenge), Мэгра (Philaster), Эвадна (Maid's Tragedy). Въ 4-хъ хвастливый трусъ, не разъ использованный въ указанныхъ драмахъ. Въ 5-хъ вѣрный другъ. Къ этимъ типамъ я прибавляю еще 6-ой—страстнаго лицемѣрнаго тирана въ родѣ короля въ „The Maid's Tragedy“ и Филастера въ драмѣ того же имени. Къ этому типу принадлежитъ и Генрихъ VIII. Мэссинджеръ подставляетъ этотъ типъ вмѣсто „вѣрнаго друга“ или „героя“—смотря по обстоятельствамъ. Торндайкъ предполагаетъ, что Шекспиръ сознательно пришелъ къ изученію романтической драмы, созданной младшимъ поколѣніемъ драматурговъ и что онъ написалъ „Генриха VIII“ въ сотрудничествѣ съ Флетчеромъ. Торндайкъ идетъ такъ далеко, что даже утверждаетъ, что въ трехъ послѣднихъ драмахъ Шекспира нѣтъ развитія характера; что освѣщеніе, въ которомъ дѣйствующія лица драмы являются передъ читателемъ, зависитъ не отъ ихъ характера, а отъ созданной для нихъ обстановки; другими словами, что Шекспиръ, въ заключеніе своей творческой дѣятельности, вернулся къ пріемамъ своего незрѣлаго періода. Мы, разумѣется, должны отвергнуть такое скороспѣлое заключеніе; однако нѣтъ сомнѣнія, что въ трехъ послѣднихъ драмахъ Шекспира: „Цимбелинѣ“, „Зимней сказкѣ“ и „Бурѣ“ сказывается огромное вліяніе Бьюмонта и Флетчера. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что изъ труда самого Торндайка вытекаетъ, что въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Шекспиръ уже освободился отъ этого вліянія. Во всякомъ случаѣ развитіе характеровъ и изобиліе событій разнообразнѣе въ позднѣйшихъ драмахъ Шекспира, чѣмъ въ его большихъ трагедіяхъ.

Торндайкъ, примыкая къ прежде установившемуся мнѣнію, что „Генрихъ VIII“ написанъ Шекспиромъ совмѣстно съ Флетчеромъ, по нашему мнѣнію, еще недостаточно близокъ къ истинѣ. Едва-ли можно утверждать въ настоящее время, что даже какая-нибудь сцена въ этой слабой драмѣ вышла изъ-подъ пера Шекспира, только что создавшаго „Бурю“.

Р. Бойль [1]).

[1]) Переводъ съ рукописи *Е. А. Егорова*.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ Восьмой.
Кардиналъ Вольсей.
Кардиналъ Кампеюсъ.
Капуціусъ, посланникъ императора Карла Пятаго.
Кранмеръ, архіепископъ Кентерберійскій.
Герцогъ Норфолькъ.
Герцогъ Букингамъ.
Герцогъ Суффолькъ.
Графъ Серри.
Лордъ-камергеръ.
Сэръ Томасъ Одли, лордъ-канцлеръ.
Гардинеръ, епископъ Винчестерскій.
Епископъ Линкольнскій.
Лордъ Эбергевенни.
Лордъ Сандсъ.
Сэръ Генрихъ Гильфордъ.
Сэръ Томасъ Ловель.
Сэръ Антоній Денни.
Сэръ Никольсъ Во.
Кромвель, слуга Вольсея.
Гриффитъ, гофмаршалъ королевы Екатерины.
Докторъ Бутсъ, врачъ короля.
Гартеръ, герольдъ.
Управитель герцога Букингама.
Брандонъ.
Сержантъ.
Привратникъ и его помощникъ.
Пажъ Гардинера.
Глашатай.
Королева Екатерина, жена Генриха VIII, потомъ съ нимъ разведенная.
Анна Болленъ, ея фрейлина, потомъ королева.
Пожилая лэди, другъ Анны Болленъ.
Паціенца, камеръ-фрейлина королевы Екатерины.

Придворные, секретари, писцы, офицеры, стража, слуги и духи.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, Вестминстерѣ и Кимбольтонѣ.

КНИЖНАЯ РАМКА ЭПОХИ РЕНЕСАНСА.
(Майнцъ, 1518; мастерская Іоганна Шефера, Johann Schöffer; внизу кардинальская шапка).

ПОСТАНОВКА „ГЕНРИХА VIII“ ВЪ ЛОНДОНСКОМЪ ТЕАТРѢ LYCEUM (1892) ЗНАМЕНИТЫМЪ АНГЛІЙСКИМЪ АКТЕРОМЪ СЭРОМЪ ГЕНРИ ИРВИНГОМЪ (SIR HENRY IRVING) ВЫХОДЪ ВОЛЬСЕЯ.

ПРОЛОГЪ.

Сегодня я пришелъ не съ тѣмъ, чтобъ васъ смѣшить;
Нѣтъ, передъ вами мы заставимъ проходить
Другія скорбныя, высокія картины,
Кладущія на лобъ глубокія морщины.
Мы вамъ покажемъ сценъ величественныхъ рядъ,
Гдѣ совмѣстилися и блескъ, и скорби ядъ—
Сценъ, орошающихъ глаза людей слезами.
Кто къ состраданію способенъ между вами,
Надъ нашей пьесою поплачетъ потому,
Что этого она достойна. И тому,
Кто деньги платитъ намъ, въ надеждѣ поучаться
Житейской правдою, могу я обѣщаться,
Что онъ ее найдетъ у насъ. И господа,
Которымъ нравится піеса лишь тогда,
Когда въ ней сцены двѣ эффектныя найдутся,
Ручаюсь, въ этотъ разъ совсѣмъ не ошибутся:
Пусть только два часа спокойно просидятъ—
И шиллингъ отданный они вознаградятъ.
Одни охотники до пьесъ смѣшныхъ, безчинныхъ,
До разныхъ молодцовъ въ кафтанахъ пестрыхъ, длинныхъ,
Обшитыхъ золотомъ, до стуканья щитовъ—
Обманутся у насъ. Вѣдь, если бы шутовъ
И битвы вздорныя сегодня мы смѣшали
Съ такою истиной высокою—едва ли
Одинъ разумный другъ остался бы у насъ;
Мы одурачили бъ самихъ себя и васъ,
Которымъ показать мы правду лишь желаемъ.
Изъ городскихъ судей и критиковъ считаемъ
Мы васъ первѣйшими; такъ выслушайте жъ насъ
Съ такой серьезностью, какую видѣть въ васъ
Желали бъ очень мы. Пусть вамъ вообразится,
Что появляются не сказочныя лица
Въ высокой драмѣ сей, какъ будто бы въ живыхъ
Они еще теперь; себѣ представьте ихъ
Во всемъ величіи и блескѣ, окруженныхъ
Народомъ и толпой друзей и приближенныхъ;
Представьте, и потомъ на вашихъ же глазахъ
Всѣ эти почести падутъ мгновенно въ прахъ.
И если можете веселыми остаться
Вы послѣ этого, то я готовъ сознаться,
Что можетъ человѣкъ лить слезы даже въ тотъ
Прекрасный день, когда вѣнчаться онъ идетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Пріемная во дворцѣ.

Входятъ, съ одной стороны, герцогъ Норфолькъ, *съ другой*—герцогъ Букингамъ *и* лордъ Эбергевенни.

Букингамъ.

Лордъ, здравствуйте! Я очень радъ васъ встрѣтить.
Что дѣлали, какъ поживали вы
Съ тѣхъ поръ, какъ я во Франціи васъ видѣлъ
Въ послѣдній разъ?

Норфолькъ.

Благодарю, милордъ!
Отлично мнѣ жилось—и до сихъ поръ
Не пересталъ тому я удивляться,
Что видѣлъ тамъ.

Букингамъ.

Меня жъ совсѣмъ не кстати
Въ моемъ дому горячка заперла
Какъ-разъ тогда, когда два солнца славы,
Два яркія свѣтила межъ людей,
Съѣзжалися въ долинѣ Ардской.

Норфолькъ.

Да,
Я видѣлъ ихъ межъ Гейнесомъ и Ардомъ;
Я видѣлъ, какъ еще съ коней они
Привѣтствовать другъ друга стали; видѣлъ,
Какъ, спѣшившись, другъ друга заключили
Въ объятія и будто бы срослись.
Да и сростись они на самомъ дѣлѣ—
Не отыскать бы въ свѣтѣ четырехъ
Властителей, подобныхъ этимъ двумъ,
Въ одно соединеннымъ.

Букингамъ.

Въ это время
Я узникомъ былъ въ комнатѣ своей.

Норфолькъ.

Такъ, значитъ, вы величія земного
Не видѣли. Тутъ каждый могъ сказать,
Что пышный блескъ до той поры былъ холостъ,
А здѣсь нашелъ жену себѣ повыше
И самого себя. Тутъ каждый день
Превосходилъ прошедшіе, покамѣстъ
Послѣдній день не поглотилъ собою
Всѣ чудеса предшествовавшихъ дней.
Сегодня насъ французы затмевали:
Подобные языческимъ богамъ,
Отъ головы до ногъ они блистали
Всѣ въ золотѣ, въ каменьяхъ дорогихъ;
А завтра англичане превращались
Вдругъ въ Индію: такъ каждый былъ похожъ
На золотой рудникъ. Ихъ пажи,
Малюточки, отъ головы до ногъ
Всѣ въ золотѣ, шли, точно херувимы;
И дамы, непривычныя къ труду,
Подъ пышными нарядами своими
Едва не задыхались, такъ что ихъ
И самый трудъ румянилъ мило. Нынче
Одинъ нарядъ превозносили всѣ,
А завтра онъ былъ нищенская тряпка.
Блескъ королей обоихъ равенъ былъ,
Но тотъ изъ нихъ выигрывалъ, который
Былъ на глазахъ; когда же появлялись
Они вдвоемъ, всякъ говорилъ, что видитъ
Лишь одного, и не дерзалъ никто
Отыскивать различье между ними.
Когда же эти оба солнца—ихъ
Такъ звали всѣ—черезъ своихъ герольдовъ
Созвали все дворянство на турниръ,
Ну, тутъ дѣла такія совершились,
Какихъ нельзя вообразить—дѣла,
Которыя насъ заставляли вѣрить
Всѣмъ сказочнымъ преданьямъ, даже сказкѣ
Про Бевиса.

Букингамъ.

О, вы ужъ далеко
Заходите!

Норфолькъ.

Клянусь, какъ дворянинъ,
Какъ человѣкъ, всегда любившій честность,—
Разсказъ о томъ, что совершилось тамъ,
Безжизненъ и въ самой пышной формѣ.
Тамъ дѣйствіе служило языкомъ;
Все царственно, согласно съ цѣлью было;
Всему давалъ порядокъ ясный видъ;
Чиновники отлично выполняли
Свой долгъ.

Букингамъ.

Но кто, скажите, этимъ всѣмъ
Руководилъ? Кто голову и члены
Великаго такого торжества
Соединялъ искусно?

Норфолькъ.

Человѣкъ,

ВОЛЬСЕЙ И БУКИНГАМЪ.
Картина извѣстнаго англ. художника Саломона Гарта (S. A. Hart, R. A., 1806—1881).

Котораго никто изъ насъ, конечно,
Не могъ считать малѣйшимъ знатокомъ
Въ такихъ дѣлахъ.

БУКИНГАМЪ.

Но кто же онъ, скажите,
Пожалуйста?

НОРФОЛЬКЪ.

Его преосвященство
Архіепископъ Іоркскій это все
Устроилъ такъ.

БУКИНГАМЪ.

Чортъ побери его!
Ни одному пирожному испечься
Не можетъ онъ позволить, чтобъ не ткнуть
Въ него своимъ честолюбивымъ пальцемъ.
Ну, для чего мѣшаться вздумалъ онъ
Въ весь этотъ блескъ и суетную пышность?
Не диво ли, что этотъ сальный комъ
Ужасною своею толщиною
Беретъ въ себя свѣтъ солнечныхъ лучей
И до земли его не допускаетъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Вы правы, лордъ: владѣетъ средствомъ онъ
Осуществлять такія цѣли. Предковъ
Нѣтъ у него, которыхъ слава путь
Наслѣдникамъ прокладываетъ въ свѣтѣ;
Своей странѣ онъ также никогда
Не оказалъ услуги; важныхъ связей
Онъ былъ всегда лишенъ; но какъ паукъ
Самъ изъ себя пускаетъ паутину,
Такъ онъ себѣ прокладываетъ путь
Ничѣмъ инымъ, какъ собственнымъ умѣньемъ.
Умѣнье то—небесный даръ, и имъ
Себѣ купилъ онъ мѣсто подлѣ трона.

ЭБЕРГЕВЕННИ.

Что получилъ отъ Неба онъ, какъ даръ—
Не знаю я; пускай откроетъ это
Взоръ, поострѣй и глубже моего.

За то видна отлично мнѣ надменность,
Сквозящая изъ всѣхъ его частей.
Но кто ее принесъ ему въ подарокъ?
Когда не адъ, такъ, вѣрно, сатана
Сталъ скаредомъ, иль преждеужъ растратилъ
Ее совсѣмъ, и новый адъ тогда
Нашъ кардиналъ въ себѣ самомъ построилъ.

Букингамъ.

И какъ онъ смѣлъ, чортъ побери его,
Взять на себя, безъ воли государя,
Избранье лицъ для свиты въ этотъ путь
Во Францію? Онъ самъ составилъ списокъ
Дворянъ страны и выбралъ только тѣхъ,
Которыхъ могъ какъ можно посильнѣе
Обременить трудами и за нихъ
Дать самыя ничтожныя награды.
И всѣ, кого включилъ онъ въ списокъ свой,
Поѣхали, хоть не былъ этотъ списокъ
Почтеннѣйшимъ совѣтомъ утвержденъ.

Эбергевенни.

Да, изъ моихъ родныхъ, по крайней мѣрѣ,
Не меньше трехъ такъ сильно свой карманъ
Разстроили, что въ прежнемъ процвѣтаньи
Не будетъ онъ, навѣрно, никогда.

Букингамъ.

О, многіе себѣ сломали спины,
Взваливъ на нихъ помѣстья всѣ свои
Для этого великаго похода!
А между тѣмъ вся эта суета
Какой исходъ печальнѣйшій имѣла!

Норфолькъ.

Да, съ грустію я думаю о томъ,
Что миръ, теперь межъ нами заключенный
И Франціей, не стоилъ, чтобъ его
Съ расходами такими сопрягали.

Букингамъ.

Когда затѣмъ ужасный ураганъ
Послѣдовалъ—какъ-будто вдохновенье
Слетѣло къ намъ, и мы, не сговорясь
Между собой, всѣ тутъ же предсказали,
Что онъ, порвалъ одежду мира, сталъ
Предвѣстникомъ внезапнаго разрыва.

Норфолькъ.

И тотъ разрывъ, конечно, недалекъ:
Вѣдь, Франція союзъ уже расторгла,
Конфисковавъ въ Бордо товары наши
У англійскихъ купцовъ.

Эбергевенни.

Такъ вотъ причина,
Что ихъ посла не приняли у насъ?

Норфолькъ.

Конечно, да.

Эбергевенни.

Вотъ, право, миръ завидный
И купленный чрезмѣрною цѣной!

Букингамъ.

Что жъ, это все почтеннымъ кардиналомъ
Устроено!

Норфолькъ.

Позвольте вамъ сказать,
Милордъ, вражда межъ вами и Вольсеемъ
Всей Англіи извѣстна. Мой совѣтъ—
Онъ сердцемъ данъ, которое желаетъ
Вамъ почестей и всевозможныхъ благъ—
Подумайте о злости кардинала
И вмѣстѣ о могуществѣ его;
Потомъ и то сообразить вамъ должно,
Что если онъ кому желаетъ мстить,
То никогда не видитъ недостатка
Въ орудіяхъ. Вамъ нравъ его знакомъ:
Онъ мстителенъ; мнѣ жъ мечъ его извѣстенъ:
Онъ и остеръ, и длиненъ, и достать,
Какъ знаютъ всѣ, весьма далеко можетъ,
А ужъ куда достать ему нельзя,
Туда его добрасываютъ ловко.
Примите же всѣмъ сердцемъ мой совѣтъ;
Увидите, онъ будетъ вамъ полезенъ...
Но вотъ идетъ та самая скала,
Которой вы должны остерегаться.

Входитъ кардиналъ Вольсей. *Впереди него несутъ кошель; за нимъ слѣдуетъ нѣсколько тѣлохранителей и два* секретаря *съ бумагами. Кардиналъ, проходя, устремляетъ взоръ на Букингама, а этотъ послѣдній—на него. Оба смотрятъ другъ на друга съ презрѣніемъ.*

Вольсей.

Милорда Букингама управитель?
А! гдѣ жъ допросъ?

1-ый секретарь.

Онъ здѣсь, милордъ.

Вольсей.

А самъ
Онъ тоже здѣсь?

1-ый секретарь.

Такъ точно, ваша свѣтлость.

Вольсей.

Ну, такъ теперь узнаемъ больше мы.
И Букингамъ смиритъ свой взглядъ надменный.

(Уходитъ со своею свитою).

Букингамъ.

Песъ мясника наполнилъ ядомъ пасть,

А мнѣ нельзя надѣть ему намордникъ!
Конечно, тутъ ужъ лучше не будить
Его совсѣмъ. Да, нищая порода
Предпочтена дворянской крови!

Норфолькъ.

Какъ
Вспылили вы! Молите лучше Бога—
Умѣренность послать вамъ: въ ней одной
Спасеніе отъ вашего недуга.

Букингамъ.

Въ его глазахъ я замыслы прочелъ
Враждебные; онъ на меня надменно,
Кака на раба презрѣннаго, смотрѣлъ,
И знаю я, теперь, въ минуту эту,
Меня разитъ онъ гнусной клеветой.
Онъ къ королю отправился; я тоже
Пойду туда отстаивать себя.

Норфолькъ.

Постойте, лордъ. Пусть другъ у друга спросятъ
Разсудокъ вашъ и пылкій гнѣвъ о томъ,
Что дѣлать вы хотите. Кто желаетъ
На крутизну взобраться, долженъ вверхъ
Итти всегда спокойнымъ, тихимъ шагомъ.
Запальчивость похожа на коня
Горячаго, которому, чуть только
Свободу дай, онъ утомитъ себя
Своею же горячностью. Повѣрьте,
Нѣтъ въ Англіи, конечно, никого,
Кому бы я такъ безгранично вѣрилъ,
Какъ вамъ, милордъ; такъ будьте для себя
Тѣмъ самымъ, чѣмъ вы были бы для друга.

Букингамъ.

Нѣтъ, я иду сейчасъ же къ королю,
И голосъ мой, какъ чести голосъ, вѣрно
Перекричитъ надменное нахальство
Ипсвичскаго мерзавца; если жъ нѣтъ,
Такъ я тогда провозглашу, что больше
Различья нѣтъ между людьми.

Норфолькъ.

Совѣтъ
Примите мой: не разжигайте печи
Для вашего врага такъ горячо,
Чтобъ вы же въ ней сгорѣли. При излишней
Поспѣшности мы можемъ обогнать
Того, за кѣмъ мы гонимся, и послѣ
Его совсѣмъ изъ виду потерять.
Какъ будто вы не знаете, что пламя,
Когда оно такъ жидкость вскипятитъ,
Что черезъ край она польется, только
Наружно ей даетъ большой объемъ,
На дѣлѣ же до капли разрушаетъ?
Подумайте. Я повторяю вамъ:
Нѣтъ въ Англіи такого человѣка,
Который вамъ совѣтовать бы могъ
Такъ хорошо, какъ сами вы; старайтесь
Лишь погасить иль только укротить
Огонь страстей разсудка сокомъ.

Букингамъ.

Сэръ,
Благодарю, и, слѣдуя совѣту,
Я ухожу. Но этотъ негодяй
Нахальнѣйшій— не отъ разлива жолчи
Ему даю названье это я,
Но вслѣдствіе прямого убѣжденья—
Продажное созданье и измѣнникъ,
Я въ этомъ убѣжденъ—и у меня
Есть множество на это доказательствъ,
Которыя такъ ясны, какъ вода
Въ іюльскій день, когда на днѣ потока
Малѣйшая песчинка намъ видна.

Норфолькъ.

Измѣнникомъ его не называйте.

Букингамъ.

Нѣтъ, назову предъ самымъ королемъ,
И доводы мои такъ прочны будутъ,
Какъ проченъ грунтъ скалистыхъ береговъ.
Послушайте: ханжѣ, лисицѣ этой,
Иль волку, иль обоимъ имъ—вѣдь, онъ
Равно хитеръ и хищенъ, такъ же гадокъ
Для замысловъ преступнѣйшихъ, какъ ловокъ
Въ осуществленьи ихъ; душа и санъ
Другъ друга въ немъ взаимно заражаютъ—
Ему блеснуть величьемъ захотѣлось
Предъ Франціей и дома у себя,
И для того склонилъ онъ короля
И нашего властителя на этотъ
Убыточный для Англіи союзъ,
На этотъ съѣздъ, который столько денегъ
Унесъ съ собой и лопнулъ, какъ стаканъ,
Когда его ты всполоснешь немного.

Норфолькъ.

Да, это такъ.

Букингамъ.

Позвольте мнѣ, милордъ,
Договорить. Всѣ пункты договора
Составилъ такъ лукавый кардиналъ,
Какъ самъ хотѣлъ, и чуть онъ только крикнулъ:
„Быть по сему!", какъ утвердили ихъ,
Хоть точно такъ они полезны были,
Какъ мертвому полезны костыли.
Но сочинилъ ихъ кардиналъ почтенный—
Такъ спора нѣтъ, что хороши они;
Тутъ дѣло рукъ достойнаго Вольсея,
А онъ въ дѣлахъ своихъ непогрѣшимъ.

Вотъ вслѣдъ за тѣмъ—мнѣ кажется, что это
Ужъ выкидышъ измѣны, старой суки—
Къ намъ пріѣзжаетъ императоръ Карлъ
Какъ будто-бы затѣмъ, чтобъ повидаться
Здѣсь съ королевой, теткою своей.
Дѣйствительно, такой предлогъ поѣздкѣ
Придумалъ онъ; но собственно затѣмъ
Явился онъ, чтобъ пошептать Вольсею:
Боялся онъ, что повредитъ ему
Свиданіе и дружба государей
Французскаго и нашего; понять
Онъ ясно могъ, что многими бѣдами
Грозилъ ему союзъ ихъ—и вступилъ
Въ секретный торгъ съ почтеннымъ кардиналомъ.
И знаю я, увѣренъ твердо въ томъ,
Что Карлъ платилъ еще до обѣщаній,
И потому желаніе его
Исполнилось еще до заявленья
О немъ. Итакъ, дорогу проложивъ
И вымостивъ червонцами, желанье
Онъ выразилъ, чтобъ былъ Вольсей такъ добръ—
Перемѣнилъ всѣ мысли государя
И убѣдилъ нарушить договоръ.
Да, пусть король узнаетъ—а узнаетъ
Навѣрно онъ, и скоро, отъ меня—
Что кардиналъ честь царскую его
То продаетъ, то снова покупаетъ,
Какъ вздумаетъ, но къ выгодѣ своей.

Норфолькъ.
Прискорбно мнѣ такія вещи слышать
О немъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы
Ошиблись.

Букингамъ.
Нѣтъ, нѣтъ, каждый слогъ мой—правда;
Я вамъ его представилъ точно такъ,
Какъ докажу, когда для доказательствъ
Придетъ чередъ.

Входитъ Брандонъ; *впереди него* начальникъ стражи *и нѣсколько стражей.*

Брадонъ.
Извольте, капитанъ.
Исполнить долгъ свой.

Сержантъ.
Герцогъ Букингамъ,
Графъ Герфордскій, Страффордскій, Нордгемптонскій,
Я, именемъ великимъ короля,
Беру тебя подъ стражу за измѣну
Отечеству.

Букингамъ.
Что, видите, милорды:
Сѣть на меня накинута. Паду
Я жертвою коварства и измѣны.

Брандонъ.
Мнѣ очень жаль, что я обязанъ быть
Свидѣтелемъ отнятія свободы
У васъ, милордъ, и этой сцены всей.
Должны идти вы въ Тоуэръ. Это воля
Монаршая.

Букингамъ.
Напрасно сталъ бы я
Доказывать мою невинность; краской
Такой меня покрыли, что мои
Бѣлѣйшія всѣ части почернѣли.
Да будетъ воля Божья, какъ теперь,
Такъ и всегда, во всемъ. Я повинуюсь.
Прощайте, лордъ Эбергевенни.

Брандонъ.
Нѣтъ,
Онъ долженъ вамъ сопутствовать.
(Къ Эбергевенни). Желанье
Монаршее, чтобъ въ Тоуэрѣ вы были
До той поры, пока вамъ сообщатъ
Дальнѣйшее рѣшеніе.

Эбергевенни.
Какъ герцогъ,
И я скажу: да будетъ воля Божья!
И выполню желанье короля.

Брандонъ.
Здѣсь у меня еще приказъ монаршій—
Отправить въ Тоуэръ лорда Монтекьюта,
А также Іоанна Де-ла-Кара,
Духовника милорда Букингама,
И канцлера его Гильберта Пекъ.

Букингамъ.
Такъ, такъ; все это члены заговора.
Надѣюсь, всѣ?

Брандонъ.
Монахъ картезіанскій
Еще..

Букингамъ.
Неужто Никольсъ Гопкинсъ?

Брандонъ.
Да.

Букингамъ.
Мнѣ измѣнилъ дворецкій мой; за деньги
Его купилъ всесильный кардиналъ.
Теперь мой вѣкъ измѣренъ. Букингама
Несчастнаго я бѣдной тѣнью сталъ.
Его черты затмила эта туча,

ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ.
Постановка «Генриха VIII» знаменитымъ англ. актеромъ сэромъ Генри Ирвингомъ (Sir Henry Irving, род. 1838) въ его театрѣ «Lyceum» (1892).

И передъ ней блескъ солнца моего
Померкнулъ вдругъ навѣки. Лордъ, прощайте!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Зала государственнаго совѣта.

Трубы. Входятъ король Генрихъ, кардиналъ Вольсей, *лорды совѣта,* сэръ Томасъ Ловель, *дворяне и свита. Король идетъ, опираясь на плечо Вольсея.*

Король.

Вся жизнь моя, и все, что только въ ней
Есть лучшаго, благодарятъ васъ нынче
За полную заботливость о насъ.
Ужъ я стоялъ подъ выстрѣлами бунта
Смертельнаго—вы разогнали ихъ.
Благодарю отъ сердца. Пусть теперь
Войдетъ сюда служитель Букингама;
Желаю я, чтобъ лично мнѣ теперь
Онъ повторилъ свои всѣ показанья
И снова здѣсь по пунктамъ передалъ
Подробности измѣны господина.

(Король садится. Лорды совѣта занимаютъ свои мѣста. Кардиналъ помѣщается у ногъ короля, по правую его сторону. За сценой крикъ: „Мѣсто королевѣ!“).

Входитъ королева Екатерина, *ведомая* герцогами Норфолькомъ *и* Суффолькомъ. *Она становится на колѣни; король встаетъ съ своего мѣста, поднимаетъ ее, цѣлуетъ и сажаетъ подлѣ себя.*

Королева.

Нѣтъ, должно мнѣ остаться на колѣняхъ:
Вѣдь, я теперь просительница.

Король.

Встань,
Сядь подлѣ насъ, и только половину
Скажи того, о чемъ пришла просить:
Вѣдь, наша власть—твоя наполовину.
Вторая жъ часть прошенья твоего
Исполнена заранѣ; говори же,
И исполняй желанiе свое.

Королева.

Благодарю, король мой. Сущность просьбы
Моей лишь въ томъ, чтобъ вы, любя себя,

Вниманіе большое обращали
На честь свою и на величье долга
Монаршаго.

Король.
Прошу васъ продолжать.

Королева.
Отъ многихъ лицъ, и все людей честнѣйшихъ,
Мнѣ жалобы приносятся на то,
Что вашъ народъ большое горе терпитъ;
Еще на-дняхъ ему сообщены,
Я слышала, такія повелѣнья,
Которыя, конечно, истребятъ
Въ его душѣ всю преданность къ престолу.
(Кординалу).
Сильнѣй всего, мой добрый кардиналъ,
Онъ, правда, васъ винитъ и называетъ
Виновникомъ поборовъ этихъ; но,
Вѣдь, и король—да охраняетъ Небо
Всю честь его отъ пятенъ—вѣдь, и онъ
Становится предметомъ неприличныхъ
Рѣчей—такихъ, которыя въ сердцахъ
И преданность, и вѣрность истребляютъ
И кажутся открытымъ мятежомъ.

Норфолькъ.
Не *кажутся*, а таковы на дѣлѣ.
Такъ, вслѣдствіе налога, цѣлый цехъ
Суконщиковъ, возможности лишившись
Держать своихъ рабочихъ, распустилъ
Прядильщиковъ, чесальщиковъ, ткачей;
И всѣ они, негодные къ другому
Занятію, лишенные всѣхъ средствъ
И голодомъ томимые, возстали
Въ отчаяньи—и мало дѣла имъ,
Какой исходъ грозитъ ихъ возмущенью:
Опасность имъ не значитъ ничего.

Король.
Налогъ! на что? какой налогъ? Почтенный
Лордъ-кардинадъ, вы, наравнѣ со мной,
Несущіе все бремя обвиненья—
Извѣстно ль вамъ, что это за налогъ?

Вольсей.
Мнѣ, государь, извѣстно то, что только
Относится до общихъ дѣлъ страны:
Я наряду иду со всѣми.

Королева.
Правда,
Вы знаете не болѣе другихъ;
Но вы такихъ вещей изобрѣтатель,
Которыя извѣстны тоже всѣмъ
И пагубны для тѣхъ, кто не желаетъ
Ихъ вовсе знать, но съ ними принужденъ
Знакомиться. Налоги, о которыхъ
Мой государь желаетъ получить
Извѣстіе—убійственны для слуха;
Носить же ихъ—надломится спина.
Всѣ говорятъ, что вы ихъ сочинили.
Коль это ложь, то слишкомъ сильно вы
Обвинены.

Король.
Все о налогѣ дѣло!
Какой налогъ? Скажите, наконецъ,
Что за налогъ?

Королева.
Я слишкомъ дерзко ваше
Терпѣніе испытываю, но
Ободрена я вашимъ обѣщаньемъ
Прощенія. Народный ропотъ вызванъ
Указомъ, чтобы каждый гражданинъ
Вносилъ въ казну, безъ всякихъ отлагательствъ,
Шестую часть имущества; предлогъ
Къ взысканію такому—близость нашей
Большой войны съ французами. Народъ,
Узнавъ о томъ, сталъ дерзко выражаться;
Всѣ языки выплевываютъ долгъ
Покорности; въ сердцахъ охолодѣлыхъ
Морозъ сковалъ все чувство къ королю;
Тамъ, гдѣ всегда молитвы возносились,
Теперь живутъ проклятья; и дошло
Ужъ до того, что добрая покорность
Теперь у всѣхъ не больше, какъ раба
Разгоряченной воли. Умоляю
Васъ, государь, на это обратить
Вниманіе; для васъ важнѣе дѣла
Не можетъ быть.

Король.
Я жизнью вамъ клянусь,
Что это все противно нашей волѣ.

Вольсей.
Что до меня касается, такъ я
Участвовалъ здѣсь только тѣмъ, что голосъ
Свой подавалъ съ другими наравнѣ;
Да и на то меня подвигнулъ только
Совѣтъ людей ученыхъ. Если мнѣ
Приходится быть жертвою злословья
Тѣхъ языковъ, которымъ ни мои
Способности, ни свойства неизвѣстны,
Но хочется, на это несмотря,
Быть хроникой всѣхъ дѣлъ моихъ—такъ это,
Скажу всегда, служебный мой удѣлъ,
Тернистый путь, которымъ добродѣтель
Должна итти. Но никогда боязнь
Завистливыхъ, лукавыхъ порицаній
Насъ не должна стѣснять нимало въ томъ,
Что сдѣлать намъ необходимо. Эти
Хулители, какъ стая хищныхъ рыбъ,

Всегда плывутъ за новымъ кораблемъ,
Но никакой не извлекаютъ пользы
Изъ этой всей погони. Часто такъ
Случается, что лучшій нашъ поступокъ
Невѣжество иль злоба назовутъ
Совсѣмъ другимъ, или его другому
Припишутъ вдругъ; а худшія дѣла,
Которыя для грубаго мышленья
Понятнѣе, провозгласятъ дѣлами
Прекрасными. Когда-бъ, страшась того,
Что наши всѣ движенья встрѣтитъ хохотъ
Или хула, рѣшились мы стоять,
Не двигаясь, то корни бы пустили
Мы на своихъ мѣстахъ, иль какъ статуи
Сидѣли тамъ.

Король.

Коль дѣло свершено
Обдуманно, оно самособою
Опасности предотвращаетъ всѣ.
Но дѣло то, которому примѣра
Никто не зналъ, бояться заставляетъ
За результатъ. Извѣстенъ вамъ примѣръ
Подобнаго налога? Полагаю,
Что нѣтъ. Народъ нельзя намъ отрывать
Отъ нашихъ же законовъ и цѣпями
Приковывать къ простому произволу.
Шестая часть! Ужаснѣйшій налогъ!
Вѣдь, этакъ мы беремъ у всѣхъ деревьевъ
И ихъ кору, и вѣтви, даже часть
Отъ ихъ ствола—и хоть, положимъ, корня
Не трогаемъ, но, при увѣчьи ихъ,
Не мудрено, что воздухъ выпьетъ соки.
Прошу послать въ тѣ графства, гдѣ налогъ
Взимаемъ былъ, скорѣе извѣщеніе,
Что мы прощаемъ всѣхъ, кто возставалъ
Противъ него. Прошу поторопиться.
Я это дѣло поручаю вамъ.

Вольсей (*тихо секретарю*).

Послушайте: сейчасъ пишите письма
О милости, прощеньи короля,
И ихъ по всѣмъ пошлите графствамъ. Сильно
Всѣ общины возстали на меня,—
Поэтому вездѣ распространите,
Что моему ходатайству страна
Отмѣною налога и прощеньемъ
Обязана. Дальнѣйшія мои
Желанія узнаете вы послѣ.
(*Секретарь уходитъ*).

Входитъ управитель *Букингама*.

Королева.

Какъ грустно мнѣ, что герцогъ Букингамъ
Въ немилость впалъ.

Король.

Прискорбно это многимъ.
Онъ джентельменъ ученый и ораторъ
Прекраснѣйшій; природой надѣленъ
Онъ, какъ никто; воспитанъ такъ, что можетъ
Учителей великихъ научать
И наставлять; себѣ же не имѣетъ
Нужды искать онъ помощь внѣ себя.
Но помните, чуть въ умъ залѣзетъ порча
И эти всѣ прекрасные дары
Неправильно въ душѣ распредѣлятся—
Какъ примутъ вдругъ порочный видъ они
И въ десять разъ превысятъ безобразьемъ
Всю красоту прошедшую свою.
Вотъ такъ теперь и этотъ человѣкъ
Прекраснѣйшій, котораго считали
Въ числѣ чудесъ, котораго рѣчамъ
Внимали мы съ восторгомъ, такъ что, право,
Минутами казались намъ часы—
Вотъ такъ и онъ, любезная супруга,
Всѣ прежнія достоинства свои
Облекъ теперь чудовищной одеждой
И черенъ сталъ, какъ будто бы въ аду
Его лицо испачкали. Немного
Побудьте здѣсь. Вотъ этотъ джентельменъ -
Онъ былъ лицомъ довѣреннымъ милорда—
Разскажетъ вамъ такое, отъ чего
На честь тоска глубокая находитъ.
Пусть повторитъ онъ снова свой разсказъ
О замыслахъ злодѣйскихъ; мы не можемъ
Ни холодно ихъ къ сердцу принимать,
Ни съ равнодушіемъ объ этомъ слушать.

Вольсей.

Подойдите
И смѣло здѣсь скажите все, что вы,
Какъ подданный заботливый и вѣрный,
О герцогѣ узнали.

Король.

Говори
Свободно все.

Управитель.

Во первыхъ, ежедневно
Всю рѣчь свою онъ вотъ чѣмъ зачумлялъ:
Онъ говорилъ, что если безъ потомства
Король умретъ, то онъ устроитъ такъ,
Что самъ британскимъ скиптромъ завладѣетъ.
Все это слышалъ лордъ Эбергевенни,
Тотъ, что на дочери его женатъ.
При этомъ герцогъ клялся отомстить
Вамъ, кардиналъ.

Вольсей.

Прошу покорно, ваше
Величество, вниманье обратить
На замыселъ опасный этотъ. Герцогъ
Враждебныя желанія свои

Распространилъ не только на особу
Священнѣйшую вашу, но имѣлъ
Въ виду и тѣхъ, кто преданъ вамъ.

Королева.

Почтенный
Лордъ-кардиналъ, судите не съ такой
Суровостью.

Король.

Ну, далѣе. На чемъ
Основывалъ онъ эти притязанья
На нашъ престолъ по смерти нашей? Ты
На этотъ счетъ чего-нибудь не слышалъ
Отъ герцога?

Управитель.

На эту мысль его
Пророчествомъ нелѣпымъ Никольсъ Гопкинсъ
Навелъ.

Король.

Кто этотъ Гопкинсъ?

Управитель.

Духовникъ
При герцогѣ, монахъ картезіанскій.
По цѣлымъ днямъ онъ все кормилъ его
Бесѣдами о будущемъ престолѣ.

Король.

Какъ ты узналъ объ этомъ?

Управитель.

Незадолго
Предъ тѣмъ, какъ вы собрались, государь,
Во Францію, мы были въ домѣ Розы—
Лаврентія Полтнейскаго приходъ—
И герцогъ тамъ спросилъ меня, что слышалъ
Я въ лондонскомъ народѣ о поѣздкѣ
Во Францію? Я отвѣчалъ ему,
Что многіе боятся, чтобъ французы
На гибель короля не оказались
Коварными друзьями. Онъ на это
Замѣтилъ мнѣ, что точно поводъ есть
Такъ говорить и что тогда, пожалуй,
Исполнятся на дѣлѣ тѣ слова,
Которыя сказалъ ему однажды
Святой монахъ. „Не разъ онъ присылалъ
Просить меня", такъ разсказалъ мнѣ герцогъ:
„Чтобъ я ему позволилъ выбрать часъ
Для тайнаго свиданья съ Де-ла-Каромъ,
Духовникомъ моимъ. Онъ говорилъ,
Что сообщить ему имѣетъ дѣло
Важнѣйшее; ему-то, взявъ съ него,
Какъ будто бы на исповѣди, клятву
Формальную, что мнѣ лишь одному
Мой духовникъ, и никому другому,
Не передастъ того, что скажетъ онъ
Монахъ сказалъ, подумавши серьезно:
„Ни самъ король—такъ герцогу скажи—
Ни родъ его ужъ процвѣтать не будутъ.
Пусть герцогъ вашъ стремится пріобрѣсть
Любовь всего народа; будетъ править
Онъ Англіей".

Королева.

Коль не ошиблась я,
Вы—бывшій управитель Букингама
И должности лишилися своей
По жалобамъ отъ вашихъ подчиненныхъ?
Подумайте: не злоба ли виной,
Что обвинять стали вы человѣка
Достойнаго и благородный духъ
Въ себѣ пятнать? Подумайте, я снова
Вамъ говорю и даже отъ души
Прошу о томъ.

Король.

Оставь его. Что дальше?

Управитель.

Клянусь душой, я правду говорю!
Я герцогу замѣтилъ, что, быть можетъ,
Самъ сатана монаха ввелъ въ обманъ;
Что для него опасно думать долго
Объ этомъ всемъ, что могутъ, наконецъ,
Въ душѣ его созрѣть такіе планы,
Которые его погубятъ. „Вздоръ!"
Онъ отвѣчалъ: „намъ повредить не можетъ
Ничто!" И тутъ еще прибавилъ онъ:
„Когда бъ болѣзнь послѣднюю не вынесъ
Нашъ государь—не жить бы головамъ
Вольсеевой и Томаса Ловеля".

Король.

Ого, такъ вотъ какая злоба въ немъ!
О, человѣкъ онъ вредный! Можешь
Ты что-нибудь еще сказать?

Управитель.

Могу,
Мой государь.

Король.

Такъ говори скорѣе.

Управитель.

Однажды въ Гринвичѣ милорду былъ
Данъ выговоръ за Бломера Вилльяма
Отъ вашего величества...

Король.

Да, помню.
Онъ былъ моимъ слугой, а герцогъ взялъ
Его къ себѣ. Что жъ дальше?

Управитель.

„Если бъ я",
Такъ онъ сказалъ: „за это былъ отправленъ
Ну, напримѣръ, хоть въ Тоуэръ, вѣрно-бъ мнѣ
Пришло на умъ то сдѣлать, что когда-то
И мой отецъ готовился свершить
Надъ хищникомъ Ричардомъ въ Салисбери,
Когда просилъ себѣ свиданья съ нимъ;
И если бы желанье это было
Исполнено, онъ, будто-бы съ почтеніемъ
Поклонъ отдавъ, вонзилъ бы въ грудь Ричарда
Свой острый ножъ".

Король.

Чудовищный предатель!

Вольсей.

Что скажете, монархиня? Ужель
Король дышать свободно можетъ, если
Въ тюрьмѣ сидѣть не будетъ Букингамъ?

Королева.

Устрой Господь все къ лучшему!

Король.

Ты что-то
Сказать еще желаешь? Говори.

Управитель.

Произнеся слова: „отецъ мой, герцогъ"
И „острый ножъ", онъ выпрямился вдругъ,
Одной рукой схватилъ кинжалъ, другую
Прижалъ къ груди, возвелъ глаза наверхъ
И произнесъ ужаснѣйшую клятву.
Онъ поклялся, что если дурно кто
Поступитъ съ нимъ, то превзойдетъ на столько
Онъ своего отца, на сколько планъ
Несбывшійся неизмѣримо ниже
Свершеннаго поступка.

Король.

Положо́нъ
Конецъ его желанью—для кинжала
Ножнами насъ избрать. Онъ подъ арестомъ.
Позвать его немедленно къ суду.
Когда найдетъ онъ милость у закона—
Пусть будетъ такъ; не сыщетъ—пусть ужъ къ намъ
Не думаетъ прибѣгнуть. Днемъ и ночью
Клянусь, что онъ ужаснѣйшій злодѣй!

(Уходятъ).

АННА БОЛЕНЪ.
Современный портретъ.

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ лордъ-камергеръ *и* лордъ Сандсъ.

Камергеръ.

Я никогда не думалъ бы, что чары
Французскія способны облекать
Людей такой причудливою формой.

Сандсъ.

У новыхъ модъ, хоть будь онѣ смѣшны,
Хоть женственный имѣй онѣ характеръ,
Приверженцы отыщутся всегда.

Камергеръ.

Сдается мнѣ, что наши англичане
Изъ этой всей поѣздки извлекли
Хорошаго лишь двѣ иль три гримасы,
Но ужъ за то отличныя. Когда
Иной начнетъ ихъ корчить, такъ охотно
Ты присягнешь, что самый носъ его
Совѣтникомъ Пепина иль Клотара

Еще служилъ—такъ гордо-величавъ
Весь видъ его.

САНДСЪ.
У нихъ и ноги тоже
Все новыя, хромыя. Если кто
Походки ихъ не видѣлъ прежде, вѣрно
Подумаетъ, что шпатъ иль наколѣнникъ
Напалъ на нихъ.

КАМЕРГЕРЪ.
Чортъ побери, милордъ!
А въ платьѣ ихъ такой покрой, замѣтьте,
Языческій, что христіанскій духъ,
Навѣрное, они ужъ износили.

Входитъ сэръ ТОМАСЪ ЛОВЕЛЬ.

КАМЕРГЕРЪ.
Что новаго, сэръ Ловель?

ЛОВЕЛЬ.
Ничего,
Почтенный лордъ, коль не считать указа,
Прибитаго къ дворцовымъ воротамъ.

КАМЕРГЕРЪ.
Указъ? о чемъ?

ЛОВЕЛЬ.
Да о реформѣ франтовъ,
Пріѣхавшихъ изъ Франціи и дворъ
Лишь ссорами и шумомъ, и портными
Наполнившихъ.

КАМЕРГЕРЪ.
Вотъ это хорошо!
Теперь бы мнѣ весьма хотѣлось нашихъ
Господчиковъ просить сознаться въ томъ,
Что англійскій придворный тоже можетъ
Разумнымъ быть, хотя бы Лувра онъ
И не видалъ.

ЛОВЕЛЬ.
Въ указѣ говорится,
Что всѣ они немедленно должны
Отбросить всѣ остатки шутовства,
Добытаго во Франціи; отречься
Отъ признаковъ почтенныхъ своего
Безумія—дуэлей, фейерверковъ,
Отъ всяческихъ насмѣшекъ надъ людьми,
Получше ихъ, но мудрости заморской
Не знающихъ; отречься отъ любви
Къ мячу, къ чулкамъ длиннѣйшимъ, къ панталонамъ
Коротенькимъ и съ буффами, отъ всѣхъ,
Всѣхъ признаковъ поѣздки заграничной
И сдѣлаться вновь честными людьми;
А не хотятъ, такъ могутъ убираться
Къ товарищамъ стариннымъ игръ своихъ.
Тамъ можно имъ, за это я ручаюсь,
Cum privilegio свое распутство
Растрачивать и отдавать себя
На общее посмѣшище.

САНДСЪ.
Давно бы
Пора имъ дать лѣкарство: ихъ болѣзнь
Ужъ сдѣлалась прилипчивой.

КАМЕРГЕРЪ.
Однако,
Для нашихъ дамъ не малая бѣда—
Лишиться вдругъ всѣхъ этихъ новыхъ франтовъ.

ЛОВЕЛЬ.
Еще бы нѣтъ! Конечно, будетъ тутъ
И стонъ, и плачъ; вѣдь, эти негодяи
Искусные имѣли чудный даръ
Брать женщинъ въ плѣнъ; тутъ скрипка или пѣсня
Французская—вѣрнѣйшая приманка.

САНДСЪ.
Пусть чортъ на нихъ играетъ! Какъ я радъ,
Что имъ отъ насъ придется убираться,
Затѣмъ что нѣтъ надежды никакой
Исправить ихъ. Теперь и дворянинъ
Такой, какъ я, простой, провинціальный,
Котораго такъ долго изъ игры
Всѣ гнали вонъ, имѣть возможность будетъ
Спѣть пѣсенку; надѣюсь, что его
Часокъ-другой послушаютъ; и, право,
Онъ въ тактъ споетъ.

КАМЕРГЕРЪ.
Вполнѣ вы правы, лордъ.
Какъ видно, вы еще не потеряли
Своихъ зубовъ молочныхъ.

САНДСЪ.
Нѣтъ, милордъ,
И сохраню, пока хоть корешокъ
Останется.

КАМЕРГЕРЪ.
Куда вы шли, сэръ Ловель?

ЛОВЕЛЬ.
Къ Вольсею шелъ; вы тоже гость его,
Мнѣ кажется?

КАМЕРГЕРЪ.
Конечно. Нынче ужинъ
Роскошный онъ даетъ для многихъ дамъ
И лордовъ; тутъ, могу я васъ увѣрить,
Сберется все, что въ королевствѣ есть
Прекраснаго.

Ловель.

Да, надо согласиться,
Что очень добръ почтенный нашъ прелатъ;
Его рука, какъ почва, плодоносна,
Которая питаетъ насъ; роса
Его на все ложится.

Камергеръ.

Безъ сомнѣнья,
Онъ человѣкъ прекрасный. Злой языкъ
Имѣетъ тотъ, кто мнѣнія другого
О немъ.

Сандсъ.

Да, онъ и можетъ быть такимъ;
Вѣдь, у него всего довольно; хуже
И ереси была бы скупость въ немъ.
Быть щедрыми должны такіе люди:
Они въ примѣръ поставлены другимъ.

Камергеръ.

Да, это такъ; но мало въ наше время
Такихъ, какъ онъ, примѣровъ. Катеръ мой
Тамъ ждетъ меня; я васъ везу съ собою,
Почтенный лордъ. Сэръ Томасъ, намъ пора:
Иначе мы, пожалуй, опоздаемъ,
А это было-бъ жаль, вѣдь весь надзоръ
За праздникомъ порученъ мнѣ и сэру
Гильфорду.

Сандсъ.

Я къ услугамъ вашимъ, лордъ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Зала въ Іоркскомъ дворцѣ.

Трубы. Небольшой столъ подъ балдахиномъ для кардинала; длинный столъ для гостей. Въ одну дверь входятъ Анна Болленъ, *разные лорды, лэди и дѣвицы; въ другую—* сэръ Генрихъ Гильфордъ.

Гильфордъ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ, милэди, посылаетъ
Свѣтлѣйшій лордъ. Сегодняшнюю ночь
Онъ отдаетъ прекрасному веселью
И вамъ; его надежда—что никто
Изъ этого высокаго собранья
Своихъ заботъ домашнихъ не принесъ
Сюда съ собой; желаетъ онъ, чтобъ были
Всѣ веселы, на сколько только дать
Веселости хорошимъ людямъ могутъ
Хорошая компанія, вино
Хорошее и наконецъ хорошій
Пріемъ.

Входятъ лордъ-камергеръ, лордъ Сандсъ *и* сэръ Томасъ Ловель.

Гильфордъ.

О, лордъ, какъ запоздали вы!
Одна ужъ мысль объ этомъ превосходномъ
Собраніи мнѣ крылья придала.

Камергеръ.

Вы молоды, сэръ Гильфордъ.

Сандсъ.

Ахъ, сэръ Ловель,
Когда бъ хотя отчасти кардиналъ
Могъ раздѣлять мой свѣтскій образъ мыслей,
То не одна, предъ тѣмъ какъ спать итти,
Нашла бы здѣсь такое угощенье,
Которое понравилось бы ей
Сильнѣй всего. Клянусь своею жизнью,
Здѣсь чудныя красавицы сошлись.

Ловель.

Вотъ если бы духовникомъ васъ сдѣлать
Одной иль двухъ!

Сандсъ.

Я былъ бы очень радъ
И легкому, конечно, покаянью
Подвергнулъ ихъ.

Ловель.

Какому же?

Сандсъ.

Тому,
Которое возможно на перинѣ.

Камергеръ.

Прекрасныя милэди, я прошу
Васъ сѣсть къ столу. Сэръ Генрихъ, вы займитесь
Той стороной, я—этой; кардиналъ
Сейчасъ войдетъ. Нѣтъ, мерзнуть вамъ не надо;
Двѣ женщины, одна съ другою рядомъ
Сидящія, сейчасъ нагонятъ холодъ.
Лордъ Сандсъ, вы ихъ съумѣете занять;
Садитесь-ка межъ ними.

Сандсъ.

Постараюсь,
И отъ души благодарю, милордъ.
Позволите, прекрасныя милэди?

(*Садится между Анною Болленъ и другою дамой*).

Прошу простить, когда, быть можетъ, я
Заговорю отчасти дико: это
Я получилъ въ наслѣдство отъ отца

Анна Болленъ.
Онъ развѣ былъ помѣшанъ, сэръ?

Сандсъ.
О, очень,
До крайности, особенно въ любви.
Онъ никогда, конечно, не кусался,
Но двадцать разъ поцѣловалъ бы васъ
Въ одинъ пріемъ, точь-въ-точь какъ я.
(Цѣлуетъ ее).

Камергеръ.
Прекрасно,
Любезный лордъ! Ну, всѣ теперь сидятъ,
Какъ слѣдуетъ. Джентльмены, виноваты
Вы будете, когда изъ-за стола
Веселыми не выйдутъ эти дамы
Прекрасныя.

Сандсъ.
Я сдѣлаю свое,—
Свободу мнѣ вы только предоставьте.

Трубы. Входитъ кардиналъ Вольсей *со свитою и садится на свое мѣсто.*

Вольсей.
Привѣтствую васъ, дорогіе гости.
Кто у меня изъ этихъ милыхъ дамъ
Или мужчинъ не будетъ нынче веселъ,
Тотъ мнѣ не другъ. Чтобъ повторить привѣтъ—
За общее здоровье! *(Пьетъ).*

Сандсъ.
Ваша свѣтлость,
Какъ вы добры! Позвольте же мнѣ взять
Такой бокалъ, который благодарность
Мою вмѣстить бы могъ и тѣмъ меня
Освободить отъ слишкомъ долгой рѣчи.

Вольсей.
Благодарю душевно васъ, милордъ.
Ну, потчуйте своихъ сосѣдокъ. Лэди,
Невеселы вы что-то. Господа,
Кто виноватъ?

Сандсъ.
Пусть прежде, ваша свѣтлость,
Прекрасныя ихъ щечки отъ вина
Покроются румянцемъ—насъ заставятъ
Онѣ молчать болтливостью своей.

Анна Болленъ.
Вы весельчакъ, лордъ Сандсъ.

Сандсъ.
Когда играю
Въ свою игру. Сударыня, я пью,
И вы должны отвѣтить точно тѣмъ же,
Затѣмъ что пью я за такую вещь...

Анна Боленъ.
Которой вы мнѣ показать, конечно,
Не можете.

Сандсъ.
Сказалъ я, ваша свѣтлость,
Что и онѣ сейчасъ болтать начнутъ.
(За сценою трубы, барабаны и пушечные выстрѣлы).

Вольсей.
Что это тамъ?

Камергеръ.
Узнайте поскорѣе.
(Одинъ изъ слугъ уходитъ).

Вольсей.
Воинственные звуки! Для чего?
Нѣтъ, лэди, нѣтъ, не бойтесь. По законамъ
Войны вы внѣ опасности.

Слуга *возвращается.*

Камергеръ.
Ну что?
Что тамъ?

Слуга.
Толпа блестящихъ чужеземцевъ,
Какъ кажется; здѣсь къ берегу они
Причалили и, точно какъ посольство
Высокое отъ королей чужихъ,
Идутъ сюда.

Вольсей.
Лордъ-камергеръ почтенный,
Подите къ нимъ на встрѣчу; по-французски
Вы знаете; прошу, примите ихъ,
Какъ слѣдуетъ, и послѣ проводите
Сюда, гдѣ это небо красоты
Прольетъ на нихъ весь блескъ свой лучезарный.
Пусть кто-нибудь сопровождаетъ васъ.
(Кемергеръ уходитъ съ нѣсколькими джентльменами. Всѣ встаютъ; столъ отодвигаютъ въ сторону).

Ну, вотъ нашъ пиръ и прерванъ; мы однако
Возобновимъ его. Желаю я
Хорошаго вамъ всѣмъ пищеваренья
И снова васъ привѣтствую. Привѣтъ
Всѣмъ вамъ!

Трубы. Входитъ король, *замаскированный пастухомъ, предшествуемый* лордомъ-ка-

ЛОРДЪ ГИЛЬФОРДЪ.
Современный портретъ, работы знаменитаго нѣмец. художника Гольбейна Младшаго (Hans Holbein, 1497—1543).

мергеромъ *и сопровождаемый двѣнадцатью масками, одѣтыми такъ же, какъ и онъ, и шестнадцатью факелоносцами. Они направляются прямо къ кардиналу и любезно раскланиваются съ нимъ.*

Вольсей.

Вотъ славное собранье! Что угодно
Вамъ, господа?

Камергеръ.

Они не говорятъ
По-англійски, и потому просили
Вамъ передать, что и до нихъ дошло
Молва о томъ, что нынче соберется
Здѣсь общество прекрасное такое
И что они, какъ всякой красоты
Глубокіе поклонники, невольно
Свои стада оставили и къ вамъ

Пришли просить—подъ вашимъ руководствомъ
Позволить имъ увидѣть этихъ дамъ
И часъ-другой провесть въ бесѣдѣ съ ними.

Вольсей.

Скажите имъ, милордъ, что ихъ приходъ
Для моего убогаго жилища—
Большая честь; я ихъ благодарю
Сто тысячъ разъ и вмѣстѣ веселиться
Прошу ихъ всѣхъ, какъ только захотятъ.

(Кавалеры выбираютъ дамъ для танцевъ. Король приглашаетъ Анну Болленъ).

Король.

Такой рукой прекрасной не касался
Ни разу я. О, красота, тебя
До этихъ поръ не зналъ я никогда!

(Музыка. Танцы).

Вольсей.

Лордъ-камергеръ!

Камергеръ.

Что хочетъ ваша свѣтлость
Мнѣ приказать?

Вольсей.

Прошу васъ передать
Имъ отъ меня, что есть одинъ межъ ними,
Который здѣсь, по сану своему,
Достойнѣе меня сидѣть на мѣстѣ
Хозяина,—и если бы я могъ
Его узнать, то по любви и долгу
То мѣсто уступилъ бы.

Камергеръ.

Передамъ
Немедленно.
(Подходитъ къ маскамъ и, поговоривъ съ ними, возвращается къ кардиналу).

Вольсей.

Ну, что вамъ отвѣчали?

Камергеръ.

Дѣйствительно, межъ ними есть такой.
Они того не скрыли и сказали,
Что если вы узнаете его,
То онъ займетъ, пожалуй, ваше мѣсто.

Вольсей.

Попробуемъ. *(Подходитъ къ маскамъ).*
Позвольте, господа,
Вотъ царственный мой выборъ.

Король *(снимая маску).*

Угадали,
Лордъ-кардиналъ! Ну, славное у васъ
Собраніе! Отлично вы живете!
Не будь вы, лордъ, духовное лицо,
О васъ бы я понятіе составилъ
Не лестное.

Вольсей.

Какъ радъ я, государь,
Что вы въ такомъ веселомъ настроеньи!

Король.

Лордъ-камергеръ, подите-ка сюда:
Скажите мнѣ, пожалуйста, кто эта
Красавица?

Камергеръ.

Дочь Томаса Болленъ,
Ричфордскаго виконта, и статсъ-дама
Ея величества.

Король.

Клянуся Небомъ,
Прелестное созданіе она! *(Къ Аннѣ Болленъ).*
Дитя мое прекрасное! Я былъ бы
Невѣжливымъ, когда бы пригласилъ
На танцы васъ и не далъ поцѣлуя.
Ну, господа, пускай теперь пойдетъ
Заздравная и круговая чаша!

Вольсей.

Готовъ ли столъ, сэръ Ловель, въ залѣ той?

Ловель.

Готовъ, милордъ.

Вольсей.

Боюсь я, государь,
Что танцы васъ слегка разгорячили.

Король.

Да, черезчуръ.

Вольсей.

Въ той комнатѣ свѣжей.

Король.

Пойдемте же. Ведите каждый даму.
Красавица, я не оставлю васъ.
Веселіе на сцену! Мой добрѣйшій
Лордъ-кардиналъ, намѣренъ нынче я
Съ полдюжины бокаловъ осушить
За этихъ всѣхъ красавицъ; послѣ снова
Мы пригласимъ на танцы ихъ, а тамъ
Пусть каждому пригрезятся побѣды
Надъ милыми. Велите-ка трубить.

(Трубы. Всѣ уходятъ).

БАЛЪ У ВОЛЬСЕЯ.
(Появленіе короля и его свиты въ маскахъ). Постановка Ирвинга въ театрѣ «Lyceum» (1892).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Вестмистеръ. Улица.

Два джентльмена *встрѣчаются.*

Первый джентльменъ.

Куда вы такъ спѣшите? Богъ вамъ въ помощь!

Второй джентльменъ.

Я прямо въ судъ, чтобы услышать тамъ,
Что станется съ великимъ Букингамомъ?

Первый джентльменъ.

Я отъ труда избавить васъ могу.
Все кончено: въ тюрьму идетъ онъ снова.

Второй джентльменъ.

Вы были тамъ?

Первый джентльменъ.

Да, былъ.

Второй джентльменъ.

Скажите жъ мнѣ,
Пожалуйста, какъ дѣло порѣшили?

Первый джентльменъ.

Вы можете и сами отгадать.

Второй джентльменъ.

Нашли виновнымъ?

Первый джентльменъ.

Да—и осудили.

Второй джентльменъ.

Жалѣю я...

Первый джентльменъ.

И многимъ также жаль.

Второй джентльменъ.

Скажите же, какъ все происходило?

Первый джентльменъ.

Я вкратцѣ все скажу. Великій герцогъ
Къ рѣшеткѣ всталъ и противъ обвиненій
Все говорилъ, что не виновенъ онъ,
И приводилъ искусно оправданья,
Чтобъ сбить судей. Но стряпчій короля
Всѣ выставилъ допросы, показанья,

Признанія свидѣтелей; тогда
Онъ пожелалъ очную вставку съ ними.
Тутъ выступилъ сперва его дворецкій
И секретарь, сэръ Пекъ, и духовникъ,
Джонъ Каръ, и самъ монахъ проклятый,
Гопкинсъ,
Виновникъ зла.

Второй джентльменъ.
Тотъ, что сбивалъ его
Своими предсказаньями?

Первый джентльменъ.
Тотъ самый.
Всѣ герцога жестоко обвиняли;
Никакъ не могъ онъ опровергнуть ихъ
И, уличенный пэрами, былъ признанъ
Преступнымъ онъ въ измѣнѣ государству.
Онъ говорилъ и много, и учено,
Чтобъ жизнь спасти; но всѣ его слова
Иль сожалѣнье возбуждали, или
Сейчасъ же всѣ позабывали ихъ.

Второй джентльменъ.
Ну, а потомъ какъ онъ себя держалъ?

Первый джентльменъ.
Когда опять онъ подошелъ къ рѣшеткѣ,
Чтобъ выслушать свой похоронный звонъ—
Свой приговоръ, тогда имъ овладѣла
Тоска предсмертная, и обдалъ тѣло
Холодный потъ, и что-то онъ дурное
Проговорилъ поспѣшно, въ сильномъ гнѣвѣ.
Но скоро онъ опять пришелъ въ себя
И ужъ потомъ, все остальное время,
Держалъ себя съ терпѣньемъ благороднымъ.

Второй джентльменъ.
Не думаю, чтобъ онъ боялся смерти.

Первый джентльменъ.
Конечно, нѣтъ; онъ не былъ никогда
Такъ женственнѣнъ; причина осужденья
Могла его немного огорчить.

Второй джентльменъ.
Да, тутъ не обошлось безъ кардинала.

Первый джентльменъ.
Да, по всему судя, должно быть такъ.
Во-первыхъ, обвиненіе Кильдэра,
Ирландіи правителя въ то время,
А во-вторыхъ, и то, что вслѣдъ за тѣмъ
Отправленъ былъ въ Ирландію графъ Сэрри,
Съ поспѣшностью большою, для того,
Чтобъ онъ къ отцу не могъ притти на помощь.

Второй джентльменъ.
Вотъ злобная и тайная интрига.

Первый джентльменъ.
За то, пускай вернется только графъ—
Отплатитъ онъ за это, безъ сомнѣнья.
Да что! вѣдь, всѣмъ извѣстно хорошо,
Что каждому, кого король полюбитъ,
Сейчасъ найдетъ мѣстечко кардиналъ,
Чтобъ отъ двора подальше.

Второй джентльменъ.
Ненавидятъ
Всѣ общины его чистосердечно,
И честью вамъ ручаюсь, что ему
Желаютъ всѣ поглубже провалиться;
А герцога всѣ любятъ, обожаютъ,
Зовутъ великодушнымъ Букингамомъ
И зеркаломъ изящнаго всего...

Входитъ Букингамъ, *котораго ведутъ изъ суда. Передъ нимъ служители правосудія съ сѣкирами, остріемъ обращенными къ нему. По бокамъ стража съ аллебардами. Его провожаютъ:* сэръ Томасъ Ловель, сэръ Никольсъ Во, сэръ Вилліамъ Сандсъ *и народъ.*

Первый джентльменъ.
Постойте, вотъ несчастный, знатный мужъ.
О комъ теперь толкуемъ мы.

Второй джентльменъ.
Хочу я
Поближе стать и на него взглянуть.

Букингамъ.
Вы, люди добрые, изъ состраданья
Такъ далеко пришедшіе за мной,
Послушайте слова мои, а послѣ
Идите всѣ спокойно по домамъ
И про меня забудьте. Какъ измѣнникъ,
Отечеству, я нынче осужденъ
И умереть обязанъ, какъ измѣнникъ,
Но Небо я въ свидѣтели зову,
И если я еще имѣю совѣсть,
Пусть, какъ топоръ она сразитъ меня,
Когда хоть разъ я былъ клятвопреступникъ.
Я не виню судей за смерть мою:
Ихъ приговоръ былъ правъ, по ходу дѣла;
Но тѣмъ, кто былъ виновникомъ всего,
Желалъ бы я побольше христіанской
Любви къ другимъ. Кто-бъ ни были они,
Отъ сердца имъ я все теперь прощаю;
Но пусть они злодѣйствомъ не кичатся
И злобныхъ дѣлъ не строятъ на гробахъ
Людей достойныхъ: иначе противъ нихъ
Я вопіять безвинной кровью стану.
Жить долѣе ужъ не надѣюсь я
И не прошу пощады, хоть и знаю,
Что въ королѣ есть больше милосердья,
Чѣмъ у меня проступковъ. Вы, друзья...
Немногіе, любившіе меня,

ГЕНРИХЪ VIII и АННА БОЛЕНЪ НА БАЛУ У ВОЛЬСЕЯ.

Картина извѣстнаго англ. художника Стотгарда (Thomas Stothard, 1755—1834).
(Большая Бойделевская Галлерея).

ГЕНРИХЪ VIII и АННА БОЛЕЙНЪ.

Картина Адольфа Менцеля (Adolf Menzel).

Дерзнувшие по Букингамѣ плакать—
Вы, славные товарищи мои,
Съ которыми разлука только—горечь
И смерть моя, идите вы со мной,
Какъ ангелы-хранители, до плахи;
Когда жъ падетъ на голову мою
Разлуки сталь—молитвами своими
Прекрасную вы жертву сотворите
И вознесите духъ мой въ небеса.
Теперь идемъ впередъ, во имя Бога!

Ловель.

Лордъ, я прошу, какъ милости, у васъ—
Когда была когда-нибудь сокрыта
Въ груди у васъ досада на меня—
Простите мнѣ теперь чистосердечно.

Букингамъ.

Я вамъ простилъ такъ искренно, сэръ Ловель,
Какъ бы желалъ я самъ прощеннымъ быть.
Я всѣмъ простилъ: обидъ, мнѣ нанесенныхъ,
Число еще не слишкомъ велико,
Чтобы не могъ я съ ними примириться;
Я не создамъ свой гробъ изъ злобы черной.
Привѣтъ мой передайте королю,
А если онъ про Букингама вспомнитъ,
Прошу сказать ему, что въ половину
Вы видѣли меня ужъ въ небесахъ.
До сей поры, мои молитвы, мысли
Ему принадлежатъ, и до минуты,
Когда меня душа покинетъ, буду
О благоденствіи его молиться.
Пусть больше лѣтъ живетъ онъ на землѣ,
Чѣмъ насчитать могу я въ это время;
Пусть царствуетъ, любимый и любя;
Когда жъ года къ нему приблизятъ часъ кончины,
Его и доброту пусть скроетъ гробъ единый!

Ловель.

Я проводить обязанъ вашу свѣтлость
До берега, а тамъ смѣнитъ меня
Сэръ Никольсъ Во, который васъ проводитъ
До мѣста казни.

Во.

Эй, готовьтесь тамъ!
Ужъ герцогъ приближается. Смотрите,
Чтобъ ботикъ былъ готовъ и убранъ такъ,
Какъ требуетъ высокій санъ милорда.

Букингамъ.

Нѣтъ, сэръ, къ чему? Оставьте это все:
Мой санъ теперь—насмѣшка надо мною.
Когда сюда пріѣхалъ я, я былъ
И славный лордъ, и герцогъ Букингамъ,
И конетабль великій—нынѣ жъ сталъ я
Простой бѣднякъ Эдвардъ Богэнъ; но все жъ
Богаче я, чѣмъ низкіе мои
Доносчики, которые не знаютъ,
Что значитъ честь. Сегодня это здѣсь
Я кровію своей запечатлѣю,
И день придетъ, когда она стенать
Заставитъ ихъ. Отецъ мой благородный,
Лордъ Генрихъ Букингамъ, скорѣе всѣхъ
Поднявшійся на хищника Ричарда,
Бѣжалъ спастись у своего слуги,
Банистера, а тотъ бездѣльникъ предалъ
Несчастнаго— и палъ онъ безъ суда.
Миръ Божій будь съ его душою! Генрихъ
Седьмой, о немъ жалѣя отъ души,
Мнѣ возвратилъ, какъ истинный король,
Всѣ почести и вывелъ изъ развалинъ
Меня въ двойномъ величьи. А теперь
Вотъ сынъ его и жизнь мою, и имя,
И честь мою—все, чѣмъ я счастливъ былъ—
Уноситъ вдругъ однимъ своимъ ударомъ.
Я былъ судимъ—и принужденъ сознаться,
Что этотъ судъ—былъ благородный судъ;
И этимъ я счастливѣе немного,
Чѣмъ мой отецъ несчастный; въ остальномъ
У насъ двоихъ судьба одна и та же:
Чрезъ нашихъ слугъ погибли оба мы,
Чрезъ тѣхъ, кого мы больше всѣхъ любили
Коварное, противное природѣ,
Возмездіе! Богъ цѣль всему даетъ,
Но вы—вы всѣ, внимающіе мнѣ—
Послушайте, что человѣкъ, идущій
На смерть, теперь, какъ правду, скажетъ вамъ:
Гдѣ щедры вы на ласки и совѣты,
Тамъ, вѣрно, вамъ грозитъ опасность; тѣ,
Съ кѣмъ вы друзьями стали и кому
Вы отдались душою—чуть замѣтятъ
Толчекъ малѣйшій въ счастьи вашемъ—вдругъ
Отхлынутъ всѣ, какъ быстрая волна,
И если къ вамъ когда вернутся снова,
Такъ для того, чтобъ утопить совсѣмъ.
О, люди добрые, молитесь обо мнѣ!
Я долженъ васъ оставить: наступилъ
Послѣдній часъ печальной, долгой жизни.
Прощайте!
Захочется ль вамъ разсказать порой
О чемъ-нибудь печальномъ—разскажите,
Какъ я погибъ. Прости мнѣ, Боже мой!

(Букингамъ и свита уходятъ).

Первый джентльменъ.

О, какъ о немъ глубоко я жалѣю!
Навѣрное, проклятій много, сэръ,
Посыплется на головы виновныхъ
Въ его судьбѣ?

Второй джентльменъ.

Да, если только онъ

Невиннымъ палъ—ужасно это дѣло!
Но я еще могу вамъ намекнуть
На близкое другое злодѣянье,
Которое—коль сбудется оно—
Еще страшнѣй.

Первый джентльменъ.
Святые духи неба,
Храните насъ! Скажите, что такое?
Надѣюсь, вы увѣрены во мнѣ—
И скажете.

Второй джентльменъ.
Все такъ, но эта тайна
Такъ велика, что требуетъ она
Глубокаго и вѣрнаго молчанья.

Первый джентльменъ.
Скажите жъ мнѣ: вѣдь, я не изъ болтливыхъ.

Второй джентльменъ.
Ну, хорошо. Вотъ видите ли, сэръ:
Дошла ль до васъ молва, на этихъ дняхъ
Прошедшая, о расторженьи брака
Межъ королемъ и Катериной?

Первый джентльменъ.
Да,
Но вѣдь, потомъ она опять замолкла,
Затѣмъ что чуть король о ней узналъ,
Какъ въ гнѣвѣ онъ лордъ-мэру повелѣнье
Послалъ—сейчасъ всѣ толки прекратить
И ротъ зажать ихъ распускать дерзнувшимъ.

Второй джентльменъ.
Все это такъ, но оказалось, сэръ,
Что этотъ слухъ—не клевета пустая:
Нѣтъ, онъ растетъ теперь опять сильнѣй,
Чѣмъ былъ когда—и каждый въ томъ увѣренъ,
Что на разводъ рѣшился ужъ король.
Самъ кардиналъ или другой придворный,
На добрую озлобясь королеву,
Такое въ немъ сомнѣнье поселилъ,
Которое ее, навѣрно, сгубитъ.
Къ тому жъ теперь и кардиналъ Кампеюсъ
Пріѣхалъ къ намъ—и общая молва,
Что именно для этого онъ прибылъ.

Первый джентльменъ.
Ну, это все работа кардинала,
Въ отмщенье императору за то,
Что тотъ ему въ епископствѣ Толедскомъ,
Котораго искалъ онъ, отказалъ.

Второй джентльменъ.
Вы угадали, сэръ; но не жестоко ль
За то всю месть обрушить на нее?
О, кардиналъ свою исполнитъ волю—
И королева бѣдная падетъ!

Первый джентльменъ.
Да, очень жаль. Однако, такъ открыто
Объ этомъ говорить—опасный рискъ;
Пойдемте-ка и дома потолкуемъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Передняя во дворцѣ.

Входитъ лордъ-камергеръ, *читая письмо.*

Камергеръ. „Милордъ, лошади, за которыми ваша свѣтлость присылали, выбраны мною, объѣзжены и снабжены сбруею со всевозможнымъ раченіемъ. Онѣ молоды и красивы, и лучшей сѣверной породы. Когда онѣ ужъ были готовы для того, чтобы отправляться въ Лондонъ, одинъ изъ служителей лорда-кардинала, снабженный его приказаніемъ, взялъ ихъ отъ меня, приводя то основаніе, что его господинъ хочетъ, чтобъ ему повиновались прежде, чѣмъ другому подданному, если не прежде, чѣмъ королю—что и зажало намъ рты“.

Да, этого онъ, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ.
Ну, что жъ? Пускай беретъ онъ ихъ себѣ;
Онъ скоро всѣмъ, пожалуй, завладѣетъ.

Входятъ герцоги Норфолькъ *и* Суффолькъ.

Норфолькъ.
Лордъ-камергеръ, пріятно мнѣ васъ встрѣтить.

Камергеръ.
Привѣтъ мой вамъ.

Суффолькъ.
Что дѣлаетъ король?

Камергеръ.
Его я одного оставилъ полнымъ
Печальныхъ думъ и тягостныхъ заботъ.

Норфолькъ.
А отчего?

Камергеръ.
Да, видно, мысль о бракѣ
Съ супругою родного брата слишкомъ
Ужъ къ совѣсти его подобралась.

Суффолькъ.
Нѣтъ, къ совѣсти подобралась ужъ слишкомъ
Страсть къ женщинѣ другой.

Норфолькъ.
Вотъ это такъ.
И это все надѣлалъ кардиналъ—
Прелатъ-король. Какъ первенецъ фортуны,
Священникъ, со слѣпу, всѣмъ вертитъ.
Когда-нибудь король его узнаетъ!

Суффолькъ.
Ахъ, дай-то Богъ! Иначе не узнаетъ
До той поры онъ самого себя.

Норфолькъ.
Смотрите, какъ въ дѣлахъ благочестивъ онъ,
Какъ ревностенъ! Расторгнувъ нашъ союзъ
Съ племянникомъ великимъ королевы,
Германскимъ императоромъ, ныряетъ
Онъ въ душу короля и сѣетъ въ ней
Опасности, сомнѣнія, боязнь,
Отчаянье и совѣсти упреки,
И ко всему предлогъ—лишь этотъ бракъ.
А чтобъ его отъ мукъ такихъ избавить,
Совѣтуетъ разводъ, разлуку съ тою,
Которая, какъ бриллiантъ, виситъ
Ужъ двадцать лѣтъ на шеѣ короля
И свѣтлый блескъ ни разу не теряла;
Разлуку съ той, которая его
Любила такъ, какъ любятъ добрыхъ духи
Небесные; разлуку, наконецъ,
Съ той женщиной, которая въ то время,
Когда ее судьба сразитъ жестоко,
Благословлять все будетъ короля.
И это все еще ль не благочестье?

Камергеръ.
Не дай намъ Богъ совѣтниковъ такихъ!
Все это такъ. Вездѣ ужъ эта новость;
Всѣ языки толкуютъ ужъ о ней;
Всѣ вѣрные оплакиваютъ это.
Кто заглянуть поглубже въ дѣло можетъ—
Увидитъ въ немъ цѣль главную одну:
Бракъ короля съ принцессою французской.
Но Богъ ему откроетъ же глаза,
Которые такъ долго осыплялись
Надменнѣйшимъ, недобрымъ человѣкомъ.

Суффолькъ.
И насъ тогда отъ рабства онъ спасетъ.

Норфолькъ.
Да, мы должны молиться горячо
О томъ, чтобъ Богъ намъ далъ освобожденье;
Иначе онъ, надменный человѣкъ,
Насъ обратитъ въ простыхъ пажей изъ принцевъ.
Вѣдь, передъ нимъ всѣ почести людей
Лежатъ, какъ тѣста комъ, и имъ, по волѣ,
Онъ придаетъ, какую хочетъ, форму.

Суффолькъ.
Что до меня касается, милорды,
Я не люблю и не боюсь его—
И вотъ какой мой символъ вѣры: я
И безъ его содѣйствiя родился,
И безъ него я также проживу,
Коль королю угодно будетъ это;
Его благословенья и проклятья
Меня равно не трогаютъ: они,
По-моему, дыханiе пустое,
Въ которое совсѣмъ не вѣрю я.
Я зналъ его и знаю, и тому
Его предоставляю я, кто сдѣлалъ
Его такимъ высокомѣрнымъ—папѣ.

Норфолькъ.
Войдемъ туда и чѣмъ-нибудь другимъ
Отъ короля отгонимъ злыя мысли,
Которыми ужъ слишкомъ занятъ онъ.
А вы, милордъ, пойдете тоже съ нами?

Камергеръ.
Простите: я въ другое мѣсто посланъ
Его величествомъ; притомъ же вы
Не во-время пришли его разсѣять.
А впрочемъ, я желаю вамъ успѣха.

Норфолькъ.
Благодарю, мой добрый камергеръ.
(Камергеръ уходитъ).

Норфолькъ отдергиваетъ завѣсу боковой двери. Король *сидитъ и задумчиво читаетъ.*

Суффолькъ.
Какъ мраченъ онъ! должно быть, сильно грустенъ.

Король.
Кто тамъ?

Норфолькъ.
Дай Богъ, чтобъ не былъ онъ сердитъ.

Король.
Кто тамъ, я повторяю? Какъ вы смѣли,
Притти сюда въ часъ тайныхъ думъ моихъ?
Кто я? кто я?

Норфолькъ.
Вы, государь, король
Привѣтливый, прощающiй обиды,
Когда отъ нихъ злой умыселъ далекъ.
И если мы дерзнули долгъ нарушить,
Такъ потому, что дѣло государства
Насъ привело, чтобъ царственную волю
О немъ узнать.

Король.

Вы черезчуръ ужъ дерзки.
Идите прочь; я научу васъ знать
Часы для государственныхъ занятій.
Для дѣлъ мірскихъ теперь ли время—а?

Входятъ Вольсей *и* Кампеюсъ.

Король.

Кто тамъ? ахъ, вы, мой добрый кардиналъ!
О, мой Вольсей!—мое успокоенье,
Бальзамъ тревожной совѣсти моей,
Вѣрнѣйшее лѣкарство государя! (*Кампеюсу*).
Ученѣйшій, достопочтенный сэръ,
Привѣтствую я васъ въ моихъ владѣньяхъ.
Располагайте нами, какъ хотите (*Вольсею*).
Мой добрый лордъ, смотрите хорошенько,
Чтобы лгуномъ не оказался я.

Вольсей.

Нѣтъ, этого не можетъ быть. Позвольте
У вашего величества просить
Намъ удѣлить для тайныхъ совѣщаній
Одинъ лишь часъ.

Король (*Норфольку и Суффольку*).

Мы заняты; ступайте.

Норфолькъ (*тихо Суффольку*).

Совсѣмъ не гордъ, не правда ль, этотъ попъ?

Суффолькъ (*тихо Норфольку*).

Да, нечего сказать! Не согласился бъ
Я ни за что—хоть мѣсто онъ свое
Мнѣ отдавай—страдать такой болѣзнью.
Но это такъ не можетъ продолжаться.

Норфолькъ (*тихо*).

А ежели продолжится, такъ я
Рѣшусь съ нимъ сосчитаться.

Суффолькъ (*тихо*).

Рѣшусь и я.

(*Норфолькъ и Суффолькъ уходятъ*).

Вольсей.

Вы государь, такъ мудро поступили,
Какъ ни одинъ король не поступалъ,
Отдавъ свои сомнѣнья добровольно
На Церкви судъ. Кто жъ будетъ золъ на васъ?
Чья ненависть достигнетъ васъ? Испанецъ,
Съ ней связанный и дружбою, и кровью,
Сознается—когда хоть капля въ немъ
Есть добраго—что это благородный
И честный судъ. Всѣ члены духовенства—
Ученѣйшихъ я разумѣю здѣсь—
Имѣютъ въ христіанскихъ государствахъ
Свободу голоса: вы пожелали—
И Римъ, отецъ разсудка, къ вамъ послалъ
Вотъ этого почтеннаго прелата
Ученаго и праведнаго мужа—
Кампеюса, котораго я снова
Осмѣлюсь вамъ представить, государь.

Король.

И снова я привѣтствую его
Объятьями—и вновь благодарю я
Святой конклавъ за всю его любовь.
Онъ мнѣ прислалъ такого человѣка,
Какого я имѣть всегда желалъ.

Кампеюсъ.

О, государь! невольно вы влечете
Къ себѣ любовь всѣхъ чужеземцевъ—въ васъ
Такъ много благородства. Въ ваши руки
Передаю мое уполномочье,
Которымъ дворъ приказываетъ римскій
Вамъ, кардиналъ, и мнѣ, его слугѣ,
Здѣсь обсудить все дѣло безпристрастно.

Король.

Два, равныхъ добродѣтелями, мужа!
Немедленно узнаетъ королева,
Зачѣмъ сюда вы присланы теперь.
Гдѣ Гардинеръ?

Вольсей.

Я знаю, государь,
Что вы всегда ее любили нѣжно,
Отъ всей души и что, навѣрно, ей
Дадите то, чего законно можетъ
И женщина простѣйшая просить—
Защитниковъ ученыхъ, чтобъ свободно
Они могли отстаивать ее.

Король.

Конечно, да; притомъ же самыхъ лучшихъ;
И царское тому благоволенье,
Кто лучше всѣхъ свое исполнитъ дѣло—
Избави Богъ иначе поступать!
Пожалуйста, скажите, чтобъ явился
Къ намъ Гардинеръ, мой новый секретарь;
Онъ человѣкъ, какъ кажется, искусный.

Вольсей *уходитъ и тотчасъ же возвращается съ* Гардинеромъ.

Вольсей (*тихо Гардинеру*).

Жму руку вамъ. И милостей, и счастья
Желаю вамъ... вы—близкій короля.

Гардинеръ (*тихо Вольсею*).

И человѣкъ, готовый исполнять
Всѣ ваши повелѣнья, ваша свѣтлость.
Я вамъ моимъ обязанъ возвышеньемъ.

Король.

Приблизьтесь, Гардинеръ.

(*Разговариваетъ съ нимъ*).

Кампеюсъ *(Вольсею).*
Милордъ, скажите,
Не занималъ ли прежде эту должность
Какой-то докторъ Пэсъ?

Вольсей.
Да, занималъ.

Кампеюсъ.
Считался онъ ученымъ человѣкомъ?

Вольсей.
Конечно, да.

Кампеюсъ.
Такъ знайте, кардиналъ,
Что и о васъ на этотъ счетъ дурная
Идетъ молва.

Вольсей.
Дурная?

Кампеюсъ.
Говорятъ,
Что стали вы завидовать ему,
И побоясь, чтобъ онъ не сталъ высоко,
Какъ доблестныхъ достоинствъ человѣкъ,
Его всегда держали въ отдаленьи,
И этимъ огорчили сильно такъ,
Что онъ съ ума сошелъ и умеръ вскорѣ.

Вольсей.
Да будетъ миръ съ его душою—это
Велитъ сказать долгъ христіанскій мнѣ;
Ну, а живыхъ хулителей моихъ
Смирить легко. Онъ просто былъ глупецъ
И черезчуръ любилъ ужъ добродѣтель.
(Показывая на Гардинера).
А этотъ вотъ добрякъ всегда исполнитъ,
Что захочу ему я приказать—
И оттого лишь одному ему
Стоять такъ близко къ трону позволяю.
Поймите, братъ, мы не за тѣмъ живемъ,
Чтобъ младшіе могли насъ вытѣснять.

Король *(Гардинеру).*
Почтительно все это королевѣ
Представьте вы. *(Гардинеръ уходитъ).*
По мнѣнью моему,
Для нашего ученаго совѣта
Приличнѣйшее мѣсто—Блекфрейарсъ;
Сойдитесь тамъ для этихъ важныхъ дѣлъ.
Вы, мой Вольсей, устройте все, какъ должно.
О, тяжело—не правда ли, милорды?—
Еще совсѣмъ здоровому мужчинѣ

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА.
Портретъ работы голландскаго художника 17 вѣка фанъ-деръ Верфа (van-der Werf).

Вдругъ связь прервать съ такой подругой милой!
Но совѣсть, совѣсть! щекотлива ты
И мнѣ велишь рѣшиться на разлуку.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Передняя въ комнатахъ королевы.

Анна Болленъ *и* пожилая лэди.

Анна Болленъ.
Нѣтъ, даже ни за это—ни за это.
Тутъ острые, колючіе шипы.
Король съ ней жилъ такъ много лѣтъ; она же
Всегда была такъ истинно-добра,

Что ни одинъ языкъ не повернется
Сказать о ней дурное что-нибудь.
Да, жизнью я клянусь, что королева
Не знала никогда, какъ дѣлать зло.
И что жъ? Теперь, когда свершило солнце
Ужъ столько разъ свой путь надъ воцаренной,
Надъ взросшею въ величіи и блескѣ—
Теперь ее отвергнуть!—о, само
Чудовище тутъ сжалилось бы!

Лэди.

Правда—
И самыя суровыя сердца
Смягчаются, скорбя о ней.

Анна Болленъ.

О, Боже!
Ужъ лучше ей совсѣмъ не знать величья!
Пусть суетно, пусть временно оно;
Но ежели капризная фортуна
Съ нимъ разведетъ того, кто имъ владѣетъ—
О, это боль такая, точно тѣло
Съ душою разстается.

Лэди.

Ахъ, бѣдняжка!
Теперь она вновь чужестранкой станетъ.

Анна Болленъ.

Тѣмъ болѣе должны о ней мы плакать.
Ахъ, лучше быть рожденной въ низкой долѣ
И съ бѣднякомъ въ довольствѣ жизнь вести,
Чѣмъ на себѣ страданье золотое
И въ блесткахъ скорбь торжественно носить.

Лэди.

Да, чучшее изъ нашихъ благъ—довольство.

Анна Болленъ.

Клянусь моей невинностью и честью,
Я не желала-бъ королевой быть.

Лэди.

Ну, нѣтъ, а я желала-бъ и, пожалуй,
Рискнула бы невинностью своей.
Да вѣдь и вы готовы-бъ, несмотря
На маленькій припадокъ лицемѣрья:
Въ васъ много женскихъ прелестей, но въ васъ
И сердце женское—а это сердце
Всегда любило почести, богатство,
Владычество—все то, что справедливо
Мы благами зовемъ. И хоть вы здѣсь
Жеманитесь—а въ замшевую совѣсть
Вы впустите, конечно, эти блага,
Ее слегка порастянувъ.

Анна Болленъ.

Неправда!

Лэди.

Нѣтъ, правда! правда! Будто-бъ королевой
И въ правду вы не пожелали быть?

Анна Болленъ.

Нѣтъ, ни за всѣ сокровища земныя!

Лэди.

Вотъ чудеса! а я, какъ ни стара,
За старый пенсъ сейчасъ бы согласилась.
Ну, а насчетъ названья герцогини
Что скажете? Чтобъ этотъ титулъ несть,
Достанетъ ли въ васъ силы?

Анна Болленъ.

Нѣтъ, признаться.

Лэди.

Такъ черезчуръ ужъ слабы тѣломъ вы.
Ну, спустимся еще пониже. Впрочемъ,
И графомъ молодымъ я-бъ не хотѣла
Столкнуться съ вами: лишь покраснѣли-бъ вы
И не пошло бы дѣло дальше.
Но если вамъ и это бремя трудно
Несть на себѣ, то немощны вы такъ,
Что мальчика родить не въ состояньи.

Анна Болленъ.

Какая вы болтунья! Снова я
Клянуся вамъ, что королевой быть
За цѣлый міръ не захотѣла-бъ.

Лэди.

Право?
Но маленькая Англія могла-бъ
Васъ соблазнить. А я бы согласилась
За это взять одинъ Кернарвоншейръ,
Когда-бъ лишь онъ принадлежалъ коронѣ.
Сюда идутъ. Кто это?

Входитъ лордъ-камергеръ.

Камергеръ.

Добрый день,
Милэди. Что вамъ надо заплатить,
Чтобы узнать бесѣды вашей тайну?

Анна Болленъ.

И спрашивать не стоитъ, добрый лордъ!
Скорбѣли мы о нашей королевѣ.

Камергеръ.

Прекрасное занятье! совершенно
Приличное натурѣ добрыхъ женщинъ.
Однако же—еще надежда есть,
Что все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

Анна Болленъ.

Дай Богъ!

Камергеръ.

Вы истинно добры душою. Небо
Такихъ, какъ вы, всегда благословляетъ.
Но чтобы вы увѣрились, милэди,
Что рѣчь моя отъ сердца и что ваши

АННА БОЛЛЕНЪ (Anne Bolleyn).

Портретъ ея въ Лондонской Національной портретной галлереѣ.

Достоинства вниманье обратили
Монаршее—меня король послалъ
Вамъ изъявить свое благоволенье
И объявить, что жалуетъ онъ васъ
Пэмброкскою маркизой; сверхъ того
Онъ тысячу назначилъ фунтовъ вамъ
Годичнаго дохода.

Анна Болленъ.
Я не знаю,
Чѣмъ доказать ему мою покорность.
Все, что мое—не значитъ ничего;
Мои мольбы еще не столько святы,
Желанія мои—пустые звуки;
А это—все, чѣмъ я воздать могу.
Итакъ, милордъ, прошу васъ, передайте
Его величеству мою покорность
И благодарность глубоко-смущенной
Его рабы, молящейся отъ сердца
О здравіи и царствіи его.

Камергеръ.
Я поспѣшу усилить благосклонность,
Которую питаетъ къ вамъ король.
(*Тихо*). Теперь ее я понялъ; добродѣтель
И красота такъ тѣсно въ ней сплелись,
Что короля легко имъ было спутать,
И, можетъ быть — какъ знать? — вотъ эта леди
Намъ дастъ брилльянтъ, который озаритъ
Весь островъ нашъ.
(*Громко*). Прощайте; поспѣшу
Я къ королю и доложу, что съ вами
Я говорилъ.

Анна Болленъ.
Прощайте, добрый лордъ!
(*Камергеръ уходитъ*).

Лэди.
Такъ вотъ какъ! Ну, скажите же на милость!
Я при дворѣ шестнадцать лѣтъ скиталась,
Да и теперь скитаюсь точно также—
И хоть бы разъ мнѣ удалось попасть
Съ малѣйшей просьбой во-время; а вамъ—
Судьба! судьба! вамъ, новичку такому—
Срамъ срамъ и срамъ навязчивому счастью!—
Вамъ до-полна набили ротъ, едва
Его раскрыть успѣли вы.

Анна Болленъ.
Сама я
Дивлюсь тому.

Лэди.
Ну, какъ оно, по вкусу?
Не горько ли? Держу я сорокъ пенсовъ,
Что нѣтъ. Была когда-то лэди—это
Ужъ старая исторія—она
Царицей быть никакъ не соглашалась,
Никакъ, за всю египетскую грязь...
Слыхали вы про это?

Анна Болленъ.
Полно, вы
Все шутите.

Лэди.
О, я на вашемъ мѣстѣ
Повыше птицъ взлетѣла бы. Маркиза
Пэмброкская! годичный пенсіонъ!
И это все изъ уваженья только!
И никакихъ за это обязательствъ!
О, жизнію поклясться я могу,
Что здѣсь еще не мало тысячъ скрыто!
Шлейфъ почестей длиннѣй, чѣмъ ихъ передникъ.
Ну, ужъ теперь я поручусь, что вы
И титулъ герцогини вынесть въ силахъ.
Признайтесь-ка, ужъ вы теперь сильнѣе,
Чѣмъ прежде?

Анна Болленъ.
Добрая милэди, тѣшьтесь
Фантазіей своею, какъ хотите,
Но отъ нея увольте вы меня—
Я умерла сейчасъ бы, если-бъ это
Извѣстіе меня развеселило.
Напротивъ, я дрожу при мысли только
О томъ, что можетъ ждать меня еще.
Однако, королева тамъ горюетъ,
А мы о ней забыли здѣсь совсѣмъ.
Пожалуйста, не проболтайтесь ей,
Что слышали вы здѣсь.

Лэди.
Да за кого же,
Милэди, вы считаете меня? (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Залъ въ Блекфрейарсѣ.

Трубы, литавры и рога. Входятъ два констабля съ короткими серебряными жезлами; за ними два писца въ докторской одеждѣ; потомъ АРХІЕПИСКОПЪ КЕНТЕРВЕРІЙСКІЙ *одинъ; за нимъ* ЕПИСКОПЫ ЛИНКОЛЬНСКІЙ, ЭЛІЙСКІЙ, РОЧЕСТЕРСКІЙ *и* СЕНТЪ-АСАФСКІЙ; *въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ джентльменъ съ кошелёмъ, большою печатью и кардинальскою шляпой; потомъ два священника съ серебряными крестами; маршалъ съ непокрытой головой, въ сопровожденіи герольда съ серебряной булавою; два джентльмена съ большими серебряными стол-*

бами; за ними рядомъ оба кардинала: Вольсей *и* Кампеюсъ; *два лорда, каждый съ копьемъ и жезломъ, и, наконецъ,*—король *и* королева *со свитою.—Король садится подъ балдахиномъ; кардиналы — ниже его, какъ судьи; королева—въ нѣкоторомъ разстояніи отъ короля. Епископы помѣщаются по обѣимъ сторонамъ, какъ на соборахъ; ниже ихъ—писцы. Лорды садятся подлѣ епископовъ.* Глашатай *и остальная свита размѣщаются на сценѣ въ приличномъ порядкѣ.*

Вольсей.

Пока читать мы полномочье будемъ
Отъ римскаго престола, всѣ должны
Молчать.

Король.

Къ чему читать его? Публично
Ужъ прочтено оно, и всѣ признали
Дѣйствительность его.

Вольсей.

Пусть будетъ такъ.
Пойдемъ впередъ.

Писецъ *(глашатаю).* Провозглашай: Генрихъ, король Англіи, явись къ суду.

Глашатай. Генрихъ, король Англіи, явись къ суду!

Король. Здѣсь!

Писецъ *(глашатаю).* Провозглашай: Екатерина, королева Англіи, явись къ суду.

Глашатай. Екатерина, королева Англіи, явись къ суду!

Королева

(не отвѣчая, встаетъ съ своего мѣста, обходитъ судилище, подходитъ къ королю и преклоняетъ предъ нимъ колѣни).

Я, государь, молю о правосудьи
И въ жалости молю не отказать
Мнѣ, женщинѣ бѣднѣйшей, чужестранкѣ,
Родившейся не въ нашемъ государствѣ.
Здѣсь для меня нѣтъ праведныхъ судей,
Нѣтъ вѣры въ судъ и дружбу безъ пристрастья.
Ахъ, государь, чѣмъ васъ я оскорбила?
Чѣмъ навлекла я гнѣвъ такой, что вы
Меня теперь отвергнуть захотѣли
И милости лишить меня своей?
Свидѣтель Богъ, всегда я оставалась
Вамъ вѣрною, покорною женой;
Всегда я уступала вашей волѣ.
Боясь вашъ гнѣвъ воспламенить; всегда
Я вашему покорствовала взгляду,
И то грустна, то весела была,
Смотря, какимъ я васъ самихъ встрѣчала.
Припомните, бывалъ ли часъ, когда
Я вашему противилась желанью
Или его не дѣлала своимъ?
Кого я не старалася изъ вашихъ
Друзей любить, хоть знала въ то же время,
Что онъ мнѣ врагъ? Кого изъ мной любимыхъ,
Любить я продолжала и тогда,
Когда вашъ гнѣвъ навлекъ онъ? Государь,
Припомните, что я такой покорной
Женой была вамъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ,
Что вы меня дѣтьми благословили,
И если вы мнѣ въ силахъ доказать,
Что чѣмъ-нибудь за это время я
Нарушила супружескія узы
И честь мою, любовь и долгъ мой къ вашей
Священнѣйшей особѣ—ну, тогда
Отвергните меня, во имя Бога!
Пусть злѣйшее презрѣніе захлопнетъ
За мною дверь и пусть предастъ меня
Строжайшимъ наказаньямъ. Государь,
Подумайте, что вашъ отецъ державный
Всегда, вездѣ былъ признанъ, какъ монархъ
Разумнѣйшій, правдивѣйшій, умнѣйшій;
Что мой отецъ, король испанскій, также
Изъ королей, какіе были тамъ,
Правителемъ мудрѣйшимъ почитался.
Такъ есть ли въ томъ сомнѣнье, что они
Вокругъ себя мудрѣйшихъ всѣхъ собрали
Совѣтниковъ изъ нашихъ государствъ,
И тѣ нашъ бракъ нашли вполнѣ законнымъ?
Вотъ почему смиренно я молю
Васъ, государь, помиловать меня
До той поры, пока не получу я
Извѣстій отъ моихъ друзей испанскихъ;
У нихъ хочу совѣта я просить.
А если нѣтъ, пусть будетъ воля Божья —
Исполните желаніе свое.

Вольсей.

Монархиня, теперь передъ собою
Вы видите отцовъ почтенныхъ; вы
Избрали ихъ—все это люди рѣдкой
Учености и чести, украшенье
Всей Англіи. Они сошлися здѣсь,
Чтобъ обсудить вопросъ о вашемъ дѣлѣ.
Поэтому, нѣтъ цѣли вамъ желать
Отсрочить судъ, который принесетъ
И вамъ самимъ спокойствіе, и вмѣстѣ
Разсѣетъ всѣ сомнѣнья короля.

Кампеюсъ.

Лордъ говоритъ умно и справедливо,
И потому—прилично, королева,
Чтобъ царственный совѣтъ не прерывался
И чтобъ сейчасъ всѣ аргументы были
Представлены и выслушаны всѣми.

СУДЪ НАДЪ КОРОЛЕВОЙ ЕКАТЕРИНОЙ.
Постановка Ирвинга (Irving) въ театрѣ «Lyceum» (1892).

Королева.
Лордъ-кардиналъ, я съ вами говорю.

Вольсей.
Что вашему величеству угодно?

Королева.
Лордъ, я почти готова плакать; только
Та мысль одна, что королева я—
Иль можетъ быть, все это были грезы—
Что, наконецъ, я государя дочь—
А это уже не грезы—обращаетъ
Въ струи огня потоки слезъ моихъ.

Вольсей.
Терпѣніе, монархиня, терпѣнье!

Королева.
Да, буду я терпѣть, когда и вы
Смиритесь—но не прежде, пусть иначе
Меня накажетъ Богъ. Я твердо знаю,
На сильныя причины опираясь,
Что вы мой врагъ, и объявляю здѣсь,
Что вамъ нельзя моимъ судьею быть,
Затѣмъ что вы раздули это пламя
Межъ мной и повелителемъ моимъ.
Пусть Божія роса его потушитъ!
И потому—я снова повторяю,
Что всей душой я отвергаю васъ
И не хочу имѣть своимъ судьею
Того, кого еще сильнѣй, чѣмъ прежде,
Я признаю зловреднѣйшимъ врагомъ
И далеко не другомъ правды.

Вольсей.
Я
Не узнаю васъ больше; вы всегда
Такъ кротки были: доброта и мудрость
Въ васъ превзошли всю мѣру женскихъ силъ—
И вами я обиженъ, королева.
Я злости къ вамъ малѣйщей не питаю;
Несправедливъ я не былъ никогда
Ни къ вамъ и ни къ кому; что сдѣлалъ я
И что еще я дальше дѣлать стану—
Ограждено все это полномочьемъ,
Мнѣ даннымъ отъ духовнаго суда,
Отъ римскаго духовнаго суда.
Меня вы обвиняете, что пламя
Я раздувалъ—я это отрицаю.
Король нашъ здѣсь; и если-бъ видѣлъ онъ,
Что я отъ дѣлъ своихъ отрекся—какъ бы
На ложь мою возсталъ онъ справедливо!

Да, такъ, какъ вы—на искренность мою.
Когда жъ ему извѣстно, что свободенъ
Отъ нареканій вашихъ я, то знаетъ
И то король, что оскорбленъ я вами—
И долженъ онъ меня уврачевать;
А это врачеванье въ томъ одномъ,
Чтобъ удалить отъ васъ всѣ эти мысли.
Но прежде чѣмъ заговоритъ его
Величество—молю васъ, королева,
Забыть о томъ, что вы теперь сказали,
И болѣе не говорить о немъ.

Королева.

Милордъ, милордъ, я женщина простая
И слабая, чтобъ съ вашимъ хитроумьемъ
Бороться. Вы смиренны и кротки?
Да, точно, вы свой санъ, свое призванье
Личиною смиренія одѣли,
Но сердце вы наполнили свое
Надменностью и злобой, и коварствомъ.
Любовь его величества и счастье
Вамъ помогли легко перескочить
Всѣ низшія ступени; а теперь,
Возвысившись, вы сдѣлали всѣ силы
Своей души опорами своими,
А всѣ слова—рабами вашей воли,
Готовыми на все, что вамъ угодно.
Да, знаю я, что вы гораздо больше
Заботитесь о почестяхъ своихъ,
Чѣмъ о своемъ призваніи духовномъ.
Моимъ судьей имѣть васъ, повторяю,
Я не хочу, и здѣсь, передъ всѣми вами,
Я къ папѣ аппеллирую. Его
Святѣйшеству передаю все дѣло,
И пусть меня онъ судитъ самъ.

(Преклоняется предъ королемъ и хочетъ удалиться).

Кампеюсъ.

Упорно
На правый судъ возстала королева,
И, обвинивъ его, полна презрѣнья,
Отвергнула его—не хорошо!
Она идетъ...

Король.

Зовите вновь ее.

Глашатай. Екатерина, королева Англіи, явись къ суду!

Гриффитъ.

Монархиня, зовутъ васъ.

Королева.

Вамъ-то что?
Ступайте вы дорогою своей,
И если позовутъ васъ— возвратитесь.
Пусть Богъ теперь поможетъ мнѣ! Они
Меня совсѣмъ выводятъ изъ терпѣнья.
Прошу я васъ—идите. Не останусь
Я дольше здѣсь и никогда впередъ
И ни въ одномъ изъ этихъ всѣхъ судилищъ
Не появлюсь по дѣлу моему.

(Уходитъ съ Гриффитомъ и своей свитой).

Король.

Иди своей дорогой, Кетъ. Кто скажетъ,
Что у него жена есть лучше этой—
Тому ни въ чемъ не вѣрьте вы, затѣмъ,
Что онъ неправду скажетъ. Ты была бы
Царицею изъ всѣхъ земныхъ царицъ,
Когда-бъ къ тому необходимы были
Лишь рѣдкія достоинства твои:
Любезность милая, святая кротость,
Величье женское, покорность власти—
Всѣ качества, которыя тебя
Такъ царственно и свято украшаютъ.
Рожденная отъ крови благородной,
Она во всѣхъ сношеніяхъ со мной
Всегда свое хранила благородство.

Вольсей.

Съ смиреніемъ глубокимъ, государь,
Молю я васъ здѣсь объявить, чтобъ уши
Сидящихъ здѣсь услышали отъ васъ—
Затѣмъ, что гдѣ былъ связанъ и ограбленъ
Несчастный путникъ, тамъ и развязать
Его должно, конечно, хоть и этимъ
Я не могу вполнѣ довольнымъ быть—
Я ль, государь, затѣять это дѣло
Васъ научилъ? Я ль поселилъ сомнѣнье
У васъ въ душѣ, подвигнувшее васъ
Подвергнуть все судебному разбору?
И кромѣ словъ благодаренья Богу
За славную такую королеву,
Сказалъ ли я хоть слово вамъ одно
Во вредъ ея теперешнему сану
Иль добротѣ ея высокой?

Король.

Я,
Лордъ-кардиналъ, оправдываю васъ,
И здѣсь теперь клянусь моею честью—
Невинны вы. Не безызвѣстно вамъ,
Что вы враговъ имѣете не мало,
Не знающихъ, за что они враги,
Но лающихъ, какъ сельскія собаки,
Когда друзья ихъ лаютъ; кѣмъ-нибудь
Изъ нихъ вселенъ гнѣвъ въ королеву: вы
Оправданы. Хотите ли еще
Быть болѣе оправданнымъ? Всегда вы
Желали это дѣло усыпить
И никогда ему вы не хотѣли
Движенье дать; напротивъ, часто вы

Ему въ пути преграды поставляли.
Да, я клянусь, что добрый кардиналъ
Такъ поступалъ—и онъ вполнѣ невиненъ.
Но что жъ меня подвигнуло къ тому?
Вниманія и времени прошу я.
Послушайте—вотъ какъ случилось это.
Внимайте хорошенько. Въ первый разъ
Почувствовалъ я въ совѣсти волненье,
Сомнѣнье, боль отъ нѣсколькихъ рѣчей,
Мнѣ сказанныхъ епископомъ Байонскимъ,
Посланникомъ французскимъ. Онъ былъ присланъ
Сюда затѣмъ, чтобъ обсудить вопросъ
О бракѣ нашей дочери Маріи
И принца Орлеанскаго. Межъ тѣмъ
Какъ дѣло шло и прежде окончанья
Епископъ вдругъ отсрочку попросилъ,
Съ тѣмъ, чтобы могъ онъ своему монарху
На видъ сперва такой вопросъ поставить:
Законно ли дочь наша рождена,
Такъ какъ нашъ бракъ былъ заключенъ съ вдовою,
Супругой братнею. Отсрочка эта
До глубины мнѣ совѣсть потрясла;
Вошла въ меня съ такой разящей силой,
Что трепетать заставила и сердце,
И грудь; она дорогу проложила
Тревожнымъ думамъ—и, роясь, онѣ
Меня гнетутъ напоминаньемъ этимъ.
Сначала мнѣ казалось, что у Неба
Я милости лишился; что оно
Природѣ приказало, чтобы чрево
Моей жены, какъ только отъ меня
Зачнется въ немъ дитя мужского пола—
Силъ жизненныхъ несло-бъ ему не больше,
Чѣмъ ихъ несетъ могила мертвецу.
Дѣйствительно, всѣ дѣти умирали
Иль тамъ, гдѣ ихъ зачатье началось,
Иль вслѣдъ за тѣмъ, какъ міръ на нихъ повѣялъ.
Отсюда мысль, что это божья кара,
Что царскія владѣнія мои,
Достойныя прекраснѣйшаго въ свѣтѣ
Наслѣдника, не будутъ чрезъ меня
Имъ осчастливлены. Потомъ я взвѣсилъ
Опасности, которымъ подвергалась
Моя страна, не видя отъ меня
Наслѣдника - и стонамъ горькой муки
Предался я отъ этого. Такъ я
По морю бурному сомнѣній несся
И, наконецъ, у средства я присталъ,
Которое насъ здѣсь соединило;
Казалось мнѣ, что совѣсти моей,
Которая тогда болѣла сильно
Да и теперь здорова не совсѣмъ,
Дадутъ покой почтенные отцы
И доктора ученѣйшіе наши.
Сперва я сталъ секретно говорить,
Лордъ Линкольнъ, вамъ. Вы помните, какъ сильно
Я мучился подъ бременемъ моимъ,
Когда предъ вами въ первый разъ открылся?

Епископъ Линкольнскій.
Да, помню хорошо, мой государь.

Король.
Я долго говорилъ—теперь прошу васъ
Самихъ сказать, на сколько вы меня
Умѣли успокоить?

Епископъ Линкольнскій.
Государь,
Сначала я такъ сильно былъ взволнованъ
Вопросомъ тѣмъ, который несъ въ себѣ
Такъ много важнаго и слѣдствій страшныхъ,
Что мысль мою смѣлѣйшую сомнѣнью
Я передалъ и предложилъ тогда
Я вашему величеству дорогу,
Которую вы приняли.

Король.
Затѣмъ
Вамъ дѣло я открылъ, лордъ Кентербери,
И вашего просилъ я позволенья
Собраніе составить. Никого
Изъ членовъ этого суда почтенныхъ
Не спрошеннымъ я не оставилъ. Нѣтъ—
Отъ каждаго я получилъ согласье,
За подписью и за печатью вашей.
Рѣшайте же: торопитъ это дѣло
Не ненависть къ особѣ королевы,
А острые тернистые шипы
Изложенныхъ предъ вами обстоятельствъ.
Признайте лишь законнымъ этотъ бракъ—
И жизнью я, и королевскимъ саномъ
Клянусь, что мнѣ пріятнѣй провести
Всю будущность величія земного
Съ Екатериной, нашей королевой,
Чѣмъ съ женщиной прелестнѣйшей, какою
Когда-нибудь былъ скрашенъ этотъ міръ.

Кампеюсъ.
Осмѣлюсь доложить вамъ, государь,
Что такъ какъ нѣтъ межъ нами королевы,
То отложить должны мы засѣданье;
А между-тѣмъ серьезнымъ убѣжденьемъ
Подѣйствовать на королеву должно,
Чтобы она отъ мысли отреклась—
Къ его святѣйшеству прибѣгнуть.

(Всѣ встають).

Король (*про себя*).
Вижу,
Хитрятъ со мной всѣ эти кардиналы.

Знаменитая англ. актриса Сиддонсъ (Sarah Siddons, 1755—1831) въ роли королевы Екатерины. Гравюра Роджерса (I. Rogers).

Противны мнѣ всѣ проволочки ихъ
И римское лукавство. Поскорѣе
Вернись ко мнѣ, мой Кранмеръ, умный мой,
Любимѣйшій слуга! Съ твоимъ пріѣздомъ
И мой покой, я знаю, возвратится.
(Громко). Закройте засѣданье. Мы идемъ.

(Всѣ уходятъ въ томъ же порядкѣ, какъ пришли).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Дворецъ въ Бридвелѣ. Комната королевы.

Королева *и нѣсколько придворныхъ женщинъ; онѣ сидятъ за работой.*

Королева *(одной изъ женщинъ).*
Дитя, возьмись за лютню; очень грустно
Въ моей душѣ; спой пѣсню и разсѣй
Мою тоску, когда разсѣять можешь.
Оставь свою работу; пой дитя.

ПѢСНЯ.

Пѣлъ Орфей,—деревъ вершины,
Дикихъ, горныхъ высей льдины
Преклонялись, думъ полны;
Все въ природѣ расцѣтало,
Точно солнышко, блистало
Въ благодатный день весны.
Всѣ созданья—даже море,
Что бушуетъ на просторѣ—
Все склонялось головой;
Убивали эти звуки
Всѣ страданья, скорби, муки
Силой чудной и живой.

Входитъ джентльменъ.

Королева.
Что надо вамъ?

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА СЛУШАЕТЪ ПѢСНЮ.
Картина извѣстнаго англ. художника Лесли (Ch. Rob. Lesslie, 1794—1859).

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.
Осмѣлюсь доложить,
Монархиня: въ пріемной кардиналы
Стоятъ и ждутъ.

КОРОЛЕВА.
Что жъ, говорить со мной
Они хотятъ?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.
Такъ точно, королева.

КОРОЛЕВА.
Просите ихъ пожаловать.
(*Джентльменъ уходитъ*). Что можетъ
Ихъ привести ко мнѣ—ко мнѣ, больной,
Отвергнутой и слабой? Непріятенъ
Мнѣ ихъ приходъ. Имъ слѣдовало-бъ быть
Правдивыми; но ахъ, одинъ клобукъ
Не дѣлаетъ монахомъ человѣка.

Входятъ Вольсей *и* Кампеюсъ.

Вольсей.
Миръ вашему величеству!

Королева.
Меня
Застали вы въ хозяйственныхъ занятьяхъ;
Но къ худшему готовясь, обо всемъ
Забочусь я. Что будетъ вамъ угодно,
Почтенные милорды?

Вольсей.
Если вамъ,
Монархиня, угодно вмѣстѣ съ нами
Пожаловать въ вашъ кабинетъ, то тамъ
Мы объяснимъ причину посѣщенья.

Королева.
Скажите здѣсь. До этихъ поръ еще,
По совѣсти, я ничего такого
Не сдѣлала, что въ уголъ уходить
Меня-бъ могло заставить. И желаю,
Чтобъ женщины другія такъ же это
Могли сказать свободно, какъ и я.
Мнѣ все равно — и въ этомъ я, милорды,
Счастливѣе, чѣмъ многія—у всѣхъ ли
На языкѣ мои поступки, всѣ ль
Глаза на нихъ взираютъ, возстаютъ ли
Злорѣчіе и зависть противъ нихъ—
Такъ жизнь моя чиста. Когда пришли вы,
Чтобъ вывѣдать, что надо, отъ меня
Какъ женщины, то смѣло говорите:
Вѣдь, истина не дѣйствуетъ тайкомъ.

Вольсей. Tanta est erga te mentis integritas, regina serenissima...

Королева.
О, добрый лордъ, увольте отъ латыни!
Прибывъ сюда, я не лѣнилась такъ,
Чтобъ языку страны не научиться;
Отъ языка чужого мой процессъ
Становится, увы, еще темнѣе,
Двусмысленнѣй. Прошу васъ говорить
По-англійски. Здѣсь многія, конечно,
За госпожу несчастную свою
Обязаны вамъ будутъ, если правду
Вы скажете; повѣрьте мнѣ, она
Обижена не мало. Если даже
Есть у меня и вольные грѣхи,
Лордъ-кардиналъ, то отпустить ихъ можно
По-англійски.

Вольсей.
Прискорбно очень мнѣ,
Монархиня, что вся моя правдивость
И вѣрное служеніе его
Величеству и вамъ могли такое
Сомнѣніе ужасное родить.
Мы не затѣмъ пришли, чтобъ обвиненьемъ
Набросить тѣнь на добродѣтель ту,
Которую вездѣ благословляютъ
Всѣ добрые, и не затѣмъ, чтобъ вамъ
Скорбь новую прибавить. Много горя
Вы терпите, высокая душа,
И безъ того. Хотимъ узнать мы только,
Какъ будетъ вамъ угодно поступить
Въ возникнувшемъ процессѣ между вами
И королемъ; хотимъ вамъ передать,
По совѣсти и чести, наше мнѣнье
И предложить вамъ помощь и совѣтъ.

Кампеюсъ.
Высокая монархиня, лордъ Іоркскій,
По честности души своей, по чувству
Усердія и преданности той,
Которую онъ къ вамъ питалъ всегда,
Забывъ давно—какъ подобаетъ добрымъ—
Послѣднія нападки на него,
Вамъ предлагаетъ такъ же, какъ и я,
Свои совѣты мудрые и помощь.

Королева *(въ сторону)*.
Чтобы предать меня. *(Вслухъ)*. Милорды,
васъ
Обоихъ я за доброе желанье
Благодарю; вы говорите такъ,
Какъ честные. Дай Богъ, чтобъ ими были
На дѣлѣ вы! Но дать сейчасъ отвѣтъ
Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, честь мою
Затронувшемъ такъ близко, а быть можетъ,
И жизнь мою, съ моимъ простымъ умомъ,
И двумъ такимъ ученымъ, важнымъ людямъ—
Я не могу. Межъ дѣвушекъ своихъ
Сидѣла я съ работой, Богъ свидѣтель,
Не думая ни о такихъ гостяхъ,
Ни о дѣлахъ такихъ. Изъ уваженья
Хоть къ *той*, кѣмъ я была до этихъ поръ—
Величіе мое къ концу приходитъ,
Я чувствую—милорды, дайте мнѣ
Обдумать все внимательно. Увы,
Я женщина безъ друга, безъ надежды!

Вольсей.
Монархиня, сомнѣніемъ такимъ
Обиду вы любови государя
Наносите. Надеждъ, какъ и друзей,
У васъ число безмѣрное.

Королева.
Едва ли
Здѣсь въ Англіи есть польза мнѣ отъ нихъ.
Ужели вамъ казаться можетъ, лорды,
Что кто-нибудь изъ англичанъ посмѣетъ
Мнѣ дать совѣтъ? Иль, вопреки его
Величеству, моимъ открытымъ другомъ

КАРДИНАЛЫ И КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА.
Постановка Irving'a въ театрѣ «Lyceum» (1892).

Явиться здѣсь? А если бы и могъ.
Найтись такой отчаянно-правдивый,
То развѣ онъ остался-бы между насъ,
Какъ подданный? Нѣтъ, тѣ друзья, что могутъ
Снять бремя все моей печали, тѣ,
Которымъ я могу повѣрить смѣло,
Живутъ не здѣсь. Они, какъ все мое
Отрадное и милое, далеко
Отъ этихъ мѣстъ—на родинѣ моей.

КАМПЕЮСЪ.
Я отъ души желалъ бы, королева,
Чтобъ вы свой гнѣвъ забыли и совѣтъ
Мой приняли.

КОРОЛЕВА.
Какой же?

КАМПЕЮСЪ.
Предоставить
Вамъ слѣдуетъ все дѣло королю:
Онъ любитъ васъ и полонъ милосердья.
Такъ поступивъ, и чести вашей вы,
И вашему процессу больше пользы
Доставите, затѣмъ что если судъ
Признаетъ васъ виновною—съ позоромъ
Уйдете вы.

ВОЛЬСЕЙ.
Онъ правду говоритъ.

КОРОЛЕВА.
Совѣтуетъ онъ то, чего вы оба
Желаете—паденіе мое.
Совѣтъ вполнѣ, не правда ль, христіанскій?
О, стыдно вамъ! Но небо надо всѣмъ
Еще стоитъ, и ни одинъ властитель
Не соблазнитъ Верховнаго Судью.

КАМПЕЮСЪ.
Вашъ гнѣвъ виной, что вы на насъ глядите
Ошибочно.

КОРОЛЕВА.
Такъ тѣмъ стыднѣй для васъ.
Клянусь душой, что васъ людьми святыми
Считала я, почтенными людьми
И полными достоинствъ кардинальскихъ;

Теперь же въ васъ я вижу лишь грѣхи
Такіе же и двѣ души пустыя.
О, стыдно вамъ, милорды! Вы должны
Исправиться. Вотъ ваше утѣшенье,
Вотъ то питье цѣлебное, что вы
Приносите несчастнѣйшей изъ женщинъ,
Которую вы бросили во прахъ
И предали на злое посмѣянье?
О, бѣдъ моихъ и половины вамъ
Не стану я желать: я милосердна
Не такъ, какъ вы. Но слушайте, я васъ
Предостеречь желаю: берегитесь,
О, ради Неба, берегитесь вы,
Чтобъ, наконецъ, моихъ печалей бремя
На васъ самихъ не пало!

Вольсей.

Королева,
Вы внѣ себя! Ту преданность, что вамъ
Приносимъ мы, вы превратили въ злобу
Коварную.

Королева.

А вы меня—въ ничто.
О, горе вамъ и всѣмъ такимъ же ложнымъ
Учителямъ! Какъ? Если бы у васъ
И доброта, и жалость оставались,
И если бы вы были чѣмъ-нибудь
Поболѣе священнической рясы—
Вы стали бы совѣтовать, чтобъ я
Довѣрила мое больное дѣло
Рукѣ врага? Увы, уже давно
Я лишена его любви и ложа!
Я ужъ стара, милорды—и теперь
Съ нимъ связана покорностью одною.
Ужъ худшаго несчастья для меня
Не можетъ быть, а ваше все старанье—
Такое же проклятіе навлечь
На жизнь мою.

Кампеюсъ.

Вашъ страхъ всего ужаснѣй.

Королева.

Какъ будто бы... когда друзей найти
Не можетъ добродѣтель, такъ ужъ дайте
Мнѣ говорить самой... какъ будто я
Такъ долго не была ему женою,
И вѣрною женой—безъ хвастовства
Могу сказать—ни разу подозрѣньемъ
Не заклейменной? Развѣ королю
Я душу всю свою не отдавала?
И развѣ онъ мнѣ не былъ послѣ Бога
Дороже всѣхъ? Когда-нибудь ему
Я не была послушна? Суевѣрной
Изъ нѣжности какъ будто не была?
Чтобъ угодить ему, не забывала
Своихъ молитвъ? И такъ награждена
За это все! Нехорошо, милорды!
Пусть кто-нибудь покажетъ мнѣ жену
Вѣрнѣйшую, которой даже въ грезахъ
Являлося блаженство лишь одно—
Спокойствіе любимаго супруга,
И пусть она все сдѣлаетъ,—ее
Я превзойду достоинствомъ однимъ—
Терпѣніемъ великимъ.

Вольсей.

Королева,
Отъ нашего благого предложенья
Вы отошли.

Королева.

Милордъ, я никогда
Не сдѣлаю сама себя на столько
Преступною, чтобъ кинуть добровольно
Высокій санъ, съ которымъ съединилъ
Меня король—и развести насъ можетъ
Лишь смерть одна.

Вольсей.

Покорнѣйше прошу
Васъ выслушать...

Королева.

О, лучше-бъ не вступать
Мнѣ никогда на англійскую землю
И не вкушать той лести, что растетъ
На ней! У васъ все ангельскія лица,
Но каковы сердца—то знаетъ Богъ.
Ахъ что теперь со мною, бѣдной, будетъ?
Нѣтъ женщины несчастнѣе меня.

(*Обращаясь къ своимъ женщинамъ*).

Вы бѣдныя... Увы, и ваше счастье
Прошло съ моимъ! Разбился нашъ корабль
На берегу, гдѣ нѣтъ ни состраданья,
Ни друга, ни надеждъ; гдѣ обо мнѣ,
Ахъ! ни одинъ родной не станетъ плакать;
Гдѣ даже нѣтъ могилы для меня.
Какъ лилія, которая надъ полемъ
Въ былые дни царила и цвѣла,
Я головой поникну и увяну.

Вольсей.

Когда бы вы, монархиня, могли
Увѣриться, что дѣйствуемъ мы честно,
Ужъ эта мысль утѣшила бы васъ.
Подумайте: къ чему, съ какою цѣлью
Мы стали бы вредить вамъ королева?
Такъ поступать, вѣдь запрещаютъ намъ
Нашъ санъ и родъ занятій нашихъ. Горе
Мы врачевать обязаны—не сѣять.
Подумайте, что дѣлаете вы;
Подумайте, что вы себѣ вредите
И съ королемъ расходитесь совсѣмъ.
Сердца царей цѣлуетъ послушанье—
Такъ имъ оно любезно; но за то
Строптивостью раздуть ихъ можно только

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА И КАРДИНАЛЫ.

Картина извѣстнаго англ. художника Петерса (Rev. Matthew Peters, R. A. 1740—1814).
(Большая Бойделевская Галлерея).

И превратить въ ужасный ураганъ.
Я знаю, вы нѣжны и благородны;
Какъ моря тишь, душою вы кротки;
Признайте жъ насъ по сану, королева,
За вашихъ слугъ, друзей и миротворцевъ.

Кампеюсъ.

И ими мы окажемся на дѣлѣ.
Монархиня, достоинства свои
Вы женскою боязнію мрачите.
Высокій духъ, который въ васъ живетъ,
Подобныя сомнѣнья, какъ монету
Фальшивую, бросаетъ отъ себя.
Король-супругъ васъ любитъ: берегитесь
Его любовь утратить. Что до насъ,
То если вамъ угодно ваше дѣло
Довѣрить намъ, готовы будемъ мы
На службу вамъ отдать всѣ наши знанья.

Королева.

Какъ знаете, такъ дѣлайте. Прошу
Простить меня, когда была я съ вами
Невѣжлива. Вы знаете, что я,
Вѣдь, женщина, не умная на столько,
Чтобъ отвѣчать такимъ, какъ вы, особамъ,
Какъ слѣдуетъ. Прошу васъ передать
Его величеству мою покорность.
Моя душа принадлежитъ ему
До этихъ поръ; ему—мои молитвы,
Пока во мнѣ не прекратится жизнь.
Пойдемъ теперь, почтенные отцы;
Совѣтами меня не оставляйте.
У васъ теперь совѣтовъ проситъ та,
Которая, когда на берегъ вашъ вступала,
Такъ дорого купить корону не мечтала.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Передняя на половинѣ короля.

Входятъ герцогъ Норфолькъ, герцогъ Суффолькъ, графъ Серри *и* лордъ-камергеръ.

Норфолькъ.

Вамъ стоитъ лишь всѣ жалобы свои

Соединить въ одну и ихъ усилить
Настойчивостью твердой—кардиналъ
Не устоитъ, навѣрно. Если жъ только
Упустите благопріятный мигъ—
Ручаюсь вамъ за новыя обиды
Въ добавокъ къ тѣмъ, которыя не разъ
Терпѣли вы.

Серри.
Мнѣ дорогъ каждый случай,
Когда могу я тестя своего
Припомнить вновь, чтобъ отомстить Вольсею.

Суффолькъ.
Кого изъ пэровъ онъ не оскорбилъ
Когда-нибудь своимъ пренебреженьемъ?
Въ комъ онъ цѣнилъ дворянское отличье,
Какъ не въ одномъ себѣ?

Камергеръ.
Милорды, вы
Желанія здѣсь высказали ваши.
Какъ услужилъ онъ вамъ и мнѣ—я знаю;
Но можно ль намъ сломить его, хотя
Дѣла для насъ пошли благопріятно—
Еще вопросъ сомнительный. Когда
Не можете вы доступа къ монарху
Его лишить, такъ нечего итти
Противъ него: языкъ его имѣетъ
На короля волшебное вліянье.

Норфолькъ.
Не бойтесь: все могущество его
Исчезло ужъ. Король узналъ такія
Дѣла его, которыя весь медъ
Его рѣчей испортили навѣки.
Нѣтъ, ужъ теперь въ немилость онъ попалъ
И изъ нея не выйдетъ.

Серри.
Я готовъ,
Хоть каждый часъ, такія вѣсти слушать.

Норфолькъ.
Повѣрьте мнѣ, я правду говорю.
Двуличная игра его въ процессѣ
Раскрылась вся; явился онъ такимъ,
Какимъ бы я желалъ явиться только
Лишь своему врагу.

Серри.
Скажите, какъ
Его дѣла открылись?

Суффолькъ.
Крайне странно.

Серри.
Скажите же, пожалуйста!

Суффолькъ.
Письмо,
Которое адресовалъ онъ папѣ,
Нечаянно попало къ королю.
Король прочелъ, какъ кардиналъ святого
Отца просилъ остановить разводъ.
„Я—онъ писалъ—замѣтилъ, что опутанъ
Мой государь любовію къ одной
Изъ близкихъ королевѣ фрейлинъ, лэди
Болленъ“.

Серри.
И что-же, это-то письмо
У короля?

Суффолькъ.
Да.

Серри.
И оно окажетъ
Вліяніе?

Камергеръ.
Увидитъ изъ него
Король, что онъ его же путь обходитъ
И портитъ лишь преградами. Но тутъ
Всѣ хитрости его должны разбиться:
Съ лѣкарствомъ онъ является тогда,
Когда больной скончался —ужъ обвѣнчанъ
Съ красавицей король.

Серри.
О, если-бъ такъ!

Суффолькъ.
Вы счастливы, милордъ, въ желаньи вашемъ:
Я васъ могу увѣрить, что оно
Исполнилось.

Серри.
Привѣтствую всѣмъ сердцемъ
Я этотъ бракъ.

Суффолькъ.
И я.

Норфолькъ.
И всѣ.

Суффолькъ.
Приказы
Ужъ отданы насчетъ коронованья;
Но это все такъ молодо еще,
Что не должны о немъ всѣ уши слышать.
А все-таки, милорды, вѣдь, она—
Прелестное созданье, совершенство
И по уму, и по чертамъ лица.
Я убѣжденъ, что наше государство
Блаженный даръ получитъ отъ нея
И этотъ даръ навѣки будетъ помнить.

Серри.
Но что, когда—не дай Господь—король
Переваритъ посланье кардинала?

Норфолькъ.
И я скажу: не дай Господь!

Суффолькъ.
Нѣтъ, нѣтъ!
Не мало осъ другихъ еще у носа
Его жужжитъ—и ускорятъ онѣ
Письма послѣдствія. Кампеюсъ
Уѣхалъ въ Римъ украдкой, не простившись
И не рѣшивъ процесса короля;
Уѣхалъ онъ агентомъ кардинала,
Чтобъ помогать всѣмъ хитростямъ его.
Узнавъ о томъ, могу я васъ увѣрить,
Нашъ государь воскликнулъ „га!"

Камергеръ.
Господь
Воспламени его—и пусть погромче
Кричитъ онъ: „га!"

Норфолькъ.
Одна́ко же, милордъ,
Не знаете ль, когда вернется Кранмеръ?

Суффолькъ.
Вернулся онъ и мнѣнью своему
Не измѣнилъ. По дѣлу о разводѣ
Онъ разогналъ сомнѣнья короля
И всѣ почти изъ университетовъ
Славнѣйшихъхристіанствасънимъсогласны.
Я думаю, что скоро возвѣстятъ
Вторичный бракъ—коронованье Анны.
Екатерину же отнынѣ будутъ звать
Не королевой, а вдовою принца
Артура.

Норфолькъ.
Кранмеръ славный человѣкъ,
И въ короля процессѣ потрудился
Не мало онъ.

Суффолькъ.
Конечно. Но за то
И будетъ онъ архіепископъ скоро.

Норфолькъ.
Да, слышалъ я.

Суффолькъ.
Навѣрно. Кардиналъ!
(Отходятъ въ сторону).

Входятъ Вольсей *и* Кромвель.

Норфолькъ.
Смотрите-ка, смотрите, какъ онъ мраченъ!

ГРАФЪ СЕРРИ (EARL OF SURREY).
(Портретъ его въ Лондонской Національной портретной галлереѣ).

Вольсей (*Кромвелю*).
Вручили ль вы пакетъ мой королю?

Кромвель.
Такъ точно, лордъ—въ его опочивальнѣ
И въ собственныя руки.

Вольсей.
Просмотрѣлъ
Бумаги онъ?

Кромвель.
Пакетъ онъ распечаталъ
Немедленно—и только сталъ читать,
Какъ сдѣлался серьезенъ и покрылось
Его лицо вниманьемъ напряженнымъ.
Онъ приказалъ, чтобъ нынче утромъ вы
Пришли сюда.

Вольсей.
Онъ скоро выйдетъ?

Кромвель.
Скоро,
Я думаю.

Вольсей.

Оставьте на минуту
Меня. (*Кромвель уходитъ*). (*Въ сторону*).
На герцогиню Алансонъ,
Французскую принцессу, долженъ выборъ
Его упасть: онъ женится на ней.
Болленъ? Нѣтъ, нѣтъ! Болленовъ не хочу я!
Тутъ дѣло все не въ красотѣ одной!
Болленъ! Нѣтъ, нѣтъ! Болленовъ намъ не надо!
Хотѣлъ бы я скорѣе получить
Извѣстіе изъ Рима. Гм! Маркиза
Пэмброкская!

Норфолькъ.

Онъ чѣмъ-то разсерженъ.

Суффолькъ.

Быть можетъ, онъ узналъ уже, что точитъ
Король свою досаду на него.

Серри.

О, отточи ее острѣе, Боже
Мой праведный!

Вольсей (*въ сторону*).

Статсъ-дама королевы,
Дочь рыцаря простого, станетъ вдругъ
У госпожи своей же госпожою,
Монархиней монархини! Нѣтъ, эта
Свѣча горитъ неясно: снять нагаръ
Обязанъ я: тогда она потухнетъ.
Что пользы въ томъ, что и добра она
И счастія такого очень стоитъ?
Но знаю я ее, какъ лютеранку
Усердную. Не будетъ намъ добра,
Когда она лежать въ объятьяхъ будетъ
У короля, которымъ управлять
Такъ нелегко. И такъ ужъ водворился
Здѣсь еретикъ, ужасный еретикъ,—
Въ любовь царя прокрался этотъ Кранмеръ
И сдѣлался оракуломъ его.
(*Отходитъ въ раздумьи въ глубину сцены*).

Норфолькъ.

Сомнѣнья нѣтъ, онъ чѣмъ-то озабоченъ.

Суффолькъ.

Желалъ бы я, чтобъ чѣмъ-нибудь такимъ,
Что разорвать могло бы жилу въ сердце.

Входятъ король, *читая записку, и* Ловель.

Суффолькъ.

Король, король!

Король.

Какую пропасть денегъ
Онъ накопилъ для самого себя!
И сколько ихъ онъ каждый день мотаетъ
И какъ онъ могъ такъ много понабрать
Подъ видомъ экономіи? Ну, что жъ,
Вы видѣли, милорды, кардинала?

Норфолькъ.

Да, государь, ужъ нѣсколько минутъ
Мы здѣсь стоимъ, за нимъ все наблюдая.
Волненіемъ какимъ-то страннымъ мозгъ
Его объятъ. То онъ кусаетъ губы,
То вздрогнетъ вдругъ, то станетъ неподвижно
И устремитъ глаза къ землѣ; потомъ
Вдругъ проведетъ по головѣ рукою,
Начнетъ ходить поспѣшно, или вновь
Останется недвиженъ; послѣ сильно
Бьетъ въ грудь себя иль возведетъ глаза
На небеса. Да, странныхъ положеній
Не мало онъ при насъ перемѣнилъ.

Король.

Что жъ, можетъ быть, и замыслъ мятежный
Въ его умѣ. Сегодня утромъ онъ,
По моему желанью, для просмотра
Бумаги мнѣ прислалъ—и что же въ нихъ
Я вдругъ нашелъ? Конечно, это было
Положено безъ умысла: нашелъ
Я опись всѣхъ вещей его, сокровищъ
И утвари домашней, и одеждъ
Роскошнѣйшихъ—такое изобилье,
Какого быть не можетъ никогда
У подданныхъ.

Норфолькъ.

О, это Божья воля!
Бумагу ту незримый духъ вложилъ
Въ пакетъ затѣмъ, чтобъ ею осчастливить
Вашъ взоръ.

Король.

Когда-бъ мы думали, что онъ
Паритъ теперь въ мечтаньяхъ надъ землею
И на предметъ духовный мысль свою
Всю устремилъ—мы нарушать не стали-бъ
Тѣхъ думъ его; но я боюсь, что мысль
Въ немъ занята подлунными вещами,
Серьезныхъ думъ не стоящими.
(*Садится и что-то шепчетъ Ловелю, который подходитъ къ Вольсею*).

Вольсей.

Богъ
Меня прости! Благослови Онъ ваше
Величество!

Король.

Мой добрый кардиналъ.
Небесныхъ вы исполнены сокровищъ,
И опись ихъ начертана у васъ

ГЕРЦОГЪ СУФФОЛЬКЪ (SUFFOLK).
(Портретъ его въ Лондонской National Portrait Gallery).

Въ душѣ. Ее, конечно, пробѣгали
Вы только-что, и врядъ ли можно вамъ
Отъ набожныхъ занятій хоть минуту
Урвать на то, чтобъ посвятить ее
Земнымъ дѣламъ. Вы въ этомъ отношеньи
Мнѣ кажетесь хозяиномъ плохимъ—
И какъ я радъ, что тутъ я въ васъ имѣю
Товарища.

Вольсей.

Повѣрьте, государь,
Есть у меня и для молитвы время,
И для того, чтобъ думать о дѣлахъ,
Которыя несу я въ государствѣ.
А сверхъ того природа тоже хочетъ,
Чтобъ время ей дарили для поддержки
Ея; и я, природы бренный сынъ,
Ей дань платить обязанъ, какъ и всякій
Мой смертный братъ.

Король.

Какъ это хорошо
Сказали вы!

Вольсей.

Желалъ бы я, чтобъ ваше
Величество всегда могли во мнѣ
Рѣчь добрую въ соединеньи видѣть
Съ хорошими дѣлами.

Король.

Хорошо
Вновь сказано. А говорить отлично—
Вѣдь тоже родъ хорошихъ дѣлъ, хотя
Есть разница межъ дѣйствіемъ и словомъ.
Родитель мой любилъ васъ; это вамъ
Онъ говорилъ и увѣнчалъ словами
Свои дѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ я ему
Наслѣдовалъ, я сдѣлалъ васъ ближайшимъ
Въ моей душѣ; я васъ употреблялъ
Въ такихъ дѣлахъ, гдѣ выгоды большія
На долю вамъ не выпасть не могли,
И сверхъ того себя лишалъ я даже
Своихъ богатствъ, мои щедроты
Давая вамъ.

Вольсей *(въ сторону).*
Что значитъ это все?

Серри *(въ сторону).*
Пошли Господь успѣхъ намъ въ этомъ дѣлѣ!

Король.

Не сдѣлалъ ли, скажите, я изъ васъ
Первѣйшаго во всѣхъ моихъ владѣньяхъ?

Пожалуйста, скажите, правду ль я
Вамъ говорю? Когда жъ сознаться въ этомъ
Вы можете, скажите мнѣ сейчасъ—
Обязаны вы намъ иль нѣтъ? Отвѣта
Я жду отъ васъ.

Вольсей.

Великій государь,
Я сознаюсь, что милостей высокихъ,
Которыя день каждый на меня
Вы сыпали, не стоили нисколько
Мои труды; достойно отплатить
За столько благъ—не въ силахъ человѣка.
Мои дѣла всегда стояли ниже
Желаній, но не ниже силъ моихъ.
Одну лишь цѣль имѣлъ я въ жизни: благо
Священнѣйшей особы вашей и
Моей страны. За милости большія,
Которыя на недостойномъ, бѣдномъ
Скопили вы, могу я воздавать
Покорною признательностью только,
Молитвами къ Всевышнему о васъ
И вѣрностью, что съ каждою минутой
Росла во мнѣ и будетъ все расти,
Пока ее смерть не погубитъ—жизни
Зима.

Король.

Отвѣтъ прекрасный дали вы—
Въ немъ подданный и вѣрный, и покорный
Является. Большая честь—награда
Такимъ дѣламъ почтеннымъ, точно такъ
Какъ горькій стыдъ есть кара дѣлъ обратныхъ.
Итакъ, когда рука моя давала
Вамъ милости, изъ сердца моего
Лилась любовь, изъ трона исходили
Къ вамъ почести обильнѣй, чѣмъ къ другимъ,
То и рука, и мозгъ, и сердце ваше,
И ваше всѣ способности должны—
Не говоря ужъ о вашемъ долгѣ
Покорности—питать ко мнѣ любовь
Особую и чувство дружбы больше,
Чѣмъ къ всякому другому.

Вольсей.

Государь,
Клянуся вамъ, что я о вашемъ благѣ
Заботился старательнѣй всегда,
Чѣмъ о своемъ; и есмь, и былъ, и буду
Всегда такимъ. Пускай хоть цѣлый міръ
Нарушитъ долгъ присяги къ вамъ, изъ сердца
Ее изгнавъ; скопятся пусть вокругъ
Опасности, какія можетъ только
Представить умъ; пусть явятся онѣ
Во всячески ужасныхъ формахъ—будетъ
Мой вѣрный духъ, какъ твердая скала,
Въ которую бьютъ бѣшеныя волны,
Ломать напоръ потока и стоять
Незыблемо слугою вашимъ.

Король.

Славно
Все сказано! Замѣтьте, лорды, какъ
Его душа честна; ее предъ вами
Онъ всю открылъ. (*Отдаетъ ему бумаги*).
Прочтите это вотъ,
Потомъ вотъ то; а послѣ отправляйтесь
Позавтракать, коль аппетитъ у васъ
Останется. (*Уходитъ, бросая гнѣвные взгляды на Вольсея. Придворные идутъ за нимъ, пересмѣиваясь и перешептываясь*).

Вольсей.

Что это можетъ значить?
Чѣмъ я навлекъ внезапный этотъ гнѣвъ?
Онъ, уходя, смотрѣлъ съ такою злобой,
Какъ будто смерть была въ его глазахъ.
Такъ смотритъ левъ на дерзкаго стрѣлка,
Пустившаго въ него стрѣлу изъ лука—
И вслѣдъ за тѣмъ его уничтожаетъ.
Прочту бумаги эти! ужъ не въ нихъ ли
Причина гнѣва? Такъ я угадалъ:
Меня бумага эта погубила!
Въ ней опись всѣхъ сокровищъ, накопленныхъ
Мной для того, чтобъ папскій санъ добыть
И для того имѣть возможность въ Римѣ
Платить друзьямъ. Безумная небрежность!
Какой злой чортъ заставилъ эту тайну
Важнѣйшую меня вложить въ пакетъ,
Отправленный сегодня къ государю?
Какъ бы поправить это? Неужели
Нѣтъ хитрости, которая все это
Вдругъ вышибла бъ изъ головы его?
Я знаю, онъ ужасно разсердился,
Но знаю я и способъ, какъ опять
Наружу всплыть, наперекоръ Фортунѣ.
Но что еще я вижу? „Къ Папѣ". Какъ!
Мое письмо съ подробностями всѣми,
Которыя святѣйшему отцу
Я сообщилъ? Все кончено отнынѣ!
Достигнулъ я послѣдней точки власти—
Теперь стрѣлой съ меридіана славы
Къ закату я помчусь. Я упаду,
Какъ метеоръ блестящій въ часъ вечерній,
И ото всѣхъ сокроюсь.

Входятъ герцоги Норфолькъ *и* Суффолькъ, графъ Серри *и* лордъ-камергеръ.

Норфолькъ.

Кардиналъ,
Узнайте вы желанье государя:
Онъ приказалъ, чтобъ вы вручили намъ

Немедленно печать большую, сами жъ
Отправились сейчасъ же въ Ашергоузъ,
Владѣніе епископское ваше,
И ждали тамъ дальнѣйшихъ приказаній
Его величества.

Вольсей.
Позвольте, лорды—
Гдѣ жъ тотъ приказъ? Такой высокій санъ
Одни слова сломить не могутъ.

Суффолькъ.
Кто же
Ослушаться посмѣетъ ихъ, когда
Заключена въ нихъ воля государя,
Которую онъ лично произнесъ?

Вольсей.
До той поры, пока я буду видѣть
Одни слова, желанія, одинъ
Вашъ злобный духъ, заботливые лорды,
То знайте—я и долженъ, и могу
Ослушаться. Теперь я вижу ясно,
Какой металлъ призрѣнный послужилъ,
Чтобъ вылить васъ: металлъ тотъ—злая
зависть.
Какъ горячо въ паденіи за мной
Слѣдите вы, какъ будто служитъ пищей
Оно для васъ! Какъ гладко, хорошо
Вамъ кажется все то, что только можетъ
Сгубить меня! Ну, слушайтесь своихъ
Завистливыхъ внушеній, злые люди!
Теперь вы ихъ прикрыли христіанскимъ
Усердіемъ, но вѣрьте, что за нихъ
Современемъ найдете вы награду.
Итакъ, печать, которую теперь
Такъ горячо вы требуете, лорды,
Мнѣ собственной рукою далъ король,
И мой, и вашъ властитель; вмѣстѣ съ саномъ
И почестьми онъ мнѣ вручилъ ее
На весь мой вѣкъ, и эту милость тутъ же
Онъ подтвердилъ патентами. Кто жъ можетъ
Ее отнять?

Серри.
Король, который вамъ
Ее вручилъ.

Вольсей.
Такъ пусть онъ самъ и вырветъ
Ее изъ рукъ.

Серри.
Попъ, ты измѣнникъ гордый!

Вольсей.
Лжешь, гордый лордъ! О, день еще назадъ,
Скорѣй бы свой языкъ ты выжегъ, Серри,
Чѣмъ произнесъ слова такія!

ВОЛЬСЕЙ И НАСМѢХАЮЩІЕСЯ НАДЪ НИМЪ ПОСЛѢ ЕГО ПАДЕНІЯ ПРИДВОРНЫЕ.
Картина извѣстнаго англ. живописца Вестоля (Rich. Westall, R. A., 1765—1836).

Серри.
Ты,
Пурпурный грѣхъ, твой духъ честолюбивый
Всю Англію скорбящую лишилъ
Того, кто былъ мнѣ тестемъ—Букингама
Великаго; всѣмъ головамъ твоихъ
Собратьевъ-кардиналовъ—и съ тобою,
И съ лучшими изъ качествъ всѣхъ твоихъ—
Не замѣнить его малѣйшій волосъ.
Проклятіе коварству твоему!
Въ Ирландію меня отправилъ ты
Правителемъ: я былъ тогда далеко
Отъ короля, далеко отъ того,
Чѣмъ могъ помочь несчастному; далеко
Отъ всего, что принесло-бъ прощенье
Его винѣ, придуманной тобой;
А между тѣмъ, съ великимъ милосердьемъ
И съ жалостью святою, вы ему
Сѣкирою грѣхи прощали.

Вольсей.
Это
И все, въ чемъ лордъ болтливый упрекнетъ
Еще меня—полнѣйшая неправда.

Лордъ Букингамъ [illegible]:
Что въ гибели его я неповиненъ
Какой-нибудь [illegible]—въ томъ
Свидѣтели [illegible] его и [illegible]
Почтенные [illegible] его.
Будь я [illegible], милордъ, я доказалъ бы,
Что честности и чести мало въ васъ,
Что [illegible] монарху,
Всегдашнему [illegible].
Я презираю [illegible], [illegible] Серри
И всѣхъ друзей [illegible] его.

Серри.

Попъ, [illegible] ты только [illegible].
Клянусь тебѣ; иначе-бъ ты ужъ меча
Почувствовалъ въ своей сердечной крови.
Милорды, что жъ, ужели въ силахъ вы
Переносить надменное нахальство?
И отъ кого? Когда мы слабы такъ,
Что пурпура кусокъ безъ наказанья
Ругается надъ нами, то прощай
Дворянское достоинство. Дорогу
Епископу—и пусть онъ ловитъ насъ,
Какъ жавороковъ, шляпой!

Вольсей.

Все благое
Для твоего желудка—ядъ.

Серри.

Благое, да! Не эти ли поборы,
Которыми богатства всѣ страны
Въ твоихъ рукахъ скоплялися? Не письма ль,
Которыя ты противъ короля
Отправилъ въ Римъ? О, если ты ужъ вызвалъ
Меня на то — все доброе твое
Я поспѣшу предъ всѣми обнаружить.
Милордъ Норфолькъ, коль славны родомъ вы,
Коль вы полны заботъ о благѣ общемъ,
О попранномъ сословіи дворянъ,
О нашихъ всѣхъ потомкахъ, у которыхъ
Дворянское достоинство едва ль
Останется, когда онъ уцѣлѣетъ—
Подайте имъ весь перечень большой
Его грѣховъ, всѣхъ дѣлъ его собранье!
Лордъ-кардиналъ, тебя сильнѣе я
Пугну, чѣмъ звонъ колоколовъ священныхъ,
Раздавшійся, когда лежитъ въ твоихъ
Объятіяхъ любовница-смуглянка.

Вольсей.

Какъ глубоко, мнѣ кажется, его бы
Я презиралъ, когда-бъ не связанъ былъ
Любовью христіанскою!

Норфолькъ.

Лордъ Серри,
Тотъ перечень въ рукахъ у короля,
И гнусными поступками онъ полонъ.

Вольсей.

Тѣмъ чище, тѣмъ прекраснѣй жизнь моя
[illegible], чуть узнаетъ
О ней король.

Серри.

Вамъ этимъ не спастись.
[illegible] все помню.
Я [illegible] не позабылъ
Изъ [illegible] и [illegible].
Коль можете, краснѣйте и [illegible]
Покайтесь: [illegible] вы [illegible].
Что честности хоть капля есть у васъ.

Вольсей.

Я слушаю. Всѣ ваши обвиненья
Не страшны мнѣ. Коль покраснѣю я,
Такъ оттого, что вижу дворянина
Безъ знанія приличій.

Серри.

Я готовъ
Скорѣе быть безъ нихъ, чѣмъ безголовымъ.
Ну, слушайте. Во-первыхъ, безъ согласья
И вѣдома монаршаго, къ тому
Стремились вы, чтобъ сдѣлаться легатомъ
И тѣмъ права епископовъ стѣснить
Во всей странѣ.

Норфолькъ.

Потомъ, во всѣхъ посланьяхъ,
Которыя писали папѣ вы
Или другимъ монархамъ, выражались
Всегда вы такъ: ego et rex meus—
И формулой такою короля
Вы дѣлали своимъ слугою.

Суффолькъ.

Дальше,
Когда къ двору австрійскому посломъ
Послали васъ, безъ вѣдома совѣта
И короля, вы были дерзки такъ,
Что увезли во Фландрію большую
Печать.

Серри.

Затѣмъ, безъ воли короля,
Григорію Кассадо полномочье
Вручили вы, чтобъ заключить союзъ
Межъ нашимъ государемъ и Феррарой.

Суффолькъ.

Сверхъ этого, изъ честолюбья вы
Всю царскую монету съ вашей шляпой
Епископской чеканили.

Серри.

Вы Римъ
Безмѣрными богатствами снабжали—

А какъ вы ихъ пріобрѣли, о томъ
Разскажетъ пусть вамъ собственная со-
вѣсть—
Чтобъ проложить себѣ широкій путь
Къ величію—и это все на гибель
Всей Англіи. Не мало и другихъ
Есть дѣлъ еще, но такъ какъ это ваши
Дѣла и въ нихъ все гнусность и позоръ,
То не хочу марать я ими губы.

КАМЕРГЕРЪ.
О, графъ, къ чему такъ сильно нападать
На павшаго? Несправедливо это.
Его вина открытою лежитъ
Передъ судомъ законнымъ. Судъ законный
Пускай его караетъ, а не вы,
Душа моя льетъ слезы, видя это
Паденіе величія.

СЕРРИ.
Ему
Прощаю я.

СУФФОЛЬКЪ.
Затѣмъ, лордъ-кардиналъ,
Какъ все, что вы, воспользовавшись властью,
Надѣлали недавно, подлежать
Вполнѣ должно закону praemunire,
То государь желанье изъявилъ,
Чтобъ тотъ законъ былъ противъ васъ на-
правленъ:
Онъ повелѣлъ немедленно у васъ
Конфисковать имущество все ваше,
Имѣнія, аренды, за́мки—все
И объявить васъ внѣ закона. Это
Поручено мнѣ вамъ сказать.

НОРФОЛЬКЪ.
За симъ
Вы можете предаться размышленьямъ,
Какъ жизнь свою исправить. Вашъ строптивый
Отказъ отдать печать большую намъ—
Мы доведемъ до короля, и, вѣрно,
За это онъ спасибо скажетъ вамъ.
Прощайте же, мой мало-добрый
Лордъ-кардиналъ!
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Вольсея*).

ВОЛЬСЕЙ.
И съ маленькимъ добромъ,
Которое вы мнѣ давали, тоже
Прощаюсь я. Прощай, навѣкъ прощай,
Величіе! Вотъ участь человѣка:
Сегодня въ немъ раскрылися листки
Нѣжнѣйшіе надежды, а на завтра
Ужъ цвѣтъ пришелъ, всего его покрывъ
Багряною, почетною одеждой;
Но третій день приводитъ за собой
Морозъ, морозъ убійственный. Въ то время,
Какъ думаетъ онъ, въ простотѣ своей,
Съ увѣренностью полною, что зрѣетъ
Величіе его, морозъ грызетъ
Всѣ корни въ немъ и падаетъ онъ такъ же,
Какъ я упалъ. Ахъ, много, много лѣтъ
Носился я по морю честолюбья,
Какъ рѣзвые мальчишки, что плывутъ
На пузыряхъ; но слишкомъ ужъ далеко
Я вглубь зашелъ. Высоко вздутый, мой
Надменный нравъ вдругъ лопнулъ подо мною,
И вотъ теперь на службѣ посѣдѣлый,
Измученный, неистовымъ волнамъ
Я отданъ весь, и навсегда сокроютъ
Онѣ меня. Я ненавижу васъ,
О блескъ земной и суетная слава!
Для новыхъ чувствъ открылась грудь моя,
О, жалокъ тотъ и бѣденъ, кто зависитъ
Отъ милости властителей земныхъ!
Межъ этою улыбкой, за которой
Онъ гонится, межъ благосклонныхъ взгля-
домъ
Властителя и карою его
Есть болѣе, конечно, опасеній
И болѣе мученій, чѣмъ въ войнѣ
И женщинѣ. Когда жъ придется падать,
Онъ падаетъ, подобно Люциферу,
Лишенному надежды навсегда.

Входитъ КРОМВЕЛЬ *въ смущеніи.*

ВОЛЬСЕЙ.
Ну что, Кромвель?

КРОМВЕЛЬ.
Я говорить не въ силахъ.

ВОЛЬСЕЙ.
Ужель могло несчастіе мое
Тебя смутить? Ужель дивиться можетъ
Паденію великаго твой умъ?
Да, если ты заплакалъ—значитъ, правда,
Что я упалъ.

КРОМВЕЛЬ.
Какъ чувствуете вы,
Милордъ, себя?

ВОЛЬСЕЙ.
Отлично. Въ жизни не былъ
Такъ счастливъ я, любезный мой Кромвель.
Теперь себя я знаю, ощущаю
Въ себѣ я міръ, превыше благъ земныхъ—
Спокойную, нетронутую совѣсть.
Король меня навѣки исцѣлилъ:
Съ смиреніемъ его благодарю я.
Онъ съ этихъ плечъ, съ разрушенныхъ стол-
бовъ,
Изъ жалости снялъ бремя, подъ которымъ

Могъ цѣлый флотъ пропасть — обильный грузъ
Величія и почестей. О, бремя,
Ужасное то бремя, мой Кромвель,
Для тѣхъ людей, которые на Небо
Надѣются!

Кромвель.

Я радъ, милордъ, что вы
Такъ хорошо воспользовались этимъ
Несчастіемъ.

Вольсей.

Надѣюсь, хорошо.
Мнѣ кажется, что я теперь способенъ
Окрѣпнувшей душою перенесть
И больше мукъ, и далеко страшнѣе,
Чѣмъ тѣ, какимъ грозятъ меня обречь
Мои враги. Что новаго?

Кромвель.

Важнѣе,
Грустнѣй всего—немилость короля
Къ вамъ, кардиналъ.

Вольсей.

Господь, благословенье
Пошли ему!

Кромвель.

Затѣмъ, сэръ Томасъ Моръ
Лордъ-канцлеромъ на ваше мѣсто выбранъ.

Вольсей.

Вотъ это ужъ немного скоро. Но
Онъ человѣкъ ученый. Я желаю,
Чтобъ сохранялъ онъ долго за собою
Привязанность монаршую, чтобъ вѣренъ
Былъ совѣсти и правдѣ, чтобъ сиротъ
Рыданія воздвигнули гробницу
Надъ нимъ, когда, свершивъ свой путь, уснетъ
Навѣки онъ. Еще что скажешь?

Кромвель.

Кранмеръ
Вернулся вновь и въ милости такой,
Что ужъ теперь онъ лордъ-архіепископъ
Кентерберійскій.

Вольсей.

Право? Это вотъ
Дѣйствительно ужъ новость.

Кромвель.

Лэди Анна,
Съ которою король обвѣнчанъ тайно
Уже давно, сегодня въ церковь съ нимъ
Пришла при всѣхъ открыто королевой—
И разговоръ теперь у всѣхъ одинъ
О будущемъ ея коронованьи.

Вольсей.

Вотъ бремя то, которое меня
Низвергнуло. О, мой Кромвель, обманутъ
Я королемъ. Всѣхъ почестей моихъ
Навѣки я лишился черезъ эту
Лишь женщину. Отнынѣ никогда
Не освѣтитъ заря мое величье,
Не позлатитъ ту знатную толпу,
Которая ждала моей улыбки.
Оставь меня, оставь меня, Кромвель!
Теперь я палъ—я бѣдный, недостойный
Повелѣвать тобою. Къ королю
Иди: его не закатится солнце—
О томъ молюсь. Ему я говорилъ,
Кто ты и какъ ты вѣренъ. Онъ возвыситъ
Тебя. Живетъ въ немъ благородный духъ—
То знаю я—и память обо мнѣ,
Хоть слабая, его побудитъ, вѣрно,
Не пренебречь служеніемъ твоимъ,
Блестящія надежды подающимъ.
Служи ему усердно, мой Кромвель,
И пользуйся, какъ должно, настоящимъ,
Чтобъ будущность упрочить за собой.

Кромвель.

О, кардиналъ, ужели васъ оставить
Мнѣ суждено? Навѣки потерять
Васъ, добрый мой, хорошій, благородный
Мой господинъ? Свидѣтелемъ пусть будутъ
Всѣ, въ комъ душа не изъ желѣза, какъ
Скорбитъ Кромвель, прощаясь съ господиномъ.
Служебный долгъ отдамъ я королю,
Молитвы же—вамъ, вамъ однимъ навѣки!

Вольсей.

Кромвель, никакъ не думалъ я пролить
Надъ всѣмъ моимъ несчастьемъ хоть слезинку;
Но вѣрностью и честностью меня
Роль женщины играть ты заставляешь.
Теперь глаза осушимъ—и меня
Ты выслушай, Кромвель: когда я буду
Забытъ людьми, а это будетъ скоро—
И буду спать въ нѣмомъ, холодномъ гробѣ,
Когда никто не вспомнитъ обо мнѣ,
Скажи ты всѣмъ, скажи: „Вольсей, который
Когда-то шелъ по славному пути
И камни всѣ подводные и мели
Величія извѣдалъ, потерпѣвъ
Крушеніе,—тебѣ для возвышенья
Путь указалъ—надежный, вѣрный путь,
Съ котораго самъ сбился“. Помни только
Ты мой конецъ и то, что погубило
Меня. Кромвель, спасеніемъ твоимъ
Молю тебя—бѣги отъ честолюбья!
И ангеловъ низринулъ этотъ грѣхъ—

ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ.

Портретъ кисти знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Гольбейна (Hans Holbein, 1497—1543).

ВОЛЬСЕЙ ВЪ ОПАЛѢ.

Картина извѣстнаго англ. художника Вестоля (Richard Westall, R. A., 1765—1836).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Они ее, но не пришла она.
Вотъ, вслѣдствіе неявки и желая
Разсѣять всѣ сомнѣнья короля,
Ученые отцы единодушно
Разводный актъ супруговъ утвердили,
И первый бракъ признали незаконнымъ.
Потомъ ее послали въ Кимбольтонъ,
Гдѣ и теперь лежитъ она, больная.

Второй джентльменъ.
Несчастная!
(*Трубы*). Чу, слышите, трубятъ.
Пойдемте же—ужъ близко королева.

Входитъ, при громкихъ звукахъ трубъ, процессія *въ слѣдующемъ порядкѣ:*

1. Двое судей.
2. Лордъ-канцлеръ. *Передъ нимъ несутъ кошель и жезлъ.*
3. Хоръ *пѣвчихъ и музыканты.*
4. Мэръ Лондона *съ жезломъ. За нимъ первый герольдъ въ латахъ и съ мѣдной, позолоченной короной на головѣ.*
5. Маркизъ Дорсетъ, *съ золотымъ скипетромъ; на головѣ золотая полукорона. Съ нимъ* графъ Серри *въ графской коронѣ и съ серебрянымъ жезломъ, на верху котораго изображенъ голубь. На шеѣ у обоихъ рыцарскія цѣпи.*
6. Герцогъ Суффолькъ *въ парадной одеждѣ, съ короной на головѣ и съ длиннымъ бѣлымъ гофмейстерскимъ жезломъ въ рукѣ. Съ нимъ* герцогъ Норфолькъ, *съ гофмаршальскимъ жезломъ и съ короной на головѣ. На шеѣ у обоихъ рыцарскія цѣпи.*
7. *Балдахинъ, несомый четырьмя баронами пяти гаваней. Подъ нимъ* королева *въ мантіи; волоса ея убраны жемчугомъ, на головѣ корона. По бокамъ ея* епископы Лондонскій *и* Винчестерскій.
8. *Старая* герцогиня Норфолькъ, *въ золотой коронѣ, переплетенной цвѣтами, несетъ шлейфъ королевы.*
9. *Другія лэди и графини съ гладкими золотыми вѣнцами безъ цвѣтовъ.*

Второй джентльменъ.
Вотъ истинно ужъ царственная пышность!
Кто тамъ идетъ со скипетромъ?

Первый джентльменъ.
Маркизъ
Дорсетъ; а тотъ, что держитъ жезлъ—
графъ Серри.

Второй джентльменъ.
Достойный, храбрый джентльменъ. А это,
Мнѣ кажется, вѣдь, герцогъ Суффолькъ?

Первый джентльменъ.
Да.

Второй джентльменъ.
А рядомъ съ нимъ лордъ Норфолькъ?

Первый джентльменъ.
Угадали.

Второй джентльменъ
(*глядя на королеву*).
Благослови тебя, святое Небо!
Я не видалъ прекраснѣе лица.
Клянусь душой, принцесса—сущій ангелъ!
Когда король ее въ объятьяхъ держитъ,
То Индіи богатство въ нихъ лежитъ...
Нѣтъ—болѣе, богаче, драгоцѣннѣй...
Его винить не смѣю, право, я!

Первый джентльменъ.
Тѣ, что несутъ надъ нею балдахинъ—
То гаваней почтенные бароны.

Второй джентльменъ.
Счастливые!—какъ счастливы всѣ тѣ,
Кто близъ нея. Когда не ошибаюсь,
Такъ та, что шлейфъ несетъ за королевой—
Старуха герцогиня Норфолькъ?

Первый джентльменъ.
Да,
Она сама; а дальше двѣ графини.

Второй джентльменъ.
Я ихъ узналъ по золотымъ вѣнцамъ.
То звѣзды все—падучія нерѣдко.

Первый джентльменъ.
Ну, ну, зачѣмъ объ этомъ говорить?
(*Процессія уходитъ при громкихъ звукахъ трубъ*).

Входитъ третій джентльменъ.

Первый джентльменъ.
Здорово, сэръ! О, какъ вы раскраснѣлись!
Гдѣ это?

Третій джентльменъ.
Я въ аббатствѣ былъ, въ толпѣ;
Тамъ тѣсно такъ, что пальца не просунешь
Едва-едва не задохнулся я
Отъ шумнаго избытка ихъ веселья.

Второй джентльменъ.
Вы видѣли все торжество?

Третій джентльменъ.
Все видѣлъ.

Первый джентльменъ.
Что жъ?

Третій джентльменъ.
Стоило взглянуть.

Второй джентльменъ.
Такъ разскажите.

Третій джентльменъ.
Готовъ служить—не знаю, какъ съумѣю.
Когда потокъ блестящей свиты лэди
И лордовъ королеву проводилъ
На хоры, гдѣ ей тронъ былъ приготовленъ,
Онъ отъ нея отхлынулъ. Королева
Тутъ съ полчаса сидѣла, отдыхая
На дорогомъ престолѣ; и народъ
Ея красой вполнѣ могъ наслаждаться.
Повѣрьте мнѣ, красавицы такой
Не видѣло еще мужское ложе.
Едва народъ лицо ея увидѣлъ—
Поднялся шумъ ужасный, разногласный,
Какъ шумъ снастей на морѣ въ ураганъ.
Платки, плащи и шляпы, даже куртки
Взлетѣли вверхъ—и если-бъ лица ихъ
Могли сорваться, вѣрно бы и лица
Взлетѣли вверхъ сегодня. Никогда
Я не видалъ подобнаго восторга.
Беременныя женщины, которымъ
Носить дня три, не больше, оставалось,
И тѣ въ толпу врывались, какъ тараны
Старинныхъ войнъ, и лѣзли на проломъ.
Всѣ странно такъ въ одну смѣшались массу,
Что ужъ никто не могъ сказать: „вонъ это
Моя жена“.

Второй джентльменъ.
Что жъ дальше?

Третій джентльменъ.
Наконецъ,
Ея величество поднялась съ трона,
Приблизилась смиренно къ алтарю
И, преклонивъ колѣна, какъ святая,
Съ горячею молитвой возвела
Свои глаза плѣнительные къ небу
И, помолясь, народу поклонилась.
Когда жъ архіепископъ Кентербери
Свершилъ надъ ней обрядъ коронованья,
Ее помазалъ мvромъ, возложилъ
На голову корону Эдуарда,
Вручилъ ей скиптръ державный, птицу мира
И прочія эмблемы—грянулъ хоръ
Съ отборнѣйшимъ оркестромъ королевства
Торжественно Te Deum. А затѣмъ
Процессія съ торжественностью прежней
Пошла назадъ до Іоркскаго дворца,
Гдѣ пиршество назначено.

Первый джентльменъ.
Напрасно
Вы называете дворецъ тотъ Іоркскимъ.
Не Іоркскій онъ съ тѣхъ поръ, какъ палъ
Вольсей.
Теперь онъ королевскій и зовется
Вайтголемъ.

Третій джентльменъ.
Да, но эта перемѣна
Недавно такъ случилась, что въ умѣ
Моемъ свѣжо все старое названье.

Второй джентльменъ.
А кто тѣ два епископа, что шли
По сторонамъ у королевы?

Третій джентльменъ.
Стоксли
И Гардинеръ. Одинъ изъ нихъ епископъ
Винчестерскій, еще недавно бывшій
Секретаремъ у короля, другой—
Епископъ Лондонскій.

Второй джентльменъ.
Про Стоксли ходитъ
Вездѣ молва, что не въ большихъ ладахъ
Онъ съ Кранмеромъ почтеннѣйшимъ.

Третій джентльменъ.
Про это
Ужъ знаютъ всѣ, но явнаго разрыва
Покамѣстъ нѣтъ межъ ними; а дойдетъ
До этого, то Кранмеръ сыщетъ друга—
И тотъ его не кинетъ никогда.

Второй джентльменъ.
Кто жъ этотъ другъ, пожалуйста, скажите.

Третій джентльменъ.
Кромвель. Его король высоко цѣнитъ
И вѣрный онъ, достойный другъ. Король
Его избралъ хранителемъ сокровищъ
И мѣсто далъ въ совѣтѣ у себя.

Второй джентльменъ.
Конечно, онъ подымется и выше.

Третій джентльменъ.
Сомнѣнья нѣтъ! Пойдемте господа,
Со мной: иду я во дворецъ. Гостями
Вы будетъ моими. Я и самъ
Кой-что теперь ужъ значу. По дорогѣ
Я вамъ могу побольше разсказать.

Первый *и* второй джентльмены.
Почтенный сэръ, располагайте нами.
(Уходятъ).

ВОЛЬСЕЙ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.
Картина извѣстнаго анл. художника Копа (C. W. Cope, R. A., 1811—1890).

СЦЕНА II.

Кимбольтонъ.

Входитъ Екатерина, *больная; ее ведутъ* Гриффитъ *и* Паціенца.

Гриффитъ.
Что, легче ли теперь вамъ, королева?

Екатерина.
Нѣтъ, Гриффитъ, мнѣ до смерти тяжело.
Какъ вѣтви, отягченныя плодами,
Такъ подо мной мои колѣна гнутся,
Какъ будто бы желая сбросить бремя.
Подвинь мнѣ стулъ. Такъ. Кажется теперь
Немного мнѣ полегче стало. Гриффитъ,
Ведя меня, ты, ты кажется, сказалъ,
Что кардиналъ, сынъ исполинскій славы,
Окончилъ жизнь.

Гриффитъ.
Такъ точно, королева.
Но думалъ я, что вы отъ сильной боли
Не слышали разсказа моего.

Екатерина.
Ну, какъ же онъ скончался? Добрый Гриффитъ,
Скажи мнѣ все. Коль хорошо онъ умеръ,
То онъ меня опередилъ затѣмъ,
Чтобъ послужить хорошимъ мнѣ примѣромъ.

Гриффитъ.
Да, говорятъ, что очень хорошо.
Когда Нортомберлэндскимъ графомъ въ Іоркѣ
Онъ арестованъ былъ, какъ обвиненный
Въ жестокихъ преступленіяхъ, и графъ
Его къ суду повезъ, то онъ внезапно
Такъ заболѣлъ, что могъ едва держаться
На лошакѣ.

Екатерина.
Несчастный человѣкъ!

Гриффитъ.
Въ дорогѣ безпрестанно отдыхая,
Онъ въ Лейчестеръ пріѣхалъ, наконецъ,
Гдѣ былъ аббатомъ съ братіею принятъ
Съ большимъ почетомъ, и сказалъ онъ такъ:
„Отецъ аббатъ! старикъ, разбитый жизнью,
Усталою склониться головой
Пришелъ сюда. Изъ состраданья дайте
Клочокъ земли, одинъ клочокъ ему!“
Онъ слегъ въ постель. Сильнѣе и сильнѣе
Все шла болѣзнь. Чрезъ трое сутокъ, ночью,
Часу въ восьмомъ, который самъ себѣ
Онъ предсказалъ, какъ свой послѣдній часъ,
Съ раскаяньемъ, въ слезахъ, въ глубокихъ думахъ,
Отдавъ землѣ всѣ почести мірскія,
А небесамъ—часть лучшую свою,
Онъ опочилъ.

Екатерина.
Да почіетъ онъ съ миромъ
И да грѣхи отпустятся ему!
Но, Гриффитъ, я, безъ всякой, впрочемъ, злобы,
Скажу еще, что думаю о немъ.
Онъ человѣкъ былъ непомѣрно-гордый,
Себя считавшій равнымъ королямъ;
Онъ торговалъ духовными мѣстами,
Внушеньями своими государство
Порабощалъ, закономъ поставлялъ
Свой личный взглядъ; предъ королемъ всегда
Онъ говорилъ неправду, былъ двуличенъ,
Какъ въ помыслахъ, такъ и въ рѣчахъ своихъ;
Безжалостный, выказывалъ участье
Онъ лишь тогда, какъ гибель замышлялъ.
Что обѣщалъ—то было такъ же сильно,
Какъ онъ тогда; что исполнялъ—ничтожно,
Какъ онъ теперь. Грѣшилъ онъ даже тѣломъ
И подавалъ дурной примѣръ духовнымъ.

Гриффитъ.
Монархиня, людей поступки злые
Мы на мѣди вырѣзываемъ ясно,
А добрые—мы пишемъ на водѣ.
Не будетъ ли теперь угодно вамъ
И похвалу послушать кардиналу?

Екатерина.
Да, добрый Гриффитъ, а иначе я
Злопамятна была бы.

Гриффитъ.
Кардиналъ
Происходилъ изъ низшаго сословья,
Однако жъ былъ отъ самой колыбели
Для славнаго величья предназначенъ.
Еще дитя, онъ былъ смышленъ, какъ взрослый,
Краснорѣчивъ, уменъ необычайно,
Имѣя даръ великій убѣжденья.
Онъ былъ суровъ и грубъ со всѣми тѣми,
Кто не любилъ его; но милъ, какъ лѣто,
Къ своимъ друзьямъ. Въ стяжаньяхъ ненасытный—
Что грѣхъ большой—онъ въ то же время былъ
По-царски щедръ. Свидѣтели тому
Два близнеца науки, имъ взрощенныхъ—
Ипсвичъ и Оксфордъ. Первый палъ съ нимъ вмѣстѣ,
Какъ будто не желая пережить
Того, кто былъ отцомъ его; другой,
Хотя еще и не вполнѣ готовый,
Но славенъ такъ, такъ знаменитъ въ искусствѣ,
Такъ съ каждымъ днемъ идетъ все дальше къ славѣ,
Что никогда въ народахъ христіанскихъ
Хвалебный слухъ о немъ не замолчитъ.
Упавъ, Вольсей сталъ только больше счастливъ,
Затѣмъ что тутъ позналъ онъ самъ себя
И радости обрѣлъ въ ничтожной долѣ.
И, наконецъ, онъ получилъ такую
Большую честь, какой бы отъ людей
Не могъ добыть: онъ умеръ въ страхѣ божьемъ.

Екатерина.
Ахъ, Гриффитъ, я по смерти не желала-бъ
Оратора иного и судьи
Всѣхъ дѣлъ моихъ, какъ ты, мой честный Гриффитъ!
Твои слова любви и кроткой правды
Заставили меня чтить прахъ того,
Къ кому всегда я ненависть питала.
Да будетъ миръ съ душой его! Побудь
Со мной еще немного, Паціенца;
Поправь подушки. Я уже не долго
Тебя тревожить буду. Добрый Гриффитъ,
Вели играть тѣ грустные аккорды,
Что я зову моимъ предсмертнымъ звономъ,
А я межъ тѣмъ забудусь въ созерцаньи
Гармоніи небесной, отъ которой
Теперь ужъ я совсѣмъ недалеко.

(*Грустная и торжественная музыка*).

Гриффитъ.
Она заснула. Тише, Паціенца.
Ахъ, какъ бы намъ ея не разбудить!
(*Видѣнія. Входятъ торжественно, одна за другою, шесть фигуръ въ бѣлыхъ одеждахъ; на головахъ у нихъ лавровые вѣнки, на лицахъ—*

золотыя маски, въ рукахъ—лавровыя или пальмовыя вѣтви. Онѣ сперва кланяются Екатеринѣ, потомъ начинаютъ танцовать; при поворотахъ, двѣ первыя держатъ надъ нею узкій вѣнокъ, а другія дѣлаютъ почтительные поклоны; послѣ этого тѣ, которыя держали вѣнокъ, передаютъ его двумъ слѣдующимъ, и тотъ же порядокъ продолжается. Въ это время Екатерина, какъ будто по вдохновенію, выражаетъ знаками радость и подымаетъ руки къ небу. Призраки, продолжая пляску, исчезаютъ и уносятъ вѣнокъ. Музыка продолжается)

ЕКАТЕРИНА *(просыпаясь)*.
О, гдѣ вы, духи мира? Вы исчезли—
И снова я одна съ моимъ страданьемъ.

ГРИФФИТЪ.
Мы оба здѣсь.

ЕКАТЕРИНА.
Ахъ, я не васъ зову.
Скажите, кто здѣсь былъ, пока спала я?

ГРИФФИТЪ.
Мы никого не видѣли здѣсь.

ЕКАТЕРИНА.
Какъ,
Не видѣли вы сонма духовъ неба,
Пришедшихъ звать на празднество меня?
Ихъ свѣтлый ликъ несмѣтными лучами
Мое лицо, какъ солнце, озарялъ.
Мнѣ вѣчное блаженство обѣщая,
Они вѣнцы протягивали мнѣ,
Которыхъ я покамѣстъ недостойна,
Но сдѣлаюсь достойною потомъ.

ГРИФФИТЪ.
Я радуюсь душевно, королева,
Что сладкій сонъ лелѣетъ вашу мысль.

ЕКАТЕРИНА.
Скажи, чтобъ замолчали музыканты:
Мнѣ тяжелы и рѣзки звуки ихъ.
(Музыка прекращается).

ПАЦІЕНЦА.
Смотрите, какъ она вдругъ измѣнилась!
Ея лицо вытягиваться стало...
Какъ холодно, безжизненно оно!
Смотрите-ка, смотрите на глаза..

ГРИФФИТЪ.
Молись! молись! Она отходитъ съ миромъ.

ПАЦІЕНЦА.
О, Господи! не оставляй ее.

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА ВЪ КИМБОЛЬТОНѢ.
Картина Вестоля (Westall).
(Малая Бойделевская галлерея).

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА.
Позвольте мнѣ, монархиня...

ЕКАТЕРИНА.
Наглецъ!
Иль мы уже не стоимъ уваженья?

ГРИФФИТЪ *(слугѣ)*.
Ты виноватъ кругомъ; какъ могъ ты, зная,
Что прежній санъ еще такъ дорогъ ей,
Съ ней обойтись такъ грубо? Ну, ступай
И преклони колѣна.

СЛУГА.
Униженно
Молю меня, монархиня, простить.
Въ поспѣшности я позабылъ приличье.
Здѣсь, джентельменъ: онъ проситъ позволенья
Увидѣть васъ... его послалъ король.

ЕКАТЕРИНА.
Введи его ты, Гриффитъ; а вотъ этотъ

Пусть съ глазъ моихъ уходитъ навсегда.

Гриффитъ уходитъ съ слугою и сейчасъ же возвращается съ Капуцiусомъ.

Екатерина.

Вы, если я не ошибаюсь только,
Капуцiусъ, посланникъ моего
Державнаго племянника—не такъ ли?

Капуцiусъ.

И вашъ слуга—такъ точно, королева.

Екатерина.

О, лордъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы меня узнали,
И времена, и титулы мои
Ужасно измѣнились. Но скажите,
Что привело сюда васъ?

Капуцiусъ.

Королева,
Во-первыхъ, долгъ почтенья моего,
А во-вторыхъ, желанье короля.
Онъ огорченъ недугомъ вашимъ сильно,
Шлетъ чрезъ меня вамъ царственный привѣтъ
И отъ души васъ проситъ быть спокойной.

Екатерина.

О, добрый лордъ, привѣтъ явился поздно;
Такой привѣтъ—прощенье послѣ казни.
Будь во-время дано лѣкарство это—
Оно меня спасло бы; но теперь
Молитва мнѣ—одно успокоенье.
Что, какъ его величества здоровье?

Капуцiусъ.

Въ прекрасномъ состояньи.

Екатерина.

И дай Богъ,
Чтобъ такъ оно навѣки сохранилось
И все цвѣло, тогда какъ я ужъ буду
Съ червями жить и бѣдное мое
Названье въ государствѣ позабудутъ.
Что, Пацiенца, послано письмо,
Которое я написать просила?

Пацiенца.

Нѣтъ, вотъ оно. *(Отдаетъ ей письмо).*

Екатерина.

Покорнѣйше прошу,
Милордъ, отдать вотъ это государю.

Капуцiусъ.

Съ великимъ удовольствiемъ отдамъ.

Екатерина.

Въ немъ ласкамъ королю я поручаю
Залогъ любви невинной нашей—дочь.
Да ниспадетъ небесною росою
На голову ея благословенье!
Прошу, чтобъ онъ воспитывалъ ее
Въ началахъ добродѣтели. Она
Такъ молода, кротка и благородна,
Что прочно къ ней привьется добродѣтель
Прошу, чтобъ онъ любилъ ее немного
Для матери, которая его—
То знаетъ Богъ—такъ горячо любила.
Потомъ, моя вторая просьба въ томъ,
Чтобы король хоть каплю состраданья
Имѣлъ къ моимъ прислужницамъ несчастнымъ,
Которыя такъ долго и такъ вѣрно
Служили мнѣ и въ счастьи, и въ несчастьи.
Нѣтъ ни одной изъ нихъ—завѣрить смѣю,
А я теперь, вѣдь, лгать не захочу—
Которая по нравственности доброй
И истинной душевной красотѣ,
И честности, и строгому приличью
Не стоила-бъ прекраснѣйшаго мужа,
Хоть родомъ будь онъ истый дворянинъ.
Кто ихъ возьметъ, тотъ, вѣрно, будетъ счастливъ.
Послѣдняя же просьба—не оставить
Служителей моихъ. Бѣдны они,
Но отъ меня не отвратила бѣдность
Ни одного изъ нихъ, и я прошу
Имъ выплатить все жалованье ихъ
И, сверхъ того, на память обо мнѣ
Хоть что нибудь прибавить. Если-бъ Небо
Хотѣло жизнь мою еще продлить
И дать мнѣ средствъ побольше, не разсталась
Я никогда бы съ этими людьми.
Вотъ все, о чемъ пишу я. Добрый лордъ,
Молю васъ всѣмъ, что дорого вамъ въ мiрѣ,
Останьтесь другомъ этихъ несчастливцевъ,
Склоните государя оказать
Послѣднюю мнѣ милость.

Капуцiусъ.

Богъ свидѣтель,
Исполняю все, какъ честный человѣкъ.

Екатерина.

Благодарю, милордъ. Вы государю
Привѣтъ смиреннѣйшiй мой передайте.
Его Величеству, прошу, скажите,
Что въ мiръ другой ужъ скоро перейдетъ
Виновница его мученiй долгихъ;
Скажите, что оставила я жизнь,
Его благословляя... такъ умру я...
Въ глазахъ моихъ темнѣетъ. Лордъ, прощайте!
Прощай, мой Гриффитъ! Ты же, Пацiенца,
Побудь со мной: мнѣ надо лечь въ постель.
Да позови другихъ моихъ прислужницъ.

ТОМАСЪ МОРЪ.

Портретъ кисти Гольбейна (Holbein).

Когда умру я, милая моя,
Воздайте мнѣ всѣ почести; усыпьте
Меня цвѣтами дѣвственными—пусть
Узнаютъ всѣ, что я была до гроба
Супругой цѣломудренною. Тѣло
Мое набальзамируйте потомъ
И выставьте его передъ народомъ.
Хоть нѣтъ на мнѣ вѣнца, но я прошу
Меня похоронить, какъ королеву,
Какъ государей дочь... Мнѣ дурно, дурно...

(Ее уводятъ).

КРАНМЕРЪ (CRANMER).

Портретъ его въ Лондонской National Portrait Gallery.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Галлерея во дворцѣ.

Входитъ Гардинеръ, *епископъ Винчестерскій, передъ нимъ* пажъ *съ факеломъ; съ ними встрѣчается* сэръ Томасъ Ловель.

Гардинеръ.

Что? первый часъ пробилъ?

Пажъ.

Такъ точно.

Гардинеръ.

Эти
Часы прилично посвящать дѣламъ
Необходимымъ—не забавамъ. Намъ
Они нужны для подкрѣпленья тѣла
Спасительнымъ спокойствіемъ, и мы
Ихъ не должны безъ пользы расточать
Сэръ Томасъ, вы! Откуда же такъ поздно?

Ловель.

А вы, милордъ, отъ короля теперь?

Гардинеръ.

Да; съ Суффолькомъ играетъ онъ въ примеро.

Ловель.

Его необходимо видѣть мнѣ,
Пока въ постель не легъ онъ. До свиданья!

Гардинеръ.

Позвольте, сэръ. Въ чемъ дѣло? Что-то вы
Торопитесь ужъ очень. Коль разспросы
Мои неоскорбительны, такъ пусть
Вашъ другъ теперь хоть что-нибудь узнаетъ
О томъ, что васъ тревожитъ въ поздній часъ.
Вѣдь, тѣ дѣла, которыя блуждаютъ,
Какъ духи тьмы, въ полночные часы,
Страшнѣе тѣхъ, что днемъ мы исполняемъ.

Ловель.

Я васъ люблю, милордъ, и будь секретъ мой
Еще важнѣй—я бы открылся вамъ.
Все дѣло въ томъ, что наша королева
Теперь въ родахъ, и, говорятъ, въ большой
Опасности. Боятся, что погубятъ
Они ее.

И правая рука: такъ кто жъ посмѣетъ
Противъ него хоть что-нибудь сказать?

Гардинеръ.
Нѣтъ, сэръ Томасъ, есть люди, есть, повѣрьте,
Которые осмѣлятся. Я самъ
О немъ сказать свое рѣшился мнѣнье.
Сегодня—сэръ, я вамъ могу открыться—
Сегодня мнѣ въ совѣтѣ удалось
Воспламенить всѣхъ лордовъ, показавши
Его архи-еретикомъ, чумою,
Которая страну всю заражаетъ:
Что онъ таковъ, такъ это мнѣ и имъ
Давно уже извѣстно. Негодуя,
Все королю представили они.
Онъ выслушалъ моленье, и въ великой
Заботливости царственной, предвидя
Ужасныя послѣдствія того,
О чемъ ему сказали мы, велѣлъ,
Чтобъ вызванъ былъ поутру завтра Кранмеръ
Въ собраніе совѣта. Да, сэръ Ловель,
Онъ—вредная трава, и мы должны
Вонъ выполоть ее: Но я ужъ слишкомъ
Васъ задержалъ. Сэръ Ловель, доброй ночи!

Ловель.
Вамъ тысячу ночей спокойныхъ, лордъ!

(Гардинеръ и пажъ уходятъ).

Входятъ король *и* герцогъ Суффолькъ.

Король.
Чарльзъ, нынче я играть не буду больше.
Разсѣянъ я, и для меня сегодня
Ты черезчуръ искусенъ.

Суффолькъ.
Государь,
Сегодня въ первый разъ я выигралъ у Васъ.

Король.
И то пустякъ какой-то; но, конечно,
И этого не можетъ быть, когда
Внимательно слѣжу я за игрою.
Ну, Ловель, какъ здоровье королевы?
Что новаго?

Ловель.
Ей лично передать
Не могъ я то, что вы мнѣ поручили,
И передалъ черезъ одну изъ фрейлинъ.
Съ смиреніемъ полнѣйшимъ королева
Благодарить велѣла и просить,
Чтобъ за нее вы отъ души молились.

Король.
Что ты сказалъ? молиться за нее?
Такъ начались ужъ муки?

Ловель.
Такъ сказали
Мнѣ женщины ея, и говорятъ,
Что каждая изъ этихъ мукъ ужасна,
Какъ смерть сама.

Король.
Ахъ, бѣдная!

Суффолькъ.
Дай Богъ,
Чтобъ безъ большихъ страданій королева
Спокойно разрѣшилась и скорѣе
Наслѣдникомъ порадовала васъ.

Король.
Ужъ полночь, Чарльзъ. Иди ложиться спать
И помяни въ молитвахъ королеву
Страдалицу. Оставь меня; я долженъ
О томъ еще подумать, что не любитъ
Сообщества.

Суффолькъ.
Желаю доброй ночи
Вамъ, государь, и помолюсь сегодня
О доброй государынѣ моей.

Король.
Спокойной ночи, Чарльзъ.

(Суффолькъ уходитъ).

Входитъ сэръ Антоній Денни.

Ну, что, сэръ Денни?
Что скажете?

Денни.
Я, государь, привелъ,
По вашему велѣнію, милорда
Архіепископа.

Король.
А, Кентербери?

Денни.
Да, государь.

Король.
Такъ, такъ. А гдѣ онъ, Денни?

Денни.
Онъ здѣсь и ждетъ, что будетъ вамъ угодно
Сказать ему.

Король.
Зови его сюда. *(Денни уходитъ).*

Ловель *(въ сторону).*
Онъ по тому здѣсь дѣлу, о которомъ
Мнѣ говорилъ епископъ. Какъ я кстати
Пришелъ сюда!

Денни *возвращается съ* Кранмеромъ.

Король.

Оставьте насъ, милорды!

(*Ловель медлитъ*).

Га! что стоите?—убирайтесь вонъ!

(*Ловель и Денни уходятъ*).

Кранмеръ (*въ сторону*).

Мнѣ страшно: онъ наморщилъ брови; гнѣвно
Его лицо... Все это не къ добру.

Король.

Ну, что, милордъ, вы, вѣрно, знать хотите,
Зачѣмъ я васъ велѣлъ позвать?

Кранмеръ (*преклоняя колѣна*).

Мой долгъ—
Ждать вашего величества велѣній.

Король.

Мой добрый лордъ Кентерберійскій, встаньте,
Я васъ прошу. Походимъ вмѣстѣ здѣсь.
Я новости вамъ сообщить имѣю.
Ну, дайте же мнѣ вашу руку. Ахъ,
Мой добрый лордъ, и самому мнѣ больно
Вамъ говорить объ этомъ; очень грустно
То повторять, что здѣсь вы отъ меня
Услышите. Недавно много жалобъ
Серьезнѣйшихъ—милордъ, я повторяю—
Серьезнѣйшихъ на васъ дошло ко мнѣ,
Къ прискорбію большому. Разсмотрѣвъ ихъ,
Рѣшили мы съ совѣтомъ нашимъ—васъ
Потребовать къ отвѣту нынче утромъ.
Но знаю я, что тутъ вамъ трудно будетъ
Сейчасъ же оправдаться, и пока
Не разберутъ подробнѣй обвиненій,
Терпѣньемъ вамъ вооружиться надо—
И Тоуэръ нашъ избрать своимъ жилищемъ.
Вы нашъ собратъ въ совѣтѣ: потому-то
Такъ поступить должны мы, а иначе
Кто жъ противъ васъ осмѣлится явиться
Свидѣтелемъ?

Кранмеръ (*преклоняя колѣна*).

Нижайше благодаренъ
Я вашему величеству и радъ
Я случаю прекрасному такому,
Который все провѣетъ хорошо,
Зерно мое отбросивъ отъ мякины.
Да, знаю я, нѣтъ никого, кто былъ бы
Преслѣдуемъ такъ сильно клеветой,
Какъ бѣдный, я.

Король.

Встань, добрый Кентербери.
Мы—другъ тебѣ, и въ насъ укоренились
Твой честный нравъ и правота твоя.

ГЕНРИХЪ VIII и КРАНМЕРЪ.
Картина Вестоля (Westall R. A.).
Малая Бойделевская Галлерея).

Ну, встаньте же и дайте вашу руку—
Походимъ. Удивляюсь вамъ; я думалъ,
Что вы меня начнете умолять—
Лицомъ къ лицу поставить васъ съ врагами
И выслушать, не отправляя въ Тоуэръ.

Кранмеръ.

Я, государь, защиту всю мою
Лишь въ честности и правдѣ полагаю.
Падутъ онѣ—тогда я самъ начну
Торжествовать съ врагами надъ собою,
Затѣмъ, что чтить себя я не могу
Безъ этихъ двухъ достоинствъ. Обвиненій
Я не страшусь нисколько.

Король.

Развѣ вы
Не знаете, въ какомъ вы положеньи
Находитесь по отношенью къ свѣту?
Враговъ у васъ не мало, и не слабыхъ,
И козни ихъ, какъ и они, сильны.
А не всегда, вѣдь, правота и честность,
Какъ должно бы, выигрываютъ тяжбу.
Испорченнымъ созданіямъ легко
Сыскать себѣ такихъ же точно плутовъ

Испорченныхъ, которые, подъ клятвой,
Свидѣтелями вышли-бъ противъ васъ.
Случаются дѣла такія часто.
У васъ, милордъ, противники сильны,
И злоба ихъ не меньше этой силы.
Ужели вы, по отношенью къ ложнымъ
Свидѣтельствамъ, считаете себя
Счастливѣе, чѣмъ былъ Спаситель нашъ —
Котораго служитель вы—въ то время,
Какъ въ мірѣ семъ испорченномъ Онъ жилъ?
Оставьте, лордъ, оставьте! Черезъ пропасть
Не кажется вамъ гибельнымъ прыжокъ,
И сами вы на явную погибель
Себя обречь хотите.

Кранмеръ.
Богъ и вы,
Мой государь, мою спасутъ невинность;
А безъ того мнѣ не уйти, конечно,
Отъ западни, раскрытой предо мной.

Король.
Такъ будьте же покойны. Не пойти
Имъ далѣе, чѣмъ это мы позволимъ.
Вамъ нечего тревожиться. Въ совѣтъ
Явитесь вы поутру. Коль они,
Васъ обвинивъ, приговорятъ къ темницѣ,
Возстаньте вы всей силой убѣжденья
На приговоръ такой и къ жесткой рѣчи
Прибѣгните, коль это будетъ нужно.
А если же всѣ убѣжденья пользы
Не принесутъ—вручите этотъ перстень
Противникамъ и объявите имъ,
Что дѣло вы свое передаете
На личное рѣшеніе мое.
Добрякъ, онъ плачетъ. Онъ, клянуся честью,
Прекрасный, благородный человѣкъ!
Да, Матерь Божья, въ цѣломъ государствѣ
Мнѣ не найти души вѣрнѣй и чище.
Идите же теперь и поступайте,
Какъ я сказалъ. (*Кранмеръ уходитъ*).
Въ немъ слезы заглушили
Способность говорить.

Джентльменъ (*за сценой*).
Назадъ! Зачѣмъ?

Лэди (*за сценой*).
Нѣтъ, не уйду! Извѣстіе, съ которымъ
Явилась я, оправдываетъ дерзость.

Входитъ пожилая лэди; *за ней* сэръ Томасъ Ловель.

Лэди.
Да носятся святые духи неба
Надъ царственной твоею головой
И крыльями блаженными своими
Да осѣнятъ тебя!

Король.
Я вѣсть твою
Въ глазахъ твоихъ читаю. Королева
Ужъ родила? Ну говори же: да,
И мальчика?

Лэди.
Да, да, мой повелитель!—
И мальчика прекраснаго. Господь,
Благослови ее теперь и вѣчно!..
Нѣтъ, дѣвочку—но дѣвочка собой
И мальчиковъ въ грядущемъ обѣщаетъ.
Монархиня желаетъ видѣть васъ,
Мой государь, и вмѣстѣ познакомить
Съ пришельцемъ маленькимъ; на васъ похожъ онъ,
Какъ вишенка на вишенку.

Король.
Сэръ Ловель!

Ловель.
Здѣсь, государь.

Король.
Пусть ей дадутъ сто маркъ,
А я теперь отправлюсь къ королевѣ.
(*Уходитъ*).

Лэди.
Сто маркъ! ну, мнѣ побольше надо дать;
Такъ, вѣдь, дарятъ и конюха простого.
Да, надо мнѣ побольше, иль поссорюсь
Я съ королемъ. Затѣмъ ли я сказала,
Что дѣвочка похожа на него?
Такъ пусть даютъ мнѣ больше, иль иначе
Отъ словъ своихъ я отрекусь. Теперь же
Желѣзо куй, покамѣстъ горячо (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Сѣни передъ комнатой совѣта.

Пажи, разсыльные и проч. стоятъ у двери. Входитъ Кранмеръ, *архіепископъ Кентерберійскій.*

Кранмеръ.
Надѣюсь, я не опоздалъ явиться,
Хоть посланный за мною изъ совѣта
Просилъ меня, какъ можно, поспѣшить.
Все заперто! Что жъ это значитъ? Эй!
Кто у дверей дежурнымъ?

Входитъ привратникъ.

Кранмеръ.
Ты, вѣдь, знаешь
Меня, привратникъ?

Привратникъ.

Точно такъ, милордъ;
Но не могу ничѣмъ вамъ быть полезнымъ.

Кранмеръ.

А почему?

Привратникъ.

Вы обождать должны,
Покамѣстъ васъ не позовутъ.

Входитъ докторъ Ботсъ.

Кранмеръ.

Вотъ какъ!

Ботсъ *(въ сторону)*.

Вотъ злоба гдѣ примѣрная. Я радъ,
Что, къ счастію, пришлось пройти мнѣ мимо.
Сейчасъ же все скажу я королю. *(Уходитъ)*.

Кранмеръ *(въ сторону)*.

А, это Ботсъ, врачъ короля. Какъ мрачно
Онъ, проходя, свой взоръ въ меня вперилъ!
Дай только Богъ, чтобъ моего несчастья
Не разгласилъ онъ всюду. Нѣтъ сомнѣнья,
Враги мои придумали все это—
Исправи Богъ сердца ихъ: не искалъ
Я злобы ихъ—для моего позора;
Иначе бы, конечно, постыдились
Они меня заставить ждать у двери,
Меня—сочлена своего въ совѣтѣ—
Въ толпѣ пажей, жокеевъ и лакеевъ.
Но подожду съ терпѣньемъ. Пусть свершится
Желанье ихъ.

На верху въ окнѣ показываются король *и* Ботсъ.

Ботсъ.

Сейчасъ вамъ, государь,
Я покажу одну изъ самыхъ странныхъ
Вещей.

Король.

Что, Ботсъ, такое?

Ботсъ.

Можетъ быть,
Ужъ вашему величеству случалось
Свидѣтелемъ такихъ явленій быть?

Король.

Но, чортъ возьми, гдѣ эту вещь ты видишь?

Ботсъ.

Здѣсь, государь! Смотрите, какъ повышенъ
Свѣтлѣйшій лордъ Кентерберійскій! Вотъ
Онъ тамъ стоитъ у двери межъ разсыльныхъ,
Пажей и слугъ.

Король.

Га! Это точно онъ.
Такъ вотъ они какъ воздаютъ другъ другу
Почтеніе! Ну, хорошо, что есть
Еще одинъ глава надъ всѣми ими.
Я полагалъ, что есть у нихъ на столько
Правдивости, иль, наконецъ, приличья,
Что потерпѣть не захотятъ они,
Чтобъ человѣкъ въ такомъ высокомъ санѣ,
Столь близкій намъ, ждалъ приказаній ихъ
И милости—у двери, какъ разсыльный
Съ пакетами. Клянусь Святою Дѣвой,
Такъ подлецы лишь могутъ поступать!
Задерни занавѣску; намъ сегодня
Еще не то придется услыхать.
(Скрываются).

СЦЕНА III.

Зала совѣта.

Входятъ лордъ-канцлеръ, герцоги Норфолькъ *и* Суффолькъ, графъ Серри, лордъ-камергеръ, Гардинеръ *и* Кромвель. *Канцлеръ садится въ верхнемъ концѣ стола, по лѣвую сторону; выше его мѣсто архіепископа Кентерберійскаго остается пустымъ. Остальные всѣ садятся по порядку по обѣимъ сторонамъ. Кромвель, какъ секретарь, занимаетъ мѣсто на нижнемъ концѣ.* Привратникъ *стоитъ у двери.*

Канцлеръ.

Лордъ-секретарь, приступимъ прямо къ дѣлу.
Зачѣмъ сюда мы собрались?

Кромвель.

Милорды
Почтенные, главнѣйшая причина
Касается милорда Кентербери.

Гардинеръ.

Онъ извѣщенъ объ этомъ?

Кромвель.

Точно такъ.

Норфолькъ.

Кто ждетъ тамъ?

Привратникъ.

Гдѣ? за дверью, лорды?

Гардинеръ.

Да.

Привратникъ.

Милордъ архіепископъ. Съ полчаса
Уже онъ ждетъ, что будетъ вамъ угодно
Сказать ему.

Канцлеръ.
Впустить его сюда!

Привратникъ.
Теперь взойти вамъ можно, ваша свѣтлость.

Входитъ Кранмеръ *и приближается къ столу.*

Канцлеръ.
Добрѣйшій лордъ архіепископъ, больно
Мнѣ здѣсь сидѣть и видѣть ваше кресло
Незанятымъ. Но мы, вѣдь, люди всѣ,—
Намъ слабости дала сама природа
И сдѣлала рабами плоти. Мало
Есть ангеловъ. По слабости-то этой
И мудрости отсутствію, вы сами,
Который намъ служить примѣромъ долженъ,
Попались въ грѣхъ, немаловажный грѣхъ;
Онъ короля касается, во-первыхъ,
А во-вторыхъ, его законовъ: вы—
Какъ знаемъ мы о томъ—по государству,
Какъ собственнымъ ученьемъ, такъ посредствомъ
Священниковъ своихъ, распространяли
Всѣ новыя и пагубныя мнѣнья,
Которыя мы ересью зовемъ.
Искоренить ихъ можно намъ—иначе
Грозитъ бѣда большая.

Гардинеръ.
Да, милорды,
И мѣрою искоренить внезапной,
Рѣшительной. Вѣдь, дикаго коня
Кто укротить берется, тотъ не станетъ
Ласкать его и гладить, а зажметъ
Строптивый ротъ стальными удилами
И будетъ бить и шпорами до тѣхъ поръ
Его, пока не усмирится онъ.
Такъ если мы, изъ лѣности беспечной,
Изъ жалости ребяческой, боясь
Честь чью-нибудь задѣть, не остановимъ
Губительной заразы этой вдругъ—
Прощай тогда спасенье! И какія
Послѣдствія отъ этого? Лишь бунты
Да мятежи, да общая зараза
По всей странѣ. Еще недавно наши
Германскіе сосѣди показали
Такой примѣръ печальный—и свѣжо
У насъ въ сердцахъ воспоминанье это.

Кранмеръ.
Почтенные и добрые милорды,
До этихъ поръ, въ теченье жизни всей
И службы, я старался постоянно
И ревностно, чтобы мои слова
И строгія обязанности сана
Однимъ путемъ и безупречно шли
Всегда къ одной и той же цѣли—къ благу.
Нѣтъ на землѣ, милорды, человѣка—
Безъ хвастовства я это говорю—
Который бы, по совѣсти, по мѣсту
Служебному, былъ болѣе меня
Противникомъ и больше ненавидѣлъ
Смущающихъ общественный покой.
Дай Богъ, чтобъ всѣ служили государю
Съ неменьшею любовью. Люди тѣ,
Которые питаются лишь злобой
Да завистью, вѣдь, не боятся грызть
И самое прекрасное. Милорды,
Я васъ молю, въ теперешнемъ процессѣ,
Кто-бъ ни были винящіе меня,
Поставить ихъ лицомъ къ лицу со мною,
И пусть они свободно говорятъ,
Что думаютъ.

Суффолькъ.
Нѣтъ, это невозможно,
Милордъ, вы членъ совѣта, и никто
Васъ обвинить открыто не посмѣетъ.

Гардинеръ.
Милордъ, у насъ еще есть много дѣлъ
Значительнѣй, чѣмъ ваше. Потому-то
Мы поспѣшимъ. По волѣ государя
И нашему согласью, для того,
Чтобъ лучшій ходъ имѣлъ нашъ судъ надъ вами,
Отсюда вы должны сейчасъ же въ Тоуэръ
Отправиться. Тамъ частнымъ человѣкомъ
Вы станете, какъ прежде, и тогда
Увидите, что многіе посмѣютъ
Васъ обвинить открыто; и такихъ,
Я думаю, найдется много больше,
Чѣмъ сами вы предвидите.

Кранмеръ.
Ахъ, добрый
Лордъ Винчестеръ, благодарю васъ; вы
Всегда, вѣдь, мнѣ хорошимъ другомъ были.
О, сдѣлайся по вашему, конечно
Нашелъ бы въ васъ я своего судью:
Вы такъ добры и милосерды. Вижу
Я вашу цѣль: она—моя погибель.
Почтенный лордъ, смиренье и любовь
Приличнѣе, чѣмъ жажда честолюбья,
Духовному лицу: не отвергать
Оно должно, а кротостію слова
Къ себѣ сердца заблудшихъ приближать.
Что я вполнѣ успѣю оправдаться—
Чѣмъ ни было-бъ терпѣніе мое
Терзаемо—я сомнѣваюсь въ этомъ
Столь мало-же, какъ мало вы стыдитесь
Свершать дѣла дурныя каждый день.
Сказалъ бы я и больше, но смиряюсь,
Затѣмъ что въ васъ я званье ваше чту.

Гардинеръ.

Милордъ, милордъ, вы еретикъ—и въ этомъ
Сомнѣнья нѣтъ. Кто понимаетъ васъ,
Тотъ различитъ подъ этимъ яркимъ лоскомъ
Одни слова и слабости.

Кромвель.

Милордъ,
Простите мнѣ, но вы немного рѣзки
Въ своихъ рѣчахъ. Такой почтенный мужъ,
Когда-бъ и былъ виновенъ, все жъ имѣетъ
На уваженье право, хоть бы въ память
Того, чѣмъ былъ онъ прежде. Оскорблять
Упавшаго—жестоко.

Гардинеръ.

Извините,
Любезнѣйшій нашъ секретарь, но, право,
Такъ говорить вамъ можно меньше, чѣмъ
Кому-нибудь изъ всѣхъ сидящихъ съ нами.

Кромвель.

А почему, милордъ?

Гардинеръ.

Да развѣ мнѣ
Невѣдомо, что къ этой новой сектѣ
Привязаны вы также? сами вы
Нечисты.

Кромвель.

Я нечистъ?

Гардинеръ.

Да, повторяю,
Нечисты вы.

Кромвель.

Когда бъ хоть въ половину
Вы были такъ же чисты, вѣрно насъ,
Не страхъ людей—молитвы провожали-бъ.

Гардинеръ.

Рѣчь дерзкую я эту не забуду.

Кромвель.

Я очень радъ. Да не забудьте также
И дерзкую жизнь вашу.

Канцлеръ.

Это слишкомъ!
Милорды, перестаньте; постыдитесь!

Гардинеръ.

Я все сказалъ.

Кромвель.

И я.

Канцлеръ (*Кранмеру*).

Что васъ, милордъ,
Касается, такъ здѣсь единодушно
Рѣшили всѣ, что въ Тоуэръ вы должны
Отправиться сейчасъ и тамъ остаться,
Пока король дальнѣйшихъ приказаній
Не сообщитъ совѣту. Такъ, милорды?
Согласны вы?

Всѣ.

Согласны.

Кранмеръ.

Неужели
Другого нѣтъ спасенья для меня,
И долженъ я итти, какъ плѣнникъ, въ Тоуэръ?

Гардинеръ.

Чего жъ еще вы ждете? Вы ужасно
Докучливы. Позвать сюда изъ стражи
Кого-нибудь!

Входитъ стража.

Кранмеръ.

Какъ, стража для меня?
И я пойду подъ стражей, какъ измѣнникъ?

Гардинеръ.

Эй, взять его и въ Тоуэръ отвести!

Кранмеръ.

Позвольте мнѣ два слова вамъ сказать,
Почтенные милорды. Въ силу перстня
Вотъ этого, процессъ мой исторгаю
Я изъ когтей людей жестокосердныхъ
И отдаю его судьѣ другому,
Правдивому—монарху, моему
Властителю.

Камергеръ.

То—перстень королевскій.

Серри.

Дѣйствительно,—онъ не поддѣльный.

Суффолькъ.

Да.
Свидѣтель Богъ, то настоящій перстень.
Я говорилъ вамъ всѣмъ, что этотъ камень—
Чуть тронемъ мы—на насъ же упадетъ.

Норфолькъ.

Неужли же вы думали, милорды,
Что государь позволитъ повредить
Хотя мизинецъ этого прелата?

Канцлеръ.

Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнья: жизнь его

Такъ высоко онъ цѣнитъ... Мнѣ душевно
Хотѣлось бы остаться въ сторонѣ.

Кромвель.

Я твердо былъ увѣренъ, что, сбирая
Со всѣхъ сторонъ доносы на него—
Правдивости котораго лишь дьяволъ
И дьявола служители способны
Завидовать—вы пламя раздували,
Которое самихъ же васъ теперь
Сожжетъ. Ну, что жъ, и расправляйтесь сами!

Входитъ король; *онъ гнѣвно взглядываетъ на присутствующихъ и садится на свое мѣсто.*

Гардинеръ.

Великій повелитель, каждый день
Благодарить обязаны мы Бога,
Что далъ онъ намъ такого короля,
Въ комъ доброта и мудрость сочетались
Съ прекраснѣйшимъ религіознымъ чувствомъ;
Кто, полный весь смиренья, ставитъ церковь
Вѣнцомъ своей державной славы; кто,
Изъ чистаго почтенья къ ней и съ цѣлью
Еще сильнѣй окрѣпнуть въ этомъ долгѣ
Священнѣйшемъ, самъ, царственной особой,
Пришелъ сюда, чтобъ выслушать процессъ
Межъ церковью и этимъ человѣкомъ,
Такъ глубоко обидѣвшимъ ее.

Король.

Лордъ Винчестеръ, всегда вы отличались
Способностью—похвальныя слова
Произносить экспромтомъ; но сюда я
Пришелъ не съ тѣмъ, чтобъ слушать эту лесть.
Въ ней пошлости и низости такъ много,
Что ей не скрыть поступковъ вашихъ злыхъ.
Не обмануть меня вамъ. Какъ болонка,
Виляя языкомъ, хотите вы
Меня прельстить. Но что бы обо мнѣ
Ни думалъ ты—я твердо въ томъ увѣренъ,
Что и жестокъ и кровожаденъ ты.

(Кранмеру).

Сядь, добрый человѣкъ. Теперь посмотримъ,
Гдѣ дерзкій тотъ, который погрозить
Осмѣлится тебѣ однимъ хоть пальцемъ?
Клянусь я всѣмъ священнымъ, что ему
Ужъ лучше бы отъ голоду издохнуть,
Чѣмъ только мысль простую возымѣть,
Что этого ты мѣста не достоинъ.

Серри.

Коль будетъ вамъ угодно, государь.

Король.

Нѣтъ, сэръ, совсѣмъ не будетъ мнѣ угодно.
Я полагалъ, что люди съ здравымъ смысломъ
И мудрые сидятъ въ моемъ совѣтѣ;
Но страшно я ошибся. Хорошо ль,
Милорды, вы, скажите, поступили,
Заставивши у двери ждать его,
Какъ вшиваго разсыльнаго—его,
Который добръ и честенъ, и по сану
Вамъ равенъ всѣмъ? Позоръ и срамота!
Да развѣ вамъ я далъ уполномочье
Забыться такъ? Я правомъ васъ облекъ
Судить его—но такъ судить, какъ члена
Совѣта моего, не какъ лакея.
Я знаю, здѣсь такіе люди есть,
Которые—скорѣй по хитрой злобѣ,
Чѣмъ по любви къ правдивости—надъ нимъ
Желали-бъ судъ произнести ужасный;
Но не бывать тому, пока я живъ.

Канцлеръ.

Позвольте мнѣ, великій нашъ властитель,
Къ вамъ рѣчь держать и ею оправдать
Сидящихъ здѣсь. Коль мы приговорили
Его къ тюрьмѣ—то не по злобѣ такъ
Рѣшили мы, а съ тѣмъ, чтобъ только средство
Подать ему предъ свѣтомъ оправдаться
И доказать невинность; за себя
Ручаться я могу, по крайней мѣрѣ.

Король.

Такъ чтите же, милорды, всѣ его,
Въ свою среду его примите снова
И искренно любите—онъ достоинъ
Того вполнѣ. Скажу еще я больше:
Коль государь обязанъ можетъ быть
Кому-нибудь изъ подданныхъ, такъ это,
Конечно, я—за преданность его
И вѣрное служенье. Обнимитесь
И станьте всѣ друзьями. Добрый мой
Милордъ Кентерберійскій, я имѣю
Еще одну къ вамъ просьбу—вы не вправѣ
Мнѣ отказать. Прекрасная малютка
Нуждается въ крещеньи. Воспринять
Обязаны ее вы отъ купели.

Кранмеръ.

Такая честь составила бы гордость
Славнѣйшаго изъ всѣхъ живыхъ царей;
Такъ чѣмъ же я, вашъ подданный смиренный,
Могъ заслужить ее?

Король.

Ну, полно, полно!
Я думаю, что рады были-бъ вы
Не тратиться на ложки. Благородныхъ
Товарищей я дамъ вамъ: герцогиню
Норфолькъ и съ ней маркизу Дорсетъ
Что жъ,

КРЕСТИНЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.
Картина извѣстнаго англ. художника Петерса (Rev. Matthew Peters 1740—1814).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Довольны вы? Лордъ Винчестеръ я снова
Прошу его обнять и полюбить.

Гардинеръ.

Цѣлую васъ отъ искренняго сердца
И съ братскою любовью.

Крамнеръ.

Видитъ Богъ,
Какъ сладостно мнѣ это увѣренье!

Король.

Мужъ праведный, по радостнымъ слезамъ
Я узнаю, что говоришь ты правду.
Да, видно, справедлива поговорка
Народная: „милорду Кентербери
Ты сдѣлай зло—твоимъ онъ другомъ станетъ".
Идемте же, милорды; время тратимъ
Мы только понапрасну; мнѣ-бъ хотѣлось
Скорѣй мою малютку окрестить.
Я примирить успѣлъ, милорды, васъ.
Совѣтую навѣкъ друзьями намъ остаться,
Чтобъ власть мою поднять, самимъ же возвышаться. *(Уходитъ).*

СЦЕНА IV.

Дворцовый дворъ.

Шумъ и суматоха за сценой. Входятъ привратникъ *со своимъ* помощникомъ.

Привратникъ. Да перестанете ли вы шумѣть, канальи? Никакъ вы королевскій дворъ приняли за Парижскій садъ. Довольно вамъ горланить, бѣшеные!

Голосъ за сценой. Добрый господинъ привратникъ, я принадлежу къ кухнѣ.

Привратникъ. Ты принадлежишь къ висѣлицѣ, и на ней бы висѣть тебѣ, негодяй! Ну, мѣсто ли здѣсь шумѣть тебѣ? Принесите-ка мнѣ дюжину яблонныхъ палокъ, да поплотнѣе; эти—просто хлыстики. Вотъ я понагрѣю вамъ головы! Тоже захотѣли посмотрѣть на крестины! Захотѣлось, видно, элю да пироговъ, канальи!

Помощникъ.

Оставьте ихъ въ покоѣ; невозможно
Ихъ отгонять отъ двери—развѣ къ пушкамъ

Прибѣгнете—какъ невозможно спать
Заставить ихъ въ день первый мая. Право,
Скорѣе храмъ святого Павла съ мѣста
Вы сдвинете, чѣмъ эту всю толпу.

Привратникъ. Да какъ же, чортъ ихъ побери, ворвались они сюда?

Помощникъ.
Я этого не знаю; вѣрно, такъ же,
Какъ и приливъ. Что можно было сдѣлать
Здоровою и длиною дубиной—
Вы видите ея остатокъ жалкій—
Я сдѣлалъ, сэръ.

Привратникъ.
Ты ничего не сдѣлалъ.

Помощникъ. Да, вѣдь, я не Самсонъ, не сэръ Гугъ, не Кольбрандъ, чтобъ косить ихъ передъ собою. Но если я пощадилъ кого-нибудь, кому можно было проломить голову—старика или молодого, его или ее, того, кто носитъ рога, или ту, что приставляетъ рога—чтобъ не видать мнѣ больше ни куска мяса. А на это я не соглашусь даже за корону—спаси ее Господи!

Голосъ за сценой. Послушайте, господинъ привратникъ!

Привратникъ. Сейчасъ явлюсь къ вамъ, мой милѣйшій. Эй, ты! запри двери и не пускай никого.

Помощникъ. Да что же прикажете мнѣ дѣлать?

Привратникъ. Что дѣлать? Да валять ихъ цѣлыми дюжинами. Что это—Мурское поле, что ли? или ужъ не явился ли ко двору какой-нибудь индіецъ съ большими снастями, что женщины такъ осаждаютъ насъ? *(Шумъ).* Господи помилуй, что это за безпутная сволочь толпится у воротъ! Клянусь своею христіанской совѣстью, однѣ эти крестины породятъ тысячи; тутъ и настоящіе, и крестные отцы—все, что хочешь.

Помощникъ. Тѣмъ больше будетъ ложекъ, сэръ. Вонъ тамъ, у воротъ, стоитъ человѣкъ; судя по лицу его, онъ долженъ быть мѣдникъ, потому что, клянусь совѣстью, у него въ носу царствуетъ теперь двадцать каникулярныхъ дней, и стоящіе подлѣ него находятся подъ экваторомъ—другого наказанія имъ уже не нужно. Этого дракона я уже три раза съѣздилъ по головѣ, и всѣ три раза носъ его обдавалъ меня огнемъ; онъ стоитъ, точно мортира, готовая выстрѣлить въ насъ. Около него суетилась какая-то полоумная торговка и принялась ругать меня за то, что я надѣлалъ такой пожаръ въ государствѣ—и ругала до тѣхъ поръ, пока ея приплюснутая миска не полетѣла съ головы. Замахнувшись на мой метеоръ, я нечаянно съѣздилъ по затылку эту бабу, и она зарѣвѣла! „палокъ! палокъ!“ Тутъ къ ней на помощь кинулось человѣкъ сорокъ палочниковъ—надежда Странда, гдѣ она живетъ. Всѣ напали на меня—я не сдавался; наконецъ, подошли на разстояніе метлы—я все стоялъ твердо. Вдругъ изъ-за ихъ спины толпа мальчишекъ пустила въ меня такимъ градомъ камней, что я принужденъ былъ спасти честь свою бѣгствомъ и уступить имъ поле сраженія. Что между ними былъ дьяволъ—въ этомъ я совершенно увѣренъ.

Привратникъ. Это гуляки, которые въ театрѣ шумятъ и дерутся изъ-за отвѣданнаго яблока и шума, которыхъ не могутъ выносить никакіе слушатели, кромѣ товергильскаго цеха да членовъ Лаймгоуза, ихъ дорогихъ собратьевъ. Нѣсколькихъ изъ нихъ я засадилъ уже въ *Limbo Patrum,* гдѣ они могутъ свободно танцовать эти три дня, въ ожиданіи десерта, который будетъ состоять изъ розогъ.

Входитъ лордъ-камергеръ.

Камергеръ.
Создатель мой, что за толпа такая!
Со всѣхъ сторонъ тѣснятся и бѣгутъ,
Какъ будто-бы на ярмарку. Да гдѣ же
Привратники—негодные лѣнтяи?
Ну, хорошо жъ работаете вы,
Хорошую вы напустили сволочь!
Ужъ это все не ваши ли друзья
Достойные изъ городскихъ предмѣстій?
Ну, мѣста тутъ не будетъ нашимъ лэди,
Когда онѣ пойдутъ назадъ съ крестинъ.

Привратникъ.
Почтенный лордъ, я доложить осмѣлюсь:
Вѣдь, люди мы. Что можно было сдѣлать,
Безъ страха быть разорваннымъ въ куски—
Мы сдѣлали. А съ ними совладать
И арміи, повѣрьте, не удастся.

Камергеръ.
Пусть только мнѣ дастъ выговоръ король—
И я, клянусь; немедленно въ колодки
Васъ засажу за дерзкую небрежность!
Негодные лѣнтяи! вы съ виномъ
Тутъ возитесь, а службу позабыли.
Но, чу! трубятъ: они идутъ съ крестинъ.
Эй, вы! скорѣй раздвиньте эту сволочь,

Прочистите свободную дорогу
Процессіи, не то—я васъ упрячу
Недѣль на восемь въ ближнюю тюрьму.

Привратникъ. Дайте дорогу принцессѣ!

Помощникъ. Эй, ты, длинноногій, посторонись, коли не хочешь пріобрѣсти головную боль.

Привратникъ. Ты фуфаешникъ, проваливай отсюда, не то—переброшу черезъ рѣшетку. *(Уходятъ).*

СЦЕНА V.

Во дворцѣ.

Трубы. Входятъ два АЛЬДЕРМЕНА, ЛОРДЪ-МЭРЪ, ГЕРОЛЬДЪ, КРАНМЕРЪ, ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ, *съ маршальскимъ жезломъ, и* ГЕРЦОГЪ СУФФОЛЬКЪ; *два нобльмена несутъ крестинные подарки—большія чаши на ножкахъ; четыре нобльмена несутъ балдахинъ, подъ которымъ идетъ крестная мать,* ГЕРЦОГИНЯ НОРФОЛЬКЪ, *съ ребенкомъ, одѣтымъ въ богатую мантію и т. д. Шлейфъ ея несетъ лэди. За нею слѣдуютъ* МАРКИЗА ДОРСЕТЪ, *другая крестная мать, и прочія лэди. Вся процессія проходитъ по сценѣ.*

Герольдъ. Да даруетъ Небо, въ своей безконечной благости, долгую, спокойную, вѣчносчастливую жизнь высокой и могущественной принцессѣ англійской, Елизаветѣ!

Трубы. Входитъ КОРОЛЬ *со свитой.*

Кранмеръ *(преклоняя колѣни).*
О вашемъ же величествѣ и доброй
Монархинѣ, за славныхъ воспріемницъ
И за себя, я такъ молюсь: дай Богъ,
Чтобъ каждый часъ въ ребенкѣ чудномъ этомъ
Для васъ росли вся радость, счастье все,
Какія лишь давать способно Небо
Родителямъ.

Король.
Благодаренье вамъ,
Мой добрый лордъ архіепископъ. Какъ же
Ее зовутъ?

Кранмеръ.
Елизаветой.

Король.
Лордъ,
Прошу васъ встать.
(Цѣлуя дитя). Прими съ лобзаньемъ этимъ
Мое благословенье. Пусть Господь
Хранитъ тебя! Въ Его святыя руки
Я отдаю всю жизнь твою.

Кранмеръ.
Аминь.

Король.
У васъ, моихъ достойныхъ воспріемницъ,
Рука щедра ужъ слишкомъ. Отъ души
Благодарю. Васъ точно также будетъ
Благодарить и барышня моя,
Когда начнетъ, какъ должно, выражаться
По-англійски.

Кранмеръ.
Позвольте, государь,
Сказать вамъ то, что мнѣ внушаетъ Небо,
И да никто не приметъ словъ моихъ
За лесть: они на дѣлѣ подтвердятся.
Сей царственный ребенокъ—да хранитъ
Его Господь вовѣки—въ колыбели
Уже сулитъ для этой всей страны
Несмѣтное число благословеній:
Отъ времени созрѣютъ всѣ они.
Она—дожить до этой благодати
Немногимъ намъ удастся—образцомъ
Послужитъ всѣмъ, какъ современнымъ съ нею
Властителямъ, такъ и позднѣйшимъ. Саба
Во весь свой вѣкъ такъ не любила мудрость
И добрыя дѣянія, какъ ихъ
Любить ея душа святая будетъ.
Удвоятся въ ней царственныя всѣ
Достоинства великаго отца
И доблести, что украшаютъ добрыхъ;
Правдивость ей кормилицею будетъ,
А помыслы небесные—ея
Всегдашними совѣтниками; людямъ
Она вселитъ любовь и вмѣстѣ страхъ;
Друзья ее благословятъ; враги же,
Какъ смятые колосья, задрожатъ
И въ ужасѣ поникнутъ головами.
Съ ней возрастетъ и счастіе страны;
При ней всегда спокойно будетъ каждый
Подъ собственной лозой питаться тѣмъ,
Что самъ же онъ посѣялъ, и сосѣдямъ
Пѣть пѣсни мира, полныя любви.
Творца земли познаютъ всѣ, какъ должно;
Всѣ близкіе узнаютъ отъ нея,
Какъ слѣдовать прямой дорогой чести
И ею лишь величья достигать—
Не знатностью. И это счастье съ нею
Не кончится: какъ дѣвственница-фениксъ,
Волшебница, изъ праха своего
Творитъ себѣ преемницу, такую жъ
Чудесную, какъ и она сама,
Такъ и она, когда изъ сей юдоли
Печальной тьмы ее возьметъ Господь,

Свою красу преемнику оставитъ;
Его создастъ священный прахъ ея
Величія, и изъ него звѣздою
Возникнетъ онъ и славою своей
Сравнится съ ней. И миръ, и изобилье,
И истина, и ужасъ, и любовь,
Служившіе вотъ этому ребенку
Чудесному—все перейдетъ къ нему
И, какъ лоза, вокругъ него повьется.
Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только свѣтитъ солнце
Небесное, блескъ имени его
И доблести великія пребудутъ
И новые народы создадутъ.
Онъ зацвѣтетъ и, точно кедръ нагорный,
Широкими вѣтвями осѣнитъ
Окрестныя долины. Дѣти нашихъ
Дѣтей увидятъ это все—и Небо
Благословятъ.

Король.

Какія чудеса
Пророчишь ты!

Кранмеръ.

Для счастія отчизны
Она до лѣтъ преклонныхъ доживетъ;
И много дней надъ нею пронесется,
И ни одинъ не минетъ безъ того,
Чтобъ подвигомъ благимъ не увѣнчаться.
О, если бы я больше ничего
Не могъ прозрѣть! Но умереть ей должно
Когда-нибудь: святые ждутъ ее;
И дѣвою сойдетъ она въ могилу,
Какъ лилія чистѣйшая, и міръ
Одѣнется глубокою печалью.

Король.

О, лордъ архіепископъ, лишь теперь
Меня отцомъ ты сдѣлалъ настоящимъ!
До этого счастливаго ребенка,
Могу сказать, дѣтей я не имѣлъ.
Ты такъ меня хорошимъ предсказаньемъ
Обрадовалъ, что даже и съ небесъ
Я захочу на этого ребенка
Смотрѣть сюда и воздавать хвалу
Создателю. Васъ всѣхъ благодарю я;
Вамъ, добрый мой лордъ-мэръ, и вашимъ всѣмъ
Товарищамъ душевно я обязанъ;
Присутствіемъ своимъ большую честь
Вы сдѣлали, и быть вамъ благодарнымъ
Съумѣю я. Пойдемте, господа,
Я долженъ васъ представить королевѣ,
И васъ должна она благодарить,
Иначе ей не вылѣчиться. Нынче
Забудьте всѣ домашнія дѣла,—
Вы—гости всѣ мои. Молютки этой сила
День нынѣшній для насъ въ день празднествъ
превратила. (*Уходятъ*).

ЭПИЛОГЪ.

Пари готовъ держать, что не могла для всѣхъ
Піеса эта быть вполнѣ цѣнимой. Тѣхъ,
Что отдохнуть хотятъ, сбираясь въ этой залѣ,
И актъ иль два соснуть—пожалуй, напугали
Мы звукомъ нашихъ трубъ; такъ эти господа,
Конечно, поспѣшатъ негодной никуда
Назвать ее. И тѣ, кого влечетъ желанье
Взглянуть на общее всѣхъ гражданъ осмѣянье
И крикнуть: „какъ остро!", здѣсь тоже ничего
По сердцу не нашли сегодня. Оттого
Похвалъ обычныхъ мы никакъ не ожидаемъ
И всю надежду лишь на женщинъ возлагаемъ
Съ душою мягкою, затѣмъ что мы для нихъ
Представили одну изъ добрыхъ женъ такихъ,
Когда съ улыбкою сегодня одобренье
Онѣ намъ выскажутъ, въ то самое мгновенье,
Я знаю, перейдутъ вслѣдъ за ними къ намъ
Мужчины лучшіе: вѣдь, былъ бы стыдъ и срамъ,
Чтобъ эти господа молчаніе хранили,
Когда бы дамы ихъ похлопать попросили!

П. Вейнбергъ.

ГЕНРИХЪ VIII.

Портретъ Гольбейна (Hans Holbein).

«Примите въ вашемъ воображеніи эту сцену за корабль, на палубѣ котораго выступаетъ Периклъ, объятый страхомъ бури».

Стр. 37. Периклъ:

Пусть будетъ нравъ твой кротокъ потому,
Что никогда на свѣтъ не появлялась
Съ такимъ привѣтомъ грубымъ дочь царя.

Полагаютъ, что въ сохранившемся шекспировскомъ текстѣ здѣсь пропускъ, такъ какъ у Уилькинса этотъ эпизодъ переданъ слѣдующимъ образомъ: «Между тѣмъ какъ добрый государь бранилъ ураганъ и умолялъ луну, явилась на палубу мамка Лихорида и положила въ его руки новорожденное дитя, которое онъ поцѣловалъ со словами: «Бѣдный ты кусочекъ природы, бурный пріемъ получаешь ты при появленіи на свѣтъ, какъ ни одна дочь царицы; такъ бурно твое рожденіе, какъ только могли сдѣлать огонь, воздухъ, земля и небо». Выраженіе «бѣдный кусочекъ (собств. дюймъ — poor inch of Nature) природы» носитъ вполнѣ шекспировскій отпечатокъ.

Стр. 40. Церимонъ: *Слышалъ я*

Разсказъ объ египтянкѣ, что лежала,
Какъ бы объята смертью, въ продолженье
Восьми часовъ. Она затѣмъ воскресла,
Благодаря хорошему уходу.

Какъ испорчено это мѣсто въ сохранившемся текстѣ, показываетъ разсказъ Уилькинса: «Я слышалъ объ египтянахъ, что они черезъ четыре часа послѣ—если можно это такъ назвать—смерти, пробуждали къ прежнему бытію безжизненныя тѣла, вродѣ этого».

Стр. 40. Церимонъ: *Дай мнѣ склянку.*

Въ старѣйшихъ изданіяхъ vial, т.-е. склянка; въ 1 изданіи quarto уже viol, то-есть скрипка, что также подходило бы къ словамъ Церимона, зовущаго музыкантовъ. Однако, Уилькинсъ говоритъ: «Вливъ ей въ ротъ драгоцѣнную жидкость, онъ замѣтилъ, какъ понемногу усиливается жизненная теплота».

Стр. 40. Таиса: *Діана, гдѣ же я? Кто эти люди? Гдѣ мой супругъ?*

Слова эти взяты буквально изъ «Confessio amantis» Говера; но текстъ и здѣсь очевидно испорченъ, такъ какъ у Уилькинса Таиса получаетъ отвѣтъ Церимона на свой отчаянный вопросъ.

Стр. 43. *Берегъ моря.*

Точнѣе: открытое мѣсто у морского берега.

Стр. 51. Лизимахъ: *Не думалъ,*

Чтобъ говорить такъ складно ты могла.

Нѣкоторые комментаторы находятъ, что переломъ въ Лизимахѣ совершается слишкомъ ужъ быстро. Дѣйствительно, соотвѣтственное мѣсто у Уилькинса показываетъ, что рѣчь Марины и вся эта сцена въ драмѣ сильно сокращены.

Стр. 1. Сводня: *Подожди, перестанешь кичиться своимъ цѣломудріемъ.*

Точнѣе: «Ты, блюдо невинности, украшенное лавромъ и розмариномъ». Въ такомъ видѣ подавались при Шекспирѣ рождественскія блюда.

Стр. 55. *Марина поетъ.*

Текстъ пѣсни Марины, не включенный въ драму, сохранился у Туэйна и Уилькинса; она поетъ: «Я среди распутницъ, но сама не стала распутницей; роза цвѣтетъ въ терновникѣ, но неуязвима для терній. Разбойникъ, похитившій меня, навѣрное давно погибъ; сводня купила меня, но я не осквернила себя плотскимъ преступленіемъ. Не было бы для меня ничего отраднѣе, какъ узнать моихъ родителей; я отпрыскъ короля, и кровь моя королевская кровь. Надѣюсь, что Господь измѣнитъ мое положеніе и пошлетъ мнѣ лучшій день. Осушите слезы, вдохните мужество и прогоните ваше горе, исполнитесь радостію, подымите веселые глаза. Ибо живъ Богъ, создавшій изъ ничего небо и землю. И онъ не хочетъ, чтобы вы провели всю жизнь въ горѣ и скорби я все понапрасну».

Стр. 57. Периклъ... *Дайте мнѣ*

Другое платье. Въ траурной одеждѣ
Я мраченъ и унылъ...

Должно помнить, что, согласно обѣту, Периклъ до сихъ поръ ходилъ въ траурномъ платьѣ.

Стр. 55. Периклъ: *Что я слышу.*

При этомъ Периклъ, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго, отталкиваетъ Марину. Поэтому она ниже говоритъ:

Когда-бъ ты зналъ мое происхожденье,
Не сталъ бы ты, о, царь, гнушаться мной.

Уилькинсъ передаетъ этотъ эпизодъ рѣзче.

ТРОИЛЪ И КРЕССИДА.

(Troilus and Cressida).

Стр. 69. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ появился впервые въ изданіи Roy (1709 г.).

Стр. 70. Прологъ.

Всѣ шесть воротъ у города Пріама.

Названія воротъ Шекспиръ нашелъ въ «Troy-Boke» Лидгэта.

Стр. 70. Прологъ.

И если я, Прологъ, являюсь здѣсь
Вполнѣ вооруженнымъ.

Обыкновенно, актеръ, исполнявшій роль Пролога, былъ одѣтъ въ черное платье; на этотъ разъ онъ въ вооруженіи—и объясняетъ, почему.

Стр. 72. Пандаръ: *Дура она, что остается здѣсь безъ отца.*

Въ источникѣ, которымъ здѣсь пользовался Шекспиръ (Recuyles of or Destruction of Troy» Какстона) разсказано, что отецъ Крессиды, троянскій жрецъ Калхасъ, былъ отправленъ царемъ Трои Пріамомъ въ Грецію узнать у дельфійскаго оракула объ исходѣ войны; получивъ отъ прорицалища роковой отвѣтъ о неминуемой гибели Трои, онъ перешелъ къ грекамъ и оставался въ лагерѣ осаждающихъ, между тѣмъ какъ Крессида жила въ городѣ подъ охраною своего дяди Пандара.

Стр. 72. Троилъ:

Межъ ней и мной и нашимъ Иліономъ.

Иліономъ называлась крѣпость (кремль) Трои, гдѣ былъ расположенъ и царскій дворецъ—жилище царевича Троила.

Стр. 73. Александръ: *Онъ, говорятъ, весьма своеобразенъ.*

Въ подлинникѣ латинское выраженіе per se — самъ по себѣ.

Стр. 73. Александръ: *Это какой-то паралитикъ Бріарей: сто рукъ и не управляется съ ними, или Аргусъ: весь въ глазахъ и ничего не видитъ.*

Два образа греческой миѳологіи: Бріарей — сторукій великанъ, Аргусъ — стоглазый богатырь, обращенный впослѣдствіи въ павлина.

Стр. 75. Пандаръ: *У тебя на подбородкѣ всего пятьдесятъ одинъ волосъ.*

У Шекспира сказано пятьдесятъ два, но такъ какъ въ дальнѣйшихъ словахъ Пандара заключаются намеки на Пріама съ его пятьюдесятью сыновьями, то пятьдесятъ два измѣняютъ въ пятьдесятъ одинъ. *Сѣдой* волосъ—Пріамъ; Парисъ—*раздвоенный*, т.-е.—рогатый.

Стр. 75. *Троилъ такъ плачетъ о тебѣ, какъ будто въ апрѣлѣ родился.*

Апрѣль—самый дождливый мѣсяцъ.

Стр. 75. *Станемъ здѣсь и поглядимъ.*

На Шекспировскомъ театрѣ они при этомъ всходили на балконъ въ глубинѣ сцены и оттуда, оставаясь невидимыми для прочихъ дѣйствующихъ лицъ, смотрѣли на войска и вождей, возвращающихся съ поля битвы въ крѣпость.

Стр. 76. Крессида: *Человѣкъ изъ особеннаго тѣста, въ которое и финиковъ класть не надо.*

Игра словъ, недоступная передачѣ: date значитъ и финикъ и человѣческій вѣкъ.

Стр. 78. Несторъ:

Корабль... несется,
Похожій на Персеева коня.

Въ Destruction of Troy разсказывается, что Персей изъ крови убитой имъ Медузы сдѣлалъ корабль въ видѣ коня по имени Пегасъ, необычайно быстрый.

Стр. 79. Улиссъ:

И, какъ актеръ бездарный, весь таланты
Котораго лишь въ подколѣнной жилѣ,
Въ бесѣдѣ ногъ съ кроватью деревянной.

Весь комизмъ этого актера заключается въ томъ, что онъ ходитъ, согнувши ноги, и стучитъ по деревянной сценѣ.

Стр. 79. *Какъ на Вулкана мощнаго—жена.*

Женой колченогаго уродливаго Вулкана была Венера.

Стр. 82. Несторъ:

. . . *Заглавье, что въ себѣ*
Таитъ суть книги.

Собственно, не «заглавіе», а «оглавленіе» (index), въ небольшомъ объемѣ воплощающее все содержаніе цѣлой книги; такъ и примѣрный поединокъ греческаго воина съ Гекторомъ будетъ воплощеніемъ, символомъ всей борьбы грековъ съ троянцами.

Стр. 82. Улиссъ: *Излѣчимъ навсегда и Мирмидона Великаго.*

Мирмидоняне, ахейское племя, были подъ Троей подъ начальствомъ Ахилла.

Стр. 82. *Чѣмъ даже лукъ сверкающей Ириды.*

Ирида—въ греч. миѳол.—божество радуги.

Стр. 83. Терситъ: *Чтобы греческая проказа тебя взяла.*

Въ греческомъ лагерѣ свирѣпствовало повѣтріе.

Стр. 84. *Возьми тебя чесотка съ твоими лошадиными наклонностями.*

Въ подлинникѣ Терситъ желаетъ Аяксу получить сибирскую язву, такъ какъ онъ брыкается ногами по-лошадиному.

Стр. 84. *Какъ Церберъ на красоту Прозерпины.*

Церберъ—трехглавый сторожевой песъ у преддверія преисподней; Прозерпина — жена Плутона, богиня ада.

Стр. 84. Аяксъ: *Вѣдьминъ пометъ.*

Въ подлинникѣ stool for a witch, стулъ для вѣдьмы, то-есть особое сидѣніе, къ которому въ шекспирово время привязывали женщинъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ, для «испытанія водою».

Стр. 84. Терситъ: *Мозгъ его не стоитъ и воробьинаго хвоста.*

Въ подлинникѣ Терситъ употребляетъ латинскій терминъ pia mater, обозначающій мозговую оболочку.

Стр. 84. *Я служу здѣсь самъ по себѣ.*

Терситъ хочетъ сказать, что участвуетъ въ троянской войнѣ въ качествѣ добровольца.

Стр. 85. Гекторъ: *Если поклоненье преувеличитъ божество...*

Сохранившіеся тексты этой фразы расходятся. По чтенію изданія folio выходитъ, что нелѣпое самодурство склоняется къ тому, къ чему почувствовало болѣзненное влеченіе. По чтенію quarto—это самодурство приписываетъ предмету своего влеченія качества, которыхъ онъ не имѣетъ.

Стр. 86. Троилъ:

. . . *Онъ привозитъ*
Взамѣнъ старухи тетки—дивный перлъ.

Путешествіе Париса въ Грецію, откуда онъ возвратился съ Еленой, имѣло цѣлью привезти оттуда тетку Гезіону, сестру его отца Пріама. Ея отецъ Лаомедонъ обѣщалъ ее Геркулесу, но не сдержалъ слова; тогда Геркулесъ отобралъ ее силой и отдалъ своему другу Теламону; отъ этого брака произошелъ Аяксъ (одинъ изъ двухъ Аяксовъ, личности которыхъ объединены въ драмѣ Шекспира). Пріамъ требовалъ ея возвращенія черезъ Антенора—того самаго, на котораго обмѣниваютъ Крессиду; но греки отказали въ ея выдачѣ—и за нею былъ отправленъ самъ царевичъ Парисъ, но привезъ вмѣсто старой тетки Елену Прекрасную.

Стр. 87.

Входитъ Кассандра въ дикомъ возбужденіи.

Въ изданіи folio сказано: съ волосами, всклокоченными выше ушей.

Стр. 87. Кассандра:

. . . *Насъ сожжетъ Парисъ—*
Онъ страшный факелъ.

По преданію, царица Гекуба, во время беременности Парисомъ, видѣла во снѣ, что рождаетъ горящій факелъ.

Стр. 88. Гекторъ:

. . . *которыхъ Аристотель*
Считаетъ неспособными учиться
Моральной философіи.

Шекспиръ такъ же не читалъ Аристотеля, какъ и Гекторъ, относимый преданіемъ за нѣсколько вѣковъ до Аристотеля. Полагаютъ, что мнѣніе, ошибочно приписываемое здѣсь Аристотелю, который считаетъ молодежь неспособной лишь къ политикѣ, взято изъ знаменитаго труда Бэкона.

Стр. 88. *Я послалъ*
Въ станъ греческій свой громоносный вызовъ...

Въ подлинникѣ онъ называетъ свой вызовъ хвастливымъ; быть можетъ, онъ сдѣлалъ его въ самоувѣренномъ тонѣ, чтобы раздражить противниковъ.

Стр. 88. Терситъ: *Пусть неаполитанская костоѣда пожираетъ ихъ.*

Неаполитанской называлась (ср. «Отелло», д. III, сц. I) та болѣзнь, которую теперь называютъ иногда французской.

Стр. 89. Терситъ: *Патроклъ дуракъ самъ по себѣ, коренной.*

Въ подлинникѣ: положительный; другіе—дураки въ сравненіи съ тѣми, кто умнѣе ихъ, а Патроклъ—дуракъ безъ всякаго сравненія.

Стр. 90. Улиссъ: *У слона есть суставы, но не для любезностей. Ноги ему даны лишь на потребу, а не для колѣнопреклоненій.*

При Шекспирѣ было распространено убѣжденіе, что у слона ноги не сгибаются и что онъ поэтому не можетъ становиться на колѣни.

Стр. 91. Улиссъ:

Въ созвѣздье Рака угли подсыпать.

Созвѣздіе Рака, въ которомъ солнце (*Огонь Гиперіона*) проходитъ лѣтомъ, считалось очень жаркимъ.

Стр. 92. Улиссъ: *Самъ Милонъ, Кротонскій волоносецъ.*

Милонъ, знаменитый греческій силачъ изъ Кротоны (жившій около 520 г. до Р. Хр.), нѣсколько разъ побѣждалъ на олимпійскихъ играхъ и однажды, поднявъ на плечи четырехлѣтняго быка, четыре раза обошелъ съ нимъ все ристалище, а затѣмъ въ теченіе дня съѣлъ всего этого быка.

Стр. 92. Улиссъ:

Пусть лучшій цвѣтъ дружинъ
Пошлютъ на бой.

Въ подлинникѣ: «и пусть (витязи) срываютъ свои цвѣты»—намекъ на цвѣтокъ, который дама вручала побѣдителю на турнирѣ.

Стр. 95. Пандаръ: *Такъ ты не забудешь извиниться за него передъ царемъ-отцомъ?*

Пандаръ извиняется въ томъ, что не можетъ быть на ужинѣ у Пріама.

Стр. 96. Пандаръ: *Значитъ, тебя слѣдовало бы проманежить хорошенько, чтобы сдѣлать ручной.*

Въ подлинникѣ онъ намекаетъ на способъ, которымъ приручали соколовъ, утомляя ихъ. Въ связи съ этимъ и ниже идутъ намеки на соколиную охоту. По поводу того, что онъ клянется утками, комментаторы напоминаютъ, что утка считалась очень похотливой птицей.

Стр. 96. Троилъ: *Чудовища никогда не смѣютъ проникнуть во владѣнія Купидона.*

Въ подлинникѣ говорится, что въ представленіяхъ Купидона нѣтъ мѣста для изображенія чудовища. Рѣчь идетъ о торжественныхъ представленіяхъ и шествіяхъ въ честь божества любви съ аллегорическими фигурами и сценами.

Стр. 97. Троилъ: *Сама зависть не найдетъ въ немъ ничего для насмѣшки, развѣ—кромѣ его неизмѣримой вѣрности.*

Переводчикъ придерживался объясненія Мэлона. Деліусъ понимаетъ эти слова иначе: самое дурное, что можетъ быть сказано о Троилѣ, покажется клеветою предъ лицомъ его вѣрности и будетъ лишь предметомъ насмѣшки для нея.

Стр. 99. Агамемнонъ: *Ахиллъ тамъ что-то говоритъ?*

Агамемнонъ уже прошелъ мимо палатки Ахилла и, оборачиваясь, обращаетъ эти слова къ Нестору, который идетъ за нимъ и въ это время проходитъ мимо Ахилла.

Стр. 101. Улиссъ: *Что даже Марсъ отъ зависти бѣсился.*

Въ подлинникѣ говорится, что подвиги Ахилла «вызвали даже пристрастное вмѣшательство (emulous missions) самихъ боговъ и заставили великаго Марса стать на одну сторону».

Стр. 101. Улиссъ:

. . . Золото, что въ нѣдрахъ земли хранитъ Плутосъ.

Плутонъ—божество преисподней или Плутосъ—по-гречески богатство.

Поликсена можетъ быть красива.

Поликсена—дочь Пріама.

Какое горе Пирру ты принесешь.

Пирръ—сынъ Ахилла, болѣе извѣстный подъ другимъ своимъ именемъ—Неоптолемъ.

Прощай—уже стоитъ на льду глупецъ,
Взломай тотъ ледъ и вновь возьми вѣнецъ.

То-есть: подъ легковѣснымъ дуракомъ ледъ не ломается; взойди на него - и сломай.

Стр. 104. Эней: *Небесный гнѣвъ лишь могъ меня-бъ отвлечь отъ жаркаго томительнаго ложа.*

Въ подлинникѣ Эней говоритъ: ничто, кромѣ небеснаго дѣла (heavenly business), не могло бы меня отвлечь и т. д.

Стр. 104. Эней:

Клянуся головой Анхиза, ты
Желаннымъ гостемъ будешь въ ней. Я даже
Готовъ рукой Венеры клясться.

Эней клянется своими родителями: Венера—его мать, Анхизъ, знатный троянецъ,—его отецъ.

Стр. 105. Діомедъ:

Но, впрочемъ, онъ съ рогатымъ украшеньемъ
Ей болѣе подходитъ.

Въ подлинникѣ Діомедъ говоритъ: вы одного вѣса, но онъ тяжелѣе на вѣсъ развратницы (присоединенной къ нему, брошенной на его чашу).

Стр. 106. Пандаръ! *О, моя глупенькая бѣдняжка.*

Въ текстѣ непонятное итальянское слово chipo chia; принято вмѣсто него chapocchia — дурачекъ; Деліусъ предлагаетъ также chioccia—насѣдка.

Стр. 111. Троилъ:

Я дерзость не прощу тебѣ, и ты
Изъ-за нея не разъ скрываться станешь.

То-есть: Діомедъ въ сраженіи будетъ избѣгать Троила, чтобы избѣжать должнаго возмездія за свое хвастовство (brave).

Стр. 112. Аяксъ:

Дуй, дуй
Въ ея жерло, чтобъ вѣтромъ налилося.

Точнѣе: чтобы налились и округлились твои щеки.

Какъ чрево Аквилона отъ натугъ.

Въ текстѣ чрево Аквилона—сѣвернаго вѣтра напряжено не отъ натугъ, но отъ болѣзни (cholic).

Стр. 112. Патроклъ:

Изъ этого не слѣдуетъ, однако,
Чтобъ сохранилъ ты право и теперь.

При этихъ словахъ Патроклъ становится между Крессидой и Менелаемъ, который ее хочетъ поцѣловать, и цѣлуетъ ее. Поэтому и слѣдующая его реплика:

Вотъ поцѣлуй . . . онъ былъ за Менелая

въ подлинникѣ имѣетъ другой оттѣнокъ; онъ говоритъ: *первый* поцѣлуй былъ за Менелая.

Стр. 112. Менелай: *И то, и это, если пожелаешь.*

Этотъ отвѣтъ приписанъ Менелаю вслѣдствіе опечатки. Крессида, дѣйствительно, спрашиваетъ Менелая, но отвѣчаетъ ей Патроклъ.

Стр. 115. Несторъ: *Самъ великій Неоптолемъ.*

Рѣчь идетъ не о Пиррѣ-Неоптолемѣ, юномъ сынѣ Ахилла, но о самомъ Ахиллѣ; Шекспиръ думалъ, что Неоптолемъ — его родовое имя. Однако, среди греческихъ вождей, отличившихся въ войнѣ, «Троянская книга» Лидгэта называетъ также какого-то Неоптолема.

Стр. 115. Несторъ: *Я дѣда твоего*
Когда-то зналъ, онъ былъ достойный воинъ.

То-есть царя троянскаго Лаомедона, противъ котораго Несторъ нѣкогда шелъ вмѣстѣ съ Геркулесомъ.

Стр. 117. Аяксъ:
Не думаю, что даже всѣмъ совѣтомъ
Уговорятъ тебя тягаться съ нимъ.

Аяксъ намекаетъ на извѣстный эпизодъ, когда Ахиллеса, разсердившагося на соотечественниковъ, всѣ греческіе вожди тщетно упрашивали принять участіе въ сраженіяхъ.

Стр. 118. Ахиллъ:
. . *Что, зависти волдырь,*
Позорище природы.

Волдырь зависти—ибо Терситъ такъ полонъ зависти, какъ нарывъ—гноя. Вмѣсто «позорище природы» въ подлинникѣ—корка природы: онъ покрытъ корой, которая дѣлаетъ его отвратительнымъ.

Стр. 118. Терситъ: *Изъ Трои, олицетвореніе дураковъ.*

Ахиллъ называетъ Терсита оскребкомъ (fragment); за то Терситъ его обзываетъ «цѣлымъ блюдомъ дураковъ».

Стр. 118. Терситъ: *Фельдшерская связка инструментовъ.*

Въ подлинникѣ игра словъ между tent—палатка и tent—зондъ для изслѣдованія раны.

Стр. 118. Терситъ: *Онъ ничего себѣ парень и большой любитель перепелокъ.*

По англійски quail значитъ перепелка и распутница.

Стр. 119. Терситъ: *Что касается исполненія, если его предскажутъ звѣздочеты, берегись какого-нибудь бѣдствія.*

То, что Діомедъ исполняетъ свое обѣщаніе—явленіе настолько необычайное, что астрологи его предсказываютъ, какъ нѣчто чудовищное. Такое событіе извращаетъ естественный ходъ вещей: не луна станетъ получать свѣтъ отъ солнца, а солнце отъ луны и т. д.

Стр. 122. Троилъ: *Своимъ жирнымъ, толстымъ пальцемъ такъ и щекочетъ обоихъ.*

Въ подлинникѣ «картофельнымъ пальцемъ». Картофель считался возбуждающимъ средствомъ (aphrodisiacum). Ср. «Виндзорскія проказницы» (т. II, стр. 571).

Стр. 122. *Клянусь Діаною и дѣвственною свитой.*

Въ подлинникѣ она клянется «прислужницами Діаны», богини луны, т. е. звѣздами.

Стр. 123. Улисъ: *Я не вызыватель духовъ.*

Улисъ хочетъ сказать: нѣтъ, это была сама Крессида, а не ея призракъ, ибо я не умѣю вызывать духовъ.

Стр. 124. Троилъ:
. *едва-ли между ними*
Съумѣетъ Арахнея нить продѣть.

Арахнея (по греч.—паукъ) знаменитая пряха древней миѳологіи, состязаніе которой съ Аѳиной въ искусствѣ пряденія и тканья поэтически изображено въ «Метаморфозахъ» Овидія.

Какъ врата Плутона, ты непреложна.

То есть непоколебима, какъ врата преисподней.

Стр. 125. Троилъ:
Великодушье; человѣку меньше
Подходитъ онъ, чѣмъ льву.

Шекспиръ читалъ у Плинія, что левъ не трогаетъ животныхъ, которыя, въ сознаніи своего безсилія, смиренно преклоняются предъ нимъ.

Стр. 127. Пандаръ: *Что съ тобой? Послушай.*

Слова слѣдующія до конца этой сцены вѣроятно должны быть исключены изъ нея, такъ какъ повторяются въ концѣ этого дѣйствія (стр. 132), гдѣ они болѣе умѣстны.

Стр. 128. Агамемнонъ: *Свирѣпый Полидамъ повергъ Менона, Маргарелонъ, ублюдокъ, взялъ Дорея.*

Полидамъ и Маргарелонъ—два побочныхъ сына Пріама. Всѣ эти имена, равно какъ эпизодъ съ конемъ Троила, Шекспиръ нашелъ у Лидгэта.

Какой-то разъярившійся Центавръ.

«Свирѣпый стрѣлокъ», какъ его называетъ Шекспиръ, выглядѣлъ, по описанію Лидгэта, сзади какъ лошадь, а спереди какъ человѣкъ. Онъ нагналъ ужасъ на грековъ и многихъ изъ нихъ уложилъ своими стрѣлами.

Стр. 128. Сцена IV.

Опечатка, слѣдуетъ *Сцена VI.*

Стр. 129. *Появляется воинъ въ великолѣпномъ вооруженіи.*

Этотъ безымянный воинъ взятъ у Лидгэта.

Стр. 130. Ахиллъ: *Убить его! (Мирмидонцы бросаются на Гектора. Онъ падаетъ).*

Ни въ «Иліадѣ», ни въ источникахъ Шекспира не говорится, что Гектора убили Мирмидонскіе солдаты; у Лидгэта это относится къ Троилу.

Стр. 132. Троилъ: *О подлый, о, вѣроломный трусъ.*

Эти слова относятся къ Діомеду, предыдущія (*Вашъ выскочка Титанъ*)—къ Аяксу.

Стр. 131. Пандаръ: *Да, друзья мои, торгующіе человѣческимъ мясомъ,—зарубите себѣ это на носу.*

Въ подлинникѣ: напишите на вашихъ обояхъ.

Стр. 132. Пандаръ: *Свистъ винчестерскихъ гусей...*

Вульгарное названіе женщинъ дурного поведенія.

КОРІОЛАНЪ.

(Coriolanus).

Стр. 145. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ приложенъ впервые къ изданію 1709 года.

Стр. 146. 1-й гражданинъ: *Рѣшились вы скорѣе умереть, чѣмъ терпѣть голодъ?*

Плутархъ разсказываетъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за войною, въ которой—вопреки Шекспиру—плебеи принимали дѣятельное участіе: «У кого было состояніе средней руки, лишались всего, закладывая его, или посредствомъ аукціона; у кого же не было ничего, тѣхъ тащили въ тюрьмы, несмотря на ихъ многочисленныя раны и лишенія, которымъ они подвергались въ походахъ за отечество, въ особенности въ послѣднемъ—противъ собинцевъ... Народъ дрался геройски и разбилъ непріятеля; но кредиторы нисколько не стали снисходительнѣе, Сенатъ же дѣлалъ видъ, что забылъ данное имъ обѣщаніе, и равнодушно смотрѣлъ, какъ кредиторы тащили должниковъ въ тюрьму или брали въ кабалу».

Вы знаете, конечно, что Кай Марцій—первый врагъ народу?

Плутархъ разсказываетъ, что магистраты, желавшіе уступить требованіямъ народа, нашли въ Марціѣ противника. По его мнѣнію, главною причиной волненій были не денежныя дѣла, но дерзость и наглость черни; поэтому, онъ совѣтовалъ сенаторамъ, если у нихъ есть умъ, прекратить, уничтожить попытки, нарушить законы въ ихъ самомъ началѣ.

Стр. 147. 1-ый гражданинъ: *Поднялась и та часть города.*

Находящаяся по другую сторону Тибра, куда онъ указываетъ рукой.

Ихъ законы поддерживаютъ однихъ ростовщиковъ.

Въ подлинникѣ двусмысленность: edicts for usury можетъ значить законы противъ ростовщичества или законы для ростовщиковъ.

Стр. 147. Мененій Агриппа:

Вы знаете, что въ сказкѣ самъ животъ
Не только говоритъ, смѣяться можетъ.

Собственно, у Шекспира говорится, что животъ можетъ только улыбаться; смѣхъ исходитъ изъ легкихъ.

Стр. 150. Сициній: *Надъ скромною луной онъ посмѣется.*

То есть надъ самою Діаной, невинной и тихой богиней луны.

Стр. 153. Марцій:

. . пусть въ кровавыхъ латахъ
Поспѣемъ мы къ друзьямъ своимъ на помощь.

Къ римскому войску, оставшемуся въ открытомъ полѣ подъ предводительствомъ Коминія, между тѣмъ какъ Марцій и Титъ Ларцій расположились лагеремъ подъ Коріоли.

Стр. 154. Марцій:

. . . Пусть смрадъ и вонь
Идутъ отъ васъ по вѣтру.

Въ подлинникѣ: «пусть ваши язвы такъ воняютъ, что всякій ужаснется прежде чѣмъ ихъ увидитъ; пусть этотъ смрадъ будетъ чувствоваться за милю *противъ вѣтра*».

Стр. 154. Титъ Ларцій:

Въ мечтахъ своихъ Катонъ не создавалъ
Такого воина.

Шекспиръ воспользовался здѣсь словами Плутарха: «Въ немъ было все, что требуетъ отъ солдата Катонъ,—не только рука, наносившая тяжелые удары, но и громкій голосъ и взглядъ, наводившіе ужасъ на непріятелей, обращавшіе его въ бѣгство»,—но забылъ, что Катонъ жилъ много позже Тита Ларція.

Стр. 154. *Входитъ Марцій, весь въ крови, преслѣдуемый вольсками.*

Сообразно съ слѣдующими словами Тита Ларція, Марцій остается въ городѣ, что плохо согласуется съ указаніемъ надъ IV сценой: «Передъ Коріоли». Можно думать, что онъ на мгновеніе показывается въ воротахъ города.

Стр. 154. Марцій:

. . . тряпки,
Какихъ палачъ съ преступника не снялъ бы.

Достояніе казненнаго было и въ Шекспировское время наслѣдіемъ палача.

. . Не конченъ бой,
А ужъ они хватаютъ кто подушку,
Кто ложку оловянную.

Плутархъ говоритъ, что Марцій былъ взбѣшенъ поведеніемъ войска. «По его мнѣнію, подло солдатамъ ходить по городу, сбирая цѣнныя вещи, или прятаться отъ опасности подъ предлогомъ наживы, въ то время, когда консулъ со своимъ войскомъ встрѣтилъ, быть можетъ, непріятеля и вступилъ съ нимъ въ сраженіе».

Стр. 155. Коминій:

Скорѣй пастухъ не распознаетъ грома
отъ звука бубна.

Пастухъ, чуткій къ явленіямъ природы, конечно, легко отличитъ привычнымъ ухомъ громъ отъ бубна.

Стр. 156. Марцій:

Изъ васъ
Я четверымъ вождямъ велю избрать
Охотниковъ...

Чтобы показать свое безпристрастіе, Марцій отказывается отъ выбора охотниковъ, поручая его вождямъ.

Стр. 156. *Титъ Ларцій. При немъ вожди.*

По подлиннику при Титѣ Ларціѣ только *одинъ* офицеръ, солдаты и проводникъ.

Стр. 157. Авфидій: *Со всей твоею злобою и славой.*

Это выраженіе вызываетъ разныя толкованія: «ненавистная слава», «твои слова и коварство» и др.

Хотя бъ ты Гекторъ былъ, которымъ въ Римѣ
Такъ хвалятся.

Въ подлинникѣ: «хотя бы ты былъ Гекторъ, который былъ бичомъ вашихъ предковъ». Римляне вели свое происхожденіе черезъ Энея отъ троянцевъ.

Стр. 157. Титъ Ларцій: *Мы съ тобою одинъ уборъ его.*

Сравненіе, заимствованное у Плутарха.

Стр. 157. Коминій:

Изъ всѣхъ коней, а ихъ добыто много,
Изъ городскихъ сокровищъ, мы даемъ
Тебѣ одну десятую.

Указываютъ на странность того, что Коминій, только что заявивъ, что будетъ говорить о заслугахъ Марція «безъ мысли о наградахъ», заговорилъ прежде всего о наградахъ.

Стр. 158. Коріоланъ:

. . . Я въ Коріоли не разъ
Имѣлъ ночлегъ въ дому у одного
Изъ граждань города.

Фактъ, заимствованный у Плутарха, который однако называетъ этого коріольскаго жителя не бѣднымъ, а состоятельнымъ. «У меня — говоритъ у него Марцій — есть среди вольсковъ знакомый и другъ, человѣкъ добрый и честный. Теперь онъ въ плѣну и изъ счастливаго богача сдѣлался рабомъ. Надъ его головой собралось много горя, надо избавить его, по крайней мѣрѣ, хоть отъ одного— продажи.

Стр. 160. Мененій Агриппа: *Вы толкуете про гордость, а кабы умудрились заглянуть въ свои мѣшки за спинами.*

Джонсонъ видитъ здѣсь намекъ на поговорку, по которому у всякаго есть два мѣшка: одинъ впереди, куда онъ кладетъ чужіе недостатки, другой позади, куда онъ прячетъ свои.

Говорятъ, что я таю отъ первой жалобы,
Загораюсь, какъ трутъ, отъ малой искры.

Это отношеніе Мененія къ кліентамъ діаметрально противоположно медлительности въ судѣ трибуновъ, которую онъ дальше ставитъ имъ въ упрекъ: «вы рады тратить цѣлое утро, рѣшая споръ между торговкой апельсинами и продавщикомъ». Надо однако сказать, что творить судъ не было обязанностью трибуновъ, и Джонсонъ думаетъ даже, что здѣсь Шекспиръ и его Мененій смѣшиваютъ функціи трибуновъ съ обязанностями городского префекта; быть можетъ, это заблужденіе Шекспира, быть можетъ — ошибка Мененія, характерная для патриція.

Стр. 162. Мененій Агриппа: *Васъ трехъ весь Римъ лелѣять долженъ.*

По мнѣнію однихъ трехъ вождей: Коріолана, Коминія, Ларція; по мнѣнію другихъ — Коріолана его жену и мать.

Здѣсь есть дички, къ которымъ не привьешь
Расположенья къ вамъ.

Въ подлинникѣ: «которыхъ не облагородишь такъ, чтобы ихъ кислые плоды нравились вамъ». Мененій имѣетъ въ виду трибуновъ и другихъ плебеевъ.

Стр. 163. Брутъ:

Не станетъ надѣвать передъ народомъ
Смиренія одежду и на раны
Показывая и т. д.

Шекспиръ допустилъ и здѣсь анахронизмъ. Плутархъ говоритъ: «Въ то время *не было въ обычаѣ*, чтобы кандидаты на консульскую должность просили содѣйствія гражданъ, брали ихъ за руку, расхаживая по форуму въ одной тогѣ, безъ туники, для того, быть можетъ, чтобы своею скромною внѣшностью расположить въ пользу исполненія ихъ просьбы, или же для того, чтобы показать свои раны, какъ знакъ своей храбрости,—у кого онѣ были».

Стр. 164. Брутъ: *Не выше тѣхъ верблюдовъ, что при войскѣ везутъ припасы.*

Въ подлинникѣ: «чѣмъ верблюды на войнѣ». Деліусъ полагаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о верблюдахъ, бывшихъ — по мнѣнію Шекспира — въ римскомъ обозѣ; Стивенсъ толкуетъ иначе: плебеи такъ же годны для государственной службы, какъ верблюды для сраженія.

Стр. 166. Коминій:

. . . Какъ щетинистыя губы
Бѣжали передъ голымъ подбородкомъ.

Въ подлинникѣ: «предъ подбородкомъ амазонки». Храбрый юноша напоминалъ амазонокъ и своимъ дѣвичьимъ лицомъ, и своей отвагой.

Стр. 167. Сициній: *Когда бы догадались о томъ плебеи.*

Въ подлинникѣ Сициній прибавляетъ: «онъ какъ бы хочетъ показать, что презираетъ того, кто долженъ ему дать то, что онъ ищетъ», то-есть презираетъ народъ, который долженъ ему дать санъ консула.

Стр. 169. Коріоланъ:

. . . Зачѣмъ стою я здѣсь
Въ одеждѣ жалкой.

Въ изданіи folio—выраженіе Woolwish tongue мало понятное и вызывающее разнообразныя предположенія. Думаютъ, что здѣсь испорченъ текстъ: вмѣсто tongue слѣдовало бы togue—тога; woolwish значитъ овчинный, wolwish—волчій. Возможно также, Коріоланъ имѣетъ въ виду ту жалкую одежду, въ которой, по обычаю, долженъ просить голосовъ у народа; возможно, что онъ называетъ себя волкомъ въ овечьей шкурѣ. Staunton предлагаетъ читать wolfish throng, что значило бы: «зачѣмъ я стою здѣсь среди стаи волковъ?»

И у Дика съ Гобомъ я голосовъ прошу.

Уменьшительныя *Дикъ* (отъ Ричардъ) *и Гобъ* (отъ Роберта) обозначали въ эпоху Шекспира чернь, толпу.

Стр. 169. Сициній:

Ты выполнилъ прошенія обрядъ,
Народъ согласенъ—и теперь осталось
Избранье утвердить.

Впослѣдствіи оказывается, что выборы — не окончательные. Здѣсь Шекспиръ уклоняется отъ Плутарха, который разсказываетъ, что плебеи сразу не избрали его, хотя обѣщали — не ему, а другъ другу — избрать его: «граждане, изъ уваженія къ его храбрости, дали другъ другу слово избрать его консуломъ. Въ назначенный для голосованія день Марцій торжественно явился въ форумъ въ сопровожденіи сенаторовъ. Всѣ окружавшіе его патриціи ясно показывали, что ни одинъ кандидатъ не былъ такъ пріятенъ имъ, какъ онъ. Но это-то и лишило Марція расположенія народа, которое смѣнили ненависть и зависть. Къ нимъ присоединилось еще новое чувство—страха, что ярый сторонникъ аристократіи, глубоко уважаемый патриціями, сдѣлавшись консуломъ, можетъ совершенно лишить народъ его свободы. На этомъ основаніи, Марцій потерпѣлъ при выборахъ неудачу».

Глаза его восторгомъ такъ и блещутъ.

Точнѣе: «По его взгляду было видно, какъ кипѣло его сердце», кипѣло, по толкованію Деліуса, не восторгомъ, а злобой и ненавистью.

Стр. 170. Сициній:

На то-ли вамъ случалось отвергать
Чужія просьбы . . . .

Трибунъ напоминаетъ плебеямъ, что имъ случалось уже отказывать въ своихъ голосахъ. Такой отказъ получилъ предшественникъ Коріолана.

Стр. 170. 1-й гражданинъ. *Я тысячу и больше.*

Въ подлинникѣ онъ прибавляетъ: «и ихъ друзей».

Стр. 171. Брутъ:

И Цензоринусъ, дорогой плебеямъ,
Такъ названный за то, что дважды былъ
Здѣсь цензоромъ.

«Дорогой плебеямъ»,—переводъ выраженія darling of the people, вставленнаго въ Шекспировскій текстъ для пополненія пропуска Попомъ и нынѣшней критикой устраненнаго. Здѣсь Шекспиръ строго слѣдовалъ Плутарху, не обращая вниманія на то, что Плутархъ говоритъ не только о предкахъ, но и о потомкахъ Коріолана.

Стр. 173. Коминій: *Способенъ ты на это.*

Теобальдъ приписываетъ эти слова Коріолану. Отвѣтъ Брута:

Такъ же мало, какъ и хвалить тебя

не совсѣмъ точно передаетъ смыслъ подлинника; въ отвѣтъ на упрекъ Коминія Брутъ говоритъ: «Мы на это такъ же способны, какъ исправлять то, что натворите вы, патриціи».

Стр. 173. Коріоланъ: ... *Напомнить смѣютъ они про хлѣбъ!*

Коріоланъ былъ противникомъ даровой раздачи хлѣба, присланнаго Риму въ подарокъ Гелономъ, царемъ сиракузскимъ. Но, по Плутарху, его рѣчь въ сенатѣ, повторенная почти буквально у Шекспира, была произнесена безъ отношенія къ его кандидатурѣ, которая уже окончилась рѣшительной неудачей.

Стр. 175. Коріоланъ:

. . . Потому теперь
Я заклинаю всѣхъ, кто дорожитъ
Законами родной земли.

Передъ этимъ пропущено обращеніе: «(заклинаю) васъ, которые не столько трусливы, сколько осторожны». Здѣсь Коріоланъ, очевидно, обращается къ патриціямъ.

Стр. 179. Коріоланъ:

. . . Пусть взгромоздятъ
Утесовъ десять на утесъ Тарпейскій,
Пусть до небесъ они его поднимутъ.

Въ подлинникѣ Коріоланъ вмѣсто послѣдняго стиха прибавляетъ: «Такъ что паденіе съ этой (удесятеренной) Тарпейской скалы будетъ глубже, чѣмъ глазъ за нимъ можетъ слѣдить.

Стр. 179. Коріоланъ:

Какъ мать моя, ихъ знавшая всегда
Презрѣнными рабами.

Въ подлинникѣ woollen vassals, что значитъ шерстяные рабы, то-есть мягкіе, уступчивые, какъ шерсть или одѣтые въ мирную шерсть, а не боевое желѣзо.

Стр. 182. Сициній: *Ихъ помѣстилъ по трибамъ?*

Этотъ вопросъ объясняется слѣдующимъ мѣстомъ у Плутарха: «Когда собрался народъ, трибуны начали съ того, что устроили голосованіе не по центуріямъ, а по трибамъ, чтобы бѣдный, безпокойный и не заботящійся ни о чемъ порядочномъ народъ имѣлъ, при голосованіи, перевѣсъ надъ богатыми, уважаемыми и обязанными нести военную службу гражданами». При голосованіи по центуріямъ (сотнямъ) перевѣсъ имѣли патриціи.

Стр. 183. Сициній:

. . . Тебя мы обвиняемъ въ томъ,
Что умышлялъ ты . . . . власть верховную присвоить.

У Плутарха обвиненіе трибуновъ построено совсѣмъ иначе: «отказавшись отъ обвиненія подсудимаго въ стремленіи къ тиранніи, какъ несостоятельнаго, они снова стали говорить о томъ, что Марцій раньше говорилъ въ Сенатѣ, мѣшая дешевой продажѣ хлѣба и совѣтуя уничтожить званіе народнаго трибуна. Трибуны придумали новое обвиненіе—обвиняли его въ томъ, что онъ неправильно распорядился добычей, взятой въ области Анція,—не внесъ ея въ государственную казну, а раздѣлилъ между участниками похода. Это обвиненіе, говорятъ, смутило Марція всего болѣе: онъ не былъ подготовленъ, не могъ отвѣчать народу тотчасъ же какъ слѣдуетъ».

Стр. 182. Коріоланъ:

Что, если бы супругой Геркулеса
Звалася ты, то шесть его трудовъ
Окончила бъ герою помогая.

По миѳу на Геркулеса возложено было совершеніе двѣнадцати подвиговъ; Волумнія вызывалась раздѣлить труды и опасности мужа.

Стр. 186. Сициній (Волумніи): *Иди своей дорогой, безумная.*

Въ подлинникѣ are you mankind, что можетъ значить также мужчина, мужской породы: на это намекаетъ Волумнія, называя въ своемъ отвѣтѣ трибуновъ лисьей породой (пропущено въ переводѣ).

Стр. 186. Волумнія:

. . . Я бъ хотѣла,
Чтобъ сынъ мой былъ въ Аравіи теперь.

То-есть въ аравійской пустынѣ, гдѣ никто не могъ бы придти ему на помощь.

Стр. 187. Волумнія: *О, сколько ранъ онъ получилъ за Римъ.*

Нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что слова эти Волумнія относитъ не къ своему сыну, но—съ язвительной ироніей—къ Сицинію, у котораго не было и случая получать раны за Римъ.

Такъ возьми жъ съ собой мои молитвы.

По мнѣнію Деліуса здѣсь prayers значитъ никакъ не молитвы, но, наоборотъ,—проклятія.

Стр. 188. Волумнія:

. . . Нѣтъ: кромѣ гнѣва,
Мнѣ пищи нѣтъ другой.

Въ подлинникѣ она прибавляетъ: «я ѣмъ себя; отъ такой жизни я умру отъ голода».

Стр. 190. 1-й слуга: *Что тебѣ здѣсь нужно, пріятель? Откуда ты? Здѣсь тебѣ не мѣсто. Ступай ка за двери.*

Это отношеніе слугъ къ Коріолану и дальнѣйшая ихъ перебранка вставлены Шекспиромъ вопреки Плутарху, который разсказываетъ объ этомъ совсѣмъ иначе: «Былъ вечеръ. Съ нимъ встрѣчались многіе, но никто его не узналъ. Онъ направился къ дому Тулла и, войдя, сѣлъ немедленно у очага, съ покрытою головой, не говоря ни слова. Бывшіе въ домѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, но заставить его встать не смѣли,—въ его наружности, какъ и въ молчаніи, было что-то величественное. Объ этомъ странномъ случаѣ разсказали Туллу, который въ то время ужиналъ. Тотъ всталъ, подошелъ къ незнакомцу и спросилъ, кто онъ, откуда пришелъ и что ему надо».

Но начиная отъ вопроса Авфидія (Коріолану): *Откуда ты? Чего тебѣ здѣсь надо?*

Шекспиръ буквально слѣдуетъ Плутарху.

Стр. 194. Мененій Агриппа:

Онъ высунулъ опять свои рога,
Которые, покамѣстъ Марцій славный
За Римъ стоялъ, показывать не смѣлъ.

Въ подлинникѣ вмѣсто «показывать не смѣлъ»—«втянулъ въ скорлупу»: Мененій говоритъ о рогахъ улитки, съ которой сравниваетъ Авфидія.

Стр. 194. Вѣстникъ:

Что онъ грозится местью столь огромной,
Какъ разница огромна въ этомъ свѣтѣ
Между древнѣйшей и новѣйшей вещью.

Буквальный переводъ. По толкованію нѣкоторыхъ комментаторовъ это мѣсто подлинника значитъ: месть Коріолана охватитъ все, что заключается между самымъ раннимъ дѣтствомъ и преклонной старостью, то-есть онъ истребитъ всѣхъ.

Стр. 195. Мененій Агриппа:

Какъ Геркулесъ, сбивая спѣлый плодъ,
Надѣлали вы славныхъ дѣлъ.

Геркулесъ похитилъ нѣсколько золотыхъ яблокъ изъ сада Гесперидъ. Но Геркулесъ ихъ не «сбивалъ»—ихъ сорвалъ для него гигантъ Атласъ, пока Геркулесъ исполнялъ его работу: поддерживалъ небесный сводъ.

Стр. 196. 3-й гражданинъ: *Мы хлопотали объ общей пользѣ и хоть соглашались на изгнаніе, однако, соглашались противъ воли.*

Наоборотъ, по Плутарху, извѣстіе о томъ, что Коріоланъ двинулся на Римъ и уже взялъ городъ Лавиній, «произвело въ настроеніи народной массы удивительную перемѣну, въ мысляхъ патриціевъ—совершенно невѣроятную и неожиданную: народъ хотѣлъ отмѣнить приговоръ по отношенію къ Марцію и призвать его въ городъ, Сенатъ—обсуждая предложеніе въ одномъ изъ засѣданій, отвергъ его, не далъ привести въ исполненіе.

Стр. 196. Военачальникъ:

Я за столомъ, и кончивши обѣдъ,
Лишь Марція, какъ Бога величаютъ.

Это мѣсто нѣкоторые понимаютъ иначе: солдаты не буквально обожествляютъ Марція, но говорятъ постоянно о немъ, идя къ столу, за ѣдою и послѣ обѣда.

Стр. 197. Авфидій:

Онъ схватитъ Римъ, какъ мелкихъ рыбъ хватаетъ
Морской орелъ.

Въ подлинникѣ прибавлено выраженіе by sovereignty of nature — по велѣнію природы; было повѣрье, что, когда морской орелъ пролетаетъ надъ моремъ, рыбъ непобѣдимый инстинктъ влечетъ къ поверхности, чтобы такимъ образомъ стать его добычей.

Стр. 198. Мененій Агриппа:

Васъ долго будутъ помнить: въ цѣломъ Римѣ
Подешевѣютъ уголья теперь.

Точнѣе: «Вы сдѣлали благое дѣло: два трибуна поработали таки для Рима, чтобы сдѣлать уголья дешевле». Мененій хочетъ сказать, что, благодаря трибунамъ, Коріоланъ сожжетъ весь Римъ.

Стр. 199. Коминій:

И значилась тамъ клятва,
Какой себя связалъ онъ противъ насъ.

Это мѣсто возбуждаетъ разнообразныя толкованія; нѣкоторые считаютъ текстъ испорченнымъ. По Деліусу, смыслъ таковъ: онъ выслалъ вслѣдъ за мною записку, гдѣ изложилъ, что онъ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ; онъ заставилъ меня принести клятву, что я подчиняюсь его условіямъ.

Стр. 199. Мененій Агриппа:

Я ручаюсь,
Что про меня онъ говорилъ.

Въ подлинникѣ: «Какъ число выигрышей въ лотереѣ относится къ числу проигрышей, такъ вѣроятность того, что вы слышали мое имя, относится къ тому, что вы его не знаете».

Стр. 199. Мененій Агриппа:

Я въ похвалахъ переступалъ границы
И слишкомъ заносился въ даль, какъ шаръ,
Когда его толкнутъ съ крутого спуска.

Точнѣе: Мененій сравниваетъ свои преувеличенія съ шаромъ, который *противъ воли бросившаго* летитъ неожиданно по неровной почвѣ (а не «съ крутого спуска») дальше, чѣмъ тотъ ожидалъ.

Стр. 202. Коріоланъ: *Клянусь ревнивою царицей ночи.*

Опечатка вм. «царицею неба» (of heaven). Коріоланъ клянется въ вѣрности богиней Юноной, супругой Юпитера, о ревности которой много разсказовъ въ миѳологіи.

Стр. 202. Коріоланъ: *Достойная сестра великаго, Валерія.*

Эту похвалу Виргиліи Шекспиръ нашелъ у Плутарха, который разсказываетъ, что Виргилію и Волумнію уговорила идти къ Короліану «Валерія, сестра знаменитаго Попликолы, оказавшаго Риму много важныхъ услугъ во время войны и во время мира. Изъ біографіи Попликолы видно, что онъ умеръ раньше. Валерія пользовалась въ столицѣ извѣстностью и уваженіемъ — своимъ поведеніемъ она поддерживала славу своего рода».

Стр. 202. Волумнія: *И безъ рѣчей, по нашимъ блѣднымъ лицамъ* и т. д.

Этотъ монологъ почти дословно взятъ у Плутарха и лишь переложенъ въ стихи.

Стр. 204. Коріоланъ:

За женскій подвигъ въ Римѣ
Вамъ храмъ соорудятъ.

Шекспиръ перенесъ въ уста Коріолана разсказъ Плутарха о позднѣйшихъ событіяхъ: когда Валерія и Волумнія возвратились, «радостное настроеніе населенія столицы доказали всего болѣе— любовь и уваженіе къ названнымъ женщинамъ со стороны Сената и народа; всѣ называли и считали ихъ единственными виновницами спасенія государства. Сенатъ рѣшилъ, что консулы должны давать все, что онѣ ни потребуютъ себѣ въ знакъ почета или благодарности; но онѣ просили только позволенія выстроить храмъ богинѣ Женскаго Счастія».

Стр. 205. Мененій Агриппа: *Сидитъ онъ — точно Александрова статуя.*

Одинъ изъ обычныхъ анахронизмовъ Шекспира: Александръ Македонскій жилъ приблизительно черезъ полтора столѣтія послѣ Коріолана.

Стр. 207. 1-й сенаторъ:

. . . Пожертвовать напрасно
Издержками, народомъ и трудами.

Въ подлинникѣ сенаторъ говоритъ и о выгодѣ, которую должно бы доставить народу снаряженіе (the benefit of our levies).

Стр. 208. Авфидій: *Да, ребенокъ.*

Въ подлинникѣ No more—не больше, и это выраженіе возбуждаетъ разныя объясненія. Если оно относится къ предыдущимъ словамъ Авфидія, то оно имѣетъ тотъ смыслъ, который приданъ ему въ переводѣ; другіе думаютъ, что оно значитъ «Довольно!»

Стр. 209. 1-й сенаторъ:

. . Славнѣе праха
Герольдъ не провожалъ еще до урны.

Стивенсъ напоминаетъ, что при погребеніи англійскихъ государей, за прахомъ шелъ герольдъ, возглашавшій титулы усопшаго. Шекспиръ перенесъ этотъ обычай къ древнимъ.

Авфидій: *Пусть копья преклонятся.*

Англійскіе солдаты дѣлали это въ знакъ траура.

АНТОНІЙ И КЛЕОПАТРА.

(Antony and Cleopatra).

Стр. 227. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ дѣйствующихъ лицъ появился впервые въ изданіи 1709 г.

Авторъ предисловія къ «Антонію и Клеопатрѣ» проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій недоволенъ обычною транскрипціею именъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи и въ нижеслѣдующей замѣткѣ даетъ рядъ историко-филологическихъ соображеній.

Съ особымъ удовольствіемъ давая мѣсто замѣткѣ талантливаго ученаго, думаемъ, однако, что онъ нѣсколько увлекается въ своей филологической прямолинейности. *Харміана*, несомнѣнно, больше говоритъ уху русскаго читателя, чѣмъ *Харміонъ*. Что-же касается исправленія ошибокъ Шекспировскаго текста, то эта задача всего менѣе входитъ въ обязанности перевода. Тутъ дѣло не въ «піететности», а въ томъ, что грубѣйшія ошибки историческія, географическія, филологическія и иныя составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей Шекспира.

Замѣтка Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.

«Имена дѣйствующихъ лицъ въ этой пьесѣ отчасти римскія, отчасти греческія или грековосточныя. Первыя никакого сомнѣнія не допускаютъ, исключая имени приближеннаго Антонія, Домитія Аэнобарба (Ahenobarbus или Aënobarbus, «мѣдная борода», Barbarossa), которое у Шекспира, вслѣдствіе неправильнаго чтенія (Aenob. вмѣсто Aënob) искажено въ Enobarbus. Слѣдовало бы возстановить римскую форму, но первые два слога «Аэнобарбъ» читать слитно (ср. прим. т. I., стр. 197). Зато вторая категорія представляетъ нѣсколько затрудненій. Того приближеннаго Антонія, который принесъ Цезарю его мечъ, Плутархъ зоветъ Деркетеемъ Derketaios, перев. Норта: Dercetaeus); Шекспиръ, очевидно ради размѣра, измѣнилъ его въ Dercetas (д. V, сц. 1: I am call'd Dercètas). Отпущенника Цезаря, высѣченнаго Антоніемъ, Плутархъ зоветъ Ѳирсомъ (Thyrsos); у Шекспира подъ вліяніемъ опечатки вышло (вмѣсто Thyrsus) Thyreus. Подъ вліяніемъ такихъ-же опечатокъ евнухъ Клеопатры Мардіонъ (Mardiôn, уменьшительное

отъ Mardos) и — что особенно прискорбно — ея подруга Харміонъ (Charmion, уменьшительное отъ charmê «отрада») превратились въ Mardian и Charmian. Издатели и переводчики изъ «піетета» сохраняютъ шекспировскія опечатки; мы полагаемъ, что этотъ піететъ по своей цѣнности равенъ тому, въ силу котораго издатели Шуберта увѣковѣчиваютъ его французскую безграмотность (moments *musicals*). Русскому же переводчику, который все равно не можетъ сохранить имена Шекспира въ ихъ чистотѣ, кажется и подавно такой піететъ не присталъ.

Къ этимъ затрудненіямъ, представляемымъ шекспировской формой имени, прибавляются другія, вызываемыя ихъ русской транскрипціей; и тутъ онѣ касаются не столько римской группы, для которой законы транскрипціи установлены, сколько греческой. Eros (род. Erôtis), Philo (род. Philônis) должны дать «Эротъ», «Филонъ»; такъ же несомнѣнно изъ Iras (род. Iradis; греч. Eirás, Eirádos) должно получиться «Ирада»—ср. Hellas «Эллада», Ilias, «Иліада» и др. Имена Alexas, Menas имѣютъ по-гречески ударенія на окончаніи (Alexâs, уменьш. отъ Alexandros Mênâs отъ Mênodôros), у насъ такія имена сохраняютъ свое *а* (Achillâs «Ахилла» и др.; спец. Mênâs дало у насъ въ святцахъ, по византійскому произношенію, «Мина» — слѣдовало-бы поэтому читать «Алекса», «Мена».

Ѳ. Зѣлинскій.

Стр. 228. Филонъ: *Чтобъ охлаждать любовный жаръ цыганки.*

Англійское слово gipsy (цыганка, бродяга) — исковерканное Egyptian—уроженецъ Египта, откуда преданіе выводило происхожденіе цыганъ.

Увидишь самъ, какъ третій столбъ вселенной

Шутомъ блудницы сталъ.

Антоній называется третьимъ столбомъ вселенной, какъ тріумвиръ, раздѣлившій съ Октавіемъ и Лепидомъ господство надъ тогдашнимъ міромъ. Почему Филонъ называетъ его «шутомъ блудницы», поясняетъ Плутархъ. «Вмѣстѣ съ нимъ играла она въ кости, пила, охотилась или смотрѣла на его военныя упражненія. Ночью Антоній подходилъ иногда къ дверямъ или окнамъ домовъ простыхъ горожанъ и шутилъ съ ихъ хозяевами. Клеопатра была съ нимъ, шатаясь вмѣстѣ въ платьѣ рабыни; Антоній старался одѣваться точно такъ же. Такимъ образомъ на его счетъ всегда отпускали остроты, иногда же его подчивали и кулаками».

Стр. 228. Антоній: *Коль такъ, то землю новую создай подъ новымъ небомъ.*

Антоній хочетъ сказать, что если Клеопатра собирается назвать предѣлъ его любви, то ей для этого надо создать новый міръ.

Стр. 228. Клеопатра: *Скудобородый Цезарь.*

Октавій, который былъ въ это время молодъ.

Стр. 229. Клеопатра: *Гдѣ вызовъ въ судъ отъ Фульвіи?*

Въ подлинникѣ «process»—судебное требованіе. Такъ Клеопатра иронически называетъ строгіе призывы Фульвіи, жены Антонія.

Стр. 229. Клеопатра:

Я глупой лишь кажусь теперь, но знаю:
Самимъ собою останется всегда Антоній.

Отдаваясь Антонію, котораго сама называетъ невѣрнымъ, она можетъ казаться глупой; но она не такова, ибо знаетъ его вѣроломство. Но толкуютъ это мѣсто и иначе: Клеопатра въ самомъ дѣлѣ называетъ себя глупой и противополагаетъ Антонію, на имени котораго эта связь не отразится.

Стр. 229. Антоній: *А вы молчите.*

Эти слова, по мнѣнію большинства комментаторовъ, обращены къ слугѣ, который хочетъ продолжать свое сообщеніе изъ Рима.

Стр. 229. *Входятъ Харміана, Ира, Алексасъ и предсказатель.*

По изданію folio съ ними входятъ еще: Ламирій, Ранній, Луциллій, евнухъ Мардіанъ и Алексасъ.

Стр. 230. Харміана: *Въ такомъ случаѣ я предпочла бы грѣть свою печень виномъ.*

Печень при Шекспирѣ считалась источникомъ похоти. Безъ взаимной любви ужъ лучше, чтобы печень пылала отъ вина, чѣмъ отъ неудовлетворенной страсти.

Дай мнѣ родить сына, который заткнетъ за поясъ Ирода Іудейскаго.

Царь Іудеи Иродъ изображался на старо-англійской сценѣ—вслѣдъ за обще-европейскимъ народнымъ представленіемъ — страшнымъ злодѣемъ и тираномъ.

Я долгую жизнь предпочитаю всѣмъ пряникамъ.

Англійская народная поговорка.

Значитъ, мои дѣти останутся безъ имени.

По объясненію Стивенса: «значитъ, мои дѣти будутъ незаконнорожденными»; по мнѣнію Джонсона: «значитъ, у меня никогда не будетъ мужа, а стало быть и дѣтей, которымъ я смогу дать имя». Послѣднее толкованіе Деліусъ считаетъ менѣе искусственнымъ.

Стр. 231. Вѣстникъ:

. . . Лабіенъ . . съ пареянскимъ войскомъ
Всю занялъ Азію.

Римскаго полководца Лабіена пареянскіе вожди провозгласили царемъ Мессопотаміи.

Стр. 232. Антоній:

Мы производимъ сорную траву,
Когда не вѣетъ вѣтеръ благотворный.

Вѣтеръ препятствуетъ появленію сорныхъ травъ, которыя пышно расцвѣтаютъ во время душнаго застоя.

Стр. 233. Антоній:

Въ чемъ жизнь, какъ въ конскомъ волосѣ, таится,
Хоть не грозитъ оно змѣинымъ ядомъ.

У современниковъ Шекспира обычно повѣрье, что конскій волосъ, положенный въ навозъ, обращается въ ядовитыхъ змѣй.

Стр. 234. Клеопатра:

. . Если бъ
Имѣла я твой ростъ, узналъ бы ты,
Что храбрыя сердца есть и въ Египтѣ.

Клеопатра говоритъ, что отплатила бы Антонію за его вѣроломство, если бы была такъ же сильна, какъ онъ.

Стр. 234. Антоній:

Секстъ Помпей
Къ стѣнамъ подходитъ Рима.

Въ подлинникѣ port, что переводчикъ—вслѣдъ за другими—принялъ за «ворота Рима». Но, какъ видно изъ Плутарха, рѣчь идетъ о портѣ Рима, гавани Остіи, которой грозилъ Помпей; онъ отрѣзалъ Римъ отъ моря и тѣмъ вызвалъ здѣсь голодъ.

Стр. 234. Клеопатра:

Хотя не отъ безумья,
Мой возрастъ отъ ребячества защита.

Ея возрастъ не спасъ ея отъ безумной любви, но охраняетъ отъ дѣтскаго довѣрія.

Гдѣ-жъ урны съ влагой слезъ твоихъ?

По мнѣнію Джонсона, Клеопатра имѣетъ здѣсь въ виду не античныя священныя урны для слезъ, но глаза Антонія.

Стр. 234. Антоній:

. . . *Клянусь*
Огнемъ, животворящимъ нильскій илъ.

То-есть солнцемъ, оплодотворяющимъ илъ, нанесенный разлитіемъ Нила.

Стр. 235. Клеопатра:

Потомъ простись со мною, увѣряя,
Что это слезы по Египту.

По указанію Деліуса Egypt здѣсь не Египетъ, но царица Египта; эта форма обычна у Шекспира.

Стр. 235. Клеопатра:

. . . *Взгляни, о, Харміана,*
На Геркулеса римскаго.

По Плутарху «красивая борода, широкій лобъ и горбатый носъ дѣлали Антонія похожимъ на героя-Геракла, какимъ его рисуютъ на картинахъ или представляютъ въ статуяхъ. По древнему преданію, онъ даже происходилъ отъ Геракла, считаясь потомкомъ сына Геракла, Антона. Антоній доказывалъ справедливость этого преданія своею внѣшностью, о которой я говорилъ выше, и затѣмъ своею одеждой,—когда ему приходилось появляться въ многочисленномъ обществѣ, онъ застегивалъ тунику на бедрѣ, опоясывался большимъ мечомъ и накидывалъ на плечи грубый солдатскій плащъ».

Стр. 235. Клеопатра:

. . . *Только память у меня*
Похожа на Антонія.

Ср. вступительную статью, стр. 224.

Стр. 235. Цезарь: *Вотъ всѣ извѣстія изъ Александріи.*

Въ изданіи folio указаніе, что Цезарь читаетъ эти свѣдѣнія объ Антоніи въ письмѣ.

Вдова же Птолемеева не больше
На женщину похожа, чѣмъ онъ самъ.

Клеопатра была женой своего брата Птоломея.

Стр. 236. Вѣстникъ: *Еще извѣстье, Цезарь.*

Есть предположеніе, что это говоритъ второй вѣстникъ, хотя соотвѣтственнаго указанія у Шекспира нѣтъ.

Стр. 236. Цезарь:

. . . *Говорятъ, на Альпахъ*
Такимъ питался мясомъ, что при видѣ
Его иной бы умеръ.

Послѣдняя гипербола прибавлена Шекспиромъ. Плутархъ говоритъ: «Послѣ такой роскошной жизни и блеска онъ безъ отвращенія пилъ гнилую воду и ѣлъ лѣсные плоды и коренья. Говорятъ, его армія при переходѣ черезъ Альпы питалась древесной корой и животными, которыхъ раньше никто не употреблялъ въ пищу».

Стр. 237. Клеопатра:

. . . *Атласа,*
Кто полъ-земли поднялъ.

Въ подлинникѣ: «полу-Атласа этой земли». Атласъ несетъ на себѣ небо, Антоній—землю (а не полъ-земли).

Стр. 237. Клеопатра: *И этотъ чудодѣйственный напитокъ тебя позолотилъ.*

Намекъ на жидкость, обращающую неблагородные металлы въ золото.

Стр. 238. Клеопатра:

. . . *Каждый день*
Я буду присылать привѣтъ особый,
Хотя-бъ пришлось Египетъ обезлюдить.

То есть послать всѣхъ жителей его одного за другимъ послами къ Антонію.

Стр. 239. Помпей:

. . . *Всѣ прелести любви*
Пусть блеклыя уста твои украсятъ,
О, Клеопатра жгучая!

Одно изъ многихъ указаній на то, что Клеопатра ужъ не молода.

Стр. 240. Энобарбъ: *Будь я съ бородою Антонія—не сталъ бы нынче бриться.*

Чтобы уже своимъ неряшливымъ видомъ доказать, какъ мало его почтеніе къ Октавію. Ниже (стр. 244) Энобарбъ разсказываетъ, какъ «учтивый» Антоній «брѣется, на пиръ идя, разъ десять». Плутархъ говоритъ о «красивой бородѣ» Антонія, а на египетской монетѣ онъ изображенъ бритымъ.

Стр. 240. Цезарь: *Не знаю, Меценатъ, спроси Агриппу.*

Антоній намѣренно разговариваетъ съ Вентидіемъ, Цезарь—съ Меценатомъ и оба демонстративно не обращаютъ другъ на друга вниманія.

Стр. 240. Антоній: *Садись и ты.*

Стивенсъ ставитъ здѣсь восклицательный знакъ желая отмѣтить, что Антоній, считающій себя выше, не позволяетъ Октавію приглашать его сѣсть. Деліусъ полагаетъ, что они просто обмѣниваются любезностями.

Стр. 243. Лепидъ: *Вблизи горы Мизены.*

То есть вблизи Мизенскаго мыса, недалеко отъ Неаполя.

Стр. 244. Меценатъ: *Правда ли, что для двѣнадцати человѣкъ вы зажаривали къ завтраку восемь кабановъ?*

Это взято у Плутарха: «Филота ввели на кухню, гдѣ онъ увидалъ большую стряпню и, между прочимъ, восемь жарившихся кабановъ. Онъ удивился массѣ гостей—за обѣдомъ. Поваръ со смѣхомъ отвѣчалъ, что обѣдаютъ за однимъ столомъ не много: всего около двѣнадцати человѣкъ, но что каждое подаваемое къ столу кушанье должно быть приготовлено прекрасно». Равнымъ образомъ почти дословно по Плутарху переданъ дальнѣйшій разсказъ Энобарба о первой встрѣчѣ Антонія съ Клеопатрой. Но «невидимый запахъ» несся не съ галеры, но съ береговъ.

Стр. 246. Прорицатель:

. . . *Твой демонъ (духъ-хранитель)*
Отваженъ, гордъ, великъ и несравнимъ,
Когда нѣтъ духа Цезаря.

Дословно по Плутарху: «Твой геній боится его генія. Гордый и высокій одинъ, — онъ становится униженнымъ и менѣе замѣтнымъ при его приближеніи». Плутархъ считаетъ возможнымъ, что прорицатель, говоря такъ, хотѣлъ угодить Клеопатрѣ.

Стр. 247. Клеопатра:

. . . *А себѣ*
Филиппа мечъ я сбоку прицѣпила.

Намекъ на то, что Антоній—побѣдитель Брута и Кассія при Филиппахъ.

Стр. 247. Харміана:

А водолазъ твой рыбу прикрѣпилъ
Соленую на крюкъ его, и важно
Ее тянулъ Антоній...

Намекъ на забавный эпизодъ, разсказанный Плутархомъ: «Однажды онъ ловилъ рыбу; но охота была неудачной. Его бѣсило это, такъ какъ здѣсь находилась Клеопатра. Онъ велѣлъ рыбакамъ незамѣтно нырять въ воду и сажать на крючокъ пойманныхъ прежде рыбъ. Онъ вытащилъ одну рыбу два-три раза, что не укрылось отъ глазъ египтянки. Она притворилась удивленною, стала разсказывать своимъ друзьямъ и пригласила ихъ на слѣдующій

день на рыбную ловлю. Многіе вошли въ рыбачью лодку. Антоній закинулъ удочку. Клеопатра приказала одному изъ своихъ рабовъ нырнуть и насадить на крючокъ соленую понтійскую рыбу. Антоній, думая, что попалась живая рыба, сталъ тащить ее, при хохотѣ, конечно. «Оставь удочку, императоръ, намъ, рыбакамъ Фара и Каноба!—Ты долженъ ловить города, царей и земли», сказала Клеопатра.

Стр. 249. Клеопатра:

Превознося Антонія, хулила
Я Цезаря.

Рѣчь идетъ, конечно, не объ Октавіи, а о Юліи Цезарѣ.

Стр. 250. Помпей: *Заложниковъ обмѣнъ мы совершили.*

Заложники даны въ обезпеченіе взаимной безопасности во время мирныхъ переговоровъ.

Стр. 250. Помпей:

Имѣешь ты и мой отцовскій домъ.
Хозяйничай покуда въ немъ: кукушка
Не вьетъ гнѣзда...

Намекъ на фактъ, сообщенный Плутархомъ: «Когда продавался домъ Помпея, Антоній купилъ его, но когда съ него стали требовать деньги, разразился бранью».

Стр. 251. Помпей:

Почтимъ другъ друга пиромъ на прощанье
По жребію: кто первый.

По Плутарху: «Бросили жребій. Угощать первымъ досталось Помпею. Антоній спросилъ, гдѣ они будутъ обѣдать. «Тамъ», отвѣтилъ Помпей, показавъ рукой на адмиральскій корабль съ шестью рядами веселъ, «тамъ—домъ, оставленный Помпею отцомъ!» Онъ сказалъ это въ укоръ Антонію, жившему въ домѣ отца его, Помпея».

Вотъ что я слышалъ:
Что приносилъ къ нему Аполлодоръ..

Разсказъ о первомъ любовномъ свиданіи Цезаря съ Клеопатрой такъ переданъ Плутархомъ: «Цезарь тайно призвалъ къ себѣ Клеопатру. Она взяла съ собою сицилійца Аполлодора, одного изъ своихъ приближенныхъ, сѣла въ челнокъ и подъѣхала къ дворцу въ сумеркахъ. Она не могла пробраться незамѣченной и потому легла въ мѣшокъ для постели и вытянулась въ немъ во всю длину. Аполлодоръ обернулъ свертокъ ремнями и принесъ его Цезарю прямо черезъ двери».

Стр. 252. *Входятъ нѣсколько слугъ, накрывающихъ столъ для пиршества.*

Пиршество, собственно, происходитъ въ смежномъ залѣ. Здѣсь слуги накрываютъ лишь столъ для послѣобѣденнаго дессерта.

Стр. 252. Антоній:

Такъ дѣлаютъ (;) *на пирамидахъ, Цезарь,*
Отмѣтки есть о прибыли воды.

О таблицѣ на пирамидахъ для опредѣленія подъема воды въ Нилѣ, Шекспиръ могъ читать у Плинія.

Стр. 253. Антоній: *Когда его составныя части распадаются, онъ переселяется въ другія вещества.*

Шуточный намекъ на переселеніе душъ встрѣчается также въ «Какъ вамъ угодно» (д. III, сц. 2).

Стр. 253. Антоній:

. . . Этой мели
Страшись, Лепидъ, ты сядешь на нее.

Пьяный Лепидъ качается, какъ корабль, наткнувшійся на мель.

Стр. 253. Менасъ: *Желаешь быть владыкой міра?*

Сцена съ предложеніемъ Менаса и знаменитымъ отвѣтомъ Помпея очень близка къ разсказу Плутарха, гдѣ однако діалогъ много короче.

Стр. 254. Энобарбъ: *И всѣ ему подтягивайте въ ладъ.*

Въ подлинникѣ Энобарбъ приглашаетъ всѣхъ только подхватить припѣвъ и, дѣйствительно, послѣдній стихъ *Пѣсни* мальчика повторенъ въ текстѣ два раза.

Стр. 254. Цезарь:

. . . Помпей, спокойной ночи,
Дозволь тебя, братъ милый, увести.

Послѣднія слова обращены уже не къ Помпею, а къ Антонію, такъ какъ лишь его—мужа сестры—Цезарь называетъ братомъ.

Стр. 255. Вентидій: *Страна пареянъ, на стрѣлы не взирая, ты сражена.*

Стрѣлы—типичное оружіе пареянъ.

Ородъ,
Твой сынъ Пакоръ за Марка Красса платитъ.

Этотъ стихъ объясняется Плутархомъ: «Сынъ пареянскаго царя, Пакоръ, вторгся въ Сирію. Вентидій его разбилъ, причемъ масса пареянъ осталась на мѣстѣ, въ томъ числѣ и Пакоръ. Римляне получили полное удовлетвореніе за пораженіе Красса». Крассъ былъ убитъ въ сраженіи Ородомъ.

Стр. 255. Вентидій:

И Цезарь, и Антоній побѣждали
Благодаря помощникамъ скорѣй,
Чѣмъ доблестямъ своимъ.

Здѣсь Шекспиръ вкладываетъ въ уста Вентидія то, что Плутархъ говоритъ отъ себя по поводу побѣды Вентидія.

Стр. 255. Вентидій: *Утратилъ Соссій,*
Мой въ Сиріи предшественникъ, всю милость Антонія.

Этого у Плутарха нѣтъ.

Стр. 255. Силій:

Ты качества имѣешь, безъ которыхъ
Не отличишь солдата отъ меча.

То есть разумъ.

Стр. 256. Агриппа: *Ну, что? Простились, братья?*

Агриппа говоритъ объ Октавіи и Антоніи.

Стр. 256. Агриппа: *О, доблестный Лепидъ.*

Энобарбъ: *Достойнѣйшій, какъ Цезаря онъ любитъ.*

Въ этихъ и дальнѣйшихъ фразахъ собесѣдники съ ядовитой ироніей повторяютъ напыщенныя и неискреннія похвалы, которыми союзники осыпаютъ другъ друга.

Стр. 256. Цезарь:

Къ тебѣ да будутъ благосклонны
Стихіи всѣ, тебѣ даруя радость.

По объясненію Мэлона, Октавія сопровождаетъ мужа черезъ море въ Грецію; Стаунтонъ и Джонсонъ полагаютъ, что рѣчь идетъ о жизненныхъ стихіяхъ.

Стр. 258. Гонецъ:

И лобъ ея такъ низокъ, какъ возможно
Лишь пожелать.

Низкій лобъ считался при Шекспирѣ особенно некрасивымъ (ср. «Два Веронца», т. I, стр. 45).

Стр. 259. Эросъ:

И удавить грозитъ вождя, который
Помпея умертвилъ.

По разсказу Плутарха, бѣжавшаго Секста Помпея убилъ Маркъ Тицій *по приказанію Антонія.*

Стр. 259. Энобарбъ: *Міръ! У тебя двѣ пасти остаются.*

То есть, за устраненіемъ Лепида, двое изъ тріумвировъ, пожирающихъ міръ.

Стр. 260. Цезарь: ***Въ виду всего народа,***
На площади въ Александріи... возсѣлъ онъ на помостѣ и т. д.

Въ уста Цезаря вложенъ дословно разсказъ Плутарха. Тронъ былъ поставленъ въ народномъ собраніи, устроенномъ въ Гимназіи. Земли между своими дѣтьми Антоній распредѣлилъ не совсѣмъ такъ, какъ указано у Шекспира: «Александру онъ отдалъ Арменію (въ переводѣ по ошибкѣ — «Сирію») и Мидію; Парѳію онъ хотѣлъ отдать ему тогда, когда покоритъ ее.

Стр. 261. *Мой добрый братъ,* ***сюда безъ принужденья,***
По доброй волѣ такъ явилась я.

Здѣсь Шекспиръ совершенно измѣнилъ хронологію отношеній Антонія къ Октавіи. Во время этого разрыва между тріумвирами, она уже все знала и была открыто отвергнута мужемъ. Ранѣе, когда она только вернулась изъ Греціи, она не послушалась брата и отказалась покинуть домъ мужа, заботясь о своихъ и его дѣтяхъ, о дѣтяхъ Фульвіи и даже о друзьяхъ Антонія. Но ко времени открытаго разрыва и битвы при Акціумѣ Антоній отправилъ въ Римъ своихъ людей, чтобы выгнать Октавію изъ ея дома. Говорятъ, она вышла со всѣми дѣтьми Антонія, кромѣ самаго старшаго его сына, отъ Фульвіи,—онъ находился при отцѣ. Она скорбѣла, терзалась о своей участи, при мысли, что ее могутъ считать одной изъ причинъ войны. Въ Римѣ же жалѣли не столько ее, сколько Антонія, въ особенности, когда видѣли, что красотою и молодостью Октавія не уступала Клеопатрѣ».

Стр. 262. Клеопатра: ***Морское—да. Какое же иное?***

Матеріаломъ для дальнѣйшаго діалога во всѣхъ его частностяхъ является разсказъ Плутарха: «Клеопатра имѣла надъ Антоніемъ такую власть, что онъ, въ угоду ей, хотѣлъ рѣшить войну флотомъ, хотя далеко превосходилъ непріятеля въ отношеніи сухопутныхъ силъ и видѣлъ, что, вслѣдствіе недостатка въ матросахъ, его адмиралы устраивали охоты на путешественниковъ, погонщиковъ муловъ, жнецовъ и молодыхъ людей въ Греціи, и безъ того терпѣвшей многое. И все-таки корабли были плохо вооружены; большинство изъ нихъ не имѣло достаточнаго числа матросовъ и двигалось медленно. Октавіанъ не имѣлъ высокихъ или огромныхъ, построенныхъ на показъ кораблей, зато владѣлъ поворотливыми, быстрыми и снабженными достаточнымъ числомъ экипажа судами».

Стр. 262. Канидій: . . ***При Фарсалѣ,***
Гдѣ ты желалъ уравновѣсить бой
Помпея съ Цезаремъ.

Битва при Фарсалѣ, ѳессалійскомъ городкѣ, происходила въ 45 г. до Р. Хр. между Цезаремъ и Помпеемъ.

Стр. 262. Воинъ:
Не бейся на морѣ, не довѣряйся
Гнилымъ доскамъ.

О настроеніи, въ которомъ Антоній говорилъ съ этимъ заслуженнымъ и не простымъ воиномъ, свидѣтельствуетъ Плутархъ: «Говорятъ, одинъ изъ *начальниковъ* пѣхотныхъ войскъ, съ массой рубцовъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ цѣломъ рядѣ сраженій за Антонія, узналъ въ проходившемъ мимо—Антонія и сказалъ со слезами на глазахъ: «Зачѣмъ, императоръ, забылъ ты о моихъ ранахъ и мечѣ и ввѣряешь свои надежды ненадежному дереву?—Пусть сражаются на морѣ египтяне и финикійцы, ты же дай намъ землю, на которой мы привыкли стоять твердо, умирая или побѣждая враговъ!»... Антоній не отвѣчалъ ему ни слова, только рукой и взглядомъ какъ бы далъ знакъ мужаться, и пошелъ дальше. Самъ онъ не вѣрилъ въ успѣхъ».

Стр. 265. Антоній:
Октавій при Филиппахъ
Носилъ свой мечъ, какъ въ танцахъ.

Октавій принималъ въ битвѣ при Филиппахъ настолько ничтожное участіе, что какъ будто носилъ лишь мечъ для украшенія—какъ носили его при танцахъ. Нѣкоторые думаютъ, что Шекспиръ имѣлъ въ виду пляску съ мечомъ, какія были приняты у древнихъ.

Онъ дѣйствовалъ всегда черезъ помощниковъ.

Антонію вложено въ уста то, что Плутархъ говорилъ объ Октавіѣ и о немъ.

Стр. 268. Клеопатра:
И Цезаря отецъ устами часто
Руки моей касался недостойной.

Октавій Цезарь былъ пріемнымъ сыномъ Юлія Цезаря.

Стр. 268. Антоній: ***Какъ? Милостью она его даритъ.***

Эпизодъ съ Тиреемъ, какъ онъ названъ въ Нортовскомъ переводѣ Плутарха,—или Тирсомъ, какъ его называетъ греческій оригиналъ, переданъ довольно близко къ источнику: «Тирсу приходилось разговаривать съ ней дольше, чѣмъ другимъ, вслѣдствіе чего онъ пріобрѣлъ со стороны ея глубокое уваженіе. Антоній сталъ подозрѣвать ее. Онъ приказалъ схватить Тирса, высѣчь плетьми и затѣмъ отпустить къ Октавіану. Антоній написалъ ему письмо, гдѣ говорилъ, что Тирсъ своей заносчивостью и презрѣніемъ раздражилъ его, сдѣлавшагося легко раздражительнымъ вслѣдствіе своихъ несчастій».

Стр. 270. Антоній . . . ***Зачѣмъ я***
Не на холмѣ Базанскомъ.

Базанскій холмъ упоминается въ Псалмахъ Давида (пс. XXII, ст. 13 и пс. LXVIII, ст. 16).

Стр. 272. Цезарь:
Пусть знаетъ забіяка старый: много
Есть къ смерти у меня иныхъ путей.

Здѣсь Шекспиръ не понялъ Плутарха, у котораго Цезарь говоритъ, что у *Антонія* и помимо поединка есть много способовъ покончить съ собой.

Стр. 274. Антоній:
Еще сегодня мнѣ поугождайте.
Кто знаетъ, не конецъ ли вашей службѣ?

«Разсказываютъ,— сообщаетъ Плутархъ, что Антоній за этимъ обѣдомъ приказывалъ рабамъ наливать ему больше вина и кормить его лучше,— неизвѣстно, говорилъ онъ, придется ли имъ дѣлать это завтра: быть можетъ, они должны будутъ служить новымъ господамъ, въ то время какъ онъ станетъ лежать трупомъ, обратится въ ничто. Замѣтивъ, что друзья заплакали въ отвѣтъ на его слова, онъ сказалъ, что не возьметъ ихъ съ собою въ сраженіе, гдѣ ищетъ себѣ скорѣй почетной смерти, нежели спасенія или побѣды». Такимъ образомъ Шекспиръ, у котораго Антоній «возлагаетъ свѣтлыя надежды на завтрашній день», совершенно измѣнилъ здѣсь біографу Антонія.

Стр. 274. 4-й воинъ: ***Тсс... Что за звуки?***

У Шекспира звуки эти, какъ и всегда у него всякіе таинственные звуки, принадлежатъ гобоямъ. У Плутарха они сложнѣе: «Говорятъ, въ

эту ночь, около двѣнадцати часовъ, среди молчанія и унынія, царствовавшаго въ столицѣ, вслѣдствіе страха въ ожиданіи будущаго, неожиданно раздались стройные звуки различнаго рода музыкальныхъ инструментовъ и крики толпы, выступавшей съ восторженными восклицаніями и сатирическими прыжками, какъ будто шла съ шумомъ толпа вакханокъ. Процессія направилась черезъ центръ города къ воротамъ, обращеннымъ къ сторонѣ непріятеля. Здѣсь шумъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ раньше, и, наконецъ, прекратился».

Стр. 274. 2-й воинъ:

Богъ Геркулесъ, Антоніемъ любимый,
Уходитъ отъ него.

Въ вступительной статьѣ (стр. 222, примѣч.) указана ошибка, въ которую здѣсь впалъ Шекспиръ.

Стр. 276. Антоній: *Привѣтъ мой въ сталь закованъ, какъ и я.*

Въ подлинникѣ mechanic compliment, — по объясненію Деліуса, — «формальности прощанія, приличныя простымъ людямъ, ремесленникамъ, а не человѣку изъ стали, воину, который покидаетъ милую съ однимъ солдатскимъ поцѣлуемъ.

Стр. 278. Скаръ:

Была похожа рана
На букву Т и превращалась въ Н.

Деліусъ замѣчаетъ, что это было Т лежачее (⊢), новой раной обращенной въ Н.

Стр. 278. Антоній:

Я разскажу великой этой феѣ
Твои дѣла.

Эти слова обращены къ Скару.

Стр. 279. Клеопатра:

Другъ, дамъ тебѣ доспѣхи золотые.
Ихъ прежде царь носилъ.

Плутархъ: «Гордясь побѣдой, Антоній вернулся во дворецъ, не снимая оружія, поцѣловалъ Клеопатру и хотѣлъ представить ей солдата, отличившагося болѣе другихъ. Она подарила ему въ награду золотую броню и золотой шлемъ. Ночью солдатъ бѣжалъ съ ними къ Октавіану».

Стр. 280. *Отдаленный шумъ морской битвы.*

У Шекспира сказано «какъ бы морской битвы» и, дѣйствительно, какъ видно изъ Плутарха, битвы не было: «Рано утромъ Антоній поставилъ пѣхоту на холмахъ, расположенныхъ передъ городомъ, и сталъ смотрѣть на корабли, выступившіе противъ непріятеля. Онъ спокойно глядѣлъ на нихъ, ожидая, что они сдѣлаютъ. Приблизившись, корабли Антонія сдѣлали веслами знакъ привѣтствія кораблямъ Октавіана. Тѣ отвѣчали тѣмъ же, и суда Антонія перешли на сторону непріятеля».

Стр. 280. Скаръ: . . . *Въ парусахъ*
Царицы свиты ласточками гнѣзда.

У Плутарха это знаменіе предшествуетъ битвѣ при Акціумѣ среди многихъ другихъ. «На кормѣ адмиральскаго корабля Клеопатры («Антоніада») ласточки свили гнѣздо; но прилетѣли другія ласточки, выгнали ихъ и заклевали ихъ дѣтей».

Стр. 280. Антоній: *О, трижды вѣроломная блудница.*

Въ подлинникѣ собственно не трижды вѣроломная, а просто тройная блудница: Клеопатра продавала себя Юлію Цезарю, Помпею и Антонію.

Стр. 280. Антоній:

Какъ истая цыганка, ты фальшивой
Игрой мое опустошила сердце.

Въ подлинникѣ fast and loose—фокусы, которые показывали цыгане на ярмаркахъ.

Стр. 280. Антоній: *Вотъ на мнѣ рубашка Несса. Алкидъ мой предокъ!*

Геркулесъ (Алкидъ) умеръ, одѣвъ отравленную рубаху, которую коварно прислалъ ему черезъ его жену Дейанейру центавръ Нессъ.

О, дай мнѣ силу
Забросить на рога луны Лихаса.

Геркулесъ въ порывѣ бѣшенства разбилъ о скалу своего слугу Лихаса.

Стр. 281. Клеопатра:

Бѣснуется онъ больше, чѣмъ Аяксъ
Изъ-за щита Ахилла.

У Шекспира по ошибкѣ «Теламонъ». Аяксъ, сынъ Теламона, одинъ изъ героевъ Троянской войны, пришелъ въ безумную ярость оттого, что греки присудили оружіе Ахилла (между прочимъ, замѣчательный щитъ, выкованный Гефестомъ) не ему, а хитрому Одиссею.

Ѳессалійскій вепрь—въ греч. миѳологіи—чудовище, убитое Мелеагромъ.

Стр. 281. Харміана:

Скорѣй къ гробницѣ!

О «великолѣпныхъ, высокихъ и красивыхъ гробницахъ», пристроенныхъ по приказанію Клеопатры къ храму Изиды, говоритъ Плутархъ. Сюда она стала сносить при извѣстіи о египетскомъ походѣ Октавія всѣ царскія драгоцѣнности и массу горючихъ матеріаловъ.

Стр. 282. Антоній: *Не могъ бы семипластный щитъ Аякса ..*

Щитъ Аякса, по описанію «Иліады», состоялъ изъ семи слоевъ воловьей кожи.

Стр. 282. *Теперь меня оставь здѣсь на мгновенье.*

Переводъ сдѣланъ согласно съ толкованіемъ, которое принимаютъ не всѣ комментаторы. Деліусъ находитъ, что это не приказаніе Эросу, но начало слѣдующей фразы: «Такъ какъ ты на мгновеніе оставила меня, такъ какъ ты умерла, Клеопатра, то я догоню тебя» и т. д.

Стр. 282. Антоній:

Эней съ Дидоной
Лишатся провожатыхъ.

Духи, окружающіе въ преисподней влюбленную пару, Энея съ Дидоной, покинутъ ихъ, когда появится новая пара, Антоній и Клеопатра. Здѣсь Шекспиръ ошибся: у Виргилія Дидона въ загробной жизни соединена не съ своимъ вѣроломнымъ возлюбленнымъ Энеемъ, но съ своимъ супругомъ Сихеемъ.

Стр. 282. Антоній: *Идущаго съ скрещенными руками.*

Быть можетъ, pleached arms означаетъ здѣсь связанныя руки.

Стр. 284. *Могильный памятникъ. На верху появляются Клеопатра, Харміана... Внизу появляется Діомедъ.*

Гробница—сооруженіе въ глубинѣ сцены; въ верхней части ея отверстіе, въ которое видна Клеопатра съ женщинами; дѣйствіе происходитъ наверху и внизу, на сценѣ.

Стр. 284. *Клеопатра втаскиваетъ Антонія къ себѣ.*

Трагизмъ внѣшнихъ подробностей этой тяжелой сцены превосходно переданъ Плутархомъ: «Антонія принесли на рукахъ къ дверямъ гробницы. Клеопатра не отворила дверей, но, подойдя къ окну, спустила веревки и небольшіе канаты. Антонія привязали къ нимъ, и затѣмъ Клеопатра, вмѣстѣ съ двумя женщинами, кото-

рыхъ взяла съ собою въ усыпальницу, стали тянуть его наверхъ. По словамъ присутствовавшихъ здѣсь, онѣ не видали ничего печальнѣе этой картины. Обрызганнаго кровью, умирающаго Антонія тянули вверхъ. Вися въ воздухѣ, онъ протягивалъ руки къ Клеопатрѣ: женщинамъ трудно было поднимать его. Клеопатра только съ трудомъ, впиваясь, такъ сказать, руками въ веревку, съ дрожащими мускулами лица, тянула ее, въ то время, какъ стоявшіе внизу ободряли ее и помогали ей».

Стр. 284. Клеопатра: . . . *со злости*
Она свое сломаетъ колесо.

Фортуна въ видѣ женщины съ прялкой изображена также въ «Какъ вамъ угодно» (д. I. сц. 2).

Стр. 285. Антоній:
Я римлянинъ, и римляниномъ честно
Былъ побѣжденъ.

Эти слова взяты у Плутарха: въ остальномъ діалогъ нѣсколько измѣненъ: «Когда Антонія подняли, она положила его на кровать и стала рвать на себѣ платье. Она била себя въ грудь, царапала ее руками, отирала своимъ лицомъ его кровь, называла его своимъ господиномъ, мужемъ и императоромъ и, изъ чувства состраданія къ нему, почти забыла о своемъ горѣ».

«Антоній уговорилъ ее перестать плакать и попросилъ себѣ вина. Быть можетъ, ему хотѣлось жить или же онъ надѣялся скорѣй умереть. Напившись, онъ совѣтовалъ Клеопатрѣ подумать о самой себѣ и спасти свою честь безъ позора. Изъ друзей Октавіана онъ совѣтовалъ ей довѣрять всего болѣе Прокулею. Просилъ не плакать надъ нимъ за его послѣднія несчастія, но называть его счастливымъ за его прежнія удачи: «онъ пользовался огромною извѣстностью, огромнымъ вліяніемъ и теперь умираетъ честною смертью римлянина, побѣжденнаго римляниномъ».

Стр. 286. Клеопатра: *А вы, друзья, не унывайте.*

Слова эти обращены, какъ показалъ Дайсъ, не къ «стражѣ, оставшейся внизу», а къ женщинамъ ея свиты.

. . . *А потомъ*
Все доблестно свершимъ и благородно,
Какъ намъ велитъ обычай славный Рима.

Ужъ въ «Гамлетѣ» (д. V, с. 2) есть указанія на то, что Шекспиръ считалъ самоубійство, на которое здѣсь намекаетъ Клеопатра, проявленіемъ римской доблести.

Стр. 288. *Александрія. Могильный памятникъ.*

Нѣкоторые считаютъ, что здѣсь дѣйствіе происходитъ внутри гробницы. По мнѣнію Деліуса, сцена та же, что и въ д. IV, сц. 13, гдѣ Клеопатра съ приближенными видна въ верхнемъ отверстіи гробницы.

Стр. 288. *Входятъ Прокулей и Галлъ; за ними воины.*

Входятъ на сцену, но не во внутрь гробницы.

Стр. 290. Галлъ:
. . . *Вы до прибытья Цезаря ее*
Здѣсь вмѣстѣ стерегите.

Плутархъ рѣзче оттѣняетъ роль Галла. Посланный Октавіемъ, онъ «подошелъ къ дверямъ и съ умысломъ сталъ затягивать разговоръ. Въ это время Прокулей подставилъ лѣстницу и вошелъ тѣмъ самымъ окошкомъ, которымъ женщины втащили Антонія. Онъ быстро спустился къ дверямъ, у которыхъ стояла Клеопатра, разговаривавшая съ Галломъ. Съ нимъ было двое рабовъ. Одна изъ запершихся съ Клеопатрой женщинъ вскричала: «Несчастная Клеопатра, тебя поймали!..» Царица обернулась и увидѣла Прокулея».

Стр. 290. Клеопатра: *Скорѣй, о руки вѣрныя, на помощь.*

Плутархъ даетъ указанія, имѣющія значеніе при исполненіи этой сцены: «Она хотѣла убить себя,—за поясомъ у нея былъ небольшой разбойничій мечъ;—но Прокулей быстро подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее обѣими руками и сказалъ: «Ты, Клеопатра, обижаешь себя и Октавіана, лишая его прекраснаго случая выказать его милосердіе, и навлекаешь несправедливое обвиненіе въ предательствѣ и жестокости на одного изъ самыхъ гуманныхъ полководцевъ!» Онъ отнялъ у нея мечъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стряхнулъ на ней платье, съ цѣлью узнать, не спрятано ли въ немъ яда».

Стр. 291. Клеопатра: . . . *Прихоти его*
Высоко поднимались, какъ дельфины,
Надъ той стихіей, средь которой жили.

На прыжки дельфиновъ, которые, играя, выскакиваютъ высоко изъ воды, Шекспиръ намекаетъ и въ «Конецъ дѣлу вѣнецъ» (д. II, сц. 3).

Стр. 291. *Клеопатра преклоняетъ колѣна.*

Плутархъ даетъ рядъ подробностей, относящихся къ этой сценѣ. Она происходила не тотчасъ же послѣ смерти Антонія и захвата Клеопатры, а нѣсколько позже, послѣ похоронъ Антонія. «Отъ страшной печали и боли грудь ея распухла отъ ударовъ и покрылась гнойными ранами, у ней открылась лихорадка... Черезъ нѣсколько дней Октавіанъ самъ пришелъ къ ней, съ цѣлью навѣстить ее и утѣшить. Она лежала на постели, въ грустномъ настроеніи. При его входѣ она вскочила въ одномъ нижнемъ платьѣ и упала передъ нимъ на колѣни. Ея голова и лицо представляли изъ себя что-то ужасное, голосъ ея дрожалъ, глаза потухли отъ слезъ. На ея груди было видно множество знаковъ бичеванія... Октавіанъ просилъ ее лечь и сѣлъ рядомъ».

Стр. 292. Клеопатра: . . . *Межъ ними*
Нѣтъ ни единой бездѣлушки.

Она настаиваетъ на томъ, что въ списокъ вошли лишь самыя цѣнныя вещи, чтобы придать ему большее значеніе въ глазахъ Цезаря. На самомъ дѣлѣ она утаила лучшее.

Стр. 292. Клеопатра: *Подлецъ бездушный! Песъ! какая низость!*

У Плутарха она не только бранитъ Селевка. «Одинъ изъ управлявшихъ дворцомъ, Селевкъ, сталъ уличать ее, что она нѣсколько вещей скрыла, не показала. Тогда она вскочила, схватила его за волосы и нѣсколько разъ ударила по лицу. Октавіанъ, улыбаясь, старался успокоить ее. «Развѣ это не ужасно, Цезарь», вскричала она,—ты удостоилъ меня чести придти ко мнѣ и говорить о моемъ положеніи, мои же рабы обвиняютъ меня, что я не показала нѣкоторыхъ изъ женскихъ вещей, не для украшенія себя, несчастной, но для того, чтобы поднести ихъ Октавіи или твоей Ливіи для того, чтобы задобрить ихъ».

Стр. 292. Клеопатра: *Будь мужемъ ты, меня-бъ ты пожалѣлъ.*

Евнуха - Селевка Клеопатра не считаетъ мужчиной.

Стр. 293. Клеопатра:
. . . *Я давно*
Дала приказъ и, вѣрно, все готово.

Она говоритъ о ядовитой змѣйкѣ, которую приказала принести.

Стр. 293. Клеопатра:

А я увижу, какъ пискливый мальчикъ
Придастъ мнѣ видъ и голосъ потаскухи.

Роль Клеопатры, какъ и въ Шекспирово время, долженъ былъ исполнять мальчикъ.

Стр. 292. Поселянинъ: *Ея укусъ безсмертенъ.*

Поселянинъ, по обыкновенію, выведенъ Шекспиромъ въ образѣ дурака, перевирающаго трудныя слова: здѣсь вмѣсто mortal—смертеленъ—онъ говоритъ immortal—безсмертенъ.

Стр. 295. *Клеопатра вынимаетъ змѣю и прикладываетъ къ своей груди.*

Шекспиръ взялъ здѣсь самое популярное изъ преданій о смерти Клеопатры, передаваемыхъ Плутархомъ: «По другимъ разсказамъ, Клеопатра держала аспида въ кружкѣ для воды и предварительно разозлила его золотымъ веретеномъ. Тогда онъ бросился и впился ей въ руку. Правды, однако, не узналъ никто. Разсказывали также, что она носила ядъ въ пустой внутри булавкѣ для волосъ, булавку же скрывала въ волосахъ. Тѣмъ не менѣе на ея трупѣ не было ни одного пятна, никакого признака отравленія. Въ комнатѣ также не нашли змѣи. Говорятъ, впрочемъ, видѣли слѣды, что она ползла въ одной изъ комнатъ, выходившихъ окнами въ море».

Стр. 295. Клеопатра:

Какъ Цезаря великаго зовешь
Осломъ безмозглымъ.

Въ подлинникѣ ass unpolicied: змѣйка назвала бы Цезаря осломъ, негоднымъ къ государственнымъ дѣламъ.

Стр. 295. Харміана:

Отличное, достойное царицы,
Считающей средь предковъ столько славныхъ.

Плутархъ сообщаетъ подробности этой сцены: «Въ царскомъ одѣяніи, лежала Клеопатра на золотой постели. Одна изъ женщинъ, Ирада, умерла въ ея ногахъ, другая, Хармія, начинавшая уже шататься и чувствовать тяжесть въ мозгу, поправляла діадему на ея головѣ. «Прекрасно, Хармія!» вскричалъ въ бѣшенствѣ одинъ изъ людей Октавіана. «Да, это вполнѣ прекрасно и прилично для потомка столькихъ царей», отвѣчала Хармія. Больше она не сказала ни слова и свалилась мертвою у кровати».

ЦИМБЕЛИНЪ.

(Cymbeline).

Стр. 305. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ появился впервые въ изданіи Роу (1709 г.).

Стр. 306. 1-й дворянинъ: *Наша кровь*
Не больше покорна небесамъ,
Чѣмъ королю придворный.

Смыслъ этой фразы таковъ: при дворѣ Цимбелина теперь всякій мраченъ, потому что мраченъ король и потому что придворные такъ же покорно подлаживаются подъ королевское настроеніе, какъ наша кровь (наше состояніе) послушна климатическимъ вліяніямъ неба.

Ну, королева, желавшая союза.

То есть брака Имогены съ ея сыномъ отъ перваго брака Клотеномъ.

Стр. 307. 1-й дворянинъ: . . . *Сицилій,*
Его отецъ, ходилъ съ Кассибеланомъ.

Король южной Британіи Кассибеланъ успѣшно боролся съ римскими легіонами Юлія Цезаря, но его преемникъ и племянникъ, отецъ Цимбелина Тенанцій, о которомъ говорится нѣсколько ниже, сдѣлался римскимъ данникомъ.

И прозванъ былъ за храбрость Леонатомъ.

Leonatus—львомъ рожденный.

Назвалъ его Постумомъ-Леонатомъ.

Postumus — по латыни — рожденный послѣ смерти отца.

Стр. 308. Постумъ:

Хоть желчью будь чернила.

Точнѣе: «хотя бы чернила были сдѣланы изъ желчи». Это не только фигуральное выраженіе; что чернила дѣлались не только изъ чернильнаго орѣшка, но и изъ бычачей желчи, показываетъ рецептъ чернилъ, приводимый Стивенсомъ.

Стр. 308. Имогена:

. . . *И вѣрно, меня собой далеко превосходитъ.*

Точнѣе: «Онъ уплачивалъ за меня дороже на всю сумму, которую платитъ». То есть: онъ дастъ за меня, ничего не стоющую, себя, стоющаго такъ много.

Стр. 310. Имогена:

Вотъ лучше бъ въ Африкѣ они сошлися.

То есть въ безлюдной странѣ, гдѣ никто не могъ бы защищать ничтожнаго Клотена, сильнаго не своей силой, а поддержкой другихъ.

Стр. 312. *Входятъ Филаріо, Іахимо, французъ, голландецъ и испанецъ.*

Нѣкоторые издатели устраняютъ двухъ послѣднихъ, такъ какъ они безмолвны въ теченіе всей сцены. Между тѣмъ Шекспиръ очевидно намѣренно сдѣлалъ свидѣтелями заклада Постума представителей разныхъ народностей.

Стр. 315. Королева:

Онъ, какъ скала, стоитъ за господина.

Упорное молчаніе и мимическая игра Пизаніо должны оправдать это убѣжденіе королевы.

Стр. 315. Имогена:

О, несчастный! Вѣнецъ моей тоски.

Эти слова относятся къ ея мужу Постуму.

Стр. 315. Іахимо:

Не то, какъ парсъ, я убѣгая долженъ биться.

Не парсъ, а пареянинъ (Parthian), которые извѣстны своей особой боевой тактикой: превосходные стрѣлки, они въ притворномъ бѣгствѣ метали вдругъ въ ошеломленнаго противника свои мѣткія стрѣлы. До сихъ поръ «пареянская стрѣла» остается символомъ боевого коварства.

Стр. 320. Іахимо: . . . *Такъ Тарквиній*
По тростнику подкравшись, разбудилъ
Невинность злодѣяньемъ.

Собственно не Тарквиній, а сынъ его Секстъ (итальянецъ Іахимо называетъ его въ подлинникѣ «*нашъ* Тарквиній») обезчестилъ жену Коллатина Лукрецію. *По тростнику*—т.-е. по камышевой циновкѣ, которой устлана спальня Лукреціи. *О, Цитера*—Венера, чтимая на остр. Цитерѣ.

Стр. 320. Іахимо: *Она сейчасъ читала*
Исторію Терея: листъ заложенъ
На мѣстѣ, гдѣ сдается Филомела.

На этотъ миѳъ, художественно обработанный въ извѣстныхъ Шекспиру «Метаморфозахъ» Овидія, особенно много намековъ въ трагедіи «Титъ Андроникъ» (ср. т. V).

Стр. 320. Іахимо:

Разъ, два, три. Ну, теперь пора ложиться.

Любопытно, что въ началѣ сцены, по словамъ Елены, еще даже нѣтъ полночи. Такимъ образомъ эта коротенькая сцена занимаетъ болѣе трехъ часовъ.

Стр. 323. Клотенъ:

Діаниныхъ лѣсничихъ закупаетъ,
Такъ что они пригонятъ сами къ вору
На встрѣчу дичь.

Діана здѣсь не только богиня охоты, но и невинности и чистоты.

Стр. 323. Дама:

Другимъ портной обходится дешевле,
Чѣмъ вамъ.

Точнѣе: «Этимъ можетъ похвалиться не всякій изъ тѣхъ, чей портной такъ же дорогъ, какъ и вамъ». Это значитъ: многіе люди изъ разодѣтыхъ въ пышныя платья, какъ Клотенъ, не могутъ похвалиться благороднымъ происхожденіемъ со стороны матери, тогда какъ онъ прямо говоритъ о себѣ:

И знатной дамы сынъ.

Стр. 326. Іахимо:

Чуть не забылъ—люцерны для огня:
Изъ серебра два милыхъ Купидона.

Это не люцерны для факеловъ, но два Амура съ опрокинутыми факелами, составляющіе рѣшетку камина и препятствующіе дровамъ выпадать оттуда.

Стр. 327. *Тамъ же. Другая комната въ домѣ Филаріо.*

Монологъ Постума перенесенъ въ другую комнату того же дома позднѣйшими издателями. На шекспировской сценѣ онъ произносился тутъ же и воображенію зрителей предоставлялось найти для него болѣе подходящее время и мѣсто.

Стр. 327. Постумъ: *О, еслибъ мнѣ*

Все женское въ себѣ искоренить.

Сынъ мужчины и женщины, мужчина носитъ въ себѣ также стихіи женской натуры, которыя Постумъ желалъ бы истребить въ себѣ.

Стр. 328. Королева:

И впередъ ея не будетъ, чтобъ дивиться
Вы перестали, наконецъ.

Если римляне удивлены, что Цимбелинъ такъ запоздалъ съ уплатой дани, то они могутъ перестать удивляться; «чтобы убить ваше удивленіе — говоритъ королева — такъ оно и впредь будетъ».

Стр. 329. Луцій:

За себя же благодарю.

Заявивъ Цимбелину о враждѣ къ нему своего повелителя, Луцій отъ себя благодаритъ его за пріемъ при дворѣ.

Стр. 329. Цимбелинъ:

Твой Цезарь сдѣлалъ воиномъ меня.

Шекспиръ читалъ у Голиншеда, что Цимбелинъ служилъ въ войскахъ Августа Цезаря, который сдѣлалъ его «рыцаремъ».

Стр. 330. Имогена: *Молитвы*

Любовниковъ и должниковъ различны.
Виновныхъ вы бросаете въ тюрьму.

Восковыя печати равно скрѣпляютъ письма возлюбленныхъ и обязательства должниковъ, но первыхъ онѣ приводятъ къ тюрьмѣ, вторымъ даритъ счастіе.

Стр. 332. Беларій:

Хоть щеголю поклонъ отвѣситъ тотъ,
Кѣмъ онъ одѣтъ, но счетъ все будетъ
счетомъ.

Хотя тотъ, кто далъ щеголю въ кредитъ шелкъ на его платье и отвѣситъ ему поклонъ, однако, платить за этотъ шелкъ все-таки придется.

Стр. 333. Беларій:

И рѣчь мою живитъ, волнуясь больше,
Чѣмъ слушая.

Дословно «вливаетъ жизнь въ мои слова»: въ жестахъ Кадвала разсказы Беларія отражаются съ большей силой, чѣмъ та, которой полно ихъ содержаніе.

Стр. 333. Имогена (читаетъ): «*Госпожа твоя, Пизаніо, какъ потаскушка, опозорила мое брачное ложе*».

Одинъ изъ комментаторовъ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ письмѣ Постума повторяются не буквально, но лишь приблизительно тѣ обращенія его, которыя мы уже слышали въ этомъ же дѣйствіи (стр. 330) въ передачѣ Пизаніо.

Стр. 333. Имогена:

. . Римская сорока,
Обязанная красотой румянамъ.

Jay — сорока — въ англійскомъ языкѣ того времени обозначало также женщину легкаго поведенія—по ея пестрому наряду.

Стр. 334. Имогена: *Синона плачъ позорилъ честныхъ слезы.*

Грекъ Синонъ, притворившись перебѣжчикомъ, явился въ троянскую войну въ крѣпость противниковъ и, разжалобивъ ихъ, предалъ Трою. Плачъ коварнаго предателя лишаетъ довѣрія слезы честныхъ людей.

Стр. 334. Имогена:

А, письма Леоната. Вы теперь
Не ересью ли стали?

При словахъ *Прочь, не нужно ей* (груди) *никакой охраны*, Имогена открываетъ свою грудь —и находитъ здѣсь письма мужа. Она называетъ ихъ scriptures писанія съ очевиднымъ намекомъ на богословскій смыслъ этого слова. Они были для нея священны, но «стали ересью» и «сгубили ея святую вѣру». Конечно, не мѣняетъ дѣла то, что эти намеки произносятся въ дохристіанскую эпоху; это обычный шекспировскій анахронизмъ.

Стр. 337. Цимбелинъ: *Проводите за Севернъ.*

Чтобы дойти до порта Мильфорда на Уэльскомъ побережьи, онъ долженъ перейти черезъ рѣку Севернъ.

Стр. 337. Королева:

О, еслибъ онъ причиной былъ того,
Что онъ исчезъ.

То есть: о, если бы мое лѣкарство было причиною того, что Пизаніо скрылся.

Стр. 339. Клотенъ: *Третья—чтобъ ты никому не говорилъ о моемъ намѣреніи.*

Въ подлинникѣ прибавлено: «какъ добровольный нѣмой»—намекъ на тѣхъ подневольныхъ нѣмыхъ, которымъ при турецкомъ дворѣ отрѣзывали языки, чтобы сдѣлать ихъ безгласными исполнителями порученій.

Стр. 340. Имогена:

Зачѣмъ не братьями? Тогда-бъ отецъ
мой
Былъ ихъ отцомъ, и я въ цѣнѣ упала-бъ.

Имѣя братьевъ, Имогена не считалась бы наслѣдницей престола и Постумъ былъ бы равенъ ей, простой принцессѣ.

Стр. 341. 1-ый сенаторъ: *Вотъ содержанье Цезаря письма.*

Содержаніе этого письма, излагаемое сенаторомъ, заимствовано почти дословно у Голиншеда.

Стр. 342. Имогена: *Я не такой роскошный горожанинъ.*

Горожанки—особенно богатыя жены и дочери лондонскихъ купцовъ—часто являются въ пьесахъ шекспировскаго времени образцами напыщенности и мотовства.

Стр. 343. Имогена:

Могу украсть лишь самого себя
Умру, но эта кража не большая.

Въ подлинникѣ не *украсть*, а *обокрасть* себя, то есть лишить себя жизни.

Стр. 344. Гвидерій: *Ни даже дѣда твоего портнягу.*

Такъ какъ Клотена дѣлаетъ человѣкомъ его платье, то онъ—сынъ своего платья и, стало быть, внукъ отца платья—своего портного.

Стр. 345. Гвидерій: *Будь ты, Клотенъ, двойной мошенникъ—этимъ меня не испугаешь.*

Гвидерій притворяется, будто думаетъ, что имя Клотена—«Клотенъ-мошенникъ».

Стр. 346. Клотенъ:

И въ Людѣ ваши головы повѣшу
На воротахъ.

Lud—старинное названіе Лондона, основаннаго — какъ сообщаютъ извѣстныя Шекспиру лѣтописи—королемъ Людомъ, который возстановилъ разрушенный городъ тринобантовъ и назвалъ его своимъ именемъ.

Стр. 346. Беларій:

Иной бываетъ страшенъ
Отсутствіемъ ума.

Это мѣсто, очень важное для пониманія характера Клотена, возбуждаетъ разныя толкованія. Дословный переводъ текста былъ бы таковъ: «Ибо недостатокъ (defect) разсужденія часто бываетъ причиною страха». Между тѣмъ Шекспиръ очевидно—и таково мнѣніе переводчика — хотѣлъ сказать нѣчто противоположное: Клотенъ страшенъ потому, что безстрашенъ и безстрашенъ—потому что глупъ. Поэтому издатели предлагаютъ весьма различныя исправленія этого явно испорченнаго текста. Деліусъ вслѣдъ за Теобальдомъ печатаетъ effect вм. defect, то есть: «дѣйствіе разсужденія бываетъ причиною страха» и т. д.

Стр. 347. Арвирагъ:

. . . Лучше мнѣ бы
Въ шестнадцать лѣтъ стать вдругъ на шестьдесятъ.

Одинъ изъ комментаторовъ видитъ въ этихъ словахъ доказательство пренебреженія Шекспира къ мелочной точности: Арвирагъ украденъ двадцать лѣтъ назадъ и потому не можетъ теперь быть шестнадцатилѣтнимъ. Однако, онъ можетъ сказать эту фразу, имѣя двадцать лѣтъ отъ роду.

Стр. 348. Арвирагъ: *Къ тебѣ носить все это будутъ пташки...*

Повѣрье, будто одна птичка (ruddock—плистовка) трясогуска (латин.) покрываетъ непогребенныхъ покойниковъ мхомъ, часто упоминается у современниковъ Шекспира.

Стр. 348. Гвидерій: *Терсита трупъ Аякса трупу равенъ.*

При жизни презрѣнный Терситъ не могъ равняться съ мужественнымъ Аяксомъ; послѣ смерти ихъ бренные останки равны.

Стр. 349. Беларій:

Они, ночной омытые росой,
Всѣхъ лучше для могилъ.

Въ подлинникѣ слѣдуетъ фраза *сыпьте на нихъ лица*, пропущенная переводчикомъ, очевидно, по той причинѣ, что у обезглавленнаго трупа Клотена нѣтъ лица. Этотъ недосмотръ Шекспира впервые отмѣтилъ Мэлоне.

Стр. 349. Имогена: *Нѣтъ, все это сонъ! надѣюсь, это сонъ.*

Ходъ мыслей въ этомъ несвязномъ монологѣ Имогены таковъ: увидѣвъ трупъ, она успокаиваетъ себя надеждой, что видитъ все это во снѣ: вѣдь грезилось ей, что она жила въ пещерѣ, и все это оказалось «созданьемъ мозга». Однако, трупъ передъ нею. Тогда она ищетъ успокоенія въ томъ, что не только мысли, но и физическія чувства вводятъ людей въ заблужденіе:

. . . Все сонъ внутри меня и внѣ,
И не въ мечтахъ, а въ чувствѣ.

Но несмотря на всѣ эти попытки успокоить себя, ея страхъ растетъ—и она убѣждается въ страшной дѣйствительности.

Стр. 349. Имогена: *Убійство въ небѣ?*

То есть: если убито созданіе столь божественное, то неужто и на небесахъ совершаются убійства?

Проклятія отчаянной Гекубы
На грековъ пусть разятъ тебя съ моими.

То есть проклятія престарѣлой троянской царицы Гекубы, которыми она осыпала грековъ, перебившихъ ея сыновей.

Стр. 350. Луцій: *Ты показалъ себя такимъ на дѣлѣ.*

Показалъ себя вѣрнымъ, такъ какъ Фиделіо—имя принятое Имогеной—означаетъ вѣрный.

Стр. 351. Пизаніо: *Ботъ безъ руля несетъ домой теченье.*

Если счастіе благопріятствуетъ человѣку, то теченіе и безъ руля принесетъ его домой.

Стр. 354. Постумъ:

Имъ скорѣй пристало
Подъ музыку плясать, чѣмъ биться въ сѣчѣ.

Въ подлинникѣ говорится не о пляскѣ, а о состязаніи въ бѣгѣ, обычномъ у тогдашнихъ крестьянъ; объ ихъ простой одеждѣ, а не объ ихъ молодости говоритъ здѣсь Постумъ.

Стр. 354. Постумъ:

Съ лицомъ на видъ красивѣй всякой маски,
Скрывающей стыдливость или прелесть.

Лица обоихъ годились бы для масокъ, какія внѣ дома носили современницы Шекспира изъ стыдливости или для сохраненія цвѣта лица («скрывающей.. прелесть»).

Стр. 355. 1-й тюремщикъ:

Теперь тебя никто здѣсь не украдетъ:
Пасись, коль есть трава.

По замѣчанію Джонсона, здѣсь тюремщикъ намекаетъ на обыкновеніе приковывать пасущихся лошадей за ногу.

Стр. 355. Постумъ: *А боги, вѣдь, добрѣй.*

Это мѣсто возбуждаетъ разныя толкованія. Деліусъ объясняетъ: простымъ заявленіемъ, что проступки мучаютъ ихъ, могутъ дѣти умилостивить своихъ земныхъ, «временныхъ» отцовъ; боги въ своей добротѣ не удовлетворяются этимъ и въ интересахъ грѣшника—требуютъ истиннаго раскаянія. Другіе понимаютъ эти слова иначе: Постумъ старается успокоить себя убѣжденіемъ, что, хотя онъ не можетъ исправить невозмѣстимое, онъ можетъ еще искупить его; если суровые заимодавцы удовлетворяются частью долга, то милостивые боги, получивъ отъ него все, что онъ въ силахъ дать, конечно, помилуютъ его:

Возьмите же меня, какъ свой чеканъ.

Если въ обиходѣ не взвѣшиваютъ каждую

монету, но принимаетъ ее по вычеканеннымъ на ней знакамъ, то тѣмъ болѣе должны боги принять малоцѣнную жизнь Постума, вычеканенную ими самими.

Теперь къ тебѣ въ молчаньи обращусь.

Съ богами онъ говорилъ громко, съ Имогеной молча. По мнѣнію Деліуса, логическое удареніе падаетъ въ этой фразѣ на слово *тебѣ*.

Стр. 356. *Торжественная музыка. Видѣніе.*

Въ вступительной статьѣ (стр. 302) уже указано общее мнѣніе всѣхъ критиковъ, что сцена видѣнія Постума принадлежитъ не Шекспиру; въ доказательство приводятъ стиль этой сцены, ея риѳмованный стихъ и внѣшнюю сложность ея постановки, мало соотвѣтствующіе художественнымъ и сценическимъ средствамъ великаго поэта. Должно однако отмѣтить, что Деліусъ не раздѣляетъ этого мнѣнія; эта, якобы вставленная впослѣдствіи, сцена необходима для развитія дѣйствія; ея стиль—обычный условный стиль традиціонныхъ «масокъ», т.-е. миѳологическихъ или аллегорическихъ представленій. Въ «Бурѣ» мы находимъ такую же «Masque», столь же подлинную и дающую намъ возможность отнести созданіе «Цимбелина» къ одной эпохѣ съ «Бурей».

Стр. 356. Мать:

Луцина мнѣ не помогла
И я въ мукахъ умерла.

Луцина — богиня дѣторожденія. Мать Постума умерла отъ родовъ.

Стр. 356. Младшій братъ:

Храня Тенанція права
И честь земли своей.

Тенанцій—отецъ Цимбелина.

Стр. 357. Сициній: *Сводъ мраморной сомкнулся.*

Небосводъ не разъ называется у Шекспира мраморнымъ.

Стр. 357. Постумъ: . . . *Но въ ней*
Подобіе судьбы моей несчастной.

Прорицаніе непонятно, но самая темнота его есть символъ странной, непослѣдовательной судьбы Постума.

Давно готовъ, почти ужъ пережарился.

Постумъ говоритъ о себѣ, какъ о блюдѣ, изготовленномъ для того, чтобы его съѣлъ кто-то.

Стр. 358. Тюремщикъ: *Ну, такъ ваша смерть съ глазами; я никогда не видывалъ, чтобъ ее такъ писали.*

Смерть изображается въ видѣ скелета съ пустыми впадинами вмѣсто глазъ.

Стр. 358. Цимбелинъ: (*Беларій, Гвидерій и Арвирагъ становятся на колѣни; Цимбелинъ посвящаетъ ихъ въ рыцари*).

Эта ремарка прибавляется далеко не всѣми изданіями. Въ подлинникѣ сказано: «Склоните колѣни. Встаньте, какъ мои рыцари, съ поля битвы». Деліусъ полагаетъ, что они посвящены въ рыцари еще на полѣ сраженія. Анахронизмъ посвященія древняго британца въ рыцари заимствованъ у Голиншеда, который разсказываетъ, какъ Цезарь въ Римѣ посвятилъ въ рыцари Цимбелина.

Стр. 359. Цимбелинъ: *Такъ взвѣсь теперь судьбу свою.*

То есть, приготовься къ смерти. Цимбелинъ, несомнѣнно, обращается не къ одному римскому полководцу, но ко всѣмъ военноплѣннымъ:

Стр. 359. Имогена:

Тутъ есть другое; вижу я, оно
Страшнѣе смерти мнѣ.

Она говоритъ о судьбѣ Постума.

Стр. 361. Іахимо: *Однажды въ Римѣ—о, несчастный часъ* и т. д.

Разсказъ Іахимо не вполнѣ совпадаетъ съ д. I., сц. 5, гдѣ Постумъ совсѣмъ не описываетъ красоты Имогены и другіе собутыльники также не изображаютъ своихъ красавицъ. Но все это дѣйствительно происходитъ въ новеллѣ Боккачіо, которою пользовался Шекспиръ.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА.

(The Winter's Tale).

Стр. 381. Герміона: *Вторымъ — на время друга.*

При этомъ Герміона протягиваетъ руку Поликсену; это указаніе прибавлено позднѣйшими издателями для объясненія дальнѣйшихъ словъ Леонта.

Стр. 381. Леонтъ: *О, какъ сердце трепещетъ.*

Въ подлинникѣ онъ говоритъ: «У меня tremor cordis (по латыни дрожаніе сердца): сердце мое пляшетъ», это ближе объясняетъ слѣдующія слова . . *не отъ радости, о, нѣтъ!*

Стр. 382. Леонтъ: *Зачѣмъ вздыхать, какъ раненый олень?*

Въ подлинникѣ онъ сравниваетъ свой вздохъ не со стономъ раненаго оленя, но съ мелодіей, которую играютъ на охотничьемъ рожкѣ, когда убитъ преслѣдуемый олень. Нѣмецкій переводъ Гильдемейстера употребляетъ здѣсь выраженіе «громовая музыка», употребляя намекъ, который слышится въ дальнѣйшихъ словахъ Леонта: «И сердце, и *мой лобъ* страдаютъ».

Стр. 382. *Герміона, Поликсенъ и свита уходятъ.*

Нѣкоторые полагаютъ, что они уходятъ уже послѣ словъ Леонта: *Я васъ вездѣ найду подъ солнцемъ.* Въ противномъ случаѣ, начиная со словъ *Ловля ужъ началась*, онъ говоритъ про нихъ въ сторону. Такъ у Деліуса.

Стр. 383. Леонтъ:

Есть звѣзды сводни—и подъ ихъ вліяньемъ
Весь свѣтъ: востокъ и западъ, югъ и сѣверъ.

Вообще планеты имѣютъ опредѣленное вліяніе на человѣческое поведеніе лишь при извѣстныхъ сочетаніяхъ. Но планета сводничества дѣйствуетъ во всякомъ положеніи и со всѣхъ точекъ небосвода: такова астрологія раздраженнаго Леонта.

Стр. 384. Леонтъ:

. . . *Тотъ, у кого*
Она виситъ на шеѣ, какъ медаль.

Подлинникъ не такъ рѣзокъ. По мнѣнію Леонта, Поликсенъ относится къ Герміонѣ, какъ къ медальону съ ея изображеніемъ, висящему на его шеѣ.

Стр. 385. Леонтъ:

Если ты не вѣришь,
Такъ будь же проклятъ.

Этимъ восклицаніемъ Леонтъ прерываетъ Камилло, не обращая вниманія на его увѣренія въ преданности.

Стр. 388. Мамиллій: . . . *Для зимы*
Печальныя подходятъ сказки.

Намекъ на заглавіе пьесы. Судя по одному мѣсту въ «Дидонѣ» Марло, полагаютъ, что на-

званіе зимней сказки вообще примѣнялось къ необычайной и чувствительной исторіи.

. . . Я буду тихо
Разсказывать, а то сороки слышать.

Въ подлинникѣ «сверчки». Такъ называетъ Мамиллій придворныхъ дамъ за ихъ неугомонность.

Стр. 389. Король (опечатка вм. *Леонтъ*, какъ раньше и послѣ):

. . . А то глупцы начнутъ
Ее вводить вездѣ, забывъ различье
Межъ королемъ и нищимъ.

Слѣдовало вм. прелюбодѣйка употребить еще болѣе грубое слово, но король останавливается, боясь, что и другіе станутъ примѣнять его къ высшимъ слоямъ общества.

. . . То вся земля не въ силахъ
Поднять простой волчекъ.

Въ подлинникѣ—центръ земной, который считался непоколебимой основой всего земного шара.

. . . Что же приказъ мой? Ну!...

Король обращаетъ эти слова къ слугамъ, которымъ онъ только что сказалъ *«въ тюрьму ее»* и которые медлятъ.

Стр. 390. Антигонъ:

О, если такъ, я въ хлѣвъ запру жену.

Это мѣсто вызвало разнообразныя толкованія. Нѣкоторые понимали слово stable не въ смыслѣ конюшни, а просто въ смыслѣ мѣстопребыванія и объясняли слова Антигона такъ: я буду всегда тамъ, гдѣ моя жена. Другіе понимали ихъ въ томъ смыслѣ, который переданъ переводомъ: если королева Герміона грѣшна, то нельзя вѣритъ ни одной женщинѣ.

Стр. 390. Леонтъ:

. . . Какъ ты видишь
И чувствуешь вотъ эту руку.

При этомъ Леонтъ хватаетъ Антигона, напр., за руку.

Не нужны намъ совѣты ваши.

Комментаторы обращаютъ вниманіе на близость этихъ словъ къ тону Елизаветы или Якова I въ ихъ отношеніяхъ къ парламенту.

Мы гонцовъ отправили въ святыя Дельфы.

Въ повѣсти Грина спросить дельфійскаго оракула предлагаетъ королева.

Стр. 392. Леонтъ: . . . *Онъ такъ*
Силенъ въ своемъ могуществѣ; въ союзѣ
Съ друзьями онъ.

У Грина Пандосто (Леонтъ) также не рѣшаетъ мстить Эгисту (Поликсену), такъ какъ тотъ имѣетъ много друзей и союзниковъ, между прочимъ своего тестя, русскаго императора.

Стр. 394. Паулина:

Будь я мужчиною, хоть самымъ слабымъ,
Мечомъ я убѣдила бъ васъ.

Конечно не насиліемъ, которое никого не убѣждаетъ, но въ судебномъ поединкѣ, въ то время обычнымъ видомъ процессуальнаго доказательства.

. . . По старой
Пословицѣ, до гадости похожа
Она на васъ.

Стаунтонъ нашелъ эту поговорку; она говоритъ о сынѣ: онъ такъ похожъ на отца, что это ему во вредъ. Первоначально, она, очевидно, примѣнялась къ дѣтямъ некрасивыхъ или непріятныхъ отцовъ.

Не попусти, чтобъ желчное сомнѣнье
Заставилъ бы (опечатка вм. заставило-бъ) *ее подозрѣвать,*
Что не отъ мужа дѣти у нея.

Какъ можетъ женщина подозрѣвать, что отецъ ея дѣтей не ея мужъ? Паулина очевидно желаетъ, чтобы дѣвочка, столь похожая во всемъ на своего истиннаго отца Леонта, не унаслѣдовала также его безсмысленной и болѣзненной подозрительности.

Стр. 395. Леонтъ:

. . . Иначе смерть
Тебѣ со всей семьей.

Въ подлинникѣ: «я отниму у тебя жизнь и все, что ты называешь своимъ». Нѣкоторые видѣли въ этомъ угрозу смертью и отобраніемъ имущества; но очевидно, угроза взбѣшеннаго Леонта идетъ дальше.

Съ Маргаритой, и своею повитухой.

Въ подлинникѣ Lady Margery—презрительное названіе простой женщины.

Стр. 397. Киломенъ: *Цвѣтущій край!*

Въ подлинникѣ Киломенъ, восхваляя Дельфы, говоритъ: «плодородный островъ»,—географическая нелѣпость, заимствованная Шекспиромъ у Грина и устраненная русскимъ переводчикомъ.

Стр. 399. Герміона:

Отцомъ моимъ былъ русскій императоръ.

У Грина русскій императоръ упоминается какъ отецъ жены Эгиста (Поликсена).

Стр. 399 Слуга:

. . . Принцъ—отъ страха и сомнѣнья
За королеву—въ вѣчность отошелъ.

Шекспиръ нашелъ нужнымъ дать естественное объясненіе смерти мальчика; у Грина она является сверхъестественнымъ слѣдствіемъ рѣшенія оракула.

Стр. 399. Судья (читаетъ): *Герміона—цѣломудренна; Поликсенъ безвиненъ* и т. д.

Ср. изреченіе оракула у Грина, приведенное въ вступительной статьѣ, на стр. 370.

Стр. 401. Паулина:

. . . Честь Камилло
Ты ядомъ запятнать хотѣлъ.

Мэлоне обращаетъ вниманіе на то, что Леонтъ лишь только что и въ отсутствіи Паулины сознался въ этомъ коварномъ намѣреніи.

Стр. 402. Паулина:

. . . Да, не вправѣ,
Да, виновата я и сознаюсь.

Рѣзкая перемѣна въ тонѣ Паулины, которая послѣ яростныхъ нападокъ на Леонта, вдругъ проситъ у него прощенія, въ достаточной степени объясняется его внезапною горестью. Вызвать его раскаяніе было цѣлью Паулины, которая тѣмъ болѣе имѣетъ основанія смягчиться что она вѣдь выдумала о смерти Герміоны.

Стр. 402. *Богемія. Дикій морской берегъ.*

Авторъ этой географической нелѣпости не Шекспиръ, а Гринъ.

Стр. 403. Антигонъ:

. . . Всѣ погибшей
Ее считаютъ. Пердитой ее
Ты назовешь.

Perdita значитъ по-латыни утерянная.

Стр. 404. Антигонъ: *Охота!*

Дословный переводъ; смыслъ выраженія подлинника (this is the chase)—«вотъ преслѣдуемый звѣрь».

Уходитъ преслѣдуемый медвѣдемъ.

У Шекспира, какъ и вездѣ, общее латинское выраженіе exit — уходитъ, удаляется. Антигонъ, конечно, не уходитъ, а убѣгаетъ.

Стр. 404. *Входитъ поселянинъ.*

Это сынъ пастуха, который въ спискѣ дѣй-

ствующихъ лицъ значится, какъ *Шутъ*. Это, однакоже, не означаетъ, что онъ у кого нибудь служитъ шутомъ: у Шекспира часто съ постояннымъ типомъ шута совпадаетъ какая нибудь эпизодическая фигура пьесы; таковы даже, напр., могильщики въ «Гамлетѣ». *Поселянинъ*, выступающій ниже (стр. 406), тотъ же Шутъ, сынъ пастуха. По англійски Clown означаетъ одновременно: и *шутъ* (клоунъ), и *деревенщина*.

Стр. 404. Пастухъ: *Хорошо было-бы, кабы не было никакого возраста между десятью и двадцатью тремя годами.*

Такъ какъ изданіе folio печатаетъ числа арабскими цифрами, то нѣкоторые предполагали опечатку и предлагали читать 19 или 16 вмѣсто 10, что болѣе соотвѣтствовало бы общему смыслу текста.

Помочь бы старику.

Многіе отмѣчали, однако, что пастухъ не знаетъ возраста Антигона и потому Теобальдъ предлагалъ читать вм. old man (старикъ) — nobleman (дворянинъ).

Пеленки-то: хоть господскому ребенку впору.

Въ подлинникѣ bearing-kloth — покрывало, въ которомъ несутъ ребенка къ крещенію.

Это, должно быть, похищенный ребенокъ.

Въ подлинникѣ changeling—дитя, похищенное или подмѣненное феями.

Стр. 405. *Входитъ Время, изображающее хоръ.*

Вѣрнѣе было бы: хоръ, изображающій Время. Идею олицетворить Время Шекспиру, очевидно, подсказало самое заглавіе повѣсти Грина, которая въ первомъ изданіи называлась «Пандосто, торжество времени».

Время: *Я вселяю ужасъ. Я — добро и зло.* Точнѣе: «Я радую добрыхъ и ужасаю злыхъ».

Стр. 406. Автоликъ *входитъ и поетъ.*

Болѣе близкій переводъ пѣсни Автолика, рисующей прелести его бродячей жизни, таковъ: «Когда зацвѣтутъ пролѣски (цвѣты) и «гей-гей» дѣвокъ пронесется по долинамъ, придетъ самое сладкое въ году и красная кровь воцарится въ предѣлахъ зимы. Полотно бѣлится на заборахъ, а милыя птички—какъ онѣ поютъ; воровскіе зубы острѣютъ отъ этого, и кварта эля становится напиткомъ короля. Жаворонокъ поетъ; «тирра-лирра», сорока и дроздъ кричатъ «гей-гей»; всѣ лѣтнія пѣсни для меня и моихъ дѣвокъ, съ которыми мы барахтаемся въ сѣнѣ».

Я промышляю простынями.

Точнѣе — «холстами», которые Автоликъ крадетъ весною, когда ихъ выставляютъ для бѣленія.

Автоликъ, какъ и я, родился подъ знакомъ Меркурія и былъ воришкой.

Въ греч. миѳологіи Автоликъ, сынъ Меркурія, былъ ловкимъ воромъ, о чемъ Шекспиръ читалъ у Овидія.

Стр. 407. Автоликъ: *Я, сударь, съ нимъ познакомился, играя въ фортунку.*

Въ подлинникѣ trol-my-dames (отъ франц. trou madame)—игра, въ которой надо попадать шарами въ отверстія, сдѣланныя въ доскѣ.

Впередъ, впередъ живѣе
Шагай черезъ плетенъ и т. д.

Это начало народной пѣсни, не принадлежащей Шекспиру и сохранившейся цѣликомъ въ одномъ сборникѣ 1651 года.

Стр. 408. Пердита: . . *Это рута*
И розмаринъ.

Въ цвѣточной символикѣ рута означаетъ милость и спасеніе, розмаринъ — вѣрность. Съ намеками на это значеніе раздаетъ ихъ и Офелія въ «Гамлетѣ».

Стр. 409. Пердита:
О, Прозерпина, гдѣ твои цвѣты,
Въ испугѣ оброненные тобою.

Овидій, извѣстный Шекспиру по переводу Гольдинга, разсказываетъ, какъ Прозерпина, когда ее увозилъ на своей колесницѣ богъ преисподней Плутонъ, въ испугѣ уронила только что сорванные цвѣты.

Стр. 410. Пердита:
. . *Точь въ точь*
Въ день Троицы актриса пасторали.

Намекъ на весенніе маскарады и представленія, о которыхъ говорится также въ «Двухъ веронцахъ» (д. IV, сц. 4).

Стр. 410. Пастухъ:
. . . *Но если женится Дориклъ,*
Получитъ то, чего ему не снилось.

Онъ имѣетъ въ виду приданое Пердиты — мѣшечекъ съ золотомъ, найденный вмѣстѣ съ нею.

Стр. 412. Автоликъ:
Перчатки, что розы въ Дамаскѣ.

Надушенныя перчатки были въ большомъ употребленіи у современницъ Шекспира. Дамаскъ славится своими розами.

Вотъ еще баллада о рыбѣ.

Такія баллады многочисленны въ шекспировское время. Мэлонъ полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о сочиненіи «Необычайное извѣстіе о чудовищной рыбѣ, явившейся въ видѣ женщины» (1604).

Стр. 414. Работникъ: *Говорятъ, что ихъ зовутъ задирами.*

Онъ хочетъ сказать—сатирами, но коверкаетъ это слово.

Стр. 414. Поликсенъ: *Старикъ! намъ только смерть даритъ прозрѣнье.*

Этими словами Поликсенъ обрываетъ разговоръ, который велъ со старикомъ во время всей предыдущей сцены.

Стр 416. Флоризель: . . . *Вы, Камилло?*

Онъ лишь здѣсь узнаетъ переодѣтаго Камилло и все еще сомнѣвается.

Стр. 419. Камилло: *Хотя его костюмъ и не плохъ, ты возьмешь его себѣ вотъ съ этой прибавкой.*

Шекспиръ забылъ, что принцъ Флоризель все еще не въ своемъ платьи, а въ костюмѣ пастуха.

Стр. 420. Поселянинъ: *Я ручаюсь, что это великій человѣкъ: онъ въ зубахъ ковыряетъ зубочисткой.*

Зубочистки были въ это время французской модой, лишь недавно перенесенной въ Англію. Ср. т. II, 555, примѣч. къ стр. 11.

Стр. 422. Автоликъ: *А я только посмотрю черезъ заборъ.*

Болѣе пристойное обозначеніе отправленія естественныхъ нуждъ.

Стр. 427. 3-й придворный: *Статуя . . . надъ которой трудился великій итальянскій мастеръ Джуліо Романо.*

Быть можетъ, Шекспиръ и полагалъ, что знаменитый живописецъ его времени, Джуліо Романо, былъ также скульпторомъ; онъ, во всякомъ случаѣ, зналъ, что во времена дельфійскаго оракула художникъ итальянскаго Возрожденія никакихъ картинъ не рисовалъ. Поэтому нѣтъ основанія упрекать его въ невѣжествѣ или вслѣдъ за нѣкоторыми комментаторами полагать, что Джуліо Романо на-

званъ здѣсь не какъ скульпторъ, вылѣпившій статую, но какъ живописецъ, раскрасившій изваяніе Герміоны.

Онъ могъ бы соперничать съ природой.

Въ подлинникѣ: «онъ лишилъ бы природу ея заказчиковъ».

Стр. 432. Герміона: . . *Я знала*

Черезъ Паулину, что сказалъ оракулъ.

Это не точно: Герміона сама была при томъ, какъ читали изреченіе оракула.

БУРЯ.

(The Tempest).

Стр. 449. Капитанъ: *Хорошо.*

Англійское good — здѣсь не восклицаніе «хорошо», какъ думали многіе (также нѣмецкіе) переводчики, но обращеніе къ боцману—«любезный», «другъ» и т. п.

Близкое знакомство съ мореходнымъ дѣломъ, высказанное Шекспиромъ въ этой сценѣ, выяснено лордомъ Мюльгрэвомъ, который показалъ, какъ послѣдовательно и ясно выражаютъ приказанія боцмана и капитана критическое положеніе судна. Эти слова команды не только умѣстны въ данныхъ условіяхъ, но они — единственныя возможныя. Особенно любопытенъ приказъ боцмана — *Опускай брамстеньгу*: во времена Шекспира это былъ пріемъ, только что изобрѣтенный и признаваемый далеко не всѣми спеціалистами. Книгъ объ этихъ предметахъ не было, и Шекспиръ, очевидно, узналъ о нихъ изъ бесѣдъ съ знатоками морского дѣла.

Стр. 451. Просперо:

Покойся здѣсь, ты символъ чаръ моихъ.

«Покойся, мое искусство», — говоритъ онъ въ подлинникѣ. Стивенсъ напоминаетъ по этому поводу: «Лордъ Бурлей, казначей королевы Елизаветы, сбрасывая по вечерамъ свое должностное платье, говорилъ: полежи, лордъ казначей».

Стр. 454. Просперо: *Но встану я.*

Таковъ дословный переводъ выраженія, смыслъ котораго остается невыясненнымъ. По мнѣнію Блэкстона слова эти произноситъ Миранда, на что Просперо отвѣчаетъ ей: *Сиди и слушай.* Стивенсъ полагаетъ, что Просперо встаетъ, выражая этимъ повышенный интересъ своего дальнѣйшаго разсказа. По указанію, прибавленному Дайсомъ, Просперо здѣсь снова облачается въ свою волшебную мантію. Стаунтонъ полагаетъ, что эти слова обращены къ Аріэлю.

. *Скорѣй предайся сну—*

Онъ принесетъ тебѣ успокоенье.

Въ подлинникѣ онъ говоритъ: «это хорошій сонъ». Комментаторы, ссылаясь на прежніе настойчивые вопросы Просперо: *Но слушай же, Миранда* (стр. 452), *Ты не слышишь?* (стр. 453) и т. п., утверждаютъ, что Миранда усыплена отцомъ.

Стр. 464. Аріэль:

На стеньги, марсъ, на реи, на бугсприть

Нежданное бросалъ я пламя.

Рѣчь идетъ объ электрическомъ свѣтовомъ явленіи, извѣстномъ подъ названіемъ огней св. Эльма; это огоньки, появляющіеся во время грозъ на остроконечныхъ и возвышенныхъ мѣстахъ. При Шекспирѣ ихъ считали дѣйствіемъ духовъ.

Стр. 455. Просперо: *Такъ, склянки на двѣ.*

То есть на два часа. Въ морскомъ обиходѣ и теперь каждый часъ «бьютъ склянки».

Такъ ты забылъ, чѣмъ ты обязанъ мнѣ.

По народному повѣрью падшіе духи обитали въ стихіяхъ; самыми недоброжелательными считались духи земли, жившіе въ пещерахъ и пропастяхъ (Калибанъ), болѣе милостивыми представлялись духи огня и воздуха; ихъ можно было покорять своей волѣ, но они страдали отъ этого. Отсюда просьбы Аріэля о свободѣ.

Стр. 456. Просперо:

Но за одно какое-то дѣянье

Чтобъ наградить, оставили ей жизнь.

Точнѣе: «по одной причинѣ ее оставили въ живыхъ . . Деліусъ полагаетъ, что объясненія этой причины надо искать въ дальнѣйшихъ словахъ Просперо о томъ, что въ это время у нея былъ сынъ: Сикораксу не убили въ Алжирѣ, потому что у нея былъ ребенокъ.

Въ то время былъ у синеглазой сынъ.

Синіе бѣлки или синяки подъ глазами — обычный признакъ вѣдьмы.

. . *Отъ исполненья*

Ея земныхъ, неистовыхъ затѣй.

Земныхъ — earthy — грубыхъ, пошлыхъ, похотливыхъ.

Стр. 457. Калибанъ:

. . . *Пусть вредная роса,*

Которую сбирала Сикоракса

Перомъ вороньимъ.

Въ книгѣ «De proprietatibus rerum (1582), вѣроятно, извѣстной Шекспиру, говорится о вороньихъ перьяхъ вѣдьмъ. Здѣсь упоминается греческое названіе ворона corax, которое могло быть источникомъ имени Сикораксы. Въ той же книгѣ говорится о вредоносномъ и горячемъ южномъ вѣтрѣ, о которомъ ниже говоритъ Калибанъ:

Пусть знойный вѣтеръ юга

. . *Струпьями покроетъ ваше тѣло.*

Стр. 457. Просперо: *И исщипать тебя, какъ сотъ медовый.*

Чтобы укусы такъ плотно покрывали его тѣло, какъ ячейки въ сотахъ.

Стр. 458. Калибанъ: *Ого-го-го!*

Это не обычное восклицаніе: O ho! — характерный возгласъ дьявола въ старой англійской мистеріи.

Пусть поразитъ васъ красная болѣзнь.

Нѣкоторые думаютъ, что эта «красная болѣзнь», не разъ упоминаемая Шекспиромъ, есть рожа.

Что Сетебосъ, богъ матери моей.

Дьяволъ патагонцевъ, о которомъ Шекспиръ могъ читать въ Edew's Historye of Travayle in the West und East Jndies. (Въ вступит. статьѣ на стр. 438 по ошибкѣ напечатано Сатебосъ).

Стр. 458. *Является* Аріэль *невидимкою.*

Невидимкою, конечно, лишь для дѣйствующихъ лицъ. Вѣроятно, это отмѣчалось условнымъ платьемъ. Въ старинномъ спискѣ театральнаго гардероба (1598), между прочимъ, значится «костюмъ для невидимки».

Стр. 459. Фердинандъ:

Увы! Король Неаполя ужъ слышитъ,

Какъ плачу я.

Утонувшій король Неаполя—его отецъ—обратился въ духа и слышитъ его съ того свѣта.

И герцогъ съ нимъ миланскій, и его

Прекрасный сынъ—погибли всѣ.

Очевидная ошибка поэта, такъ какъ ниже, гдѣ являются на сцену всѣ спасенные отъ ко-

раблекрушенія, никакого сына миланскаго герцога нѣтъ. Отвѣтъ Просперо покоится на томъ, что единственнымъ подлиннымъ герцогомъ миланскимъ онъ считаетъ себя.

Стр. 460. Просперо:

Боюсь, что вы обидѣли себя.

Объявивъ себя неаполитанскимъ королемъ, Фердинандъ напрасно обидѣлъ себя, такъ какъ онъ не осиротѣлъ и отецъ его живъ.

Стр. 460. Фердинандъ *(вынимаетъ мечъ)*.

Въ изданіи folio прибавлено: «и цѣпенѣетъ отъ движенія» (чародѣя Просперо).

Стр. 426. Себастіанъ: *Закладъ я уплатилъ.*

Изд. folio приписываетъ эти слова Антоніо. Но такъ какъ Адріанъ первый началъ споръ, старый пѣтухъ запѣлъ раньше, то Антоніо выигралъ, а Себастіанъ платилъ—смѣхомъ.

Стр. 462. Антоніо: *Да, умѣренность нѣжная женщина.*

Непереводимая игра словъ. Говоря о климатѣ острова, Адріанъ вм. temperature употребляетъ вычурное выраженіе temperance, которое Антоніо принимаетъ за имя какой-то своей знакомой и подтверждаетъ: Да, Темперенція нѣжная женщина.

Стр. 462. Гонзало: *Конечно, нѣтъ, со временъ вдовы Дидоны.*

Благодаря Гоуэру, Чосеру и особенно Марло (драма Dido, Queen of Cartage) Дидона, царица Карѳагена и покинутая возлюбленная Энея сдѣлалась въ шекспировской Англіи популярнымъ образомъ; у Шекспира особенно часты намеки на нее.

Стр. 462. Антоніо: *Его языкъ точно волшебная флейта.*

Въ подлинникѣ волшебная арфа: намекъ на арфу Зевесова сына Амфіона, по чародѣйственнымъ звукамъ которой камни сами сложились въ стѣны ѳиванской крѣпости. Имъ подобенъ языкъ Антоніо, однимъ звукомъ соединившій Карѳагенъ съ Тунисомъ.

Стр. 463. Гонзало: *Въ самомъ дѣлѣ?*

Ироническое «Ау?—Въ самомъ дѣлѣ»—которымъ Гонзало заканчиваетъ остроты придворныхъ; въ редакціи Staunton'а вложено въ уста королю Алонзо въ видѣ вздоха, съ которымъ онъ пробуждается отъ своего глубокаго раздумья.

Стр. 463. Францискъ:

Казалося, самъ берегъ понижалъ
Избитое волнами основанье,
Чтобы принять его.

Смыслъ подлинника таковъ: нижняя часть берега подрыта волнами и верхняя свѣшивается надъ нею. Казалось, что она склоняется еще болѣе къ водѣ, чтобы приблизиться къ плывущему Фердинанду.

Стр. 464. Гонзало.

Въ противность всѣмъ извѣстнымъ учрежденьямъ
Развилъ бы я республику мою.

Это сатирическое изображеніе государственной утопіи опирается—въ нѣкоторыхъ частяхъ, вплоть до обѣщанія Гонзало затмить своимъ правленіемъ золотой вѣкъ, дословно на одно мѣсто изъ «Опытовъ» Монтэня, а именно изъ гл. 30, кн. I, озаглавленной «О каннибаллахъ»; этотъ заголовокъ могъ навести на имя Калибана. Въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ хранится экземпляръ англійскаго перевода «Опытовъ» Монтэня (1603 г. пер. Флоріо), принадлежавшій самому Шекспиру съ его собственноручной надписью «Willm. Shakspere»

Стр. 464. Себастіанъ: *И пошли бы въ потемкахъ на охоту за птицами.*

Намекъ на употребительный при Шекспирѣ способъ охоты на птицъ ночью при факелахъ, подробно описанный въ современной поэту книгѣ «Markham's Hunger's Prevention» (1600).

Стр. 466. Антоніо:

Нѣтъ, пусть она останется въ Тунисѣ
И бодрствуетъ, проснувшись, Себастьянъ!

Эти слова также должны быть заключены въ кавычки, такъ какъ въ подлинникѣ они принадлежатъ къ возгласамъ «каждаго фута пространства», взывающаго къ Кларибеллѣ: Оставайся въ Тунисѣ, пусть Себастьянъ не спитъ.

Стр. 468. Калибанъ:

Они толпой преслѣдуютъ меня.

Дальнѣйшее описаніе мученій, причиняемыхъ духами, заимствовано изъ той же книги Harsett's Declaration of Popish Impostures, откуда Шекспиръ черпалъ соотвѣтственныя свѣдѣнія для разсказовъ Эдгара-Тома въ «Королѣ Лирѣ».

Стр. 468. *Странная рыба? Если бъ я былъ теперь въ Англіи* и т. д.

Странныя животныя и рыбы выставлялись на показъ и привлекали толпы любопытныхъ. Ср. разсказъ Автолика въ «Зимней сказкѣ».

Заплатятъ десять, чтобы взглянуть на мертваго индійца.

Также за деньги показывали привезенныхъ изъ-за моря дикарей, не только живыхъ, но также набальзамированныхъ покойниковъ и чучела.

Стр. 469. Стефано: *Нѣтъ ли здѣсь чертей? Не вздумали ль они для потѣхи наряжаться дикими или индійскими людьми?*

Уарбертонъ видитъ въ этомъ насмѣшку надъ росказнями Мандевиля, который въ описанія своихъ путешествій внесъ всѣ баснословные разсказы Плинія объ одноглазыхъ, одноногихъ, безголовыхъ людяхъ и т. п.

Обо мнѣ не даромъ говорили: «самый твердый человѣкъ, который когда-либо ходилъ на четверенькахъ» и т. д.

Стефано принимаетъ за четвероногое чудище сцѣпившихся Тринкуло и Калибана и сообразно этому измѣняетъ пословицу, которая говоритъ о твердомъ человѣкѣ на *двухъ* ногахъ.

За сколько бы я его ни продалъ, все будетъ слишкомъ дешево.

По объясненію Босвелля, Стефано говоритъ иронически: возьму за него, сколько могу; Мэлонъ, наоборотъ, толкуетъ эти слова такъ: сколько я ни получу за него, все будетъ слишкомъ много, то-есть онъ ничего не стоитъ: объясненіе, прямо противоположное принятому переводчикомъ.

Вотъ это развяжетъ твой языкъ, котенокъ.

Намекъ на англійскую пословицу: отъ хорошей выпивки и кошка заговоритъ.

Стр. 470. Стефано: *Уйти отъ него поскорѣе: у меня нѣтъ длинной ложки.*

Намекъ на англійскую пословицу: кто ѣстъ съ чортомъ, долженъ запастись длинной ложкой.

Стр. 470. Калибанъ!

Тебя, твою собаку и твой кустъ
Миранда мнѣ показывала часто.

Пятна на лунѣ, дѣлающія ее схожей съ человѣческимъ лицомъ, объяснялись средневѣковымъ воображеніемъ по своему; нѣкоторые видѣли въ «лунномъ человѣкѣ» Каина, нѣкоторые израильтя-

нина, собиравшаго въ субботу дрова и зато побитаго камнями. Быть можетъ, въ связи съ этимъ «лунный человѣкъ», бывшій постояннымъ типомъ старо-англійской сцены, изображался здѣсь съ вырваннымъ кустомъ или связкой хвороста на спинѣ и съ собакою. Ср. «Сонъ въ лѣтнюю ночь», д. V, сц. I.

Стр. 472. Фердинандъ: *Есть радости, что связаны съ мученьемъ.*

Въ подлинникѣ: «Есть игры, связанныя съ напряженіемъ».

Стр. 472. Миранда: *Оно въ огнѣ заплачетъ оттого.*

Намекъ на капли воды, выступающія въ огнѣ изъ сырого дерева.

Стр. 472. Фердинандъ: *Чудесная Миранда.*

Въ подлинникѣ игра словъ: Admired Miranda—оба слова происходятъ отъ одного корня и оба означаютъ: возбуждающая удивленіе.

Стр. 474. *Входятъ* Стефано *и* Тринкуло; *за ними* Калибанъ.

Въ согласіи съ изд. folio Дайсъ исправилъ это указаніе: впереди, какъ и было указано въ концѣ прошлаго акта, идетъ Калибанъ, указывающій путь, а за нимъ уже Стефано и Тринкуло.

Стр. 474 Тринкуло: *Намѣстникомъ—пожалуй, а знаменосцемъ ему не быть.*

Игра словъ: standard значитъ и знаменосецъ и прямо растущее дерево, между тѣмъ Калибанъ пьянъ.

Стр. 474. Калибанъ: *Лжешь ты самъ, насмѣшникъ—обезьяна.*

Такъ называетъ Калибанъ Тринкуло, которому приписываетъ слова Аріэля.

Стр. 476. Калибанъ:

Заставь его уснувшимъ, постарайся
Ты книгами сначала овладѣть.

Книги съ волшебными формулами считались вмѣстилищемъ и орудіемъ тайной мудрости.

Стр. 476. Тринкуло: *Это голосъ нашей пѣсни, наигрываемой господиномъ Никто.*

Никто—комическая фигура на популярной въ то время каррикатурѣ-вывѣскѣ. Тринкуло называетъ такъ музыканта, такъ какъ Аріэль невидимъ.

Стр. 477. Стефано: *Я хочу непремѣнно видѣть этого барабанщика.*

О духѣ, заманивающемъ путниковъ звуками барабана, Шекспиръ могъ читать въ путешествіи Марко Поло, англійскій переводъ котораго былъ сдѣланъ Фрамитономъ (1579).

Стр. 477. Алонзо: *О, что за звукъ? Послушайте, друзья!*

Эти слова Алонзо произноситъ еще до появленія «масокъ»; при появленіи ихъ говоритъ:

О, небеса, предохраните насъ.

И наконецъ, когда онѣ исчезаютъ:

Кто это былъ?

Стр. 477. Себастіанъ:

. . Живыя существа.

Въ подлинникѣ онъ говоритъ a living drollery—живая потѣха; такъ назывались представленія, гдѣ пьесы, написанныя для кукольнаго театра, исполнялись живыми людьми.

Что дерево какое-то растетъ
Въ Аравіи и служитъ будто трономъ
Для феникса.

Плиній разсказываетъ о чудесномъ деревѣ, которое умираетъ вмѣстѣ съ живущей на немъ и отъ него получившей названіе птицей фениксъ, которая затѣмъ возрождается.

Стр. 478. Гонзало:

Что горцы есть,... у которыхъ къ горламъ
Прикрѣплены мясистые мѣшки.

Обыкновенный зобъ, столь обычный у альпійскихъ горцевъ. казался въ Шекспировской Англіи столь необыкновеннымъ явленіемъ, что его приравнивали къ баснословнымъ людямъ съ лицомъ на груди, о какихъ разсказывалъ Отелло (д. I, сц. 3).

Придется вѣрить тѣмъ,
Которые, изъ странствій возвратившись,
О чудесахъ разсказываютъ намъ.

Въ подлинникѣ говорится о чудесахъ «за которые ручаются застраховавшіеся въ пять разъ». Такъ Шекспиръ называетъ путешественниковъ въ далекія страны въ связи съ обычаемъ, по которому всякій, отправлявшійся въ далекое путешествіе, вносилъ извѣстную сумму въ видѣ страховки: онъ терялъ ее, если погибалъ, и получалъ въ упятеренномъ размѣрѣ, если оставался цѣлъ.

Является Аріэль въ видѣ Гарпіи.

Идея изобразить Аріэля Гарпіей—миѳологическимъ чудовищемъ—могла быть подсказана Шекспиру Виргиліемъ.

Стр. 458. Просперо:

. . . И въ самомъ изступленьи
Своемъ ты былъ такъ нѣженъ и хорошъ.

Въ подлинникѣ говорится, что Аріель былъ хорошъ, поглощая явства.

Стр. 482. Церера:

Съ тѣхъ поръ, какъ стала жертвою Плутона
По милости ихъ козней дочь моя.

Прозерпина, дочь Цереры, унесена влюбленнымъ въ нее Плутономъ въ его царство—преисподнюю.

Стр. 482. Ириса: *Сынъ и она на Паѳосъ пронеслись.*

По ошибкѣ вм. Паѳосъ—мѣстопребываніе Венеры.

Стр. 485. Тринкуло: *О, король Стефано, о благородный Стефано.*

Намекъ на популярную балладу о *скупомъ* королѣ Стефанѣ. Въ «Отелло» ее поетъ Яго.

Ну вотъ теперь кафтанъ подъ веревкой.

Въ дальнѣйшемъ діалогѣ рядъ непереводимыхъ и отчасти непристойныхъ каламбуровъ.

Стр. 487. Просперо:

Васъ эльфы горъ, источниковъ, лѣсовъ.

Въ этомъ заклинаніи Шекспиръ заимствовалъ кой что изъ заклинанія Медеи у Овидія.

Стр. 488. Просперо: *Ну, хорошо.*

По мнѣнію Деліуса, эти слова относятся къ помощи, которую Аріэль оказываетъ Просперо при переодѣваніи. Другіе видятъ въ нихъ утвердительный отвѣтъ Просперо на просьбы Аріэля о свободѣ.

Стр. 492. Стефано, *Coragio, глупое чудовище, coragio.*

Это итальянское выраженіе—смѣлѣе!—было въ модѣ въ шекспировской Англіи.

Стр. 492. Калибанъ:

О какъ хорошъ мой старый господинъ.

Калибанъ никогда не видѣлъ Просперо въ герцогскомъ одѣяніи.

Стр. 493. Эпилогъ:

И бремя узъ падетъ отъ вашихъ рукъ.

Эти намеки на желательныя рукоплесканія публики заключаются почти во всѣхъ эпилогахъ шекспировскихъ драмъ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VIII.

(King Henry VIII).

Стр. 507. Прологъ:
Одни охотники до пьесъ смѣшныхъ, безчинныхъ,
До разныхъ молодцовъ въ кафтанахъ пестрыхъ, длинныхъ.

Эти пестрые балахоны, къ которымъ подлинникъ прибавляетъ еще желтую строчку, — обычный нарядъ театральныхъ шутовъ, которыхъ не будетъ въ этой серьезной и торжественной пьесѣ.

Стр. 508. Норфолькъ: *Я видѣлъ ихъ межъ Гейнесомъ и Ардомъ.*

Города въ Пикардіи, первый принадлежалъ англичанамъ, второй—французамъ. Въ расположенной между ними Ардской долинѣ, о которой упоминается выше, произошло знаменитое и пышное свиданіе королей англійскаго и французскаго.

Стр. 508. Норфолькъ: *А завтра англичане превращались вдругъ въ Индію.*

Въ подлинникѣ Англія превращалась въ Индію. Англичане были такъ усыпаны драгоцѣнностями, точно ихъ отечествомъ была Индія, родина драгоцѣнныхъ камней.

Стр. 508. Норфолькъ:
Такъ что ихъ
И самый трудъ румянилъ мило.

Обремененныя тяжелыми и драгоцѣнными уборами, дамы раскраснѣлись, какъ будто нарумяненныя. Напыщенный оборотъ, характерный для придворной изысканности елизаветинской эпохи.

Стр. 508. Норфолькъ:
Которыя насъ заставляли вѣрить
Всѣмъ сказочнымъ преданьямъ, даже сказкѣ
Про Бевиса.

Подвиги рыцарей были такъ невѣроятны, что внушали вѣру даже въ баснословные разсказы о богатырѣ Бевисѣ, саксонцѣ, побѣдившемъ въ поединкѣ великана Аскапарта и получившемъ отъ Вильгельма Завоевателя графскій титулъ.

Стр. 509. Букингэмъ: *Не диво ли, что этотъ сальный комъ.*

Въ подлинникѣ «мясной комъ», по предположенію Стивенса — одинъ изъ нѣсколькихъ, встрѣчающихся въ этой пьесѣ, намековъ на происхожденіе Вольсея, который былъ сыномъ мясника.

Стр. 510. Букингэмъ: *О, многіе себѣ сломали спины, взваливъ на нихъ помѣстья всѣ свои.*

То-есть многіе, потративъ все свое состояніе на роскошныя одѣяніе и вооруженіе, пали подъ ихъ тяжестью, т.-е. раззорились.

Стр. 510. Букингэмъ:
Когда затѣмъ ужасный ураганъ
Послѣдовалъ.

Хроника Голлиншеда сообщаетъ: «въ понедѣльникъ 18 іюня разразилась страшная буря, которую многіе приняли за предсказаніе неминуемыхъ раздоровъ и распри между государями».

Стр. 510. *Входитъ кардиналъ Вольсей. Впереди него несутъ кошель.*

Въ кошелѣ этомъ находится государственная печать, которою онъ завѣдуетъ въ качествѣ хранителя печати. О пышности, съ которой кардиналъ появлялся при исполненіи своихъ обязанностей, Голлиншедъ и другіе источники Шекспира разсказываютъ: когда онъ шествовалъ къ суду, онъ былъ облаченъ въ пурпурную тафту съ собольей оторочкой; въ рукахъ онъ держалъ пустой апельсинъ, содержащій губку, пропитанную ароматическимъ уксусомъ, — чтобы предохранить себя отъ дурного запаха въ переполненныхъ залахъ. Государственную печать, кардинальскую шапку и два большихъ епископскихъ креста несли передъ нимъ; два кавалера съ обнаженными головами шли впереди, восклицая: «Дорогу его лордской милости»... За ними слѣдовали скиптроносцы и драбанты съ вызолоченными аллебардами. Затѣмъ слѣдовалъ онъ самъ на мулѣ съ красной попоной и съ золотыми стременами. Шествіе заключала длинная вереница лордовъ и джентльменовъ.

Стр. 510. Вольсей: *А! гдѣ-жъ допросъ?*

То-есть протоколъ о показаніяхъ управляющаго Букингэма.

Стр. 510. Букингэмъ: *Песъ мясника наполнилъ ядомъ пасть.*

Это прозваніе Вольсея — сына мясника — было въ ходу еще въ его время.

Стр. 511. Букингэмъ:
. . Да, нищая порода
Предпочтена дворянской крови.

Въ подлинникѣ: «книга нищаго выше знатной крови», т.-е. ученость незнатнаго Вольсея оказывается выше породы благороднаго Букингэма.

Надменное нахальство
Ипсвичскаго мерзавца.

Вольсей былъ родомъ изъ города Ипсвича.

Душа и санъ
Другъ друга въ немъ взаимно заражаютъ.

Министръ въ Вольсеѣ портитъ человѣка, человѣкъ портитъ министра.

Сцена II. Стр. 513. Король:
Ужъ я стоялъ подъ выстрѣлами бунта
Смертельнаго—вы разогнали ихъ.

Такъ фигурально выражается король о предполагаемомъ заговорѣ Букингэма, сравнивая его съ заряженной пушкой.

Стр. 516. Управитель:
Мы были въ домѣ Розы—
Лаврентія Поултнейскаго приходъ.

Въ старомъ Лондонѣ, — какъ и въ другихъ городахъ,—дома обозначались по эмблемамъ и названіямъ; указывались и приходы, здѣсь—церкви св. Лаврентія.

Стр. 516. Управитель: *Однажды въ Гринвичѣ милорду былъ данъ выговоръ за Бломера Вильяма.*

Голлиншедъ относитъ къ 1520 г. слѣдующее сообщеніе: «Король, засѣдая въ Звѣздной Камерѣ въ судѣ, порицалъ рыцаря Сэра Вильяма Бломера за то, что тотъ, несмотря на присягу, отказался отъ королевской службы и поступилъ къ герцогу Букингэму; но въ заключеніе король простилъ его».

Стр. 517. Камергеръ: *. . . Что самый носъ его*
Совѣтникомъ Пепина иль Клотара
Еще служилъ.

Англичане въ поѣздѣ научились придавать себѣ видъ опытныхъ и старыхъ государственныхъ мужей, точно они служили еще при древнихъ короляхъ франковъ—Пипинѣ и Лотарѣ.

Стр. 517. Камергеръ: *Я никогда не думалъ бы, что чары* и т. д.
Французскія . . . . .

О разнообразныхъ модахъ, вывезенныхъ молодыми англичанами изъ Франціи, Голлиншедъ разсказываетъ: «эти молодые люди, возвратившись въ Англію, обратились совсѣмъ во французовъ не только въ ѣдѣ, питьѣ и платьи, но и въ порокахъ и хвастовствѣ, такъ что, сдѣлались посмѣшищемъ для всѣхъ сословій родины. Они оскорбляли благородныхъ женщинъ, и все, что было не по французскому образцу, вызывало ихъ порицаніе».

Стр. 558. Екатерина:

Что, Паціенца, послано письмо,
Которое я написать просила?

Письмо это, сообщенное Голлинщедомъ въ извлеченіи, сохранилось въ «Жизни Генриха VIII» Герберта.

Стр. 558. Екатерина: *Не стоила-бъ прекраснѣйшаго мужа, хоть родомъ будь онъ истый дворянинъ.*

Мэлонъ толковалъ слова подлинника въ томъ смыслѣ, что Екатерина проситъ короля выдать ея прислужницъ за дворянъ. Но дѣйствительное письмо Екатерины не даетъ на это права.

Стр. 560. Гардинеръ: *Да; съ Суффолькомъ играетъ онъ въ примеро.*

Primero или prima vista—при Шекспирѣ любимая карточная игра, правила которой неизвѣстны.

Стр. 565. *Наверху въ окнѣ показываются король и Ботсъ.*

На Шекспировскомъ театрѣ король показывался въ одномъ изъ двухъ оконъ балкона. Затѣмъ Ботсъ задергивалъ занавѣску подъ балкономъ—и изъ-за нея позже выходилъ разгнѣванный король.

Стр. 566. Гардинеръ:

Германскіе сосѣди показали
Такой примѣръ печальный.

Гардинеръ намекаетъ на возстаніе саксонскихъ и тюрингенскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ реформатора Томаса Мюнцера (1524 г.).

Стр. 568. Король:

Я думаю, что рады были бъ вы
Не тратиться на ложки.

Дюжина серебряныхъ вызолоченныхъ ложекъ была обычнымъ подаркомъ крестнаго отца. Онѣ назывались «апостольскими ложками», такъ какъ на ручкахъ ихъ были изображенія двѣнадцати апостоловъ.

Стр. 569. Привратникъ: *Никакъ вы королевскій дворъ приняли за Парижскій садъ.*

Названіе Парижскаго сада носила мѣстность въ Лондонѣ на южномъ берегу Темзы неподалеку отъ шекспировскаго «Глобуса». Во времена Ричарда II Робертъ Парижскій завелъ здѣсь медвѣжьи бои, которые оставались любимымъ развлеченіемъ мѣстнаго населенія.

Стр. 570. Помощникъ: *Да вѣдь я не Самсонъ, не сэръ Гугъ, не Кольбрандъ.*

Три знаменитыхъ силача: Самсонъ изъ Ветхаго Завѣта, сэръ Гуго (Guy) графъ Варвикъ и побѣжденный имъ въ турнирѣ датскій великанъ Кольбрандъ.

Стр. 570. Привратникъ: *Что это—Мурское поле, что ли?*

Мурфильдъ—большое поле на сѣверѣ Сити—предназначенное для военныхъ упражненій городской милиціи, было такою же приманкою для любопытныхъ, какъ какой-нибудь индійскій дикарь, какихъ тогда показывали въ Лондонѣ. На послѣднихъ намекъ также въ «Бурѣ» (д. II, сц. II)

Стр. 570. Помощникъ:

Онъ долженъ быть мѣдникъ, потому что, клянусь совѣстью, у него въ носу царствуетъ теперь двадцать каникулярныхъ дней.

Намеки на красный носъ любопытнаго.

Пока ея приплюснутая миска не полетѣла съ ея головы.

Женщины изъ народа носили чепцы, напоминающіе миски.

Къ ней на помощь кинулось человѣкъ сорокъ палочниковъ—надежда Странда.

Страндъ—людная улица Лондона: здѣсь было много той буйной молодежи изъ простонародья, о которой говоритъ ниже привратникъ.

Стр. 570. Привратникъ: *Кромѣ товерильскаго цеха да членовъ Лаймгоуза.*

Шумъ, который поднимаютъ въ партерѣ молодые бездѣльники, дерущіеся изъ-за обгрызаннаго яблока, брошеннаго имъ изъ хорошихъ мѣстъ, такъ великъ, что его могутъ стерпѣть лишь столь смиренные люди, какъ пуритане, собирающіеся у Тоуэра и въ Лаймгоузѣ—въ двухъ миляхъ по Темзѣ отъ Лондона.

Я засадилъ уже въ Limbo Patrum.

In limpo patrum—въ преддверіи ада, здѣсь—въ тюрьмѣ.

Стр. 570. Камергеръ:

Я васъ упрячу
Недѣль на восемь въ ближнюю тюрьму.

Въ подлинникѣ болѣе опредѣленно: онъ грозитъ заставить ихъ играть (исполнять принудительныя работы) въ тюрьмѣ Марчельзи.

Стр. 571. Король: *У васъ, моихъ достойныхъ воспріемницъ, рука щедра ужъ слишкомъ.*

Хроникеръ разсказываетъ: «архіепископъ кэнтерберійскій подарилъ новорожденной принцессѣ золотую чашу; герцогиня Норфолькъ золотую чашу съ жемчугомъ; маркиза Дорсетъ три вызолоченныхъ чаши» и т. д.

Стр. 571. Кранмеръ: *Саба*
Во весь свой вѣкъ такъ не любила мудрость.

Царица Савская,—извѣстная своимъ умомъ почитательница Соломона Мудраго.

Творца земли познаютъ всѣ, какъ должно.

Намекъ на религіозную реформу, проведенную въ правленіе Елизаветы.

И новые народы создадутъ.

Намекъ на заселеніе Виргиніи въ Сѣв. Америкѣ, въ 1612 г. получившей отъ Якова II новыя учрежденія.

Стр. 572. Эпилогъ:

Вѣдь, былъ бы стыдъ и срамъ,
Чтобъ эти господа молчаніе хранили,
Когда бы дамы ихъ похлопать попросили.

Призывами къ рукоплесканіямъ зрительницъ кончаются также «Какъ вамъ угодно» и «Генрихъ IV», ч. II.

РИСУНКИ.

I.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

III.

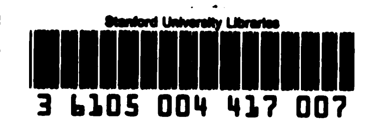
Фотогравюры и хромолитографіи.

Оглавленіе IV-го тома.

Книжная рамка эпохи Ренессанса. (Базельская мастерская Іоганна Фробена, 1515 г. по рисунку Urs Graf'a).

Stanford University Libraries
3 6105 004 417 007